DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/lektsiiporusskom41taga

Lekcii po russkomu ugolovnomu pravu

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ,

ЧИТАННЫЯ

Н. С. Таганцевымъ,

сенаторомъ, докторомъ уголовнаго права, почетнымъ членомъ
университетовъ С.-Петербургскаго и Св. Владиміра.

Tagantsev, N. S.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

Выпускъ IV и послѣдній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1892.

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

343.0947
T125L
экз. 4

ОГЛАВЛЕНІЕ.

§ 2. Русская карательная система.

стр.
782. Лѣстница наказаній . . . . . 1218.
783. Различные способы дѣленія наказаній . . . . . 1220.
784. Подраздѣленіе наказаній по русскому праву . . . . . 1222.
785. Система общихъ наказаній по дѣйствующему праву и ея недостатки . . . . . 1223.
786. Лѣстница наказаній по проекту уголовнаго уложенія . . . . . 1231.
787. Смертная казнь въ Россіи: 1) до Императрицы Елизаветы . . . . 1234.
788. 2) послѣ Императрицы Елизаветы . . . . . 1243.
789. 3) по дѣйствующему праву . . . . . 1250.
790. Ссылка на каторгу и поселеніе: 1) до устава о ссыльныхъ . . . . 1253.
791. 2) по уставу о ссыльныхъ и по уложенію изд. 1845 г. . . . . 1261.
792. 3) по дѣйствующему праву . . . . . 1269.
793. Оцѣнка русской ссылки . . . . . 1291.
794. Ссылка на поселеніе въ Закавказье . . . . . 1302.
795. Ссылка на житье . . . . . 1303.
796. Арестантскія отдѣленія . . . . . 1307.
797. Рабочіе и смирительные дома и тюрьмы: 1) до уложенія изд. 1845 г. . . . . 1312.
798. 2) по уложенію изд. 1845 г. и нынѣ . . . . . 1318.
799. Управленіе тюрьмами . . . . . 1322.
800. Современное состояніе тюремъ . . . . . 1330.
801. Крѣпость . . . . . 1334.
802. Кратковременный арестъ . . . . . 1335.
803. Выговоръ, замѣчаніе, внушеніе . . . . . 1337.
804. Денежныя взысканія . . . . . 1338.
805. Дополнительныя наказанія. Лишеніе правъ: 1) до уложенія о наказ . . . . . 1345.

стр.
806. 2) По дѣйствующему праву . . . . . 1349.
807. Система правопораженій по проекту уголовнаго уложенія . . . 1371.
808. Полицейскій надзоръ и ограниченіе права жительства. . . . . 1373.
809. Отобраніе имущества. . . . . 1376.
810. Другія дополнительныя взысканія . . . . . 1384.
811. Наказанія замѣняющія. Политическая смерть . . . . . 1387.
812. Исправительные пріюты и ихъ устройство. . . . . 1389.
813. Современное состояніе этихъ заведеній . . . . . 1394.
814. Другія замѣняющія наказанія . . . . . 1397.
815. Наказанія особенныя . . . . . 1399.
816. Наказанія исключительныя . . . . . 1406.
817. Тѣлесное наказаніе. . . . . 1408.

§ 3. Оцѣнка карательныхъ мѣръ.

I. Смертная казнь.

818. Ограниченіе области примѣненія смертной казни. . . . . 1422.
819. Отмѣна квалифицированной смертной казни и публичности ея примѣненія . . . . . 1427.
820. Уменьшеніе числа случаевъ примѣненія смертной казни. . . . . 1431.
821. Оцѣнка доводовъ за и противъ смертной казни. . . . . 1435.

II. Тѣлесныя наказанія.

822. Тѣлесное наказаніе въ исторіи. . . . . 1450.
823. Оцѣнка тѣлеснаго наказанія, какъ карательной мѣры . . . . . 1451.

III. Лишеніе свободы.

824. Различные типы этого наказанія . . . . . 1459.

А. Надзоръ.

825. Надзоръ полиціи по современнымъ законодательствамъ . . . . . 1462.
826. Оцѣнка надзора, какъ карательной мѣры . . . . . 1463.

Б. Удаленіе.

827. Высылка и ея виды . . . . . 1466.
828. Ссылка неколонизаціонная. . . . . 1468.

стр.
829. Ссылка колонизаціонная. Ссылка въ Римѣ . . . . . 1469.
830. Ссылка въ Англіи. . . . . 1474.
831. Ссылка во Франціи. . . . . 1491.
832. Оцѣнка ссылки какъ наказанія. . . . . 1508.

В. Заключеніе.

833. Состояніе тюремъ и карательныхъ работъ до конца XVIII вѣка. . 1517.
834. Вопросъ о тюрьмахъ въ XIX столѣтіи . . . . . 1526.
835. Оцѣнка тюремнаго заключенія какъ наказанія. Тюремная регламентація . . . . . 1533.
836. Способы размѣщенія арестантовъ: 1) Одиночная система: системы уединенія и отдѣленія. . . . . 1538.
837. 2) Системы общаго заключенія: система молчанія, классификаціонная система Обанеля, система классификаціи по работамъ . . 1548.
838. 3) Системы смѣшанныя. . . . . 1555.
839. Оцѣнка различныхъ способовъ размѣщенія арестантовъ. . . . . 1560.
840. Единообразіе и различіе тюремныхъ типовъ . . . . . 1569.
841. Сроки заключенія . . . . . 1572.
842. Досрочное освобожденіе безусловное и условное . . . . . 1579.
843. Тюремная работа . . . . . 1585.
844. Тюремный заработокъ . . . . . 1596.
845. Тюремная дисциплина. 1) Тюремное воспитаніе и обученіе . . . 1599.
846. 2) Тюремныя награды и наказанія . . . . . 1603.
847. 3) Тюремная гигіена и архитектура . . . . . 1609.
848. Тюремное управленіе и персоналъ . . . . . 1615.
849. Общества попеченія о заключенныхъ. . . . . 1617.
850. Особыя тюрьмы. Карательныя заведенія для малолѣтнихъ . . . . 1621.

IV. Лишеніе чести и правъ.

851. Различные виды позорящихъ наказаній. . . . . 1631.
852. Оцѣнка наказаній позорящихъ. . . . . 1633.
853. Пораженіе въ правахъ, понятіе юридической смерти. . . . . 1635.
854. Система пораженія правъ въ современныхъ законодательствахъ . 1638.
855. Оцѣнка наказаній правопоражающихъ . . . . . 1641.

V. Имущественныя наказанія.

856. Конфискація всего имущества и отдѣльныхъ вещей. . . . . 1648.
857. Денежная пеня. . . . . 1652.
858. Опредѣленіе размѣра денежной пени . . . . . 1654.
859. Замѣна денежной пени инымъ взысканіемъ . . . . . 1658.

§ 4. Примѣненіе наказанія къ преступленію.

ОТДѢЛЪ I.

Опредѣленіе судомъ мѣры отвѣтственности.

I. Общія правила опредѣленія наказанія.

		стр.
860.	Зависимость правъ судьи отъ формы уголовной санкціи	1662.
861.	Преступное дѣяніе, какъ основаніе мѣры отвѣтственности	1665.
862.	Понятіе единаго преступнаго дѣянія	1666.
863.	Осложненное преступное дѣяніе. Длящееся преступное дѣяніе	1672.
864.	Продолжаемое преступное дѣяніе	1674.
865.	Преступныя дѣянія, учиняемыя по ремеслу или по привычкѣ	1682.
866.	Дѣяніе, заключающее въ себѣ нѣсколько законопарушеній	1686.
867.	Идеальная совокупность	1690.

II. Обстоятельства, вліяющія на опредѣленіе мѣры отвѣтственности.

868.	Общія и особенныя обстоятельства по нашему праву	1694.
869.	Характеристика обстоятельствъ, вліяющихъ на отвѣтственность	1697
870.	Обстоятельства, вліяющія на отвѣтственность по западно-европейскимъ законодательствамъ	1699.
871.	Постановка ученія объ обстоятельствахъ, измѣняющихъ отвѣтственность по нашему праву	1703.
872.	Обстоятельства, ослабляющія отвѣтственность по дѣйствующему праву	1706.
873.	Постановленія проекта уложенія о смягчающихъ обстоятельствахъ	1718.
874.	Обстоятельства, увеличивающія отвѣтственность по дѣйствующему праву	1721.

III. Совокупность и повтореніе преступныхъ дѣяній.

875.	Понятіе совокупности по дѣйствующему праву	1724.
876.	Вліяніе совокупности на наказуемость	1728.
877.	Постановленія о совокупности западно-европейскихъ законодательствъ	1731.
878.	Постановленія нашего права	1738.
879.	Постановленія о совокупности отдѣльныхъ уставовъ	1744.
880.	Нѣкоторые спеціальные случаи совокупности	1747.
881.	Постановленія о совокупности проекта уложенія	1750.
882.	Процессуальныя условія примѣненія правилъ о совокупности	1752.

стр.

883. Учиненіе новаго преступленія послѣ осужденія, но до отбытія наказанія . . . . . 1764.
884. Значеніе повторенія преступленій въ прежнихъ законодательствахъ . . . . . 1768.
885. Теоретическія воззрѣнія на значеніе повторенія преступленій . . 1772.
886. Постановленія о повтореніи дѣйствующихъ западно-европейскихъ кодексовъ . . . . . 1777.
887. Постановленія о повтореніи дѣйствующаго права . . . . . 1783.
888. Средства удостовѣренія въ прежней судимости . . . . . 1792.

IV. Стеченіе обстоятельствъ вліяющихъ на отвѣтственность и порядокъ перехода по лѣстницѣ наказаній.

889. Стеченіе обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности. . 1806.
890. Порядокъ перехода отъ одного наказанія къ другому . . . . . 1808.

ОТДѢЛЪ II.

Измѣненіе наказанія, назначеннаго судомъ.

891. Замѣна наказаній . . . . . 1812.
892. Зачетъ въ наказаніе . . . . . 1815.
893. Досрочное прекращеніе и послѣсрочное продолженіе наказанія; возстановленіе въ правахъ . . . . . 1820.
894. Отсрочка исполненія наказанія . . . . . 1827.
895. Условное осужденіе . . . . . 1832.

ОТДѢЛЪ III.

Причины, устраняющія наказуемость.

896. Юридическое значеніе причинъ, устраняющихъ наказуемость. . 1843.
897. Добровольная уплата пени . . . . . 1849.
898. Примиреніе съ потерпѣвшимъ . . . . . 1850.
899. Смерть подсудимаго . . . . . 1856.
900. Давность. Значеніе уголовной давности и ея основанія . . . . . 1861.
901. Дѣянія не погашаемыя давностью . . . . . 1871.
902. Сроки давности и правила ихъ исчисленія . . . . . 1875.
903. Начало исчисленія давности . . . . . 1886.
904. Условія прерывающія и прекращающія давность . . . . . 1889.
905. Давность по дѣламъ уголовно-частнымъ . . . . . 1904.
906. Условія препятствующія теченію давности . . . . . 1906.
907. Процессуальное значеніе давности . . . . . 1909.

стр.
908. Постановленія о давности проекта уголовнаго уложенія. . . . . 1911.
909. Помилованіе. Виды помилованія и ихъ значеніе . . . . . 1912.
910. Амнистія и ея значеніе . . . . . 1919.
911. Постановленія о помилованіи нашего права . . . . . 1923.

---

§ 2. Русская карательная система.

782. Лѣстница наказаній.

783. Различные способы дѣленія наказаній.

784. Подраздѣленіе наказаній по русскому праву.

785. Система общихъ наказаній по дѣйствующему праву и ея недостатки.

786. Лѣстница наказаній по проекту уголовнаго уложенія.

787. Смертная казнь въ Россіи: 1) до Императрицы Елизаветы.

788. 2) послѣ Императрицы Елизаветы.

789. 3) по дѣйствующему праву.

790. Ссылка на каторгу и поселеніе: 1) до устава о ссыльныхъ.

791. 2) по уставу о ссыльныхъ и по уложенію изд. 1845 г.

792. 3) по дѣйствующему праву.

793. Оцѣнка русской ссылки.

794. Ссылка на поселеніе въ Закавказье.

795. Ссылка на житье.

796. Арестантскія отдѣленія.

797. Рабочіе и смирительные дома и тюрьмы: 1) до уложенія изд. 1845 г.

798. 2) по уложенію изд. 1845 г. и нынѣ.

799. Управленіе тюрьмами.

800. Современное состояніе тюремъ.

801. Крѣпость.

802. Кратковременный арестъ.

803. Выговоры, замѣчаніе, внушеніе.

804. Денежныя взысканія.

805. Дополнительныя наказанія. Лишеніе правъ: 1) до уложенія о наказ.

806. 2) По дѣйствующему праву.

807. Система правопораженій по проекту уголовнаго уложенія.

808. Полицейскій надзоръ и ограниченіе права жительства.

809. Отобраніе имущества.

810. Другія дополнительныя взысканія.

811. Наказанія замѣняющія. Политическая смерть.

812. Исправительные пріюты и ихъ устройство.

813. Современное состояніе этихъ заведеній.

814. Другія замѣняющія наказанія.

815. Наказанія особенныя.

816. Наказанія исключительныя.

817. Тѣлесное наказаніе.

782. Наказаніе, какъ причиняемое виновному физическое или психическое страданіе, представляетъ крайнее разнообразіе. Исторія уголовнаго права даетъ намъ печальную картину человѣческой изобрѣтательности, всецѣло направленной къ изысканію средствъ и способовъ причиненія наибольшаго страданія согражданамъ, навлекшимъ на себя кару закона.

Но и во всемъ этомъ разнообразіи можно отыскать нѣкоторые общіе признаки, дающіе возможность свести карательныя мѣры къ извѣстнымъ типамъ. Такимъ объединяющимъ признакомъ является свойство блага или интереса, поражаемаго наказаніемъ. Область карательныхъ мѣръ находитъ свои необходимые предѣлы въ ограниченности тѣхъ благъ, которыя можетъ государство отнять или ограничить у преступника. Лишеніе жизни, причиненіе физическаго страданія, стѣсненіе или лишеніе свободы, пораженіе чести и правоспособности, уменьшеніе и лишеніе имущества, вотъ общій перечень типовъ наказаній во всѣхъ законодательствахъ. Каждый изъ этихъ типовъ по способу и условіямъ ихъ назначенія, въ особенности въ силу различныхъ придатковъ, допускаетъ, конечно, значительныя видоизмѣненія. Мало того, благодаря этимъ оттѣнкамъ, измѣняющимъ степень страданія, причиняемаго даннымъ типомъ наказанія, иногда стираются существенныя черты ихъ

различія, они сближаются другъ съ другомъ. Изувѣчивающее наказаніе въ видѣ отсѣченія носа, рукъ, дополненное выкалываніемъ глазъ или вырываніемъ языка, конечно, вполнѣ можетъ быть сопоставлено со смертною казнью; лишеніе свободы, въ видѣ заключенія въ какой нибудь клоповникъ, въ подземелье, лишенное свѣта и воздуха, хотя бы заживо погребенный и могъ прожить тамъ мѣсяцы или даже, при здоровомъ, выносливомъ организмѣ, годы, тѣмъ не менѣе является въ сущности квалифицированною смертною казнью. Равнымъ образомъ, субъективное ощущеніе страданія, причиняемаго наказаніемъ, также измѣнчиво. Какъ замѣтилъ еще Клейншродъ, для многихъ смерть легче пожизненнаго или долгосрочнаго лишенія свободы; для одного честь дороже всѣхъ сокровищъ, а другой—въ грошъ не ставитъ свое доброе имя, но за то трясется надъ каждою копѣйкою. Съ развитіемъ уголовнаго законодательства, и эта трудность разграниченія отдѣльныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ со стороны объективной, значительно уменьшается, благодаря исчезновенію позорящихъ и членовредительныхъ наказаній, благодаря тому значенію, которое пріобрѣло нынѣ въ карательной системѣ лишеніе свободы и т. д. Такія сравнительно менѣе сложныя понятія, какъ простое лишеніе жизни, пожизненное, долгосрочное или краткосрочное лишеніе свободы, обязательный тяжкій или продолжительный трудъ и т. д., представляются величинами, въ значительной степени поддающимися сравнительному измѣренію и оцѣнкѣ.

Это упрощеніе наказаній отразилось на технической постановкѣ карательныхъ мѣръ въ кодексахъ. Между тѣмъ какъ законодательства XVII и даже XVIII вѣковъ ставили каждый видъ и родъ наказаній совершенно отдѣльно и независимо другъ отъ друга, кодексы болѣе новые стремятся привести эти карательныя мѣры въ систему, создать то, что мы называемъ лѣстницею наказаній, понимая подъ нею совокупность карательныхъ мѣръ даннаго кодекса въ ихъ взаимномъ соподчиненіи или соотношеніи.

Установленіе такой лѣстницы имѣетъ существенное значеніе для законодателя и еще болѣе для судьи. Первому такая лѣстница облегчаетъ выборъ наказаній для отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній соотвѣтственно ихъ значенію для правоваго порядка, а для судьи она создаетъ возможность исполнять возлагаемую на него закономъ

обязанность соразмѣрять наказуемость съ обстоятельствами отдѣльнаго преступленія, дѣлая возможнымъ переходъ отъ одного вида или рода наказанія къ другому.

При этомъ степень простора, предоставляемаго законодателемъ судьѣ, отражается на внѣшнемъ обликѣ лѣстницы наказаній. Такъ, кодексы первой половины нынѣшняго столѣтія, допускавшіе право судьи на измѣненіе наказанія, назначеннаго въ законѣ лишь въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, создали и лѣстницы наказаній крайне сложныя и дробныя; такова, напр., лѣстница наказаній code pénal, баварскаго уложенія 1813 года, и въ особенности нашего уложенія 1845 г. Напротивъ того, законодательства болѣе новыя, измѣнившія, благодаря реформамъ судопроизводства и судоустройства, свои воззрѣнія на права судьи, приняли лѣстницы наказаній болѣе обобщенныя и простыя, какова, напр., въ особенности лѣстница голландскаго уложенія.

783. Обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію карательной лѣстницы, нельзя прежде всего не указать, что даже въ новыхъ кодексахъ, она, выражаясь фигурально, является далеко не прямою, а допускаетъ не только подраздѣленія по этажамъ, но и развѣтвленія, боковые обходы.

Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ общаго принципа распредѣленія карательныхъ мѣръ по свойству поражаемыхъ благъ, въ соотношеніи съ тяжестью облагаемыхъ ими преступныхъ дѣяній, на построеніе лѣстницы наказаній вліяютъ и многія, такъ сказать, побочныя соображенія.

Перечислять всѣ встрѣчающіяся въ исторіи и сохраняющіяся еще и понынѣ въ дѣйствующихъ кодексахъ группировки карательныхъ мѣръ я считаю излишнимъ (1), и укажу только на тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе къ нашему дѣй-

---

(1) Ср. по этому предмету большинство старыхъ учебниковъ, въ особенности Geib, II, § 115, Wächter, Lehrbuch, § 94 и сл.; изъ русскихъ—Спасовичъ, учебникъ, стр. 181, Калмыковъ, стр. 193. Для новаго французскаго права—Garraud, Traité, I § XLIII, classification des peines; Lefort, стр. 150 и сл. Ср. также Кистяковскій, о смертной казни, глава IV.

ствующему праву. Такъ, наказанія, во 1-хъ, группируютъ по ихъ юридическому значенію при опредѣленіи уголовной отвѣтственности. Въ этомъ отношеніи различаютъ: 1) наказанія главныя, основныя или самостоятельныя, составляющія сущность кары, назначаемой за извѣстныя преступныя дѣянія; 2) дополнительныя, сопровождающія какое либо назначенное виновному главное наказаніе и притомъ или какъ его необходимое послѣдствіе, примѣняемое ipso jure, вслѣдствіе назначенія главнаго наказанія (poena accessoria), или же опредѣляемыя какъ особый придатокъ къ главнымъ, а потому каждый разъ особо указываемыя въ приговорѣ (poena supplementaria), и 3) замѣняющія, т. е. назначаемыя только въ томъ случаѣ, когда главное наказаніе не можетъ быть примѣняемо по какимъ либо основаніямъ юридическимъ—полъ, возрастъ, или фактическимъ—недостатокъ помѣщенія, несостоятельность.

Во 2-хъ, по объему примѣненія. Въ этомъ отношеніи различаютъ: общія и особенныя и притомъ или назначаемыя за цѣлую особую группу преступныхъ дѣяній,—напр. за проступки по должности, за проступки военнослужащихъ и т. д., или опредѣляемыя только за какія либо отдѣльныя преступныя дѣянія. Этотъ видъ особенныхъ взысканій можно назвать наказаніями исключительными. На этомъ же признакѣ покоится различіе наказаній, назначаемыхъ за общія и за политическія преступленія, получившее особенное развитіе во французскомъ кодексѣ; различіе наказаній за дѣянія, вызванныя не позорящими мотивами, въ противоположность всѣмъ прочимъ, и т. д.

Въ 3-хъ, по особенностямъ лица наказываемаго. Таково наиболѣе старое, но нынѣ почти исчезающее различіе наказаній по сословному и государственному положенію виновнаго. Кастовое различіе наказаній зналъ древній міръ; оно нашло свое выраженіе въ римскомъ правѣ, различавшемъ системы наказаній для римскихъ гражданъ, для негражданъ и для рабовъ, а позднѣе для humiliores и honestiores; это различіе красною ниткою проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка и переносится въ новую исторію. Великая революція, разрушая сословныя привилегіи, не могла не затронуть и принципъ сословности наказаній, но, исчезнувъ изъ французскаго права, это различіе долго держалось въ кодексахъ германскихъ,

а въ нашемъ правѣ, въ связи съ тѣлеснымъ наказаніемъ, просуществовало и доселѣ, создавъ совершенно своеобразный типъ параллельныхъ наказаній. На этомъ же признакѣ покоится различіе наказаній по органическимъ особенностямъ наказываемаго, по его полу, возрасту, а равно и выдвинутое за послѣднее время различіе наказаній для преступниковъ по привычкѣ, рецедивистовъ, и для преступниковъ случайныхъ, впервые впавшихъ въ преступленіе.

784. Наше старое право, какъ и западно-европейское, знало только отдѣльныя наказанія. Первая попытка приведенія ихъ въ систему была сдѣлана въ проектѣ 1813 года, который, по примѣру баварскаго уложенія, создалъ строго сочлененную лѣстницу наказаній, раздѣливъ ихъ всѣ на семь родовъ, а каждый родъ на степени; но эта попытка осталась безъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ въ сводѣ законовъ изд. 1832 г., хотя и существовала особая глава о разныхъ родахъ казней и наказаній, въ которой въ ст. 16 былъ сдѣланъ перечень наказаній, но, какъ можно видѣть изъ самаго перечня, безъ всякой системы (1). Какъ замѣчали составители уложенія 1845 г., «дабы имѣть ясное, точное понятіе въ чемъ состоитъ существо какого-либо наказанія по своду, должно отыскивать опредѣленіе свойства его и послѣдствій въ разныхъ мѣстахъ свода,» а по отношенію къ нѣкоторымъ наказаніямъ, надо добавить, опредѣленія и вовсе отыскать было нельзя. Поэтому, составители уложенія, какъ говорятъ они сами (стр. XLIX), для устраненія всѣхъ недостатковъ системы наказаній по своду, признали необходимымъ: «во 1-хъ, опредѣлить съ точностью существо каждаго наказанія и относительную, по сравненію съ другими, бо̀льшую или меньшую тягость онаго; въ 2-хъ, установить во всѣхъ наказаніяхъ по нѣсколько степеней, такимъ образомъ, чтобы строгость каждаго отдѣльнаго наказанія могла быть, по мѣрѣ надобности, увеличиваема или уменьшаема въ

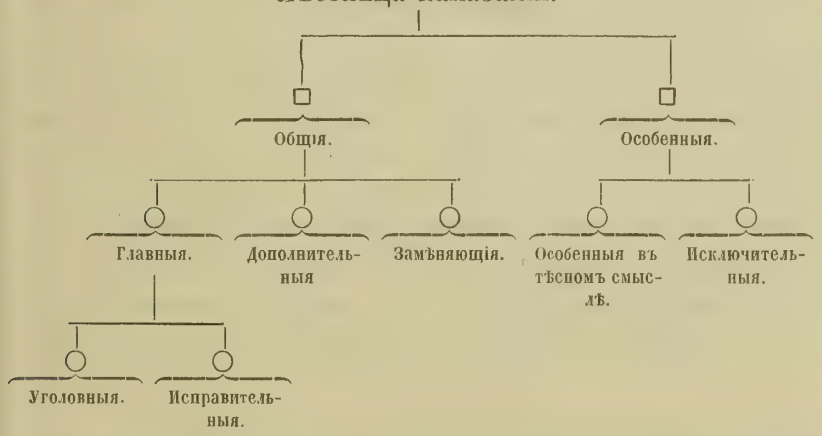
(1) Наказанія были исчислены такъ: 1) казнь смертная; 2) смерть политическая; 3) лишеніе правъ состоянія; 4) тѣлесныя наказанія; 5) работы; 6) ссылка; 7) отдача въ солдаты; 8) лишеніе свободы; 9) денежныя взысканія и отпись движимыхъ имуществъ въ казну въ видѣ наказанія; 10) церковныя наказанія.

извѣстной постепенности и чтобы послѣдняя степень была естественнымъ переходомъ отъ одного наказанія къ другому, стараясь съ тѣмъ вмѣстѣ уравновѣсить тѣ, къ коимъ за нѣкоторыя преступленія присуждаются лица, изъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ, съ тѣми, къ коимъ за такія же преступленія приговариваются люди, отъ оныхъ не изъятые».

Но ожиданія составителей уложенія не оправдались. Лѣстница, созданная ими, оказалась тяжела и непригодна. Жизнь, почти вслѣдъ за введеніемъ уложенія, такъ расшатала ее, выбросила изъ нея такъ много ступеней, что въ ея нынѣшней обрисовкѣ она совсѣмъ потеряла внѣшнюю стройность и давно уже вопіетъ о коренной перестройкѣ.

Вся система карательныхъ мѣръ уложенія представляетъ слѣдующую схему:

Лѣстница наказаній.



При этомъ нельзя однако не замѣтить, что многія изъ дополнительныхъ наказаній являются главными исключительными, а нѣкоторыя изъ замѣняющихъ—главными общими.

I.

Наказанія общія.

1. Главныя.

785. Переходя къ болѣе подробному разсмотрѣнію центра всей нашей лѣстницы наказаній, а именно, общихъ главныхъ наказа-

ній, я считаю полезнымъ представить сравнительно эту систему, въ томъ видѣ, какъ она явилась въ 1845 г. и какъ она опредѣляется нынѣ по уложенію изд. 1885 г.

Согласно ст. 16 уложенія (18 по изд. 1845 г.) всѣ наказанія, опредѣляемыя закономъ за преступленія и проступки, принадлежатъ къ двумъ главнымъ *разрядамъ*: наказаній уголовныхъ и наказаній исправительныхъ ([1]); каждый изъ сихъ главныхъ разрядовъ наказаній раздѣляется на нѣсколько родовъ и степеней, а именно:

См. приложенную таблицу.

Изучая ближе лѣстницу наказаній уложенія 1845 г. и сравнивая ее съ постановленіями особенной части, нельзя не отмѣтить прежде всего того обстоятельства, что, несмотря на столь значительное количество статей, посвященныхъ наказаніямъ (глава вторая содержитъ 73 статьи отъ 16—89), несмотря на всю сложную схему общихъ главныхъ наказаній, она оказывается не полною, такъ какъ въ нее не вошло довольно много взысканій, налагаемыхъ за отдѣльныя преступныя дѣянія. Этотъ упрекъ не изглаживается тѣмъ, что къ такимъ исключительнымъ наказаніямъ отнесены только такія мѣры взысканія, которыя могутъ быть примѣняемы лишь къ совершенно особымъ преступнымъ дѣяніямъ, такъ какъ и въ общей лѣстницѣ находятся наказанія съ подобнымъ же исключительнымъ характеромъ, напр., ссылка на поселенье въ Закавказье, заключеніе въ крѣпость и смирительный домъ (нынѣ тюрь-

---

([1]) Названіе «уголовное наказаніе» очевидно заимствовано изъ римскаго права, въ коемъ къ poenae capitales причислялись: смертная казнь, уголовное рабство, соотвѣтствующее нашимъ каторжнымъ работамъ и deportatio. Въ объяснительной запискѣ къ проекту было указано, что различаются два разряда «казней или такихъ наказаній, за которые осужденный безвозвратно извергается изъ общества съ лишеніемъ не только всѣхъ правъ состоянія, но и правъ семейственныхъ, и если не жизни, то по крайней мѣрѣ всего политическаго и гражданскаго бытія своего, и такихъ, кои могутъ быть болѣе или менѣе признаны исправительными, ибо оными осужденный, или вовсе не лишается правъ, ему присвоенныхъ, или же лишается только нѣкоторыхъ, или временно стѣсняется въ средствахъ пользованія ими, сохраняя возможность, рано или поздно, вполнѣ или частью, возвратиться къ прежнему своему положенію въ обществѣ».

Листъ къ стр. 1224.

Уложеніе изд. 1845 года.

Для привилегированныхъ.			Для непривилегированныхъ.
Родъ.			
1.		Смертная казнь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.	
	За:	— 5 на время отъ 5—6 мѣсяцевъ.	
6.	Арестъ.	Степень 1 на время отъ 3 нед. до 3 мѣс. — 2 на время отъ 7 дней до 3 нед. — 3 на время отъ 3—7 дней. — 4 на время отъ 1—3 дней.	
7.		Видъ 1. Выговоры въ присутствіи суда. — 2. Замѣчанія и внушенія. — 3. Денежныя взысканія.	

Уставъ о наказаніяхъ изд. 1885 г. (1).

1. Заключеніе въ тюрьмѣ не свыше 1 года 6 мѣсяцевъ (2).
2. Арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ.
3. Денежныя взысканія не свыше 300 рублей.
4. Выговоры замѣчанія и внушенія.

---

(1) Въ отличіе отъ уложенія, наказанія по уставу не имѣютъ степеней и не составляютъ лѣстницы.

(2) По первоначальной редакціи устава 1864 г. срокъ тюрьмы былъ одинъ годъ; этотъ срокъ увеличенъ до 1½ лѣтъ по закону 18 Мая 1882 г., съ передачею въ вѣдѣніе мировыхъ судей к
ціальныхъ уставовъ, подвѣдомственныя мировымъ судьямъ.

ма 30, IV), и притомъ настолько исключительнымъ, что судья, двигаясь, напр., внизъ по лѣстницѣ и дойдя до этихъ наказаній, долженъ миновать ихъ и сдѣлать, такъ сказать, скачекъ.

Эта сложная лѣстница, заключающая въ себѣ 11 родовъ (собственно 12, такъ какъ денежное взысканіе составляетъ отдѣльный родъ) и 38 степеней (а съ паралельными—47 степеней), представляетъ рядъ недостатковъ и по существу, и со стороны техники. Уложеніе создало такое разнообразіе формъ лишенія свободы: рудники, крѣпости, заводы, поселеніе въ Сибири, поселеніе за Кавказомъ, житье въ Сибири, житье въ отдаленныхъ губерніяхъ, арестантскія роты, рабочій домъ, крѣпость, смирительный домъ, тюрьма, арестъ, отбываемый притомъ въ пяти различныхъ помѣщеніяхъ,—что можно было заранѣе предсказать, что тюремная практика не въ состояніи будетъ придать каждому изъ этихъ наказаній самостоятельный характеръ, тѣмъ болѣе, что уложеніе давало только отдѣльныя названія для каждаго изъ такихъ наказаній, не указывая ихъ содержанія. Да и въ уставахъ о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ все различіе, напр., между рудниками, крѣпостями и заводами, между рабочими и смирительными домами и тюрьмою—сводилось преимущественно къ названію мѣстъ заключенія, да къ порядку завѣдыванія; оттого и понятно, что жизнь весьма скоро свела это разнообразіе къ однообразію, что изъ наказаній уголовныхъ прежде всего обезформились различные виды каторжныхъ работъ, а въ наказаніяхъ исправительныхъ одинъ и тотъ же острогъ, какъ мифическій Протей, исполнялъ обязанности и рабочаго, и смирительнаго дома, и тюрьмы, а иногда и арестантскихъ ротъ, и арестнаго дома, что и повело за собою впослѣдствіи упраздненіе многихъ изъ этихъ типовъ лишенія свободы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ составители уложенія не установили основнаго принципа дѣленія наказаній, такъ какъ даже наиболѣе важный признакъ различія—срокъ лишенія свободы—не былъ проведенъ съ надлежащею послѣдовательностью. Поэтому, хотя составители и говорятъ, что они хотѣли расположить степени отдѣльныхъ наказаній такимъ образомъ, чтобы послѣдняя степень была естественнымъ переходомъ отъ одного наказанія къ другому, но это предположеніе не было выполнено, такъ какъ и по проекту

1844 г. послѣдняя степень арестантскихъ ротъ была равна 1 степени рабочаго дома и 1 степени тюрьмы, а съ поднятіемъ при разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ высшаго предѣла рабочаго дома, сдѣлалась равною второй степени таковаго. Еще несоразмѣрнѣе оказались, какъ видно изъ таблицы, низшіе сроки рабочаго дома, крѣпости и смирительнаго дома сравнительно съ высшими сроками тюрьмы, къ которымъ между прочимъ долженъ былъ переходить судья въ случаѣ смягченія наказанія, что и заставило законодателя придумать, какъ увидимъ далѣе, рядъ искусственныхъ мѣропріятій (1).

Также остался неопредѣленнымъ и масштабъ дѣленія отдѣльныхъ наказаній, т. е. возможность дробимости наказаній по мѣсяцамъ, недѣлямъ, днямъ или даже часамъ, такъ что является возможнымъ, напр., приговоръ въ каторжныя работы на 14 лѣтъ 2 мѣс. и 1 день, или приговоръ къ заключенію въ тюрьму или къ аресту на нѣсколько часовъ. Тамъ, гдѣ наказаніе назначалось мѣсяцами, оставалось не опредѣленнымъ, какъ исчислять эти сроки: отъ числа къ числу, или же всегда въ одномъ размѣрѣ, напр., въ 30 дней.

Другой главный принципъ, на коемъ держалась лѣстница наказаній уложенія 1845 г.—сословный характеръ наказуемости, и его главное выраженіе — примѣнимость къ непривилегированнымъ классамъ тѣлеснаго наказанія, былъ поколебленъ въ самой основѣ законами 1861 и 1863 гг.

Въ нашемъ старомъ правѣ сословное различіе наказуемости встрѣчается въ слабыхъ зачаткахъ. Такъ, въ уложеніи царя Алексѣя Михаиловича указывается, напр., что за умышленное неправосудіе судья не изъ думныхъ дворянъ подвергается торговой казни, а у бояръ отнимается честь; за подачу челобитной прямо Государю назначается (глава X, 20) битье батогами, а того, кто почестнѣе, посадить въ тюрьму на недѣлю и т. д. (2); но эти

---

(1) Съ замѣною рабочихъ и смирительныхъ домовъ тюрьмою эта несоотвѣтственность выступила еще рельефнѣе, что и побудило даже при изданіи уложенія 1885 г. вовсе исключить низшія степени бывшаго смирительнаго дома (ст. 37 ул.)

(2) Встрѣчаются также различныя наказанія для помѣщиковъ и крестьянъ за убійство лицъ, пойманныхъ на разбоѣ (гл. XXI, 279, 280), и за мучительное надругательство (глава XXII, 10, 12). Различіе наказаній за неправосудіе встрѣ-

постановленія были исключеніями и не могли имѣть важнаго значенія (1), такъ какъ не только всѣ виды смертной казни, но и тѣлесныя наказанія не соединялись ни съ какимъ особымъ умаленіемъ чести и примѣнялись ко всѣмъ безъ изъятія, не исключая ближнихъ бояръ и лицъ, занимавшихъ высшее положеніе въ церковной іерархіи (2). Въ томъ же положеніи находился этотъ вопросъ и въ царствованіе Петра Великаго и во всю первую половину XVIII вѣка, хотя уже сознаніе безчестья тѣлесныхъ наказаній проявилось при Петрѣ, и по регламентамъ и указамъ публичное тѣлесное наказаніе отнесено къ лишающимъ чести. Только съ изданіемъ жалованной грамоты и городоваго положенія создается изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній для цѣлыхъ классовъ лицъ, а потому является необходимость сравнять наказуемость инымъ способомъ; такъ, напр. по жалованной грамотѣ для дворянъ назначалось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и вѣчная ссылка, а для лицъ неизъятыхъ—легкое исправительное наказаніе розгами и рабочій домъ. Проектъ 1813 г. пытался построить всю систему наказаній на различіи двухъ категорій наказываемыхъ—простолюдиновъ и лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія; но въ сводѣ законовъ эти постановленія остались въ прежнемъ неопредѣленномъ состояніи и, какъ замѣтили редакторы уложенія, съ прежнею несоразмѣрностью, почему послѣдніе и старались уравновѣсить наказуемость привилегированныхъ и непривилегированныхъ, при-

---

чается и въ эпоху судебниковъ. Ср. вообще примѣры изъ исторіи нашего и западно-европейскихъ законодательствъ у Кистяковскаго, смертная казнь, глава 4-я.

(1) Гораздо значительнѣе проявлялось это различіе въ западно-русскомъ правѣ, напр., въ Литовскихъ статутахъ. Любопытно, что въ наказѣ депутатамъ Екатерининской коммисіи отъ Чернигова ставился первый пунктъ: «просятъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ правъ литовскаго статута, какъ не согласныхъ съ настоящимъ временемъ, напр., шляхтичъ убьетъ простаго человѣка, то наказывается только отсѣченіемъ руки и очень малымъ платежемъ». Особенно рѣзкое различіе существовало въ процесуальныхъ законахъ, такъ что, какъ замѣчаетъ проф. Кистяковскій (см. к. стр. 159), хотя de jure шляхтичъ подлежалъ смертной казни за убійство простолюдина, но de facto развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ могъ быть приговоренъ къ наказанію, потому что совокупность тѣхъ многочисленныхъ доказательствъ, которыхъ требовалъ законъ для его осужденія, могла встрѣтиться въ исключительныхъ случаяхъ; благодаря системѣ доказательствъ шляхтичъ оставался безнаказаннымъ и за убійство лица своего сословія.

(2) Такъ напр., въ 1488 г. были за подлогъ биты кнутьемъ на торгу архимандритъ Чудова монастыря, да князь Ухтомскій.

мѣняясь къ системѣ проекта 1813 г. Но уже при самомъ изданіи уложенія принятая составителями система уравновѣшенія была поколеблена непринятіемъ Государственнымъ Совѣтомъ предположенной составителями временной ссылки, а затѣмъ почти окончательно разрушена закономъ 17 Апрѣля 1863 г., отмѣнившимъ тѣлесное наказаніе, какъ дополнительное, и значительно уменьшившимъ срокъ исправительныхъ наказаній для непривилегированныхъ, между тѣмъ какъ взысканія для привилегированныхъ остались тѣ же. Такимъ образомъ, ссылка на житье въ Сибирь по 1 степ. 31 ст. прежде признавалась равною отдачѣ въ арестантскія роты на время отъ 8—10 лѣтъ, соединенной съ наказаніемъ розгами отъ 90—100 ударовъ, а нынѣ ей соотвѣтствуетъ лишь пребываніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ на срокъ отъ 3½—4 лѣтъ; при наказаніяхъ же уголовныхъ различіе между сословіями, по крайней мѣрѣ по уложенію, совершенно исчезло.

По нынѣ дѣйствующему праву различіе наказуемости по сословному положенію наказываемаго представляется въ слѣдующемъ видѣ (1).

Во 1-хъ, уложеніе различаетъ лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и изъятыхъ отъ таковаго по правамъ состоянія или по особымъ, лично къ онымъ относящимся, постановленіямъ; изъятыхъ безусловно и навсегда, или изъятыхъ на время и т. д.;

Во 2-хъ, оно различаетъ лицъ, подлежащихъ къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдаленныя губерніи, и лицъ, подлежащихъ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія и тюрьмы, причемъ, согласно 89 ст. ул., къ первой группѣ относятся только лица, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, а не по особымъ поста-

---

(1) Какъ разъяснялъ неоднократно Прав. Сенатъ (рѣш. 1869 № 644, 941; 1870 № 737; 1871 №№ 483, 751 и др.), наказуемость видоизмѣняется сообразно съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находился виновный въ моментъ совершенія преступленія, и безотносительно къ состоянію его въ моментъ вступленія приговора въ силу. Утрачиваются же сословныя права, вліяющія на опредѣленіе судомъ того или другого рода наказанія (но не на порядокъ отбыванія наказанія, какъ мы увидимъ далѣе) съ осужденіемъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, (1869 № 116, 238; 1870 № 763), и притомъ со времени вступленія приговора въ законную силу (1869 № 1047). Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сословное положеніе лица можетъ вліять на наказуемость, судъ долженъ привести въ возможную ясность этотъ вопросъ (рѣш. 1878 № 734).

новленіямъ [женщины, лица старѣе 70 лѣтъ (рѣш. 1867 г. № 319; 1877 г. № 41 об. соб.), получившія изъятіе по образованію, но не пріобрѣвшія правъ почетнаго гражданства и т. д.], слѣдовательно такія, объ изъятіи коихъ упомянуто и въ томѣ IX, при изложеніи правъ отдѣльныхъ состояній (1);

Въ 3-хъ, при примѣненіи тюрьмы къ корыстнымъ преступнымъ дѣяніямъ, исчисленнымъ въ примѣчаніи къ п. V ст. 30 улож. и въ 181 ст. уст. о нак., уложеніе отдѣляетъ дворянъ, священнослужителей, монашествующихъ и почетныхъ гражданъ (2), подвергая ихъ хотя и тѣмъ же наказаніямъ, но во всякомъ случаѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Въ 4-хъ, при опредѣленіи порядка отбытія ареста уложеніе различаетъ (ст. 56 и 57 ул.) лицъ, изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, и, сверхъ того, особо выдѣляетъ дворянъ и чиновниковъ.

Не менѣе сильный ударъ нанесли лѣстницѣ наказаній и судопроизводственныя реформы 1864 года. Создавъ новое судоустройство, предоставивъ суду совершенно иную власть въ опредѣленіи мѣры отвѣтственности, законодательство естественно приходило къ необходимости упростить въ этомъ отношеніи постановленія матеріальнаго права, подобно тому какъ это сдѣлано въ новыхъ западно-европейскихъ кодексахъ, какъ это можно видѣть изъ сопоставленія системы главныхъ наказаній по важнѣйшимъ западно-европейскимъ кодексамъ.

---

(1) Рѣш. Правит. Сената 1868 г. № 154, по дѣлу Дьяконова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ высказалъ, что если подсудимые доказываютъ принадлежность свою къ привилегированному сословію, но судъ найдетъ это доказательство сомнительнымъ, то виновный все таки подлежитъ наказанію какъ привилегированный (Рѣш. 1872 г. № 1062, по дѣлу Бредихина). Отдѣльные случаи изъ практики Сената см. въ моемъ изданіи уложенія, тезисы подъ ст. 30.

(2) По предположеніямъ составителей устава о нак. никакого сословнаго различія наказаній не допускалось; нынѣшняя же ст. 181 и соотвѣтствующее ей примѣч. къ ст. 30 улож. были внесены уже при окончательной редакціи проекта по настоянію Главноуправлявшаго тогда II-мъ Отдѣленіемъ графа Панина, и приняты Государственнымъ Совѣтомъ. Ср. извлеченіе изъ объяснительной записки подъ ст. 181 уст. о нак. моего изданія.

Французское уложеніе 1810 г. (1).				Германское уложеніе 1872 г.	Голландское уложеніе 1881 г.	Итальянское уложеніе 1889 г.
За преступленія.		За проступки.	За нарушенія.			
Общія:	Политическія:					
1. Смертная казнь.	3. Ссылка (Deportation) въ укрѣпленное мѣсто.	1. Тюрьма съ обязательными работами отъ 6 дней до 5 лѣтъ.	1. Тюрьма безъ обязательныхъ работъ отъ 1—5 дней.	1. Смертная казнь.	1. Тюрьма пожизненно или на срокъ отъ 1 дня до 15 лѣтъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 20 лѣтъ).	1. Пожизненная каторга (ergastolo).
2. Пожизненныя каторжныя работы.	4. Ссылка простая.	2. Ограниченіе нѣкоторыхъ правъ (interdiction de droits).	2. Пеня отъ 1 фр. до 15 фр.	2. Каторжныя работы (Zuchthaus) пожизненныя или срочныя отъ 1—15 лѣтъ.	2. Заточеніе отъ 1 дня до 1 года, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1 г. 4 м.	2. Исправительный домъ (reclusione) отъ 3 дней до 24 лѣтъ.
5. Срочныя каторжныя работы отъ 5—20 лѣтъ.	6. Заточеніе отъ 5—20 лѣтъ.	3. Пеня свыше 16 франковъ.		3. Тюрьма отъ 1 дня до 5 лѣтъ.	3. Денежная пеня не менѣе 1/2 флорина.	3. Заточеніе отъ 3 дней до 24 лѣтъ.
7. Исправительный домъ отъ 5—10 лѣтъ.	8. Изгнаніе (bannissemment).			4. Крѣпость пожизненная или срочная отъ 1 дня до 15 лѣтъ.		4. Водвореніе въ опредѣл. мѣсто жительства (il confino) на срокъ отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ.
10. Высылка (relégation по зак. 1885 г.).	9. Лишеніе правъ (dégradation civique).			5. Арестъ отъ 1 дня до 6 недѣль.		5. Удаленіе изъ опредѣленнаго мѣста (l'esilio locale) на время отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ.
11. Пеня свыше 16 франковъ.				6. Денежная пеня.		6. Пораженіе служебныхъ правъ.
				7. Выговоръ (только для малолѣтнихъ).		7. Денежная пеня отъ 10 — 10.000 лиръ (la multa).
						8. Арестъ отъ 1 дня до 2 лѣтъ.
						9. Денежная пеня отъ 1—10 лиръ (l'amenda).
						10. Лишеніе права на занятіе извѣстнымъ промысломъ.

(1) Въ перечень включены только главныя самостоятельныя наказанія; хотя же здѣсь упомянуты лишеніе и ограниченіе правъ, но потому, что они могутъ быть

786. Эти неустройства нашей карательной системы вызвали, какъ было указано выше (№ 169), рядъ правительственныхъ работъ по преобразованію системы наказаній. Таковы коммисіи П. А. Зубова и графа Соллогуба при М. В. Дѣлъ, по вопросу о переработкѣ нашей тюремной системы, и коммисія Э. В. Фриша при М. Юстиціи о пересмотрѣ всей первой главы уложенія. Работы этихъ коммисій были разсмотрѣны въ особенной коммисіи при Государственномъ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота и результатомъ этого явился законъ 11 Дек. 1879 г., заключающій въ себѣ указаніе основныхъ началъ преобразованія нашей карательной системы. Этотъ законъ положенъ въ основаніе и системы наказаній, принятой редакціонною коммисіею по составленію новаго уложенія.

Согласно 2-ой статьѣ проекта, всѣ главныя наказанія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Смертная казнь, совершаемая черезъ повѣшеніе и не публично. Она предполагается лишь за тягчайшія изъ государственныхъ преступленій.

2) Каторга, назначаемая или безъ срока, или на срокъ отъ 5—15 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ст. 54) до 20 лѣтъ, въ общемъ заключеніи, съ обязательными тяжкими работами въ помѣщеніи тюрьмы или внѣ онаго, съ удержаніемъ въ пользу каторжниковъ $^1/_{10}$ чистаго дохода. Каторга для женщинъ можетъ быть отбываема и въ особыхъ помѣщеніяхъ при исправительныхъ домахъ. По отбытіи сроковъ, назначенныхъ судомъ или сокращенныхъ за хорошее поведеніе (ст. 20), осужденные поселяются въ особо отведенныхъ мѣстностяхъ.

назначаемы и какъ самостоятельныя наказанія. Порядокъ, въ которомъ вообще слѣдуютъ наказанія за преступленія, опредѣляется номерами, стоящими предъ каждымъ изъ нихъ. Несравненно проще система, предположенная Коммисіею по пересмотру уголовнаго уложенія для Франціи: она установляетъ главныя наказанія: 1) смертная казнь; 2) тюрьма пожизненная или срочная отъ 15 дней до 20 лѣтъ; 3) заточеніе отъ 15 дней до 20 лѣтъ; 4) арестъ отъ 1 дня до 14 дней; 5) пеня отъ 1 фр. до 5.000 фр.; дополнительныя наказанія: высылка (relégation), ограниченіе нѣкоторыхъ правъ политическихъ и гражданскихъ, воспрещеніе пребыванія въ опредѣленномъ мѣстѣ, помѣщеніе въ работные дома, спеціальная конфискація, опубликованіе приговора.

3) Поселеніе безъ срока, но съ правомъ освобожденія отъ него за хорошее поведеніе, причемъ это правило распространяется и на лицъ, переведенныхъ на поселеніе съ каторги. Поселеніе, по предположеніямъ коммисіи, сохраняется для весьма немногихъ совершенно особенныхъ преступленій.

4) Исправительный домъ на срокъ отъ $1\frac{1}{2}$—6 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 10 лѣтъ; первое время приговоренные содержатся въ одиночныхъ помѣщеніяхъ, а затѣмъ въ общихъ съ раздѣленіемъ на ночь, съ обязательными работами въ помѣщеніи, а для мущинъ и внѣ онаго, и съ отчисленіемъ въ пользу заключенныхъ $^3/_{10}$ чистаго дохода.

5) Заточеніе отъ 2-хъ недѣль до 6 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 10 лѣтъ; отбывается это наказаніе въ крѣпостяхъ или въ особыхъ помѣщеніяхъ, съ обязательными работами, но по выбору заключеннаго и съ обращеніемъ въ его пользу всего чистаго дохода. По предположеніямъ коммисіи, это наказаніе, какъ custodia honesta, должно быть назначаемо лишь въ немногихъ случаяхъ.

6) Тюрьма на срокъ отъ 2-хъ недѣль до 1 года, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 2-хъ лѣтъ, отбывается въ одиночномъ помѣщеніи съ обязательными работами и съ отчисленіемъ въ пользу заключенныхъ $^4/_{10}$ чистаго дохода.

7) Арестъ отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1 года, отбывается въ особыхъ арестныхъ домахъ въ общемъ заключеніи, съ обязательными работами, но по выбору заключенныхъ и съ обращеніемъ въ ихъ пользу всего чистаго дохода.

8) Денежная пеня въ размѣрѣ не ниже 50 коп., если не указано въ отдѣльныхъ статьяхъ какихъ либо спеціальныхъ правилъ ея исчисленія. Уплата пени можетъ быть отсрочена или разсрочена на время не свыше 1 года со дня вступленія приговора въ законную силу, а въ случаѣ неуплаты пени въ установленный приговоромъ срокъ, она замѣняется арестомъ на срокъ не свыше 1 года. При этомъ, хотя всѣ эти наказанія размѣщены въ ст. 2 въ порядкѣ ихъ убывающей карательной тяжести, но, какъ указываетъ коммисія, этотъ порядокъ не имѣетъ значенія ихъ соподчиненности другъ другу, а, напротивъ того, есть порядокъ перехода отъ

одного наказанія къ другому опредѣляется особыми постановленіями.

Нельзя не замѣтить, что карательныя мѣры по проекту представляются довольно многочисленными, особенно сравнительно съ новымъ кодексомъ голландскимъ, такъ какъ, напр., лишеніе свободы, составляющее центръ системы, если и исключить изъ него поселеніе, какъ мѣру, сохраняющую исключительный характеръ, является въ пяти типахъ: каторга, исправительный домъ, заточеніе, тюрьма и арестъ; но, какъ справедливо возразила коммисія на сдѣланныя въ семъ смыслѣ замѣчанія, это сравнительное многообразіе вызывается особенностями русской карательной системы. Существованіе, какъ отдѣльнаго типа, каторги обусловливается требованіями общественной безопасности, необходимостью удалить наиболѣе тяжкихъ преступниковъ изъ предѣловъ внутреннихъ губерній Россіи навсегда или на сравнительно долгій промежутокъ времени, смотря по ихъ поведенію на мѣстѣ отбыванія наказанія; такое удаленіе представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что предположеніе объ исправительномъ воздѣйствіи на преступниковъ нашихъ тюремъ является весьма гадательнымъ. Далѣе, столь же необходимымъ является и удержаніе въ системѣ особаго типа заточенія, какъ наказанія, назначаемаго за сравнительно немногія преступныя дѣянія, неимѣющія позорнаго характера, какъ, напр., за нѣкоторыя посягательства противъ порядка управленія, за дуэль и т. п. Равнымъ образомъ, по тѣмъ же соображеніямъ нельзя не признать правильнымъ удержанія, какъ особаго типа лишенія свободы, ареста, такъ какъ помѣщеніе лицъ, приговоренныхъ къ таковому за маловажныя полицейскія нарушенія, въ тюрьмы, назначаемыя за преступныя дѣянія позорящаго характера и принаровленныя къ таковымъ по самому порядку содержанія, представлялось бы весьма невыгоднымъ. Не даромъ въ государствахъ, знающихъ одинъ только низшій видъ лишенія свободы, раздаются голоса, требующіе уничтоженія краткосрочныхъ наказаній за нарушенія, на томъ основаніи, что пребываніе, хотя бы и въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ помѣщаются завѣдомые преступники, развращаетъ (при совмѣстномъ содержаніи) заключеннаго и кладетъ на него несмываемое пятно въ общественномъ мнѣніи. Остается, слѣдо-

вательно, вопросъ объ отдѣльномъ существованіи исправительныхъ домовъ и тюремъ. Но, какъ указываетъ редакціонная коммисія, соединеніе ихъ представляется едва ли цѣлесообразнымъ и справедливымъ. Во 1-хъ, въ виду различія преступности дѣяній, обложенныхъ этими наказаніями, выражающагося, какъ и относительно соотвѣтственныхъ наказаній дѣйствующаго права, въ различіи слѣдующихъ за ними правопораженій, и во 2-хъ, въ силу затрудненій такого объединенія съ точки зрѣнія пенитенціарной. Долгосрочное заключеніе въ исправительномъ домѣ предположено устроить по системѣ общаго, прогрессивнаго содержанія, а краткосрочное заключеніе въ тюрьмѣ, чтобы имѣть достаточно репрессивную силу, должно быть одиночнымъ. Эти различія, отражаясь на родѣ и свойствѣ работъ, на всѣхъ условіяхъ тюремнаго порядка, едва ли даже, продолжаетъ объяснительная записка, допустятъ соединеніе обоихъ видовъ наказанія, хотя и отдѣльно другъ отъ друга, но въ общихъ зданіяхъ, а тѣмъ болѣе устранятъ возможность полнаго объединенія ихъ.

Проектъ вовсе не включилъ, и вполнѣ справедливо, въ систему наказаній ссылку на житье въ Сибирь и въ отдаленныя губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранилъ всякое различіе наказуемости по сословіямъ, а равно отбросилъ и дѣленіе наказаній на степени, какъ совершенно не соотвѣтствующее уставу уголовнаго судопроизводства.

Въ замѣну дѣленія на степени проектъ установляетъ другой масштабъ дѣлимости отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ. На основаніи статьи 29, срокъ каторги назначается годами и полугодами; срокъ заточенія и тюрьмы—годами, мѣсяцами и недѣлями, а срокъ ареста—днями. При исчисленіи срока лишенія свободы, мѣсяцъ считается въ 30 дней, недѣля въ 7 дней, день въ 24 часа. Денежная пеня всегда назначается рублями или полурублями.

787. Обзоръ отдѣльныхъ главныхъ наказаній дѣйствующаго права. *I. Смертная казнь.* Хотя въ памятникахъ нашего законодательства о смертной казни говорится впервые въ уставной Двинской грамотѣ 1397 г., въ ст. 5 коей было указано: «а уличатъ (татя) въ третьи, ино повѣсити»; но несомнѣнно,

что въ дѣйствительности лишеніе жизни, какъ видъ общественной расправы съ преступниками, является несравненно ранѣе. Это вытекало изъ института частной и родовой мести, выдвигавшаго начало отплаты кровью за кровь, смертью за смерть; къ этому же приводило и вліяніе Византійскаго права, допускавшее смертную казнь въ широкихъ размѣрахъ, а это вліяніе, благодаря переводу Номоканона почти вслѣдъ за принятіемъ христіанства, было весьма значительно въ нашемъ древнемъ правѣ (1).

Дѣйствительно, въ лѣтописяхъ, не говоря уже объ извѣстномъ разсказѣ о Владимірѣ Святомъ, который, по совѣту епископовъ, въ виду умножившихся разбоевъ, хотя и временно, но «отвергъ виры, поча казнити разбойниковъ» (2), мы встрѣчаемъ и прямыя указанія относительно примѣненія смертной казни. Такъ, подъ 1069 г. указано, что Изяславъ, овладѣвъ Кіевомъ, послалъ туда сына своего Мстислава, который предалъ смерти 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава изъ заточенія и, слѣдовательно, участвовавшихъ въ изгнаніи Изяслава. Въ 1071 г. въ Новгородѣ былъ преданъ казни волхвъ за публичное порицаніе вѣры Христовой, за причиненіе мятежа и раздѣленія въ народѣ; въ 1157 г. былъ сожженъ въ Кіевѣ еретикъ Мартинъ; въ 1379 г. при Дмитріѣ Донскомъ былъ казненъ въ Москвѣ, какъ измѣнникъ, Вельяминовъ,

---

(1) См. В. Загоскинъ, очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, 1892 г. Н. Неклюдовъ, прилож. къ учеб. Бернера, стр. 760, отнеся переводъ изъ Юстиніановыхъ книгъ, извѣстный подъ именемъ «уставъ Ярослава о земскихъ дѣлахъ», къ памятникамъ русскаго права, находитъ законодательныя постановленія о смертной казни, и притомъ даже о казни квалифицированной, уже въ эпоху Ярослава.

(2) Характерный этотъ эпизодъ такъ описанъ Несторомъ: «умножились разбойники», говорили епископы, почему ты не казнишь ихъ?» «Боюсь грѣха», отвѣчалъ князь. «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злыхъ, тебѣ достоитъ казнити разбойниковъ, но съ испытомъ». Тогда Владиміръ отвергъ пени и нача казнить, но затѣмъ вскорѣ отмѣнилъ казнь—«и живяше Владиміръ по устроенью отню и дѣдню» прибавляетъ лѣтописецъ. Любопытны также слова Владиміра Мономаха въ поученіи дѣтямъ: «ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти,—а душа не погубляете никакая же крестьяны».

*

сынъ Новгородскаго тысяцкаго, а въ 1383 г., то же за измѣну, былъ казненъ суражскій гость Никомахъ (1).

Въ Псковской судной грамотѣ 1467 г. упоминается уже пять случаевъ примѣненія смертной казни: «а храмскому татю и коневому, и перевѣтнику, и зажигальнику — тѣмъ живота не дати; что бы и на посадѣ покрадется, и въ третій рядъ изличивъ — живота не дати».

Въ судебникахъ число случаевъ примѣненія смертной казни значительно увеличилось, такъ что, напр., въ Велико-княжескомъ указано ихъ 10, а въ Царскомъ судебникѣ насчитывается до 18 отдѣльныхъ дѣяній (2), за которыя законъ угрожалъ смертною казнью, требуя однако для ея примѣненія большею частію, чтобы совершившіе были признаваемы за вѣдомыхъ лихихъ людей, т. е. чтобы они или были захвачены съ поличнымъ, или были облихованы на обыскѣ окольными людьми; иногда для примѣненія смертной казни требовалось собственное признаніе въ винѣ, и безъ этого смертная казнь замѣнялась тѣлеснымъ наказаніемъ и пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьму (3).

Виды смертной казни и обрядъ ея исполненія въ судебникахъ не были точно опредѣлены, упоминалось только о повѣшеніи, хотя въ дѣйствительной жизни допускалось значительное разнообразіе: примѣнялась не только казнь простая, но и квалифицированная, во всѣхъ ея видахъ, съ добавленіями, придуманными ad hoc: стоитъ только вспомнить въ этомъ отношеніи эпоху Ивана IV (4).

---

(1) Владимірскій-Будановъ, хрестоматія, I, стр. 130, говоритъ, что всѣ эти случаи не имѣютъ юридическаго характера наказанія, но никакихъ доказательствъ своего мнѣнія не представляетъ. Ср. Максимовичъ, рѣчь объ уголовныхъ наказаніяхъ въ Россіи, стр. 27; также Загоскинъ, стр. 27.

(2) Хотя по самому характеру судебниковъ, это перечисленіе не имѣло исчерпывающаго характера, такъ какъ въ судебникахъ вовсе не упоминается о многихъ преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь по греко-римскимъ законамъ, какъ напр., за проступки церковные.

(3) Но для примѣненія смертной казни по отношеніи къ государскому убойцѣ, градскому сдавцѣ, крамольнику, церковному татю, головному татю, подметчику и зажигальнику, вѣдомымъ лихимъ людямъ не требовалось этого условія. Поэтому Загоскинъ, стр. 36, различаетъ лихія дѣла высшаго рода, которыя влекли безусловно смертную казнь, и низшаго, которыя могли подлежать и другимъ взысканіямъ.

(4) Въ такъ называемомъ «Эрмитажномъ» спискѣ царскаго судебника указаны, на основаніи литовскаго статута, и другіе случаи, обложенные смертною казнью,

Смертная казнь преимущественно примѣнялась съ утвержденія власти верховной; но иногда право казнить безъ доклада вѣдомыхъ татей и разбойниковъ предоставлялось и властямъ подчиненнымъ—боярамъ московскихъ приказовъ, въ частности разбойнаго, намѣстникамъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ областей, а позднѣе губнымъ судьямъ. «А которые будутъ вѣдомые лихіе люди разбойники, или къ которымъ людямъ разбойники пріѣзжаютъ, говоритъ губная грамота 1540 г., а вы бы тѣхъ пытали накрѣпко, да допытався у нихъ ихъ лихихъ дѣлъ, да ихъ бы есте казнили смертью безъ нашего вѣдома, то есми положилъ на вашихъ душахъ» (Акты Арх. Экс. т. I, № 192). Почти тоже повторяется и въ другихъ губныхъ грамотахъ.

Но наибольшій объемъ примѣненія получаетъ смертная казнь въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Въ уложеніи царя Алексѣя Михаиловича число случаевъ, обложенныхъ смертною казнью, доходило до 54, а по исчисленію пр. Сергѣевскаго до 60 случаевъ, въ воинскомъ же уставѣ Петра Великаго смертною казнью угрожается въ 200-хъ артикулахъ (1).

Это возрастаніе объяснялось, во 1-хъ, тѣмъ, что, частью благодаря развитію судебной практики, а частью заимствованіямъ—въ эпоху уложенія—изъ Литовскаго статута, а при Петрѣ изъ западно-европейскихъ воинскихъ уставовъ, въ законодательствѣ появились многіе новые виды преступныхъ дѣяній, влекущіе за собою смертную казнь: стоитъ вспомнить въ этомъ отношеніи суевѣрныя преступленія, чернокнижничество, заговоръ ружей, массу государственныхъ преступленій, слово и дѣло, практику преображенскаго приказа и т. д., и во 2-хъ, тѣмъ, что смертную казнь сталъ назначать законодатель и за такія дѣянія, которыя въ эпоху судебниковъ и приказной практики облагались только тѣлесными или членовредительными наказаніями.

Для того, чтобы представить себѣ дѣйствительную картину примѣненія смертной казни въ эту эпоху, нельзя ограничиваться

причемъ, напр., за убійство родителей назначалась казнь, напоминавшая римскую poena culei.

(1) Ср. Филипповъ, о наказаніи по законодательству Петра Великаго, 1891 г. стр. 277 и сл.

только уложеніемъ и воинскимъ уставомъ, а необходимо обратиться и къ отдѣльнымъ указамъ, разсыпавшимъ угрозу смертью съ необычайною щедростью. Это громадное число дѣяній, обложенныхъ смертною казнью, нельзя объяснить только несовершенствомъ законодательной техники, стремленіемъ перечислить не только виды, но и отдѣльные случаи тяжкихъ злодѣяній; нѣтъ, стоитъ только просмотрѣть эти указы, чтобъ убѣдиться, что объемъ примѣненія смертной казни дѣйствительно дѣлался безграничнымъ, что это наказаніе становилось столь же заурядною угрозою закона, какъ кнутъ и батоги, или въ наше время тюрьма. Доказательствами можно бы наполнить цѣлыя страницы (1). Наказомъ о градскомъ благочиніи 1649 г. назначена, напр., смертная казнь за учиненіе пожара небреженьемъ, и эта угроза многократно повторяется въ наказахъ объѣзжимъ и пушкарскимъ головамъ; указами 1673 и 1677 выборнымъ таможеннымъ головамъ и кабацкимъ цѣловальникамъ, за хитрость и нерадѣніе, за воровство и корысть въ сборахъ таможенныхъ пошлинъ и питейныхъ денегъ, назначается смертная казнь «безъ всякой пощады», да ужъ кстати назначается смертная казнь и лицамъ, ихъ выбравшимъ, «если они того ихъ воровства не доглядятъ». Вчинаніе «отческихъ дѣлъ», послѣ уничтоженія мѣстничества, влечетъ смертную казнь (указъ 1682 г.). Смертью угрожался побѣгъ изъ полковъ солдатъ и боярскихъ людей, а равно и укрывательство бѣглыхъ; ложное крестное цѣлованіе по закону 1697 г., а равно и вообще лживое свидѣтельское показаніе. Смертью угрожалъ законъ (ук. 1678 г.) тому, кто въ засѣчномъ лѣсу ссѣчетъ дерево, проложитъ дорожку или стежку, а позднѣе (указъ 1703 г.) и всякому, кто срубитъ дубъ въ заповѣдномъ лѣсу. Устанавливаются казенныя хлѣбныя мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвается (ук. 1671 г.): учинить законъ крѣпкой, подъ смертною казнью, чтобы всякой хлѣбъ продавали и покупали, и принимали и отдавали въ тѣ новые осьмины и четверики, и никто бы тѣхъ мѣръ

(1) Ср. Сергѣевскій, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка 1888 г. стр. 84; Филипповъ, в. с., стр. 287. Смертная казнь также была обыкновенною казнью за разные проступки по службѣ, причемъ ею одинаково угрожалось какъ высшимъ, такъ и низшимъ чинамъ, ср. напр. инструкціи герольдмейстеру, рекетмейстеру, и т. п.

нигдѣ не перемѣнялъ; вводится почтовая гоньба и за нерадѣніе и медленность въ гоньбѣ законъ угрожаетъ смертною казнью (указъ 1701 г.). А мѣры Петра въ защиту его новшествъ противъ стараго склада и обряда, а противодѣйствіе или простое нерадѣніе къ разростанію его парадиза—Петербурга,—всѣмъ и за все одна угроза закона—смертная казнь (1).

Но въ виду столь частой угрозы смертною казнью, какъ же велико должно было быть число ежегодно казненныхъ, особенно, когда мы припомнимъ, какъ сильно внѣдрилось въ нашу приказную жизнь взяточничество, такъ что безъ посула нельзя было сдѣлать и шагу ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, когда, по разсказамъ современниковъ, разбои и грабежи были повседневнымъ явленіемъ, когда мы знаемъ съ какимъ упорствомъ и самопожертвованіемъ отстаивала старая Русь свои обычаи противъ Петра! Какъ справедливо замѣчаетъ пр. Сергѣевскій (стр. 27), «при строгомъ и послѣдовательномъ примѣненіи буквы закона, на Руси не осталось бы ни воеводъ, ни дьяковъ, ни другихъ жителей». Между тѣмъ, хотя по свидѣтельствамъ иностранцевъ и нашихъ писателей, напр., Котошихина, число казненныхъ было весьма велико, напр., какъ говоритъ Котошихинъ, за поддѣлку монеты при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ одинъ день было казнимо по 150 человѣкъ, а всего до 7000; послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ при Петрѣ Великомъ казненныхъ считали не десятками, а сотнями, такъ что, напр., подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ за бунтъ 30 Сентября 1698 г. было казнено всего 1166 человѣкъ, но цифры эти (если даже первыя изъ цифръ и не преувеличены, какъ и многія другія цифровыя данныя, сообщенныя Котошихинымъ) во всякомъ случаѣ относятся къ чрезвычайнымъ, изъ ряда выходящимъ событіямъ, къ смутамъ, которыя всегда и вездѣ влекли огромное число осужде-

---

(1) Хотя встрѣчались случаи, когда, въ виду потребностей минуты, нужды въ рабочихъ рукахъ, напр., при постройкѣ новыхъ крѣпостей и т. п., область примѣненія смертной казни вдругъ ограничивалась; такъ, напр., указами 1703 г., (№ 1951), 1704 (№ 1957) и 1705 (№ 2026) повелѣвалось примѣнять смертную казнь только къ смертоубіцамъ, измѣнникамъ и мятежникамъ, а за всѣ прочія вины наказывать кнутомъ и заклеймивъ, ссылать въ каторгу на вѣчно или на урочные годы; но эти указы имѣли, какъ видно и изъ ихъ повторяемости, чисто временной характеръ.

ній. Но мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы смертная казнь была повсюднымъ и повседневнымъ явленіемъ въ обыкновенное время, какъ бы слѣдовало ожидать по объему угрозы смертною казнью. Какъ же объяснить такое противорѣчіе? По моему мнѣнію, вѣрное предположеніе по этому поводу высказываетъ пр. Сергѣевскій (1), «что угроза смертью была всего чаще мнимою угрозою, исполненіе коей не предполагалось и самимъ законодателемъ въ моментъ изданія того или другаго сепаратнаго закона». Дѣйствительно, она сдѣлалась въ XVII вѣкѣ одною изъ гиперболическихъ формулъ, которыми былъ переполненъ нашъ юридическій языкъ того времени. Какъ всякій жаловавшійся на побои писалъ на подъяческомъ языкѣ, что его били смертнымъ боемъ до смерти многажды; какъ богатый монастырь, ходатайствуя о новыхъ льготахъ, непремѣнно писалъ въ челобитной, что отъ крайняго и великаго разоренья жить братіи нудно и гладно и что онъ ходатайствуетъ лишь потому, чтобы не помереть имъ голодною смертью всѣмъ до единаго, такъ и законодатель говорилъ всякому ослушнику, что онъ безмѣрно живота лишенъ будетъ и что его будутъ казнить смертью безъ всякой пощады, вовсе не думая, что эта угроза всегда будетъ выполнена. Эта угроза смертью за все и про все была особою разновидностью абсолютно неопредѣленной санкціи, излюбленной формулою уголовной угрозы московскаго періода: «быть отъ Великаго Государя въ наказаньи и въ казни и въ разореньи». Эти формулы коренились въ основномъ характерѣ государственнаго строя — полномъ подавленіи личности, непризнаніи за нею какихъ либо правъ и соотвѣтствующихъ этимъ правамъ гарантій. Какъ въ частныхъ отношеніяхъ надъ холопомъ висѣла безграничная власть его владѣльца, какъ на всесильнаго воеводу, въ родѣ сибирскаго Пашкова, нельзя было найти суда и управы, и не было предѣловъ его самовластію, такъ, съ точки зрѣнія государственнаго права, и холопъ, и свободный, и помѣщикъ, и воевода — всѣ они одинаково являлись «холопами» Великаго Государя, на всѣхъ распространялась одна, все сильнѣе и сильнѣе крѣпнувшая государственная власть. Какая

---

(1) Наказаніе въ XVII вѣкѣ, стр. 26 и сл.; у него приведены и примѣры въ подтвержденіе этого соображенія.

же необходимость въ точномъ опредѣленіи мѣры отвѣтственности, въ установленіи соотношенія вины и наказанія? Что угроза смертью дѣйствительно была только формулою, то на это, помимо соображенія о фактической невозможности исполненія велѣній закона, мы имѣемъ и прямыя историческія данныя. Въ указѣ 1 Августа 1670 г. (№ 480), напр., за побѣгъ со службы назначена смертная казнь, а въ 1671 г. отъѣхавшіе отъ полковъ въ дѣйствительности подверглись лишь отобранію половины помѣстій и вотчинъ; малопомѣстные же и безпомѣстные биты кнутомъ (№ 489). Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи указъ 1683 г. 21 Мая (№ 1014) по поводу стрѣлецкихъ смутъ: «во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнію», чтобы всякихъ чиновъ люди мимошедшаго смутнаго времени никакими мѣрами не похваляли и никакихъ непристойныхъ словъ на смуту и на страхованіе и на соблазнъ людямъ, не говорили, и никакихъ затѣйныхъ дѣлъ не дѣлали», а затѣмъ въ томъ же указѣ говорится, что если такіе люди объявятся и запрещенное учнутъ дѣлать, то имъ за малыя вины чинить наказаніе, бить кнутомъ и батоги, а въ большихъ винахъ писать объ указѣ къ Великимъ Государямъ въ Москву, такъ что угроза смертью по самому же тексту закона оказывается простымъ риторическимъ украшеніемъ, тѣмъ дракономъ, отъ котораго не могло вполнѣ освободиться даже и дѣйствующее уложеніе, въ тѣхъ его частяхъ, которыя коренятся въ эпохѣ уложенія 1649 г.

Въ законодательныхъ памятникахъ XVII вѣка смертная казнь являлась въ двухъ видахъ: простая и квалифицированная.

Въ уложеніи 1649 г. упоминается только одинъ видъ простой смертной казни—повѣшеніе, въ большинствѣ же статей законъ угрожалъ смертною казнью, не опредѣляя порядка ея исполненія. На практикѣ же, какъ видно изъ историческихъ данныхъ, столь же часто употреблялось и обезглавливаніе, что, впрочемъ, подтверждается и указомъ 1666 г. (№ 383); а гдѣ приходилось казнить сравнительно большое число преступниковъ—и утопленіе. Въ воинскомъ же уставѣ Петра В. къ этимъ наказаніямъ прибавилось разстрѣляніе, какъ обыкновенное наказаніе за воинскія преступленія.

Что касается квалифицированной смертной казни, то по уложенію она является въ трехъ видахъ, а именно:

1) Сожженіе, назначавшееся за богохуленіе, отвлеченіе отъ православія и поджогъ. На практикѣ оно всего чаще употреблялась для еретиковъ и раскольниковъ и за суевѣрныя преступленія. Сожженіе за поджогъ было отмѣнено въ 1659 г. (№ 126). Сожженіе производилось обыкновенно на кострѣ или въ срубѣ; но встрѣчается, хотя и весьма рѣдко, сожженіе на медленномъ огнѣ; такъ, извѣстенъ особенно мучительный способъ примѣненія этого наказанія (казнь, копченіемъ творимая) къ Григорію Талицкому и его сообщнику Савину въ 1701 г.: ихъ окуривали ѣдкимъ составомъ, такъ что все тѣло медленно таяло. Послѣдній случай сожженія на кострѣ за вѣроотступничество относится къ 1738 г., когда былъ сожженъ въ Петербургѣ совращенный въ жидовство Возницынъ и его совратитель Борухъ; въ томъ же году былъ сожженъ за распространеніе ереси въ Екатеринбургѣ—Тайгильда.

2) Залитіе горла расплавленнымъ металомъ (олово или свинецъ), назначавшееся воровскимъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ; одна изъ мучительнѣйшихъ формъ казней, такъ какъ растопленное олово прожигало иногда насквозь гортань, а самая смерть наступала весьма медленно. Хотя по указу 1672 г. (№ 510) для фальшивыхъ монетчиковъ назначается отсѣченіе лѣвой руки и обѣихъ ногъ, но затѣмъ залитіе горла упоминается въ воинскомъ уставѣ. На практикѣ эта казнь употреблялась и въ концѣ царствованія Петра Великаго; между прочимъ указомъ 5 Февраля 1723 г. (№ 4157) велѣно въ случаѣ, если казненные такимъ образомъ скоро не умрутъ, отсѣкать имъ голову.

3) Окопаніе живаго въ землю, назначавшееся женамъ за убійство мужей. Закапывались обыкновенно съ руками по плечи въ землю, которую вокругъ утаптывали, и въ такомъ видѣ оставляли умирать голодною смертью; всего чаще умирали на второй и третій день; но бывали примѣры, когда закопанныя жили по нѣскольку недѣль (получая тайкомъ пищу). Окопаніе въ землю по указу 19 Февраля 1689 г. (п. с. з. № 1335) замѣнено отсѣченіемъ головы; но тѣмъ не менѣе случаи примѣненія этого наказанія встрѣчаются и въ XVIII вѣкѣ, даже и послѣ Петра Великаго.

Кромѣ того, изъ свидѣтельства же Котошихина, а равно и изъ

историческихъ указаній видно, что употреблялось четвертованіе (напр., такъ казненъ Стенька Разинъ, самозванцы лже-Шуйскій, лже-Симеонъ), посаженіе на колъ, колесованіе, т. е. раздробленіе колесомъ частей тѣла и другіе виды, назначавшіеся, впрочемъ, въ особыхъ, такъ сказать чрезвычайныхъ, случаяхъ ([1]). Позднѣе, почти всѣ эти наказанія вошли въ воинскій уставъ Петра Великаго и даже съ добавленіями въ видѣ предварительнаго прожженія языка, повѣшанія за ребро, за ноги и т. п.

Самое исполненіе смертной казни у насъ никогда не имѣло той строго выработанной техники и формальности, какія мы встрѣчаемъ въ западной Европѣ; въ важнѣйшихъ случаяхъ, оно сопровождалось торжественными обрядами, позорнымъ шествіемъ. Но обыкновенно смертная казнь исполнялась настолько просто, что это возбуждало недоумѣніе иностранцевъ: нерѣдко приводились приговоренные на казнь даже, не связанные, толпою, спокойно дожидаясь на площади очереди; сами они всходили на лѣстницу, къ висилицамъ, надѣвали петлю и бросались съ помоста, сами клали головы на плаху и т. п. По уложенію (глава XXI, ст. 34), казни должно было предшествовать пребываніе въ покаянной избѣ въ теченіи шести недѣль (по новоуказнымъ статьямъ 1669 г. не болѣе 10 дней), затѣмъ приговоренные причащались—и черезъ два, три дня послѣ причастія уже ихъ вершили; но на практикѣ этотъ порядокъ далеко не всегда соблюдался и, напр., указомъ 1653 г. даже прямо велѣно разбойниковъ и татей въ покаянную избу не сажать и причастія имъ не давать, а только давать покаяніе. Казнь всегда совершалась публично; казнь не совершалась въ воскресные и праздничые дни, а по отношенію къ беременнымъ женщинамъ отлагалась до разрѣшенія отъ бремени (уложеніе XXII, ст. 15); по указу 1637 г. указано откладывать казнь на 6 недѣль по разрѣшеніи отъ бремени.

788. Въ такомъ же положеніи находится настоящій вопросъ и при преемникахъ Петра. Существенное измѣненіе начинается

([1]) Болѣе подробныя указанія у Сергѣевскаго, в. с. стр. 106—124. Казни совершались и надъ трупами—памятна казнь Милославскаго въ 1696 г., чрезъ 13 лѣтъ послѣ его смерти: его трупъ, вырытый изъ могилы, былъ отвезенъ на свиньяхъ въ преображенскій приказъ, гдѣ его поливали кровью его соучастниковъ, а затѣмъ разсѣкли на части.

только со времени царствованія Императрицы Елизаветы Петровны (1).

Существуетъ преданіе, что въ памятный день вступленія на царство Елизавета дала обѣтъ не примѣнять смертную казнь (Соловьевъ, стр. 150; кн. Щербатовъ, стр. 66), и дѣйствительно переворотъ не сопровождался казнями: выдающіеся представители предшествовавшаго правленія, даже заправилы эпохи правительницы—Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ и др., приговоренные въ 1742 г. судною коммисіею—двое первыхъ къ квалифицированной смертной казни, четвертованіемъ и колесованіемъ, а прочіе къ отсѣченію головы, подверглись только ссылкѣ, и при допросѣ ихъ не пытали (2).

Въ 1742 г. отмѣняется смертная казнь и пытка для малолѣтнихъ моложе 17 лѣтъ; а велѣно ихъ, наказавъ плетьми, отсылать въ монастырь на покаяніе. Въ 1743 г. Августа 2 въ указѣ, послѣдовавшемъ по рапорту генералъ фельдмаршала Лесси, предписано было за смертныя преступленія натуральною смертью никого изъ приговоренныхъ въ Финляндіи русскихъ солдатъ не казнить, «а отсѣчь руку и вырѣзавъ ноздри ссылать въ вѣчныя работы на рудокопные заводы въ Сибирь», при чемъ фельдмаршалу предписывалось объявить Шведамъ, что смертью казнить не велѣно, потому что Мы «всякія смертныя преступленія не натуральною, но политическою смертію наказывать уставили» (3).

Затѣмъ, въ 1744 г. Мая 7 (17?) (п. с. з. 8944) послѣдовало общее предписаніе: всѣмъ судебнымъ мѣстамъ представлять въ Сенатъ перечневыя выписки о всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни или къ политической смерти, и до полученія изъ Сената указа объ утвержденіи смертнаго приговора, не чинить по нему надъ осужденными экзекуціи, причемъ мотивомъ было приведено, что усмотрѣно, что эти казни чинятъ не по подлежащимъ винамъ, а инымъ и безвинно; Сенату же указомъ 11 мая вмѣнено въ обя-

---

(1) Н. Сергѣевскій, смертная казнь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ журн. гр. и уг. права 1890 № 1; А. Градовскій, Высшая администрація, стр. 189.

(2) Смертная казнь также не была примѣнена къ государственнымъ преступникамъ по дѣлу Турчанинова и др., по дѣлу Ивана Лопухина и его соучастниковъ.

(3) Указъ въ Полн. Собр. Зак. не вошелъ, но находится въ Архивѣ Сената въ копіяхъ Высоч. Повел., кн. 144, л. $^{472}/_{251}$.

занность докладывать Императрицѣ объ осужденныхъ къ этой казни, причемъ Императрица ни одного смертнаго приговора не утверждала и не замѣняла казнь другимъ наказаніемъ. Только изустнымъ указомъ 9 Іюня 1746 г. (№ 9293) велѣно было клеймить всѣхъ преступниковъ, подлежавшихъ смертной казни, словомъ воръ-во лбу ВО, на правой щекѣ Р, а на лѣвой Ъ, чтобы они отъ прочихъ добрыхъ и не подозрительныхъ людей были отличны и что если кто изъ нихъ учинитъ утечку таковымъ по поимкѣ чрезъ клейменіе удобный способъ быть можетъ. Такимъ образомъ, въ тюрьмахъ накопилось много сидѣльцевъ, ожидавшихъ смертной казни (1), какъ доносилъ Сенатъ въ 1753 г., 29 Марта (№ 10086) всего 279 человѣкъ (2), а потому Сенатъ, указывая на невозможность по каждому дѣлу входить съ докладомъ, испрашивалъ указа о замѣнѣ смертной казни разъ на всегда вѣчною ссылкою на каторжную работу послѣ публичнаго наказанія кнутомъ и заклейменія преступниковъ. Предположенія Сената о замѣнѣ натуральной смертной казни политическою были утверждены Императрицею, а затѣмъ подтверждены и разъяснены указами 25 Мая 1753 г. (№ 10101) и 30 Сент. 1754 г. (№ 10306) (3); на основаніи этихъ указовъ существовавшіе законы, коими опредѣлялась за извѣстныя преступленія смертная казнь, остались безъ всякихъ измѣненій, поэтому судебныя мѣста должны были, при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ, назначать наказанія по прежнимъ законамъ, кому что довелось.

---

(1) Уже въ 1751 г. Сенатъ принималъ нѣкоторыя мѣры противъ переполненія тюремъ, направляя колодниковъ въ Рогервикъ на тяжкія работы, а затѣмъ и въ другія работы. Въ 1749 г. Кіевскій генералъ-губернаторъ донесъ Сенату, что кошевой атаманъ повѣсилъ двоихъ за разбой, дабы такое безпрерывное воровство прекратиться могло; но Сенатъ 13 Марта (№ 9586) указалъ, что впредь смертной казни не чинить, а прилагать экстракты, какъ уже было указано въ 1744 г.

(2) Изъ нихъ 110 за убійство, 169 за разбой и другія вины; и еще осужденныхъ на каторгу вѣчно съ вырѣзаніемъ и ноздрей 156, да сверхъ того, прибавляетъ Сенатъ, сидитъ колодниковъ, о которыхъ дѣла не окончены, до 3579 человѣкъ, изъ коихъ многіе доведутся до натуральной или политической смерти.

(3) Указомъ 27 Марта 1761 г. Императрица поручила Алсуфьеву объявить комиссіи, сочинявшей проектъ уложенія, что Ея Величество повелѣть соизволила въ новомъ сочиняемомъ уложеніи за подлежащія вины смертной казни не писать. Между тѣмъ по этому проекту назначалась не только простая смертная казнь, но и квалифицированная—сожженіе, залитіе горла, повѣшеніе за ребро, а за политическія преступленія было предположено разорваніе тѣла пятью лошадьми. Понятно, что Императрица не могла утвердить проекта съ подобною лѣстницею наказаній.

Въ случаѣ присужденія виновнаго низшею инстанціею къ смертной казни натуральной или политической, судъ обязанъ былъ дѣло и приговоръ внести на ревизію губернаторамъ, юстицъ-коллегіи или равнымъ съ нею органамъ спеціальныхъ вѣдомствъ, а сіи послѣдніе, если признавали приговоръ правильнымъ, то, не чиня по приговору смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа, дабы оныя за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ наказанія не избѣгали, распоряжались, ссылать ихъ въ опредѣленныя мѣста на каторжныя работы, предварительно подвергнувъ: подлежащихъ натуральной смерти жестокому наказанію кнутомъ съ вырѣзываніемъ ноздрей и постановленіемъ клейма на лбу В, на щекахъ—на одной О, а на другой Р; осужденныхъ же на политическую смерть тѣмъ же наказаніямъ, но безъ наложенія клейма. Мѣстомъ отбытія каторги былъ назначенъ Рогервикъ (1).

Такъ совершился любопытный историческій актъ прекращенія примѣненія смертной казни въ Россіи, и при томъ во время царствованія Елизаветы по всѣмъ дѣламъ безъ изъятія.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II по отношенію къ общимъ преступленіямъ смертная казнь признавалась отмѣненною, что прямо заявлено въ подтвердительномъ указѣ 1775 года 6 Апрѣля (№ 14294) (2), а указомъ 30 Окт. 1794 г. (п. с. з. 17264) отмѣна смертной казни распространена на присоединенную

---

(1) Экстракты по этимъ дѣламъ съ показаніемъ вины и рѣшительныхъ приговоровъ присылались обязательно въ Сенатъ, и эта присылка продолжалась до 1806 г.; эти экстракты представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи уголовнаго права Россіи второй половины XVIII вѣка.

(2) Въ сентенціи (указъ 1768 г.) по извѣстному дѣлу Салтыковой (Салтычиха-людоѣдка), обвинявшейся въ убійствѣ, въ теченіе 10 лѣтъ, 130 ея крестьянъ, было сказано: хотя по силѣ законовъ она и подлежала смертной казни, но оная замѣняется ей лишеніемъ дворянства, выставкою у позорнаго столба, заточеніемъ на всю жизнь въ подземелье Ивановскаго монастыря и заключеніемъ въ оковы. Въ наказѣ Императрица Екатерина по вопросу о смертной казни повторяетъ положеніе Беккаріи, что смертная казнь можетъ быть нужна только въ томъ случаѣ, когда виновный и лишенный свободы имѣетъ средства и власть возмутить народное спокойствіе. Но нельзя также не указать, что въ наказахъ многихъ депутатовъ выражалось недовольство мягкостью наказаній и домогательство общаго повышенія наказуемости; наказы рекомендуютъ введеніе смертной казни не только за убійство, но и за разбой, грабежъ, поджогъ, кражу, даже за корчемство и лихоимство.

къ Россіи Литву. Указы Елизаветы Петровны по ихъ буквальному тексту относились только къ дѣламъ, по коимъ апробація была предоставлена губернскимъ начальствамъ, или которыя вѣдались сыскнымъ приказомъ, но они вовсе не касались случаевъ чрезвычайныхъ, такъ называемыхъ общегосударственныхъ преступленій. По отношенію къ нимъ Императрица Екатерина не признала возможнымъ признать казнь смертную отмѣненною. Напротивъ того, уже въ 1764 г. былъ казненъ отсѣченіемъ головы Мировичъ за попытку освободить Іоанна Антоновича; въ 1771 г. были казнены черезъ повѣшеніе двое изъ главныхъ участниковъ московскаго бунта во время чумы, когда былъ убитъ архіепископъ Амвросій; наконецъ, въ 1775 г. были казнены Пугачевъ и его главный помощникъ Перфильевъ четвертованіемъ (1), другіе же изъ важнѣйшихъ сообщниковъ Пугачева отсѣченіемъ головы и повѣшеніемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣла разсматривались въ Верховномъ уголовномъ судѣ, особо учрежденномъ Высочайшими Манифестами, и преступники приговаривались къ наказанію на основаніи уложенія 1649 г. и воинскаго и морскихъ уставовъ.

Во временныхъ карательныхъ правилахъ, изданныхъ по поводу чумы 1771 г., хотя и предписывалось казнить преступниковъ на мѣстѣ по своему разсужденію и по мѣрѣ безчинства, но прямо о примѣненіи смертной казни никакихъ указаній сдѣлано не было, а указомъ 12 Октября 1771 г. (№ 13676) назначена была смертная казнь тѣмъ, кто будетъ входить въ вымершіе домы и грабить оставшіеся пожитки, «таковые безбожники и враги рода человѣческаго должны быть казнены на самомъ мѣстѣ преступленія... дабы смертію одного злодѣя отвратить смертоносный отъ заражен-

(1) Существуетъ впрочемъ извѣстіе, что Пугачевъ, по тайному приказу, незамѣтно для публики предъ четвертованіемъ былъ лишенъ жизни, ср. Кистяковскій стр. 263. Но при этомъ однако нельзя не вспомнить, что въ провинціи, при самомъ усмиреніи пугачевщины, смертныя казни и даже квалифицированныя, въ видѣ, напр., повѣшенія на крюкахъ за ребро, примѣнялись щедрою рукою. Въ указѣ Сената отъ 6 Апрѣля 1775 г. указано: какъ все происшедшее по бывшему внутреннему бунту, возмущенію и неустройству, Монархиня предаетъ нынѣ вѣчному забвенію и глубокому молчанію, то гдѣ остались смертью казненныя тѣла, еще не погребенныя, оныя предать землѣ, и въ тоже время, особо устроенныя для бывшихъ смертныхъ казней лобныя мѣста и орудія истребить, а впредь по отношенію къ смертнымъ приговорамъ снова руководствоваться указомъ отъ 30 Сентября 1754 г.

ныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ, ибо въ крайнихъ обстоятельствахъ и мѣры къ уврачеванію крайнія принимаются».

Въ царствованіе Императора Павла указомъ 20 Апрѣля 1799 г. (№ 18943) отмѣна смертной казни была распространена на тѣ губерніи, коимъ предоставлено имѣть судъ и расправу на основаніи древнихъ ихъ правъ и привилегій, причемъ въ Именномъ указѣ было выражено такъ: «запрещеніе смертной казни, по силѣ общихъ государственныхъ узаконеній, въ Имперіи нашей существующее, Всемилостивѣйше распространяемъ».

Въ царствованіе Александра I-го отмѣна смертной казни распространена на присоединенныхъ къ Россіи: въ 1801—Грузію, въ 1804—Мингрелію и въ 1811—Гурію.

Въ 1812 г. при изданіи воинскаго полеваго уложенія смертная казнь, по примѣру устава 1797 г. и Манифестовъ 1806 и 1808 г., была сохранена за воинскія преступленія, въ походѣ учиненныя.

Проектъ общаго уложенія 1813 г., наоборотъ, отступая отъ всѣхъ историческихъ традицій Россіи, весьма щедро разсыпалъ смертную казнь, какъ за общественныя, такъ и за частныя преступленія. Поэтому понятно, что, при обсужденіи въ 1823 г. вопроса о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ поставленъ на очередь вопросъ о юридическомъ положеніи смертной казни по нашимъ законамъ.

Въ общемъ собраніи Совѣта два лица, Адмиралъ Мордвиновъ и Шишковъ, опираясь на указъ 1754 г., а главнымъ образомъ на слова Манифеста 1799 г. Императора Павла I-го, доказывали, что смертная казнь отмѣнена за всѣ преступленія, не исключая и политическихъ, а потому полагали не упоминать въ законѣ объ этомъ наказаніи, но въ случаяхъ чрезвычайныхъ—посягательства на жизнь государя, бунта и возстанія народнаго—оставить произвольную казнь, опредѣляемую по обстоятельствамъ дѣла (1). Но большинство членовъ (15 особъ), опираясь: а) на буквальный текстъ

(1) Вообще же Мордвиновъ высказывался противъ смертной казни, основываясь на отсутствіи права человѣка отнимать жизнь у себя подобнаго. «Облечь кроткаго и человѣколюбиваго Императора Александра I-го въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни, говорилъ Мордвиновъ, самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ». Мнѣніе Мордвинова напечатано въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1859 г.

указовъ 1753 и 1754 гг., относящійся только къ общимъ преступленіямъ, разсматривавшимся въ общемъ порядкѣ судопроизводства; б) на то, что въ числѣ замѣняющихъ смертную казнь по указу 1753 г. наказаній было клейменіе словомъ «воръ», не употреблявшееся относительно государственныхъ преступниковъ, и в) на примѣры изъ царствованія Императрицы Екатерины II,—утверждали, что смертная казнь примѣняется къ преступленіямъ государственнымъ. Хотя эти разсужденія, за неутвержденіемъ проекта, прямого практическаго значенія не имѣли, но мнѣніе большинства въ 1826 г. было принято верховнымъ судомъ, по дѣлу участниковъ возстанія 14 Декабря 1825 г., когда пятеро главныхъ участниковъ были повѣшены (1).

Въ томъ же 1826-мъ году Манифестомъ 21 Апрѣля отмѣнена смертная казнь за общія преступленія въ Финляндіи (2); но при изданіи при Императорѣ Николаѣ I-мъ карантиннаго устава 20 Октября 1832 г. смертная казнь была опредѣлена за рядъ преступленій, учиненныхъ во время чумы.

---

(1) По приговору верховнаго суда (2-ое п. с. з. № 464) къ смерти были приговорены 36 человѣкъ, причемъ 5 къ четвертованію; для послѣднихъ наказаніе было замѣнено, по волѣ Императора, повѣшеніемъ, а прочіе сосланы на каторгу.

(2) Въ семъ Манифестѣ (2-ое п. с. з. № 275) было изображено: «съ самого начала царствованія Нашего и управленія различными подвластными скипетру Нашему государствами, примѣненіе и исполненіе уголовнаго уложенія В. К. Финляндіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе уложеніе опредѣляетъ смертную казнь, составляло предметъ живѣйшей Нашей заботы. Съ одной стороны, Мы усматривали, что безусловное положеніе онаго законодательства въ семъ отношеніи не согласуется съ основанными на внутреннемъ убѣжденіи и сообразными съ судопроизводствомъ въ Имперіи правилами Нашими; съ другой стороны, Мы не могли отступить отъ предначертаннаго Нами самими въ совѣсти Нашей долга не утверждать никакого, хотя и сообразнаго съ законоположеніями смертнаго приговора, если преступленіе не будетъ толикой важности, что цѣлью онаго было нарушеніе общественнаго существованія, спокойствія государственнаго, безопасности Престола и святости Величества». Съ 1826 г. смертная казнь въ В. К. Финляндіи не примѣнялась за общія преступленія и въ большинствѣ сочиненій по этому вопросу Великое Княжество упоминалось въ числѣ государствъ, отмѣнившихъ вовсе это наказаніе (у шведскихъ писателей, напр. D'Olivecron'a, стр. 166, даже будто бы по почину сейма); но по новому уложенію смертная казнь назначается, кромѣ политическихъ преступленій, и за предумышленное убійство.

На этомъ основаніи по своду законовъ 1832 г. (ст. 17) (1) опредѣлена смертная казнь въ трехъ случаяхъ:

1) за преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, когда оныя по особенной ихъ важности предаются верховному уголовному суду, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эти дѣла разсматривались въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, назначалось лишеніе всѣхъ правъ, наказаніе кнутомъ (для неизъятыхъ) и ссылка въ каторжную работу (ст. 217);

2) за карантинныя преступленія—по приговору воинскихъ судовъ, и

3) за воинскія преступленія во время похода—по полевому уложенію.

Комиссія по составленію уложенія 1845 г. предположила расширить примѣненіе смертной казни, назначивъ ее не только за всѣ преступленія государственныя, но и за отцеубійство (2); но это предположеніе не было принято Государственнымъ Совѣтомъ, въ виду прямо заявленной по сему предмету воли Императора Николая I въ манифестѣ 21 Апрѣля 1826 г.

789. По дѣйствующему праву смертная казнь назначается за преступленія государственныя (3), безотносительно къ тому, въ какихъ судахъ будутъ разсматриваться дѣла этого рода, и за преступленія карантинныя, предусмотрѣнныя ст. 831 и сл., при чемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы, дѣла эти вѣдаются не военными, а общими судебными мѣстами.

Такимъ образомъ, объемъ примѣненія смертной казни у насъ представляется весьма ограниченнымъ, но для правильной оцѣнки вопроса о примѣненіи у насъ этого наказанія необходимо имѣть въ

(1) Ст. 17 выражается крайне неопредѣленно: «казнь смертная, за разныя преступленія въ прежнихъ законахъ положенная и по указамъ 1753 и 1754 годовъ *другими наказаніями замѣненная, съ того времени опредѣляется*:.....

(2) Первоначально Комиссія предполагала ввести смертную казнь какъ наказаніе для лицъ, уже осужденныхъ въ каторгу и совершившихъ во второй разъ послѣ осужденія тяжкія преступленія, а именно: убійство, зажигательство, разбой и грабежъ. Нельзя при этомъ не прибавить, что это предположеніе имѣло нѣкоторое основаніе въ дѣйствовавшемъ правѣ, такъ какъ на основаніи секретныхъ указовъ 1834—1837 гг. за заговоръ и бунтъ, за открытое неповиновеніе начальству и нѣкоторыя другія важныя преступленія, преступники, находившіеся въ Сибири, должны были наказываться смертью. Ср. у Фойницкаго, наказаніе, стр. 287 и сл., данныя по дѣятельности такъ называемаго секретнаго Сибирскаго комитета.

(3) Ст. 241, 244, 249, 251, 306, 425, 987 и 1145.

виду два обстоятельства. Во 1-хъ, что отмѣна смертной казни была фиктивною, пока у насъ существовали страшныя тѣлесныя наказанія, нерѣдко приводившія къ засѣченію на смерть. Князь Щербатовъ говоритъ про эпоху Елизаветы и Екатерины: у насъ отмѣненъ легкій видъ смертной казни, состоящій въ повѣшеніи или обезглавливаніи, а самый тяжкій—засѣченіе—оставленъ (1).

О смертельномъ исходѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній содержатся даже прямыя указанія въ указѣ 1817 года Императора Александра I; въ виду сей опасности было запрещено указами 1802 и 1808 годовъ въ приговорахъ назначать нещадное наказаніе кнутомъ безъ опредѣленія числа ударовъ. Но и помимо кнута, къ такимъ же послѣдствіямъ могло приводить и назначеніе плетей въ значительныхъ размѣрахъ, а еще чаще шпицрутеновъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ ударовъ. Поэтому понятно, что случаи засѣченія на смерть встрѣчались и послѣ отмѣны кнута (2). Предѣлъ въ этомъ отношеніи былъ положенъ законами 17 Апрѣля 1863 года и 8 Мая 1871 г., отмѣнившими плети по уложенію и смягчившими тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ.

Во 2-хъ, что весьма часто наиболѣе важныя преступленія передавались на разсмотрѣніе военнаго суда для примѣненія законовъ военнаго времени, напр., въ случаяхъ особо выдающихся убійствъ, поджоговъ (напр. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ). Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ и устава военно-уголовнаго судопроизводства, число подобныхъ случаевъ было ограничено только мѣстностями, объявленными на военномъ положеніи; но за недавнее время, законами 1878 и 1879 г.г. о временныхъ генералъ-губернаторахъ, а затѣмъ въ особенности закономъ 1881 г. о чрезвычайной и усиленной охранѣ, возможность такой передачи получила чрезвычайные размѣры, такъ какъ генералъ-губерна-

---

(1) Кн. Щербатовъ, о смертной казни 1788 г., въ чтен. общ. люб. древн. Росс. за 1860 г., стр. 57—72. Говардъ въ своемъ дневникѣ, говоря о посѣщеніи Россіи въ 1781 году, приводитъ свой разговоръ съ палачемъ и заявленіе послѣдняго о томъ, что ему случалось засѣкать на смерть по полученнымъ имъ приказаніямъ.

(2) Ср. напр. возмутительно-хвастливыя воспоминанія жандармскаго полковника Стогова въ Русской Старинѣ за 1878 г. (стр. 694) о засѣченіи (въ административномъ порядкѣ) на смерть 14 человѣкъ въ Симбирскѣ въ 1836 г., причемъ въ числѣ засѣченныхъ былъ 70-ти-лѣтній старикъ, на котораго притомъ уже послѣ его смерти были наложены кандалы.

*

торы и Министръ Внутр. Дѣлъ могутъ передать въ военный судъ для сужденія по законамъ военнаго времени всякое общее преступленіе.

Смертная казнь всегда соединяется съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и степеней не имѣетъ. Но такъ какъ она внесена въ общую лѣстницу наказаній, то въ случаѣ признанія, напр., наличности смягчающихъ обстоятельствъ, судъ можетъ смягчить отвѣтственность на 1 или 2 степени и, слѣдовательно, перейти къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ 15—20 лѣтъ.

Виды смертной казни въ законѣ не установлены, и, согласно ст. 18 улож., опредѣляются судомъ въ его приговорѣ, причемъ изъ ст. 525 зак. о судопр. по дѣл. о прест. (изд. 1876 г.) и ст. 71 улож. въ прежней редакціи до зак. 1881 г. можно заключить, что законъ допускаетъ два вида казни: отсѣченіе головы и повѣшеніе; но въ практикѣ нашихъ судовъ примѣняется только одинъ видъ—повѣшеніе. Приговоръ, присуждающій къ смертной казни въ случаяхъ, указанныхъ въ 1 п. 945 ст. у. у. с., прежде исполненія представляется на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

До закона 26 Мая 1881 г. смертная казнь исполнялась публично, а нынѣ она исполняется (ст. 963 у. у. с.; 520 ст. зак. суд. угол. по прод. 1886 г.) непублично, въ предѣлахъ тюремной ограды, а при невозможности сего—въ иномъ, указанномъ губернаторомъ мѣстѣ, куда осужденный доставляется въ закрытой повозкѣ (1). Предъ казнью осужденный, смотря по правиламъ его исповѣданія, получаетъ или причащеніе, или духовное напутствіе; духовное лицо сопровождаетъ его и на мѣсто казни (2). При исполненіи приговора обязательно присутствуютъ: лицо прокурорскаго надзора, начальникъ мѣстной полиціи, секретарь

(1) Циркуляромъ Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 17 Марта 1882 г. разъяснено, что казнь смертная не можетъ быть исполняема въ арестныхъ домахъ и подслѣдственныхъ тюрьмахъ и что если нельзя исполнить казнь въ предѣлахъ тюремной ограды, то губернаторъ долженъ выбрать мѣсто, во всякомъ случаѣ удовлетворяющее условіямъ непубличности приговора и достаточное для помѣщенія лицъ, долженствующихъ присутствовать при исполненіи.

(2) По ст. 517 зак. судопр. угол. (изд. 1876 г.) назначается для приготовленія къ причастію со дня объявленія приговора срокъ недѣльный, а затѣмъ, послѣ причащенія, приговоръ исполняется черезъ два дня въ третій. Но въ у. уг. суд. это условіе не повторено; напротивъ того, по ст. 957 приговоръ обращается къ исполненію тотчасъ по вступленіи его въ силу.

суда, врачъ, а въ тюрьмѣ и смотритель мѣста заключенія; кромѣ того, при казни могутъ присутствовать: защитникъ и десять человѣкъ по приглашенію городскаго управленія; предъ исполненіемъ казни прочитывается приговоръ, а о самомъ ея совершеніи составляется протоколъ, подписываемый присутствующими.

Согласно 517 ст. 2 ч. XV т. (изд. 1876 г.) и 27 ст. уст. о пред. пресѣч. прест. (изд. 1890 г.) исполненіе смертной казни не допускается въ праздничные и воскресные дни; кромѣ того, на основаніи 1 и 2 п.п. ст. 959 приведеніе приговора въ исполненіе отлагается въ случаѣ болѣзни осужденнаго, препятствующей исполненію наказанія до его выздоровленія, а для женщинъ беременныхъ или недавно разрѣшившихся отъ бремени до истеченія 40 дней послѣ родовъ. По циркуляру Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 17 Марта 1882 г., если смертной казни подлежатъ одновременно два или болѣе осужденныхъ, то они выводятся на казнь по одиночкѣ. Относительно того, какъ поступать съ трупами казненныхъ, законы уголовные не содержатъ точныхъ постановленій; только въ уставѣ Евангелическо-Лютеранской церкви, ст. 194, указано, что казненные погребаются безъ торжественныхъ церковныхъ обрядовъ (1).

Наконецъ, согласно 1060 и 1061 ст. у. у. с., по окончательнымъ приговорамъ о государственныхъ преступленіяхъ допускаются, со стороны осужденныхъ, просьбы о помилованіи или облегченіи ихъ участи, причемъ принесеніе таковой просьбы останавливаетъ исполненіе приговора, впредь до воспослѣдованія по ней Высочайшаго разрѣшенія.

790. *Ссылка на каторгу и поселеніе.* Первообразомъ ссылки на поселеніе является «выбытіе вонъ изъ земли», вошедшее потомъ съ Ивана IV въ понятіе опалы и какъ политическая мѣра, являвшаяся въ видѣ развода жителей какого либо города или мѣстности цѣлыми семьями по другимъ городамъ, какъ это было, напр., послѣ присоединенія Новгорода и Пскова (2). Во второй половинѣ XVI сто-

(1) Ст. 254 уст. о сод. говоритъ о погребеніи умершихъ въ тюрьмахъ и не относится къ казненнымъ.

(2) Въ болѣе древнемъ правѣ нѣкоторое подобіе этому наказанію представляетъ «потокъ». Этимъ терминомъ въ законахъ градскихъ даже переведено слово «exilium». Ср. также Сергѣевичъ, лекціи, стр. 453.

лѣтія является уже ссылка въ опредѣленное мѣсто, употреблявшаяся впрочемъ, также преимущественно какъ политическая мѣра (1). Присоединеніе Сибири открыло новый край для ссылки и дало правительству возможность воздерживаться отъ смертной казни и членовредительныхъ наказаній, содѣйствуя въ то же время колонизаціи малонаселеннаго края. Особенное развитіе получаетъ это наказаніе въ XVII вѣкѣ (2). Уложеніе 1649 г. назначало ссылку за весьма разнообразныя дѣянія, такъ напр., за первую татьбу повелѣно бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на два года, а затѣмъ послать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ и велитъ въ украинныхъ городахъ быть въ какой онъ чинъ пригодится (XXI, ст. 9); то же опредѣлено и за вторую татьбу, съ удлинненіемъ срока тюрьмы (ст. 10), а равно за мошенничество (ст. 11) и за первый разбой (ст. 16); шли въ ссылку корчемники и табачники за многіе приводы, послѣдніе съ урѣзанными носами и порванными ноздрями (гл. XXV, ст. 3, 16); подъячіе за незапись суднаго дѣла, для того чтобы покорыстоваться государевыми пошлинами (гл. X, ст. 127); содѣйствовавшіе насильственному пріѣзду въ домъ (гл. X, ст. 198) и т. д. Спеціально въ Сибирь на Лену велѣно ссылать тяглыхъ посадскихъ людей, если они, для избѣжанія казенныхъ повинностей, будутъ закладывать себя кому нибудь или называть себя чьими нибудь крестьянами (гл. XIX, ст. 13) и т. д. Еще болѣе разнообразятся эти случаи по дополнительнымъ указамъ и новоуказнымъ статьямъ, и по отдѣльнымъ указамъ Петра Великаго (3). Между прочимъ, указомъ 1679 г. было постановлено всѣхъ тѣхъ преступниковъ, коимъ слѣдуетъ по закону за ихъ преступленіе отсѣчь руки и ноги, не чиня сей казни, ссылать въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми на вѣчное житье. Независимо

---

(1) Ср. рядъ примѣровъ у И. Фойницкаго, наказаніе, стр. 261.

(2) Подробныя данныя у Н. Сергѣевскаго, наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, глава IV; также обстоятельно изложена исторія ссылки у И. Фойницкаго, наказаніе, стр. 260 и слѣд.

(3) Новоуказныя статьи 1669 г. Ср. также указы 1653 (№ 105), 1660 г. (№ 271), 1663 г. (№ 343), 1681 г. (№ 873), 1683 г. (№ 1002) и т. д. Примѣры изъ эпохи Петра Великаго ср. у Филиппова, стр. 314.

отъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, ссылка практиковалась нерѣдко, какъ политическая мѣра, въ случаѣ обвиненія значительнаго числа лицъ, въ преступленіи, угрожаемомъ смертною казнью; такъ ссылка была примѣнена напр. къ участникамъ псковскаго бунта 1650 г., бунта 1662 г., къ сообщникамъ Стеньки Разина и т. д. Она же встрѣчается и въ видѣ мѣры противъ раскола, какъ напр., ссылка въ 1660 г. знаменитаго Аввакума, оставившаго описаніе своего бѣдственнаго путешествія по странамъ Даурскимъ. Въ 1691 г. (№ 1404) былъ даже данъ общій указъ: «которые люди . . . по ихъ государскому указу и по соборному уложенію и по особымъ статьямъ, по градскимъ законамъ и въ сыскномъ приказѣ довелись смертныя казни, а той казни имъ не учинено: и тѣхъ воровъ указали они, Великіе Государи, вмѣсто смертныя казни, пятнать и ссылать»; то же повторено и въ указѣ 1704 г.

Равнымъ образомъ, и по отношенію къ отдѣльнымъ преступникамъ ссылка нерѣдко являлась замѣняющимъ наказаніемъ при помилованіи: «довелся смертной казни и Великій Государь помиловалъ, велѣлъ животъ дать, вмѣсто смерти сослать въ ссылку.» Ссыльные направлялись въ разнообразныя мѣстности въ украинныя и понизовыя мѣста, позднѣе въ Сибирь; но по большей части въ законѣ не опредѣлялось мѣсто ссылки, что давало возможность направлять ссыльныхъ туда, гдѣ чувствовалась наибольшая потребность въ рабочихъ рукахъ. Старая Русь почти не знала непроизводительной ссылки: ссылаемые «въ службу», «въ посадъ» и «на пашню», по прибытіи на мѣсто, одинаково тотчасъ шли въ дѣло, кто на пашню, кто для дѣланія засѣкъ и просѣкъ, а кто и прямо на то же государево дѣло, на которомъ онъ прежде провороваался. Ссыльнымъ пашеннымъ людямъ отдавалась земля и давалась ссуда на пашню, на лошадиную покупку и на всякій деревенскій заводъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ опалы ссыльные заключались на мѣстѣ ссылки въ тюрьмы (Сергѣевскій, 229). При такихъ условіяхъ понятно, что въ ссылку вмѣстѣ съ преступниками направлялись ихъ жены и дѣти; иногда даже, какъ напр. въ 1699 г. (№ 1690), въ новопокоренный городъ Азовъ было предписано ссылать именно женатыхъ, а не холостыхъ, и изъ

мастеровыхъ или посадскихъ людей, а не изъ военныхъ (1). Государство не выбрасывало преступника, какъ ни на что негоднаго члена общества; напротивъ оно вѣрило въ его исправимость; оно хотѣло, какъ говоритъ грамота Верхотурскому воеводѣ 1697 г., чтобы «однолично всякій ссыльный у того дѣла былъ и въ томъ мѣстѣ жилъ, гдѣ кому и у какого дѣла быть велѣно и бѣжать бы на старину не мыслилъ». Хотя и въ XVII вѣкѣ сибирская ссылка въ дѣйствительности не вполнѣ соотвѣтствовала надеждамъ, возлагаемымъ на нее государствомъ: не взирая на всѣ мѣры, великое множество ссыльныхъ (Сергѣевскій стр. 251) «своими трудами питаться не хотятъ», «только того усматриваютъ, что своровать», «за промыселъ ни какой не принимаются, свои статки и заводы пропиваютъ и бѣгутъ, бѣгутъ на старину» (2); но тѣмъ не менѣе даже противники ссылки (ср. Фойницкій, стр. 266) не могутъ не признать что «задачи московской ссылки были весьма разнообразны, и правительство преслѣдовало ихъ съ похвальною осторожностью и значительными успѣхами.» «Рядомъ, рука объ руку съ охочими вольными людьми, шли подневольные, ссыльные, правда большею частію самовольствомъ,» на подведеніе подъ руку Великаго Государя немирныхъ, неясачныхъ инородцевъ. Они «проникаютъ въ невѣдомыя земли, плывутъ по рѣкамъ до моря, воюютъ съ инородцами, грабятъ ихъ, приводятъ къ шерти на царское имя, ставятъ остроги. За ними слѣдомъ идетъ правительство: воеводы, какъ только получатъ извѣстіе, сейчасъ же шлютъ въ поставленные острожки служилыхъ людей, учреждаютъ администрацію, отправляютъ туда пашенныхъ ссыльныхъ. А вольные завоеватели или приносятъ повинную и, легко получивъ прощеніе, обогащенные добычею, остаются жить на мѣстѣ, или идутъ дальше и дальше,

---

(1) Замужнія женщины, повидимому, въ ссылку не направлялись. Такъ, въ указѣ 1687 г. (№ 1266) говорится «которые люди доведутся ссылки мужеска полу и тѣхъ посылаютъ съ женами ихъ, а за женино воровство мужей въ ссылку не ссылаютъ, а одну ее Катерину отъ мужа сослать не довелось же.» Сергѣевскій, стр. 235.

(2) Ср. также грамоту патріарха Филарета сибирскому архіепископу Кипріану 1622 г., собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 60, или челобитную албазинскихъ ссыльныхъ 1682 г. и выписки изъ нее у Сергѣевскаго, в. с. стр. 248 пр. 1.

ища «Великому Государю славы, а себѣ добычи» (Сергѣевскій, стр. 225).

Ссыльные люди шли въ царево дѣло, большею частью не по ихъ выбору, а какъ Государь укажетъ; но затѣмъ трудъ ихъ былъ свободный. Введеніе же обязательнаго труда для ссыльныхъ относится только къ концу XVII вѣка. Въ 1668 г. были поданы Винніусомъ въ Посольскій приказъ (1) статьи, въ коихъ говорится: «всякихъ воровъ и бусурманскихъ полонянниковъ мочно на катарги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобы не разбѣжались и зло не учинили; и чѣмъ такимъ ворамъ и полонянникамъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бы на каторгахъ хлѣбъ заработывали . . . », причемъ въ доказательство такого предложенія Винніусъ ссылается на обычаи иныхъ государствъ. Но эти предположенія долго не получали практическаго осуществленія. Только въ указѣ 24 ноября 1699 г. (№ 1732) за взятки посадскимъ людямъ опредѣлено: «и тѣмъ людямъ . . . . сказать смерть и положить на плаху, а отъ плахи поднявъ, бить, вмѣсто смерти, кнутомъ безъ пощады и сослать въ ссылку въ Азовъ съ женами и съ дѣтьми, и быть имъ на каторгахъ въ работѣ (2).» Въ Азовѣ работы продолжались до 1711 г., до передачи его туркамъ, затѣмъ съ 1703 г. часть приговоренныхъ пошла въ Петербургъ на устройство порта и

---

(1) Статьи посольскаго приказа переводчика Андрея Винніуса о постройкѣ катаргъ или весельныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ, напечатаны въ дополненіи къ Актамъ Историческимъ, т. V, № 80.

(2) Максимовичъ, стр. 128, полагаетъ, что названіе ихъ происходитъ отъ Венеціанскихъ катаргъ или галеръ (суда въ три ряда веселъ—triremis) и перенесено къ намъ Петромъ В. послѣ путешествія по Европѣ, такъ какъ въ его журналѣ (Отечественныя Записки 1848 г. № 4) говорится, что «какъ пріѣдетъ корабль или катарга»; но что названіе было извѣстно ранѣе путешествія Петра, это видно изъ приведеннаго выше предложенія Винніуса и изъ памятниковъ болѣе раннихъ. Ср. Сергѣевскій стр. 18, прим. Слово катарга во всякомъ случаѣ тождественно со словомъ галера, и въ указахъ оба выраженія употреблялись безразлично. Изъ указаній Елагина «Исторія русскаго флота» (приведены у Филиппова, стр. 320) видно, что первая 32-хъ-весельная галера была заказана въ Голландіи и доставлена въ Архангельскъ въ 1695 г., что первые преступники, употреблявшіеся на галерныя работы, были стрѣльцы, послѣ стрѣлецкаго бунта 1698 г., которые отбывали службу на галерахъ «Периная тягота» и «Заячій бѣгъ» во время плаванія въ Керчи.

стоянки для флота, а затѣмъ въ Рогервикъ (нынѣ Балтійскій Портъ) (1). Съ начала XVIII вѣка, съ открытіемъ даурскихъ рудниковъ и горныхъ работъ въ Нерчинскѣ, открылись каторжныя работы и въ Сибири, въ разныхъ видахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались работы и въ Европейской Россіи; такъ, въ концѣ XVIII вѣка каторжники направлялись въ Оренбургскій край на постройку Орской крѣпости, на разработку илецкой соли; въ Новороссійскій край на постройку укрѣпленій днѣпровской линіи, однимъ словомъ туда, гдѣ ощущалась потребность въ рабочихъ рукахъ.

Каторжныя работы назначались, во 1-хъ, вѣчно, такъ что прекращались только за смертью или же за неспособностью къ работамъ по дряхлости, увѣчью. По указу 1707 г. Декабря 19 (№ 2179) дряхлыхъ и увѣчныхъ велѣно отсылать въ монастыри, гдѣ, заковавъ ихъ въ кандалы, держать въ вѣчныхъ работахъ; но позднѣе, по практикѣ Сибирской, такія лица, по освобожденіи изъ тюремъ, отсылались въ Сибирь на пропитаніе. Во 2-хъ, каторга назначалась срочная отъ 1 года до 20 лѣтъ, причемъ, по указу 1721 года, каторжные по отбытіи наказанія возвращались на прежнія мѣста жительства, а по другимъ позднѣйшимъ указамъ подлежали ссылкѣ на поселеніе (2).

Работы были первоначально корабельныя, адмиралтейскія, портовыя; но позднѣе появляются работы рудниковыя и заводскія. Первая попытка распредѣленія работъ по важности преступленій была сдѣлана лишь при Императорѣ Павлѣ 1-мъ, указомъ 1797 г.

---

(1) Причемъ въ такія работы за надобностью въ рабочихъ рукахъ, назначались и тяжкіе, и маловажные преступники, какъ, напр., несостоятельные должники, не пожелавшіе брить бороду и т. п. Характеристично въ этомъ отношеніи письмо Петра Великаго къ князю Ромодановскому отъ 23 сент. 1703 г.: «нынѣ зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно 2 тыс.) приготовить къ будущему лѣту, которыхъ по всѣмъ приказамъ, ратушамъ и городамъ собрать по первому пути, и которые посланы въ Сибирь, а нынѣ еще на Вологдѣ.» Филипповъ, в. с., стр. 322, прим.

(2) Въ 1788 г. (№ 16621) для умноженія при Нерчинскихъ заводахъ хлѣбопашества постановлено: селить при самыхъ заводахъ и такихъ преступниковъ, которые еще способны къ каторжнымъ работамъ, если они пробыли въ работѣ не менѣе 5 лѣтъ и пришли въ раскаяніе о своемъ преступленіи и подали явные тому опыты добропорядочною жизнью и устройствомъ своего хозяйства. Они обработывали казенныя пашни.

(№ 18140), коимъ преступники раздѣлены на три разряда: 1-й велѣно отсылать въ Нерчинскъ и въ Екатеринбургъ въ работу въ рудники на добычу золотыхъ и серебряныхъ рудъ и драгоцѣнныхъ камней; 2-й разрядъ въ Иркутскъ на тамошнюю суконную фабрику, а за неимѣніемъ мѣста—на поселеніе, а 3-й разрядъ—осужденныхъ въ смирительные и рабочіе дома и другія казенныя работы отсылать къ крѣпостнымъ строеніямъ, но это различія не представляло чего либо точно опредѣленнаго; такъ, въ слѣдующемъ же году было разъяснено, что въ крѣпостныя работы можно направлять только мущинъ, осужденныхъ въ рабочіе дома на большіе сроки.

Разнымъ образомъ, оставалось неопредѣленнымъ отношеніе каторжныхъ работъ къ ссылкѣ на поселеніе; такъ напр., закономъ 14 Января 1704 (№ 1957) повелѣно: а) виновныхъ въ смертоубійствѣ, измѣнѣ и бунтѣ казнить смертью; б) всѣхъ прочихъ преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, вмѣсто оной бить кнутомъ и по заклейменіи ссылать вѣчно на каторгу, и в) тѣхъ, которые по закону подлежатъ тѣлесному наказанію и дальней ссылкѣ—ссылать на каторгу на 10 лѣтъ безъ наказанія. Съ этого времени и до Екатерины II-й ссылка на поселеніе соединяется съ каторжными работами, а отдѣльно назначается только въ видѣ исключенія, напр., указомъ 30 Января 1725 года (№ 4645) тѣхъ, коимъ за ихъ вины ноздри выняты и уши и носы рѣзаны и руки сѣчены велѣно ссылать въ Сибирь на вѣчное житье (1), или же по особому Монаршему милосердію, иногда назначается и за тяжкія государственныя вины (2). Но съ Екатерины II-й поселеніе снова появляется какъ самостоятельное наказаніе и притомъ съ ярко намѣченнымъ стремленіемъ къ колонизаціи необитаемыхъ

---

(1) Также относительно преступницъ, не подлежащихъ смертной казни, рядомъ указовъ Императора Петра 1-го было установлено: такихъ бабъ и дѣвокъ, какъ не способныхъ къ работамъ каторжнымъ, отсылать въ прядильные дворы на срокъ или по смерть; съ 1751 г. (№ 9911) онѣ отсылались въ Сибирь на житье.

(2) Таковы случаи ссылки—князя Меншикова, герцога Бирона, Остермана, Миниха, Головкина и многихъ другихъ. Кромѣ того, въ судебной практикѣ сложился обычай приговаривать къ каторгѣ только преступниковъ моложе 45 лѣтъ, а болѣе старыхъ отсылать на поселеніе. Этотъ обычай прекращенъ разъясненіемъ Правит. Сената 1812 г. Ср. Максимовичъ, стр. 149 и сл.

или малонаселенныхъ частей Азіатской Россіи, а отчасти и Оренбургскаго края. Правительство предписывало отводить ссыльнымъ земли, давать сѣмена и инструменты, освобождать на первое время отъ податей. Ссыльные сажались на казенную пашню, а неспособные причислялись къ селеніямъ старожиловъ. Но, какъ въ XVII вѣкѣ жаловались Албазинскіе пашенные ссыльные, что въ ссуду даваны имъ были кони старые и жеребяты молодые, которые ни въ соху, ни въ борону не годились, а ральники даваны старые и ломаные; какъ въ XVII вѣкѣ шли вѣчныя пререканія Московскаго правительства съ Сибирскими воеводами о томъ, что они по ссыльному дѣлу плутуютъ, своевольничаютъ и корыстуются, такъ всѣ тѣ же неустройства и еще съ бо̀льшею силою, проявляются и въ XVIII вѣкѣ (1). Не помогла и жестокая расправа Петра въ 1721 г. съ первымъ Сибирскимъ губернаторомъ, княземъ Гагаринымъ; за нимъ слѣдовали не менѣе памятные въ исторіи Сибири дѣятели, какъ Чичеринъ, Пестель, Трескинъ и ихъ помощники—Лоскутовъ, Бѣлявскій (2). Кромѣ того, ссылка страдала отсутствіемъ правильной организаціи, что по необходимости приводило къ страшнымъ безпорядкамъ на мѣстѣ (3) и

---

(1) Указомъ 1773 г. 30 Ноября (№ 14077) Екатерина временно пріостановила ссылку въ Сибирь, указавъ отправлять приговоренныхъ въ Александровскую крѣпость, Азовъ, Финляндію и Ригу; но указомъ 1775 г. Марта 31 (№ 14286) это распоряженіе было отмѣнено.

(2) Подробныя данныя о ихъ дѣятельности у Максимова, Сибирь и каторга, 3 тома 1871 г. 2 изд. 1891 г. А подвиги при Екатеринѣ Иркутскаго губернатора Нѣмцова—лично предводительствовавшаго разбойничьими шайками, и горнаго начальника, крестника Екатерины, Вас. Вас. Нарышкина, представляютъ нѣчто сказочное. Максимовъ, т. 3-й стр. 11 и 318 и сл., разсказываетъ про Нарышкина, очевидно или сумашедшаго или перепившагося до галлюцинацій, что онъ составилъ гусарскій полкъ изъ тунгузовъ, ходилъ изъ Нерчинскихъ заводовъ по братской степи на Иркутскъ съ войскомъ, пушками и колоколами противъ Нѣмцова и дорогой грабилъ обозы, издавалъ указы, производилъ въ чины колодниковъ, учредилъ новый праздникъ «открытіе новой благодати»; въ день рожденія Екатерины приглашалъ къ столу наиболѣе дурныхъ ссыльныхъ, а чиновниковъ заставлялъ прислуживать.

(3) На сколько велика была неурядица, можно видѣть, напр., изъ того, что въ 1773 г. въ Казани скопилось: около 200 человѣкъ, подлежавшихъ ссылкѣ въ Оренбургскій край, болѣе 4000, отправлявшихся въ Сибирь, около 700 присланныхъ изъ Московской розыскной экспедиціи, много прибывшихъ обратно изъ Сибири, да еще сосланные поляки.

дѣлало призрачными всѣ предположенія правительства о колонизаціи отдѣльныхъ мѣстностей (1).

791. *Уставъ о ссыльныхъ и уложеніе 1845 г.* Пребываніе Сперанскаго въ Сибири и личное знакомство съ нашею ссылкою, со всею ея неурядицею, вызвало у него стремленіе измѣнить ссылку въ ея сущности. Поэтому, какъ и въ общемъ управленіи Сибирью, Сперанскій стремился замѣнить, какъ онъ выражался, домашнее управленіе ссылкою публичнымъ и служебнымъ (2). Результатомъ было изданіе въ 1822 г. устава о ссыльныхъ, лежащаго въ основаніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ о ссыльныхъ. Уставъ опредѣлилъ соотношеніе между каторгою и поселеніемъ, причемъ послѣднее въ высшихъ своихъ степеняхъ примкнуло къ каторгѣ; на устрой-

---

(1) Такова была извѣстная попытка заселенія Забайкальской области въ 1799 г. Для развитія въ этой прекрасной по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ мѣстности, для развитія въ ней хлѣбопашества и скотоводства, и даже заведенія фабрикъ для китайскаго торга, предписывалось поселить до 10,000 отставныхъ солдатъ, ссыльно-поселенцевъ и крѣпостныхъ, отдаваемыхъ съ зачетомъ за рекрутъ (послѣднихъ не старѣе 45 лѣтъ и здоровыхъ); на каждую душу полагалось 30 десятинъ земли самой плодородной; предположено, на первый разъ, построить на 2000 душъ дома отъ казны, запасти на 1½ года хлѣба, заготовить орудія, скотъ и сѣмена, дать рядъ льготъ и пр. Но уже первая партія, прибывшая въ Сибирь, дошла только до Тобольской губерніи и поселена между Тобольскомъ и Иркутскомъ, такъ какъ оказалось, что на мѣстѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій; при пріемѣ и пересылкѣ ссыльныхъ выяснялись страшныя злоупотребленія. Такъ, между прочимъ, оказалось, что по ревизіи Лабы, помѣщиками было сдано, кромѣ престарѣлыхъ, тяжко больныхъ 260 человѣкъ, малоумныхъ и безумныхъ болѣе 90 человѣкъ. Нельзя также не вспомнить заселеніе Барабинской степи въ 1761—1765 гг. губернаторомъ Чичеринымъ, гдѣ тысячи поселенцевъ и крестьянъ легли костьми подъ изнурительными работами, подъ жестокими наказаніями, въ лихорадкахъ, тифѣ и цынгѣ (Ядринцевъ, стр. 551), а также колонизацію Нижнеудинской степи исправникомъ Лоскутовымъ, устроившимъ прототипъ Аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Было создано 18 селеній въ 900 домовъ, по двѣ семьи каждый, проложены дороги, введены порядокъ и чистота неимовѣрные. Какъ говоритъ преданіе, когда Лоскутовъ въѣзжалъ въ поселеніе съ козаками, то за нимъ везли возъ съ розгами и прутьями: сѣкли хозяевъ не только за проступки, но и за то, что хлѣбъ дурно выпеченъ, квасъ киселъ или тепелъ и т. п. Мудрено-ли, что какъ только Лоскутовъ былъ смѣненъ, то поселенцы разбѣжались и колонія рушилась. Ср. также данныя у Андріевича, Сибирь въ XIX столѣтіи, 1889 г.; о забайкальскомъ заселеніи у него, стр. 53 и *сл.*

(2) См. баронъ Корфъ, жизнь графа Сперанскаго, 1861 г., стр. 332.

ство поселенцевъ въ уставѣ было обращено особое вниманіе: они были раздѣлены на шесть категорій: 1) временныхъ заводскихъ рабочихъ, работавшихъ вмѣстѣ съ каторжными, но не долѣе 1 года; 2) дорожныхъ рабочихъ, направляемыхъ преимущественно на устройство путей сообщенія; 3) ремесленниковъ; 4) слугъ; 5) поселенцевъ—причисляемыхъ къ деревнямъ старожиловъ или водворяемыхъ въ новыхъ поселеніяхъ, и 6) не способныхъ. Но въ сводѣ законовъ уголовныхъ 1832 г. и 1842 г., юридическое значеніе и каторги и поселенія осталось крайне неопредѣленнымъ; о каторгѣ сводъ говорилъ въ числѣ другихъ видовъ наказанія работами (ст. 34), причемъ каторгѣ противополагалась—работа крѣпостная, работа въ портахъ и на фабрикахъ (1). Къ ссылкѣ, кромѣ ссылки въ работы, относилась ссылка на поселеніе и временная ссылка на житье.

Упорядоченіе высшихъ нашихъ наказаній, хотя главнымъ образомъ внѣшнее, было внесено въ законы уголовные уложеніемъ 1845 г., и дополнительными постановленіями отъ 15 Августа 1845 г. (№ 19284) о распредѣленіи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы, принявшими по отношенію къ каторгѣ два основныхъ признака, опредѣляющіе ея относительную тяжесть: въ 1-хъ, сроки работъ, причемъ введены были работы безсрочныя, которыя однако, какъ указывали составители закона, не должны считаться возстановленіемъ работъ вѣчныхъ, отмѣненныхъ закономъ 1828 г., а означаютъ только, что для лицъ этой категоріи прекращеніе работъ будетъ зависѣть отъ нравственнаго исправленія преступниковъ, засвидѣтельствованнаго ихъ начальствомъ, и во 2-хъ, тяжесть работъ, причемъ составители уложенія различали три заранѣе установленныя степени: работы рудниковыя, крѣпостныя и заводскія, которыя и назначались соотвѣтственно

---

(1) Каторжная работа, согласно ст. 38 св. 1832 г., отбывалась на заводахъ и фабрикахъ Сибири, причемъ не изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній подвергались клейменію. Предѣльнымъ срокомъ работъ было 20 лѣтъ, причемъ (ст. 40) срокъ считался со дня поступленія въ работы. Изъ крѣпостныхъ работъ къ каторгѣ приравнивались только работы въ Сибири по Омской линіи, а прочія (ст. 44), равно какъ и работы въ портахъ, на фабрикѣ Екатеринославской, въ горныхъ и соляныхъ заведеніяхъ и въ вѣдѣніи путей сообщенія (ст. 47) опредѣлялись за неважныя преступленія вмѣсто ссылки на поселеніе и отдачи въ солдаты.

тяжести преступленій; каждый изъ этихъ видовъ въ уставѣ о ссыльныхъ именовался разрядами: первымъ, вторымъ и третьимъ.

Но это послѣднее дѣленіе, являвшееся съ точки зрѣнія исполнителей наиболѣе важнымъ, представлялось въ двоякомъ отношеніи неудобнымъ. Во 1-хъ, предположеніе законодателя, что *всякая* работа одного рода всегда будетъ тяжелѣе какой либо работы слѣдующаго рода,—представлялось очевидно несостоятельнымъ, такъ какъ каждый родъ допускаетъ весьма различные оттѣнки. Притомъ же тяжесть работы подневольной не опредѣляется одною только степенью физическаго напряженія при работѣ, но зависитъ отъ всего порядка содержанія заключенныхъ, а въ этомъ отношеніи какого либо единства или соотвѣтственности порядка заключенія съ тяжестью преступленія не могло уже быть потому, что каждый родъ каторжныхъ работъ находился въ завѣдываніи различныхъ вѣдомствъ: рудники—горнаго, крѣпости—военнаго, заводы—казенныхъ палатъ. Во 2-хъ, заранѣе можно было сказать, что спросъ на рабочія руки по каждой категоріи каторжныхъ работъ не будетъ пропорціоналенъ числу лицъ, приговариваемыхъ по той или другой степени сего наказанія, такъ что необходимо было допустить замѣну одного вида другимъ.

Дѣйствительность вполнѣ подтвердила эти опасенія. Изъ работъ въ рудникахъ, говоритъ С. В. Максимовъ I, стр. 129 и сл., тяжки ломка породъ, добываніе глыбъ, тяжки тѣмъ, что цѣлый день въ подземельи, безъ божьяго свѣта, въ удушливомъ воздухѣ, страшны онѣ тѣмъ, что «дыркой бьетъ» при быстромъ неожиданномъ взрывѣ боковой скважины, или «горой давитъ» при неумѣломъ отломѣ. Но несравненно легче работа переносная, когда отбитая глыба, поднятая изъ шахты, переносится въ сортировочные склады, и оттуда въ рудораздѣльное отдѣленіе; несравненно физически легче были работы въ золотопромывательныхъ промыслахъ, такъ какъ даже самая тяжкая—уносъ промытаго, ненужнаго песку—«хвосты убирать»—считалась тяжкою только благодаря продолжительности, однообразію и кажущейся безполезности.

Наоборотъ, въ работахъ заводскихъ, считавшихся по уложенію самыми легкими, были такія, которыя могли конкуррировать съ рудниковыми; таковы были на солеваренныхъ заводахъ (Селенгинскомъ, Троицкомъ и Устькутскомъ) гонка разсола изъ источни-

ковъ по желобамъ, особенно зимою, или работа въ варницахъ, гдѣ рѣдкій рабочій выдерживалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Но особенно тяжко, говоритъ Максимовъ, было въ сибирскихъ крѣпостныхъ ротахъ, напр. въ Омской крѣпости, описанной между прочимъ и Ф. М. Достоевскимъ въ «Мертвомъ домѣ»; содержаніе въ ней считалось тяжелѣе всякаго рудника или промысла Нерчинскаго округа.

Еще важнѣе былъ второй недостатокъ дѣленія каторги на виды. Уже по уложенію изд. 1845 (ст. 74, ст. 72 по ул. 1866 г.) работы въ рудникахъ могли быть замѣняемы работами въ крѣпостяхъ на тѣ же сроки, а для женщинъ (ст. 75 по изд. 1845, 73 по изд. 1866) работы въ рудникахъ и крѣпостяхъ замѣнялись работами на заводахъ, первоначально съ увеличеніемъ на срокъ въ разсчетѣ 1½ лѣтъ за годъ, а послѣ закона 17 Апр. 1863 безъ увеличенія. Затѣмъ, законами 1859 и 1869 г г. (прим. 1 къ ст. 560 уст. о ссыл. по прод. 1886 г.) дозволено каторжныхъ, приговоренныхъ къ работамъ на заводы, обращать въ рудники съ зачетомъ 1½ лѣтъ за годъ работы рудниковой. Наконецъ, еще въ 1845 г. положеніемъ о мѣстахъ заключенія допущено, временно, въ случаѣ сокращенія работъ въ рудникахъ или по необходимости умноженія рабочихъ на заводахъ, переводить туда и каторжныхъ перваго разряда безъ продленія сроковъ.

Жизнь вынудила допустить еще болѣе разнообразные случаи замѣны, обративъ наше высшее уголовное наказаніе въ нѣчто мифическое, совершенно не соотвѣтственное закону. Судъ, попрежнему, приговаривалъ и въ рудники, и въ крѣпости, и т. п. зная, что его приговоръ въ дѣйствительности мертвая буква и что каторжный или будетъ бродяжничать въ Сибири, или просто будетъ сидѣть въ какомъ нибудь острогѣ.

Причина этого заключалась въ томъ, что карательная сторона каторжныхъ работъ стояла на второмъ планѣ. Государство собственно не наказывало, а снабжало только рабочими руками преступниковъ разныя вѣдомства. Каторжное хозяйство носило на себѣ какъ бы отпечатокъ того же крѣпостнаго хозяйства, коимъ жила вся тогдашняя Россія. На первомъ планѣ стояли не интересы юстиціи, а интересы вѣдомствъ, и иногда даже, къ сожалѣнію, одни только выгоды лицъ, завѣдывающихъ каторгою. Оттого

паденіе крѣпостнаго права совпало съ полнымъ распаденіемъ каторжной работы.

Прежде всего уничтожилась крѣпостная каторжная работа: число вновь строящихся крѣпостей уменьшилось, а для производящихся построекъ военное вѣдомство нашло каторжный трудъ невыгоднымъ, самое же помѣщеніе каторжныхъ внутри крѣпостей неудобнымъ въ военномъ отношеніи. Поэтому въ 1864 г. прекратилась отсылка въ крѣпости, и приговоренныхъ велѣно направлять на заводы и фабрики, а съ 1870 г. въ устроенное для нихъ спеціально каторжное отдѣленіе въ Тобольскѣ (5 примѣч. къ ст. 583 уст. о ссыльн., по прод. 1876 г.), гдѣ, до 1876 г., помѣщались и приговоренныя къ каторгѣ лица военнаго званія, переведенныя затѣмъ въ Усть-Каменогорскъ.

Столь же непрочнымъ оказался и третій разрядъ. Фабрики и заводы, а особенно винокуренные, открывались безъ всякаго плана, весьма часто въ мѣстностяхъ, которыя въ нихъ вовсе не нуждались, иногда только въ интересахъ строителей и завѣдующихъ, а потому или оставались безъ дѣла, или работали въ убытокъ. Поэтому Министерство Финансовъ, съ начала царствованія Императора Александра II, стало закрывать эти заводы и фабрики или передавать ихъ въ частныя руки, вовсе не заботясь о томъ, что будетъ съ находившимися тамъ ссыльными (1).

Не лучше было и положеніе каторжныхъ въ рудникахъ, гдѣ также дѣлались различные опыты, не имѣвшіе ничего общаго съ интересами юстиціи. Такъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, по предложенію горнаго начальника Разгильдяева, были почти прекращены работы въ серебряныхъ Нерчинскихъ рудникахъ, а всѣ ссыльно-каторжные направлены на золотоносныя Карійскія розсыпи, на которыя возлагались большія надежды. Въ 1850 г. отъ стеченія на Карѣ громаднаго числа каторжныхъ, которымъ приходилось жить въ тѣсныхъ, сырыхъ, неподготовленныхъ тюрьмахъ, работать нерѣдко по колѣно въ грязи, начались страшныя повальныя болѣзни; по свидѣтельству Максимова (III, стр. 349), умерло въ годъ болѣе

(1) Нѣкоторые же казенные заводы, какъ напр. Петровскій желѣзодѣлательный, въ которомъ съ 1830 г. помѣщались декабристы, прекратили пріемъ ссыльныхъ.

1,000 человѣкъ ([1]). Но и Кара стала принимать все менѣе и менѣе ссыльныхъ, затѣмъ прекратился пріемъ и на рудники, находившіеся въ завѣдываніи Кабинета Его Величества, такъ какъ Кабинетъ находилъ болѣе выгоднымъ трудъ свободный.

Такимъ образомъ, къ концу шестидесятыхъ годовъ вся каторжная система была расшатана и высшее наше уголовное наказаніе вовсе не существовало, что и вызвало извѣстныя «временныя правила» 18 Апрѣля 1869 г. (п. с. з. № 46984), вошедшія въ примѣч. 1 къ ст. 4 уст. о ссыльн. (по прод. 1886 г.), на основаніи коихъ въ Сибирь на каторгу могли быть направляемы только: каторжные изъ Сибири и Зауральскихъ частей Пермской и Оренбургской губерній, а изъ прочихъ мѣстностей женщины и мужчины, за которыми послѣдуютъ ихъ семейства.

Всѣ прочіе каторжники должны были размѣщаться въ особо приспособленныхъ для того тюрьмахъ: Новоборисоглѣбской, Новобѣлгородской, Илецкой, Виленской, Пермской, Симбирской и Псковской (четыре послѣднія тюрьмы въ началѣ 80-хъ годовъ обращены въ исправительныя тюрьмы), а равно и въ сибирскихъ тюрьмахъ—двухъ Тобольскихъ и Александровской близъ Иркутска. При этомъ законъ не опредѣлялъ подробно ни устройства этихъ тюремъ, получившихъ въ народѣ названіе «централокъ», ни порядка содержанія въ нихъ арестантовъ ([2]). Только въ 1875 г.

([1]) У Ядринцева, стр. 128, приведена острожная эпопея объ этомъ предпріятіи; въ ней Разгильдяевъ сравнивается съ Иваномъ Грознымъ, а о смертности пѣсня говоритъ: «какъ работы работали, зарывать не уставали мертвыя тѣла . . . трупы тѣ въ амбаръ таскали и въ полѣнницы тамъ клали—на обѣдъ мышамъ». «По преданію и по разсказамъ очевидцевъ, говоритъ Орфановъ, «въ дали», 1883 г. стр. 419, Разгильдяевъ забилъ плетью и розгами до 2,000 человѣкъ, такъ что каждый разъ, когда ссыльные шли съ работъ въ тюрьмы, то непремѣнно несли нѣсколько труповъ товарищей, засѣченныхъ на разрядѣ». Жестокъ былъ Разгильдяевъ, но и позднѣйшія сибирскія воспоминанія указываютъ на лицъ, завѣдывавшихъ каторгою, превосходившихъ его свирѣпостью, какъ напр. завѣдывавшій Карійскими промыслами М-въ, о подвигахъ коего въ 70-хъ годахъ разсказываетъ Орфановъ, стр. 341 и слѣд.

([2]) Какъ указано въ «обзорѣ», стр. 23, порядокъ содержанія отличался отъ общаго тюремнаго лишь тѣмъ, что арестанты ходили въ оковахъ, съ бритыми на половину головами; все сводилось къ простѣйшей формѣ заключенія, состоявшаго исключительно въ запираніи людей совмѣстно, группами, подъ замокъ; о тяжкихъ работахъ не было и рѣчи. Даже заведеніе обычныхъ ремеслъ весьма

закономъ 22 Мая было разъяснено, что такъ какъ эти тюрьмы соотвѣтствуютъ каторгѣ, то, по отсидѣніи въ нихъ сроковъ, опредѣленныхъ для пребыванія въ разрядѣ исправляющихся, преступники ссылаются въ Сибирь на поселеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ же закономъ было предоставлено Генералъ-Губернатору Восточной Сибири выслать до 800 человѣкъ на островъ Сахалинъ для отбыванія каторги тамъ, и такимъ образомъ положено начало сахалинской ссылки.

Относительно ссылки на поселеніе уложеніе 1845 г. ввело только раздѣленіе ея на двѣ степени, смотря по отдаленности мѣста поселенія, а въ остальномъ уставъ 1822 г. сохранилъ свое полное дѣйствіе.

Въ 1827 г. снова былъ сдѣланъ опытъ поселенія 6,000 ссыльно-поселенцевъ въ Енисейской губерніи; на первоустройство было отпущено изъ казны 480.000 р. Поселенцы должны были быть снабжены инструментами, сѣменами, скотомъ и продовольствіемъ, на каждую семью былъ назначенъ 15-десятинный надѣлъ; на каждомъ дворѣ должно было быть поселено 4 человѣка—трое рабочихъ и одинъ кашеваръ. Съ 1829 г. приступили къ заселенію деревень и по отчетамъ оно шло отлично. Но въ 1835 г. осматривалъ эти поселенія Генералъ-Губернаторъ Броневскій и нашелъ, что всѣ разбѣжались, причемъ не удивился этому, до такой степени всѣ условія поселенія были непригодны для хлѣбопашества и не

затруднялось отдаленностью нѣкоторыхъ тюремъ отъ населенныхъ центровъ и еще болѣе недостаткомъ помѣщенія и средствъ, а потому работы существовали лишь въ слабыхъ зачаткахъ. Въ журналѣ о каторгѣ комиссіи Государственнаго Совѣта 1878 г. № 1 указывается на крайне печальное положеніе этихъ тюремъ, въ коихъ полнѣйшая праздность, при совмѣстномъ заключеніи и при чрезмѣрномъ накопленіи заключенныхъ, приводитъ къ паденію нравственному и совершенному изнеможенію физическому. Въ Псковской тюрьмѣ въ 1876 г. каждый арестантъ былъ боленъ среднимъ числомъ по 3 раза; въ Виленской тюрьмѣ въ 1875 г. изъ 744 содержащихся умерло 168 чел., т. е. 23%. Въ Новобѣлгородской тюрьмѣ, предназначавшейся для преступниковъ политическихъ, было введено одиночное заключеніе. Участь ихъ, какъ указано въ журналѣ, оказалась тягостнѣе судьбы всѣхъ прочихъ: недостатокъ движенія и воздуха, крайне скудная пища и, наконецъ, томительная праздность, усиливающая тягостное нравственное состояніе, быстро разрушаютъ здоровье и силы заключенныхъ. Сначала приходятъ малокровіе и слабость, предвѣстники грудной чахотки, затѣмъ нерѣдко наступаютъ меланхолія и умопомѣшательство. Ср. также описаніе центральной тюрьмы въ Русской Рѣчи за 1881 г. № 1.

*

соотвѣтствовали всей обстановкѣ русскаго крестьянства. Для ссыльныхъ же, поступившихъ въ рабочіе разряды, недоставало занятій, такъ что огромная масса ихъ зачислялась прямо въ разрядъ неспособныхъ. Равнымъ образомъ крайне труднымъ оказался вопросъ о несоразмѣрномъ отношеніи половъ между ссыльными, о недостаткѣ женщинъ, препятствующемъ правильной колонизаціи. Этимъ вопросомъ было уже занято Московское правительство, предписывавшее даже подъ строгимъ наказаніемъ, сибирскимъ крестьянамъ выдавать своихъ дочерей за ссыльныхъ; но съ увеличеніемъ числа ссыльныхъ этотъ вопросъ получилъ еще большее значеніе. По изслѣдованіямъ Анучина (1) между ссыльными была 1 женщина на 6 мужчинъ, а изъ добровольно слѣдовавшихъ за мужьями приходилась 1 на 30 мужчинъ. Въ 1825 г. правительство прибѣгло даже къ такой мѣрѣ, какъ покупка у инородцевъ дѣтей женскаго пола, а съ тридцатыхъ годовъ стало выдавать денежныя награды за бракъ съ ссыльными (2).

Эти неудачные поселенческіе опыты привели даже къ тому, что Императоръ Николай I, бывшій вообще сторонникомъ ссылки (3), въ 1835 г. высказалъ мысль объ отмѣнѣ ссылки на поселеніе, оставивъ таковую лишь для каторжныхъ. Но Государственный Совѣтъ (разсматривавшій этотъ вопросъ въ 1837—1838 и въ 1840 гг.), не смотря на защиту этой мысли Министрами Внутрен. Дѣлъ (гр. Блудовъ) и Юстиціи (Дашковъ), присоединился къ мнѣнію Сперанскаго, доказывавшаго, что ссылку замѣнить нечѣмъ, и что одна Сибирь можетъ принимать ссылаемыхъ въ достаточномъ числѣ не только съ наименьшимъ вредомъ въ настоящее время, но и не безъ пользы для будущаго.

---

(1) Изслѣдованіе о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь. Оттого участь ссыльныхъ женщинъ всегда была въ матеріальномъ отношеніи лучше мужчинъ: онѣ были желаемымъ товаромъ не только для ссыльныхъ. Оффиціально извѣстна, напр., участь «Сашки большой», осужденной по извѣстному дѣлу Зона, сдѣлавшейся въ одномъ изъ большихъ Приамурскихъ городовъ одною изъ важныхъ городскихъ дамъ.

(2) Еще въ XVIII в. сибиряки-березовцы покупали остячекъ (7-лѣтнихъ за 20 копѣекъ мѣдью) Максимовъ, I, стр. 307.

(3) Ср. Фойницкій, наказаніе, стр. 295 пр. 3.

792. *Дѣйствующія постановленія о ссылкѣ на каторгу и поселеніе* (1). Существенныя измѣненія нашихъ наказаній лишеніемъ свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и каторги, начались съ 1879 г. Законъ 11 Декабря 1879 г., указавъ основы будущей лѣстницы наказаній, тѣмъ самымъ предначерталъ программу тюремной реформы, а законъ 27 Февраля 1879 г. внесъ столь желательное единство въ тюремное управленіе.

Ближайшее завѣдываніе каторжными тюрьмами возлагается нынѣ на губернаторовъ или начальниковъ областей (ст. 25 уст. о ссыльн., изд. 1890 г.; ст. 21 примѣч. уст. о сод., изд. 1890 г.) по особо утвержденнымъ для каждой тюрьмы положеніямъ; завѣдываніе каторжными работами на заводахъ Кабинета Его Величества принадлежитъ особому управленію подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ военнаго губернатора Забайкальской области; завѣдываніе Сахалинскою каторгою главное—Приамурскому Генералъ-Губернатору, а мѣстное—начальнику острова на основаніи положенія 15 Мая 1884 г. объ управленіи островомъ Сахалиномъ (уст. о ссыльн. ст. 26 и 27). Завѣдываніе пересылкою арестантовъ принадлежитъ главному инспектору пересылки арестантовъ и участковымъ инспекторамъ (ст. 384 и 385 уст. сод. подъ стр.) и, наконецъ, пріемъ и распредѣленіе ссыльныхъ всѣхъ категорій, а равно и учетъ ссыльно-поселенцевъ — Тюменскому приказу о ссыльныхъ и губернскимъ экспедиціямъ (ст. 17—19 уст. о ссыльн.). Надзоръ за самыми мѣстами отбытія наказанія каторгою, на общемъ основаніи, въ Сибири принадлежитъ губернскимъ и областнымъ прокурорамъ, какъ въ видахъ наблюденія за точнымъ исполненіемъ закона относительно порядка содержанія заключенныхъ, такъ и въ видахъ огражденія правъ заключенныхъ (уст. о сод. подъ стр. ст. 18 прим.; общ. губ. учр. ст. 1233).

---

(1) Существеннымъ пособіемъ для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ въ Россіи наказанія лишеніемъ свободы служитъ составленный В. Коковцовымъ и С. Рухловымъ систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій по тюремной части 1890 г., а для фактическаго состоянія тюремнаго дѣла—обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія съ 1879 по 1889 гг.

Каторжныя работы по уложенію раздѣляются по сроку содержанія на 7 степеней, причемъ по ст. 2 и 147 уст. о ссыльн. присужденные по 1, 2 или 3 степ. именуются каторжными 1-го разряда, по 4 и 5—2-го и по 6 и 7—3-го. Каторга состоитъ изъ двухъ элементовъ: работы въ тѣсномъ смыслѣ и наступающаго затѣмъ поселенія. Къ каторгѣ присоединяется всегда лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а до закона 17 Апрѣля 1863 г. для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній назначалось, сверхъ того, наказаніе плетьми и клейменіе.

Срокъ прежде считался со дня поступленія на каторгу, а послѣ закона 1876 г. для содержащихся подъ стражею считается со дня вступленія приговора въ законную силу, а если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, то, по закону 1887 г., со дня провозглашенія приговора; для лицъ же, не состоявшихъ подъ арестомъ,— со дня задержанія для исполненія приговора (ст. 968 уст. угол. суд., по прод. 1890 г.).

Приговоренные къ ссылкѣ въ каторгу и на поселеніе для исполненія наказанія передаются въ вѣдѣніе губернскаго правленія (ст. 965 уст. угол. суд., ст. 33 уст. о ссыльн.), которое: а) заготовляетъ надлежащіе документы и статейный списокъ по установленной формѣ (1); б) снабжаетъ ссыльныхъ и отправляемыя съ ними семейства одеждою (ссыльно-поселенцы изъ привилегированныхъ могутъ быть въ собственной одеждѣ) и кормовыми деньгами: для высшихъ сословій по 15 к. на день, а для прочихъ по 10 (ст. 390 уст. о сод. и 48 уст. о ссыльн.) (2), и в) отправляетъ ссыльныхъ по тракту слѣдованія по особому партіонному списку (ст. 42 уст. о ссыльн.).

Прежде отправкѣ предшествовала такъ называемая экзекуція, введенная въ наше право въ 1824 г., т. е. обрядъ публичной казни, изображенный въ ст. 533 зак. о судопр. по прест. (изд. 1876 г.) и въ ст. 963 уст. угол. суд.; но этотъ обрядъ

---

(1) Циркулярами 7 Февраля 1885 г., 31 Марта 1886 г. и 24 Іюля 1887 г. постановлено обязательно снимать съ ссыльно-каторжныхъ фотографическія карточки, которыя и подшивать къ статейнымъ спискамъ.

(2) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, указанныхъ въ примѣчаніи 2 къ ст. 390 уст. сод. и 48 уст. о ссыльн., размѣръ кормоваго довольствія нѣсколько увеличенъ.

совершенно отмѣненъ законами 15 Сентября 1878 г., 22 Мая 1880 г. и 14 Апрѣля 1882 г. (1).

Самое передвиженіе ссыльныхъ, въ виду тѣхъ значительныхъ разстояній, которыя приходится пройти ссыльнымъ, всегда вызывало особыя заботы правительства. Его продолжительность прежде значительно увеличивала тягость наказанія, отдаляя начало исполненія, теперь, наоборотъ, можетъ иногда значительно уменьшить срокъ наказанія. Пересылка во всякомъ случаѣ ложится тяжелымъ бременемъ на государство, въ виду значительности требуемыхъ ею расходовъ; но еще тяжелѣе оказывается она для пересылаемаго, дѣйствуя на него разрушительно и физически, и морально, благодаря условіямъ пересылки.

При ссылкѣ Московской ссыльные отправлялись или сами по себѣ, или, когда доводилось, съ нарочными посыльщиками, въ кандалахъ, и посыльщикамъ наказывалось: «убѣгутъ у тебя колодники, или ты самъ, взявъ съ нихъ окупъ, отпустишь, то воеводы будутъ бить тебя кнутомъ и сошлютъ самого вмѣсто тѣхъ людей, которыхъ велъ ты въ ссылку». Съ увеличеніемъ числа ссылаемыхъ безпорядокъ пересылки все болѣе и болѣе увеличивался. Сперанскій при ознакомленіи съ ссылкою нашелъ, что къ мѣсту назначенія не доходило значительное число ссылаемыхъ, не только за побѣгами и болѣзнею, но и потому, что по дорогѣ всякій начальствующій считалъ себя въ правѣ задерживать ссыльнаго, который на что нибудь оказывался годнымъ. Оттого уставъ 1822 г. и обратилъ особое вниманіе на пересыльную часть (2). Пересылка была возложена на корпусъ внутренней стражи, распредѣленной по этапамъ, почему и самыя команды именовались этапными, причемъ съ 1830 г., по предложенію генерала Капцевича, былъ введенъ такъ называемый маятный порядокъ. Вся Россія покрылась сѣтью этапныхъ путей большихъ и побочныхъ, такъ сказать подходныхъ; каждая этапная команда принимала и отдавала арестантовъ сосѣднимъ командамъ, встрѣчаясь съ ними на полпути

---

(1) Еще ранѣе, въ 1876 г., при введеніи судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ тамъ былъ отмѣненъ обрядъ казни.

(2) По замѣчанію И. Фойницкаго, пересыльной организаціи посвящено было около 1/6 статей всего устава.

между этапами (обыкновенное разстояніе между этапами было около 40 верстъ); въ мѣстѣ встрѣчи команды (полуэтапы) и передачи арестантовъ полагалась арестантской партіи ночевка, а въ этапѣ—полная дневка (растагъ). Въ Европейской Россіи было нѣсколько главныхъ пунктовъ съ центральнымъ въ Казани, а самый путь въ народѣ, по главной дорогѣ отъ Москвы до Казани, получилъ названіе Владимірки. Изъ Казани путь шелъ на Пермь и, наконецъ, всѣ ссыльные въ Сибири сосредоточивались первоначально въ Тобольскѣ, а потомъ въ Тюмени, гдѣ они поступали въ вѣдѣніе приказа о ссыльныхъ, распредѣлявшаго ихъ далѣе по Сибири (1). Способъ передвиженія былъ до 1858 г. повсюда пѣше-этапный (2), съ подводами для больныхъ, мало-

---

(1) Къ 1880 г. такихъ пересыльныхъ тюремъ, въ которыхъ сосредоточивались пересыльные, было девять: Московская, Орловская, С.-Петербургская, Нижегородская, Казанская, Пермская, Тюменская, Томская и Иркутская; затѣмъ, за большимъ развитіемъ желѣзнодорожной отправки вмѣсто пѣшеходнаго сообщенія, упразднены тюрьмы: Орловская и Нижегородская; значительно уменьшено переполненіе тюремъ Московской, Казанской и отчасти Пермской; теперь открывается тюрьма въ Варшавѣ и предположена перестройка С.-Петербургской пересыльной тюрьмы.

(2) При старой пѣше-этапной пересылкѣ, партіи проходили черезъ города и села съ барабаннымъ боемъ, выбирая по преимуществу базарные дни и многолюдныя улицы, сбирая трудовую копѣйку доброхотныхъ дателей. Въ Сибири они шли со своей многоизвѣстной «милосердной». Содержаніе ея безхитростное:

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ . . .
. . . . . .
Пожалѣйте Христа ради насъ.
Мы сидимъ ли во неволюшкѣ
Во неволюшкѣ, во тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками—за желѣзными,
За дверями—за дубовыми,
За замками—за висячими;
Распростились мы со отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ,

но о ней слышавшіе говорили, что «щемитъ и за душу беретъ», что она тоскливѣе нашихъ могильныхъ причитаній, такъ что вся пѣсня являлась однимъ сплошнымъ стономъ, прерываемымъ только бряцаніемъ оковъ, и приносилъ партіи этотъ стонъ, какъ говоритъ Максимовъ (I, 13 и сл.), иногда свыше 100 рублей на человѣка. Сборъ подаянія этимъ путемъ тамъ, гдѣ сохранилось пѣше-этапное сообщеніе, существуетъ еще и нынѣ; Кенанъ также разсказываетъ, что онъ слышалъ эту пѣсню въ 1885 г. и что во всю жизнь не забудетъ того страшнаго впечатлѣнія, которое на него произвелъ этотъ напѣвъ.

лѣтнихъ, женщинъ, кормящихъ грудью, и для пожитковъ арестантовъ. Нынѣ введенъ порядокъ смѣшанный (ст. 30 и сл. уст. о ссыльн.): кромѣ прежняго пѣше-этапнаго способа введена пересылка по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и буксируемыхъ ими баржахъ (1). Преступникамъ изъ привилегированныхъ классовъ (ст. 61 и сл. уст. о ссыльн.), какъ общимъ, такъ и политическимъ, положеніями Комитета Министровъ 1864 и 1866 гг., тамъ, гдѣ нѣтъ желѣзнодорожнаго пути, разрѣшено отправляться до мѣста ссылки подъ особымъ конвоемъ на почтовыхъ лошадяхъ, но за ихъ собственный счетъ; если же они сего не пожелаютъ или не будутъ имѣть средствъ, то они препровождаются вмѣстѣ съ другими, но во всякомъ случаѣ на подводахъ. Сопровожденіе арестантовъ возложено на конвойную стражу, сформированную окончательно къ 1886 г. въ числѣ 11½ тысячъ человѣкъ, а гдѣ ее нѣтъ—на мѣстныя войска (уст. о ссыльн. ст. 15). Сверхъ того, при передвиженіи партій въ Сибири изъ числа ссыльныхъ приказомъ о ссыльныхъ или экспедиціями назначается староста, которому ввѣряется наблюденіе за прочими и съ него взыскивается за безпорядки (ст. 169). Ссыльные, которые до осужденія были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія (въ томъ числѣ всѣ женщины), препровождаются только подъ надзоромъ, ссыльно-каторжные слѣдуютъ въ оковахъ или кандалахъ (2), а прочіе (въ томъ числѣ и малолѣтные

---

(1) Какъ видно изъ «обзора», стр. 153, при возобновленіи контракта перевозки на баржахъ въ 1885 г., введены новые типы баржъ (три баржи) изъ желѣза въ два этажа, каждая на 600 человѣкъ, съ особыми отдѣленіями для каторжныхъ, для холостыхъ, для семейныхъ и для привилегированныхъ. Кромѣ того, перестроены на большинствѣ дорогъ арестантскіе вагоны, съ цѣлью затруднить побѣги и улучшить надзоръ. Перевозка по желѣзнымъ дорогамъ производится на основаніи положенія 24 Марта 1877 г. (уст. о сод. подъ страж., ст. 383).

(2) Въ острогахъ кандалы должны быть снимаемы со всѣхъ, кромѣ тѣхъ, кои осуждены за убійства и важнѣйшія преступленія, и тѣхъ, кои по дорогѣ совершили преступленіе. Кандалы ручные и ножные (по циркуляру 1867 г. совмѣстно налагаются только на особо важныхъ преступниковъ) вѣсомъ отъ 5 до 5½ фунтовъ, подъ ножные кандалы надѣваются кожаные подкандальники (уст. о сод. подъ стр. ст. 239—241). Прежде, въ 1825 г., сверхъ того, арестанты шли прикованные къ пруту по 3 и 4 пары. Прутъ оказался крайне неудобнымъ, такъ какъ, какъ указано въ запискѣ Московскаго Генералъ-Губернатора, при ходьбѣ рука каждаго терлась объ его собственный наручникъ; высокіе тащили вверхъ руки малорослыхъ, а тѣ оттягивали внизъ; слабые за сильными не поспѣвали; если одному

по закону 1863 г.) въ наручникахъ (ст. 83 уст. о ссыльн.). Впрочемъ, нынѣ, въ виду новаго текста ст. 968 у. у. с. и привилегированные отправляются въ оковахъ, и даже въ циркулярѣ 14 Іюня 1883 г. № 651 (Коковцовъ, стр. 427) въ пунк. *д* конвойнымъ начальникамъ вмѣнено въ обязанность не принимать въ партіи всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, хотя бы и изъ привилегированныхъ, безъ ножныхъ кандалъ и съ невыбритыми головами. Далѣе, для предупрежденія побѣговъ, на одежду ссыльныхъ вшивается у каторжныхъ по два, а у поселенцевъ по одному четвероугольному лоскутку на спины (такъ называемый бубновый тузъ) цвѣта отличнаго отъ цвѣта одежды (ст. 45 уст. о ссыльн.), причемъ соблюденіе этого правила подтверждено циркулярами 1878 и 1879 гг. Сверхъ сего, при передвиженіи партій въ Сибири (ст. 194 уст. о ссылн.), *всѣмъ* ссыльнымъ мужчинамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, выбривается при отправленіи правая половина головы и затѣмъ бритье повторяется каждый мѣсяцъ; но въ Европейской Россіи употребленіе этой мѣры закономъ 1858 г. отмѣнено для всѣхъ ссыльныхъ, за исключеніемъ бродягъ. Ссыльнаго, оказавшаго неповиновеніе порядку, начальникъ партіи приводитъ въ послушаніе легкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, противъ явно бунтующихъ обязанъ поступать со всею строгостью, а противъ отважившихся нападать на конвойныхъ онъ имѣетъ право употреблять оружіе, дѣйствуя однако съ большою осторожностью (уст. о ссыльн. ст. 211 и сл.) (1). При передвиженіи внѣ

ночью нужно было идти на дворъ, то его, по необходимости, сопровождали товарищи. Особенно мучительно было передвиженіе въ холодъ, такъ какъ прутъ мѣшалъ надѣвать рукавицы, тѣмъ болѣе, что отпереть замокъ во время дороги было нельзя. Восемь лѣтъ просуществовалъ прутъ и, по положенію Комитета Министровъ 1832 г. Марта 1 (№ 5202), былъ замѣненъ цѣпью, а затѣмъ отмѣнены и длинныя цѣпи (циркуляры 12 Янв. 1874 г. № 3 и 9 Дек. 1881 г. № 1371, у Коковцова, стр. 474); остались только малыя, соединяющія наручники попарно.

(1) Уставъ 1822 г. (ст. 390 уст. о ссыльн., изд. 1857 г.) прибавлялъ: «впрочемъ, нимало несомнительно, что пересылаемые люди, зная, какой опасности подвергаетъ ихъ рѣшимость возставать противъ своего конвоя, не посягнутъ на столь отчаянное предпріятіе». Но, какъ указываютъ лица, близко знакомыя съ дѣломъ въ прежнее время при пѣше-этапномъ перегонѣ, при недостаточности командъ главную охрану давало ископное русское учрежденіе, не покидавшее и ссыль

Сибири ссыльныя женщины не отдѣляются отъ мужчинъ, и только на этапахъ и полу-этапахъ онѣ должны быть помѣщаемы отдѣльно; точно также закономъ не установлено какого либо раздѣленія въ партіи пересылаемыхъ по категоріямъ. При передвиженіи партій въ Сибири законъ требовалъ отдѣленія каторжныхъ и поселенцевъ, мужчинъ и женщинъ, но затѣмъ и тамъ было разрѣшено образовывать смѣшанныя партіи (ст. 188 уст. о ссыльн.). Какъ указано (стр. 150) въ «обзорѣ», во время передвиженія изъ Томска въ Иркутскъ на ночлегахъ и дневкахъ, за тѣснотою этапныхъ помѣщеній, въ общихъ комнатахъ располагались холостые мужчины, женщины и дѣти. Только въ 1883 г. было снова предписано циркуляромъ на всемъ пути по Сибири составлять отдѣльныя партіи изъ арестантовъ холостыхъ и безсемейныхъ, и отдѣльныя изъ арестантовъ, отправляемыхъ съ семьями, и женщинъ. Планъ передвиженія арестантскихъ партій составляется заблаговременно, но, согласно временнымъ правиламъ (ст. 56 уст. о ссыльн.), препровожденіе по главнымъ пересыльнымъ трактамъ Нижегородско-Тюменскому и Тюменско - Ачинскому производится только въ навигаціонное время. Значительное улучшеніе въ пересылкѣ каторжныхъ арестантовъ на Сахалинъ сдѣлано за послѣднее время, такъ какъ, вмѣсто прежняго пѣше-этапнаго пути черезъ Сибирь, введена пересылка морскимъ путемъ чрезъ Одессу на пароходахъ добровольнаго флота—«Нижній-Новгородъ» и «Кострома», замѣненномъ послѣ его крушенія «С.-Петербургомъ». Съ 1887 г. ежегодно отправляется около 1,000 арестантовъ мужчинъ, до 150 женщинъ и до 100 женъ и дѣтей, слѣдующихъ за каторжными.

ныхъ,—варнацкая артель: сойдется она съ начальствомъ и все пойдетъ по маслу. Дозволятъ идти артели безъ кандаловъ и наручниковъ, за деньги, да на ихъ варнацкое слово, и не было примѣра, чтобы они его нарушали; если же при такихъ условіяхъ кто нибудь бѣжитъ, то сама же артель ловитъ его, даже посылаетъ погонщиковъ. Артель имѣла своего старосту, своихъ выборныхъ, своихъ откупщиковъ—майданщиковъ, которымъ отдаютъ въ откупъ содержаніе водки, картъ, одежды и проч. Откупныя деньги шли въ артельную кассу—на удовлетвореніе разнообразныхъ поборовъ съ арестантовъ въ конвой, за баню, за купанье, за снятіе кандаловъ и проч., за проходъ по хорошимъ улицамъ, за барабанъ, за женскій полъ. Не даромъ, замѣчаетъ Максимовъ, арестанты говорили: «на правду то дѣло пойдетъ, такъ мы и отвѣтить не знаемъ какъ, кто изъ насъ лучше, тѣ ли кто водятъ, или тѣ, что ходятъ». Ср. также Ядринцевъ, община, стр. 176 и сл.

Много и весьма значительныхъ улучшеній сдѣлано въ пересыльной нашей системѣ, но и теперь она далеко не удовлетворительна. Въ 70-хъ годахъ писалъ Максимовъ: «этапы Сибирскіе крайне тѣсны, такъ что размѣститься въ нихъ по-человѣчески всѣмъ невозможно, и вотъ новый источникъ поборовъ—кого раньше пустить на этапъ—брали иногда по нѣсколько рублей съ человѣка. Стѣны этаповъ успѣли прогнить цѣликомъ, такъ какъ бо̀льшая ихъ часть построена въ мѣстахъ болотистыхъ, въ половодье нѣкоторые заливаетъ иногда на $^1/_2$ аршина, вода застаивается, приходятъ арестанты часто мокрые, обсушиваться негдѣ, перемѣны бѣлья нѣтъ, казарменная атмосфера отъ переполненія людьми, отъ испареній сырой одежды, отъ параши, немоющейся, переполненной, дѣлается непригодною для жизни. А затѣмъ начинается на этапѣ шумъ, крики, карты, кости, ссоры, пляска и какая пляска—истинное подобіе ада». Какую массу болѣзней и смертей, какое нравственное растлѣніе вноситъ это этапное передвиженіе, и приходятъ (а прежде передвиженіе продолжалось годъ и два) въ Сибирь поселенцы слабые, болѣзненные, отвыкшіе отъ труда, но за то глубоко нравственно испорченные. Большія деньги тратились на починку этаповъ, но починка являлась новымъ источникомъ казнокрадствъ. Иной разъ, говоритъ С. В. Максимовъ, невольно задумаешься, гдѣ же различіе между заклейменнымъ арестантомъ и тѣми, кому ввѣренъ надзоръ за ними, ихъ нравственное возрожденіе?

Эти частныя указанія подтверждаются и оффиціальными указаніями «обзора» главнаго тюремнаго управленія, изъ коего видно, что къ 80-мъ годамъ, напр., въ Казанской пересыльной тюрьмѣ, построенной на 200 человѣкъ, нерѣдко вмѣщалось отъ 400—600 чел. и даже болѣе; въ Пермской пересыльной тюрьмѣ еженедѣльное населеніе лѣтомъ доходило до 2,000 человѣкъ, а зимою до 1,500; но наибольшее переполненіе, неустраненное, какъ видно изъ отчета, и къ 1890 г., представляетъ Томская тюрьма (съ 1891 г. перестраивающаяся), въ которой къ концу навигаціи каждаго года населеніе доходило до 3,000 человѣкъ, хотя тюрьма *можетъ вмѣстить* не болѣе 1,200 человѣкъ. Послѣдствія такого переполненія представить себѣ не трудно, и этимъ вполнѣ объясняется то поистинѣ страшное положеніе, въ которомъ нашелъ Кенанъ въ 1885 г. наши

сибирскія тюрьмы. Въ Тюменьской пересыльной тюрьмѣ, устроенной на 800 человѣкъ, въ день его посѣщенія находилось 1,741 арестантъ, въ камерѣ, въ которой по содержанію воздуха могло помѣститься 40 человѣкъ, было 460, безъ всякой вентиляціи, спавшихъ не только безъ постилокъ, но подъ нарами, на голомъ грязномъ полу; въ такомъ же видѣ находился переполненный госпиталь, оттого и смертность въ немъ доходила до 300 человѣкъ въ годъ (¹). Но еще ужаснѣе приведенное у него подробное описаніе Томской пересыльной тюрьмы и въ особенности помѣщенія для непреступниковъ, для женъ и дѣтей, добровольно идущихъ за сосланными, не хотѣвшихъ разстаться съ ними, въ особенности «балаганъ», гдѣ вмѣсто стѣнъ былъ холстъ и гдѣ для свѣта не было ни одного окна, а онъ проходилъ только чрезъ полотно и щели въ потолкѣ, гдѣ на нарахъ и на полу лежали сотни лицъ, между ними не только малолѣтные, но и грудные, въ той же атмосферѣ «параши» и мокраго бѣлья; а что же было въ этихъ балаганахъ въ дождливую погоду, при началѣ морозовъ, такъ какъ пересыльные оставались тамъ до начала Октября?

Осужденные въ каторжныя работы направляются (ст. 3 уст. о ссыльн.) или на работы въ Сибирь, или на островъ Сахалинъ, или размѣщаются въ особо приспособленныхъ для того тюрьмахъ; сверхъ сего, часть государственныхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, содержится въ шлиссельбургской тюрьмѣ, управляемой по особо утвержденному положенію 19 Іюня 1884 г. и состоящей въ непосредственномъ завѣдываніи командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ (ст. 12 уст. о ссыльн. и прилож.); по отбытіи же въ оной срока каторги преступники подлежатъ ссылкѣ на поселеніе.

Относительно распредѣленія каторжныхъ по отдѣльнымъ мѣстамъ отбытія наказанія, въ законѣ указано, что женщины

(¹) Въ Иркутской тюрьмѣ, построенной въ 1861 г. на 450 человѣкъ, Кенанъ нашелъ 743, а по сдѣланному ему сообщенію, тамъ бывало до 1,500 человѣкъ. По указанію же сборника «Сибирь», былъ случай помѣщенія въ ней до 2,000 человѣкъ. Страшную картину состоянія этаповъ рисуетъ также другой очевидецъ Орфановъ, стр. 210 и сл., сравнивая прибытіе партіи на этапъ съ картинами Дантовскаго ада. По поводу переполненія сибирскихъ тюремъ онъ приводитъ данныя, напр. о Верхнеудинской тюрьмѣ (стр. 220), указывая, что это деревянное зданіе построено на 140 человѣкъ, а посѣщая его не разъ, онъ всегда находилъ тамъ болѣе 500, а иногда бывало и до 800 человѣкъ. Впрочемъ, въ 1887 г. въ Верхнеудинскѣ построена новая обширная каменная тюрьма.

въ рудники не назначаются (ст. 5), а каторжные 2-го и 3-го разрядовъ не назначаются въ работы, производимыя подъ землею для добыванія рудъ (ст. 4), какъ наиболѣе тяжкія. По ст. 155 уст. ссыл. каторжные перваго разряда назначаются въ вѣдомство Нерчинскаго и Петровскаго заводовъ; второго разряда—въ Иркутское и Приамурское генералъ-губернаторство; третьяго разряда—въ распоряженіе Иркутскаго Генералъ-Губернатора для распредѣленія по заводамъ, а женщины въ Иркутское или Приамурское генералъ-губернаторство для размѣщенія по фабрикамъ и заводамъ; но это распредѣленіе только приблизительное, такъ какъ отъ него допускается рядъ отступленій ([1]). Въ Сибири каторжные, какъ и поселенцы, поступаютъ въ вѣдѣніе Тюменскаго приказа, который дѣлаетъ ихъ распредѣленіе, ведется имъ счетъ и алфавитные списки.

Съ 1870 г. началась отправка каторжныхъ на Сахалинъ; но болѣе правильную организацію получила эта ссылка только съ 80-хъ годовъ. По тщательному изслѣдованію острова начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, какъ указано въ «обзорѣ», оказалось, что не только на югѣ острова, но и въ средней его части климатическія условія на столько благопріятны, что по пятилѣтнимъ наблюденіямъ на островѣ не было ни одного случая эпидемическихъ заболѣваній. Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи опыты хлѣбопашества, огородничества и скотоводства доказали возможность земледѣльческой эксплоатаціи острова; что же касается его естественныхъ богатствъ, то, независимо отъ обширныхъ залежей каменнаго угля,—слѣдуетъ указать на присутствіе металлическихъ рудъ и нефти, на особое обиліе рыбы въ рѣкахъ и на богатство строеваго лѣса. Самый характеръ сахалинской каторги, въ виду того, что сосланные тамъ же оставались и на поселеніи, состоялъ въ подготовкѣ края къ правильной колонизаціи. Въ 1884 г. было преобразовано управленіе островомъ Сахалиномъ, ввѣренное самостоятельному начальнику острова изъ военныхъ генераловъ. Островъ раздѣленъ на три округа, во главѣ

([1]) Каторжнымъ 2-го и 3-го разрядовъ, обращаемымъ на работу въ Нерчинскій округъ, попрежнему срокъ работъ сокращается въ отношеніи 1½ лѣтъ за годъ; въ такомъ же размѣрѣ сокращается для нихъ срокъ работъ при обращеніи ихъ на Сахалинѣ на работы въ каменноугольныя копи (ст. 290 и 291 уст. о ссыльн.).

каждаго округа стоитъ окружной начальникъ, завѣдывающій каторжными тюрьмами и поселеніями округа, и окружное управленіе. Эти управленія вѣдаютъ и маловажныя гражданскія дѣла, болѣе же важныя гражданскія и уголовныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію Приморскаго окружнаго суда. Центръ управленія островомъ помѣщается въ п. Александровскомъ.

Главный трудъ каторжныхъ заключается въ постепенномъ движеніи по долинамъ рѣкъ въ глубь острова, прорубкѣ просѣкъ въ сплошной лѣсной чащѣ, покрывающей островъ, перекидкѣ мостовъ, устройствѣ станціонныхъ домиковъ и сооруженіи полотна дорогъ. Къ этому же роду работъ относятся сооруженія телеграфныхъ сообщеній съ материкомъ, постройка пристани въ Александровскомъ, постройка разныхъ зданій, паровой мельницы и лѣсопильни, заводовъ литейнаго и солевареннаго. Далѣе слѣдуютъ значительныя работы въ каменноугольныхъ копяхъ въ Дуэ. Въ 1891 г. по правиламъ 24 Февр. 1891 г., значительныя партіи были направлены въ Приамурскую область для производства работъ по Уссурійской желѣзной дорогѣ, на которой къ 1 Янв. 1892 г. было занято работами до 800 ссыльныхъ, и число ихъ предположено увеличить.

Поселенцы (1) заняты сельско-хозяйственными работами, въ особенности раскорчевкой земли и подготовленіемъ ея подъ пашню и сѣнокосы. Но мѣстное сельское хозяйство и скотоводство не представляются еще достаточными для продовольствія ссыльно-каторжныхъ, поэтому таковое идетъ частью съ Одессы, частью съ Амура.

Въ 1883 г., въ видахъ усиленія семейнаго начала на островѣ, сдѣлано распоряженіе объ усиленной пересылкѣ на Сахалинъ ссыльно-каторжныхъ женщинъ (2).

---

(1) Въ 1889 г. на островѣ было поселеній: въ Александровскомъ округѣ—7, въ Тымовскомъ—6, въ Корсаковскомъ—9.

(2) По ежегоднымъ отчетамъ тюремнаго управленія на Сахалинѣ было: въ 1886 4,387; въ 1887—5,259; въ 1888—5,713; въ 1889—5,638 человѣкъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ приростъ населенія на Сахалинѣ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

	Каторжныхъ.	Поселенцевъ.	Крестьянъ.	Семействъ ихъ.	Служ., войскъ и семействъ.
Къ 1 Января 1883 г.	3,500	200	110	670	1,120
Къ 1 Января 1891 г.	5,800	3,710	450	3,080	2,360

Кромѣ того, къ 1891 г. было зарегистрировано инородцевъ до 3,500 душъ; изъ этой таблицы видно, что % каторжныхъ, составлявшій въ 1883 г. 62%, понизился, въ силу возрастающаго прочаго населенія, къ 1891 г. до 38%.

Другой видъ каторги составляетъ каторга сибирская. Въ этомъ отношеніи въ 1880 г. снова расширена каторга на Карійскихъ золотоносныхъ промыслахъ, куда направляются каторжные разряда исправляющихся, которые затѣмъ, по окончаніи каторги, селятся неподалеку отъ района промысловъ, а кромѣ того возобновлена каторжная работа въ серебро-свинцовыхъ рудникахъ Нерчинскаго округа, причемъ при многихъ рудникахъ устроены новыя помѣщенія. Центральнымъ мѣстомъ является Зерентуйская каторжная тюрьма (въ 1890 г. на всей нерчинской каторгѣ было 3,366 чел. мужч. и 376 женщ.).

Что касается заводовъ, то работы производятся въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ на казенныхъ солеваренныхъ: Иркутскомъ, Усть-Кутскомъ, Петровскомъ и др., и на частныхъ—Николаевскомъ желѣзодѣлательномъ и др.; но, какъ указываетъ отчетъ, ближайшее ознакомленіе съ помѣщеніемъ каторжныхъ на частныхъ заводахъ обнаружило нежелательность такого отпуска, такъ какъ условія ихъ жизни тамъ оказались совершенно одинаковыми съ вольными рабочими.

Изъ оставшихся каторжныхъ центральныхъ тюремъ постоянное назначеніе имѣетъ Илецкая, въ которой прежде предполагалось сосредоточеніе инородцевъ, не переносящихъ сибирскаго климата, и сибирскія—Тобольская, Устькаменогорская; Александровская же въ Иркутской губ. (въ ней было въ 1889 г.—1,778 чел.) обратилась какъ бы въ пересыльную, до дальнѣйшаго размѣщенія арестантовъ, съ тѣмъ, что во время пребыванія въ этой тюрьмѣ заключенные занимаются ремесленнымъ трудомъ, находящимся, впрочемъ, въ зачаточномъ состояніи. Кромѣ того, въ Харьковской губерніи остались двѣ — Новобѣлгородская и Новоборисоглѣбская (въ 1889 г. около 600 чел.), въ которыхъ по преимуществу содержатся каторжные до отправленія ихъ на Сахалинъ.

По закону (ст. 285 и сл. уст. о ссыльн.) каторжные всѣхъ отдѣленій по поступленіи въ работы причисляются къ отряду испытуемыхъ и содержатся въ острогахъ,—безсрочные въ ножныхъ и ручныхъ оковахъ, а прочіе только въ ножныхъ; изъ женщинъ содержатся въ оковахъ только безсрочныя; больные обоего пола

отъ оковъ освобождаются; мужчины всѣхъ разрядовъ подлежатъ въ Сибири бритью половины головы.

Время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ (ст. 299 по закону 3 Февр. 1892 г.) зависитъ отъ размѣра наказанія: для безсрочныхъ—восемь лѣтъ, для срочныхъ высшій срокъ—пять, а низшій—одинъ годъ (для приговоренныхъ на 4 года). Для приговоренныхъ къ низшему противъ нормальнаго срока, въ силу обращенія изъ одного разряда въ другой и по другимъ обстоятельствамъ,—наименьшій срокъ пребыванія три мѣсяца, а для несовершеннолѣтнихъ даже два.

Перечисленіе въ отрядъ исправляющихся зависитъ отъ управленія каторжными, по разсмотрѣніи свѣдѣній о ихъ поведеніи; оно даруется (ст. 300) подавшимъ надежду на исправленіе—доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбія ([1]).

Исправляющіеся содержатся безъ оковъ, употребляются на болѣе легкія работы (напр. такъ называемыя цеховыя и поторжныя работы—ст. 292 уст. о ссыльн.) и отдѣльно отъ испытуемыхъ; они имѣютъ большее число (кромѣ воскресныхъ) праздничныхъ дней, а именно для испытуемыхъ 15, а для исправляющихся—23; имъ можетъ быть поручаемъ надзоръ за другими. Каторжные разряда исправляющихся—по истеченіи для 1-го разряда 3 лѣтъ, для 2-го—двухъ, а для 3-го—года, могутъ получить право жить не въ острогахъ, а въ комнатахъ заводскихъ мастеровыхъ, или могутъ построить себѣ домъ на заводской землѣ, причемъ имъ для постройки отпускается лѣсъ; имъ возвращаются всѣ отобранныя при ссылкѣ деньги и дозволяется вступать въ бракъ. Тѣмъ изъ каторжныхъ отряда исправляющихся, которые со дня поступленія ни разу не подвергались наказаніямъ, 10 мѣсяцевъ считается за годъ дѣйствительныхъ работъ, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ срока каторги ([2]).

([1]) Исключеніе составляютъ по 1449 ст. улож. убійцы родителей, которые никогда не переводятся въ разрядъ исправляющихся, и въ случаѣ даже совершенной дряхлости не освобождаются отъ работъ, а по закону 3 Февр. 1892 г. присужденные къ безсрочной каторгѣ, учинившіе до отправленія въ ссылку новое преступленіе, караемое безсрочною каторгою.

([2]) По правиламъ 24 Февр. 1891 г. о работахъ на Уссурійской дорогѣ, п. 3

Работы каторжныхъ, согласно закону 6 Января 1886 г. ([1]), оплачиваются, а именно въ ихъ пользу изъ вырученнаго дохода, за отчисленіемъ стоимости употребленнаго на работу матеріала, отчисляется $^1/_{10}$ (ст. 359 уст. о сод. подъ стражею). Самое пользованіе заработкомъ опредѣляется тѣми же правилами, которыя установлены и для прочихъ арестантовъ.

Отъ работъ каторжные освобождаются или за истеченіемъ срока, или за неспособностью, послѣдніе причисляются къ дряхлымъ и размѣщаются по тюрьмамъ Сибирскаго края, гдѣ содержатся въ порядкѣ, статьею 311 уст. о ссыльн. опредѣленномъ, а потомъ переводятся на поселеніе; оказавшіеся же совершенно дряхлыми и неспособными призрѣваются въ богадѣльняхъ.

По окончаніи срока работъ каторжные переводятся на поселеніе. Безсрочные, по удостовѣреніи въ нравственномъ ихъ исправленіи, могутъ быть освобождаемы отъ работъ не иначе, какъ съ утвержденія высшаго начальства и не прежде истеченія 20 лѣтъ со дня поступленія на каторгу.

Все время свободное отъ работъ и праздничные дни каторжные проводятъ совмѣстно въ острогѣ. О какихъ либо мѣрахъ нравственнаго воздѣйствія на каторжниковъ во всемъ многостатейномъ уставѣ о ссыльныхъ нѣтъ ни слова. Они разсматриваются дѣй-

---

каторжнымъ, находящимся на этихъ работахъ, за усердіе и безукоризненное поведеніе срокъ можетъ быть сокращаемъ зачетомъ одного года за полтора.

([1]) Еще и прежде по уставу о ссыльныхъ (ст. 565 по изд. 1857 г.), хотя каторжные никакого вознагражденія за работы не получали, но въ каждомъ заведеніи дѣлалось примѣрное исчисленіе слѣдующей имъ задѣльной платы, причемъ изъ заработныхъ денегъ каторжныхъ отряда исправляющихся (ст. 576 и 578) часть отчислялась на составленіе капитала для пособія семействамъ каторжныхъ и на пособія самимъ каторжнымъ, коимъ разрѣшалось жить внѣ острога; это пособіе назначалось въ соразмѣрности съ количествомъ заработныхъ денегъ, причитавшихся каторжному. Въ видѣ опыта, въ 1881 г., каторжнымъ, работавшимъ при постройкѣ тюремъ при Нерчинскихъ рудникахъ, за сверхъ урочную работу отчислялось: каторжнымъ 15%, изъ коихъ ½ обращалась на текущіе расходы, но безъ выдачи ихъ арестантамъ на руки, а другая ½ выдавалась арестанту по окончаніи срока каторги. По правиламъ о вознагражденіи за работы каторжныхъ по постройкѣ Уссурійской дороги (законъ 24 Февр. 1891 г.) указано назначать каторжнымъ, кромѣ $^1/_{10}$, дополнительное вознагражденіе, по усмотрѣнію Генералъ-Губернатора за сверхурочныя работы.

ствительно какъ отпѣтые люди, ни для какого вліянія непригодные. Въ уставѣ о ссыльн., изд. 1857 г., было только одно указаніе (ст. 566), что въ праздничные дни, непосредственно послѣ молитвы, назначается часъ или болѣе на чтеніе особаго поученія или назидательной по указанію духовнаго начальства книги, но и это правило нынѣ опущено.

Какъ дѣйствительно проходило время на каторгѣ, мы можемъ найдти свѣдѣнія у очевидцевъ: у Ф. М. Достоевскаго, въ «Мертвомъ домѣ», въ воспоминаніяхъ декабристовъ, у Максимова ([1]). Въ острогѣ, не смотря на суровыя дисциплинарныя взысканія, царили развратъ и оргія, самыя страшныя изъ всѣхъ—арестантскія. На каторгахъ существовало все, что было запрещено уставами и инструкціями—водка, табакъ, карты. Можно было достать и женщину,—были бы деньги. Для всего существовалъ откупной майданъ. За майданъ карточный платили въ тюремную артель отъ 15 до 30 рублей. Нельзя было достать казенныхъ картъ—играли въ самодѣльныя, преимущественно въ подкаретную или три листика; играли въ кости и шашки, а нѣтъ ничего—въ бѣгунцовъ изъ собственнаго звѣринца. Еще дороже стоилъ питейный откупъ, такъ какъ съ него и дохода больше: въ большомъ острогѣ въ день можно было продать два ведра вина, а изъ ведра 120 чашекъ, а чашка продается отъ 30—50 к. серебр.

Но если уставъ мало говоритъ о нравственномъ и религіозномъ воздѣйствіи на каторжныхъ, за то онъ подробно останавливается на отвѣтственности ихъ за проступки, создавая какъ бы отдѣльное уголовное уложеніе для ссыльныхъ, отличающееся крайнею суровостью, причемъ нельзя не прибавить, что эта суровость создана была не уставомъ 1822 г., а возрастала постепенно, на основаніи закона 1840 г., а въ особенности закона 18 Мая 1855 г., хотя и замѣнившаго для ссыльныхъ кнутъ плетьми, но за то значительно усилившаго мѣру наказанія, дабы сдѣлать ссылку на каторгу для простолюдиновъ предметомъ страха и опасенія. Нѣкоторое смягченіе наказуемости ссыльныхъ сдѣлано было только въ 1871 г. съ отмѣною шпицрутеновъ.

([1]) Всѣ эти указанія подтверждаются и оффиціально въ извѣстной запискѣ Власова «Очеркъ неустройства на каторгѣ» 1873 г.

*

Соединяясь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, ссылка измѣняетъ юридическое положеніе наказанныхъ по отношенію къ порядку ихъ отвѣтственности, измѣняетъ подсудность, расширяя по отношенію къ нимъ права дисциплинарной власти, и главное вызываетъ замѣну для нихъ общей лѣстницы наказаній особою.

Постановленія о наказаніяхъ ссыльныхъ примѣняются судебными мѣстами, какъ въ предѣлахъ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи, за исключеніемъ только судопроизводственныхъ правилъ, которыя въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы, замѣняются правилами сихъ уставовъ (рѣш. общ. собр. касс. деп. 1869 г., № 5, Недбая; 1872 г., № 36, Крисанова, № 65, Войчицкаго).

Дѣйствію этихъ постановленій подлежатъ: 1) всѣ каторжные, причемъ каторжные 2-го разряда наказываются какъ каторжные 3-го (уст. о ссыльн. ст. 435) (1), а каторжные, содержащіеся въ центральныхъ тюрьмахъ, въ порядкѣ суда и дисциплины также подчиняются дѣйствію сихъ правилъ; 2) поселенцы, не поступившіе еще въ податное состояніе, такъ какъ послѣдніе отвѣчаютъ по общимъ законамъ, причемъ, по разъясненію Сената (рѣш. 1870 г., №485), это правило примѣняется и къ тѣмъ поселенцамъ, которые, послѣ 10-ти-лѣтней ссылки, хотя и не перечислились въ податное состояніе, но не потеряли на это право; 3) бродяги, ссылаемые въ Сибирь на водвореніе.

Эти лица подлежатъ дѣйствію сихъ постановленій, къ во время нахожденія на каторгѣ или на поселеніи, на водвореніи и во время побѣга изъ сихъ мѣстъ, такъ, равно, во время препровожденія ихъ въ Сибирь (ст. 103 уст. о ссыльн.) и во время остановокъ въ пути временно въ пересыльныхъ тюрьмахъ, или на болѣе продолжительные сроки для работъ по распоряженію начальства (2). Уставъ не опредѣлялъ точно времени, съ котораго ссыльный подчиняется дѣйствію этихъ правилъ, и угол. касс. деп. Прав. Сената въ извѣстномъ своемъ рѣшеніи 1877 г.,

---

(1) Ср. также рѣшенія Правит. Сената 1871 г., № 1490, Ахмеда-оглы; 1872 г., № 15, Войчицкаго (о. с.); 1873 г., № 21, Степанова (о. с.).

(2) Причемъ и въ этомъ случаѣ постановленія устава о ссыльныхъ примѣняются къ ссыльнымъ тѣхъ же категорій. Рѣш. угол. касс. деп., 1875 г., № 328, Калиничева.

№ 37, по дѣлу Абрамова, указалъ, что такъ какъ постановленія о примѣненіи устава о ссыльныхъ и къ пересылаемымъ арестантамъ, представляются исключеніемъ, то они и не должны имѣть распространительнаго толкованія, а посему начальнымъ моментомъ для примѣненія этихъ постановленій не можетъ считаться не только моментъ вступленія приговора въ силу, но и моментъ зачисленія ихъ въ разрядъ ссыльныхъ, а лишь первое движеніе партіи, въ списки коей они включены (ст. 50 уст. о ссыльн.). Нынѣ, по закону 3 Февр. 1892 г., прямо указано такимъ срокомъ дѣйствительное отправленіе въ мѣсто ссылки.

Отвѣтственность ссыльныхъ за учиненныя ими преступныя дѣянія назначается въ слѣдующемъ порядкѣ:

во 1-хъ, мѣстнымъ ихъ начальствомъ, по собственному его удостовѣренію въ винѣ, за всѣ маловажныя преступныя дѣянія, (уст. о ссыльн. ст. 440, 441, 469, 471), не влекущія лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а равно за кратковременныя отлучки и просрочки отпусковъ, не признаваемые побѣгомъ, нетрезвое и буйное поведеніе, лѣность и нерадѣніе къ домообзаводству, своевольство и другія нарушенія благочинія. За эти дѣянія могутъ быть подвергаемы: поселенцы—отдачѣ въ работу на заводъ или въ арестантское отдѣленіе до года, заключенію подъ стражу или употребленіе въ работу общественную до 1 мѣсяца или наказанію розгами до 100 ударовъ, а каторжные—продленію срока работъ maximum до двухъ лѣтъ; наказанію розгами до 100 ударовъ и плетьми до 20 ударовъ. Равнымъ образомъ, къ дисциплинарнымъ взысканіямъ отнесены: продленіе срока пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ, возвращеніе въ острогъ тѣхъ, коимъ дозволено жить внѣ онаго, наложеніе оковъ; сверхъ сего, на основаніи ст. 442, по причинамъ, лично извѣстнымъ губернатору или генералъ-губернатору, поселенецъ, признанный подозрительнымъ и опаснымъ или не исправляющимся, можетъ быть подвергнутъ переселенію въ другіе преимущественно малолюдные округа (1);

---

(1) Кромѣ того, уст. о ссыльныхъ знаетъ одинъ весьма любопытный случай узаконеннаго арестантскаго самосуда. По примѣч. къ ст. 441 поселенцы,

во 2-хъ, городскими и окружными полиціями (ст. 470 уст. о ссыльн.), по собственному ихъ удостовѣренію, за преступныя дѣянія, караемыя тюрьмою съ лишеніемъ всѣхъ особен. правъ и преим. (ст. 30, II);

въ 3-хъ, по формальной полицейской расправѣ въ Сибири также полицейскими органами за преступныя дѣянія, караемыя отдачею въ арестантскія отдѣленія, за перемѣну имени и за побѣги, исчисленные въ п. 3 ст. 474 уст. о ссыльн.;

въ 4-хъ, по суду, за всѣ болѣе тяжкія преступныя дѣянія (1).

Въ этомъ случаѣ наказанія, назначаемыя ссыльнымъ, замѣняются другими по соображенію двухъ условій: разряда, къ коему принадлежитъ виновный, и рода и вида наказанія, назначаемаго по уложенію за учиненное дѣяніе. Всѣ эти постановленія изложены въ ст. 437 и слѣд. устава; не останавливаясь на нихъ въ подробности, я укажу, для ознакомленія съ этою системою, только предѣльныя постановленія о замѣнѣ.

уволенные на золотые пріиски, за неповиновеніе старостѣ подвергаются наказанію розгами до 20 ударовъ, по приговору большинства лицъ, партію составляющихъ.

(1) Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы, ссыльные подлежатъ судебному разбирательству и за дѣянія, за которыя въ Сибири назначается полицейская расправа, но при этомъ немедленно исполняется только наказаніе розгами и лозами, по общему правилу при полиціи, полицейскими служителями. Наказанію же плетьми виновные подвергаются только по прибытіи въ мѣсто ссылки или въ каторжную тюрьму, причемъ наказаніе исполняется въ предѣлахъ тюремнаго помѣщенія, безъ соблюденія обряда публичной казни, но въ присутствіи врача и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и полиціи (ст. 478 уст. о ссыльн.).

преступленія, дверга-ющія о уложенію:	По дѣйствующему уставу подлежатъ: Каторжн. безсрочные.	Каторжн. 3-го разряда.	Ссыльно-поселенцы.	По уставу 1857 г. подлежали: Каторжн. безсрочные.	Каторжн. 3-го разряда.	Ссыльно-поселенцы.
аторгѣ безъ ока.	плетьми 100 удар.; прикованію къ телѣжкѣ отъ 1—3 лѣтъ, содержанію въ отрядѣ испытуемыхъ безъ срока.	плет. 100 уд.; обращ. въ кат. безъ срока; въ отрядѣ испыт. отъ 12—15 л.	плетьми 100 удар.; обращ. въ кат. безъ срока; въотрядѣиспыт. отъ 10—12 л.	шпицрут. отъ 5,000—6,000; прик. къ телѣж. отъ 1—3 лѣтъ; въ отр. испыт. безъ срока.	шпицрут. отъ 3,000—4,000; катор. безъ срока; въ отрядѣ испытуем. отъ 12—15 лѣтъ.	шпицрут. отъ 2,000—3,000; катор. безъ срока; въ отрядѣ испытуем. отъ 10—12 лѣтъ.
оселенію . .	плетьми отъ 90—100 удар.; прикованіе къ телѣжкѣ отъ 1—3 лѣтъ; въ отрядѣ испыт. отъ 8—10 л.	плетьми отъ 70—80 удар.; прод. срока работъ отъ 5—10 лѣтъ; въ отр. испытуем. отъ 3—6 лѣтъ.	плетьми отъ 60—70 удар.; каторг. отъ 6—8 лѣтъ; въ отр. испыт. отъ 2—4 лѣтъ.	шпицрут. отъ 3,000—4,000; прик. къ телѣж. отъ 1—3 лѣтъ; въ отр. испыт. отъ 8—10 л.	какъ въ дѣйствующемъ.	
гдачѣ въ арентскія отдѣнія по 1 ст. ст.	плетьми отъ 70—80 удар. съ начат. нов. срока въ отряд. испытуемыхъ.	плетьми отъ 50—60 удар.; прод. срока работъ отъ 6—8 лѣтъ.	плетьми отъ 40—50 удар.; обращ. во врем. раб. на заводѣ отъ 5—6 лѣтъ.	какъ въ дѣйствующемъ.		
гдачѣ въ рьму по 1 ст. ст.	плетьми отъ 40—50 удар.	тоже.	плетьми отъ 30—40 удар.	какъ въ дѣйствующемъ.		
о 4 ст. 33	плетьми отъ 20—25 удар.	тоже.	плетьми отъ 10—15 удар.			

Сверхъ сего уставъ знаетъ два особыя преступленія ссыльныхъ, а именно:

1) побѣгъ, который опредѣляется по ст. 446 для поселенца, какъ отлучка изъ мѣста жительства болѣе 7 дней, а при добровольномъ возвращеніи—14; для каторжнаго же отлучка болѣе 3-хъ

дней, а при добровольномъ возвращеніи 7 (1). Наказаніямъ, установленнымъ за побѣгъ, подвергаются и всѣ бродяги, задержанные въ Сибири и давшіе ложныя показанія или назвавшіеся непомнящими родства, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, въ ст. 452 уст. о ссыльн. указанныхъ. Наказаніе за побѣгъ опредѣляется по соображенію 3-хъ условій: мѣста обнаруженія—въ Сибири или внѣ оной; разряда, къ которому принадлежитъ бѣжавшій, и числа побѣговъ; причемъ наивысшее наказаніе для безсрочныхъ за третій побѣгъ внѣ Сибири—наказаніе плетьми 100 ударовъ, приковываніе къ телѣжкѣ на 3 года, содержаніе въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 15—20 лѣтъ, т. е. тѣ же наказанія, какія назначаются за учиненіе имъ преступленія, наказываемаго каторгою отъ 12—20 лѣтъ, а наименьшій размѣръ наказанія за первый побѣгъ—ссыльно-поселенца въ Сибири—плетьми отъ 20—30 ударовъ.

2) Обмѣнъ именъ и фамилій (ст. 453), за что наибольшее наказаніе, назначаемое каторжнымъ,—сто ударовъ лозъ и продолженіе срока работъ на 5 лѣтъ, а наименьшее, за обмѣнъ между собою ссыльно-поселенцевъ—отдача на заводскую работу на 2 года.

Такимъ образомъ, отличительною чертою системы наказаній для ссыльныхъ является страшная ея суровость и господство въ ней тѣлесныхъ наказаній, въ частности плетей, а для безсрочныхъ каторжныхъ—своеобразное наказаніе—въ видѣ прикованія къ тѣлежкѣ (2), причемъ, по ст. 464 уст. о ссыльн., отъ тѣлесныхъ наказаній не освобождаются ни женщины, ни престарѣлые, ни увѣчные, но мѣра наказанія ихъ назначается по соразмѣрности

---

(1) Какъ разъяснилъ Правит. Сенатъ, въ рѣш. 1889 г., № 29, по дѣлу Кутепова строгія постановленія устава о ссыльн. о побѣгѣ, согласно ихъ буквальному тексту, не примѣняются къ ссыльнымъ дряхлымъ, отпущеннымъ для пріисканія пропитанія; они, въ случаѣ самовольнаго возвращенія въ Россію, отвѣчаютъ по 2 части ст. 313.

(2) Прикованіе къ телѣжкѣ прежде замѣнялось нерѣдко прикованіемъ на цѣпь въ карцерѣ, причемъ къ цѣпи иногда присоединялась «лиса», желѣзная полоса въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ, чтобы цѣпной не могъ двигаться. Это считалось самымъ тяжкимъ наказаніемъ. О томъ, какъ выполнялись наказанія ссыльныхъ въ прежнее время можно найти много страшныхъ страницъ въ «Мертвомъ домѣ» (глава XIV): особенно страшнымъ были многотысячныя розги, они считались гораздо тяжелѣе палокъ.

ихъ силъ, по предварительному медицинскому освидѣтельствованію. Женщины не подлежатъ прикованію къ тележкѣ (1).

Относительно самаго опредѣленія мѣры отвѣтственности, условій устраняющихъ вмѣняемость и наказуемость, судебныя мѣста руководствуются соотвѣтственными правилами уложенія, но съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ, особо указанныхъ, постановленій, напр., относительно наказанія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ (ст. 466), которые ни въ какомъ случаѣ не приговариваются къ безсрочной каторгѣ и плетямъ, а розги назначаются для недостигшихъ 14 лѣтъ до 50 ударовъ, а отъ 14—21 года—до 100 ударовъ; относительно порядка перехода отъ одного наказанія къ другому (ст. 459), повторенія преступленій (ст. 462, 463), совокупности (ст. 467) и т. д.

Перехожу къ ссылкѣ на поселеніе. По ст. 20 уложенія ссылка въ Сибирь раздѣляется на двѣ степени: 1) въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири и 2) въ мѣста не столь отдаленныя, причемъ, по неоднократнымъ разъясненіямъ Правит. Сената (1869 г., № 14, Королева, 1875 г., № 544, и др.), во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ законъ не упоминаетъ по какой степени 20 статьи назначается ссылка, всегда должна быть примѣняема 2 ст. 20 статьи. Мѣсто самаго поселенія въ приговорахъ не назначается (ст. 166 уст. о ссыльн.). Ссыльно-поселенцы направляются въ Сибирь тѣмъ же порядкомъ, какъ и каторжные, а тамъ поступаютъ въ вѣдѣніе Тюменскаго приказа, причемъ по ст. 148 уст. о ссыльн. къ нимъ причисляются и сосланные на водвореніе. Прежнее раздѣленіе ссыльнопоселенцевъ на разряды нынѣ отмѣнено, а въ уставѣ указано только, что изъ поселенцевъ выдѣляется особый разрядъ дряхлыхъ, который распредѣляется по волостямъ на вольное пропитаніе или въ богадѣльни; причемъ къ дряхлымъ причисляются не только страдающіе перечисленными въ ст. 150 уст. о ссыльн. болѣзнями, но и всѣ имѣющіе отъ роду болѣе 60 лѣтъ (2).

---

(1) О предположеніяхъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ, см. ниже въ изложеніи тѣлесныхъ наказаній.

(2) Но это правило не относится къ каторжнымъ, переходящимъ въ поселенцы; они признаются дряхлыми только въ томъ случаѣ, когда ни къ какой работѣ неспособны.

Всѣ прочіе ссыльные, на основаніи закона 15 Іюля 1859 г., раздѣляются на двѣ группы: тѣ, которые до осужденія были изъяты по правамъ состоянія отъ тѣлеснаго наказанія, прямо направляются въ Иркутское и Приамурское генералъ-губернаторства на водвореніе, а всѣ прочіе предварительно обращаются въ казенную работу на винокуренные заводы или другія подобныя заведенія, гдѣ они и остаются 4 года, а при неисправимомъ поведеніи и долѣе (ст. 158, 321). Содержатся они, примѣняясь къ порядку, установленному для каторжныхъ (1). По окончаніи работъ они также препровождаются на водвореніе въ Иркутское и Приамурское генералъ-губернаторства (2); но ссыльные хорошаго поведенія и имѣющіе домообзаводство могутъ быть, съ разрѣшенія начальства, поселяемы и при заводахъ.

На мѣстѣ водворенія поселенцы, происходящіе не изъ крестьянскаго званія и не могущіе снискивать пропитаніе земледѣльческимъ трудомъ, получаютъ позволеніе жить въ городахъ и заниматься ремеслами или же наниматься въ услуженіе; они продолжаютъ числиться въ волостяхъ, къ коимъ приписаны, но поступаютъ подъ надзоръ городской полиціи; они выбираютъ занятія по своему усмотрѣнію, но съ тѣмъ, что занимающіеся ремеслами не могутъ держать учениковъ (ст. 324). Поселяемые въ деревняхъ (ст. 327 и слѣд.) или приселяются къ деревнямъ старожиловъ, гдѣ водворяются собственными трудами, или поступаютъ временно, до водворенія, къ старожиламъ и на ихъ продовольствіе, за что старожилы получаютъ полплаката арестантскаго содержанія, или же ссыльные отправляются въ новыя казенныя поселенія, въ мѣста малолюдныя (3). Водворенные въ первые три года освобождаются отъ всякихъ податей, а затѣмъ въ теченіи семи лѣтъ платятъ половину. Ссыльные могутъ быть увольняемы для промысловъ

---

(1) Это обращеніе на заводы существуетъ только въ законѣ; въ дѣйствительности они распредѣляются прямо на поселеніе, не ближе Енисейской губерніи.

(2) По ст. 159 уст. о ссыльн. ссыльные не должны быть поселяемы въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской; кромѣ того въ законѣ содержатся особыя правила о поселеніи лютеранъ, а равно уроженцевъ Закавказскаго края и Пермской губерніи.

(3) Въ представленіи М. Вн. Дѣлъ отъ 26 Февраля 1888 г., по вопросу объ ограниченіи ссылки въ Сибирь (ст. 5), указывается, что устройство казенныхъ селеній исключительно изъ поселенцевъ на счетъ казны, въ дѣйствительности не существуетъ.

по всей Сибири, и, между прочимъ, на частные золотые промыслы по правиламъ, изложеннымъ въ примѣч. къ ст. 111 уст. част. золотопром. (изд. 1886 г.).

Всѣ ссыльно-поселенцы по истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ Сибири могутъ причисляться въ крестьяне (1) и водворяться во всѣхъ Сибирскихъ губерніяхъ, кромѣ областей Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской; евреи—въ стоверстномъ разстояніи отъ границы. Десятилѣтній срокъ перечисленія можетъ быть сокращенъ до 6 лѣтъ для тѣхъ, которые вели себя одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и имѣютъ осѣдлость. Для принятія ихъ въ общества должно быть всегда согласіе послѣднихъ. Переходъ въ городскія званія поселенцамъ воспрещается; но они могутъ жительствовать въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью (ст. 381) (2).

793. Устройство быта поселенцевъ въ Сибири составляетъ, конечно, наиболѣе трудную задачу нашей карательной системы. Мы видѣли, какъ неудачно оканчивались всѣ попытки заселенія различныхъ мѣстностей. Точно также и въ «обзорѣ» главнаго тюремнаго управленія мы читаемъ, что изслѣдованіе ссылки подтвердило существующее мнѣніе о разстройствѣ и дальнѣйшей непригодности этого наказанія, и всѣ мѣры, принятыя этимъ управленіемъ, сводились къ возбужденію вопросовъ объ упорядоченіи административной ссылки и отмѣнѣ судебной ссылки лицъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ.

Въ виду этихъ неустройствъ ссылки, какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ законодательныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, не разъ поднимался вопросъ о полномъ уничтоженіи ссылки или о возможномъ ограниченіи ея примѣненія. Полная отмѣна ссылки, болѣе 200 лѣтъ существовавшей въ нашемъ законодательствѣ, и замѣна

---

(1) Исключеніе составляютъ, на основаніи 1593—1595 ст. ул., сосланные за кровосмѣшенія, которые никогда не могутъ быть переводимы въ крестьяне.

(2) Генералъ-губернаторамъ предоставлено разрѣшать водвореннымъ ссыльнымъ, не перечисленнымъ еще въ крестьяне, заниматься торговлею и промыслами по гильдейскимъ и промысловымъ свидѣтельствамъ; но не иначе, какъ по представленіи надлежащаго засвидѣтельственнаго одобрительнаго удостовѣренія общества о ихъ поведеніи, а въ Иркутской губерніи лишь по истеченіи 3-хъ лѣтъ по водвореніи. Для политическихъ ссыльныхъ предварительно испрашивается согласіе М. Вн. Дѣлъ (уст. о ссыльн. ст. 381 примѣч.).

ея тюрьмою, въ обширномъ смыслѣ слова, представляется мѣрою практически столь важною, что на ней нельзя не остановиться.

Первый и главный аргументъ всѣхъ противниковъ ссылки,—это ея исторія, безплодность всѣхъ разнообразныхъ попытокъ устроить штрафную колонизацію. Но перебирая всѣ эти указанія, даже въ оффиціальныхъ документахъ, какъ напр. въ запискѣ пр. И. Фойницкаго 1874 г., мы встрѣчаемся все съ тѣми же фактами, которые почти всѣ приведены мною выше (1); но можно ли твердо опираться на историческія данныя этого рода? Не будетъ ли это равносильно требованію уничтоженія армейскаго интендантства на основаніи данныхъ Крымской войны, и не пришлось ли бы намъ въ такомъ случаѣ отказаться не только отъ ссылки, но и отъ каторги и отъ тюрьмы? Невѣроятные разсказы о самодурствѣ и взяточничествѣ Сибирской тюремной администраціи встрѣчаемъ мы у Максимова; достаточно призрачныя указанія на, по меньшей мѣрѣ, неблаговидное отношеніе къ казенному имуществу мѣстныхъ тюремныхъ дѣятелей, находимъ мы даже въ оффиціальномъ обзорѣ главнаго управленія, но все это зло поправимое. Единство центральнаго тюремнаго управленія, стремленіе принести дѣйствительную пользу дѣлу, введеніе правильнаго контроля и отчетности, допущеніе болѣе широкаго контроля общественнаго мнѣнія и его выразителя мѣстной печати, поставленной нынѣ въ трудныя для ея существованія условія, наконецъ, приближеніе Сибири къ

---

(1) Мы до сихъ поръ не имѣли ни одного серьезнаго научнаго труда о Сибирской ссылкѣ, ни обстоятельнаго оффиціальнаго ея изслѣдованія. Какъ заявляетъ И. Фойницкій, «наказаніе», стр. 289, журналы Департамента Гос. Сов. 1840 содержатъ полный и богатый матеріалъ, но журналы эти не напечатаны, а самъ авторъ къ сожалѣнію ими не воспользовался. Да, впрочемъ, этотъ матеріалъ могъ относиться къ сравнительно небольшему періоду ссылки, упорядоченной уставомъ 1822 г. Мнѣ представляются болѣе правильными указанія «обзора», что даже къ 1880 г. Мин. Внутрен. Дѣлъ располагало весьма недостаточными свѣдѣніями о ссылкѣ, такъ какъ отчеты приказа и экспедицій о ссылкѣ давали только цифровыя данныя о движеніи ссылки, а всеподданнѣйшіе отчеты содержали выводы изъ мѣстныхъ данныхъ, но не содержали самыхъ данныхъ, которыя могли бы быть подвергнуты сравнительно исторической обработкѣ. Я думаю, что такую работу могли бы произвести только мѣстные сибирскіе дѣятели, по мѣстнымъ даннымъ отдѣльныхъ экспедицій, разработавъ прежде всего, такъ сказать, подготовительный матеріалъ, судьбу отдѣльныхъ особыхъ поселеній, приписки къ старожильскимъ селеніямъ, распредѣленіе ссыльныхъ по разрядамъ, и т. д.

центру государства путемъ желѣзныхъ дорогъ, пароходной системы, даетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя надежды (1).

Указываютъ далѣе на то, что вполнѣ раціональное начало распредѣленія ссыльныхъ по разрядамъ, согласно ихъ способностямъ, введенное уставомъ 1822 г., оказалось на практикѣ совершенно непригоднымъ и отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ; что % дряхлыхъ и неспособныхъ между ссыльными такъ великъ, что содержаніе этого, ни на что непригоднаго элемента, тяжелымъ бременемъ ложится на мѣстное населеніе. Ссылка, говоритъ пр. Фойницкій (историч. зап., стр. 16), страшно развиваетъ бродяжничество: масса лицъ возвращается въ Европейскую Россію, еще бо̀льшія толпы странствуютъ по Сибири, гдѣ число бродягъ опредѣляется до 30,000. Цифра болѣзней и смертности между ссыльными изумительна; она 4—15 разъ болѣе заболѣваемости свободнаго населенія. Половина арестантскихъ дѣтей, слѣдующихъ въ Сибирь, умираетъ на пути; развивающіеся на мѣстѣ развратъ и пороки оставляютъ въ живыхъ ничтожный %; даже оставшіеся въ живыхъ ссыльные, благодаря изнурительнымъ условіямъ пересылки и водворенія, осуждены на безплодіе; ссылка, продолжаетъ эта оффиціальная записка, не удовлетворяетъ ни условіямъ колонизаціи, ни условіямъ правильной наказуемости; она не обезпечиваетъ Россію отъ преступленій и не спасаетъ отъ рецидивы. Всѣ интересы свободнаго народонаселенія приносятся въ жертву небольшой группѣ ссыльныхъ. Вполнѣ правильнымъ, далѣе, находитъ записка мнѣніе адмирала Посьета, что такой богатый край, какъ Сибирь, въ $2^1/_2$ раза большій, чѣмъ Россія (2), не можетъ быть мѣстомъ ссылки для преступниковъ,

---

(1) Казенныя заселенія не удались, но частныя имѣли успѣхъ, и не только въ старую Московскую эпоху, но и позднѣе: на нетронутыхъ земляхъ и безъ всякой сторонней поддержки запасами, орудіями и т. п., какъ напр., около Алтая, Забайкальскія поселенія семейскихъ старовѣровъ и т. п., а имъ приходилось бороться еще съ совершенно особыми препятствіями. Въ Томскомъ острогѣ, говоритъ Максимовъ, 1, 326, онъ видѣлъ богатаго раскольника, судившагося за образованіе селенія изъ *бѣглыхъ* и за совращеніе ихъ потомъ въ расколъ. Селеніе основалось большое, съ отличнымъ хозяйствомъ, пепьющее, работящее, обыватели давали должное исправнику и властямъ, никого не обижали; но кто-то донесъ по духовному вѣдомству,—началось слѣдствіе, людей похватали, посадили по тюрьмамъ,—селеніе разнесли.

(2) Записка Генерала-Адъютанта Посьета, составленная въ 1874 г. предполагаетъ уничтожить всякую ссылку въ Сибирь, т. е. и каторжную, замѣнивъ ее цен-

что съ него надо снять названіе «страны преступниковъ». Наконецъ, указывается на дороговизну ссылки, на дороговизну управленія и надзора за ссыльными, на дороговизну пересылки.

Но какъ бы ни были справедливы эти упреки нашей ссылкѣ, большинство изъ нихъ, на мой взглядъ не имѣетъ принципіальнаго характера.

Несомнѣнно, что побѣги многочисленны, хотя мы и имѣемъ только отрывочныя цифровыя данныя (1); но эти побѣги относятся не къ однимъ поселенцамъ: огромное число бѣгаетъ изъ остроговъ, съ пути; да и что удивительнаго въ этой цифрѣ при томъ положеніи, въ которомъ находятся этапы и остроги Сибири, при ихъ невѣроятномъ переполненіи. Бѣгаетъ много и поселенцевъ, но знаемъ ли мы при какихъ условіяхъ совершаются эти побѣги? Мы не должны забывать, что огромный % поселенцевъ составляютъ дряхлые и неспособные, которые отчасти силою закона направляются бродяжествовать, снискивая себѣ пропитаніе не трудомъ, а благотворительностью, и не въ богадѣльняхъ или работныхъ домахъ, а на волѣ, Христовымъ именемъ; что даже по позднѣйшимъ отчетамъ ссыльные приселяются къ деревнямъ и городамъ при такихъ условіяхъ, благодаря коимъ они дѣйствительно не могутъ существовать въ мѣстахъ поселенія.

Не удалось распредѣленіе ссыльныхъ по разрядамъ. Но знаемъ ли мы, какъ производилось это распредѣленіе, требовавшее большаго пониманія дѣла и желанія служить ему? Если же

тральными тюрьмами. Впрочемъ, вся записка обозрѣваетъ вопросъ о ссылкѣ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, и кромѣ общихъ мѣстъ ничего не содержитъ.

(1) По изслѣдованію въ 1875 г. ссылки въ Тобольской и Томской губерніи по распоряженію генералъ-губернатора Казнакова, оказалось по подворной описи, въ селеніяхъ на 100 ссыльныхъ 45% въ безвѣстной отлучкѣ, 12% на заработкахъ и только 43% на лицо; изъ нихъ неспособныхъ и нищенствующихъ 22%; по городамъ: на 100 ссыльныхъ, 67% въ неизвѣстной отлучкѣ и 37% на лицо, изъ нихъ 8% на квартирахъ, 10% слугъ и 15% бездомныхъ. Отзывы, полученные при этомъ отъ мѣстныхъ мѣщанскихъ и городскихъ обществъ, а равно и отъ полицейскихъ властей крайне неблагопріятны для ссыльныхъ; но любопытно, что всѣ эти отзывы относятся къ ссыльнымъ административнымъ. Въ отчетѣ начальника главнаго тюремнаго управленія, въ его изслѣдованіи ссылки въ 1881 г., указывается также на огромное отношеніе бродягъ между арестованными въ сибирскихъ тюрьмахъ.

справедливо то, что говорилъ по этому поводу Максимовъ (1), то что же удивительнаго, что ожиданія успѣшности этой мѣры не оправдались.

Далѣе, совершенно вѣрно, что условія ссылки, состояніе этаповъ и тюремъ таковы, что они страшно развиваютъ болѣзни и смертность, что при этомъ особенно много умираетъ дѣтей, слѣдующихъ за родителями, что ссыльные приходятъ въ ссылку изнуренные физически и развращенные нравственно. Но всѣ эти недостатки не имѣютъ принципіальнаго значенія.

Указаніе на развращающее вліяніе ссылки на Сибирь, выражающееся въ значительной ея преступности, не подкрѣпляется точными цифровыми доказательствами, а между тѣмъ, существуетъ рядъ свидѣтельствъ отъ лицъ, близко знакомыхъ съ ссыльною жизнью Сибири, совершенно иного рода (2). Что же касается вліяніе ссылки на рецидивъ въ Россіи, то любопытныя указанія находятся по этому предмету у самого же И. Фойницкаго (ученіе о наказаніи, стр. 44), который указываетъ, что во Франціи процентъ рецидивистовъ около 32; въ Англіи къ 1878 г. онъ дошелъ до 78, въ Пруссіи до 28 и въ Россіи 20½. Не можемъ же мы объяснить это явленіе пенитенціарнымъ вліяніемъ нашихъ низшихъ видовъ лишенія свободы.

Эти соображенія, по моему мнѣнію, приводятъ къ тому, что мы не можемъ утверждать, на основаніи русскаго опыта, что

---

(1) Максимовъ (1, стр. 315) замѣчаетъ: ссыльные ремесленники и русскіе промышленники безслѣдно гибнутъ въ Сибири съ своими знаніями, потому что одесскаго матроса видятъ въ Курганѣ, а не на Байкалѣ; повара—въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ. Херсонскій степнякъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ; вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было бы исконнымъ ямщикамъ и извощикамъ; лакей бродитъ по Пелыму, среди остяковъ и самоѣдовъ и т. д.

(2) Среди этого каторжнаго народа, говоритъ Максимовъ (II, стр. 50 и сл.), живется такъ же безопасно, какъ и въ городахъ Европейской Россіи; подобную же мысль гораздо ранѣе высказывалъ Сперанскій и притомъ не въ оффиціальныхъ отчетахъ, а въ письмахъ къ дочери. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій въ *посмертныхъ* запискахъ заявлялъ, какъ результатъ своихъ наблюденій надъ ссылкой, что зародышъ добра во многихъ каторжныхъ такъ силенъ, что его не могутъ загубить даже условія каторжной жизни. Въ 1868 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири Дюгамель въ Государственномъ Совѣтѣ заявилъ, что число преступленій, совершаемыхъ ссыльными въ сущности не велико.

ссылка, какъ наказаніе, является мѣрою практически не пригодною. Мы можемъ только сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ее у насъ она нецѣлесообразна и требуетъ существенныхъ измѣненій.

Въ этомъ отношеніи прежде всего надо имѣть въ виду, что понятіе ссылки у насъ представляется сложнымъ, что подъ общимъ именемъ ссыльныхъ, идущихъ ежегодно съ Сибирь по этапу, подразумѣвается нѣсколько совершенно различныхъ категорій. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно различать ссылку судебную и административную. Ссылка судебная распадается на ссылку въ каторгу, на поселеніе, на житье и на водвореніе; принудительное административное переселеніе въ Сибирь также распадается на высылку въ Сибирь переданныхъ въ распоряженіе правительства мѣщанскими и крестьянскими обществами, высылку непринятыхъ обществами по выходѣ изъ арестантскихъ ротъ и ссылку административно-политическую, въ интересахъ общественной безопасности.

Въ какомъ отношеніи стоятъ между собою эти категоріи можно видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ представленія Мин. Внутр. Дѣлъ 1888 г.

Общее число ссыльныхъ въ Сибирь въ XVII и XVIII столѣтіяхъ неизвѣстно вѣроятныя цифры имѣются только съ 1807 г. и вполнѣ точныя съ 1824 г.

	Общее число.	Въ годъ.		Общее число.	Въ годъ.
съ 1807—1813	14,245	2,035	1849—1853	27,820	5,566
— 1814—1818	12,381	2,476	1854—1858	37,307	7,461
— 1819—1823	22,848	4,570	1859—1863	42,094	8,419
— 1824—1828	55,219	11,044	1864—1868	60,589	12,118
— 1829—1833	36,703	7,341	1869—1873	73,448	14,690
— 1834—1838	41,154	8,231	1874—1878	91,921	18,384
— 1839—1843	38,349	7,670	1879—1883	86,156	17,231
— 1844—1848	31,285	6,257	1884—1886	51,770	17,256

Всего же сослано съ 1807—1823, 49,474 и съ 1824—1886—672,825,—а всего—722,299; но какъ распредѣлялись эти ссыль-

(1) Общее количество ссыльныхъ въ Сибири, какъ замѣчаетъ представленіе М. Вн. Дѣлъ 1888 г., съ точностью и достовѣрностью опредѣлить нельзя; приблизи-

ные? Какъ указываетъ представленіе, точныя цифры имѣются только съ 1882, а именно:

ибирь поступило (1).	Каторжн.		Поселен.		Сосл. на житье.		Сосл. на водвор.		Непринят. обществ.		Высланн. обществ.		Админ. ссыл.		Перес.	Добров. сл. сем.	Итого.
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.			
—1885 гг. . .	6,283	587	9,916	660	734	28	6,133	309	13,610	788	4,922	220	1,070	262	3,564	21,528	70,614
—1889 гг. . .	6,195	439	10,735	627	738	35	7,289	304	8,819	509	4,093	291	1,750	142	—	21,075	63,041

Такимъ образомъ на 1000 ссыльныхъ, поступившихъ въ Тюменскій приказъ, получается:

аторж. ныхъ.	поселенцевъ.	сослан. на жит.	сослан. на водв.	неприн. общ.	выслан. общ.	админ. ссыл.	добров. слѣдующ.
104	168	12	108	182	73	25	328

ведя эти цифры къ болѣе крупнымъ категоріямъ, мы получимъ:

о судебнымъ приговорамъ:	въ административномъ порядкѣ:	добровольно слѣдующихъ
392	280	328

Несомнѣнно, что это общее число нынѣ ссылаемыхъ въ троякомъ отношеніи вредно дѣйствуетъ на ссылку: своею численностью, крайне затрудняя пересылку, заполняя этапныя помѣщенія и пересыльныя тюрьмы; непригодностью значительнаго числа лицъ, входящихъ въ число ссыльныхъ, къ колонизаціи, какъ напр., зна-

---

тельное же ихъ количество представляется въ слѣдующемъ видѣ; въ губерніи Томской къ 1886 г.—до 60,000 чел.; въ Тобольской—до 70,500, въ Иркутской—по отчету за 1885 г.—47,879, въ Енисейской—по отчету за 1885 г.—83,657 и въ Якутской области за 1885 г. до 6,376; всего, въ круглыхъ цифрахъ, въ Западной Сибири (куда между прочимъ ссылка на поселеніе съ 1879 г. прекращена) 130,000 и въ Восточной—140,000. Принимая же во вниманіе, что въ 1885 г. населенія въ этихъ губерніяхъ числилось до 3,600,000, общее число ссыльныхъ составитъ всего 75 на 1,000 жителей; но такъ какъ ссыльные распредѣляются въ этихъ округахъ весьма неравномѣрно, то, какъ указывается въ представленіи Мин. Внутр. Дѣлъ, въ мѣстахъ приписки приходится 1 ссыльный въ Иркутской и Енисейской на 2 коренныхъ жителя, а въ Томской и Тобольской 1 на 7; въ нѣкоторыхъ же городахъ процентное отношеніе къ мѣстнымъ мѣщанамъ старожиламъ представляется еще значительнѣе, такъ, напр., (въ 1875 г.) въ Ишимѣ ссыльныхъ было вдвое, а въ Ялотуровскѣ втрое болѣе коренныхъ жителей.

(1) Не включая въ это число направляемыхъ моремъ на Сахалинъ, цифры коихъ указаны выше; нельзя не замѣтить, впрочемъ, что цифры съ 1882—1885, взятыя мною изъ представленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ цифрами отчетовъ по тюремному управленію не вполнѣ совпадаютъ.

чительное число престарѣлыхъ, физически неспособныхъ къ работѣ, и, наконецъ, самыми условіями ихъ поселенія, прямымъ переходомъ на свободу лицъ, совершенно къ тому не подготовленныхъ. Возможное уменьшеніе численности ссыльныхъ и измѣненіе ихъ состава является существенно необходимымъ. Къ этому приходили, съ разными колебаніями, и коммисія подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, состоявшая при Мин. Юстиціи 1871 г., и присоединившаяся всецѣло къ ея предположеніямъ коммисія Госуд. Совѣта подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота въ 1878 г.; Мин. Юстиціи, Мин. Внутр. Дѣлъ, и Кодификаціонный Отдѣлъ въ 1888 г. и, наконецъ, коммисія по составленію проекта уголовнаго уложенія.

По всѣмъ этимъ предположеніямъ ссылка на поселеніе сохраняется безусловно какъ послѣдствіе каторжныхъ работъ. Принимая за послѣдніе годы число поступавшихъ въ Сибирь (за исключеніемъ Сахалина) каторжныхъ въ 1,700 человѣкъ ([1]), мы получимъ ежегодное поступленіе на поселеніе около 1,200 человѣкъ, при чемъ, въ виду значительнаго средняго возраста этихъ лицъ, дѣйствительный приростъ поселенческаго населенія не будетъ представляться значительнымъ. По той же причинѣ, по отношенію къ этой группѣ, для лицъ, за которыми не послѣдуютъ ихъ семейства, не представитъ непреодолимыхъ затрудненій и вопросъ о непропорціональности ссылаемыхъ мущинъ и женщинъ. Если этотъ элементъ и не представится достаточнымъ для самостоятельной колонизаціи, то онъ всегда можетъ быть годенъ для прикаторжнаго поселенія. Вторую группу составляютъ ссыльно-поселенцы. Число ихъ нынѣ гораздо значительнѣе,

---

([1]) По статистическимъ отчетамъ Министерства Юстиціи по судебнымъ округамъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы (за исключеніемъ округа Тифлисской судебной палаты) было приговорено къ каторгѣ:

1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.
1,659	1,640	1,804	2,222	2,130

Причемъ нужно имѣть въ виду, что съ 1884 г. въ эти цифры включены и данныя по округу Виленской судебной палаты. Изъ всего числа каторжныхъ было присужденныхъ къ каторгѣ:

безсрочной	177	т. е.	2%
на срокъ 12—20 лѣтъ	1,679	т. е.	18%
на срокъ 8—12	2,475	т. е.	26%
на срокъ менѣе 8 лѣтъ	5,124	т. е.	54%

составляя до 2,600 въ годъ ([1]), причемъ въ это число входитъ значительный % (напр. по своду стат. свѣдѣній за 1882 г.—618 на 1,000) приговоренныхъ за отягченную или многократную кражи, грабежи, разбой. Очевидно, что это населеніе, привыкшее къ легкой наживѣ, къ жизни не трудясь, къ бродяжеству, прямо переводимое послѣ пересылки на поселеніе, непригодно для ссылки колонизаціонной. Поэтому всѣ коммисіи одинаково предположили устранить ссылку на поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе за подобныя преступленія. Но въ иномъ положеніи находится ссылка на поселеніе за нѣкоторыя спеціальныя преступленія, въ особенности, напр., за пропаганду раскола, за тяжкіе случаи общественныхъ безпорядковъ и т. п. Всѣ очевидцы одинаково свидѣтельствуютъ о прекрасномъ состояніи раскольничьихъ поселеній. Иркутскій генералъ-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1885 г. говоритъ, что образованныя въ Якутской области скопческія селенія: Маркинское, Снольское, Хатынъ-Аринское, не только существуютъ, но въ полномъ смыслѣ слова благоденствуютъ; занятія хлѣбопашествомъ и огородничествомъ не только удовлетворяютъ ихъ собственнымъ потребностямъ, но обезпечиваютъ въ значительной степени продовольствіе мѣстнаго населенія. Замѣнить для лицъ этой группы поселеніе исправительнымъ домомъ было бы безполезною жестокостью. Поэтому и коммисія по составленію новаго уложенія, слѣдуя указаніямъ коммисіи Государственнаго Совѣта 1878 г., предположила сохранить ссылку за дѣянія, не обнаруживающія порочной нравственности, а истекающія изъ заблужденій, увлеченій и общественныхъ предразсудковъ. Число приговоренныхъ этого рода, конечно, будетъ весьма не велико. Ссылка на житье, которая будетъ разсмотрѣна мною далѣе, вкладывается такимъ ничтожнымъ % въ ссылку, что ея отмѣна или удержаніе существеннаго значенія для общаго хода ссылки имѣть не можетъ. Иную роль играетъ послѣдній видъ судебной ссылки—ссылка на водвореніе, сохранившаяся нынѣ

([1]) По отчетамъ Министерства Юстиціи по округамъ, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы (кромѣ Тифлисскаго), было приговорено къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе:

1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.
2,150	1,698	1,909	2,117	2,175

только за бродяжество. Это наказаніе, независимо отъ его малой репрессивности, при нынѣшнемъ его устройствѣ, по единогласному отзыву всѣхъ, составляетъ самый вредный и опасный элементъ ссылки, по вліянію этихъ лицъ, прошедшихъ по народному выраженію и огонь, и воду, и мѣдныя трубы, на другихъ пересылаемыхъ, и по ихъ непригодности къ непосредственной колонизаціи, такъ что сохраненіе его безъ измѣненій представляется немыслимымъ.

Что касается административныхъ ссыльныхъ, составляющихъ, вмѣстѣ со слѣдующими за ними семействами, почти половину всего числа—488 на 1,000, то, не касаясь юридическаго значенія политической ссылки, о которой я говорилъ ранѣе (№ 736 и сл.) и которая самимъ законодателемъ почитается мѣрою временною, оба другіе вида ссылки административной признаны и оффиціально въ настоящемъ ихъ видѣ весьма неудовлетворительными. Высылка на водвореніе лицъ, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, но непринятыхъ обществами, ставитъ отягощеніе участи подсудимаго въ зависимость не отъ характера его вины, не отъ степени проявленной имъ исправимости, а отъ совершенно посторонняго его судимости обстоятельства, каково нежеланіе общества, къ которому онъ приписанъ, принять его въ свою среду. Кромѣ того, предоставляемое этимъ лицамъ право возвращенія черезъ 5 лѣтъ въ Россію дѣлаетъ призрачною надежду на пріобрѣтеніе ими осѣдлости въ Сибири. Сильныя возраженія вызываетъ и ссылка по мірскимъ приговорамъ, крайне произвольная и неуравнительная, снабжающая ссылку особенно значительнымъ % неспособныхъ; поэтому и въ правительственныхъ предположеніяхъ неоднократно высказывалась мысль объ отмѣнѣ или возможномъ ограниченіи примѣненія этой мѣры (1).

Такимъ образомъ, казалось бы, Россіи не представляется основаній совершенно отказаться отъ своего стародавняго наказанія, такъ подходящаго и къ ея территоріальнымъ условіямъ, и къ сельскому складу народной жизни; она могла бы сохранить эту мѣру, въ видѣ:

---

(1) Въ 1889 г. Мин. Внутр. Дѣлъ проектировало: ссылку по непринятію обществами послѣ суда и наказанія вовсе отмѣнить, а ссылку по общественнымъ приговорамъ оставить въ существующемъ видѣ, возложивъ лишь на общества, при содѣйствіи земствъ и городовъ, обязанность обезпечить ссыльныхъ въ теченіи

а) каторжнаго поселенія, какъ безусловнаго послѣдствія для каждаго, отбывшаго каторгу; б) ссылки—за нѣкоторыя особыя преступленія, и в) высылки какъ послѣдствія для приговоренныхъ къ высшимъ исправительнымъ наказаніямъ, къ арестантскимъ отдѣленіямъ или, по проекту, къ исправительному дому, напр., въ видѣ особаго досрочнаго освобожденія, по ходатайству самого заключеннаго. Такая мѣра могла бы быть съ пользою примѣняема къ лицамъ, хотя и учинившимъ тяжкіе проступки, но лишь благодаря стеченію особыхъ обстоятельствъ, къ лицамъ, которыя искренно желаютъ возвратиться къ честной жизни (¹).

Но сохраненіе ссылки, конечно, предполагаетъ измѣненіе условій, ее сопровождающихъ:

Во 1-хъ, возможное улучшеніе условій пересылки и при томъ не только въ физическомъ, но и въ моральномъ отношеніи. То, что сдѣлано уже въ этомъ отношеніи нынѣ, даетъ полную возможность ожидать еще большаго улучшенія въ будущемъ, при уменьшеніи числа пересылаемыхъ;

Во 2-хъ, введеніе пенитенціарнаго начала и въ каторжныя тюрьмы. Учиненіе тяжкаго преступленія, какъ учитъ тюремный опытъ, еще не дѣлаетъ преступника безусловно отверженнымъ, да наконецъ, если нельзя разсчитывать на перерожденіе закоренѣлыхъ злодѣевъ, то во всякомъ случаѣ можно стремиться къ устройству каторжныхъ помѣщеній такимъ образомъ, чтобы они не усугубляли преступную развращенность заключенныхъ;

Въ 3-хъ, при условной высылкѣ отбывающихъ наказаніе въ

первыхъ двухъ лѣтъ по водвореніи въ Сибири кормовымъ довольствіемъ въ размѣрѣ солдатскаго пайка и предоставивъ земствамъ и городамъ замѣнять этотъ видъ ссылки отдачею въ принудительныя работы. Въ представленіи собраны чрезвычайно интересныя данныя о примѣненіи этого права сельскими обществами въ различныхъ губерніяхъ. Казалось бы желательнымъ лицъ этой категоріи помѣщать въ особо устроенные работные дома, на содержаніе коихъ могло бы быть между прочимъ обращено и предположенное Мин. Внутр. Дѣлъ обезпеченіе, взыскиваемое съ міра, приговорившаго къ высылкѣ порочнаго сочлена. Затѣмъ уже, изъ работныхъ домовъ, нѣкоторые, признанные пригодными для колонизаціи могли бы быть обращаемы на водвореніе.

(¹) Нельзя не замѣтить, что Власовъ, представившій любопытнѣйшую и поразительную, по сообщаемымъ въ ней фактамъ, записку о неустройствахъ каторги, осмотрѣнной имъ лично въ 1872 г., тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію о невозможности отмѣнить ссылку, и притомъ не только въ интересахъ Европейской Россіи, но и Восточной Сибири.

исправительныхъ домахъ или арестантскихъ отдѣленіяхъ необходимо обращать вниманіе на физическую пригодность ссылаемыхъ. Распложать въ Сибири классъ неспособныхъ, значитъ дѣйствительно причинять вредъ мѣстному населенію, безъ всякаго прибытка для осуществленія задачъ правосудія. Поэтому было бы желательно, чтобы для подлежащихъ высылкѣ, но оказавшихся дряхлыми и неспособными, были устраиваемы особые работные дома.

794. *Ссылка на поселеніе въ Закавказье.* Эта ссылка, составляющая четвертый родъ наказаній уголовныхъ, имѣетъ спеціальное назначеніе, примѣняясь лишь за религіозныя преступленія. Въ 1722 г. (№ 4109) по донесенію Нижегородскаго епископа Питирима о томъ, что многіе раскольники, описные и неописные, бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городахъ,—повелѣно было не только прекратить ссылку раскольниковъ въ Сибирь, но даже и сосланныхъ воротить и послать въ Рогервикъ, и впредь ихъ въ Сибирь не посылать. Правило это сохранило силу до Анны Іоановны, когда опять начали ссылать раскольниковъ въ Сибирь, частью въ монастыри, частью въ каторгу; но въ 1830 г. Октября 30 постановлено: духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и другихъ, признанныхъ вредными ересями, отдавать въ солдаты, обращая въ службу въ Кавказскій корпусъ, а неспособныхъ къ службѣ, равно и женщинъ, отсылать для водворенія въ Закавказскія провинціи. Это постановленіе вошло въ ст. 64 т. XV свода законовъ (изд. 1832 г.), а отсюда и въ уложеніе, причемъ эта ссылка всегда соединялась съ лишеніемъ всѣхъ правъ, но никогда не сопровождалась тѣлесными наказаніями. Нынѣ, согласно ст. 27 улож., ссылка въ Закавказье опредѣляется лишь за нѣкоторые особые виды преступленій, а именно за распространеніе ереси или раскола, за заведеніе новыхъ, за оскорбленіе по фанатизму православной церкви (ст. 196) и за принадлежность къ изувѣрнымъ сектамъ (ст. 203); но скопцы не подлежатъ ссылкѣ въ Закавказье, а всегда отсылаются въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Это наказаніе представляется исключительнымъ, такъ какъ переходъ къ нему отъ высшихъ наказаній, а равно и отъ него къ низшимъ не допускается.

Мѣсто для этой ссылки опредѣляется всегда по усмотрѣнію на-

чальства Кавказскаго края. Пересылаются осужденные туда тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе ссыльные, а затѣмъ водворяются по правиламъ, установленнымъ для государственныхъ крестьянъ, переселяемыхъ по распоряженію правительства. Сверхъ того, сосланнымъ дозволяется приписываться въ мѣщане во всѣхъ городахъ Закавказья (п. 12 ст. 522 зак. о сост.). Въ случаѣ обращенія ихъ въ православіе, имъ дозволяется возвращаться во внутреннія губерніи; но если затѣмъ ссыльные снова будутъ изобличены въ отпаденіи въ расколъ, то они уже ссылаются въ Закавказье безвозвратно.

На практикѣ количество ссылаемыхъ въ Закавказье крайне не велико. Такъ, по своду статистич. свѣдѣній, было сослано: въ 1882 г. 7, въ 1883 г. 11, въ 1884—3, въ 1885—5, въ 1886—28.

Въ виду этого и практическое осуществленіе этой мѣры не вызывало никакихъ особенныхъ затрудненій.

795. *Ссылка на житье.* Ссылка на житье явилась, какъ самостоятельное наказаніе въ нашемъ правѣ только съ изданіемъ уложенія 1845 г., такъ какъ до того времени она не отдѣлялась отъ ссылки на поселеніе (1). Редакторы проекта ввели это наказаніе для лицъ привилегированныхъ для того, чтобы продолжительностью этого наказанія уравновѣсить соотвѣтственныя наказанія для непривилегированныхъ, всегда соединявшіяся съ тѣлеснымъ наказаніемъ розгами.

Ссылка предполагалась временная,—въ Сибирь на срокъ отъ 5—20 лѣтъ, а въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, отъ 1—5 лѣтъ; но Коммисія Государственнаго Совѣта отвергла срочность ссылки, найдя, что возвращеніе сосланныхъ на родину было бы сопряжено съ нѣкоторымъ нарушеніемъ если не безопасности общественной, то по крайней мѣрѣ общественныхъ приличій, и опредѣлила ссылку какъ наказаніе безсрочное.

Нынѣ ссылка на житье раздѣляется на два вида: ссылку въ Сибирь, соотвѣтствующую отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, и ссылку въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи, соотвѣтствующую рабочему дому, замѣненному тюрьмою (ст. 30, II).

---

(1) Такая временная ссылка была предложена уже въ проектѣ 1813 г.; затѣмъ, введеніе этой мѣры рекомендовалъ графъ Блудовъ еще въ 1832 г., но предложеніе принято не было.

Ссылка назначается (согласно 89 ст. ул.) для лицъ привилегированныхъ, т. е. изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія (1), и всегда соединяется съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Ссылка въ Сибирь раздѣляется на 5 степеней, различныхъ, во 1-хъ, по губерніямъ: 1 и 2 степень въ губернію Иркутскую или Енисейскую, а 3, 4 и 5—въ Томскую или Тобольскую (2); во 2-хъ, по срокамъ заключенія, (при первыхъ 4-хъ степеняхъ) на мѣстѣ ссылки отъ 1 года до 4 лѣтъ. Кромѣ того, для ссылаемыхъ въ губ. Иркутскую и Енисейскую назначается воспрещеніе переѣзда въ другія Сибирскія губерніи на время отъ 8—12 лѣтъ. По закону 23 Ноября 1853 г. (прил. II къ ст. 70 ул.), въ виду переполненія Сибирскихъ тюремъ, назначаемое по ст. 31 заключеніе замѣнено запрещеніемъ отлучки изъ *мѣста*, назначеннаго для жительства на тѣ же сроки (3). По законамъ 16 Іюня

---

(1) Таковы дворяне потомственные и личные, русскіе и иностранные; священнослужители, церковнослужители и монашествующіе, купцы, почетные граждане, потомственные и личные, другія лица, указанныя въ п. 3 приложенія и объ изъятіи коихъ упомянуто въ законахъ о состояніяхъ (рѣш. 1868 г., № 154), причемъ, какъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Бредихина (1872 г., № 1062), къ привилегированнымъ должны быть причисляемы и тѣ лица, доказательства происхожденія коихъ будутъ признаны судомъ сомнительными. Наравнѣ съ этими лицами считаются изъятыми по правамъ состоянія и ихъ семьи, т. е. жены и дѣти, которыя, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ (рѣшеніе 1868 г., № 154, Дьяконова и др.), сохраняютъ эти привилегіи и въ томъ случаѣ, когда по увольненіи изъ духовнаго званія припишутся къ крестьянскимъ обществамъ. Въ виду того значенія, которое имѣетъ при опредѣленіи наказанія принадлежность виновнаго къ привилегированному состоянію, судъ долженъ всякій разъ съ точностью выяснять это обстоятельство, причемъ рѣшающее значеніе имѣетъ то состояніе, къ которому принадлежалъ виновный во время учиненія преступленія, а не то, къ коему онъ принадлежалъ во время суда или по вступленіи приговора въ законную силу. (рѣш. 1869 г., №№ 144, 241; 1870 г., № 737 и др.). Лица, лишенныя правъ состоянія, имъ принадлежащихъ, утрачиваютъ таковыя со времени вступленія приговоровъ о нихъ въ законную силу.

(2) Для жителей Сибири мѣсто ссылки измѣняется по правиламъ, въ ст. 32 улож. указаннымъ. По разъясненіямъ Прав. Сената судъ, приговаривая кого либо по ст. 31, долженъ съ точностью указать губернію, въ которую ссылается подсудимый, причемъ ссылка въ губерніи Томскую при 3, 4 и 5 степ. и Иркутскую при 1 и 2 степ., по ихъ отдаленности, должна почитаться болѣе строгимъ наказаніемъ—рѣш. 1870 г., № 197, 1871, № 1471, 1874, № 654.

(3) По ст. 544 2 ч. XV т. (изд. 1876 г.) срокъ невыѣзда считается со дня прибытія въ мѣсто ссылки; въ уст. уг. суд. Имп. Александра II соотвѣтствующаго постановленія не имѣется.

1884 г. и 25 Іюля 1885 г. это временное заключеніе возстановлено за растраты и другія сходныя преступленія, перечисленныя въ примѣч. къ п. 1 ст. 30 ул. (изд. 1885 г.), съ тѣмъ, чтобы оно отбывалось до ссылки, въ тюрьмахъ мѣста осужденія.

Ссылка на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, по ст. 33 раздѣляется на 4 степени, по срокамъ заключенія на мѣстѣ ссылки, отъ 2 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ; но по закону 1854 г. это заключеніе замѣнено воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣстъ ссылки, право же выѣзда изъ губерніи, въ которую виновные сосланы, имъ можетъ быть предоставлено не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, въ общемъ порядкѣ помилованія. О мѣстѣ ссылки ежегодно Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомляетъ Министра Юстиціи, но обыкновенно такое распредѣленіе не измѣняется нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время такими мѣстностями являются губерніи Архангельская, Олонецкая, Пермская, а для Кавказа—Оренбургская и Астраханская. Мѣсто ссылки должно быть каждый разъ съ точностью означено въ приговорѣ (рѣш. об. собр. пр. с. 1885 г., № 7).

Ссылка въ Сибирь или въ отдаленныя губерніи на житье производится на основаніи особыхъ правилъ (ст. 235 и сл. уст. о ссыльн.). Приговоренные отправляются отдѣльно отъ другихъ ссыльныхъ, безъ оковъ и наручней, и если имъ дается особая одежда, то безъ лоскутковъ. Имѣющимъ средства, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, дозволяется переѣзжать въ своемъ экипажѣ подъ надзоромъ жандармовъ или конвойныхъ. Немедленно по прибытіи на мѣсто они обязаны избрать родъ жизни, приписываясь въ мѣщанство или сельское состояніе, но безъ права участвовать въ выборахъ. Съ разрѣшенія мѣстной власти сосланные могутъ, въ предѣлахъ мѣста ссылки, заниматься торговлею и промыслами по свидѣтельствамъ и билетамъ; но полученіе гильдейскаго свидѣтельства не предоставляетъ имъ купеческаго званія.

Ссылка на житье—это нововведеніе Коммисіи гр. Блудова оказалось совершенно несостоятельнымъ, какъ по мысли, такъ и по исполненію. Назначаемое преимущественно за корыстныя преступленія—наказаніе это, крайне неравномѣрное по отношенію къ ссылаемымъ, въ то же время въ высшей степени невыгодно отражается и на тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыя производится ссылка. Неравномѣр-

ность заключается прежде всего въ выборѣ мѣстности ссылки — понятно, какое огромное различіе между ссылкою въ Колу или Мезень жителя какой либо южной губерніи или передвиженіемъ, положимъ, въ Оренбургъ жителя Архангельской губерніи; съ другой стороны, осужденный за мошенничество или кражу, хотя бы изъ привилегированныхъ сословій, не можетъ измѣнить своихъ привычекъ, образа жизни только потому, что его переселили изъ одной мѣстности въ другую.

Какъ указано въ представленіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1888 г., по удостовѣренію губернскихъ начальствъ тѣхъ губерній, которыя служатъ въ настоящее время мѣстомъ ссылки на житье, положеніе этихъ ссыльныхъ, бѣдственное съ точки зрѣнія ихъ личной обстановки, является въ высшей степени вреднымъ для этихъ мѣстностей. За исключеніемъ тѣхъ ссыльныхъ, которые располагаютъ и въ ссылкѣ значительными денежными средствами, и устраиваютъ свою участь иногда съ такими удобствами, при которыхъ они вовсе не ощущаютъ тяготѣющаго надъ ними наказанія и праволишеній,—все громадное большинство сосланныхъ на житье, сосредоточенное въ бѣднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Архангельской, Олонецкой, Тобольской, Томской и Енисейской губерніи обрѣчено, самою силою вещей и окружающей ихъ обстановки, на полнѣйшее бездѣйствіе. Если же принять въ соображеніе, что большинство этихъ людей подверглось суду и наказанію за преступленія корыстнаго свойства, изобличающія въ нихъ отсутствіе привычки къ правильному труду, то вполнѣ будетъ понятно, почему именно пьянство, азартныя карточныя игры, развратъ и всякіе неблаговидные поступки, характеризуютъ собою жизнь этихъ ссыльныхъ. Каждая мѣстность, служившая сосредоточіемъ ссылки на житье, настоятельно просила избавить ее отъ этого вида ссылки и исполненіе этихъ заявленій всегда сопровождало заботы правительства о поднятіи общественнаго благосостоянія въ этихъ мѣстностяхъ.

На этомъ основаніи уже коммисія Минист. Юстиціи 1871 г., бывшая подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, предположила

отмѣну ссылки на житье (1), а затѣмъ, это начало было принято въ законѣ 1879 г. Также весьма энергично поддерживало это предположеніе Мин. Внутр. Дѣлъ въ 1888 г., причемъ оно предполагало упразднить это наказаніе, не ожидая приведенія къ окончанію работъ по составленію новаго уложенія, но, къ сожалѣнію, его предположенія не осуществились (2).

796. *Арестантскія отдѣленія.* Первообразомъ этого наиболѣе тяжкаго вида исправительныхъ наказаній были арестантскія роты военнаго вѣдомства, инженерныя (25 Марта 1823 г.) и морскія (26 Сент. 1826 г.). Въ 1827 Окт. 11 (1455) предположено учредить такія роты во всѣхъ губернскихъ городахъ, съ тою цѣлью, чтобы симъ доставить дешевѣйшій способъ къ устройству губернскихъ городовъ и къ производству разныхъ городскихъ работъ и тѣмъ уменьшить издержки пересылки арестантовъ въ Сибирь. Съ 1828 г. началось учрежденіе этихъ ротъ въ различныхъ городахъ (ср. Фойницкій, наказаніе стр. 290). Въ сводѣ законовъ 1832 г., въ общемъ перечнѣ наказанія работами (ст. 34), онѣ вовсе не указаны; только въ примѣчаніи къ ст. 57 упомянуто, что указами 1827 Окт. 11, 1828 Марта 22 и 1829 Окт. 16 предположено учредить исправительныя рабочія роты гражданскаго вѣдомства, проектъ положенія коихъ утвержденъ 1830 Іюля 10 (№ 3786). Въ составъ ротъ повелѣно обращать бѣглыхъ и бродягъ, старѣе 25 лѣтъ, осужденныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь за неважныя преступленія, а равно въ срочную крѣпостную работу или въ рабочіе дома. Какъ видъ крѣпостныхъ работъ внѣ Сибири, упомянута отдача въ инженерныя роты, причемъ ука-

---

(1) И. Я. Фойницкій, о наказаніи, стр. 300, совершенно невѣрно приписываетъ мысль объ уничтоженіи этого вида ссылки коммисіи К. К. Грота; въ этомъ отношеніи, какъ и вообще по всѣмъ главнымъ предположеніямъ о реформѣ нашей лѣстницы наказаній, коммисія К. К. Грота всецѣло присоединилась къ предположеніямъ коммисіи Э. В. Фриша, 1871 года.

(2) По своду статистическихъ данныхъ, въ округахъ, гдѣ введены судебные уставы (кромѣ Тифлисскаго), число приговоренныхъ къ ссылкѣ на житье было:

	1882	1883	1884	1885	1886
въ Сибирь	117	117	141	137	133
въ отдаленныя губерніи	65	51	48	50	68

зано присуждать въ роты нижняго состоянія людей вмѣсто ссылки на поселеніе и отдачи въ солдаты, если они къ военной службѣ непригодны; въ приговорахъ должно было быть указываемо, какъ они отсылаются—безсрочно или на срокъ. Въ сводѣ же 1842 г., кромѣ крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, прямо указаны и гражданскія роты (ст. 45 по изд. 1842 г.), причемъ, такъ какъ въ эти роты, кромѣ бѣглыхъ, направлялись приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе, то содержаніе въ ротахъ по большей части назначалось безсрочное (1). По уложенію о наказаніяхъ арестантскія роты заняли мѣсто высшаго исправительнаго наказанія и сдѣлались срочными. По срокамъ они раздѣлялись на 5 степеней отъ 1 года до 12 лѣтъ, и сверхъ того всегда сопровождались наказаніемъ розгами отъ 50—100 ударовъ. Законъ 17 Апрѣля 1863 г. отмѣнилъ розги, какъ добавочное наказаніе, и сверхъ того уменьшилъ сроки заключенія на $1/3$, такъ что теперь они являются въ слѣдующей постепенности: отъ $1—1\frac{1}{2}$; $1\frac{1}{2}—2\frac{1}{2}$; $2\frac{1}{2}—3$; $3—3\frac{1}{2}$ и отъ $3\frac{1}{2}—4$ лѣтъ. Въ 1870 г. арестантскія роты перешли изъ вѣдомства Мин. Путей Сообщенія въ вѣдомство Мин. Вн. Дѣлъ и переименованы въ арестантскія исправительныя отдѣленія.

Въ арестантскія отдѣленія (ст. 284 уст. сод. подъ стр., изд. 1890 г.) поступаютъ только арестанты мужскаго пола, не моложе 17 и не старѣе 60 лѣтъ; женщины, престарѣлые, а равно и всѣ неспособные къ работамъ присуждаются вмѣсто того къ заключенію въ тюрьму (2). Равнымъ образомъ, въ случаѣ отдаленности арестантскихъ отдѣленій или неимѣнія въ нихъ мѣста, содержаніе въ

---

(1) 18 Мая 1838 г. (№ 11238) Государственный Совѣтъ разъяснилъ, что сроки существуютъ только для отдаваемыхъ въ крѣпостныя роты, а изъ отдаваемыхъ въ роты гражданскаго вѣдомства только для бродягъ, а прочіе должны быть въ ротахъ безсрочно и почитаемы всегдашними, чтобы, какъ и въ случаяхъ неспособности къ работамъ, они подлежали ссылкѣ на поселеніе. Поэтому Государственный Совѣтъ находилъ, что въ приговорахъ о нихъ не слѣдуетъ и указывать, что они приговариваются безсрочно.

(2) Прежде, ст. 1004 уст. о сод. под. стр. (изд. 1857 г.), въ арестантскія роты, кромѣ приговоренныхъ, поступали еще: бродяги и бѣглые до собранія о нихъ справокъ; по приговорамъ общества люди, отъ развратной жизни впавшіе въ податныя недоимки, для отработанія сей недоимки, и по приговору обществъ и распоряженію помѣщиковъ люди порочные; арестанты, приговоренные по суду къ отдачѣ въ роты, носили наименованіе арестантовъ перваго разряда.

нихъ замѣняется заключеніемъ въ тюрьму, но на самыя тяжкія работы; при этомъ прежде при такой замѣнѣ сроки удлиннялись, въ разсчетѣ 1 ½ лѣтъ за годъ, но по закону 1885 г. сроки остаются безъ измѣненій.

Арестанты раздѣляются на отдѣленія, преимущественно по возрастамъ (ул. ст. 295), причемъ бродяги содержатся съ выбритою половиною головы. Наблюденіе за нравственнымъ исправленіемъ арестантовъ возлагается на особое попечительство. Отличившіеся по поведенію, прилежанію и успѣху въ работахъ, черезъ два года послѣ пребыванія, перечисляются въ особый отрядъ исправляющихся, въ коемъ имъ 10 мѣсяцевъ считается за годъ. Арестанты этого разряда имѣютъ особую одежду, имъ можетъ быть порученъ надзоръ за другими; тѣлесному наказанію они подвергаются не иначе, какъ съ разрѣшенія попечительства отдѣленія (ст. 312 и сл.); въ случаѣ дурнаго поведенія въ отрядѣ исправляющихся арестанты обращаются снова въ обыкновенные арестанты. Дисциплинарными высшими наказаніями въ отдѣленіяхъ являются: наказаніе розгами до 100 ударовъ, бритье головы и наложеніе (ст. 325) оковъ, если же такое усиленное наказаніе было назначено болѣе одного раза, то арестантамъ продолжается срокъ пребыванія въ отдѣленіи еще на 6 мѣсяцевъ (ст. 326) (¹). Работы производятся (по закону 1886 г.) почти на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, какъ и въ тюрьмахъ, причемъ арестантамъ назначается изъ вырученнаго дохода, за отчисленіемъ стоимости матеріала, $^3/_{10}$ (²).

Арестанты выбываютъ или по неспособности къ работамъ или по истеченіи срока; въ послѣднемъ случаѣ за полгода до выпуска начальство доноситъ мѣстному губернскому правленію для объяв-

---

(¹) Прежде арестанты за проступки, превышающіе предѣлы дисциплинарной власти, подлежали военно-уголовному суду, но нынѣ они отвѣчаютъ въ общемъ порядкѣ.

(²) По уставу о содер. подъ стражею, арестанты употреблялись на работы какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, даже и внѣ города; изъ вырученныхъ денегъ ⅔ шли въ государственное казначейство, а ⅓ въ роту, для улучшенія и обезпеченія содержанія арестантовъ, исправляющихся въ поведеніи и на пособія выбывающимъ изъ ротъ (ст. 1014, по прод. 1876 г.). Въ 1877 и 1878 г. въ арестантскихъ отдѣленіяхъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ былъ введенъ новый порядокъ распредѣленія заработныхъ денегъ, а именно ⅓ въ казну, ⅓ въ экономіи отдѣленій и ⅓ въ собственность арестантовъ.

ленія обществу о принятіи обратно освобождаемаго арестанта (ст. 329) (1). Если общества отказываются отъ принятія, то арестанты по отбытіи наказанія принудительно переселяются въ Сибирь по тѣмъ же правиламъ, какъ и удаленные изъ обществъ за порочное поведеніе. Выбывающіе изъ арестантскихъ ротъ за неспособностью къ работамъ досиживаютъ свой срокъ въ тюрьмахъ, а затѣмъ, если не будутъ приняты обществами, также переселяются въ Сибирь (ст. 315) (2).

На основаніи закона 1853 года (прил. къ ст. 70 § 5), бродяги, кои по уложенію подлежатъ обращенію въ арестантскія отдѣленія, оставляются тамъ только одинъ годъ, а затѣмъ, (а по прим. къ ст. 281 уст. о сод., и прим. къ ст. 148 уст. ссыл. всегда прямо) или при недостаткѣ помѣщеній въ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ вообще, безъ предварительнаго заключенія высылаются въ Сибирь на водвореніе; но однако бродяги-евреи отсиживаютъ (въ С.-Петербургѣ) назначенный имъ срокъ полностью (ср. также циркуляры Прав. Сената 18 марта 1887 г. и Мин. Вн. Дѣлъ 12 мая того же года) (3).

Арестанты, непринятые обществомъ, ссылаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ссыльные на житье (ст. 330 уст. о сод. подъ страж.; ст. 235 и сл. уст. о ссыльн.); но это положеніе не распространяется на водворяемыхъ въ Сибирь бродягъ, которые пересылаются по особымъ правиламъ (уст. ссыльн. ст. 243 и сл.), а въ Сибири

---

(1) Но при этомъ, согласно ст. 189 и 207 уст. пред. пресѣч., изд. 1890 г., общества не могутъ отказываться отъ принятія лицъ, которымъ минуло 60 лѣтъ, или страдающихъ болѣзнями, поименованными въ ст. 94 и 150 уст. о ссыльн., изд. 1890 г. Поэтому, на основаніи циркуляровъ М. В. Дѣлъ отъ 1 Ноября 1883 г. и 17 Апрѣля 1890 г., всѣхъ лицъ, осужденныхъ съ послѣдствіями по ст. 48 и 49 улож., слѣдуетъ, до истребованія общественнаго приговора, подвергать медицинскому освидѣтельствованію, и если они окажутся дряхлыми или больными, то отдавать ихъ подъ надзоръ обществъ, не испрашивая согласія послѣднихъ.

(2) По закону 1853 г. (см. прил. къ ст. 358 2 ч. XV т., изд. 1857 г.) въ виду переполненія арестантскихъ ротъ всѣ приговоренные къ этому наказанію оставались въ ротѣ короткіе сроки, а именно,—для 1-й ст. 31 не болѣе 2-хъ лѣтъ, а потомъ ссылались въ Сибирь, независимо отъ принятія или непринятія ихъ обществами; но дѣйствіе сего правила прекратилось въ 1863 г. Непринятые обществами отнесены къ разряду административно-пересылаемыхъ (ст. 10 уст. о ссыльн.).

(3) Собственно только ссылка бродягъ, согласно ст. 9 уст. о ссыльн., именуется ссылкою на водвореніе и считается наказаніемъ исправительнымъ, а сами ссыльные бродяги именуются водворяемыми рабочими.

приравниваются, хотя и не вполнѣ, къ ссыльно-поселенцамъ (уст. о ссыльн. ст. 148 и въ особенности 580). Бродяги остаются въ вѣдѣніи экспедицій о ссыльныхъ и подъ особымъ ихъ надзоромъ въ теченіи 1½ лѣтъ со дня поступленія въ мѣсто назначенія; въ теченіи 4-хъ лѣтъ они не могутъ оставить сего мѣста, а затѣмъ остаются въ Сибири навсегда.

Арестанты же, пересылаемые по непринятію ихъ обществами, распредѣляются (ст. 513 и слѣд. уст. о ссыльн.) по губерніямъ Тобольской и Томской. Тамъ они, находясь подъ надзоромъ полиціи, записываются въ сельское или городское сословіе, съ причисленіемъ къ обществу безъ согласія онаго. По общему правилу переселеннымъ на всегда воспрещается выѣзжать изъ предѣловъ Сибири, но, на основаніи закона 1865 года, тѣмъ изъ нихъ, которые одобряются въ поведеніи и пробыли 5 лѣтъ въ мѣстахъ переселенія, разрѣшается переходить въ другія общества и губерніи, слѣдовательно, и въ губерніи Европейской Россіи, за исключеніемъ только тѣхъ, изъ которыхъ они удалены.

Какъ было указано выше, число пересылаемыхъ въ Сибирь лицъ, приговоренныхъ къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія весьма велико (1) и составляетъ самое больное мѣсто всей нашей ссылки; такъ какъ пересылаемые по непринятію обществами при краткосрочности ихъ пребыванія въ Сибири и случайности самого переселенія, никогда не могутъ быть пригодны для колонизаціи. По отношенію же къ бродягамъ наказаніе лишено всякой репрессіи и надлежащаго надзора за ними, чѣмъ вполнѣ объясняется громадный % бѣглыхъ этой категоріи.

---

(1) Число приговоренныхъ къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія въ округахъ, гдѣ введены уставы Императора Александра II (кромѣ Тифлисскаго) было:

Въ 1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.
9,158	6,955	7,887	8,405	9,118

Число же непринятыхъ обществами и поступившихъ въ вѣдѣніе Тюменскаго приказа было:

1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
3,292	4,690	3,766	2,561	2,268	2,189	1,811	2,271

Исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій въ Россіи было въ 1889 г. 32.

Какъ указывало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1888 г., это наказаніе находится въ существенномъ противорѣчіи со всѣми современными условіями общественнаго быта; сравнительная безнаказанность, которою пользуются бродяги, привела къ тому, что изъ года въ годъ передвигаются по тюрьмамъ тысячи людей, познавшихъ льготы, которыя они могутъ извлечь изъ устарѣвшаго закона, съ циническою откровенностью смѣющихся надъ правосудіемъ и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изобличаемыхъ въ ихъ дѣйствительномъ званіи, благодаря смѣлости и находчивости чиновъ тюремной администраціи и полиціи. Во всѣхъ пересыльныхъ тюрьмахъ и на этапахъ, эти бродяги, слѣдующіе на водвореніе, держатъ въ негласномъ повиновеніи себѣ всю арестантскую среду, знакомятъ ее заранѣе со всѣми особенностями сибирской ссылки, научаютъ гдѣ и какъ, съ наибольшими шансами на безнаказанность, избавиться отъ присужденнаго наказанія, или, какъ выражается ссыльный—«перемѣнить свою участь», т. е. обратиться изъ каторжнаго въ бродягу и затѣмъ въ ссыльноводворяемаго. Этотъ видъ ссыльныхъ, по истинѣ, наиболѣе опасный врагъ общественной безопасности и правосудія, и нынѣ дѣйствующій порядокъ отбыванія наказанія за бродяжество, по справедливости, является однимъ изъ главнѣйшихъ основаній громаднаго количества побѣговъ съ каторги и съ поселеній на материкѣ Азіатской Россіи.

797. *Рабочіе и смирительные дома и тюрьма* (1). Указанія на лишеніе свободы, какъ принудительную мѣру противъ преступниковъ или лицъ, неисполняющихъ ихъ гражданскихъ обязательствъ, встрѣчаются въ памятникахъ нашего древняго права (2), такъ, въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами указано: «нѣмчина не сажать въ погребъ въ Новѣгородѣ, ни новогородца

(1) Ср. по исторіи тюремнаго заключенія въ Россіи—въ особенности Н. Сергѣевскій, наказаніе въ XVII вѣкѣ, глава III-я; М. Филипповъ, исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій въ Россіи, 1873 г.

(2) Н. Неклюдовъ, приложенія, стр. 307, полагаетъ, что тюрьмы употреблялись у насъ уже во времена Ярослава; но онъ основывается на переводѣ изъ юстиніановыхъ книгъ, и притомъ на ошибочномъ чтеніи текста: «сквернителямъ творяй стража (надо читать и стража, т. е. активные и пассивные), мечемъ усѣчены будутъ».

въ нѣмчьхъ» (за неплатежъ долга). Подобное же положеніе находится въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1229 г. Въ судебникѣ Ивана IV заключеніе уже упоминается, какъ опредѣленное наказаніе: за лихоимство, за ябеду—«вкинути въ тюрьму», а въ уложеніи 1649 года тюрьма назначается болѣе, чѣмъ въ 40 статьяхъ. Заключеніе въ тюрьму или назначалось на точно опредѣленные сроки, иногда на нѣсколько дней, или пожизненно, какъ говорилъ еще царскій судебникъ—«вкинуть въ тюрьму по смерть»; или же весьма часто—безъ опредѣленнаго срока—до государева указа, или «до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть онъ въ томъ себѣ поруки сберетъ», а для раскольниковъ—покамѣсть они обратятся на истинный путь; весьма нерѣдко въ нашихъ памятникахъ встрѣчается неопредѣленная угроза—вкинуть въ тюрьму.

Наказаніе тюрьмою отбывалось или въ особыхъ зданіяхъ, или же при какихъ либо учрежденіяхъ, напр., при приказахъ или въ монастыряхъ. Обыкновенною тюрьмою была деревянная изба, окруженная тыномъ; въ большихъ тюрьмахъ было по нѣсколько избъ, въ Москвѣ, напр., восемь. Важные политическіе и религіозные преступники помѣщались нерѣдко въ земляныхъ тюрьмахъ; на подземное помѣщеніе указываетъ и старое наше названіе тюрьмы—«погребъ», «порубъ».

Понятно, что эти тюрьмы въ XVI и XVII вѣкѣ никакимъ особеннымъ цѣлямъ не служили; государство заботилось только объ одномъ, чтобы тюремные сидѣльцы изъ тюремъ по возможности не бѣжали. Оно ихъ сажало въ тюрьмы, а какъ они сидѣли тамъ, это для него былъ вопросъ второстепенный. Въ тюрьмахъ сидѣли вмѣстѣ и подслѣдственные, и приговоренные, тяжкіе преступники и маловажные, высшихъ и низшихъ сословій. Какъ говорится въ муромской губной грамотѣ 1637 г., «что воеводы въ татиные и разбойные тюрьмы сажаютъ всякихъ людей въ исцовыхъ искѣхъ, и въ холопствѣ и въ крестьянствѣ, и отъ того татемъ и разбойникамъ и оговореннымъ людямъ чинится тѣснота и голодъ и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ . . . »; подобныя жалобы на переполненіе тюремъ слышатся отовсюду и постоянно. Не было нигдѣ проведено раздѣленіе по поламъ, и еще въ XVIII ст. встрѣчаются примѣры совмѣстной сковки подслѣдствен-

ныхъ арестантовъ мущинъ съ женщинами (указъ 1744 г., № 8877). Впрочемъ, уже въ новоуказныхъ статьяхъ 1669 г. является стремленіе раздѣлить уголовныхъ и гражданскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ.

Сидѣли арестанты обыкновенно въ общемъ помѣщеніи; одиночно помѣщались иногда только находившіеся въ земляныхъ тюрьмахъ. Большею частію на арестантовъ налагались оковы, плечныя желѣза, колодки, или они сковывались попарно. Пропитывались они на свой счетъ или подаяніемъ, для чего они выпускались изъ острога скованные по двое или болѣе. Съ 1662 г. вводится выдача Государева жалованья; но главнымъ источникомъ тюремъ оставалось подаяніе. У богатыхъ людей былъ обычай относить или посылать колодникамъ подаяніе; такія выдачи дѣлалъ ежегодно и самъ царь, наканунѣ праздниковъ, большею частью лично обходя заключенныхъ. Петръ Великій въ 1711 г. предполагалъ круто покончить съ этимъ способомъ содержанія арестантовъ, назначивъ за отлучки колодниковъ для сбора милостыни каторгу; но искоренить народный обычай, вызываемый, притомъ, отсутствіемъ другихъ средствъ содержанія тюремъ, было трудно, что доказывается не только рядомъ подтвердительныхъ указовъ, но и тѣмъ, что самъ Петръ въ 1722 г. (17 октября) разрѣшилъ отпускать арестантовъ по одной, гдѣ много ихъ— по двѣ и по три связки. Ходятъ по Москвѣ, говоритъ указъ 1736 г., арестанты «пытаные, прикрывая однѣ спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ вѣтхости рубахъ и раны битыя знать»; еще подробнѣе говоритъ объ этомъ указъ 1749 г.: «многіе колодники пытаные и въ раздраныхъ платьяхъ такихъ, что едва тѣло лоскутьями прикрыто, стоя скованными на Красной площади и по другимъ знатнымъ улицамъ, необычайно, съ крикомъ поючи, милостыни просятъ, такъ же ходятъ по рядамъ и по всей Москвѣ по улицамъ»; а указъ 1761 г. заявляетъ, что «колодники просятъ милостыню съ невѣжествомъ.»

Въ тюрьмѣ сидѣльцевъ лично не стѣсняли и, которые могли, заводили ремесла, кто къ чему былъ способенъ; еще въ 1622 г. Шуйскіе тюремные сидѣльцы жалуются Великому Государю на тюремныхъ стражей и цѣловальниковъ, что «у которыхъ изъ нихъ сиротъ есть ремеслишко, чѣмъ сытымъ быть: и они для

товару сами не ходятъ, и насъ бѣдныхъ не выпускаютъ». Но несомѣнно, что такія занятія могли быть только исключеніемъ, такъ какъ это было несовмѣстно съ переполненіемъ тюремъ, въ которыхъ сидѣльцы «съ духу и цынги, отъ голода и тѣсноты» помираютъ (1).

Управлялись тюрьмы тюремными сторожами и цѣловальниками, назначавшимися за крестнымъ цѣлованіемъ и поруками по выбору сошныхъ людей, изъ «подмоги», т. е. вознагражденія отъ выборныхъ. Они должны были жить при тюрьмахъ и всѣми мѣрами заботиться, чтобы сидѣльцы не бѣжали; какъ говоритъ выборная запись 1671 г., сторожъ самъ обязывался: «будучи въ сторожахъ, воровствомъ никакимъ не воровать, зернью и карты не играть, и корчмы не держать и самому пьяну не напиватца» (Сергѣевскій, 203). Тюрьмы находились въ завѣдываніи губныхъ старостъ, которые должны были осматривать ихъ почасту и заботиться объ ихъ исправности; но внутри самой тюрьмы существовало свое особое управленіе, тюремная община, сохранившаяся, какъ мы видѣли, на каторгѣ и до нашего времени, съ своими выборными старостами, со своими строгими артельными порядками, съ своимъ особымъ общиннымъ хозяйствомъ, пополнявшимся общиннымъ сборомъ, особыми сборами въ видѣ «влазнаго» со всякаго вновь входящаго (влазное отмѣнено въ 1680 г., но сохранялось и позднѣе, также дойдя на каторгѣ до нашего времени). Община признавалась самимъ правительствомъ: отъ нея принимали челобитныя, съ ней вѣдались, даже самое «влазное» было отмѣнено не потому, что въ немъ правительство видѣло что либо несоотвѣтственное тюремному дѣлу, а только, «чтобы въ томъ тягоства и мучительства бѣднымъ людямъ не было».

Какого либо иного посторонняго воздѣйствія на тюремныхъ сидѣльцевъ не существовало; даже духовенство не посѣщало тюрьмы. Какъ указываетъ И. Фойницкій (Наказаніе, стр. 316), тюремные сидѣльцы умирали безъ исповѣди и причастія; хода-

---

(1) Пр. Сергѣевскій, Наказаніе, стр. 210. У него собрано много любопытныхъ данныхъ по исторіи нашихъ тюремъ въ XVII вѣкѣ.

*

тайства правительственныхъ органовъ предъ духовенствомъ о посѣщеніи тюремъ оставались безъ послѣдствій, такъ какъ духовенство требовало жалованья, а дать было не изъ чего. Даже въ XVIII столѣтіи Правительствующій Сенатъ безуспѣшно требовалъ, чтобы священники безмездно посѣщали тюрьмы.

XVIII вѣкъ вноситъ въ тюремные порядки, также какъ и въ ссылку, вопросъ объ извлеченіи непосредственныхъ выгодъ изъ тюремнаго труда; такъ, при Петрѣ Великомъ заводятся прядильные дома для виновныхъ женщинъ; по регламенту главнаго магистрата предполагается устраивать смирительные дома, для тѣхъ, кои непотребнаго житія и невоздержнаго, расточители, рабы непотребные, которыхъ уже никто на службу не пріемлетъ, здоровые нищіе и гуляки, которые «не хотя трудится о своемъ пропитаніи ѣдятъ хлѣбъ вотще»; ихъ велѣно сажать въ смирительные дома и посылать на работу. Но повелѣніе Петра осталось не исполненнымъ. При Екатеринѣ заботы о тюремной реформѣ нашли отраженіе прежде всего въ Наказѣ, гдѣ требуется безусловное отдѣленіе подслѣдственныхъ отъ рѣшенныхъ арестантовъ, причемъ цѣлью лишенія свободы послѣднихъ указывается искупленіе ими трудомъ цѣлой жизни нанесеннаго обществу вреда (наказъ, §§ 211, 212).

На практикѣ Екатерина нѣсколько упорядочила управленіе тюрьмами, подчинивъ ихъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената, а въ провинціи—губернскимъ канцеляріямъ. При ней же возникаютъ особыя заведенія, которыя были намѣчены Петромъ В. Такъ возникаютъ работные дома, «дабы работою давать прокормленіе неимущимъ; въ работныхъ домахъ пропитываютъ всѣхъ добровольно туда ради работы приходящихъ, убогихъ обоего пола людей; имъ даютъ работу и по мѣрѣ работы пищу, покровъ, одежду или деньги. Равнымъ образомъ, въ работныхъ домахъ получаютъ пристанище неимущіе, кои присланы будутъ на время или навсегда, изъ какого нибудь мѣста, на то власть имѣющаго».

Въ 1775 г. учреждены смирительные дома для огражденія общества отъ людей продерзостныхъ, добронравіе повреждающихъ, а именно: для непослушныхъ дѣтей; для расточителей отъ непотребнаго поведенія; для лицъ развратныхъ, соблазнительнаго

поведенія и житія; для тунеядцевъ и пр. и пр. Отдавались въ смирительные дома или по суду, или по требованію родителей и помѣщиковъ, или по распоряженію намѣстника. Заключеніе было срочное или навсегда, причемъ условія содержанія оставались совершенно не опредѣленными.

Наконецъ, въ 1781 г. учреждены для преступниковъ противъ собственности и рабочіе дома.

Въ 1787 г. Императрица Екатерина написала даже особый уставъ для тюремъ, весьма сложный, въ которомъ предполагалось устройство въ каждомъ губернскомъ городѣ нѣсколькихъ различныхъ тюремъ; тюрьмы предполагалось устраивать съ обязательными работами и съ разобщеніемъ на ночь (1). Но проектъ этотъ не получилъ силы закона.

Да и вновь учрежденныя Императрицею мѣста заключенія плохо прививались, частью благодаря отсутствію матеріальныхъ средствъ, частію благодаря неопредѣленности ихъ разграниченія другъ отъ друга. Послѣднее затрудненіе особенно увеличилось, когда съ представившеюся потребностью крѣпостныхъ и нѣкоторыхъ иныхъ казенныхъ наружныхъ сооруженій, стали устраиваться крѣпостныя, инженерныя и морскія арестантскія роты, куда направлялись частью тѣ же арестанты, кои подлежали заключенію въ рабочіе и въ смирительные дома.

По Своду Законовъ 1832 г. заключеніе въ смирительномъ и рабочемъ домѣ внесено въ категорію работъ (ст. 50—57), причемъ было указано, что тамъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ домовъ, люди нижняго состоянія употребляются на городскія работы или отдаются для заработка частнымъ лицамъ, если кто взять ихъ пожелаетъ.

По Уложенію 1845 г. рабочіе и смирительные дома включены въ лѣстницу исправительныхъ наказаній, причемъ первые изъ нихъ поставлены вторымъ родомъ исправительныхъ наказаній за маловажныя кражи и другія подобныя преступленія для лицъ

---

(1) Проектъ этотъ напечатанъ при запискѣ, составленной М. Филипповымъ для коммисіи графа Соллогуба, подъ громкимъ заглавіемъ «исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій за границею и въ Россіи» 1873 г.; трудъ, впрочемъ, въ высшей степени слабый.

непривилегированныхъ, а смирительный домъ получилъ характеръ какъ бы особеннаго наказанія, назначавшагося за преступленія, которыя хотя и доказываютъ испорченную нравственность, но однакоже не могутъ быть почитаемы совершенно лишающими чести; таковы суть: оскорбленіе родителей и неповиновеніе имъ, разные виды развратной и порочной жизни и другія симъ подобныя; наконецъ, тюрьма полагалась за такія дѣянія, которыя хотя заслуживаютъ довольно строгаго взысканія, но не принадлежатъ къ числу преступленій, разрушающихъ честь или доказывающихъ высшую степень безнравственности, или имѣющихъ какую либо политическую важность.

798. По Уложенію 1845 г. рабочій домъ назначался для лицъ непривилегированныхъ и раздѣлялся на 4 степени по срокамъ заключенія—отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ (а послѣ закона 1863 г. отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ); онъ всегда соединялся съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ. Смирительный домъ назначался для лицъ всѣхъ сословій и раздѣлялся также на 4 степени, по срокамъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ (послѣ закона 17 Апрѣля 1863 г. отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ); при этомъ двѣ первыя степени соединялись съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Тюрьма раздѣлялась на 3 степени по срокамъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ (послѣ 17 Апрѣля 1863 г. отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 1 года 4 мѣсяцевъ).

Рабочіе и смирительные дома находились въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія и подчинялись дѣйствію особаго устава, помѣщавшагося въ 4 раздѣлѣ устава о содержащихся подъ стражею. При этомъ по уставу въ рабочіе дома, сверхъ приговоренныхъ, помѣщались люди, отдаваемые помѣщиками и обществами для содержанія и исправленія, а въ смирительные дома—дѣти по требованіямъ родителей за неповиновеніе родительской власти, за явные пороки и развратную жизнь, а также крестьяне и дворовые, отдаваемые помѣщиками по предоставленной имъ власти. Закономъ 3 Декабря 1865 г. рабочіе дома отнесены въ вѣдѣніе губернскихъ правленій и тюремныхъ комитетовъ и въ видѣ временной мѣры подчинены постановленіямъ о губернскихъ тюрьмахъ.

На практикѣ, впрочемъ, и послѣ изданія уложенія 1845 г.,

рабочіе и смирительные дома прививались туго. Уже самъ законъ указывалъ (ст. 84 и 86 улож. по изд. 1845 г.), что тамъ, гдѣ нѣтъ рабочихъ и смирительныхъ домовъ, или недостаточно въ нихъ помѣщеній, присужденные помѣщаются въ отдѣленія городской тюрьмы на равные сроки, а для неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ это наказаніе замѣняется розгами, рабочій домъ—отъ 40—100 ударовъ, а смирительный—отъ 40 до 80 ударовъ. По закону 1853 г. эта замѣна заключенія розгами сдѣлалась обязательною для судовъ, безотносительно къ переполненію мѣстъ заключенія; но по закону 17 Апрѣля 1863 г. снова установлено допускать таковую замѣну только въ случаѣ явной невозможности примѣнить нормальное наказаніе (ст. 78 и 80 улож. изд. 1866 г.). Заключеніе въ тюрьму еще по уложенію 1845 г. замѣнялось для неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія розгами отъ 30—60 ударовъ не только при недостаткѣ мѣста, но, какъ указывалъ законъ, и въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ заключеніе могло бы подвергнуть осужденнаго разоренію и лишенію средствъ къ пропитанію его семейства. По закону 1853 г. замѣна розгами сдѣлалась обязательною, а по закону 17 Апрѣля 1863 г. для тюрьмы замѣна (ст. 81 по изд. 1866 г.) допущена только въ случаѣ явной невозможности помѣщенія въ тюрьму; наконецъ, по закону 25 Ноября 1885 г. замѣна розгами вовсе устранена.

Указываемая въ законѣ замѣна рабочихъ и смирительныхъ домовъ тюрьмою на практикѣ была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ по недостатку помѣщеній перваго рода. Какъ видно изъ представленія Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 11 Декабря 1883 г., къ этому времени было во всей Россіи всего три смирительно-рабочихъ дома (1): въ Симбирскѣ, Костромѣ и Владимірѣ (дома въ Твери и Казани по распоряженію Главн. Тюрем. Управл. были временно закрыты), причемъ во Владимірѣ собственно дома не существовало, а нѣ-

---

(1) Въ 1863 г. составители устава о нак. (ср. примѣч. къ ст. 1 моего изд. уст. о нак.), замѣняя рабочіе дома тюрьмою, заявляли, что ихъ во всей Россіи не болѣе 21, съ помѣщеніемъ на 1300 чел., причемъ большинство помѣщавшихся въ нихъ были не приговоренные, а присланные за недоимки или за дурное поведеніе обществами или помѣщиками. Въ Петербургѣ смирительный домъ замѣнялся исправительнымъ заведеніемъ, дѣйствовавшимъ по уставу 1839 г. Января 13.

сколько женщинъ, присужденныхъ къ этому наказанію, помѣщались въ прачешной при земской больницѣ. Во всѣхъ остальныхъ городахъ это наказаніе всегда отбывалось въ тюрьмѣ, и судебныя мѣста приговаривали къ наказаніямъ, въ дѣйствительности не существовавшимъ. Въ виду этого закономъ 24 Апрѣля 1884 г. смирительно-рабочіе дома упразднены и въ законѣ это наказаніе замѣнено тюрьмою, которая, сверхъ того, еще ранѣе по уставу о наказаніяхъ, внесена и въ число наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями.

Такимъ образомъ, нынѣ наказаніе тюрьмою является въ слѣдующемъ видѣ:

Тюрьма съ лиш. всѣхъ особенныхъ правъ. (30, II).	Тюрьма съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. (30, IV).	Тюрьма простая. (30, V).	Тюрьма по уст. о наказ.
(ст. 33).	(ст. 36).	(ст. 38).	
ст. 1 отъ 1 г. 4 м. до 2 л.	ст. 1 отъ 1 г. 4 м. до 2 л.	ст. 1 отъ 8 м. до 1 г. 4 м.	не свыше 1 г. 6 мѣс. (1).
— 2 — 8 м. до 1 г. 4 м.	— 2 — 8 м до 1 г. 4 м.	— 2 — 4—8 м.	
— 3 — 4—8 м.		— 3 — 2—4 м.	
— 4 — 2—4 м.			

По первоначальному проекту устава о наказ. предполагалось (2) назначить тюрьму въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она замѣняла рабочій домъ, т. е. при маловажныхъ посягательствахъ на собственность, безразлично для преступниковъ всѣхъ сословій, и притомъ по приговорамъ мировыхъ судей; но при окончательной редакціи проекта Главноуправляющій II-мъ Отдѣленіемъ графъ Панинъ призналъ такое уравненіе невозможнымъ, на томъ основаніи, что оно противорѣчило бы понятію о чести, составляющему основу принадлежности къ дворянскому сословію, почему дворянинъ, унизившійся до кражи, долженъ быть лишенъ правъ его состоянія, а равно и основному принципу нашего законодательства, признающаго большую виновность лицъ, стоящихъ на высшей степени по своему образованію и по условіямъ жизни. По-

---

(1) По уставамъ 1864 г. не свыше 1 года; низшіе сроки тюремнаго заключенія по уставу о нак. 2 недѣли (по ст. 178) и 1 мѣсяцъ (по ст. 54 и 173).

(2) Ср. извлеченія изъ объяснительныхъ записокъ къ уставу въ моемъ изданіи уст. о нак., въ примѣч. къ ст. 181.

этому и было предположено, что *дворяне* за кражу, мошенничество и присвоеніе будутъ отвѣчать по Уложенію. Но Государственный Совѣтъ пошелъ далѣе (журналъ стр. 15) и нашелъ, что установленное уставомъ наказаніе оказывается достаточнымъ только для людей низшихъ сословій,—но что силу этихъ статей неудобно распространять на дворянъ и лицъ другихъ привилегированныхъ состояній, которые въ подобныхъ случаяхъ должны быть лишаемы правъ.

Сообразно этому и на основаніи 1 п. ст. 181 уст. о нак., 1656, 1667 и 1682 улож., тюрьма, назначаемая по устав. о нак. за кражу, мошенничество и присвоеніе, а равно (по зак. 1884 г. Іюля 16) и за нѣкоторыя преступленія (преимущественно должностныя растраты), перечисленныя въ примѣч. къ п. V ст. 30 улож. (1), соединяется съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, но только для группы лицъ, точно перечисленныхъ въ законѣ, а именно: 1) для дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, русскихъ или иностранныхъ, и членовъ ихъ семействъ; 2) для почетныхъ гражданъ потомственныхъ и ихъ семействъ и для личныхъ почетныхъ гражданъ; 3) для священнослужителей, какъ православнаго, такъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій и ихъ семей (рѣш. 1873 № 288, Осетрова, 1875 № 643, Протопопова); 4) для монашествующихъ всѣхъ терпимыхъ въ Россіи орденовъ (2). За-

---

(1) Сенатъ въ первоначальной своей практикѣ (рѣшен. 1867 г. № 188, Галькевича; 1868 г. № 31, Розова; 1871 г. № 71, Богушевскаго), высказывалъ, что примѣчаніе къ п. V ст. 30 должно примѣняться ко всѣмъ преступленіямъ противъ собственности, которыя по существу своему сходны съ преступленіями, указанными въ этомъ примѣчаніи, когда, напр., къ тюремному заключенію судъ переходитъ отъ другаго высшаго наказанія, вслѣдствіе признанія наличности смягчающихъ обстоятельствъ и т. п., напр., при примѣненіи 1657 ст. улож. Но позднѣе, въ рѣшеніи по дѣлу Бояринова 1871 г. № 96 по общ. собр., Сенатъ установилъ правильное положеніе, что тюрьма можетъ быть соединяема съ лишеніемъ правъ только въ случаяхъ, точно указанныхъ въ законѣ. Поэтому эти послѣдствія не примѣняются при наказаніи за прошеніе милостыни (ст. 50 и 51), за лѣсныя порубки (ст. 155 и 159) и даже за присвоеніе находки (ст. 178).

(2) Въ этихъ случаяхъ, согласно точному смыслу ст. 86 ул., священнослужители и монашествующіе отсылаются въ мѣста заключенія въ общемъ порядкѣ исполненія приговоровъ, съ соблюденіемъ лишь правила, въ ст. 1028 у. уг. с. указаннаго, относительно снятія съ виновныхъ духовнаго сана. Во всѣхъ же

тѣмъ, всѣ прочія сословія, хотя бы и принадлежащія къ сословіямъ привилегированнымъ, подлежатъ тюрьмѣ безъ пораженія въ правахъ, какъ напр., купцы обѣихъ гильдій и ихъ семейства (1); церковнослужители и причетники (рѣш. Пр. С. 1874 № 193, Четыркина; 1875 № 285, Еременко); но дѣти церковно-служителей, пользующіяся по закону 26 Мая 1869 г. правами личныхъ почетныхъ гражданъ, не подсудны мировымъ судьямъ, и при назначеніи въ случаяхъ, указанныхъ въ примѣчаніи къ п. V ст. 30 улож., тюрьмы, подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ (2).

Общій порядокъ завѣдыванія тюрьмами тотъ же, какъ и мѣстами отбытія уголовныхъ наказаній; управленіе (ст. 25 уст. о содер.) отдѣльными мѣстами заключенія составляютъ начальники съ ихъ помощниками и помощницами или смотрительницами, духовныя лица и врачи, тюремная стража, сформированная по закону 1887 г. изъ старшихъ и младшихъ надзирателей и надзирательницъ. Попеченіе о нравственномъ и физическомъ состояніи арестантовъ возложено на попечительное общество, а надзоръ за правильностью содержанія арестантовъ на прокуроровъ и судей (3). Внутренній распорядокъ въ тюрьмѣ опредѣляется частью уставомъ о содержащихся подъ стражею, частью инструкціею смотрителю тю-

---

прочихъ случаяхъ приговоръ (ст. 86 ул., 5 уст. о нак. и 1029 у. у. с.) отсылается къ духовному епархіальному начальству, которое можетъ замѣнить другимъ болѣе соотвѣтствующимъ по церковнымъ законамъ наказаніемъ, напр., помѣщеніемъ въ монастырь на тѣ же сроки (рѣш. 1872 г. № 80, Можайскаго, по об. собр.).

(1) Хотя бы даже они состояли почетными мировыми судьями,—рѣш. Пр. Сен. по об. собр. 1873 г. № 57, Баутина.

(2) При этомъ Сенатъ (рѣш. 1876 г. №№ 88 и 133) нашелъ, что церковнослужители не подлежатъ при тюрьмѣ лиш. всѣхъ особенныхъ правъ, хотя бы они были дѣтьми церковнослужителей, т. е. другими словами, что они дѣлаются подсудными по этимъ дѣламъ мировымъ судьямъ съ момента поступленія ихъ въ причетники.

(3) Находящееся въ Петербургѣ исправительное арестантское отдѣленіе (Литовскій замокъ), С.-Петербургская тюрьма съ женскимъ и малолѣтнимъ ея отдѣленіями и пересыльная тюрьма состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія и управляются по особымъ правиламъ (ст. 45 и сл. уст. о сод. подъ страж.), въ основѣ коихъ положенъ принципъ единоличной власти начальниковъ тюремъ, отвѣтственныхъ за свои дѣйствія въ порядкѣ служебной подчиненности и контролируемыхъ особыми наблюдательными (но не распорядительными) Коммисіями.

ремнаго замка (1). По общему правилу арестанты содержатся въ общемъ заключеніи, но съ раздѣленіемъ на категоріи не только по поламъ и возрастамъ, но и съ обязательнымъ отдѣленіемъ подслѣдственныхъ отъ рѣшенныхъ, присужденныхъ къ аресту при тюрьмѣ отъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ; важные преступники должны содержаться отдѣльно отъ неважныхъ (уст. сод. под. стр. 172 и сл.) и даже люди низшаго состоянія отдѣльно отъ дворянъ, чиновниковъ, разночинцевъ, состояніемъ своимъ отличныхъ, и иностранцевъ (ст. 174). По закону 15 Іюля 1887 г. (ст. 266 уст. о содер.), содержащіеся въ тюрьмахъ могутъ быть помѣщаемы и въ тюрьмы, устроенныя по системѣ одиночнаго заключенія (2), но на срокъ не свыше какъ

(1) Эта инструкція, помѣщенная въ приложеніи къ ст. 96 уст. о сод. (изд. 1857 г.) была составлена въ 1831 г. М. В. Дѣлъ въ видѣ проекта и разослана губернаторамъ; въ 1865 г. предоставлено М. В. Дѣлъ ее исправить по общей инструкціи, о которой упоминаетъ ст. 41 уст. о сод. Инструкція смотрителю, какъ и повторявшій ее отчасти уставъ С.-Петербургскаго исправительнаго дома, представляли любопытнѣйшій образчикъ канцелярской безсодержательной регламентаціи тюремнаго дѣла. Въ уставѣ и инструкціи, напр., точно опредѣлялось, какъ слать постель, разчесывать волосы и бороду, какъ складывать одежду, какъ накрывать на столъ и подавать пищу, какъ сидѣть за столомъ; арестантамъ не дозволялись: игры, произнесеніе божбы, проклятія, укоризны другъ другу, своевольство, ссоры, брань, разговоры, соблазнительныя пѣсни, хохотъ и тому подобные поступки, и вообще всякія рѣзвости; начальству заведеній подробно предписывалось, какъ складывать навозъ, очищать ямы и отхожія мѣста, топить печки и бани и т. д.

(2) Порядокъ отбыванія наказанія въ одиночныхъ помѣщеніяхъ опредѣляется правилами, утвержденными Мин. Вн. Дѣлъ (ср. Сборникъ Коковцева, стр. 244). Арестанты должны быть помѣщаемы въ кельяхъ, содержащихъ не менѣе 1000 куб. фут.; арестанты могутъ быть переводимы въ общую камеру до истеченія установленнаго срока лишь по письменному удостовѣренію врача, что здоровье арестанта не дозволяетъ содержать его въ одиночномъ заключеніи. Арестанты въ кельѣ обязательно занимаются работами, ежедневно не менѣе, какъ на 30 минутъ выводятся на прогулку на общій дворъ, но ходятъ разомкнутой шеренгой по кругу въ разстояніи 5 шаговъ другъ отъ друга. Арестанты, не получившіе образованія, обязательно посѣщаютъ школу, не менѣе часа въ день; получившіе образованіе въ это время занимаются чтеніемъ. Во все время содержанія арестанты постоянно посѣщаются надзирателями нѣсколько разъ въ день, а лицами управленія разъ въ два или три дня. Дозволяется переписка и свиданіе съ родственниками; дисциплинарныя наказанія—карцеръ до 6 дней, лишеніе права распоряжаться заработкомъ и самаго заработка, и друг., указанныя въ ст. 271 уст. о сод. подъ страж., а для немедленнаго укрощенія бушующихъ—сумашедшая рубашка; тѣлесное наказаніе, какъ мѣра дисциплинарная, не допускается (ср. также временныя дисциплинарныя правила для С.-Петербургской срочной тюрьмы у Коковцева, стр. 257).

на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ. Время, проведенное такими лицами въ одиночныхъ тюрьмахъ не свыше года, засчитывается имъ въ срокъ наказанія, считая 3 дня за 4 назначеннаго судомъ срока, а если одиночное заключеніе продолжалось болѣе одного года, то 2 дня за 3. Такъ какъ, согласно ст. 237, въ оковахъ могутъ быть содержимы только обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ и въ особенности осужденные въ каторгу, то, слѣдовательно, по общему правилу, заключенные въ тюрьмахъ, хотя бы и неизъятые отъ наказаній тѣлесныхъ, должны быть содержимы безъ оковъ. Изъ находящихся въ тюрьмѣ обязательно носятъ казенную одежду (ст. 190 уст. о сод. подъ страж.): осужденные въ ссылку на каторгу, на поселеніе, на водвореніе или на житье, осужденные на заключеніе въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, или въ тюрьму съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или и безъ лишенія, но за указанныя въ третьемъ пунктѣ ст. 191 преступныя дѣянія, а равно и подслѣдственные бродяги. Всѣмъ прочимъ арестантамъ казенная одежда выдается лишь въ случаѣ неимѣнія ими своей или вслѣдствіе неприличнаго вида собственныхъ вещей.

Осужденнымъ на заключеніе въ тюрьмы дозволяется, съ разрѣшенія мѣстнаго комитета или начальства, имѣть собственный столъ и другую пищу, но съ тѣмъ, чтобы не было допускаемо излишествъ.

По закону 1886 г. (1) содержащіеся въ тюрьмахъ, за исклю-

---

(1) До закона 1886 г. содержащіеся въ смирительно-рабочихъ домахъ, а равно въ тюрьмѣ по приговору мировыхъ судей (ст. 159 уст. о сод. по прод. 1876 г.) обращались обязательно на работы въ самомъ домѣ или въ принадлежащихъ къ нему дворахъ (ст. 282), а прочіе приговоренные къ тюрьмѣ по уложенію избирали сами себѣ родъ работъ и начальство наблюдало только, чтобы они не проводили время въ праздности. Мѣщане и крестьяне (ст. 55 улож. изд. 1866 г.) могли были быть употребляемы по распоряженію мѣстнаго начальства на общественныя и другія правительствомъ установленныя работы. Задѣльная плата присужденныхъ къ заключенію въ смирительно-рабочіе дома, а равно и къ тюрьмѣ по приговору мировыхъ судей обращалась въ ихъ собственность лишь въ размѣрѣ $1/3$ (ст. 294 и прим. 2 къ ст. 267 уст. сод. по прод. 1876 г.); а остальные получали за все, сдѣланное изъ ихъ матеріала, полный доходъ, а за сдѣланное изъ матеріала тюрьмы—$2/3$ чистаго дохода. Кромѣ того, особыя правила о работахъ

ченіемъ лицъ, въ ст. 349 уст. о сод. указанныхъ (1), обязательно занимаются работами; но тѣ изъ нихъ, кои осуждены не за корыстныя преступленія, перечисленныя въ ст. 345 уст. содер. подъ стражею, имѣютъ право избрать родъ занятій изъ тѣхъ, которыя устроены въ этомъ заведеніи, или съ дозволенія начальства и другія, не нарушающія внутренняго порядка въ тюрьмѣ, и только въ случаѣ неизбранія ими рода занятій таковой назначается имъ тюремнымъ начальствомъ. Работа производится ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, перечисленныхъ въ ст. 352 уст. о сод., не свыше 11 часовъ лѣтомъ и 10 зимою, включая сюда занятія въ школѣ и время принятія пищи, причемъ, какъ разъяснено циркуляромъ 1886 г., въ теченіи этого времени арестантъ долженъ выполнить опредѣленный урокъ. Арестанты могутъ быть употребляемы на работы какъ въ предѣлахъ тюремной ограды, такъ и внѣ оной, но на послѣднюю не могутъ быть обращаемы: женщины, лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія и бродяги, содержащіеся временно въ тюремныхъ замкахъ, а равно и лица, осужденныя въ тюрьму, но не за корыстныя преступленія, исчисленныя въ ст. 345 уст. о сод. (2). Способъ устройства работъ не опредѣленъ въ законѣ, но завѣдываніе работами возложено на начальниковъ заведенія, а содѣйствіе пріисканію работъ—на попечительное о тюрьмахъ общество и на наблюдательныя коммисіи и попечительства. Приговоренные къ заключенію въ тюрьмѣ получаютъ изъ дохода, причитающагося за отчисленіемъ стоимости матеріала, $^4/_{10}$, остальная сумма, также какъ и суммы, остающіяся отъ работъ всѣхъ прочихъ арестантовъ, отчисляются—$^1/_2$ въ государственное

(1868 и 1872 гг.) существовали для С.-Петербургской исправительной тюрьмы; а для тюремъ Царства Польскаго дѣйствовала инструкція 1859 г.

(1) По ст. 349 обязательному занятію работами не подлежатъ: отбывающіе арестъ, пересыльные, кромѣ исчисленныхъ въ ст. 345 уст. (изд. 1890 г.), подслѣдственные, до обращенія приговора о нихъ къ исполненію, несостоятельные должники и заключенные взамѣнъ денежныхъ взысканій; эти лица, а равно и слѣдующія добровольно за осужденными, занимаются только по ихъ собственному желанію, причемъ могутъ избирать съ разрѣшенія начальства и работы, не заведенныя въ тюрьмѣ, но не нарушающія внутренняго тюремнаго порядка.

(2) Условія употребленія арестантовъ на внѣшнія работы подробно разъяснены въ циркулярѣ отъ 3 Марта 1888 г. См. Коковцева, Сборникъ, стр. 285.

казначейство, а $1/2$ въ пользу тюрьмы (1). Арестанты, освобожденные отъ обязательныхъ работъ, получаютъ $6/10$, а если они занимаются работами, не заведенными въ тюрьмѣ, то и весь доходъ полностью. Арестанты, занятые работами по хозяйству и на потребности тюрьмы, получаютъ вознагражденіе по особому росписанію, составленному главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Изъ денегъ, причитающихся арестантамъ всѣхъ наименованій, они могутъ, съ разрѣшенія начальства, расходовать часть на свои надобности и на пособіе семействамъ, но не болѣе $1/2$, а остальная сумма выдается арестантамъ при освобожденіи. За дурное поведеніе и дисциплинарные проступки арестантъ можетъ быть лишаемъ не только права распоряжаться заработкомъ, но и самаго заработка, однако не болѣе, какъ за два мѣсяца, предшествовавшіе проступку. На заработанныя арестантами деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія и судебныя издержки (ст. 368 и сл. уст. о сод.).

Общее управленіе всѣми мѣстами заключенія подверглось у насъ существеннымъ измѣненіямъ по закону 1879 г.

Тюремное управленіе у насъ, и именно по отношенію къ исправительнымъ видамъ лишенія свободы, представлялось съ начала нынѣшняго столѣтія совершенно своеобразнымъ. Въ 1810 г. въ Петербургъ прибыли двое ревностнѣйшихъ послѣдователей Джона Говарда, братья Венинги, съ желаніемъ служить дѣлу тюремной реформы въ Россіи, и въ 1819 г. по мысли Вальтера Венинга было у насъ образовано общество попечительное о тюрьмахъ, принятое подъ непосредственное покровительство Императора Александра I-го и начавшее съ 1822 дѣйствовать по всей Россіи путемъ мѣстныхъ комитетовъ (2). Обществу предоставлено было широкое

(1) Эта часть по ст. 363 уст. обращается: 1) на вознагражденіе арестантовъ за работы по хозяйству и на потребности тюрьмы и 2) на ремонтъ инструментовъ и мелкіе расходы по устройству работъ. Свободные остатки обращаются на вознагражденіе завѣдывающихъ работами, но съ тѣмъ, чтобы общая сумма такого вознагражденія по каждому мѣсту заключенія не превышала $1/3$ всего дохода отъ арестантскихъ работъ того года, а затѣмъ, согласно Высоч. утв. мнѣн. Госуд. Совѣта отъ 4 Мая 1889 г., остатки, образовавшіеся за всѣми этими выдачами, обращаются на образованіе особаго фонда для расширенія тюремныхъ работъ; подробности составленія этого фонда разъяснены циркуляромъ отъ 25 Іюля 1889 г., Коковцевъ, стр. 292.

(2) Болѣе подробныя свѣдѣнія о возникновеніи и первоначальной дѣятельности общества у В. Никитина, Тюрьма и ссылка, 1880 г. стр. 10 и сл. Первымъ президентомъ общества былъ назначенъ князь А. Н. Голицынъ.

участіе въ тюремномъ дѣлѣ; но другое предположеніе Венинга, передать въ исключительное завѣдываніе общества тюрьмы, не осуществилось: завѣдываніе тюрьмами получило двойственный характеръ, раздѣлившись между обществомъ и административными властями.

Пока, какъ выражено въ журналѣ коммисіи Государственнаго Совѣта 1878 г., общество дѣйствовало подъ непосредственнымъ руководствомъ Императора Александра I-го, соединяя въ средѣ своей лучшія умственныя силы того времени, вліяніе его въ тюремномъ дѣлѣ было преобладающее (1); но вскорѣ Государь скончался, господство филантропическаго направленія, съ наступившими новыми обстоятельствами, стало ослабѣвать, а съ нимъ ослабѣвала и дѣятельность тюремнаго общества (2). Органы правительственной власти начали входить въ распоряженія тюремныхъ комитетовъ и, при существующей неопредѣленности отношеній, между администраціею и комитетами нерѣдко стали возникать недоумѣнія и пререканія. Чѣмъ дальше дѣло шло по этому пути, тѣмъ сохраненіе его въ прежнемъ видѣ становилось невозможнѣе, что и привело къ коренному преобразованію попечительнаго общества въ 1851 г.

Со времени этого закона общество получило административный характеръ; но самое управленіе тюрьмами оставалось тѣмъ не менѣе въ высшей степени сложнымъ, разновластнымъ, а потому и непрактичнымъ. Главное попеченіе о всѣхъ исправительныхъ мѣстахъ лишенія свободы было предоставлено обществу попечительному о тюрьмахъ (ст. 15 и 29 уст. сод. подъ стр. изд. 1857 г.); завѣдываніе же мѣстами заключенія въ порядкѣ управленія государственнаго принадлежало Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а завѣдываніе

---

(1) Общество имѣло ближайшій надзоръ за заключенными, за размѣщеніемъ ихъ по роду преступленій, за наставленіемъ ихъ въ правилахъ благочестія и доброй нравственности, за занятіями арестованныхъ; отъ него зависѣло наложеніе важнѣйшихъ дисциплинарныхъ взысканій. Управленіе общества состояло изъ центральнаго комитета въ Петербургѣ и мѣстныхъ комитетовъ; для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ члены съѣзжались въ генеральныя собранія.

(2) Конечно, и позднѣе среди дѣятелей тюремныхъ комитетовъ встрѣчалось не мало людей, отдававшихъ себя всецѣло этому дѣлу, такова, напр., свѣтлая личность доктора Гаазе, дѣйствовавшаго въ Москвѣ въ 40 и 50-хъ годахъ, обликъ коего воскресилъ въ памяти русскаго общества А. Ф. Кони своими о немъ чтеніями въ 1891 и 1892 гг. Но трудъ отдѣльныхъ личностей не измѣнялъ общаго характера дѣятельности тюремнаго общества.

мѣстами содержаніи политическихъ арестантовъ—третьему отдѣленію Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сообразно этому и въ губерніяхъ завѣдываніе тюрьмами принадлежало, кромѣ комитетовъ попечительнаго общества, прокурорамъ и стряпчимъ, начальникамъ губерній, губернскимъ правленіямъ, городскимъ полиціямъ и жандармскимъ штабъ-офицерамъ, причемъ кругъ дѣятельности властей судебныхъ, административныхъ и благотворительныхъ не былъ надлежаще отграниченъ другъ отъ друга; поэтому, когда съ 60-хъ годовъ задача тюремнаго управленія значительно осложнилась, а самое число подвергаемыхъ заключенію, вслѣдствіе ограниченія примѣненія розогъ, значительно возрасло, то это многоначаліе и неопредѣленность явились однимъ изъ существенныхъ препятствій въ дѣлѣ тюремной реформы.

Теперь (ст. 14 уст. сод. подъ стр.) главное завѣдываніе тюремною частью гражданскаго вѣдомства сосредоточено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по главному тюремному управленію и совѣту по тюремнымъ дѣламъ изъ 7 членовъ ([1]). Главнымъ начальникомъ всѣхъ мѣстъ заключенія является Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, а ближайшее завѣдываніе ими по всей Имперіи ввѣрено начальнику главнаго тюремнаго управленія; мѣстное же губернаторамъ или начальникамъ областей. Но попеченіе о мѣстахъ заключенія (за исключеніемъ каторги) и объ улучшеніи нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ ввѣрено обществу попечительному о тюрьмахъ. Общество состоитъ изъ членовъ и благотворителей и находится подъ управленіемъ президента—Министра Внутреннихъ Дѣлъ, комитетовъ,—мужскихъ и женскихъ, управляемыхъ вице-президентами и предсѣдательницами, утверждаемыми въ семъ званіи Высочайшею властью, и отдѣленій. Въ числѣ вице-президентовъ обязательно состоятъ начальники губерній и архіереи, между директорами—обязательно перечисленные въ законѣ (ст. 76 и 77 уст. содер. подъ стр.) чины мѣстнаго управленія; прочіе директоры избираются вицепрезидентами и предсѣдательницами и утверждаются Государемъ. Комитеты въ губерніяхъ распоряжаются суммами,

---

([1]) Надзоръ за мѣстами заключенія государственныхъ преступниковъ, какъ приговоренныхъ, такъ и подслѣдственныхъ, отдѣленъ отъ главнаго тюремнаго управленія и сосредоточенъ въ департаментѣ полиціи.

отпускаемыми на содержаніе арестантовъ, но въ Петербургѣ общество устранено отъ хозяйства и ограничивается исключительно благотворительною дѣятельностью (1). Такъ какъ на общество возложена не только забота о содержаніи арестантовъ, но и о нравственномъ ихъ исправленіи, то ему же предоставлено открытіе и завѣдываніе различными учрежденіями тюремно - благотворительнаго характера. Кромѣ общества, въ попеченіи о тюрьмахъ принимаетъ участіе и земство, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи (ст. 17). Надзоръ за мѣстами содержанія принадлежитъ по уст. угол. суд. прокурорамъ и судьямъ, въ предѣлахъ ихъ участка или округа; они наблюдаютъ, чтобы никто не содержался безъ надлежащаго постановленія уполномоченнаго на то мѣста или лица. Неправильно содержащихся они освобождаютъ изъ подъ стражи, причемъ, согласно циркул. указу Правительствующаго Сената 20 мая 1877 г., освобожденіе находящихся подъ арестомъ можетъ быть сдѣлано только послѣ надлежащаго сношенія съ мѣстами, ихъ задержавшими. Равнымъ образомъ, на этихъ лицъ (ст. 11 уст. у. с.) возложено наблюденіе за тѣмъ, чтобы арестанты содержались въ надлежащихъ мѣстахъ заключенія, на прокуроровъ же возлагается (уст. о сод. подъ стр. ст. 18) пріемъ, просмотръ и отправленіе бумагъ, писанныхъ содержащимися подъ стражею, и наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Лица мѣстнаго прокурорскаго надзора имѣютъ безпрепятственный входъ въ тюрьмы, но не иначе какъ по особымъ удостовѣрительнымъ билетамъ. Безпрепятственный входъ въ тюремныя заведенія для осмотра положенія содержащихся тамъ арестантовъ имѣютъ также начальники губернскихъ жандармскихъ управленій. Если же въ мѣстахъ заключенія находятся военные арестанты, то надзоръ за ихъ содержаніемъ предоставляется и военнымъ чинамъ, въ ст. 20 уст. о сод. подъ стр. указаннымъ.

---

(1) Согласно примѣч. къ ст. 16 уст. о сод. подъ стр., Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется открывать и въ губерніяхъ, при учреждаемыхъ на новыхъ основаніяхъ тюрьмахъ, хозяйственныя правленія; въ такихъ случаяхъ на обязанностяхъ общества попечительнаго о тюрьмахъ остается дѣятельность исключительно филантропическая.

800. Тюрьма, какъ наказаніе самостоятельное и замѣняющее другіе виды лишенія свободы, не исключая и арестантскихъ отдѣленій, составляетъ центръ нашихъ исправительныхъ наказаній, т. е. имѣетъ такое же значеніе, какъ и каторга среди уголовныхъ наказаній. Но, къ сожалѣнію, и о нашей тюрьмѣ приходится сказать то же, что и о каторгѣ: ея двухсотлѣтнее существованіе представляетъ только исторію ея неустройствъ. Ту же неутѣшительную картину, которую рисуютъ намъ памятники XVII вѣка, находимъ мы и въ описаніяхъ тюремъ болѣе близкаго къ намъ времени. Тюрьмы наши, говорится въ отчетѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ за 1857 г., большею частью ветхи и сыры, построены на неудобныхъ низменныхъ мѣстахъ, несообразно съ числомъ заключенныхъ; пища арестантовъ крайне не питательна, вслѣдствіе отпуска денегъ только на хлѣбъ и на крупу безъ мяса. Арестанты, по тѣснотѣ помѣщенія, не только не могутъ быть заняты работами, но не всегда даже размѣщаются по родамъ преступленій. Болѣзни и самая смертность между заключенными представляютъ громадную цифру, по средней сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, одного больного на 6 здоровыхъ и одного умершаго на 16 больныхъ. Еще несостоятельнѣе тюрьмы съ точки зрѣнія нравственнаго вліянія на заключенныхъ: самый неопытный арестантъ, брошенный въ толпу опытныхъ негодяевъ, скоро становится такимъ же.

Еще безотраднѣе оффиціальныя свѣдѣнія о состояніи тюремъ, собранныя въ 70-хъ годахъ (1).

Не многимъ улучшилось положеніе тюремъ и къ нашему времени, что видно уже изъ того, что въ 1881 г. на общее число арестантскихъ мѣстъ 76,000 приходилось 95,000 заключенныхъ, а такъ какъ переполненность не была равномѣрною, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Петроковской губерніи, она

---

(1) Ср., напр., матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи, изданные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1863 г.; а въ особенности оффиціальную записку П. Бобынина «о настоящемъ положеніи тюремной части въ Имперіи», записку, составленную по отчетамъ лицъ, ревизовавшихъ тюрьмы въ 1867—1870 г. — барона Веліо, Косаговскаго, Юферова, и Власова,—въ ней яркими красками обрисовывается невозможное состояніе громаднаго большинства нашихъ губернскихъ тюремъ.

доходила до отношенія 5,2 на одно мѣсто. Зданія, говоритъ «очеркъ», отличались ветхостью, сыростью, недостаткомъ свѣта и воздуха, неудобствомъ внутренняго помѣщенія, отвратительнымъ состояніемъ отхожихъ мѣстъ. Нѣкоторыя зданія, въ буквальномъ смыслѣ слова, представляли картину разрушенія, что объясняется и тѣмъ, что, въ виду затруднительнаго положенія нашего общаго бюджета, ремонтный бюджетъ съ 1875 г. по 1879 г. всегда значительно уменьшался.

Мѣстное управленіе тюрьмами было совершенно дезорганизовано. Реформа 1851 г., придавъ обществу попечительному о тюрьмахъ совершенно неопредѣленный полуадминистративный получастный характеръ, окончательно его разрушила. Оффиціальные директора, часто неимѣвшіе никакого интереса къ тюремному дѣлу, не имѣли, за массою личныхъ дѣлъ, возможности посвящать достаточно времени тюрьмамъ. Частная благотворительность, столь щедрая въ эпоху Александра I-го, крайне уменьшилась, принявъ притомъ совершенно своеобразную форму— пожертвованій по приказу власть имѣющихъ членовъ комитета, въ заглажденіе грѣшковъ, а всего чаще за служебныя отличія, сдѣлавшіяся въ нѣкоторыхъ комитетахъ предметомъ прямаго торга.

Въ результатѣ, какъ говоритъ «очеркъ», тюремные комитеты и отдѣленія, за рѣдкими исключеніями, бездѣйствовали. Ближайшее тюремное начальство, т. е. смотрители тюремъ, неуполномоченные по закону на завѣдываніе важнѣйшими отраслями тюремнаго дѣла, фактически получили это завѣдываніе въ свои руки, не неся за него никакой законной отвѣтственности. Между тѣмъ персоналъ тюремныхъ смотрителей, при скудости получаемаго ими содержанія, не могъ представлять тѣхъ нравственныхъ гарантій, которыми оправдывалось бы подобное расширеніе круга ихъ служебныхъ правъ и полномочій (1).

---

(1) Еще въ худшемъ положеніи былъ надзоръ въ тюрьмахъ, раздѣленный между вольнонаемными (съ 1865 г.) надзирателями и военнымъ карауломъ. Какъ видно изъ «обзора» во многихъ губерніяхъ надзиратели получали не болѣе 8 рублей въ мѣсяцъ, безъ довольствія пищею и одеждою. При ревизіи нѣкоторыхъ тюремъ оказалось, что надзиратели ходили въ арестантскихъ каторжныхъ халатахъ и въ видѣ подачки пользовались остатками пищи изъ арестантскаго котла. Въ «обзорѣ» также приведены подробныя данныя плачевнаго состоянія тюремнаго хозяйства, въ особенности снабженія арестантовъ одеждою.

*

Сосредоточеніе завѣдыванія тюрьмами въ одномъ учрежденіи по закону 1879 г. дало возможность ввести извѣстную систему въ тюремные распорядки и даже въ самое исправленіе тюремныхъ недостатковъ, такъ какъ предпринять одновременно полную и всестороннюю реформу всего тюремнаго устройства представлялось неосуществимою задачею. Къ тому же законъ 1879 г., намѣтившій будущую нашу карательную систему, указалъ ту цѣль, которую должна преслѣдовать реформа.

Съ 1880 г. на наиболѣе нужныя реформы тюремныхъ построекъ былъ обращенъ такъ называемый «сборный тюремный капиталъ»; но, не смотря на его значительный размѣръ, до 3.000.000 р. въ 1880 г., къ 1 Января 1886 г. онъ уже истощился до 46.000 р. Дальнѣйшія улучшенія были отнесены на общій государственный бюджетъ, причемъ всѣ преобразованія, съ 1885 г. начиная, предположено раздѣлить на строительные періоды съ приблизительною продолжительностью въ 3 года; предположено сооружать преимущественно центральныя тюрьмы, а уѣздныя обращать на содержаніе подслѣдственныхъ и краткосрочныхъ арестантовъ; наименьшій размѣръ годоваго ассигнованія на устройство новыхъ мѣстъ предположенъ въ 500.000 р. Какъ видно изъ «Обзора», Главное Тюремное Управленіе въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ (съ 1879 — 1889 гг.) израсходовало на постройку новыхъ зданій 3.000.000 и на переустройство тюремъ 4.000.000. Во главѣ новыхъ сооруженій стоитъ С.-Петербургская центральная одиночная тюрьма на 1,150 арестантовъ ([1]), стоившая около 1.480.000 рублей, съ небольшимъ отдѣленіемъ для общаго помѣщенія арестантовъ, съ разъединеніемъ послѣднихъ на ночь; затѣмъ новая тюрьма въ Старой Русѣ на 145 человѣкъ, подслѣдственныхъ, срочныхъ и пересыльныхъ, съ двумя системами заключенія—общимъ и одиночнымъ; наконецъ, новыя тюрьмы, приспособленныя и къ одиночному помѣщенію арестантовъ, въ Царицынѣ, Уральскѣ, Хабаровкѣ, одиночный корпусъ въ Московской тюрьмѣ и др.

([1]) 7 Марта 1892 г. въ тюрьмѣ было 900 человѣкъ, въ томъ числѣ въ общемъ заключеніи 120; изъ заключенныхъ было занято работами ремесленными и домашними 817 человѣкъ; наибольшее число—ткацкою (195 чел.) и картонажною (124 чел.).

Благодаря объединенію управленія, достигнуто улучшеніе хозяйственной части и значительное уменьшеніе расходовъ на обмундированіе арестантовъ (1);—вмѣстѣ съ тѣмъ значительно улучшился самый распорядокъ тюремный, въ особенности въ виду переустройства по закону 1887 г. тюремной стражи и увеличенія численности надзирателей. Также нѣсколько подвинулся послѣ закона 1886 г. и вопросъ о тюремныхъ работахъ, какъ это можно видѣть изъ «обзора», а отчасти и изъ тюремной выставки при С.-Петербургскомъ конгрессѣ 1890 года.

Какъ указываетъ «обзоръ», общая сумма поступленія отъ работъ, предположенная въ 1887 году, по средней суммѣ съ 1883—1885 гг., въ 245.000 р. съ отчисленіемъ въ доходъ казны до 81.000 р., въ дѣйствительности составила около 602.000 р., а чистаго дохода, распредѣленнаго между арестантами, мѣстами заключенія и казною, было около 540.000 р., при чемъ въ пользу казны поступило около 166.000 р., т. е. вдвое болѣе противъ предположенной суммы (2). Доходность отдѣльныхъ тюремъ представлялась, конечно, весьма различною (3). Глав-

(1) Въ «обзорѣ» въ этомъ отношеніи есть любопытнѣйшія цифры; такъ напр. въ 1880—1881 гг. стоимость армяка—въ Кіевской губерніи 7 р. 95 к., въ сосѣдней Херсонской—5 р., а въ Могилевской—4 р. 50 к.; коты—въ Курляндской—3 р. 75 к., а въ Лифляндской 2 р. 70 к., во Владимірской 1 р. 24 к., а въ Нижегородской 90 к. Цифры эти не только разнообразны, но во многихъ мѣстностяхъ чрезмѣрны, какъ можно видѣть изъ «обзора»; такъ напр., одежная заготовка на 1883 г. для Тобольской и Томской губерній, исчисленная по мѣстнымъ торговымъ цѣнамъ въ 80.000 р., произведенная въ Перми хозяйственнымъ способомъ, обошлась съ доставкою въ 50.000 рублей. По Симбирской губерніи на торгахъ цѣна состоялась 21.500 р., а заготовка выполнена хозяйственнымъ способомъ за 14.000 р.; въ Кіевской губерніи вещи, пріобрѣтенныя въ первой половинѣ 1883 г. отъ подрядчика за 51.000 р., во второй половинѣ, когда было рѣшено приступить къ заготовкѣ хозяйственнымъ способомъ, обошлись въ 21.500 р. и т. д.; въ общемъ, какъ говоритъ обзоръ, въ 1883 г. на заготовкахъ на сумму 275.000 р. получено сбереженія до 118.000 р., что побудило управленіе и далѣе держаться предпочтительно системы хозяйственныхъ заготовокъ, вырабатывая нѣкоторыя матеріалы, напр., холстъ въ самыхъ тюрьмахъ, причемъ, напр., заготовка одежды для Забайкальской области въ Петербургѣ въ 1888 г., вмѣсто исчисленной суммы въ 127.000 р., обошлась съ доставкою въ 75.000 р.

(2) Въ 1888 г. общая сумма, вырученная отъ работъ, показана въ 807.000 р., а въ 1889 г. въ 876.000 р.

(3) По количеству заработываемыхъ денегъ и по разнообразію работъ первое мѣсто занимаютъ тюрьмы С.-Петербурга, доходъ коихъ былъ въ 1887 г. около 45.000 р., а въ 1888 г. 65.000 р.

ными работами были предназначавшіяся на потребности самыхъ тюремъ, какъ напр. тканье холста, изготовленіе обуви, слесарныя и столярныя работы и т. д. (1). Внѣшнія работы, какъ видно изъ «обзора», производились въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, даже на дальнемъ разстояніи, по особому порядку, въ передвижныхъ временныхъ отдѣленіяхъ тюремъ, напр., исправленіе Житомірско-Бердичевскаго шоссе, сооруженіе шоссе въ Дубно, земляныя работы на Псково-Рижской дорогѣ и т. д.

301. *Крѣпость.* Заключеніе въ крѣпость не упоминалось въ сводѣ въ лѣстницѣ наказаній, хотя оно, какъ указывали составители уложенія, и употреблялось иногда въ видѣ мѣры административной. Внесено оно въ уложеніе, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, какъ наказаніе за такія дѣянія, которыя не поражаютъ чести и не предполагаютъ безчестныхъ побужденій, какъ напр. оскорбленіе дипломатическихъ агентовъ, вступленіе въ сношеніе съ подданными непріязненныхъ державъ, участіе въ тайныхъ обществахъ, сопротивленіе распоряженіямъ правительства, нѣкоторые служебные проступки, дуэль и т. п. Особенный характеръ этого наказанія выражается и въ томъ, что при смягченіи высшихъ наказаній, а именно ссылки на житье или отдачи въ рабочіе дома (нынѣ въ тюрьму 30, II), судъ не имѣетъ права переходить отъ сихъ наказаній къ заключенію въ крѣпость.

Заключеніе въ крѣпость по срокамъ раздѣляется на 5 степеней: 5) отъ 4 недѣль—4 мѣс.; 4) 4—8 мѣс.; 3) 8 м.—1 г. 4 м.; 2) 1 г. 4 м.—2 л. 8 м. и 1) отъ 2 л. 8 м.—4 л. (до закона 17 Апр. 1863 г. сроки были отъ 6 нед. до 6 лѣтъ); при этомъ двѣ высшія степени соединяются всегда съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

Осужденные (ст. 52 улож.) содержатся въ особо устроенныхъ внутри крѣпостей зданіяхъ (2); они занимаются работами только

---

(1) Циркуляромъ 29 Ноября 1887 г. рекомендовано распространеніе въ тюрьмахъ изготовленія соломенно-ковровыхъ крышъ для сельскихъ построекъ, предохраняющихъ отъ пожара, и недорого стоющихъ по условіямъ ихъ изготовленія.

(2) Какъ говорится въ ст. 547 зак. о судопр. по прест. изд. 1876 г.,—приговоренные содержатся всегда не на гауптвахтѣ, а въ казематахъ или другихъ особыхъ закрытыхъ зданіяхъ.

по собственному желанію; порядокъ содержанія по общему правилу одиночный. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пересылка въ крѣпости по отдаленности ихъ оказалась бы неудобною (ст. 79 ул.), или если бы по сношеніи съ начальникомъ крѣпости въ ней не оказалось помѣщенія (ст. 967 у. ул. и цирк. Мин. Вн. Дѣлъ 5 Сент. 1874 г.), присужденные отбываютъ назначенное имъ наказаніе въ тюрьмахъ ([1]).

302. *Кратковременный арестъ.* Арестъ, какъ и тюрьма, относится къ наказаніямъ, назначаемымъ какъ по уложенію, такъ и по уставу о наказ. По уложенію онъ раздѣляется по срокамъ содержанія на 4 степени: 4) отъ 1—3 дн.; 3) отъ 3—7 дн.; 2) отъ 7 дн. до 3 нед., и 1) отъ 3 нед. до 3 мѣс. По уставу это наказаніе степеней не имѣетъ, но предѣльные его сроки тѣ же— отъ 1 дня до 3-хъ мѣсяцевъ.

Порядокъ отбытія этого наказанія зависитъ по уложенію отъ сословнаго положенія виновнаго, а именно: а) неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній или изъятые по особымъ постановленіямъ отбываютъ арестъ въ помѣщеніяхъ при полиціи; б) изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ ихъ состоянія (рѣш. уг. к. деп. 1868 г. № 608, Мосолова)—въ тюрьмѣ ([2]), и в) дворяне, личные или потомственные, и чиновники, т. е. лица, достигшія классныхъ чиновъ на государственной службѣ, хотя бы эти чины давали права личнаго почетнаго гражданства (рѣш. уг. к. деп. 1875 г. № 443, Сурдека), отбываютъ арестъ или при тюрьмѣ, или на военной гауптвахтѣ, или въ собственномъ мѣстѣ жительства, или же въ одномъ изъ домовъ вѣдомства, къ коему они принадлежатъ, буде состоятъ на службѣ; но арестъ домашній во

([1]) По отчетамъ Минист. Юстиціи число приговоренныхъ въ крѣпость было въ 1882 г. 9; 1883 г. 6; 1884 г. 3; 1885 г. 8; 1886 г. 8.

([2]) По ст. 83 ул. лица, не изъятыя отъ наказаній тѣлесныхъ, могутъ быть присуждаемы къ употребленію въ общественныя или другія правительствомъ установленныя работы на тѣ же сроки. Кромѣ того по уложенію 1845 г., арестъ для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, могъ быть, по усмотрѣнію суда, замѣняемъ розгами, отъ 3—30 ударовъ, причемъ по закону 17 Апрѣля 1863 г. такая замѣна допускалась только въ случаѣ явной невозможности примѣнить арестъ. По уставу о наказ. такая замѣна не была допущена, а затѣмъ по закону 25 Ноября 1885 г. она была отмѣнена и по уложенію.

всякомъ случаѣ отбывается въ городахъ (1). Выборъ для этихъ лицъ того или другаго мѣста для отбытія ареста вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда; но, какъ разъяснилъ Правит. Сенатъ, арестъ при тюрьмѣ долженъ почитаться болѣе тяжкимъ, чѣмъ арестъ при гауптвахтѣ (рѣш. 1869 г. № 525, Мордвинова), а арестъ при гауптвахтѣ почитается тяжелѣе домашняго (рѣш. 1873 г. № 872, Захарьянова).

По уставу о наказаніяхъ арестъ, согласно закону 4 Іюля 1866 г., отбывается въ особыхъ арестныхъ домахъ; но впредь до устройства таковыхъ съ особымъ помѣщеніемъ для лицъ высшихъ сословій, и при назначеніи ареста по уставу о нак. соблюдаются (ср. ст. 131 прим. уст. о сод.) правила, указанныя въ ст. 56 и 57 улож. (рѣш. 1869 г. № 685, Солнцева, 1870 г. № 1617, Державина и др.), а по ст. 152 уст. о содер., для лицъ, подвѣдомыхъ крестьянскому управленію, должны быть приспособляемы для отбытія ареста особыя избы при волостныхъ правленіяхъ, а для прочихъ—при становыхъ квартирахъ.

Священнослужители и монашествующіе христіанскихъ исповѣданій, въ случаѣ присужденія ихъ къ аресту, по уложенію или уставу, отсылаются, согласно ст. 5 уст. и 86 улож., къ ихъ епархіальному начальству, которое можетъ имъ замѣнить это наказаніе другимъ.

Арестные дома (ст. 124 и сл. уст. о сод.) устраиваются и содержатся земствами, тамъ гдѣ таковыя введены (2), причемъ отъ управы зависитъ и назначеніе должностныхъ лицъ; въ пособіе земству поступаютъ суммы, назначенныя закономъ на устройство таковыхъ помѣщеній.

---

(1) Согласно прим. 2 къ ст. 57 улож. и 51 уст. о нак., офицеры, хотя и не состоящіе на дѣйствительной службѣ, всегда отбываютъ арестъ на гауптвахтѣ; но это положеніе не относится къ отставнымъ офицерамъ, которые отбываютъ арестъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и дворяне вообще (рѣш. у. к. д. 1872 г. № 448, Подгородецкаго, № 1105 Андріевскаго); но, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Правит. Сената (рѣш. 1866 г. № 44, Мазуриной и др.), статья 57 ул. ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣняема къ лицамъ другихъ сословій, напр., къ купцамъ или почетнымъ гражданамъ.

(2) Въ городахъ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Ригѣ и Ревелѣ устройство и содержаніе арестныхъ домовъ возложено на городскія управленія (ст. 9 уст. о сод.).

Для общаго надзора за содержаніемъ заключенныхъ мировой съѣздъ избираетъ особаго попечителя; кромѣ того, надзоръ за содержащимися принадлежитъ прокуратурѣ и мѣстной полиціи.

Арестные дома устраиваются по одному, по два или болѣе на каждый участокъ, или же по одному на два и болѣе участковъ; съ безусловнымъ раздѣленіемъ по поламъ и по возможности съ особыми отдѣленіями для малолѣтныхъ и лицъ высшихъ сословій; въ этихъ домахъ могутъ быть помѣщаемы и подслѣдственные, но всегда отдѣльно отъ приговоренныхъ.

Содержатся арестанты въ общемъ заключеніи, но, согласно п. 9 инструкціи, страдающіе указанными въ этомъ пунктѣ болѣзнями, помѣщаются отдѣльно (1).

Въ случаѣ тяжкой болѣзни близкихъ семейныхъ законъ (ст. 137 уст.) разрѣшаетъ отлучки заключенныхъ, но не свыше трехъ дней и съ тѣмъ, чтобы время отлучки не засчитывалось въ срокъ наказанія.

Арестанты содержатся въ собственной одеждѣ; они занимаются работами лишь по собственному желанію, причемъ мѣщане и крестьяне по ихъ желанію и съ разрѣшенія попечителя могутъ быть назначаемы на мѣстныя общественныя работы; въ этихъ случаяхъ, въ замѣнъ особой платы, день работы засчитывается за два дня ареста (2).

За неповиновеніе и за неисполненіе установленныхъ правилъ заключенные подвергаются, по приговору попечителя, денежному взысканію до 15 р. или темному карцеру не свыше сутокъ; за самовольную отлучку изъ помѣщенія они наказываются по ст. 63 уст. о нак., а за другіе проступки на общемъ основаніи. Если наказаніе за новый проступокъ состоитъ въ арестѣ, то оно исполняется по окончаніи срока ареста за первоначальный проступокъ.

803. *Выговоры, замѣчанія и внушенія.* Составители уложенія 1845 г. внесли въ число исправительныхъ мѣръ *выговоры въ*

---

(1) Правила устройства арестныхъ домовъ изложены въ инструкціи объ устройствѣ сихъ помѣщеній 1866 г. и въ циркулярѣ Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 8 Дек. 1889 г. Ср. Коковцевъ, стр. 516 и 519.

(2) Отбывающіе арестъ при тюрьмахъ по отношенію къ работамъ подчиняются правиламъ, указаннымъ въ ст. 349 и сл. уст. о сод. подъ стражею.

присутствіи суда, для тѣхъ, какъ они говорятъ, случаевъ, когда вина была послѣдствіемъ не злаго умысла, а неразумія и незнанія обязанностей, когда виновнаго нужно только предостеречь, чтобы онъ впредь не дозволялъ себѣ нарушенія порядка; но при окончательномъ разсмотрѣніи уложенія, рядомъ съ выговоромъ въ присутствіи суда были поставлены замѣчанія и внушенія отъ мѣстъ судебныхъ или правительственныхъ. Выговоры по уложенію (ст. 40) могутъ быть болѣе или менѣе строгіе, а строжайшіе дѣлаются при открытыхъ дверяхъ, хотя эта послѣдняя добавка не имѣетъ значенія, такъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы, согласно 947 и 960 ст. уст. уг. с. ,выговоры, по вступленіи приговора въ законную силу, объявляются въ судебномъ засѣданіи предсѣдателемъ суда, каковое засѣданіе, соотвѣтственно ст. 830 и 831 уст. уг. с. можетъ происходить только при открытыхъ дверяхъ; равнымъ образомъ и въ прочихъ мѣстностяхъ всякій приговоръ, коимъ виновный присуждается къ выговору, замѣчанію или внушенію, въ виду ст. 488, 491, 494 и 499 зак. о судопр. по дѣл. о преступл. изд. 1876 г., долженъ быть объявляемъ при открытыхъ дверяхъ (1).

По уставу о наказ., хотя въ числѣ карательныхъ мѣръ и упоминается (ст. 1 п. 1) о выговорахъ, замѣчаніяхъ и внушеніяхъ, но никакого опредѣленія и различенія этихъ взысканій въ законѣ не сдѣлано; только въ ст. 186 уст. уг. с. указано, что выговоры, замѣчанія и внушенія дѣлаются всегда изустно (2).

Впрочемъ, и по дѣйствующему праву это наказаніе, какъ общая мѣра взысканія, имѣло крайне ограниченный объемъ, такъ какъ назначеніе выговора опредѣлено только за превышеніе предѣла обороны (ст. 1467 и 1493), за неосторожное лишеніе жизни, происшедшее отъ дѣянія, не запрещеннаго закономъ (ст. 1468), и

---

(1) По ст. 86 ул. и 5 уст. о нак. выговоры и замѣчанія священнослужителямъ и монашествующимъ христіанскихъ исповѣданій дѣлаются по распоряженію и отъ имени ихъ духовнаго начальства.

(2) Н. Неклюдовъ руководство, II, даетъ такое различіе этихъ трехъ видовъ: выговоръ — открытое осужденіе дѣйствій или поступковъ лица; замѣчаніе—поставленіе на видъ неправильныхъ дѣйствій виновнаго; внушеніе—объясненіе подсудимому противозаконности его поступка; но это различіе не имѣетъ основаній въ законѣ и само по себѣ крайне неопредѣленно.

за неосторожное поврежденіе здоровья, бывшее послѣдствіемъ запрещеннаго закономъ нарушенія (ст. 1494), а по уставу это взысканіе положено только за мелкіе случаи неосторожности (ст. 9 п. 1) (1).

804. *Денежныя взысканія.* По проекту уложенія 1845 г. предполагалось различать штрафы, поступающіе въ казну, и пени, поступающія въ приказы общественнаго призрѣнія и другія общеполезныя учрежденія (2), причемъ, по общему правилу, было предположено передавать взысканія въ приказы, если въ законѣ не будетъ по этому предмету особыхъ указаній; но коммисія Государственнаго Совѣта не сохранила этого различія и сверхъ того нашла болѣе цѣлесообразнымъ обращать суммы на улучшеніе мѣстъ заключенія, что и было выражено въ уложеніи (ст. 45 по изд. 1845 г., 46 по изд. 1857 г.). Теперь же ст. 42 улож. говоритъ болѣе общимъ образомъ, что суммы, не имѣющія спеціальнаго назначенія, обращаются въ доходъ государственнаго казначейства; а по ст. 27 уст. о нак.—въ земскій по каждой губерніи капиталъ для устройства арестныхъ домовъ. Спеціальныя же назначенія взысканій за отдѣльныя нарушенія представляются весьма разнообразными; въ нѣкоторыхъ случаяхъ часть взысканій поступаетъ доносителямъ и открывателямъ.

Денежныя взысканія по уложенію степеней не имѣютъ, а ихъ размѣръ опредѣляется двояко (3): или въ видѣ постоянно закономъ опредѣленной суммы, или по указанному въ законѣ основанію исчисленія, напр., по размѣру дѣйствительно причиненнаго или предполагаемаго убытка казнѣ или частнымъ лицамъ, или же по размѣру прибыли, полученной виновнымъ (исчисленіе по количеству безпошлинно провезенныхъ товаровъ, безконтрольно или

---

(1) Выговоры и замѣчанія обыкновенно назначаются въ уложеніи за должностные проступки, а также за спеціальныя нарушенія особенныхъ обязанностей—священнослужителями, врачами, фармацевтами, корабельщиками и т. д.

(2) По своду законовъ (ст. 72 и 73 по изд. 1842 г.) также различались штрафы и пени, но совершенно по иному основанію: пени налагались безъ производства суда, а штрафы по суду.

(3) Ср. примѣрное перечисленіе различныхъ взысканій у А. Лохвицкаго, курсъ, стр. 89.

тайно выкуреннаго спирта, и т. д.), или по продолжительности нарушенія (напр., при нарушеніи постановленій о паспортахъ); въ этихъ случаяхъ взысканія могутъ достигать весьма значительныхъ размѣровъ.

Взысканія, опредѣляемыя количественно закономъ, назначаются или въ точно опредѣленной суммѣ, или въ предѣлахъ наибольшей и наименьшей суммы, или, всего чаще, только въ высшемъ размѣрѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, согласно ст. 41 ул. и 3 п. 12 ст. устава, судъ можетъ смягчать это наказаніе по своему усмотрѣнію. Наивысшій размѣръ взысканія по уставу—300 р., а по уложенію весьма часто встрѣчается размѣръ въ 500 р., а въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе, напр. 1000 р. (ст. 317, 921[1]), 1500 р. (1174[2]) и даже 3000 р. (ст. 990).

Денежныя взысканія назначаются всего чаще какъ самостоятельныя наказанія, и притомъ или отдѣльно, или параллельно съ арестомъ; но иногда имъ придается и значеніе дополнительнаго взысканія, особенно, напр., при нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія.

По уставу угол. судопр. (ст. 187) уплата какъ денежнаго взысканія, такъ и вознагражденія за вредъ и убытки, назначаемая мировыми судьями, въ случаѣ неимѣнія у виновнаго никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной съ него денежной суммы, можетъ быть разсрочена на опредѣленные сроки, смотря по количеству взысканія и способамъ уплаты; но это правило не распространяется на общія судебныя мѣста. Уплата денежныхъ взысканій по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій предоставляется осужденному въ теченіи двухъ недѣль со дня вступленія приговора въ законную силу, а по нарушеніямъ устава лѣснаго—въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; это правило распространено нынѣ и на порубки въ частныхъ лѣсахъ (уст. угол. суд., ст. 187, примѣч. по прод. 1890 г.); но разсрочка платежа взысканій по этимъ нарушеніямъ въ законѣ не установлена (рѣш. 1875 № 546, по дѣлу Ишина и др.).

Въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ денежнаго взысканія, оно замѣняется [1] на основаніи ст. 84 улож., 7 ст. уст. о нак. и

---

[1] Прежде по уложенію, ст. 92 по изд. 1857 г., была принята иная система, а именно въ законѣ указывался масштабъ для исчисленія ареста, соразмѣрнаго

36 ст. прилож. IV къ ст. 1400 уст. гражд. суд., лишеніемъ свободы въ слѣдующей соотвѣтственности (1):

р.; 15—300; (2)300—900; (2)300—2000; 2000—10000; 10000—30000; 30000—60000; 60000—100000; свыш, 100000.
н.; 3 д.-3 м. до 4 м. до 6 м. 1 г. 2 г. 3 г. 4 г. 5 лѣтъ.
рестъ Тюрьма.

причемъ при замѣнѣ штрафовъ по уложенію до 300, а по уставу до 900 р., выборъ соотвѣтственнаго срока въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ, зависитъ отъ усмотрѣнія судьи, а въ прочихъ случаяхъ онъ точно опредѣляется самимъ закономъ (рѣш. 1887 № 20 по общ. собр.) (3); но однако, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1887 г. № 6, по дѣлу Шнайдера, если за извѣстное дѣяніе по уставу назначено денежное взысканіе или арестъ, то судъ, замѣняя, на случай несостоятельности виновнаго, штрафъ арестомъ, не можетъ назначить его выше того предѣла, который установленъ въ законѣ за это дѣяніе.

Но, кромѣ ареста, законъ знаетъ и другой видъ замѣны денежныхъ взысканій для несостоятельныхъ: по ст. 85. ул. и 8 уст. о нак. несостоятельные крестьяне и мѣщане могутъ быть отдаваемы въ общественныя работы или заработки; такая же отдача допускается и для лицъ прочихъ сословій, но лишь въ случаѣ выраженной ими о томъ просьбы.

съ штрафомъ: за первые двадцать рублей по 50 к. за день, за слѣдующіе отъ 20—50 р.—по 75 к. за день, а за остающуюся сумму по 1 р. за день заключенія, но во всякомъ случаѣ не свыше 5 лѣтъ; этотъ высшій срокъ по разсчету приходился равнымъ 1800 рублямъ.

(1) Хотя 3 п. ст. 85 ограничивается простою ссылкою на приложеніе къ 1400 ст. уст. угол. суд., но это указаніе относится, какъ явствуетъ изъ буквы закона, только къ срокамъ, но не распространяется на прочія условія содержанія несостоятельныхъ должниковъ.

(2) По уставу о наказаніяхъ.

(3) По ст. 638 и 752 ул. по отношенію къ виновнымъ въ недозволенномъ добываніи соли или контрабанды указано, что для непризнавшихся въ преступномъ дѣяніи, но изобличенныхъ въ томъ по суду, сроки заключенія опредѣляются вдвое продолжительнѣе противъ указанныхъ въ ст. 84. Нельзя не замѣтить, что это постановленіе, странное само по себѣ, находится въ полномъ противорѣчіи съ судебными уставами.

По уставу о наказ. (ст. 23) содержащіеся, взамѣнъ денежныхъ взысканій, подъ арестомъ, или отданные въ общественныя работы или заработки освобождаются, когда внесутъ часть слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія, соразмѣрную остающемуся сроку заключенія или работъ. Это правило не повторено въ уложеніи; но казалось бы, что, по духу закона, и въ этихъ случаяхъ несостоятельные должны подлежать освобожденію не только въ случаѣ уплаты ими полностью всего причитающагося съ нихъ взысканія, но и части онаго, соразмѣрной съ остающимися сроками.

Эти правила о замѣнѣ относятся только къ взысканіямъ, налагаемымъ какъ наказаніе; но они не распространяются на взысканія, опредѣляемыя въ вознагражденіе за вредъ и убытки, такъ какъ въ этихъ случаяхъ (ст. 62 улож. и 24 уст. о нак.) осужденные могутъ быть заключаемы въ тюрьму на основаніи общихъ правилъ о несостоятельныхъ должникахъ, если они притомъ не подлежатъ за учиненное ими преступное дѣяніе наказанію уголовному; равнымъ образомъ это правило не распространяется на взысканія, наложенныя административными и казенными управленіями за подвѣдомственныя имъ нарушенія уставовъ (примѣч. къ прил. къ ст. 1124 и 1214 уст. угол. суд. (1).

Согласно точному смыслу закона, замѣна денежнаго взысканія арестомъ или работами вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія судебнаго мѣста, рѣшающаго дѣло по существу (рѣш. 1868 г. № 100, Зеленаго; 1870 г. №№ 1470, 1472, 2535 и др.). По многократнымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената (2), спеціально при лѣсныхъ порубкахъ отдача въ заработки, какъ мѣра, ближайшая для возмѣщенія вреда, причиненнаго порубкою, предпочиталась замѣнѣ штрафа арестомъ; но такъ какъ по закону

---

(1) Согласно циркулярному разъясненію Министерства Юстиціи отъ 10 Ноября 1871 г., также не подлежатъ замѣнѣ арестомъ и заработками взысканія, налагаемыя за неявку къ суду и слѣдствію понятыхъ, свидѣтелей, экспертовъ, присяжныхъ засѣдателей. Ср. также циркулярный указъ Правительствующаго Сената 29 Февр. 1880 г. Судебныя издержки, согласно закону (ст. 197 и 999 уст. угол. суд.), при несостоятельности виновнаго, принимаются окончательно на счетъ казны.

(2) Рѣшенія 1868 г. № 100; 1870 г. №№ 1000, 1155, 1476 и др.; ср. также подробный циркулярный указъ Сената отъ 16 Марта 1879 года.

1888 г. 21 Марта, взысканіе, поступающее по ст. 158¹ уст. о нак., окончательно получило характеръ вознагражденія за вредъ, то и Правительствующій Сенатъ отказался отъ прежняго своего взгляда и въ рѣшеніяхъ 1890 г. №№ 3 и 26 призналъ, что эти взысканія не могутъ быть замѣнимы, при несостоятельности виновныхъ къ уплатѣ, по правиламъ, указаннымъ въ ст. 7 и 8 уст. о нак.

Опредѣленіе о замѣнѣ, при несостоятельности виновнаго, денежнаго штрафа лишеніемъ свободы или отдачею въ заработки должно, согласно ст. 123 и 1209 уст. уг. суд., быть излагаемо въ самомъ приговорѣ; но неисполненіе этого правила не составляетъ существеннаго нарушенія; такой пропускъ можетъ быть пополненъ особымъ постановленіемъ суда при исполненіи приговора, когда несостоятельность подсудимаго дѣйствительно обнаружится (рѣшенія Прав. Сената 1868 г. № 246, Чистякова, № 640, Жеребина и др.).

По уставу уголовнаго судопроизводства денежное взысканіе, опредѣленное мировымъ судьею и неуплаченное осужденнымъ добровольно къ назначенному сроку, взыскивается (ст. 189 уст. угол. суд.) по выданнымъ мировымъ судьею исполнительнымъ листамъ или мѣстными полицейскими чинами, или волостными и сельскими начальствами, или судебными приставами, состоящими при мировомъ съѣздѣ, а въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 954 и 974 уст. угол. суд.) исполненіе такихъ приговоровъ всегда поручается судебнымъ приставамъ, которые поступаютъ порядкомъ, установленнымъ уставомъ гражданскаго судопроизводства.

Этотъ порядокъ исполненія приговоровъ о наложеніи денежныхъ взысканій вызвалъ подробныя разъясненія Правит. Сената, какъ по уголовному кассаціонному департаменту, такъ и по общему собранію (¹), которыми между прочимъ установлено, что исполненіе этихъ приговоровъ должно производиться судебными приставами и полиціею безвозмездно, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе должно поступить въ пользу какихъ либо спеціальныхъ учрежденій, приговоры исполняются судебными органами, а выполненіе ихъ не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію этихъ учрежденій,

(1) Ср. въ особенности рѣшенія общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1877 г. № 34, 1878 г. № 37, 1884 г. № 38, 1886 г. № 10, 1887 № 23 и 1890 № 14.

почему и не представляется основаній для выдачи этимъ учрежденіямъ исполнительныхъ листовъ, такъ какъ предоставить производство этихъ взысканій тѣмъ учрежденіямъ, въ пользу коихъ взысканія поступаютъ, значило бы поставить въ зависимость отъ нихъ исполненіе приговора, и денежный штрафъ принялъ бы характеръ имущества, поступающаго въ собственность извѣстнаго учрежденія на правѣ гражданскомъ. Въ случаѣ несостоятельности осужденнаго, приводится въ исполненіе та часть приговора, которою опредѣляется замѣна денежнаго взысканія другими наказаніями; подъ несостоятельностью же законъ разумѣетъ не общую гражданскую несостоятельность, а лишь фактическое неимѣніе средствъ къ уплатѣ взысканія.

Изъ этого общаго правила практикою Сената было допущено исключеніе относительно взысканія за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, по отношенію къ коимъ, при отсутствіи наличныхъ денегъ у осужденнаго, дальнѣйшее взысканіе должно было пріостанавливаться, о чемъ и сообщалось управленію, которое затѣмъ, если находило нужнымъ, дѣйствовало уже какъ гражданскій взыскатель, со всѣми его правами, по общимъ правиламъ устава гражд. судопр. Но рѣшеніемъ 1887 г. № 23, въ отступленіе отъ этого толкованія, объяснено, что и въ этихъ случаяхъ при отсутствіи наличнаго имущества у осужденнаго розыскъ таковаго, согласно 1211 ст. уст. угол. судопр., долженъ быть сдѣланъ исполнителемъ приговора, а не казеннымъ управленіемъ, которое можетъ только указывать то имущество, изъ коего можетъ быть пополнено взысканіе, а затѣмъ, если по дознаніи не окажется имущества, то примѣняется часть приговора о замѣнѣ денежнаго взысканія, на случай несостоятельности, другими наказаніями, причемъ въ рѣшеніи 1890 г. № 10 (об. соб.) Сенатъ указалъ, что это правило по отношенію къ порубкамъ въ казенныхъ лѣсахъ сохраняетъ свою силу и послѣ закона 1888 г. Иной порядокъ производства взысканій, по разъясненію Сената, долженъ быть только примѣняемъ по дѣламъ о порубкахъ въ лѣсахъ, владѣемыхъ на правѣ частной собственности, такъ какъ въ этихъ случаяхъ взысканіе должно всегда производиться по правиламъ гражданскаго судопроизводства, т. е. по получаемымъ взыскателями исполнительнымъ листамъ.

805. Наказанія дополнительныя. *1. Лишеніе правъ.*

Дополнительныя карательныя мѣры въ дѣйствующемъ правѣ представляютъ не менѣе разнообразія, какъ и наказанія главныя, причемъ иногда въ качествѣ дополнительныхъ наказаній употребляются и такія, которыя обыкновенно назначаются какъ наказанія главныя, напр., денежное взысканіе. Въ настоящемъ отдѣлѣ я буду разсматривать только тѣ взысканія, которыя назначаются по уложенію исключительно какъ дополнительныя.

Первое мѣсто между этими взысканіями въ общей лѣстницѣ наказаній занимаетъ лишеніе правъ, являющееся въ трехъ типахъ: 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія, дополняющее всѣ уголовныя наказанія; 2) лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, дополняющее два первые рода исправительныхъ наказаній и въ нѣкоторыхъ случаяхъ для привилегированныхъ тюрьму, и 3) лишеніе нѣкоторыхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, дополняющее двѣ первыя высшія степени заключенія въ крѣпость и въ бывшій смирительный домъ.

Всѣ эти правопораженія представляютъ какъ бы концентрическіе круги, такъ что высшее заключаетъ въ себѣ низшее съ извѣстнымъ придаткомъ; поэтому наиболѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаетъ наивысшее изъ нихъ—лишеніе всѣхъ правъ состоянія, выражающее идею политической смерти.

Лишеніе всѣхъ правъ, въ смыслѣ признанія полнаго безправія лица, юридическое вымираніе личности, встрѣчается въ древнѣйшемъ нашемъ правѣ, такъ же какъ и въ юридическихъ памятникахъ другихъ народовъ. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, напр., членамъ семьи пострадавшаго или къ нему самому, оно являлось необходимымъ условіемъ признаннаго закономъ права частной мести. Уже въ договорѣ Игоря мы читаемъ (ст. 13): «да держимъ будетъ сотворивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьютъ и». Подобное же право мстить за побои и раны предоставляетъ пострадавшему Русская Правда (спис. Акад. ст. 2) (1).

---

(1) Владимірскій Будановъ, Хрестоматія, I, стр. 21 прим. 27.

Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1070 г. указано, что воевода Янъ, осудивъ ярославскихъ волхвовъ за убитыхъ ими женщинъ, отдалъ ихъ родственникамъ убитыхъ, говоря: «мстите своихъ». Съ другимъ типомъ полнаго безправія по отношенію ко всей общинѣ и ея представителю—князю мы встрѣчаемся въ постановленіяхъ Русской Правды объ отдачѣ на потокъ и разграбленіе, заключавшемъ въ себѣ лишеніе покровительства законовъ (ср. Русская Правда, списокъ Карамзинскій, ст. 5, 31, 97).

Но съ вымираніемъ частной мести и замѣною ея системою денежныхъ взысканій, а затѣмъ и съ развитіемъ государственныхъ наказаній, это полное правопораженіе, гражданская смерть, исчезаетъ изъ нашего права. Сколько нибудь опредѣленной системы правопораженій мы не встрѣчаемъ не только въ эпоху судебниковъ, но даже и во время уложенія. Какъ справедливо говоритъ проф. Сергѣевскій (наказаніе, стр. 278), выработать институтъ лишенія правъ XVII вѣкъ не могъ, такъ какъ весь тогдашній государственный строй Россіи былъ ему противенъ. Прежде всего, пораженіе правъ семейственныхъ, расторженіе супружескаго союза и прекращеніе родительской власти не могли имѣть мѣста, потому что государство всячески старалось о сохраненіи и укрѣпленіи семейнаго начала и, въ частности, ради утилитарныхъ цѣлей, направляло преступниковъ въ ссылку съ семьями. Затѣмъ, пораженіе правъ имущественныхъ, т. е. переходъ всего наличнаго имущества осужденнаго къ законнымъ его наслѣдникамъ, не могло получить развитія, потому что государство, съ бо̀льшею для себя пользою, шло путемъ конфискацій. Пораженіе правъ служебныхъ, т. е. лишеніе права службы государственной, тоже не могло имѣть мѣста, потому что права службы въ строгомъ смыслѣ, опредѣленнаго происхожденіемъ, образованіемъ или инаго рода цензомъ, вовсе не существовало, а была лишь обязанность службы, крѣпостная обязанность, по которой каждый гражданинъ долженъ былъ идти на ту службу, которую ему укажетъ Великій Государь. Лишать кого нибудь права службы было для государства просто невыгодно, такъ какъ это значило бы уменьшать и безъ того скудный запасъ пригодныхъ силъ государственнаго управленія. Вотъ почему государство ограничивалось въ этой сферѣ лишь

частичными правопораженіями: разжалованіемъ, т. е. лишеніемъ чиновъ и званія, увольненіемъ отъ должности и воспрещеніемъ занимать вновь извѣстныя должности. Наконецъ, правъ сословно-политическихъ, отдѣльныхъ отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ службою—чина и званія, вотчинъ, помѣстнаго и денежнаго оклада,—притомъ такихъ правъ, лишеніе которыхъ могло бы дать собою содержаніе наказанію и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить государству какую бы то ни было выгоду, тогда не существовало.

Институтъ полнаго пораженія правъ, сохранившійся и донынѣ въ нашемъ правѣ, появляется только въ эпоху Петра Великаго и притомъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ иноземныхъ законодательствъ.

Такими карательными мѣрами, изъ коихъ образовалось лишеніе всѣхъ правъ состоянія, были—политическая смерть, а въ особенности шельмованіе и анафематствованіе (1).

Политическая смерть, встрѣчавшаяся въ нѣкоторыхъ указахъ Петра Великаго (1723 г. Апр. 7; 1724 21 Янв., 5 Февр. и др.), только указывалась какъ наказаніе, но не опредѣлялась. Только въ приведенномъ въ докладѣ Сената отъ 29 Марта 1753 г. указѣ 1700 г. нѣсколько подробнѣе пояснено: «Веневцамъ . . . . сказать смерть и положить на плаху, и, отъ плахи поднявъ, бить, вмѣсто смерти, кнутомъ и сослать въ ссылку на вѣчное житье съ женами и дѣтьми». Окончательное опредѣленіе получила политическая смерть только при Императрицѣ Елизаветѣ. Въ указѣ сената 29 Марта 1753 г. (№ 10087) говорится: политическою смертью должно именовать то, ежели положенъ кто будетъ на плаху, взведенъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ съ вырываніемъ ноздрей или хотя и безъ всякаго наказанія, подвергнется токмо вѣчной ссылкѣ.

Шельмованіе, введенное воинскимъ уставомъ Петра Великаго (ч. 3, гл. 2-я), а затѣмъ путемъ генеральнаго регламента перешедшее и въ практику общегражданскихъ судовъ, являлось особымъ видомъ выраженія идеи политическаго вымиранія личности. Оно состояло изъ позорнаго обряда и изъ праворазрушающихъ

---

(1) Максимовичъ, стр. 62 и сл.; Филипповъ, стр. 367.

послѣдствій. Шельмованный по суду лишался правъ состоянія, имя его прибивалось къ висѣлицѣ, надъ нимъ переламывалась шпага и самъ преступникъ объявлялся воромъ, извергомъ или шельмою и исключался изъ общества честныхъ людей. Послѣдствія же шельмованія состояли въ слѣдующемъ: 1) шельмованный не могъ быть принимаемъ на службу и допускаемъ къ какому либо дѣлу и даже въ свидѣтели; 2) шельмованный лишался покровительства законовъ, а потому, если кто шельмованнаго грабилъ, билъ или ранилъ, то за это не подлежалъ отвѣтственности; отъ шельмованнаго не принимались жалобы и ему не давалось суда; но за убійство шельмованнаго виновный отвѣчалъ на общемъ основаніи; 3) шельмованный не допускался въ общество добрыхъ и честныхъ людей и въ разговоръ съ ними; 4) шельмованный не приводился къ присягѣ. За нарушеніе постановленій о шельмованныхъ законъ угрожалъ лишеніемъ чиновъ и работою на галерахъ на срокъ (1).

Анафематствованіе или Великое отлученіе (2) по духовному регламенту 1721 г. являлось церковною казнью, подобною смертной. Оно назначалось только послѣ предварительнаго увѣщанія грѣшника, о неуспѣшности коего епископъ сообщалъ духовному коллегіуму и, получивъ отъ него соизволеніе на письмѣ, предавалъ явно грѣшника анафемѣ, составивъ формулу анафемы и повелѣвъ протодіакону прочитать ее въ церкви при народѣ. Преступникъ всенародно отсѣкался какъ гнилой членъ отъ церкви и исключался изъ общества православныхъ христіанъ, считался отчужденнымъ подобно язычнику. Послѣдствіями сего наказанія бы-

---

(1) Въ толкованіи къ 53 главѣ генеральнаго регламента коллегій отъ 28 Февр. 1720 (№ 3534) говорится: «никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ къ добру, какъ любленіе чести; равнымъ же образомъ никакая казнь такъ не страшитъ, какъ лишеніе оной. Того ради всякаго не только шельмованнаго, но и того, который на публичномъ мѣстѣ наказанъ, или обнаженъ былъ, отчуждаться и яко бы мерзить имъ надлежитъ, а неточію къ дѣлу какому допускать, или компанію съ нимъ имѣть, дабы нарушеніе чести въ вящшую казнь люди имѣли, и тѣмъ бы себя болѣе отъ худыхъ дѣлъ воздерживали».

(2) Ср. Суворовъ, о церковныхъ наказаніяхъ 1876 г. стр. 160 и сл. Въ духовномъ регламентѣ и въ указахъ Петра Великаго подробно вообще разработанъ вопросъ о церковномъ отлученіи.

ло лишеніе принадлежащихъ осужденному правъ, какъ члену церкви и какъ вѣрноподданному. Какъ члену церкви—ему воспрещался входъ въ церковь, и всякое богослуженіе, кромѣ литургіи, при его входѣ прерывалось; онъ отлучался отъ святыхъ таинствъ; къ нему въ домъ воспрещалось входить священнику; по отношенію же къ пораженію гражданскихъ правъ, какъ разъяснено Св. Синодомъ позднѣйшими резолюціями, проклятый вполнѣ приравнивался къ ошельмованному.

Сверхъ сего, законодательство Петра Великаго выработало и отдѣльные элементы лишенія правъ состоянія, впервые въ ихъ совокупности подробно опредѣленные уже при Екатеринѣ, въ указѣ 1766 г. (п. с. з. № 12728).

По своду законовъ лишеніе правъ состоянія упомянуто какъ самостоятельный родъ казни, причемъ оно являлось въ двухъ видахъ (ст. 20 и сл. по изд. 1832 г.): лишенія всѣхъ правъ состоянія и лишенія нѣкоторыхъ правъ. Лишеніе всѣхъ правъ состояло собственно (ст. 21) въ лишеніи правъ и преимуществъ сословныхъ и сопровождалось: 1) лишеніемъ чиновъ, чести, добраго имени и знаковъ отличія и 2) каторгою, поселеніемъ, отдачею въ солдаты, а для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній—кнутомъ и плетьми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно сопровождалось отобраніемъ въ казну недвижимаго имущества. Сверхъ того, при исчисленіи послѣдствій наказаній (ст. 155 и ст. 168 по изд. 1842 г.) было указано, что лишеніе всѣхъ правъ влечетъ прекращеніе родительской власти и расторженіе брака, если семья добровольно не послѣдуетъ за осужденнымъ въ ссылку; лишенный правъ также не могъ быть ни наслѣдникомъ, ни завѣщателемъ.

Подъ именемъ лишенія нѣкоторыхъ правъ состоянія сводъ понималъ отдѣльныя ограниченія этихъ правъ, какъ, напр., лишеніе чиновъ и знаковъ отличія, исключеніе изъ службы, лишеніе добраго имени и воспрещеніе опредѣлять къ должностямъ, требующимъ довѣрія, и пр.

806. I. *Лишеніе всѣхъ правъ.* Уложеніе о наказаніяхъ, не смотря на ту роль, которую играетъ лишеніе всѣхъ правъ, не опредѣляетъ съ точностью его содержанія и не устанавливаетъ никакого

внѣшняго его выраженія, такъ какъ порядокъ или обрядъ публичной казни, которому подвергался приговоренный къ каторгѣ или поселенію (ст. 963 уст. уг. суд. по изд. 1864 г. и ст. 533, зак. о судопр. по прест. изд. 1876 г.), составлялъ самостоятельное придаточное наказаніе, отмѣна коего по законамъ 1878 и 1881 гг. никакихъ измѣненій по отношенію къ лишенію всѣхъ правъ состоянія не произвела (1).

Такимъ образомъ, лишеніе всѣхъ правъ состоянія можетъ быть опредѣлено какъ юридическая фикція, уподобляющая осужденіе естественной смерти (2) и служащая основаніемъ ограниченія и измѣненія публичной и частной право и дѣеспособности наказаннаго. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія воспріемлетъ свою силу въ полномъ объемѣ съ момента вступленія приговора въ силу, осуществляется такъ сказать самымъ актомъ вступленія.

Затѣмъ, въ уложеніи къ *послѣдствіямъ* лишенія правъ состоянія отнесено пораженіе правъ сословныхъ и служебныхъ (ст. 22 и 23), хотя перечень правопораженій послѣдняго рода представляется весьма неполнымъ и его объемъ можетъ быть опредѣленъ

---

(1) Иначе смотрѣлъ на это Правительствующій Сенатъ, который въ рѣшеніи по дѣлу Мануилова (1874 № 625) высказалъ, что лишеніе всѣхъ правъ выражается именно въ обрядѣ публичной казни, о коемъ говорилось въ 4 п. ст. 963 (изд. 1864 г.); но такое толкованіе мнѣ представляется неправильнымъ: лицо, осужденное къ каторжнымъ работамъ и умершее послѣ вступленія приговора въ законную силу, но до исполненія обряда казни, должно было быть почитаемо лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія; кромѣ того и до отмѣны публичной казни существовали группы лицъ (несовершеннолѣтніе, престарѣлые), которые не подлежали обряду, но лишались всѣхъ правъ состоянія; наконецъ, на это указывало самое размѣщеніе статей въ 2 ч. XV т. изд. 1857 и 1876 гг., такъ какъ ст. 533 (по изд. 1876 г.), соотвѣтствующая 4 п. ст. 963 уст. угол. суд., помѣщена была въ отдѣлѣ 3-мъ объ исполненіи приговора, присуждающаго къ публичной казни, помѣщеннаго отдѣльно отъ исполненія приговора, присуждающаго къ лишенію всѣхъ правъ (отдѣлъ 2-й) или къ смертной казни (отдѣлъ 1-й), каторгѣ и поселенію (отдѣлъ 4-й).

(2) Сводъ законовъ (ст. 533 зак. о судопр. по прест. изд. 1876 г.) именовалъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія въ совокупности съ наказаніями, къ коимъ оно присоединялось, гражданскою смертью, расторгающею всѣ прежнія связи осужденнаго съ семействомъ и обществомъ; это выраженіе было сохранено и въ уст. угол. суд. (ст. 963 по изд. 1864 г.). Нельзя однако не прибавить, что хотя лишеніе всѣхъ правъ и было построено на идеѣ фиктивной смерти наказаннаго, но однако далеко не вполнѣ ее воспроизводило, такъ какъ объемъ правопораженій былъ не только значительно ограниченнѣе сравнительно съ римскимъ capitis diminutio maxima, но и съ mort civile французскаго права.

только сопоставленіемъ съ правилами, содержащимися въ законахъ гражданскихъ, процессуальныхъ и въ уставѣ о ссыльныхъ.

Что же касается пораженія правъ семейныхъ и имущественныхъ, то по ст. 25 и 26 они признаются *послѣдствіями* не лишенія всѣхъ правъ, а осужденія въ ссылку на каторгу и поселеніе, такъ какъ дѣйствительно въ этихъ правопораженіяхъ не заключается лишенія правъ состоянія (1). Такимъ образомъ, по точному тексту закона эти послѣдствія не могутъ наступать въ случаѣ примѣненія къ осужденному смертной казни, что имѣетъ существенное значеніе, напр., по вопросу о дѣйствительности духовнаго завѣщанія казненнаго. Кромѣ того, въ случаяхъ возстановленія въ правахъ лишеннаго всѣхъ правъ оно не можетъ быть распространяемо на права семейныя или имущественныя, уже разрушенныя, а относится только къ правамъ сословно-служебнымъ.

Перехожу къ разбору отдѣльныхъ правопораженій, наступающихъ по отношенію къ лицамъ, приговореннымъ къ уголовному наказанію и лишенію всѣхъ правъ состоянія (2).

1. Пораженіе сословныхъ правъ.

Статья 22-я уложенія содержитъ подробное, но совершенно безполезное перечисленіе правъ, теряемыхъ каждымъ состояніемъ (3). Всѣ эти постановленія сводятся къ слѣдующей формулѣ: виновный: а) извергается изъ того сословія, къ коему онъ принадлежалъ по рожденію или личнымъ заслугамъ; б) теряетъ всѣ преимущества, принадлежащія этому состоянію, и в) переходитъ въ особое

---

(1) В. Спасовичъ, учебникъ, стр. 344, замѣчаетъ по этому поводу: «въ законодательствѣ русскомъ просвѣчиваетъ мысль, не вполнѣ ясно выраженная, дѣленія правъ, которыхъ можетъ быть лишаемъ преступникъ, на три разряда: преимуществъ политическихъ, чисто личныхъ, пріобрѣтенныхъ индивидуальными заслугами лица; преимуществъ сословныхъ, принадлежащихъ лицу въ качествѣ русскаго подданнаго и члена одного изъ государственныхъ состояній; наконецъ, правъ частныхъ или обще-гражданскихъ, принадлежащихъ лицу, какъ человѣку.

(2) А. Старнавскій, лишеніе правъ по нашимъ законамъ. 1890 г.

(3) Этотъ перечень объясняется тѣмъ, что ст. 22 въ сущности повторяетъ постановленія свода законовъ, сложившіяся исторически съ развитіемъ привилегій отдѣльныхъ сословій (ср. Максимовичъ, стр. 79). Нельзя не прибавить, что для сельскихъ обывателей, какъ неимѣвшихъ, по словамъ закона, личныхъ преимуществъ, до изданія свода законовъ не было постановленій о лишеніи всѣхъ правъ состоянія.

состояніе ссыльныхъ (ст. 29 улож.), юридическое положеніе коихъ опредѣляется особенными о томъ постановленіями устава о ссыльныхъ.

Лишеніе сословныхъ правъ относится только къ самому осужденному и не распространяется на его жену и дѣтей, рожденныхъ или зачатыхъ (т. е. рожденныхъ не позднѣе 306 дней) прежде вступленія приговора въ законную силу. Всѣ они и ихъ потомство пользуются прежними титулами и правами по прежнему чину или званію мужа или отца (ст. 24 ул., 101 зак. гражд. и 416 уст. о ссыльн. изд. 1890 г.) (1). Жена и дѣти сохраняютъ всѣ свои права и въ томъ случаѣ, когда они послѣдуютъ за осужденнымъ на мѣсто ссылки; во время пребыванія ихъ въ ссылкѣ, относительно пользованія правами, хотя и допускаются нѣкоторыя ограниченія, но лишь въ предѣлахъ необходимости, въ случаяхъ особо важныхъ и только по распоряженію высшаго начальства (2).

Дѣти же лишенныхъ всѣхъ правъ, зачатыя послѣ вступленія приговора въ силу, приписываются въ податныя состоянія (ст. 416 уст. о ссыльн.), но съ нѣкоторыми льготами относительно податей (ст. 418 и 419 уст. о ссыльн.).

Разрушая сословныя права, лишеніе всѣхъ правъ не разрушаетъ, а ограничиваетъ сословную правоспособность, такъ какъ каторжные, перешедшіе на поселеніе, и ссыльно-поселенцы, при условіяхъ, выше указанныхъ, могутъ приписываться въ государственные крестьяне; но переходъ въ высшія состоянія закрытъ для нихъ навсегда; даже если женщина, уже перечислившаяся въ сословіе крестьянъ, вступитъ въ бракъ съ лицомъ, принадлежащимъ къ высшему сословію, то, вопреки ст. 100 т. X ч. I., мужъ не можетъ сообщить своего состоянія женѣ, которая остается крестьянкою (ст. 414 уст. о ссыльн.).

---

(1) Ст. 420 уст. о ссыльн. даже особо указываетъ, что это правило относится и къ семействамъ государственныхъ или политическихъ преступниковъ.

(2) При распредѣленіи и отсылкѣ ссыльныхъ по Сибири ихъ семьи остаются при нихъ; женщины, пришедшія добровольно въ Сибирь съ мужьями, получаютъ особые виды отъ Тюменскаго приказа о ссыльныхъ (ст. 406); онѣ съ согласія мужей и по полученіи установленныхъ видовъ могутъ временно отлучаться и во внутреннія губерніи Имперіи.

2. *Пораженіе служебныхъ правъ и преимуществъ.*

Сюда относится: А. Лишеніе правъ и преимуществъ пріобрѣтенныхъ: а) лишеніе занимаемой должности, сана, званія; б) почетныхъ титуловъ, чиновъ, орденовъ и прочихъ знаковъ отличія; в) принадлежащихъ лично осужденному грамотъ, дипломовъ, патентовъ и аттестатовъ (1).

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагается лишеніе виновнаго званія, знаковъ отличія или патентовъ разнаго рода, имѣющихъ публичный характеръ, вліяющихъ на его права состоянія или составляющихъ награду за его государственную дѣятельность, службу (2). На этомъ основаніи такое пораженіе не можетъ распространяться, напр., на званіе пожизненнаго члена какого либо ученаго общества и на полученные въ удостовѣреніе сего патенты и дипломы; на званіе пожизненнаго или почетнаго члена какого либо благотворительнаго общества и на удостовѣряющіе таковую принадлежность документы, знаки, включая, напр., сюда даже орденъ св. Нины. Не могутъ быть отбираемы медали, почетные отзывы, дипломы, полученные за какую либо работу, ученую или художественную, или за успѣхи въ области промышленности, напр., въ качествѣ экспонента на выставкѣ. На томъ же основаніи не могутъ быть отбираемы жалуемые изъ Кабинета по Высочайшему распоряженію перстни, табакерки, браслеты, составляющіе не знаки отличія, а подарки. Спорнымъ представляется вопросъ объ отобраніи дипломовъ на ученое званіе кандидата, магистра, доктора, или аттестата на званіе дѣйствительнаго студента, лекаря, и т. п.; съ одной стороны, такъ какъ никакое преступленіе, хотя бы и тяжкое, не можетъ уничтожить пріобрѣтенныхъ знаній, то

---

(1) Подробное, хотя также неполное, перечисленіе отбираемыхъ знаковъ отличія и патентовъ содержится въ 529 ст. зак. о судопр. по прест. изд. 1876 г.; ст. 961 уст. угол. суд. общимъ образомъ говоритъ объ отобраніи орденовъ и другихъ знаковъ отличія, грамотъ, патентовъ и аттестатовъ. Къ знакамъ отличія относятся и жалованные кафтаны и медали для ношенія на шеѣ (рѣш. 1885 г. № 3 по общ. собр.), а равно галуны и нашивки за безпорочную службу (1871 г. № 428, Смордина).

(2) Равнымъ образомъ они теряютъ и право на пенсію, причемъ по ст. 28 уст. о пенс. они теряютъ это право не только при лишеніи всѣхъ правъ состоянія, но и при лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и даже нѣкоторыхъ правъ.

казалось бы не представляется и основаній лишать виновнаго соотвѣтственнаго званія и удостовѣряющихъ его дипломовъ; но такъ какъ по нашему законодательству обладаніе тѣмъ или другимъ изъ сихъ званій вліяетъ на состояніе лица и придаетъ этимъ званіямъ служебно-публичный характеръ, то лишеніе всѣхъ правъ должно сопровождаться и лишеніемъ сихъ званій.

Б. Пораженіе служебной правоспособности. Сюда относится: а) лишеніе права поступать на службу государственную и по выборамъ, а равно и участвовать въ выборахъ; б) отправлять обязанности публичнаго характера, предполагающія общественное довѣріе, какъ то: быть опекуномъ, попечителемъ, третейскимъ судьею, повѣреннымъ въ дѣлахъ; в) записываться въ гильдію и получать гильдейскія свидѣтельства; г) быть свидѣтелемъ при договорахъ и другихъ актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы, и давать по дѣламъ гражданскимъ свидѣтельскія показанія подъ присягою или безъ присяги, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ судомъ будетъ признано необходимымъ потребовать ихъ показанія; д) по дѣламъ уголовнымъ лишенные правъ даютъ показанія безъ присяги—по старому процессу безусловно (ст. 248 уст. угол. суд. по изд. 1876 г.), а по уставу 1864 г.—въ случаѣ предъявленія о томъ отвода (ст. 707); е) лишенные дипломовъ на ученыя званія лишаются права быть врачами и домашними наставниками. Но на основаніи 104 ст. уст. врачеб. (по прод. 1886 г.) въ Сибирскихъ губерніяхъ, по недостатку лекарей, дозволяется опредѣлять на службу лекарей изъ ссыльно-поселенцевъ, но не иначе, какъ по испрошеніи каждый разъ на это, чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайшаго разрѣшенія.

3. *Пораженіе правъ семейственныхъ.*

Хотя ст. 25 и 26 улож. и говорятъ о потерѣ правъ семейственныхъ, но это выраженіе не точно, такъ какъ въ дѣйствительности эти права не разрушаются ipso jure, а только дается возможность ихъ разрушенія, чѣмъ лишеніе всѣхъ правъ и отличается отъ гражданской смерти.

А. Пораженіе супружескихъ правъ (1). Старое наше право не знало наказаній, обязательно разрушающихъ союзъ супружескій; даже въ вѣчную ссылку преступники шли съ ихъ женами и дѣтьми, по правилу «гдѣ мужъ, тамъ и жена» (2).

Только въ 1720 г. указомъ 16 Августа (П. С. З. № 3628) дана законная возможность женамъ расторгнуть бракъ, если мужья сосланы въ вѣчную каторжную работу—«понеже мужья отлучены вѣчно, подобно яко бы умре». При этомъ жены могли, если пожелаютъ, выходить замужъ (3), постричься или жить въ своихъ деревняхъ. Вступать въ новый бракъ онѣ могли первоначально не иначе, какъ съ разрѣшенія Св. Синода, а съ 1767 г.—епархіальныхъ архіереевъ. Въ 1768 г. закономъ 11 Апрѣля (П. С. З., 13097) прямо указано (хотя на практикѣ это признавалось и ранѣе), что и мужья, въ случаѣ ссылки ихъ женъ, имѣютъ право просить о разводѣ; а указомъ 1807 г. Августа 16 (П. С. З. 22591) по дѣлу Солоницыной пояснено, что если оставшійся

---

(1) Неволинъ, исторія гражданскихъ законовъ, т. I; П. Мулловъ, вліяніе ссылки на бракъ по русскимъ законамъ, въ журналѣ Министерства Юстиціи 1861 г. № V.

(2) Неволинъ, т. I, стр. 247, 249, 251, 259 и друг.; но мнѣніе его о томъ, что послѣ Петра Великаго до указа 1818 г. супруги не имѣли права слѣдовать за сосланными въ вѣчную ссылку (что раздѣляетъ и Мулловъ), нельзя признать основательнымъ. До законовъ Петра Великаго жены обязательно слѣдовали за мужьями; указомъ 1720 г. имъ было дано *право* не слѣдовать «и въ томъ дать имъ свободу», а потому и не было нужды издавать законъ, которымъ давалось бы имъ право на слѣдованіе. Также смотрѣла на это всегда и наша практика: такъ разрѣшено было послѣдовать за Меншиковымъ и за Остерманомъ ихъ женамъ, причемъ въ указѣ 1742 г. было сказано: какъ его, Остермана, такъ и прочихъ женъ, ежели похотятъ, отпустить же съ мужьями; потомъ это подтверждается и рядомъ указовъ, приведенныхъ въ подцитатныхъ спискахъ подъ п. 1 ст. 155 свод. зак. угол. (изд. 1832 г.), въ особенности указами Елизаветы 1753 и 1766 гг. Того же мнѣнія Максимовичъ, стр. 76. Ограниченіе въ правѣ слѣдованія мужей изъ податнаго сословія за ихъ женами сдѣлано только законами 1833 и 1838 гг.; а евреямъ воспрещено слѣдовать за женами по закону 1827 г. Октября 1.

(3) Но право ходатайствовать о расторженіи брака не распространяется на приговоренныхъ къ каторгѣ срочной: «къ каторжнымъ невольникамъ, которые посланы на урочные годы, женамъ ихъ и дѣтямъ ходить невозбранно». Въ 1804 г. Синодъ возбудилъ вопросъ, что считать вѣчною ссылкою, и Сенатъ разъяснилъ, что ссылка на поселеніе по наказанію и безъ наказанія должна почитаться всегдашнею.

супругъ не просилъ о разводѣ, то прежній бракъ остается въ силѣ (1).

Уставъ о ссыльныхъ всячески содѣйствовалъ тому, чтобы семейства слѣдовали за ссыльными (2). Губернскія правленія при исполненіи приговоровъ судебныхъ мѣстъ о ссылкѣ въ Сибирь объявляютъ женамъ осужденныхъ, не желаютъ ли онѣ слѣдовать за мужьями. Если онѣ заявятъ желаніе слѣдовать, то губернскія правленія снабжаютъ ихъ и слѣдующихъ въ ссылку дѣтей одеждою, обувью и кормовыми деньгами на томъ же основаніи, какъ и арестантовъ (ст. 253); мужья также могутъ свободно слѣдовать за своими женами, причемъ если они или жены, слѣдующія за мужьями, принадлежатъ къ податнымъ сословіямъ, то не обязаны испрашивать согласія обществъ (ст. 257 и 263 уст. о ссыльн.); женщины, идущія за мужьями, во время пересылки не раздѣляются отъ нихъ (ст. 85 и 259) и во все время получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги. Но такое слѣдованіе какъ для мужей, такъ и для женъ необязательно.

Такимъ образомъ, лишеніе всѣхъ правъ состоянія не расторгаетъ брака, который остается въ полной своей силѣ, но невинному супругу предоставляется:

а) оставаться на мѣстѣ прежняго жительства или вообще не слѣдовать за другимъ супругомъ въ ссылку;

---

(1) Въ 1843 г. право просить о разводѣ распространено на лицъ, присужденныхъ въ крѣпостныя арестантскія роты или въ каторжныя работы навсегда или на срокъ не менѣе 20 лѣтъ, а въ 1846 г. на приговоренныхъ вмѣсто поселенія въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

(2) Это положеніе внесено на основаніи закона 1853 г.; Максимовъ, III, 200 и сл. указываетъ, что прежде иногда правительство весьма неохотно соглашалось на слѣдованіе семей за сосланными политическими преступниками, и подчиняло ихъ особымъ, иногда весьма тяжелымъ, требованіямъ. Такъ, съ женъ декабристовъ—княгинь Трубецкой (урожд. граф. Лаваль) и Волконской (урожд. Раевская) была взята подписка, что онѣ отказываются отъ всѣхъ ихъ правъ на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежавшія имъ, или могущія достаться по наслѣдству; онѣ должны были дать подписку подчиняться весьма тяжелымъ правиламъ, опредѣляющимъ ихъ отношенія къ мѣстному заводскому и рудниковому начальству; между прочимъ и о томъ, что ихъ могутъ употреблять на черную работу и личныя услуги, напр., мытье половъ. Муравьевой, фонъ-Визиной и Давыдовой не было дозволено взять съ собою дѣтей на томъ основаніи, что въ законѣ говорится лишь о слѣдованіи дѣтей изъ крестьянъ, а равно и потому, что дѣти, принадлежавшія къ высшимъ сословіямъ, должны получить воспитаніе, которое отцы не могутъ дать имъ въ ссылкѣ.

б) просить о расторженіи брака, но если только супругъ не послѣдовалъ за осужденнымъ въ мѣсто ссылки и если такой разводъ допускается правилами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ просящій (1).

Поэтому, если просьбы о разводѣ не было или разводъ не былъ данъ надлежащею духовною властію, то бракъ остается въ своей силѣ, такъ что при возвращеніи ссыльнаго изъ Сибири по Монаршему милосердію или въ силу новаго судебнаго приговора, признавшаго первый бракъ недѣйствительнымъ (ст. 53 т. X ч. I), прежнее брачное сожительство возстановляется само собою.

Условіе неслѣдованія имѣетъ, такъ сказать, отрицательный, а по тексту ст. 27 улож. исключающій характеръ, т. е. фактъ дѣйствительнаго слѣдованія разрушаетъ право просить о разводѣ. Пріобрѣтается же это право на разводъ съ момента вступленія приговора въ силу и можетъ быть осуществляемо, хотя бы на другой день по вступленіи. Это соображеніе особенно важно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ бѣжалъ до дѣйствительной отправки его въ ссылку, но послѣ вступленія приговора въ силу, или въ случаѣ отбыванія имъ срока каторги въ центральныхъ тюрьмахъ, когда, слѣдовательно, право просить о разводѣ сохраняется за невиннымъ супругомъ до тѣхъ поръ, пока осужденный не отправленъ въ ссылку и другой супругъ не послѣдовалъ за нимъ.

Просьба о разводѣ не можетъ быть подана только лицомъ, послѣдовавшимъ *въ мѣсто* ссылки. Поэтому, для прекращенія этого права недостаточно заявленія губернскому правленію о желаніи слѣдовать за осужденнымъ, или полученія отъ казны одежды, кормовыхъ денегъ, даже фактическаго слѣдованія за ссыльнымъ, а необходимо прибытіе на мѣсто ссылки или по крайней мѣрѣ поступленіе въ вѣдѣніе Тюменскаго приказа (2).

---

(1) Закономъ 30 Декабря 1891 г. (собр. узак. 1892 г., № 116) общее правило, предоставляющее женамъ лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ, выходить за другихъ мужей, распространено и на магометанъ, съ разрѣшенія на сіе магометанскихъ духовныхъ собраній или духовнаго правленія.

(2) Хотя ст. 50 зак. гражд. говоритъ болѣе широко: «буде не послѣдуетъ добровольно за осужденнымъ для продолженія супружескаго съ нимъ сожитія», но нельзя забывать, что эта статья основана на постановленіяхъ уложенія 1845 г., а съ другой стороны, противоположное толкованіе создаетъ ничѣмъ не оправды-

Для супруги, послѣдовавшей за осужденнымъ въ ссылку, бракъ прекращается или смертью другаго супруга или новымъ присужденіемъ другаго супруга къ наказанію, влекущему разрушеніе семейныхъ правъ (ст. 27 улож., 52 зак. гражд., ст. 404—405 уст. о ссыльн.).

Въ ст. 50 зак. гражд. (т. X ч. I по изд. 1887 г.) означены одновременно два условія—просьба о расторженіи прежняго брака и о вступленіи въ новый бракъ; но очевидно, что это послѣднее ходатайство не составляетъ необходимаго условія просьбы о расторженіи. Невинный супругъ, бракъ коего расторгнутъ, можетъ вовсе не вступать въ новый бракъ или поступить въ монастырь и т. д.; иначе пришлось бы расторгнутый формально бракъ считать затѣмъ сохраняющимъ силу, какъ скоро невинный супругъ не захотѣлъ или даже и не могъ (въ случаѣ, напр., смерти жениха или невѣсты, отказа ихъ и т. д.) вступить въ новый бракъ. Это подтверждается и тѣмъ, что въ ст. 27 улож. никакихъ ограничительныхъ условій не содержится (1); равнымъ образомъ не было указано никакихъ ограниченій въ законѣ 1720 г., на которомъ основывается это постановленіе (2).

По тексту законовъ право просить о разводѣ принадлежитъ только невинному супругу, а супругъ виновный повидимому осуждается на вѣчное безбрачіе. Но такое примѣненіе закона не соотвѣтствовало бы ни условіямъ жизни ссыльныхъ, ни колонизаціоннымъ цѣлямъ ссылки. Напротивъ того, уставъ о ссыльныхъ всячески поощряетъ вступленіе ссыльныхъ въ браки. Хотя до распредѣленія ссыльныхъ въ Тюмени имъ воспрещается всту-

---

ваемое различіе между супругами, слѣдующими по этапу за осужденными и отправляющимися за ними на собственныя средства. Ср. въ защиту такого же толкованія, Мулловъ, стр. 25.

(1) Ст. 405 уст. о ссыльн. говоритъ: въ случаѣ смерти мужей или расторженія брака по предшедшей статьѣ (т. е. при совершеніи ссыльными новаго тяжкаго преступленія), женщины, по собственной волѣ пришедшія, имѣютъ свободу вступать въ новый бракъ съ кѣмъ пожелаютъ, и съ вѣдома мѣстнаго начальства оставаться тамъ, гдѣ признаютъ за лучшее, или возвратиться къ своимъ родственникамъ, безъ всякаго препятствія.

(2) Мулловъ, стр. 26, высказывается за буквальное примѣненіе ст. 50; напротивъ того, Побѣдоносцевъ, Оршанскій высказываются за болѣе широкое пониманіе статьи 50.

пать между собою въ браки (ст. 86); но жениться на непреступницахъ и въ это время имъ вполнѣ дозволяется (ст. 87), а въ Сибири они могутъ вступать въ бракъ и между собою (ст. 405). Каторжные отряда исправляющихся получаютъ право вступать въ бракъ съ того времени, какъ они получатъ дозволеніе жить не въ острогѣ (ст. 412); а относительно поселенцевъ ст. 330 и 415 говорятъ, что для поощренія сихъ поселенцевъ къ вступленію въ бракъ и къ осѣдлой жизни назначаются особыя денежныя пособія какъ имъ самимъ, такъ и тѣмъ, кои вступятъ съ ними въ бракъ, причемъ свободная женщина, вышедшая за ссыльнаго, получаетъ изъ казны 50 р., а поселенцу, вступившему въ бракъ съ ссыльною, выдается для домообзаводства 15 р. (1) Свободные, женившіеся на поселенкахъ, перешедшихъ въ крестьянки, даютъ подписку не вывозить ихъ и самимъ не переселяться на постоянное жительство изъ Сибири; они не сообщаютъ своего состоянія женамъ, которыя остаются причисленными (ст. 414) къ крестьянскому сословію. Въ случаѣ, если въ ссылку идутъ оба супруга, а равно при заключеніи брака ссыльнаго съ ссыльной, жены всегда остаются при своихъ мужьяхъ, но съ тѣмъ, что въ случаѣ брака находящихся въ каторгѣ между собою или съ поселенцами, тѣ изъ брачущихся, которые ранѣе окончили срокъ работъ или вовсе въ ней не находились, остаются до окончанія срока работъ другаго супруга на выстроенныхъ ими на заводской землѣ домахъ, или водворяются по ближайшему усмотрѣнію надлежащаго начальства, вмѣстѣ съ дѣтьми, вблизи рудниковъ, заводовъ и другихъ заведеній, въ коихъ тѣ преступники или преступницы состоятъ (ст. 412).

Но во всѣхъ постановленіяхъ, относящихся до вступленія въ новый бракъ ссыльныхъ, не содержится никакого указанія на то, относятся ли они только къ ссыльнымъ холостымъ и вдовымъ, или же они распространяются и на женатыхъ, за коими въ ссылку не послѣдовали ихъ супруги (2). Практика Сибирская, какъ видно

---

(1) Такъ въ 1892 г. по тюремной смѣтѣ ассигновано на эти пособія 5.600 р.

(2) Изъ указа Правительствующаго Сената 1741 г. Мая 25 (3581) видно, что Сибирское духовное начальство не знало, что дѣлать съ браками ссыльныхъ, такъ какъ оно свѣдѣній о томъ не имѣло, остались ли на родинѣ супруги или нѣтъ, а потомъ, по заключеніи брака, оказывалось, что прежняя жена жива, что кромѣ

изъ отчетовъ Генералъ-Губернаторовъ, постоянно толковала эти постановленія въ послѣднемъ смыслѣ. Изъ отчета Главнаго Тюремнаго Управленія за истекшее десятилѣтіе (стр. 134) даже видно, что Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ возбужденъ вопросъ о разрѣшеніи ссыльнымъ, за коими не послѣдуютъ ихъ семейства, вступать въ новые браки, безъ формальнаго расторженія прежнихъ (1).

Б. Пораженіе родительскихъ правъ. Уже въ указѣ 13 Ноября 1680 г. (№ 846) было опредѣлено, что дѣти старѣе 3-хъ лѣтъ не слѣдуютъ въ ссылку за родителями. Указами 1720, 1753 и 1768 гг. установлено право дѣтей слѣдовать или не слѣдовать за ихъ родителями въ ссылку, съ нѣкоторыми только ограниченіями для податныхъ сословій.

Нынѣ 2-й пунктъ ст. 27 улож. говоритъ, что власть родителей надъ дѣтьми, прижитыми прежде осужденія, прекращается, если дѣти не послѣдовали за осужденнымъ на мѣсто ссылки, или впослѣдствіи оное оставили.

Самыя же условія слѣдованія дѣтей за родителями опредѣлены законами 1 Сентября 1862 г. и 24 Марта 1869 г. (уст. о ссыльн. ст. 260 и слѣд.) и заключаются въ слѣдующемъ:

1) Дѣти старѣе 14-ти лѣтъ могутъ слѣдовать въ ссылку за родителями лишь по ихъ собственному желанію. 2) Дѣти моложе 14-ти лѣтъ: а) если другой супругъ не слѣдуетъ за осужденнымъ, остаются при немъ и подъ его опекою на общемъ основаніи; б) если же въ живыхъ одинъ виновный супругъ или къ ссылкѣ приговорены оба родителя, то, при осужденіи ихъ на поселеніе, дѣти отправляются съ ними, а при осужденіи въ каторгу остаются на мѣстѣ, съ учрежденіемъ надъ ними опеки; но губернаторамъ и въ этихъ случаяхъ предоставляется разрѣшать дѣтямъ слѣдовать за

того и въ Сибири случалось, что ссыльные вступали въ бракъ неоднократно, при переходѣ ихъ изъ одного мѣста въ другое. Сенатъ приказалъ коллегіямъ и канцеляріямъ въ указахъ о ссыльныхъ точно означать: женаты ли они или холосты.

(1) К. Побѣдоносцевъ, курсъ, ч. 2, стр. 96, указываетъ, что Святѣйшій Синодъ еще въ 1853 г. ходатайствовалъ, чтобы разрѣшено было и преступникамъ, лишеннымъ правъ, просить о разводѣ, если невинный супругъ не послѣдовалъ за виновнымъ, давъ въ томъ подписку, черезъ два года послѣ подписки, но это ходатайство послѣдствій не имѣло.

родителями; в) если за ссылаемымъ слѣдуетъ его невиновный родитель, то дѣти отправляются съ нимъ, буде, по желанію родителей, общество или кто либо изъ родственниковъ и другихъ благонадежныхъ лицъ не приметъ ихъ на свое попеченіе. Грудныя дѣти во всякомъ случаѣ остаются при матеряхъ; дѣти, находящіяся въ казенныхъ заведеніяхъ на казенномъ содержаніи, родителями къ слѣдованію за ними требуемы быть не могутъ.

Дѣти, послѣдовавшія въ ссылку за родителями, могутъ возвращаться и безъ родителей, но если они не имѣютъ 17 лѣтъ, то не иначе, какъ съ согласія родителей, а старѣе этого возраста, принадлежащія къ податнымъ сословіямъ, хотя и безъ согласія обществъ, къ коимъ они были приписаны, но по представленіи приговора общества, въ которое они желаютъ вступить, и свидѣтельства о несостояніи за ними недоимокъ.

Дѣти, не послѣдовавшія за родителями, освобождаются отъ власти родителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по закону 7 Апрѣля 1876 г., теряютъ льготы, которыя принадлежали бы имъ по ихъ семейному положенію при отбываніи воинской повинности; дѣти, послѣдовавшія за родителями, подчиняются ихъ власти на общемъ основаніи.

В. Разрушеніе союза родства и свойства. 3 ч. ст. 27 уложенія говоритъ только о прекращеніи правъ, основанныхъ на союзѣ родства или свойства, но вытекающія изъ таковаго союза обязанности остаются въ своей силѣ. На этомъ основаніи родственныя отношенія ссыльнаго, конечно, получаютъ свое полное значеніе при вступленіи ссыльнаго въ бракъ; равнымъ образомъ наличность этихъ условій вліяетъ на опредѣленіе отвѣтственности ссыльнаго за кровосмѣшеніе, при установленіи отвѣтственности за другія преступленія, въ коихъ вліяетъ родство или свойство виновнаго и пострадавшаго и т. д.

4) *Пораженіе правъ имущественныхъ.*

Указомъ 1753 г., опредѣлившимъ понятіе политической смерти, было разъяснено, что имущество такого преступника поступаетъ къ его женѣ и дѣтямъ по указнымъ частямъ. Указомъ 1776 г. устранено отъ участія въ этомъ наслѣдствѣ новое потомство ссыльнаго, происшедшее отъ его брака на мѣстѣ ссылки. Въ жалованной грамотѣ дворянству было опредѣлительно сказано: «благород-

наго наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію, да отдастся его законному наслѣднику», и сила этой статьи распространена указомъ 1802 г. на другія сословія. Закономъ 1831 г. признана недѣйствительность духовныхъ завѣщаній, составленныхъ послѣ объявленія приговора. Наконецъ, въ сводѣ 1832 г. въ ст. 155 было общимъ образомъ сказано, что лишенные правъ не могутъ быть ни наслѣдниками, ни завѣщателями.

По дѣйствующему праву къ послѣдствіямъ осужденія въ каторжныя работы и въ ссылку на поселеніе относится пораженіе имущественныхъ правъ (1). Осужденные теряютъ право собственности (ст. 28 улож.): все прежнее имущество ихъ, со дня обращенія окончательнаго о томъ приговора къ исполненію, поступаетъ къ ихъ законнымъ наслѣдникамъ, такъ же, какъ поступило бы оно вслѣдствіе естественной смерти; къ нимъ же, по праву представленія, поступаетъ и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наслѣдству послѣ его осужденія.

По уложенію изд. 1845 и 1857 гг. (ст. 32) пораженіе имущественныхъ правъ, какъ и послѣдствія лишенія всѣхъ правъ (ст. 531 ч. 2 т. X по изд. 1857 г.), наступало со времени воспослѣдованія объявленія окончательнаго приговора, какъ момента вступленія приговора въ законную силу; но въ изданіи улож. 1866 г. текстъ закона былъ измѣненъ и моментомъ наступленія правопораженій поставленъ день обращенія окончательнаго приговора въ

---

(1) Какъ я уже замѣтилъ выше, ст. 26 и 27 улож. не упоминаютъ о смертной казни. Что касается пораженія семейныхъ правъ, то такое умолчаніе не имѣетъ, конечно, никакого практическаго значенія, но по отношенію къ имущественнымъ послѣдствіямъ оно имѣетъ, въ виду практики гражданскаго кассаціоннаго департамента о недѣйствительности духовныхъ завѣщаній, и практическій интересъ. Въ пользу защищаемаго мною толкованія, независимо отъ текста ст. 26 и 27 улож., нельзя не указать на то, что по своду законовъ (ст. 154 и 155 изд. 1832 г.) относительно осужденныхъ къ смертной казни сказано: имѣніе преступника поступаетъ къ его законнымъ наслѣдникамъ, какъ бы онъ умеръ естественною смертью, а относительно приговоренныхъ къ каторгѣ и поселенію особо прибавлено, что они не могутъ быть завѣщателями. Общность же выраженія п. 2 ст. 1019 т. X, ч. I, что недѣйствительны духовныя завѣщанія «лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія», а таковыми по ст. 17 улож. являются и осужденные къ смертной казни, не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ этотъ пунктъ ст. 1019 основанъ на ст. 32 улож. изд. 1845 г. и долженъ быть толкуемъ согласно тексту послѣдней статьи.

исполненіе. Поэтому, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1880 г. № 19 по общему собранію, приговоренные къ наказанію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, сохраняютъ правоспособность къ совершенію актовъ на ихъ имущество и послѣ вступленія приговора въ законную силу до обращенія его къ исполненію, въ частности по тѣмъ дѣламъ, по коимъ вступившіе въ законную силу приговоры представляются на Высочайшее усмотрѣніе, до воспослѣдованія такого разрѣшенія (1).

Имущество осужденнаго, какъ говоритъ уложеніе, поступаетъ къ его законнымъ наслѣдникамъ, точно такъ же, какъ поступило бы вслѣдствіе его смерти; но кого разумѣетъ законъ подъ выраженіемъ законные наслѣдники—наслѣдниковъ по закону или же и наслѣдниковъ по завѣщанію? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ законъ не даетъ. Хотя ст. 1019 т. X ч. 1 и говоритъ, что недѣйствительны духовныя завѣщанія лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ, но и она не говоритъ прямо о какихъ завѣщаніяхъ идетъ рѣчь: составленныхъ до вступленія приговора въ законную силу или послѣ того?

Гражданскій кассаціонный департаментъ, въ рѣшеніяхъ 1876 г. № 536, по дѣлу Мироновой, и 1878 г. № 92 по дѣлу Овсянниковыхъ, разъясняетъ это сомнѣніе въ томъ смыслѣ, что, согласно точному смыслу ст. 1010 т. X ч. 1, духовное завѣщаніе есть объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ только въ случаѣ его смерти, поэтому до наступленія физической смерти завѣщателя,

(1) Очевидно, что исправленіе текста закона, послѣдовавшее въ видахъ согласованія его съ п. 1 ст. 945 уст. угол. судопр. и ст. 453 ч. 2 т. XV (по изд. 1876 г.), было сдѣлано неудачно; нужно было сказать: «со дня вступленія приговора въ законную силу или утвержденія приговора, въ подлежащихъ случаяхъ, Его Императорскимъ Величествомъ». При настоящей редакціи могутъ возникнуть весьма серьезныя недоразумѣнія относительно имущества лишенныхъ всѣхъ правъ, бѣжавшихъ послѣ вступленія приговора въ законную силу; должно ли перейти это имущество къ наслѣдникамъ, или съ нимъ нужно поступать примѣнительно къ ст. 852 уст. угол. судопр.? Я полагаю, что нужно принять первое толкованіе, такъ какъ приговоръ (предполагая послѣдовавшее въ подлежащихъ случаяхъ Высочайшее его утвержденіе) сдѣлался уже безповоротнымъ. Пунктъ же 6 ст. 959 уст. угол. судопр. не можетъ служить возраженіемъ, такъ какъ онъ относится исключительно къ личному наказанію. Нельзя также не замѣтить, что текстъ ст. 1019 т. X ч. 1 остался не согласованнымъ съ новою редакціею ст. 28 улож. и говоритъ по прежнему объ объявленіи приговора.

*

не можетъ быть поднятъ и вопросъ объ осуществленіи правъ, основанныхъ на завѣщаніи этого лица; что поэтому имущество лишенныхъ всѣхъ правъ, какъ это и указано въ уложеніи, можетъ переходить только къ наслѣдникамъ по закону. Если бы затѣмъ и наступила смерть лишеннаго правъ состоянія, то и она не можетъ измѣнить порядокъ перехода имущества, такъ какъ, если завѣщатель, будучи правоспособнымъ при составленіи завѣщанія, впослѣдствіи лишится права распоряжаться принадлежащимъ ему имуществомъ, то прямымъ послѣдствіемъ потери имъ этого права будетъ недѣйствительность его духовнаго завѣщанія, а въ такомъ положеніи именно и находится лишенный всѣхъ правъ, такъ какъ онъ въ моментъ физической смерти уже не имѣлъ имущества, перешедшаго къ законнымъ наслѣдникамъ. По отношенію же къ ст. 1020 т. X, на основаніи коей находящіеся подъ арестомъ могутъ составлять завѣщанія, доколѣ имъ приговоръ о лишеніи правъ не объявленъ, Правительствующій Сенатъ полагалъ, что эта статья имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда составившій завѣщаніе умретъ до вступленія приговора въ силу, такъ какъ тогда сила духовнаго завѣщанія, составленнаго во время содержанія подъ стражею, является ничѣмъ не поколебленною.

Но нельзя не сказать, что такое толкованіе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента представляется далеко не безспорнымъ. Оно всецѣло покоится на томъ положеніи, что лишеніе всѣхъ правъ состоянія не есть смерть физическая, а ст. 1010 говоритъ только о послѣдней. Но это предположеніе, вполнѣ раціональное de lege ferenda, не соотвѣтствуетъ историческому развитію этого института, не соотвѣтствуетъ тому положенію, что лишенный правъ «якоже умре». Текстъ уложенія даетъ полную возможность дать ему и болѣе широкое толкованіе, такъ какъ онъ говоритъ не о «наслѣдникахъ по закону», а просто о «законныхъ наслѣдникахъ», а текстъ законовъ гражданскихъ, по его буквѣ, даже не вполнѣ соотвѣтствуетъ толкованію гражданскаго кассаціоннаго департамента. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 1018 говоритъ: всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право завѣщать. *Посему* (ст. 1019) недѣйствительны завѣщанія. . .и людей, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія,

когда приговоръ имъ объявленъ. Въ этихъ постановленіяхъ выражено извѣстное положеніе, что для дѣйствительности завѣщанія необходимо, чтобы завѣщатель въ моментъ составленія завѣщанія обладалъ юридическою способностью завѣщать, т. е. обладалъ правомъ выразить свою завѣщательную волю относительно даннаго имущества; но лицо осужденное къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, до момента вступленія приговора въ силу, очевидно обладало таковою способностью; равнымъ образомъ въ моментъ открытія наслѣдства, т. е. въ моментъ вступленія приговора въ силу (или обращенія къ исполненію), оно обладало тѣмъ имуществомъ, относительно коего состоялось его завѣщательное распоряженіе, а потому его завѣщаніе и не можетъ быть опорочено. При такомъ толкованіи, постановленія ст. 1019 т. X ч. 1 слѣдовало бы относить только къ завѣщаніямъ, составленнымъ послѣ вступленія приговора въ законную силу, когда завѣщатель уже пересталъ быть правоспособнымъ къ завѣщанію (1).

Наконецъ, уложеніе, говоря, что къ наслѣдникамъ по праву представительства переходитъ имущество, которое могло бы достаться лишенному правъ послѣ осужденія, также не поясняетъ, имѣетъ ли оно въ виду наслѣдство по закону или и по завѣщанію. Но этотъ пробѣлъ пополняется постановленіями т. X ч. 1, на основаніи коихъ, во 1-хъ, лица, лишенныя всѣхъ правъ состоянія наслѣдовать не могутъ (ст. 1107) и во 2-хъ, всѣ тѣ лица, кои по лишеніи правъ состоянія считаются неспособными къ законному наслѣдству, неспособны и къ принятію имущества по завѣщанію (п. 4 ст. 1067). На этомъ основаніи, если завѣщатель умеръ до вступленія приговора въ законную силу, то завѣщанное переходитъ къ наслѣдникамъ лишеннаго всѣхъ правъ, а если приговоръ вошелъ въ законную силу послѣ смерти завѣщателя, то, такъ какъ лишеніе правъ приравнивается къ естественной

---

(1) Такое же толкованіе принимаютъ изъ нашихъ криминалистовъ В. Спасовичъ, стр. 349, Кистяковскій, стр. 885; Н. Сергѣевскій, стр. 202. И. Фойницкій, стр. 179, своего мнѣнія не высказываетъ, а совершенно ошибочно утверждаетъ, что практика наша допускаетъ въ имуществѣ лишеннаго правъ наслѣдованіе какъ по закону, такъ и по завѣщанію. Противъ сенатской практики высказался авторъ статьи «О духовномъ завѣщаніи Чумакова» въ журн. гражд. и угол. права 1876 г. № 5, содержащей подробный и обстоятельный разборъ этого вопроса.

смерти, наслѣдникъ долженъ почитаться умершимъ ранѣе завѣщателя и всѣ завѣщательныя распоряженія въ его пользу теряютъ свою силу, а право представленія не имѣетъ примѣненія (рѣш. гражд. кассац. департ. 1871 г. № 920, по дѣлу Гутковой).

Съ потерею всѣхъ имущественныхъ правъ, осужденный освобождается и отъ всѣхъ обязанностей по имуществу, включая сюда и вознагражденіе за причиненный имъ ущербъ. Ст. 1553 т. X, ч. 1 говоритъ, что всѣ личныя обязательства осужденнаго прекращаются; но обязательства его по имуществамъ переходятъ на его наслѣдниковъ, соразмѣрно полученному наслѣдству, если они отъ онаго вовсе не отказались.

Разрушая имущественныя права осужденнаго, государство не разрушаетъ его имущественной правоспособности; законъ не проводитъ, да и не можетъ провести и въ этомъ отношеніи уподобленія лишенія всѣхъ правъ гражданской смерти.

Прежде всего и за лишенными всѣхъ правъ законъ признаетъ возможность имѣть движимое имущество и пріобрѣтать таковое. Такъ, ст. 52 уст. о ссыл. говоритъ, что каждое губернское правленіе, при отправленіи ссыльныхъ, отбираетъ *собственныя ихъ деньги* и, при именномъ спискѣ, отправляетъ въ Тюменскій приказъ, выдавая ссыльнымъ квитанціи; во время пересылки ссыльнымъ не воспрещается принимать подаянія и даже сбирать милостыню; затѣмъ, въ уставѣ содержится рядъ правилъ о храненіи и выдачѣ собственныхъ денегъ ссыльныхъ (ст. 178 и сл.), причемъ указано, что деньги эти выдаются на руки по принадлежности ссыльнопоселенцамъ при началѣ ихъ водворенія, а каторжнымъ, когда они получатъ дозволеніе жить при острогѣ; до того же времени считаются онѣ какъ артельныя деньги, людямъ симъ принадлежащія (ст. 186). Относительно недвижимыхъ имуществъ, хотя ст. 422 уст. о ссыл. и говоритъ, что осужденные на каторгу и поселеніе не могутъ пріобрѣтать недвижимаго имущества, но она прибавляетъ, что для поощренія ихъ къ трудолюбію, бережливости и осѣдлой жизни, при условіяхъ, указанныхъ въ ст. 423 и сл., они могутъ получать право строить себѣ дома на землѣ, принадлежащей заводу, въ коемъ они находятся въ работѣ; эти постройки они не могутъ ни закладывать, ни обременять долгами, но могутъ переуступать ихъ другимъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства

(ст. 426); ссыльно же поселенцамъ (хотя бы и перешедшимъ съ каторги) предоставляется и прежде перечисленія въ крестьяне, покупать земли и дома въ предѣлахъ волости, къ коей они приписаны, а живущимъ въ городахъ—и въ городѣ, если они пробыли въ немъ, при безпорочномъ поведеніи, не менѣе трехъ лѣтъ сряду. Равнымъ образомъ, всю пріобрѣтенную работою собственность каждый поселенецъ удерживаетъ при себѣ.

Каторжные и поселенцы до перечисленія ихъ въ крестьяне, оставаясь лишенными всѣхъ правъ состоянія, подлежатъ дѣйствію ст. 1107 и 1067 т. X, ч. I, а потому не могутъ наслѣдовать ни по закону, ни по завѣщанію; равнымъ образомъ, не смотря на пріобрѣтенную ими фактически имущественную правоспособность, они до перечисленія въ крестьяне подлежатъ дѣйствію ст. 1019, а посему не могутъ распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію; самый переходъ вновь образовавшагося у нихъ имущества къ наслѣдникамъ опредѣляется особыми изложенными въ уставѣ о ссыльныхъ правилами (ст. 427 и сл.) Движимое имущество, пріобрѣтенное ссыльнымъ въ Сибири, въ случаѣ его смерти, или учиненія новаго преступленія, влекущаго лишеніе всѣхъ правъ, переходитъ къ находящимся въ Сибири прямымъ его родственникамъ и женѣ въ указной части; если же прямыхъ наслѣдниковъ нѣтъ, то все имущество переходитъ къ находящейся при ссыльномъ женѣ. Послѣ женщины ссыльной имущество, при неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ, переходитъ къ мужу или родителямъ одного съ нею званія или пришедшимъ съ нею въ Сибирь. Подобныя же правила установлены относительно наслѣдованія построекъ, сдѣланныхъ каторжными на заводской землѣ, а равно, хотя законъ объ этомъ прямо не говоритъ, относительно недвижимой собственности, пріобрѣтенной поселенцами на свое имя. Въ томъ случаѣ, когда послѣ ссыльнаго не окажется ни одного изъ упомянутыхъ выше наслѣдниковъ, его имущество никогда къ наслѣдникамъ, пребывающимъ во внутреннихъ губерніяхъ, не обращается, а поступаетъ, чрезъ продажу установленнымъ образомъ, въ экономическій капиталъ ссыльныхъ (ст. 431) (1).

---

(1) По указу 1803 г. Сент. 12 каторжные теряли право на переписку съ частными лицами; тамъ было сказано; «не принимать по силѣ указа 28 Дек. 1728 г. въ почтовыхъ мѣстахъ отъ ссыльныхъ, каторжныхъ и лишенныхъ чести писемъ,

II. *Лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.* Сравнительно съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія это правопораженіе представляется въ несравненно болѣе ограниченномъ объемѣ.

Въ области правъ сословныхъ оно поражаетъ лицъ привилегированныхъ, т. е. изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній по правамъ состоянія, которыя по освобожденіи изъ заключенія обязаны избрать себѣ родъ жизни на мѣстѣ своего водворенія, записываясь въ мѣщанское или другое податное состояніе, но безъ права участвовать въ выборахъ и производить купеческую торговлю (ст. 47) (1); но эти правопораженія не распространяются, конечно, ни на жену, ни на дѣтей осужденнаго, прижитыхъ прежде сего осужденія. Лица прочихъ состояній остаются въ томъ состояніи, къ коему они принадлежали.

Въ области правъ служебныхъ осужденные подлежатъ тѣмъ же правопораженіямъ, какъ и лишенные всѣхъ правъ состоянія; поэтому они лишаются на томъ же основаніи должности, званія, чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія и дипломовъ; равнымъ образомъ они ограничиваются и въ ихъ служебной и общественной правоспособности (ст. 43 ул., 961 уст. угол. судопр.), одинаково съ лишенными всѣхъ правъ состоянія (2).

тѣмъ болѣе, что люди сего рода, почитаясь политически мертвыми для общества, не могутъ быть съ онымъ въ сношеніи. То же положеніе, въ сущности, повторяетъ ст. 383 уст. о ссыл. (изд. 1890 г.), говоря, что дозволяется пріемъ посылокъ и писемъ съ почтою только отъ тѣхъ поселенцевъ, которые, дѣйствительно водворившись, вышли изъ вѣдомства экспедиціи о ссыльныхъ и не состоятъ подъ особымъ надзоромъ полиціи.

(1) Согласно ст. 503 уст. о ссыл. тѣмъ изъ ссыльныхъ на житье, которые ведутъ себя добропорядочно, разрѣшается заниматься на мѣстѣ ссылки торговлею и промыслами со взятіемъ гильдейскихъ и промышленныхъ свидѣтельствъ, а также билетовъ на торговыя и промышленныя предпріятія; но полученіе гильдейскаго свидѣтельства не предоставляетъ имъ купеческаго званія и соединенныхъ съ нимъ преимуществъ.

(2) По разъясненію Особаго Присутствія Правительствующаго Сената отъ 13 Марта 1879 г. лишенные всѣхъ особенныхъ правъ не могутъ сохранять права на воспитаніе и обученіе въ частныхъ домахъ, какъ требующее безукоризненной репутаціи и полной благонадежности, что подтверждается и постановленіями ст. 431 уст. о служб. правит. (т. III, кн. I изд. 1876 г.), на основаніи коей домашніе наставники и учителя признаются состоящими на государственной службѣ, а такого права лишенные всѣхъ особенныхъ правъ по ст. 43 улож. имѣть не могутъ.

Лишенные особенныхъ правъ, какъ говоритъ ст. 46 улож., сохраняютъ свои права семейственныя; но однако, на основаніи ст. 254 уст. о ссыл., въ случаѣ ссылки такихъ лицъ на житье въ Сибирь или въ другія отдаленныя губерніи, или пересылки не принятыхъ обществами въ качествѣ водворяемыхъ рабочихъ, супруги невиновные могутъ слѣдовать или не слѣдовать въ ссылку по собственному ихъ на то желанію (1). По отношенію же къ дѣтямъ соблюдаются тѣ же правила, какъ и относительно дѣтей ссыльно-поселенцевъ.

Точно также лишенные особыхъ правъ сохраняютъ права на прежнюю собственность; но въ уложеніи сохранилось и нынѣ указаніе на одно ограниченіе, утратившее уже свое значеніе, а именно, что дворяне не могутъ продолжать владѣть своимъ дворянскимъ имѣніемъ, которое отдается въ опекунское управленіе; равнымъ образомъ въ таковое же управленіе поступаютъ и недвижимыя населенныя имѣнія, которыя могли бы дойти къ нимъ по наслѣдству.

III. *Лишеніе нѣкоторыхъ правъ*. Еще ограниченнѣе является по ст. 50 уложенія лишеніе нѣкоторыхъ правъ. Оно исключительно падаетъ на служебныя права и правоспособность лица и притомъ представляется крайне неравномѣрнымъ для отдѣльныхъ сословій, а именно:

---

(1) Коммисія Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи проекта уложенія 1844 г. высказала по этому поводу слѣдующія соображенія: нельзя не признать, что рѣшительное вмѣненіе женамъ въ непремѣнную обязанность слѣдовать за сосланными мужьями сдѣлалось бы для нихъ самымъ незаслуженнымъ наказаніемъ. Ссылка на житье въ Сибирь опредѣляется людямъ, признаннымъ недостойными оставаться въ прежнемъ обществѣ, и именно лицамъ, изъятымъ отъ наказаній тѣлесныхъ, слѣдственно принадлежащимъ большею частью къ сословіямъ образованнымъ. Можно ли жену, отказывающуюся жить съ мужемъ преступникомъ, къ которому она должна была потерять всякое уваженіе, который противозаконными своими дѣяніями нанесъ позоръ ей и всему семейству, и вѣроятно сдѣлался для нея предметомъ, если не ненависти, то отвращенія, принуждать слѣдовать за нимъ въ мѣсто изгнанія, оставивъ родителей, родныхъ и дѣтей? По симъ уваженіямъ Коммисія полагаетъ: предоставить женамъ ссылаемыхъ въ Сибирь преступниковъ слѣдовать за ними тогда только, когда онѣ сами того пожелаютъ, съ оставленіемъ однако брака въ своей силѣ, а равнымъ образомъ и дѣтей такихъ преступниковъ изъять отъ дѣйствія ихъ власти въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи.

Для дворянъ оно состоитъ въ лишеніи права поступать на государственную и общественную службу, а вмѣстѣ и въ лишеніи должности или званія, занимаемыхъ виновными; въ лишеніи права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми; для священнослужителей—въ потерѣ навсегда духовнаго сана; для церковнопричетниковъ—въ исключеніи изъ духовнаго званія; для почетныхъ гражданъ, купцовъ и людей прочихъ состояній—въ лишеніи права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ почетныя или соединенныя съ властью должности.

IV. *Лишеніе отдѣльныхъ правъ.* Кромѣ этихъ трехъ главныхъ видовъ пораженія правъ, уложеніе въ ст. 58, въ числѣ дополнительныхъ наказаній, упоминаетъ о запрещеніи производить прежнее ремесло или промыселъ, а въ особенной части случаи такого спеціальнаго правопораженія представляются весьма разнообразными, причемъ иногда такія правопораженія встрѣчаются и какъ самостоятельныя взысканія, переходя въ группу исключительныхъ взысканій (1). Таковы: воспрещеніе жительствовать или управлять имѣніями, населенными православными (ст. 188, 191); взятіе имѣнія въ опеку относительно самовольно оставившихъ отечество (ст. 326, 327); лишеніе права быть избираемымъ на должности, требующія общественнаго довѣрія (414¹); лишеніе дозволенія на разработку драгоцѣнныхъ металловъ (ст. 593); лишеніе права на новые поиски (ст. 594, 594¹); лишеніе льготъ по платежу горной подати (ст. 597); лишеніе права заниматься лѣсною промышленностью (ст. 822); воспрещеніе врачебной практики (ст. 857, 870); лишеніе права продавать и приготовлять напитки или съѣстное, выдѣлывать для приготовленія и храненія оныхъ посуду (ст. 865); права имѣть или продавать ядовитыя вещества (ст. 867, 868) или лекарственныя вещества (ст. 883); права управлять аптеками и содержать ихъ, и притомъ на время или навсегда (ст. 884—888, 890, 894, 898); воспрещеніе фармацевтической практики (ст. 895, 898); лишеніе права на ловъ рыбы (ст. 918, 919); права ходатайства по чужимъ дѣламъ (ст. 939); права быть полевымъ сторожемъ (ст. 943¹); лишеніе званія коло-

---

(1) Ср. И. Фойницкій, наказаніе, стр. 180.

ниста и правъ имъ принадлежащихъ (ст. 949); лишеніе права содержатьгостинницы, меблированныя комнаты (ст. 958); права торговать порохомъ (986[2]); права содержать склады взрывчатыхъ веществъ (ст. 986[3]); права содержать ссудную кассу (992[1]—992[3]); права имѣть надзоръ за малолѣтними (993); права быть редакторомъ или издателемъ (1046); права быть раввиномъ (1053); права производить постройки и вступать въ подряды (ст. 1058 и 1060); права производить постройки (1061); права быть лоцманомъ (1088, 1256); права содержать дилижансы и транспорты (111[3]); права торговли промысла и мастерства (1165, 1173, 1175, 1176, 1187, 1201, 1393 и 1401); права привозить изъ за границы отъ своего имени товары для продажи (1172[1]); права содержать банкирскія конторы (1174[2]); права ходить въ море въ качествѣ корабельщика (ст. 1242, 1244); права на входъ въ биржу (1275, 1278); права завѣдывать фабриками и заводами (ст. 1359[2]); права держать учениковъ (ст. 1379, 1384); лишеніе правъ мастера (ст. 1384); права участвовать въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ собраніяхъ (ст. 1424, 1425, 1426, 1430, 1433) и т. д.

Сверхъ сего, отдѣльныя правопораженія, какъ послѣдствія извѣстныхъ преступленій или извѣстныхъ наказаній, упоминаются въ другихъ частяхъ свода, являясь, напр., въ видѣ утраты ценза для занятія извѣстныхъ должностей. Такъ, по судебнымъ уставамъ (учр. суд. уст. ст. 21, 82) лица наказанныя тюрьмою хотя бы и безъ пораженія правъ, не могутъ быть мировыми судьями или присяжными засѣдателями.

807. Проектъ уголовнаго уложенія по отношенію къ карательнымъ правопораженіямъ существенно различается отъ дѣйствующаго права. Сохраняя пораженіе правъ, какъ дополнительное наказаніе въ тѣсномъ смыслѣ, проектъ отказался отъ идеи юридическаго вымиранія личности преступника, отъ пораженія всѣхъ правъ, принадлежащихъ виновному, и притомъ пораженія пожизненнаго.

Проектъ различаетъ прежде всего пораженіе правъ, уже пріобрѣтенныхъ или осуществляемыхъ, которое всегда является безсрочнымъ и пораженіе правоспособности, которое, напротивъ, считается срочнымъ. Проектъ знаетъ, во 1-хъ, пораженіе правъ со-

словныхъ или состоянія вообще, съ перечисленіемъ въ состояніе ссыльныхъ; оно является послѣдствіемъ каторги, а въ особо закономъ указанныхъ случаяхъ—и поселенія; во 2-хъ, пораженіе правъ дворянства или почетнаго гражданства и титуловъ почетнаго достоинства, какъ послѣдствіе исправительнаго дома, и въ 3-хъ, лишеніе правъ пользоваться правами состоянія. какъ послѣдствіе поселенія вообще. Всѣ сословныя правопораженія продолжаются пока продолжается самое наказаніе; по отбытіи поселенія, а бывшіе дворяне и почетные граждане и по отбытіи исправительнаго дома, приписываются въ городское или сельское состояніе.

Далѣе слѣдуетъ лишеніе служебно-правительственныхъ правъ, а именно, во 1-хъ, лишеніе духовнаго сана, государственной или общественной должности, виновными занимаемой, чина, орденовъ и другихъ знаковъ отличія, почетныхъ общественныхъ званій (¹). Это правопораженіе является послѣдствіемъ смертной казни, каторги, поселенія, исправительнаго дома и тюрьмы, въ случаѣ назначенія ея за корыстныя и должностныя преступленія; всѣ прочія наказанія, хотя и могутъ влечь за собою лишеніе должности, занимаемой виновнымъ, но такое лишеніе можетъ относиться только къ нѣкоторымъ должностямъ, и должно быть указано, какъ спеціальное условіе для занятія этой должности, въ уставахъ служебныхъ; во 2-хъ, пораженіе правоспособности, а именно права быть избирателемъ или избираемымъ въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ, поступать въ общественную или государственную службу, въ армію или флотъ, записываться въ гильдію, принимать обязанности по опекѣ или попечительству, быть начальствующимъ, воспитателемъ и учителемъ въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи, быть третейскимъ судьею, членомъ конкурснаго или администраціоннаго управленій, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ или повѣреннымъ по дѣламъ, и, наконецъ, быть свидѣтелемъ при договорахъ или

(¹) По первоначальному проекту въ число правопораженій было включено и лишеніе права на полученіе пенсіи; но, въ виду сдѣланныхъ по этому поводу сильныхъ возраженій со стороны нашихъ практиковъ, комиссія исключила это пораженіе, не предрѣшая, какъ сказано въ объяснительной запискѣ, вопроса по существу, такъ какъ это связано съ отмѣною нынѣ существующихъ правилъ устава о пенсіяхъ.

актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы. Эти послѣдствія продолжаются прежде всего во время отбытія всѣхъ наказаній лишеніемъ свободы, за исключеніемъ ареста, а затѣмъ въ теченіи извѣстнаго срока послѣ отбытія, а именно послѣ каторги и исправительнаго дома въ теченіи 10 лѣтъ, послѣ поселенія—5 лѣтъ и послѣ тюрьмы, назначенной за корыстныя и должностныя преступленія, въ теченіи отъ 1—5 лѣтъ.

Кромѣ того, при извѣстныхъ преступленіяхъ проектъ допускаетъ прекращеніе профессіональной дѣятельности и лишеніе профессіональныхъ правъ на извѣстный срокъ.

По отношенію къ семейнымъ правамъ проектъ указываетъ только, что для лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни, каторгѣ, поселенію, а въ нѣкоторыхъ, указанныхъ въ законѣ случаяхъ—и къ исправительному дому, прекращаются права родительской и супружеской власти; самыя же условія и порядокъ расторженія браковъ, въ случаѣ учиненія однимъ изъ супруговъ тяжкаго преступленія, какъ полагаетъ Коммисія, должны быть установлены законами гражданскими.

Равнымъ образомъ, проектъ не знаетъ общаго пораженія имущественныхъ правъ, а допускаетъ только опеку надъ имуществомъ наказанныхъ, указывая въ ст. 27, что порядокъ управленія имуществомъ лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, устанавляется законами гражданскими.

808. Ограниченіе мѣста жительства. 1) *Полицейскій надзоръ.* Полицейскій надзоръ по уложенію является послѣдствіемъ высшихъ исправительныхъ наказаній, а именно ссылки на житье (ст. 44) и отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія (ст. 48) и въ тюрьму, замѣнившую рабочій домъ (ст. 49) (1). Полицейскій

---

(1) Надзоръ за сосланными въ Сибирь, какъ во время нахожденія на поселеніи, такъ и по водвореніи ихъ, опредѣляется уставомъ о ссыльныхъ. По отношенію къ каторжнымъ, получившимъ дозволеніе жить внѣ острога, надзоръ принадлежитъ самому заведенію и опредѣляется для каждаго заведенія особыми правилами (ст. 308); ссыльно-поселенцы, живущіе въ городахъ, поступаютъ подъ ближайшій надзоръ городскаго начальства, причемъ порядокъ надзора за ними опредѣляется особыми предписаніями Мин. Внутр. Дѣлъ или мѣстнаго главнаго начальства по принадлежности (ст. 324 и прим.). Ссыльные, приселенные къ де-

надзоръ бываетъ или безсрочный, какъ послѣдствіе ссылки на житье, или срочный, а именно для освобожденныхъ изъ арестантскихъ отдѣленій 4 года, изъ бывшаго рабочаго дома—2 года, изъ крѣпости двухъ высшихъ степеней и бывшаго смирительнаго дома—1 годъ (1).

Для лицъ непривилегированныхъ полицейскій надзоръ можетъ быть замѣненъ надзоромъ обществъ, если таковыя пожелаютъ принять ихъ.

Приговоренные къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи отправляются въ назначенное для нихъ или избранное ими самими мѣсто жительства съ увѣдомленіемъ о томъ мѣстной полиціи и губернатора (ст. 971 у. у. с.). Въ продолженіе времени надзора они не могутъ перемѣнять мѣсто жительства и удаляться отъ онаго безъ дозволенія полиціи или общества; поднадзорнымъ, не имѣющимъ средствъ, выдается пособіе изъ Мин. Внутр. Дѣлъ. По ст. 551 зак. о судопр. по прест., на обязанность полиціи возлагается наблюдать за поступками поднадзорнаго и смотрѣть, что бы онъ никуда не скрылся и не отлучался. Поднадзорнымъ, по примѣч. къ ст. 51 улож. (по прод. 1890 г.; ср. также ст. 332 уст. о сод. подъ стр.; 119 уст. пасп.), воспрещается жительство и пребываніе въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и даже въ ихъ уѣздахъ или мѣстностяхъ на разстояніи 25 верстъ (кромѣ приписанныхъ къ обществамъ, находящимся въ этихъ уѣздахъ и мѣстностяхъ), въ крѣпостяхъ и въ 25-ти-верстномъ отъ нихъ разстояніи, и въ горо-

---

ревнямъ старожиловъ, состоятъ подъ строгимъ надзоромъ мѣстныхъ властей (ст. 331), поселенные въ казенныхъ поселеніяхъ въ теченіи первой зимы содержатся въ военной дисциплинѣ (ст. 347), а затѣмъ, во время льготныхъ лѣтъ, состоятъ подъ надзоромъ особыхъ смотрителей и въ вѣдѣніи экспедиціи о ссыльныхъ (ст. 359), а потомъ поступаютъ въ вѣдѣніе окружной полиціи. Дряхлые и неспособные, приписанные къ волостямъ на вольное пропитаніе, всегда состоятъ подъ надзоромъ мѣстныхъ властей (ст. 368).

(1) По особенной части улож. надзоръ сопровождаетъ иногда и кратковременный арестъ, назначаясь на срокъ отъ 1—3 лѣтъ (послѣднія части ст. 245, 251 и 252); денежныя взысканія, также на срокъ отъ 1—3 лѣтъ (ст. 1050, 1052), а равно лишеніе духовнаго сана, причемъ надзоръ назначается безсрочный (ст. 193). По ст. 324 назначеніе какого либо наказанія за принадлежность къ противозаконнымъ сообществамъ всегда влечетъ отдачу подъ надзоръ на время отъ 1—5 лѣтъ. Иногда надзоръ назначается какъ самостоятельное наказаніе, напр. по 122 ст. улож., на опредѣленное (но не указанное въ законѣ) болѣе или менѣе продолжительное время.

дахъ и мѣстностяхъ, въ коихъ это будетъ особо воспрещено по Высочайшему повелѣнію (1).

Постановленія нашего законодательства о надзорѣ представляются совершенно неопредѣленными и непрактичными. Въ особенности невыясненными представляются постановленія о надзорѣ общества. Уже Коммисія Министерства Юстиціи 1872 г. указала на его полную практическую несостоятельность. Существеннымъ признакомъ всякаго права, говорила она, является возможность осуществить это право на дѣлѣ. Общество, по буквѣ закона, надзирающее за освобожденнымъ преступникомъ, не имѣетъ возможности какимъ бы то ни было образомъ осуществлять этотъ надзоръ; онъ практически всегда остается мертвою буквою и всегда безплоденъ какъ для поднадзорнаго, такъ и для самаго общества; сохраненіе за послѣднимъ исключительнаго, безъ всякаго участія полиціи, права надзора за освобожденнымъ является совершенно безцѣльнымъ.

Поэтому и Коммисія по составленію уложенія не удержала въ проектѣ этотъ видъ надзора.

Полицейскій надзоръ по проекту назначается: для освобождаемыхъ отъ поселенія и изъ исправительнаго дома на срокъ отъ 2—5 лѣтъ, и для освобожденныхъ изъ тюрьмы, за указанные въ законѣ проступки,—на срокъ отъ 1—2 лѣтъ. Отдача подъ надзоръ полиціи по проекту опредѣляется или главнымъ тюремнымъ управленіемъ, или мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, отъ котораго зависитъ и выборъ срока.

Самый надзоръ заключается въ томъ, что поднадзорному воспрещается жительство и пребываніе въ указанныхъ особымъ закономъ мѣстностяхъ; въ случаѣ неизбранія поднадзорнымъ мѣстожительства, таковое опредѣляется ему губернскимъ начальствомъ; выбранное мѣстожительство поднадзорный не можетъ оставлять безъ разрѣшенія мѣстной полиціи до истеченія полугода по водвореніи, а послѣ того, хотя и можетъ перемѣнять мѣстожительства, но съ вѣдома полиціи.

---

(1) Ст. 58 улож. говоритъ еще объ отдачѣ подъ особый надзоръ полиціи, но законъ не опредѣляетъ, въ чемъ онъ состоитъ и чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго надзора. Очевидно, что здѣсь законъ имѣетъ въ виду нѣкоторые спеціальные случаи надзора, указанные въ особенной части.

2) *Высылка за границу*. Какъ дополнительное наказаніе, высылка за границу существуетъ только для иностранцевъ, и притомъ, по закону 25 Ноября 1885 года, послѣ отбытія ими наказанія въ тюрьмѣ, замѣняющей бывшій рабочій домъ (ст. 75). Они высылаются за границу съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы Россіи; но въ случаѣ непринятія ихъ въ прежнее отечество, они отдаются подъ общій полицейскій надзоръ по ст. 49 (1).

3) *Воспрещеніе жительства въ столицахъ и иныхъ мѣстахъ*. На основаніи примѣч. 2 къ ст. 58 улож. лицамъ, коимъ по суду воспрещенъ въѣздъ въ столицу, не дозволяется жительствовать въ губерніяхъ Московской и С.-Петербургской иначе, какъ по особому Высочайшему разрѣшенію. Сюда же относится и воспрещеніе жительствовать въ собственныхъ виновнаго имѣніяхъ съ учрежденіемъ надъ нимъ опеки. Но воспрещеніе жительства въ сущности относится къ исключительнымъ наказаніямъ, такъ какъ они примѣняются только по отношенію къ нѣкоторымъ особымъ дѣяніямъ; напр. послѣднее наказаніе назначается только за отступленіе отъ православія (ст. 188).

По проекту высылка за границу сохранена для иностранцевъ въ замѣнъ полицейскаго надзора и на тѣ же сроки.

809. *Отобраніе имущества*. Бо́льшее практическое значеніе изъ дополнительныхъ наказаній имѣетъ конфискація всего имущества или только извѣстныхъ предметовъ.

Конфискація всего имущества и въ особенности недвижимаго, въ нашемъ правѣ, какъ и на Западѣ, была весьма распространена не только въ древнѣйшемъ удѣльномъ періодѣ и въ эпоху судебниковъ, но и въ XVII вѣкѣ. Формула «животы всѣ и помѣстья и вотчины имать на Государя», повторяется и въ отдѣльныхъ указахъ и въ уложеніи 1649 г. (2). Отобраніе имущества назнача-

---

(1) До закона 1885 г. изложенное правило примѣнялось только къ иностранцамъ, неизъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, а для изъятыхъ высылка замѣняла и ссылку на житье въ отдаленныя губерніи, но законъ нигдѣ не указывалъ, какихъ именно иностранцевъ считать изъятыми, такъ что на практикѣ почти всѣ иностранцы признавались изъятыми. По закону 1885 г. всѣ иностранцы подлежатъ тюремному заключенію (30, II), а не ссылкѣ на житье.

(2) Ср. примѣры у Сергѣевскаго, наказаніе, стр. 259 и сл.; Филипповъ, стр. 341.

лось и за спеціально служилые проступки и за общіе. Въ уложеніи, напр., таковое указано чинить и за разбой, и за корчемство, и за политическія преступленія. Конфискація весьма часто употреблялась правительствомъ и въ XVIII вѣкѣ, обыкновенно тогда, когда преступникъ приговаривался къ смертной казни и вѣчной, а иногда и срочной, ссылкѣ. Поэтому на допросахъ и пыткѣ лицъ, обвиняемыхъ въ подобныхъ преступленіяхъ, допрашивали и объ ихъ пожиткахъ. Конфискованныя недвижимыя имѣнія всего чаще передавались лицамъ, содѣйствовавшимъ розыску виновныхъ, и лицамъ близкимъ ко двору (1). Затѣмъ, хотя въ жалованной грамотѣ дворянству 1787 г. ст. 23, и было сказано, что благороднаго наслѣдственное имѣніе въ случаяхъ осужденія и по важнѣйшему преступленію да отдастся его законному наслѣднику, а указомъ 1802 г. Мая 6 это постановленіе распространено на состоянія: купеческое, мѣщанское и земледѣльческое; но эти указы никогда не принимались въ смыслѣ полной и безусловной отмѣны конфискаціи; напротивъ, указами 1809, 1810, 1820, 1831, 1834, 1838, 1839 гг. и др. было допущено примѣненіе конфискаціи по преступленіямъ политическо - измѣнническаго характера. Въ этомъ видѣ постановленія о ней перешли въ сводъ законовъ (ст. 23 по изд. 1842 г.), назначавшій конфискацію за участіе въ бунтѣ противъ Государя и государства, и притомъ лишь въ пограничныхъ губерніяхъ, а составители уложенія (ст. 275

---

(1) Такъ, напр., по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича наибольшія награды достались по указу Петра 1718 г., Петру Толстому, Румянцеву, Бутурлину, Ушакову, Скорнякову-Писареву. Доносители и сами иногда домагались наградъ имѣніями казненныхъ. Ср. напр. у Филиппова, стр. 347, примѣры такихъ ходатайствъ—Брянчанинова, Глѣбова. Отъ того г. Карновичъ въ своемъ изслѣдованіи богатства частныхъ лицъ въ Россіи говоритъ: «очень часто, сперва при Московскомъ, а потомъ и при Петербургскомъ дворѣ, подготовлялась исподоволь опала сильнаго и богатаго сановника не только изъ личной къ нему непріязни, но и изъ желанія поживиться отобраннымъ у него имѣніемъ. Нерѣдко противники его, видя удачные подходы подъ намѣченную личность, составляли заранѣе челобитныя объ отдачѣ имъ той или другой вотчины будущаго опальнаго. Казнь или ссылка богатаго вельможи была своего рода праздникомъ для другихъ лицъ, или приближенныхъ непосредственно ко двору, или имѣвшихъ тамъ своихъ милостивцевъ и покровителей. Съ 1729 по 1780 гг. существовала особая Канцелярія Конфискаціи. Ср. свѣдѣнія о дѣйствіи этой Канцеляріи въ статьѣ И. Андреевскаго: «Канцелярія Конфискаціи» въ Русской Старинѣ за 1881 г. Іюнь.

проекта) распространили дѣйствіе сихъ постановленій не только на всѣ виды бунта по всей Россіи, но и на случаи государственной измѣны, сдѣлавъ конфискацію только мѣрою чрезвычайною. Государственный же Совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта, примѣнилъ ее и ко всѣмъ видамъ посягательства на Особу Государя и всѣхъ Членовъ Царствующаго Дома, сдѣлавъ притомъ ея назначеніе въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ не факультативною мѣрою, какъ полагалъ проектъ, а обязательною для судовъ. Нынѣ конфискація всего родоваго и благопріобрѣтеннаго имущества назначается за всякій видъ участія въ бунтѣ, заговорѣ или измѣнѣ, въ ст. 241, 244, 249—252 и 254 (1) указанныхъ, но лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или въ одной какой либо части Имперіи, предъ началомъ войны, или при внутреннихъ смятеніяхъ, или же на случай возбужденія или возобновленія оныхъ; причемъ назначеніе ея обязательно для судовъ; но самый порядокъ ея примѣненія опредѣляется этими спеціальными указами (2).

Конфискація спеціальная допускается какъ по уложенію, такъ и по уставу о наказ. (ст. 2), и притомъ въ весьма разнообразныхъ формахъ. Уложеніе говоритъ вообще о конфискаціи принадлежащихъ виновному вещей или другаго имущества, а уставъ о наказ.

---

(1) Такимъ образомъ, по тексту ст. 255, конфискація можетъ быть присоединяема при преступленіяхъ противъ Особы Императора и Членовъ Царствующаго Дома только къ смертной казни, а при бунтѣ и ко всякимъ другимъ наказаніямъ съ арестомъ включительно, смотря потому, въ какихъ именно случаяхъ будетъ допущена конфискація въ спеціальныхъ указахъ. Въ текстѣ 255 ст., изд. 1885 г., очевидно по недосмотру, не упомянута ст. 252 1. Сверхъ того, до зак. 1874 г. по уложенію (ст. 365 по изд. 1857 г.) существовалъ еще одинъ видъ конфискаціи, имѣвшій общій характеръ, а именно все имущество, принадлежащее тайнымъ обществамъ, книги или бумаги, инструменты, знаки какого либо рода, мебель и т. п. конфисковались, и если не подлежали истребленію, то продавались въ пользу приказа общественнаго призрѣнія.

(2) По уложенію, дѣйствовавшему въ Царствѣ Польскомъ (ст. 267), конфискація назначалась обязательно за всѣ преступленія государственныя первой важности; эта обязательная конфискація была отмѣнена лишь указами 8 Сентября 1862 и 8 Іюня 1867 годовъ.

отдѣльно упоминаетъ объ орудіяхъ, употребляемыхъ для учиненія преступнаго дѣянія (1).

Такимъ образомъ отобранію могутъ подлежать:

1) Матеріальные предметы, являвшіеся средствомъ учиненія преступленія. Но для отобранія таковыхъ необходимо каждый разъ особое указаніе закона; причемъ для отобранія иногда безразлично, кому именно принадлежали эти предметы—виновному или даже третьему лицу; такова, напр., конфискація орудій и припасовъ, употребляемыхъ для поддѣлки денегъ или кредитныхъ билетовъ (ст. 562 и 575 улож.); орудій и инструментовъ, употребляемыхъ для добыванія, безъ разрѣшенія правительства, драгоцѣнныхъ металловъ (ст. 591); машинъ или инструментовъ на самовольно устроенномъ заводѣ пушечномъ или оружейномъ (ст. 1350), или на карточной фабрикѣ (ст. 1351); упряжнаго скота, повозокъ, рѣчныхъ судовъ, служащихъ для провоза контрабанды (ст. 751), но конфискація такихъ же орудій перевозки неправильно добытой соли (ст. 636) употребляется только для обезпеченія падающаго на виновнаго денежнаго взысканія, такъ что по уплатѣ таковаго, отобранныя вещи возвращаются; конфискація судовъ, употреблявшихся для производства торга неграми, или только приготовленныхъ и вооруженныхъ для такого торга (ст. 1411) и т. д. (2).

Отобраніе предполагаетъ полное отчужденіе вещей; поэтому оно не должно быть смѣшиваемо съ отобраніемъ орудій преступленія или иныхъ предметовъ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, ибо такое отобраніе имѣетъ временной характеръ—до окончанія процесса.

---

(1) Сенатъ по дѣлу Колемина, 1875 г., № 302, указалъ, что конфискаціи подвергаются: во 1-хъ, имущество и предметы, составляющіе государственную принадлежность или оплачиваемые опредѣленною податью въ казну, добытые, выдѣланные или продаваемые частными лицами съ поддѣлкою, или съ нарушеніемъ постановленій, ограждающихъ права и пользу казны, и тѣ предметы, которые служили средствами къ совершенію преступленій этого рода, и во 2-хъ, предметы, выдѣлка и продажа которыхъ вовсе воспрещена частнымъ лицамъ, и средства, послужившія къ совершенію преступленій этого рода.

(2) Такое же значеніе имѣло установленное по ст. 586 (изд. 1857 г. нынѣ отмѣненной) отобраніе у виновныхъ въ самовольной охотѣ и рыбной ловлѣ орудій, снарядовъ, лодокъ и т. п.

*

2) Вещи, добытыя посредствомъ преступнаго дѣянія или бывшія результатомъ преступной дѣятельности, и притомъ по самымъ различнымъ основаніямъ и въ различныхъ формахъ:

а) Какъ принадлежащія опредѣленному потерпѣвшему лицу. Всѣ такія вещи, на точномъ основаніи ст. 126, 375 и 777 уст. уг. судопр., отбираются у виновнаго и возвращаются хозяину, хотя бы онъ и не предъявлялъ о томъ иска; въ случаѣ же неотысканія хозяина, по истеченіи установленнаго срока, вещи эти поступаютъ въ казну ([1]).

б) На основаніи недопустимости нахожденія этихъ предметовъ въ частномъ и общественномъ оборотѣ, какъ вредныхъ или опасныхъ для общественнаго здравія, нравственности или торговыхъ оборотовъ. Таково, напр., отобраніе: найденныхъ у виновнаго поддѣльныхъ русскихъ или иностранныхъ монетъ, кредитныхъ билетовъ, билетовъ государственнаго казначейства и т. п. (ст. 562, 563, 575); иностраннаго биллона, найденнаго у скупщиковъ или вообще въ обращеніи (ст. 562); уничтоженіе вредныхъ для здоровья припасовъ, напитковъ, посуды (ст. 115 уст. о нак.); отобраніе: приготовленныхъ для продажи или продаваемыхъ лекарственныхъ ядовитыхъ или сильно дѣйствующихъ веществъ у лицъ, не имѣющихъ на таковую продажу права, а также ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ у лицъ, пользующихся таковыми безъ законнаго на то права (ст. 104, 104[1], 106 уст. о нак.); отобраніе запрещеннаго оружія (ст. 117 уст.); явно соблазнительныхъ издѣлій и изображеній (ст. 45 уст.); выдѣланныхъ въ соблазнительномъ видѣ иконъ и священныхъ изображеній (ст. 183 улож.); старопечатныхъ книгъ, изданныхъ не въ надлежащей типографіи (ст. 205); неодобренныхъ цензурою книгъ, найденныхъ у книгопродавцевъ или содержателей библіотекъ (ст. 1020), задержанныхъ цензурою книгъ, утаенныхъ служа-

---

([1]) Согласно ст. 298 уст. пред. пресѣч. преступ. всѣ отобранныя у воровъ и разбойниковъ вещи переписываются, и если по публичному розыску и по сознанію самихъ преступниковъ откроется кому они принадлежатъ, а хозяева сыщутся, то вещи эти возвращаются хозяевамъ, а если хозяева являться не будутъ, и чьи это вещи публично извѣстно не будетъ, то хозяева ихъ вызываются чрезъ публикацію, и если они и затѣмъ по публикаціи въ теченіи 10 лѣтъ не явятся, то вещи и вырученныя продажею ихъ деньги обращаются въ казну.

щими въ типографіи (ст. 1027^{1}); найденныхъ у продавцевъ недозволенныхъ лотерейныхъ билетовъ или промессъ (уст. ст. 47). и т. д.

в) На томъ основаніи, что никто не можетъ обогащаться или доставлять себѣ выгоды посредствомъ нарушенія закона. Таково, напр., отобраніе: товаровъ тайно провезенныхъ, причемъ эти товары конфискуются или безусловно, или въ случаѣ неуплаты виновнымъ карательной пошлины (ст. 744 и сл.); добытыхъ безъ дозволенія драгоцѣнныхъ металловъ (ст. 592); добытой противозаконно соли (ст. 631); вещей, тайно или неправильно перевозимыхъ или пересылаемыхъ по почтѣ (ст. 1112, 1122, 1123, 1125 и др.); неклейменыхъ или неимѣющихъ надлежащей помѣты золотыхъ вещей и издѣлій, найденныхъ у торговцевъ и мастеровъ (ст. 1386, 1389, 1390, 1395); издѣлій, выпущенныхъ или продаваемыхъ торговцами за золотыя и серебряныя (ст. 1401); золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, продаваемыхъ пробирными чиновниками (ст. 1403); найденныхъ у продавцевъ питей и стеклянной посуды—посуды неуказной мѣры или неклейменой (ст. 1177); выдѣланной фабрикантами стеклянной посуды неуказной мѣры (ст. 1178); товаровъ, найденныхъ у еврея, производящаго недозволенную торговлю (ст. 1171); припасовъ и посуды, находящихся въ открытой безъ дозволенія аптекѣ (ст. 881); приготовленныхъ въ аптекѣ водки и другихъ подобныхъ предметовъ продажи (ст. 887); запрещенныхъ игральныхъ картъ (ст. 1351^{1}); денегъ, собранныхъ на монастыри и церкви безъ надлежащаго разрѣшенія (ст. 48 уст.); всей добычи у виновнаго въ нарушеніи постановленій о тюленьемъ промыслѣ (ст. 57^{1} уст.); лѣса, срубленнаго въ нарушеніе закона о защитныхъ лѣсахъ (ст. 57^{2} уст.), и т. д. Сюда же относятся и различные случаи конфискаціи, указанные въ уставахъ акцизныхъ ([1]).

г) Къ послѣдней группѣ должны быть присоединены и тѣ постановленія, на основаніи коихъ у виновнаго, хотя и не отбираются какіе либо предметы, но устраняются послѣдствія его

([1]) По разъясненію Сената, конфискація по дѣламъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія имѣетъ значеніе не наказанія въ тѣсномъ смыслѣ, а вознагражденія казнѣ (рѣш. 1878 г., № 67, Ладошина; 1885 г., № 28, Таганрогской таможни; 1886 г., № 13, Заборовскаго).

преступной дѣятельности. Таковы, напр., сломка или исправленіе всего неправильно построеннаго, если неправильность будетъ признана вредною для общественной безопасности или народнаго здравія (ст. 68 уст. ст. 1058 ул.); сломка устроеннаго раскольниками скита, новаго молитвеннаго зданія, устроеннаго безъ разрѣшенія на то, и вообще всего устроеннаго безъ разрѣшенія или несогласно съ онымъ (ст. 205); закрытіе, упраздненіе или перенесеніе, построенныхъ безъ дозволенія или не въ надлежащемъ мѣстѣ, церквей и каплицъ (ст. 1066, 1067); мечетей (ст. 1073); синагогъ (ст. 1074); мануфактуръ или иныхъ подобныхъ промышленныхъ заведеній, (ст. 1075, 1076, 1348); закрытіе устроенныхъ въ землѣ Войска Донскаго рыбоспѣтныхъ заводовъ (ст. 916); закрытіе типографіи, литографіи и другихъ мѣстъ тисненія при нарушеніяхъ устава цензурнаго (ст. 1045); пріостановленіе или прекращеніе при такихъ нарушеніяхъ повременнаго изданія (ст. 1046); уничтоженіе сочиненія или части онаго (ст. 1045); закрытіе открытыхъ безъ дозволенія: учебнаго заведенія (1049), ссудныхъ кассъ (ст. 47¹ уст.). Сюда же должно быть отнесено уничтоженіе, вполнѣ или частью, подложныхъ документовъ, сдѣланіе на нихъ надписи и т. д. (¹).

д) Особымъ видомъ такого же уничтоженія послѣдствій преступной дѣятельности являются понудительныя мѣры, о коихъ говоритъ ст. 26 уст. о нак., на основаніи коей, если проступокъ состоитъ въ неисполненіи закона или предписаній дѣйствующихъ въ силу закона властей, то виновные приговариваются къ исполненію, по мѣрѣ возможности, того, что ими упущено.

3) Вещи, принадлежащія виновному, хотя и не имѣющія никакого отношенія къ учиненному имъ дѣянію. Такова, напр., конфискація имущества водоходца, самовольно оставившаго во время пути судно (ст. 1271); конфискація русскихъ товаровъ,

---

(¹) Такъ, Правительствующій Сенатъ въ рѣш. 1874 г., № 419, Васильева, указалъ, что если судъ призналъ какую либо сдѣлку совершенною посредствомъ преступленія, то онъ обязанъ сдѣлать постановленіе объ уничтоженія удостовѣряющаго акта; причемъ подложные въ цѣломъ составѣ акты и обязательства, напр., составленные отъ имени не участвовавшихъ въ составленіи ихъ лицъ, подлежатъ безусловному изъятію изъ обращенія (рѣш. 1883 г., № 27, Кронштадтскаго банка).

найденныхъ у торговцевъ вмѣстѣ съ иностранными товарами, подлежащими клейменію, но не имѣющими клейма (ст. 757 ул.); конфискація лѣсныхъ матеріаловъ у лѣсныхъ чиновъ, занимающихся лѣсною промышленностью (ст. 826) и др.

Конфискація того, что служило орудіемъ преступленія, отобраніе или уничтоженіе того, что было произведено или добыто преступною дѣятельностью, заключая въ себѣ лишеніе или ограниченіе извѣстныхъ имущественныхъ правъ лица, можетъ быть назначаемо только въ случаяхъ, особо въ законѣ указанныхъ и лишь въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ судомъ или инымъ учрежденіемъ, компетентнымъ къ разсмотрѣнію сего нарушенія (при нарушеніяхъ уставовъ казеннаго управленія или уставовъ административныхъ) (1). Но тѣ предметы, которые не должны находиться въ обладаніи частныхъ лицъ или въ общественномъ оборотѣ, то, что грозитъ общественной безопасности, нравственности или народному здравію, даже вообще все то, что можетъ быть устроено или произведено не иначе, какъ по полученіи надлежащаго разрѣшенія, не можетъ быть сохранено и оставлено въ частномъ обладаніи само по себѣ, независимо отъ установленія виновности того или другаго лица. На этомъ основаніи, уничтоженіе подобныхъ предметовъ, исправленіе сдѣланнаго можетъ быть опредѣлено судомъ, хотя бы онъ и не примѣнялъ наказанія къ виновному за давностью (рѣш. 1886 г., № 32, по дѣлу Семенова и др.). Съ другой стороны, въ этихъ случаяхъ такія мѣры могутъ быть предпринимаемы не только судомъ, но и полиціею, и притомъ или временно, до воз-

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Дрянина 1889 г. Марта 14, Сенатъ указалъ, что такъ какъ отобраніе вещей можетъ быть назначено только въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ, то, напр., отобраніе восковыхъ свѣчей, изготовленныхъ съ примѣсью парафина и другихъ веществъ могло бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы закономъ было воспрещено безусловно производство такихъ свѣчей, или если бы судъ призналъ, что по матеріалу, изъ котораго свѣчи изготовлены, онѣ представляются вредными при употребленіи для здоровья или общественной безопасности. То же положеніе было указано и въ рѣшеніи по дѣлу Колемина 1875 г., № 302, въ коемъ Сенатъ призналъ, что деньги, выигранныя въ азартную игру, не подлежатъ отобранію, ибо таковое не установлено ст. 990 ул. и такъ какъ деньги въ этомъ случаѣ не составляютъ плодовъ преступленія, подлежащихъ возвращенію по ст. 777 уст. уг. суд.—Ср. также рѣш. 1879 г., № 17, Пучкова.

бужденія уголовнаго преслѣдованія (ст. 1137, 1145 и сл. уст. уг. суд.) (1), или самостоятельно (ср. выше, № 736).

Примѣненіе спеціальной конфискаціи по общему правилу не зависитъ отъ усмотрѣнія суда, а наступаетъ силою самаго закона; но иногда (ст. 1045, 1046 ул.) примѣненіе таковой и опредѣленіе объема конфискаціи предоставляется усмотрѣнію суда.

Отобранныя вещи или истребляются, или продаются и вырученныя деньги поступаютъ въ казну, или, въ случаѣ особаго на то указанія закона, въ особо указанныя богоугодныя учрежденія.

По проекту (ст. 32) отобранію подлежатъ: 1) предметы, коихъ изготовленіе, продажа, распространеніе, имѣніе или храненіе воспрещены; 2) вещи, принадлежавшія виновному и предназначавшіяся или служившія для совершенія преступленій; но отобраніе этихъ вещей допускается только въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ.

Что касается вещей, добытыхъ посредствомъ преступнаго дѣянія, то, какъ полагаетъ Коммисія, они должны быть возвращены владѣльцу или обращены въ казну; но правило объ этомъ должно быть изложено въ уставѣ уголов. судопр.

Отобранныя вещи, буде не подлежатъ истребленію, обращаются въ казну; деньги, вырученныя отъ продажи этихъ вещей, если для нихъ не указано особаго назначенія, обращаются на устройство мѣстъ заключенія.

Постановленія о конфискаціи примѣняются судомъ и въ случаѣ оправданія подсудимаго или освобожденія его отъ наказанія.

810. Другія дополнительныя взысканія. *Церковное покаяніе.* Церковное покаяніе, хотя и упоминается въ ст. 58 ул. въ числѣ

---

(1) Согласно ст. 1152 и 1226 уст. уг. суд. закрытіе торговыхъ и ремесленныхъ заведеній, а также фабрикъ и заводовъ, дозволяется казенному или административному управленіямъ лишь въ видѣ временной мѣры, впредь до постановленія о томъ суда и единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда инымъ способомъ невозможно пресѣчь обнаруженное нарушеніе и нанесеніе ущерба казенному интересу. Равнымъ образомъ по ст. 1127 уст. уг. суд., если нарушеніе устава строительнаго влечетъ за собою сломку или исправленіе зданій, то административному управленію предоставляется принять всѣ предохранительныя мѣры; но къ исправленію, сломкѣ или переносу зданія на счетъ виновнаго, можетъ быть приступлено лишь по судебному о томъ приговору, вошедшему въ законную силу.

дополнительныхъ наказаній, но въ особенной части уложенія назначается весьма нерѣдко какъ взысканіе самостоятельное. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно опредѣляется церковнымъ судомъ, отъ котораго зависитъ опредѣленіе его сущности, условій и порядка его осуществленія (ст. 973 уст. уг. суд., 5562 ч. XV т., изд. 1876 г.), а потому оно и является не наказаніемъ въ строгомъ смыслѣ, а дисциплинарною мѣрою, въ качествѣ каковой она и была разсмотрѣна мною ранѣе (№ 740).

Опубликованіе приговора. Изъ наказаній дополнительныхъ, поражающихъ честь лица, нынѣ въ ст. 58 упомянуто опубликованіе осужденнаго чрезъ вѣдомости сенатскія, обѣихъ столицъ и губернскія.

Прежде же къ этой группѣ дополнительныхъ взысканій относилось и испрошеніе у обиженнаго прощенія, въ присутствіи суда или свидѣтелей, по формѣ и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя для сего предписывались судомъ. Оно назначалось за обиду и клевету и было отмѣнено съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, какъ оказавшееся практически несостоятельнымъ.

Далѣе, сюда же относился *обрядъ публичной казни.* По своду законовъ хотя уголовныя наказанія исполнялись публично, но особаго обряда казни, кромѣ объявленія приговора, законъ не зналъ (1). Затѣмъ, при окончательномъ обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта уложенія, какъ видно изъ журнала, предсѣдатель его заявилъ, что Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, замѣнить кнутъ увеличеннымъ числомъ ударовъ плетьми рукою палача на лобномъ мѣстѣ, съ заклейменіемъ, ссылкою въ каторгу и предварительнымъ выставленіемъ у позорнаго столба, съ дѣйствующими на умъ зрителя обрядами, опредѣленіе коихъ Государь предоставилъ Государственному Совѣту.

---

(1) Въ 1824 г. при обсужденіи въ Гос. Совѣтѣ (по поводу проекта 1813 г.) вопроса о замѣнѣ кнута плетьми было предположено ввести обрядъ публичной казни, но это предположеніе не получило осуществленія. Составители уложенія съ своей стороны находили, что въ полезномъ дѣйствіи всѣхъ сихъ обрядовъ на простолюдиновъ, мало размышляющихъ, можно сомнѣваться. Они со временемъ, если будутъ нерѣдко повторяемы, вѣроятно, обратятся въ родъ театральнаго зрѣлища, какъ обратилась и самая смертная казнь тамъ, гдѣ къ ней привыкли.

Во исполненіе этой Высочайшей воли, и состоялся законъ 21 Января 1846 г. объ обрядѣ публичной казни, сопровождавшемъ ссылку въ каторгу и на поселеніе. Этотъ обрядъ (зак. о суд. по дѣл. о прест., изд. 1857 г., ст. 541) состоялъ изъ двухъ частей: а) отвоза преступника на мѣсто казни на возвышенныхъ черныхъ дрогахъ, окруженнаго стражею, въ сопровожденіи духовнаго лица, въ арестантскомъ платьѣ съ надписью на груди его о родѣ вины, а изобличеннаго въ убійствѣ отца или матери съ чернымъ покрываломъ на лицѣ, и б) самаго обряда казни, т. е. прочтенія ему приговора, переломленія надъ нимъ, если онъ дворянинъ, шпаги и выставки на эшафотѣ къ позорному, черной краской окрашенному, столбу, гдѣ наказанный и оставался въ теченіи 10 минутъ, а затѣмъ, если онъ подлежалъ наказанію плетьми, то исполнялось таковое, и, когда слѣдовало, налагались клейма.

Но этотъ обрядъ не примѣнялся къ преступникамъ, осужденнымъ къ смертной казни, порядокъ исполненія коей былъ опредѣленъ ст. 520—529, ни къ осужденнымъ къ политической смерти, которая исполнялась по правиламъ, указаннымъ въ ст. 75 ул. (изд. 1857 г.) и въ ст. 530 ч. II т. XV. При изданіи судебныхъ уставовъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ обрядовъ казни; но обрядъ былъ оставленъ въ томъ соображеніи, что о таковой отмѣнѣ не сдѣлано было никакихъ указаній въ основныхъ положеніяхъ 1862 г., а потому ст. 963 буквально повторила постановленія свода и даже распространила его на исполненіе всѣхъ приговоровъ, присуждающихъ къ уголовнымъ наказаніямъ.

Въ 1876 г. указомъ 8 Іюля (№ 56172), при введеніи судебныхъ уставовъ въ Царствѣ Польскомъ, обрядъ публичной казни былъ отмѣненъ для Царства. Причиною его отмѣны было не только сознаніе полной нецѣлесообразности этого наказанія, но и тѣ безпорядки, которые вызывало исполненіе казни (1). Затѣмъ, въ

---

(1) Въ запискѣ Министра Юстиціи по поводу законопроекта объ отмѣнѣ обряда было указано, что въ большихъ городахъ исполненіе обряда всегда вызываетъ значительныя народныя скопища, и полиція, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры предосторожности, бываетъ безсильна къ предотвращенію нарушеній общественнаго порядка и спокойствія. Въ Царствѣ Польскомъ безпорядки доходили до

виду особенно сильныхъ безпорядковъ, бывшихъ въ 1877 г. въ Пензѣ, состоялось Высочайшее повелѣніе о пріостановленіи обряда публичной казни для ссылаемыхъ въ каторгу и на поселеніе повсей Имперіи, и 22 Мая 1880 г. обрядъ былъ совершенно отмѣненъ, а затѣмъ закономъ 26 Мая 1881 г. отмѣнено публичное исполненіе и всѣхъ прочихъ уголовныхъ наказаній.

811. *Наказанія замѣняющія.* Послѣдній видъ общихъ наказаній составляютъ наказанія замѣняющія, т. е. назначаемыя только въ томъ случаѣ, когда наказаніе, положенное въ законѣ за извѣстное дѣяніе, не можетъ быть примѣнено къ виновному по какимъ либо основаніямъ фактическимъ или юридическимъ. Какъ мы видѣли, по большей части въ подобныхъ случаяхъ одно общее наказаніе замѣняется другимъ, такъ же общимъ: арестантскія отдѣленія—тюрьмою, денежная пеня—арестомъ и т. д.; но существуютъ и такія карательныя мѣры, которыя употребляются только какъ замѣняющее наказаніе; эти послѣднія и подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію.

Къ этой группѣ относятся: 1) *политическая смерть*, какъ замѣна смерти физической. Политическая или гражданская смерть встрѣчается въ нашемъ правѣ еще въ XVII столѣтіи; но болѣе точное опредѣленіе получила она при Императрицѣ Елисаветѣ въ указахъ 1753 и 1754 гг., гдѣ было сказано, что «политическою смертью должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху или взведенъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, подвергнутъ токмо вѣчной ссылкѣ», причемъ подъ ссылкою понималась ссылка въ работу. Это опредѣленіе, только за исключені-

---

такихъ размѣровъ, что распоряженіемъ отъ $^{6}/_{18}$ Марта 1864 г. намѣстникъ предписалъ пріостановить исполненіе обряда. Безпорядки встрѣчались и въ Петербургѣ; такъ, въ 1875 г., при публичномъ исполненіи приговора Правительствующаго Сената надъ государственными преступниками, нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ цѣлованія Св. Креста, и затѣмъ, не смотря на то, что при командѣ находились вмѣсто одного три барабанщика, перекрикивали барабанный бой, съ вызывающими тѣлодвиженіями обращались къ народу и произносили воззваніе къ возмущенію. Въ толпѣ нашлись лица, которыя подъ вліяніемъ этихъ воззваній сдѣлались жертвою своего увлеченія.

емъ рванія ноздрей, перешло въ сводъ, и политическая смерть заняла въ лѣстницѣ наказаній самостоятельное мѣсто, непосредственно за смертною казнью (ст. 19, изд. 1832 г), причемъ, какъ указано было въ примѣчаніи къ этой статьѣ, политическая смерть опредѣлялась токмо въ чрезвычайныхъ случаяхъ, по приговору Верховнаго Суда, за одни государственныя преступленія по первымъ двумъ пунктамъ.

То же значеніе было придано политической смерти и составителями уложенія 1845 г.; но узаконеніями позднѣйшаго времени обряды ея упростились на столько, что она потеряла почти видъ особаго наказанія. Нынѣ, согласно ст. 71 улож. и 967 уст. угол. судопр., обрядъ политической смерти выполняется не публично, а въ томъ же порядкѣ, какъ и смертная казнь: по привозѣ или приводѣ преступника на мѣсто казни, ему прочитывается приговоръ суда, затѣмъ его взводятъ на эшафотъ, гдѣ, если онъ былъ дворянинъ, надъ нимъ переламливается шпага и затѣмъ объявляется Высочайшее повелѣніе, дарующее ему жизнь (1). За политическою смертью всегда слѣдуетъ каторга безъ срока или на опредѣленный срокъ.

Такимъ образомъ, все различіе политической смерти отъ каторги заключается въ возведеніи на эшафотъ и соединенномъ съ этимъ, если актъ помилованія оставался преступнику неизвѣстнымъ, ожиданіи смерти, а затѣмъ для дворянъ—въ обрядѣ переломленія шпаги. Самая замѣна, какъ говоритъ законъ, совершается по особому Высочайшему повелѣнію; поэтому судъ, пользуясь правомъ, предоставленнымъ ему ст. 775 уст. угол. судопр., не можетъ ходатайствовать о замѣнѣ натуральной смерти—политическою, хотя съ другой стороны, указаніе ст. 71, что за политическою смертью всегда слѣдуетъ каторга, не вполнѣ соотвѣтствуетъ ст. 165 улож., такъ какъ отъ Монаршей воли зависитъ избрать и иное наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ,

---

(1) По воинскому уставу (ст. 55 по зак. 7 Января 1882 г.), въ случаѣ замѣны натуральной смертной казни политическою, надъ осужденными выполняется обрядъ разстрѣлянія или поставленіе подъ висѣлицею; сопровождается оно ссылкою на каторгу, а для приговоренныхъ къ смертной казни безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія—заточеніемъ въ крѣпость.

т. е. поселеніе. Проектъ новаго уложенія не упоминаетъ объ этомъ видѣ замѣняющихъ наказаній.

812. *Исправительные пріюты* (1). Другой видъ замѣняющихъ наказаній, получающій нынѣ все бо̀льшее и бо̀льшее развитіе, составляютъ исправительные пріюты для малолѣтнихъ. Законодательныя постановленія объ этомъ замѣняющемъ наказаніи появились у насъ только съ изданіемъ устава о наказаніяхъ. Хотя Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1874 г., № 46, по общему собранію, и высказалъ, что отдача въ исправительный пріютъ, имѣя не карательный, а воспитательный характеръ, не составляетъ наказанія и что лица, помѣщенныя въ пріюты, не могутъ считаться осужденными и наказанными, но, очевидно, что это разъясненіе нужно понимать только въ связи съ основнымъ вопросомъ, разсматривавшимся въ этомъ рѣшеніи, т. е. лишь по отношенію къ вліянію этого заключенія на будущую судимость этихъ лицъ и къ непримѣненію къ нимъ ст. 146 улож. (нынѣ отмѣненной). Въ прочихъ отношеніяхъ таковая отдача является по нашему дѣйствующему праву несомнѣнно судебно-карательною мѣрою: она можетъ быть назначена только судомъ, по отношенію къ лицу, признанному виновнымъ, и притомъ за извѣстныя, закономъ указанныя, дѣянія. По уставу, напр., она назначается лишь за немногія преступныя дѣянія, обложенныя тюрьмою, а по уложенію примѣняетя только къ малолѣтнимъ отъ 14—17 лѣтъ, признаннымъ виновными, но дѣйствовавшими безъ разумѣнія и подлежащими одному изъ наказаній, указанныхъ въ ст. 138, замѣняемымъ отдачею въ пріюты (2). То обстоятельство, что сроки пребыванія въ пріютахъ не соотвѣтствуютъ срокамъ замѣняемаго наказанія, что судъ даже можетъ вовсе не опредѣлять этихъ сро-

(1) Ср. Тальбергъ, исправительные пріюты и колоніи въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1882 г., № 1; его же,—населеніе исправительныхъ колоній и пріютовъ въ Россіи. Юридическій Вѣстникъ 1882 г., № 9; его же,—исправительные пріюты и колоніи въ Россіи. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1882 г., № 6; А. Кистяковскій, молодые преступники, стр. 77 и слѣд.

(2) По разсматриваемому нынѣ Госуд. Совѣтомъ законопроекту о наказуемости малолѣтнихъ, предположено допустить и отдачу въ пріюты малолѣтнихъ отъ 10—14, какъ въ томъ случаѣ, когда они признаны дѣйствовавшими безъ разумѣнія (1 ч. 137 ст.), такъ и въ случаѣ признанія разумѣнія, по усмотрѣнію суда, въ замѣнъ наказаній, указанныхъ въ пп. 1, 2 и 3 ст. 138.

ковъ въ приговорѣ (а по новому законопроекту обязательно не опредѣляетъ), само по себѣ не можетъ измѣнить карательнаго характера этой мѣры, такъ какъ пребываніе въ пріютахъ принудительно, а освобожденіе изъ пріюта можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ указанномъ; самые же пріюты состоятъ въ вѣдѣніи и подъ присмотромъ правительства. Какъ мѣра карательная, отдача въ пріюты должна быть отнесена къ группѣ мѣръ замѣняющихъ: какъ говоритъ ст. 6 уст. о нак., «взамѣнъ заключенія въ тюрьмѣ малолѣтные могутъ быть обращаемы въ пріюты». По ст. 137 улож. отдача поставлена параллельно съ наказаніями, назначаемыми по ст. 138 и съ тюрьмою до 1 г. 4 мѣс. (1). Поэтому судъ и въ этихъ случаяхъ долженъ опредѣлить: какому наказанію подлежалъ бы виновный за данное дѣяніе, если бы онъ былъ совершеннолѣтній, и потомъ это наказаніе, если дозволяетъ законъ, замѣнить отдачею въ пріюты, указавъ въ приговорѣ и то другое взысканіе, которому долженъ подвергнуться малолѣтній, если бы въ пріютѣ не оказалось достаточно помѣщенія.

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Розберга 1883 г., № 16 и Сенатъ призналъ, что тюремное заключеніе, назначаемое по ст. 137, тамъ, гдѣ нѣтъ пріютовъ, есть замѣняющее наказаніе, а потому судъ, при установленіи его размѣровъ, долженъ принять во вниманіе ту карательную мѣру, которой подлежалъ бы виновный по ст. 138, а также и то наказаніе, которое могло бы быть назначено виновному, если бы онъ былъ совершеннолѣтній. Возраженіе И. Фойницкаго, наказаніе, стр. 464, что по отношенію къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ по нашему праву существуетъ не замѣна, а смягченіе наказанія, лишено и теоретическаго, и практическаго значенія: если виновный, напр., вмѣсто поселенія отдается въ монастырь, смягчается ли ему нормальное наказаніе или замѣняется другимъ наказаніемъ? Правда, что г. Фойницкій замѣчаетъ, что замѣна бываетъ только въ томъ случаѣ, когда назначаемое въ замѣнъ наказаніе хотя и отлично по роду, но одинаково по тяжести; но это положеніе не только произвольно, но и опровергается имъ же самимъ на стр. 105, такъ какъ онъ относитъ къ замѣняющимъ наказаніямъ политическую смерть, про которую нельзя же сказать, что она равна по тяжести физической смерти; тоже нужно сказать о замѣнѣ каторги поселеніемъ для престарѣлыхъ, о замѣнѣ наказаній для ссыльныхъ и т. д. Если считать отдачу въ пріюты смягченіемъ, а не замѣною, то придется считать смягченіемъ и замѣну монастыря тюрьмою по ст. 137. Наконецъ, по этой теоріи придется разсуждать такъ: мировой судья признаетъ подсудимаго подлежащимъ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, смягчаетъ это наказаніе, назначая отдачу въ исправительный пріютъ, а при недостаткѣ въ немъ мѣста возвышаетъ наказаніе, примѣняя первоначально предположенную тюрьму: можетъ ли недостатокъ помѣщенія служить основаніемъ для усиленія наказанія?

Правила объ устройствѣ пріютовъ были установлены закономъ 5 Декабря 1866 г. и затѣмъ внесены въ уставъ о содерж. подъ стражею, ст. 153 и слѣд. По закону пріюты эти учреждаются для исправленія несовершеннолѣтнихъ, отданныхъ туда по судебному приговору; но въ законѣ не содержится воспрещенія помѣщать въ тѣ же заведенія и дѣтей безпріютныхъ, нищихъ или отдаваемыхъ туда въ силу родительской власти. На практикѣ уставы большинства пріютовъ допускаютъ принятіе малолѣтнихъ всѣхъ этихъ группъ. По проекту уложенія предполагается устройство двоякаго рода заведеній для малолѣтнихъ; исправительно-воспитательныхъ— для приговоренныхъ по суду, коимъ дѣяніе вмѣнено въ вину, и воспитательныхъ—для прочихъ малолѣтнихъ; кромѣ того, какъ указано въ объяснительной запискѣ къ проекту (стр. 519), въ исправительно-воспитательныя заведенія, устраиваемыя съ болѣе суровымъ режимомъ, могли бы быть помѣщаемы тѣ изъ находящихся въ воспитательныхъ учрежденіяхъ, для коихъ управленіемъ заведенія будетъ признана необходимость болѣе строгаго режима.

По дѣйствующимъ узаконеніямъ пріюты устраиваются правительствомъ; но, независимо отъ сего, къ учрежденію таковыхъ призываются земство, общества и духовныя установленія, а также и частныя лица; причемъ, какъ было указано въ объясненіяхъ къ закону 1866 г., правительство особенно желало возникновенія пріютовъ общественныхъ или частныхъ. Дѣйствительно, до настоящаго времени не открыто ни одного правительственнаго пріюта, между тѣмъ какъ частныхъ учрежденій, уставы коихъ были уже утверждены правительствомъ къ 1 Марта 1892 г. было 21 (1), независимо отъ прію-

(1) Ср. у Коковцова, сборникъ, стр. 531. До 1892 г. было открыто 20 заведеній; а именно пріюты: Московскій Рукавишниковскій, Московскій Большовскій, Казанскій, Симбирскій, Саратовскій, Харьковскій, Ярославскій, Вологодскій, Одесскій, Варшавскій (женск.), Вятскій, Костромской, Таврическій, Тульскій и Владимірскій, и колонія: С.-Петербургская, Варшавская (Студзенецкая), Кіевская, Нижегородская и Астраханская. Сверхъ того утверждены уставы—Кавказской колоніи и обществъ: Екатеринославскаго, Кременчугскаго, Лифляндскаго, Могилевскаго, Полтавскаго, Рыбинскаго, Сумскаго, Тверскаго и Волынскаго. Во всѣхъ открытыхъ заведеніяхъ къ концу 1890 г. было дѣтей 844.

товъ для дѣтей арестантовъ и ссыльныхъ (1). Пріюты учреждаются не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ; имъ же, по соглашенію съ Министр. Юстиціи, утверждаются и уставы этихъ заведеній. Въ Министерство ежегодно пріютами представляются отчеты; въ случаѣ обнаруженія какихъ либо нарушеній въ управленіи пріютами, они могутъ быть закрываемы Первымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената, по представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Пріюты неправительственные пользуются государственною поддержкою, а именно: если пріютъ земледѣльческій, то ему въ пользованіе отводится казенный участокъ земли; все принадлежащее пріюту недвижимое имущество освобождается отъ сборовъ въ пользу казны; пріютамъ выдается тюремными комитетами изъ арестантскихъ суммъ та сумма, въ какую комитетамъ обходится пища и одежда арестанта.

Кромѣ того, губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставляется отчислять изъ земскихъ арестныхъ суммъ до 10%; съ родителей находящихся въ пріютѣ дѣтей можетъ быть взыскиваема плата за содержаніе и воспитаніе дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы съ недостаточныхъ родителей плата не превышала 3 р. въ мѣсяцъ.

Пріюты устраиваются отдѣльно для дѣтей того и другаго пола, хотя до сихъ поръ отдѣльно для дѣвочекъ устроены пріютъ Большовскій около Москвы, Варшавскій въ усадьбѣ Пуща, близь Студзенецкой колоніи, да открыто отдѣленіе въ Саратовскомъ пріютѣ; причемъ по уставамъ большинства заведеній въ нихъ принимаются дѣти не только по приговорамъ, но и вообще брошенныя дѣти или отданныя въ пріютъ въ силу родительской власти. По отношенію къ дѣтямъ, отдаваемымъ въ пріюты по суду, они не имѣютъ права выбора, коль скоро въ нихъ находятся свободныя помѣщенія; но, впрочемъ, по уставамъ нѣкоторыхъ заведеній установляется извѣстный предѣльный срокъ возраста принимаемыхъ, а также

---

(1) Такіе пріюты учреждены: въ Москвѣ—Маріинскій пріютъ; въ Петербургѣ—женскій имени Ея Императорскаго Высочества Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской и мужской—Александровскій; Тамбовскій—имени Э. Нарышкина, и пріюты въ Тифлисѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Томскѣ, Читѣ, Верхнеудинскѣ, при Александровской каторжной тюрьмѣ, и на о. Сахалинѣ.

наименьшій срокъ пребыванія (1). Содержащіеся въ пріютахъ получаютъ элементарное образованіе и затѣмъ техническое; при этомъ пріюты могутъ быть устраиваемы или ремесленные, или земледѣльческіе, или смѣшанные.

Порядокъ содержанія въ пріютахъ, планъ обученія, дисциплинарныя взысканія и т. д. опредѣляются уставами заведеній; законъ указываетъ только, что въ случаѣ побѣга, бѣжавшій возвращается въ пріютъ и содержится тамъ подъ строгимъ присмотромъ и отдѣльно отъ другихъ, но, впрочемъ, не долѣе мѣсяца. На Кіевскомъ съѣздѣ въ докладѣ Рукавишниковскаго пріюта были такъ нормированы воспитательныя начала заведеній для малолѣтнихъ: «во 1-хъ, существенною частью системы перевоспитанія малолѣтнихъ считается порядокъ жизни пріюта, который долженъ быть принаровленъ къ тому, чтобы мальчикъ былъ здоровъ и чтобы онъ, путемъ простаго навыка, пріобрѣталъ рядъ хорошихъ привычекъ и свойствъ; во 2-хъ, мѣры предупредительныя и надзоръ должны стоять на первомъ планѣ; при этомъ распредѣленіе дня должно быть составлено такъ, чтобы свободнаго времени оставалось возможно мало, и чтобы отдыхъ основывался на смѣнѣ занятій; въ 3-хъ, система воспитанія, сама по себѣ, не можетъ еще воспитать малолѣтняго, а необходимо вліяніе образованнаго, глубоко преданнаго дѣлу человѣка». Законъ 1866 г., не входя въ подробности содержанія въ пріютахъ, не указывалъ ни на системы воспитанія, ни на мѣры наградъ или дисциплинарныхъ взысканій. Такъ, въ этихъ заведеніяхъ, напр., въ Рукавишниковскомъ пріютѣ существуетъ система наградъ какъ частныхъ,— льготы, отпуски, такъ и коллективныхъ, главнымъ образомъ прогулки и маленькіе праздники; тоже въ Студзенцкой колоніи, гдѣ есть даже почетное семейное знамя. Дисциплинарныя наказанія: выговоръ, отдѣленіе отъ игръ, помѣщеніе въ отдѣльныя семьи, карцеръ. По уставу нѣкоторыхъ заведеній допускаются тѣлесныя наказанія. Общій вопросъ о допустимости этихъ наказаній поднимался на первомъ и третьемъ съѣздѣ; на первомъ мѣра эта признана нежелательною, а на третьемъ онъ остался открытымъ.

(1) Согласно предположеніямъ законопроекта о малолѣтнихъ, дѣти отдаются въ пріюты не на срокъ, а до исправленія и могутъ быть освобождаемы условно не ранѣе, какъ послѣ года пребыванія. Освобожденіе исправившихся предоставляется управленію заведеніями.

Срокъ пребыванія въ пріютахъ для исправившихся можетъ быть сокращенъ на $1/3$, но условно, т. е. въ случаѣ дурнаго поведенія освобожденный возвращается въ пріютъ, гдѣ и остается до истеченія полнаго срока (1). Условное освобожденіе разрѣшается Министромъ Юстиціи по докладу управленія заведеніемъ. По выходѣ изъ пріюта несовершеннолѣтній состоитъ подъ покровительствомъ заведенія, которое заботится о его будущности; но къ сожалѣнію эта дѣятельность въ большинствѣ заведеній вовсе не существуетъ; болѣе серьезно она поставлена лишь въ Рукавишниковскомъ пріютѣ и Студзенецкой колоніи.

Несмотря на то, что со времени изданія закона о пріютахъ прошло 25 лѣтъ, дѣло исправительныхъ пріютовъ находится еще въ зародышѣ: не только общее число открытыхъ заведеній крайне не велико, но количество помѣщаемыхъ въ нихъ малолѣтнихъ, сравнительно съ общимъ числомъ судимыхъ малолѣтнихъ, почти ничтожно. Кромѣ того, какъ видно изъ отчетовъ отдѣльныхъ заведеній, большинство изъ нихъ матеріально крайне не обезпечены.

815. Первымъ по времени возникновенія является пріютъ Московскій, праздновавшій въ 1890 г. двадцати-пятилѣтіе своего существованія (1). Зародышемъ Московскаго пріюта былъ пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ, основанный въ 1864 г. обществомъ распространенія полезныхъ книгъ; но дѣйствительное развитіе пріютъ получилъ съ 1870 г., со времени вступленія въ завѣдываніе имъ Н. В. Рукавишникова, посвятившаго пріюту, независимо отъ значительныхъ денежныхъ пожертвованій, всю свою личную дѣятельность, вслѣдствіе чего и самый пріютъ получилъ по ходатайству общ. распр. полезн. книгъ названіе Рукавишниковскаго. Преждевременная смерть Н. В. Рукавишникова въ 1875 г. лишила не только Московскій пріютъ, но и вообще все дѣло исправительныхъ русскихъ пріютовъ, энергическаго и полезнѣйшаго дѣятеля; но къ счастью Московскій пріютъ нашелъ скоро достойнаго преемника въ лицѣ брата покойнаго, К. В. Рукавишникова. Рукавишниковскій пріютъ, съ 1878 г.,

(1) Ср. Отчетъ Московскаго городскаго Рукавишниковскаго пріюта 1864—1888 г. Москва 1891 г.; К. Рукавишниковъ, Московскій городской Рукавишниковскій пріютъ, 1891 г.

состоитъ городскимъ Московскимъ пріютомъ, получая отъ города бо̀льшую часть средствъ существованія (въ 1889 г. 38.600 р. при общемъ расходѣ въ 56.800 р.) и состоя въ вѣдѣніи Московской управы; пріютъ имѣетъ также неприкосновенный капиталъ въ 100.000 р., имени В. Н. Рукавишникова. Пріютъ помѣщается въ самомъ городѣ, въ одномъ большомъ каменномъ домѣ; воспитанники разбиты на группы, состоящія въ завѣдываніи воспитателя, а въ главѣ всего заведенія стоитъ директоръ. Всѣхъ отдѣленій въ пріютѣ четыре, причемъ дѣти распредѣляются не по возрасту или занятіямъ, а по личнымъ ихъ качествамъ, наблюдаемымъ при поступленіи въ пріютъ, или же во время нахожденія ихъ въ подслѣдственномъ отдѣленіи пріюта. Въ 1890 г. воспитанниковъ было 110. Обучаются они ремесламъ; въ 1890 г. въ пріютѣ было девять мастерскихъ: переплетная, футлярная, малярная, портняжная, сапожная (35 восп.), токарная, столярная (20 восп.), слесарная (20 восп.) и кузнечная. Къ числу особенностей заведенія принадлежитъ образованіе въ немъ значительнаго собственнаго оркестра. По даннымъ справокъ судимости, какъ указываетъ К. Рукавишниковъ, стр. 70, число рецедивистовъ колеблется отъ 6—9%. Другое Московское заведеніе для малолѣтнихъ—Большевскій исправительный пріютъ для нищенствующихъ дѣвочекъ, основанъ въ 1874 г. обществомъ поощренія трудолюбія; число дѣвочекъ съ 1875—1879 г. было среднимъ числомъ—25; съ 1880—1884 г.—47; съ 1885—1889 гг.—58; работы въ пріютѣ главнымъ образомъ ремесленныя, преимущественно шитье.

С.-Петербургская земледѣльческая колонія основана С.-Петербургскимъ обществомъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, возникшимъ 15 Января 1870 г. по мысли и благодаря стараніямъ В. И. Чаславскаго. Колонія была открыта въ октябрѣ 1871 г. за пороховыми заводами, въ Охтенской лѣсной дачѣ, въ 12 верстахъ отъ Петербурга (1); главнымъ дѣятелемъ при первоначальномъ устройствѣ колоніи и ея руководителемъ въ первые годы существованія былъ товарищъ предсѣдателя комитета,

(1) П. Ровинскій, С.-Петербургская земледѣльческая колонія въ журн. гражд. угол. права за 1877 г.

сенаторъ М. Е. Ковалевскій. Колонія открылась первоначально въ двухъ отдѣленіяхъ: земледѣльческомъ—въ завѣдываніи А. Я. Герда и ремесленномъ—въ завѣдываніи Ф. Ф. Резенера; но затѣмъ эти два отдѣленія слились въ одно общее.

С.-Петербургское общество земледѣльческихъ колоній первоначально предположило распространить свою дѣятельность на всю Россію; но въ дѣйствительности его средства оказались недостаточными и для содержанія одной колоніи, какъ это видно изъ бюджета колоніи, такъ какъ членскіе взносы (по 10 р. ежегодно) составляли въ 1885 г.—2.210 р. (при общемъ поступленіи въ 42.000 р.), въ 1886 г.—2.050 р. (при. общ. пост. 40.000 р.); въ 1887 г.—2.570 р. (при общ. пост. 34.700 р.); въ 1888 г.—1.770 р. (при общ. пост. 34.000 р.); въ 1889 г.—2.020 р. (при общ. пост. 30.900 р.); въ 1890 г.—1.670 р. (при общ. пост. 34.400 р.) т. е. членскіе взносы составляли около 6%, а главный доходъ общества, независимо отъ платы за пищу и одежду тюремнаго комитета, составляла правительственная поддержка, колебавшаяся между 10.000—15.000 рублей, и ежегодный взносъ С.-Петербургской думы въ 5.000 р. Число воспитанниковъ было къ 1 Января:

1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
99	107	126	118	124	123	122

Воспитанники въ колоніи размѣщаются въ отдѣльныхъ домахъ, носящихъ названіе семей, причемъ число дѣтей въ отдѣленіяхъ крайне разнообразно; такъ, въ 1890 г. было: въ 1-й семьѣ 50; во 2-й—24, въ 3-й—18; въ 4-й—19, и въ отдѣльномъ домикѣ—11. Сельское хозяйство колоніи состоитъ только въ сѣнокошеніи и засѣвѣ овса, причемъ въ значительной степени оно ведется наемными рабочими; затѣмъ идетъ огородничество, но главное занятіе дѣтей составляютъ ремесла. Въ 1890 г. были ремесла—портняжное, сапожное, слесарное, столярное, телѣжное и ткацкое, а въ 1891 г. было введено шорное.

Изъ провинціальныхъ заведеній наиболѣе важнымъ является Студзенецкая колонія близъ Варшавы, открытая въ 1876 г. Варшавскимъ обществомъ исправительныхъ колоній, утвержденнымъ въ 1871 г. Колонія существуетъ, кромѣ платы за пищу и одежду питомцевъ, исключительно на членскіе взносы (въ 1880 г. было

1,802 члена) и пожертвованія, безъ правительственной поддержки. Въ главѣ управленія колоніи стоитъ нынѣ знатокъ этого дѣла, профессоръ Варшавскаго университета В. В. Микляшевскій. Воспитанниковъ въ колоніи къ 1 Января 1891 г. было 135. Въ колоніи введены значительныя земледѣльческія и садовыя работы, а затѣмъ и ремесленныя. Въ 1891 г. воспитанниками Студзенецкой колоніи былъ выстроенъ и обзаведенъ пріютъ для дѣвочекъ въ Пущѣ. Нельзя также не упомянуть о Вологодской колоніи, сохранившей типъ исключительно земледѣльческаго заведенія, и ведущей свое дѣло съ большимъ успѣхомъ.

Значительнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія учрежденій для малолѣтнихъ было устройство съѣздовъ представителей этихъ заведеній, возникшее по иниціативѣ К. В. Рукавишникова. Первый съѣздъ состоялся въ Октябрѣ 1881 г. въ Москвѣ, второй въ Сентябрѣ 1884 г. въ Кіевѣ и третій въ Іюнѣ 1890 г. снова въ Москвѣ. Съѣзды, кромѣ ознакомленія съ положеніемъ существующихъ исправительныхъ пріютовъ, всецѣло были посвящены разработкѣ практическихъ вопросовъ ихъ устройства, причемъ возникавшія на съѣздѣ предположенія о необходимости нѣкоторыхъ реформъ въ законодательствѣ, касающемся этихъ учрежденій, были вносимы въ Министерства Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ по принадлежности, и многія изъ нихъ уже получили свое осуществленіе. На третьемъ съѣздѣ между прочимъ было принято предположеніе объ организованіи постояннаго бюро исправительныхъ заведеній, которое бы не только подготовляло будущіе съѣзды, но и служило бы центромъ, содѣйствующимъ объединенію дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій. Это предположеніе было Высочайше утверждено въ 1891 г. и первое бюро образовано въ 1891 г., въ составѣ трехъ лицъ: предсѣдателя К. В. Рукавишникова и членовъ—профессора В. В. Микляшевскаго и сенатора Н. С. Таганцева.

814. Другія замѣняющія наказанія. *Заключеніе въ монастырь.* Это наказаніе, замѣняющее по ст. 137 и 138 улож. для малолѣтнихъ многіе виды исправительныхъ наказаній и ссылку на поселеніе, было введено въ уложеніе 1845 г. коммисіею Государственнаго Совѣта, въ томъ соображеніи, что такое наказаніе, и по способамъ надзора, и по религіознымъ наставленіямъ, прямо и благонадежно ве-

детъ къ исправленію. Законъ уголовный указываетъ только сроки содержанія малолѣтнихъ въ монастырѣ, но самый порядокъ содержанія остается совершенно неопредѣленнымъ, и теперь, съ постепеннымъ развитіемъ исправительныхъ пріютовъ, это наказаніе естественно будетъ все болѣе и болѣе ограничиваться въ своемъ примѣненіи.

Отдача въ заработки. Эта мѣра является, какъ мы видѣли, замѣняющимъ взысканіемъ для несостоятельныхъ къ уплатѣ денежныхъ взысканій. Она была введена, какъ говорили редакторы устава о наказаніяхъ, потому, что содержаніе всѣхъ несостоятельныхъ подъ арестомъ потребовало бы огромнаго числа помѣщеній, а съ другой, лишало бы страну части производительныхъ силъ и пріучало бы виновныхъ къ пагубному для нихъ тунеядству.

Законъ не содержитъ указаній относительно порядка устройства работъ, на томъ основаніи, какъ говорится въ объяснительной запискѣ къ уставу, что несостоятельность, обнаружится ли она при взысканіи гражданскомъ, или при взносѣ податей, или при уплатѣ штрафа, должна имѣть одинаковыя послѣдствія, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ причина одна. Поэтому составители устава сочли достаточнымъ сослаться на положеніе 19 Февраля 1861 г., по которому недоимщики могли быть отдаваемы въ заработки, имѣя притомъ въ виду, что по уставу о податяхъ и по отношенію къ мѣщанамъ неплательщикамъ предоставляется употреблять тѣ же мѣры побужденія, какъ и къ крестьянамъ, а въ частности дозволяется отдавать ихъ въ заработки (ст. 645 и 651 уст. о подат., отмѣненныя, впрочемъ, по прод. 1886 г.).

Такимъ образомъ, отданные въ заработки могутъ быть назначаемы въ работу, какъ у частныхъ лицъ, такъ и въ заведеніяхъ въ томъ же уѣздѣ или въ сосѣдствѣ. Во всякомъ случаѣ родъ работъ, также срокъ ихъ и самая возможность отдачи опредѣляются каждый разъ обществомъ, а потому мировой судья, дѣлая постановленіе объ отдачѣ въ заработки, долженъ каждый разъ входить въ сношеніе съ обществомъ (рѣш. уг. кассац. деп. 1868 г. № 100, Зеленаго, 1874 г. № 242, Брука и др.).

Далѣе, къ числу замѣняющихъ наказаній должна быть отнесена изложенная выше система взысканій для ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, а равно и отсылка къ епархіальному начальству священ-

нослужителей и монашествующихъ христіанскихъ исповѣданій, въ случаѣ осужденія ихъ къ низшимъ видамъ лишенія свободы.

Наконецъ, къ группѣ замѣняющихъ наказаній относилась прежде *отдача въ солдаты*. Еще указомъ Петра 1-го 11 Мая 1719 г. (П. С. З. 3369) было установлено: написаніе въ солдаты или матросы бѣглыхъ и гулящихъ и слонявшихся по улицамъ людей, которые были въ приводахъ по разнымъ дѣламъ въ полицейскихъ мѣстахъ и не могли или отказывались представить доказательства о своемъ званіи или состояніи. Въ 1730 г. велѣно было отдавать въ солдаты за ложное объявленіе слова и дѣла, а въ 1751 г. за корчемство. Наибольшее развитіе получила эта мѣра, практиковавшаяся не только въ судебномъ, но и въ административномъ порядкѣ, въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ особенности въ царствованіе Императора Николая 1-го. Сколько нибудь опредѣленный юридическій характеръ получила отдача въ солдаты лишь въ сводѣ законовъ, гдѣ она заняла самостоятельное мѣсто (ст. 66 и сл. по изд. 1832 г.), причемъ различалась отдача въ солдаты съ выслугою или безъ выслуги и безъ права производства въ чины. По уложенію о наказаніяхъ отдача въ солдаты употреблялась иногда какъ самостоятельное наказаніе, главнымъ образомъ за нарушеніе устава рекрутскаго, за бродяжество, а чаще, какъ замѣняющее наказаніе для изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній вмѣсто ссылки на поселеніе и исключенія изъ службы, если приговоренные были годны къ военной службѣ (ст. 80 и 81 улож. по изд. 1857 г.), а затѣмъ для несовершеннолѣтнихъ. Закономъ 27 Марта 1860 г. отдача въ солдаты, какъ наказаніе, вообще была отмѣнена и оставлена только въ нѣкоторыхъ случаяхъ для несовершеннолѣтнихъ; съ изданіемъ же устава о воинской повинности 1874 года эта мѣра взысканія совершенно исчезла изъ уложенія, такъ какъ зачисленіе въ военную службу безъ жребія, указываемое въ уложеніи (ст. 511 и 512) по отношенію къ лицамъ, преступно уклонившимся отъ отбыванія этой повинности, не составляетъ наказанія въ тѣсномъ смыслѣ.

815. *II. Наказанія особенныя.* Особенныя наказанія, какъ было уже указано, являются или въ видѣ особой системы взысканій за проступки извѣстной группы лицъ, или же въ видѣ исключительныхъ мѣръ, назначаемыхъ за отдѣльныя преступныя дѣянія.

Къ особеннымъ видамъ наказаній уложеніе относитъ прежде всего взысканія за преступленія и проступки по службѣ. Составители уложенія объясняли ихъ необходимость двояко: во 1-хъ, тѣмъ, что служащіе могутъ впадать въ проступки совершенно отличные, и во 2-хъ, тѣмъ, что они пользуются преимуществами, прочимъ лицамъ не предоставленными.

Всѣ эти взысканія исчислены въ ст. 65 и сведены къ 9 видамъ, причемъ закономъ не опредѣлено взаимное отношеніе этихъ видовъ другъ къ другу; но Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Васильева 1871 г., № 391, призналъ, что эти пункты не составляютъ степеней, и судъ, смягчая отвѣтственность, не можетъ переходить отъ одного такого наказанія къ другому, а, какъ при всѣхъ исключительныхъ наказаніяхъ, можетъ только ходатайствовать предъ Государемъ о смягченіи наказанія по ст. 154 и 155 ул.

Сенатъ основывалъ свое толкованіе на томъ, что въ ст. 150 улож. указанъ только переходъ при примѣненіи наказаній, исчисленныхъ въ ст. 17 и 30 улож., но не упомянута ст. 65; что порядокъ, въ которомъ расположены эти взысканія въ ст. 65, вовсе не соотвѣтствуетъ степени ихъ важности, такъ, напр., выговоръ съ внесеніемъ въ послужной списокъ помѣщенъ 6-мъ и можетъ быть назначенъ только судомъ, а удаленіе отъ должности, помѣщенное четвертымъ, можетъ быть назначено въ порядкѣ административномъ, и что въ отдѣльныхъ статьяхъ эти наказанія опредѣляются въ иномъ порядкѣ, чѣмъ въ ст. 65. Нельзя однако не замѣтить, что какъ ни вѣски эти соображенія, но они имѣютъ формальный характеръ, а между тѣмъ это толкованіе на практикѣ оказалось весьма неудобнымъ, затрудняя опредѣленіе соотвѣтственной мѣры взысканія въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ и вообще при всѣхъ исключительныхъ наказаніяхъ.

Къ особеннымъ наказаніямъ по ст. 65 отнесены: 1) исключеніе изъ службы, которое по ст. 66 влечетъ за собою лишеніе права вступать въ государственную службу и быть избирателемъ или избираемымъ въ сословныхъ или земскихъ собраніяхъ; для неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ исключеніе изъ службы замѣняется заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ 4—8 мѣсяцевъ. 2) Отрѣшеніе отъ должности, причемъ, по ст. 67, отрѣшенный не имѣетъ права въ теченіи 3-хъ лѣтъ со дня отрѣшенія поступать

на государственную и общественную службу. 3) Вычетъ изъ времени службы, который по ст. 68 не долженъ превышать 1 года, если служба даетъ право на полученіе наградъ, пенсій и знаковъ безпорочной службы (1). 4) Удаленіе отъ должности, которое по проекту уложенія могло быть и временное, на срокъ не свыше года; но Государственнымъ Совѣтомъ, въ виду практическихъ неудобствъ временнаго замѣщенія удаленнаго, сохранено только удаленіе полное. 5) Перемѣщеніе съ высшей должности на низшую. 6) Выговоръ болѣе или менѣе строгій съ внесеніемъ онаго въ послужной списокъ. 7) Вычетъ изъ жалованья, но во всякомъ случаѣ не болѣе $1/3$ годоваго оклада. 8) Выговоръ болѣе или менѣе строгій безъ внесенія его въ формуляръ и 9) замѣчанія болѣе или менѣе строгія.

Приэтомъ взысканія, указанныя подъ №№ 9 и 8, могутъ быть назначаемы не только по суду, но и по опредѣленію непосредственнаго начальства, а взысканія, указанныя подъ №№ 7, 5 и 4, а равно и арестъ не свыше 7 дней,—начальствомъ, отъ котораго зависитъ опредѣленіе къ должности (ср. выше № 746). По судебнымъ уставамъ къ этимъ взысканіямъ прибавлено еще предостереженіе, которое можетъ быть словесное или письменное (ср. № 747).

Вторую группу особенныхъ наказаній составляютъ наказанія, назначаемыя по воинскому уставу. Подробное изложеніе этой системы выходитъ изъ предѣловъ моего курса (2); поэтому я ограничусь только перечнемъ этихъ наказаній, представляющихъ замѣчательно сложную и запутанную систему, много превосходящую даже уложеніе 1845 года (3).

---

(1) По ст. 54 улож., въ случаѣ осужденія чиновниковъ къ заключенію въ крѣпость или въ тюрьму (конечно безъ ограниченія правъ) на срокъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ, все время заключенія вычитается изъ времени службы сихъ чиновниковъ.

(2) Болѣе подробное изложеніе можно найти въ сочиненіяхъ по военно-уголовному праву, указанныхъ выше (№ 176), а также у Кузьмина-Караваева, характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ, 1890 г.

(3) Подробный разборъ и доказательства несостоятельности системы наказаній по воинскому уставу у Кузьмина-Караваева, стр. 56 и сл. Какъ онъ справедливо указываетъ (стр. 60), недостатки системы воинскаго устава заключаются не только въ ея сложности, но и въ полномъ смѣшеніи общихъ и особенныхъ наказаній, а равно и въ томъ, что ближайшія степени различныхъ родовъ не согласованы между собою и наказанія, признаваемыя въ одной статьѣ болѣе легкими, въ другихъ, наоборотъ, признаются болѣе тяжкими; у него приведено въ доказательство этихъ положеній много примѣровъ.

Наказанія уголовныя.

За общія преступленія:		За нѣкоторыя воинскія преступленія:
1. Смертная казнь. 2. Каторга въ 7 степеняхъ. 3. Ссылка на поселеніе.	съ лиш. всѣхъ правъ состоянія.	1. Смертная казнь. 2. Заточеніе въ крѣпости.

При этомъ смертная казнь по воинскому уставу совершается чрезъ повѣшеніе или разстрѣляніе и исполняется также, какъ и по уложенію, такъ какъ публичность ея исполненія и присоединявшійся къ ней обрядъ позорнаго лишенія воинской чести отмѣнены по Высоч. повелѣнію 7 Января 1882 г. Затѣмъ, хотя ссылка въ Закавказье и не упомянута, но, по примѣч. къ ст. 15, она назначается въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и по уложенію.

Указанная, какъ особое наказаніе, смертная казнь безъ лишенія всѣхъ правъ допускается (ст. 15) исключительно въ военное время за такія преступленія противъ обязанностей службы, которыя не сопряжены съ корыстными или другими постыдными намѣреніями; она всегда выполняется чрезъ разстрѣляніе. Заточеніе въ крѣпости назначается за воинскія преступленія по особому ходатайству суда, утверждаемому въ мирное время Государемъ, а въ военное—главнокомандующимъ, въ замѣнъ смертной казни, каторги и поселенія; заточеніе опредѣляется на срокъ отъ 10—20 лѣтъ и сопровождается лишеніемъ чиновъ.

Наказанія исправительныя по уставу раздѣляются по нѣсколькимъ признакамъ. Такъ, уставъ различаетъ: во 1-хъ, наказанія за общія и за спеціально воинскія преступленія; во 2-хъ, наказанія для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ и, въ 3-хъ, между послѣдними—наказанія для пользующихся особенными правами состоянія и для непользующихся таковыми (1).

---

(1) Какъ указываетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, стр. 63, это названіе оказывается не точнымъ, такъ какъ по разъясненіямъ главнаго военнаго суда переводъ въ разрядъ штрафованныхъ не можетъ быть примѣняемъ къ лицамъ, хотя и не пользующимся особенными правами состоянія, но изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній по особымъ постановленіямъ. Онъ также вѣрно замѣчаетъ, что самый принципъ такого дѣленія стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ всесословнымъ характеромъ воинской повинности.

Такимъ образомъ получается слѣдующая лѣстница:

За общія преступленія.

	Уложеніе.	Для офицеровъ и гражданскихъ чиновъ.	Для нижнихъ чиновъ. Для польз. особен. прав.	Для нижнихъ чиновъ. Для непольз. особен. прав.
1	Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ арестантск. отдѣлен.,—5 степ.	Лиш. всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка,—5 степ.	Тоже.	Лиш. всѣхъ особ правъ; отдача въ арест. отдѣлен. 5 ст.
2	Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка въ отдаленныя губерніи или заключеніе въ тюрьмѣ,—4 степ.	Лиш. всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка.	Тоже.	Лиш. всѣхъ особ. правъ; заключ. въ тюрьмѣ.
3	Лишеніе нѣкоторыхъ правъ и заключеніе въ крѣпости степ. 1 и 2.	Тоже и исключеніе изъ службы.	Отдача въ дисциплинарные батальоны съ потерею нѣкоторыхъ правъ по 1 или 2 степени отъ 2—3 лѣтъ.	
	Степ. 3, 4 и 5.	Сроки тѣже, но съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по ст. 27 устава.	Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ по 1, 2 или 3 степ. отъ 2—4 мѣс. (1).	
4	Лишеніе нѣкоторыхъ правъ и заключеніе въ тюрьмѣ по 1 и 2 степ. (30, IV).	Тоже и исключеніе изъ службы.	Отдача въ дисциплинарные батальоны съ потерею нѣкоторыхъ правъ по 3 или 4 степ. отъ 1 года до 2 лѣтъ.	
	По 3, 4 и 5 степ. (по уложенію нынѣ отмѣненные).	Крѣпость на тѣ же сроки съ ограниченіемъ правъ по ст. 27 устава.	Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ по 2 или 3 ст. отъ 2—3 мѣсяцевъ.	
5	Заключеніе въ тюрьмѣ:	Если судъ признаетъ необходимымъ уволить отъ службы, то по уложенію (ст. 38), а въ другихъ случаяхъ—содержаніе на гауптвахтѣ съ ограниченіемъ правъ по ст. 27 устава:	Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ съ потерею правъ по ст. 52 устава:	

(1) Тамъ, гдѣ военныя тюрьмы не устроены, заключеніе въ нихъ замѣняется по правиламъ, изложеннымъ въ прилож къ ст. 59 воинск. уст., содержаніемъ подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ (maximum 8 недѣль), переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ (для непользующихся особенными правами состоянія) и розгами отъ 50—200 ударовъ (для находящихся въ разрядѣ штрафованныхъ).

Уложеніе.	Для офицеровъ и гражданскихъ чиновъ.	Для нижнихъ чиновъ.
Степень 1 отъ 8 мѣс. до 1 г. 4 мѣсяцевъ.	Степень 1 отъ 4—6 мѣсяцевъ.	Степень 1 отъ 3—4 мѣс. — 2 отъ 2 мѣс. 2 нед. до 3 мѣсяцевъ.
— 2 отъ 4—8 мѣс.	— 2 отъ 3—4 мѣсяцевъ.	— 3 отъ 2 мѣс. до 2 мѣс. 2 недѣль.
— 3 отъ 2—4 мѣс. 6 арестъ. Степень 1 отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ.	Содержаніе на гауптвахтѣ безъ ограниченія правъ отъ 1—3 мѣсяцевъ.	— 4 отъ 1 мѣсяц. 2 нед. до 2 мѣс. — 5 отъ 1 мѣс. до 1 мѣс. 2 недѣль.
— 2—4. 7 выговоры, замѣчанія и внушенія.	Дисциплинарное взысканіе.	Дисциплинарное взысканіе.
8 денежныя взысканія.	Тоже.	Тоже.

Кромѣ того, дополнительныя наказанія тѣ же, что и по ст. 58 улож., а равно и замѣняющія наказанія; но замѣна денежнаго взысканія лишеніемъ свободы производится по иному разсчету, указанному въ ст. 60, причемъ наивысшій срокъ заключенія назначенъ 4 мѣсяца (1).

Что касается наказаній за спеціально воинскія преступленія, то они представляются въ слѣдующей системѣ:

Офицеры и чиновники.	Нижніе чины.	
	Пользующ. особен. прав. состоянія.	Непользующіеся.
1 Первый родъ исправ. наказ. по Улож. (ст. 31).	Тоже.	Тоже.
2 Второй родъ исправ. наказ. по Улож. (ст. 37).	Тоже.	Тоже.

(1) При несостоятельности къ уплатѣ вознагражденія за вредъ и убытки несостоятельные присуждаются, если они оставляются на службѣ, только къ вычету изъ жалованья, а если не оставляются на службѣ—то къ тюрьмѣ по законамъ гражданскимъ.

Офицеры и чиновники.	Нижніе чины.	
	Пользующ. особен. прав. состоянія.	Непользующіеся.
3 Исключеніе со службы съ лишеніемъ чиновъ и потерей нѣкоторыхъ правъ по ст. 38 и 40.	Отдача въ дисциплинарные баталіоны съ потерею нѣкоторыхъ правъ по ст. 50 4 степ. отъ 1 года до 3 лѣтъ.	Тоже и съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ.
4 Заключеніе въ крѣпость съ потерею нѣкоторыхъ правъ.	Одиночное заключеніе въ тюрьмѣ съ потерею нѣкоторыхъ правъ по ст. 52—5 степ. отъ 1—4 мѣсяцевъ.	Тоже и съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ.
5 Разжалованіе въ рядовые.		Переводъ въ разрядъ штрафованныхъ.
6 Исключеніе изъ службы съ потерею правъ по ст. 40, безъ лишенія чиновъ.		
7 Заключеніе въ крѣпость съ ограниченіемъ правъ.		
8 Отставленіе отъ службы съ ограничен. правъ по ст. 44.		
9 Содержаніе на гауптвахтѣ съ ограниченіемъ правъ.		

Кромѣ того, для офицеровъ можетъ быть назначено еще и отрѣшеніе отъ должности (по прил. къ ст. 5), но съ оставленіемъ на службѣ, а затѣмъ на всѣхъ военнослужащихъ могутъ быть налагаемы наказанія по дисциплинарному уставу.

За проступки, означенные въ уставѣ о наказаніяхъ, замѣна происходитъ на слѣдующемъ основаніи: вмѣсто тюрьмы свыше 2-хъ мѣсяцевъ или ареста свыше 3-хъ недѣль—содержаніе на гауптвахтѣ или военной тюрьмѣ по правиламъ, указаннымъ выше въ таблицѣ; вмѣсто тюрьмы или ареста низшихъ сроковъ—дисциплинарныя взысканія, а денежныя взысканія примѣняются безъ измѣненія.

Всѣ вышеуказанныя наказанія примѣняются и въ томъ случаѣ, когда военно-служащіе судятся обще-гражданскими судами (ср. № 177).

Наконецъ, къ особеннымъ наказаніямъ должны быть отнесены взысканія, налагаемыя волостными судами. По ст. 102 общ.

полож. о крестьянахъ, волостные суды могли назначать: общественныя работы до 6 дней, денежное взысканіе до 3 рублей и арестъ до 7 дней, а для лицъ неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ—и наказаніе розгами до двадцати ударовъ, причемъ во 2-мъ примѣчаніи къ ст. 102 были перечислены тѣ лица, которыя не могли быть подвергаемы тѣлесному наказанію.

Несравненно шире поставлена власть волостныхъ судовъ по закону 12 Іюля 1889 г. во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскіе участковые начальники. По ст. 32 положенія, волостной судъ назначаетъ: 1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ 25 коп. до 30 рубл.; 3) арестъ простой или строгій (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ) до 15 дней, а въ особо указанныхъ случаяхъ и до 30 дней, и 4) лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія—наказаніе розгами до 20 ударовъ, причемъ по новому закону изъятыми почитаются всѣ тѣ, кои исчислены въ приложеніи къ 30 ст. улож.

816. *Наказанія исключительныя.* Болѣе разнообразія представляютъ тѣ особенныя наказанія, которыя назначаются за отдѣльныя преступныя дѣянія и встрѣчаются въ особенной части. Иногда бытіе этихъ спеціальныхъ карательныхъ мѣръ объясняется особенностями отдѣльныхъ преступленій; но иногда ихъ назначеніе представляется совершенно случайнымъ, вызывая справедливый укоръ составителямъ уложенія.

По своему юридическому значенію эти мѣры представляютъ значительное разнообразіе. Иногда они употребляются какъ самостоятельныя взысканія, являясь единственнымъ карательнымъ послѣдствіемъ извѣстныхъ преступныхъ дѣяній. Иногда же, и притомъ весьма часто, такія исключительныя наказанія употребляются въ значеніи придаточныхъ наказаній, какъ, напр., воспрещеніе перевода въ разрядъ исправляющихся при назначеніи каторги за убійство родителей по ст. 1449, различные оттѣнки отдѣльныхъ правопораженій и т. д. Въ этихъ случаяхъ исключительный характеръ дополнительнаго наказанія не измѣняетъ значенія главнаго, которое остается общимъ, а потому и под-

лежитъ измѣненію по общимъ правиламъ ([1]). Наконецъ, иногда исключительное взысканіе имѣетъ характеръ замѣняющаго наказанія, напр., при наказаніи за кровосмѣшеніе ([2]).

Но въ какомъ бы видѣ ни примѣнялось исключительное наказаніе, его главная особенность заключается въ его неизмѣнности: оно всегда имѣютъ характеръ безусловно опредѣленной санкціи, не допускающей измѣненій. Такимъ образомъ, напр., законъ назначаетъ для скопцовъ всегда ссылку въ отдаленный край Восточной Сибири; поэтому, по толкованію Прав. Сената ([3]), эта мѣра взысканія не можетъ быть измѣняема судомъ, не смотря на наличность обстоятельствъ уменьшающихъ вину, несовершеннолѣтіе и т. д.; судъ можетъ въ этихъ случаяхъ только ходатайствовать о смягченіи участи подсудимаго предъ Верховною властью, въ порядкѣ 775 ст. уст. угол. суд.

Но, конечно, не смотря на свой исключительный характеръ, эти мѣры сохраняютъ характеръ наказанія; поэтому, напр., при конкурренціи съ другими наказаніями судъ долженъ примѣнять общія постановленія о совокупности ([4]), а равнымъ образомъ онѣ подлежатъ дѣйствію давности и т. д. Задача суда, и, нельзя не сознаться, весьма трудная, состоитъ въ томъ, чтобы изъ природы этихъ взысканій вывести ихъ соотношеніе съ взысканіями,

---

([1]) Какъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніяхъ 1870 г. № 470, Гостева, 1879 г. № 59, Немировскаго, этотъ придатокъ назначается и въ томъ случаѣ, когда безсрочная каторга замѣняется срочною; но, разумѣется, и этотъ придатокъ теряетъ силу, какъ скоро назначенное главное наказаніе по характеру своему исключаетъ возможность примѣненія такого придаточнаго наказанія, напр., при переходѣ отъ каторги къ поселенію.

([2]) Какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Петрова (1876 г. № 309), отдача въ монастырь на вѣчныя работы можетъ быть назначаема какъ замѣняющее наказаніе только въ томъ случаѣ, если судъ найдетъ, что виновный за кровосмѣшеніе подлежитъ ссылкѣ.

([3]) Ср. рѣшенія, приведенныя въ моемъ изданіи уложенія подъ ст. 201.

([4]) По дѣлу Умецкихъ, 1868 г. № 160, Правительствующій Сенатъ далъ иное толкованіе, указавъ, что такъ какъ внушеніе отъ духовнаго и свѣтскаго начальства, о коемъ говоритъ ст. 209 ул., не входитъ въ общую лѣстницу наказаній, то это взысканіе должно быть назначаемо и въ томъ случаѣ, когда виновный одновременно подвергается отвѣтственности за какое либо другое преступленіе. Но это разъясненіе не только не мотивировано, но и не осуществимо по отношенію къ другимъ исключительнымъ наказаніямъ: скопецъ, учинившій убійство, очевидно подлежитъ дѣйствію общихъ правилъ о совокупности.

внесенными въ общую лѣстницу, и затѣмъ, сообразно этому масштабу, опредѣлить порядокъ примѣненія къ нимъ правилъ о совокупности или давности.

Карательными мѣрами, употребляемыми въ значеніи исключительныхъ наказаній, иногда являются и общія наказанія, но назначаемыя или совершенно съ особенными сроками, напр., заключеніе въ крѣпость при дуэли, или съ особенными условіями, напр., ссылка на поселеніе при скопчествѣ; всего же чаще такія взысканія имѣютъ совершенно самостоятельный типъ.

Подробное разсмотрѣніе ихъ, конечно, можетъ быть сдѣлано только при изложеніи отдѣльныхъ преступленій, здѣсь же я ограничусь лишь общими указаніями.

Исключительныя карательныя мѣры имѣютъ иногда религіозный характеръ, каковы напр., лишеніе христіанскаго погребенія самоубійцъ, отправленіе къ духовному начальству для увѣщанія и вразумленія, заключеніе въ монастырь на работы за кровосмѣшеніе, за вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей и т. д. Другую группу имѣютъ мѣры гражданскаго характера: недѣйствительность духовнаго завѣщанія, лишеніе права наслѣдовать въ имуществѣ одного изъ родителей, взятіе имѣнія въ опеку и т. п. Но всего чаще исключительными наказаніями являются мѣры карательныя, заключающіяся или въ своеобразномъ видѣ лишенія свободы, или въ особыхъ ограниченіяхъ правоспособности, или въ своеобразныхъ имущественныхъ лишеніяхъ: таковы, напр., уединенная жизнь въ домѣ родителей подъ ихъ присмотромъ, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, вѣчное изъ предѣловъ государства изгнаніе, признаніе безвѣстно отсутствующимъ, лишеніе духовнаго сана, внушеніе отъ гражданскаго начальства, нарядъ на дежурство безъ очереди, употребленіе въ служительскія по карантину должности, обращеніе въ почтальоны изъ смотрителей, перемѣщеніе на другую станцію, назначеніе въ сторожа или караульные и т. д.

817. Къ группѣ исключительныхъ наказаній приходится нынѣ отнести и тѣлесное наказаніе, такъ какъ, по уложенію, оно теперь назначается по суду только по ст. 952, бродягамъ за ложное

показаніе о ихъ званіи и состояніи (1). Но это наказаніе еще такъ недавно занимало въ нашей карательной системѣ центральное мѣсто, придавая ей совершенно своеобразную окраску, что оно требуетъ болѣе подробнаго обзора (2).

Древнѣйшіе памятники нашего свѣтскаго законодательства не упоминаютъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ; въ нашу судебную практику оно проникаетъ посредствомъ вліянія греко-римскихъ законовъ, и прежде всего въ видѣ членовредительныхъ наказаній (3).

Впервые тѣлесныя наказанія входятъ въ систему карательныхъ мѣръ въ эпоху судебниковъ. Въ судебникѣ Великокняжескомъ 1497 г. назначается въ двухъ случаяхъ наказаніе «кнутьемъ»— за первую татьбу и за порчу межевыхъ знаковъ; но уже въ царскомъ судебникѣ, въ уставной книгѣ разбойнаго приказа, а въ особенности въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича область примѣненія тѣлесныхъ наказаній значительно расширяется (4). Главнымъ средствомъ наказанія былъ кнутъ (5), и такъ какъ самое наказаніе всего чаще было выполняемо публично, на торгу,

---

(1) Указанное въ ст. 1377 наказаніе розгами отъ 5—10 ударовъ малолѣтнихъ ремесленниковъ, и въ ст. 1261 наказаніе хлыстомъ до пяти ударовъ корабельныхъ служителей или водоходцевъ за неповиновеніе корабельщику, назначаются не въ судебномъ, а въ дисциплинарномъ порядкѣ.

(2) М. Ступинъ, исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени, 1887 г. Ср. также Максимовичъ, рѣчь, стр. 92 и сл.

(3) Въ Русской Правдѣ, хотя и упоминается о битьѣ кнутомъ, но какъ о преступномъ дѣяніи: «а у колокольницы бьютъ кнутомъ, а за ту муку 80 гривенъ». Максимовичъ, доказывая, что нашему законодательству чужды были тѣлесныя наказанія, указываетъ еще и на строгія взысканія, установленныя за обиду дѣйствіемъ свободнаго славянина по Русской Правдѣ, а также и на тотъ фактъ, что новгородцы въ XIII вѣкѣ, при заключеніи торговаго договора съ Любекомъ, не согласились на предложеніе Любекскихъ уполномоченныхъ наказывать воровъ розгами и клейменіемъ, а настояли, чтобы виновный подлежалъ наказаніямъ по законамъ страны.

(4) Подробный перечень случаевъ примѣненія тѣлеснаго наказанія по судебникамъ и по уложенію приводится какъ у Максимовича, такъ и у Ступина. И. Сергѣевскій, пособія, стр. 143, указываетъ, что по уложенію кнутъ, какъ наказаніе, назначался въ 141 статьѣ.

(5) Въ судебникѣ Великаго Князя говорится о «кнутьѣ», а оно соотвѣтствовало, по мнѣнію Максимовича, стр. 103 прим., позднѣйшему наказанію батогами. Описаніе кнута было сдѣлано Котошихинымъ; онъ же даетъ указаніе и о порядкѣ исполненія наказанія: «палачъ, вставъ сзади, наказываетъ, начинаетъ бить по

то оно и получило названіе торговой казни. Назначалось это нака-
заніе или самостоятельно или въ соединеніи съ другими, напр.
написаніемъ виновнаго въ украинные города или съ тюремным
заключеніемъ. По уложенію Алексѣя Михайловича различалос
4 вида наказанія кнутомъ: *а*—простое, *б*—нещадное и жестокое
в—публичное на торгу, въ торговые дни, при многихъ людяхъ
въ проводку, или на козлѣ (кобыла, столбъ съ перекладиной)
г—имѣвшее послѣдствіемъ ссылку, иногда даже пожизненную
Кромѣ кнута, какъ въ уложеніи, такъ и въ актахъ того времени
встрѣчаются и другія средства тѣлеснаго наказанія, въ особенно-
сти прутья, толщиною въ мизинецъ, а позднѣе, въ концѣ XVI
стол., плеть. Но самый образъ и порядокъ исполненія этого наказані
не былъ опредѣленъ закономъ, даже по большей части въ закон
не указывалось число ударовъ, различалось только наказаніе про-
стое и нещадное (1). Въ эпоху же уложенія встрѣчаются и разно

спинѣ изрѣдко, въ часъ бываетъ наноситъ ударовъ 30, 40, и какъ ударитъ по кото-
рому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто большо
ремень вырѣзанъ ножемъ мало не до костей». Описанія кнута встрѣчаются такж
у многихъ иностранныхъ писателей, см. подробныя свѣдѣнія у Сергѣевскаго
стр. 151; онъ полагаетъ, что кнутъ состоялъ изъ трехъ частей: деревяннаго кну-
товища въ ½ аршина, прикрѣпленнаго къ нему упругаго плетенаго кожанаг
стержня съ кольцомъ или кожаною петлею, къ которому прикрѣпленъ хвостъ
сыромятный ремень въ аршинъ, засушенный въ видѣ жолобка и твердый как
кость; этимъ хвостомъ и наносились удары. Ср. Stelzer, über die Knute въ Archiv
VII, стр. 402. По всей вѣроятности, въ виду разногласія въ описаніи кнута у
лицъ, непосредственно его видѣвшихъ, какъ Котошихинъ, Олеарій, Майербергъ
Якобъ, Штельцеръ и др., устройство кнута было не однообразно. Въ дѣлахъ II-го
Отдѣленія сохранилось позднѣйшее оффиціальное описаніе кнута и плетей; оно
напечатано Любавскимъ въ учебникѣ П. Калмыкова, стр. 238, прим.

(1) Во всякомъ случаѣ число это было значительно, такъ какъ по свидѣтель-
ству Князя Щербатова даже въ XVIII вѣкѣ число ударовъ доходило до 400 и болѣе,
и такъ какъ, какъ указывалъ Адмиралъ Мордвиновъ, для двадцати ударовъ потре-
бенъ цѣлый часъ, то, при большомъ числѣ ударовъ, наказаніе должно было
длиться отъ восходящаго до заходящаго солнца, причемъ смѣнялось нѣсколько
палачей. Какъ велико было при этомъ физическое страданіе можно представить
уже изъ того, что каждый ударъ пробивалъ кожу, которая отставала вмѣстѣ съ
мясомъ, оттого смертельный исходъ наказанія кнутомъ былъ явленіемъ обычнымъ.
Князь Шербатовъ, стр. 67, говорилъ: «нѣкоторые изъ нихъ въ жесточайшемъ
страданіи нежели усѣченіе главы или висѣлица, или и самое пятереніе—умираютъ,
другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчувственны отвозятся въ тюрьму
и тамъ умираютъ, а наконецъ есть и такіе, которые столь крѣпкаго сложенія, что
не умираютъ, а выздоравливаютъ». У него, стр. 69, о засѣченіи въ 1788 г. нѣкоего

образныя членовредительныя наказанія, и притомъ, какъ замѣчаетъ Сергѣевскій (стр. 135), въ троякомъ значеніи: во 1-хъ, какъ отплата за содѣянное; такъ, 10 ст. XXII главы уложенія говоритъ: а буде кто, не боясь Бога и не опасаяся государскія опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительное наругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма, и за такое его наругательство самому ему учинить тоже; во 2-хъ, какъ средство предупрежденія преступленія уничтоженіемъ пригодныхъ для того орудій, таково, въ особенности часто встрѣчавшееся въ новоуказныхъ статьяхъ 1667 г., отсѣченіе руки, носа, пальцевъ, причемъ отсѣченіе отдѣльныхъ членовъ назначалось или отдѣльно или совмѣстно и въ опредѣленной закономъ постепенности; далѣе, сюда же относится отсѣченіе языка, назначавшееся за разныя «неистовыя рѣчи», какъ говоритъ Котошихинъ,—«за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестныя ложныя слова», также за возмутительныя рѣчи и за религіозныя преступленія; въ 3-хъ, какъ средство распознанія лицъ, уже изобличенныхъ въ преступномъ дѣяніи. Такими мѣрами является клейменіе или пятнаніе, встрѣчавшееся въ нашихъ памятникахъ уже въ XIV вѣкѣ (1); клейменіе въ эпоху уложенія производилось посредствомъ раскаленнаго пятна, прикладываемаго на щеку, а городовыя сибирскія клейма накладывались на спину. Такое же значеніе имѣло отчасти и отрѣзаніе ушей, какъ это видно изъ 19 статьи XXI главы уложенія, а впослѣдствіи поротіе ноздрей и рваніе носа, хотя первоначально оно являлось какъ спеціальное наказаніе за употребленіе табака.

При Петрѣ Великомъ торговая казнь назначалась или самостоятельно, или какъ составная часть политической смерти; въ послѣднемъ случаѣ вмѣстѣ съ клейменіемъ, состоявшимъ въ началѣ

Нона; о засѣченіи на смерть свидѣтельствуетъ Вильямъ Коксъ въ его путешествіи, Русская Старина 1877 г. кн. V. Напротивъ того, Штельцеръ, Archiv, являющійся защитникомъ кнута, разсказываетъ, что случаи засѣченія были рѣдки и что если даже наказываемый умиралъ подъ ударами, то палача наказывали розгами. Онъ указываетъ, что употреблявшіеся тогда въ Германіи виды тѣлесныхъ наказаній, напр. въ Саксоніи Stiegriemensstrafe, или Gassenlaufen—были гораздо суровѣе наказанія кнутомъ.

(1) Уставная Двинская грамота 1397 г. говоритъ: «а татя всякаго пятнити».

*

царствованія Петра Великаго въ наложеніи орла на щеку (заорлить въ щеку), а позднѣе, по указамъ 1704 г. Янв. 14 и 1705 Февр. 5, въ двухъ видахъ: для болѣе тяжкихъ преступниковъ—вырѣзаніе ноздрей, а для менѣе важныхъ—клейменіе буквою В въ лобъ съ натираніемъ многократно порохомъ. Торговая казнь признана по уставамъ воинскому и морскому и по генеральному регламенту лишающею всякой чести и даже дѣлающею недостойнымъ служить въ войскѣ солдатомъ. Съ другой стороны, въ эпоху Петра Великаго прибавились новые виды тѣлесныхъ наказаній—шпицрутены и кошки—по морскому уставу.

Съ половины XVIII вѣка останавливается ростъ примѣненія тѣлеснаго наказанія; хотя и послѣ того, почти до нашего времени, оно сохраняло преобладающее значеніе не только въ практикѣ судебныхъ мѣстъ, но и въ законѣ.

Прежде всего вымираютъ, конечно, членовредительныя наказанія: отсѣченіе руки, носа, вырѣзаніе языка; они исчезаютъ съ первой половины XVIII вѣка, отмѣняясь притомъ не закономъ, а путемъ обычая (1). Всего долѣе изъ нихъ держались наказанія, служившія въ то же время удостовѣреніемъ въ прежней судимости, а именно рваніе ноздрей и клейменіе. Оба эти наказанія были отмѣнены для женщинъ указомъ 22 Янв. 1757 г. (П. С. З. 10686), а затѣмъ рваніе ноздрей было отмѣнено вообще для всѣхъ преступниковъ въ 1817 г. (2). Клейменіе же, съ отмѣною указами 1753 и 1754 гг. смертной казни за общія преступленія, сдѣлалось необходимымъ дополненіемъ всѣхъ наказаній, замѣнявшихъ казнь, клейменіе было словами «воръ»—на лбу букву В, и на щекахъ О и Р (сводъ зак. изд. 1832 г. ст. 41). (3). По уложенію (ст. 28 по изд. 1857 г.) клейменію подлежали только каторжные мущины, почему и въ клеймѣ было три буквы К. А.

---

(1) Уничтоженіе членовредительныхъ наказаній завершилось указомъ 1801 Сентября 27, отмѣнившимъ пытку; какъ сказано въ указѣ: «чтобы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

(2) Описаніе процедуры рванія ноздрей у Stelzer, über die Knute, стр. 409.

(3) Адмиралъ Мордвиновъ при обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ предположенія объ отмѣнѣ клейменія на лицѣ находилъ цѣлесообразнымъ вовсе отмѣнить клейменіе, какъ обрядъ безполезный и предосудительный.

Т.; оно ставилось по прежнему на лбу и на щекахъ (1). Наконецъ, закономъ 17 Апрѣля 1863 г. клейменіе во всѣхъ его видахъ было отмѣнено.

Область примѣненія болѣзненнаго тѣлеснаго наказанія была значительно ограничена лишь съ Екатерины. Какъ было уже указано выше, наше старое право почти не знало сословныхъ различій по отношенію къ наказанію. Торговой казни и битью батогами подвергались и высшія духовныя особы и титулованные свѣтскіе чины, иногда занимавшіе высшія государственныя должности. Первое ограниченіе было внесено жалованною грамотою дворянству 1785 г. Апрѣля 21 (п. с. з. 16187), которая въ ст. 6 и 15 постановляла «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго». Въ томъ же году изъятіе было распространено на купцовъ первыхъ двухъ гильдій и именитыхъ гражданъ, а въ 1796 г. на священнослужителей. Правда, что Императоръ Павелъ I, какъ видно изъ указа 13 Апрѣля 1797 г. (п. с. з. 17916), по поводу дѣла прапорщика Рожнова, далъ любопытное собственноручное разъясненіе жалованной грамотѣ: «какъ скоро снято дворянство, то и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать», а потому и Сенатъ указалъ впредь дворянъ и лицъ другихъ привилегированныхъ сословій (купцовъ, священнослужителей) наказывать тѣлесно по лишеніи ихъ правъ состоянія (2). Но по вступленіи на

---

(1) Ср. также ст. 800 уст. о ссыл. изд. 1857 г. Кромѣ того, по уставу о ссыльныхъ (ст. 815 по изд. 1857 г.) подлежали клейменію всѣ бѣглые ссыльно-поселенцы и каторжные буквами С. П. и С. К.; клейма налагались на лѣвой или на правой рукѣ, смотря потому, былъ ли бѣглый пойманъ въ Сибири или внѣ оной, ниже локтя и на лопаткѣ; каждый новый побѣгъ прибавлялъ и новое клеймо. Наконецъ, по ст. 618 уст. паспорт. (изд. 1857 г.) на всѣхъ бродягъ и бѣглыхъ налагался знакъ Б. О. Филипповъ, очеркъ русскаго уголовнаго права, стр. 47, говоритъ: клейма ставились машинкою, состоящею изъ множества иголокъ, расположенныхъ по одной плоскости; отъ сильнаго удара сверху иглы проникали въ кожу преступника, оставляя въ ней множество ранокъ, которыя сначала натирали порохомъ, а потомъ смѣсью изъ индиго и туши.

(2) Нашелся, впрочемъ, піита Степанъ Руссовъ, который и это невѣроятное разъясненіе правъ и вольностей Россійскаго дворянства воспѣлъ въ одѣ за то, что Императоръ: «назначилъ вору и воришку, одну награду и безлишку, одинъ нелицемѣрный кнутъ». Ступинъ, в. с., стр. 52. Интересенъ также фактъ, сообщенный въ Русскомъ Архивѣ за 1869 г., Крестьянское движеніе при Павлѣ, что Вице-Губернаторъ Митусовъ, усмирявшій крестьянъ Калужской губерніи, во все-

престолъ Александра I-го съ 1801 г. узаконенія Императрицы Екатерины II-ой снова воспріяли свою силу. Съ другой стороны, по указу Императора Павла I-го, отъ тѣлеснаго наказанія были изъяты всѣ лица старѣе 70 лѣтъ ([1]); при Павлѣ же указомъ отъ 31 Іюля 1799 г. отдѣльно отъ каторжной казни поставлено публичное наказаніе плетьми и ссылка на поселеніе въ Сибирь.

При Императорѣ Александрѣ I-мъ указомъ 18 Января 1802 г. (п. с. з. 20115) судебнымъ мѣстамъ было запрещено употреблять въ приговорѣ слова нещадно и жестоко, а затѣмъ въ 1812 г. предписано судамъ точно означать число ударовъ. Въ 1817 г. Императоромъ былъ учрежденъ особый Комитетъ въ Москвѣ объ отмѣнѣ торговой казни, названной въ указѣ «безчеловѣчною жестокостью» ([2]). «Государь Императоръ, какъ заявилъ графъ Тормасовъ при открытіи Комитета, обращая вниманіе на употребляемыя до нынѣ тѣлесныя наказанія кнутомъ и рваніе ноздрей съ постановленіемъ знаковъ и находя, что сіе наказаніе сопряжено съ безчеловѣчною жестокостью, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ Европейскомъ Государствѣ, что жестокость сія, будучи отдана, такъ сказать, на произволъ палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, которая при опредѣленія наказанія требуетъ, чтобы оно было въ точной соразмѣрности съ преступленіемъ, но большею частью находится съ оною въ противоположности, и наконецъ, что такое ужасное наказаніе, отъ котораго преступникъ не рѣдко въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ оканчиваетъ жизнь, явно противорѣчитъ уничтоженію смертной казни». . . Комитетъ нашелъ, что хотя, по измѣненію состоянія нравовъ, и можно бы было замѣнить кнутъ плетьми, но если отмѣнить торговую казнь въ отдѣльномъ указѣ, то народъ по недоразумѣнію легко можетъ вообразить, что будто

подданнѣйшемъ рапортѣ Императору доносилъ, что по прибытіи въ одну изъ деревень, не нашелъ никого изъ крестьянъ, пересѣкъ кнутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей... въ страхъ другимъ... сажая потомъ въ особо стоящую клеть.

([1]) Еще въ 1781 г. Св. Синодъ освободилъ отъ наказанія архимандрита Киріака «занеже за престарѣлыми лѣтами тѣлеснаго наказанія снести не можетъ». Отчетъ № 115.

([2]) Въ этомъ Комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Тормасова, участвовали Аракчеевъ, князь Голицынъ и Новосильцовъ.

и всякое уголовное наказаніе отмѣняется, а потому, въ виду этихъ доводовъ отмѣна торговой казни была отложена до изданія новаго уложенія. Дѣйствительно, въ 1824 г. Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта 1813 г., обсуждалъ и предположенія Комитета 1817 г., а равно и извѣстную записку Мордвинова о кнутѣ, какъ орудіи казни; при этомъ 13 членовъ подали голосъ за отмѣну кнута, 4 за удержаніе и 1 членъ (Шишковъ) воздержался отъ подачи мнѣнія. Но практическихъ послѣдствій это обсужденіе не имѣло (1).

При Императорѣ Николаѣ I-мъ въ 1829 г. было секретно постановлено, чтобы число ударовъ кнута не превышало 50, а при изданіи свода законовъ по отношенію къ значительному числу преступленій кнутъ былъ замѣненъ плетьми; затѣмъ, во время подготовительныхъ работъ по составленію уложенія былъ снова поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ (2). Составители проекта предположили замѣнить кнутъ плетьми въ томъ соображеніи, что наказаніе кнутомъ, завися отъ произвола палача, можетъ быть или орудіемъ смерти, или же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ и что сіе бываетъ въ самомъ дѣлѣ часто вслѣдствіе подкуповъ; при наказаніи же плетьми качество ударовъ замѣняется количествомъ, не представляя уже возможности по произволу дать жизнь преступнику или лишить оной. Но Мин. Юстиціи подалъ особое мнѣніе за сохраненіе кнута. Коммисія Государственнаго Совѣта предположила также отмѣнить кнутъ, но замѣнить его мѣрою, практиковавшеюся въ Остзейскихъ губерніяхъ—наказаніемъ связками лозъ. Но предъ разсмотрѣніемъ уложенія въ общемъ собраніи была заявлена Высочайшая воля о за-

---

(1) 19 Марта 1823 г. было постановлено, что наказаніе преступниковъ плетьми, производимое на площади, черезъ палача, есть торговая казнь, а производимое при полиціи, чрезъ полицейскихъ служителей, есть исправленіе, а не казнь.

(2) Уже въ 1841 г. была представлена гр. Блудову записка Зубкова о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ негласно относительно кнута и плетей. Эта записка приводитъ къ такимъ выводамъ: 1) что дѣйствіе всѣхъ орудій (по опытамъ произведеннымъ въ Москвѣ и Ярославлѣ) наиболѣе зависитъ отъ силы производящихъ наказаніе и отъ числа ударовъ; 2) что вліяніе дѣйствія кнута на виновнаго и на третьихъ лицъ сильнѣе, и 3) что посему кнутъ не можетъ быть замѣненъ плетьми. Въ томъ же смыслѣ высказался о несвоевременности отмѣны кнута Министръ Юстиціи графъ В. Н. Панинъ въ своихъ замѣчаніяхъ, представленныхъ въ комиссію уложенія.

мѣнѣ кнута увеличеннымъ числомъ ударовъ плетьми, что и было принято въ окончательной редакціи уложенія (1). Въ 1854 г. вслѣдствіе письма къ Наслѣднику Цесаревичу Потемкиной, бывшей членомъ попечительнаго Комитета, по поводу арестантки Колосовой, присужденной къ 75 ударамъ плетьми и могшей вынести только 14 ударовъ и въ безчувственномъ состояніи привезенной въ больницу, составлена была Комиссія по вопросу о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній къ слабосильнымъ, а затѣмъ на основаніи этихъ работъ состоялось Высоч. утв. мнѣніе Государ. Совѣта отъ 24 Января 1855 г. (негласное) о замѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній для лицъ, оказавшихся, по состоянію ихъ здоровья, не могущими вынести тяжести наказанія.

Дальнѣйшая исторія тѣлеснаго наказанія, какъ въ Царствованіе Императора Николая 1-го, такъ и въ началѣ царствованія Александра II-го, заключалась въ расширеніи числа лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Но съ отмѣною крѣпостнаго права, съ дарованіемъ личныхъ правъ многомилліонному низшему классу населенія, вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ естественно былъ затронутъ болѣе глубоко, въ самомъ его корнѣ. Дѣйствительно, въ Апрѣлѣ 1861 г. была передана въ Комитетъ, бывшій при II-мъ отдѣленіи, по разсмотрѣнію новаго воинскаго устава о наказаніяхъ, записка князя Николая Алексѣевича Орлова объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. При разсмотрѣніи этой записки въ Комитетѣ, а затѣмъ предположеній Комитета отдѣльными министрами и главноуправляющими, значительное большинство высказалось, если не за полную отмѣну тѣлеснаго наказанія, то за возможное ограниченіе его примѣненія (2). Послѣдствіемъ работъ этого Комитета и былъ

---

(1) Но предположеніе объ относительной безвредности плетей представлялось едва ли основательнымъ; степень ихъ болѣзненности и разрушительнаго вліянія на здоровье также вполнѣ зависѣла отъ исполнителей. Филипповъ, стр. 47, по поводу исполненія этого наказанія говоритъ: палачъ клалъ преступника на наклоненную доску, привязывая его за руки, за ноги и шею и, обнаживъ спину, сѣкъ плетью. Это орудіе по гибкости своей не рѣзало спины, какъ кнутъ, но за то отъ него спина пухла и вздымалась. Отъ двухъ, трехъ или четырехъ ударовъ преступникъ чувствовалъ такую сильную боль, что впадалъ въ безпамятство, тогда ему подносили спирту и, приведя въ чувство, продолжали казнь.

(2) Противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній высказались Министры: Юстиціи графъ Панинъ, въ подробно мотивированномъ мнѣніи, и путей сообщенія—Чев-

памятный указъ 17 Апрѣля 1863 г. и приказы отъ того же числа по военному и морскому вѣдомствамъ.

Сущность этихъ узаконеній сводится къ слѣдующему. По уложенію 1845 г. и по воинскимъ уставамъ средствами тѣлеснаго наказанія являлись: плети, шпицрутены, кошки, палки, паррутены, розги; кромѣ того, къ этимъ наказаніямъ причислялись: клейменіе и

кинъ, а въ особенности Государственный Контролеръ—Анненковъ, находившій, что въ минуту преобразованій всѣхъ основъ государственнаго быта не только было бы несвоевременно измѣненіе системы наказанія, но и всякое заявленіе по сему предмету намѣреній правительства опасно и вредно, такъ какъ возбуждаемые этимъ вопросы и толки могутъ поколебать власть, и безъ того уже ослабленную, могутъ ее совершенно парализировать; онъ находилъ несвоевременнымъ даже самое обсужденіе этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ. Равнымъ образомъ противъ отмѣны было и духовное вѣдомство, которымъ было сообщено гр. Блудову мнѣніе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній Московскаго Митрополита Филарета отъ 12 Сентября 1861 г. Его страстно написанное защитительное слово о тѣлесныхъ наказаніяхъ представляетъ несоотвѣтственное положенію іерарха глумленіе надъ доводами записки Орлова. Такъ, говоритъ онъ, нельзя считать тѣлесное наказаніе разрушающимъ нравственность, если оно узаконено самимъ Богомъ, узаконившимъ его чрезъ Моисея—«четыредесять ранъ да наложутъ ему» (Втор. XXV, 3), тѣлесное наказаніе не безчестно, такъ какъ и апостолы, какъ напр., апостолъ Павелъ, подвергались этому наказанію; при замѣнѣ тѣлеснаго наказанія тюремнымъ заключеніемъ потребовалось бы при многолюдномъ городѣ построить и содержать почти городъ тюремный, налагая чрезъ сіе новую тягость на невинныхъ и т. д.; также опровергаетъ Филаретъ и мысль о томъ, что святители христіанскіе возставали противъ тѣлесныхъ наказаній. Представители другихъ вѣдомствъ (всего 12 человѣкъ) высказались за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, причемъ между ними выдѣлялось подробное, прекрасно мотивированное, проникнутое гуманностью мнѣніе морскаго вѣдомства, подписанное Е. И. В. Константиномъ Николаевичемъ. Его Высочество выразилъ, что вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній имѣетъ столь великую государственную важность въ жизни Россіи, что всякое отлагательство въ отмѣнѣ нашихъ тяжкихъ и публичныхъ тѣлесныхъ наказаній и въ ограниченіи случаевъ употребленія тѣлеснаго наказанія вообще и въ особенности по произволу низшихъ начальниковъ и полицейскихъ чиновниковъ, сопряжено съ весьма вредными для Государства послѣдствіями, въ ущербъ народной нравственности, благаго и мирнаго развитія страны, и что необходимо стремиться къ полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ ближайшемъ будущемъ. Въ Комиссію, разсматривавшую этотъ вопросъ, были представлены также весьма интересныя записки оберъ-прокуроромъ Буцковскимъ и Московскимъ губернскимъ прокуроромъ Ровинскимъ. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта отъ 18 Іюля 1862 г. вопросъ объ ограниченіи примѣненія тѣлеснаго наказанія прошелъ большинствомъ 25 членовъ противъ 3-хъ. Впрочемъ, приведеніе въ дѣйствіе утвержденныхъ Государемъ заключеній большинства членовъ было отложено, согласно мнѣнію 12 членовъ, и послѣдовало почти черезъ годъ.

наложеніе оковъ. Послѣ закона 1863 г. къ тѣлеснымъ наказаніямъ по уложенію и воинскимъ уставамъ относятся только розги и оковы, всѣ прочіе виды этихъ наказаній отмѣнены.

Далѣе, по уложенію тѣлесное наказаніе назначалось какъ самостоятельное, дополнительное и замѣняющее; послѣ закона 1863 г. весьма уменьшилось число случаевъ, въ коихъ тѣлесное наказаніе назначалось какъ самостоятельное, совершенно отмѣнено употребленіе тѣлеснаго наказанія, какъ дополнительнаго, а какъ наказаніе замѣняющее, оно сохранено было только для случаевъ явной невозможности опредѣлить нормальное наказаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ сюда были отнесены всѣ женщины, церковнослужители, а также лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя должности по выборамъ.

Позднѣе, указомъ 30 Августа 1864 г. отмѣнено тѣлесное наказаніе для Царства Польскаго; равнымъ образомъ это наказаніе не было включено въ уставъ о наказ., налаг. мировыми судьями, и предложеніе, сдѣланное при разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ о сохраненіи и въ уставѣ розогъ, какъ наказанія замѣняющаго, было отвергнуто большинствомъ 17 членовъ противъ 6, по слѣдующимъ соображеніямъ. Наказаніе розгами, опредѣляемое взамѣнъ другихъ низшихъ исправительныхъ наказаній, вовсе не соотвѣтствуетъ своей цѣли: ибо, будучи лишено жестокости совершенно отмѣненныхъ уже шпицрутеновъ и плетей, оно для большинства нашего народа, привыкшаго съ малолѣтства къ грубому со всѣхъ сторонъ обхожденію, весьма малозначительно и не только не возбуждаетъ, говоря вообще, особеннаго между виновными страха, но, напротивъ того, весьма часто предпочитается лишенію свободы, уплатѣ денежнаго взысканія или отдачѣ въ общественныя работы. Изъ опыта извѣстно, что наказаніе это представляетъ въ сущности даже почти безнаказанность: ибо виновный, получивъ извѣстное число ударовъ, отпускается на свободу и имѣетъ всю возможность къ дальнѣйшему удовлетворенію могущихъ быть у него порочныхъ склонностей. Между тѣмъ тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягченію нравовъ народа и не дозволяя развиться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга, которое

служитъ еще болѣе вѣрною охраною общества отъ преступленій, чѣмъ самая строгость уголовнаго преслѣдованія.

Послѣ закона 1863 г. шпицрутены остались только для ссыльныхъ; но тогда же Военный Министръ заявилъ, что невозможно оставлять на войскахъ столь тягостную и несовмѣстную съ ихъ званіемъ обязанность, какъ исполненіе этого вида наказанія. Поэтому 30 Августа 1863 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: впредь до пересмотра законоположеній о наказаніи ссыльныхъ, замѣнять шпицрутены для нихъ плетьми, примѣняясь къ 831 ст. уст. о ссыл. (по изд. 1857 г.), а затѣмъ эти предположенія получили окончательное утвержденіе по закону 28 Октября 1871 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ комиссіи, подготовлявшей въ 1861 г. законопроектъ объ ограниченіи примѣненія тѣлесныхъ наказаній, было предположено отмѣнить таковое и для женщинъ ссыльныхъ, или по крайней мѣрѣ отмѣнить для нихъ плети, и это предположеніе было внесено въ 10 пунктъ законопроекта, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ; но въ Государственномъ Совѣтѣ этотъ вопросъ остался безъ движенія, въ виду предполагавшагося общаго пересмотра законовъ о наказаніи ссыльныхъ. Позднѣе въ 1867 г. г. Министръ Юстиціи, во внесенномъ имъ законопроектѣ о наказаніи ссыльныхъ, также полагалъ вовсе отмѣнить тѣлесное наказаніе для женщинъ; но и это предположеніе осталось безъ движенія до болѣе подробной разработки правилъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ другими взысканіями. На необходимость таковой отмѣны и при томъ въ возможно скоромъ времени указывали Генералъ-Губернаторы Восточной и Западной Сибири въ ихъ отчетахъ Министерству, въ 1869—1871 гг., причемъ они предполагали замѣнять это наказаніе или одиночнымъ заключеніемъ или усиленіемъ строгости содержанія. Тѣ же мнѣнія были высказаны особо составленною по этому вопросу въ 1874 г. коммисіею при Министерствѣ Юстиціи; но и эти предположенія не осуществились послѣ долголѣтняго разсмотрѣнія предположеній этой коммисіи въ различныхъ Министерствахъ, такъ что въ Мартѣ 1891 г. Министръ Юстиціи, въ виду того, что со времени окончанія работъ этой коммисіи прошло уже 16 лѣтъ, въ теченіи которыхъ по тюремному вѣдомству совершены новыя существенныя измѣненія, нашелъ нужнымъ образовать по этому предмету

новую коммисію подъ предсѣдательствомъ Сенатора Шрейбера, которая и окончила свои занятія къ 1892 году.

Наконецъ, закономъ 24 Апрѣля 1884 г., вмѣстѣ съ отмѣною рабочихъ и смирительныхъ домовъ, были отмѣнены и правила о замѣнѣ ихъ розгами (ст. 78 и 80 улож. изд. 1866 г.), а закономъ 25 Ноября 1885 г., состоявшимся по представленію статсъ-секретаря Э. В. Фриша, отмѣнено тѣлесное наказаніе, какъ замѣна тюрьмы и ареста (ст. 81 и 82 улож.), такъ что нынѣ наказаніе розгами отъ 30—40 ударовъ, сохранилось только какъ наказаніе, налагаемое судомъ по ст. 952 улож. для бродягъ непомнящихъ родства, за ложное показаніе предъ судомъ. Это наказаніе сохранилось, не смотря даже на то, что оно противорѣчитъ основному принципу уголовнаго судопроизводства 1864 г., устранившаго всякое принужденіе подсудимыхъ показывать на судѣ правду (1). Относительно порядка исполненія наказанія розгами въ уст. угол. судопр. никакихъ постановленій не содержится, но въ зак. о судопр. по проступкамъ, ст. 535 и сл. (изд. 1876 г.), указано, что наказаніе розгами выполняется при полиціи чрезъ полицейскихъ служителей въ присутствіи врача, который долженъ тщательно осмотрѣть, можетъ ли выдержать приговоренный тѣлесное наказаніе въ назначенномъ размѣрѣ и пріостановить или отмѣнить наказаніе въ случаѣ опасности.

Кромѣ сего, тѣлесное наказаніе въ нашемъ правѣ сохраняется и нынѣ:

1) какъ мѣра дисциплинарная, указанная въ самомъ же уложеніи, въ ст. 1261 и 1377;

2) какъ мѣра дисциплинарная для переведенныхъ въ разрядъ штрафованныхъ и для содержащихся въ дисциплинарныхъ батальонахъ по законамъ воинскимъ;

3) какъ наказаніе за преступныя дѣянія, подсудныя волостному суду (2);

---

(1) Хотя и въ этомъ случаѣ наказаніе розгами можетъ быть названо собственно дополнительнымъ, такъ какъ оно соединяется съ наказаніемъ, назначаемымъ за бродяжество по ст. 951.

(2) Волостной судъ можетъ назначить наказаніе розгами по 36 и сл. статьямъ правилъ 12 Іюля 1889 г.: 1) за проступки, указанные въ ст. 31, 38, 49, 132, 134, 135, 140—143 и 180 (1 ч.) уст. о нак.; 2) за повтореніе въ теченіе года проступка, за который виновные подвергались уже аресту; 3) за совершеніе нѣсколькихъ про-

4) какъ наказаніе и дисциплинарная мѣра по уставу о ссыльныхъ, и

5) какъ мѣра дисциплинарная по отношенію къ находящимся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, по уставу о содер. подъ стражею.

Что касается другаго вида тѣлеснаго наказанія, упоминаемаго въ 1 п. прил. къ ст. 30 улож.,—наложенія оковъ, то оно не составляетъ наказанія, опредѣляемаго судомъ, а является мѣрою тюремной дисциплины, порядокъ примѣненія коей опредѣляется въ соотвѣтственныхъ постановленіяхъ устава о ссыльныхъ и содержащихся подъ стражею.

Благодаря столь узкому объему примѣненія, тѣлесное наказаніе нынѣ потеряло значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратило значеніе и подробное исчисленіе въ прил. къ ст. 30 лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ для практики важно только одно различіе, указанное въ ст. 89—лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по правамъ состоянія, отъ всѣхъ прочихъ категорій изъятыхъ, въ виду основаннаго на немъ примѣненія ссылки на житье или заключенія (1).

ступковъ, изъ которыхъ за каждый опредѣленъ арестъ или болѣе строгое наказаніе; 4) за кражу, мошенничество, присвоеніе и за покушеніе на нихъ, за мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство и за нарушеніе условій найма, указанныхъ въ ст. 17 правилъ. Приговоръ волостнаго суда, приговаривающій къ тѣлесному наказанію, исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который можетъ замѣнить его другимъ; всѣ приговоры могутъ быть обжалованы уѣздному собранію. Не предписывая розгу, говоритъ Обнинскій (Юр. Вѣст. 1872 г. № 1, стр. 55), а лишь допуская ее въ исключительныхъ случаяхъ, какъ уступку нѣкоторымъ бытовымъ прискорбнымъ особенностямъ, новый законъ отнялъ у волостныхъ судовъ дотолѣ безконтрольное право ея примѣненія и нетолько установилъ за ними контроль высшей инстанціи, но и даровалъ ей власть замѣнять тѣлесное наказаніе инымъ, не столь позорящимъ и не столь развращающимъ; но, какъ указываетъ далѣе и Обнинскій, эта контролирующая власть, вопреки закону, направляетъ дѣятельность волостныхъ судовъ именно къ возможному расширенію примѣненія этого наказанія.

(1) По приложенію къ ст. 30 изъятые раздѣляются на группы по объему и по основаніямъ изъятія. По объему: 1) безусловно за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя ими до потери по суду (т. е. до вступленія приговора въ законную силу) правъ состоянія, напр., дворяне, священнослужители, почетные граждане и др.; 2) условно—во время нахожденія въ извѣстномъ состояніи или должности, какъ, напр., купцы обѣихъ гильдій, изъятые только за преступныя дѣянія, совершенныя во время нахожденія ихъ въ гильдіи, выборныя лица крестьянскаго управле-

§ 3. Оцѣнка карательныхъ мѣръ.

I. Смертная казнь (1).

818. Ограниченіе области примѣненія смертной казни.

819. Отмѣна квалифицированной смертной казни и публичности ея примѣненія.

820. Уменьшеніе числа случаевъ примѣненія смертной казни.

821. Оцѣнка доводовъ за и противъ смертной казни.

818. Обращаясь къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, нужно начать съ смертной казни, какъ наказанія, прекращающаго самое физическое бытіе осужденнаго.

Имѣетъ ли государство право отнимать у преступника высшее благо, данное ему провидѣніемъ—жизнь? Вызывается ли такое наказаніе требованіями справедливаго воздаянія за учиненное? Можетъ ли государство оправдать или доказать необходимость подобной карательной мѣры для поддержанія и охраны правопорядка?

нія, станціонные смотрители и т. д. (п. 6 прил.); 3) только при учиненіи проступковъ, не влекущихъ потери всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, какъ, напр., мѣщане, крестьяне, награжденные за службу по выборамъ медалями или кафтанами. По основаніямъ изъятія: 1) по правамъ состоянія—указанныя въ п. 3 приложенія и вообще всѣ тѣ, объ изъятіи коихъ внесено въ соотвѣтственныя постановленія законовъ о состояніяхъ, а равно и ихъ семьи; 2) по особымъ постановленіямъ, какъ, напр: а) по физическимъ условіямъ,—одержимые болѣзнями, указанными въ приложеніи къ ст. 88 ул., престарѣлые, женщины; б) по воспитанію—перечисленные въ п. 5 приложенія, хотя бы они и не пріобрѣли правъ почетнаго гражданства; в) по особеннымъ привилегіямъ, какъ нѣжинскіе греки, бессарабскіе личные дворяне, бывшіе бояринаши; г) по занимаемымъ должностямъ; д) по награжденію разными знаками отличія; е) изъятые на основаніи военныхъ постановленій и т. д.

(1) Изъ почти необъятной спеціальной литературы вопроса заслуживают особеннаго вниманія: А. Кистяковскій, изслѣдованіе о смертной казни, 1867 г. Berner, Abschaffung der Todesstrafe, два изд. 1861 и 1863 г. (переводъ на русскій языкъ Филиппова); C. Mittermaier, die Todesstrafe, 1862 г. (переведено на все европейскіе языки; русскій переводъ Сарачова); Geyer, die Todesstrafe, 1869 г. Hetzel, die Todesstrafe in ihrer Kulturgechichtlichen Enwicklung, 1870 г.,—у него

Отвѣтъ на это, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Кистяковскій, подсказываетъ исторія этого наказанія. Давно ли миновало то время, когда эта казнь являлась основою правосудія, когда она была излюбленною угрозою законодателя и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, съ кровавыми придатками, предшествующими ей, съ позорными обрядами, ее сопровождавшими, а нынѣ она занимаетъ болѣе чѣмъ скромный уголокъ. Всего сто лѣтъ тому назадъ формула, провозглашенная французскимъ учредительнымъ собраніемъ, что смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни, была принята какъ таранъ, разшатывающій твердыню правосудія, а для насъ эта формула кажется странною въ кодексѣ по ея излишеству, возбуждая невольный вопросъ: да въ чемъ же иномъ можетъ состоять смертная казнь? Сомнѣнія, высказанныя Беккаріею въ его безсмертномъ трудѣ о цѣлесообразности смертной казни, представлялись ересью среди юристовъ, тлетворнымъ мечтаніемъ; но съ каждымъ десятилѣтіемъ число этихъ мечтателей возрастало, ихъ доводы получали все болѣе и болѣе практическій характеръ, въ ихъ рядахъ, вмѣстѣ съ государственными дѣятелями, оказались почти всѣ авторитетныя имена современныхъ представителей науки уголовнаго права (1), такъ

подробныя библіографическія указанія; Holtzendorf, Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe, 1875 г.; Guizot, de la peine de mort, 1822 г., 2 изд. 1838 г.; Du Boisaymé, de la peine de mort, 1863 г.; Haus, la peine de mort, son passé, son présent, son avenir, 1867 г.; D'Olivecrona, de la peine de mort, trad. franç. 1868 г.

(1) Въ Германіи—Миттермайеръ, Гефтеръ, Кестлинъ, Бернеръ, Зегеръ, Гейнце, Глазеръ, Вальбергъ, Гольцендорфъ, Гейеръ, Шварце и Мейеръ; во Франціи и Бельгіи—Люка, Беранже, Эли, Госъ (Haus), Нипельсъ, Тониссенъ, Ортоланъ; въ Италіи—Манчини, Каррара, Пессина, Эллеро, Канонико; Оливекрона въ Швеціи; въ Россіи Будзинскій, Кистяковскій, Неклюдовъ, Сергѣевскій, Спасовичъ, Фойницкій, Владиміровъ. Изъ защитниковъ—въ Германіи, Гейбъ, Гельшнеръ, Янка, Абеггъ; Листъ находитъ, что смертная казнь не удовлетворяетъ требованіямъ наказанія, но она должна быть сохранена пока лишеніе свободы не имѣетъ устрашающаго и обезпечивающаго значенія; во Франціи—Росси, Берто, Лефоръ, Вилле, Тиссо, Жоли, Гарро, въ особенности же Требюсьенъ (1, № 265); въ Россіи—Баршевъ и Лохвицкій. Нельзя, впрочемъ, не добавить, что между защитниками насчитывается много такихъ, которые, не признавая смертную казнь цѣлесообразнымъ наказаніемъ, находятъ ея отмѣну лишь преждевременною, какъ, напр. Гельшнеръ въ послѣднемъ трудѣ, Гарро. Гетцель, въ приложеніи къ своей книгѣ,

что нынѣ мы видимъ обратное явленіе: замираютъ голоса сторонниковъ смертной казни, уменьшается текущая литература по этому предмету, указывая, что вопросъ потерялъ свою жгучесть, что противники смертной казни не встрѣчаютъ серьезной научной оппозиціи, что она нынѣ болѣе опирается на силу преданія, чѣмъ на силу убѣжденія. Недавняя попытка итальянской антропологической школы выступить въ защиту необходимости примѣненія смертной казни къ преступникамъ прирожденнымъ была послѣднею вспышкою, лишенною практическаго значенія.

Обратимся же къ даннымъ, подтверждающимъ только что высказанныя положенія, и прежде всего къ законодательнымъ постановленіямъ по этому предмету важнѣйшихъ государствъ.

Англія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія занимала первое мѣсто по количеству преступленій, караемыхъ смертною казнью. По свидѣтельству Блэкстона, въ его время англійскіе законы знали до 160 преступленій, обложенныхъ смертью, а по счету другихъ, даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія ихъ число доходило до 240, причемъ наравнѣ съ государственными преступленіями, съ тяжкими посягательствами на личность, какъ убійство, изнасилованіе, тою же казнью угрожалъ законъ за угрозу на письмѣ, за увѣчье животныхъ, за лѣсныя порубки, за кражу изъ лавокъ на сумму свыше 5 шиллинговъ, кражу въ церкви, на ярмаркѣ на сумму свыше 1 шиллинга, кражу животныхъ и т. д. Но, начиная съ тридцатыхъ годовъ, въ особенности въ силу статутовъ королевы

дѣлаетъ перечень извѣстной ему литературы вопроса и раздѣляетъ сочиненія, отвергающія смертную казнь и защищающія ее, причемъ къ послѣднимъ онъ относитъ и тѣхъ, которые признаютъ отмѣну смертной казни несвоевременною; изъ этого обзора, начинающагося съ появленія книги Беккаріи, получаются слѣдующія цифровыя данныя:

	противники	защитники	на 100 противн.	на 100 защит.
съ 1764—1799	45	61	43	57
— 1800—1830	55	33	63	37
— 1830—1847	73	46	64	36
— 1848—1869	158	48	77	23
	331	188		

Викторіи 1837 и 1841 гг., число преступленій, караемыхъ смертью, стало значительно уменьшаться, а послѣ консолидированныхъ статутовъ 1861 г. къ этой группѣ относятся лишь: посягательство на особу королевы и членовъ царствующаго дома; бунтъ, сопровождавшійся насиліемъ, убійствами и т. п.; убійство (murder), объемлющее, впрочемъ, и злоумышленное нанесеніе ранъ, окончившееся смертью; морской разбой и поджогъ доковъ и арсеналовъ.

Во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія смертная казнь назначалась въ 119 случаяхъ (1). По code pénal 1810 г. она назначалась еще въ 39 случаяхъ, причемъ за отцеубійство была сохранена даже квалифицированная смертная казнь; но это число было значительно уменьшено реформами 1832 и въ особенности 1848 гг., отмѣнившими эту казнь за преступленія политическія (2), хотя и теперь по числу случаевъ, облагаемыхъ этою казнью, французскій кодексъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣсто, причемъ смертная казнь назначается не только за тяжкіе виды убійства, но и за другія преступленія, окончившіяся смертью потерпѣвшаго, какъ кастрація, или грозившія опасностью жизни—лишеніе свободы, истязанія, поджогъ, взрывы и т. п. (3).

---

(1) Въ 1791 г. въ учредительномъ собраніи депутатъ Лепелетье-Сенъ-Фаржо отъ имени комитета конституціи и уголовнаго законодательства внесъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни за всѣ преступленія, кромѣ политическихъ; но собраніе послѣ долгихъ преній отклонило это предложеніе. Въ 1793 г. Кондорсе внесъ то же предложеніе въ конвентъ и также безъ успѣха; но въ IV годъ республики конвентъ издалъ декретъ: что со дня объявленія всеобщаго мира смертная казнь будетъ отмѣнена во всей республикѣ. При этомъ въ собраніи въ числѣ противниковъ смертной казни явились Робеспьеръ (произнесенная имъ 30 Мая 1791 г. рѣчь была напечатана отдѣльно въ Парижѣ въ 1830 г.) и Маратъ (ср. подробныя свѣдѣнія у Hetzel, стр. 164 и сл.). Во французскихъ законодательныхъ собраніяхъ и впослѣдствіи неоднократно дѣлались предложенія объ отмѣнѣ смертной казни: въ 1848 г.—Викторомъ Гюго; въ 1865—Жюль Фавромъ; въ 1870 г.—Жюль Симономъ; въ 1877 г.—Луи Бланомъ, но безуспѣшно.

(2) Въ томъ же году была отмѣнена и квалифицированная смертная казнь за отцеубійство, но сопровождавшій наказаніе обрядъ остался и нынѣ, вызывая порицаніе криминалистовъ. Въ 1853 г. было разъяснено, что посягательство на жизнь императора не подходитъ подъ дѣйствіе закона 1848 г., а наказывается какъ parricide. Равнымъ образомъ, французскій кассаціонный судъ, по дѣлу объ убійствѣ генерала Бреа, разъяснилъ, что убійство, хотя бы совершенное и съ политическою цѣлью, не подходитъ подъ дѣйствіе закона 1848 г.

(3) Lainé, traité, № 288 и сл.; Ortolan, Eléments, II, стр. 122 и сл.

Въ Германіи Каролина угрожала смертью за 44 рода преступныхъ дѣяній, почти такое же количество знало прусское земское право 1794 г., а германскій кодексъ 1872 г. сохраняетъ смертную казнь только въ двухъ случаяхъ: при предумышленномъ убійствѣ (Mord) и при посягательствѣ на жизнь Императора Германскаго или главы отдѣльнаго государства, когда посягательство учинено его подданнымъ или лицомъ, находящимся на территоріи этого государства (1). Сверхъ того, по спеціальному закону 1884 г. ,она назначается за злоупотребленіе взрывчатыми веществами, какъ скоро отъ сего произошла смерть человѣка, которую виновный могъ предвидѣть. По военно-уголовнымъ законамъ число случаевъ примѣненія смертной казни значительнѣе.

Въ Австріи число случаевъ, облагаемыхъ смертною казнью и притомъ квалифицированною, было чрезмѣрно еще по кодексу Маріи Терезіи (2); но уже кодексъ 1803 г., исправленный въ 1852 г., допускалъ ее только въ пяти случаяхъ—бунтъ, предумышленное убійство, разбой, сопровождавшійся убійствомъ, поджогъ съ отягчающими обстоятельствами и нѣкоторые общеопасные случаи поврежденія желѣзнодорожныхъ сооруженій, а по новому проекту она сохраняется только въ двухъ случаяхъ: при

---

(1) На франкфуртскомъ національномъ собраніи 1848 г. (подробно у Hetzel, стр. 298) отмѣна смертной казни была отнесена къ числу основныхъ правъ Германской націи большинствомъ 288 противъ 146, а затѣмъ казнь была отмѣнена въ Баденѣ, Вюртембергѣ и большинствѣ мелкихъ государствъ, хотя впослѣдствіи въ этихъ государствахъ была снова возстановлена. При обсужденіи проекта сѣверо-германскаго кодекса въ 1870 г. депутатъ Шлавкъ сдѣлалъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни и при второмъ чтеніи это предложеніе было принято большинствомъ 118 противъ 81. Но вслѣдъ затѣмъ Бисмаркъ, въ рѣчи своей 23 Мая 1870 г., прибѣгъ въ защиту смертной казни къ наиболѣе сильному аргументу, что правительство въ случаѣ ея непринятія возьметъ проектъ назадъ и тѣмъ устранитъ навсегда возможность юридическаго объединенія Германіи; тогда при третьемъ чтеніи смертная казнь была сохранена большинствомъ 127 противъ 119, но въ весьма ограниченномъ, сравнительно съ проектомъ, числѣ случаевъ. Съ введеніемъ Германскаго уложенія смертная казнь была возстановлена въ 6 германскихъ государствахъ, въ томъ числѣ въ Саксоніи, гдѣ она была отмѣнена въ 1868 г., и въ В. Г. Ольденбургскомъ.

(2) Впрочемъ, при преемникѣ Маріи Терезіи Іосифѣ II смертная казнь была вовсе отмѣнена въ 1787 г.; но снова возстановлена въ 1796 г. при Францѣ II. Ср. Wahlberg, neuere Praxis und Geschichte der Todesstrafe in Oesterreich. Gesam. Schrif. II, стр. 138.

предумышленномъ убійствѣ и при посягательствѣ на особу императора.

Въ бо̀льшемъ объемѣ назначается смертная казнь по кодексамъ скандинавскимъ; такъ, напр., кодексъ шведскій 1864 г. угрожаетъ ею въ 23 случаяхъ (1).

Но за то смертная казнь вовсе отмѣнена по законодательствамъ: Румыніи съ 1864 г., Португаліи съ 1867 г., Голландіи съ 1870 г., Италіи съ 1890 г. Въ Швейцаріи (2) по конституціи 1874 г. была также отмѣнена смертная казнь; но въ 1879 г. это постановленіе замѣнено воспрещеніемъ примѣненія смертной казни къ преступленіямъ политическимъ, хотя до настоящаго времени смертная казнь возстановлена лишь въ 8 кантонахъ (изъ 25) и притомъ весьма незначительныхъ (Ури, Швицъ, Обвальденъ, Аппенцель, Валлисъ, Цугъ, С.-Галленъ и Люцернъ); причемъ въ нихъ хотя и были приговоры къ смертной казни, но до 1892 г. ни одинъ исполненъ не былъ (3).

819. Но угроза смертью не только значительно уменьшилась въ законодательствахъ, она въ то же время, такъ сказать, упростилась, потеряла свой прежній обликъ, потрясающій современнаго человѣка своею жестокостью. Трудно представить себѣ, сколь изобрѣтательна была человѣческая фантазія по отношенію къ тѣмъ мученіямъ, которыя предшествовали лишенію жизни и заставляли осужденныхъ просить, какъ милости, послѣдняго удара.

Кистяковскій въ своемъ изслѣдованіи о смертной казни (стр. 254 и сл.), перечисляя употребительнѣйшіе виды отягченной смертной казни въ средніе вѣка и до XVII вѣка, насчитываетъ

(1) Ср. историческія и статистическія данныя о смертной казни въ Швеціи d'Olivecrona, de la péine de mort, 1868 г.

(2) Подробныя свѣдѣнія о смертной казни въ Швейцаріи у Stoos, die Grundüge des Schweizerischen Strafrechts, 1892, стр. 285—303.

(3) Ходъ отмѣны смертной казни, говоритъ Кистяковскій, стр. 242, былъ слѣдующій: въ XVIII столѣтіи она была почти вполнѣ отмѣнена за преступленія противъ религіи, противъ нравственности, и за большую часть посягательствъ противъ собственности. Въ теченіе XIX ст. она отмѣнена почти за всѣ остальные виды преступленій противъ собственности, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ заключали посягательства на жизнь отдѣльныхъ лицъ и общественную безопасность. Нынѣ она остается за преступленія государственныя въ тѣсномъ смыслѣ и за преступленія противъ жизни; но область и этихъ преступленій съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе съуживается.

*

ихъ болѣе 20, въ томъ числѣ: кипяченіе въ маслѣ, винѣ, или водѣ, колесованіе, четвертованіе и разрѣзываніе, распятіе, сожженіе, закопаніе живымъ, содраніе кожи, вытягиваніе кишекъ, заливаніе горла металломъ, мореніе голодомъ, засѣченіе и т. д., причемъ каждое изъ этихъ наказаній допускало самые разнообразные оттѣнки и комбинаціи. Нерѣдко казни, особенно въ чрезвычайныхъ случаяхъ, выдумывались ad hoc, по совѣщанію съ людьми опытными и свѣдущими. Таковы, напр., получившія по своей жестокости историческую извѣстность—казни Равальяка въ 1610 г. и Даміена въ 1757 г. Равальяка положили на спину на эшафотъ и крѣпко прикрѣпили цѣпями всѣ части тѣла, затѣмъ къ рукѣ его привязали орудіе преступленія и жгли ее сѣрнымъ огнемъ, затѣмъ клещами рвали въ разныхъ мѣстахъ тѣло и лили въ раны расплавленный свинецъ, масло и сѣру, потомъ каждый членъ тѣла прикрѣпили къ лошадямъ и заставляли ихъ тянуть сначала небольшими порывами, а потомъ изъ всѣхъ силъ, пока эти части не оторвались; наконецъ, всѣ части тѣла были собраны вмѣстѣ и сожжены, а прахъ развѣянъ по вѣтру.

Въ 1745 г. защитники претендента въ Шотландіи должны были, какъ сказано въ приговорѣ, висѣть, но не до смерти, имъ заживо нужно было вырвать кишки, затѣмъ вырѣзать сердце и сжечь, а потомъ уже отрубить голову, чтобы они по возможности при жизни испытали преддверіе адскихъ мукъ.

По кодексу Маріи Терезіи для Австріи 1768 г. обыкновенными добавками смертной казни были: рваніе тѣла раскаленными щипцами, вырѣзываніе ремней изъ спины, отрѣзываніе грудей и т. д. (1).

Теперь повсюду смертная казнь выполняется однимъ актомъ, преимущественно посредствомъ гильотины, какъ сравнительно наиболѣе скораго и безболѣзненнаго лишенія жизни (2).

---

(1) Изъ Германскихъ государствъ въ Саксоніи сожженіе было отмѣнено только съ изданіемъ кодекса 1838 г., а въ княжествѣ Рейсъ-Грейцъ въ томъ же году былъ даже случай примѣненія этого наказанія. Въ Вюртембергѣ колесованіе отмѣнено только въ 1824 г. Ср. Koestlin, System, стр. 466.

(2) Возраженія, дѣлаемыя противъ гильотины нѣмецкими криминалистами на основаніи исторической роли этого рода казни въ эпоху террора, конечно, не имѣютъ серьезнаго значенія, такъ какъ весь вопросъ сводится къ тому, чтобы сдѣлать наказаніе наименѣе мучительнымъ для осужденнаго. Проектъ нашего

Самая казнь отправлялась не только публично, но по возможности на людныхъ площадяхъ, при большомъ стеченіи народа, или на перекресткахъ большихъ дорогъ, гдѣ трупы казненныхъ были бы издали видны проходящимъ. Не только не убирались эшафоты и висѣлицы, но и самые трупы убитыхъ не снимались цѣлыми годами. При Петрѣ В. лобная площадь въ Москвѣ была уставлена рожнами, на которые воткнуты были головы, и висѣлицами, на которыхъ мотались трупы стрѣльцовъ, и только въ 1727 г. были сняты эти висѣлицы и столбы и тѣла казненныхъ похоронены. То же мы видимъ и во всей Европѣ (Кистяковскій, стр. 252 и сл.), и не одинъ языческій Римъ устраивалъ зрѣлища травли осужденныхъ звѣрями, сожженіе «свѣточей христіанства»; совершенно то же дѣлала позднѣе и христіанская Европа, казня еретиковъ и чернокнижниковъ. Въ Испаніи церемонія сожженія еретиковъ длилась цѣлыми днями, торжественныя сожженія назначались въ дни особенно важныхъ государственныхъ событій, какъ вступленія на престолъ, брака королей и т. п. (1). На казняхъ, даже такихъ, какъ описанная выше казнь Равальяка, присутствовала не только чернь, но дамы высшаго общества, въ роскошныхъ туалетахъ. Король Испанскій, какъ нѣкогда Неронъ, самъ подавалъ знакъ для начатія торжественныхъ auto da fe. Самое исполненіе смертной казни не только въ тѣ времена, когда казнь являлась жертвоприношеніемъ, религіознымъ обрядомъ, когда она, естественно, выполнялась жрецами-первосвященниками, царями (ср. Кистяковскій, стр. 268), но и гораздо позднѣе вовсе не считалось чѣмъ либо позорнымъ. Въ средне-вѣковой Германіи нерѣдко палачи возводились въ дворянское достоинство; во Франціи самый титулъ ихъ «maître des hautes oeuvres» показы-

---

редакціонной коммисіи сохранилъ висѣлицу, въ тѣхъ соображеніяхъ, что введеніе обезглавленія машиною было бы для насъ нововведеніемъ, а между тѣмъ практика и этого вида смертной казни указываетъ случаи крайне неудачнаго исполненія, когда падающій ножъ или топорикъ не отрубалъ головы, а наносилъ только рану, создавая отвратительное зрѣлище акта неудавшейся бойни, а иногда борьбы тяжко-раненаго съ палачами. Коммисія также не рѣшилась на введеніе предлагавшагося нѣкоторыми способа лишенія жизни отравленіемъ или электрическимъ токомъ.

(1) Loiseleur, les crimes et les peines, 1863 г., стр. 129.

валъ, что они занимали почетное положеніе. Петръ Великій въ Преображенскомъ собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ; «въ Преображенскомъ, говоритъ Соловьевъ, происходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 Октября (1698) приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра—Алексашка (Менщиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ» (1). Котошихинъ говоритъ: «а въ палачи на Москвѣ и въ городахъ ставятся всякаго чину люди, кто похочетъ»; право брать насильно кого угодно изъ присутствующихъ при казни въ подмогу палачу было у насъ запрещено только указомъ 28 Апрѣля 1768 г. (п. с. з. № 13108).

Но какъ измѣнились всѣ эти условія къ настоящему времени! Даже сохраняя публичность смертной казни, ее стали исполнять въ мѣстахъ наиболѣе глухихъ, въ возможно ранніе часы, иногда даже тщательно скрывая отъ народа время исполненія казни, и, наконецъ, мало по малу почти во всѣхъ государствахъ введена система непубличнаго ея исполненія (2).

Также измѣнилось и общественное положеніе палача. Какъ замѣчаетъ Кистяковскій (стр. 272), нынѣ для европейскаго жителя обязанность палача составляетъ предметъ ужаса и отвращенія; палачъ—это лицо отверженное, одно прикосновеніе къ которому считается оскверненіемъ; преступникъ легче можетъ возвратиться въ лоно общества, которое его извергло, и примириться съ нимъ, чѣмъ палачъ. Торговцы, говоритъ Луазелёръ (стр. 275), отказываются продавать палачу съѣстные припасы; деньги его внушаютъ народу ужасъ; народъ смотритъ на нихъ, какъ на цѣну пролитой крови; онъ вѣритъ, что на каждой монетѣ палача есть кровавое пятно, и, если случится получить нѣсколько этихъ проклятыхъ монетъ, онъ бросаетъ ихъ въ сторону, боясь отъ нихъ несчастья. Почти то же говоритъ С. Максимовъ (3) о по-

(1) Соловьевъ, исторія Россіи, т. XIV, стр. 280 и сл.

(2) Теперь публичное исполненіе смертной казни сохранилось изъ большихъ государствъ только во Франціи; но по изготовленному нынѣ проекту новаго уложенія предполагается во Франціи отмѣна публичности казни.

(3) Сибирь и каторга, I, стр. 319.

ложеніи палачей въ Сибири: «крестьяне гнушались раздѣлить съ палачомъ кусокъ хлѣба, посадить его за столъ, прикосновеніе его руки считалось оскверненіемъ». Оттого и понятно указаніе, сдѣланное еще Мордвиновымъ, что хотя палачъ получалъ иногда большія деньги (онъ говоритъ до 10.000 р.) отъ подлежащихъ тѣлесной казни, но трудно было найти желающихъ быть палачомъ и приходилось выбирать изъ наиболѣе тяжкихъ преступниковъ; мало того, хотя принявшій обязанность палача освобождается отъ слѣдующаго ему тяжкаго наказанія, тѣмъ не менѣе многіе изъ преступниковъ предпочитали плети и каторгу исполненію кровавыхъ обязанностей палача.

820. Наконецъ, еще знаменательнѣе постоянное уменьшеніе числа осужденныхъ и казненныхъ. Хотя мы и не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ относительно примѣненія смертной казни въ средніе вѣка и въ XVII вѣкѣ за всѣ преступленія, а имѣемъ только отрывочныя данныя, хотя иногда цифры казнимыхъ, приводимыя изъ той эпохи, могутъ быть нѣсколько преувеличены, но тѣмъ не менѣе онѣ представляются достаточными для сравненія минувшаго съ настоящимъ. Значительное число казненныхъ падало на государственныя преступленія, на казни бунтовщиковъ, заговорщиковъ, но еще бо́льшее на долю преступленій религіозныхъ: еретики, во славу Божію, истреблялись не сотнями и тысячами, а десятками тысячъ, иногда цѣлые города и провинціи предавались огню и мечу, по требованію представителей церкви, не только предавшихъ забвенію и попранію евангельскія слова мира и любви, но даже во время наибольшихъ кровопролитій фарисейски восклицавшихъ: «ecclesia abhorret sanguinem». Въ одной Испаніи инквизиція сожгла болѣе 35.000 чел.; 16 Февраля 1568 г. святая инквизиція осудила на смерть всѣхъ жителей Нидерландовъ, какъ еретиковъ за исключеніемъ поименно указанныхъ, и Филиппъ II, утвердивъ этотъ чудовищный приговоръ, далъ повелѣніе о немедленномъ приведеніи его въ исполненіе, безъ различія пола, возраста и ранга. Правда, этотъ приговоръ не былъ исполненъ полностью; но тѣмъ не менѣе въ Нидерландахъ суды Карла V казнили, по исчисленію Сарпи, 50.000, а по исчисленію Гуго-Гроція—до 100.000 ерети-

ковъ, да при Филиппѣ II было казнено до 25.000 человѣкъ (Кистяковскій, стр. 179). Если же вспомнить изъ болѣе раннихъ эпохъ: казни павлиціанъ, чуть не поголовное истребленіе альбигойцевъ (1), рѣзню гугенотовъ, истребленіе католиковъ въ Англіи, то получатся поразительныя цифры. Также не менѣе значительно число сожженыхъ колдуновъ, вѣдьмъ, чернокнижниковъ, лицъ, вступившихъ въ союзъ съ дьяволомъ, и т. д. Вольтеръ исчислялъ ихъ до 100.000 человѣкъ; но эта цифра несомнѣнно ниже дѣйствительной. Стоитъ просмотрѣть, напр., извѣстную книгу Сольдена (2), чтобы поразиться количествомъ жертвъ, принесенныхъ, подъ руководствомъ и при содѣйствіи церкви, мракобѣсію и невѣжеству. Въ Каркасонѣ, напр., съ 1320 г. по 1350 г. сожжено колдуновъ до 400, а въ Тулузѣ въ то же время до 600 человѣкъ (I, стр. 227); въ епископствѣ Страсбургскомъ съ 1615—1635 г. казнено до 5.000 вѣдьмъ (I, 492), съ 1625—1630 г. въ маленькомъ епископствѣ Бамбергскомъ было сожжено до 900 колдуновъ и вѣдьмъ; такое же количество сжегъ въ то же время съ 1623—1631 г. и сосѣдъ его, епископъ Вюрцбургскій (II, 39) (3). Судья изъ Нанси—Николай Рэми, хвалился тѣмъ, что онъ въ теченіе 16 лѣтъ сжегъ 800 вѣдьмъ; извѣстно также заявленіе знаменитаго благочестиваго Карпцова, что онъ во время своей судейской практики подписалъ до 20.000 смертныхъ приговоровъ (правда, не за одни религіозныя преступленія).

Болѣе точными представляются намъ цифры позднѣйшаго времени.

---

(1) Истребленіе павлиціанъ при королевѣ Теодорѣ (въ 844 г.) было превознесено, какъ душеспасительное дѣло, папою Николаемъ I; невѣроятное почти по числу жертвъ истребленіе альбигойцевъ съ 1209—1220 гг. было выполнено не только съ благословенія, но и по распоряженію папы Иннокентія III.

(2) Geschichte des Hexenprocesses. 2 изд. 1880 г. въ двухъ томахъ.

(3) Въ томъ числѣ въ 1627—1629 г.—157 человѣкъ, причемъ сохранился поименный списокъ этихъ лицъ: тутъ были лица всѣхъ сословій и состояній—и ученые доктора, и неграмотные, здоровые и увѣчные, старые и молодые, была, напр., казнена 9-ти-лѣтняя колдунья съ ея маленькой сестренкой; все это жарилось и пылало во имя Христа, по распоряженію или съ одобренія епископовъ и прелатовъ, считавшихъ себя представителями христіанской церкви.

Въ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) (1) въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ 1806—1825 г. было предано суду за преступленія, подлежащія смертной казни, 192.101 человѣкъ, осуждено 16.200 и казнено 1.614, слѣдовательно, въ годъ приговаривалось до 810 человѣкъ, а было казнимо по 80; послѣ же реформъ тридцатыхъ годовъ цифры представляются (Holtzendorf, стр. 352) въ слѣдующемъ видѣ:

	приговорено	казнено
въ 1833—1837 г. среднимъ числомъ въ годъ было	573	25
—1838—1847— — — — — —	70	10
—1848—1857— — — — — —	58	11
—1858—1867— — — — — —	37	13
—1868—1876— — — — — —	23	12

Приэтомъ для сравнительной оцѣнки этихъ цифръ нужно имѣть въ виду возрастаніе населенія, почему уменьшеніе процентнаго числа осужденныхъ и казненныхъ будетъ еще значительнѣе (2).

Во Франціи (3):

	приговорено	казнено
съ 1826—1830 г. среднимъ числомъ въ годъ было	111	72
—1831—1840— — — — — —	53	30
—1841—1850— — — — — —	49	34
—1851—1860— — — — — —	50	28
—1861—1870— — — — — —	19	11
—1871—1880— — — — — —	27	11
—1881—1885— — — — — —	29	5

---

(1) Чтобы имѣть представленіе о числѣ прежде исполнявшихся казней достаточно указать,что, по свидѣтельству лорда Фортескью (Hetzel, стр. 137), при Генрихѣ VIII (съ 1509—1547 г.) было казнено 72.000, а при Елизаветѣ (1558—1603 г.) свыше 89.000 человѣкъ.

(2) По даннымъ, сообщаемымъ «обществомъ Говарда» (Gerichtssaal, 1890 г., № 6) съ 1879—1888 г. было приговорено въ Англіи и Валлисѣ за убійство 299, а казнено 154, что, сравнительно съ цифрами, приведенными Гольцендорфомъ, свидѣтельствуетъ какъ бы о новомъ возрастаніи числа казней. У Aschrott, Strafensystem, 32, указано высшее число за 1884 г.—38 осужденныхъ, а вообще среднее съ 1836—1884 г.—36.

(3) Цифры взяты изъ оффиціальныхъ отчетовъ Министерства Юстиціи.

При этомъ особенно уменьшилось число казненныхъ женщинъ; съ 1846—1860 г. ихъ было 39, съ 1861—1875 г.—6, а съ 1876 г. не было казнено ни одной.

Въ Австріи по оффиціальнымъ мотивамъ къ проекту 1881 г. (стр. 103):

	приговорено	казнено
съ 1853—1860 г. среднимъ числомъ въ годъ было	45	5
— 1861—1870— — — — — —	44	7
— 1871—1880— — — — — —	89 (1)	2

Для Германіи мнѣ извѣстно только общее число осужденныхъ, которое было съ 1882—1889 г.—529, т. е. 66 въ годъ, причемъ наивысшее число 90 падало на 1883 г., а низшее—37—на 1888 г. (2).

Въ Россіи (3) по преступленіямъ политическимъ съ 1866 по 1891 г. общее число осужденныхъ къ смертной казни было 134 (въ томъ числѣ женщинъ 16), а казненныхъ 44 (въ томъ числѣ женщина 1), т. е. среднимъ числомъ осужденій 5 и исполненій 1,7; по пятилѣтіямъ они распредѣлялись такъ:

	1866—1870	1871—1875	1876—1880	1881—1885	1886—1890
осужденныхъ	2	»	37	44	51
казненныхъ	1	»	22	10	11

въ 1891 г. ни одного осужденія не послѣдовало. Наиболѣе крупныя цифры падаютъ по осужденію на 1887 г.—40, 1879 г.—22, 1882 г.—19, а по исполненіямъ на 1879 г.—16.

---

(1) Возрастаніе за послѣдніе годы представится еще сильнѣе при сравненіи по пятилѣтіямъ: съ 1871—1875 г. было среднимъ числомъ осуждаемо 58, казнено 1, съ 1876—1880 г. осуждено 119, а казнено 3. Мотивы объясняютъ это увеличеніе введеніемъ въ 1873 г. новаго устава уголовнаго судопроизводства.

(2) Болѣе раннія статистическія данныя для Сѣверной Германіи собраны въ приложеніи къ мотивамъ германскаго кодекса—«uber die Todesstrafe».

(3) Свѣдѣнія о примѣненіи смертной казни въ Россіи заимствованы изъ объяснительной записки къ проекту общей части уголовнаго уложенія.

Изъ сего числа было:

	приговорено	казнено
Верховнымъ судомъ .	3	2
Особ. Присут. Сената .	48	11
Военнымъ судомъ . .	83	31

Сверхъ сего, по даннымъ военныхъ судовъ (имѣющимся съ 1876 г.), не вошедшимъ въ свѣдѣнія Министерства Юстиціи, было казнено за государственныя преступленія, включая сюда измѣну, шпіонство въ военное время и т. д., въ 1876 г.—2; 1877—4; въ 1878—23; въ 1879—2; въ 1880—5; въ 1882—3, а всего 39 человѣкъ, такъ что среднее ежегодное число казненныхъ за государственныя преступленія съ 1876 г. было: 1876—1880 г.—12; 1881—1885—3; 1885—1890—2. Изъ числа казненныхъ за государственныя преступленія по приговорамъ военныхъ судовъ было воинскихъ чиновъ 12, гражданскихъ лицъ 68.

Кромѣ того, за общія преступленія было казнено по приговорамъ военныхъ судовъ:

	съ 1876—1880	1881—1885	1886—1890	Итого
Всего	68	64	79	211
Въ томъ числѣ за:				
Убійство	14	44	42	100
Разбой	17	16	24	57
Сопротивленіе начальству и властямъ . . .	32	4	13	49
Среднимъ числомъ въ годъ	14	13	16	14

Въ числѣ сихъ 211 лицъ было воинскихъ чиновъ 39, гражданскихъ лицъ—172.

821. Всѣ эти данныя даютъ несомнѣнное право утверждать, что сравнительно недалеко то время, когда смертная казнь также

исчезнетъ изъ кодексовъ, какъ исчезли ея неразрывные спутники— пытка, членовредительныя наказанія, клейменіе, кнутъ и плети.

Это положеніе подтверждается и ближайшимъ разсмотрѣніемъ доводовъ, приводимыхъ ея защитниками и противниками.

Доводы эти, сообразно главнымъ группамъ карательныхъ теорій, сводятся къ двумъ главнымъ пунктамъ—справедливости и цѣлесообразности этого наказанія.

Имѣетъ ли право государство отнимать высшее благо, дарованное человѣку, высшій даръ провидѣнія? Можетъ ли лишеніе жизни быть справедливымъ воздаяніемъ за совершенное преступленіе?

Одному изъ доводовъ, вскользь указанному Беккарія, что смертная казнь не опирается ни на какомъ законномъ правѣ, потому что человѣкъ, вступая въ общество, не уступалъ права на свою жизнь, суждено было, не смотря на всю его безпочвенность, сдѣлаться почти центромъ спора о смертной казни въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Человѣкъ не могъ уступать обществу права на свою жизнь, такъ какъ онъ и самъ лишенъ возможности распоряжаться ею, чему доказательствомъ служитъ повсемѣстная наказуемость убійства по согласію, самоубійства. Жизнь не составляетъ блага, даруемаго человѣку государствомъ, а потому государство и не имѣетъ законнаго права отнимать эту жизнь; жизнь есть даръ Божій, ея прекращеніе или продленіе зависитъ только отъ воли Творца, и государство, самовластно прекращая таковую, присвоиваетъ себѣ непринадлежащее ему право (1).

Но независимо отъ бездоказательности нынѣ, впрочемъ, почти позабытой теоріи договорнаго основанія государствъ, остается также неподтвержденнымъ афоризмомъ и то, что человѣкъ не можетъ уступить обществу право на свою жизнь: не видимъ ли мы нынѣ, что самоубійство повсюду утратило характеръ наказуемаго дѣянія, а согласіе убитаго во многихъ кодексахъ при-

---

(1) Этотъ вопросъ о законности смертной казни и теперь еще занимаетъ видное мѣсто въ сочиненіяхъ французскихъ и итальянскихъ юристовъ, ср., напр., краснорѣчивыя возраженія противъ смертной казни съ точки зрѣнія естественнаго права у Carrara, programma, I, № 663 и слѣд. Ср. также возраженія противъ Беккарія у F. Hélie, I, 44. Противъ этого положенія Беккарія у насъ возражалъ еще кн. Щербатовъ, о смертной казни, стр. 58.

знается обстоятельствомъ, измѣняющимъ не только мѣру, но и родъ наказуемости. Да и не признаютъ ли всѣ государства одною изъ священныхъ обязанностей каждаго гражданина жертвовать собою для защиты отечества и не считаютъ ли уклоненіе отъ воинской повинности преступнымъ дѣяніемъ? Не знаютъ ли всѣ уголовные кодексы института необходимой обороны, въ силу коего почитается правомѣрнымъ даже лишеніе жизни частнымъ лицомъ преступно-нападающаго. Конечно, не государство даетъ жизнь гражданамъ, но отъ него также не зависятъ и другія блага—здоровье, свобода; да притомъ еще нужно доказать, что государство, наказывая, можетъ поражать только тѣ блага преступника, которыя возникаютъ въ государствѣ и по волѣ государства. Наконецъ, если представляются печальнымъ забвеніемъ великихъ истинъ, завѣщанныхъ Божественнымъ учителемъ, на крестѣ молившимъ: «Отче отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ», казни и преслѣдованія, учиняемыя во славу христіанскаго Бога любви и всепрощенія; если и странно видѣть еще и нынѣ пастырей церкви, ратующихъ за необходимость удержанія смертной казни, на основаніи началъ, будто бы преподанныхъ въ Евангеліи (1), то съ другой

(1) Сторонники смертной казни смѣшиваютъ въ этомъ отношеніи начала Ветхаго Завѣта съ ученіемъ Евангелія, забывая, что Спаситель сказалъ: слышасте, яко речено бысть око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю Вамъ: не противитеся злу (Матѳій гл. 5, ст. 38—41). Ср. Hetzel, стр. 49 и сл., онъ послѣ тщательнаго разбора всѣхъ мѣстъ Евангелія, указываемыхъ защитниками смертной казни, а равно и апостольскихъ посланій, приходитъ къ положительному выводу (стр. 71), что это наказаніе не только не можетъ быть обосновано на ученіи Христа, но и совершенно противорѣчитъ ему. Какъ справедливо замѣчаетъ Кистяковскій, стр. 187, для изслѣдователя вопроса о смертной казни, не имѣетъ значенія споръ между богословами о толкованіи разныхъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ доказательствъ pro и contra смертной казни, а важно понять духъ ученія Христа. Богъ христіанскій есть Богъ любви и милости, желающій не мести и кары, а исправленія падшаго человѣка, въ противоположность Ветхозавѣтному Богу—Богу гнѣва и мести. Христосъ—это учитель и защитникъ рабовъ и вообще бѣднаго класса, который въ его время во всемъ мірѣ былъ главнымъ поставщикомъ висѣлицъ, креста и всевозможныхъ казней. Оттого первые христіане были рѣшительными противниками смертной казни, они считали оскверненіемъ присутствіе при исполненіи казни; отцы церкви первыхъ вѣковъ безусловно высказывались противъ смертной казни. Любопытно, что когда церковь сдѣлалась изъ гонимой—господствующею и гонительницею иновѣрныхъ, когда она забыла и Евангеліе и церковныя преданія, то многіе изъ сектантовъ, какъ, напр., въ XIII вѣкѣ Вальдейцы, возвели отрицаніе смертной казни въ одинъ изъ догматовъ.

стороны, соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе карательныхъ мѣръ съ великими началами христіанской морали само по себѣ не можетъ имѣть исключительно рѣшающаго значенія, такъ какъ наказаніе есть мѣра, осуществляемая въ царствѣ кесаря, а не въ царствѣ «не отъ міра сего».

Поэтому называть смертную казнь беззаконнымъ наказаніемъ, вѣками освященнымъ юридическимъ убійствомъ, значитъ забыть всю исторію смертной казни, условія ея развитія; нельзя же, какъ справедливо замѣчаетъ F. Hélie, игнорировать тотъ фактъ, что мы встрѣчаемся съ смертною казнью у самыхъ различныхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ культуры, при всѣхъ религіяхъ и условіяхъ жизни.

Но одно доказательство того, что государство имѣетъ право на отнятіе жизни, очевидно, недостаточно для оправданія смертной казни, какъ наказанія, даже съ точки зрѣнія теорій абсолютныхъ. Нужно пойти далѣе и посмотрѣть, дѣйствительно ли примѣненіе этого наказанія съ необходимостью вытекаетъ изъ идеи справедливаго воздаянія, какъ основы правосудія. Обращаясь къ отвѣту на этотъ вопросъ, мы съ удивленіемъ увидимъ полное различіе мнѣній даже между выдающимися представителями этого воззрѣнія. Если, съ одной стороны, основатели абсолютныхъ теорій—Кантъ, Гегель, Шталь и ихъ ближайшіе сотрудники, какъ Абеггъ, Гельшнеръ, считаютъ смертную казнь самымъ основнымъ звеномъ теоріи справедливаго возмездія, то, съ другой, не менѣе талантливые защитники того же направленія—какъ Кестлинъ, Бернеръ, считаютъ ея примѣненіе нарушеніемъ справедливости, заявляя тѣмъ самымъ, какъ условно, очевидно, самое понятіе справедливости.

Если ставить принципомъ наказанія матеріальное возмездіе, то, конечно, кажущееся основаніе отыскать нетрудно: «кровь за кровь», «убилъ ты кого нибудь, ты убилъ самого себя» говоритъ еще Кантъ; но такое начало пригодно только для примитивныхъ эпохъ уголовнаго правосудія, когда мститель одинаково поражалъ и умышленнаго, и случайнаго убійцу, когда и тотъ, иже аще убіетъ ближняго, не вѣдая, какъ говоритъ книга Числъ, долженъ былъ бѣжать въ городъ искать убѣжища, чтобы спастись отъ мстителей. Но это объективное обоснованіе смертной казни теряетъ всякую цѣну въ современномъ правѣ, допускающемъ оттѣнки виновности

и между учинившими предумышленное убійство. Надо, слѣдовательно, перейти къ діалектическому возмездію, взвѣшивающему на вѣсахъ Фемиды наказаніе и степень отклоненія частной воли отъ общей, степень нравственнаго паденія, выразившагося въ причиненномъ злѣ. Но тогда естественнымъ представляется положеніе Кестлина (System, стр. 445), что при такомъ взвѣшиваніи всецѣлое уничтоженіе личности было бы справедливо, если бы въ преступленіи вся субъективность являлась неизлѣчимо злою. Но такъ какъ это невозможно, то государство всегда должно оставить существовать личность, въ которой всегда лежитъ возможность нравственнаго возстановленія. Да и кто возьметъ на себя тяжкую задачу подобнаго взвѣшиванія. Судья? Но предоставленіе ему такого права жизни и смерти, по его усмотрѣнію и выбору, стоитъ въ противорѣчіи съ основными требованіями гарантіи личности въ современномъ государствѣ. Самому законодателю? Но онъ имѣетъ дѣло съ абстракціями. Да и что возьметъ онъ за масштабъ для оцѣнки? Личное чувство справедливости? Но оно такъ шатко, такъ измѣнчиво. Голосъ народа, живущее въ немъ требованіе кровавой отплаты, неудержимо проявляющееся въ эпохи народныхъ бѣдствій, въ видѣ расправы съ поджигателями, конокрадами, въ судѣ Линча и т. п? Но нужно ли серьезно останавливаться на сближеніи правосудія съ этими проявленіями безграничнаго, безцѣльнаго и иногда чисто животнаго самосуда? Бороться съ звѣремъ въ человѣкѣ—вотъ задача законодателя.

Да и какъ объяснить, съ точки зрѣнія теоріи справедливости, историческую измѣнчивость объема примѣненія смертной казни и ея различную постановку въ современныхъ законодательствахъ? Почему угроза смертью матери, убившей своего новорожденнаго незаконнорожденнаго младенца, будетъ требованіемъ справедливости во Франціи и актомъ несправедливости въ Германіи или Россіи? Какъ представимъ мы себѣ, что съ каждымъ новымъ закономъ, измѣняющимъ объемъ примѣненія смертной казни, измѣняется и понятіе справедливаго?

Тягчайшее изъ наказаній должно соотвѣтствовать и тягчайшему изъ преступленій; но какое преступленіе считать тягчайшимъ? Если мы признаемъ таковымъ злостное преднамѣренное лишеніе жизни себѣ подобнаго, то мы, однако, не должны забывать, что и

оно допускаетъ много и весьма существенныхъ оттѣнковъ: убійство изъ корысти, изъ ревности, убійство родителей и т. п. Какой же изъ этихъ видовъ признать заслуживающимъ смерти? Или, оставивъ интересы отдѣльной личности, слѣдуетъ поставить на первый планъ интересы многихъ, считать наиболѣе тяжкими только дѣянія, создающія вредъ и опасность для многихъ лицъ—поджогъ, повреждение желѣзнодорожныхъ сооруженій? Или же, наконецъ, нужно сказать, что въ жизни государственной всякое посягательство на жизнь индивидуумовъ представляется ничтожнымъ сравнительно съ посягательствомъ на цѣлое, на самое бытіе государственнаго организма, на его основы, что потому наиболѣе тяжкими злодѣяніями являются преступленія государственныя?

Однимъ словомъ, смертная казнь недѣлимая, несоизмѣримая, неуравнительная, не можетъ быть пригоднымъ орудіемъ воздающаго правосудія, даже если бы мы признали полную теоретическую состоятельность этого воззрѣнія на сущность карательной дѣятельности.

Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть доводы въ пользу цѣлесообразности этого наказанія.

Смертная казнь прежде всего служитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпеченія общественнаго: отъ лишеннаго жизни несомнѣнно нельзя ожидать новыхъ посягательствъ на общественное спокойствіе и порядокъ.

Но прежде всего обезпеченіе является только придаточною и второстепенною цѣлью карательной дѣятельности, и этимъ качествомъ нельзя опредѣлять достоинство той или другой карательной мѣры. Да и одна ли смертная казнь даетъ такое обезпеченіе государству; нельзя ли достигнуть того же при помощи другихъ болѣе соотвѣтственныхъ правосудію мѣръ? Притомъ же эта доктрина создаетъ такія же неодолимыя затрудненія для законодателя, какъ и теорія возмездія. Какихъ преступниковъ нужно признать на столько опасными, что по отношенію къ нимъ необходимы подобныя мѣры общественнаго обезпеченія? Мы должны помнить, что какъ бы ни было тяжко, чудовищно злодѣяніе само по себѣ, оно не служитъ достаточнымъ основаніемъ для опасенія повторяемости такимъ лицомъ подобнаго же преступленія въ будущемъ. Спросите любаго практика тюремнаго дѣла и онъ вамъ

навѣрное скажетъ, что неподатливость, безнадежность вовсе не составляетъ характеристическую черту убійцъ, поджигателей, а наоборотъ, всего чаще встрѣчается среди мелкихъ воришекъ, бродягъ и т. п., въ коихъ вкореняется привычка къ преступленію, становится ихъ второю натурою. Слѣдовательно, опасность какъ послѣдствіе неисправимости, есть свойство не дѣянія, а дѣятеля. Но по какимъ же признакамъ можетъ распознать неисправимаго законодатель? По обнаруженной преступникомъ привычкѣ къ преступной дѣятельности? Но отождествленіе этихъ понятій съ понятіемъ неисправимости едва ли правильно. Можемъ ли мы въ Россіи утверждать, что преступникъ, неисправившійся въ нашемъ острогѣ, арестантскихъ ротахъ, каторгѣ, дѣйствительно потерялъ образъ и подобіе Божіе? Какъ признать неисправимымъ того, кого никто и не думалъ исправлять! Да и тамъ, гдѣ давно уже введены усовершенствованныя тюрьмы новѣйшихъ образцовъ, можно ли утверждать, безъ излишняго самомнѣнія, что испробованы всѣ струны, которыя могли бы родить благотворный откликъ въ преступной душѣ? Притомъ же, какую именно рецидиву слѣдуетъ признать этимъ показателемъ неисправимости, дающимъ право жизни и смерти—третью, пятую, двадцатую? Не слѣдуетъ ли имѣть въ виду, что исправимость, въ смыслѣ юридическомъ, можетъ наступить независимо отъ всякаго тюремнаго вліянія, вслѣдствіе старости, укротившей порывы страстей, вслѣдствіе упадка силъ и т. д.

Или же слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ антропологическою школою существованіе такихъ прирожденныхъ преступниковъ, такихъ выродковъ человѣчества, которые отъ рожденія носятъ на себѣ печать Каина, распознаются по ихъ психическимъ, физіологическимъ и анатомическимъ признакамъ? Но, не касаясь правильности самаго основнаго положенія о прирожденной преступности, мною уже разобраннаго, нельзя не сказать, что даже и это воззрѣніе не даетъ надлежащаго оправданія смертной казни. Пусть будутъ такія лица, которыя своею организаціею нудятся къ совершенію преступленій, которыя въ силу прирожденнаго инстинкта будутъ учинять страшныя злодѣянія, но вѣдь содержимъ же мы, и даже съ извѣстнымъ комфортомъ, неизлечимыхъ умалишенныхъ, хотя бы они въ припадкѣ бѣшенства совершили кровавыя злодѣянія. Почему же

мы будемъ отличать прирожденную ненормальную зловредность отъ пріобрѣтенной? Или же будемъ послѣдовательны, и въ борьбѣ за существованіе будемъ руководиться одною головою, а не сердцемъ, безпощадно отламывая всѣ худосочные, зараженные отпрыски человѣчества. Былъ же казненъ въ Парижѣ въ 1663 г. завѣдомо сумасшедшій Симонъ Моренъ, а въ 1670 г. сожженъ безумный Сарацинъ изъ Каэны; былъ же повѣшенъ въ 1671 г. въ Россіи умовреждённый самозванецъ Ивашко Клеопинъ и масса другихъ. Почему не возстановить сознательно того, что творили предки по ихъ невѣдѣнію?

Еще большее значеніе придаютъ защитники смертной казни ея устрашительности. Угроза смертью можетъ остановить преступника, уже готовящагося совершить злодѣяніе; дѣйствительное осуществленіе угрозы можетъ произвести спасительное впечатлѣніе на все взволнованное общество, поселить спасительный страхъ въ лицахъ, склонныхъ къ пороку и преступленію. Вычеркнуть смертную казнь изъ списка наказаній значитъ лишить карательную власть своего наиболѣе вѣрнаго и надежнаго средства. Если даже смертная казнь и не будетъ исполняться, то одна угроза закона, одна возможность ея исполненія послужатъ достаточною охраною правовому порядку.

Но и этотъ главный оплотъ смертной казни расшатанъ фактическими данными, собранными ея противниками (1). Несомнѣнно смерть есть величайшее зло, которымъ можно грозить человѣку; страхъ смерти для огромнаго % людей будетъ сильнѣе

---

(1) На собираніе данныхъ, касающихся практическаго значенія смертной казни, были направлены труды новѣйшихъ писателей по этому вопросу, столь значительно содѣйствовавшихъ его правильной постановкѣ. Починъ въ этомъ дѣлѣ дали англійскіе изслѣдователи—Ромильи, Макинтошъ, позднѣе Дюмондъ; въ Германіи важнѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Миттермайеръ, собравшій въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, напечатанныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, и въ особенности—въ архивѣ уголовнаго права и въ Algem. Strafrechtszeitung (Ср. перечень у Кистяковскаго, стр. 18) массу драгоцѣннаго матеріала. Работы Миттермайера тѣмъ интереснѣе, что въ 30-хъ годахъ онъ былъ сторонникомъ смертной казни, въ 40-хъ годахъ колебался и въ ту и въ другую сторону, а въ 60-хъ выступилъ ея рѣшительнымъ противникомъ. Въ томъ же направленіи труды бельгійскаго тюрьмовѣда Ducpetiaux, а у насъ проф. Кистяковскаго.

всякаго другаго страха, всякаго ожиданія. Но такое вліяніе можетъ имѣть не отвлеченная возможность смерти, а ея реальная необходимость, а это обстоятельство и забываютъ защитники смертной казни. Страхъ смерти имѣетъ совершенно иное значеніе для человѣка осужденнаго на смерть, для учинившаго преступленіе, караемое смертью, и для лица, еще готовящагося къ преступленію.

Для приговореннаго, въ особенности послѣ того, какъ отвергнута просьба о помилованіи, ожиданіе исполненія, это страшныя минуты длящейся агоніи, тѣмъ болѣе ужасныя, чѣмъ сильнѣе въ приговоренномъ любовь къ жизни и самочувствіе жизненности. А эти минуты передвиженія къ эшафоту въ виду висѣлицы или плахи, хотя бы казнь исполнялась въ той же тюрьмѣ? Даже, можетъ быть, эта непубличность казни для многихъ усиливаетъ страхъ смерти, парализируя его тщеславіе, желаніе показаться предъ толпою героемъ, спокойно встрѣчающимъ смерть. «Эти мученія, какъ говоритъ Достоевскій отъ имени одного изъ своихъ героевъ, хуже пытки: тамъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ . . .; самая сильная боль не въ ранахъ, а въ томъ, что знать навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ уже больше не будешь, и что это уже навѣрно» . . . оттого то «убивать за убійство несоразмѣрно бо̀льшее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе, убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе чѣмъ самое преступленіе». Но этотъ страхъ, съ точки зрѣнія охраны правоваго порядка, не имѣетъ никакого значенія; общество защищено уже отъ преступника его могилою.

Совершенно въ иномъ положеніи находится преступникъ, еще не обнаруженный правосудіемъ, а тѣмъ болѣе только готовящійся къ преступленію. Житейскій опытъ говоритъ намъ, что если только преступникъ не находится въ состояніи полнаго возбужденія, аффекта, если онъ отдаетъ себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ томъ, что послѣдуетъ за учиненіемъ преступленія, то онъ надѣется, и не безъ основанія, вовсе не попасться въ руки правосудія; а затѣмъ, сколько шансовъ быть оправданнымъ, получить снисхо-

жденіе, помилованіе, и притомъ всѣ эти шансы усиливаются именно по отношенію къ преступленіямъ, караемымъ смертью (1): стоитъ вспомнить только что приведенныя выше цифровыя данныя объ отношеніи осужденія и дѣйствительнаго исполненія смертныхъ приговоровъ. А нужно ли доказывать, что угроза зломъ, хотя бы и чрезмѣрнымъ, но котораго осуществленіе представляется почти невѣроятнымъ, всегда будетъ имѣть несравненно болѣе слабое задерживающее вліяніе, чѣмъ угроза меньшимъ наказаніемъ, но котораго примѣненіе почти неизбѣжно? Мало того, сохраненіе въ законѣ угрозы смертью, въ дѣйствительности почти не осуществимой, имѣетъ еще одну крайне невыгодную сторону. Оно пріучаетъ судей къ обходу закона, къ признанію наличности смягчающихъ обстоятельствъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого основанія къ смягченію; при испрошеніи помилованія оно даетъ возможность ходатайствамъ и соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ правосудіемъ; оно создаетъ случайность помилованія, подрывая въ народномъ сознаніи великое начало равенства всѣхъ предъ закономъ (2).

Остается разсмотрѣть устрашающее вліяніе смертной казни на другихъ лицъ, склонныхъ къ преступленію.

Конечно, нельзя отрицать, что бываютъ условія, когда исполненіе смертной казни парализующе дѣйствуетъ на массу: это можно наблюдать во время массовыхъ движеній, будетъ ли это возстаніе, бунтъ, противодѣйствіе въ военное время, въ особенности когда эта бродящая масса мало культивирована, руководится

---

(1) Gruber, въ Gerichtssaal, 1890 г., № 6, стр. 447, замѣчаетъ, что по даннымъ англійской статистики именно для убійцъ, подлежащихъ по закону смерти, шансъ осужденія гораздо менѣе, чѣмъ для прочихъ преступниковъ.

(2) Ср. у Кистяковскаго, стр. 220, извлеченія изъ англійскаго сочиненія Альфреда Дюмонда (Dumond) относительно англійской практики по этому вопросу: Лордъ Пальмерстонъ охотно давалъ помилованіе, но онъ былъ очень строгъ, если преступленіе было совершено въ пьяномъ видѣ; Лордъ Грогамъ въ 1843 г. отказалъ въ помилованіи 84-хъ-лѣтнему старику; Лордъ Грей руководствовался политическими отношеніями и временными соображеніями; были случаи, когда онъ отказывалъ въ помилованіи, не смотря на указываемыя сомнѣнія относительно достаточности доказательствъ; одинъ преступникъ не былъ помилованъ только потому, что два предшествующіе были помилованы. Любопытныя данныя по этому предмету собраны также у Миттермайера, § 13.

преимущественно стадными инстинктами, а потому и доступна терроризаціи. Но такое дѣйствіе предполагаетъ, слѣдовательно, не обыкновенныя нормальныя условія, при которыхъ отправляется правосудіе, а особыя чрезвычайныя обстоятельства, предполагаетъ не преступниковъ, предрасположенныхъ къ индивидуальнымъ преступленіямъ, а уже дѣйствующую коллективно толпу. Самое примѣненіе наказанія въ случаяхъ этого рода требуетъ совершенно иныхъ формъ, возможной быстроты и простоты, требуетъ, чтобы казнь слѣдовала по возможности немедленно за проступкомъ. Смертная казнь при подобныхъ условіяхъ преслѣдуетъ совершенно иныя задачи, чѣмъ наказаніе; она является скорѣе предупредительною мѣрою, сходною съ усмиреніемъ бунтующей толпы вооруженною силою.

Совсѣмъ инымъ представляется обыкновенное исполненіе смертной казни. Надежды на устрашительное впечатлѣніе этого зрѣлища не оправдались. Въ Англіи было констатировано, что, при существованіи смертной казни за воровство свыше 5 шиллинговъ, карманники, пользуясь стеченіемъ народа, у подножія эшафота, съ успѣхомъ отправляли свои обычныя занятія; лица, близко знакомившіяся съ приговоренными, напутствовавшіе ихъ духовники удостовѣряли, что большинство осужденныхъ неоднократно присутствовало при исполненіи смертныхъ приговоровъ, что повторяющіяся публичныя экзекуціи даже подымали преступность въ данномъ мѣстѣ (1). Не даромъ же всѣ современные кодексы отказались отъ публичнаго исполненія казни и тѣмъ поставили крестъ надъ доводами ея защитниковъ объ устрашительномъ вліяніи ея исполненія. Какое противоестественное чувство должно было развивать въ народѣ государство, устраивая зрѣлище изъ пролитія крови ближняго, изъ бойни беззащитнаго, лишеннаго возможности сопротивляться? Намъ говорятъ: такую же бойню—устроилъ ранѣе самъ преступникъ. Да,—но за то мы и признаемъ его кровавое дѣло преступленіемъ, а не правосудіемъ. Стоитъ прочесть

(1) Во время частаго примѣненія казней даже были примѣры, что дѣти устраивали себѣ игры, сходныя съ исполненіемъ казни, сажая на колъ котовъ и отсѣкая головы птицамъ.

описаніе поведенія толпы во время казни у Диккенса (1) (казнь Маннинговъ) или Тургенева (казнь Тропмана), чтобы сказать, что вредъ, причиняемый обществу самымъ страшнымъ злодѣяніямъ, блѣднѣетъ и стушевывается предъ тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ, которое систематически вносило въ общественные нравы государство своими кровавыми расправами. Сильное впечатлѣніе долженъ произвести преступникъ, смѣло входящій на эшафотъ, бравирующій наказаніе, нераскаянный грѣшникъ, произносящій хулу и ругательства въ моментъ перехода въ вѣчность (казнь Захенбахера въ 1857 г. въ Мюнхенѣ); но еще ужаснѣе впечатлѣніе преступника, упавшаго духомъ, громко просящаго о пощадѣ или заявляющаго о своей невинности; преступника, котораго силою вкладываютъ въ петлю, или безчувственнаго кладутъ на плаху. А что сказать о тѣхъ случаяхъ, какъ бывшій въ 1851 г. въ Шалонѣ, когда преступникъ рѣшилъ дорого продать свою жизнь и между нимъ и палачемъ и его помощниками завязалась формальная борьба, обратившая казнь въ самое обыкновенное убійство, или когда благодаря неловкости палача, анатомическимъ особенностямъ осужденнаго (сильный горбъ) или судорогамъ головы, нанесенный топоромъ или гильотиною ударъ окажется не достаточнымъ и, какъ было въ Швейцаріи въ 1861 г., съ плахи поднимется казнимый съ надрѣзанною шеею, истекающій кровью!

Оттого-то жизнь и неоправдала надеждъ, возлагаемыхъ на смертную казнь: она повсюду, какъ доказываютъ статистическія данныя, остается безъ всякаго вліянія на ростъ преступленій. Дѣтоубійство, угрожаемое по французскимъ законамъ смертною казнью, съ 1825 г. болѣе чѣмъ учетверилось; съ отмѣною квалифицированной смертной казни, преступленія, ею угрожаемыя, не только

(1) Диккенсъ, по поводу казни Маннинговъ, пишетъ: «ужасы висѣлицы и преступленія стушевались въ моей душѣ предъ страшной мимикой и рѣчами собравшихся зрителей. .. Мнѣ извѣстна Лондонская жизнь въ ея самой крайней испорченности; но мое глубочайшее убѣжденіе, что и величайшая проницательность не могла бы изобрѣсть ничего, что на такомъ тѣсномъ пространствѣ и въ такое короткое время могло бы поселить столько зла, какъ публичная казнь». А не надо забывать, что это пишетъ опытный наблюдатель народной жизни. Ср. также у Joly, стр. 331, описаніе казни Ribo и Jeantroux, обоихъ, не достигшихъ еще совершеннолѣтія.

не возрасли, но нѣкоторыя даже и уменьшились; она не повлекла за собою, какъ предсказывали ея защитники, разрушенія всего существующаго порядка; тоже мы видѣли въ Англіи послѣ отмѣны смертной казни за огромное число преступленій законами тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ (1). Наоборотъ, сторонники смертной казни не могутъ представить данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали, что введеніе смертной казни за какія либо преступныя дѣянія содѣйствовало уменьшенію этихъ преступленій.

Тѣ же соображенія, а нѣкоторыя еще и съ большею силою, относятся къ примѣненію смертной казни и къ преступленіямъ политическимъ (2), такъ какъ и въ этихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ въ области правосудія, государство должно преслѣдовать ту же общую карательную цѣль—охрану правопорядка. Смертная казнь и здѣсь также мало устрашительна и примѣрна, также непригодна для обезпеченія общества отъ преступника. Въ первомъ отношеніи не нужно забывать, что, дѣйствуя, по большей части, не изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій, преступники политическіе, фанатики всего менѣе доступны подавляющему чувству страха. Достаточно ничтожной доли фанатизма, чтобы муки смерти казались наградою, чтобы эшафотъ рисовался ступенью безсмертія. Какъ указываетъ опытъ исторіи, этотъ ореолъ мученичества способенъ часто не подавлять, а содѣйствовать развитію вѣрованія или ученія, даже не имѣвшаго, повидимому, надежды на успѣхъ. Оттого преступники фанатики, сектанты, часто жаждутъ публичной казни въ интересахъ своей партіи, жаждутъ принять вѣнецъ. Поучительные примѣры этого рода мы въ изобиліи можемъ найти въ исторіи нашего сектантства. Какъ замѣтилъ еще Гизо, въ то время, когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ,

---

(1) Ср. Миттермайеръ, Todesstrafe, § 8.

(2) Ср. въ особенности, Guizot, de la peine de mort; онъ впрочемъ стоитъ не за отмѣну угрозы смертью, а за непримѣненіе этого наказанія. Ortolan, Elèments № 1358. Тамъ въ особенности, гдѣ идетъ политическая борьба партій, подавленіе революціонныхъ движеній, примѣненіе смертной казни къ побѣжденнымъ получаетъ весьма нерѣдко характеръ не юридическаго наказанія, а репрессалій, какъ, напр. во Франціи въ 1852, 1870 гг.

передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла дѣйствительно обезпечить на время, а иногда и на всегда спокойствіе правящей власти; но эпоха подобныхъ движеній для большинства европейскихъ государствъ отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія, если можно такъ выразиться, идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому своему существу, сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса съ ея саморостущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе, хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни или смерти.

Если идея, вѣрованіе, исповѣдываемыя, первоначально, хотя бы горстью людей, составляютъ дѣйствительно принципъ обновленія человѣчества, залогъ его дальнѣйшаго развитія, то ничто не остановитъ ихъ тріумфальнаго шествія: ни потоки крови, ни тысячи человѣческихъ головъ. Изъ подъ груды тѣлъ, изъ подъ дымящихся развалинъ и опустошенныхъ городовъ, онѣ вновь явятся неуязвимыя, вѣчно юныя, готовыя неустанно идти на ловитву душъ. Не такова ли исторія христіанства? Какъ скоро сила въ идеѣ, а не въ ея носителяхъ, то и легіоны палачей не умертвятъ безсмертную. Если же идея, начертанная на знамени партіи, является символомъ не обновленія, а разрушенія, залогомъ не развитія, а уничтоженія всего, что создано минувшими поколѣніями, и передано намъ, какъ дорогое наслѣдье, то ея смерть въ ея нравственномъ безплодіи. Она можетъ дать вспышки, взрывы грозные, мертвящіе на время все къ нимъ близкое; но ея торжество мимолетно: здоровыя силы вѣчнорастущаго человѣчества снесутъ и заживятъ образовавшуюся гангрену.

Конечно, никакое государство не можетъ безучастно смотрѣть на попытки поколебать его существованіе, его мирное развитіе. Изъ какихъ бы побужденій и идей ни выходили его противники, въ

особенности когда ихъ стремленія переходятъ въ область практики, оно можетъ и должно карать виновныхъ; но оно не должно думать, что возможно смертью вырвать движеніе съ корнемъ. И чѣмъ крѣпче правительство, чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ идутъ его устои, чѣмъ ближе связь его съ народомъ, не отдѣляющимъ отъ него свою историческую судьбу, тѣмъ безполезнѣе является для него смерть лицъ ему враждебныхъ.

Если политическая партія въ своей борьбѣ съ существующимъ порядкомъ прибѣгаетъ къ убійству и поджогу, къ подлогу и кражѣ, совершаетъ злодѣянія, возмущающія совѣсть каждаго, то казните ихъ за учиненное, казните тяжко, но не придавайте имъ особаго характера, не окружайте ихъ ореоломъ политическаго мученичества, влекущаго прозелитовъ; а это неминуемо создаетъ сохраненіе въ законѣ смертной казни лишь за политическія преступленія.

Преступника уничтожаютъ, какъ ни на что непригоднаго члена общества, а между тѣмъ въ литературѣ смертной казни мы встрѣчаемъ рядъ указаній, что помилованные образцово вели себя въ тюрьмахъ и получали вполнѣ заслуженно условное освобожденіе. А политическіе преступники? Какъ много измѣненій въ строй убѣжденій вносятъ зрѣлый возрастъ, жизненный опытъ. Мы не должны забывать, что къ смертной казни были приговорены и Тьеръ и Андраши; что право помилованія спасло для Россіи одну изъ крупныхъ величинъ ея литературы—Достоевскаго.

Наконецъ, нельзя не сказать, что защитники смертной казни забываютъ совершенно преступника, забываютъ индивидуальную задачу наказанія. Правда, между защитниками смертной казни находятся и такіе, которые повидимому искренно говорятъ объ исправительномъ значеніи этого наказанія, о примиреніи преступника предъ лицомъ смерти съ совѣстью и Богомъ. Преступникъ, замѣчаетъ Лохвицкій, (стр. 369) всегда является на казнь очищеннымъ, такъ какъ перспектива смерти ведетъ его къ размышленію о прошедшей и будущей жизни. Но люди, практически знакомые съ дѣломъ, свидѣтельствуютъ о противномъ; они свидѣтельствуютъ, что для большинства приговоренныхъ, подавленныхъ близостью насильственной смерти, не достаетъ того спокойствія

духа, которое является необходимымъ условіемъ истиннаго раскаянія.

Наконецъ, нельзя забывать, что какими бы гарантіями ни было обставлено человѣческое правосудіе, оно всегда доступно ошибкамъ; на это мы къ несчастью имѣемъ свидѣтельства изъ уголовной лѣтописи всѣхъ государствъ. Но какъ же исправимъ мы такую ошибку по отношенію къ казненному? Возстановленіе памяти можетъ служить утѣшеніемъ его семьѣ, но мертвые не оживаютъ (1).

А потому не надо быть пророкомъ, что бы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ.

II. Тѣлесныя наказанія.

822. Тѣлесное наказаніе въ исторіи.

823. Оцѣнка тѣлеснаго наказанія, какъ карательной мѣры.

822. *Тѣлесныя наказанія* (2). Въ близкомъ соотношеніи съ лишеніемъ жизни стоитъ причиненіе преступнику тѣлеснаго стра-

---

(1) Между тѣмъ многіе изъ нѣмецкихъ криминалистовъ отрицаютъ право замѣны смертной казни пожизненнымъ заключеніемъ при признаніи приговоренного заслуживающимъ снисхожденія, а полагаютъ, что угроза смертною казнью должна быть абсолютна; что разница между смертью и пожизненнымъ лишеніемъ свободы такъ велика, что переходъ можетъ быть допущенъ только путемъ помилованія.

(2) І. Шишкинъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ связи съ началомъ наказанія вообще. Юрид. Вѣст. 1861 г. №№ 10 и 11; Lanjuinais, la bastonnade et la flagellaion pènale, 2 изд. 1825 г.; Mittermaier, die Körperliche Züchtigung als Strafart, Archiv 1832 г., стр. 650, и сл.; Iagemann, die Strafe der Körperlichen Züchtigung vor dem Forum der Wissenschaft und der Erfahrung. Archiv 1841 г., стр. 230 и сл.; Hudtwalcker, Noch ein Wort über die Körperliche Züchtigungen als Strafe, ib. 1842 г. стр. 163 и сл. (въ защиту тѣлесныхъ наказаній).

данія, боли, какъ наказанія (1). Его происхожденіе столь же древне, какъ и смертной казни, такъ какъ оно является такимъ же естественнымъ выраженіемъ стремленія отмстить человѣку, причинившему намъ боль, воздать окомъ за око и зубомъ за зубъ. Отъ частнаго мстителя оно перешло къ общественному, какъ средство воздаянія, и надолго заняло одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ законодательствахъ среднихъ вѣковъ и даже новаго времени, идя объ руку съ смертною казнью (2).

Обширность примѣненія тѣлесныхъ наказаній объяснялась многообразіемъ той роли, которую они играли въ уголовномъ правосудіи. Прежде всего самыя разнообразныя тѣлесныя муки являлись простымъ дополненіемъ или придаткомъ смертной казни. Всѣ виды квалифицированной смертной казни въ сущности представляются соединеніемъ двухъ наказаній: лишенія жизни и причиненія тѣлеснаго страданія. Далѣе, тѣ же тѣлесныя страданія являлись необходимымъ судопроизводственнымъ условіемъ. Пытка была центральнымъ пунктомъ розыскнаго процесса,—наиболѣе надежнымъ средствомъ полученія «лучшаго доказательства всего свѣта» «царицы доказательствъ»—собственнаго сознанія. Пытка была тѣлеснымъ страданіемъ, но примѣняемымъ въ уголовномъ правосудіи не ради возмездія за вину, а ради удостовѣренія и раскрытія вины и виновныхъ. Затѣмъ, причиненіе тѣлеснаго страданія входило въ область уголовнаго правосудія и какъ полицейская предупредительная мѣра, какъ средство распознанія лихаго человѣка, бывшаго въ судѣ и приводѣ. Рваная ноздря, поро-

---

(1) Иногда выраженіе «тѣлесное наказаніе» употреблялось въ болѣе широкомъ значеніи наказанія, вообще направленнаго на тѣло человѣка, подвергающаго ограниченіямъ и стѣсненіямъ физическую личность преступника, относя къ таковымъ смертную казнь и лишеніе свободы, въ противуположность имущественнымъ наказаніямъ и пораженію правъ; въ такомъ значеніи употребляется, напр., выраженіе: «peines afflictives» во французскомъ кодексѣ.

(2) Какъ говоритъ профессоръ Кистяковскій (стр. 801), тѣлесное наказаніе, будучи вызвано къ жизни самыми грубыми, можно сказать, животными инстинктами первобытнаго человѣка, долго поддерживалось грубостью общественныхъ отношеній, рабскимъ и низменнымъ состояніемъ народныхъ массъ, господствомъ привилегій, поддерживаемыхъ исключительно физическою силою, и наконецъ, нищенскимъ экономическимъ положеніемъ и низкимъ нравственнымъ развитіемъ большинства.

тая губа, урѣзанный языкъ, выжженное на лицѣ или на тѣлѣ пятно или тавро, это были примитивныя справки о судимости.

Наконецъ, не менѣе многочисленны были случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія какъ самостоятельной карательной мѣры, и притомъ въ различныхъ типахъ. Во 1-хъ, оно являлось въ видѣ членовредительнаго или изувѣчивающаго наказанія, состоящаго въ отнятіи какого либо органа тѣла, лишеніи его способности дѣйствовать или въ причиненіи неизгладимаго поврежденія; во 2-хъ, въ видѣ болѣзненнаго наказанія, причиняющаго тяжкую физическую боль, оставляющаго разстройство здоровья, а иногда даже бывшаго причиною смерти, и въ 3-хъ, въ видѣ наказанія, разсчитаннаго не столько на физическое страданіе, сколько на испытываемый преступникомъ позоръ и униженіе, на причиненіе нравственнаго страданія.

Критическая литература конца XVIII вѣка въ ея борьбѣ съ непорядками уголовной юстиціи поставила на первый планъ отмѣну пытки. Беккарія, Монтескье, Вольтеръ, Томазій, Зонненфельсъ съ неоспоримою силою доказали прежде всего безчеловѣчность этой мѣры, причиняющей жестокія мученія лицу, виновность котораго не доказана, противъ коего возникло лишь предположеніе виновности. «Человѣка, говорила Екатерина въ своемъ Наказѣ, повторяя слова Беккаріи, не можно почитать виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей, прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно правъ онъ или виноватъ». Не менѣе убѣдительно доказывала она безполезность и вредъ этой мѣры для уголовнаго правосудія, для розысканія истины. «Обвиняемый, продолжаетъ Наказъ, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. Можно ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и добромъ здоровьѣ? . . . И невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали . . . . Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свою уповающаго». Съ почвы литературной борьба противъ пытки переносится въ законодательство и

еще до наступленія великой революціи начинается постепенная ея отмѣна (1754 г.—въ Пруссіи, 1770 г.—въ Даніи, 1772 г.—въ Швеціи, 1776 г.—въ Австріи, 1780 г.—во Франціи, 1801 г.—въ Россіи и т. д.), и уже къ первой четверти нашего столѣтія эта суровая мѣра, какъ говорилъ указъ Императора Александра I-го (1801 г.), стыдъ и зазоръ человѣчеству наносящая, исчезла изъ уголовнаго процесса (1).

Провозглашенная учредительнымъ собраніемъ, скоро перешедшая въ законодательства всѣхъ европейскихъ государствъ, отмѣна квалифицированной смертной казни нанесла еще болѣе сильный ударъ тѣлесному наказанію. Затѣмъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же началъ гуманности, того же признанія и въ преступникѣ человѣка—исчезли наказанія членовредительныя и наиболѣе тяжкія кровавыя формы наказаній болѣзненныхъ. А затѣмъ былъ поставленъ и принципіальный вопросъ о цѣлесообразности и допустимости вообще причиненія тѣлесной боли, какъ особаго вида наказанія.

Доктрина, подавляющимъ большинствомъ, дала и на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ,—она энергически доказывала не только непригодность, но и прямой вредъ этой мѣры для уголовнаго правосудія. Результатомъ этого и явилось исчезновеніе тѣлеснаго наказанія изъ новыхъ законодательствъ (2).

---

(1) Наиболѣе поздно была отмѣнена пытка въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ—въ 1806 г. въ Баваріи и Вюртембергѣ, въ Ганноверѣ въ 1822 г., въ Готѣ въ 1828 г. Но нельзя не прибавить,что, не смотря на отмѣну пытки формальной, въ розыскномъ процессѣ долго держались болѣе мягкія формы полученія собственнаго признанія, то, что нѣмецкіе процессуалисты называли «schmerzlose Folter», а въ нашей практикѣ допросъ съ пристрастіемъ.

(2) *Во Франціи* отмѣна тѣлесныхъ наказаній была признана кодексомъ 1791 г., но въ code pénal снова является клейменіе для каторжныхъ безсрочныхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ для срочныхъ, и отсѣченіе кисти руки за отцеубійство. Обѣ эти мѣры отмѣнены въ 1832 г. Всего долѣе продержалось тамъ тѣлесное наказаніе, какъ мѣра тюремной дисциплины, до кнута (martinet) включительно; но въ регламентѣ 18 Іюня 1880 г. въ числѣ дисциплинарныхъ наказаній и для каторжныхъ тѣлесное наказаніе не упоминается, а сохранено только наложеніе оковъ. *Въ Германіи* тѣлесныя наказанія были отмѣнены въ 1848 г. на основаніи § 9 основныхъ правъ германской націи; но затѣмъ, въ эпоху реакціи, въ нѣкоторыхъ государствахъ были снова возстановлены и отмѣнены совершенно гораздо позднѣе: такъ въ Ганноверѣ лишь въ 1867 г., въ Саксоніи въ 1868 г., въ Мекленбургѣ только съ введеніемъ общаго Германскаго кодекса, который вовсе не

Но, какъ и по отношенію къ смертной казни, процессъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній далеко еще не завершился. Еще и нынѣ не только встрѣчаются въ литературѣ и практикѣ голоса въ защиту этого наказанія, но въ недавнее время замѣчается какъ бы подъемъ его защитниковъ. Стоитъ вспомнить то впечатлѣніе, которое еще недавно вызвала въ Германіи брошюра члена Reichsgericht'а—Миттельштедта (1). Отказываясь отъ примѣненія этихъ наказаній къ взрослымъ, нѣкоторые считаютъ желательнымъ удержаніе ихъ для малолѣтнихъ. Значительное число защитниковъ встрѣчаютъ тѣлесныя наказанія и среди пенитенціаристовъ, видящихъ въ нихъ необходимую мѣру тюремной дисциплины (2). По-

---

знаетъ тѣлесныхъ наказаній. Какъ мѣра тюремно-дисциплинарная тѣлесныя наказанія въ Германіи сохранены даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ для арестантовъ подслѣдственныхъ. *Въ Австріи* тѣлесныя наказанія были отмѣнены въ 1848 г., но снова возстановлены въ 1852 г. для простонародья обоего пола и притомъ какъ самостоятельное и дополнительное, для дѣтей, моложе 18 лѣтъ—розгами, а для лицъ старѣе этого возраста прутьями (Ruthen und Prügel); въ 1867 г. тѣлесное наказаніе, какъ карательная и тюремно-дисциплинарная мѣра, совершенно отмѣнено. Въ Швейцаріи тѣлесныя наказанія отмѣнены союзною конституціею 1874 г. Не упоминается болѣе это наказаніе въ новыхъ кодексахъ венгерскомъ, голландскомъ и итальянскомъ. Тѣлесныя наказанія сохранены по датскому кодексу 1866 г. для несовершеннолѣтнихъ. Въ *Англіи*, какъ говоритъ Ашротъ, стр. 104, юридически тѣлесное наказаніе можетъ быть налагаемо, въ видѣ дополнительнаго взысканія, при всякомъ лишеніи свободы, но въ дѣйствительности оно вовсе не примѣняется къ женщинамъ, а къ взрослымъ мущинамъ примѣняется только въ случаяхъ, особо указанныхъ закономъ 1863 г. Напротивъ того, малолѣтніе преступники мужскаго пола весьма часто и нынѣ приговариваются къ этому наказанію. По извѣстному биллю о гарротерахъ для нихъ было назначено наказаніе девятихвостою кошкою (whipping).

(1) Gegen die Freiheitsstrafe, стр. 81 и слѣд., онъ ссылается на народное требованіе возстановленія этого наказанія, но никакихъ доказательствъ этого не даетъ. Впрочемъ и онъ предполагаетъ возстановленіе розогъ лишь за нѣкоторые особенно грубые и злостные проступки въ замѣнъ краткосрочнаго лишенія свободы. Такую мысль de lege ferenda высказываетъ Schütze, Lehrbuch, § 24 пр. 4, но въ текстѣ онъ же признаетъ безполезность и даже вредъ этого наказанія; Liszt, стр. 243, выражается весьма уклончиво, но повидимому онъ допускаетъ эту мѣру какъ дисциплинарно-тюремное наказаніе для неисправимыхъ, которыхъ нельзя испортить, и для малолѣтнихъ, не понимающихъ позорности розогъ.

(2) Еще болѣе, конечно, встрѣчается сторонниковъ возстановленія тѣлесныхъ наказаній среди практиковъ, и въ литературѣ неспеціальной—въ особенности въ эпоху торжества реакціи. Такое явленіе, и даже въ особенно рѣзкой формѣ, къ сожалѣнію можно наблюдать у насъ. Какъ говоритъ Обнинскій, въ его прекрасной

этому и нынѣ въ учебникѣ едва ли можно избѣжать обозрѣнія, хотя бы и въ краткомъ видѣ, тѣхъ доводовъ, которые приводятся pro и contra этого наказанія.

823. Относительно возстановленія членовредительныхъ наказаній въ тѣсномъ смыслѣ едва ли могутъ быть серьезныя опасенія. Кровавыя операціи въ видѣ отсѣченія руки, ноги или пальцевъ, отрѣзанія ушей или носа, урѣзаніе языка, совершаемыя во имя правосудія, не только возмущаютъ наше нравственное чувство, противорѣчатъ началамъ христіанской нравственности, не только не своевременны, но и наглядно безцѣльны, создавая рядъ калѣкъ, содержаніе коихъ падаетъ бременемъ на государство и общество. Даже какъ мѣра полицейская, послѣдній типъ этихъ наказаній, клейменіе, оказалось несостоятельнымъ, такъ какъ всегда находится средство для вытравленія этихъ знаковъ, и въ распоряженіи государства есть болѣе вѣрныя средства распознаванія судимости, въ видѣ справокъ о судимости, антропометрической системы и т. д.

Но едва ли болѣе устойчивы и доводы защитниковъ болѣзненныхъ наказаній. Слова нѣтъ—выполненіе тѣлесныхъ взысканій просто: пришелъ, отсѣкся, ушелъ; для нихъ ненужно ни дорого стоющихъ тюремныхъ построекъ, ни сложной администраціи, ни требующей такъ много знанія, труда, самоотверженія, тюремной службы; но развѣ эти отрицательныя качества могутъ опредѣлять юридическую годность карательной мѣры?

Говорятъ, тѣлесное наказаніе является прекраснымъ средствомъ возмездія, давая возможность соразмѣрить его съ самыми разнообразными оттѣнками виновности. Какъ много видоизмѣненій допускаетъ это наказаніе, благодаря различію употребляемыхъ средствъ, отъ кнута до розогъ включительно, различію мѣстъ и условій нанесенія ударовъ, ихъ количеству и т. д.! Оно одно способно восполнить всю лѣстницу наказаній, примыкая съ одной стороны къ смертной казни, а съ другой—къ выговорамъ и внушеніямъ.

статьѣ «Розга какъ карательная мѣра» (Юрид. Вѣст. 1892 г. № 1): симпатіи, внушенныя розгою извѣстной части общества и печати, соперничаютъ съ энергіею ея распространенія на практикѣ: ея возрожденію радуются, ея примѣненіе поощряютъ.

Но ближайшее разсмотрѣніе подрываетъ въ корнѣ всѣ эти соображенія, такъ какъ въ дѣйствительности сила и значеніе тѣлесныхъ наказаній зависитъ отъ такихъ привходящихъ условій, которыя предвидѣть и устранить не можетъ законодатель.

Такова, во 1-хъ, полная зависимость тяжести наказанія отъ исполнителя, его физической силы, его ловкости, а въ особенности отъ его воли и желанія. Нельзя не вспомнить приведенныя выше указанія князя Щербатова, адмирала Мордвинова, офиціальной комиссіи Зубкова. Если палачъ имѣлъ возможность съ трехъ ударовъ засѣчь на смерть здороваго преступника или же дать нѣсколько десятковъ ударовъ такъ, что наказываемый кричитъ только для отвода глазъ (1), то какъ же говорить о справедливости? Мѣра справедливаго воздаянія будетъ, слѣдовательно, опредѣляться не закономъ, не судомъ, а настроеніемъ палача, размѣромъ полученной взятки. Отверженецъ общества въ дѣйствительности является единственнымъ примѣнителемъ правосудія. Были правда теоретики, какъ Генке, даже Бентамъ, которые хлопотали объ устройствѣ механическаго «сѣкуна», равномѣрно отпускающаго удары; но практическаго осуществленія этой мысли мы не знаемъ. Во 2-хъ, организмъ самого наказаннаго. Какъ опредѣлить степень отзывчивости къ боли организма, способность его реагировать противъ понесенныхъ страданій? Не знаемъ ли мы по ежедневному опыту, какъ разнообразны по послѣдствіямъ для организма удары и пораненія? Полъ, возрастъ, различныя болѣзни, тѣлосложеніе, общее состояніе нервной системы—кто же въ состояніи разсчитать и взвѣсить всѣ эти оттѣнки и ихъ вліяніе? Въ тѣхъ случаяхъ, когда по роду и размѣру наказанія физическое страданіе отходило на задній планъ, гдѣ вся репрессія заключалась въ испытываемыхъ наказываемымъ нравственныхъ страданіяхъ, въ ощущеніи позора и униженія, являлся новый, столь же мало поддающійся опредѣленію индивидуальный факторъ: степень развитія сознанія о личномъ достоинствѣ.

---

(1) Максимовъ, II, 15, разсказываетъ о палачѣ, который на спинѣ собственнаго сына показывалъ фокусы кнутомъ, разрѣзывая со всего размаха ударомъ кнута листъ почтовой бумаги и не касаясь при этомъ тѣла. Кн. Щербатовъ, стр. 69, говоритъ: судья, подписывая приговоръ, присуждающій къ такому количеству ударовъ, которое вынести нельзя, дѣлается самъ убійцею и притомъ наиболѣе неизвинительнымъ, такъ какъ всенародно убійство учиняетъ, не опасаясь наказанія

Но если бы даже законодатель или судъ и были въ состояніи оцѣнить всѣ эти оттѣнки, то затѣмъ возникаетъ другой, столь же трудно разрѣшаемый вопросъ: когда именно должно примѣнять это наказаніе? Сѣчь—по дѣлу или по человѣку глядя? Естественнѣе казалось бы первое, но исторія тѣлесныхъ наказаній указываетъ иное. Вездѣ, гдѣ практиковались тѣлесныя наказанія, возникало различіе наказуемости по сословіямъ и классамъ. Вездѣ появлялся классъ избранныхъ, которыхъ не должна касаться рука палача. Тѣлесныя наказанія, какъ замѣчаетъ Спасовичъ (стр. 198), предназначались для черни, т. е. для той грязной гущи народонаселенія, которую въ теченіе многихъ вѣковъ законодатель не считалъ способною къ образованію, къ сознанію чести личной, а лишь пригодною къ такой дрессировкѣ, какой подвергаютъ лошадей и собакъ посредствомъ хлыста. Едва ли нужно говорить, на сколько не соотвѣтствуетъ такое сословное неравенство понятію правосудія. Нужно ли серьезно опровергать, что проѣвшійся и пропившійся потомокъ столбоваго рода, сбирающій по дворамъ подачки, или хотя бы и титулованная, но попавшая въ списки проституированныхъ женщина, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податнаго сословія.

Но вѣдь наказаніе не есть простое воздаяніе, оно должно быть цѣлесообразной охранительной мѣрой; могутъ ли быть признаны таковыми плети или розги?

Много говорили прежде о спасительномъ страхѣ, внушаемомъ тяжкими тѣлесными наказаніями, всякая попытка ихъ смягченія встрѣчала крики ужаса за погибшую общественную безопасность; стоитъ вспомнить, напр., разсужденія комитета 1817 г.; но не сбылись ихъ предсказанія, и кнутъ, а за нимъ и плети, отошли въ область исторіи.

Если, какъ мы видимъ, поколеблены нынѣ доводы устрашительности смертной казни, то что же сказать объ угрозѣ 10, 20 ударами розогъ? Отмѣна публичнаго исполненія казни была въ этомъ отношеніи послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ. А такая отмѣна представлялась еще болѣе необходимою, чѣмъ отмѣна публичности смертной казни. Эти брызги крови, летящія изъ подъ ударовъ, крики и стоны наказываемыхъ, это торжество жи-

вотной силы надъ беззащитнымъ, было такою развращающею школою для народа, что можно удивляться, какъ находились еще защитники публичности казни среди людей, повидимому понимающихъ задачи государственной политики. Могло ли государство, запрещая кулачные бои, публичное жестокое обращеніе съ животными, сохранить публичное истязаніе людей?

Но чѣмъ болѣе падала вѣра въ устрашительность розги, тѣмъ сильнѣе обрисовывался весь вредъ этого наказанія съ точки зрѣнія пенитенціарной. Наказаніе тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ выше былъ нравственный уровень наказываемаго, такъ что для лицъ, давно утратившихъ сознаніе стыда и позора, репрессивная сила легкихъ тѣлесныхъ наказаній сводится къ нулю. Высѣченный теряетъ способность сознавать позоръ—теряетъ сознаніе своего личнаго достоинства, а поднятіе этого сознанія составляетъ одну изъ задачъ правоохранительной дѣятельности государства.

Спорить противъ того, что тѣлесное наказаніе нужно сохранить въ интересахъ самихъ наказываемыхъ, такъ какъ денежное наказаніе, лишеніе свободы и т. д. можетъ оказаться слишкомъ разорительнымъ наказаніемъ для неимущихъ классовъ, едва ли необходимо, ибо такой аргументъ противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ карательной политики. Если наказаніе является необходимымъ зломъ, то можно ли защищать карательную мѣру тѣмъ, что она не ощутительна для наказываемаго? Не лучше ли тогда вовсе не наказывать преступника, не возбуждать противъ него дорого стоющаго государству уголовнаго преслѣдованія? И какъ не вспомнить, въ виду этихъ аргументовъ, слова Росси: «если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгонитъ сѣченнаго изъ своей среды, и это послужитъ для него препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива; хуже тамъ, гдѣ только что высѣченный палачемъ принимается въ общество, къ которому онъ принадлежалъ до осужденія, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости. Тѣлесное наказаніе, характеристическая черта и печальная необходимость для странъ варварскихъ».

Остается еще его дешевизна для государства; но едва ли можно говорить о значеніи этого довода: плохъ тотъ хозяинъ, который необходимый, но не произведенный расходъ зачислитъ на дѣйствительный приходъ.

Но полная непригодность тѣлеснаго наказанія, какъ карательной мѣры, невольно возбуждаетъ сомнѣніе и о его тюремно-дисциплинарномъ значеніи. Дисциплинарныя взысканія не на столько отличаются отъ карательныхъ, чтобы можно было допустить, что то, что безполезно и даже вредно въ одной сферѣ, было бы необходимо и полезно въ другой. Да и не видимъ ли мы теперь, что такія государства, какъ Франція, Австрія, въ общемъ порядкѣ считаютъ возможнымъ обойтись безъ тѣлесныхъ наказаній и по отношенію къ нарушеніямъ тюремной дисциплины?

III. Лишеніе свободы.

824. Различные типы этого наказанія.

824. Центромъ современной карательной системы является лишеніе свободы. Оно заняло то мѣсто, которое въ древнѣйшемъ періодѣ принадлежало денежнымъ взысканіямъ, а позднѣе смертной казни и тѣлеснымъ наказаніямъ.

Въ полномъ своемъ объемѣ лишеніе свободы означаетъ уничтоженіе всякой возможности располагать собою и своими дѣйствіями, въ частности возможности двигаться. Такой видъ лишенія свободы, въ видѣ прикованія къ стѣнѣ, или помѣщенія въ каменные мѣшки и т. п., мы встрѣчаемъ въ древнемъ и средневѣковомъ правѣ; но нынѣ подобныя карательныя мѣры исчезли изъ кодексовъ, сохраняясь развѣ только въ видѣ дисциплинарныхъ тюремныхъ взысканій, какъ, напр., прикованіе на цѣпь, связываніе. Поэтому нынѣ и доктрина, и законодательства понимаютъ подъ лишеніемъ свободы только ограниченіе, болѣе или менѣе значительное, свободы распоряжаться собою, но не полное ея отнятіе.

Сообразно съ объемомъ этихъ ограниченій, теорія и раздѣляетъ лишеніе свободы на виды, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть сведены къ тремъ: 1) надзоръ, 2) удаленіе и 3) заключе-

ніе. При этомъ такіе виды примѣняются или отдѣльно, или совмѣстно, служа основаніемъ цѣлой группы смѣшанныхъ формъ наказанія.

А. Надзоръ.

825. Надзоръ полиціи по современнымъ законодательствамъ.
826. Оцѣнка надзора, какъ карательной мѣры.

825. *Надзоръ* (1). Отдача подъ надзоръ полицейскихъ органовъ или другихъ учрежденій заключается не въ одномъ только усиленномъ наблюденіи за жизнью и дѣятельностью поднадзорнаго, но сопровождается для него и рядомъ другихъ, болѣе или менѣе существенныхъ ограниченій, напр., выбора мѣста жительства, права переѣзда и т. д., а потому и составляетъ не одну только предупредительную мѣру, но и дѣйствительное наказаніе, хотя и назначаемое преимущественно въ видѣ дополнительной мѣры.

Необходимость такихъ дополнительныхъ мѣръ оправдывается соображеніями двоякаго рода. Во 1-хъ, интересами самого преступника, находящагося по выходѣ изъ тюрьмы весьма часто въ крайне затруднительномъ положеніи, а потому нуждающагося въ матеріальной поддержкѣ и, во 2-хъ, интересами общественнаго спокойствія и безопасности, необходимо останавливающими вниманіе на томъ, что современное устройство тюремъ не даетъ вполнѣ достаточной гарантіи общественной безопасности по отношенію къ лицамъ, освобожденнымъ изъ заключенія, и естественно вызываетъ необходимость особенно тщательнаго надзора за этимъ классомъ со стороны полицейскихъ властей.

Въ силу этой разнородности и даже, отчасти, противоположности задачъ,—правильная организація надзора и представляла всегда весьма значительныя затрудненія для законодателей, какъ это особенно можно видѣть изъ поучительной исторіи этого инсти-

---

(1) Ср. Фойницкій, ученіе о наказаніи, стр. 483 и сл.; Berner, die Polizeiaufsicht въ Gerichtssaal, т. XXXIII, ст. 321—380; Fuhr, die Polizeiaufsicht nach dem Reichsstrafgesetzbuche, 1888 г.

тута во Франціи (1). Возникнувъ въ эпоху великой революціи, по декрету XIII года, надзоръ пережилъ тамъ много измѣненій. По кодексу 1810 г. всякій отбывшій наказаніе лишеніемъ свободы, начиная отъ réclusion, по требованію правительства или заинтересованнаго третьяго лица (по закону 1812 г.), а прежде и по собственному почину, могъ представить залогъ хорошаго поведенія, сумма котораго опредѣлялась судомъ при постановленіи приговора, и тѣмъ избѣжать надзора. Лицо, не внесшее залога, отдавалось подъ надзоръ полиціи, которая могла ему воспретить жительство въ опредѣленной мѣстности или указать мѣстожительство; въ послѣднемъ случаѣ полиція получала безграничное право посѣщать арестанта и дѣлать у него обыски. Нарушеніе запрета влекло за собою заключеніе въ порядкѣ административномъ на все время надзора. Законъ 1832 г. отмѣнилъ эти постановленія, сохранивъ только ограниченіе выбора мѣста жительства, а декретъ 1851 г. возобновилъ систему code pénal, но безъ права замѣнять надзоръ залогомъ и съ допущеніемъ, въ случаѣ нарушенія правилъ надзора, депортаціи въ административномъ порядкѣ. Республика закономъ 1870 г. отмѣнила дѣйствіе декрета 1851 г., а законами 23 Января 1874 г. и 15 Августа 1875 г. создала новую, довольно сложную систему надзора, устранившую, между прочимъ, пожизненность надзора, но оказавшуюся также недолговѣчною. Законъ 27 Мая 1885 г. отмѣнилъ отдачу подъ надзоръ полиціи и замѣнилъ его (ст. 19) запрещеніемъ осужденному пребывать (de paraître) въ мѣстахъ, въ коихъ сіе будетъ ему воспрещено правительствомъ до его освобожденія (2), при-

---

(1) Исторія постановленій французскаго законодательства о полицейскомъ надзорѣ у Trébutien, №№ 325—347; Garraud, Traité, № 316 и сл. Гарро приходитъ къ тому выводу, что такъ какъ согласить интересы поднадзорнаго съ интересами общественной охраны, какъ указываетъ исторія надзора во Франціи, оказалось невозможнымъ, то правильнѣе замѣнить надзоръ системою патронатства. Подробное изложеніе закона 1874 г. у L. Renault, étude sur la loi du 23 Jan. 1874.

(2) Причемъ на основаніи циркуляра Мин. Внутр. Дѣлъ 1 Іюля 1885 г. пребываніе въ нѣкоторыхъ наиболѣе населенныхъ департаментахъ и городахъ—напр., департаментѣ Сены, въ Ліонѣ, Марселѣ и т. д., воспрещено для всѣхъ поднадзорныхъ, а затѣмъ для каждаго поднадзорнаго допускаются отдѣльныя ограниченія. Постановленія закона 1885 г. сохранены почти безъ измѣненій и въ новомъ

чемъ это воспрещеніе (l'interdiction de séjour), также какъ и надзоръ, почитается наказаніемъ и не можетъ превышать 20 лѣтъ. Нарушеніе этого предписанія влечетъ за собою тюремное заключеніе не свыше 5 лѣтъ.

Англія ввела биллями 1869 и 1871 гг. правила о надзорѣ, какъ дополнительномъ наказаніи, сходныя съ французскою системою 1874 г., требуя отъ всѣхъ отбывшихъ наказаніе за корыстныя преступленія или освобожденныхъ условно заявки полиціи о мѣстѣ жительства и его перемѣнахъ, и даже предоставляя полиціи право задерживать поднадзорное лицо по первому подозрѣнію, а для рецидивистовъ установивъ спеціальныя наказанія за нѣкоторыя проявленія дурнаго поведенія, какъ, напр., за снисканіе себѣ пропитанія безчестнымъ способомъ, за сокрытіе предъ судомъ имени и мѣста жительства и т. д. Рядомъ съ этимъ, Англія сохранила и древне-нѣмецкую систему ручательства въ хорошемъ поведеніи (recognizances) ([1]), на основаніи коей судъ, приговаривая кого либо къ наказанію, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ него залогъ или потребовать поручительства въ томъ, что онъ не будетъ нарушать общественнаго мира, подъ угрозою потери залога.

По Германскому уложенію въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ (перечень у Liszt, стр. 257) судъ, постановляя приговоръ, можетъ предоставить право высшей мѣстной полицейской власти учредить за виновнымъ послѣ отбытія наказанія особый надзоръ. Этотъ надзоръ можетъ быть учрежденъ полиціею только по соглашенію съ управленіемъ тюрьмы и на срокъ не долѣе 5 лѣтъ со дня освобожденія. Надзоръ выражается въ томъ, что поднадзорному запрещается жить въ извѣстныхъ мѣстахъ и обыски у него дѣлаются безъ всякихъ ограниченій; поднадзорные подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ въ занятіи извѣстными промыслами; иностранцы же въ этихъ случаяхъ могутъ быть высылаемы за гра-

---

проектѣ французскаго уложенія. О юридическомъ значеніи этой мѣры подробно у Гарро, № 319 и сл.

([1]) О древне-германской системѣ охраны мира см. у Schierlinger'a: Die Friedensbürgschaft, 1877 г. У него, § 11, приведены свѣдѣнія о попыткѣ внести эти постановленія въ дѣйствующее нѣмецкое право.

ницу. Кромѣ того, приговаривая къ аресту за нѣкоторые маловажные проступки, какъ, напр., за нищенство, бродяжество, проституцію (§ 361 № 3—8), судъ можетъ предоставить полицейской власти право, по окончаніи срока наказанія, помѣстить виновныхъ въ работные дома или употребить ихъ на общественныя работы на срокъ не свыше 2-хъ лѣтъ (1).

826. Трудность правильнаго устройства надзора не служитъ еще достаточнымъ основаніемъ къ полному исключенію его изъ числа карательныхъ мѣръ, въ особенности въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ, какъ у насъ въ Россіи, реформа тюремъ находится въ зародышѣ, а потроната почти не существуетъ.

Какъ указано выше, необходимость особаго полицейскаго надзора объясняютъ двоякаго рода интересами: общества и преступника. Съ одной стороны, общество не можетъ не опасаться человѣка, просидѣвшаго болѣе или менѣе долгій срокъ въ тюрьмѣ и даже, можетъ быть, побывавшаго въ ней неоднократно, а потому и не можетъ обойтись безъ особаго за нимъ надзора. Съ другой стороны и преступникъ, вышедшій изъ тюрьмы, нуждается также въ особой о немъ заботливости: онъ отвыкъ руководить собою, благодаря условіямъ тюремной жизни, онъ чужой для той среды, въ которой ему приходится начинать новую жизнь; весьма нерѣдко тщетно ищетъ онъ работы, поддержки, сочувствія: его стремленія бросить преступную дорогу замираютъ и въ эту то трудную минуту должна явиться къ нему на помощь государственная власть, въ лицѣ надзирающихъ за нимъ ея органовъ.

Обѣ указанныя цѣли одинаково важны, но онѣ едва-ли совмѣстимы въ одномъ какомъ либо учрежденіи; онѣ требуютъ слишкомъ разнородныхъ условій для своего осуществленія. Мало того, вторая задача и не по силамъ государственной полиціи, она стоитъ внѣ круга ея дѣятельности: забота объ участи освобожденныхъ, какъ это мы видимъ въ западноевропейскихъ государствахъ, должна быть дѣломъ особыхъ обществъ, частной благотворительности. Въ этомъ отношеніи государство должно

---

(1) Венгерское и голландское уложенія вовсе не упоминаютъ о полицейскомъ надзорѣ.

заботиться только о томъ, чтобы учрежденный имъ надзоръ не противодѣйствовалъ дѣятельности такихъ обществъ.

Но какъ средство общественной охраны, заключающее въ себѣ весьма существенное ограниченіе правъ личности, надзоръ является несомнѣнно мѣрою карательною, дополняющею лишеніе свободы въ тѣсномъ смыслѣ, или какъ бы служащею ея непосредственнымъ продолженіемъ; поэтому надзоръ можетъ быть назначаемъ только въ случаяхъ, прямо указанныхъ въ законѣ, по постановленію суда, а не по усмотрѣнію администраціи. Назначеніе надзора должно составлять часть приговора, причемъ въ приговорѣ, соотвѣтственно съ закономъ, долженъ быть установленъ и высшій его срокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ цѣль надзора оградить общество отъ тѣхъ преступниковъ, которые по выходѣ изъ тюрьмы могутъ представить для него дѣйствительную опасность, то нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразною систему германскаго кодекса, на основаніи коей судъ только предоставляетъ администраціи право установить надзоръ, а дѣйствительное примѣненіе этой мѣры ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи, которая, по совѣщанію съ управленіемъ тюрьмы, можетъ вѣрнѣе рѣшить вопросъ о необходимости надзора по отношенію къ данному преступнику.

По содержанію своему, надзоръ прежде всего предполагаетъ ограниченіе въ выборѣ мѣста жительства и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Во 1-хъ, въ видѣ воспрещенія жить въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, напр., въ центрахъ промышленной или торговой жизни, гдѣ скопленіе массы порочныхъ или преступныхъ лицъ дѣйствительно можетъ угрожать общественной безопасности; или же въ мѣстностяхъ, имѣющихъ особенное значеніе для даннаго преступника, напр., въ мѣстѣ учиненія преступленія, гдѣ можно опасаться вражды и даже ненависти населенія къ преступнику, или наоборотъ, мести преступника—свидѣтелямъ, потерпѣвшему. Нужно только имѣть въ виду, чтобы излишній объемъ запретныхъ для жительства пунктовъ не затруднилъ для поднадзорнаго добываніе средствъ существованія. Во 2-хъ, прямое опредѣленіе правительствомъ мѣста жительства; но подобное ограниченіе можетъ быть допускаемо съ значительною осторожностью. Не надо

забывать, что оно можетъ сдѣлать надзоръ крайне тягостнымъ, превышающимъ главное наказаніе лишеніемъ свободы, какъ скоро, напр., назначенное мѣсто жительства окажется вреднымъ для здоровья, лишаетъ возможности заработка и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ скопленіе въ одной какой либо мѣстности поднадзорныхъ можетъ оказаться вреднымъ и для общественной безопасности. Поэтому такую мѣру можно допустить или для особенно опасныхъ преступниковъ или для тѣхъ, кои по выходѣ изъ тюрьмы не изберутъ для себя мѣста жительства.

Другимъ также неизбѣжнымъ условіемъ надзора является ограниченіе права перемѣны жительства, въ особенности въ первое время, такъ какъ постоянное передвиженіе поднадзорныхъ изъ одного мѣста въ другое можетъ создать опасную форму бродяжества, хотя, конечно, съ другой стороны и безусловное прикрѣпленіе къ первоначально выбранному мѣсту можетъ создать огромныя невыгоды для поднадзорнаго, какъ скоро его выборъ окажется неудачнымъ. Удачное разрѣшеніе этихъ затрудненій, по моему мнѣнію, давалъ французскій законъ 1874 г., послужившій образцомъ и для нашего проекта новаго уложенія; по этому закону свобода передвиженія наступала только послѣ 6 мѣсяцевъ пребыванія въ избранномъ мѣстѣ жительства, а до того времени переселеніе могло быть допущено только съ разрѣшенія полиціи по обстоятельно мотивированному ходатайству подсудимаго. Въ связи съ этимъ условіемъ стоитъ и обязанность поднадзорнаго заявлять каждый разъ о предполагаемой перемѣнѣ жительства полиціи, съ указаніемъ и той мѣстности, куда поднадзорный пожелаетъ переселиться. Безъ такой обязательной заявки полиція будетъ лишена возможности имѣть надлежащее наблюденіе за лицами этой группы.

Болѣе спорными представляются другія ограниченія поднадзорныхъ, встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ законоположеніяхъ, какъ, напр., обязательная явка въ опредѣленные сроки поднадзорнаго въ полицію, возможно частыя посѣщенія агентами полиціи поднадзорныхъ въ мѣстахъ ихъ жительства, расширеніе права обысковъ и выемокъ у поднадзорныхъ. Тамъ, гдѣ полиція не придаетъ дѣйствительнаго значенія этимъ своимъ правамъ и мало пользуется ими, подобныя ограниченія получаютъ характеръ ненужныхъ формальностей; но какъ скоро полиція ревностно исполня-

етъ свои обязанности—эти ограниченія становятся гибельными для поднадзорныхъ. Они постоянно напоминаютъ прошлое не только преступнику, но и окружающему его обществу, возбуждая недовѣріе и презрѣніе къ бывшему преступнику, а иногда даже вредятъ поднадзорному матеріально. Кто возьметъ къ себѣ поднадзорнаго жильцемъ, слугою, рабочимъ, если онъ знаетъ, что тотъ обязательно еженедѣльно сообщаетъ полиціи подробный отчетъ о своемъ образѣ жизни, о времяпрепровожденіи, если онъ знаетъ, что во всякій моментъ къ нему на домъ, на фабрику, могутъ пожаловать незванные гости и учинить осмотръ или обыскъ? А въ результатѣ, благодаря этимъ условіямъ надзора, получится неутѣшительный, какъ бы заколдованный кругъ: преступленіе вызываетъ надзоръ, надзоръ—невозможность заработка, а отсутствіе заработка—преступленіе.

Б. Удаленіе.

827. Высылка и ея виды.
828. Ссылка неколонизаціонная.
829. Ссылка колонизаціонная. Ссылка въ Римъ.
830. Ссылка въ Англіи.
831. Ссылка во Франціи.
832. Оцѣнка ссылки какъ наказанія.

827. *Удаленіе.* Удаленіе, какъ ограниченіе свободы, по природѣ своей представляетъ двѣ формы: удаленіе откуда либо, высылка, съ предоставленіемъ высланному выбора мѣста для жительства по его усмотрѣнію, и удаленіе куда-либо—ссылка, т. е. опредѣленіе государствомъ мѣста жительства высылаемому въ извѣстномъ мѣстечкѣ, городѣ, или въ пространствѣ какого-либо округа, губерніи.

Высылка (1). Высылка, въ свою очередь, по объему распадается на два вида: на высылку за предѣлы государства и въ предѣлахъ его.

Высылка за предѣлы государства была извѣстна и древнему міру. Она широко примѣнялась къ римскимъ гражданамъ въ эпоху процвѣтанія римской республики, въ видѣ добровольнаго

(1) Ср. П. Фойницкій, наказаніе; на стр. 189 у него приведены историческія свѣдѣнія объ этомъ видѣ изгнанія.

удаленія осужденнаго изъ отечества. Въ новое время она была особенно распространена, напр., въ Германіи до конца тридцатилѣтней войны, соблазняя правительство своею кажущеюся дешевизною. Позднѣе, въ эпоху господства доктрины договорнаго возникновенія государствъ, она встрѣчала много защитниковъ и между теоретиками. Но увлеченіе ею продолжалось недолго. Взаимное снабженіе преступниками до такой степени противорѣчитъ самымъ примитивнымъ понятіямъ о правильныхъ международныхъ отношеніяхъ, о солидарной охранѣ правовыхъ интересовъ, что едва-ли нужно и объяснять причины почти полнаго исчезновенія этого наказанія изъ современныхъ кодексовъ.

Теперь изгнаніе сохраняется только для иностранцевъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ для собственныхъ подданныхъ.

Такъ, высылку послѣднихъ, какъ самостоятельное наказаніе, сохранилъ французскій кодексъ въ видѣ bannissement, т. е. изгнанія за предѣлы Франціи. Изгнаніе это срочно, отъ 5—10 лѣтъ, и назначается (послѣ закона 13 Мая 1863 г.) за маловажные проступки политическіе. Самое осуществленіе этого наказанія зависитъ отъ согласія правительства того государства, въ которое высылаютъ; въ противномъ случаѣ изгнаніе замѣняется заключеніемъ въ крѣпость.

Многіе изъ французскихъ писателей, какъ F. Hèlie (I, № 56) возражаютъ противъ изгнанія на основаніи его неравенства для отдѣльныхъ подсудимыхъ и трудности осуществленія; но мнѣ кажется, что при ограниченномъ употребленіи его для маловажныхъ политическихъ преступленій, имѣющихъ въ особенности національный характеръ, срочное изгнаніе представляется несравненно цѣлесообразнѣе тюрьмы, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ нѣтъ основанія ожидать отказа въ принятіи высланнаго отъ сосѣднихъ государствъ (1).

Шире примѣняется изгнаніе къ иностранцамъ. Современныя международныя отношенія, какъ замѣчаетъ Haus (№ 711), обязы-

---

(1) Ср. въ защиту этого положенія Wahlberg въ Holtzendorfs Handbuch, § 20; Garraud, № 315. Съ такимъ политическимъ характеромъ изгнаніе появляется еще въ Греціи, напр. въ Аѳинахъ, и притомъ или какъ добровольное удаленіе ранѣе суда, при обвиненіи въ тяжкихъ преступленіяхъ, или какъ наказаніе по суду, или какъ политическая мѣра—при остракизмѣ.

ваютъ принимать на свою территорію иностранцевъ, оказывать имъ покровительство; но эта обязанность исчезаетъ, какъ скоро пребываніе даннаго иностранца въ странѣ грозитъ ея внутренней безопасности и спокойствію, или какъ скоро дѣятельность его получаетъ преступный характеръ. Въ послѣднемъ случаѣ виновные или будутъ подвергнуты отвѣтственности по законамъ страны, или же правительство получитъ право удалить ихъ изъ государства. Такимъ образомъ, изгнаніе иностранцевъ практикуется или какъ самостоятельное наказаніе, или какъ элементъ полицейскаго надзора. Въ дѣйствительной жизни оно еще чаще примѣняется какъ простая административная мѣра, но въ этомъ отношеніи противъ него можно сдѣлать тѣ же возраженія, какъ и противъ административной ссылки.

Второй видъ даннаго типа представляетъ высылка изъ опредѣленныхъ пунктовъ внутри государства или воспрещеніе жительствовать и пріѣзжать въ столицы или нѣкоторые другіе города и мѣстечки. Такъ, по французскому праву—при нанесеніи обиды дѣйствіемъ чиновнику (§ 229), назначается, какъ дополнительное наказаніе, запрещеніе, на срокъ отъ 5—10 лѣтъ, жить въ округѣ, гдѣ служитъ обиженный. По германскому праву высылка примѣняется въ видѣ дополнительнаго наказанія по спеціальному закону о соціалистахъ (21 Октября 1878 г.). По § 22 этого закона судъ, относительно лицъ, занимающихся соціалистическою пропагандою, можетъ предоставить мѣстной полиціи право воспретить виновнымъ пребываніе въ извѣстныхъ округахъ и мѣстечкахъ.

828. *Ссылка.* Ссылка въ опредѣленное мѣсто для пребыванія въ немъ, въ современныхъ законодательствахъ является также съ разными оттѣнками: во 1-хъ, по объему того пространства, изъ котораго воспрещается выѣздъ: губернія, уѣздъ, городъ; во 2-хъ, потому, назначается ли ссылка самостоятельно, или же ей предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное лишеніе свободы; въ 3-хъ, смотря по характеру мѣста, въ которое ссылаютъ: въ мѣста населенныя или ненаселенныя, причемъ въ послѣднемъ случаѣ задачею ссылки становится не только удаленіе преступника, но и снабженіе заселяемой мѣстности рабочими руками, ея колонизація, разработка ея естественныхъ богатствъ въ интересахъ метрополіи

и т. д. При теоретической оцѣнкѣ этого наказанія заслуживаетъ особеннаго вниманія послѣднее дѣленіе.

Ссылка неколонизаціонная. Я говорилъ уже о значеніи этого рода ссылки, излагая систему наказаній нашего права: она представляется одинаково несостоятельною и по отношенію къ наказываемому и по отношенію къ обществу ([1]).

Репрессивный элементъ такой ссылки состоитъ изъ двухъ частей: во 1-хъ, изъ порванія навсегда всѣхъ прежнихъ связей, привычекъ и т. д. наказываемаго, и во 2-хъ, изъ невыгодныхъ для него условій новой обстановки. Но первый элементъ имѣетъ чисто индивидуальной характеръ, онъ теряетъ всякое значеніе, если преступникъ не имѣетъ никакихъ связей, если его привычки и образъ жизни, напр. шулерство, карманное воровство, таковы, что онъ можетъ не покидать ихъ съ одинаковымъ успѣхомъ и въ Тулѣ и въ Перми. Второй же элементъ представляется крайне неравномѣрнымъ: житель Ярославля или Твери, сосланный въ Колу или Мезень, конечно, почувствуетъ тяжесть наказанія; но обыватель Повѣнца или Пудожа, оказавшійся на жительствѣ въ Самарѣ, можетъ только благодарить судьбу.

А кромѣ того, нельзя же не имѣть въ виду интересовъ мѣстностей, въ которыя ссылаютъ, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ у насъ, это наказаніе употребляется именно за преступленія противъ собственности, совершенныя лицами привилегированными. Едва ли выгодно для Архангельска или Петрозаводска служить стокомъ для привилегированныхъ мошенниковъ или воровъ обѣихъ столицъ.

Такимъ образомъ, невыгода этого наказанія очевидна. Если и можно сохранить его въ законѣ, то развѣ только въ видѣ исключенія, назначая за маловажныя нарушенія съ политическимъ оттѣнкомъ, да и то предполагая ссылку на короткіе сроки.

829. *Ссылка колонизаціонная.* Иное значеніе имѣетъ этотъ типъ ссылки. Хотя изъ большихъ западно-европейскихъ госу-

---

([1]) Подобная ссылка встрѣчается въ новомъ Итальянскомъ уложеніи въ видѣ водворенія въ извѣстной мѣстности (il confino) отъ 1 мѣсяца до 3-хъ лѣтъ.

дарствъ нынѣ такая ссылка практикуется только во Франціи и въ небольшемъ объемѣ въ Испаніи и Португаліи, да и прежде она встрѣчалась весьма не во многихъ кодексахъ; но въ виду той роли, которую играетъ эта ссылка у насъ, въ виду теоретическихъ споровъ, ею возбужденныхъ за послѣднее время, я считаю необходимымъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе (1).

Ссылка въ Римѣ. Въ древнемъ мірѣ въ болѣе организованной формѣ мы встрѣчаемъ ссылку въ Римѣ, гдѣ она появляется въ любопытную эпоху Римской исторіи, въ періодъ цвѣта, силы и могущества міроваго государства, когда властители вселенной, граждане державнаго Рима, правда, небольшіе числомъ, рѣзко противопоставили себя всему остальному міру. Это противоположеніе проникало всѣ сферы права и всего полнѣе отразилось на ихъ карательной системѣ, рѣзко отличавшей наказанія для honestiores и humiliores—рабовъ, иностранцевъ. Юридическая чернь расплачивалась за все своимъ тѣломъ: для нихъ розги и палки; для нихъ вонючая тюрьма и тяжелыя работы въ рудникахъ, на постройкахъ; для нихъ, наконецъ, всѣ виды смертной казни. Но что же дѣлать съ преступными гражданами? Древняя сакрально-родовая система, съ ея элементами возмездія, съ ея мистическими обрядами—правда еще держалась въ законѣ, но уже давно вымирала въ жизни; тѣлесное наказаніе во всѣхъ его видахъ, по законамъ Порція, не могло быть примѣнимо къ гражданамъ и оставались одни только денежныя взысканія да смертная казнь. И вотъ, какъ реакція противу послѣдней, является ссылка. Она прежде всего встрѣчается въ видѣ добровольнаго удаленія изъ Рима того гражданина, которому угрожала смертная казнь. Первый примѣръ такого удаленія, какъ замѣчаетъ Гольцендорфъ, далъ Коріоланъ; но уже къ эпохѣ Суллы удаленіе изъ Рима являлось обыкновенною формою замѣны смертной казни. Это изгнаніе, говоритъ Цицеронъ, не было наказаніемъ, а убѣжищемъ отъ наказанія, къ которому прибѣгали изъ страха тюрьмы, смерти и позора. Тѣмъ не менѣе, изгнанный терялъ права римскаго гражданина; никто изъ гражданъ не долженъ

---

(1) Holtzendorf, die Deportation als Strafmittel, in alter und neuer Zeit, 1859 г. стр. 1—160; Фойницкій, ссылка на Западѣ, 1881 г. Подробно изложенъ вопросъ о ссылкѣ въ учебникѣ В. Спасовича и у И. Фойницкаго въ ученіи о наказаніи.

былъ имѣть съ нимъ общенія, онъ былъ отлученъ отъ крова и пищи (aquae et ignis interdictio) и подлежалъ capitis diminutio media (1), а иногда конфисковалось и его имущество (2). Но, чтобы понять дѣйствительное значеніе римскаго изгнанія, намъ нужно оживить передъ собой условія жизни древняго Рима, весь тотъ кругъ идей, убѣжденій, привычекъ, среди которыхъ выросталъ и жилъ римлянинъ. «Дѣятельность политическая, говоритъ Спасовичъ (стр. 204), стояла въ древнемъ Римѣ неизмѣримо выше всякой иной и составляла для каждаго гражданина все счастіе, все благо, все достоинство и назначеніе его жизни, такъ что пребываніе внѣ государства, хотя бы и не сопровождаемое никакими физическими страданіями, лишеніями и неудобствами, было однако столь тяжелымъ зломъ, что большаго и не требовалось».

Съ паденіемъ республики постановка вопроса объ изгнаніи должна была измѣниться: «званіе гражданина потеряло свою цѣну, жизнь опошлѣла, единственнымъ источникомъ наслажденій сталъ бытъ частный, чуственныя удовольствія и изысканная роскошь. Для многихъ удаленіе изъ Рима могло казаться скорѣе благодѣяніемъ, нежели наказаніемъ: удаляемое лицо дѣлалось безопаснѣе, за глаза о немъ могли и забыть». Въ эпоху Имперіи нельзя было болѣе говорить о тождествѣ удаленія и смертной казни; но самая идея, заключающаяся въ этомъ видѣ наказанія, не вымерла; она послужила основою двухъ наказаній императорскаго Рима: высылки—relegatio, и ссылки—deportatio, назначавшихся также для знати, но выдвигавшихъ на первый планъ не тяжесть удаленія изъ міроваго центра, а трудности новой жизни.

Первые слѣды релегаціи, какъ принудительнаго поселенія въ извѣстномъ мѣстѣ, мы находимъ еще въ эпоху республики (3); но

---

(1) Такъ какъ удаленіе замѣняло смерть, то и оно могло имѣть мѣсто только при преступленіяхъ, вызывавшихъ прежде sacratio capitis. Удаленный, какъ утратившій право гражданства и отлученный отъ общенія, въ случаѣ самовольнаго возвращенія въ Римъ, могъ быть убитъ всякимъ безнаказанно. Ср. Фойницкій, в. с., стр. 6.

(2) Конфискація стала часто примѣняться въ эпоху конскрипцій Суллы, когда удаленіе стало принудительнымъ, хотя судебныя комиціи, какъ замѣчаетъ Гольцендорфъ (стр. 25), никогда не приговаривали прямо къ изгнанію, а только къ отлученію отъ крова и пищи.

(3) Гольцендорфъ, в. с., стр. 29 указываетъ, какъ на первый примѣръ релегаціи, на высылку Луція Ламія при консулѣ Габиніи, въ силу консульской власти.

полное свое развитіе она получила въ императорскомъ Римѣ и притомъ въ двоякой формѣ. Прежде всего, она явилась въ видѣ политической мѣры, какъ средство борьбы съ разнообразными врагами всемогущаго цезаризма. Въ этомъ своемъ видѣ она отличалась полною неопредѣленностью: она назначалась императорами и отъ нихъ же вполнѣ зависѣлъ и ея объемъ; она могла продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ или дѣлаться пожизненною. Особенно-же варіировался выборъ мѣста жительства, начиная отъ цвѣтущихъ колоній Рима и кончая безплодными и безлюдными скалистыми островами Средиземнаго моря или Архипелага, отсылка на которые была равносильна осужденію на смерть. Вскорѣ релегація является и въ качествѣ судебнаго наказанія и притомъ при вновь появившихся въ законѣ преступленіяхъ (crimina extraordinaria), не представлявшихъ особенной важности. Поэтому она не сопровождалась ни потерею права гражданства, ни лишеніемъ имущества; наказанный только стѣснялся въ правѣ передвиженія. При этомъ различали три ея вида: 1) воспрещеніе жить въ Римѣ или вообще въ опредѣленномъ, болѣе или менѣе значительномъ отъ него разстояніи; 2) поселеніе въ какомъ либо мѣстѣ на континентѣ Европы, и 3) ссылку на острова. Въ первыхъ двухъ случаяхъ релегація могла быть и срочною (1).

Изъ релегаціи выработалась и наиболѣе тяжкая форма римской судебной ссылки—депортація (2), занявшая мѣсто между смертною казнью и релегаціею. Депортація состояла изъ трехъ элементовъ. Ей предшествовалъ позорный обрядъ вывезенія или вынесенія изъ города, отъ котораго она и получила свое имя. Затѣмъ, она всегда влекла потерю правъ римскаго гражданина, такъ что ссыльный лишался patria potestas, супругѣ и дѣтямъ запрещалось слѣдовать за осужденнымъ. Въ сферѣ имущественныхъ правъ депортированный былъ не только граждански умершимъ, но его имѣніе по большей части конфисковалось, такъ что только въ видѣ изъятія часть

---

(1) Подробнѣе всего опредѣлялась релегація въ эдиктахъ Августа, ср. у Гольцендорфа, в. с. стр. 31. Изъ историческихъ примѣровъ политической ссылки можно указать на ссылку Овидія на устья Дуная; св. Іоанна на островъ Патмосъ. Такимъ же ссыльнымъ мѣстомъ являлся Херсонесъ въ Крыму.

(2) Депортація, также какъ и релегація, первоначально была административною мѣрою и только позднѣе получила характеръ судебнаго наказанія.

имущества сохранялась его дѣтямъ, иногда патрону, а еще рѣже, и то въ незначительномъ количествѣ, самому наказанному. Самая правоспособность его существенно ограничивалась, такъ какъ онъ не могъ ничего пріобрѣтать ex jure civile. Наконецъ, депортированный навсегда поселялся на какомъ-нибудь островѣ или въ отдаленной провинціи, причемъ выборъ мѣста, зависѣвшій отъ императора, игралъ не малую роль при опредѣленіи силы наказанія, такъ какъ депортація на какой-нибудь необитаемый островъ въ сущности была смертною казнью (1). Бывали, впрочемъ, примѣры при Калигулѣ и Неронѣ, что и при ссылкѣ въ мѣста не столь страшныя, императоры въ дѣйствительности обращали это наказаніе въ смертную казнь, посылая пиратовъ перебить ссыльныхъ.

Со времени христіанскихъ императоровъ, особенно послѣ Константина, депортація, не измѣняясь по существу (2), отодвинулась на второй планъ: для кровавой расправы отживающей имперіи и депортація была слишкомъ мягкимъ средствомъ.

Римская ссылка вовсе не интересовалась судьбою ссыльнаго на мѣстѣ его жительства; для нея было безразлично, занимался-ли наказанный на мѣстѣ ссылки какими нибудь работами или оставался празднымъ; какъ наказаніе для привилегированныхъ, она никогда не соединялась съ обязательными работами. Только во время Константина мы встрѣчаемъ примѣръ осужденія въ ссылку съ работами на мукомольныхъ мельницахъ, damnatio in pistrinum urbis Romae. Также мало занималось государство и вопросомъ о колонизаціи путемъ ссыльныхъ, опять-таки не потому, чтобы Римъ не придавалъ важнаго значенія колоніальной политикѣ, не потому, чтобы онъ былъ не способенъ къ колонизаціи,—этому противорѣчатъ примѣры Сиракузъ, Марселя, Тарента,—а потому, что онъ не додумался до истиннаго значенія карательной ссылки. Всѣ ея формы въ Римѣ были обставлены

(1) Особенно обширное примѣненіе получила такая ссылка при Неронѣ: «море, говоритъ Тацитъ, едва успѣвало носить ссыльныхъ, скалы прибрежья дымились кровью». При послѣднихъ императорахъ стала употребляться еще ссылка въ пустыни Африки и Азіи, quasi in insulam, такъ какъ находили, что побѣги оттуда труднѣе.

(2) Иногда только къ депортаціи присоединялось предварительное заключеніе въ тюрьмѣ.

условіями, противодѣйствовавшими всякимъ колонизаціоннымъ стремленіямъ. Такова система правопораженія ссыльныхъ, запрещеніе семьѣ слѣдовать за нимъ въ ссылку, страшная разбросанность самыхъ мѣстъ ссылки и т. д. Римская ссылка, какъ говоритъ Гольцендорфъ, явилась своеобразнымъ плодомъ римской культуры: она вымерла вмѣстѣ съ Римомъ, не оставивъ никакого наслѣдія новому міру. Эта страшная масса ссыльныхъ, разбросанныхъ по островамъ Архипелага и Средиземнаго моря не оставила по себѣ никакого воспоминанія, не привила къ мѣстамъ высылки высокой культуры, господствовавшей въ метрополіи.

830. *Ссылка въ Англіи.* Съ инымъ культурно - историческимъ значеніемъ является ссылка въ Англіи (1), по крайней мѣрѣ во второмъ ея періодѣ. Англія, какъ и всѣ европейскія государства въ древнѣйшій періодъ знала, какъ наказаніе,—изгнаніе изъ отечества. Magna charta, исчисляя права свободныхъ англичанъ спеціально упоминаетъ и о томъ, что никто не можетъ быть изгнанъ изъ отечества иначе какъ по суду.

Но дѣйствительное значеніе въ ряду другихъ наказаній получаетъ принудительная ссылка гораздо позднѣе, а именно съ начала ссылки въ Америку (2). Древнѣйшія постановленія объ этой ссылкѣ относятся къ эпохѣ Елизаветы: такъ статутомъ 1597 г. дано право четвертнымъ мировымъ съѣздамъ ссылать бродягъ, нищихъ вообще опасныхъ негодяевъ въ тѣ заморскія владѣнія государства, которыя будутъ указаны тайнымъ совѣтомъ; но мы не знаемъ впрочемъ, осуществились-ли эти постановленія или нѣтъ. Съ несомнѣнными и весьма оригинальными примѣрами ссылки мы встрѣчаемся при Іаковѣ I. Изъ штата Виргиніи, вслѣдствіе отсут

---

(1) Holtzendorf., в. с. стр. 161—394; Marquis de Blosseville, Histoire de la colonisation pénale et des établissements de l'Angleterre en Australie, 1859; Michaux, étude sur la question des peines, 1872; Фойницкій, в. с. стр. 32—133; у него приведена англійская литература по вопросу о ссылкѣ.

(2) Америка сдѣлалась мѣстомъ ссылки почти съ момента ея открытія, такъ какъ Колумбъ уже при третьемъ путешествіи, за недостаткомъ волонтеровъ получилъ отъ правительства разрѣшеніе воспользоваться ссыльными, находящимися въ Севильѣ. Испанія и позднѣе нѣсколько разъ возобновляла эту ссылку. Встрѣчаются также примѣры ссылки въ Америку изъ Португаліи и Голландіи.

ствія женщинъ, бѣжала молодежь, и вотъ метрополія въ 1619 г. посылаетъ туда транспортъ проститутокъ въ 100 персонъ, которыя не только были приняты съ радостью, но пошли даже въ мѣну, по 120-ти фунтовъ табаку за каждую. Въ слѣдующемъ году сдѣлка повторилась и вновь присланы 60 женщинъ уступленныя еще дороже, по 150 фунтовъ. Затѣмъ такая посылка неоднократно возобновлялась, и за проститутками двинулись бродяги, воры и еще въ большемъ числѣ политическіе и религіозные преступники.

При Карлѣ II транспортація введена въ общую лѣстницу наказаній и поставлена непосредственно за смертною казнію наравнѣ съ галерами. Назначалась она или какъ взысканіе самостоятельное, или взамѣнъ смерти, по усмотрѣнію короны или даже вслѣдствіе просьбы виновнаго. Число случаевъ, обложенныхъ ссылкою возрастало, но еще сильнѣе росло число ссыльныхъ; особенно когда изъ этой ссылки сдѣлали доходную статью люди, приближенные къ трону. Извѣстны въ этомъ отношеніи при Іаковѣ I подвиги судьи Poyham, богатаго владѣльца въ Виргиніи. Особенно розыгрывался этотъ коммерческій духъ послѣ торжества какой-либо политической партіи, какъ напр. послѣ усмиренія возстанія герцога Monmouth (1).

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ англійская ссылка рѣзко отдѣлилась отъ ссылки римской. Здѣсь не было и рѣчи о тяжести устраненія ссылаемаго отъ участія въ политической жизни державной родины; ссылка исключительно имѣла меркантильный характеръ, была или казалась выгодною торговою сдѣлкою. Метрополія сравнительно дешево освобождалась отъ опасныхъ элементовъ, фабриковавшихся большею частью изъ общественныхъ подонковъ. Съ другой стороны и колонія, богатая землями, матеріаломъ для труда, не брезгала рабочими руками, хотя-бы даже это и были руки подневольныхъ преступниковъ. Статутъ Георга I 1717 г. прямо ставитъ цѣлью ссылки—колонизацію англійскихъ владѣній, а ея существеннымъ элементомъ не удаленіе изъ родины, а принудительную работу на мѣстѣ.

---

(1) Подробности о ссылкѣ въ Америку прекрасно изложены у Гольцендорфа, книга 2-ая, глава 1-ая и 2-ая.

Одинъ только факторъ былъ забытъ при этомъ разсчетѣ—самъ преступникъ; не только не было рѣчи о какихъ либо правахъ этого «раба наказанія», но и о какихъ-либо гарантіяхъ его жизни и здоровья. Государство освобождается отъ тяжелаго груза, освобождается выгодно, а какое ему дѣло до того, что будетъ съ его отверженцемъ, какое ему дѣло до того, что, благодаря откупной системѣ пересылки (Assignationsystem), это наказаніе становилось иногда тяжелѣе смертной казни.

Обязанность пересылки лежала на графствахъ, но, во избѣжаніе дороговизны, они вступали въ договоръ съ частными лицами, бравшими подрядъ на пересылку за ничтожную сумму, и за то получавшими полное право пользоваться трудомъ ссыльныхъ. Подрядчикъ обязывался доставить ихъ въ Америку и освободить по истеченіи срока, назначеннаго судомъ, но до этого времени ссыльные были въ полномъ его распоряженіи, онъ могъ пользоваться ихъ трудомъ лично или продавать этотъ трудъ другимъ и притомъ не отъ имени государства, а отъ себя (1). Откупщикъ обязывался доставить осужденныхъ въ ссылку, но онъ вовсе не бралъ на себя отвѣтственности за ихъ жизнь и здоровье, а между тѣмъ для него было выгодно нагрузить возможно болѣе ссыльныхъ, и помѣстить ихъ на кораблѣ такъ, чтобы устранить всякую попытку возстанія или сопротивленія. Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ переѣзда ссыльные безвыходно помѣщались въ темномъ трюмѣ, безъ различія половъ, по 4 и по 5 человѣкъ на койкѣ, въ цѣпяхъ; въ трюмъ кидали имъ пищу, какъ дикимъ звѣрямъ, и въ такомъ количествѣ, что нерѣдко товарищи по койкѣ скрывали нѣсколько дней умершаго, чтобы получать его порцію. Смертность была невѣроятная.

Съ другой стороны, и главные элементы ссылки были осуществляемы далеко не уравнительно: очищеніе метрополіи всегда преобладало надъ интересами колонизаціи. Англія снабжала колонію лицами не только преступными, но и систематически развращенными вслѣдствіе условій переѣзда, системы закабаленія и даже, по

---

(1) Продажная цѣна этихъ бѣлыхъ невольниковъ была различна, въ среднемъ они стояли около 10 фун. стерл.; дороже были мастеровые и женщины, особенно молодыя; еще чаще ссыльные обмѣнивались на мѣстные продукты.

большей части, разрушенными физически. Что могла дѣлать колонія съ калѣкою-нищимъ, съ пропойцею-бродягою, не владѣющимъ своими членами, или даже съ чахоточнымъ джентльменомъ, никогда не знавшимъ физическаго труда.

Поэтому, съ конца XVII вѣка начинаютъ раздаваться протесты отдѣльныхъ штатовъ противъ ввоза преступниковъ, въ XVIII они заявляются все громче и громче, причемъ на первый планъ выдвигаются соображенія политическія: могучая и цвѣтущая колонія не хочетъ быть клоакою метрополіи, носить позорное названіе «ссылочной страны».

Война за независимость 1776 г. прекратила фактически ссылку въ Америку. Предполагалось было въ эту эпоху ссылать преступниковъ въ Канаду, но мысль эта была брошена изъ боязни усилить ссыльными ряды борцовъ за независимость. Къ тому же въ это время въ Англіи началась борьба противъ самого принципа ссылки, раздались требованія о замѣнѣ ея реформированною тюрьмою.

Но противники ссылки, считавшіе въ своихъ рядахъ такихъ талантливыхъ борцовъ, какъ Говардъ и Бентамъ, на этотъ разъ потерпѣли пораженіе: ссылка снова воскресла, хотя и въ измѣненномъ видѣ.

Въ 1770 г. Кукъ изслѣдовалъ восточную часть материка Австраліи, на которую уже указывали голландскіе путешественники и присоединилъ ее къ Англіи подъ именемъ Новаго Южнаго Валлиса. Въ донесеніяхъ своихъ о новомъ открытіи онъ не пожалѣлъ красокъ, описывая богатство растительности, климатъ, удобства поселенія, въ особенности бухту Ботани-бей. Эти натуральныя богатства новооткрытаго края естественно обратили на себя вниманіе и сторонниковъ ссылки. Тюремная реформа была еще призрачною, а между тѣмъ всѣ мѣста заключенія уже переполнились, поэтому правительство рѣшилось открыть штрафную колонію въ Австраліи, не производя даже никакихъ новыхъ розысканій. Въ 1786 г. состоялось постановленіе королевскаго кабинета объ открытіи ссылки, а 13 мая 1787 г. снялся первый транспортъ ([1]). Онъ состоялъ изъ двухъ казенныхъ кораблей и

([1]) Наиболѣе подробно описаны первые шаги австралійской колонизаціи въ названномъ выше сочиненіе Блоссевилля.

9 купеческихъ, на немъ было болѣе 1000 пассажировъ и въ томъ числѣ около 750 ссыльныхъ. Начальникомъ флотиліи и губернаторомъ колоніи былъ назначенъ капитанъ Филиппъ, человѣкъ умный и энергическій, способный вести новое дѣло твердою рукою. Поселенцы прибыли въ Валлисъ въ январѣ 1788 г., потерявъ дорогою не свыше 30 человѣкъ ([1]). Мѣстомъ поселенія былъ выбранъ не Ботани-бей, оказавшійся непригоднымъ по отсутствію прѣсной воды, а Port Jackson, въ нынѣшнемъ Сиднеѣ, который и сдѣлался зародышемъ новой колоніи.

Губернатору Филиппу были даны чрезвычайныя и крайне широкія полномочія, какъ по отношенію къ ссыльнымъ, такъ и вообще по управленію колоніею.

Офицерамъ и солдатамъ, прибывшимъ съ ссыльными, раздавались участки земли, а для первоначальной обработки, корчевки, для постройки необходимыхъ зданій и т. п. употреблялся трудъ ссыльныхъ. Точно также выдавались надѣлы и ссыльнымъ эманципистамъ, отбывшимъ наказаніе или помилованнымъ властью губернатора, причемъ и имъ оказывалась на первое время правительственная поддержка. Участки раздавались въ собственность условно, съ обязательствомъ получившаго обработывать ихъ; отводились они преимущественно по берегамъ рѣкъ, и притомъ не подъ рядъ, а такъ, чтобы подлѣ каждаго участка оставалась правительственная земля, какъ резервный фондъ.

Правда, первоначально большинство освобожденныхъ уѣзжало въ Европу, но извѣстная доля ихъ оставалась, осталась также и часть гарнизона, который по минованіи срока долженъ былъ возвратиться въ Англію, такъ что ко времени отъѣзда Филиппа въ колоніи насчитывалось до 4,000 еропейцевъ, въ томъ числѣ до 1900 эманципистовъ.

Экономическое положеніе колоніи въ началѣ было весьма плачевное: голодовки повторялись почти безпрерывно, необходимо было

([1]) Но такъ было только при первомъ переѣздѣ, когда перевозка была отъ правительства, а не отдавалась на откупъ; второй транспортъ, прибывшій въ 1790 г., напомнилъ ужасы ссылки въ Америку: умерло дорогою до 280 человѣкъ, да прибыло до 300 умирающихъ. Позднѣе пересылка также дѣлалась съ подряда, средняя стоимость пересылки была отъ 20—30 фунт. стерл.; во время перевозки за ссыльными не было никакого надзора.

строгое наблюденіе за раздачею правительственныхъ порцій, чтобы не погибла вся колонія отъ голода; всѣ предметы первой необходимости получались извнѣ. Но чрезъ какія нибудь 5, 6 лѣтъ картина совершенно измѣнилась: колонія не только вполнѣ пропитывала себя, но, къ 1802 г., т. е. 15 лѣтъ послѣ ея основанія, она имѣла огромныя стада мериносовъ, разведенныхъ капитаномъ Макъ-Артуромъ, и вывозимая изъ колоніи шерсть соперничала уже на рынкахъ съ испанскою; земледѣліе занимало болѣе 6000 акровъ, у колоніи были свои китоловныя суда, она торговала тюленьемъ жиромъ, въ Сиднеѣ и Параматѣ существовали довольно значительныя фабрики; въ Сиднеѣ былъ театръ, была типографія, а съ 1803 г. издавалась правительственная газета.

Конечно, условія колоніальной жизни требовали поддержанія суровой дисциплины, требовали крутыхъ и энергическихъ мѣръ. Расправа была короткая и простая, наказанія назначались или дисциплинарною властью губернатора, или въ важнѣйшихъ случаяхъ—судомъ изъ шести офицеровъ. Въ числѣ наказаній фигурировала прежде всего смертная казнь, примѣнявшаяся, въ особенности въ началѣ, весьма нерѣдко; затѣмъ, шли тѣлесныя наказанія, доходившія до тысячи ударовъ и, наконецъ, чисто мѣстныя наказанія—высылка въ особыя штрафныя поселенія и на публичныя работы. Штрафныя поселенія особенно содѣйствовали росту колоніи, образовывая новые центры осѣдлости. Такъ еще въ 1788 г. началось заселеніе острова Норфолька, въ 1804—Вандименовой земли, не считая множества мелкихъ пунктовъ на материкѣ Австраліи. Еще болѣе значенія имѣли публичныя работы, довольно щедро назначаемыя губернаторами (1), такъ какъ приговоренные къ нимъ употреблялись на наиболѣе трудныя работы первообзаведенія: корчевку полей, расчистку мѣстностей, проведеніе дорогъ.

---

(1) Какъ замѣчаетъ Фойницкій, в. с. стр. 49, по своей первоначальной юридической конструкціи ссылка не создавала обязанности подневольнаго труда, не имѣла значенія рабочей повинности, а вызывала лишь необходимость въ теченіи опредѣленнаго срока жить въ отдаленной отъ метрополіи мѣстности. Поэтому публичныя работы и употреблялись въ началѣ какъ дисциплинарныя наказанія.

Преобладающимъ преступленіемъ была кража и особенно съѣстныхъ припасовъ, что вполнѣ объясняется голодовками, незначительностью казенныхъ порцій и, наконецъ, прежнею профессіею большинства ссыльныхъ. Были примѣры побѣговъ внутрь страны, куда бѣжали ссыльные, особенно въ началѣ, благодаря распространенному между ними мнѣнію, что можно добраться сухимъ путемъ въ Остъ-Индію или въ Китай. Но большинство бѣжавшихъ погибло отъ голоду и туземцевъ. Были иногда попытки возстанія и неповиновенія, по преимуществу сосланныхъ ирландцевъ, но кончавшіяся безъ особенныхъ послѣдствій. Въ общемъ, разумѣется, нельзя сказать, чтобы нравственность новыхъ поселеній представляла что-либо идеальное, но во всякомъ случаѣ безопасность въ Сиднеѣ, особенно послѣ устройства полиціи изъ ссыльныхъ, была такова-же какъ и на улицахъ Лондона.

Такимъ образомъ, Австралія представила любопытнѣйшій примѣръ возникновенія цвѣтущаго государства изъ колоніи преступниковъ, и притомъ, какъ справедливо замѣчаютъ Блоссевилль и Гольцендорфъ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, которыми были обставлены первые шаги колоніи.

При отсылкѣ первыхъ транспортовъ въ Англіи не существовало никакого плана ссылки; все опредѣлялось только однимъ желаніемъ: очистить тюрьмы Англіи отъ опаснаго населенія. О какомъ либо подборѣ перваго контингента ссыльныхъ не было и рѣчи. «Ни возрастъ (Гольцендорфъ, стр. 254), ни тѣлосложеніе, ни физическія способности—не принимались во вниманіе. Безразлично посылались туда и увѣчные, и больные. Такъ же мало различались и роды преступленій. Въ ссылкѣ оказались и мошенники и убійцы, и виновные въ нарушеніи законовъ о печати.» «Въ числѣ прибывшихъ (Фойницкій, стр. 46) въ новую невѣдомую мѣстность почти не находилось мастеровыхъ и вообще лицъ знакомыхъ съ какою либо отраслью труда; для преподаванія первыхъ уроковъ земледѣлія нашелся только одинъ человѣкъ—лакей губернатора». Непропорціональность между полами была огромная, да сверхъ того, большинство сосланныхъ женщинъ было много старѣе средняго возраста.

Также мало заботъ оказалось и по снабженію ссыльныхъ предметами необходимости. Присылались вещи ни на что не годныя

и оказывался недостатокъ въ самонужнѣйшихъ предметахъ; съ однимъ изъ первыхъ транспортовъ не прислали даже бумагъ ссыльныхъ, такъ что путемъ присяги самихъ ссыльныхъ пришлось опредѣлять число лѣтъ, на которое они были осуждены въ Англіи.

Еще болѣе опасностей представляло свободное населеніе, сопровождавшее ссыльныхъ. Конечно, между ними были такія личности, какъ самъ губернаторъ Филиппъ, духовникъ Джонсонъ и другіе, но большинство гарнизона, какъ солдаты, такъ офицеры, представляли сбродъ, едва ли не болѣе безнравственный, чѣмъ сами ссыльные. Ихъ поѣздкою въ далекую невѣдомую страну руководилъ только одинъ духъ наживы, и для достиженія этой цѣли, они не останавливались ни предъ какими мѣрами, особенно послѣ отъѣзда изъ колоніи Филиппа. Спаиваніе ссыльныхъ, въ виду выгоднаго сбыта спиртныхъ напитковъ, открытая торговля развратомъ, всевозможная эксплуатація ссыльнаго труда—все это составляло обычное явленіе; число преступниковъ между солдатами, пропорціонально къ общей ихъ суммѣ, вовсе не уступало числу преступниковъ между ссыльными. Этотъ элементъ былъ тѣмъ опаснѣе, что по отношенію къ нему власть губернаторская оказывалась безсильною. Любопытнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить такъ называемая австралійская революція при губернаторѣ Bligh, пытавшемся ограничить торговлю спиртными напитками со стороны гарнизонныхъ офицеровъ; возстаніе, окончившееся не только самовольною смѣною губернатора, но и взятіемъ его въ плѣнъ.

Наконецъ, затрудненія увеличивались крайнею неопредѣленностью самаго юридическаго значенія австралійской ссылки. «У ссыльныхъ (Фойницкій, стр. 52) не было убѣжденія въ постоянствѣ жизни въ ссылкѣ, которая для большинства назначалась какъ наказаніе срочное; не было поэтому убѣжденія и въ прочности тѣхъ учрежденій, которыя создавались въ колоніи, и тѣхъ общественныхъ узъ, которыя здѣсь завязывались». Въ Англіи не было даже рѣшено, какъ смотрѣть на Австралію, какъ на страну-ли, исключительно предназначенную для штрафной ссылки, въ которой свободная эмиграція допускается въ предѣлахъ необходимости;

или же наоборотъ, какъ на такую колонію, гдѣ вспомогательную роль долженъ былъ играть элементъ преступный.

Всѣ первые губернаторы Австраліи ставили на первый планъ интересы ссыльнаго населенія; но особенное развитіе получаетъ этотъ принципъ въ правленіе пятаго губернатора—Macquarie (1810—1821), доведшаго ссыльныя поселенія до цвѣтущаго состоянія ([1]). Его главною заботою было улучшеніе матеріальнаго положенія ссыльныхъ и притомъ ихъ же собственнымъ трудомъ. Массу преступниковъ направилъ онъ на разныя публичныя работы и сооруженія: проведеніе новыхъ дорогъ, устройство порта, постройка общественныхъ зданій, расчистка лѣсовъ и земель, основаніе новыхъ центровъ поселенія, все это производилось въ колоссальныхъ размѣрахъ; онъ затрачивалъ огромныя суммы, но онѣ сторицею возвратились позднѣе. Являясь въ колонію, каждый ссыльный поступалъ на обязательныя работы подъ надзоромъ правительства, а затѣмъ переходилъ въ разрядъ эманципистовъ и получалъ даровой участокъ земли, который долженъ былъ обработывать подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. За всякій проступокъ назначалось строгое наказаніе, но за то исправный эманципистъ могъ надѣяться на полное забвеніе своего прошлаго. Губернаторъ обращался съ ними также, какъ и съ свободными эмигрантами, или офицерами гарнизона: они приглашались на его парадные обѣды, они занимали разныя должности, требующія довѣрія, былъ даже примѣръ, что одинъ изъ бывшихъ ссыльныхъ сдѣлался членомъ высшаго суда. Неоднократно протестуя противъ привоза въ Австралію ссыльныхъ женщинъ, Macquarie заботился о томъ, чтобы привлечь въ колонію семьи ссыльныхъ, въ особенности освобожденныхъ; онъ требовалъ, чтобы онѣ присылались немедленно послѣ ихъ заявленія и на счетъ государства. При немъ эманципистъ, замѣчаетъ Гольцендорфъ, составили наиболѣе богатую и наиболѣе дѣятельную часть населенія. Въ ихъ рукахъ было большинство промышленныхъ заведеній, имъ принадлежало много плодородныхъ земель. Между ними оказалось довольно людей интеллигентныхъ и только дурно направленныхъ; въ

([1]) Подробности объ управленіи Macquarie можно найти у Гольцендорфа, в. с. глава девятая.

торговыхъ сдѣлкахъ, въ договорахъ, на ихъ честность можно было иногда скорѣе положиться, чѣмъ на свободныхъ эмигрантовъ ([1]).

Но, заботясь исключительно о ссыльныхъ, Macquarie естественно сталъ въ нехорошія отношенія къ эмигрантамъ въ тѣсномъ смыслѣ. Онъ добился, что правительство стало требовать отъ лицъ, желавшихъ ѣхать въ Австралію, удостовѣренія въ имущественной ихъ состоятельности. Прежніе поселенцы, владѣвшіе значительными землями, оказались также въ невыгодномъ положеніи: они лишились возможности эксплуатировать ссыльныхъ, рабочія руки сильно вздорожали. И вотъ между ними и губернаторомъ началась систематическая борьба, приведшая къ возбужденію надъ Macquarie парламентскаго слѣдствія по обвиненію въ произвольной тратѣ казенныхъ денегъ и деспотизмѣ, слѣдствія, кончившагося его увольненіемъ.

Смѣна Macquarie означала перемѣну всей колоніальной политики въ пользу интересовъ свободной эмиграціи, получившей въ свои руки и управленіе колоніею. Положеніе эманципистовъ измѣняется прежде всего въ силу перемѣны системы раздачи земель, а потомъ, благодаря введенію системы закабаленія или батрачества. Возникаютъ условія, при внимательномъ изученіи которыхъ можно было безошибочно предсказать разложеніе, а затѣмъ и прекращеніе ссылки въ Австралію.

Прежде раздача земель зависѣла вполнѣ отъ губернатора: она являлась какъ бы правительственною поддержкою для эмигрантовъ, наградою для эманципистовъ. Но уже при преемникѣ Macquarie раздача перестаетъ быть даровою: за земли назначается или небольшая плата, или ежегодная рента. Съ 1824 г. продажа земли становится правиломъ; право же даровой раздачи оставляется только за короною.

Въ силу этого, замѣчаетъ Гольцендорфъ (стр. 290), губернаторъ не могъ дать даромъ ни одного клочка земли бѣдному освобожденному ссыльному, между тѣмъ какъ богатые предпринима-

---

([1]) Есть, впрочемъ, и другіе отзывы объ австралійской ссылкѣ, рисующіе въ крайне черномъ свѣтѣ нравственность штрафныхъ колоній. Ср. напр. у Фойницкаго, в. с., стр. 117, 123 и др. Всего справедливѣе, я полагаю, сказать, что нравственность въ колоніи стояла почти на томъ же уровнѣ, какъ и въ Англіи.

тели, имѣвшіе руку въ министерствѣ, приближенные ко двору, получали въ подарки по 1000 и болѣе акровъ.

Эти законы по крайней мѣрѣ не препятствовали продажѣ мелкими участками, сравнительно дешевыя цѣны которыхъ устраняли скопленіе земель въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но скоро и это измѣнилось. Одинъ изъ богатыхъ сиднейскихъ землевладѣльцевъ, Wakefield, въ брошюрѣ, пользовавшейся въ Австраліи большою популярностью, жаловался на то, что для своихъ обширныхъ земель онъ не можетъ найти достаточно арендаторовъ, какъ въ Англіи, такъ какъ здѣсь каждый можетъ сдѣлатся собственникомъ за небольшую сравнительно сумму, такъ что работа становится дороже земли. Поэтому онъ и предлагалъ поднять продажную цѣну коронныхъ земель, чтобы затруднить покупку ихъ въ розницу, а полученный отъ того правительствомъ избытокъ употребить для перевозки въ Австралію свободныхъ безземельныхъ рабочихъ и тѣмъ понизить заработную плату.

Дѣйствительно, въ 1830 г. правительство прекратило продажу земель по таксѣ, замѣнивъ ее аукціономъ, причемъ первоначальная отправная стоимость, 1 руб. за акръ, весьма скоро возросла до 14 руб.

Система мелкаго хозяйства была убита: ее замѣнила система аренды и наемныхъ рабочихъ. Даже свободный переселенецъ, съ капиталомъ въ 500, 600 руб., былъ устраненъ изъ земельной конкуренціи, тѣмъ менѣе можно было говорить объ эманципистахъ. Забота объ ихъ будущей участи отошла на второй планъ; изъ нихъ нужно было подготовлять не будущихъ поселенцевъ-хозяевъ, а рабочихъ батраковъ.

Прежде эманциписты разсѣевались по всей странѣ въ качествѣ мелкихъ собственниковъ, теперь они скучивались въ городахъ, гдѣ можно было легче достать работу.

Прежде освобожденный могъ разсчитывать, что, сдѣлавшись владѣльцемъ участка средней величины, онъ будетъ имѣть доходъ, достаточный для поддержанія семьи, теперь ему въ будущемъ предстояла та-же участь пролетарія, которую онъ велъ и въ Англіи.

Прежде въ ссылкѣ суровость тяжкихъ работъ перваго періода смягчалась надеждою на самостоятельное будущее, теперь исчезъ

этотъ послѣдній стимулъ, поддерживавшій энергію и духъ предпріимчивости ссыльнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и самый порядокъ работъ ссыльныхъ. При ссылкѣ, какъ мы видѣли, въ распоряженіе государства предоставлялась рабочая сила ссыльнаго. Это было государственное имущество, распорядителемъ котораго былъ губернаторъ; употреблялась она на публичныя работы или, въ рѣдкихъ случаяхъ, на трудъ въ пользу частныхъ лицъ. Съ 1822 г. эта послѣдняя форма получила предпочтеніе: вновь прибывшіе ссыльные поступали обыкновенно въ качествѣ рабочихъ къ частному владѣльцу, заранѣе заявившему о томъ требованіе. Въ его распоряженіи ссыльный оставался или до истеченія срока наказанія, или до полученія условнаго помилованія, которое могло быть дано для безсрочныхъ по истеченіе 8 лѣтъ, а для приговоренныхъ на время менѣе 14 лѣтъ—послѣ 6 лѣтъ. Закабаленный оставался въ полномъ распоряженіи нанимателя, который за это обязывался давать ему столъ и одежду; хозяинъ могъ налагать на ссыльнаго дисциплинарныя взысканія, за исключеніемъ тѣлеснаго наказанія, которое налагалось земскою полиціею, состоявшею, впрочемъ, тоже изъ земледѣльцевъ. Въ случаѣ наиболѣе тяжкихъ нарушеній ссыльные переводились на правительственныя работы или въ дорожныя команды, или въ партіи по расчисткѣ почвы и осушенію болотъ.

Въ договорахъ объ уступкѣ государствомъ рабочей силы ссыльнаго, опредѣлялись, конечно, только общія условія; въ дѣйствительности участь каждаго закабаленнаго зависѣла отъ темперамента, характера и образованія нанимателя, поэтому положеніе ихъ было крайне неравномѣрно и морально, и матеріально (1). Случай рѣшалъ судьбу ссыльнаго; все зависѣло отъ того, попадалъ ли онъ къ хозяину, желавшему извлечь только всю выгоду изъ его рабочей силы, или же къ лицу, заботившемуся и объ его нравственно-религіозномъ развитіи; приходилось-ли ему жить въ Сиднеѣ или въ другомъ благоустроенномъ мѣстѣ, или работать въ дѣвствен-

---

(1) Особенно поучительно, замѣчаетъ Гольцендорфъ, было положеніе ссыльныхъ женщинъ: предметъ презрѣнія на родинѣ, онѣ становятся лакомымъ кускомъ для колонистовъ; наниматели отбивали ихъ другъ у друга, ихъ прежняя жизнь ставилась имъ какъ бы въ заслугу.

ныхъ лѣсахъ при первоустройствѣ какого-нибудь поселка. Не рѣдко чѣмъ суровѣе и взыскательнѣе являлся наниматель, тѣмъ непокорнѣе и своевольнѣе становился и закабаленный: на пинки и брань онъ отвѣчалъ порчею инструментовъ, поджогами (1).

Послѣдствія этой системы не замедлили обнаружиться: скопленіе въ населенныхъ пунктахъ эманципистовъ безъ занятій, безъ надежды на будущее, значительно увеличило цифры преступленій; разбои на большихъ дорогахъ и убійства становятся чаще, повсюду были ссоры и распри закабаленныхъ съ хозяевами (2).

Одновременно со всею этою неурядицею началось гоненіе на ссылку вообще, отрицаніе ея карательнаго значенія. Любопытно, что это гоненіе появилось въ Англіи и только позднѣе и такъ сказать искусственно перешло въ Австралію (3). Отправною точкою оппозиціи были интересы не колоніи, а метрополіи, и въ рядахъ ея соединились самые разнообразные элементы: здѣсь были и защитники стараго порядка, скорбѣвшіе объ уменьшеніи смертной казни, вопіявшіе о страшномъ возрастаніи преступности и общественнаго разврата, и горячіе сторонники тюремной реформы, видѣвшіе въ пенитенціаріяхъ, и особенно одиночныхъ, краеугольный камень общественнаго спасенія.

Начало систематическаго гоненія ссылки положено парламентскою коммисіею 1831—1832 г. Разбирая причины возрастанія преступленій въ Англіи, коммисія усмотрѣла ихъ въ существующей системѣ наказаній, а въ частности—въ ссылкѣ. Начертавъ въ розовыхъ краскахъ положеніе закабаленнаго въ Валлисѣ, легкость заработка, обезпеченность эманципистовъ, коммисія дѣлаетъ

---

(1) Характеристикою системы закабаленія можетъ служить то обстоятельство, что, какъ указываетъ Фойницкій, в. с., стр. 64, въ нѣкоторые годы число наказанныхъ тѣлесно земскими властями, доходило до ¾ всего числа ссыльныхъ. Юридическое положеніе закабаленнаго подробно разсматриваетъ Гольцендорфъ, в. с., стр. 300.

(2) Совершенно подобную же картину представляетъ исторія штрафной колоніи на Ванъ-Дименовой землѣ. При первыхъ двухъ управителяхъ колонія достигла значительнаго матеріальнаго благосостоянія, а затѣмъ, по смерти губернатора Сорреля въ 1823 г., то же крайнее развитіе системы закабаленія привело къ еще болѣе страшнымъ результатамъ, чѣмъ на материкѣ Австраліи. См. подробности у Фойницкаго, в. с. стр, 68—72.

(3) Подробно изложено это движеніе у Фойницкаго, в. с. стр. 72—87.

такой выводъ: ссылка не есть наказаніе, а льгота, и потому не можетъ предотвращать преступленій. Это мнѣніе еще болѣе было раздуто многими вліятельными органами прессы, какъ напр: Law Magazin. «Находили, что ссылка не только не полезна, но и вредна, такъ какъ не воздерживаетъ отъ преступленія страхомъ предстоящаго страданія, скрываетъ наказаніе отъ толпы и въ тоже время образуетъ въ колоніи общество величайшихъ негодяевъ, выкидываемыхъ изъ тюремъ. Еще болѣе значенія имѣла оппозиція парламентской коммисіи 1837 г., подъ предсѣдательствомъ Моллесворса, въ составъ которой входили такіе вліятельные члены, какъ Iohn Russel, George Gray, Robert Peel. Главные выводы коммисіи сводились къ необходимости немедленной отмѣны ссылки въ Южный Валлисъ и замѣнѣ этого наказанія тюремнымъ заключеніемъ съ тяжкими работами въ Англіи, или внѣ ея, но въ мѣстностяхъ непригодныхъ для свободной колонизаціи (1). Ссылка австралійская рекомендовалась только для лицъ, уже отсидѣвшихъ свои сроки въ тюрьмахъ.

Но сама колонія, спрошенная въ 1836 г., высказалась въ пользу ссылки, а противъ выводовъ коммисіи Моллесворса даже выразила протестъ. Она находила непригодными нѣкоторыя частности существующей системы, но не отрицала ссылки въ принципѣ.

Мнѣніе коммисіи однако восторжествовало и декретомъ 1840 г. была отмѣнена ссылка въ Валлисъ, а оставлена только въ Вандименову землю и Норфолькъ. Въ замѣнъ же ссыльныхъ правительство на свой счетъ стало перевозить свободныхъ эмигрантовъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, что въ одномъ 1841 г. было доставлено въ Валлисъ до 12000 человѣкъ.

Но законъ оказался нѣсколько скороспѣлымъ: пенитенціаріи въ Англіи не были готовы, да и деньги на нихъ отпускались неохотно; мѣстъ-же въ Австраліи, сохраненныхъ для ссылки, оказывалось недостаточно; и вотъ правительство снова вступило въ 1848 г. въ переговоры съ Валлисомъ. Колонія согласилась при-

---

(1) Такъ, въ 1835 г. открыты были такія работы въ Гибралтарѣ и на бермудскихъ островахъ, но ссылка туда не имѣла никакого колонизаціоннаго значенія.

нимать къ себѣ сыльныхъ, выставивъ только рядъ своихъ условій, и въ томъ числѣ требуя, чтобы ежегодное количество ссылаемыхъ не было менѣе 5000 и чтобы тяжкіе преступники присылались по отбытіи одиночнаго заключенія, а другіе немедлено послѣ приговора. Но пока шли эти переговоры, правительство Англіи необдуманно уже прислало транспортъ ссыльныхъ въ Сидней и этимъ перевернуло все дѣло. Вопросъ перешелъ съ экономической на политическую почву; такая присылка нарушала автономію австралійскаго управленія: образовалась «антитранспортаціонная лига», для которой борьба противъ ссылки сдѣлалась символомъ защиты національной чести; присланный транспортъ былъ принятъ, но онъ былъ дѣйствительно послѣднимъ (1).

Въ то же время были сдѣланы въ Англіи попытки комбинировать ссылку съ тюремною реформою въ видѣ пробной или испытательной системы (Probationssystem). По этой системѣ приговоренные сначала занимались работами въ Вульвичѣ и Портсмутѣ, а затѣмъ уже отправлялись въ Вандименову землю (2); здѣсь они проходили нѣсколько стадій, начиная съ обязательныхъ публичныхъ работъ и доходя до срочнаго освобожденія, но и эта мѣра не гарантировала колонію отъ переполненія. Въ 1845 г. въ Вандименовой землѣ было до 25,000 человѣкъ, еще отбывающихъ наказаніе; для такой массы невозможно было доставить даже публичныхъ занятій, а о достаточномъ количествѣ работъ для освобожденныхъ нечего было и думать; точно также не удалась и попытка основать новыя штрафныя колоніи въ сѣверной и южной Австраліи.

Открытіе въ 1851 г. въ нѣсколькихъ мѣстахъ Австраліи золотоносныхъ розсыпей вноситъ новый элементъ въ исторію ссылки. Наплывъ эмигрантовъ принимаетъ такіе огромные размѣры, перс-

---

(1) Начиная съ 1787—1837 было сослано въ Австралію всего до 78000; изъ нихъ на долю южнаго Валлиса приходилось до 50000, всего же, какъ указываетъ И. Фойницкій, до 1867 г. было сослано въ Австралію до 130.000 чел. Съ 1829 г. ежегодное число ссыльныхъ колебалось между 4 и 5 тысячами.

(2) Позднѣе, по биллю 1847 г. лорда Грея, общимъ работамъ предшествовало одиночное заключеніе въ Пентонвиллѣ или Мильбанкѣ на срокъ отъ 12—18 мѣсяцевъ.

пектива попасть въ Австралію представляется столь заманчивою, что правительство не находитъ возможнымъ давать поддержку даже добровольнымъ переселенцамъ, а не только сохранять принудительную ссылку. Кромѣ того измѣняются самыя условія жизни въ Австраліи: бывшіе штрафные мѣстечки и поселки выростаютъ, какъ напр. портъ Филиппъ въ Викторіи, Брисбанъ на сѣверѣ,— въ цвѣтущіе города, дѣлаются центрами независимыхъ провинцій, имѣющихъ свою конституцію, свое управленіе, которыми распоряжаться уже не можетъ англійское министерство. Законодательныя собранія этихъ колоній еще въ 1852 г. постановили безусловно воспретить ввозъ даже преступниковъ досрочно освобожденныхъ или помилованныхъ.

Этимъ и объясняется извѣстный билль 1853 г., по которому взамѣнъ краткосрочной ссылки, менѣе 14 лѣтъ, введены каторжныя работы (penal servitude), да сверхъ того судамъ предоставлено право и въ болѣе тяжкихъ случаяхъ замѣнять ими ссылку. Каторжныя работы отбывались или въ Англіи, или въ ея владѣніяхъ, но на весь срокъ въ тюрьмѣ съ тяжкими работами. Число ссыльныхъ уменьшилось значительно, спустясь отъ 4,000 до 700, но положеніе дѣлъ не улучшилось, такъ какъ отсидѣвшіе срокъ въ тюрьмахъ серьезно грозили общественному спокойствію.

Новый поворотъ общественнаго мнѣнія, значительно разочаровавшагося въ надеждахъ на пенитенціаріи, представляетъ парламентская коммисія верхней и нижней палаты 1857 г. Вопреки своимъ предшественницамъ, коммисія нашла, что наказаніе ссылкою дѣйствительнѣе, устрашительнѣе, болѣе способно къ прочному исправленію и болѣе благодѣтельно для Англіи, чѣмъ всякій другой видъ лишенія свободы. Но, рекомендуя удержаніе ссылки, коммисія нашла необходимымъ прибавить, что при устройствѣ не должны быть забыты интересы колоніи и согласіе колонистовъ; что при этомъ нужно выбирать такую мѣстность, гдѣ бы существовалъ спросъ на трудъ и гдѣ можно было бы сколько нибудь уравновѣсить взаимное отношеніе половъ (1).

---

(1) Въ пользу же ссылки высказалась и позднѣйшая коммисія 1863 г. Ср. у Войницкаго, в. с. стр. 109.

Въ виду этихъ послѣднихъ условій новый билль 1857 г. не возстановилъ ссылки по суду: вездѣ, гдѣ она назначалась до сихъ поръ, ее замѣняли каторжныя работы на тѣ же сроки, но отбывающій ихъ могъ быть, по усмотрѣнію администраціи, высланъ въ одно изъ владѣній Англіи, для употребленія на колоніальныя работы на тѣхъ же основаніяхъ какъ и при ссылкѣ. Однако осуществленіе и этого права оказалось весьма ограниченнымъ, такъ какъ и такая ссылка практиковалась только въ западную Австралію.

Ссылка въ нее началась, по собственному почину колоніи, въ началѣ 50-хъ годовъ, причемъ колонія поставила условіемъ присылать ежегодно не болѣе 600 человѣкъ, получившихъ освободительныя свидѣтельства и притомъ преимущественно съ семьями. Метрополія не вполнѣ, впрочемъ, исполнила эти предположенія: она высылала, во 1-хъ, болѣе указанной нормы, а во 2-хъ, кромѣ освобожденныхъ, присылала и преступниковъ, только начавшихъ отбытіе наказанія. Послѣдніе помѣщались въ особые пенитенціаріи съ публичными работами, причемъ, по свидѣтельству самаго правительства, туда отправлялись самые худшіе арестанты, отъ которыхъ нужно было освободить тюрьмы Англіи. Въ результатѣ однако и здѣсь, какъ въ Валлисѣ, ссыльные оказались пригодными для улучшенія матеріальнаго быта и благоустройства колоніи, тѣмъ болѣе, что ихъ положеніе, по отношенію къ надзору, къ распредѣленію по работамъ и т. д. было устроено несравненно раціональнѣе.

Но и эта ссылка была только временною мѣрою. Антитранспортаціонная лига чрезъ правительства отдѣльныхъ провинцій потребовала прекращенія высылки и въ западную Австралію, считая ея существованіе позоромъ для всей страны; мало того, забывая недавнее прошлое, лига на представленіе западныхъ колоній, что онѣ нуждаются въ рабочихъ рукахъ, отвѣчала, что позорно создавать свое благосостояніе преступленіемъ и безнравственностью. Въ случаѣ же упорства западной Австраліи лига рѣшилась порвать всякія съ нею сношенія и оградиться заставами. По отношенію же къ метрополіи раздалась угроза отпаденія, а въ 1865 г. изъ Мельбурна былъ даже отправленъ корабль въ Лондонъ съ туземными преступниками.

Въ виду этой агитаціи Англія должна была прекратить и эту ссылку въ 1868 г., не отказываясь, впрочемъ, отъ возстановленія этого наказанія, какъ скоро къ тому представится возможность. Послѣдній же транспортъ ссыльныхъ былъ отосланъ въ Австралію въ 1870 году.

Такъ кончилась ссылка въ Австралію. Нельзя не сказать, замѣчаетъ Гольцендорфъ (стр. 389), что колонизація преступниковъ не только послужила основою развитія нынѣ столь цвѣтущей страны, но и всего болѣе содѣйствовала ея благосостоянію, что ссыльные достигли этого при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, безъ всякаго моральнаго и нравственнаго воспитанія, съ висѣлицами и плетьми, съ спаиваніемъ ихъ администраціею, достигли одною надеждою на будущую самостоятельность и возможную равноправность.

Въ этомъ отношеніи едва ли можно оспаривать, что австралійская ссылка дала поучительный примѣръ наказанія, какъ мѣры колонизаціонной.

831. *Ссылка во Франціи.* Перехожу къ ссылкѣ французской (1). Въ числѣ значительно-распространенныхъ наказаній въ средневѣковой Франціи встрѣчаемъ мы изгнаніе—bannissement, раздѣлявшееся, или по своей продолжительности—на пожизненное и срочное, или по пространству дѣйствія—на изгнаніе изъ всего государства, или только изъ опредѣленнаго округа и даже города. Рядомъ съ изгнаніемъ мы встрѣчаемъ также и ссылку на жительство въ опредѣленное мѣсто—«exile», но какъ мѣру административную, а не судебную, назначавшуюся по усмотрѣнію короля, или въ силу его «lettres de cachet».

Ссылка въ тѣсномъ смыслѣ, déportation, появляется впервые въ кодексѣ 1791 г., но не какъ самостоятельное наказаніе, а какъ

---

(1) Ср. Holtzendorf, в. с. стр. 395—570; Ferrus, de l'expatriation pénitentiaire 1853 г.; Barbaroux, da la transportation, 1857; Gaffarel, les colonies françaises, 1880; Фойницкій, в. с. стр. 134—169: у него и у Гаффареля подробныя указанія на спеціальную литературу по французской ссылкѣ. Офиціальныя данныя о ссылкѣ помѣщаются въ notices sur les transportation et déportation, издаваемыхъ морскимъ министерствомъ.

*

мѣра безопасности, по отношенію къ рецидивистамъ, уже наказаннымъ за crimes и притомъ послѣ отбытія ими и новаго уголовнаго наказанія. Болѣе значенія имѣла высылка административная, возобновленная въ 1793 г., по знаменитому loi des suspects, за такіе поступки, которые, хотя и не предусмотрѣны законами уголовными, но представляются опасными въ силу проявившагося въ нихъ непатріотическаго настроенія, или возбуждаютъ безпокойство въ народѣ, или заставляютъ подозрѣвать въ данномъ лицѣ врага республики. Мѣсто ссылки обоими законами не опредѣлялось, но практика направила ссыльныхъ въ Гвіану (1).

Code Pénal 1810 г. въ статьѣ 17-й сохранилъ déportation, какъ наказаніе за преступленія политическія, непосредственно слѣдовавшее за смертною казнью. Оно состояло въ обязательномъ пребываніи въ опредѣленной, внѣ французской территоріи находящейся, мѣстности. Но эта высылка существовала только въ законѣ; приговоренные въ дѣйствительности содержались въ крѣпости Mont Saint-Michel (2).

За отмѣною въ 1848 г. смертной казни для политическихъ преступниковъ депортація раздѣлилась на два вида: на ссылку въ укрѣпленныя мѣстности (déportation dans une enceinte fortifiée) и ссылку простую. Мѣстомъ ссылки по декрету 1850 г. были назначены Маркизскіе острова, а именно два изъ нихъ—Waithau и Noukahiva, пріобрѣтенные Франціею въ 1842 г. Различіе между этими видами ссылки было, впрочемъ, крайне незначительно, такъ какъ оба они сопровождались одинаковыми правопораженіями и были обставлены сходными условіями. Депортація не соединялась съ обязательными работами, но правительство приняло на

---

(1) Практика французскихъ судовъ по примѣненію закона 1791 г. подробно указана у Merlin, répertoire de jurisprudence, т. IV «déportation». У него же можно найти перечень отдѣльныхъ декретовъ, которыми назначалась ссылка какъ самостоятельное наказаніе во время террора, равно какъ и объемъ сопровождавшихъ ее правопораженій.

(2) Обстоятельный разборъ постановленій о депортаціи этого періода сдѣланъ у Boitard, № 54 и сл. Онъ находитъ политическую депортацію несостоятельною въ самомъ принципѣ, такъ какъ такая ссылка въ мѣста населенныя безцѣльна и опасна, а въ ненаселенныя—невозможна, за малочисленностью ежегоднаго контингента ссыльныхъ. Противъ этого типа депортаціи возражаетъ и F. Hélie, I, № 49.

себя обязанность устроить занятія ссыльныхъ и продовольствовать неимущихъ. Однако и послѣ февральской революціи эта ссылка оставалась попрежнему мифомъ (1). На островъ Waithau не было сослано ни одного ссыльнаго, а на Noukahiva—всего трое, въ 1851 г., гдѣ они и оставались до 1854 г. Для нихъ были выстроены помѣщенія, устроена цитадель; ихъ сопровождали, кромѣ чиновъ управленія, взводъ пѣхоты и 10 жандармовъ, такъ что вся эта комедія обошлась правительству до 150.000 франковъ.

Главная причина такой малочисленности политическихъ ссыльныхъ, даже въ эпоху декабрьскаго переворота, объясняется возстановленіемъ административной ссылки (transportation comme mesure de sûreté générale) декретами 1848, 1850 и 1851 гг. Первыми жертвами ея были участники іюньскаго движенія 1848 г., сосланные массами въ колонію Ламбессу въ Алжирской провинціи Константина; за ними послѣдовали члены разныхъ тайныхъ обществъ, а за ними, послѣ декрета 8-го Декабря 1851 г., и всякіе враги вновь возникшей имперіи. Ссылка была срочная, не свыше 10-ти лѣтъ; сосланные должны были заниматься работами въ земледѣльческихъ пенитенціарныхъ фермахъ, въ мастерскихъ или въ полѣ. Съ 1851 г. сосланные лишались на время ссылки своихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, и на мѣстѣ ссылки подчинялись строгому военному режиму.

Въ то же время, рядомъ съ ссылкою въ Алжиръ, ссыльные этой категоріи направлялись и въ Кайенну, гдѣ даже впослѣдствіи и сосредоточилась административная ссылка, отмѣненная только декретомъ правительства національной обороны, 24 Октября 1870 г.

Въ эпоху Наполеона III возникаетъ и третій видъ французской ссылки, получившій нынѣ первенствующее значеніе—транспортація за общія преступленія. Эта ссылка, съ самаго своего появленія и донынѣ, разсматривается законодательствомъ не какъ самостоятельное наказаніе, а какъ извѣстный порядокъ отбытія каторж-

---

(1) Все число приговоренныхъ къ депортаціи съ 1816—1865 гг. составляетъ 180 человѣкъ, причемъ изъ нихъ на эпоху реставраціи приходится 114 чел.

ныхъ работъ, что и объясняетъ нѣкоторыя ея юридическія особенности.

Съ прекращеніемъ въ 1748 г. работъ галерныхъ, приговоренные къ нимъ преступники были переведены на работы крѣпостныя и портовыя, въ такъ называемыя bagnes. (1). По кодексу 1791 г. эти bagnes сдѣлались мѣстомъ отбытія для приговоренныхъ къ «les fers», т. е. къ содержанію въ оковахъ, наказанію, стоявшему непосредственно за смертною казнью, а послѣ уложенія 1810 г. для осужденныхъ къ travaux forcés. Въ bagnes преступники подлежали тяжкимъ принудительнымъ работамъ, въ цѣпяхъ, съ прикованнымъ къ нимъ ядромъ; на ночь они приковывались къ пруту. Женщины, а равно мущины старѣе 70 лѣтъ въ bagnes не отправлялись, а отбывали каторжныя работы въ maisons centrales. Послѣ 1830 г. всѣ каторжники сосредоточивались всего въ трехъ пунктахъ: Тулонѣ, Брестѣ и Рошфорѣ, гдѣ занять ихъ работами въ bagnes было весьма затруднительно. Праздная же жизнь въ общемъ заключеніи крайне гибельно дѣйствовала на нравственность, а плохое гигіеническое устройство помѣщеній разрушало физически, хотя въ то же время эти bagnes дорого стоили государству (2). Благодаря этому и въ обществѣ и въ прессѣ постоянно слышались требованія объ ихъ переустройствѣ или отмѣнѣ. Въ 40-хъ годахъ ихъ предполагали устроить въ видѣ одиночныхъ пенитенціаріевъ, а въ президентскомъ посланіи палатамъ 1850 г. Наполеонъ предложилъ сдѣлать это наказаніе болѣе исправительнымъ, менѣе дорогимъ и болѣе энергичнымъ, направивъ приговоренныхъ въ колоніи.

Въ исполненіе этой мысли уже декретомъ 1852 г. было постановлено отправить часть содержащихся въ bagnes—въ ссылку. Выборъ ссыльныхъ былъ сдѣланъ по системѣ добровольной записи самихъ каторжныхъ, причемъ сразу же оказалось желающихъ

---

(1) Отъ итальянскаго bagno, такъ какъ они первоначально содержались въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ на морѣ и предназначавшихся для морскихъ купаленъ. Lainé, № 300.

(3) Подробныя свѣдѣнія о положеніи bagnes, во многомъ неуступавшихъ нашей каторгѣ, у Lauvergne, des forcats considérés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel. 1841 г.

болѣе 3,000 человѣкъ. Порядокъ занятій и содержанія ссыльныхъ въ колоніи былъ окончательно регулированъ закономъ 30 Мая 1854 г. (loi sur l'éxécution de la peine des travaux forcés). По этимъ постановленіямъ ссыльные подлежали самымъ тяжкимъ работамъ колонизаціи: обработкѣ земель, расчисткѣ лѣсовъ и т. п. Но они работали безъ оковъ и не сковывались попарно (1); послѣ двухъ лѣтъ работы въ пенитенціаріяхъ они могли получить право работать у частныхъ лицъ, вступать въ браки и получать для обработки участокъ земли, который поступалъ въ ихъ собственность, если они оставались въ колоніи. Во время пребыванія въ колоніи имъ могло быть возстановлено, вполнѣ или отчасти, пользованіе правами; оставшіеся въ колоніи по окончаніи наказанія получали большія преимущества. Но за то для высылаемыхъ удлинялся срокъ наказанія: приговоренные къ каторжнымъ работамъ свыше 8-ми лѣтъ оставались въ колоніи навсегда, а для приговоренныхъ на меньшіе сроки время пребыванія удвоивалось. Въ колонію ни въ какомъ случаѣ не ссылались лица (2) старѣе 60-ти лѣтъ, для которыхъ каторжныя работы замѣнялись réclusion.

Мѣстъ для ссылки было предложено нѣсколько: указывали на Алжиръ, Корсику, Мадагаскаръ, Сенегалъ, но коммисія выбрала въ 1851 г. Гвіану (3).

Французская Гвіана лежитъ на берегу Атлантическаго океана въ Южной Америкѣ, занимая пространство отъ рѣки Марони до Ояпока (Oyapock). Ея поверхность рѣзко раздѣляется на двѣ части: сплошную возвышенность внутри страны, покрытую дѣвственными лѣсами, въ которыхъ бродятъ индѣйскія племена, и прибрежную низменность, лежащую лишь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря, составившуюся изъ наносовъ и органическихъ отложеній. Низменная часть во всѣхъ направленіяхъ перерѣзана массою рѣкъ, которыя въ періодъ великихъ дождей нерѣдко соединяются

---

(1) По закону 1854 г. п. 3 эти дополненія назначались только въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, или въ видахъ безопасности.

(2) Они могли оставить колонію только по особому разрѣшенію губернатора, но и тогда не могли возвращаться во Францію.

(3) О подготовительныхъ работахъ при выборѣ мѣста для депортаціи подробныя свѣдѣнія помѣщены у Lepelletier da la Sarthe, système pénitentiaire, 1857 г., стр. 503 и сл.

другъ съ другомъ, образуя обширныя водныя пространства; но не смотря на это обиліе рѣкъ, благодаря геологическому строенію побережья, Гвіана почти не имѣетъ удобныхъ гаваней, что сильно отражается на ея торговлѣ.

Влажность воздуха, при тропическомъ климатѣ и богатомъ орошеніи, создала роскошную растительность. Наибольшая часть низменности покрыта великолѣпными лѣсами, въ которыхъ деревья достигаютъ до 40 футовъ высоты и которыя дѣлаются часто дѣйствительно непроходимыми, благодаря цѣпкимъ ліанамъ, опутывающимъ ихъ стволы. Съ лѣсами перемежаются не менѣе роскошныя саванны—естественныя цвѣтущія пастбища, по свидѣтельству Гаффареля, занимающія около $1/3$ низменности. «Лѣса гвіанскіе (Спасовичъ, стр. 256) доставляютъ обильный матеріалъ для кораблестроенія и для самыхъ изящныхъ столярныхъ работъ (сандалъ, красное дерево). Почва неистощимо плодородна; на ней могутъ быть разводимы съ успѣхомъ сахарный тростникъ, кофе, индиго, табакъ».

Менѣе благопріятна мѣстная фауна—ягуаръ въ лѣсу и кайманъ въ водѣ представляютъ весьма непріятныхъ сосѣдей, но всего опаснѣе изъ враговъ этого рода змѣи всѣхъ сортовъ и родовъ и притомъ по большей части ядовитыя. Онѣ проникаютъ повсюду, ихъ можно одинаково встрѣтить и въ лѣсу, и въ полѣ, и въ жильѣ, и даже въ одеждѣ. За ними идутъ болѣе мелкіе, но не менѣе сильные враги—это насѣкомыя разнаго рода; одни комары дѣлаютъ совершенно необитаемыми нѣкоторыя мѣстности; за ними идутъ скорпіоны, пауки, краббы, муравьи, вампиры и т. д. (1).

Но всего гибельнѣе для колонизаціи оказался климатъ. Правда, средняя температура не особенно высока, около 20°, но за то она никогда не падаетъ ниже 16°, крайне изнуряя непривычные организмы. Даже защитники Гвіаны говорятъ, что акклиматизація переселенцевъ требуетъ времени и строгаго плана, что для европейцевъ, въ первое время въ особенности, необходимо наимень-

---

(1) Подробныя новѣйшія естественно-историческія свѣдѣнія о Гвіанѣ и ея лѣсныхъ богатствахъ, можно найти у Crevaux, Voyage en Guyane въ Bulletins de la société de géographie за 1878 г.; и у Chabaud-Arnoult въ Révue maritime за 1876 г. Leveillé, la Guyane et la question pénitentiare coloniale, 1886 г.

шее напряженіе мускульной дѣятельности и, слѣдовательно, отсутствіе физической работы. Затѣмъ, въ періодъ тропическихъ дождей страшная сырость, масса разлагающихся органическихъ веществъ распространяютъ повсюду міазмы, порождающіе въ свою очередь лихорадки и дизентеріи, а позднѣе, съ 1850 г., къ этому присоединился еще страшный бичъ тропическихъ странъ—желтая лихорадка, унесшая массы жертвъ.

Гвіана, какъ мѣсто колонизаціонной ссылки, имѣла уже нѣкоторую извѣстность ([1]). Первыя поселенія въ Гвіанѣ относятся еще къ 1604 г.; но колонизація ея въ XVII вѣкѣ была слишкомъ незначительна, не смотря даже на неоднократно возникавшія общества эксплоатаціи колоній, какъ, напр., въ эпоху Кольбера. Въ болѣе значительномъ объемѣ явилась колонизація въ XVIII вѣкѣ, послѣ версальскаго мира 1763 г., лишившаго Францію Канады. Министръ Шуазель получилъ для себя и своей семьи обширныя владѣнія между рѣками Courou и Maroni и энергически принялся добывать рабочія руки. Обѣщаніемъ всѣхъ возможныхъ выгодъ было прельщено отъ 13 до 14 тысячъ переселенцевъ, преимущественно изъ Эльзаса и Лотарингіи, которые и высадились на островахъ Спасенія, противъ устья Куру. Переселеніе было выполнено самымъ непредусмотрительнымъ образомъ: на мѣстѣ высылки не было приготовлено жилищъ, но за то былъ наскоро устроенъ театръ, въ которомъ давали феерія и пасторали. Съ колонистами не было прислано достаточно съѣстныхъ припасовъ, но за то былъ большой выборъ галантерейныхъ товаровъ. Результаты эмиграціи были по истинѣ ужасны: непривычный климатъ, лихорадки, отсутствіе воды для питья и голодъ, начали страшныя опустошенія. Въ два года, говоритъ Гаффарель, умерло до 13,000, и въ 1765 г. воротились во Францію изъ обѣтованной земли всего 918 человѣкъ больныхъ и изможденныхъ.

Такими же послѣдствіями сопровождалась и административно-судебная ссылка эпохи революціи. На берегахъ Sinnamarie, выбранныхъ мѣстомъ для ссылки, умирали поочередно и роялисты

([1]) Исторію первоначальныхъ попытокъ заселенія Гвіаны, см. у Gaffarel, в. с., стр. 134 и сл. Ср. также Leroy Beaulieu, de la colonisation chez les peuples modernes, 4 изд. 1891 г., стр. 175.

и якобинцы, умирали не десятками, а сотнями; ничтожный процентъ возвратился на родину.

Не болѣе благопріятнымъ оказалось и XIX столѣтіе. Неоднократно бывали попытки выселенія въ Гвіану и бѣлыхъ и цвѣтныхъ рабочихъ; переселенцы временно поднимали цифру населенія, но предоставленное самому себѣ, оно быстро затѣмъ шло къ вымиранію, не подвигая дѣло колонизаціи: дѣвственные лѣса попрежнему оставались нерасчищенными, болота и рѣки не регулированными.

При такихъ условіяхъ началась ссыльная колонизація пятидесятыхъ годовъ. Мѣстомъ первоначальной высылки были опять выбраны острова Спасенія, но самая транспортація начата съ значительными предосторожностями. Прежде всего были отправлены транспорты съ одеждою, припасами, медикаментами; на мѣстѣ ссылки было, прежде прибытія ссыльныхъ, построено нѣсколько жилищъ, вырыты колодцы, устроены цистерны для запаса дождевой воды и т. п.; наконецъ, въ составъ первыхъ высланныхъ были выбраны лица наиболѣе здоровыя и сравнительно хорошаго поведенія.

Уже въ 1852 году было доставлено въ Гвіану ссыльныхъ свыше 2,000, а всего до 31 Декабря 1877 г. было сослано 21,906 человѣкъ (1). На островахъ Спасенія, недостаточныхъ по своему незначительному пространству для работъ, ссыльные оставались до половины 1853 г., когда были открыты два первые пункта работъ на рѣкѣ Оуарок, брошенные, впрочемъ, по нездоровости мѣста въ 1864 г. Здѣсь ссыльные занимались разработкою кофейныхъ плантацій и культурою сахарнаго тростника. Затѣмъ, постепенно открывались и иногда немедленно закрывались новые пункты поселенія, по большей части безъ всякой системы, безъ предварительной оцѣнки возможности и выгодности колонизаціи этихъ пунктовъ. Наиболѣе прочными оказались поселенія на островахъ Спасенія и при устьѣ Куру въ Кайеннѣ и въ особенности откры-

---

(1) Ср. notice sur la transportation за 1877 г. табл. № 1. Изъ этого числа: умерло—10,837 чел.; выѣхало изъ Гвіаны—3,694; бѣжало—2,452; осталось добровольно въ Гвіанѣ—1,260; состояло къ 1 Января 1878 г. въ ссылкѣ—3,663.

тыя съ 1858 г. поселенія на Марони, съ мѣстечкомъ св. Лаврентія во главѣ.

Порядокъ отбытія ссылки во многомъ напоминалъ устройство французскихъ каторжныхъ работъ ([1]). Всѣ ссыльные предварительно помѣщались въ пенитенціаріяхъ, по системѣ общаго заключенія, съ раздѣленіемъ на группы. Они обязательно занимались публичными работами, за которыя съ 1857 г. выдавалось, и то для лучшихъ, небольшое вознагражденіе отъ 10—25 сантимовъ въ день. Работы эти были или наружныя, или въ мастерскихъ, но во всякомъ случаѣ по системѣ уроковъ. За нарушенія дисциплины и порядка виновные отвѣчали предъ начальникомъ заведенія, а въ важнѣйшихъ случаяхъ предъ военнымъ совѣтомъ колоніи; обыкновенными дисциплинарными наказаніями были или наложеніе оковъ, или тѣлесныя наказанія, отмѣненныя только въ 1880 году.

Тѣ ссыльные, которые своимъ поведеніемъ заслужили одобреніе, переводились на льготныя работы, какъ напр. обработка полей, пастьба скота, а подающіе надежду на исправленіе назначались колонистамъ въ услуженіе, или даже получали во временное пользованіе участокъ земли, уже нѣсколько подготовленный, съ жильемъ, съ проложенными дорогами; затѣмъ концессіонеру, въ теченіи двухъ лѣтъ, продолжали выдавать пищевое продовольствіе и необходимыя земледѣльческія орудія.

По истеченіи срока каторжныхъ работъ, ссыльный оставался въ колоніи на срокъ или пожизненно и во все это время не выходилъ изъ-подъ опеки администраціи, съ вѣдома которой онъ или поступалъ къ кому-либо въ рабочіе, или получалъ собственный участокъ.

Неудачными оказались климатическія условія: страшныя эпидемическія лихорадки и дизентерія уносили ежегодно цѣлыя сотни

([1]) Порядокъ содержанія ссыльныхъ опредѣлялся закономъ 29 Августа 1855 г. Ср. подробности у Фойницкаго, в. с. стр. 189 и сл. Нынѣ организація управленія Гвіаною регулирована законами 16 Февраля и 6 Декабря 1878 г.; а устройство быта ссыльныхъ подчинено тѣмъ же правиламъ, какія приняты для Новой Каледоніи.

жертвъ, особенно между вновь прибывающими, и создали Гвіанѣ страшную репутацію колоніи смерти (1).

Все это побудило правительство въ 1867 г. почти прекратить фактически ссылку въ Гвіану, а республика въ 1872 г. признала эту отмѣну и юридически (2), такъ что къ 1 Января 1878 г. въ Гвіанѣ значилось ссыльныхъ всего 3,663, въ томъ числѣ Европейцевъ только 1,709 человѣкъ; но законы 1885 г. снова подняли вопросъ о ссылкѣ въ Гвіану и притомъ не только приговоренныхъ къ высылкѣ, но и каторжниковъ (3).

Пріостановленіе ссылки въ Гвіану вызвало ссылку въ Каледонію.

Острова Каледоніи, Океаническій Архипелагъ, на востокъ отъ Австраліи, между 20 и 23 градусомъ южной широты, открытый Кукомъ въ 1774 г. и присоединенный къ Франціи въ 1853 г., состоятъ изъ двухъ параллельныхъ цѣпей: восточная состоитъ, по Гаффарелю, изъ пяти небольшихъ островов, а западная изъ главнаго острова Новой Каледоніи и двухъ малыхъ: Huon—на сѣверѣ, и L'île des Pins (островъ сосенъ)—на югѣ (4).

---

(1) Holtzendorf в. с., стр. 559 говоритъ: «депортація въ Кайенну стоитъ наравнѣ съ смертною казнью. Терроръ гильотины затемняется этою систематическою жестокостью, выполняемою съ разсчетомъ, хладнокровно. Вѣроятность жизни въ Гвіанѣ такова же, какъ сохраненіе жизни для повѣшеннаго (по старому обычаю) вслѣдствіе оборванія веревки». Этотъ безпощадный отзывъ объясняется тѣмъ, что Гольцендорфъ писалъ вслѣдъ за эпидеміями 1856 и 1857 гг. Въ дѣйствительности, по даннымъ, собраннымъ у Фойницкаго, в. с., стр. 180 и сл., санитарное положеніе Гвіаны является въ такомъ видѣ: съ 1853—1857 смертность была 17,3%; съ 1858—1862—8,3%; 1863—1867—5,9%; 1868—1872—4,9%; 1873—1875—6,9%, а въ среднемъ 8,7%. Но были годы, когда она во всей Гвіанѣ поднималась гораздо значительнѣе: въ 1853—19,2%; 1855—25,5%; 1856—24,5%; въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ мы даже встрѣчаемся съ такими данными: на Серебряной горѣ съ 1853—1856 средняя смертность 32,9%, а въ 1856 г. даже 62,3%; въ поселеніяхъ, на Oyapock съ 1855—1859 средняя 21,1%. Gaffarel, в. с. стр. 142, напротивъ того, замѣчаетъ, что при надлежащихъ гигіеническихъ приспособленіяхъ, климатъ Гвіаны вовсе не можетъ служить препятствіемъ для ея колонизаціи; то же говоритъ Левелье, стр. 31 и сл., у котораго собраны подробныя данныя.

(2) Въ Гвіану было предположено ссылать только приговоренныхъ къ travaux forcés или къ réclusion въ Алжирѣ или въ колоніяхъ, но въ виду частыхъ ихъ побѣговъ въ 1889 г. часть ссыльныхъ арабовъ направлена въ Новую Каледонію. Ср. Joly, в. с., стр. 391.

(3) Какъ указываетъ Herbette, Code pénitentiaire 1890 г., стр. 361, въ Гвіану было транспортировано: въ 1886—230; въ 1887—697; въ 1888—650 и въ 1889—550 каторжниковъ.

(4) См. подробное географическое описаніе Каледоніи у Gaffarel, в. с. стр. 390 и сл., а также въ Bulletin de la société de géographie, 1872 г., стр. 216 и сл. и въ

Новая Каледонія представляетъ гигантскій коралловый рифъ, окружающій островъ длинный и узкій, тянущійся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Весь островъ коралловаго происхожденія, обязанный своимъ бытіемъ дѣйствію животныхъ и вулканическому огню. Островъ весьма гористъ. Съ горъ падаетъ много рѣкъ, въ особенности въ сѣверной части, но судоходны изъ нихъ немногія. Климатъ Каледоніи сравнительно умѣренный, благодаря вліянію океана и горъ, и считается весьма здоровымъ. Островъ не имѣетъ дикихъ животныхъ, но домашнія, въ особенности свиньи, разводятся съ большимъ успѣхомъ; главное богатство Каледоніи до сихъ поръ составляетъ царство растительное. Въ ея лѣсахъ встрѣчается большинство представителей тропической флоры: пальмы, кокосы, бананы, сандалъ,—и одинъ изъ любопытнѣйшихъ представителей каледонской растительности—niaouli (melaleuca leucadendron), весьма распространенное и въ долинахъ и на горахъ, стволъ котораго даетъ превосходный строевой лѣсъ, а листья и вѣтви имѣютъ замѣчательное ассенизирующее свойство, втягивая міазмы и значительно содѣйствуя оздоровленію Каледоніи; затѣмъ, идетъ хининъ, ваниль, разводится также кофе, табакъ, сахарный тростникъ. Болѣе неблагопріятный элементъ представляютъ туземцы, бродящіе по неизвѣданнымъ мѣстностямъ внутри страны, крайне свирѣпые, доселѣ не разставшіеся съ каннибализмомъ и еще въ 1878 г. поднявшіе общее возстаніе на островѣ, дорого стоившее французамъ (1).

Ссылка въ Новую Каледонію началась съ Января 1864 г. и сообразно съ закономъ 1854 г. явилась простою перемѣною мѣста отбытія каторжныхъ работъ, вполнѣ зависѣвшею отъ усмотрѣнія администраціи. Первоначальный транспортъ былъ составленъ изъ людей наиболѣе здоровыхъ, не старѣе 45 лѣтъ, свѣдущихъ въ

1873 г. статью Balansa, La nouvelle Calédonie. Свѣдѣнія о современномъ состояніи Каледоніи (неблагопріятныя для ссылки), у de Lanessan, l'expansion coloniale de la France, 1887 г., глава 9-я. Того же направленія Moncelon, les bagnes et les colonisations pénales. Рифы, окружающіе островъ, затрудняютъ возможность побѣга, хотя число бѣглыхъ все таки значительно. Ср. Joly, стр. 391.

(1) См. подробный разсказъ объ этомъ у H. Rivière, Souvenirs de la nouvelle Calédonie, въ la Nouvelle Révue, 1880, № 5 и сл.

мастерствахъ, такъ какъ они предназначались для производства на мѣстѣ предварительныхъ сооруженій, необходимыхъ для помѣщенія ссыльныхъ въ Новой Каледоніи. Прибывшіе высадились на маленькомъ островѣ Nou, противъ Noumea, главнаго пункта Новой Каледоніи; вскорѣ здѣсь были построены бараки, склады, госпиталь и часовня. И теперь островъ Nou остался пунктомъ, въ который поступаютъ всѣ вновь прибывающіе ссыльные; въ немъ устроенъ обширный пенитенціарій съ мастерскими (1).

Порядокъ управленія въ Каледоніи былъ сначала организованъ одинаково съ Гвіанскимъ; теперь же регулированъ закономъ 27 Апрѣля 1878 г. объ управленіи ссылкою, а отчасти закономъ 1879 г. объ устройствѣ муниципальныхъ учрежденій въ Нумеа. Точно также закономъ 31 Августа 1878 г. и 18 Іюня 1880 г. былъ измѣненъ и порядокъ содержанія ссыльныхъ, равно какъ и ихъ дисциплинарная отвѣтственность (2).

Всѣ ссыльные раздѣляются на 5 классовъ, въ зависимости отъ ихъ нравственности, поведенія и трудолюбія. Арестанты 1-го класса могутъ получать участки земли, въ качествѣ концессіонеровъ, т. е. на правѣ пользованія согласно закону 1878 г. Участки обращаются въ ихъ собственность, хотя и съ извѣстными ограниченіями: или по истеченіи 5 лѣтъ пользованія, или по окончаніи срока каторжныхъ работъ, и подъ условіемъ вполнѣ хорошаго поведенія. Лица этого класса могутъ поступать въ частную службу на условіяхъ и за вознагражденіе, опредѣляемое губернаторомъ по представленію директора тюремной администраціи; или же употребляются на различныя публичныя работы въ качествѣ начальниковъ мастерскихъ или рабочихъ отрядовъ. Ссыльные 2-го класса употребляются на работы земледѣльческія или общественныя, съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ; ссыльные 3-го класса получаютъ вознагражденіе только въ видѣ исключенія, по особому постановленію директора. Ссыльные

---

(1) Съ 1864—1878 гг. въ Каледонію поступило 9,704 ссыльныхъ: изъ нихъ 9,487 мужчинъ и 217 женщинъ. Главный контингентъ мужчинъ составляютъ приговоренные къ каторжнымъ работамъ европейцы; изъ ссыльныхъ умерло 1,616 человѣкъ, а оставалось въ колоніи къ 1 Января 1878 г.—7,765.

(2) E. Brugant, Etude sur la transportation, 1889 г., гл. III и сл.

4-го и 5-го классовъ употребляются на работы самыя тяжкія, безъ вознагражденія, въ молчаніи и по возможности съ раздѣленіемъ на ночь, причемъ ссыльные 5-го класса не получаютъ ни табаку, ни вина. Каждый классъ можетъ быть подраздѣляемъ на отдѣленія.

По прибытіи въ колонію всѣ ссыльные зачисляются въ 4-й классъ, а рецидивисты въ 5-й. Изъ класса въ классъ они переводятся съ разрѣшенія директора, но по пробытіи въ немъ не менѣе 6 мѣсяцевъ.

Закономъ 1880 г. измѣненъ, между прочимъ, порядокъ наказанія ссыльныхъ, причемъ по § 11 этого закона тѣлесныя наказанія вовсе отмѣнены. Кромѣ отвѣтственности дисциплинарной ссыльные подлежатъ и наказаніямъ уголовнымъ, причемъ по закону 27 Марта 1879 г., прежде существовавшія, по декрету 1866 г., военно-судныя комиссіи отмѣнены и введены общія судебныя учрежденія, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ ихъ составѣ и порядкѣ процесса. Такъ, между прочимъ, присяжные замѣнены 4 ассистентами, выбираемыми по жребію, изъ листа нотаблей, составляемаго губернаторомъ.

Работы низшихъ двухъ классовъ сосредоточены по преимуществу въ тюрьмѣ на островѣ Nou, съ переводомъ же въ 3-й классъ, ссыльные дѣлятся на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ поступаютъ въ рабочія роты, гдѣ и занимаются разнообразными общественными сооруженіями: проложеніемъ дорогъ, постройкою зданій, работами въ мѣстной верфи, у устья рѣки Proni и т. п., такъ, напр., трудами ссыльныхъ устроенъ водопроводъ въ Noumea, страдавшей недостаткомъ прѣсной воды. Другая группа поступаетъ на земледѣльческія фермы и занимается разведеніемъ рису, табаку, сахарнаго тростника и т. п. Главнымъ пунктомъ такихъ работъ считается теперь ферма въ Bourail, на западномъ берегу острова. Другая такая же тюрьма—ферма, устроенная на восточномъ берегу, въ Canala, назначалась прежде преимущественно для ссыльныхъ, неподчиняющихся дисциплинѣ; здѣсь царствовала самая строгая военная дисциплина съ тѣлесными наказаніями во главѣ, но теперь неисправимые сосредоточиваются въ пенитенціаріи на островѣ Nou.

Наказаніе прекращается: или въ силу отбытія срока, или въ

порядкѣ условнаго освобожденія, практикуемаго въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

Ссыльные, отбывшіе наказаніе, но обязанные согласно закону 1854 г. жить въ Каледоніи, раздѣляются, распоряженіями губернатора отъ 1872 и 1875 гг., на два разряда. Худшіе помѣщаются въ особыя колоніи (dépôts spéciaux), лучшіе или поступаютъ къ частнымъ лицамъ, или остаются рабочими при правительственныхъ фермахъ, или получаютъ участки земли въ качествѣ концессіонеровъ. Этотъ послѣдній способъ устройства ссыльныхъ наиболѣе предпочитается правительствомъ. Каждый ссыльный холостой получаетъ 2 гектара, женатый—4, а имѣющій двухъ дѣтей—6; поселенца снабжаютъ инструментами, домашнимъ скотомъ; нѣкоторое время онъ получаетъ отъ казны провизію, она же заботится о доставленіи ему сбыта продуктовъ, объ устройствѣ его семейной жизни и т. д. (1).

Со времени республики началась ссылка въ Каледонію и политическихъ преступниковъ,—déportation. Законъ 1872 года, 23 Марта, постановилъ: лицъ, приговоренныхъ къ депортаціи въ укрѣпленныя мѣста, ссылать на полуостровъ Ducos, близь Noumea, а приговоренныхъ къ простой депортаціи—на островъ des Pins, а за недостаткомъ мѣста—на островъ Maré.

Депортація, по прежнему, имѣетъ характеръ простой пересылки (2), ссыльные не подлежатъ обязательнымъ работамъ, слѣдо-

(1) Фойницкій, въ своемъ сочиненіи, неоднократно говоритъ (стр. 261, 335), что колонизаціонное значеніе каледонской ссылки совершенно ничтожно, но убѣдительныхъ доказательствъ этого не представляетъ. Въ парламентской коммисіи 1872 г. Charriére представилъ подробныя указанія объ общественныхъ работахъ, сдѣланныхъ ссыльными; въ оффиціальныхъ данныхъ за 1876 г. стр. 153, мы находимъ еще болѣе обстоятельный перечень публичныхъ работъ съ 1875—1878; за этотъ періодъ въ Новой Каледоніи были устроены двѣ сельско-хозяйственныя выставки—одна въ Noumea, другая—въ Bourail; наконецъ, изъ данныхъ за 1877 г. можно указать на значительное возрастаніе доходовъ, получаемыхъ концессіонерами отъ продуктовъ промышленности и земледѣлія: 1875—177,000 фр.; 1876—235,000; 1877—651,000 фр.; или напр. на возрастаніе числа депешъ телеграфическихъ въ 1875—5,000; 1876—17,400; 1877—26,190; въ томъ числѣ частныхъ 11,109, а всего было выручено за депеши въ 1877 г. 126,665 фр. Жоли, стр. 397, возставая противъ ссылки, указываетъ на малые успѣхи колонизаціи въ Noumea, не смотря на большое число рабочихъ рукъ.

(2) Подробности быта депортированныхъ были опредѣлены декретомъ 31 Мая 1872 и закономъ 25 Марта 1873 г. См. извлеченія изъ нихъ у Фойницкаго, в. с. стр. 232 и сл.

вательно, колонизаціонный элементъ стоитъ на второмъ планѣ; но, въ случаѣ требованія съ ихъ стороны работъ, правительство обязано пріискать таковыя. Это бездѣліе создаетъ весьма сильныя затрудненія, поэтому правительство старалось поощрить къ работамъ разными льготами: раздачей земельныхъ участковъ, высокою заработною платою, разрѣшеніемъ прилежнымъ селиться на самомъ островѣ и т. п.

Коммуна 1871 г. дала богатый матеріалъ для депортаціи; всего было выслано до конца 1876 г.—3,900 человѣкъ; но всѣ они смотрѣли на высылку, какъ на мѣру временную, и ждали возвращенія на родину.

Численный составъ депортированныхъ постоянно уменьшался путемъ отдѣльныхъ помилованій, а амнистія 1880 года фактически почти прекратила этотъ видъ ссылки.

Законы 27 Мая и 14 Августа 1885 г. вызвали во Франціи къ жизни еще одну новую форму удаленія преступниковъ—релегацію въ колоніи (l'internement perpétuel) (1). Релегація составляетъ дополнительное наказаніе, назначаемое въ общемъ приговорѣ съ главнымъ наказаніемъ за общія преступленія для опасныхъ рецидивистовъ. Релегація назначается обязательно, но ей однако не подлежатъ лица, достигшія 60 лѣтъ, или наоборотъ недостигшія 21 года во время постановленія приговора, коимъ они могли бы быть осуждены къ релегаціи. Мѣсто высылки и порядокъ ея отбытія опредѣляются особыми административными постановленіями. Высылка пожизненна, но послѣ истеченія пяти лѣтъ высланный можетъ ходатайствовать предъ мѣстнымъ трибуналомъ о прекращеніи этого наказанія, представивъ удостовѣреніе хорошаго поведенія. Подлежащій высылкѣ можетъ также получить полное освобожденіе въ порядкѣ помилованія, и притомъ или одновременно съ прекращеніемъ главнаго наказанія или отдѣльно, по его отбытіи.

Высланные должны находиться безотлучно въ мѣстѣ поселенія; но законъ допускаетъ для нихъ временные отпуски

---

(1) Ср. Garraud, traité, I, № 296 и сл., у него въ примѣчаніи указана обширная французская литература по этому вопросу. Всѣ относящіеся сюда матеріалы собраны у Berton, code de la relégation et des récidivistes, 1887.

во Францію, но каждый разъ съ разрѣшенія Мин. Вн. Дѣлъ и на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Первоначально предполагалось, что высылка, въ отличіе отъ ссылки, не будетъ соединена съ обязательными работами; но при окончательной редакціи закона работа признана обязательною для всѣхъ высланныхъ, не имѣющихъ самостоятельныхъ средствъ существованія. Декретъ 26 Ноября 1885 г. подраздѣлилъ всѣхъ высылаемыхъ на два разряда: высылаемыхъ порознь, лично—(relégation individuelle) и высылаемыхъ въ отряды (relégation collective), а декретъ 18 Февраля 1888 г. выдѣлилъ изъ послѣдней группы еще группу высылаемыхъ въ такъ называемые «подвижные отряды» (sections mobiles), составляющіе какъ бы переходъ къ ссылкѣ личной. Въ группу ссылаемыхъ порознь могутъ быть зачисляемы лишь заключенные одобрительнаго поведенія, признанные способными добывать себѣ средства существованія посредствомъ ремесла, промысла, или инаго небезчестнаго занятія; тѣ, которые будутъ признаны достойными получить для обработки земельный участокъ, и тѣ, коимъ будетъ разрѣшено поступать въ общественныя или частныя работы или въ услуженіе (1). Въ подвижные отряды могутъ быть назначаемы заключенные удовлетворительнаго поведенія и хорошаго здоровья. Высланные первой группы отбываютъ наказаніе въ одной изъ французскихъ колоній, не исключая Алжира; они пользуются свободою и подлежатъ дѣйствію общихъ законовъ. Высланные въ отряды направляются преимущественно въ Гвіану или Новую Каледонію (2), и только временно на работы въ другія мѣстности; работаютъ они въ мастерскихъ или внѣ тюремъ, но подъ постояннымъ надзоромъ, а на ночь всегда возвращаются въ тюрьму; но находящіеся въ «подвижныхъ отдѣленіяхъ» выходятъ изъ тюрьмы въ свободное отъ работъ время. Распредѣленіе высылаемыхъ по разрядамъ и переводъ ихъ изъ одного разряда въ другой и т. д. дѣлаются особенною

---

(1) Высланные этой группы могутъ быть переводимы во вторую группу за учиненіе ими новаго преступленія, за явно дурное поведеніе, за нарушеніе правилъ надзора, за безосновательный уходъ съ мѣста или съ земельнаго участка и т. д.

(2) По декрету 20 Августа 1886 г. для отбытія этой высылки въ Каледоніи назначенъ островъ Сосенъ (l'île des Pins).

коммисіею изъ 7 членовъ (commission de classement); ея постановленія утверждаются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ видно изъ отчета (1), общее число приговоренныхъ къ высылкѣ было въ 1886 г. 1,710, 1887 г.—1,934 и въ 1888 г.—1,625, что составляетъ 1,2% всѣхъ приговоренныхъ за эти годы за преступленія и проступки. Всего же съ введенія въ дѣйствіе закона 1885 г. было приговорено къ релегаціи 5,177 мужчинъ и 519 женщинъ, а дѣйствительно выслано въ Гвіану 2,000 муж. и 154 жен. и въ Каледонію 1,177 муж. и 188 жен.; между ними число высланныхъ первой группы крайне незначительно; такъ, по указанію Гарро, въ 1886 г. ихъ было только 9 (2).

Новый проектъ французскаго уложенія сохраняетъ высылку, но нѣсколько измѣняетъ условія ея назначенія. Высылкѣ будетъ подлежать всякій, который, будучи приговоренъ къ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 5 лѣтъ (по одному или нѣсколькимъ приговорамъ), вновь будетъ приговоренъ за преступленіе или проступокъ къ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 1 года. Они отсылаются не ранѣе, какъ по отбытіи по крайней мѣрѣ половины вновь назначеннаго наказанія, а по прибытіи въ мѣсто ссылки отбываютъ тамъ оставшуюся часть, и послѣ того остаются еще 5 лѣтъ, занимаясь обязательно работами въ тюрьмѣ или внѣ оной. Но въ теченіе этого времени тюремное управленіе можетъ дать каждому высланному условное помилованіе. По истеченіи пятилѣтняго срока высланные получаютъ свободу, но остаются на всю жизнь въ

---

(1) Rapport sur l'application de la loi de relégation par Dislère напечатанъ въ code pénitentiaire за 1890 г., стр. 33 и сл.

(2) По разсчету, приведенному въ докладѣ, среднее число дѣйствительно ссылаемыхъ въ годъ будетъ около 1,200. Интересны приведенныя въ докладѣ статистическія данныя относительно 1,131 сосланныхъ; изъ нихъ между прочимъ видно, что между высланными были дѣйствительно тюремные завсегдатели, что свидѣтельствуетъ число состоявшихся о нихъ приговоровъ:

Число состоявшихся до высылки приговоровъ	отъ 2—5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30	31—40	41—50	свыше 50.
Число высланныхъ	173	113	106	77	90	88	235	112	99	20	5	1.

Всего же 1,131 челов. имѣли 13,075 осужденій, что составляетъ 11,6 на каждаго.

*

колоніи. Высылкѣ не подлежатъ лица старѣе 60 лѣтъ и неспособные къ труду въ колоніяхъ.

Сверхъ сего, проектъ вводитъ еще одинъ видъ высылки по просьбѣ заключеннаго, допуская, что приговоренные къ тюрьмѣ, имѣющіе отъ 21—60 лѣтъ, по отбытіи $^1/_4$ опредѣленнаго имъ срочнаго наказанія, а приговоренные къ безсрочному наказанію по истеченіи 5 лѣтъ отъ начала отбытія, могутъ быть высланы въ колонію, гдѣ они отбываютъ оставшуюся часть наказанія, при этомъ приговоренные къ безсрочному заключенію по истеченіи еще 5 лѣтъ, а приговоренные къ срочному по истеченіи второй четверти могутъ получить условное освобожденіе.

Кромѣ Франціи, мы встрѣчаемся нынѣ съ ссылкою въ Испаніи и Португаліи, но свѣдѣнія о ней такъ незначительны, что я не считаю возможнымъ включать ихъ въ свое изложеніе (1).

332. Таковы историческія данныя ссылки; я счелъ необходимымъ подробно остановиться на нихъ въ виду того, что въ теоріи вопросъ о цѣлесообразности и карательномъ значеніи ссылки остается и доселѣ открытымъ и спорнымъ, причемъ весьма немногіе изъ лицъ, писавшихъ о ссылкѣ, относятся къ ней достаточно объективно.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, взглядъ на ссылку неоднократно измѣнялся. Австралійская карательная колонизація, встрѣченная вполнѣ сочувственно при ея появленіи, вызвала потомъ противъ себя сильную оппозицію, въ особенности въ парламентскихъ коммисіяхъ 1831 и 1837 гг., признавшихъ полную ея несостоятельность какъ наказанія и какъ средства колонизаціи. Но въ такой же парламентской коммисіи 1857 г. мы находимъ совсѣмъ противоположные выводы—полную апологію ссылки, признаніе ея наказаніемъ не только дѣйствительнымъ, но и благодѣтельнымъ для Англіи, что повторила потомъ и коммисія 1863 г. Затѣмъ, на конгрессахъ 1876 и 1878 гг., представители Англіи явились наиболѣе ярыми противниками ссылки (2). Всего же сильнѣе, не-

(1) Нѣкоторыя данныя о португальской ссылкѣ у *Фойницкаго*, в. с., стр. 280; они впервые опубликованы въ сочиненіи Beltrani-Scalia, La deportazione, 1874.

(2) Фойницкій, в. с., стр. 113, замѣчаетъ, что передовые мыслители Англіи всегда относились къ ссылкѣ съ полнымъ неодобреніемъ, но самъ цитируетъ только Бэкона и Бентама, писавшихъ притомъ до времени австралійской ссылки.

сомнѣнно, была оппозиція противъ ссылки, и практическая, и теоретическая, въ Австраліи, начиная съ 1853 г.; но она, какъ я указывалъ ранѣе, имѣла преимущественно политическій характеръ (1).

Во Франціи литературное движеніе въ пользу ссылки началось главнымъ образомъ въ 40-хъ годахъ, какъ противовѣсъ идеямъ пенитенціаристовъ (Токвилль, Beaumont, Lucas, Moreau—Christophe), ратовавшихъ за одиночную систему; но общественное мнѣніе высказалось еще ранѣе въ ея пользу. До 50-хъ годовъ весь споръ имѣлъ болѣе теоретическій, отвлеченный характеръ; единственнымъ опытомъ являлся примѣръ англійской ссылки, но и то извѣстной болѣе изъ популярныхъ журнальныхъ статей, да изъ труда маркиза Blosseville, также не отличающагося особенно тщательною разработкою фактовъ. Эпоха второй имперіи значительно усилила число сторонниковъ ссылки, вслѣдствіе поддержки, которую нашло это наказаніе въ Наполеонѣ III. Но за то, казалось, неутѣшительный опытъ ссылки въ Гвіану, послѣ паденія имперіи, долженъ былъ вызвать оппозицію противъ нея, а между тѣмъ и республика отнеслась къ ней сочувственно. Измѣнено мѣсто ссылки, но идея ея пользуется и нынѣ большою популярностью какъ между теоретиками-криминалистами (2), такъ и между практиками, какъ это блистательно показала парламентская тюремная коммисія 1872—1874 гг. Достаточно указать, что на вопросы этой коммисіи о желательныхъ измѣненіяхъ системы наказаній, изъ 27

---

(1) Объ этомъ подробно говорилъ на стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ Sir Arney, главный судья въ Новой Зеландіи, который, какъ заявилъ онъ самъ, былъ участникомъ этой борьбы.

(2) Къ писателямъ временъ третьей имперіи и республики, защищавшимъ ссылку, относятся Pariset, Ferrus, Barboraux, Alauzet, Deprez, Breton, Michaux, Garraud, Ortolan, хотя послѣдній ставитъ рядъ ограничительныхъ условій для ея примѣненія. Изъ извѣстныхъ же противниковъ ссылки можно назвать только Béranger, изъ новыхъ Joly, такъ какъ другіе ея главные оппоненты, какъ Boitard, Rossi, относятся къ предшествующему періоду. F. Hélie, считающійся нѣкоторыми также ея противникомъ, во 1-хъ, говоритъ (Théorie 1, № 49) только о невыгодахъ политической депортаціи, повторяя притомъ противъ нея тѣ же возраженія, которыя были сдѣланы имъ еще въ 1-мъ изданіи его сочиненія, 1834 г., а во 2-хъ, въ 1872 г. Hélie, какъ почетный президентъ кассаціоннаго суда, въ числѣ другихъ членовъ вотировалъ въ пользу ссылки.

апелляціонныхъ судовъ Франціи, только два высказались противъ ссылки, да и то условно, а въ числѣ ея защитниковъ явился даже и высоко авторитетный французскій кассаціонный судъ (1).

Германія не практиковала въ числѣ своихъ карательныхъ мѣръ ссылку въ тѣсномъ смыслѣ, поэтому постановка вопроса объ этомъ наказаніи имѣла въ ней всегда характеръ теоретическій. Капитальнымъ трудомъ по вопросу о ссылкѣ является не разъ вышеназванное сочиненіе Гольцендорфа, представившаго кромѣ историческаго описанія ссылки и подробный юридико-политическій ея анализъ. Гольцендорфъ же явился защитникомъ ссылки колонизаціонной, т. е. такой, которая не только удаляла бы преступника изъ метрополіи, но и содѣйствовала бы развитію колоній, такъ какъ только при этихъ условіяхъ ссылка получаетъ, по его мнѣнію, и устрашительный, и исправительный характеръ. Онъ предлагалъ ссылать наиболѣе тяжкихъ преступниковъ, уже начавшихъ отбывать наказаніе и проявившихъ первые признаки раскаянія, и считалъ возможнымъ ея примѣненіе даже въ странахъ, неимѣющихъ колоній, какъ напр. въ Германіи. Позднѣе, въ рефератѣ, представленномъ въ 1878 г., стокгольмскому конгрессу, профессоръ Гольцендорфъ уже значительно отступилъ отъ прежняго мнѣнія, находя, что ссылка, во 1-хъ, возможна только для нѣкоторыхъ государствъ и, во 2-хъ, что хотя она вообще и не противорѣчитъ цѣлямъ уголовнаго правосудія, но представляетъ однако такія практическія затрудненія для ея успѣшнаго осуществленія, что должна быть признана скорѣе мѣрою переходною, а не необходимымъ элементомъ карательной системы (2).

Наконецъ, вопросъ о ссылкѣ обсуждался на тюремныхъ конгрессахъ (3) и разрѣшенъ въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. На конгрессѣ лондонскомъ 1876 г. вліятельнымъ ея сторонникомъ оказался только делегатъ Италіи, графъ Фореста, защищавшій притомъ французскій типъ ссылки, т. е. необходимость болѣе или

---

(1) При этомъ почти всѣ суды требовали примѣненія ссылки, кромѣ каторжниковъ, и къ неоднократнымъ рецидивистамъ.

(2) Ср. Фойницкій, в. с., стр. 297 и сл. Robin, La question pénitentiaire, 1874 г., стр. 183 и сл. Моя статья, Стокгольмскій тюремный конгрессъ, Журн. гр. и угол. права, 1880 г., кн. 3.

(3) То же въ Handbuch. I. стр. 428 и сл.

менѣе долгосрочнаго предварительнаго заключенія ссылаемыхъ на мѣстѣ поселенія; значительное же большинство членовъ отдѣленія, состоявшее преимущественно изъ англичанъ, находило ее и практически, и теоретически несостоятельною. На конгрессѣ въ Стокгольмѣ 1878 г. за ссылку особенно горячо говорили делегаты Франціи, опиравшіеся на удовлетворительные результаты, которые достигнуты ново-каледонскою ссылкою. Противниками ссылки явились представители Россіи и Италіи, а главнымъ образомъ Beltrani-Scalia, блестящая рѣчь котораго несомнѣнно повліяла и на резолюцію конгресса, выразившаго, что примѣненіе ссылки представляетъ такія затрудненія, что она можетъ употребляться не во всѣхъ государствахъ и не даетъ надежды на практическій успѣхъ.

Но въ чемъ же состоятъ доводы обѣихъ партій? Даже многіе изъ главныхъ противниковъ ссылки, какъ Токвилль во Франціи, въ 40-хъ годахъ, или у насъ теперь профессоръ Фойницкій, не отрицаютъ теоретическаго значенія этого наказанія.

Ссылка несомнѣнно имѣетъ главнѣйшія свойства кары: удаленіе изъ мѣста родины навсегда или на весьма долгіе сроки, порваніе всѣхъ прежнихъ связей, привычекъ, самый далекій переѣздъ, по необходимости соединенный съ значительными стѣсненіями, работы принудительныя и тяжкія по устройству поселенія,—все это придаетъ ссылкѣ значеніе тяжкаго наказанія (1). Указанія противниковъ на ея неустрашительность, опирающіяся, во 1-хъ, на примѣры совершенія преступленія только ради будущей ссылки, т. е. дароваго переѣзда въ мѣста, куда и безъ того стремится эмиграція, и, во 2-хъ, на фактъ добровольнаго согласія, въ 1852 г., 3,000 французскихъ каторжниковъ на отправку ихъ въ Гвіану, едва ли представляются особенно убѣдительными. Съ одной стороны, мы знаемъ случаи совершенія преступленія ради будущей тюрьмы и даже смертной казни, а съ другой—никто не могъ указать числа такихъ, вызванныхъ ссылкою, преступленій, такъ что

(1) На этомъ основаніи, ссылка должна разсматриваться, какъ самостоятельное наказаніе, а не только какъ измѣненіе порядка отбытія тяжкихъ видовъ лишенія свободы, какъ дѣлаетъ это Франція съ 1854 г. или какъ это было въ Англіи, въ послѣдній періодъ существованія ссылки.

и самый аргументъ является шаткимъ (1). Что касается добровольнаго согласія, то нужно только вспомнить, какъ заманчиво рисовало французское правительство будущую жизнь въ Каледоніи сравнительно съ bagnes, чтобы и этому обстоятельству не придавать особаго значенія (2).

Далѣе, ссылка безспорно заключаетъ въ себѣ важные исправительные моменты. Это обусловливается, какъ замѣчалъ еще Гольцендорфъ, свойствомъ самыхъ работъ, по преимуществу земледѣльческихъ; возможностью сокращенія сроковъ наказанія и введенія въ широкихъ размѣрахъ предварительнаго освобожденія; большою легкостью пріисканія заработковъ по выходѣ изъ тюрьмы; возможностью пріобрѣтенія земельныхъ участковъ и, слѣдовательно, самостоятельнаго хозяйства, наконецъ, совершенно иными условіями среды, въ которую попадаетъ освобожденный и которая, по природѣ своей, не можетъ относиться къ нему съ тою же отчужденностью, а иногда и презрѣніемъ, которыя встрѣчаютъ выходящаго изъ обыкновенныхъ тюремъ (3).

Наконецъ, ссылка освобождаетъ метрополію отъ преступниковъ. Конечно, было бы неблагоразумно придавать этому обстоятельству первенствующее значеніе, такъ какъ тогда разрушалось бы колонизаціонное значеніе ссылки; но оно, по моему мнѣнію, не должно быть однако вовсе игнорируемо, въ особенности при обсужденіи примѣненія ссылки къ тѣмъ преступникамъ, для которыхъ долгосрочное сидѣнье въ пенитенціарныхъ тюрьмахъ было бы безполезною жестокостью и которые, въ то же время, не

---

(1) Во Франціи, въ подкрѣпленіе этого приводятъ значительную цифру тяжкихъ преступленій, совершенныхъ за послѣднее время въ maisons centrales, какъ-то: убійства, поджоги, но нельзя же всѣ эти случаи ставить на счетъ ссылки, такъ какъ они прежде всего указываютъ на неустройство центральныхъ домовъ.

(2) На неустрашительность ссылки особенно указывали Bentham, Beranger. Нельзя не замѣтить однако, что есть и нападки на ссылку со стороны ея жестокости, равно какъ и указаніе на то, что, напр., въ виду строгости дисциплины въ Port Arthur и въ Norfolk, ссыльные будто бы совершали преступленія, чтобы попасть подъ смертную казнь.

(3) При этомъ не надо забывать, что по прибытіи на мѣсто ссылки преступники могутъ быть подчиняемы предварительно правильному тюремному режиму, но, во всякомъ случаѣ, на гораздо болѣе короткіе сроки, нежели при тюремной системѣ.

представляютъ ничего опаснаго для колоній, какъ напр. у насъ для нѣкоторыхъ преступленій религіозныхъ.

Съ другой стороны, ссылка, какъ указываетъ примѣръ восточной и западной Австраліи, а отчасти и Новой Каледоніи, несомнѣнно можетъ съ успѣхомъ служить цѣлямъ колонизаціоннымъ. Она подготовляетъ колонію для будущей культуры: проведеніемъ дорогъ, обработкою полей, устройствомъ гаваней, постройкою зданій; она даетъ рабочія руки даже и въ періодъ отбытія ссыльными наказанія; она создаетъ изъ освобожденныхъ ссыльныхъ ядро будущаго населенія.

Но, конечно, правильная постановка ссылки требуетъ равнаго вниманія къ обѣимъ цѣлямъ и къ карательной, и къ колонизаціонной, такъ какъ онѣ далеко не всегда совпадаютъ другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ Michaud, удачная постановка ссылки есть вопросъ мѣры.

Вопросъ мѣры по отношенію къ выбору мѣстности, съ точки зрѣнія климата и почвы, такъ какъ принципъ освобожденія отъ преступниковъ метрополіи не можетъ оправдать ссылки въ мѣстности смертоносныя или неспособныя къ обработкѣ. При подобныхъ условіяхъ, не удовлетворяя требованіямъ колонизаціи, ссылка, будучи маскированною смертною казнью, противорѣчила бы основнымъ началамъ справедливости.

Вопросъ мѣры относительно степени населенности мѣстъ ссылки, такъ какъ въ жизни каждой колоніи наступаетъ такой моментъ развитія, когда новый значительный наплывъ преступниковъ превышаетъ мѣстныя потребности и вліяетъ вредно и экономически и нравственно. Въ этомъ отношеніи, оппозиція прежнихъ штрафныхъ колоній противъ ссылки, на которую я указывалъ выше, если только она не имѣетъ подъ собою искусственной подкладки, служитъ, по моему мнѣнію, аргументомъ въ пользу, а не противъ ссылки (1).

Вопросъ мѣры по отношенію къ преступленіямъ, за которыя ссылаются. Ссылка, несоединенная съ предшествующимъ ей заключеніемъ, можетъ быть назначаема только за нѣкоторое весьма

---

(1) Хотя противъ этого аргумента возстаютъ не только противники ссылки, но и нѣкоторые изъ ея сторонниковъ, какъ напр. Гольцендорфъ.

ограниченное число преступленій; ссылка же, дополняющая лишеніе свободы, по природѣ своей составляющая тяжкое наказаніе, можетъ быть назначаема или за важнѣйшія преступленія, или, какъ указываетъ примѣръ Франціи, для преступниковъ многократно судимыхъ, хотя бы и за незначительные проступки. Въ виду этого, конечно, ссылка не можетъ разсчитывать на исключительное или даже преобладающее значеніе въ карательной системѣ.

Наконецъ, вопросъ мѣры относительно ссылаемыхъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи, во 1-хъ, судамъ должно быть предоставлено въ извѣстныхъ случаяхъ факультативное право ссылки, а во 2-хъ, въ интересахъ колонизаціи при назначеніи ссылки и въ законѣ и на практикѣ должно быть обращено вниманіе на возрастъ, полъ, физическія силы ссыльныхъ, возможность ихъ исправленія, пригодность къ тѣмъ или другимъ работамъ и т. п.

Что касается до теоретическихъ возраженій противъ ссылки, какъ наказанія, то, за устраненіемъ сомнѣній въ ея устрашительности, другіе аргументы представляются неособенно существенными. Такъ напр. упрекъ въ ея неравномѣрности и недѣлимости, основывающійся на томъ, что ссылка, какъ пожизненное или весьма долгосрочное удаленіе, не допускаетъ оттѣнковъ, падаетъ самъ собою, какъ скоро мы вспомнимъ, что съ ссылкою соединяются обязательныя работы и тюремное заключеніе, дающія полную возможность придать ей индивидуальный характеръ. Далѣе, часто повторяемый афоризмъ Lelut: «la société, qui est la vie, ne naît pas du crime, qui est la mort» является блестящею фразою, неподтвердившеюся исторіею. Наконецъ, возраженія, сдѣланныя бывшимъ гельсингфорскимъ профессоромъ Mechelin на стокгольмскомъ конгрессѣ, что при ссылкѣ приходится подвергать незаслуженнымъ наказаніямъ стражу, охраняющую ссыльныхъ, или что снабженіе колоніи отребьями человѣчества не соотвѣтствуетъ цивилизаторской роли Европы—едва-ли нуждаются въ опроверженіи.

Единственною ареною серьезныхъ нападокъ на ссылку является, по моему мнѣнію, ея практическая сторона, трудность осуществленія. Въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя изъ указаній ея противниковъ представляются въ высшей степени важными (1).

(1) См. Фойницкій, в. с., стр. 327 и сл.

Таково, во 1-хъ, пріисканіе подходящаго мѣста для ссылки, въ особенности въ виду интересовъ колонизаціи. На этомъ основаніи несомнѣнно ссылка должна быть отнесена къ числу карательныхъ мѣръ, входящихъ въ лѣстницу наказаній только нѣкоторыхъ странъ и въ ограниченномъ размѣрѣ.

Во 2-хъ, трудность перевозки ссыльныхъ въ колонію, проявляющаяся въ двоякомъ направленіи: въ отягощеніи самаго наказанія болѣе суровымъ режимомъ, которому по необходимости подчиняются пересылаемые, и въ вредномъ нравственномъ вліяніи, зависящемъ отъ скученія арестантовъ разныхъ возрастовъ, разной степени испорченности, и притомъ въ теченіи сравнительно долгаго времени при полной ихъ праздности.

Въ 3-хъ, благодаря отдаленности ссыльныхъ колоній, трудность устройства хорошей администраціи и правильнаго контроля за нею. Въ особенности это обстоятельство пріобрѣтаетъ большое значеніе, когда съ ссылкою соединяется тюремное заключеніе на мѣстѣ ссылки. Опытъ Англіи и Франціи и еще болѣе Россіи свидѣтельствуетъ о трудности пріискать добросовѣстныхъ исполнителей сложныхъ задачъ ссылки.

Въ 4-хъ, трудность предупрежденія побѣговъ, которые, напр. въ ссылкѣ гвіанской или въ нашей русской, достигаютъ весьма крупныхъ размѣровъ, что обусловливается географическими особенностями мѣстъ ссылки.

Въ 5-хъ, значительное процентное различіе между преступностью мужчинъ и женщинъ, дѣлающее крайне труднымъ установленіе сколько нибудь нормальнаго отношенія между полами въ колоніи, въ особенности безъ притока свободной эмиграціи. А это отражается, съ одной стороны, невыгодно на дальнѣйшемъ развитіи колоніи, а съ другой—содѣйствуетъ плотской распущенности со всѣми ея вредными послѣдствіями.

Наконецъ, въ 6-хъ, сравнительная дороговизна ссылки, такъ какъ къ издержкамъ содержанія арестантовъ нужно еще присоединить: расходы на устройство колоніи, на администрацію, усиленный надзоръ за ссыльными, на пересылку ссыльныхъ, на матеріальную поддержку всей колоніи въ первые годы ея существованія и каждаго ссыльнаго, по крайней мѣрѣ на первое время его освобожденія изъ тюрьмы.

Но, приводя всѣ эти, очевидно, весьма вѣскія возраженія противъ ссылки, я, тѣмъ не менѣе, считалъ бы опрометчивымъ и преждевременнымъ вычеркивать этотъ видъ кары изъ общей лѣстницы наказаній, и, въ особенности, какъ я указывалъ ранѣе, у насъ въ Россіи, съ ея обширными территоріями на востокѣ, настоятельно требующими рабочихъ рукъ. Во 1-хъ, многіе изъ этихъ недостатковъ ссылки могутъ быть если не устранены, то по крайней мѣрѣ ослаблены, а, во 2-хъ, мы должны помнить, что, устраняя ссылку, мы ставимъ на ея мѣсто тюрьму. Существо и условія осуществленія этого наказанія будутъ изложены далѣе, но я не могу и теперь не замѣтить, что въ особенности въ Россіи едва-ли можно питать радужныя надежды на скорую и успѣшную тюремную реформу. Ни одно изъ западныхъ государствъ не можетъ похвастаться успѣшнымъ разрѣшеніемъ тюремнаго вопроса, не можетъ скрыть страшной цифры рецидивы и возрастающей преступности, а тамъ мы имѣемъ и богатую пенитенціарную литературу, и многолѣтній опытъ, и школы, подготовляющія тюремныхъ дѣятелей, и съѣзды практиковъ, и установившіяся традиціи. А у насъ? Печальна исторія ссылки, но не многимъ лучше не только прошедшее, но и настоящее нашей тюрьмы.

В. Заключеніе (1).

833. Состояніе тюремъ и карательныхъ работъ до конца XVIII вѣка.

834. Вопросъ о тюрьмахъ въ XIX столѣтіи.

835. Оцѣнка тюремнаго заключенія какъ наказанія. Тюремная регламентація.

---

(1) До сихъ поръ не существуетъ сколько нибудь полной библіографіи сочиненій по тюремному вопросу ни въ западной литературѣ, ни въ нашей. Сравнительно подробныя указанія можно найти у Д. Тальберга, тюремная литература или тюрьмовѣдѣніе 1876 г.; Holtzendorf, Die neuere Gefängnissliteratur im algem. deut. Strafrechtszeitung. 1867 г., № 3, стр. 122—145. Изъ сочиненій, имѣющихъ въ виду представить обозрѣніе вопроса о тюремномъ наказаніи во всей его совокупности, можно назвать: во Франціи—M. Grellet-Wammy, manuel des prisons 2 t. 1838—1839, A. Lepelletier de la Sarthe, systeme pénitentiaire 1857 г.; также Joly, le combat contre le crime, 1892 г., глава VI и сл. Въ Германіи—Iulius, Vorlesungen über die Gefängnisskunde, 1828 г.; C. Hänel, Sys-

836. Способы размѣщенія арестантовъ: 1) Одиночная система: системы уединенія и отдѣленія.

837. 2) Системы общаго заключенія: системы молчанія, классификаціонная система Обанеля, система классификаціи по работамъ.

838. 3) Системы смѣшанныя.

839. Оцѣнка различныхъ способовъ размѣщенія арестантовъ.

840. Единообразіе и различіе тюремныхъ типовъ.

841. Сроки заключенія.

842. Досрочное освобожденіе безусловное и условное.

843. Тюремная работа.

844. Тюремный заработокъ.

845. Тюремная дисциплина. 1) Тюремное воспитаніе и обученіе.

846. 2) Тюремныя награды и наказанія.

847. 3) Тюремная гигіена и архитектура.

848. Тюремное управленіе и персоналъ.

849. Общества попеченія о заключенныхъ.

850. Особыя тюрьмы. Карательныя заведенія для малолѣтнихъ.

833. Третій видъ лишенія свободы, наиболѣе стѣсняющій возможность для преступника располагать собою и своими дѣйствіями, составляетъ тюремное заключеніе, т. е. принудительное помѣщеніе виновнаго въ замкнутое пространство или зданіе на срокъ или навсегда.

Возникновеніе тюремъ относится несомнѣнно къ первому періоду государственной системы наказаній; оно обусловливалось даже простою необходимостью имѣть особыя помѣщенія

---

tem der Gefängnisskunde, 1866 г.; C. Boehme, Grundzüge der Gefängnisswissenchaft 2 изд. 1882 г. F. Holtzendorf и E. Iagemann, Handbuch des Gefängnisswesens, 1888 г., въ двухъ томахъ; сборникъ, изданный при сотрудничествѣ многихъ спеціалистовъ, важнѣйшее пособіе по тюремному вопросу; A. Krohne, Lehrbuch der Gefängnisskunde, 1889 г.; V. Leitmaier österreichische Gefängnisskunde, 1890 г. На русскомъ языкѣ наиболѣе полное описаніе тюремъ въ учебникѣ В. Спасовича, стр. 201—277, а въ особенности И. Фойницкій, ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ, 1889 г., стр. 306—500.

для тѣхъ преступниковъ, которыхъ считали почему либо необхо-
димымъ не оставлять на свободѣ уже во время производства о нихъ
суда, или для тѣхъ, которые ждали примѣненія къ нимъ казни
назначенной по приговору. Задачею тюрьмы было сохраненіе пре-
ступника впредь до востребованія, non ad puniendos, какъ гово-
ритъ Ульпіанъ, sed ad continendos homines.

Гораздо позднѣе тюрьма изъ подслѣдственной обращается въ
карательную и занимаетъ опредѣленное мѣсто среди другихъ нака-
заній. Во Франціи въ 16 и 17 столѣтіи, да и то въ видѣ исключе-
нія, въ Германіи въ эпоху Каролины, у насъ въ эпоху уложенія
Алексѣя Михаиловича. Но и въ этомъ видѣ ея первоначальный типъ
характеризовался тѣмъ же признакомъ храненія арестанта. Тюрь-
ма должна была служить охраною общества, удаляя изъ него на
долгій срокъ преступника и въ то же время тяжестью своихъ по-
рядковъ причиняя виновному такое физическое и нравственное
страданіе, которое дѣлало ее достойнымъ подспорьемъ смертной
казни, тѣлесныхъ бичеваній и пытки (1).

Мы видѣли выше, въ какомъ положеніи находятся еще и нынѣ
наши тюрьмы, каково положеніе нашихъ каторжныхъ остроговъ,
но всѣ ихъ ужасы блѣднѣютъ предъ тѣмъ состояніемъ, въ кото-
ромъ мы застаемъ тюрьмы въ Западной Европѣ и не только въ
отдаленныя эпохи XV или XVI вѣковъ, но даже и въ XVIII вѣкѣ,
въ эпоху послѣднихъ дней стараго порядка и первыхъ проблесковъ
новой послѣ революціонной жизни. Мы съ любопытствомъ осматри-
ваемъ теперь во всѣхъ болѣе старыхъ городахъ Европы, въ раз-
валинахъ замковъ феодальной эпохи, подземные каменные гробы,
лишенные свѣта и воздуха, или такія же клѣтки съ раскаляющею-
ся свинцовою кровлею; теперь мы видимъ въ нихъ интересные
историческіе памятники, но представимъ мысленно то время, когда
они были страшною дѣйствительностью, когда въ нихъ проводили
годы, десятки лѣтъ, цѣлую жизнь заживо погребенные, прикован-
ные къ стѣнѣ, или хотя и пользующіеся свободою движенія въ
двухъ-трехъ саженномъ логовищѣ, но среди скученныхъ товарищей
по несчастью—живыхъ, а нерѣдко и мертвыхъ, по недѣлямъ оставав-

---

(1) Ср. интересныя историческія данныя по тюремному вопросу у Krohne
§ 2 и сл.

шихся безъ погребенія; безъ всякой одежды или въ разодранныхъ лохмотьяхъ, покрытые насѣкомыми всякаго рода, въ удушливой атмосферѣ сырости, плѣсени, невыносившихся нечистотъ, поддерживая свои силы заплеснѣвшимъ хлѣбомъ, да какой нибудь похлебкою, мало отличною отъ помоевъ. Тюрьма была дѣйствительно юдолью плача и страданій, заставлявшею только удивляться выносливости человѣческаго организма и силѣ привычки къ жизни.

Читая теперь безсмертную книгу знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда (1), лично ознакомившагося съ тюрьмами не только Англіи, но и Франціи, Испаніи, Голландіи, Германіи, Даніи, Швеціи, Россіи и Польши, мы можемъ убѣдиться, что въ подобномъ состояніи находилось большинство тюремъ всѣхъ Европейскихъ государствъ. Англія отличалась развѣ только тѣмъ, что многія изъ ея тюремъ были отданы на откупъ, съ торговъ или даже принадлежали частнымъ лицамъ (Howard, I, стр. 36), такъ что духъ наживы, желаніе выручить затраченный капиталъ служили къ еще бо̀льшему отягощенію участи заключенныхъ. А между тѣмъ въ Англіи, благодаря крайне обширному району примѣненія смертной казни, большинство этихъ заключенныхъ принадлежало къ несостоятельнымъ должникамъ, или къ лицамъ, обвиняемымъ въ маловажныхъ нарушеніяхъ закона. Howard свидѣтельствуетъ

(1) Howard John, the State of the prisons in England and Wales with preliminary observations, 1777 г. 2-ое изд. 1780 г., 3-ье 1784 г., пополнявшіяся новыми наблюденіями Говарда. Въ 1788 г. (2-ое изданіе 1791 г.) оно было переведено на французскій языкъ подъ заглавіемъ: Etat des prisons, des hôpitaux et des maisons de force въ двухъ томахъ; къ этому переводу приложены весьма интересныя разсужденія о жестокости наказаній графа Мирабо и письмо по поводу того же предмета Benjamin Franklin, на этотъ переводъ сдѣланы ссылки въ текстѣ. Въ 1780 г. было сдѣлано обстоятельное извлеченіе изъ сочиненія Говарда на нѣмецкомъ языкѣ съ интересными примѣчаніями Köster'омъ, über Gefängnisse und Zuchthäuser. Извлеченіе изъ англійскихъ біографій Говарда можно найти въ статьѣ А. Палюмбецкаго: Джонъ Говардъ и состояніе тюремъ въ Европѣ въ концѣ XVIII столѣтія, въ юридическихъ запискахъ изд. Яневичемъ-Яневскимъ, т. V, 1862 г., стр. 129—176. Такъ какъ Петербургскій тюремный конгрессъ 1890 г. совпадалъ съ столѣтіемъ смерти Говарда, то русское правительство предложило премію за біографію Говарда. Назначенное для оцѣнки представленныхъ сочиненій жюри признало лучшими сочиненіями труды Ривьера и Гриффиса. Картину прежнихъ нѣмецкихъ тюремъ можно найти у Döpler, Schauplatz des Leibes und Lebens-Strafen 1693 г.; о старыхъ парижскихъ тюрьмахъ интересныя данныя у Guillot, les prisons de Paris, 1890 г. Перечень тюремной литературы до и во время Howard'а можно найти въ учебникахъ литературы уголовнаго права—Böhmer'а, или Kappler'а.

(II, стр. 442), что въ 1779 г. въ Великобританіи на 4,379 заключенныхъ было 2,078 содержащихся за неуплату долговъ, и только 798 обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Положеніе неоплатныхъ должниковъ было нерѣдко хуже арестантовъ-преступниковъ. «Арестантамъ со средствами было въ тюрьмѣ привольно, они веселились и бражничали, образуя кружки и компаніи для веселаго препровожденія времени и игры въ карты, кости, кегли. Въ устроенные внутри тюремъ кабаки допускалась и публика до поздней ночи. За то тюрьма была настоящимъ адомъ для бѣдняковъ, которые не могли купить снисхожденія смотрителей и снискать при входѣ въ тюрьму благорасположеніе своихъ товарищей-арестантовъ посредствомъ приличнаго угощенія. Съ ними и товарищи и начальство обращались какъ съ собаками: оборванные, полунагіе, голодные, покрытые вшами, они содержались въ вонючихъ и влажныхъ подвалахъ на сыромъ полу, на полусгнившей соломѣ. Рѣдкая тюрьма имѣла отхожія мѣста. Воздухъ пропитанъ былъ столь заразительными міазмами, что посѣтитель, выходя оттуда, долженъ былъ провѣтривать одежду, бумаги; даже крѣпкій уксусъ, взятый съ собою, какъ средство противу зловонія, терялъ очень скоро свою силу и пріобрѣталъ нестерпимый запахъ» (Спасовичъ, 219). «Въ лондонской тюрьмѣ Флитъ (Fleet) (Палюмбецкій, стр. 153)—хозяинъ тюрьмы, купившій себѣ должность у прежняго смотрителя за 5.000 ф. стерл., занимался разнаго рода торговлею, включая сюда и предметы продовольствія, отдачею въ наемъ комнатъ и содержаніемъ трактира. Разсчитывая на большой доходъ, онъ назначалъ на все невѣроятныя цѣны и неумолимо требовалъ уплаты, хотя бы это стоило жизни должника. Деньги составляли для хозяина главное и съ ними можно было у него купить все, даже позволеніе разломать стѣны тюрьмы и бѣжать. Но кто не могъ платить, осуждался на безнадежный и пожизненный плѣнъ, хотя бы имѣлъ полное право на свободу. Когда началось парламентское изслѣдованіе состоянія лондонскихъ тюремъ, то во Флитѣ нашли пятьдесятъ два человѣка, задержанныхъ незаконно въ продолженіи девяти, десяти и одиннадцати лѣтъ». Въ тюрьмѣ въ Честерѣ подъ комнатами, гдѣ жили днемъ мужчины и женщины вмѣстѣ, находился глубокій, темный, съ спертымъ воздухомъ корридоръ, а подлѣ него нѣсколько стойлъ, въ каждое изъ нихъ запирали на ночь

трехъ или четырехъ человѣкъ. Въ Плимутской тюрьмѣ (Howard, II, стр. 395) были комнаты, гдѣ арестанты содержались безъ воздуха и свѣта, гдѣ имъ даже нельзя было стоять прямо. Чтобы поддерживать жизнь, они прижимались по очереди къ небольшому отверстію въ двери. Тюрьмы, предоставленныя частной эксплоатаціи, ветшали, грозили паденіемъ, доставляли легкіе случаи для побѣга. Для предупрежденія послѣднихъ нерѣдко принимались мѣры самыя варварскія. Въ кембриджскомъ графствѣ арестантовъ напр., клали спиною на желѣзныя полосы, укрѣпленныя въ полу, приковывали цѣпью, надѣвали на шею желѣзное, съ большими иглами, кольцо, мѣшавшее наклонять голову къ землѣ, и покрывали еще другою тяжелою полосою ноги.

Тюремные сидѣльцы нерѣдко, впрочемъ, сугубо расплачивались съ обществомъ за свои страданія. Howard (I, стр. 21) приводитъ свидѣтельство Backer, что когда въ 1577 году судъ присяжныхъ собрался въ оксфордскомъ замкѣ, то бывшіе на судѣ подсудимые занесли тюремную горячку, жертвами коей сдѣлались: президентъ суда, шерифъ и болѣе 300 человѣкъ присутствовавшихъ; вся эта масса умерла въ теченіи 40 часовъ и самыя ассизы получили названіе черныхъ. Позднѣе, уже почти ко времени Говарда, въ ассизахъ Таунтонскихъ, 1730 года, подсудимые также заразили залу суда, и жертвами тюремной горячки сдѣлались президентъ, шерифъ и нѣсколько сотенъ жителей. Въ 1755 г. въ Оксминстерѣ—одинъ освобожденный арестантъ заразилъ свою семью, а затѣмъ и цѣлый городъ; то же повторилось въ Лондонѣ въ 1750 году.

Разрушая здоровье, дѣлаясь гнѣздилищемъ заразы, тюрьмы еще губительнѣе дѣйствовали на нравственность заключенныхъ. Въ рѣдкихъ тюрьмахъ существовало раздѣленіе по поламъ (Howard I, стр. 17); вмѣстѣ съ несостоятельными должниками въ тюрьмахъ Англіи обыкновенно сидѣли ихъ жены и дѣти, помѣщавшіяся вмѣстѣ съ другими заключенными, иногда по 14, по 15 человѣкъ въ одной небольшой комнатѣ. О раздѣленіи преступниковъ по возрастамъ, объ отдѣленіи тяжкихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, ожидавшихъ висѣлицы, отъ новичковъ, обвинявшихся въ кражѣ, мошенничествѣ, отъ малолѣтнихъ захваченныхъ въ нищенствѣ и бродяжествѣ—конечно, не было и рѣчи. Праздное время наполнялось

разсказами опытныхъ сидѣльцевъ, игрой, кутежами, самыми непозволительными, разнузданными оргіями. Въ Англіи нерѣдко откупщики — тюремщики содержали въ самыхъ тюрьмахъ кабаки, игорные дома, притоны разврата, въ которыхъ вмѣстѣ съ зажиточными арестантами—пировали и развратничали мѣстные жители. Тюрьмы были дѣйствительно вертепами, въ которыхъ гнѣздились болѣзни и развратъ; надъ ихъ входными дверями была начертана рукою самаго же общества скорбная надпись Дантова ада: lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.

Въ большинствѣ тюремъ нравственная порча обусловливалась полною праздностью, но не менѣе тяжкимъ являлся и другой типъ лишенія свободы—публичная тяжкая работа, такъ какъ и здѣсь не было и рѣчи объ интересахъ наказываемаго, а всѣмъ руководилъ лишь одинъ принципъ извлеченія возможно большихъ выгодъ изъ подневольнаго труда.

Такъ, уже Римъ эпохи Императоровъ зналъ [L. 8, § 6 D. de poenis (48, 19)], какъ наказаніе, работы въ рудникахъ, въ каменоломняхъ и т. п., въ цѣпяхъ (damnatio in metallum) и работы при рудникахъ (in opus metalli), а равно и простыя публичныя работы, при проведеніи дорогъ, постройкахъ и т. д. (opus publicum perpetuum); но наибольшую распространенность они получили у новыхъ народовъ, и притомъ какъ въ видѣ работъ сухопутныхъ, въ рудникахъ (1), такъ и въ видѣ работъ на галерахъ, бывшихъ наиболѣе характеристичнымъ представителемъ этого типа наказанія.

Когда парусное судоходство было еще не развито, всю морскую силу государствъ, и, даже болѣе, единственное средство сообщенія составляли гребныя суда; количество ихъ было очень велико у всѣхъ важнѣйшихъ морскихъ державъ того времени, какъ напр. у Испаніи, Генуи, Венеціи, Флоренціи. Но тяжелая и почти

---

(1) Въ Германіи о рудниковыхъ работахъ впервые упоминается въ саксонскихъ конституціяхъ 1572 года, гдѣ они полагаются за браконьерство. Ср. Kleinschrod, über die Strafe der öffentlichen Arbeiten. 1789; относительно работъ въ Австріи интересныя данныя можно найдти въ брошюрѣ: Unterthäniges Flehen an Kaiser Joseph II die schwere Strafe des Schiffziehens in Ungarn etwas zu mildern. 1783. Ср. также F. N. Maasburg, die Strafe des Schiffziehens in Österreich (1783—1790). 1890.

непрерывная гребная работа была гибельна для здоровья, а потому охотниковъ до такой службы было не много, платить же дорого было не подъ силу государственной казнѣ. Благодаря этому и явилась мысль замѣнить свободныхъ работниковъ—лицами, находящимися во власти государства, преступниками. Въ концѣ XV в. наказаніе отдачею на галеры встрѣчается уже въ итальянскихъ государствахъ, а въ XVI в. переходитъ во Францію (1), гдѣ и получаетъ наибольшее развитіе вслѣдствіе огромной потребности въ рабочихъ рукахъ. На галеры ссылаются не только преступники, но и вообще лица опасныя для общества: бродяги, нищіе, цыгане. Встрѣчаются наставленія судьямъ замѣнять, по возможности, даже смертную казнь галерами, увеличивать въ приговорахъ срокъ пребыванія и т. д. Впрочемъ, галерное начальство обыкновенно не стѣснялось судебными сроками, преступники оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока могли работать, а работали они до полнаго истощенія силъ, или до самой смерти.

Съ уничтоженіемъ Нантскаго эдикта число галерниковъ значительно увеличилось протестантами. По законамъ Людовика XIV всякое распространеніе пасквилей противъ короля или католической церкви, или даже простое несоблюденіе формъ, предписанныхъ закономъ о книгопечатаніи, влекло отдачу на галеры временно или пожизненно. При Людовикѣ XV это наказаніе достигло кульминаціоннаго пункта: на галеры отправлялись и осужденные за многобрачіе и за воровство, за нарушеніе законовъ объ охотѣ и за контрабанду.

Сама галера (2) была плоское, узкое судно, съ низкимъ бортомъ и съ двумя мачтами, такъ что могло ходить и греблею и подъ парусами. На галерѣ находилось до 300 гребцовъ, прикованныхъ по 5 или 6 человѣкъ на одной скамьѣ и приводившихъ въ движеніе одно весло. На этихъ скамьяхъ проходила вся жизнь галерниковъ: здѣсь они обѣдали, спали, чередуясь по лавкамъ,

---

(1) Merlin, repertoire de droit, môt «galére», стр. 172, говоритъ, что первый указъ о галерахъ относится къ 1564 г. при Карлѣ IX, а первые слѣды этого наказанія встрѣчаются въ указѣ 1532 г.

(2) Ср. описаніе галеръ у Loiseleur, les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. 1863 г. стр. 248 сл.

*

чтобы галера могла идти постоянно, не останавливаясь. Здѣсь же творилъ надъ ними судъ и расправу начальникъ галеры: за всякій малѣйшій проступокъ слѣдовало обыкновенно нещадное бичеваніе. Для каторжниковъ не было ни буденъ, ни праздниковъ; только по прибытіи въ портъ работа останавливалась, тамъ избранные получали позволеніе перейдти на земляныя работы. Управитель на галерахъ былъ, если не de jure, то de facto, полный господинъ надъ жизнью и смертью арестантовъ, и бывали примѣры, что онъ безнаказанно забивалъ часть своихъ галерниковъ, чтобы отличиться предъ начальствомъ и придти напр. первымъ при какомъ нибудь состязаніи. Loiseleur (стр. 257) приводитъ описаніе положенія галерниковъ сдѣланное католическимъ священникомъ Jean Rion, въ которомъ онъ говоритъ между прочимъ: «больныхъ относили въ трюмъ, гдѣ ихъ ожидали уже послѣднія страданія. Этотъ трюмъ былъ лишенъ свѣта и воздуха, въ немъ даже стоять было не возможно. Когда мнѣ случалось входить туда, то я скорѣе спѣшилъ назадъ, задыхаясь, не рѣдко покрытый червями мнѣ всегда казалось, что я вхожу въ жилище смерти».

Съ развитіемъ паруснаго судоходства, галеры становились все болѣе и болѣе не нужными. Съ начала XVIII столѣтія галерниковъ стали употреблять вмѣсто гребли на разныя земляныя работы, постройки и т. д. въ портахъ, арсеналахъ, крѣпостяхъ, и наконецъ, во Франціи указъ 1748 г. отмѣнилъ отсылку на галеры и замѣнилъ ихъ принудительными работами (Travaux forcés), отбывавшимися въ такъ называемыхъ bagnes. Но и эти мѣста работъ, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ частяхъ Европы являлись съ тѣми же красками, какъ и тюрьмы: тяжесть работъ только отягчала, а не улучшала положеніе арестанта; въ особенности мрачную репутацію пріобрѣли французскія каторжныя тюрьмы, сохранившія ее вплоть до самой отмѣны ихъ закономъ, т. е. до 1852 г.

Но, конечно, на этой темной картинѣ состоянія тюремъ въ Европѣ можно найти мѣста и болѣе свѣтлыя (1). Уже и въ Римѣ въ эпоху христіанскихъ императоровъ встрѣчаются законы, регу-

(1) Ср. историческія указанія у Вальберга въ Handbuch d. Gefängnisskunde, I, стр. 83.

лирующіе тюремное устройство въ интересахъ подсудимыхъ. Императоръ Гонорій въ концѣ IV столѣтія сдѣлалъ обязательнымъ для судей посѣщеніе тюремъ по воскресеньямъ; они приказывали выводить къ себѣ всѣхъ заключенныхъ, допрашивали ихъ и доставляли все для нихъ необходимое. Епископамъ и прочему духовенству поручалось еженедѣльно по средамъ и по пятницамъ бывать въ тюрьмахъ, распрашивать о причинахъ заключенія арестантовъ и подавать помощь и утѣшеніе.

Въ концѣ XVI и особенно въ XVII столѣтіи въ Германіи, Голландіи, Фландріи, возникаютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такъ называемые Spinnhäuser, въ которыхъ могли находить пристанище и пріютъ люди безработные, пропойцы, нищіе. Въ извѣстномъ французскомъ ордонансѣ 1670 г. есть цѣлый титулъ (XIII, 39 статей), посвященный регламентаціи тюремнаго устройства, въ которомъ являются уже заботы о гигіеническомъ устройствѣ тюремъ и возлагается обязанность на прокуроровъ королевскихъ и феодальныхъ еженедѣльно посѣщать тюрьмы. Въ Римѣ, по иниціативѣ папы Климента XI открылась въ 1735 г. тюрьма св. Михаила, надпись надъ которой гласила: «безплодно укрощать падшихъ наказаніемъ, если не исправить ихъ строгимъ порядкомъ», свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о стремленіи ввести въ тюремное дѣло новые принципы. Говардъ въ своемъ мрачномъ описаніи положенія тюремъ указываетъ также на отдѣльныя тюрьмы въ Голландіи (I, стр. 86 и сл.), Германіи и даже въ Англіи, въ которыхъ помѣщеніе было чисто и свѣтло, а заключенные занимались работами, доставлявшими имъ, хотя и небольшой, заработокъ. Но особый интересъ представляла въ его время тюрьма въ Гентѣ, въ Австрійской Фландріи, открытая въ 1773 г. (1). Въ 1778 г. Говардъ (I, стр. 332 и сл.) нашелъ въ ней не только сравнительную чистоту и порядокъ, но и правильно организованную работу, устроенную на 280 мущинъ и 170 женщинъ. Правда, такой порядокъ продолжался недолго,—уже въ 1773 г., какъ свидѣтельствуетъ

---

(1) Подробное описаніе основаній устройства этого заведенія можно найти въ интересномъ мемуарѣ, представленномъ австрійскому правительству въ 1775 г. графомъ Vilain XIV подъ заглавіемъ: «Mémoire sur les moyens de corriger des malfaiteurs et les fainéans, a leur propre avantage, et de les rendre utiles à l'état».

самъ Говардъ (I, стр. 342), производство прекратилось, машины и инструменты были проданы и сидѣвшіе остались въ совершеннѣйшей праздности, но это произошло не вслѣдствіе естественнаго теченія вещей, а благодаря особому распоряженію Императора Іосифа II, уступившаго жалобамъ на вредную конкурренцію тюремной работы свободному труду. Во всякомъ случаѣ въ самомъ фактѣ подобнаго устройства тюрьмы проявлялись уже новыя вѣянія. Еще далѣе пошло филантропическое отношеніе къ тюрьмамъ въ концѣ XVIII вѣка, особенно въ Англіи, благодаря трудамъ и вліянію такихъ дѣятелей, какъ Howard (1726—1791) и Bentham (1745—1832). По настоянію Howard'а парламентъ издалъ статуты 1776 и 1794 г., положившіе основаніе современному пенитенціарному устройству англійскихъ тюремъ и даже открылъ въ 1790 г. пенитенціарій въ Глостерѣ, съ раздѣленіемъ арестантовъ днемъ и ночью, т. е. по началу, положенному позднѣе въ основу пенсильванской системы, но просуществовавшій недолго,—благодаря предпочтенію, оказанному правительствомъ системѣ транспортаціи и въ 1807 г. обращенный въ простую тюрьму (Bridewill). Бентамъ предлагалъ англійскому парламенту и позднѣе французскому учредительному собранію свой паноптиконъ, какъ такой типъ тюремнаго устройства, при которомъ можно бы было содержать арестантовъ съ наибольшею экономіею и безопасностью, и въ то же время достигать ихъ исправленія. Паноптиконъ долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ флигелей, расположенныхъ въ видѣ вѣера, и сходящихся въ общемъ центрѣ, изъ котораго можно бы было обозрѣвать все происходящее въ отдѣленіяхъ.

834. Но главный толчекъ тюремному вопросу дала Сѣверная Америка, считающаяся какъ бы родиною тюремной пенитенціарной системы (1).

---

(1) F. Behrend, Geschichte der Gefängnissreform, 1859 г.; А. Палюмбецкій, о происхожденіи и распространеніи пенитенціарной системы, 1854 г.; Д. Тальбергъ, историческій очеркъ тюремной реформы 1875 г.; подробный очеркъ состоянія тюремъ и пенитенціарной реформы можно найти также у Füsslin, Einzelhaft, 1855 г., стр. 1—44.

Тюремное движеніе въ Америкѣ началось въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху войны за освобожденіе. Въ 1774 г. собрался первый конгрессъ въ Филадельфіи для обсужденія тюремной реформы, а въ 1776 г. было тамъ образовано первое тюремное общество, которое, благодаря стараніямъ Франклина (1706—1790) и квакеровъ, открыло въ 1786 г. первую пенитенціарную тюрьму въ Walnut-street, одной изъ улицъ Филадельфіи, гдѣ было устроено 30 келей для безусловно одиночнаго заключенія безъ работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ были устроены и общія мастерскія и спальныя, такъ что тюрьма имѣла смѣшанный характеръ. Примѣру Пенсильваніи послѣдовали другіе штаты, въ особенности Нью-Іоркскій, и съ начала нынѣшняго столѣтія въ Америкѣ появляются тюрьмы, преслѣдующія совершенно новыя задачи. На тюрьмы не смотрятъ уже только какъ на мѣсто содержанія лицъ, удаленныхъ навсегда или на время изъ общества, а въ заключеніи думаютъ найти средство борьбы съ вреднымъ и опаснымъ для государства населеніемъ. Заботы о тюремныхъ арестантахъ не ограничиваются только улучшеніемъ тюремной гигіены, пищи и т. п. Надежды идутъ гораздо далѣе: появляется стремленіе придать тюрьмѣ такое устройство, при которомъ она могла бы вліять на умственную и нравственную природу заключеннаго.

Конечно, первоначальныя попытки ввести пенитенціарный режимъ въ тюрьмахъ, какъ свидѣтельствуетъ намъ исторія, встрѣчались и ранѣе, даже въ XVII вѣкѣ, въ Европѣ, но Америка придала этимъ зачаткамъ бо̀льшую законченность, сдѣлала изъ нихъ дѣйствительные типы, послужившіе образцомъ для современныхъ тюремъ.

Попытка реформы американскихъ тюремъ обратила на себя особенное вниманіе во Франціи. Другъ Benjamin Franklin'a—la Rochefoucauld Liancourt, издалъ въ 1796 г. описаніе пенсильванскихъ тюремъ: «des prisons de Philadelphie par un Européen», выдержавшее затѣмъ нѣсколько изданій. Другое болѣе подробное описаніе ихъ было составлено квакеромъ Turnbull и переведено въ 1800 г. par Petit Rodel—подъ названіемъ Visite à la prison de Philadelphie. . . . Затѣмъ, посѣщеніе и описаніе американскихъ тюремъ входитъ въ такую моду во Франціи и Англіи, что, по замѣчанію Ortolan (№ 1500), литература тюремная въ одной

Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣлается почти необозримою (1).

Наравнѣ съ частными лицами на американскую систему обращаютъ вниманіе и правительства. Такъ, въ 1831 г. были посланы изъ Франціи для осмотра американскихъ тюремъ—G. de Beaumont и A. de Tocqeville; въ 1839 г.—Demetz и A. Blouet; изъ Англіи въ 1836 г.—Crawford и Roussel, и въ 1836 г. изъ Пруссіи—Iulius (2). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европѣ начинается постройка собственныхъ пенитенціаріевъ по американскимъ образцамъ: въ Англіи—Milbanck (1815—1822) и въ Швейцаріи пенитенціаріи—въ Женевѣ (1822—1825), Лозаннѣ, Бернѣ.

Стремленіе къ тюремной реформѣ, нѣсколько охладѣвшее было въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, снова возрастаетъ къ концу сороковыхъ годовъ, благодаря въ особенности уменьшенію района примѣненія смертной казни и въ частности отмѣнѣ въ Англіи ссылки. Внѣшнимъ выраженіемъ этого движенія были тюремные международные конгрессы и громадный ростъ тюремной литературы.

Еще въ 1845 г. между тюремными дѣятелями различныхъ странъ возникла мысль о пользѣ, которую могъ бы принести съѣздъ лицъ, посвятившихъ себя теоретически и практически

---

(1) Ср. у Ortolan, I, № 1501 и сл. подробно изложенную исторію возникновенія во Франціи вопроса о пенитенціарной системѣ.

(2) Изъ отчетовъ этихъ лицъ пользуются особенною извѣстностью въ тюремной литературѣ G. Beaumont et A. Tocqeville, Système pénitentiaire aux Etats-Unis et de son application en France 1833 г., 2 тома; это сочиненіе имѣло много изданій (2-е пополненное 1836 г.) и переведено на англійскій (Lieber, 1833 г.) и нѣмецкій (Iulius, 1833 г,) языки; Iulius, Vorlesungen über die Gefängnisskunde, oder über die Verbesserung der Gefängnisse und sittliche Besserung der Gefangenen, entlassenen Sträflinge et. c. 1827 г. Съ значительными измѣненіями и дополненіями то же сочиненіе было издано въ 3-хъ частяхъ въ 1828 г.; на французскій языкъ переведено въ 1831 г.—par Lagarmite и потомъ въ 1836 г. Подробно также описаны американскія тюрьмы и вообще первая эпоха тюремной реформы у Ch. Lucas, du système pénitentiaire en Europe et aux Etats-Unis 1828—1830 г., 2 тома; его же De la reforme des prisons ou de la théorie de l'emprisonnement 1836 г.; Marquet Vasselot, Examen historique et critique des diverses théories pénitentiaires. 3 vol. 1835 г.; E. Ducpetiaux, des progrés et de l'état actuel de la réforme pénitentiaire, 3 vol. 1837 г.; Beranger, de la répression pénale, de ses formes et de ses effets, 2 изд. 1855 г.

тюремному дѣлу. Взаимный обмѣнъ идей, сообщеніе фактовъ, касающихся устройства и состоянія тюремъ различныхъ странъ, разсужденія объ условіяхъ и мѣрахъ содѣйствія тюремному прогрессу—было поставлено цѣлью такого съѣзда, дѣйствительно состоявшагося въ 1846 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Съѣздъ былъ не многочисленъ, но за то на немъ присутствовали чуть ли не всѣ корифеи тюремной науки (1).

Затѣмъ послѣдовалъ съѣздъ въ Брюсселѣ въ 1847 г., на которомъ уже участвовало до 200 человѣкъ. Съѣзды предполагалось повторять или ежегодно, или чрезъ возможно короткіе промежутки. Но политическія событія 1848 г. вызвали долгій перерывъ, такъ что третій съѣздъ состоялся только въ 1857 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ. Этотъ конгрессъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду вообще государственную и общественную благотворительность, такъ что вмѣстѣ съ тюремнымъ дѣломъ на немъ обсуждались и мѣры борьбы съ нищенствомъ, надзоръ за проституціею и т. д.

Всѣ эти три съѣзда имѣли частный характеръ: починъ исходилъ отъ частныхъ лицъ, посвятившихъ себя тюремнымъ интересамъ; отдѣльныя государства не имѣли на съѣздахъ оффиціальныхъ представителей; его резолюціи представляли скорѣе пожеланія, нежели рѣшенія, могущія получить осуществленіе. Съ инымъ характеромъ состоялся четвертый съѣздъ въ Лондонѣ въ 1872 г. (2)

---

(1) Такъ въ немъ участвовали: Aubanel, Crawford, David, Diez, Ducpetiaux, Jebb, Iulius, Mittermaier, Moreau-Christophe, Nöllner, Picot, Russel, Suringar, Varrentrapp, Welcker. Всѣхъ участниковъ съѣзда было 75. Нѣкоторыя подробности о первыхъ съѣздахъ можно найти у Mittermaier, die Gefängnissverbesserung, 1858 г. Резолюціи этихъ первыхъ конгрессовъ приведены у Ortolan, I, № 1515. Положенія эти представляются, впрочемъ, или общими мѣстами, или повтореніемъ ходячихъ истинъ, мало пригодныхъ для практики: тюрьма должна быть выстроена на сухомъ мѣстѣ, снабжена хорошею водою, на сколько можно должна быть отдѣлена отъ другихъ построекъ; кельи должны быть достаточно велики и свѣтлы, хорошо отопляемы и вентилируемы и т. д.

(2) О Лондонскомъ конгрессѣ болѣе подробныя указанія у Robin, la question pénitentiaire, 1874 г. стр. 183 и сл.; Internationaler Gefängnisskongress, Blätter für Gefängnisskunde 1872 г., № 4 и 5; Анненковъ, лондонскій тюремный конгрессъ; Вѣстникъ Европы 1872 г. Ortolan I, № 1515, замѣчаетъ, что отчасти благодаря употребленію на конгрессѣ англійскаго языка, мало знакомаго представителямъ другихъ государствъ, а главное благодаря отсутствію подготовительныхъ работъ—резолюціи конгресса не отличались особенною опредѣленно-

Предложеніе о съѣздѣ было сдѣлано отъ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и его представитель, одинъ изъ маститыхъ, но неутомимыхъ дѣятелей тюрьмовѣдѣнія,—д-ръ Wines, лично объѣздилъ въ 1871 г. большинство Европейскихъ государствъ и заручился согласіемъ ихъ правительствъ о принятіи участія въ занятіяхъ конгресса. Дѣйствительно на съѣздѣ 1872 г. было около 100 оффиціальныхъ представителей 22-хъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились отчасти и занятія конгресса: вопросы чисто теоретическіе были исключены изъ программы; на первый планъ поставлено собираніе свѣдѣній о состояніи тюремнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ въ отдѣльныхъ государствахъ и обсужденіе мѣръ реформы, имѣющихъ практическій характеръ.

Еще большее развитіе получила эта оффиціальная сторона на Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 г. (1), такъ какъ и самая подготовка къ нему велась при помощи оффиціальныхъ представителей отдѣльныхъ державъ, а затѣмъ, на немъ была организована постоянная международная коммисія, которая должна дѣйствовать въ промежуткахъ между конгрессами и по возможности содѣйствовать осуществленію принятыхъ имъ резолюцій (2). Въ конгрессѣ принимали участіе представители значительнаго большинства европейскихъ государствъ. За нимъ послѣдовалъ римскій конгрессъ 1885 г. и С.-Петербургскій 1890 г. Ближайшій конгрессъ 1895 г. предположенъ въ Парижѣ (3).

стью и окончательное résumé трудовъ конгресса выразилось въ слѣдующей банальной фразѣ: работа, воспитаніе, религія—вотъ три главныя силы, на которыя должна разсчитывать тюремная администрація.

(1) Comptes rendus des séances de congrés, publiés par Guillaume, 2 т. 1879 г.; во второмъ томѣ находится обзоръ современнаго положенія тюремнаго дѣла въ Европѣ, Америкѣ и даже въ Австраліи. См. мою статью: Стокгольмскій тюремный конгрессъ въ журн. гражд. и угол. права за 1880 г. Весьма подробный и систематичный обзоръ трудовъ Стокгольмскаго конгресса находится въ работѣ Desportes et Lefebure—La science pénitentiaire au congrés de Stockholm 1880 г.

(2) Органомъ этой коммисіи являются печатающіяся съ 1887 г. по 4 выпуска въ годъ, Bulletins de la comission pénitentiaire internationale.

(3) О Римскомъ конгрессѣ П. Фойницкій, Вѣст. Европы, 1886 г. № 4. Труды конгресса напечатаны въ 3-хъ томахъ. О Петербургскомъ конгрессѣ—Kirchenheim въ Gerichtsaal за 1890 г. стр. 109—146; Graeber, der vierte internationale

Другимъ выраженіемъ развитія тюремнаго вопроса является литература, получившая въ нынѣшнемъ столѣтіи, даже только въ Германіи, Франціи и Англіи, такое развитіе, что она по истинѣ можетъ быть названа необъятною. Не сотнями, а тысячами приходится считать оффиціальные и офиціозные отчеты и донесенія объ отдѣльныхъ тюрьмахъ, или о карательныхъ заведеніяхъ цѣлой страны за отдѣльные годы, журнальныя статьи, брошюры, описанія личныхъ наблюденій, воспоминанія, компиляціи разнаго рода и, наконецъ, болѣе солидныя монографіи. Но, не смотря на это богатство и обиліе этого матеріала, изслѣдователи по тюрьмовѣдѣнію не безъ основанія жалуются на недостаточность разработки тюремнаго вопроса. Съ одной стороны, громадная часть изслѣдованій, по самому описательному характеру своему является отрывочною и случайною, а съ другой,—самый сообщаемый матеріалъ весьма нерѣдко возбуждаетъ сомнѣніе въ своей достовѣрности. Тенденціозностью, пристрастною окраскою данныхъ, страдаютъ не одни брошюры частныхъ лицъ, фанатическихъ защитниковъ той или другой системы заключенія, но иногда даже въ еще большемъ размѣрѣ оффиціальныя свѣдѣнія. Какъ часто указанія на блистательное положеніе той или другой тюрьмы, на блестящіе результаты ея режима — оказывались простымъ миражемъ (1).

Изъ наиболѣе обширныхъ собраній фактическихъ данныхъ по

Gefängnisscongress in St.-Petersburg 1890 г. В. Случевскій, СПБ. международный тюремный конгрессъ, Юридическая Лѣтопись. На С.-Петербургскомъ конгрессѣ было 69 оффиціальныхъ уполномоченныхъ отъ 26 государствъ. Подготовительныя работы выразились въ отдѣльныхъ рефератахъ по предполагавшимся къ обсужденію вопросамъ, причемъ представленныхъ рефератовъ было около 140. Обзоръ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ на конгрессахъ, можно найти въ изданномъ С.-Петербургскимъ конгрессомъ, index des questions discutées et des résolutions prises par les congrés pénitentiaires 1890 г. Изданіе трудовъ конгресса предполагается въ шести томахъ. Кромѣ международныхъ съѣздовъ за послѣднее время весьма распространены мѣстные съѣзды тюремныхъ дѣятелей отдѣльныхъ государствъ, въ особенности въ Америкѣ, въ Англіи и въ Германіи. Изъ такихъ конгрессовъ особенную извѣстность получилъ Цинцинатскій 1871 г. Свѣдѣнія о немъ можно найдти у Филиппова, исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій за границею и въ Россіи, 1873 г.

(1) Подробно разобраны общіе недостатки тюремной литературы у Тальберга, тюремная литература, стр. 13 и сл.

тюремному дѣлу заслуживаютъ особаго вниманія опубликованные труды парламентскихъ коммисій англійскихъ и французскихъ, и оффиціальные отчеты, а также статистическіе матеріалы отдѣльныхъ государствъ, касающіеся тюремъ (1).

Кромѣ того, весьма важнымъ пособіемъ при изученіи тюрьмовѣдѣнія (2) являются спеціальные журналы, посвященные этому вопросу. Такъ, въ Германіи еще въ 1829 г. былъ основанъ Iulius'омъ—Iahrbücher der Straf und Besserungs—Anstalten, Erziehungshäuser und anderer Werke der christlichen Liebe, просуществовавшій до 1833 г. (всего вышло 10 томовъ); затѣмъ возобновленный въ 1842 г. подъ названіемъ «Iahrbücher für Gefängnisskunde und Besserungsanstalten» и окончательно прекращенный въ 1847 г. Позднѣе, въ 1864 г. были основаны обществомъ нѣмецкихъ тюремныхъ дѣятелей,—подъ редакціею Экерта, Blätter für Gefängnisskunde, продолжающіяся и до сихъ поръ; другимъ весьма распространеннымъ въ Германіи органомъ является Iahrbücher der Reinisch—Westphalishen Gefängniss Gesellschaft съ 1829 г. Во Франціи первый тюремный журналъ былъ основанъ въ 1843 г. Moreau—Christophe, съ опредѣленною программою защиты одиночнаго заключенія, но продолжался всего пять лѣтъ. Затѣмъ, основанное въ 1876 г. главное тюремное общество стало ежегодно издавать свои Bulletins, имѣющіе вполнѣ характеръ спеціальнаго журнала. Такое же значеніе имѣютъ ежегодныя изданія и публикаціи англійскаго «Howard-Association»; наконецъ, въ Ита-

---

(1) Къ числу такихъ матеріаловъ относится во Франціи—statistique des prisons et etablissements pénitentiaires, публикуемая съ 1852 г.; въ Пруссіи съ 1869 г.—Statistik der preussischen Straf und Gefängn. Anstalten и др. Ср. вообще свѣдѣнія о тюремно-статистическихъ изданіяхъ въ рефератѣ г. Фойницкаго, помѣщенномъ въ извѣстіяхъ русскаго географическаго общества, 1874 т. X стр. 119—151.

(2) Важное значеніе для развитія тюрьмовѣдѣнія имѣютъ также особые курсы по этому предмету, читаемые въ университетахъ. Такъ, въ 60-хъ годахъ такія чтенія были предпринимаемы въ Берлинѣ—Гольцендорфомъ и въ Гейдельбергѣ—Редеромъ; въ С.-Петербургскомъ университетѣ особый курсъ тюрьмовѣдѣнія читается съ 1873 г. проф. П. Фойницкимъ. Вопросъ о необходимости введенія въ университетское преподаваніе особыхъ курсовъ тюрьмовѣдѣнія разсматривался на Петербургскомъ тюремномъ конгрессѣ (доклады—Фойницкаго, Ломброзо, Ягеманна, Жоли), и конгрессъ призналъ даже необходимымъ учрежденіе для этого особой кафедры.

ліи спеціально тюремнымъ вопросамъ посвящены даже два журнала: «Cesare Beccaria», подъ редакціей Belazzi и крайне богатый по разнообразію содержанія—rivista di discipline carcerarii, основанный въ 1868 г. Beltrani-Scalia.

835. Изученіе тюремнаго вопроса шло паралельно съ тѣмъ значеніемъ, которое постепенно пріобрѣталъ этотъ видъ наказанія въ уголовныхъ кодексахъ. Ограниченіе примѣненія смертной казни уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, невольно заставили сосредоточить уголовную репрессію на лишеніи свободы съ его разнообразными видами и оттѣнками, и это преобладаніе представляется тѣмъ понятнѣе, что изъ всѣхъ орудій наказанія, которыми располагаетъ большинство государствъ, лишеніе свободы наиболѣе гарантируетъ общественную безопасность, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ карательнымъ средствомъ по отношенію къ преступнику.

Удаляя преступника изъ общества на извѣстный срокъ, тюрьма уже тѣмъ самымъ охраняетъ общество отъ этого лица; устранить же возможность побѣговъ, на которую нерѣдко указываютъ противники тюрьмы, не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Но, оставляя преступника болѣе или менѣе продолжительное время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ правительственныхъ органовъ, тюремное заключеніе даетъ возможность ожидать отъ него болѣе серьезныхъ гарантій безопасности. Въ этомъ отношеніи въ правильно устроенной современной тюрьмѣ можно предъявлять требованія не только отрицательнаго свойства—чтобы она не была школою порока и преступленій, чтобы она не выпускала преступника хуже и испорченнѣе, чѣмъ онъ былъ при поступленіи, но и требованія положительныя,—хорошаго воздѣйствія на заключеннаго.

Конечно, было бы иллюзіею ждать отъ тюремъ нравственнаго перерожденія арестанта, для этого и самъ арестантъ представляется матеріаломъ не пригоднымъ и орудія—органы управленія, за рѣдкими развѣ изъятіями, не достаточно подготовленными, но тюрьма можетъ содѣйствовать, такъ сказать, гражданскому перерожденію заключеннаго.

Тюрьма можетъ пріучить арестанта къ порядку, къ надлежащему распредѣленію своего времени, къ физической и нравственной

чистоплотности. Тюрьма можетъ научить и пріучить человѣка къ труду и слѣдовательно не только дать ему по выходѣ изъ тюрьмы возможность добывать работою средства существованія, но, что еще важнѣе, пробудить въ немъ охоту къ обезпеченію себя этимъ путемъ; тюрьма, наконецъ, можетъ пріучить арестанта владѣть собою, обуздывать порывы страстей, дисциплинировать его; можетъ расширить его умственный и нравственный кругозоръ путемъ наставленія, школы, разумно подобраннаго чтенія.

Конечно, какъ говорятъ противники тюрьмы, ея режимъ, по необходимости, обезличиваетъ преступника, стираетъ его индивидуальность, дѣлаетъ его пассивнымъ исполнителемъ чужой воли, тюремной регламентаціи, въ силу чего вліяніе тюрьмы и является не прочнымъ, скоропроходящимъ, но это возраженіе не имѣетъ принципіальнаго характера: оно можетъ быть, если не устранено, то ослаблено, введеніемъ переходныхъ тюремъ, патронатства, досрочнаго освобожденія.

Въ всякомъ случаѣ не надо забывать, что тюремное заключеніе обладаетъ однимъ изъ наиболѣе существенныхъ качествъ наказанія—приспособляемостью къ особенному характеру наказываемыхъ; оно даетъ возможность назначенія наказанія сообразно съ индивидуальными свойствами преступника, съ его характеромъ, наклонностями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ лишеніе свободы можетъ и должно сохранять свое репресивное значеніе, составляя для наказываемаго дѣйствительно тяжкое взысканіе. Эта тяжесть заключается не только въ самомъ фактѣ лишенія свободы, но и въ условіяхъ содержанія: тюрьма, конечно, не должна быть желательнымъ мѣстомъ отдыхновенія, содержанія на казенный счетъ и т. д. Какъ справедливо замѣчаетъ пр. Фойницкій (стр. 322), «тюрьма должна быть репрессивна и весьма важно избѣгать той ложной филантропіи, которая желала во чтобы то ни стало улучшить участь узниковъ, забывая, что при этомъ тюрьма могла бы стать наградою вмѣсто кары. Тюрьма не должна превращаться ни въ общественную школу, гдѣ ученикъ остается до выдержанія экзамена, ни въ общественную больницу, гдѣ больной остается до выздоровленія».

Поэтому нападки, встрѣчавшіяся за послѣднее время, на

тюрьму, какъ карательную мѣру (1), представляются преимущественно нападками на извѣстныя тюремныя системы, на краткосрочное лишеніе свободы и т. д., но онѣ не колеблютъ значенія этого наказанія по существу. Равнымъ образомъ, не имѣютъ принципіальнаго значенія указанія на то, что современная тюрьма потеряла характеръ наказанія, а является привлекательнымъ убѣжищемъ для всѣхъ безпріютныхъ. Не говоря уже о томъ, что сторонники этого взгляда чрезмѣрно обобщаютъ единичные случаи, роскошь въ устройствѣ тюрьмы есть недостатокъ, который легко устраняется, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы чрезъ это не нарушались интересы физическаго и умственнаго оздоровленія арестантовъ, такъ какъ иначе меньшее зло замѣнялась бы большимъ, и тюрьма утрачивала бы свое практическое значеніе.

Возлагая на тюрьму задачу не только общественной охраны путемъ удаленія и заточенія преступника, а болѣе или менѣе исправительнаго воздѣйствія на него, благодаря самой продолжительности наказанія, мы естественно предполагаемъ извѣстный типъ тюремнаго устройства, предполагаемъ рядъ условій содержанія арестантовъ, то, что называется пенитенціарною системою.

Но долженъ ли самый порядокъ отбытія наказанія лишеніемъ свободы быть регулированъ закономъ, или же его слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію тюремной администраціи? Вопросъ этотъ многократно поднимался въ законодательной практикѣ западныхъ

---

(1) Desprez, de l'abolition de l'emprisonnement, 1868 г., а въ особенности Mittelstädt, gegen die Freiheitsstrafe, 1879 г.; ср. также Н. Сергѣевскій, пособія, стр. 162 и сл. Онъ находитъ, что въ силу своей продолжительности наказаніе лишеніемъ свободы утрачиваетъ непосредственную связь съ преступленіемъ, что оно неравномѣрно для лицъ различныхъ профессій (фабричнаго и земледѣльца), разнаго образа жизни (горожанина и сельскаго жителя, горца), что оно не индивидуально,—падая и на семьи, что оно дорого для государства, заставляя облагать честныхъ тружениковъ податями для устройства богадѣленъ для вредныхъ членовъ общества, что оно ставитъ неразрѣшимый вопросъ: почему общественныя средства должны тратиться на преступниковъ, а не отдаваться нуждающимся полезнымъ людямъ. Но тѣмъ не менѣе и г. Сергѣевскій приходитъ въ концѣ концовъ къ тому, «что наиболѣе соотвѣтствующимъ для нашего времени изъ всѣхъ возможныхъ карательныхъ мѣръ должно быть признано тюремное заключеніе».

государствъ и былъ, между прочимъ, предметомъ особаго доклада на Стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ (1).

Неопредѣленность тюремнаго закона, говорятъ сторонники одного взгляда, одна только можетъ дать возможность осуществить великую задачу пенитенціарной системы—индивидуализацію наказанія, приведеніе его въ соотвѣтственность съ характеромъ и особенностями личности преступника. Всякій законъ сожметъ живое дѣло исправленія въ мертвыя формулы; такая заранѣе установленная регламентація, направленная къ однообразному содержанію всѣхъ заключенныхъ, была бы равносильно признанію возможнымъ одинаковаго леченія больныхъ. Если хотятъ путемъ раціональнаго устройства тюремъ создать истинную гарантію для общества, то надо оставить самый широкій просторъ тюремной администраціи, гарантія успѣха не въ законахъ и регламентаціи, а въ хорошемъ выборѣ персонала. «Дайте, говорилъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ представитель Италіи Canonico, превосходный уставъ дурному директору и вы не достигнете никакихъ хорошихъ результатовъ, напротивъ при хорошемъ директорѣ съ посредственнымъ уставомъ можно ручаться, что все пойдетъ хорошо».

Но, отдавая справедливость вѣрности этого мнѣнія съ точки зрѣнія успѣха пенитенціарной системы, нельзя не признать его одностороннимъ. Оно игнорируетъ другія не менѣе важныя стороны тюремнаго наказанія, имѣющія одинаковое значеніе и для общества и для преступника.

Съ одной стороны, законодатель стремится установить извѣстное соотношеніе наказанія съ степенью общественнаго вреда, причиняемаго преступленіемъ, опасностью преступника и т. д., а такое соотношеніе возможно только въ томъ случаѣ, если въ самомъ законѣ уголовномъ будутъ опредѣлены главныя условія каждаго наказанія. Иначе самая угроза закона потеряетъ всякое значеніе. Также плачевны будутъ послѣдствія произвола тюремнаго управленія для самого заключеннаго. Едва ли нужно доказы-

---

(1) См. вѣрныя замѣчанія по этому вопросу у Вальберга въ Holtzendorf Handbuch, I, § 16.

вать, какая разница, напр., просидѣть пять лѣтъ въ общемъ заключеніи съ работами, хотя и тяжкими, принудительными, но дающими возможность научиться чему нибудь, обезпечить себѣ средства заработка, или же быть помѣщеннымъ въ одиночную келью, безъ всякихъ гигіеническихъ приспособленій, безъ работъ и занятій, подъ безконтрольною властью начальника, преслѣдующаго только одну цѣль—безпрекословное повиновеніе его волѣ. Хорошій директоръ тюрьмы поведетъ дѣло успѣшно и при дурномъ уставѣ и при отсутствіи таковаго, но каково будетъ при такихъ условіяхъ той тюрьмѣ, въ которой окажется посредственный или плохой директоръ?

По этимъ практическимъ соображеніямъ нельзя не согласиться съ выводомъ, сдѣланнымъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ практиковъ тюремнаго дѣла въ Германіи, директоромъ Брукзальской тюрьмы, бывшимъ докладчикомъ по этому вопросу на Стокгольмскомъ конгрессѣ—Экертомъ. Докладчикъ полагалъ необходимымъ не только регламентировать въ законѣ способъ размѣщенія арестантовъ и организацію тюремнаго управленія, но и установить въ немъ самыя начала тюремнаго режима: порядокъ работъ, размѣръ заработка и условія распоряженія имъ арестанта, пищу, право свиданій и переписки, дисциплинарные проступки и отвѣтственность за нихъ и т. д., признавая за арестантомъ право законнаго обжалованія распоряженій администраціи.

При этомъ казалось бы полезнымъ сдѣлать одно различіе. Тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ сила и тяжесть наказанія, въ которыхъ заключается, слѣдовательно, существо кары, должны быть опредѣляемы въ законѣ уголовномъ; такъ, сюда должны быть отнесены: способъ размѣщенія арестантовъ, срокъ содержанія и правила объ его уменьшеніи, обязательность работъ, размѣръ вознагражденія, идущаго въ пользу арестанта. Тѣ же условія, которыми опредѣляется порядокъ завѣдыванія и управленія тюрьмою, должны войти въ особый законъ о тюрьмахъ; таковы: организація управленія, мѣры поддержанія дисциплины въ тюрьмахъ, порядокъ устройства работъ, начала моральнаго и умственнаго воспитанія, практикуемаго въ тюрьмахъ, право свиданій и переписки, пища, одежда и т. п. Усмотрѣнію же тюремной администраціи останется широкая и не менѣе важная область

дѣйствительнаго осуществленія началъ, установленныхъ въ законѣ (1).

По тѣмъ же соображеніямъ обзоръ существенныхъ элементовъ тюремной системы, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, долженъ быть внесенъ и въ очеркъ наказанія лишеніемъ свободы.

836. *Способы размѣщенія арестантовъ* (2). Способы размѣщенія арестантовъ, какъ при настоящемъ состояніи тюремъ, такъ и въ исторіи, могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ типамъ: одиночнаго заключенія, общаго заключенія и смѣшаннаго,—допускающимъ, впрочемъ, по отдѣльнымъ тюрьмамъ разнообразные оттѣнки и даже отступленія отъ основнаго принципа устройства (3).

Система одиночнаго заключенія въ свою очередь распадается на два типа: систему уединенія и систему отдѣленія арестантовъ.

Принципъ уединенія или келейная система выходитъ изъ того начала, что обычная форма тюремнаго заключенія вредитъ не только тѣмъ, что сообщество съ другими преступниками крайне невыгодно отзывается на нравственности заключенныхъ, но и тѣмъ, что арестантъ никогда не остается наединѣ съ самимъ собою, а потому не можетъ уразумѣть своего преступленія, раска-

---

(1) Въ 1891 г. итальянское правительство издало въ высшей степени интересный сводъ постановленій и инструкцій тюремныхъ, заключающій въ себѣ 891 статью. Ср. выдержки изъ него у Kirchenheim, Gerichtsaal, 1892 г., Die Reform des Gefängnisswesens in Italien, стр. 71—95.

(2) Сравнительно подробное описаніе современнаго устройства тюремъ въ различныхъ государствахъ можно найти у Holtzendorf, I, стр. 142 и сл., а также у Крона и Лейтмайера; много интересныхъ новѣйшихъ сообщеній о состояніи тюремнаго дѣла въ отдѣльныхъ государствахъ помѣщено также въ бюллетеняхъ международной тюремной коммисіи. E. Tauffer, Beiträge zur neuesten Geschichte des Gefängnisswesens in den europäischen Staaten, 1885 г.

(3) Въ виду этого различія оттѣнковъ, самая классификація тюремъ представляется у различныхъ авторовъ крайне разнообразною. Такъ, Лейтмайеръ, § 15, различаетъ 6 системъ: 1) общаго или артельнаго заключенія; 2) уединенія, келейную или пенсильванскую; 3) оборнскую или молчанія; 4) классификаціонную и какъ лучшій ея видъ—женевскую; 5) марочную или Мэконоки, и 6) прогрессивную или ирландскую; но самъ же прибавляетъ, что послѣднія четыре системы представляютъ комбинаціи двухъ первыхъ. Фойницкій различаетъ системы: 1) классификаціи: а) по внутреннимъ признакамъ, б) по внѣшнимъ, 2) ночнаго разъединенія, 3) молчанія, 4) одиночная: а) келейная, б) филадельфійская; в) индивидуальнаго заключенія; 5) прогрессивности.

яться въ немъ и пріобрѣсти новые моральные принципы; поэтому тюрьма должна быть устроена такъ, чтобы арестанты были безусловно отдѣлены отъ остальнаго міра, и притомъ по возможности на все время ихъ содержанія.

Въ сущности этотъ типъ встрѣчался еще и въ тюрьмахъ XVII и XVIII вѣковъ, особенно для политическихъ преступниковъ, какъ «les oubliettes» во Франціи, какъ тюрьмы при многихъ католическихъ монастыряхъ, какъ «le cachot» и «la gêne» по предположеніямъ assemblée constituante и по кодексу французскому 1791 г., но тамъ такое уединеніе было только фактическою формою лишенія свободы, а не осуществленіемъ особаго принципа (1). Самостоятельный характеръ оно получило при переустройствѣ тюремъ пенсильванскимъ тюремнымъ обществомъ, благодаря совпаденію этой идеи съ религіознымъ міросозерцаніемъ квакеровъ—основателей этого общества: преступникъ—кающійся, а тюрьма—мѣсто покаянія (pénitentiairies), а средство пробужденія раскаянія—оставленіе арестанта наединѣ съ самимъ собою.

По этой системѣ было устроено сначала небольшое помѣщеніе на 30 человѣкъ въ старой Вальнутъ-Стритской тюрьмѣ, а затѣмъ, въ 1818 г., законодательное собраніе Пенсильваніи опредѣлило устроить тюрьму въ Pittsburg, на началахъ полнаго уединенія, и съ 1821 г. въ нее были помѣщены арестанты, каждый въ особую келью, безъ работъ. Но предположенія о полномъ разъединеніи

(1) Péine du cachot, по предложенію докладчика Lepelletier de Saint Fargeau, должна была замѣнить смертную казнь и, не будучи столь мучительною, должна быть не менѣе тягостна. Виновные должны были содержаться въ темныхъ карцерахъ, въ полнѣйшемъ одиночествѣ, въ оковахъ ручныхъ и ножныхъ, на соломѣ, питаясь хлѣбомъ и водою; срокъ наказанія отъ 12—24 лѣтъ. Это наказаніе не было принято собраніемъ и замѣнено par la péine de férs—каторжными работами. Péine de la gêne во многомъ напоминала предшествующую, но она отбывалась въ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ, допускались работы: 5 дней въ кельяхъ, а два—въ общихъ рабочихъ залахъ, гдѣ заключенные работали безъ оковъ; часть заработка поступала въ ихъ пользу. Разъ въ мѣсяцъ публика допускалась въ тюрьму, и во время такого осмотра каждый заключенный долженъ былъ находиться въ цѣпяхъ, въ своей кельѣ; на дверяхъ вѣшалась дощечка съ подробнымъ означеніемъ вины и условій судимости, такъ что каждый могъ бы видѣть тяжкія послѣдствія преступленій. Это наказаніе съ небольшими измѣненіями было принято въ кодексѣ 1791 года. Ср. статью въ Revue pénitentiaire за 1843 г., № 2: «Systeme pénitentiaire de l'assemblée constituante et de la convention». Ср. также Фойницкій, стр. 341.

*

скоро оказались неосуществимыми, такъ какъ устройство келей не препятствовало общенію арестантовъ между собою, а полная праздность при такихъ условіяхъ имѣла самые гибельные результаты, такъ что Питсбургскую тюрьму весьма скоро пришлось подвергнуть коренной передѣлкѣ. Въ 1829 г. была открыта также въ Филадельфіи, въ Cherry-Hill, тюрьма, которая и можетъ быть названа представителемъ этого типа, по крайней мѣрѣ въ первые годы ея существованія (solitary system) (1).

Тюрьма была окружена высокою стѣною въ 30 футовъ вышины; въ самой срединѣ пространства, отведеннаго подъ тюрьму, находилась восьмисторонняя центральная зала (observatory), отъ которой расходилось 7 флигелей. Каждый флигель сверху до низу былъ раздѣленъ ходомъ съ галереями предъ каждымъ этажемъ, на который выходили входныя двери келій. Такимъ образомъ, расположеніе келій позволяло разомъ видѣть всю тюрьму, со всѣми ея этажами и кельями, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый арестантъ изъ-за пріотворенныхъ дверей своей кельи могъ видѣть и слышать все, что дѣлалось въ центрѣ.

Всѣхъ келей было 582 (первоначально предполагалось 266), каждая въ 18 футъ длины, 7½ ширины и 16 футъ вышины; кельи освѣщались чрезъ окна, сдѣланныя въ потолкѣ, почему кельи нижняго этажа нѣсколько выступали изъ подъ втораго; въ каждой кельѣ было устроено отхожее мѣсто (2) и водопроводъ; въ келью вели двѣ двери—одна внутренняя, рѣшетчатая, желѣзная; другая наружная, деревянная; къ первой двери была придѣлана форточка для снабженія арестантовъ пищею и всѣмъ необходимымъ, а во второй устроено небольшое отверстіе для наблюденія.

---

(1) Ср. Эберти, тюремное заключеніе въ связи съ развитіемъ уголовной практики вообще, переводъ напечатанъ въ журналѣ Министерства Юстиціи, т. V, ч. II, стр. 177; подробныя описанія этихъ тюремъ съ планами находятся также въ указанныхъ выше сочиненіяхъ Larochefoucauld-Liancourt, des prisons de Philadelphie, 1794 г. Ducpetiaux, Tocqueville и др.; а также въ revue pénitentiaire I livr., стр. 40—50. Ср. также Wahlberg въ Holtzendorfs Handbuch, I, § 9 Krohne, § 9.

(2) Blouet въ описаніи Cherry Hill'я замѣчаетъ, что чрезъ эти клозеты арестанты разныхъ этажей переговаривались между собою. Обстоятельство довольно трудно устранимое, какъ это показалъ опытъ и позднѣйшихъ построекъ напр., нашего дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ.

Первоначально кельи были только въ нижнемъ этажѣ и изъ каждой былъ выходъ на маленькій огороженный дворикъ, также 18 футъ длины и 8 ширины, но когда возвели еще одинъ этажъ, то въ немъ, за недостаткомъ двориковъ, сдѣлали кельи болѣе широкими или давали арестанту по двѣ. Къ этому надо прибавить, что, благодаря высокимъ стѣнамъ, на дворики никогда не проникало солнце, а кельи нижняго этажа были сыры и холодны.

Каждый, арестантъ по прибытіи въ тюрьму, подвергался осмотру, бралъ ванну и переодѣвался въ арестантское платье; затѣмъ ему завязывали глаза и отводили въ центральную залу, гдѣ директоръ сообщалъ ему о правилахъ заведенія и дѣлалъ подходящее увѣщаніе и наставленіе. По приводѣ въ келью, изъ которой онъ не выходилъ до окончанія срока наказанія, ему развязывали глаза и онъ оставался тамъ безъ чтенія и занятій; работа давалась только по просьбѣ арестанта и весь заработокъ шелъ въ пользу тюрьмы. Богослуженіе совершалось въ центральной залѣ и арестанты слушали его, не выходя изъ келій; даже въ случаѣ болѣзни, въ лазаретѣ, они помѣщались въ отдѣльныхъ комнатахъ. Дисциплинарными мѣрами были: лишеніе работы и чтенія, темный карцеръ, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, смирительная куртка. Заключенные не имѣли права ни видѣться, ни переписываться съ ихъ родными,—ихъ могли посѣщать только члены тюремнаго управленія; въ тюрьмѣ они должны были соблюдать полное молчаніе, обращаясь къ надзирателямъ, арестантъ долженъ былъ говорить вполголоса; мало того, чтобы ничѣмъ не нарушалась эта тишина могилы,—колеса экипажей, въѣзжавшихъ на тюремный дворъ, были обтянуты кожею; чины администраціи носили мягкую обувь и въ тюрьмѣ разговаривали также вполголоса.

Примѣру Пенсильваніи послѣдовали было нѣкоторые другіе штаты, вводя келейное начало или какъ основную форму лишенія свободы, или какъ дополненіе къ системѣ общей; такъ, напр., Оборнская тюрьма, сдѣлавшаяся впослѣдствіи прототипомъ общаго заключенія, въ 1822 г. ввела систему уединенія для неисправимыхъ, которые должны были безвыходно оставаться въ кельяхъ, и при томъ безъ работъ.

Но, какъ можно видѣть изъ позднѣйшихъ описаній тюрьмы въ

Cherry-Hill, уже въ самомъ началѣ ея существованія (1), пришлось сдѣлать отступленія отъ строго келейнаго принципа, допущеніемъ посѣщенія арестантовъ членами тюремной администраціи и обществъ. Могильная тишина, полная праздность, отсутствіе движенія, дѣйствовали на этихъ за-живо-погребенныхъ столь же разрушительно, какъ и до-реформенныя тюрьмы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сроки заключенія были сколько нибудь продолжительны.

Еще болѣе значительнымъ измѣненіямъ подверглась эта форма лишенія свободы въ новѣйшее время, по переходѣ ея въ Европу, замѣнивъ самое основаніе системы—уединеніе, началомъ отдѣленія арестантовъ другъ отъ друга.

По системѣ келейнаго заключенія существеннымъ средствомъ исправленія являлось отдѣленіе арестанта отъ всего міра, поставленіе его въ такое положеніе, при которомъ онъ могъ бы, ничѣмъ не развлекаясь, оставаясь наединѣ съ самимъ собою, обдумывать свое прошлое и каяться; по системѣ отдѣленія арестантъ отдѣляется только отъ другихъ соарестантовъ, устраняется отъ ихъ вліянія; но затѣмъ, въ отведенномъ ему уголкѣ тюрьмы—онъ долженъ быть предметомъ заботъ тюремной администраціи: обученіе работамъ, умственное и религіозное воспитаніе, нравственное вліяніе персонала, должны быть средствами осуществленія тюремной задачи.

Такимъ образомъ, выходя изъ общаго начала одиночнаго содержанія арестантовъ, системы келейная и отдѣленія различаются не только въ подробностяхъ, но и въ основномъ взглядѣ на средства воздѣйствія тюрьмы на арестанта, хотя нельзя не прибавить, что въ дѣйствительности, даже и въ ближайшее къ намъ время, государства, принявшія въ своихъ тюрьмахъ начало одиночнаго заключенія, смѣшиваютъ болѣе или менѣе оба его оттѣнка.

Такъ, по системѣ отдѣленія устроены одиночныя тюрьмы въ Сѣверной Америкѣ, въ тѣхъ штатахъ, которые и нынѣ остались вѣрными пенсильванской системѣ.

---

(1) У Behrend, в. с., стр. 17 и сл. приведены интересныя данныя о первыхъ годахъ примѣненія этой системы. Онъ различаетъ въ пенсильванской системѣ три послѣдовательно измѣнявшихся типа: 1) безусловнаго уединенія, безъ работъ и посѣщеній; 2) отдѣленія безъ работъ, и 3) отдѣленія съ работами.

Изъ европейскихъ государствъ келейная система сохранилась теперь въ Англіи, въ особенности въ ея большихъ пенитенціаріяхъ, назначенныхъ для приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ; но такое содержаніе назначается тамъ только для первой стадіи наказанія на срокъ не болѣе 9 мѣсяцевъ.

Во Франціи предположенія о введеніи системы отдѣленія были въ особенности въ ходу въ эпоху между 1830 и 1848 годами. Проектъ закона о введеніи этой системы (1) былъ принятъ палатою депутатовъ въ 1844 г., затѣмъ разсматривался въ палатѣ перовъ въ 1846 г., но не былъ принятъ за наступленіемъ февральской революціи. Эпоха третьей имперіи была неблагопріятна для системы одиночной; но національное собраніе снова подняло тюремный вопросъ, образовавъ въ 1872 г. по иниціативѣ d'Haussonvill'я особую парламентскую коммисію, результатомъ которой былъ законъ 5 Іюня 1875 г., по которому одиночное заключеніе введено для всѣхъ подслѣдственныхъ арестантовъ, а равно для лицъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію на срокъ не свыше 1 года и 1 дня; приговоренные къ тюрьмѣ на высшіе сроки помѣщаются въ отдѣльныя кельи только по ихъ желанію, а самое наказаніе отбывается въ департаментскихъ тюрьмахъ; сроки заключенія сокращаются на $^1/_4$, если только заключеніе было продолжительнѣе 3-хъ мѣсяцевъ (2).

Новый германскій кодексъ по вопросу о порядкѣ отбытія наказанія лишеніемъ свободы содержитъ особое правило въ § 22. На основаніи этаго постановленія одиночное заключеніе допускается

---

(1) Докладчикомъ закона въ палатѣ депутатовъ былъ Tocqueville, а въ палатѣ перовъ—Bérenger; оба ревностные защитники одиночной системы. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ законѣ и о дебатахъ по поводу него находятся въ Revue pénitentiaire. Ср. также F. Hoorebecke, études sur le système pénitentiaire en France et en Belgique 1843 г.

(2) Подробное изложеніе этого закона можно найдти у Lainé, № 552 и сл. Предполагалось, что эти тюрьмы сдѣлаются государственными, а не департаментскими, но такъ какъ устройство ихъ требовало затраты въ 100 милліоновъ франковъ, то министерство финансовъ не нашло возможнымъ принять эти расходы на счетъ государства, а потому въ §§ 6, 7 и 8 закона 1875 г. указано только, что на будущее время всякія перестройки или постройки тюремъ будутъ дѣлаться согласно съ требованіями новаго закона и что казна будетъ давать при этомъ извѣстную субсидію. Ср. также J. Astor, essai sur l'emprisonemment cellulaire en France et a l'étranger 1887 г.

только при Zuchthaus и Gefängnisstrafe; оно не примѣнимо ни къ заключенію въ крѣпость, ни къ аресту (1). Но даже и при первыхъ наказаніяхъ законъ не дѣлаетъ примѣненіе его обязательнымъ, такъ что тюрьмы и этого разряда могутъ быть устроены по системѣ общаго заключенія. Порядокъ отбытія не указывается въ приговорѣ, такъ какъ одиночная форма не считается болѣе тяжкою и не вліяетъ на измѣненіе сроковъ. Тамъ, гдѣ введено одиночное заключеніе, оно состоитъ въ отдѣленіи арестантовъ другъ отъ друга и днемъ, и ночью, съ обязательными работами въ Zuchthaus'ѣ, а въ тюрьмѣ съ допущеніемъ таковыхъ по желанію арестантовъ. Одиночное заключеніе не можетъ продолжаться болѣе 3-хъ лѣтъ по одному и тому же приговору; приговоренные на большіе сроки переводятся въ общее заключеніе, если только сами прямо не пожелаютъ остаться въ кельѣ.

Въ дѣйствительности цухтгаусы и тюрьмы Германіи представляютъ самые разнообразные типы. Наиболѣе выдающимися представителями пенсильванской системы считаются Zuchthaus въ Берлинѣ—Moabit и Zuchthaus въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ—Bruchsall (2).

Моабитъ (3) построенъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, а открытъ въ 1844 г. по системѣ одиночнаго заключенія, затѣмъ съ 1849 по 1856 въ Моабитѣ арестантовъ стали занимать днемъ общими работами, но съ 1856 г. снова вернулись къ строгому одиночному заключенію. Моабитъ, какъ и Пентонвилль въ Лондонѣ, построенъ по системѣ вѣерной; онъ состоитъ изъ четырехъ флигелей, сходящихся въ общемъ центрѣ, гдѣ находится наблюдательный постъ.

---

(1) Ср. Oppenhof, § 22, пр. 7; Rubo, § 22, пр. 1; напротивъ того Binding, Grundriss, § 76, полагаетъ одиночное заключеніе возможнымъ и при крѣпости и при арестѣ, но только по желанію подсудимаго.

(2) Изъ другихъ болѣе обширныхъ одиночныхъ пенитенціаріевъ можно указать въ Пруссіи: на тюрьму въ Плотцензее.—Ср. описаніе ее съ подробными планами и чертежами у Hermann, das neue Strafgefängniss am Plotzensee, Berlin, 1882 г.; въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ—въ Wolfenbüttel; въ Баваріи—въ Nürnberg. Ср. A. Streng, das Zellengefängniss Nürenberg 1879 г.

(3) Подробное описаніе Моабита и Брукзаля съ планами тюремъ можно найдти въ сочиненіи C. Schück, die Einzelhaft und ihre Vollstreckung in Bruchsal und Moabit 1862 г.; спеціально для Bruchsal—Füesslin, die Einzelhaft nach fremden und sechsjährigen eigenen Erfahrungen im neuen Männerzuchthause in Bruchsal 1855 г.; его же Die Grundbedingungen jeder Gefängnissreform, 1865 г.

Каждый флигель прорѣзанъ сверху до низу корридоромъ и состоитъ изъ 3-хъ этажей, въ которыхъ расположены кельи; около каждаго этажа идетъ чугунная галлерея, нижніе и верхніе этажи соединены посредствомъ лѣстницъ, а противоположныя стороны флигелей чугунными мостиками, перекинутыми въ разныхъ мѣстахъ. Всѣхъ келій въ Моабитѣ 520, изъ нихъ 508 для арестантовъ, каждая въ 12 фут. длины, 8 ширины и 11 вышины, такъ что вмѣщаетъ 1056 кубическихъ футъ. Освѣщаются кельи стѣнными окнами, въ двери каждой кельи форточка для передачи пищи и отверстіе для наблюденія. Въ кельѣ находится постель, которая на день убирается и прикрѣпляется къ стѣнѣ. Мебель состоитъ изъ переносныхъ (въ Брухзалѣ же прикрѣпленныхъ къ стѣнѣ) стола и скамьи этажерки съ необходимою посудою, книгами, принадлежностями для письма, инструментами и орудіями, смотря по роду занятій арестанта ([1]); арестантамъ дозволяется также въ видѣ награды имѣть въ кельяхъ цвѣты и клѣтки съ птицами.

Арестанты въ кельяхъ занимаются обязательно работами, выборъ коихъ весьма разнообразенъ, но арестанты, по возможности, размѣщаются такъ, чтобы занимающіеся однимъ родомъ работъ, находились на одной галлереѣ, чѣмъ облегчается ежедневный обходъ и обученіе ихъ мастерами. Арестанты посѣщаютъ школу и церковь, но и тамъ они помѣщаются отдѣльно другъ отъ друга, въ будкахъ (stalls), расположенныхъ въ нѣсколько этажей, амфитеатромъ (въ церкви 3 такихъ ящика, съ 233 будками, а въ школѣ одинъ на 39 человѣкъ), открытыхъ только въ сторону пастора или учителя. Для прогулокъ между флигелями отведены три двора; въ центрѣ каждаго изъ нихъ находится наблюдательный постъ, къ нему примыкая и отъ него расходясь радіусами, идутъ небольшіе дворики или, правильнѣе, клѣтки, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, въ которыхъ прогуливаются заключенные, также не видя другъ друга. Каждаго аре-

---

([1]) Ватерклозетовъ въ Моабитѣ нѣтъ, а устроены отхожія мѣста въ стѣнѣ, въ видѣ шкафиковъ съ выносною посудою, которая берется черезъ особую дверцу изъ корридора. Этимъ устраняется возможность переговоровъ черезъ ватерклозеты, но за то въ кельѣ остается запахъ.

станта ежедневно посѣщаютъ директоръ, смотрителя, мастера, духовныя лица, докторъ. Число такихъ посѣщеній въ Моабитѣ не опредѣлено, но всѣ они вносятся въ особую книгу, которую ведетъ дежурный смотритель. Когда заключенный выходитъ изъ кельи, чтобы идти на прогулку, въ церковь или въ школу, онъ обязанъ прикрѣпить на груди билетъ съ номеромъ и надѣть шапку съ длиннымъ козырькомъ или маскою, при этомъ смотрителя наблюдаютъ, чтобы арестанты шли другъ отъ друга въ извѣстномъ разстояніи, такъ какъ этими мѣрами думаютъ уничтожить всякое сообщество и знакомство между заключенными.

Впрочемъ, въ Моабитѣ рядомъ съ одиночными кельями существуютъ и общія отдѣленія. Во 1-хъ, подъ флигелями и центральною галлерею находится подвальный этажъ, въ которомъ помѣщается мукомольня, пекарня, кухня, прачешная, кузница, слесарня и т. д., здѣсь помѣщается отъ 60—80 арестантовъ, находящихся въ общемъ заключеніи; во 2-хъ, въ верстѣ отъ Моабита находится его дополнительное отдѣленіе (Filialanstalt), въ которое переводятся арестанты не способные переносить по своему организму одиночное заключеніе или которые отсидѣли предѣльный срокъ, для нихъ назначенный, а на остальное время наказанія пожелали перейти въ общее помѣщеніе. Они занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ и огородничествомъ, и такъ какъ это отдѣленіе является какъ бы послѣднею ступенью къ свободѣ, то и самое содержаніе находящихся въ немъ является весьма льготнымъ.

По тѣмъ же общимъ началамъ, но въ значительно смягченномъ видѣ, построена и тюрьма въ Bruchsall, открытая въ 1848 г. Ея флигели расположены не вѣеромъ, а крестообразно, камеры въ Bruchsall больше, свѣтлѣе, и лучше вентилируются (1). Предѣльный срокъ обязательнаго пребыванія въ кельяхъ въ Брукзалѣ былъ 6 лѣтъ, а теперь и тамъ дѣйствуетъ общій законъ, т. е. срокъ полагается 3-хъ-лѣтній.

---

(1) Въ Брухзалѣ — перегородки между кельями наполняются сухимъ пескомъ, чтобы устранить возможность переговоровъ постукиваньемъ.

Но всего полнѣе привилась одиночная система въ Бельгіи и Голландіи.

Бельгійскій кодексъ, хотя и говоритъ о различныхъ видахъ наказанія, какъ напр. travaux forcés, réclusion, forteresse, но при этомъ кодексъ указываетъ, что по возможности всѣ эти наказанія должны быть отбываемы въ одиночномъ заключеніи. Но такъ какъ одиночное заключеніе считалось всегда болѣе тяжкою формою лишенія свободы, то закономъ 4 Сентября 1870 г. указанъ порядокъ уменьшенія сроковъ, причемъ принята система прогрессивнаго смягченія, такъ что первый годъ общаго заключенія приравнивается девяти мѣсяцамъ одиночнаго, а двадцатый, напр., тремъ. Въ силу этого высшій предѣлъ одиночнаго заключенія при замѣнѣ 20-ти-лѣтнихъ наказаній—будетъ 9 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, а приговоренные къ безсрочнымъ наказаніямъ остаются въ одиночномъ заключеніи первые 10 лѣтъ (1). По заявленію инспектора бельгійскихъ тюремъ Stevens'a, въ 1879 году осталось перестроить по одиночной системѣ только три maison d'arrêt и тогда всѣ тюрьмы будутъ устроены по одиночной системѣ, при чемъ вся перестройка произведена въ 40 лѣтъ съ стоимостью въ 20 милліоновъ франковъ. Главнѣйшими пенитенціаріями въ Бельгіи считаются тюрьмы въ Louvain и въ Gand (2).

Въ Голландіи, по кодексу 3 Марта 1881 года (ст. 11), приговоренные къ тюремному заключенію до 5 лѣтъ отбываютъ его въ одиночныхъ помѣщеніяхъ, а осужденные на высшіе сроки остаются тамъ обязательно только первые пять лѣтъ, на болѣе же долгіе сроки они могутъ быть оставлены только по ихъ желанію и

---

(1) Ср. Haus, № 696. Первый пунктъ этого закона постановляетъ, что продолжительность наказанія сокращается: для 1-го года на $^3/_{12}$, для 2-го, 3-го, 4-го и 5-го на $^4/_{12}$; для 6-го, 7-го, 8-го и 9-го на $^5/_{12}$; для 10-го, 11-го и 12-го на $^6/_{12}$; для 13-го и 14-го на $^7/_{12}$; для 15-го и 16-го на $^8/_{12}$ и для 17-го, 18-го, 19-го и 20-го на $^9/_{12}$.

(2) Подробныя свѣдѣнія о бельгійской тюремной системѣ можно найти въ трудахъ Stevens'a: De la construction des prisons cellulaires au Belgique, 1874; Régime des établissements pénitentiaires, 1875; les prisons cellulaires en Belgique, 1878; а также у W Starke, das belgische Gefängnisswesen, 1879;—Beltrany-Scalia. Die belgische Zellenhaft und deren Erfolge (Нѣмец. перев. 1880 г.); у него сдѣланъ прекрасный разборъ сочиненія Штарке.

съ разрѣшенія министра юстиціи. При арестѣ (ст. 19) одиночное заключеніе назначается только по желанію заключеннаго. Во всякомъ случаѣ не подлежатъ одиночному заключенію осужденные моложе 14 и старѣе 60 лѣтъ (послѣдніе могутъ быть помѣщаемы въ кельи по ихъ желанію), а равно и признанные врачами неспособными для такого заключенія.

837. Другимъ типомъ современной пенитенціарной тюрьмы является общее заключеніе, называемое также оборнскою системою, или системою молчанія. По основаніямъ своимъ оно еще ближе стоитъ къ старой тюрьмѣ, чѣмъ система отдѣленія. Уже въ XVIII вѣкѣ въ голландскихъ и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ тюрьмахъ появляется организація работъ; въ Гентской тюрьмѣ, какъ мы видѣли, встрѣчалось уже и отдѣленіе на ночь; комиссія французскаго учредительнаго собранія въ 1790 г. предположила ввести, какъ особый видъ наказанія, тюрьму съ общими работами, съ отдѣленіемъ на ночь; требованіе молчанія и тишины также не разъ было вносимо въ тюремныя правила и слово «silentium» было написано на дверяхъ тюрьмы св. Михаила въ Римѣ. Но соединеніе всѣхъ этихъ разрозненныхъ чертъ въ одно цѣлое, созданіе особой тюремной системы этого рода принадлежитъ Америкѣ. Сама система получила названіе оборнской по имени первой тюрьмы, передѣланной по этой системѣ въ 1820 г. въ Auburn близь Нью-Іорка (1).

«По принципу этой тюрьмы (Спасовичъ, стр. 216) преступленія проистекаютъ отъ лѣности, непривычности къ труду, неспособности подчиняться извѣстному порядку въ жизни, склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ. Преступникъ долженъ быть исправленъ не посредствомъ заключенія его на единѣ безъ работы, но посредствомъ пріученія его къ труду, къ аккуратности, къ дисциплинѣ: тюрьма должна быть рабочимъ домомъ».

Тюрьмы системы оборнской даже по внѣшности рѣзко различаются отъ системы одиночной. Здѣсь нѣтъ флигелей, раскину-

---

(1) Первоначально, впрочемъ, тюрьма въ Auburn была устроена по системѣ, ближе подходящей къ старо-филадельфійской; по крайней мѣрѣ для тяжкихъ преступниковъ тамъ существовали кельи, въ коихъ содержались преступники безъ работъ, но по двое; изъ всѣхъ возможныхъ комбинацій, какъ замѣчаетъ Tocqueville, 2 изд. I, стр. 170—эта была самая неудачная.

тыхъ звѣздою или вѣеромъ; напротивъ, онѣ напоминаютъ обыкновенно типы госпиталей, казармъ (1). Въ американскихъ тюрьмахъ этого типа, какъ въ самомъ Auburn, такъ и въ открытой въ 1825 г., такъ же около Нью-Іорка, тюрьмѣ въ Sing-Sing, кромѣ общихъ дневныхъ помѣщеній, находятся ночныя кельи, въ Auburn каждая въ сажень длины и высоты и ½ сажени ширины, помѣщающіяся въ особыхъ флигеляхъ въ нѣсколько этажей. Порядокъ жизни въ Auburn былъ таковъ: кельи отворялись на разсвѣтѣ; заключенные немедленно выходили изъ келей и становились въ опредѣленномъ порядкѣ, у каждаго въ рукахъ суповая миска, кружка для воды и ночной горшокъ; всѣ эти вещи ставились въ опредѣленные мѣста, а арестанты, соблюдая строгое молчаніе и порядокъ шли въ мастерскія. Въ опредѣленный часъ они въ томъ же порядкѣ шли въ столовую для завтрака, обѣда, и немедленно возвращались къ работамъ. По окончаніи работъ они умывались, брали свой ужинъ и въ порядкѣ ихъ номеровъ, возвращались въ кельи, гдѣ ихъ и запирали. Послѣ ужина, не выходя изъ келей, они слушали вечернее богослуженіе. Работы были весьма разнообразны; дисциплина крайне суровая. Главныя требованія были—неуклонное прилежаніе и полное молчаніе. Какъ за завтракомъ или обѣдомъ, такъ и во время работъ, арестанты не имѣли права обмѣняться съ сосѣдомъ полусловомъ или жестомъ, они не смѣли даже поднять глазъ отъ работы. Всякій проступокъ наказывался тутъ же на мѣстѣ надзирателемъ; средство расправы было то же примитивное—кнутъ или плеть. Власть надзирателя была громадна и безконтрольна: онъ отмѣчалъ только въ книгѣ, кому и сколько было отпущено въ теченіи дня. Это варварское обращеніе, естественно вселявшее въ арестантахъ чувства ненависти и мести, эта покорность изъ-подъ палки, считавшаяся равносильною съ исправленіемъ, были несомнѣнно причиною того, что европейскіе делегаты, бывшіе въ Америкѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, единогласно отдали пред-

---

(1) Ср. планы и описанія тюремъ въ Auburn и въ Sing—Sing у Ducpetiaux, в. с.—Изъ другихъ большихъ тюремъ, приспособленныхъ къ системѣ оборнской, пользовалась еще извѣстностью тюрьма въ Чарльстоунѣ, закрытая въ 1878 г.

почтеніе пенсильванской системѣ передъ оборнскою (1). Но въ самой Америкѣ, наоборотъ, общественное мнѣніе большинства Штатовъ высказалось за систему общаго заключенія съ постоянными работами и молчаніемъ (2), и даже нѣкоторыя тюрьмы, построенныя по одиночной системѣ, были передѣланы въ общія, такъ что напр. къ 1847 г. въ Штатахъ было 13 большихъ тюремъ по оборнской системѣ и только 3 по пенсильванской, съ нѣкоторыми, впрочемъ, смягченіями относительно дисциплины, а въ матеріалахъ, представленныхъ на стокгольмскій конгрессъ (т. II, стр. 383) Санборномъ, сообщается, что изъ 44 государственныхъ тюремъ одиночная система сохранена только въ западномъ пенсильванскомъ пенитенціаріи, въ которомъ содержалось къ 1 Января 1878 г. 1,106 заключенныхъ; во всѣхъ же остальныхъ, а равно почти и во всѣхъ тюрьмахъ общинныхъ и въ арестныхъ домахъ господствовала система оборнская, хотя за отсутствіемъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ какого либо центральнаго управленія тюрьмами, правильнѣе было бы сказать, что въ каждой тюрьмѣ дѣйствуетъ своя система, но примѣненная къ принципу общаго содержанія арестантовъ.

Изъ европейскихъ государствъ всего ближе примкнула къ оборнской системѣ Франція (3). Мы видѣли уже, что высшее изъ

---

(1) Behrend, в. с., стр. 33, замѣчаетъ по этому поводу, что такой отзывъ отчасти объясняется и кратковременнымъ знакомствомъ делегатовъ съ тюрьмами одиночнаго типа, такъ какъ ихъ особенно поражала чистота, порядокъ и спокойствіе, царствовавшіе въ нихъ, а съ другой стороны и рѣзкая противоположность тюрьмамъ Европы. Напротивъ того, лица, долго изучавшіе эту систему, приходили уже и тогда къ выводамъ иного рода.

(2) Свѣдѣнія объ американскихъ тюрьмахъ до 40-хъ годовъ можно найдти у Ducpetiaux, в. с. т. I; Behrend, в. с., стр. 27 и сл., а о новѣйшемъ состояніи этихъ тюремъ Aschrott, aus dem Strafen und Gefängnisswesen Nordamarikas, 1889; Winter, die Neujorker staatliche Besserungsanstalt zu Elmira, 1890.

(3) Подробныя свѣдѣнія о состояніи французскихъ тюремъ можно найти въ обширномъ докладѣ, представленномъ отъ имени парламентской коммисіи въ 1875 г. виконтомъ M. d'Haussonville. Его трудъ вышелъ въ томъ же году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ· les établissements pénitentiaires en France et aux colonies. Ср. также подробное изложеніе у Lainé, № 500—574. Собраніе законовъ, декретовъ и циркуляровъ, регулировавшихъ тюремное дѣло во Франціи, находится въ оффиціальномъ изданіи, le code des prisons, начало коему положено Moreau Christophe.

наказаній лишеніемъ свободы—travaux forcés, является нынѣ въ видѣ публичныхъ тяжкихъ работъ, отбываемыхъ въ Каледоніи; затѣмъ, низшій видъ лишенія свободы—тюрьма до 1 года и 1 дня—отбывается по закону 1875 г. въ одиночномъ заключеніи, но затѣмъ всѣ остальныя мѣста лишенія свободы устроены по системѣ общаго содержанія. Таковы maisons centrales въ двухъ типахъ: maisons de force для лицъ обоего пола, приговоренныхъ къ réclusion, а равно и для женщинъ, отбывающихъ каторжныя работы, и maisons de correction для приговоренныхъ къ тюремному заключенію свыше одного года (1). Всѣ эти заведенія устроены по системѣ полнаго общенія даже ночью, съ постоянными обязательными работами и съ соблюденіемъ молчанія (2). Но, какъ замѣчаетъ d'Haussonville, на практикѣ теперь это требованіе, столь противорѣчащее человѣческой природѣ, распространяется только на запрещеніе постоянныхъ разговоровъ, а наказываютъ развѣ за шумъ, хотя, несмотря на это, число нарушеній заповѣди молчанія каждый годъ громадно (3).

Другое дополненіе первоначальной оборнской системы, вытекающее изъ ея основнаго принципа, была классификація арестан-

---

(1) По даннымъ, приводимымъ Lainé, къ 31 Дек. 1876 г. во Франціи и Корсикѣ было 22 maisons centrales съ населеніемъ въ 19,450 человѣкъ, причемъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ число арестантовъ было весьма велико, напр. въ Clairvaux—2,141, въ Fontevrault—1,718. Такое скопленіе заключенныхъ при отсутствіи между ними всякой классификаціи, считается французскими писателями одною изъ главныхъ причинъ плачевнаго состоянія тюремъ. Нужно добавить, что и работа въ этихъ учрежденіяхъ далеко еще не вполнѣ организована, такъ какъ въ томъ же году не были заняты работами между мущинами 13% и между женщинами 8%. Но съ 1876 г. во многихъ maisons centrales стали вводить особыя отдѣленія для несовершеннолѣтнихъ отъ 16—21 года; затѣмъ отдѣленія для исправляющихся (quartiers de préservation et d'amendement), а въ нѣкоторыхъ одиночныя кельи для лицъ, пожелавшихъ сидѣть въ отдѣльномъ помѣщеніи и для лицъ, совершившихъ преступленія въ maisons centrales, ради перевода ихъ на каторгу. По указанію Лейтмайера (стр. 75) къ 1886 г. во Франціи было 19 центральныхъ тюремъ.

(2) Молчаніе было введено декретомъ 10 Мая 1839 г.; арестантамъ дозволяется говорить только съ надзирателями и то шепотомъ.

(3] Haus, № 703 замѣчаетъ, что требованіе молчанія всегда будетъ или призрачнымъ, или потребуетъ тѣхъ страшныхъ мѣръ дисциплины, какія практиковались въ Auburn'ѣ. Въ 1844 г. въ французской палатѣ депутатовъ одинъ изъ ораторовъ, Parès, остроумно сравнилъ это требованіе молчанія съ олицетвореніемъ греческаго мифа о Танталѣ.

товъ, распредѣленіе ихъ по категоріямъ и группамъ. Потребность классификаціи чувствовалась уже при самыхъ примитивныхъ попыткахъ тюремной реформы. Нельзя было говорить о какихъ нибудь заботахъ о нравственности арестантовъ, не устроивъ по крайней мѣрѣ раздѣльнаго содержанія мущинъ и женщинъ. Столь же естественна была и другая потребность отдѣлить главныя группы арестантовъ: отбывающихъ наказаніе, подслѣдственныхъ и сидѣвшихъ по взысканіямъ гражданскимъ, за долги. Затѣмъ, являлась необходимость отдѣлить приговоренныхъ къ различнымъ видамъ лишенія свободы или устраивая для нихъ различныя отдѣленія въ одномъ и томъ же зданіи, такъ сказать, различая ихъ не по условіямъ содержанія, а по названіямъ или ярлычкамъ камеръ, или же размѣщая ихъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, различая порядокъ содержанія по свойству работъ, режиму и т. д.

Но, собственно, всѣ эти виды отдѣленія арестантовъ не входятъ въ понятіе такъ называемой классификаціонной системы общаго заключенія. Подъ ней въ тюрьмовѣдѣніи понимаютъ порядокъ размѣщенія одного опредѣленнаго типа приговоренныхъ, содержащихся въ одномъ и томъ же тюремномъ зданіи. Эта классификаціонная система въ свою очередь распадается на два оттѣнка: простую, гдѣ арестантъ помѣщается въ выбранное для него разъ навсегда отдѣленіе и прогрессивную, когда допускается переходъ при извѣстныхъ условіяхъ изъ одного отдѣленія въ другое. При простой системѣ самое размѣщеніе по отдѣленіямъ или вполнѣ зависитъ отъ тюремной администраціи, или заранѣе опредѣляется судомъ въ приговорѣ, на основаніи мотивовъ дѣйствія, прежней судимости и т. д.

Необходимость раздѣленія арестантовъ на классы въ тюрьмахъ оборнскаго типа, даже съ постоянными работами и съ обязательнымъ молчаніемъ, вытекала изъ невозможности устранить вліяніе арестантовъ другъ на друга и изъ необходимости индивидуализировать средства исправленія въ особенности по отношенію къ тѣмъ изъ заключенныхъ, которые подаютъ надежды на лучшее будущее. Таковы напр., попытки классификаціи, дѣлаемыя, какъ я указывалъ выше, въ maisons centrales во Франціи. Но наиболѣе выдающимися представителями этой группы считались тюрьмы швейцарскія, въ Женевѣ, Лозаннѣ, Сенъ-Галленѣ, въ особенно-

сти же первая, устроенная д-ромъ Обанелемъ (1), которую одинъ изъ французскихъ тюрьмовѣдовъ—Grellet Wammy, назвалъ въ отличіе отъ тюремъ американскихъ—европейскою пенитенціарною системою. Женевская тюрьма, нынѣ подлежащая закрытію и полной передѣлкѣ, была открыта въ 1825 г. Она была построена по системѣ полупаноптикона съ двумя расходящимися флигелями, впрочемъ, въ весьма миніатюрныхъ размѣрахъ, такъ какъ первоначально была построена всего на 60 человѣкъ. Она устроена по системѣ отдѣленія на ночь, но съ общими работами и съ сохраненіемъ строгаго молчанія. Въ то же время всѣ арестанты раздѣлены по регламенту 1831 г. на четыре класса. Въ первое отдѣленіе помѣщались рецидивисты и осужденные за тяжкія преступленія, если притомъ администрація тюрьмы по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ совершеніе злодѣяній, считала ихъ особенно опасными; во второе отдѣленіе—осужденные за тяжкія преступленія, но безъ особенныхъ усиливающихъ обстоятельствъ, и осужденные за проступки, при условіяхъ, которыя дѣлали ихъ особенно опасными; въ третье—осужденные за обыкновенные проступки и наконецъ, въ четвертое—малолѣтные и исправляющіеся. Преступники размѣщались по этимъ отдѣленіямъ, по даннымъ, относящимся къ моменту ихъ поступленія; но въ то же время тюремной администраціи предоставлялось, по указанію наблюдательнаго комитета, переводить арестантовъ изъ одного разряда въ другой, смотря по ихъ поведенію, прилежанію и т. д., т. е. къ системѣ простой классификаціи присоединялось начало прогрессивности. Различіе отдѣленій заключалось въ большей льготности содержанія, лучшей пищѣ, въ размѣрѣ заработка, имъ удѣляемаго, въ большей строгости взысканій за дисциплинарныя нарушенія; кромѣ того, въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ вначалѣ допускалось полное уединеніе на разные сроки—для перворазрядныхъ, напр., отъ 1—3 мѣсяцевъ, и притомъ въ теченіе

(1) Ср. о швейцарскихъ тюрьмахъ у Ducpetiaux, II, стр. 1—82; Aubanell, mémoire sur le système pénitentiaire съ планами Vaucher-Crémieux, 1827 г. Обанель, очеркъ пенитенціарной системы въ Женевѣ, русск. перев. 1869 г.; новѣйшія свѣдѣнія довольно подробно были сообщены д-ромъ Guillaume стокгольмскому тюремному конгрессу, Congrès, II, стр. 630 и сл. C. Stoos, die Grunzüge des schweizerischen Strafrechts, 1892 г., стр. 303—345.

2-хъ недѣль безъ всякихъ работъ. Кромѣ того, одиночное заключеніе назначалось для нихъ въ видѣ дисциплинарнаго наказанія и притомъ или съ работами или безъ оныхъ, точно также и самое требованіе молчанія въ 3-мъ и 4-мъ отдѣленіяхъ примѣнялось съ значительнымъ смягченіемъ. Этимъ прогрессивнымъ перемѣщеніемъ значительно видоизмѣнились формальныя основанія первоначальнаго распредѣленія.

Въ Германіи изъ весьма значительнаго числа тюремъ, устроенныхъ по системѣ общаго заключенія, особенною извѣстностью пользуется тюрьма въ герцогствѣ Ольденбургскомъ въ Vechna и въ Мюнхенѣ; въ послѣдней тюрьмѣ по системѣ Obermaier'а введена своеобразная система классификаціи—по роду работъ (1), такъ что онѣ образуютъ какъ бы одну рабочую семью или артель.

Нѣсколько сходная система съ Обермайеровскою была проектирована у насъ коммисіею графа Соллогуба въ 1872 г. Увлекшись тою мыслью, что въ русской рабочей жизни всѣ предпріятія и дѣятельность являются въ видѣ артельной работы, что артельное начало проявляется, хотя и въ слабой формѣ, и нынѣ на каторгѣ, введенное тамъ не въ силу закона, а обычаемъ, коммисія предположила въ домахъ исправительныхъ и въ тюрьмахъ каторжныхъ принять въ законѣ дѣленіе арестантовъ по артельнымъ группамъ. Арестанты, по этому проекту, образуютъ производительно-потребительныя артели; каждая артель избираетъ изъ своей среды казначея и старосту, который участвуетъ вмѣстѣ съ администраціею въ наблюденіи за благочиніемъ во время артельныхъ работъ и отвѣчаетъ за порядокъ въ артели. Артель до извѣстной степени связана круговою порукою: она отвѣчаетъ своимъ заработкомъ за побѣгъ одного изъ своихъ членовъ мастеровъ, а на каторгѣ даже и вообще за безпорядокъ въ артеляхъ. Артель при хорошемъ поведеніи ея членовъ получаетъ общія артельныя награды, напр., право употреблять часть своего заработка на приварокъ или на чай. Коммисія видѣла въ этомъ началѣ проявленіе народнаго принципа, не обращая вниманія на тѣ условія, при

(1) Pfeiffer, das obermaierische Besserungssystem, 1847 г.

которыхъ создалась нынѣшняя тюремная артель и на ея характеръ, не обращая вниманія на ту власть, которую артель пріобрѣтаетъ надъ своими членами, и то полнѣйшее противодѣйствіе, которое скрѣпленный самимъ закономъ преступный кружокъ будетъ оказывать всякимъ пенитенціарнымъ попыткамъ ([1]). Какъ справедливо замѣчаетъ по поводу этого предположенія коммисіи графа Соллогуба проф. Фойницкій (стр. 332), «имѣя постоянную возможность негласно проводить тюремное начальство, члены артели будутъ подчиняться ему только внѣшнимъ образомъ, и мѣры тюремной дѣятельности осуждаются на полное безсиліе. При этомъ порядкѣ вещей, для арестанта существуютъ два начальства, съ разными запросами и различными задачами: начальство тюремное и начальство артельное—община. Подчиняясь первому наружнымъ образомъ, арестантъ долженъ всецѣло принадлежать второму, не противорѣчить его вкусамъ и желаніямъ, не выдавать его интересы и предположенія, нерѣдко направленныя на разгулъ и новыя преступленія по освобожденіи. Въ артели онъ запасется товарищами, испытанными въ тюрьмѣ, и съ помощью ихъ смѣлѣе можетъ броситься въ преступный образъ жизни, какъ только двери тюрьмы для него откроются.»

838. Третій типъ размѣщенія арестантовъ представляетъ система смѣшанная, т. е. соединяющая оба основные типа, но не въ видѣ заимствованія какихъ нибудь отдѣльныхъ частностей, въ родѣ раздѣленія на ночь, какъ при системѣ Оборнской, или общаго помѣщенія въ школѣ и въ церкви, допущеннаго въ нѣкоторыхъ одиночныхъ тюрьмахъ. Подъ системою смѣшанною пони-

---

([1]) Нельзя не напомнить отзыва о тюремной артели лица, близко ознакомившагося съ нашими сибирскими карательными учрежденіями—С. В. Максимова (несчастные, I, стр. 291): всѣмъ своимъ составомъ тюремный міръ противодѣйствуетъ всякому начинанію, направленному къ благой цѣли исправленія; въ немъ то главнымъ образомъ нужно видѣть неудачу всякихъ начинаній смотрителей или попечительныхъ комитетовъ. Поступающіе прежде всего теряютъ всякую волю и подчиняются порядку чужаго монастыря. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія обычаямъ и обрядамъ общины и серьезно преслѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе. Убиваніе воли ведется такъ искусно, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь бывымъ и бывалымъ.

*

маютъ ту форму, когда арестантъ подчиняется послѣдовательно тому и другому режиму, когда одиночное и общее заключеніе являются смѣняющими другъ друга стадіями. Такой принципъ, какъ мы видѣли, былъ отчасти усвоенъ въ Женевской тюрьмѣ; но всего полнѣе выразился онъ въ англо-ирландскихъ тюрьмахъ (1), почему и самая система называется англо-ирландскою или прогрессивною въ тѣсномъ смыслѣ (2).

Въ Англіи эта система была введена въ 1838 г. для тяжкихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ penal servitude, и притомъ въ видѣ пріуготовленія (probation-system) къ позднѣйшей ссылкѣ, а съ 1857 г., т. е. со времени прекращенія ссылки въ Австралію, эта система получила вполнѣ самостоятельный характеръ (3).

Все время тюремнаго пребыванія раздѣляется на три періода: 1) пробный; 2) исправительный и 3) досрочное освобожденіе.

---

(1) Эта система принята въ Англіи въ центральныхъ, такъ называемыхъ, каторжныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ заключенные содержатся не менѣе 5 лѣтъ; что касается до тюремъ графскихъ и городскихъ, то онѣ большею частью устроены по системѣ одиночнаго заключенія. По закону 1878 г. внесшему существенную реформу въ англійскую тюремную систему и эти тюрьмы сдѣлались государственными и подчиняются Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Этимъ новымъ закономъ и въ одиночныя тюрьмы введена система прогрессивности, въ 4 ступени, съ переводомъ по марочной системѣ, maximum въ день 8 марокъ и minimum для перевода въ слѣдующій классъ 224 марки; а въ послѣднемъ отдѣлѣ до окончанія срока. Разница между классами заключается въ тяжести работъ, на которыя они употребляются, особенно относительно работъ тяжкихъ и непроизводительныхъ, въ размѣрѣ вознагражденія, получаемаго лично арестантами, въ улучшеніи содержанія и т. д.

(2) Въ Ирландію эта система была перенесена въ 1854 г., бывшимъ инспекторомъ ирландскихъ тюремъ, лордомъ Крафтономъ и тамъ получила наибольшее развитіе. Ср. для исторіи и современнаго состоянія англійскихъ тюремъ: Behrend Geschichte, стр. 43—182; Ducpetiaux, II, стр. 82—206; Bérenger, de la répression, I, стр. 1—180; Van der Brugghen, études sur le système pénitentiaire irlandais, 1865 г. F. v. Holtzendorf, das irische Gefängnissystem, 1859г.; F V. Holtzendorf, Kritische Untersuchungen über die Grundsätze und Ergebnisse der irischen Strafvollzuges, 1865 г.; Aschrott, Strafensystem und Gefängnisswesen in England 1887 г.; здѣсь находятся новѣйшія данныя о состояніи тюремъ не только въ Англіи, но и въ ея колоніяхъ.

(3) Теперь въ Англіи существуютъ двѣ разныя системы лишенія свободы: одна для отбытія тюремнаго заключенія и другая для каторжныхъ работъ (penal servitude) Ср. Achrott, в. с., стр. 129.

Первый періодъ отбывается въ одиночномъ помѣщеніи въ большихъ пенитенціаріяхъ, каковы въ Англіи Millbank, открытый въ 1822 г. первоначально для общаго заключенія, а съ 1830 г. для одиночнаго на 1,200 (главнымъ образомъ для женщинъ); до 1885 г. знаменитая тюрьма въ Pentonville, вмѣщавшая съ 1856 г. болѣе 1,000 человѣкъ, а въ 1885 г. обращенная въ мѣстную тюрьму для отбытія тюремнаго заключенія; тюрьма въ Wormwood Scrub около Лондона, открытая въ 1874 г., а съ 1885 г. замѣнившая Pentonwille. Въ Шотландіи для одиночнаго заключенія главною является тюрьма Perth, а въ Ирландіи—Montjoy близъ Дублина. Тюрьма въ Пентонвиллѣ считалась образцовою и является прототипомъ нынѣшнихъ тюремъ этой группы. По своей организаціи она вполнѣ напоминала тюрьмы пенсильванскія: та же форма пятифлигельной звѣзды, съ прорѣзью по срединѣ каждаго флигеля и съ кельями въ стѣнахъ; въ кельяхъ арестанты работали, но только въ томъ случаѣ, если заслужили этого своимъ поведеніемъ, идя на прогулку, они надѣвали маски съ прорѣзами для глазъ; но тѣмъ не менѣе въ сущности это уединеніе было совершенно иное, чѣмъ въ Америкѣ. Въ пенсильванскихъ тюрьмахъ уединеніе составляло центръ всей карательной системы, оно должно было служить главнымъ средствомъ исправленія; здѣсь же оно имѣло только значеніе пробы. Одиночное заключеніе должно было содѣйствовать тюремной администраціи поближе ознакомиться съ арестантомъ, изучить его привычки, наклонности, а съ другой, въ особенности по Ирландской системѣ, оно должно было дать преступнику возможность почуствовать всю тяжесть наказанія, должно было быть острасткою на будущее время. На этомъ основаніи срокъ такого заключенія назначается сравнительно короткій—въ Англіи 9 мѣсяцевъ, и въ Ирландіи 9 мѣсяцевъ для мущинъ и 4 для женщинъ, и притомъ съ тѣмъ, что въ случаѣ замѣченнаго дурного вліянія одиночества на здоровье арестанта, онъ немедленно переводится изъ кельи. При этомъ, не смотря на одиночное заключеніе, въ Пентонвиллѣ была допущена и классификація арестантовъ, распредѣленіе ихъ по роду работъ, согласуя выборъ послѣднихъ какъ съ прежними занятіями заключенныхъ, такъ и съ ихъ характеромъ.

Второй періодъ составляли принудительныя работы при общемъ

заключенiи; такими тюрьмами въ Англiи являются Portsmouth, Dower (для осужденныхъ въ первый разъ и подающихъ надежду на исправленiе), Chatam и Portland (для тяжкихъ), и др. а въ Ирландiи тюрьма въ Коркѣ на островѣ Spike Jsland. Въ этихъ тюрьмахъ заключенные занимаются разработкою желѣзныхъ рудъ и каменноугольныхъ копей, работами въ гавани и даже земледѣлiемъ (Dartmoor). Во всѣхъ общихъ тюрьмахъ принята прогрессивно-классификацiонная система ([1]). Переходъ изъ класса въ классъ обусловливается полученiемъ извѣстнаго числа марокъ соотвѣтствующаго наименьшему сроку пребыванiя. Марки выдаются исключительно за прилежанiе и успѣшность въ работѣ, которая и является такимъ образомъ главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ судьбу арестанта. Но въ высшемъ классѣ заключенные остаются до окончанiя срока. На переходъ влiяютъ только марки, получаемыя за урочную работу; марки же, полученныя за работу старательскую (не болѣе однако двухъ въ день), считаются особо и опредѣляютъ количество времени, на которое уменьшается срокъ, назначаемый по судебному приговору, причемъ размѣръ сокращенiя, равно какъ и размѣръ заработка, получаемаго арестантомъ въ свою пользу, возрастаетъ прогрессивно, смотря по классу, въ которомъ арестантъ находится; точно также возрастаютъ и другiя льготы—право свиданiй, переписки и т. п.; въ случаѣ дурнаго поведенiя заключеннаго допускаются обратные переходы. Въ Ирландскихъ тюрьмахъ этого перiода способъ передвиженiя тотъ же, но условiя прежде были иныя. Тамъ во 1-хъ, въ разсчетъ брались три фактора: работа, прилежанiе въ школѣ и поведенiе; во 2-хъ, баллы вычислялись по мѣсяцамъ, причемъ высшимъ балломъ за каждый результатъ считалось три, а наивысшiй мѣсячный баллъ въ суммѣ былъ 9. Но теперь, съ 1883 г., какъ свидѣтельствуетъ Ашроттъ (стр. 196), и въ Ирландiи введена таже система распредѣленiя марокъ, какая принята въ Англiи.

Въ Англiи этими работами оканчивается тюремное наказанiе: заслужившiй требуемое количество марокъ можетъ получить только досрочное условное освобожденiе (tickets of leave), кото-

---

([1]) См. подробности перехода по пяти классамъ въ Англiи у Leitmaier стр. 64; Фойницкiй, стр. 405.

рому прежде придавали особенно важное значеніе и раздавали щедрою рукою, но примѣненіе котораго нынѣ сравнительно весьма ограничено.

Напротивъ того, въ Ирландіи преступники переходятъ въ третій разрядъ тюремъ, въ такъ называемыя переходныя тюрьмы (intermediate prisons). Эти переходныя тюрьмы, составляющія главную особенность Ирландской системы, должны имѣть въ виду, по мысли Крафтона, укрѣпленіе воли арестанта. Какъ указываетъ опытъ и какъ это вытекаетъ изъ условій тюремнаго заключенія, тюрьма обезличиваетъ арестанта; она дѣлаетъ его точнымъ выполнителемъ, а не дѣятелемъ, вся его жизнь строго размѣрена и разсчитана, его воля всецѣло отдана въ распоряженіе тюремной администраціи, улучшеніе его судьбы, признаніе исправившимся или подающимъ надежду на исправленіе, прежде всего зависитъ отъ полнаго подчиненія тюремному режиму. Оттого и оказывалось, что весьма нерѣдко арестанты, бывшіе строгими исполнителями всѣхъ тюремныхъ правилъ, по выходѣ изъ тюрьмы, при первомъ соблазнѣ, при первомъ столкновеніи съ жизнью, являлись безсильными устоять противъ соблазна, всецѣло подпадая вліянію другихъ. Пополнить этотъ пробѣлъ и должны переходныя тюрьмы. Онѣ устраиваются на небольшое число арестантовъ; преступники содержатся также какъ вольнонаемные рабочіе, въ зданіи нѣтъ вооруженной стражи, заключенные носятъ обыкновенное платье, они имѣютъ право уходить изъ тюрьмы для покупокъ, или возвращенія заказовъ и т. п.; эти тюрьмы посѣщаютъ хозяева мастерскихъ, фабриканты, члены благотворительныхъ обществъ. Пробывшіе вполнѣ хорошо извѣстное число лѣтъ въ этихъ тюрьмахъ получаютъ досрочное освобожденіе или и полное помилованіе. Въ видѣ дисциплинарнаго наказанія практикуется одна мѣра—возвращеніе въ обыкновенныя тюрьмы. Теперь такая переходная тюрьма только одна въ Lusk, а для женщинъ пріютъ въ Дублинѣ (1).

---

(1) Ср. Götting, Strafrechtspflege und Gefängnisswesen in England und Jrland, 1876 г. По указанію Ашротта, стр. 305, съ удаленіемъ отъ завѣдыванія Ирландскими тюрьмами—лорда Крафтона, вся система переходныхъ тюремъ падаетъ, и тюрьма въ Люскѣ предположена къ упраздненію. Нѣкоторые французъ-

839. Просматривая этотъ краткій очеркъ положенія тюремнаго вопроса относительно порядка размѣщенія арестантовъ, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что ни одно государство, за исключеніемъ развѣ Бельгіи, да отчасти Голландіи, не остановилось на какомъ либо одномъ опредѣленномъ принципѣ и не провело его послѣдовательно во всѣхъ категоріяхъ тюремъ (1). Еще менѣе единства взглядовъ встрѣтимъ мы въ литературѣ. Въ горячую схватку сторонниковъ одиночнаго и общаго заключенія вмѣшались защитники системы прогрессивности, къ сожалѣнію весьма нерѣдко внося свои предвзятые взгляды, предубѣжденія въ сообщаемые ими факты или ихъ освѣщеніе и придавая необозримому матеріалу тюрьмовѣдѣнія тотъ хаотическій характеръ, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе (2).

скіе криминалисты, какъ Ortolan, № 1426—1490, Bérenger, Bonneville de Marsangy, institutions complémentaires du système pénitentiaire, стр. 201—274, Lainé, № 567, предлагаютъ также систему, которую они называютъ смѣшанною или прогрессивною, но совершенно иного рода: первая стадія—одиночное заключеніе съ работами, затѣмъ, переводъ по прошествіи ½ срока и при хорошихъ отмѣткахъ въ отдѣленіе исправляющихся, но также въ кельяхъ, съ правомъ вступать въ непосредственное отношеніе съ закащиками и даже работать внѣ тюрьмы, у частныхъ лицъ и, наконецъ, періодъ досрочнаго освобожденія.

(1) Впрочемъ, сторонники одиночнаго заключенія на стокгольмскомъ конгрессѣ Vaux, Stevens, Thonissen заявляли, что эта система побѣдоносно шествуетъ по всей Европѣ и не далеко то время, когда она получитъ всемірное господство; то же повторяютъ Desportes et Lefebure въ «la science pénitentiaire», но по сравненію съ дѣйствительностью этотъ выводъ представляется по меньшей мѣрѣ смѣлымъ, такъ какъ они зачисляютъ въ число такихъ странъ и Францію и Англію, и даже Россію; чтобы придти къ такому результату они относятъ къ группѣ одиночныхъ тюремъ всѣ тѣ, въ которыхъ отдѣленіе арестантовъ входитъ какъ составной моментъ, хотя бы и на короткій срокъ, въ порядокъ отбытія наказанія. Между тѣмъ, строго говоря, къ тюрьмамъ одиночной системы не слѣдовало бы причислять даже и тѣ, въ которыхъ отдѣленіе обязательно только на извѣстное число лѣтъ, а порядокъ дальнѣйшаго отбытія зависитъ уже отъ согласія арестанта, какъ въ Брухзалѣ, Моабитѣ.

(2) Безусловными сторонниками одиночнаго заключенія въ литературѣ являлись бельгійско-голландскіе тюрьмовѣды; во Франціи его защитники преобладали въ 40-хъ годахъ, въ особенности Ch. Lucas, Moreau-Christophe; въ Германіи ревностнымъ дѣятелемъ въ пользу одиночнаго заключенія, кромѣ Миттермайера, помѣстившаго по тюремному вопросу рядъ отдѣльныхъ монографій, а въ особенности—der gegenwärtige Zustand der Gefängnissstrafe, 1860 г., цѣлый рядъ статей въ Archiv и другихъ журналахъ, былъ Röder—Der Strafvollzug im Geiste des Rechts, 1863, Besserungsstrafe und Besserungsanstalten, als Rechtsforderung, 1864 и др.

Конечно и теперь, по численности и даже отчасти по авторитетности, преобладаніе за сторонниками системы одиночной; но стоитъ лишь сравнить то, что они писали и говорили о достоинствѣ и значеніи одиночнаго заключенія въ сороковыхъ годахъ, съ тѣмъ, что говорится ими нынѣ, и мы убѣдимся, что и для нихъ эти 40 лѣтъ борьбы и опыта прошли далеко не безслѣдно. Теперь уже въ одиночествѣ арестантовъ не видятъ панацеи отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, не видятъ въ немъ несокрушимаго оружія, годнаго для борьбы со всякою преступностью, способнаго сломить и пересоздать всякій строптивый характеръ, укротить самыя пылкія страсти. Напротивъ, теперь требуютъ его введенія съ цѣлымъ рядомъ ограниченій, необходимыхъ для его успѣшности; требуютъ цѣлаго ряда условій: въ постановкѣ работъ, обученіи, характерѣ дисциплинарныхъ взысканій и т. д.; даже нерѣдко ставятъ на первый планъ именно этотъ режимъ, а въ одиночномъ способѣ размѣщенія арестантовъ видятъ только необходимое пособіе для его дѣйствія.

Къ числу главнѣйшихъ выгодъ одиночнаго заключенія принадлежитъ, конечно, возможность тщательнаго изученія характера и наклонностей арестанта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуализаціи наказанія. Опытный смотритель, духовникъ, можетъ видѣть и наблюдать арестанта при самыхъ различныхъ условіяхъ и настроеніяхъ; самъ арестантъ, благодаря одиночеству, большею частію гораздо скорѣе дѣлается откровеннымъ, сближается съ надзирателями; напротивъ того, при общемъ заключеніи арестантъ съ скрытымъ замкнутымъ характеромъ останется всегда непонятнымъ и недоступнымъ для администраціи.

Моральное воздѣйствіе на арестанта также несомнѣнно интенсивнѣе при одиночной системѣ. Оцѣнка прошлаго, слова утѣшенія, совѣтъ и наставленія могутъ быть даны именно въ подходящее время; они будутъ звучать иначе въ торжественномъ гробовомъ молчаніи кельи, ихъ сила будетъ иная, благодаря непосредственному отношенію говорящаго къ арестанту. Въ общемъ заключеніи все это разобьется о массу, поглощающую индивидуума; за рѣдкими исключеніями вліяніе администраціи будетъ поглощено вліяніемъ среды, товарищества и его заправилъ; пробуждающаяся совѣсть, первые проблески раскаянія зачахнутъ

подъ вліяніемъ опасенія показаться смѣшнымъ, разрушить преданія и обычаи тюрьмы.

Даже предполагая, что воздѣйствіе на душу арестанта, его моральное перерожденіе является иллюзіею, мечтою, не соотвѣтствующею дѣйствительности, и тогда одиночное заключеніе представляетъ ту выгоду, что оно не портитъ арестанта, отдѣляя его отъ другихъ заключенныхъ, устраняя возможность того страшнаго тюремнаго товарищества, которое и дѣлаетъ тюрьму разсадникомъ общественныхъ золъ, которое неопытнаго новичка, робко ступающаго на скользкую почву преступности, чрезъ какія нибудь два три мѣсяца выпускаетъ опытнымъ бойцомъ, основательно прошедшимъ курсъ соотвѣтствующихъ знаній.

Точно также одиночное заключеніе даетъ возможность легче ознакомиться съ арестантами и постороннимъ лицамъ, допускаемымъ въ тюрьмы, даетъ возможность провѣрить отзывы о заключенныхъ администраціи, т. е. даетъ возможность успѣшно дѣйствовать патронатствамъ, а потому обезпечиваетъ судьбу арестанта и по выходѣ его изъ тюрьмы.

Устраняя возможность удовлетворенія одного изъ коренныхъ потребностей человѣческой природы—общежительности, одиночное заключеніе представляется несомнѣнно грознымъ наказаніемъ, и въ особенности для наиболѣе испорченныхъ преступниковъ, которые лишаются возможности величаться и хвастаться своими подвигами, играть первенствующую роль, благодаря своему преступному прошлому. Наоборотъ, отдѣленіе отъ другихъ соарестантовъ будетъ нерѣдко благодѣяніемъ для наименѣе испорченныхъ натуръ, испытывающихъ часто сильное чувство стыда и униженія, благодаря преступному сообществу. Такимъ образомъ, одиночное заключеніе одновременно является и устрашительнымъ, и справедливымъ.

Одиночное заключеніе съ трудомъ переносится только въ первое время; арестантъ затѣмъ легко освоивается съ нимъ и даже привязывается къ нему. Доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ арестанты, просидѣвшіе въ одиночномъ заключеніи извѣстное число лѣтъ, могутъ быть оставляемы въ келіяхъ только по ихъ желанію, значительное большинство, какъ оказывается, предпочитаетъ келью

общему заключенію. Въ то же время одиночное заключеніе допускаетъ сокращеніе сроковъ, замѣняя принятые нынѣ maximum'ы срочныхъ наказаній въ 15, 20 лѣтъ заключеніемъ на 8 или на 10 лѣтъ. Чрезъ это уменьшается количество помѣщеній для арестантовъ и, слѣдовательно, сокращаются расходы государствъ на тюремное дѣло, а съ другой, благодаря короткимъ срокамъ, не прекращаются связи выходящаго изъ тюрьмы съ его семьей, а это въ свою очередь весьма важно для дальнѣйшей его судьбы.

Наконецъ, по самому своему устройству, по невозможности уговора и стачекъ между арестантами, тюрьмы одиночныя несравненно болѣе гарантируютъ общество противъ побѣговъ, требуя въ то же время весьма небольшаго численнаго персонала для охраны и наблюденія.

Таковы по словамъ защитниковъ одиночной системы несомнѣнныя главнѣйшія ея выгоды; посмотримъ, что говорятъ ея противники (1).

Останавливаясь на пенитенціарно-исправительномъ значеніи отдѣленія арестантовъ, справедливо замѣчаютъ они, необходимо раздѣлить и отдѣльно оцѣнивать три момента: 1) возможность ознакомиться съ арестантомъ и изучить его характеръ; 2) устраненіе вреднаго вліяніе соарестантовъ; 3) доставленіе возможности воздѣйствія на арестанта тюремной администраціи. Различеніе этихъ моментовъ необходимо на томъ основаніи, что роль одиночнаго заключенія по отношенію къ каждому изъ нихъ нѣсколько иная. Такъ, возможность осуществленія перваго условія при отдѣльномъ содержаніи заключенныхъ, конечно, несомнѣнна, но она требуетъ сравнительно короткихъ сроковъ отдѣленія и съ полнымъ, напр., успѣхомъ можетъ быть практикуема и въ тюрьмахъ съ общимъ заключеніемъ, устроенныхъ по прогрессивно-классификаціонной системѣ, при которой она является необходимою первоначальною стадіею.

---

(1) Страстный апологистъ одиночной системы, директоръ пенитенціарной тюрьмы въ Пенсильваніи, Richard Vaux, заявилъ: «только при одиночномъ заключеніи можно доказать преступнику разумность его наказанія и невозможность существованія въ обществѣ преступленій, можно дать ему почувствовать значеніе совершеннаго имъ поступка, возбудить въ немъ укоры совѣсти, научить его занятіямъ, просвѣтить его разумъ, возстановить его физически и морально, пробудить дремлющія нравственныя силы.»

Точно также нельзя отрицать втораго значенія уединенія; но и оно достигается отдѣленіемъ на ночь и бдительнымъ надзоромъ во время работъ, хотя бы и не доходящимъ до требованія молчанія, требованія противоестественнаго, потому и не исполнимаго: вліяніе закоренѣлыхъ, образованіе артели преступниковъ, связанныхъ круговою порукою прошлыхъ злодѣяній, предполагаетъ совмѣстную праздность съ игрою и кутежемъ, съ организаціею власти наиболѣе выдающихся членовъ.

Совсѣмъ иное дѣло третій моментъ, въ которомъ и заключается сущность одиночнаго заключенія. Его теоретическое основаніе безспорно, но таково ли практическое выполненіе (1)? Сторонники одиночной системы рѣзко противополагаютъ ее старой пенсильванской системѣ уединенія: преступника, говорятъ они, вовсе не предоставляютъ самому себѣ, а только отдѣляютъ отъ дурныхъ элементовъ и вводятъ въ непосредственное отношеніе къ тюремному персоналу, способному и готовому содѣйствовать его моральному перевоспитанію; одиночное заключеніе непремѣнно предполагаетъ, что каждый арестантъ ежедневно видится съ нѣсколькими лицами изъ тюремной администраціи: учителями, мастерами, смотрителями, духовниками, и при этомъ эти посѣщенія не должны ограничиваться простымъ заглядываніемъ, а должны быть возможно продолжительны, такъ чтобы каждый арестантъ, какъ и установляется регламентами нѣкоторыхъ одиночныхъ пенитенціаріевъ, имѣлъ бы ежедневно посѣщеній отъ 2—4-хъ часовъ. Но выполненіе этого правила съ одной стороны предполагаетъ такой тюремный персоналъ, который бы дѣйствительно сдѣлалъ изъ этихъ посѣщеній живое дѣло исправленія, а не пустую формальность, который, войдя къ арестанту, дѣйствительно бы зналъ, что и какъ сказать. Поэтому введеніе системы одиночной представляется особенно опаснымъ въ началѣ переустройства тюремъ, въ тѣхъ государствахъ, которыя, подобно напр. Россіи, не имѣютъ кадровъ, изъ которыхъ можно бы было пополнять тюремный пер-

---

(1) Нельзя въ этомъ отношеніи не замѣтить, что Бельгія, наиболѣе послѣдовательно проводящая начало уединенія, по % рецедивистовъ занимаетъ весьма выдающееся мѣсто; такъ ея представители на Лондонскомъ конгрессѣ въ 1872 г. считали рецидивистовъ 78%; да и теперь эта цифра, по замѣчанію Beltrani Scalia, стоитъ не ниже 50%.

соналъ. Но кромѣ того такая система потребуетъ громаднаго личнаго состава. Въ самомъ дѣлѣ простой разсчетъ свидѣтельствуетъ намъ, что если тюрьма устроена на 300 человѣкъ и каждый арестантъ долженъ имѣть посѣщеній не менѣе 3-хъ часовъ, то очевидно необходимъ персоналъ, который бы могъ отдавать арестантамъ ежедневно 900 часовъ; предполагая, что каждый служащій можетъ каждодневно девять часовъ вполнѣ добросовѣстно исполнять свои обязанности, мы получимъ для такой тюрьмы необходимость не менѣе 100 служащихъ, или короче: одного служащаго на 3-хъ арестантовъ; разсчетъ очевидно невозможный.

Но представимъ себѣ, что всѣ эти посѣщенія дѣйствительно выполняются, прибавимъ къ этимъ 3-мъ часамъ еще 7 или 8 часовъ сна, останется всетаки 14, 15 часовъ одиночества, чѣмъ наполнить ихъ? Работою, подъ контролемъ и отчетностью самого заключеннаго? Но нельзя же требовать отъ него 18, 19 часовъ непокладной работы; останется все таки празднымъ 5, 6 часовъ. Арестантъ интеллигентный наполнитъ ихъ чтеніемъ; запасъ знаній, идей и представленій дастъ ему достаточный матеріалъ для умственной работы въ эти часы досуга; но что будетъ дѣлать крестьянинъ или ремесленникъ, не привыкшій къ отвлеченному мышленію, къ совмѣстной работѣ памяти и воображенія? Для него остаются только воспоминанія, картины прошлаго: хорошо, если это будутъ картины семейной жизни, трудолюбиваго хозяйства; но если яркими красками обрисуются предъ нимъ оргіи кабаковъ, безграничный развратъ; картины, раздражающія чувственность, манящія къ прошлому и озлобляющія противъ настоящаго?

Сторонники одиночной системы ссылаются на то, что къ одиночеству привыкаютъ, что по прошествіи 3-хъ, 4-хъ лѣтъ арестантъ съ сожалѣніемъ разстается съ своей клѣткою, не идетъ въ общее помѣщеніе. Но справедливо возражаютъ, что подобный аргументъ обоюдоострый. Дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями, первое время одиночества вызываетъ протестъ, желаніе вырваться изъ каменнаго гроба, вырваться на волю, въ общество другихъ, какъ нибудь переговоритъ съ сосѣдомъ по несчастью, шумомъ и криномъ нарушить тишину могилы; но мало по малу безсильная злоба стихаетъ: темный карцеръ, хлѣбъ и вода или что нибудь и большее, обуздаютъ строптивыхъ, пока наконецъ не настанетъ нравствен-

ный переломъ, апатія мысли, чувствъ и желаній. Узникъ не примиряется съ кельею, а отучается желать другаго и отказываясь оставить келью по истеченіи узаконеннаго срока, напоминаетъ птицу, долго сидѣвшую въ клѣткѣ и нелетящую изъ нея, несмотря на открытыя дверцы. Пассивное отношеніе ко всему, даже къ свободѣ, какъ указываетъ опытъ, составляетъ одну изъ невыгодъ долгосрочнаго одиночнаго заключенія, невыгоду, всего сильнѣе сказывающуюся по выходѣ изъ тюрьмы, при соприкосновеніи съ соблазнами жизни (1).

Но, дѣйствуя вредно на умственную и нравственную энергію заключеннаго, долгосрочное уединеніе также вредно сказывается и на его здоровьѣ. Хотя сторонники одиночной системы (2) и указываютъ, что цифры смертности и самоубійствъ въ нѣкоторыхъ общихъ тюрьмахъ превышаютъ такія же въ одиночныхъ, но точность этихъ выводовъ болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ для сравненія берутся большею частью съ одной стороны старыя тюрьмы, въ родѣ напр. нашихъ, а съ другой, новые пенитенціаріи, устроенные со всѣми гигіеническими усовершенствованіями и приспособленіями. Несомнѣнно то, во всякомъ случаѣ, что цифры смертности, сумасшествія и самоубійства въ одиночномъ заключеніи значительно превышаютъ нормальныя цифры для лицъ того же возраста. Причина заключается отчасти въ отсутствіи движенія, такъ какъ часовыя прогулки въ каменныхъ клѣткахъ на дворикахъ, благодаря именно ограниченности ихъ пространства, не

---

(1) Одинъ изъ извѣстныхъ датскихъ тюрьмовѣдовъ—Bruun, über Vollziehung der Strafbarkeit, заявляетъ, что число рецидивистовъ стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ продолжительностью пребыванія ихъ въ одиночномъ заключеніи и подкрѣпляетъ это данными изъ голландской тюремной статистики.

(2) Таковы напр. доказательства Starke, одного изъ наиболѣе ревностныхъ новыхъ защитниковъ одиночной системы въ его отчетѣ о бельгійскихъ тюрьмахъ; обстоятельная и интересная оцѣнка этихъ пріемовъ сдѣлана у Beltrani-Scalia въ его статьѣ о бельгійскихъ тюрьмахъ. Beltrani-Scalia, стр. 29, приводитъ слѣдующія данныя изъ австрійской тюремной статистики, относящіяся къ попыткѣ введенія тамъ келейнаго заключенія, которыя, по моему мнѣнію, могутъ имѣть большое значеніе для насъ. Въ 1873—1876 г. было при 2,421 заключенныхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ 1 случай сумасшествія на 186 человѣкъ; 1 покушеніе на самоубійство—на 403 и одно самоубійство на 484; въ тюрьмахъ съ общимъ заключеніемъ при 25,712 арестантахъ: одно сумасшествіе на 279, одно покушеніе на самоубійство на 1,179 и одно самоубійство на 2,142.

могутъ пополнить недостатки кельи; а съ другой стороны, въ бичѣ одиночной системы—онанизмѣ. Если вообще въ тюрьмахъ вопросъ о борьбѣ съ проявленіями половой потребности является однимъ изъ капитальнѣйшихъ и наиболѣе трудно разрѣшимыхъ, то въ одиночныхъ кельяхъ онъ достигаетъ наивысшаго развитія, благодаря именно сидячей жизни и одиночеству; а плачевныя послѣдствія этого порока для духовной и физической жизни организма слишкомъ извѣстны (1).

Далѣе, долгосрочное одиночное заключеніе весьма затрудняетъ пріисканіе работъ для арестантовъ, такъ какъ приходится исключить всѣ работы, требующія громоздкихъ приспособленій, а съ другой такія, которыя портятъ воздухъ, а потому, въ маленькой кельѣ крайне вредно дѣйствуютъ на здоровье арестанта.

Наконецъ, постройка одиночныхъ тюремъ дорого обходится государству, такъ напр. Cherry-Hill на 582 кельи стоилъ 638.000 долларовъ; Bruchsall—700.000 гульденовъ; по разсчету Bérenger для Франціи предполагаемую стоимость на каждаго арестанта нужно положить въ 3.500 франковъ, что составитъ расходъ на перестройку всѣхъ тюремъ въ 500 милліоновъ фран-

---

(1) Дю-Кэнъ, оффиціальный представитель Англіи на Лондонскомъ конгрессѣ, прямо заявилъ, что пока срокъ одиночнаго заключенія въ Пентонвиллѣ былъ двухлѣтній, то ослабленіе умственныхъ способностей арестантовъ было такъ велико, что правительство, на основаніи произведеннаго подробнаго изслѣдованія, нашлось вынужденнымъ сократить его до 9 мѣсяцевъ. Для американскихъ тюремъ такія же данныя сообщаетъ Behrend въ своей «Geschichte». Сознаніе вреднаго вліянія одиночества проглядываетъ уже въ сравнительной незначительности сроковъ, на которые оно допускается въ современныхъ государствахъ: въ Бельгіи и Тосканѣ на 10 лѣтъ; въ Норвегіи на 4 года; въ Даніи на 3½; въ Германіи и Австріи на 3 года; въ Голландіи и Швеціи и въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Англіи на 2 года; во Франціи на 1 г. и 1 мѣсяцъ; въ Швейцаріи на 1 годъ; въ Ирландіи и въ центральныхъ тюрьмахъ Англіи на 9 мѣсяцевъ. D'Alinge, директоръ тюрьмы въ Zwickau (Anlage, стр. 53), указываетъ, что одиночное заключеніе долѣе 10 лѣтъ, какъ учитъ опытъ, разрушаетъ способность къ мускульнымъ движеніямъ; крайне ослабляетъ и расшатываетъ нервную систему; поражаетъ органы пищеваренія и дыханія; притупляетъ органы воспріятія и въ особенности зрѣнія; парализуетъ умственную дѣятельность и въ особенности память; отупляетъ чувствительность, и наконецъ, убиваетъ всякую энергію воли. Даже такой ревностный защитникъ одиночной системы, какъ Füsslin, Die Einzelhaft, стр. 333, замѣчаетъ, что для исправленія заключеннаго совершенно достаточно 4-хъ лѣтъ, а дальнѣйшее пребываніе его въ отдѣленіи отъ другихъ будетъ безполезно.

ковъ, сумма, о которой, впрочемъ, Ortolan, № 1575, замѣчаетъ, что она вовсе не представляется чрезмѣрною, въ виду достигаемой этимъ цѣли и сообразно съ финансовымъ положеніемъ Франціи (1).

Казалось бы, конечно, надлежащая оцѣнка той и другой системы могла быть сдѣлана по ихъ результатамъ, по проценту рецидивистовъ, къ чему нерѣдко и прибѣгаютъ бойцы обѣихъ партій; но этими данными нужно пользоваться съ крайнею осторожностью (2), такъ какъ возрастаніе и уменьшеніе рецидивы зависитъ далеко не отъ одного режима тюрьмы, а отъ многихъ другихъ условій: отъ состава ея населенія, отъ обстановки, въ которой приходится дѣйствовать выпущеннымъ изъ тюрьмы и т. д.

Разборъ же вышеприведенныхъ доводовъ и различныхъ указаній опыта, по моему мнѣнію, вынуждаетъ сказать, что огульное порицаніе той или другой системы будетъ пріемомъ совершенно нераціональнымъ. Если можно сомнѣваться въ исправительности одиночества, то нельзя отрицать его устрашительности; если слишкомъ смѣло утверждать, что только при этой системѣ можно вліять на арестантовъ, то съ другой стороны несомнѣнно, что именно этимъ путемъ можно всего скорѣе ознакомиться съ арестантомъ и устроить наиболѣе цѣлесообразно дальнѣйшее отношеніе къ нему тюрьмы.

---

(1) При постройкѣ пенитенціаріевъ въ Бельгіи средняя стоимость кельи была въ 3,672 франк.. Ср. Stevens, les prisons céllulaires, стр. 1; у него же показаны слѣдующія цифры стоимости построекъ на одного арестанта для нѣкоторыхъ другихъ тюремъ: въ Plotzensee близъ Берлина 6.385 fr.; въ Филадельфіи 5.930 fr.; въ Pentonville, 4.078; въ Bruchsal—3.431.

(2) Это также наглядно подтверждаетъ Beltrani-Scalia въ названной брошюрѣ, стр. 13 и сл., разбирая выводы Starke и отчасти Stevens'а о результатахъ бельгійской системы. Такъ, Stevens указываетъ на значительное уменьшеніе числа заключенныхъ въ Бельгіи съ 7,000 на 4,000, приписывая это введенію одиночной системы; то же повторяетъ и Starke; Beltrani-Scalia, разбирая эти выводы, указываетъ, что они взяты совершенно произвольно, такъ какъ упущено изъ вниманія уменьшеніе числа военныхъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ гражданскихъ тюрьмахъ, а съ другой—уменьшеніе числа подслѣдственныхъ арестантовъ; въ дѣйствительности же, какъ указываетъ оффиціальная статистика, число рецидивистовъ, осуждаемыхъ въ Бельгіи за преступленія и проступки, постоянно возрастаетъ.

840. Все же это вмѣстѣ взятое естественно наводитъ на мысль: не слѣдуетъ ли при правильной организаціи тюремъ воспользоваться обоими типами.

Въ этомъ отношеніи какъ въ законодательствахъ, такъ и въ наукѣ, можно замѣтить два теченія: одни считаютъ необходимымъ сохранять различіе тюремныхъ типовъ въ одной лѣстницѣ наказанія, конечно, не въ видѣ 15 подраздѣленій нашего уложенія, а съ значительными упрощеніями; другіе стремятся ввести единство тюремнаго типа (1). Такъ, напр., какъ мы видѣли, въ Бельгіи по закону 1870 г. всѣ различные виды лишенія свободы, о которыхъ говоритъ уложеніе 1867 г., сведены къ одному типу, а голландское уложеніе 1881 г. даже и въ самомъ законѣ знаетъ только два вида лишенія свободы: тюрьму и арестъ.

Наиболѣе рѣзко былъ поставленъ вопросъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 г., гдѣ онъ былъ формулированъ такъ: слѣдуетъ ли сохранить въ законодательствахъ уголовныхъ нѣсколько видовъ лишенія свободы или же необходимо принять только одинъ типъ этого заключенія, различая его виды по срокамъ и по юридическимъ послѣдствіямъ? Докладчикъ, извѣстный бельгійскій криминалистъ, Тониссенъ разрѣшилъ его въ послѣднемъ смыслѣ, выходя изъ слѣдующихъ положеній: 1) такъ какъ не наказаніе, а преступленіе дѣлаетъ преступника безчестнымъ, то лишеніе свободы не можетъ различаться по объему соединеннаго съ нимъ пораженія правъ, это послѣднее взысканіе можетъ быть употребляемо законодателемъ самостоятельно; 2) далѣе, такъ какъ задача всякаго лишенія свободы одна—исправленіе, то логика и здравый смыслъ указываютъ намъ прямо, что и способъ его осуществленія можетъ быть только одинъ, различіе наказуемости можетъ заключаться только въ его срокахъ; 3) это однообразіе не устранитъ другаго существеннаго момента наказанія—его примѣрности или устрашимости, если только такимъ типомъ будетъ выбрана одиночная система, такъ какъ она соединяетъ въ себѣ и

---

(1) Сравни по этому поводу вѣрныя замѣчанія у Гольцендорфа въ Handbuch, , § 7, Eintheilung der Freiheitsstrafen.

средства исправленія, и средства устрашенія, что доказывается, по заявленію докладчика, примѣромъ Бельгіи (1).

Но хотя большинство ораторовъ въ отдѣленіи говорило, повидимому, за предложеніе Тоннисена, они однако допускали столько изъятій изъ этого вывода, что, при формулированіи окончательнаго результата преній, большинство членовъ отдѣленія высказалось, вполнѣ справедливо, противъ этого предложенія.

Въ самомъ дѣлѣ мнѣніе, коего защитникомъ выступилъ Тониссенъ, основывается на двухъ предположеніяхъ, по меньшей мѣрѣ весьма спорныхъ: что единственная цѣль наказанія заключается въ исправленіи виновнаго, что одиночество есть безусловно пригодное средство для достиженія этой цѣли.

Но коль скоро мы допустимъ, что исправленіе является далеко не единственною цѣлью наказанія и что тамъ, гдѣ надежды на улучшеніе преступника возможны, уединеніе далеко не единственное средство достиженія исправительной цѣли, то мы должны будемъ признать необходимость различенія тюремныхъ системъ прежде всего по отношенію къ преступникамъ, надъ которыми государство предполагаетъ возможнымъ производить опыты исправленія, и по отношенію къ тѣмъ заключеннымъ, для которыхъ, за краткостью срока наказанія, или по свойству совершенныхъ ими дѣяній, по степени энергіи проявленной ими преступности и т. п., такое предположеніе уже a priori является неосуществимымъ. Мы должны будемъ при устройствѣ тюремнаго режима принять въ соображеніе свойство классовъ тюремнаго населенія (2): ихъ возрастъ, въ особенности, малолѣтство; полъ;

---

(1) Такое же объединеніе предлагаютъ и нѣкоторые французскіе криминалисты теоретики, напр. Ortolan, № 1439 и сл., Lainé. Ortolan полагаетъ возможнымъ сохранить въ кодексѣ одно emprisonnement по одиночной системѣ съ такими подраздѣленіями: de simple police отъ 1—15 дней; correctionel отъ 15 дней до 3 лѣтъ и criminel отъ 3 лѣтъ до 15 и пожизненно; но и Ortolan допускаетъ отдѣльные типы тюремъ для малолѣтнихъ, для непереносящихъ одиночества, а для совершившихъ полицейскія нарушенія онъ допускаетъ параллельно общее и одиночное заключеніе.

(2) Такъ, на Стокгольмскомъ конгрессѣ даже самые ревностные защитники одиночной системы не допускали ея примѣненія для малолѣтнихъ; другіе весьма опытные директора тюремъ не считали возможнымъ ея примѣненія для сельскихъ жителей, для людей привыкшихъ къ бродячей жизни, для націй съ пылкимъ темпераментомъ и т. д.

прежнюю однократную или многократную судимость; свойства учиненнаго нарушенія, напр. для лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ политическаго или публичнаго характера, каковы—возбужденіе массъ, проступки печати, преступныя сообщества и т. д.; наконецъ, въ особенности, продолжительность заключенія, различая устройство тюремъ краткосрочныхъ, среднесрочныхъ и долгосрочныхъ.

По соображеніямъ, изложеннымъ выше, одиночное заключеніе въ полномъ его объемѣ казалось бы всего болѣе соотвѣтственнымъ тюрьмамъ краткосрочнымъ, гдѣ возможность его вреднаго вліянія на моральное и физическое здоровье парализуется краткостью срока и гдѣ главная забота тюремной администраціи направлена на то, чтобы преступники почувствовали тяжесть кары и по выходѣ изъ тюрьмы, хотя бы не были испорченнѣе, чѣмъ при поступленіи въ нее. Въ тюрьмахъ среднесрочныхъ одиночное заключеніе можетъ быть какъ бы карательнымъ добавкомъ, назначаемымъ, сравнительно на небольшіе сроки, или на основаніи прямаго указанія закона, или по усмотрѣнію суда, съ правомъ администраціи замѣнять одиночное заключеніе общимъ, въ виду болѣзненнаго состоянія здоровья заключеннаго, дѣлающаго для него вреднымъ пребываніе въ кельѣ. Наконецъ, въ тюрьмахъ долгосрочныхъ, казалось бы, одиночное заключеніе могло бы быть употребляемо только какъ средство ознакомленія, слѣдовательно, въ началѣ заключенія и на сроки, еще болѣе короткіе. Для тюремъ этой группы представлялось бы повидимому наиболѣе подходящимъ общее заключеніе, конечно, съ раздѣленіемъ на ночь и размѣщеніемъ заключенныхъ по принципу классификаціонно-прогрессивному, принимая за основу классификаціи не какой либо внѣшній формальный признакъ, а по преимуществу индивидуальныя свойства преступника, его характеръ, наклонности, возрастъ, поведеніе, прилежаніе къ работѣ и т. д. (1).

(1) Въ Германіи въ числѣ главнѣйшихъ защитниковъ прогрессивной системы могутъ быть названы Гольцендорфъ, Миттермайеръ, послѣ 1867 г.; въ Австріи—Глазеръ; въ Италіи—Бельтрани-Скаліа. Глазеръ предсказывалъ ей побѣду надъ одиночной системою еще въ 1864 г., почти при первомъ знакомствѣ на континентѣ Европы съ Ирландскою системою, даже въ самой Бельгіи, стоящей теперь въ главѣ партіи одиночнаго заключенія, встрѣчаются сторонники Ирландской системы, какъ напр. весьма извѣстный Vischers. Ср. также Фойницкій, стр. 412.

*

841. Другимъ существеннымъ моментомъ наказанія лишеніемъ свободы, вліяющимъ, какъ только что было указано, и на самую тюремную систему, является срокъ заключенія.

Въ этомъ отношеніи это наказаніе представляетъ два главные вида—безсрочное и срочное, различая въ послѣднемъ, по продолжительности заключенія, наказанія краткосрочныя, среднесрочныя и долгосрочныя.

Самое опредѣленіе перваго вида заключенія въ отдѣльныхъ законодательствахъ представляется различнымъ. Наше право, начиная съ устава о ссыльныхъ, изгнало названіе «вѣчнаго» наказанія, употреблявшееся въ законодательствѣ XVII—XVIII вѣковъ, и замѣнило его терминомъ «безсрочное», указывая этимъ, что законъ лишь не установляетъ въ этихъ случаяхъ предѣльнаго высшаго срока, но вовсе не предполагаетъ, чтобы наказаніе непремѣнно длилось по смерть, допуская и для лицъ этой категоріи переходъ въ ссыльно-поселенцы, а затѣмъ и прекращеніе наказанія. Французскій и бельгійскій кодексы называютъ этотъ видъ вѣчнымъ, à perpétuité, а германскій, венгерскій, голландскій—пожизненнымъ, какъ бы указывая, что такое заключеніе должно имѣть только одинъ предѣлъ—смерть преступника; но съ введеніемъ во всѣхъ этихъ законодательствахъ досрочнаго освобожденія, распространяемаго, какъ это напр. прямо указано въ венгерскомъ кодексѣ (§ 45), и на пожизненное заключеніе, и тамъ этотъ видъ лишенія свободы сдѣлался въ дѣйствительности также безсрочнымъ, а не вѣчнымъ.

Конечно, безсрочность, а тѣмъ болѣе пожизненность наказанія вызываетъ противъ себя одно весьма сильное возраженіе—оно, будучи недѣлимымъ, всегда неравномѣрно; его соотвѣтствіе тяжести извѣстныхъ преступленій имѣетъ болѣе кажущійся характеръ, такъ какъ его сила и значеніе всегда будутъ зависѣть отъ возраста и здоровья приговореннаго, или, другими словами, отъ вѣроятной продолжительности жизни заключеннаго. Равнымъ образомъ, нельзя не сказать, что эта безпредѣльность кары придаетъ пожизненному лишенію свободы видимую жестокость, рисуя въ воображеніи картину ряда годовъ страданій, изъ которыхъ одинъ выходъ—смерть, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, суровость этой казни затемняетъ и отодвигаетъ на второй планъ даже

смертную казнь. Но нельзя не сказать, что всѣ эти мрачныя краски значительно ослабляются примѣненіемъ къ безсрочнымъ наказаніямъ досрочнаго освобожденія, зависящаго притомъ въ извѣстной степени отъ самаго осужденнаго, его поведенія и трудолюбія. Кромѣ того, какъ замѣчаетъ редакціонная коммисія по составленію нашего уложенія (стр. 141), «чувство состраданія къ преступнику, составляя драгоцѣнное свойство всѣхъ современныхъ кодексовъ, не можетъ заставить забыть другую, столь же важную цѣль уголовнаго законодательства,—охрану общественнаго спокойствія и благосостоянія, охрану отдѣльныхъ членовъ общества отъ тяжкихъ, направленныхъ противъ нихъ злодѣяній, а такая охрана, при непринятіи въ особенности въ кодексѣ смертной казни за общія преступленія, едва ли будетъ совмѣстна съ устраненіемъ изъ него безсрочной каторги» (1). Оттого всѣ даже новѣйшія законодательства сохранили безсрочное лишеніе свободы, кромѣ кодексовъ Женевы и Цюриха; но область дѣйствія послѣднихъ слишкомъ незначительна, чтобы они могли служить вѣскимъ аргументомъ (2).

При срочномъ лишеніи свободы высшіе предѣлы представляются весьма разнообразными, находясь въ соотношеніи съ видомъ наказанія. Такъ, во Франціи, по общему правилу таковымъ считается при каторжныхъ работахъ 20 лѣтъ, а при рецидивѣ (§ 56) 40; въ Германіи, Венгріи и Голландіи—предѣльный срокъ Zuchthaus'а въ 15 лѣтъ, а въ Голландіи при особенно тяжкихъ случаяхъ и 20 лѣтъ; въ Бельгіи, по кодексу 1867 г., наивысшій предѣлъ былъ 20, а по закону 1870 г., въ силу введенія одиночнаго заключенія,—10 лѣтъ (3).

---

(1) На основаніи интересовъ общественной охраны защищаютъ безсрочныя наказанія изъ новыхъ криминалистовъ—Листъ, Вальбергъ, Шварце, Зонтагъ, во Франціи Ортоланъ, Гарро. Въ защиту безсрочныхъ наказаній высказываются также сторонники антропологическаго направленія.

(2) Французское учредительное собраніе отмѣнило вѣчныя наказанія и кодексъ 1791 года оставилъ предѣльнымъ срокомъ лишенія свободы 24 года; но въ 1810 г. пожизненность была возстановлена, такъ какъ, по заявленію Тарже, такая отмѣна была излишнимъ милосердіемъ, и для душъ испорченныхъ, съ отмѣною вѣчныхъ каръ, исчезло всякое значеніе наказанія.

(3) Въ нѣкоторыхъ прежнихъ германскихъ кодексахъ, напр. въ баварскомъ и саксонскомъ высшій срокъ былъ въ 30 лѣтъ; въ Пруссіи — 20 лѣтъ;

Установленіе предѣла зависитъ, конечно, отъ различныхъ условій. Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ за заключеніемъ слѣдуетъ ссылка, сроки заключенія должны быть короче, такъ какъ, съ одной стороны, въ этихъ случаяхъ съ прекращеніемъ заключенія, наказаніе еще не оканчивается, а съ другой—возможность осуществленія и развитія поселеній необходимо предполагаетъ, чтобы туда поступали лица, коихъ физическія способности еще не разрушены.

Что касается низшаго срока лишенія свободы, то онъ также видоизмѣняется смотря по роду заключенія. Въ тюрьмахъ для тяжкихъ преступниковъ — каторга, Zuchthaus, travaux forcés, онъ колеблется между двумя и пятью годами; тамъ, гдѣ есть особенныя среднесрочныя тюрьмы—этимъ предѣломъ обыкновенно бываетъ 1 или 1½ года, а въ тюрьмахъ краткосрочныхъ, онъ спускается до 1 дня.

Количество осужденій къ краткосрочному лишенію свободы представляется чрезвычайно значительнымъ во всѣхъ государствахъ. По даннымъ, собраннымъ Розенфельдомъ (1), въ Германіи изъ приговоренныхъ къ тюрьмѣ: 15% осуждаются на срокъ отъ 1—3 мѣсяцевъ, 28%—отъ 8 дней до 1 мѣсяца, 17% отъ 4 до 8 дней и 19% на срокъ менѣе 4-хъ дней (2); во Франціи

составители проекта нынѣ дѣйствующаго германскаго уложенія, предполагая понизить законный maximum, обратились къ директорамъ важнѣйшихъ тюремъ, и всѣ они высказались за такое пониженіе; нѣкоторые изъ нихъ, какъ Valentini, Schück, Eckart, полагали даже возможнымъ поставить предѣльнымъ срокомъ 10 лѣтъ и притомъ не по однимъ соображеніямъ гуманности, а въ интересахъ пенитенціарныхъ, такъ какъ назначеніе заключенія на болѣе продолжительные сроки уничтожаетъ тѣ полезныя сѣмена, которыя могли быть посѣяны въ первые годы тюремнаго пребыванія.—Эти весьма любопытныя мнѣнія приложены къ мотивамъ германскаго уложенія—«über die höchste Dauer zeitlicher Zuchthausstrafe».

(1) E. Rosenfeld, Welche Strafmittel können an die Stelle der kurzzeitigen Freiheitsstrafe gesetzt werden, 1890 г., стр. 116 и сл.; Liszt, въ kriminalpolitischen Aufgaben, Zeitschrift, IX, стр. 737—754; Zucker, kriminalistische Zeit und Streitfragen der Gegenwart въ Gerichtssaal, XLIV, стр. 16—43.

(2) Эти цифры получаютъ еще бо́льшее значеніе по сравненію съ численностью другихъ наказаній. Такъ въ Германіи съ 1882—1886 гг. наказанія лишеніемъ свободы вообще составляли 70% всѣхъ наказаній, а тюрьма ниже 3-хъ мѣсяцевъ 53% *всѣхъ* наказаній. Общее распредѣленіе наказаній по германскому

осужденіе къ тюрьмѣ на срокъ менѣе 6 дней даетъ 33% изъ всѣхъ приговоренныхъ къ emprisonnement; тоже самое явленіе, приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, повторяется и въ другихъ странахъ.

Между тѣмъ отзывы спеціалистовъ всѣхъ странъ удостовѣряютъ, что именно тюрьмы краткосрочныя находятся повсюду въ наиболѣе неудовлетворительномъ состояніи, а достиженіе при краткосрочности заключенія самыхъ задачъ тюрьмы представляется наиболѣе затруднительнымъ. Арестанты въ тюрьмахъ этого рода почти повсюду содержатся въ общемъ заключеніи, безъ надлежащей классификаціи, не смотря на все разнообразіе лицъ, подпадающихъ подъ это наказаніе, такъ какъ среди обвиняемыхъ въ нарушеніяхъ полицейскихъ правилъ или фискальныхъ предписаній попадается не мало настоящихъ преступниковъ нерѣдко профессіональныхъ (1). Притомъ же содержатся заключенные также большею частью безъ работъ, такъ какъ пріискать и устроить работы въ тюрьмѣ для арестанта, являющагося въ ней гостемъ, на какія нибудь два—три дня, представляется крайне труднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, эта праздность съ относительными удобствами помѣщенія, съ даровымъ пропитаніемъ, уничтожаютъ всякую репрессію наказанія.

Поэтому за послѣднее время во всѣхъ странахъ раздаются голоса спеціалистовъ (Bonneville de Marsangy, Prins, Bérenger, Desportes, Almquist, Valentini, Krohne, v. Liszt и др.), безусловно осуждающіе краткосрочное лишеніе свободы, какъ главную причину неуспѣха тюремнаго дѣла и повсемѣстнаго роста реци-

---

праву съ 1882—1886 гг. даетъ слѣдующія цифры: смертная казнь—0,02; Zuchthaus—3,58; тюрьма 66,88; крѣпость—0,04; арестъ—0,41; пеня—28,01 и выговоръ—1,06. При этомъ нельзя не отмѣтить, что съ 1882 г. по 1886 г., несомнѣнно подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ нѣмецкой литературѣ, % тюрьмы уменьшился съ 69,13, на 64,65, а % пени поднялся съ 25,33 до 30,58.

(1) По даннымъ Розенфельда между краткосрочными всегда находится значительное число лицъ, осужденныхъ за простую кражу. Германское уложеніе назначаетъ за кражу тюрьму отъ 1 дня до 5 лѣтъ, и въ дѣйствительности 78,6% наказаній, за нее назначаемыхъ, состоятъ въ заключеніи въ тюрьму на срокъ менѣе 1 мѣсяца. Подробный обзоръ всѣхъ возраженій противъ краткосрочныхъ наказаній и перечень противниковъ этого вида лишенія свободы у Листа, Aufgaben, стр. 744 и сл.

дивы. Несостоятельность нынѣшней организаціи краткосрочныхъ наказаній была признана и на тюремныхъ конгрессахъ—Лондонскомъ, а въ особенности Римскомъ и С.-Петербургскомъ.

Въ силу этого явился рядъ предложеній, направленныхъ не только къ улучшенію, но и къ полному устраненію краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, къ замѣнѣ ихъ другими карательными мѣрами, какъ, напр., общественными работами, распространеніемъ области примѣненія денежныхъ взысканій, выговоровъ, а въ особенности системою условнаго осужденія. Самые способы предполагаемой замѣны будутъ изложены мною далѣе, но я не могу не сказать, что стремленіе къ полному устраненію краткосрочныхъ наказаній представляется, по моему мнѣнію, и не достижимымъ и едва ли вполнѣ вѣрнымъ.

Прежде всего, думается мнѣ, что указанія на безусловную вредность краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы представляются нѣсколько преувеличенными (1).

Краткосрочное наказаніе признается вреднымъ по двумъ главнымъ соображеніямъ: во 1-хъ, говорятъ, что оно не достаточно репрессивно, не имѣя устрашающаго значенія и даже пріобрѣтая иногда своеобразную притягательную силу—представляя, напр., на время зимы тюрьму желательнымъ убѣжищемъ для безпріютныхъ всякаго рода; во 2-хъ, что оно не только не исправляетъ, но развращающе дѣйствуетъ на заключенныхъ, частью благодаря праздному сообществу съ людьми дѣйствительно испорченными, частью благодаря тому пятну, которое кладетъ даже краткосрочное пребываніе въ тюрьмѣ на ея сидѣльца, которое заставляетъ общество отталкивать отъ себя освобожденнаго изъ заключенія и направляетъ его на путь дальнѣйшихъ преступленій. Но по отношенію къ первому соображенію нельзя не имѣть въ виду, что если мы признаемъ, что даже самый актъ осужденія, для нѣкоторыхъ личностей, можетъ имѣть репрессивное значеніе, то почему будемъ мы безусловно отрицать таковое по отношенію къ дѣйствительному выполненію наказанія, къ заключенію, длящемуся нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ?

---

(1). Ср. по поводу этого вопроса замѣчанія у Appelius, die bedingte Verurtheilung, 1890 г.; у Zucker'a, в. с., стр. 35 и сл.

Нѣсколько преувеличено и второе соображеніе. Если общество смотритъ на лицо, выходящее изъ тюрьмы, какъ на прокаженнаго, то это зависитъ прежде всего отъ характера преступленія, за которое онъ былъ наказанъ и отъ способа осуществленія наказанія. Тотъ, кто совершилъ корыстное преступленіе—мошенничество, шантажъ, кражу, хотя бы онъ и былъ подвергнутъ за него краткосрочному лишенію свободы, конечно, не можетъ, выходя изъ тюрьмы, сохранить незапятнанною свою прежнюю репутацію; но это будетъ естественнымъ послѣдствіемъ учиненнаго имъ дѣянія. Если въ одномъ и томъ же помѣщеніи сидятъ совмѣстно осужденные за безчестныя и за небезчестныя дѣянія, очень возможно, что по выходѣ изъ такого заключенія всѣ въ немъ бывшіе будутъ считаться обществомъ за тюремныхъ завсегдатаевъ; но, очевидно, что и здѣсь причина лежитъ въ неправильномъ совмѣщеніи преступниковъ. Можемъ ли мы утверждать, что нѣсколько дней или даже недѣль, проведенныхъ на гауптвахтѣ офицеромъ, или даже нѣсколько лѣтъ заключенія въ крѣпости напр., за дуэль, налагаютъ неизгладимый позоръ на осужденнаго? Едва ли, далѣе, можно утверждать это, напр., о помѣщеніяхъ при волостныхъ правленіяхъ, даже о нашихъ арестныхъ домахъ. Конечно, при краткосрочныхъ наказаніяхъ нельзя ожидать нравственнаго воздѣйствія тюрьмы на осужденнаго, нельзя вселить въ него благотворныхъ привычекъ, обучить работѣ и т. д., но первое и при долгосрочныхъ наказаніяхъ не всегда достижимо, а второе не всегда нужно. Праздность, скученность мелкихъ преступниковъ самыхъ разныхъ категорій въ одной тюрьмѣ, безъ надлежащаго за ними надзора, конечно, дѣлаетъ краткосрочное лишеніе свободы школою преступленій; но почему же, признавая это положеніе безспорнымъ, мы будемъ заботиться не объ улучшеніи этихъ мѣстъ заключенія, а объ ихъ уничтоженіи?

Поэтому я полагаю, что примѣненіе краткосрочныхъ наказаній должно быть только ограничено, между прочимъ, и возвышеніемъ низшаго предѣла за нѣкоторыя дѣянія, относительно коихъ допускается нынѣ назначеніе однодневнаго лишенія свободы, но полное устраненіе такихъ наказаній не представляется возможнымъ.

Прочія срочныя тюрьмы могутъ быть раздѣлены на среднесрочныя отъ 1 или 2-хъ лѣтъ до 5 или 6 лѣтъ и долгосрочныя; при-

чемъ и весь тюремный режимъ каждаго изъ этихъ типовъ долженъ быть поставленъ въ соотношеніе съ этимъ основнымъ различіемъ тюремъ, т. е. желательно, чтобы сумма ограниченій и страданій, заключающихся въ лишеніи свободы въ тюрьмахъ высшаго порядка, представлялась бы болѣе значительною, такъ что не могло бы повторяться того явленія, встрѣчавшагося не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, что арестанты среднесрочныхъ заведеній совершали новыя преступленія, чтобы подвергнуться высшему наказанію, представляющемуся для нихъ болѣе легкимъ.

Самый порядокъ исчисленія сроковъ въ отдѣльныхъ законодательствахъ различенъ. Такъ, по германскому кодексу въ § 19 указано, что день считается въ 24 часа, недѣля въ 7 дней, а мѣсяцы и годы по календарю; напротивъ того, по кодексамъ французскому и голландскому только годы исчисляются по календарю, а мѣсяцъ всегда полагается въ тридцать дней; эту послѣднюю систему принялъ и нашъ проектъ.

При такомъ точномъ опредѣленіи сроковъ исчисленіе ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ должно дѣлаться отъ часа къ часу, не засчитывая день начала или день освобожденія, что особенно важно для наказаній краткосрочныхъ. Такимъ образомъ, приговоренный къ тремъ днямъ ареста, бывшій до того на свободѣ, о коемъ приговоръ обращенъ къ исполненію, положимъ, 1 Сентября въ 8 часовъ вечера, не можетъ быть освобожденъ 3 Сентября, а долженъ досидѣть до 8 часовъ вечера 4 Сентября.

При этомъ законъ, установляя предѣльные сроки отдѣльныхъ видовъ лишенія свободы, нерѣдко указываетъ и основанія ихъ дѣлимости. Такъ, по германскому уложенію заключеніе въ Zuchthaus можетъ быть назначаемо только мѣсяцами, а другіе виды лишенія свободы днями. По нашему проекту срокъ каторги исчисляется годами и полугодами, срокъ исправительнаго дома—годами и мѣсяцами; срокъ заточенія и тюрьмы—годами, мѣсяцами и недѣлями, а срокъ ареста—днями.

Наконецъ, въ тѣхъ кодексахъ, которые знаютъ нѣсколько видовъ лишенія свободы, различныхъ по ихъ тяжести, большею частію устанавливается въ законѣ взаимное соотношеніе этихъ сроковъ на случай замѣны одного вида наказанія другими или на

случай зачета наказаній—при примѣненіи правилъ о совокупности. Такъ, по германскому уложенію (§ 21) 1 годъ заключенія въ Zuchthaus'ѣ равняется $1\frac{1}{2}$ тюрьмы и $2\frac{1}{4}$ крѣпости; по нашему проекту, 6 мѣсяцевъ каторги=1 году исправительнаго дома=$1\frac{1}{2}$ тюрьмы=2-мъ годамъ заточенія=3-мъ годамъ ареста.

842. Сроки лишенія свободы, конечно, опредѣляются судомъ, въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему закономъ; но съ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія стало распространяться сознаніе о практическихъ неудобствахъ неизмѣнимости назначеннаго судомъ срока наказанія, въ особенности при наказаніяхъ долгосрочныхъ, а затѣмъ выработалось цѣлое ученіе, которое будетъ изложено далѣе, объ условіяхъ измѣненія судебнаго приговора, отразившееся въ современномъ тюремномъ устройствѣ въ цѣломъ рядѣ институтовъ, опредѣляющихъ условія измѣненія сроковъ лишенія свободы.

Право измѣненія тюремною администраціею назначеннаго судомъ наказанія по существу своему распадается на два вида—на право прекращенія наказанія и право продолженія таковаго.

Общаго права продленія тюремною администраціею назначеннаго судомъ срока лишенія свободы въ виду неисправимости арестанта не знаетъ ни одно современное тюремное законодательство, но оно допускаетъ таковое при наличности нѣкоторыхъ особенныхъ условій, таково, напр., по нашему законодательству право продленія назначеннаго судомъ срока для арестантовъ, содержащихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, подвергавшихся неоднократно дисциплинарнымъ взысканіямъ, предоставленное 326 ст. уст. сод. подъ стражею. Таково же отчасти значеніе практиковавшагося въ германскихъ кодексахъ дополнительнаго заарестованія (korrektionelle Nachhaft) (1). По дѣйствующему германскому уложенію, Nachhaft назначается бродягамъ, нищимъ, безпристаннымъ, публичнымъ женщинамъ и т. п., послѣ отбытія ими

---

(1) B. von Hippel, die korrektionelle Nachhaft, 1889 г.; у него собраны постановленія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ по этому вопросу.

наказаній за нарушенія, указанныя въ § 361. Nachhaft опредѣляется на срокъ не свыше двухъ лѣтъ, и отбывается по усмотрѣнію земской полицейской власти въ рабочемъ домѣ; этотъ арестъ можетъ быть замѣненъ отдачею въ общественныя работы.

Сокращеніе же назначеннаго судомъ срока лишенія свободы является въ формахъ безусловнаго и условнаго освобожденія.

Безусловное досрочное освобожденіе арестантовъ, вызываемое ихъ хорошимъ поведеніемъ въ тюрьмѣ, сравнительно давно уже вошло въ практику тюремнаго дѣла. Достаточно указать, что у насъ оно было введено уставомъ о ссыльныхъ 1822 года, на основаніи коего вслѣдствіе хорошаго поведенія каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ имъ сокращается какъ срокъ пребыванія на каторгѣ (ст. 309 уст. о ссыльн.), такъ и срокъ пребыванія въ разрядѣ ссыльно-поселенцевъ (ст. 375 и 377 уст. о ссыльн.); такое же сокращеніе допускается по уставу о содержащихся подъ стражею для заключенныхъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ (ст. 317), не распространяясь только на лицъ, присужденныхъ къ низшимъ родамъ заключенія. Равнымъ образомъ, такое право предоставляется тюремной администраціи и въ другихъ странахъ, и тюремный опытъ всѣхъ государствъ свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи, которое имѣетъ досрочное освобожденіе, поселяя въ арестантѣ увѣренность, что его поведеніе, трудолюбіе не только могутъ улучшить его положеніе въ тюрьмѣ, доставить ему заработокъ по выходѣ, но и содѣйствуютъ скорѣйшему достиженію того, чего наиболѣе желаетъ каждый заключенный—свободы. Поэтому на практикѣ возможность сокращенія назначеннаго приговоромъ срока сдѣлалась необходимымъ условіемъ всякой правильной тюремной организаціи (1). Примѣненіе досрочнаго освобожденія или предоставляется вполнѣ тюремной администраціи, завися или отъ управ-

---

(1) H. Meyer, Lehrbuch, § 57 замѣчаетъ, что институтъ досрочнаго освобожденія безусловно непонятенъ и недопустимъ съ точки зрѣнія теорій справедливости, что онъ съ трудомъ можетъ быть понятъ по взглядамъ тѣхъ смѣшанныхъ теорій, которыя, исходя изъ начала справедливости, допускаютъ однако извѣстный просторъ для осуществленія практическихъ цѣлей наказанія, но онъ составляетъ необходимое дополненіе всякой утилитарной системы. Нельзя однако не замѣтить, что Berner, Lehrbuch, 7 изд. стр. 239, принадлежащій къ сторонникамъ смѣшанной теоріи, весьма подробно защищаетъ этотъ институтъ.

ленія мѣстомъ заключенія или отъ высшей исполнительной власти; или же условія его примѣненія заранѣе установляются тюремными правилами, напр., какъ въ англійской системѣ полученіемъ заключенными извѣстнаго числа марокъ, или какъ въ Брухзалѣ, предоставленіемъ каждому арестанту права, по истеченіи половины назначеннаго ему срока наказанія, обращаться къ управленію съ просьбою о сокращеніи опредѣленнаго судомъ срока.

Составители проекта новаго нашего уложенія сочли даже необходимымъ внести правила о досрочномъ освобожденіи въ текстъ уголовнаго уложенія (1), постановляя въ ст. 20, что приговоренные къ каторгѣ могутъ быть досрочно переводимы на поселеніе— срочные по истеченіи $^2/_3$, а безсрочные чрезъ 15 лѣтъ; находящіеся же на поселеніи могутъ быть освобождаемы отъ онаго по истеченіи 10 лѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ переводъ дѣлается на

---

(1) Въ замѣчаніяхъ на проектъ пр. Владиміровъ (объясн. зап. стр. 192) высказался противъ внесенія этого, какъ онъ выражается, новаго принципа въ кодексъ матеріальнаго уголовнаго права. Онъ находитъ, что этимъ слишкомъ подчеркивается, что принципомъ наказанія является исправленіе преступника, а такое положеніе и невѣрно и можетъ повлечь вредные результаты на практикѣ, въ особенности на судѣ съ присяжными, давая защитѣ возможность ходатайствовать объ освобожденіи отъ отвѣтственности на томъ лишь основаніи, что подсудимый человѣкъ неиспорченный, честный. Въ особенности г. Владиміровъ считаетъ опаснымъ принципъ условно досрочнаго освобожденія потому, что онъ окажетъ вліяніе на характеръ правосудія и на содержаніе общественныхъ представленій о сущности и значеніи уголовнаго наказанія. Другіе, г. Полланъ, Чинчинадзе и пр. возражали противъ этого постановленія потому, что эти статьи противорѣчатъ принципу отдѣленія власти административной отъ судебной, что вмѣшательство административной власти въ дѣла судебныя должно будетъ подорвать авторитетъ суда, силу и значеніе судебныхъ приговоровъ. Редакціонная коммисія по поводу этихъ замѣчаній объясняетъ: разъ самъ законъ устанавливаетъ, что каждый судебный приговоръ къ лишенію свободы, по отношенію къ сроку содержанія, не является безусловнымъ, а указываетъ только предѣлы, то, при осуществленіи этого требованія закона администраціею, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо колебаніи силы судебныхъ рѣшеній: сокращеніе срока содержанія, implicite, заключается въ приговорѣ суда. Еще менѣе можно говорить о несоотвѣтственности досрочнаго освобожденія съ идеею наказанія: если даже и не придавать значенія началу исправленія преступника, если игнорировать принципъ справедливаго воздаянія и ставить исключительною цѣлью карательной дѣятельности государства охрану общественнаго порядка и спокойствія, то и въ такомъ случаѣ несокращеніе срока наказанія преступнику, признаваемому неопаснымъ для общества, было бы напрасною жестокостью.

основаніи хорошаго поведенія арестанта, по распоряженію главнаго тюремнаго управленія; равнымъ образомъ срокъ заключенія въ исправительномъ домѣ можетъ быть сокращаемъ на $^1/_6$, въ особо установленномъ порядкѣ (1). Для низшихъ видовъ лишенія свободы коммисія не предположила никакого досрочнаго освобожденія.

Другой видъ сокращенія срока наказанія составляетъ условное досрочное освобожденіе, т. е. освобожденіе до срока, но съ условіемъ соблюденія освобожденнымъ, до окончанія полнаго срока наказанія, особыхъ установленныхъ для нихъ правилъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ неисполненія этихъ правилъ освобожденный снова возвращается въ мѣсто заключенія, причемъ время, проведенное имъ на свободѣ, не засчитывается въ общій срокъ его наказанія. Система условнаго досрочнаго освобожденія появилась въ Англіи при австралійской ссылкѣ, а затѣмъ, съ отмѣною ссылки, прочно укоренилась въ Англійско-Ирландской пенитенціарной системѣ. Изложеніе ирландской системы въ трудахъ Миттермайера, Гольцендорфа, Брюггена, познакомило съ этимъ институтомъ континентъ Европы, а въ извѣстномъ трудѣ Гольцендорфа о сокращаемости наказаній лишеніемъ свободы 1861 г. ему была дана прочная юридическая основа. Въ 1862 г. условное освобожденіе было принято въ Саксоніи, а затѣмъ перешло въ германское уложеніе. По §§ 23—26 сего уложенія досрочное освобожденіе можетъ быть дано приговоренному къ долгосрочному (по мнѣнію комментаторовъ—болѣе одного года) заключенію въ Zuchthaus или въ тюрьму, если заключенный отбылъ $^2/_3$ наказанія, и во всякомъ случаѣ былъ въ заключеніи не менѣе года, велъ себя хорошо и согласился воспользоваться условнымъ освобожденіемъ. Освобожденный обязывается соблюдать особо предписанныя для него правила поведенія, а въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ или вообще дурнаго поведенія,

---

(1) Коммисія предполагала, что въ составъ этого учрежденія войдутъ, какъ представители суда, такъ и администраціи, въ особенности же мѣстнаго тюремнаго управленія. Предоставить же досрочное освобожденіе исключительно суду, коимъ былъ постановленъ приговоръ, коммисія нашла практически неудобнымъ, даже и потому, что исправительный домъ можетъ иногда находиться совсѣмъ въ другомъ округѣ, такъ что для суда будетъ затруднительно выслушать мнѣніе тюремной администраціи.

освобожденный можетъ быть возвращенъ въ мѣсто заключенія и время нахожденія его на свободѣ не засчитывается въ срокъ наказанія. Освобожденіе и возвращеніе въ мѣсто заключенія дѣлается по распоряженію Министра Юстиціи; но предварительное задержаніе условно освобожденнаго, въ случаѣ необходимости, можетъ быть сдѣлано и по распоряженію мѣстныхъ полицейскихъ властей. По кодексу венгерскому (§§ 48—52) условное освобожденіе допускается по распоряженію Министра Юстиціи, если приговоренные хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ подаютъ надежду на исправленіе, если притомъ прошло не менѣе $^3/_4$ назначеннаго по суду срока, а для безсрочныхъ 15 лѣтъ, и если о такомъ освобожденіи будетъ ходатайство какъ самого заключеннаго, такъ и наблюдательнаго тюремнаго комитета. Сходныя правила знаетъ и голландскій кодексъ ст. 14—17, а законъ 14 Августа 1885 г. далъ довольно широкое примѣненіе этому институту и во французскомъ правѣ. По этому закону условное освобожденіе вовсе не примѣняется только къ приговореннымъ къ транспортаціи и пожизненнымъ каторжнымъ работамъ; для примѣненія же къ прочимъ преступникамъ требуется непремѣнно отбытіе ими $^1/_2$ наказанія, а для рецидивистовъ—$^2/_3$ (Garraud, II, № 284).

Такимъ образомъ, условное досрочное освобожденіе, не смотря на сильныя нападки на него, сдѣлалось необходимымъ условіемъ тюремнаго режима почти во всей Европѣ. По отношенію къ судебному приговору эта мѣра имѣетъ то же значеніе, какъ и простое досрочное прекращеніе отбытія наказанія, а потому и вполнѣ оправдывается вышеуказанными соображеніями полезности, особенно, если пользованіе этимъ правомъ обставлено достаточными гарантіями (1). По отношенію же къ заключенному эта мѣра

(1) Ortolan, № 1489, высказываясь за досрочное условное освобожденіе, считаетъ необходимою постепенную къ нему подготовку системою возрастанія льготъ: дозволеніемъ принимать у себя въ кельѣ заказы отъ постороннихъ, отпусками днемъ изъ тюрьмы для работъ и т. п. Французскій кассаціонный судъ при Enquête parlementaire 1872, признавая полезнымъ институтъ условнаго помилованія, находилъ необходимымъ, чтобы оно каждый разъ давалось съ утвержденія главы государства, по докладу Министра Юстиціи. Ср. Bonneville de Marsangy, Traité des divers institutions complémentaires du régime pénitentiaire, 1847. Ср. также подробное изложеніе доводовъ за условное освобожденіе въ учебникѣ Бернера, § 104; въ Германіи противъ условнаго освобожденія высказываются Гельшнеръ, Зонтагъ.

является льготою, даваемою и отнимаемою по усмотрѣнію администраціи, подобно переводу изъ одного отдѣленія тюрьмы въ другое, разрѣшенію свиданій, переписки и т. д. Но особенность этой льготы состоитъ въ томъ, что ея отнятіе не только ставитъ лишеннаго ея въ общій уровень арестантовъ, но и какъ бы ухудшаетъ его положеніе, отдаляя срокъ окончанія отбытія наказанія (1). Въ виду этого обстоятельства многіе кодексы, принявшіе этотъ институтъ, ставятъ условіемъ примѣненія этой мѣры согласіе на то арестанта. Принятіе такой мѣры требуетъ, конечно, крайней осторожности, подробнаго ознакомленія съ заключеннымъ, съ его характеромъ, силою воли, съ его способностью и наклонностью жить своимъ трудомъ; поэтому такая мѣра не можетъ быть примѣняема къ краткосрочнымъ наказаніямъ (менѣе двухъ или трехъ лѣтъ); но нераспространеніе этого института на наказанія безсрочныя, какъ это допускаетъ французскій законъ 1885 г., представляется едвали правильнымъ, потому что указываемое обыкновенно формальное основаніе такого изъятія—невозможность опредѣлить истеченіе $1/2$ или $2/3$ наказанія, устраняется точнымъ опредѣленіемъ наименьшаго срока. Съ другой стороны, цѣлесообразное примѣненіе условнаго освобожденія, которое не придавало бы этой мѣрѣ характеръ опасный для общественной безопасности, предполагаетъ развитіе обществъ патронатства, которыя могли бы подать руку помощи преступнику въ трудную для него минуту перехода отъ тюремной жизни къ свободѣ и правильную организацію надзора за заключенными.

Въ нашемъ правѣ постановленія объ условномъ досрочномъ освобожденіи находятся лишь въ законѣ объ устройствѣ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ (ст. 162 уст. о сод. подъ стр. изд. 1890 г.). Редакціонная коммисія, принимая во вниманіе указаніе спеціалистовъ тюремнаго дѣла, что этотъ видъ досрочнаго освобожденія, независимо отъ общихъ выгодъ этого рода сокращенія сроковъ наказанія, даетъ средство испытать, на сколько результаты тюремнаго воздѣйствія оказываются дѣйствительно прочными, пред-

---

(1) По этому поводу Н. Неклюдовъ, конспектъ, стр. 110, называлъ даже самый институтъ условнаго освобожденія нелѣпымъ, такъ какъ за дурное поведеніе условно освобожденный идетъ въ каторжныя работы.

полагала ввести эту форму и въ наше уложеніе, и это предположеніе было встрѣчено сочувственно весьма многими изъ нашихъ практиковъ (объясн. зап. стр. 201). Но при окончательномъ обсужденіи общихъ положеній редакціонная коммисія исключила эти постановленія, указавъ, что хотя такое освобожденіе составляетъ необходимое дополненіе всякой раціонально устроенной тюремной системы, но что введеніе этого института нынѣ же, въ виду состоянія нашихъ тюремъ и отсутствія у насъ правильно организованнаго полицейскаго надзора и обществъ патронатства, не представляется своевременнымъ.

343. *Тюремная работа* (1). Праздность при совмѣстномъ помѣщеніи арестантовъ была главнымъ основаніемъ нравственно-растлѣвающаго вліянія старой тюрьмы. Поэтому, при первыхъ же попыткахъ тюремной реформы, введеніе работы въ тюрьмы, какъ главнаго средства дисциплинированія заключенныхъ и упорядоченія тюремной жизни, было выдвинуто на первый планъ. Равнымъ образомъ, давно уже выдвинулась и другая—экономическая—сторона даннаго вопроса. Заключенные представляли несомнѣнную рабочую силу, празднотратившуюся въ заключеніи; извлеченіе пользы изъ этой силы, обращеніе арестантовъ на государственныя работы, особенно на такія, куда свободный трудъ шелъ неохотно, стоилъ дорого, представляло несомнѣнную выгоду для государства. Эта возможность извлеченія выгодъ изъ тюремнаго труда получила особенное значеніе, когда началось улучшеніе внѣшняго положенія арестантовъ. Постройка и содержаніе новыхъ тюремъ требовали огромныхъ затратъ, тяжело ложившихся на государственный бюджетъ; не естественно ли было облегчить эту тяжесть, воспользовавшись тюремнымъ трудомъ, заставя самихъ арестантовъ покрывать, хотя бы въ извѣстномъ размѣрѣ, расходы на ихъ содержаніе. Наконецъ, пенитенціарная система выдвинула

(1) Iagemann, Gefängnissarbeit въ Handbuch Гольцендорфа, II, стр. 223—261; Krohne, в. с., стр. 388—426; Фойницкій, стр. 361—373; A. Bauer, der Gewerbsbetrieb in der Strafanstalten, 1861 г.; F. Bruun, über die Vollziehung der Strafarbeit, übers. v. Elwers, 1870 г.; Андреевъ, тюремная работа въ журн. граж. и уголр. права за 1876 г. Вопросъ о тюремной работѣ былъ предметомъ подробнаго обсужденія на римскомъ тюремномъ конгрессѣ.

на первый планъ воспитательное значеніе тюремнаго труда для самого заключеннаго, какъ важнѣйшее средство благотворнаго воздѣйствія на него въ самой тюрьмѣ и какъ средство обезпеченія его существованія по выходѣ изъ тюрьмы.

Такимъ образомъ, работа составляетъ необходимое условіе современной тюрьмы, такъ смотрятъ на нее и современныя законодательства, признавая обязательность работы необходимымъ условіемъ не только высшихъ видовъ наказанія (каторжныя работы, travaux forcés), но и среднесрочныхъ, а иногда даже и краткосрочныхъ. Если же мы и встрѣчаемъ въ практикѣ тюремнаго дѣла, въ особенности, напр., у насъ въ Россіи, тюрьмы даже долгосрочныя безъ правильно организованныхъ работъ, то такое явленіе составляетъ несомнѣнное зло, требующее возможно скораго устраненія.

Но признаніе работы необходимымъ условіемъ тюрьмы не устраняетъ и нынѣ различія въ постановкѣ самаго значенія работы, а особенно въ ея организаціи.

Дисциплинирующее значеніе работы привело къ стремленію видѣть въ самомъ принужденіи къ работѣ, и притомъ къ работѣ извѣстнаго рода, элементъ кары, причемъ тяжесть наказанія обусловливала и соотвѣтственное возрастаніе тяжести работы. Такъ, французскій кодексъ говоритъ и нынѣ, что приговоренные къ каторжнымъ работамъ и транспортаціи должны быть занимаемы par les travaux les plus pénibles; нашъ уставъ о ссыльныхъ указываетъ, что тяжкія подземныя рудниковыя работы примѣняются только къ каторжнымъ перваго разряда.

Но что считать тяжкою работою? Въ простѣйшемъ видѣ это будетъ работа, требующая наибольшаго физическаго напряженія силъ арестанта, производящая скоро полное утомленіе и, при извѣстной продолжительности, дѣлающаяся мученіемъ для арестанта, калѣчащая его, доводящая до полнаго физическаго ослабленія, а иногда и до преждевременной смерти. Другой видъ тяжкой работы составляетъ работа, соединяющая утомленіе съ полною непроизводительностью, подавляющая не только физически, но и нравственно. Примѣромъ такихъ работъ могутъ служить, напр., существовавшія въ земскихъ тюрьмахъ Англіи по акту 1856 г. для приговоренныхъ къ тяжкимъ работамъ 1-й и 2-й степени—

перетаскиваніе тяжелыхъ ядеръ изъ кучи въ кучу на тюремномъ дворѣ (shotdrill), ступальная мельница (tread Wheel), т. е. колесо съ лопастями, на которыя становятся арестанты, приводящіе своею тяжестью въ движеніе колесо, причемъ скорость движенія можетъ быть увеличиваема по усмотрѣнію, безрезультатная ручная мельница (cranc), рукоятку коей вертитъ арестантъ, и т. д. Наконецъ, къ тяжкимъ работамъ низшаго порядка причисляютъ работы осрамительныя, подавляющія арестанта не физически, а нравственно, таковы, напр.: употреблявшееся прежде публичное метеніе улицъ заарестованными за буйство, пьянство и притомъ въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ они были захвачены, публичныя работы на цѣпи и т. п.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что работа въ тюрьмахъ не должна быть однимъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ, а должна являться дѣйствительно упорнымъ, серьезнымъ трудомъ, какъ по своей обязательности, такъ и по своей продолжительности и т. д.; но тѣмъ не менѣе взглядъ на работу, какъ на наказаніе, представляется невѣрнымъ по его идеѣ и приводящимъ къ нежелательнымъ результатамъ. Праздность, какъ говоритъ народная пословица, есть мать всѣхъ пороковъ, поэтому трудъ, какъ антитеза бездѣлія, есть единственная основа не только благосостоянія, но и личнаго и общественнаго счастія. Только въ трудѣ, замѣчаетъ Ортоланъ (№ 1460), можетъ найти человѣкъ, и здоровье и довольство собою; трудъ въ тюрьмѣ сократитъ для арестанта срокъ наказанія, дастъ возможность провести это время съ пользою для себя и другихъ; работа парализуетъ дурныя наклонности, облагородитъ его мысли и стремленія; поэтому работа сама по себѣ не можетъ быть наказаніемъ, а скорѣе наградою (1). На этомъ основаніи въ современной одиночной тюрьмѣ безработное содержаніе въ кельѣ является первою, самою тяжкою частью наказанія, или же дисциплинарною мѣрою.

Въ особенности въ этомъ отношеніи являются несостоятельными работы непроизводительныя и осрамительныя; но и обязательное назначеніе чрезмѣрно тяжкихъ физически работъ, хотя бы только и

(1) Далѣе, Ортоланъ прибавляетъ (№ 1462), что никакой видъ работы самъ по себѣ не можетъ разсматриваться какъ наказаніе уже и потому, что, какое бы мы ни выбрали занятіе, оно всегда является средствомъ существованія извѣстной группы лицъ непреступныхъ.

*

для важнѣйшихъ преступниковъ, допускаетъ серьезныя возраженія. Противъ этого не только возстаетъ чувство гуманности, не допускающее квалифицированной смертной казни, каковою была бы въ сущности работа, неминуемо приводящая, по истеченіи 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, къ смерти, но противъ нея служатъ и соображенія уголовной политики. Нельзя забывать, что и для тяжкаго преступника наступаетъ моментъ выхода изъ тюрьмы на свободу, или, какъ у насъ, на поселеніе,—на что же окажется пригоденъ этотъ физически и нравственно искалѣченный, обезсиленный арестантъ? Тюрьма не можетъ сдѣлаться мѣстомъ отдыха, преступникъ долженъ работать не менѣе, даже можетъ быть нѣсколько болѣе, чѣмъ свободный рабочій, но не чрезмѣрно.

Болѣе правильнымъ представляется, конечно, экономическій взглядъ на значеніе тюремной работы. Если мысль о томъ, что при извѣстномъ родѣ работъ государство, съ полною выгодою, можетъ замѣнить подневольнымъ трудомъ свободный, и признана несостоятельною современною экономическою наукою, указавшею на сравнительное несовершенство этого труда и его относительную дороговизну, то это нисколько не колеблетъ правильности той мысли, что тюрьма должна быть устроена такъ, чтобы трудъ арестантовъ покрывалъ, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ значительной части, издержки государства на тюремное дѣло; тюрьма должна быть продуктивна (1).

Но исключительно экономическій взглядъ на тюремную работу, обращеніе тюрьмы въ правильно-организованную фабрику, также вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія.

Прежде всего указываютъ на возможность конкурренціи такой тюрьмы-фабрики съ мѣстнымъ свободнымъ трудомъ, конкурренціи при такихъ условіяхъ, что тюрьма можетъ задавить мѣстныхъ, въ особенности мелкихъ, конкуррентовъ, и тѣмъ, естественно, содѣйствовать подъему преступности. Такія указанія особенно часто дѣлались во Франціи. Правительство въ 1848 г. даже декретомъ объявило прекращеніе работъ въ тюрьмахъ, но дѣйствіе

---

(1) На лондонскомъ конгрессѣ были сдѣланы указанія, что нѣкоторыя англо-шотландскія тюрьмы, напр., тюрьма въ Глазго, окупаютъ себя, а въ Америкѣ есть тюрьмы, даже приносящія доходъ, напр., центральная тюрьма въ штатѣ Массачусетсѣ.

этого запрета продолжалось недолго. Подобныя же возраженія дѣлались нерѣдко въ Англіи; въ недавнее время петиціи рабочихъ, направленныя противъ тюремной конкурренціи, были представляемы въ германскій Reichstag и въ австрійскую палату депутатовъ (1). Указывали на то, что при готовомъ помѣщеніи, отсутствіи личныхъ расходовъ, наконецъ, при произвольномъ опредѣленіи заработка, стоимость тюремныхъ продуктовъ всегда будетъ дешевле, чѣмъ на свободномъ рынкѣ, что, обладая значительнымъ запаснымъ капиталомъ, тюрьма не стѣснена временными условіями спроса и предложенія, а потому поставлена всегда въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ мѣстныя, въ особенности маленькія, мастерскія. Правда, противъ этихъ нападокъ справедливо возражаютъ, что нападающіе могутъ представить весьма мало фактическихъ подтвержденій своихъ жалобъ: такъ, въ 1848 г. въ Парижѣ петиція была подана отъ портныхъ, а между тѣмъ оказалось, что въ Парижѣ въ тюрьмахъ работало всего 60 портныхъ на 15,000 свободныхъ рабочихъ; въ 1871 г. въ англійской палатѣ депутатовъ Бересфордъ заявилъ, что Вэкфильдская тюрьма подавила всѣ сосѣднія свободныя мастерскія, а между тѣмъ оказалось, что не была закрыта ни одна мастерская и даже, послѣ введенія обязательныхъ работъ въ тюрьмѣ, мѣстная заработная плата не понизилась (2).

Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что устройство обширныхъ тюремъ-фабрикъ съ однимъ спеціальнымъ родомъ работъ, въ мѣстностяхъ съ сравнительно небольшимъ производствомъ этого рода, особенно съ производствомъ кустарнымъ, можетъ подавляюще дѣйствовать на это производство. Въ виду этого и С.-Петербургскій тюремный конгрессъ, признавая преувеличенными опасенія о конкурренціи тюремнаго труда съ свободнымъ, тѣмъ не менѣе установилъ, что въ тюрьмахъ наивысшій предѣлъ извѣстнаго производства, тарифъ, заработная плата должны быть расчитаны такъ, чтобы не причинять вреда соотвѣтствующимъ отраслямъ свободной промышленности.

---

(1) Ср. любопытную брошюрку, die Strafhaus-Arbeit, 1886 г.

(2) Жоли, стр. 208, замѣчаетъ, что наиболѣе распространенное во французскихъ тюрьмахъ башмачное ремесло занимаетъ только 1800 человѣкъ на 120000 свободныхъ рабочихъ.

Несравненно важнѣе другой упрекъ фабричному устройству тюремъ. Всякая значительная мануфактура естественно стремится къ однообразію предметовъ производства и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возможному спеціализированію занятій отдѣльныхъ рабочихъ. А между тѣмъ и то, и другое требованіе противорѣчитъ воспитательнымъ задачамъ тюрьмы. Дѣйствительное обученіе промыслу требуетъ его всесторонняго изученія, а не спеціализаціи; требуетъ устраненія работъ машинообразныхъ, отупляющихъ работника (1); правильно поставленная тюрьма должна стремиться къ тому, чтобы освобождаемый изъ нея арестантъ вышелъ съ такими свѣдѣніями, которыя могли бы обезпечить ему заработокъ по выходѣ на свободу, а для этого необходимо разнообразіе тюремныхъ работъ (2).

Поэтому, экономическій взглядъ на значеніе тюремной работы можетъ быть оправданъ только при томъ условіи, что при этомъ не будетъ забыта главная задача тюрьмы, интересы обученія арестантовъ и подготовленія ихъ къ внѣтюремной жизни. Работа должна быть средствомъ воздѣйствія на заключеннаго. При такомъ взглядѣ на значеніе работы, для правильной ея организаціи, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Фойницкій (стр. 363), необходимо: 1) чтобы тюремная работа создала или, по крайней мѣрѣ, удержала въ арестантѣ привычку честнаго и систематическаго труда; 2) чтобы она создала въ немъ, если необходимо, капиталъ механическихъ силъ и практическихъ знаній, весьма

---

(1) Krohne, стр. 398, указываетъ, что всего предпочтительнѣе такое устройство работъ, при которомъ каждый арестантъ производилъ бы продуктъ полностью, а не выполнялъ постоянно только одну часть какой либо работы. Такимъ образомъ желательно, чтобы по объему свѣдѣній онъ былъ ближе къ кустарю, а не къ фабричному рабочему. Съ другой стороны, замѣчаетъ онъ, едва ли правильно стремленіе изгнать изъ тюрьмы всякую машинную дѣятельность: швейная машина должна играть и въ тюремной швальнѣ ту же роль, какъ и въ свободной; нельзя избѣжать употребленія различныхъ приводовъ и т. п. въ правильно поставленной слесарной или столярной мастерской. Тюремная мастерская, говоритъ Ягеманнъ, § 3, прим. 3, должна слѣдовать за успѣхами свободной.

(2) Фойницкій, стр. 367, указываетъ, что во Франціи въ центральныхъ тюрьмахъ въ пятидесятыхъ годахъ практиковалось 38 родовъ работы, въ 1865 г. число ихъ дошло до 62, въ 1869 г. до 85. О разнообразіи тюремныхъ работъ свидѣтельствуютъ выставки, бывшія во время тюремныхъ конгрессовъ, въ особенности послѣдняя выставка въ Петербургѣ въ 1890 г.

важный ему по освобожденіи, какъ непремѣнное условіе возможности честнаго существованія. Поэтому родъ работы, избираемый тюрьмою, не долженъ заключать въ себѣ ничего отталкивающаго отъ труда, унижающаго его, чтобы арестантъ не бросилъ его при первомъ соблазнѣ бездѣльемъ.

Работа должна быть обязательна во всѣхъ тюрьмахъ, не исключая и краткосрочныхъ, хотя, конечно, устройство работы въ послѣднихъ представляетъ болѣе затрудненій, въ виду необходимости допустить въ нихъ наиболѣе разнообразія работъ, такъ какъ въ какіе нибудь 5, 10 дней нельзя приспособить человѣка къ такой работѣ, которою онъ не занимался на свободѣ.

Самый выборъ рода работъ представляетъ крайнее разнообразіе и не поддается регламентаціи. Въ этомъ отношеніи въ законѣ могутъ быть дѣлаемы только нѣкоторыя общія указанія. Такъ, напр., германскій кодексъ (§ 17), допуская работы какъ внутри, такъ и внѣ тюрьмы, ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣднія производились отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ, а по отношенію къ тюрьмѣ указываетъ, чтобы заключеннымъ давали работы соотвѣтственно ихъ способностямъ и условіямъ прежней жизни.

Проектъ нашего уголовнаго уложенія указываетъ, что каторжники и арестанты мужскаго пола, содержащіеся въ исправительныхъ домахъ, могутъ быть занимаемы и внѣ помѣщеній, но отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ; приговоренные же къ заточенію, тюрьмѣ или аресту—работаютъ въ самомъ помѣщеніи, включая сюда и дворъ, садъ или огородъ тюремнаго зданія, причемъ для приговоренныхъ къ тюрьмѣ родъ работъ назначается управленіемъ, а приговоренные къ заточенію и аресту сами избираютъ родъ работъ.

Родъ работы, конечно, также зависитъ отъ самаго способа размѣщенія арестантовъ. Одиночное заключеніе по необходимости исключаетъ многія занятія, напр., требующія сравнительно бо̀льшаго помѣщенія, или участія нѣсколькихъ лицъ. Но, конечно, главнымъ основаніемъ выбора должны служить индивидуальныя особенности арестанта, полъ, возрастъ, физическія силы, прежнія занятія, пригодность работы для внѣтюремнаго заработка. Хотя нельзя не замѣтить, что тюрьма, особенно долгосрочная, даетъ воз-

можность, а иногда и необходимость, направить заключеннаго на такую работу, которою онъ не занимался на свободѣ, въ особенности на работы однородныя—плотника въ столярную, кузнеца въ слесарную и т. д. Далѣе, при устройствѣ тюремныхъ работъ, конечно, необходимо принять во вниманіе особенности тюремной жизни, требующія исключенія работъ, производящихъ сильный шумъ, распространяющихъ зловоніе, опасныхъ въ пожарномъ отношеніи и т. п.; равнымъ образомъ нельзя забывать, что нѣкоторыя работы, переносимыя на свободѣ безъ особеннаго вреда, дѣлаются вредными въ тюрьмѣ, благодаря недостаточному пребыванію и движенію на воздухѣ и т. п.

Кромѣ ремесленныхъ работъ, въ каждой тюрьмѣ, какъ большой хозяйственной единицѣ, существуютъ болѣе или менѣе значительныя хозяйственныя работы. Если при одиночной системѣ за чистотою и порядкомъ въ кельѣ обязанъ заботиться самъ заключенный, если при общемъ заключеніи работы такого рода могутъ быть исполняемы по очереди, то остаются затѣмъ другія хозяйственныя работы, требующія постояннаго занятія и извѣстной подготовки къ нимъ, какъ, напр., работы по приготовленію и раздачѣ пищи, по стиркѣ бѣлья, по отопленію зданія, приготовленію топлива и т. д. Къ числу домашнихъ работъ относятъ также и канцелярскія занятія, которыя могутъ быть иногда поручаемы пригоднымъ для того арестантамъ, хотя нѣкоторые изъ опытныхъ тюремныхъ дѣятелей, напр. Кроне (стр. 398), находятъ, что такое косвенное участіе въ управленіи тюрьмою затрудняетъ поддержаніе дисциплины въ тюрьмахъ и что для такихъ лицъ наказаніе лишается репрессивнаго его характера.

Работы по большей части выполняются въ самомъ тюремномъ помѣщеніи, включая сюда и дворы, напр., при пилкѣ или колкѣ дровъ и т. п.; но если при тюрьмѣ имѣется огородъ или садъ, то, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, употребленіе на такія работы, хотя бы только арестантовъ наиболѣе надежныхъ, можетъ быть одинаково полезно, какъ для самихъ заключенныхъ, такъ и для тюремнаго хозяйства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда тюрьма обладаетъ соотвѣтственнымъ участкомъ земли, а въ числѣ заключенныхъ находится болѣе или менѣе значительное количество лицъ, принадлежащихъ къ земледѣльческому классу, казалось бы можно допускать

въ тюрьмахъ работы полевыя, хотя противъ такихъ работъ въ тюремной литературѣ раздаются такія же возраженія, какъ и противъ употребленія арестантовъ на общественныя внѣтюремныя работы (1).

Устройство послѣдняго рода работъ при тюрьмахъ, расположенныхъ въ значительно заселенныхъ мѣстностяхъ, представляло бы много затрудненій для правильнаго тюремнаго режима. Отдѣленіе арестантовъ отъ свободныхъ рабочихъ являлось бы неудобоисполнимымъ, а чрезъ то естественно возникали бы предосудительныя сношенія заключенныхъ съ мѣстнымъ порочнымъ или даже преступнымъ населеніемъ; сравнительная легкость побѣга и трудность надзора принуждали бы прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ предосторожности, въ видѣ наложенія оковъ, наручниковъ и т. п., что придавало бы работѣ, во вредъ истиннымъ задачамъ тюрьмы, позорящій характеръ. Но вопросъ становится иначе для тюремъ, расположенныхъ далеко отъ населенныхъ центровъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, требующихъ колонизаціи и земледѣльческой культуры. Тамъ употребленіе рабочихъ рукъ заключенныхъ на общественныя сооруженія—на проведеніе и улучшеніе дорогъ, на обкорчеваніе полей, осушеніе болотъ, или на постройку общественныхъ зданій, въ особенности тюремъ, представлялось бы важнымъ экономическимъ подспорьемъ для страны. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать справедливымъ замѣчаніе Кенана, что съ американской точки зрѣнія представляется непонятнымъ, почему праздносидящія въ тюрьмахъ Сибири рабочія силы не могли бы быть употреблены на постройку и улучшеніе тюремныхъ зданій, которыхъ полная негодность признана самимъ правительствомъ.

Конечно, такія работы требуютъ извѣстной организаціи, устройства, надлежащаго опытнаго персонала для надзора, требу-

---

(1) Starcke, über die Arbeit der Gefangenen ausser der Gefängnissräume 1880 г.; М. Прянишниковъ, русская земледѣльческая тюрьма, 1881 г. Онъ предлагаетъ тюрьмы-колоніи отъ Оренбурга до Ташкента или между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, чтобы прочно колонизировать эту часть. Во Франціи земледѣльческія работы введены въ нѣсколькихъ maisons centrales, въ особенности въ Chiavari и Casabianda.

ютъ отбора арестантовъ, не только пригодныхъ для такого труда по ихъ способностямъ, но и болѣе надежныхъ по ихъ поведенію, уже отбывшихъ извѣстную часть наказанія и т. д., но польза такихъ работъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Такъ какъ положеніе арестанта въ тюрьмѣ не можетъ быть болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе свободнаго рабочаго, то понятно, что и число часовъ занятій должно быть приблизительно то же, какъ и на свободѣ, т. е. приблизительно отъ 10—12 часовъ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ свойства работы, отъ индивидуальныхъ условій заключеннаго, а въ извѣстномъ отношеніи и отъ условій тюремной жизни. Равнымъ образомъ, размѣръ работы можетъ опредѣляться и поурочно, причемъ въ обоихъ случаяхъ допустима работа старательская, т. е. сверхурочная или сверхсрочная, идущая полностью въ пользу заключеннаго.

Но какова бы ни была работа, ея роль въ тюремномъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Ягеманнъ (стр. 238), всего болѣе зависитъ отъ энергіи и способности руководителей работъ; нельзя забывать, что заключенные, какъ рабочая сила, стоятъ въ огромномъ процентѣ много ниже средняго уровня свободныхъ рабочихъ, благодаря иногда глубоко вкоренившейся привычкѣ къ праздности, благодаря ихъ слабосилію, результату психическаго вырожденія и разгульной жизни, ихъ незнакомству съ пріемами труда. Поэтому вопросъ о правильной организаціи завѣдыванія работами является весьма серьезнымъ.

Въ этомъ отношеніи современныя тюрьмы представляютъ нѣсколько различныхъ системъ.

Первый типъ составляютъ работы за счетъ тюрьмы (système de régie) или хозяйственная система въ тѣсномъ смыслѣ, когда тюремное управленіе является исключительно организаторомъ тюремныхъ работъ (эта система господствуетъ, по указанію Ягеманна, въ Баваріи, Баденѣ, Италіи, Англіи, Швеціи, Норвегіи, Бельгіи). Тюремное управленіе опредѣляетъ родъ работъ, закупаетъ необходимые матеріалы и орудія производства и сбываетъ на рынкѣ результаты производства. Этотъ видъ въ особенности подходитъ къ понятію тюрьмы-фабрики, но требуетъ совершенно своеобразныхъ знаній и способностей отъ тюремнаго начальства, заставляя ихъ быть фабрикантами-предпринимателями, знать потребности рынка,

умѣть во-время и въ извѣстномъ мѣстѣ сдѣлать заготовку матеріала, приноравливать самую работу къ условіямъ сбыта. Тюрьма-фабрика всегда грозитъ опасностью чрезмѣрнаго развитія промысловаго характера тюрьмы, въ силу коего тюрьма можетъ дѣйствительно сдѣлаться опаснымъ конкуррентомъ свободнаго труда или, наоборотъ, при извѣстной неумѣлости руководителей сдѣлать тюремную работу обременительною для государства и въ то же время безцѣльною для арестанта.

Противоположную форму представляетъ подрядная система (système d'entreprise), распространенная во Франціи, Пруссіи, Австріи, Даніи (1), когда всѣ рабочія руки тюрьмы сдаются одному предпринимателю, опредѣляющему родъ и свойство работъ. При этой системѣ, конечно, упрощаются заботы тюремнаго начальства, устраняется тяжелая необходимость пріисканія казенныхъ мастеровъ, уменьшается рискъ предпріятія, но за то создается крайне невыгодное для тюрьмы вмѣшательство въ тюремную жизнь чуждыхъ ей элементовъ. Откупщики, по необходимости, вводятъ въ тюрьму своихъ агентовъ, можетъ быть вовсе не соотвѣтствующихъ требованіямъ тюремной дисциплины (2), эта система, какъ указываетъ опытъ, представляетъ дѣйствительныя затрудненія для тюремной дисциплины—доставленіемъ предметовъ, воспрещенныхъ къ употребленію въ тюрьмахъ, облегченіемъ нарушенія извѣстныхъ требованій тюремнаго порядка, а иногда и прямымъ противодѣйствіемъ различнымъ мѣрамъ, предпринимаемымъ въ тюрьмѣ относительно распредѣленія часовъ занятій, относительно развитія школьнаго обученія и т. д. Эти затрудненія немного ослабляются, но далеко не устраняются при такъ называемой американской системѣ отдѣльныхъ подрядовъ. Даже иногда, при дробимости подряда, сравнительно мелкій интересъ отдѣльныхъ предпринимателей можетъ оказаться еще болѣе невыгоднымъ для осу-

---

(1) Самою грубою и самою старою формою подрядной системы являлась система закабаленія, отдача арестанта въ полное распоряженіе частныхъ лицъ, какъ это было въ англо-американской ссылкѣ.

(2) Для устраненія этихъ неудобствъ предполагалось даже агентовъ предпринимателей дѣлать временными членами тюремнаго управленія, но такія попытки введенія въ тюремную администрацію случайнаго, измѣнчиваго и совершенно независимаго отъ нея персонала представляются весьма опасными.

ществленія остальныхъ задачъ тюрьмы, и множество подрядчиковъ можетъ сдѣлать еще болѣе опаснымъ вмѣшательство въ тюремную жизнь чуждаго ей элемента (1).

Третій типъ составляетъ такъ называемая система заказовъ (Accordsystem, Travail sur commande), когда тюремное управленіе является не предпринимателемъ—комерсантомъ, а подрядчикомъ-исполнителемъ; когда посторонніе элементы опредѣляютъ общее направленіе тюремныхъ работъ, но самая организація работъ, надзоръ за ними, подготовленіе къ работамъ арестантовъ всецѣло принадлежатъ тюремной администраціи, такъ что арестантъ не находится ни въ какихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ заказчику (2).

Заказчиками могутъ быть частныя лица, фабриканты или иные предприниматели и само государство. Такимъ образомъ, тюрьма можетъ, прежде всего, удовлетворять потребностямъ самой же тюрьмы или другихъ тюремъ, арміи, флота, администраціи, благодаря чему тюремная работа, не пріобрѣтая характера промышленнаго предпріятія, можетъ дать серьезный вкладъ въ государственное хозяйство.

844. Въ зависимости отъ основнаго взгляда на сущность тюремной работы стоитъ и вопросъ о заработкѣ арестантовъ. Если смотрѣть на работу, какъ на элементъ наказанія лишеніемъ свободы, то, конечно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе соединяется съ принудительными работами, весь доходъ отъ тюремной работы долженъ принадлежать государству (3). Если тюремная

---

(1) Какъ указываетъ г. Фойницкій, стр. 369, американская коммисія подъ предсѣдательствомъ знаменитаго тюрьмовѣда Wines нашла: «что эта система невыгодна для государства, такъ какъ тюрьмы, гдѣ введены работы по раціональной хозяйственной системѣ, даже краткосрочныя, даютъ гораздо большій доходъ. Доказано, что подрядчики выдавали арестантамъ деньги отъ себя не въ счетъ контрактныхъ, для гарантированія своихъ выгодъ. Подрядчикъ вводитъ въ тюрьму много своихъ агентовъ, въ качествѣ надсмотрщиковъ и надзирателей за выполненіемъ работъ, которые дѣйствуютъ противно требованіямъ тюремной дисциплины и уставовъ, пронося вино и другіе запрещенные для арестантовъ предметы потребленія».

(2) Ср. въ защиту этого способа работъ въ особенности Krohne, стр. 395.

(3) Таково воззрѣніе на работу въ англійскихъ тюрьмахъ; оно же господствуетъ между нѣмецкими тюрьмовѣдами. Ср. Ягеманнъ въ Handbuch, § 15. Въ

работа получаетъ характеръ промысловаго или фабричнаго производства, не входящаго въ составъ наказанія, то, за вычетомъ издержекъ производства и извѣстнаго предпринимательскаго процента, вся остальная часть чистаго дохода, а равно и чистаго дохода за сверхурочную работу, должна принадлежать арестанту по праву. Хотя при этомъ нельзя не прибавить, что если относить къ издержкамъ производства не только стоимость матеріала, но и расходы по содержанію или и устройству тюремъ, а равно и расходы на содержаніе тюремнаго персонала, то чистая прибыль, за рѣдкими исключеніями, сведется къ нулю (1), такъ что въ практическомъ отношеніи обѣ эти системы придутъ къ одному результату.

Поэтому, казалось бы, и въ этомъ отношеніи правильнымъ стать исключительно на пенитенціарную точку зрѣнія. Если работа является главнымъ средствомъ воздѣйствія на арестанта, то выдача ему части заработка составляетъ необходимое условіе успѣшности работы. Едва ли можно отрицать, что личная заинтересованность рабочаго въ результатѣ труда подымаетъ его производительность. Съ другой стороны, заработокъ даетъ возможность дѣлать сбереженія, столь необходимыя для арестанта при его выходѣ изъ тюрьмы, онъ даетъ возможность для многихъ заключенныхъ оказывать извѣстную помощь оставшейся безъ рабочихъ рукъ семьѣ, что, по свидѣтельству всѣхъ знатоковъ тюремнаго дѣла, оказываетъ благодѣтельное вліяніе на арестанта (Krohne, стр. 421).

Но и при этой постановкѣ вопроса неминуемо возникаютъ дальнѣйшія затрудненія: какъ опредѣлить условія назначенія и размѣръ заработка?

Одни допускаютъ назначеніе заработка только въ видѣ награды,

1866 г. проф. Вальбергъ въ собраніи Германскаго тюремнаго общества внесъ предложеніе смотрѣть на заработокъ, какъ на право арестанта, на томъ основаніи, что государство, лишая свободы, не пріобрѣтаетъ права на рабочую силу заключеннаго. Но собраніе приняло противоположную формулу Штренга, что въ тюрьмахъ съ обязательными работами заработокъ принадлежитъ государству.

(1) Krohne, в. с., стр. 416 и сл., даже указываетъ, что если бы считать обязаннымъ арестанта выкупать своею работою издержки его содержанія, и включать таковыя въ издержки производства, то громадному большинству арестантовъ не только не пришлось бы никакого заработка, но они оставались бы неоплатными должниками тюрьмы.

поощренія, выдаваемыхъ или единовременно или періодически; другіе (такова, напр., система французскаго «pécule», нашъ законъ 1886 г. о тюремныхъ работахъ) опредѣляютъ размѣръ заработка въ законѣ, въ соотношеніи съ самымъ родомъ наказанія. Первая форма болѣе соотвѣтствуетъ тому представленію, что въ сущности такого дохода отъ работъ, на который бы имѣлъ право арестантъ, не существуетъ; но съ практической стороны, казалось бы, послѣдняя форма представляется болѣе предпочтительною, такъ какъ выгодно, чтобы арестантъ сознавалъ, что продуктивность его работы зависитъ не отъ усмотрѣнія начальства, а предустановлена самимъ закономъ; лишеніе же заработка или его ограниченіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ дурнаго поведенія арестанта, неряшливости въ работѣ, порчи матеріаловъ и инструментовъ и т. п.; при нормальномъ же ходѣ дѣлъ арестантъ всегда можетъ заранѣе знать размѣръ своего заработка.

Размѣръ заработка опредѣляется или въ видѣ дневной платы опредѣленнаго размѣра, съ возвышеніемъ таковой за сверхурочную работу, или въ видѣ опредѣленной части выработанной суммы. Обѣ эти формы имѣютъ и выгодныя, и невыгодныя стороны. Процентное опредѣленіе заработка даетъ возможность назначить каждому арестанту вознагражденіе сообразно его способностямъ и труду, но за то затрудняетъ самое вычисленіе этой части, въ особенности если работы выполняются на самую же тюрьму (1); затѣмъ оно вовсе лишаетъ заработка лицъ, начинающихъ учиться какому либо ремеслу, или лицъ, занимающихся тюремно-хозяйственными работами (2). Для этихъ послѣднихъ работъ очевидно необходима система поденной платы. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть

---

(1) Не надо забывать, что слишкомъ высокая таксировка тюремныхъ произведеній, идущихъ на потребности тюрьмы, увеличивая кажущуюся продуктивность тюремной работы, въ то же время поднимаетъ издержки содержанія и иногда сводитъ въ дѣйствительности къ нулю кажущееся развитіе тюремнаго дѣла.

(2) При этой системѣ арестантъ неохотно переходитъ къ изученію какого либо другаго ремесла, которымъ онъ не занимался ранѣе, хотя бы администрація находила это необходимымъ въ интересахъ пенитенціарныхъ; равнымъ образомъ, при этой системѣ раздаются частыя жалобы на администрацію, назначающую арестантовъ на работы малопроизводительныя.

въ виду, чтобы размѣръ вознагражденія, причитающагося арестанту, не превышалъ заработка свободнаго рабочаго, такъ какъ тогда тюрьма естественно потеряетъ свое репрессивное значеніе и сдѣлается желательнымъ убѣжищемъ для нуждающагося населенія.

Арестантскій заработокъ вездѣ, гдѣ онъ существуетъ, дѣлится на двѣ части—основную (masse de réserve, Sparfond) и расходную (denier de poche, Handgeld). Первая выдается арестанту лишь при его выходѣ изъ тюрьмы, иногда даже и спустя нѣкоторое время по выходѣ, а вторая расходуется въ самой тюрьмѣ. Изъ этой части допускается выдача семейству осужденнаго и на его личные расходы—покупку цвѣтовъ или птицъ (въ тюрьмахъ одиночнаго заключенія), покупку книгъ, рисунковъ; могутъ быть допускаемы расходы и на улучшеніе содержанія, напр., покупка чая, молока, бѣлаго хлѣба по праздникамъ, но въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, такъ какъ если тюремное содержаніе, пища вполнѣ соотвѣтствуютъ потребностямъ тюремной гигіены, то допущеніе прибавки и улучшенія пищи будетъ излишествомъ, несоотвѣтствующимъ карательнымъ требованіямъ тюрьмы.

Въ виду того значенія, которое имѣетъ заработокъ для арестанта, оставляющаго тюрьму, большинство законодательствъ старается сохранить его неприкосновеннымъ, поэтому въ тюремныхъ регламентахъ обыкновенно указывается, что на этотъ заработокъ не можетъ быть наложенъ арестъ въ интересахъ, напр., удовлетворенія частныхъ долговъ заключеннаго. Но изъ этого правила, казалось бы, возможно допустить изъятіе въ пользу лицъ, непосредственно пострадавшихъ отъ преступленія: удовлетвореніе ихъ иска изъ заработка было бы вполнѣ естественнымъ загладженіемъ вреда, причиненнаго преступнымъ дѣяніемъ виновнаго ([1]).

845. *Тюремная дисциплина. 1) Тюремное воспитаніе и обученіе.* Независимо отъ работъ, на осуществленіе задачъ тюрьмы

([1]) Ортоланъ предлагаетъ такое распредѣленіе заработка: 45% дохода тюрьмы, 15% основнаго капитала, 20% расходнаго и 20% на удовлетвореніе потерпѣвшаго. Ср. также докладъ Prins въ съѣздѣ въ Христіаніи 1891 г.

должны быть направлены и всѣ другія условія тюремной жизни, всѣ разнообразныя мѣры, принимаемыя по отношенію къ арестанту, совокупность коихъ и образуетъ понятіе тюремной дисциплины. Сюда относится, во 1-хъ, интеллектуальное образованіе (1). Независимо отъ того, что между заключенными имѣется всегда значительный процентъ совершенно безграмотныхъ, общій уровень развитія громаднаго большинства преступниковъ представляется, по отзыву всѣхъ знакомыхъ съ тюрьмами, сравнительно весьма низкимъ (2). Конечно, какъ справедливо замѣчаетъ Кроне (стр. 480), было бы ошибочно думать, что грамотность можетъ служить защитою противъ преступности, но несомнѣнно, что обученіе можетъ быть значительнымъ подспорьемъ для воздѣйствія на арестанта.

Самая постановка обученія въ тюрьмахъ представляется различною; или оно является свободнымъ и допускается лишь по просьбѣ самого заключеннаго, или участіе въ школьныхъ занятіяхъ является какъ бы наградою для наилучшихъ арестантовъ, или же оно является обязательнымъ для всѣхъ заключенныхъ.

Понятно, что обязательность обученія можетъ существовать только для арестантовъ извѣстнаго возраста, для малолѣтнихъ или для лицъ не старѣе 30, 35 лѣтъ. Для болѣе возрастныхъ обученіе можетъ быть только по ихъ желанію, такъ какъ иначе эти занятія обратились бы въ безплодную забаву. Съ другой стороны, обязательность обученія естественно находится въ прямой зависимости отъ срока заключенія, такъ какъ въ тюрьмахъ краткосрочныхъ попытки обученія по необходимости будутъ безплодными. Кроне полагаетъ, что для малолѣтнихъ посѣщеніе школы можетъ быть обязательно, какъ скоро они приговорены къ заключенію свыше недѣли, а для болѣе взрослыхъ въ случаѣ осужденія ихъ на срокъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

---

(1) Streng въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 151—161; Krohne, стр. 479—489; Фойницкій, стр. 373—387; у него подробно изложены и разобраны возраженія, которыя дѣлаются вообще противъ допущенія школьнаго обученія въ тюрьмахъ.

(2) Кроне, стр. 479, прим. 1, указываетъ, что въ $^{1886}/_{87}$ гг. въ прусскихъ тюрьмахъ было: получившихъ недостаточное элементарное образованіе 52% мужч., 41,5% женщ.; безъ всякаго образованія 14% мужч. и 30% женщ.; конечно у насъ процентъ неграмотныхъ будетъ еще болѣе.

Обученіе должно быть, кромѣ развѣ исключительныхъ случаевъ, элементарнымъ, въ размѣрахъ курса народныхъ училищъ, съ предоставленіемъ на это для малолѣтнихъ не менѣе двухъ, а для болѣе взрослыхъ не менѣе одного часа въ день. Кромѣ элементарнаго обученія, желательно и сообщеніе, въ особенности при обученіи взрослыхъ, техническихъ свѣдѣній, необходимыхъ для лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ ремесломъ, а въ особенности занятіе праздничныхъ дней правильно организованнымъ чтеніемъ книгъ, соотвѣтствующихъ условіямъ тюремной жизни, образованіемъ необходимой для этого тюремной библіотеки и бесѣдами объ общеполезныхъ предметахъ (1). Вполнѣ также допустимо и участіе арестантовъ въ церковно-хоровомъ пѣніи при богослуженіи съ соотвѣтственною къ тому подготовкою.

Вторымъ условіемъ тюремной дисциплины является религіозно-нравственное воспитаніе арестанта (2), могущественнымъ орудіемъ коего служитъ религія. Она должна свѣтомъ своихъ истинъ освѣтить внутреннюю сторону преступника, часто не слыхавшаго и азбучныхъ началъ религіозной и общественной морали; изъ-подъ загрубѣлой оболочки человѣка-звѣря она должна вызвать тотъ образъ и подобіе Бога, который не исчезаетъ въ психически здоровомъ человѣкѣ, какъ бы ни была велика глубина его нравственнаго паденія. Въ изможденную житейскими страстями, наболѣвшую душу злодѣя, религія вольетъ врачующій бальзамъ раскаянія, очищенія совѣсти и примиренія, благовѣствуя ему, что онъ хотя и заблудшій, павшій, но все же членъ того стада, коего пастырь возгласилъ: «не пріидохъ бо призвати праведника, но грѣшника на покаяніе». Наконецъ, въ тѣ трудныя минуты нравственнаго перелома, паденія пульса жизни, которыя такъ часто наступаютъ въ первые мѣсяцы тюремнаго одиночества,

(1) Примѣнительно къ такимъ же чтеніямъ для народа—по предметамъ церковной и отечественной исторіи, по вопросамъ религіи, нравственности и права, по вопросамъ естественно-историческимъ. Это, конечно, не устраняетъ возможности чтенія для заключенныхъ изъ болѣе образованныхъ классовъ и иныхъ книгъ, допускаемыхъ въ тюрьму подъ надзоромъ и за отвѣтственностью тюремной администраціи.

(2) Kraus, Gefängnissseelsorge въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 132—150; Krohne, стр. 460—478; Hindberg, die Berufsthätigkeit der Gefängnissgeistlichen, 1866 г.

или при осужденіи къ безсрочному наказанію, религія дастъ поддержку и утѣшеніе, питая надежду и вѣру въ лучшее будущее въ той юдоли, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханія.

Конечно, для достиженія этого вліянія недостаточно одного участія арестанта въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ его вѣроисповѣданія; необходима личная дѣятельность, непосредственное вліяніе духовнаго пастыря на каждаго заключеннаго, ибо только тогда церковное вліяніе выразится не въ пріученіи къ внѣшней обрядности, ханжеству и лицемѣрію, а къ измѣненію внутренняго человѣка, «къ обрѣтенію Господа въ сердцѣ своемъ».

На эту дѣятельность должны быть направлены усилія всего тюремнаго персонала, но главнымъ образомъ оно, конечно, лежитъ на тюремномъ духовенствѣ, требуя, чтобы тюремный священникъ не былъ чиновникомъ въ рясѣ, а дѣйствительнымъ пастыремъ, словомъ и дѣломъ стремящимся быть руководителемъ своей паствы (1).

Но, заботясь о нравственномъ возрожденіи человѣка, тюрьма не должна, разумѣется, забывать, конечной цѣли тюремнаго воздѣйствія, подготовленія заключеннаго къ жизни внѣ тюрьмы по отбытіи наказанія. Поэтому, независимо отъ принциповъ вѣры и морали, ему должны быть внушаемы правила общественнаго поведенія. Подготовляя его умъ и сердце къ воспріятію началъ и истинъ религіи и нравственности, не надо забывать и развитія его характера и воли, которые бы дали ему силу и опору для проведенія и защиты усвоеннаго имъ въ тюрьмѣ въ дальнѣйшей, внѣ тюремной жизни. Его отношеніе къ тюрьмѣ и ея правиламъ должно быть не только пассивное—подчиненіе, но и активное—сознательное выполненіе тюремныхъ правилъ. Весьма вѣрныя соображенія были высказаны однимъ изъ англійскихъ тюремныхъ дѣятелей Мэконоки, по поводу управленія имъ, во время существованія австралійской ссылки, островомъ Норфолькомъ, куда ссылались отбросы каторжниковъ изъ числа ссыльныхъ въ Ванъ-Дименову землю и Новый Южный Валлисъ (Фойниц-

(1) Такъ какъ тюремное духовенство, если только оно входитъ, такъ сказать, въ штатъ тюрьмы, естественно принадлежитъ къ господствующей церкви, то необходимо, чтобы въ тюрьму имѣли доступъ и духовныя лица другихъ исповѣданій, ибо естественно, каждый арестантъ долженъ получать духовное утѣшеніе и помощь, сообразно съ его вѣроисповѣданіемъ.

кій, стр. 400 и сл.). Я дѣйствовалъ, замѣчаетъ онъ, заодно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ заведено въ другихъ тюремныхъ системахъ . . . . Важнѣе всего устроить дѣло такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, насколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ; при обыкновенной тюремной дисциплинѣ существуетъ весьма важное заблужденіе, въ силу котораго отъ арестанта требуется только покорность. Въ виду невозможности улучшить свое положеніе, онъ дѣлается неподвижнымъ, приспособляется къ своему положенію и впадаетъ въ апатію. Напротивъ, если бы ему было предоставлено право улучшить свое положеніе, то онъ чувствовалъ бы возлагаемыя на него лишенія съ гораздо бо̀льшею силою и тѣмъ охотнѣе предавался бы труду, ведущему къ улучшенію. Только при такихъ условіяхъ тюрьма можетъ сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ исправляющимъ учрежденіемъ.

846. *2) Тюремныя награды и наказанія.* Цѣль тюремнаго воспитанія—подготовленіе заключеннаго къ затюремной жизни; но, конечно, вліяніе тюрьмы проявляется и во время заключенія въ поведеніи арестанта, отражаясь въ наградахъ и взысканіяхъ.

Полное соблюденіе всѣхъ требованій тюремной дисциплины каждымъ заключеннымъ должно быть нормальнымъ явленіемъ во всякой благоустроенной тюрьмѣ. Поэтому награды за хорошее поведеніе могутъ казаться чѣмъ то несоотвѣтствующимъ нормальнымъ условіямъ тюремной жизни; но этотъ ригоричный взглядъ забываетъ естественныя человѣческія слабости, забываетъ, что нерѣдко преступникъ есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ взрослое дитя, для воздѣйствія на которое могутъ оказаться весьма пригодными поощреніе и ласка. Съ другой стороны, если мы повсемѣстно въ жизни видимъ какое значеніе придаютъ люди, даже весьма интеллигентные и вполнѣ добропорядочные—разнаго рода отличіямъ, наградамъ, орденамъ и т. п., то не будетъ ли фарисействомъ требовать отъ арестантовъ исполненія ими обязанностей только во имя суроваго принципа сознанія долга.

Оттого-то почти во всѣхъ тюремныхъ системахъ мы находимъ допущеніе наградъ или по крайней мѣрѣ извѣстныхъ льготъ, для арестантовъ, за хорошее ихъ поведеніе въ тюрьмѣ. Самый видъ

поощреній можетъ быть весьма различенъ, завися отъ рода тюрьмы, возраста арестантовъ, даже отъ особенностей ихъ національнаго характера. Такъ, многіе изъ французскихъ пенитенціаристовъ считаютъ полезными, даже въ тюрьмахъ для взрослыхъ, внѣшнія отличія, допущеніе отличія въ костюмѣ отъ другихъ арестантовъ, нашивки и т. д. Въ одиночныхъ тюрьмахъ, по свидѣтельству весьма многихъ практиковъ, большое значеніе имѣетъ допущеніе украшенія кельи, въ особенности разрѣшеніе имѣть цвѣты. Во многихъ общихъ тюрьмахъ допущено публичное выраженіе похвалы за хорошее поведеніе и т. д. Болѣе существенными наградами являются увеличеніе заработка, въ особенности той его части, которою можетъ распоряжаться арестантъ въ тюрьмѣ, расширеніе права на переписку и на посѣщенія. Весьма естественно, что тюремный режимъ требуетъ порванія связей арестанта съ тою внѣтюремною средою, которая создала и сопровождала его преступную дѣятельность, но и въ этомъ отношеніи необходима извѣстная мѣра. Нужно порвать связь со средою преступною, но не съ тою, которая можетъ только содѣйствовать исправленію преступника: возстановленіе семейныхъ отношеній, пробужденіе въ преступникѣ сознанія его обязанностей, по отношенію къ его близкимъ, перенесшимъ, благодаря его преступнымъ наклонностямъ, столько нравственныхъ страданій, физическихъ лишеній и можетъ быть, не смотря на то, сохранившихъ привязанность къ погибшему, несомнѣнно можетъ имѣть благотворное значеніе, а существеннымъ подспорьемъ такому развитію семейнаго чувства служатъ переписка и свиданія съ родными. Примиреніе этихъ двухъ требованій зависитъ отъ благоразумія и опытности тюремнаго управленія, а въ извѣстномъ отношеніи опредѣляется также поведеніемъ арестанта въ тюрьмѣ.

Такъ, понятно, что не только не можетъ быть допустима тайная переписка между арестантами, или между ними и лицами, находящимися на свободѣ, но и вообще всѣ письма, посылаемыя арестантомъ и къ арестанту, не могутъ не подлежать просмотру завѣдывающаго тюрьмою; ему должно принадлежать безконтрольное право допустить или отправить письмо, потребовать отъ арестанта, чтобы онъ выпустилъ ту или другую часть письма, измѣнилъ его форму, выбросилъ тривіальныя выраженія, брань и т. п.

Поэтому, наградою можетъ быть не только увеличеніе права на переписку, но и увеличеніе степени довѣрія при контролированіи письма. Равнымъ образомъ, при посѣщеніяхъ необходимъ надзоръ не только для устраненія опасныхъ и вредныхъ переговоровъ, но и для предупрежденія передачи различныхъ предметовъ, могущихъ служить средствами побѣга, или вообще не допустимыхъ въ тюрьмахъ. Въ виду этого въ большинствѣ тюремъ свиданія допускаются не только въ присутствіи надзирателя, но и чрезъ рѣшетку, а иногда и черезъ двѣ рѣшетки, настолько отдѣленныя другъ отъ друга, что въ пространствѣ между ними помѣщается надзиратель. Понятно, что при такихъ условіяхъ свиданія иногда могутъ причинить сильныя страданія заключенному: невозможность близко разсмотрѣть дорогое лицо, сознаніе, что всякое слово любви, сказанное женою мужу, матерью сыну, слышитъ чужое ухо, представляются естественно существенными лишеніями. Поэтому хорошее поведеніе арестанта, усиливая довѣріе къ нему, можетъ значительно смягчать суровость этихъ мѣръ и даже дѣлаетъ возможнымъ допускать для наиболѣе достойныхъ свиданія наединѣ.

Наконецъ, еще болѣе существенною наградою хорошаго поведенія является указанная выше возможность условнаго и безусловнаго сокращенія сроковъ.

Назначеніе наградъ, конечно, должно быть послѣдствіемъ не одного только пассивнаго подчиненія арестанта требованіямъ тюремной дисциплины, но и проявленія признаковъ его улучшенія. Установленіе этихъ признаковъ зависитъ отъ опытности и внимательности тюремной администраціи, но, какъ справедливо говоритъ Кроне (стр. 346), и въ этомъ отношеніи нужно тщательно избѣгать всего того, что создаетъ въ представленіи арестантовъ идею не о справедливости, а о произволѣ и всевластности завѣдывающаго. Созданіе любимчиковъ начальства съ одной, и, такъ сказать, козловъ очищенія съ другой стороны, ниспровергнетъ всѣ разумныя основы тюремной дисциплины.

Не менѣе важное значеніе въ тюремной жизни имѣютъ нарушенія дисциплины и налагаемыя за нихъ взысканія. Нарушенія могутъ относиться прежде всего къ тюремнымъ правиламъ, могутъ имѣть чисто дисциплинарный характеръ: лѣность въ работѣ, неряшливость, грубость, порча вещей и матеріаловъ и т. п., или же на-

рушенія могутъ имѣть общій уголовный характеръ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, нѣтъ основанія создавать для заключенныхъ особый кодексъ правонарушеній, но, тѣмъ не менѣе, особенное положеніе виновнаго, нахожденіе его въ заключеніи, не можетъ не вліять на его уголовную отвѣтственность. Во 1-хъ, многія изъ маловажныхъ преступныхъ дѣяній, учиненіе коихъ возможно въ тюрьмахъ, бываютъ тѣсно связаны съ дисциплинарными проступками, напр. оскорбленіе тюремнаго персонала, умышленное уничтоженіе и истребленіе тюремной одежды, вещей, матеріаловъ и т. п. Самое взысканіе за нихъ необходимо возможно скорое, не осложненное процессуально-судебными формами, такъ что представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ отнести и случаи этого рода къ нарушеніямъ дисциплинарнымъ. Во 2-хъ, многія изъ наказаній или вовсе не могутъ быть примѣняемы или примѣняются лишь съ большими затрудненіями къ заключеннымъ, а посему является необходимою замѣна этихъ взысканій иными (1).

Дисциплинарныя взысканія въ тюрьмахъ, смотря по ихъ важности, примѣняются или единоличною властью надзирателей, завѣдывающаго тюрьмою, или послѣ коллегіальнаго обсужденія проступка чинами управленія.

Мѣрами дисциплинарныхъ взысканій являются: отнятіе тѣхъ льготъ, которыя до того времени получалъ заключенный и притомъ въ различномъ объемѣ и на различное время; различныя матеріальныя лишенія и стѣсненія сравнительно съ нормальными тюрьмами (Verschärfung der Freiheitsstrafe) (2), какъ, напр., ограниченія въ пищѣ—лишеніе горячаго, посаженіе на хлѣбъ и

(1) Вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть судимы и наказываемы проступки, совершенные арестантами въ тюрьмахъ, былъ предметомъ подробныхъ дебатовъ на Петербургскомъ конгрессѣ. Подробный докладъ объ этомъ былъ представленъ между прочимъ г. Пусторослевымъ, о подсудности арестантовъ и арестантокъ за уголовныя правонарушенія, учиненныя во время пребыванія въ заключеніи, 1889 г. Конгрессъ пришелъ къ тому заключенію, что нужно различать проступки дисциплинарные и общіе, и для послѣднихъ сохранить ту же систему отвѣтственности, какъ и для обыкновенныхъ преступниковъ.

(2) Многія законодательства различаютъ простое и отягченное тюремное заключеніе и въ уголовныхъ кодексахъ, т. е. прямо назначаютъ за нѣкоторые проступки и нарушенія тюремное заключеніе съ извѣстными прибавками, напр. съ содержаніемъ въ теченіи извѣстнаго срока на хлѣбѣ и на водѣ.

на воду, предполагая, конечно, что такое лишеніе по своей, напримѣръ, продолжительности, не будетъ разрушительно дѣйствовать на здоровье арестанта; лишеніе матраца или подстилки, конечно, въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ арестанты спятъ не на голыхъ нарахъ, уменьшеніе заработка, увеличеніе обязательнаго урока и т. п.; наконецъ, наказанія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ напр. выговоры, простые и публичные, наложеніе оковъ наручныхъ, ножныхъ, или и тѣхъ и другихъ, помѣщеніе въ карцеръ простой и темный, съ постелью или безъ нея. Нѣкоторыя тюрьмы допускаютъ въ этомъ отношеніи такіе виды взысканій за тяжкія нарушенія дисциплины, которые имѣютъ характеръ простыхъ истязаній, вызывая, впрочемъ, порицаніе и теоретиковъ и лучшихъ практиковъ тюремнаго дѣла. Таково напр. помѣщеніе въ Lattenkammer, практикуемое въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Пруссіи и Саксоніи, т. е. помѣщеніе въ карцеръ, въ которомъ полъ, а иногда и стѣны, сдѣланы изъ трегранныхъ брусковъ, помѣщенныхъ острымъ ребромъ вверхъ, такъ, что между каждымъ ребромъ остается пустое пространство въ 2 или 1 ½ вершка, причемъ посаженному въ такой карцеръ не дается никакой подстилки и сапогъ; такое наказаніе можетъ быть налагаемо однако не только на нѣсколько часовъ или дней, но и на недѣли (maximum—3); Strafstuhl, практикуемый въ Баденѣ, когда арестанта туго привязываютъ къ маленькому деревянному стулу за туловище, руки и ноги, такъ, что онъ не могъ бы пошевелиться; это наказаніе, задерживающее кровообращеніе, по баденскому регламенту назначается не долѣе какъ на 6 часовъ въ день и не болѣе какъ на 8 дней; къ этого же роду взысканій нужно отнести ступальную мельницу въ Англіи, Фригійскую шапку изъ желѣза, съ прорѣзами для глазъ, въ американскихъ тюрьмахъ, прикованіе къ тѣлежкѣ на нашей каторгѣ. Наконецъ, однимъ изъ весьма распространенныхъ дисциплинарныхъ взысканій въ тюрьмахъ является тѣлесное наказаніе. Такъ, оно существуетъ въ Англіи для приговоренныхъ къ тяжкой работѣ и каторгѣ, причемъ орудіемъ могутъ быть не только розги, но и трехконечная ременная плеть (до 30 удар.); въ Пруссіи, Саксоніи—розги, палка, ремни (Oxenziemer), плети (Lederpeitsche) (1); тѣлесное наказа-

(1) Krohne, стр. 355, приводитъ указаніе, что если удары палкою или плетью наносятся, хотя и вполнѣ соотвѣтственно регламенту, но сильнымъ мущиною, то

ніе принято также въ тюрьмахъ Даніи, Швеціи, Норвегіи; но не допускается въ тюрьмахъ французскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, южно-германскихъ и австрійскихъ (съ 1867 года). На тюремныхъ конгрессахъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, напр. на Стокгольмскомъ, эта мѣра, послѣ горячихъ возраженій противъ нея представителей Франціи, Бельгіи и Австріи, признана не только безполезною, но и вредною. Весьма вѣрныя замѣчанія по поводу тѣлесныхъ наказаній даетъ Кроне ([1]), мнѣніе котораго представляетъ большой интересъ не только въ виду его долголѣтней тюремной дѣятельности, но и потому, что онъ въ своемъ трудѣ является сторонникомъ самой суровой тюремной дисциплины, врагомъ всѣхъ послабленій арестантамъ. Назначеніе тѣлесныхъ наказаній, говоритъ онъ (стр. 356), состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать возможно устрашающимъ образомъ, чтобы одною возможностью ихъ примѣненія предупредить наиболѣе тяжкія нарушенія тюремнаго порядка, насильственно сломить противодѣйствіе ему наиболѣе грубыхъ преступныхъ натуръ. Но для этого вовсе нѣтъ необходимости въ розгахъ. Благоустроенная дисциплина, внимательный къ дѣлу, способный, энергическій тюремный персоналъ, всегда готовый дать твердый отпоръ всякому насильственному противодѣйствію и употребить, въ случаѣ нужды, оружіе, наряду съ примѣненіемъ другихъ дисциплинарныхъ мѣръ, представляется вполнѣ достаточнымъ средствомъ. Предположеніе, что страхъ чувствительнаго тѣлеснаго наказанія можетъ удержать грубую преступную натуру отъ проявленія вспыхнувшей злобы или страсти, представляется совершенно ошибочнымъ: такія лица въ своей жизни, особенно въ юности, получали столько порокъ, ихъ голова и другія части тѣла, подвергались въ дракахъ такъ часто проломамъ и поврежденіямъ, что страхъ новой порки, хотя бы даже сопровождающейся окровяненіемъ, не сокрушитъ ихъ злой

уже съ пятаго удара кожа разсѣкается и всякій слѣдующій ударъ падаетъ на окровавленную массу.

([1]) Кроне, впрочемъ, возражаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній съ однимъ ограниченіемъ (стр. 355), что для тѣхъ государствъ, въ которыхъ уровень народнаго развитія стоитъ на низшей степени культуры и тюремныя учрежденія находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, тамъ, по его мнѣнію, тѣлесныя наказанія составляютъ обусловленную государственными непорядками необходимость.

воли и не удержитъ отъ задуманнаго.... Дѣйствіе тѣлесныхъ наказаній на подвергаемаго имъ зависитъ отъ его физической и нравственной организаціи, и отъ силы ударовъ. Если, какъ обыкновенно бываетъ, наказаніе будетъ умѣренно, потому что большинство наказывающихъ чувствуетъ отвращеніе къ кровавымъ сценамъ, то оно и не произведетъ никакого чувствительнаго тѣлеснаго страданія. Наказанный уйдетъ съ невольною мыслью—«и только то?» Къ чему столько различныхъ околичностей—длинные протоколы, подробная оцѣнка, совѣщанія, врачебный осмотръ! Если же наказаніе будетъ таково, какъ оно предписывается правилами, то трусливый, слабый провинившійся будетъ кричать, стонать, вертѣться и ерзать, такъ что готовъ оборвать привязывающіе его ремни, и для него является опасность переломовъ, увѣчья, но по отношенію къ такимъ натурамъ можно добиться того же и безъ тѣлесныхъ наказаній. Сильный, характерный арестантъ сожметъ зубы и молча перенесетъ свою боль, или начнетъ проклинать, ругаться и выйдетъ изъ подъ наказанія нѣкотораго рода героемъ въ глазахъ другихъ арестантовъ; померкнутъ въ немъ послѣднія искры самоуваженія, а взамѣнъ ихъ будетъ вбита ожесточенная ненависть. А каково дѣйствіе наказанія на служащихъ? Въ присутствующихъ—омерзѣніе, въ наказывающихъ чувство невольнаго озлобленія за то, что они принуждены хладнокровно наносить удары лежащему, беззащитному человѣку. Если на смотрителя часто возлагается такое порученіе, то онъ падаетъ въ глазахъ его товарищей, грубѣетъ и портится.

Во всякомъ случаѣ, конечно, если тѣлесныя наказанія введены въ число дисциплинарныхъ наказаній, то отъ нихъ должны быть изъяты женщины, лица дряхлыя и болѣзненныя, которымъ такое наказаніе можетъ причинить дѣйствительное разстройство организма.

347. *3) Тюремная гиіена и архитектура.* Заботясь объ умственномъ развитіи и нравственномъ улучшеніи арестантовъ, тюрьма не можетъ упускать изъ виду и ихъ здоровье (1). Какъ указываетъ исторія тюремъ, было время,

(1) Voit, die Ernährung der Gefangenen въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 165—189; у него разобранъ вопросъ преимущественно съ физіологической точки

когда тюрьма являлась дѣйствительно источникомъ всякихъ золъ и болѣзней, когда входящій въ нее арестантъ могъ быть увѣренъ, что онъ если и выйдетъ изъ нея живымъ, то во всякомъ случаѣ съ расшатаннымъ на вѣки здоровьемъ; но если не практически, то теоретически такой порядокъ признанъ несостоятельнымъ. Если и теперь нѣкоторыя наши Сибирскія тюрьмы представляютъ поражающій % смертности, если гигіеническое и санитарное положеніе ихъ превышаетъ иногда предѣлы возможнаго, благодаря ихъ переполненности и отсутствію всякихъ предохранительныхъ приспособленій, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашихъ отчетахъ, даже офиціальныхъ, въ сообщеніяхъ на тюремныхъ конгрессахъ и т. п., мы признаемъ всю ненормальность этого положенія, всю необходимость реформы. Никто не будетъ теперь серьезно оспаривать необходимость устройства тюремъ въ мѣстности здоровой, въ помѣщеніяхъ достаточныхъ по кубическому содержанію воздуха, съ надлежащею сухостью и теплотою, приспособленныхъ къ постоянному пребыванію арестантовъ, тюремъ по возможности безвредныхъ для здоровья заключенныхъ; но нельзя не сознаться, что относительно дальнѣйшихъ гигіеническихъ условій тюрьмы и нынѣ ведутся большіе споры.

Въ особенности много сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о продовольствіи арестантовъ, какъ со стороны качества, такъ и количества. Въ обществѣ, а иногда и между профессіональными юристами, слышатся сильные упреки тюрьмѣ за роскошное содержаніе арестантовъ. Преступникъ, говорятъ они, не долженъ быть поставленъ въ лучшія условія, чѣмъ тѣ, въ коихъ онъ былъ на свободѣ, или тѣ, въ которыя поставленъ свободный трудящійся работникъ; но эти соображенія не могутъ быть признаны вполнѣ правильными.

Если наказаніе состоитъ въ лишеніи свободы, а не въ причиненіи вреда здоровью, то всякое устройство тюремнаго заключенія,

---

зрѣнія; Kirn, Sonstige Gefängnisshygiene und die Krankenpflege, тамъ же, стр. 190—222; Krohne, стр. 367—387; Baer, die Gefängnisse, Strafanstalten und Strafsysteme, ihre Einrichtung und Wirkung in hygienischer Beziehung. 1871 г. Его же, Morbidität und Mortalität in den Gefängnissen, въ Holtz. Handbuch, II, стр. 439—472; Delabost, L'alimentation des détenus, 1885 г.; E. Laurent, les maladies des prisoniers, 1892 г.

сознательно разстраивающее организмъ заключеннаго, будетъ противорѣчить самому принципу этого наказанія. Выпуская изъ тюрьмы арестанта больнымъ и хилымъ, государство только усиливаетъ шансъ учиненія имъ новаго преступленія, въ силу его безпомощнаго экономическаго положенія. Тяжелое положеніе свободнаго рабочаго, его временная, а тѣмъ болѣе постоянная голодовка, создаетъ несомнѣнную обязанность государства и общества принять всѣ мѣры къ устраненію такого состоянія; но отсюда нельзя вывести обязанность государства дѣлать страдающими отъ нужды и заключенныхъ, лишенныхъ возможности свободнымъ заработкомъ улучшать свое положеніе. Да и самое указаніе на то, что нѣсколько лучшее содержаніе арестантовъ, сравнительно съ свободными нуждающимися рабочими, служитъ соблазномъ къ преступленію, въ значительной степени преувеличено. Лишеніе свободы, въ особенности сколько нибудь продолжительное, является значительнымъ противовѣсомъ перспективѣ улучшенія матеріальнаго положенія. При этомъ не надо забывать, что условія тюремной жизни сами по себѣ требуютъ улучшеннаго питанія, въ силу отсутствія движенія, въ особенности движенія на воздухѣ, которое по необходимости соединяется съ тюремнымъ заключеніемъ, чѣмъ и объясняется та усиленная смертность, превышающая нормальную въ 3 и даже въ 4 раза, которая замѣчается даже въ тюрьмахъ, наиболѣе благоустроенныхъ.

Пища должна быть возможно простая, но питательная, въ достаточномъ, хотя и умѣренномъ количествѣ. Въ принципѣ, конечно, содержаніе должно быть одинаково для всѣхъ арестантовъ, но безусловное проведеніе этого начала, какъ это принято въ англійскихъ тюрьмахъ, представляется едва ли правильнымъ. Пища должна сообразоваться съ условіями жизни арестанта, отчасти съ родомъ и количествомъ его работъ, съ привычками и вкусами мѣстнаго населенія, въ особенности, напр., въ странѣ съ столь разнообразными условіями жизни, какъ Россія. Но въ особенности питаніе должно сообразоваться съ состояніемъ организма заключеннаго. Въ этомъ отношеніи представляется весьма цѣлесообразнымъ предложеніе, сдѣланное проф. Доброславинымъ на Римскомъ конгрессѣ, весьма близкое съ системою, усвоенною въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, различать пайки нормальнаго арестанта

и пайки больнаго или слабосильнаго заключеннаго, назначая послѣднимъ дополнительное пищевое довольствіе.

Равнымъ образомъ, нельзя допустить, чтобы арестантъ и въ тюрьмѣ носилъ тѣ же оборванныя лохмотья, въ какихъ многіе изъ нихъ попадаютъ въ тюрьмы; опасность распространенія эпидемическихъ болѣзней, необходимость внѣшняго порядка, требуютъ введенія для всѣхъ заключенныхъ одноформенной казенной одежды, хотя бы она и представлялась для многихъ заключенныхъ, несмотря на свою простоту, непомѣрною роскошью сравнительно съ привычнымъ ихъ рубищемъ.

Также необходимо въ тюрьмахъ пріученіе къ порядку, опрятности и чистотѣ. Нельзя допустить, чтобы заключенные спали какъ попало, среди грязи и сора; мало утѣшительнаго представляютъ наши тюрьмы съ размѣщеніемъ на нарахъ въ повалку арестантовъ, безъ подстилки, покрышки и изголовья, или и просто на полу, въ той же верхней одеждѣ, въ которой они провели день, въ особенности зимою, когда испаренія отъ промерзлой одежды, сапоговъ, вмѣстѣ съ зловоніями параши, при отсутствіи всякой вентиляціи, могутъ служить источникомъ всякихъ инфекціонныхъ болѣзней. Для арестантовъ, работающихъ въ самыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ, необходимымъ санитарнымъ условіемъ является провожденіе ежедневно извѣстнаго времени на воздухѣ, прогулки на дворѣ тюрьмы. Въ тюрьмахъ съ одиночнымъ заключеніемъ это требованіе исполняется или прогулками въ одиночныхъ, въ видѣ клѣтокъ устроенныхъ дворикахъ, или и въ общихъ дворахъ, но въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, съ обязательнымъ соблюденіемъ молчанія.

О необходимости правильно организованной медицинской помощи, особой больницы для арестантовъ, въ частности для душевно больныхъ, едва ли могутъ возникать сомнѣнія (1).

---

(1) Количество заболѣваній между арестантами даже въ наиболѣе хорошо устроенныхъ тюрьмахъ несравненно значительнѣе, чѣмъ на свободѣ, что объясняется составомъ тюремнаго населенія, а отчасти и условіями тюремной жизни въ особенности въ тюрьмахъ стараго образца. Въ прежнее время господствующими тюремными болѣзнями были тифъ пятнистый и брюшной, возвратная лихорадка; теперь особенно много встрѣчается заболѣваній чахоткою, золотухою и разстройствомъ органовъ питанія. Также весьма велик

Тюремные лазареты могутъ быть устраиваемы или въ особыхъ отдѣленіяхъ въ тюрьмахъ или въ отдѣльныхъ зданіяхъ на тюремномъ дворѣ; послѣднее особенно важно для душевнобольныхъ, если только не устроены для нихъ особенныя спеціальныя заведенія, устройство которыхъ тѣмъ болѣе желательно, что независимо отъ значительнаго % лицъ, психически заболѣвающихъ въ тюрьмахъ, сюда же могутъ быть помѣщаемы и лица, признанныя учинившими преступныя дѣянія въ состояніи душевнаго разстройства, отдаваемыя судомъ въ таковыя заведенія для испытанія (1).

Желательно, конечно, устройство отдѣльныхъ помѣщеній также для дряхлыхъ и работонеспособныхъ, такъ какъ, разумѣется, помѣщеніе ихъ съ здоровыми арестантами представляетъ свои существенныя неудобства; но устройство подобныхъ заведеній представляется, такъ сказать, тюремною роскошью, въ особенности въ государствахъ обширныхъ, какъ Россія, поэтому можно признать вполнѣ достаточнымъ помѣщеніе ихъ въ особыя отдѣленія при тюрьмахъ, или при тюремныхъ больницахъ.

Въ связи съ тюремною гигіеною стоитъ, разумѣется, и вопросъ о тюремной постройкѣ. Для предупрежденія болѣзней и для возстановленія расшатаннаго прежнею жизнью здоровья арестантовъ желательно, чтобы тюрьмы были устроены, хотя и безъ роскоши, но достаточно сухими, теплыми и свѣтлыми, и чтобы по количеству воздуха онѣ соотвѣтствовали числу помѣщенныхъ въ нихъ арестантовъ. Переполненіе нашихъ Сибирскихъ тюремъ является

число душевнобольныхъ. Кроне считаетъ, что таковыхъ въ тюрьмахъ до 5%, если причислять къ нимъ и всѣхъ имѣющихъ психическіе дефекты, то и до 10%. Ср. Sander und Richter, die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen, 1886; Möhli, über Irre Verbrechen, 1887.

(1) Подробный разборъ этого вопроса и очеркъ различнаго устройства заведеній для душевнобольныхъ арестантовъ у Ribstein, Criminalirrenanstalten und Invalidengefängnisse въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 329; онъ различаетъ 4 способа ихъ помѣщенія: въ особыхъ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ, въ особыхъ учрежденіяхъ вмѣстѣ съ физически разслабленными; въ особыхъ для нихъ устроенныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, въ общихъ заведеніяхъ для душевнобольныхъ.

главнымъ источникомъ того страшнаго положенія, въ которомъ онѣ находятся и нынѣ (1).

Конечно, рядомъ съ требованіями гигіены тюрьма по своему устройству должна удовлетворять и другимъ задачамъ наказанія: она должна обезпечить общество отъ побѣга арестанта, она должна облегчить надзоръ за арестантами въ интересахъ поддержанія тюремной дисциплины. Въ особенности важное значеніе вопросъ о тюремной архитектурѣ получаетъ въ тюрьмахъ одиночныхъ, съ одной стороны потому, что безвыходное помѣщеніе въ кельѣ, въ которой арестантъ отправляетъ всѣ свои естественныя потребности, требуетъ наибольшихъ заботъ о гигіеническихъ приспособленіяхъ (вентиляція, отопленіе, освѣщеніе), а съ другой потому, что тяжесть самаго лишенія свободы при этомъ видѣ заключенія заставляетъ желать устраненія всякихъ условій, служащихъ къ безцѣльному удрученію арестанта.

Тюрьмы общаго заключенія устраиваются обыкновенно по общей казарменной системѣ, съ особымъ помѣщеніемъ для спаленъ раздѣльныхъ или общихъ, и съ особыми мастерскими.

Тюрьмы одиночныя представляютъ два главные типа. Тюрьмы построенныя по системѣ круговой, причемъ кельи располагаются по окружности, форма, напоминающая паноптиконъ Бентама, но оказавшаяся практически мало пригодною (2), такъ какъ при одномъ рядѣ келей, расположенныхъ входами внутрь круга,—она представляется слишкомъ дорого стоющею, а при системѣ двойныхъ келей, открывающихся внутрь круга и въ противоположную сторону,—представляетъ крайнюю трудность для надзора за, такъ сказать, наружными кельями. Другая система многоэтажныхъ флигелей, разсѣченныхъ корридоромъ съ галлереями, на которы

(1) Krohne, die Gefängnissbaukunst въ Holtzendorfs Handbuch, I, стр. 46 и сл.; его же въ Lehrbuch, стр. 289 и сл. Къ обоимъ трудамъ приложены планы важнѣйшихъ тюремъ Европы и Америки, а равно приведены и любопытныя данныя относительно стоимости тюремныхъ построекъ. Къ наиболѣе дорогим постройкамъ относятся Англійскія тюрьмы—въ Іоркѣ (1825 г.) на 36 человѣкъ: стоившая 24000 марки на человѣка, въ Мильбанкѣ на 1000 человѣкъ—9160 марк на человѣка; изъ болѣе новыхъ—въ Пруссіи—въ Lendsburg на 450 чело 6469 марокъ. на челов.; въ Plotzensee на 1390 человѣкъ 4523 марки на челов.; и Франціи въ Nanterre (1878—1887) на 1800 челов.—6667 на человѣка; Stevens, de construction des prisons cellulaires, 1878.

(2) Изъ новыхъ тюремъ голландская тюрьма въ Arnheim.

выходятъ двери келей. Эти флигеля или располагаются отдѣльно другъ отъ друга или сходятся въ общемъ центрѣ, который и составляетъ общій наблюдательный постъ для всѣхъ флигелей, при этомъ смотря по количеству и расположенію флигелей тюрьма получаетъ общій видъ или креста, или звѣзды или вѣера. Наша новая одиночная тюрьма въ С.-Петербургѣ имѣетъ форму двухъ крестовъ, соединенныхъ общею центральною постройкою, гдѣ, между прочимъ, расположена церковь.

Въ тюрьмахъ съ строго проведенною одиночною системою обыкновенно и церковь, и школа устраиваются по системѣ отдѣльныхъ помѣщеній, расположенныхъ амфитеатромъ.

848. *Тюремное управленіе и персоналъ.* Вопросъ о составѣ тюремнаго управленія, въ особенности мѣстнаго, является краеугольнымъ камнемъ всего тюремнаго дѣла. «Самая лучшая система, говоритъ Кроне (стр. 518), самый тщательный уставъ, будетъ безсиленъ при малосостоятельномъ тюремномъ персоналѣ; недостатки системы и уставовъ—будутъ незамѣтны при хорошемъ личномъ составѣ». Какъ скоро тюрьма начинаетъ преслѣдовать пенитенціарныя цѣли, то одной распорядительности и характера является недостаточно для осуществленія задачи тюремнаго воспитанія; не менѣе значенія получаетъ самоотверженность, преданность дѣлу, тюремная опытность, умѣнье заглянуть въ человѣка-преступника, отыскать въ немъ тѣ струны, которыя могли бы содѣйствовать возстановленію нравственной гармоніи ([1]), т. е. такія качества служащихъ, которыхъ далеко не всегда можно пріискать однимъ улучшеніемъ содержанія, увеличеніемъ окладовъ, высокими пенсіями. Поэтому, вопросъ о замѣщеніи тюремныхъ должностей во всѣхъ государствахъ считается и по нынѣ труднымъ и далеко неразрѣшеннымъ. Во многихъ государствахъ пополняется персоналъ въ значительной степени изъ отставныхъ военныхъ, въ томъ соображеніи, что они, по усвоеннымъ ими привычкамъ, могутъ

(1) Iagemann въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 18 прим. 4, требуетъ такихъ качествъ отъ тюремнаго персонала: неопороченность, нравственная чистота, религіозность, развитое чувство чести, энергія, находчивость, любовь къ порядку, послушаніе, призваніе къ тюремному дѣлу, безкорыстность, трезвость, мужелюбіе, твердость. Ср. въ особенности отдѣлъ о тюремныхъ служащихъ у Krohne, System, стр. 518 и сл.

наиболѣе содѣйствовать водворенію порядка и дисциплины въ тюрьмахъ; иногда, преимущественно въ католическихъ государствахъ, къ исполненію этихъ обязанностей привлекались религіозныя братства, монашествующіе; но опытъ показалъ, что вліяніе послѣднихъ является весьма одностороннимъ; съ нѣкоторымъ успѣхомъ они дѣйствовали лишь въ тюрьмахъ женскихъ во Франціи (1). Наиболѣе же неудачною (ср. Ягеманнъ, стр. 25) оказалась такая попытка въ протестантскихъ государствахъ, какъ напр., замѣщеніе въ 1856 г. въ Пруссіи, бывшимъ тогда начальникомъ тюремнаго управленія Вихерномъ, всего тюремнаго персонала изъ членовъ братства «внутренней миссіи», основаннаго при «суровомъ домѣ» (Brüder vom Rauhen Hause), близъ Гамбурга.

Дѣлались также попытки устройства особыхъ заведеній для подготовки тюремныхъ дѣятелей или при большихъ тюрьмахъ, напр., при тюрьмахъ въ Люнебургѣ и Левенѣ въ Бельгіи, или въ видѣ особаго учрежденія, какъ «regina coeli» въ Римѣ, на 200 человѣкъ, съ полугодовымъ спеціальнымъ курсомъ. Во всякомъ случаѣ нынѣ считается желательнымъ, чтобы всѣ члены тюремнаго персонала, въ особенности болѣе высшіе, кромѣ общаго образованія, получали спеціальную подготовку при тюрьмахъ. Эту мѣру призналъ и Петербургскій конгрессъ, на которомъ этотъ вопросъ вызвалъ оживленныя пренія.

Особенное значеніе въ каждой тюрьмѣ имѣетъ ея руководитель или начальникъ, подъ властью котораго сосредоточено все управленіе. Приданіе ему обезпеченнаго и самостоятельнаго положенія составляетъ необходимое условіе всякой правильно организованной тюрьмы. Конечно, онъ долженъ стоять подъ контролемъ и отчетностью, но тамъ, гдѣ въ тюрьму и ея порядокъ могутъ властно вмѣшиваться начальственныя лица всякихъ управленій, нерѣдко враждебныя другъ другу, нельзя ожидать сколько нибудь успѣшнаго развитія тюремнаго дѣла. Этой относительной самостоятельности управленія тюрьмою, такъ сказать, извнѣ, должна соотвѣтствовать и извѣстная самостоятельность внутри. Важнѣйшія части тюремнаго порядка, конечно, должны быть опредѣлены закономъ, или одинаковыми для всѣхъ тюремъ инструкціями

(1) Ср. Joli, le combat, стр. 205 и сл.

какъ напр., количество заработка, порядокъ работъ, дисциплинарныя взысканія и порядокъ ихъ назначенія; но затѣмъ, какъ справедливо было признано на Стокгольмскомъ тюремномъ конгрессѣ, практическое осуществленіе этихъ порядковъ должно быть предоставлено дискреціонной власти управленія тюрьмою.

Сложность тюремнаго дѣла, численность тюремнаго населенія и зависящая отъ того численность персонала, въ особенности въ государствахъ большихъ, требуютъ объединенія всего дѣла въ одномъ управленіи. Существующее и нынѣ во многихъ странахъ раздробленіе завѣдыванія тюрьмами между многими вѣдомствами представляется невыгоднымъ въ экономическомъ и въ особенности въ пенитенціарномъ отношеніи. Но затѣмъ считающійся и нынѣ спорнымъ вопросъ о томъ, къ какой именно отрасли управленія должно быть отнесено тюремное—къ Министерству ли Внутреннихъ Дѣлъ, какъ во Франціи, Россіи, Англіи, Италіи, или къ Министерству Юстиціи, какъ въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ, Австріи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи, по справедливому замѣчанію Кроне (стр. 327), не имѣетъ существенной важности, такъ какъ во всякомъ случаѣ это управленіе должно составлять самостоятельную часть министерства, отличающуюся отъ судебнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ, а равно и отъ другихъ частей внутренняго управленія.

349. *Мѣры надзора за освобожденными арестантами.* Служа карою за учиненное преступное дѣяніе, тюрьма, правильно устроенная, вмѣстѣ съ тѣмъ не должна терять изъ виду будущее заключеннаго съ момента его освобожденія. А этотъ переходъ изъ-подъ неволи на свободу, возвращеніе къ нормальной общественной жизни, представляетъ много затрудненій. Общество не можетъ безслѣдно забыть прошлое освобожденнаго, въ особенности въ тѣхъ государствахъ, гдѣ довѣріе къ исправительному вліянію тюрьмы весьма не велико; предприниматели съ инстинктивною осторожностью относятся къ помѣщенію такого лица въ свои промышленныя и торговыя заведенія; еще съ большимъ трудомъ примутъ его въ тѣсный кругъ семейной жизни, въ качествѣ домашней прислуги. Какъ бы много ни говорили, что проступокъ искупленъ, что виновный расквитался съ правосудіемъ, но прак-

тическая жизнь столь часто свидѣтельствуетъ намъ, что всѣ эти положенія теряютъ силу предъ опасностью возврата къ преступленію. Съ другой стороны, при выходѣ изъ тюрьмы, многое мѣняется въ личной жизни освобождаемаго, особенно долгосрочнаго, порываются личныя связи и отношенія, онъ поневолѣ чувствуетъ себя одинокимъ, да къ тому же тюремная жизнь пріучила его къ пассивности, къ жизни чужимъ умомъ. Поэтому естественно, что освобожденный преступникъ нуждается въ заботѣ и попеченіи именно въ первое время по освобожденіи.

Конечно, нѣкоторую помощь можетъ оказать ему сама тюрьма; онъ можетъ обратиться за совѣтомъ, содѣйствіемъ къ тюремному персоналу, но это осуществимо развѣ въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ. Возлагать на тюрьму подобную обязанность, значило бы вредно влiять на самое тюремное дѣло. Тюрьма не имѣетъ для этого особыхъ органовъ, а ея личный персоналъ настолько занятъ внутри тюрьмы, что онъ не можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать и внѣ ея.

Далѣе, осуществленіе этой задачи, какъ мы видѣли, возлагается на общіе органы управленія, въ видѣ полицейскаго надзора, но, какъ я указывалъ ранѣе, самыя условія и задачи таковаго дѣлаютъ его мало пригоднымъ для осуществленія помощи арестантамъ. Поэтому съ большимъ успѣхомъ является въ этомъ отношеніи частная благотворительная дѣятельность общества патронатства или попечительства объ освобожденныхъ арестантахъ (1).

Возникновеніе дѣятельности такихъ обществъ совпадаетъ съ возникновеніемъ пенитенціарной системы. Такъ, въ Америкѣ возникло еще въ 1776 г. въ Филадельфіи и дѣйствуетъ до сихъ поръ, общество попеченія объ освобожденныхъ (Society for alleviating the miseries of public prisons); въ Европѣ первымъ по времени возникновенія было датское общество на островѣ Fühnen, основанное въ 1797 г., но существовавшее, впрочемъ, короткое время. Теперь число такихъ обществъ съ самыми разнообразными

---

(1) Fuchs, Schutzwesen, въ Holtzendorfs Handbuch, II, стр. 351—379; Krohne, в. с., стр. 276 и сл.; Фойницкій, стр. 491; M. de Lamarque, la réhabilitation des libérés, Manuel du patronage, 1877; Stevens, le patronage des condamnés adultes et des jeunes libérés. 1891.

программами дѣятельности во всѣхъ большихъ государствахъ Европы чрезвычайно велико; такъ, въ Англіи, по указанію г. Фукса (стр. 355), число обществъ патронатства превышаетъ 100; въ Германіи, въ особенности въ сѣверной, существуютъ такія общества почти въ каждой провинціи; особенно значительнымъ является Рейнско-Вестфальское тюремное общество, основанное въ 1826 г. Во Франціи дѣятельность общества покровительства получило развитіе сравнительно въ недавнее время, благодаря основанному Ламаркомъ въ 1871 г. «Société générale de patronage». Много содѣйствовали выясненію значенія и условій правильной дѣятельности этихъ обществъ тюремные конгрессы— Лондонскій, а въ особенности Римскій и Петербургскій.

Всѣ эти общества имѣютъ частный характеръ, хотя многія изъ нихъ пользуются и государственными вспомоществованіями. Поэтому, понятно, существеннымъ элементомъ всѣхъ этихъ обществъ являются члены-жертвователи, источники матеріальныхъ средствъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Кроне (стр. 278), еще важнѣе члены, которые составляютъ, такъ сказать, дѣйствующую часть общества, которые самоотверженно отдаютъ свою дѣятельность, время, энергію этому трудному и святому дѣлу спасенія падшаго брата. Оттого мы и видимъ такое различіе и колебанія въ успѣшности ихъ дѣятельности, стоящей въ полной зависимости отъ личныхъ качествъ ихъ руководителей и главныхъ сподвижниковъ.

Дѣятельность патроната начинается, конечно, съ момента выхода заключеннаго, но для того, чтобы его помощь была сколько нибудь успѣшна, очевидно, необходимо, чтобы дѣятельные члены общества могли ознакомиться съ тѣми, которые станутъ подъ ихъ покровительство еще во время ихъ пребыванія въ тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи для успѣха обществъ необходима тѣсная связь ихъ съ тюрьмою и съ тюремнымъ управленіемъ. «Арестантъ, говоритъ Кроне, долженъ послѣ своего освобожденія имѣть человѣка, который бы его зналъ и которому онъ бы довѣрялъ, къ которому бы онъ могъ обратиться за совѣтомъ и помощью въ минуту нужды и затрудненія. Что для него общество.... если они другъ другу чужды. Долженъ ли онъ являться къ сочлену, представить ему желтый или коричневый билетъ, разсказать ему свою

жизнь, исторію своего преступленія, чтобы услыхать отвѣтъ: «я посмотрю, придите завтра»... Общества должны посылать тѣхъ сочленовъ, которые для того пригодны, въ тюрьмы, чтобы они посѣщали арестантовъ, которые попадутъ подъ ихъ надзоръ, ознакомились съ ними, узнали на что они пригодны и чего хотятъ; члены патронатства должны заинтересоваться заключенными, тогда они легче найдутъ для нихъ работу и занятіе, чѣмъ на основаніи самыхъ подробныхъ докладовъ тюремнаго управленія... Освобожденный придетъ тогда не къ чужому, а къ человѣку, которому онъ довѣряетъ, который помогалъ его семьѣ, примирялъ его съ нею».

Конечно, въ тюрьмѣ члены обществъ не могутъ играть самостоятельной роли, они должны подчиняться тюремнымъ порядкамъ и тюремной администраціи, самое бо̀льшее—они могутъ давать указанія управленію по поводу замѣченныхъ ими непорядковъ. Впрочемъ, въ государствахъ, въ которыхъ тюремное дѣло находится еще въ зачаточномъ положеніи, какъ у насъ, дѣятельность этихъ обществъ внутри тюрьмы должна бы быть болѣе широкою: на нихъ могла бы быть возложена забота объ улучшеніи образовательно-воспитательныхъ условій тюрьмы, устройство школъ, библіотекъ, религіозно-нравственныхъ чтеній и т. п., или даже и улучшеніе гигіеническихъ условій тюрьмы, но, конечно, и въ этихъ случаяхъ при подчиненіи ихъ дѣятельности тюремному управленію.

По выходѣ арестанта изъ тюрьмы общество должно оказывать ему не только нравственную, но и матеріальную поддержку,—заботиться объ устройствѣ переѣзда и водворенія его на родинѣ, о пріисканіи ему заработка и т. д. Въ виду этого матеріальнаго содѣйствія въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ передается обществу заработокъ арестантовъ, подчинившихся его надзору, съ тѣмъ, чтобы оно выдавало ему заработокъ по мѣрѣ нужды.

Но главная забота общества направляется на пріисканіе работы арестантамъ, помѣщеніе ихъ на мѣсто. Съ этою же цѣлью общества устраиваютъ пріюты и притомъ въ двоякомъ видѣ: или для помѣщенія тѣхъ изъ освобожденныхъ, которые временно остались безъ крова и работы, или даже въ видѣ правильно-организованныхъ рабочихъ домовъ, но въ послѣднемъ случаѣ только на извѣстное время и для извѣстныхъ классовъ освобожденныхъ. Въ Германіи, по почину пастора Бадельшвинга, по-

лучило значительное развитіе устройство земледѣльческихъ рабочихъ колоній (Arbeiter Kolonie) для освобожденныхъ (1). Кромѣ того, весьма нерѣдко общества берутъ на себя содѣйствіе переселенію освобожденныхъ за предѣлы метрополіи, какъ, напр., въ Бельгіи общество S. Raphael.

Покровительственная дѣятельность общества должна распространяться на всѣхъ заключенныхъ, присужденныхъ къ сколько нибудь продолжительному заключенію; но самое подчиненіе ихъ надзору можетъ быть поставлено двояко: или какъ обязательное, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ классовъ арестантовъ, или какъ добровольное (2). Но во всякомъ случаѣ патронатство должно быть срочнымъ, отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ. Тамъ, гдѣ патронатъ допускается не обязательный, его весьма нерѣдко предлагаютъ сдѣлать ограниченнымъ, примѣнимымъ только къ нѣкоторымъ изъ освобожденныхъ по выбору членовъ общества. Конечно, такая ограниченная дѣятельность патроната можетъ быть болѣе успѣшна, но съ другой стороны она тогда становится случайною, противорѣчитъ основной идеѣ этого учрежденія. Казалось бы въ этомъ отношеніи можно допустить только одно—право патроната отказываться отъ пріема вновь такихъ освобожденныхъ, которые уже находились подъ его надзоромъ и оказались совершенно непригодными.

850. *Особыя тюрьмы.* Изложенныя выше условія тюремнаго режима примѣняются, съ извѣстными оттѣнками, не только ко всѣмъ тюрьмамъ общаго порядка, начиная отъ наиболѣе тяжкихъ—каторги и кончая арестнымъ домомъ, но въ главныхъ своихъ чертахъ они примѣнимы и къ большинству особыхъ мѣстъ заключенія.

Сюда относятся: во 1-хъ, мѣста заключенія за нѣкоторые особые проступки, не имѣющіе позорящаго характера, въ особенности съ политическимъ оттѣнкомъ (custodia honesta), какъ, напр., политическіе проступки въ тѣсномъ смыслѣ, преступленія печати, дуэль и т. п. Особенный составъ населенія этихъ тюремъ естественно отражается и на ихъ устройствѣ, на выборѣ и порядкѣ работъ, на устройствѣ образовательной части и т. п. Во

(1) Изъ французскихъ криминалистовъ устройство такихъ колоній рекомендуетъ Ортоланъ, éléments, № 1493.

(2) На С.-Петербургскомъ конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости международной связи обществъ патронатства; ср. Joly, стр. 287 и слѣд.

2-хъ, тюрьмы военныя, этого рода тюрьмы отдѣляются въ особую группу, съ совершенно самостоятельнымъ управленіемъ во всѣхъ государствахъ, хотя, казалось бы, болѣе раціональнымъ въ этомъ отношеніи различать: съ одной стороны, преступниковъ военнаго званія, учинившихъ такіе проступки, которые влекутъ затѣмъ исключеніе изъ военной службы, а съ другой, учинившихъ маловажные проступки, не влекущіе исключенія изъ рядовъ войска, а равно и военнослужащихъ, учинившихъ спеціальныя нарушенія воинской дисциплины. Первую группу, казалось бы, всего естественнѣе направлять въ общія тюрьмы, такъ какъ для отдѣльнаго ихъ содержанія не представляется никакихъ достаточныхъ основаній, а для второй, существеннымъ основаніемъ выдѣленія представляется необходимость сдѣлать и самую тюрьму какъ бы продолженіемъ военной службы, какъ по отношенію къ поддержанію военной дисциплины, такъ и по отношенію къ выбору и порядку занятій.

Но наибольшія отличія представляютъ *учрежденія для малолѣтнихъ* (1). Ранѣе, излагая вопросъ о вліяніи возраста на отвѣтственность, я указывалъ на необходимость: во 1-хъ, принятія мѣръ принудительнаго воспитанія для малолѣтнихъ, учинившихъ нарушенія закона, но, за недостаткомъ разумѣнія, не подлежащихъ уголовнымъ взысканіямъ и, во 2-хъ, замѣны общихъ мѣръ наказанія для юныхъ преступниковъ, хотя и признанныхъ дѣйствующими съ разумѣніемъ.

Сознаніе необходимости особыхъ мѣръ взысканія для малолѣтнихъ и привело всѣ новѣйшія государства къ учрежденію особыхъ заведеній для лицъ этой группы. Такія отдѣльныя учрежденія мы встрѣчаемъ еще въ началѣ XVIII столѣтія, какъ тюрьма св. Михаила въ Римѣ, устроенная въ 1703 г. папою Климентомъ XI, или casa di correctione во Флоренціи; но всѣ эти попытки представ-

---

(1) Болѣе подробный обзоръ учрежденій для малолѣтнихъ можно найти у А. Богдановскаго, молодые преступники, 1870 г., 2 изд. 1872 г.; а въ особенности у А. Кистяковскаго, молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій, 1878 г.; Lallemand, Histoire des enfants abandonnés et delaissés, 1885 г.; Föhring, die Zwangserziehung und die Bestrafung Jugendlicher въ Holtz. Handbuch, II, стр. 278—328; у него указанія на новую спеціальную литературу вопроса. Подробности объ отдѣльныхъ учрежденіяхъ можно найти въ многочисленныхъ отчетахъ и описаніяхъ этихъ заведеній.

ляли только простое отдѣленіе помѣщеній для малолѣтнихъ арестантовъ отъ взрослыхъ; дѣйствительное же учрежденіе особыхъ карательно - воспитательныхъ учрежденій относится къ концу XVIII вѣка, и тѣсно связано съ именемъ отца современной педагогики—Ивана Гейнриха Песталоцци, задавшагося цѣлью примѣнить семейный принципъ воспитанія и къ дѣтямъ брошеннымъ, порочнымъ и преступнымъ.

Этотъ принципъ замѣны для малолѣтнихъ преступниковъ обыкновенныхъ наказаній воспитательно-исправительными учрежденіями, сдѣлался общимъ началомъ всѣхъ новѣйшихъ уголовныхъ законодательствъ, хотя на практикѣ далеко не всѣ государства проводили это начало послѣдовательно. Всѣхъ ранѣе, значительные успѣхи въ этомъ отношеніи сдѣлала Франція (1). Уже по кодексу 1810 г. для малолѣтнихъ наказаніе могло быть замѣняемо отдачею въ исправительныя заведенія, но до 1850 г. число такихъ заведеній было невелико; наиболѣе старымъ учрежденіемъ была школа для малолѣтныхъ, основанная аббатомъ Арну въ Парижѣ, а наиболѣе извѣстнымъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи образцомъ всѣхъ учрежденій этого рода,—колонія Mettray близъ Тура, основанная въ 1839 г. Demetz'омъ и Courteilles. Законъ 1850 г. ввелъ обязательное учрежденіе двоякаго рода заведеній принудительнаго воспитанія мололѣтнихъ—colonies pénitentiaires для малолѣтнихъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія или приговоренныхъ къ незначительному наказанію и для отданныхъ въ силу родительской власти, и colonies correctionelles для приговоренныхъ къ болѣе тяжкимъ взысканіямъ. Въ тѣхъ и другихъ учрежденіяхъ дѣти обязательно подлежали общему заключенію съ работами земледѣльческими или ремесленными, соприкасающимися съ земледѣліемъ; только въ первые мѣсяцы (отъ 3—6) отданный въ заведеніе помѣщался отдѣльно и занимался комнатными работами. Для дѣвочекъ оба эти типа сливаются въ одинъ, въ видѣ помѣщенія въ maisons pénitentiaires, причемъ для нихъ заведены

(1) Ср. Marquis d'Haussonville, les Etablissements pénitentiaires en France et aux colonies. Ср. также De Lamarque, Des colonies pénitentiaires et de patronage de jeunes libérés, 1863 г. Новѣйшія данныя можно найти въ оффиціальномъ изданіи Questions et services intéressant les mineurs placés sous l'autorité de l'administration pénitentiaire, 1890 г.

работы ремесленныя. Колоніи предполагалось устраивать какъ правительственныя, такъ и частныя, но съ предпочтеніемъ послѣднихъ, получавшихъ и государственную субсидію какъ въ видѣ оплаты содержанія, такъ и въ видѣ чрезвычайныхъ пособій; но въ 70-хъ годахъ, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій въ управленіи нѣкоторыми колоніями (1) явилось стремленіе усилить число правительственныхъ учрежденій, а число частныхъ стало значительно уменьшаться, напр. изъ числа 28 заведеній для мальчиковъ, бывшихъ въ 1882 г., въ 1888 г. оставалось 11. Въ послѣднее время существенное значеніе по устройству этихъ учрежденій получило устроенное Bonjean въ 1880 г. Société générale de protection pour l'enfance abondonnée et coupable.

По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ къ 1 Іюля 1888 г. во Франціи существовало такихъ учрежденій: правительственныхъ 6 колоній и сверхъ того 5 quartiers correctionels при тюрьмахъ съ населеніемъ въ 2,491 чел.; въ 1885 и 1887 гг. основано было два заведенія для дѣвочекъ—одно на 400 и другое на 350, въ которыхъ къ 1888 г. было 437 дѣвочекъ, и частныхъ 11 для мальчиковъ (съ 2,072 дѣтьми) и 15—для дѣвочекъ (1,138), причемъ изъ сообщенія видно, что, въ отступленіе отъ закона 1850 г., въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ были введены исключительно ремесленныя работы.

Въ Англіи серьезныя попытки устройства особыхъ заведеній для малолѣтнихъ относятся къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія. Таково, открытое въ тридцатыхъ годахъ, Брентоновское убѣжище для дѣтей, а въ особенности устроенная въ 1850 г. Редгильская колонія около Лондона. Но надлежащее развитіе всѣ эти учрежденія получили только послѣ законовъ 1854 и 1866 гг. По этимъ законамъ введены заведенія двухъ типовъ: школы возрожденія, преимущественно для дѣтей преступныхъ, и ремесленныя школы для дѣтей порочныхъ; нынѣ вся Англія по-

(1) Ср. Жоли, le combat, стр. 143 и слѣд.; но онъ однако указываетъ, что и за послѣднее время число рецидивистовъ было больше въ колоніяхъ публичныхъ (свыше 20%), чѣмъ въ частныхъ (11%). Онъ объясняетъ это различіе слишкомъ большимъ населеніемъ правительственныхъ заведеній, въ коихъ содержится, среднимъ числомъ, до 400 дѣтей, тогда какъ въ частныхъ такое число не превышаетъ 150.

крыта сѣтью такихъ учрежденій. По указанію Фёринга, къ 1882 г. такихъ заведеній въ Великобританіи съ Ирландіею было 282 съ населеніемъ въ 31,433 человѣка.

Въ Германіи первымъ значительнымъ учрежденіемъ этого рода былъ Rauhes Haus, устроенный Вихерномъ въ Horn, близь Гамбурга, въ 1833 г. и послужившій во многихъ отношеніяхъ образцомъ для знаменитой французской колоніи Метре. Заведеніе устроено по семейному началу; каждая семья имѣетъ руководителемъ братьевъ и сестеръ братства внутренней миссіи. Но въ законодательствахъ нѣмецкихъ необходимость подобныхъ учрежденій была признана гораздо позднѣе,—въ прусскомъ уложеніи 1851 г. и въ особенности въ общегерманскомъ уложеніи, которое новеллою 1876 г. допустило помѣщеніе въ такія учрежденія и дѣтей, не достигшихъ возраста уголовной вмѣняемости. Подробныя же правила устройства заведеній этого рода были опредѣлены закономъ 3 Марта 1878 г. (1), послужившимъ образцомъ для цѣлаго ряда такихъ законовъ въ другихъ государствахъ. Число заведеній весьма значительно, хотя точной цифры не указано даже и въ спеціальной статьѣ Фёринга.

Изъ подобныхъ заведеній въ другихъ государствахъ особенною извѣстностью пользуются въ Голландіи—Нидерландское Метре, основанное извѣстнымъ Зюрингаромъ; въ Бельгіи—maisons pénitentiaires въ монастырѣ St. Hubert для мальчиковъ и въ монастырѣ въ Намюрѣ для мальчиковъ и дѣвочекъ, а для порочныхъ, но не преступныхъ дѣтей,—въ Ruisselede на 700 дѣтей.

Всѣ эти учрежденія предназначаются главнымъ образомъ для малолѣтнихъ преступниковъ, но въ литературѣ и въ жизни давно уже поставленъ вопросъ: не слѣдуетъ ли открывать эти учрежденія совмѣстно и для дѣтей порочныхъ и просто безпризорныхъ—для нищихъ, бродягъ, отдаваемыхъ въ силу родительской власти

---

(1) Спеціально для Пруссіи ср. статьи Altsmann, Die Zwangserziehung jugendlicher Verbrecher in Preussen, въ Zeitschrift, XI (1891 г.), стр. 89—113; Гурвичъ, принудительное воспитаніе дѣтей испорченныхъ, заброшенныхъ и молодыхъ преступниковъ въ Пруссіи. Журн. граж. и угол. права. 1892 г., № 1, стр. 74 и сл.; у него приведены интересныя статистическія данныя о примѣненіи въ Пруссіи закона 1878 г. Aschrott, die Behandlung verwahrlosen und verbrecherischen Jugend, 1892 г.

и т. д. Въ практикѣ тюремнаго дѣла, а отчасти и въ законодательствахъ образовалось по этому вопросу два теченія. Одни считаютъ необходимымъ строго отдѣлять обѣ группы малолѣтнихъ: такова бельгійская система, отчасти проводимая и во Франціи (1); другія, наоборотъ, считаютъ такое отдѣленіе излишнимъ, не имѣющимъ никакого внутренняго основанія. Такая система принята въ заведеніяхъ Швейцарскихъ, Сѣверо-Американскихъ (2).

У насъ, какъ мы видѣли, этотъ вопросъ былъ поставленъ при изданіи закона 1866 г. (объясн. къ 4 п.), но не былъ разрѣшенъ положительно, а практика большинства заведеній высказалась въ пользу соединенія этихъ группъ, и, я полагаю, вполнѣ правильно, такъ какъ фактъ учиненія преступнаго дѣянія по большей части является признакомъ малосущественнымъ. Съ одной стороны, между бродягами и нищими скрывается всегда извѣстный % совершившихъ преступныя дѣянія, но не изобличенныхъ въ нихъ, а съ другой, по степени нравственной испорченности, огрубѣлости, безпріютные оборвыши большихъ городовъ, кочующіе изъ одного притона въ другой, стоятъ, конечно, не выше большинства попадающихъ на скамью подсудимыхъ.

Казалось бы гораздо правильнѣе дѣлать между заведеніями принудительнаго воспитанія иное различіе, выдѣляя въ особыя заведенія наиболѣе испорченные типы, напр., рецидивистовъ, уже побывавшихъ въ воспитательныхъ учрежденіяхъ, дѣтей, учинившихъ какія либо особо выдающіяся по ихъ обстановкѣ преступныя дѣянія, признанныхъ въ пріютахъ за особо испорченныхъ и подлежащихъ удаленію.

---

(1) Такъ, Ortolan, № 1483, требуетъ строгаго различія учрежденій для преступныхъ и непреступныхъ дѣтей, находя, что смѣшеніе нарушаетъ самыя основы правосудія. Учрежденія для преступныхъ дѣтей, по его мнѣнію, должны носить карательный характеръ.

(2) По англійскому закону 1866 г. всякій имѣетъ право привести предъ судью и тѣмъ содѣйствовать помѣщенію въ исправительное учрежденіе: а) нищаго, или прямо получающаго милостыню, или добывающаго ее подъ предлогомъ продажи вещей; б) безпріютнаго бродягу; в) сироту, или ребенка, родители коего присуждены къ тюрьмѣ, и г) обвиняемаго въ проступкѣ, предполагая только, что приведенному на видъ не болѣе 14 лѣтъ. Кромѣ того, въ Англіи учреждены особые агенты для розысканія безпризорныхъ дѣтей.

По отношенію къ самому типу устройства заведеній существуетъ также значительное разнообразіе взглядовъ. Прежде всего нельзя не указать на воззрѣніе, считающее, по крайней мѣрѣ для малолѣтнихъ, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, для порочныхъ и брошенныхъ дѣтей, наиболѣе желательнымъ примѣненіе системы размѣщенія этихъ дѣтей по семьямъ, въ особенности по семьямъ фермерскимъ, какъ это практикуется въ Сѣверной Америкѣ, въ Швейцаріи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи. Этой системѣ, получившей одобреніе на Стокгольмскомъ конгрессѣ (1), нельзя отказать въ извѣстной долѣ теоретической вѣрности. Главною причиною скороспѣлой преступности является, конечно, отсутствіе здоровой семьи; поэтому лучшимъ терапевтическимъ средствомъ будетъ созданіе таковой, хотя бы и искусственно. Но съ практической стороны, система размѣщенія вызываетъ весьма и весьма значительныя сомнѣнія. Нельзя закрывать глаза предъ тою опасностью, которая можетъ создаться для юныхъ членовъ семьи введеніемъ въ нее такого элемента, въ особенности, напр. у насъ, гдѣ надзоръ крестьянской семьи за малолѣтними въ страдную пору сводится почти къ нулю; поэтому ея примѣненіе возможно развѣ къ дѣтямъ брошеннымъ, ранняго возраста, напр. моложе 10 лѣтъ. Кромѣ того, размѣщеніе по семьямъ можетъ имѣть хорошіе результаты, если пріемъ будетъ послѣдствіемъ сознательной благотворительности, искреннимъ проявленіемъ христіанской любви къ дѣтямъ погибающимъ, но оно получитъ совсѣмъ иную окраску, какъ скоро такой пріемъ будетъ дѣломъ разсчета, даже промысла.

Относительно воспитательно-исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ были попытки примѣненія къ нимъ принципа одиночнаго заключенія. Такое воззрѣніе было усвоено, напр., первыми тюремными конгрессами—Франкфуртскимъ 1846 года и

---

(1) Конгрессъ принялъ такое положеніе, предложенное представителемъ Пруссіи Иллингомъ. Лучшее воспитаніе для такихъ дѣтей—помѣщеніе въ частной семьѣ; только за недостаткомъ такой семьи можно прибѣгать къ помощи публичныхъ или частныхъ заведеній. Прекрасныя возраженія противъ этой системы у Фёринга, стр. 302. Петербургскій конгрессъ, разсматривавшій также этотъ вопросъ, далъ весьма неопредѣленныя указанія, рекомендуя такое помѣщеніе для дѣтей самаго юнаго возраста, особенно для дѣвочекъ и для лицъ, пробывшихъ уже въ исправительныхъ заведеніяхъ и проявившихъ тамъ признаки улучшенія.

Бельгійскимъ 1847 г. Эта система практически примѣнялась во Франціи въ la Roquette до 1850 г., но она дала самые плачевные результаты. Прежде всего она оказывалась страшно суровою, такъ какъ благодаря значительнымъ срокамъ—до достиженія 20 лѣтъ—это заключеніе являлось нерѣдко гораздо болѣе тяжкимъ, чѣмъ отвѣтственность, опредѣляемая за подобныя же дѣянія взрослымъ преступникамъ или малолѣтнимъ, дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ. Съ другой стороны, одиночество, предоставленіе ребенка самому себѣ, противорѣчило самымъ основнымъ принципамъ физическаго и моральнаго воспитанія.

Система же совмѣстнаго помѣщенія малолѣтнихъ представляетъ два типа — или общаго закрытаго воспитательнаго заведенія, или размѣщенія по семьямъ. Въ первомъ случаѣ всѣ малолѣтніе помѣщаются въ одномъ заведеніи, раздѣляясь только на время работъ по роду занятій, а въ школѣ—по степени образованія ([1]). При системѣ семейной учрежденіе представляетъ колонію изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ домиковъ, изъ коихъ въ каждомъ помѣщается отдѣльная семья, по возможности небольшая (считаютъ нормальнымъ отъ 10—12 человѣкъ). Конечно, это приближеніе къ естественной семьѣ имѣетъ свои значительныя выгоды, даетъ возможность завѣдывающему семьею ближе ознакомиться съ воспитанниками, индивидуализировать свое вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не надо забывать, какъ справедливо замѣчаютъ Фёрингъ (стр. 308) и Фойницкій (стр. 454), что здѣсь нѣтъ дѣйствительной семьи, а только ея фикція, и притомъ весьма односторонняя; кромѣ того, нельзя не замѣтить, что незначительный размѣръ семьи значительно увеличиваетъ стоимость заведенія.

Какъ воспитательное учрежденіе для малолѣтнихъ порочныхъ дѣтей, такое заведеніе должно имѣть своимъ девизомъ—простота, порядокъ, трудъ и строгая дисциплина. Весьма недавно нормальнымъ типомъ такихъ заведеній считались исключительно земле-

---

([1]) Конечно, возможно и при этой системѣ (Système de congrégation) введеніе большихъ отдѣленій въ 50, 60 человѣкъ. Къ этому роду относится и такъ называемая Schulklassensystem (Фёрингъ, 308), встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ тюрьмахъ.

дѣльческія колоніи въ томъ соображеніи (1), что ничто такъ не укрѣпляетъ волю, не дисциплинируетъ человѣка, какъ трудъ земледѣльца, и что въ тоже время эти работы всего болѣе содѣйствуютъ укрѣпленію по большей части весьма чахлаго организма малолѣтнихъ преступниковъ; но строгое проведеніе этого принципа оказалось во многихъ отношеніяхъ весьма неудобнымъ, въ особенности для дѣтей-горожанъ, по необходимости возвращающихся въ городъ и по выходѣ изъ заведенія; сверхъ того, однѣ земледѣльческія работы, напр., въ сѣверномъ климатѣ, вели бы къ значительнымъ перерывамъ занятій. Поэтому въ большинствѣ земледѣльческихъ колоній введено и обученіе ремесламъ, необходимымъ для земледѣльца, и кромѣ того въ большихъ городахъ устраиваются и ремесленные пріюты, въ особенности, напр., въ Англіи (2); равнымъ образомъ школы для дѣвочекъ также имѣютъ промысловой характеръ. Работы на чистомъ воздухѣ въ ремесленныхъ школахъ могутъ быть восполняемы огородническо-садовыми работами.

Вообще говоря, порядокъ устройства этихъ заведеній долженъ быть примѣненъ къ общимъ условіямъ дѣтскаго возраста. Поэтому здѣсь гораздо бо̀льшее значеніе должно имѣть обученіе, хотя и въ предѣлахъ элементарныхъ школъ; но для дѣтей, выказавшихъ способности, желательно и дальнѣйшее реально-техническое образованіе. По отношенію къ работамъ также главную роль должны играть не выгоды заведенія, а интересы обучаемаго, его подготовка къ дальнѣйшей жизни. Своеобразными представляются въ этихъ заведеніяхъ и условія дисциплины. Такъ, во франко-бельгійскихъ учрежденіяхъ большую роль играетъ система наградъ—въ видѣ разныхъ льготъ, подарковъ, нашивокъ, назначенія старшимъ, внесенія на почетныя доски и т. д.; кромѣ того, существуютъ награды коллективныя, даваемыя за хорошее поведеніе цѣлой семьѣ, какъ, напр.,

---

(1) Въ мотивахъ французскаго закона 1850 г. было указано, что трудъ земледѣльца болѣе всякаго другаго привязываетъ къ почвѣ, даетъ любовь къ порядку и бережливости, привычку къ семейной жизни и привязанность къ собственности, пріобрѣтаемой упорнымъ трудомъ.

(2) Въ Англіи существуютъ особыя морскія школы для малолѣтнихъ (Training—Ships), устроенныя на корабляхъ; онѣ исключительно подготовляютъ для мореходной службы.

въ Метрэ — pavillon d'honneur. Дисциплинарными наказаніями употребляются—выговоръ, удаленіе отъ работъ, лишеніе льготъ, потеря отличій, карцеръ. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то вопросъ о допустимости ихъ считается спорнымъ, хотя, по моему мнѣнію, несомнѣнно, что всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ примѣненія этого наказанія къ взрослымъ, сохраняютъ въ сущности свою силу и для малолѣтнихъ. Какъ наказаніе исключительно осрамительное, оно развращающе дѣйствуетъ и на самого наказаннаго и на другихъ. Защитники этого наказанія выставляютъ на видъ его необходимость въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужно дѣйствовать быстро и подавляюще; но этотъ аргументъ значительно ослабляется тѣмъ, что быстрота его примѣненія затрудняется соблюденіемъ тѣхъ формальностей его примѣненія, которыя по необходимости существуютъ во всѣхъ заведеніяхъ въ виду важнаго значенія этой мѣры, напр., назначеніе его не единоличною властью воспитателя или директора, а коллегіальнымъ рѣшеніемъ. Сохраненіе этого наказанія только какъ угрозы, безцѣльно, потому что она, какъ и всякая мнимая угроза, скоро утратитъ свой репрессивный характеръ. Но, конечно, нельзя не сказать, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ начальной школѣ господствуетъ тѣлесное наказаніе, какъ, напр., въ Германіи, затруднительно исключить его и изъ дисциплинарныхъ наказаній для малолѣтнихъ преступниковъ (1).

Въ виду преимущественно воспитательнаго характера учрежденій этого рода, получаетъ еще бо̀льшее значеніе вопросъ о пріисканіи для нихъ соотвѣтственнаго персонала, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго; въ заведеніяхъ семейнаго типа многіе считаютъ весьма полезнымъ (Фёрингъ, стр. 310; Кроне, стр. 511) назначеніе воспитателями только лицъ женатыхъ и всего лучше семейныхъ.

---

(1) Такъ, въ Пруссіи по регламенту этихъ учрежденій допущены Stockschläge до 10 ударовъ. Кроне, стр. 506, высказывается за необходимость предоставленія употребленія ихъ единоличной власти воспитателя или учителя.

IV. Лишеніе чести и правъ.

851. Различные виды позорящихъ наказаній.

852. Оцѣнка наказаній позорящихъ.

853. Пораженіе въ правахъ, понятіе юридической смерти.

854. Система пораженія правъ въ современныхъ законодательствахъ.

855. Оцѣнка наказаній правопоражающихъ.

851. *Лишеніе чести* (1). Потеря добраго имени и соотвѣтственно этому потеря уваженія другихъ являлись естественнымъ послѣдствіемъ учиненія преступнаго дѣянія, особенно тяжкаго, считавшагося въ глазахъ общества наиболѣе несоотвѣтственнымъ требованіямъ общественной нравственности. Отсюда возникла идея о пораженіи этого идеальнаго блага личности, какъ о средствѣ наказанія, и во всѣхъ законодательствахъ, особенно въ ихъ древнѣйшія эпохи, пораженіе чести заняло видное мѣсто, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ.

Самою простѣйшею формою являлось объявленіе преступника лишеннымъ чести, безчестнымъ, причемъ такое объявленіе совершалось обыкновенно публично, при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ, а затѣмъ для признаннаго безчестнымъ, наступалъ рядъ невыгодныхъ послѣдствій по отношенію къ другимъ согражданамъ, обществу и государству. Такъ, еще по французскому кодексу 1791 г., при dégradation civique, къ осужденному обращались съ торжественнымъ заявленіемъ: «votre pays vous a trouvé convaincu d'une action infame; la loi et le tribunal vous dégradent de la qualité de citoyen francais».

Другую, болѣе разнообразную группу, составляли наказанія срамительныя или позорящія, состоявшія въ исполненіи надъ виновнымъ разныхъ обрядовъ, долженствующихъ сдѣлать его помѣшищемъ въ глазахъ толпы, и при томъ не только во время обряда, но и послѣ того, а вмѣстѣ съ тѣмъ причинить ему болѣе

---

(1) A. Wick, über Ehrenstrafen und Ehrenfolgen der Verbrechen und Strafen, 1853 г.; E. Rethwisch, über den Werth der Ehrenstrafen, 1876 г.

или менѣе сильное нравственное страданіе сознаніемъ позора. Средневѣковыя законодательства особенно богаты на эти символическія наказанія, употреблявшіяся или самостоятельно, или какъ придатокъ къ другимъ, болѣе тяжкимъ наказаніямъ, напр., къ смертной казни. Таково, напр., публичное ношеніе извѣстныхъ предметовъ, извѣстной одежды, проводъ по улицамъ въ шутовской одеждѣ или голыми, вожденіе на ослѣ, публичная дача пощечины рукою палача и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ просуществовали въ законодательствѣ до недавняго времени. Такъ, во Франціи выставка у позорнаго столба съ наложеніемъ желѣзнаго ошейника (carcan et pilory), причемъ надъ головою осужденнаго прибивалась доска, на которой надписывалось крупно имя и учиненное преступленіе, были отмѣнены только законами 1832 и 1848 гг. У насъ, какъ мы видѣли, публичный обрядъ казни отмѣненъ только указами 1879 и 1881 гг. Къ этой же категоріи можетъ быть отнесенъ встрѣчающійся и нынѣ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ взысканіе для малолѣтнихъ, выговоръ съ его двойственнымъ характеромъ порицанія и наставленія. Какъ порицаніе, выговоръ имѣетъ несомнѣнно свойство позорящаго наказанія.

Третій типъ составляютъ унижающія или устыдительныя наказанія, заключающіяся въ принудительномъ заявленіи осужденнымъ своей вины и раскаянія или предъ потерпѣвшимъ, или предъ цѣлымъ обществомъ. Сюда относились, особенно излюбленныя въ Германіи, испрошеніе прощенія у обиженнаго, соединявшееся нерѣдко съ особо унизительными обрядами, стояніемъ на колѣнахъ, цѣлованіемъ руки и т. д., взятіе назадъ оскорбительныхъ словъ (Widerruf), выдача обиженному головою и т. д.

Публичное покаяніе въ винѣ, отреченіе отъ своихъ заблужденій, было весьма нерѣдкимъ послѣдствіемъ преступленій суевѣрныхъ, религіозныхъ, если осужденные за эти дѣянія почему либо не подвергались смерти. Такова, напр., amende honorable въ двухъ видахъ: simple и in figuris дореволюціоннаго французскаго права. Тяжкій видъ ея состоялъ въ томъ, что осужденный приводился къ дверямъ церкви или суда, гдѣ онъ, въ одной рубашкѣ, босой, съ веревкой на шеѣ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, долженъ былъ, стоя на колѣняхъ, громко заявлять, что онъ преступно и злоумышленно совершилъ то-то, посягнулъ на власть

короля, или на чью либо честь, въ чемъ и проситъ прощенья у Бога, короля, судьи и потерпѣвшаго. Какъ разновидность этой формы являлось спеціальное испрошеніе прощенія у церкви, принудительное церковное покаяніе (1).

Нѣкоторое соотношеніе съ этою группою имѣетъ сохранившееся и по нынѣ опубликованіе въ газетахъ приговора по дѣламъ объ оскорбленіи и клеветѣ, составляющее какъ бы нравственное удовлетвореніе пострадавшаго, а равно, допускаемое въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, напр., во французскомъ и бельгійскомъ, особое объявленіе приговора въ общинѣ, гдѣ совершено преступленіе.

852. Почти полное вымираніе этого рода наказанія во всѣхъ новѣйшихъ кодексахъ указываетъ на его несостоятельность не только въ подробностяхъ, но и въ самой основѣ.

Честь, неопороченность добраго имени есть послѣдствіе отношеній къ лицу—общества, той среды, въ которой онъ живетъ и вращается, послѣдствіе вѣры другихъ въ его личность: честь въ современномъ обществѣ не создается государствомъ, а потому и не можетъ имъ быть отнята. Назначая, какъ наказаніе, лишеніе чести, государство употребляетъ такую мѣру, которой осуществленіе, въ дѣйствительности, отъ него не зависитъ. Съ другой стороны, безчестье есть необходимая принадлежность извѣстныхъ преступныхъ дѣяній, даже извѣстныхъ условій и обстановки этихъ дѣяній; отдѣляя этотъ моментъ и употребляя его, какъ самостоятельный видъ кары, государство легко можетъ ошибиться въ его примѣненіи и стать въ полное противорѣчіе съ общественнымъ взглядомъ на значеніе даннаго преступнаго дѣянія (2).

---

(1) Слѣды этого наказанія остались въ постановленіяхъ 226 и 227 code pénal, на основаніи коихъ виновный въ оскорбленіи должностнаго лица, при исполненіи его обязанностей, можетъ быть приговоренъ къ испрошенію, словесно или письменно, прощенія, въ случаѣ же неисполненія этого—къ тюрьмѣ впредь до исполненія этого требованія.

(2) «Если человѣкъ, говоритъ Haus, Principes, № 673, объявленный безчестнымъ по закону, потерялъ уваженіе и довѣріе общества въ силу своего проступка, то для чего клеймить безчестьемъ злодѣя, заклейменнаго уже въ мнѣніи честныхъ людей. Если же, наоборотъ, преступникъ осужденъ за такое дѣяніе, которое, какъ, напр., преступленіе политическое, вовсе не заслуживаетъ того,

Далѣе, по самому своему принципу это наказаніе крайне неравномѣрно, а потому и несправедливо. Чѣмъ выше развито въ лицѣ сознаніе личнаго достоинства, чѣмъ сильнѣе его самолюбіе, тѣмъ чувствительнѣе для него всякое публичное униженіе, всякое умаленіе чести; чѣмъ ниже нравственный уровень лица, тѣмъ безразличнѣе для него подобныя мѣры взысканія: человѣкъ, утратившій давно доброе имя, потерявшій всякій стыдъ—становится въ этомъ отношеніи неуязвимымъ для государства. Наказанія лишеніемъ чести дѣйствуютъ на преступниковъ обратно пропорціонально нравственной испорченности послѣднихъ.

Наконецъ, однимъ изъ практическихъ средствъ воздѣйствія на преступника, въ смыслѣ его исправленія, современные пенитенціаристы признаютъ поднятіе нравственной личности преступника; наказанія позорящія стремятся къ обратному результату—уничтоженію послѣднихъ остатковъ сознанія нравственнаго достоинства. Какъ указывалъ Бентамъ, эти наказанія вмѣсто содѣйствія исправленію еще болѣе укрѣпляютъ преступность.

Кромѣ этихъ основныхъ недостатковъ, тѣ изъ наказаній лишеніемъ чести, которыя всего долѣе удержались въ кодексахъ, вызываютъ и отдѣльныя возраженія.

Испрошеніе прощенія имѣетъ, конечно, значеніе для потерпѣвшаго, когда оно вытекаетъ изъ доброй воли виновнаго, является результатомъ раскаянія; но, обязательно назначенное судомъ, оно теряетъ всякое значеніе, становится нерѣдко новымъ униженіемъ для потерпѣвшаго, благодаря тону или жестамъ, которыми сопровождалъ виновный произнесеніе предписанной ему судомъ формулы извиненія.

Относительно выставки у публичнаго столба и вообще публичнаго обряда казни еще составители нашихъ судебныхъ уставовъ 1864 г. весьма вѣрно указывали, что «съ введеніемъ публичности на судѣ и той торжественности, въ которую облекаются формы и обряды гласнаго судопроизводства вообще и судъ съ присяжными въ особенности, исполненіе вышеозначеннаго обряда теряетъ свое значеніе. Составляя только окончаніе той драмы, которая

чтобы вызвать презрѣніе согражданъ, то законъ, возбуждая такое чувство къ осужденному, или дѣлаетъ актъ безполезный, если общество не откликнется на его призывъ, или актъ безнравственный, если достигнетъ желаемаго».

происходила на судѣ публично, обрядъ этотъ представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того, послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ даже вредно подѣйствовать на массу народонаселенія, представляя ей позоръ, какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія. Конечно, чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его при исполненіи обряда будетъ мучительнѣе. Но для большей части осужденныхъ, а именно для всѣхъ тѣхъ, которые при совершеніи своихъ злодѣяній или руководились одними животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ значенія. Такимъ образомъ, этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ въ мѣстѣ ссылки наказаніе, по непривычкѣ къ работамъ, окажется гораздо чувствительнѣе».

Наконецъ, выговоръ, какъ мѣра дисциплинарно-воспитательная можетъ имѣть несомнѣнное значеніе, указывая учинившему всю неправильность его дѣйствія, внушая ему необходимость устраненія такихъ поступковъ въ будущемъ; но выговоръ, какъ наказаніе, лишенъ всякаго репрессивнаго значенія прежде всего по своей формальности. Какое значеніе можетъ имѣть для преступника то, что судъ опредѣлилъ примѣнить къ нему выговоръ, нерѣдко даже заочно, и во всякомъ случаѣ не непосредственно послѣ разбора дѣла, а по вступленіи приговора въ законную силу. Если по этому поводу указываютъ, что выговоръ для лицъ должностныхъ можетъ имѣть несомнѣнное значеніе, благодаря внесенію его въ послужной списокъ, то очевидно при этомъ забываютъ, что репрессивное значеніе при такихъ условіяхъ имѣетъ не выговоръ, а отмѣтка въ формулярѣ объ окончившейся приговоромъ судимости лица.

853. *Пораженіе въ правахъ* (1). Объявленіе безчестнымъ влекло за собою естественно и ограниченіе въ правахъ,

---

(1) Объяснительная записка къ проекту общей части уголовнаго уложенія, стр. 210 и сл.; И. Фойницкій, необходимость реформы постановленій русскаго

которыми пользовалось лицо въ государствѣ, измѣненіе его юридическаго положенія. Поэтому рядомъ съ наказаніемъ лишеніемъ чести выросло и наказаніе лишеніемъ правъ, но съ тою лишь разностью, что, относясь къ сферѣ государственнаго положенія личности, вполнѣ доступной для примѣненія кары, это наказаніе и по нынѣ занимаетъ видное мѣсто въ лѣстницѣ наказаній всѣхъ современныхъ европейскихъ законодательствъ. Въ своемъ историческомъ развитіи наказаніе лишеніемъ правъ прошло двѣ существенно различныя ступени.

Высшая форма, въ которой мы встрѣчаемъ ограниченіе правъ личности, была фикція юридической смерти преступника, встрѣчавшаяся и въ римскомъ, и въ германскомъ, и въ древне-славянскомъ правѣ. Тяжкій преступникъ, пренебрегшій обращеннымъ къ нему требованіемъ закона, навлекшій на себя гнѣвъ боговъ и людей, въ свою очередь становился чужимъ для общества; онъ не могъ приблизиться къ алтарямъ, чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, онъ былъ отлученъ отъ общенія съ другими людьми, лишенъ возможности дѣлить съ нимъ кровъ и пищу (aquae et ignis interdictio). Высказавши пренебреженіе къ закону, онъ становился внѣ его охраны, онъ лишался того мира, который охраняло государство за своими сочленами (Friedlosigkeit). Подобно дикому звѣрю, волку (Vargus—древне-германскаго права), преступникъ могъ сдѣлаться добычею каждаго; какъ существо безправное, онъ подлежалъ «потоку и разграбленію». Мало того, община нерѣдко обѣщала прощеніе всякому лишенному мира, если онъ убьетъ нѣсколько подобныхъ ему бездомныхъ скитальцевъ, назначала плату за ихъ голову и т. п.

Съ развитіемъ общежитія, со смягченіемъ суровости казней,

уголовнаго законодательства по вопросу о лишеніи правъ, въ Журн. гражд. и угол. пр. за 1874 г. № 5; Wahlberg, die Ehrenfolgen der strafgerichtlichen Verurtheilung, 1864 г.; Gross, über die Ehrenfolgen der strafgerichtlichen Verurtheilung, 1874; спеціально по отношенію къ французскому праву—Desquiron, Traité de la mort civile en France, 1822; Humbert, des conséquences des condamnations pénales relativement à la capacité des personnes en droit romain et en droit français, 1855 г., и въ особенности Nusse, étude sur les droits civils de condamnés aux peines du grand criminel, 1876 г. Подробно изложенъ этотъ отдѣлъ у Гаррo, I, стр. 532—562.

ограничились и правопораженія сего рода, оставаясь, однако, по существу своему тѣмъ же вымираніемъ личности. Съ такою, нѣсколько смягченною формою, встрѣчается этотъ институтъ у насъ въ разсмотрѣнныхъ выше постановленіяхъ воинскаго устава Петра Великаго о шельмованіи. Ошельмованный, какъ говорилось въ указахъ того времени, почитался «яко же умре».

Съ тѣми же характеристическими признаками, хотя и въ смягченной формѣ, является пораженіе правъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ новаго времени. Такова, напр., mort civile во французскомъ кодексѣ 1810 г., бывшая послѣдствіемъ вѣчныхъ наказаній. Гражданская смерть производила всѣ тѣ же юридическія послѣдствія, какъ и смерть физическая: бракъ разрушался и жена становилась наложницею, а прижитыя послѣ того дѣти незаконными; всякое пріобрѣтенное имущество послѣ смерти осужденнаго поступало въ казну, какъ выморочное; но такъ какъ осужденный оставался живымъ, то его личность всетаки пользовалась охраною, а потому такое состояніе d'un mort vivant приводило къ безконечнымъ противорѣчіямъ и являлось, какъ говоритъ Гарро, учрежденіемъ противуобщественнымъ, противуюридическимъ и противухристіанскимъ, которое могло существовать развѣ только въ государствахъ, допускающихъ рабство. Гражданская смерть была отмѣнена въ Бельгіи въ 1830 г. и во Франціи въ 1854 г. Такой же типъ пораженія въ правахъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ партикулярныхъ нѣмецкихъ кодексахъ; такъ, въ Баваріи гражданская смерть была отмѣнена въ 1849 г., а въ Ольденбургѣ въ 1852 г.; по этому же принципу построено изложенное выше лишеніе всѣхъ правъ состоянія по нашему дѣйствующему праву. Но и въ этой смягченной формѣ этотъ видъ правопораженій остается и принципіально несостоятельнымъ и практически нецѣлесообразнымъ. Юридическое понятіе «живаго мертвеца» по необходимости приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ: потерявшій имущество и имущественную правоспособность тѣмъ не менѣе является собственникомъ, даже съ перваго дня ссылки; исторгнутый навсегда изъ семейнаго и родственнаго союза, онъ однако не только является семьяниномъ, но даже получаетъ возможность вступить въ новый бракъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ непослѣдовавшій за нимъ супругъ. Своею всеобъемлимостью лишеніе всѣхъ правъ захваты-

ваетъ и такую сферу личности, которая не разрушается или можетъ не разрушаться преступленіемъ; своею безповоротностью оно противодѣйствуетъ въ самомъ корню принципамъ пенитенціарнымъ, уничтожая для наказаннаго всякую возможность разсчитаться съ своимъ прошлымъ, загладить свою вину (1).

854. Взамѣнъ этой фикціи вымиранія личности, доктрина выдвинула теорію ограниченія юридическихъ правъ и дѣеспособности. Совершеніе преступленій, особенно тяжкихъ, указывая на опасность преступника для общества, на отсутствіе въ немъ нравственныхъ принциповъ, уваженія къ праву и т. д., естественно отражается и на его юридическихъ отношеніяхъ къ другимъ. Оно лишаетъ виновнаго довѣрія государства и, слѣдовательно, лишаетъ его права занимать такія должности, заниматься такою дѣятельностью, которая предполагаетъ особое довѣріе къ исполнителю; проявленная преступникомъ порочность лишаетъ его тѣхъ почестей и прерогативъ, того особаго положенія, которое онъ занималъ въ государствѣ вслѣдствіе ли его прежнихъ личныхъ заслугъ или заслугъ его предковъ. Равнымъ образомъ, существенно измѣняетъ его юридическое положеніе и самый актъ отбытія наказанія, особенно долгосрочнаго лишенія свободы, ставя наказаннаго въ такія условія, при коихъ пользованіе многими правами гражданскими представляется невозможнымъ.

Но эта новая постановка вопроса о правопораженіи далеко не вполнѣ установилась даже въ новѣйшихъ кодексахъ, которые въ этомъ отношеніи представляютъ значительное различіе (2).

Всего ближе къ старой системѣ стоитъ нынѣ дѣйствующее французское законодательство, которое знаетъ нѣсколько видовъ пораженія правъ: la dégradation civique, l'interdiction légale, l'interdiction de certains droits. La dégradation civique употребляется какъ наказаніе самостоятельное и какъ дополнительное.

---

(1) Подробный разборъ несостоятельности системы лишенія всѣхъ правъ сдѣланъ у И. Фойницкаго, въ его статьѣ, стр. 161—176.

(2) Крайне разнообразныя постановленія по вопросу о пораженіи правъ нѣмецкихъ партикулярныхъ кодексовъ сгруппированы у Кестлина, System, стр. 467—474.

Она заключается: 1) въ лишеніи всѣхъ правъ политическихъ и служебныхъ, какъ то: въ лишеніи всякой занимаемой виновнымъ публичной должности или публичнаго званія, въ лишеніи права на участіе въ выборахъ, въ службѣ государственной, военной, въ лишеніи знаковъ отличія, права носить оружіе и т. д.; 2) въ лишеніи многихъ правъ общественныхъ, какъ то: права быть экспертомъ, свидѣтелемъ подъ актами, требующими свидѣтельской скрѣпы, права давать въ уголовныхъ дѣлахъ свидѣтельства подъ присягою, права содержать публичныя школы, быть въ нихъ воспитателемъ, преподавателемъ и т. д.; 3) въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ семейныхъ, какъ то: права быть опекуномъ, попечителемъ, членомъ семейнаго совѣта. Какъ наказаніе дополнительное, эта мѣра сопровождаетъ: les travaux forcés, la détention, la réclusion и le bannissement; она не дѣлима, пожизненна и ея примѣненіе всегда обязательно для суда. L'interdiction légale, хотя и названо наказаніемъ, но въ дѣйствительности является гражданскимъ послѣдствіемъ наказанія. Оно заключается въ лишеніи права управлять и пользоваться своимъ имуществомъ во все время заключенія, почему къ имуществу виновнаго назначается опека; виновному не могутъ быть передаваемы никакія денежныя суммы, никакая часть его дохода; но съ окончаніемъ наказанія опека прекращается и всѣ имущественныя права осужденнаго возстанавляются (1). Эта мѣра сопровождаетъ: les travaux forcés, la détention и la réclusion. Наконецъ, l'interdiction de certains droits заключаетъ въ себѣ почти всѣ тѣ правопораженія, которыя входятъ въ dégradation civique, но, во 1-хъ, назначеніе этого правопораженія не обязательно для суда; во 2-хъ, отдѣльные виды пораженія правъ, входящіе въ это наказаніе,

---

(1) Относительно объема правопораженій лица, находящагося подъ interdiction légale, во Франціи существуютъ крайне различные взгляды, которые Гарро (стр. 545) сводитъ къ тремъ: по мнѣнію однихъ (F. Hélie, Morin) наказанный лишенъ только права управленія имуществомъ, другіе (Ortolan, Trébutien, Villey, Demolombe, Garraud, и Французскій кассаціонный судъ) полагаютъ, что онъ лишенъ и права распоряженія имъ, напр. права отчужденія, залога; третьи (Boitard, Bertauld, Molinier, Troplong) считаютъ его лишеннымъ права совершать всѣ юридическія дѣйствія, выполняемыя непосредственно, каково, напр., право дѣлать завѣщанія.

могутъ быть назначаемы не только совмѣстно, но и порознь, и, въ 3-хъ, оно можетъ быть назначаемо не только пожизненно, но и срочно (1). Независимо отъ сего, въ тѣхъ случаяхъ, когда до закона 1854 г. назначалась гражданская смерть, т. е. при travaux forcés á pérpétuité, déportation и при смертной казни сохранены еще три вида правопораженій, смягченные для приговоренныхъ къ депортаціи закономъ 25 Марта 1873 г. о положеніи ссыльныхъ въ новой Каледоніи и закономъ 10 Марта 1877 г. о наслѣдованіи послѣ ссыльныхъ, а именно недѣйствительность духовнаго завѣщанія осужденныхъ, лишеніе ихъ права распоряжаться имуществомъ посредствомъ даренія и лишеніе права пріобрѣтать имущество по завѣщанію и даренію, за исключеніемъ алиментовъ. Наконецъ, въ законахъ гражданскихъ содержится еще нѣсколько указаній о послѣдствіяхъ преступленія, а именно относительно ограниченія правъ мужа по отношенію къ женѣ, о правѣ просить фактическаго расторженія брака, т. е. отлученія отъ стола и ложа.

Значительный шагъ впередъ по вопросу о пораженіи правъ представляетъ кодексъ Германскій, стремящійся хотя и не вполнѣ послѣдовательно, съ одной стороны, провести тотъ принципъ, что пораженіе правъ должно имѣть своимъ основаніемъ не родъ отбытаго наказанія, а свойство преступленія, а съ другой, вводящій начало дробимости и срочности правопораженій. Правопораженіе распространяется на публичныя права (Ehrenrechte) и притомъ права пріобрѣтенныя поражаются навсегда, а правоспособность на срокъ; къ первымъ относятся: потеря занимаемой должности, званія, титула, ордена, почетныхъ отличій, правъ, пріобрѣтенныхъ по выборамъ (2); ко вторымъ—права вступать въ военную, гражданскую или общественную службу; участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ; носить національную кокарду; быть свидѣтелемъ подъ документами, требующими скрѣпы; быть опекуномъ, попечителемъ, членомъ семейнаго совѣта; это пораженіе право-

(1) Кромѣ того французское законодательство знаетъ еще ограниченіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правъ, основывающееся на постановленіяхъ спеціальныхъ законовъ. Ср. перечень ихъ у Ortolan, № 1559—1561; Garraud, I, № 342.

(2) Потеря дворянства, допускавшаяся прежде по партикулярнымъ нѣмецкимъ законодательствамъ, исключена нынѣ по германскому уложенію.

способности можетъ быть назначаемо на срокъ отъ 1—5 или отъ 2—10 лѣтъ. Въ случаѣ присужденія къ смертной казни и къ заключенію въ Zuchthaus, суду предоставляется право назначить, сверхъ главнаго наказанія, и лишеніе почетныхъ правъ; тоже допускается и при назначеніи тюрьмы на срокъ свыше 3-хъ мѣсяцевъ, но лишь при особомъ указаніи на то закона. Присужденіе къ заключенію въ Zuchthaus во всякомъ случаѣ влечетъ потерю права служить въ войскѣ и занимать государственныя и общественныя должности.

Еще съ бо̀льшею послѣдовательностью проводитъ ту же систему Голландскій кодексъ (§§ 28—31), такъ какъ онъ ставитъ правопораженіе въ прямую зависимость отъ свойства преступныхъ дѣяній и назначаетъ эти правопораженія только на извѣстный срокъ.

855. Обращаясь къ теоретической оцѣнкѣ этого типа правопораженій, нельзя прежде всего не замѣтить, что, какъ указано выше, его существованіе въ карательной системѣ съ необходимостью вытекаетъ изъ того особаго отношенія къ государству, въ которое ставитъ виновнаго какъ учиненное имъ преступленіе, такъ и понесенное за него наказаніе, и весь вопросъ сводится къ установленію объема и условій праволишеній.

Объемъ праволишеній опредѣляется основною формулою: преступникъ, оставаясь личностью, слѣдовательно сохраняя правоохрану своихъ личныхъ правъ, теряетъ государственное и общественное довѣріе со всѣми правами и прерогативами, съ нимъ связанными. Поэтому правопораженіе прежде всего падаетъ на общественную и служебную сферу дѣятельности виновнаго, и притомъ, какъ по отношенію къ правамъ и привилегіямъ, имъ уже пріобрѣтеннымъ, которыми онъ пользовался, такъ и по отношенію къ самой возможности ихъ пріобрѣтенія, къ его публичной правоспособности.

Въ области служебныхъ правъ, правопораженіе влечетъ за собою утрату той должности и того званія, которое занималъ виновный по службѣ государственной и общественной, а равно и права поступать на таковыя или быть въ нихъ избираемымъ. Отсутствіе общественнаго довѣрія естественно разрушаетъ далѣе право участвовать въ выборахъ какъ общегосударственныхъ, такъ и мѣст-

ныхъ, или сословныхъ. Далѣе, въ виду того положенія, которое нынѣ имѣетъ во всѣхъ государствахъ военная служба, какъ осуществленіе права защиты отечества, правопораженіе влечетъ за собою увольненіе съ этой службы и лишеніе права поступать на таковую. Сюда же относится лишеніе права исполнять обязанности или дѣятельность, предполагающія особое довѣріе и незапятнанное поведеніе, какъ, напр., право принимать участіе въ опекѣ и попечительствѣ, быть третейскимъ судьею, присяжнымъ или частнымъ повѣреннымъ, участвующимъ въ конкурсѣ или администраціи, права быть присяжнымъ засѣдателемъ, начальствующимъ, воспитателемъ или учителемъ въ общественныхъ и частныхъ заведеніяхъ, исполнять обязанность духовныхъ лицъ, а въ вѣроисповѣданіяхъ христіанскихъ и право принадлежать къ клиру, права быть свидѣтелемъ при договорахъ и актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы и т. д.

Вмѣстѣ съ должностью, а для неслужащихъ и независимо отъ того, правопораженіе влечетъ утрату всѣхъ отличій, по службѣ полученныхъ, какъ-то: чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія, дипломовъ, почетныхъ титуловъ и т. п. Такое лишеніе распространяется, конечно, на отличія, полученныя по службѣ и дѣятельности государственной и общественной, но не можетъ распространяться на отличія, полученныя, напр., вслѣдствіе промышленной, ученой, благотворительной дѣятельности лица, въ чемъ бы такія отличія не заключались. Спорнымъ является только вопросъ о такихъ званіяхъ и присвоенныхъ имъ знакахъ, дипломахъ и т. п., которыя хотя и основываются на ученыхъ заслугахъ лица, но въ то же время создаютъ для него извѣстныя преимущества по службѣ или государственному положенію, каковы, напр., ученыя степени, свидѣтельства объ окончаніи курса, о выдержаніи испытанія и т. п. Въ виду служебнаго значенія такихъ документовъ, казалось бы возможнымъ допускать лишеніе и этихъ дипломовъ.

Далѣе, слѣдуетъ лишеніе правъ сословныхъ или правъ состоянія. Допустимость такого праволишенія вызывало противъ себя двоякаго рода возраженія. Съ одной стороны, указывали, что этимъ путемъ создается какъ бы неравноправность сословій предъ уголовнымъ закономъ, и притомъ неравноправность значительная для извѣстныхъ сословій: на какомъ основаніи дворянинъ,

учинившій преступленіе, въ силу этого можетъ быть зачисленъ въ мѣщане или крестьяне? Съ другой стороны, указывали, что сословное положеніе лица, напр., принадлежность къ потомственному дворянству, въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть фактъ, создаваемый актомъ рожденія, который никакое позднѣйшее преступленіе уничтожить или стереть не можетъ. Но оба эти возраженія не могутъ имѣть принципіальнаго значенія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Россіи, въ виду ея государственнаго строя. Пока существуютъ сословія, пользующіяся особенными государственными и общественными прерогативами, удаленіе изъ этого привилегированнаго сословія вслѣдствіе учиненія преступленія является мѣрою вполнѣ понятною и цѣлесообразною. Равнымъ образомъ падаетъ и второе возраженіе, какъ скоро мы будемъ имѣть въ виду, что наши сословія не имѣютъ кастоваго, замкнутаго характера, создаваемаго только рожденіемъ, что даже высшее изъ нихъ—дворянское, пріобрѣтается у насъ полученіемъ извѣстнаго чина или ордена, т. е. является само по себѣ какъ бы извѣстнымъ служебнымъ отличіемъ. Какъ говорила комиссія Государственнаго Совѣта 1879 г. (журналъ № 5, стр. 11), «если правопораженіе можетъ обнимать лишеніе чиновъ, орденовъ, то нѣтъ причины не распространять его на послѣдствія сихъ чиновъ или орденовъ, т. е. на право принадлежать къ привилегированному состоянію, причемъ наказанный долженъ быть переведенъ въ состояніе непривилегированное. Такой переходъ не можетъ служить къ умаленію достоинства сихъ состояній, являясь лишь логическимъ выводомъ іерархической постепенности состояній по дѣйствующему праву».

При этомъ, конечно, на ряду съ пораженіемъ правъ сословныхъ, наступаетъ и потеря сословныхъ почетныхъ титуловъ, каковы титулы княжескій, графскій, баронскій.

Въ иномъ положеніи стоитъ вопросъ о пораженіи правъ частныхъ, допускаемыхъ, напр., нашимъ дѣйствующимъ правомъ, т. е. правъ семейныхъ и имущественныхъ (1).

---

(1) Изъ нашихъ криминалистовъ И. Фойницкій, стр. 168, находитъ, что государство имѣетъ право поражать и гражданскія права, т. е. семейныя и имущественныя, но дѣйствительное введеніе таковаго лишенія въ систему уголовныхъ каръ не можетъ быть допущено потому, что граждане пользуются ими не-

Прежде всего учиненіе преступнаго дѣянія, само по себѣ, не разрушаетъ ни союза супружескаго, ни союза родителей и дѣтей и тѣмъ болѣе основанныхъ на происхожденіи или бракѣ отношеній родства или свойства; мало того, весьма нерѣдко такое учиненіе не вліяетъ и на нравственный характеръ этихъ отношеній, не колеблетъ крѣпости и устойчивости этого союза, такъ что государство въ сущности оказывается безсильнымъ порвать эти узы. Насильственно же прекращая семейныя связи, государство вноситъ принципъ разрушенія въ институтъ, имъ же столь заботливо охраняемый.

Конечно, устраняя разрушеніе семьи и родства изъ области правопораженій уголовныхъ, государство должно пріискать исходъ для тѣхъ случаевъ, когда учиненіе преступленія и отбытіе наказанія можетъ повлечь измѣненіе и въ семейныхъ отношеніяхъ супруговъ или родителей и дѣтей; но эти измѣненія, по ихъ юридической природѣ, должны почитаться не наказаніемъ, а гражданскими послѣдствіями преступленія, а потому и должны опредѣляться въ законахъ гражданскихъ. Такимъ образомъ, напр., совершеніе тяжкаго преступленія можетъ разрушить нравственное единеніе супруговъ и послужить основаніемъ для расторженія брака; точно также долговременное, а въ особенности пожизненное лишеніе свободы, при обязательномъ сохраненіи брака, можетъ повести только къ безнравственнымъ послѣдствіямъ для невиннаго супруга, а при ссылкѣ, кромѣ того, вредно отразиться и на колонизаціи; поэтому, при такихъ условіяхъ необходимо допустить не только фактическое, но и юридическое расторженіе брака.

Равнымъ образомъ, если, по законамъ гражданскимъ, изъ союза брачнаго или отношеній родителей къ дѣтямъ вытекаютъ какія либо права мужа или родителей, имѣющія такъ сказать публичный характеръ, то государство имѣетъ полное основаніе лишить виновнаго этихъ правъ. Таковы, напр., право мужа

зависимо отъ индивидуальныхъ качествъ. Далѣе идетъ г. Сергѣевскій, ст. 197, находя, что только объемъ этихъ правопораженій долженъ быть ограниченъ, но сохраненіе ихъ въ числѣ другихъ правопораженій имѣетъ разумное и законное основаніе.

требовать жену къ совмѣстному жительству, право дисциплинарной власти родителей надъ дѣтьми, право отказать въ согласіи на бракъ и т. п. При нѣкоторыхъ преступленіяхъ такое лишеніе является необходимымъ, такъ какъ сохраненіе за родителями ихъ власти могло бы гибельно отразиться на участи дѣтей.

Точно также фактъ преступленія не стоитъ ни въ какомъ прямомъ соотношеніи съ пораженіемъ правъ имущественныхъ. Какое бы преступленіе ни совершилъ виновный, нельзя лишить его возможности и права трудиться и пользоваться результатами труда; напротивъ того, правильная организація работъ, заинтересованность въ нихъ самого арестанта составляетъ одно изъ существенныхъ условій тюремной реформы.

Распространеніе же правопораженія на имущество, уже находившееся въ обладаніи виновнаго, если наказаніе не составляетъ денежнаго взысканія, будетъ актомъ совершенно произвольнымъ, не оправдываемымъ никакими соображеніями права, а иногда даже и невыгоднымъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ.

Но, конечно, и въ этомъ отношеніи, самый фактъ отбыванія наказанія, въ особенности долгосрочнаго, не можетъ не вліять на отношеніе наказаннаго къ его имуществу. Нельзя допустить, чтобы преступникъ, содержащійся въ тюрьмѣ, могъ непосредственно распоряжаться своимъ имуществомъ, вступать въ сдѣлки и обязательства, пользоваться доходами. Это противорѣчило бы самымъ элементарнымъ требованіямъ тюремной дисциплины; но всѣ эти ограниченія являются не наказаніемъ, а условіями тюремнаго режима, а потому и должны быть указаны въ уставахъ тюремныхъ.

Съ другой стороны, при арестѣ собственника или владѣльца имущества, послѣднее остается безъ всякой охраны и защиты; государство должно принять мѣры для устраненія расхищенія такого имущества, для обезпеченія какъ самаго наказаннаго въ будущемъ, такъ и его семьи во время его заключенія. Наиболѣе удобнымъ для этого средствомъ является назначеніе особой опеки надъ имуществомъ такихъ лицъ, причемъ опредѣленіе условій и порядка назначенія такой опеки должно быть сдѣлано въ законахъ гражданскихъ.

Иначе ставится вопросъ относительно ограниченія занятій и дѣятельности наказаннаго, являющихся, какъ ограниченіе средствъ заработка, также особымъ видомъ пораженія имущественныхъ правъ.

Нечего и говорить, что во время нахожденія заключеннаго въ тюрьмѣ, выборъ его занятій опредѣляется условіями тюремнаго порядка; но и по освобожденіи изъ тюрьмы иногда представляется необходимымъ ограничить право лица на извѣстныя дѣянія. Такое ограниченіе должно быть назначаемо за тѣ преступныя дѣянія, которыя, по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ, могутъ сдѣлать опаснымъ сохраненіе за осужденнымъ этихъ правъ, въ виду усмотрѣнной судомъ его неспособности, или нерадѣнія и даже злоупотребленія въ пользованіи этими правами. Къ числу такихъ профессіональныхъ правъ можетъ напр. относиться лишеніе права быть издателемъ газеты, врачемъ, аптекаремъ, служить по желѣзнымъ дорогамъ, торговать порохомъ, ядовитыми веществами, содержать типографію, питейные дома и т. п.

При этомъ, конечно, перечень правопораженій долженъ быть сдѣланъ въ уголовномъ кодексѣ или въ общей его части, или по отношенію къ пораженію профессіональныхъ правъ при изложеніи отдѣльныхъ преступленій, а затѣмъ съ нимъ должны быть согласованы и законоположенія о службѣ государственной и по выборамъ, о ремеслахъ и промыслахъ и т. д. (1).

При болѣе важныхъ преступленіяхъ всѣ эти правопораженія наступаютъ въ ихъ совокупности, но при менѣе значительныхъ, смотря по ихъ свойству, могутъ быть опредѣляемы и нѣкоторыя изъ нихъ въ отдѣльности. При этомъ тѣ права, то общественное положеніе, которыми обладалъ преступникъ въ моментъ вступленія приговора въ силу, естественно утрачиваются безпово-

---

(1) Глазеръ въ своей критикѣ проекта австрійскаго уложенія дѣлаетъ обратное предложеніе—исключить изъ уголовнаго кодекса постановленія о правопораженіяхъ, а перечислять таковыя въ соотвѣтственныхъ уставахъ, съ тѣмъ, чтобы на основаніи приговора уголовнаго суда отдѣльныя правопораженія были опредѣляемы административными учрежденіями по принадлежности. Разборъ этого, весьма непрактичнаго предложенія, поддерживаемаго, впрочемъ, и Гросомъ въ его монографіи, см. у Hälschner'а, стр. 618 прим.

ротно. Они могутъ быть возстановлены развѣ путемъ Монаршаго милосердія, но пораженіе правоспособности, возможности пріобрѣтенія права, при срочныхъ наказаніяхъ должно быть срочнымъ, т. е. должно продолжаться какъ во время отбытія наказанія, такъ и извѣстное число лѣтъ послѣ того, такъ какъ закрыть навсегда для отбывшаго наказаніе возможность возвратиться въ общегражданское положеніе было бы мѣрою и не цѣлесообразною, и несправедливою.

Съ точки зрѣнія теоретической, разрушеніе довѣрія и пораженіе правъ должно быть прежде всего послѣдствіемъ преступленія, а не наказанія, являющагося искупленіемъ вины: «не эшафотъ наноситъ стыдъ, а преступленіе имъ караемое», его обстановка, способъ совершенія, и въ особенности мотивы его вызвавшіе; но отъ этого принципа во всѣхъ законодательствахъ, даже позднѣйшихъ, дѣлается отступленіе въ томъ отношеніи, что правопораженія приводятся въ соотношеніе не только съ преступленіями, но и съ наказаніями, что одни болѣе тяжкія наказанія, напр. каторга, всегда влекутъ за собою правопораженія, при другихъ, напр. при тюрьмѣ, законодатель предоставляетъ наложеніе такихъ правопораженій усмотрѣнію судьи, и наконецъ, при третьихъ—крѣпость, заточеніе, арестъ, законъ вовсе не допускаетъ примѣненія правопораженій. Такая система, представляющая значительныя выгоды въ отношеніи законодательной техники, оправдывается тѣмъ, что при самомъ назначеніи наказаній за отдѣльныя преступленія, законодатель руководствуется между прочимъ и ихъ позорящимъ характеромъ.

При этомъ представляется желательнымъ, чтобы за исключеніемъ преступныхъ дѣяній, обложенныхъ наиболѣе тяжкими наказаніями, или особо указанныхъ въ законѣ, пораженіе правъ являлось бы факультативнымъ, т. е. примѣненіе его судомъ зависѣло бы отъ обстоятельствъ отдѣльнаго случая.

V. Имущественныя наказанія (1).

856. Конфискація всего имущества и отдѣльныхъ вещей.

857. Денежная пеня.

---

(1) E. Rosenfeld, die Regulirung der Geldstrafe, 1891 г.; наиболѣе полное и обстоятельное изложеніе вопроса о денежныхъ взысканіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ,

858. Опредѣленіе размѣра денежной пени.
859. Замѣна денежной пени иными взысканіями.

856. Въ исторіи всѣхъ уголовныхъ законодательствъ, въ особенности у народовъ германскихъ и славянскихъ, мы встрѣчаемъ эпоху исключительнаго господства денежныхъ взысканій, эпоху переходную отъ частной семейной расправы, отъ частной мести—къ эпохѣ взысканій государственныхъ Позднѣйшая государственная система наказаній средневѣковаго періода, съ ея стремленіемъ къ причиненію преступнику наиболѣе тяжкихъ тѣлесныхъ страданій, отодвинула на второй планъ денежныя взысканія; но въ законодательствахъ новѣйшихъ они снова заняли видное мѣсто, какъ по отношенію къ маловажнымъ полицейскимъ нарушеніямъ, такъ и въ нѣкоторыхъ болѣе тяжкихъ случаяхъ проявленія корысти и разсчета.

Но формы, въ которыхъ являются въ исторіи и въ дѣйствующихъ законодательствахъ имущественныя наказанія, представляются различными и должны быть разсмотрѣны отдѣльно (1).

Конфискація. Самымъ широкимъ типомъ пораженія имущественныхъ правъ является отобраніе всего имущества, отпись имѣнія въ казну. Бытіе этой мѣры было тѣсно связано съ идеею вымиранія личности, полнаго пораженія всей сферы правъ. Въ этомъ видѣ конфискація практиковалась и въ римскомъ правѣ, и у новыхъ народовъ (2); нерѣдко эта мѣра получала политическую окраску, во время борьбы партій, усмиренія возставшихъ, обращаясь въ средство матеріальнаго обезсиленія противниковъ, а иногда и въ позорное средство поправленія бюджета. Противъ конфискаціи вооружилась французская революція закономъ 1790 г., провозгласив-

---

составляющее докладъ съѣзду «международнаго уголовнаго общества», бывшему въ 1891 г. въ Христіаніи; это изслѣдованіе напечатано въ «Mittheilungen» общества, 1891 г. № 1, стр. 135—221. Stoos, zur Natur der Vermögensstrafen, 1878.

(1) Французскіе криминалисты Ортоланъ, Гарро и др. различаютъ два главные типа имущественныхъ наказаній: la translation de propriété—конфискація и la création d'obligation—денежная пеня.

(2) Въ нѣмецкомъ правѣ до Каролины конфискаціи подлежали имущества всѣхъ приговоренныхъ къ смертной казни.

шимъ полное устраненіе этой мѣры (конфискація была возстановлена во Франціи въ 1810 г., отмѣнена 1814 г.), а затѣмъ она мало по малу исчезла и изъ другихъ законодательствъ (въ Пруссіи, напр., въ 1850 г.); у насъ, какъ мы видѣли, дважды отмѣненная на вѣчныя времена, конфискація тѣмъ не менѣе удержалась въ дѣйствующемъ уложеніи.

Какъ дополнительная мѣра, сопровождавшая смертную казнь и пожизненныя взысканія, конфискація несостоятельна уже потому, что она всецѣло падаетъ на лицъ неповинныхъ въ преступленіи; какъ мѣра самостоятельная, она является и крайне неуравнительною, и совершенно безцѣльною (1).

Отобраніе отдѣльныхъ вещей (2). Эта мѣра, въ противоположность общей конфискаціи, встрѣчается во всѣхъ новѣйшихъ кодексахъ, причемъ въ ней на первый планъ выдвигаются двѣ различныя стороны: полицейская, стремящаяся этимъ путемъ предупредить или пресѣчь преступленія извѣстнаго рода и уголовная, видящая въ отобраніи вещей причиненіе матеріальнаго страданія виновному, имѣющаго характеръ уголовной кары. На этомъ основаніи французскіе криминалисты различаютъ два вида такой спеціальной конфискаціи: la confiscation personelle, когда отбираются предметы, дозволенные къ обращенію въ обществѣ, такъ что отобраніе ихъ имѣетъ въ виду только причиненіе матеріальнаго вреда ихъ владѣльцу, и la confiscation réelle, когда отби-

---

(1) Въ представленіи Мин. Юстиц. въ Государственный Совѣтъ 1871 г. по проекту измѣненія лѣстницы наказаній, относительно конфискаціи было указано: самое существованіе въ законѣ подобнаго постановленія, идущаго въ разрѣзъ съ основными началами права собственности, не можетъ не колебать того довѣрія къ прочности и неприкосновенности имущественныхъ правъ, которое должно лежать въ основѣ всякаго благоустроеннаго общества, и затѣмъ не можетъ не отразиться на развитіи благосостоянія и экономическаго быта страны. Нельзя при этомъ не указать на то, что и въ политическомъ отношеніи конфискація причиняетъ почти всегда неисчислимый вредъ. Не останавливая самихъ преступниковъ, она въ оставшемся на родинѣ населеніи возбуждаетъ раздраженіе и неудовольствіе противъ правительства и поддерживаетъ такимъ образомъ волненіе края, потрясеннаго возмущеніемъ, уже послѣ того, какъ это возмущеніе подавлено, препятствуя окончательному умиротворенію края и приведенію его вновь въ нормальныя условія.

(2) O. Köbner, die Massregel der Einziehung, 1882 г., спеціально по германскому праву; у него приведены подробныя указанія литературы предмета.

раются такіе предметы, которые по ихъ природѣ не должны оставаться въ обладаніи частныхъ лицъ; при послѣднихъ условіяхъ конфискація можетъ наступить даже и въ случаѣ оправданія виновнаго.

Предметы конфискованные, конечно, должны имѣть непосредственное отношеніе къ учиненному преступному дѣянію, являясь или средствами его учиненія (instrumenta sceleris), или его результатомъ (producta sceleris).

Предметы, которые служили для совершенія преступленія, если только они по свойству своему не представляютъ опасности продолженія этой дѣятельности преступникомъ и не принадлежатъ къ числу опасныхъ, или которыхъ публичное обращеніе не воспрещено, не должны бы подлежать отобранію, но однако многіе изъ новѣйшихъ кодексовъ, какъ, напр., германскій, голландскій, нашъ проектъ уголовнаго уложенія, допускаютъ въ видѣ особаго наказанія конфискацію всякихъ предметовъ, бывшихъ средствомъ преступнаго дѣянія въ случаяхъ, особо оговоренныхъ закономъ, и при томъ лишь условіи, если эти предметы принадлежали виновному или его соучастникамъ; таково, напр., отобраніе орудій запрещенной рыбной ловли, охоты, порубки и т. д. Кромѣ того, германскій кодексъ особо упоминаетъ объ отобраніи денегъ, данныхъ или обѣщанныхъ за совершеніе преступленія.

Шире ставится вопросъ о продуктахъ преступной дѣятельности: никто не долженъ обогащаться преступленіемъ, а потому все добытое виновнымъ чрезъ преступленіе должно быть отобрано отъ него. При этомъ различаютъ два вида предметовъ: во 1-хъ, тѣ, въ которыхъ выразилась или воплотилась преступная дѣятельность (le corps du délit), какъ напр., поддѣльные деньги, подложный документъ, поддѣльные продукты, преступное сочиненіе и такіе, которые только добыты преступленіемъ—украденныя вещи (choses produites par le délit) и т. п. Нерѣдко, впрочемъ, вещи, добытыя путемъ преступленія, въ свою очередь дѣлаются средствомъ для другихъ дальнѣйшихъ преступленій. При этомъ, разумѣется, отобранію подлежатъ только вещи, добытыя преступленіемъ in specie, а не тѣ имущественныя выгоды, которыя были вообще получены преступникомъ; поэтому, напр., если на украденныя деньги былъ купленъ выигрышный

билетъ, то этотъ билетъ, а тѣмъ болѣе павшій на него выигрышъ, не могутъ подлежать отобранію.

Отобранные предметы могутъ быть: 1) или немедленно истребляемы и уничтожаемы, какъ скоро они не могутъ быть предметомъ общественнаго оборота, напр., испорченные съѣстные припасы, сочиненія преступнаго содержанія; 2) или они могутъ быть обращены въ пользу государства натурою или въ видѣ вырученныхъ отъ ихъ продажи денегъ, при этомъ иногда они могутъ получать точно опредѣленное закономъ назначеніе, напр., въ пользу извѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій или же 3) они могутъ быть обращены въ пользу частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ или могшихъ потерпѣть отъ преступленія, такъ напр. украденныя вещи возвращаются ихъ хозяину, контрафакціонныя изданія обращаются въ пользу автора или его правопріемника.

По общему правилу, такое отобраніе является дополнительнымъ взысканіемъ къ другому главному; но могутъ быть случаи, какъ, напр., при нарушеніи акцизныхъ уставовъ, когда конфискація выступаетъ на первый планъ. По отношенію къ предметамъ, не подлежащимъ нахожденію въ общественномъ оборотѣ, конфискація съ одной стороны должна быть безусловно обязательна для суда, а съ другой вполнѣ допустима и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый не будетъ признанъ виновнымъ; равнымъ образомъ, возвращеніе вещей, добытыхъ преступленіемъ, можетъ быть допущено и при оправданіи подсудимаго, какъ скоро судомъ будетъ установлено, что эти вещи добыты преступленіемъ и принадлежатъ опредѣленному лицу. Въ послѣднихъ случаяхъ подобное отчужденіе возможно и въ случаѣ смерти подсудимаго, послѣдовавшей прежде вступленія приговора о немъ въ законную силу. Конфискація же орудій преступнаго дѣянія, назначаемая только какъ дополнительное наказаніе, можетъ быть примѣняема и факультативно, въ виду обстоятельствъ отдѣльнаго случая.

Иное значеніе имѣетъ не отобраніе, а временное задержаніе вещей, напр., присоединеніе ихъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, или наложеніе опеки надъ имуществомъ, напр., на время отбытія его собственникомъ наказанія, ибо такое ограниченіе имѣетъ лишь временной характеръ, и съ устра-

неніемъ того обстоятельства, которое вызвало эту мѣру, имущество снова возвращается владѣльцу.

Принудительное прекращеніе или устраненіе вреда. Независимо отъ отобранія вещей, а также и отъ вознагражденія убытковъ, причиненныхъ потерпѣвшему, всѣ законодательства знаютъ разнообразныя иныя мѣры взысканій имущественнаго характера, падающія притомъ не на имущественныя права лица, а непосредственно на принадлежащее ему имущество; таковы, напр., случаи закрытія завода, лавки, учебнаго или промышленнаго заведенія, сломка или исправленіе зданія, производство какихъ либо работъ за счетъ виновнаго и т. д.

857. *Денежныя пени.* Но главный видъ имущественныхъ взысканій составляютъ денежныя пени въ тѣсномъ смыслѣ, особенно распространенныя въ англо-американскомъ законодательствѣ.

Денежная пеня можетъ быть назначаема или въ опредѣленныхъ закономъ размѣрахъ, какъ наказаніе, или же съ указаніемъ въ законѣ только масштаба для вычисленія этихъ взысканій. Въ этой послѣдней формѣ денежная пеня встрѣчается въ особенности при нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій, гдѣ пеня заключаетъ въ себѣ вознагражденіе казны за понесенные ею убытки, и притомъ за такіе убытки, коихъ прямое доказательство въ порядкѣ гражданскомъ представлялось бы затруднительнымъ, такъ что такое взысканіе имѣетъ какъ бы характеръ публичной неустойки. Этотъ видъ тѣсно примыкаетъ къ пенѣ, налагаемой въ интересахъ частнаго потерпѣвшаго лица, которая, какъ я указывалъ, назначается въ нѣкоторыхъ особо указанныхъ случаяхъ, какъ, напр., die Busse германскаго права, безчестье по нашему праву, уплата двойной стоимости за порубки по ст. 158 уст. о нак. и т. д. (1).

Восемнадцатый вѣкъ былъ неблагопріятенъ развитію системы денежныхъ взысканій; въ числѣ выдающихся противниковъ этого наказанія можно указать много весьма громкихъ именъ. Несочув-

---

(1) На этомъ основаніи французскіе криминалисты (Garraud, № 351 и другіе) различаютъ три вида пеней—уголовныя, гражданскія и смѣшанныя, причисляя къ послѣднимъ и взысканія за нарушенія казеннаго интереса.

ственно относились къ нимъ и писатели первой половины XIX вѣка; но современная биржеспекулятивная окраска общественныхъ идеаловъ придала иное значеніе денежнымъ взысканіямъ въ общей системѣ карательныхъ мѣръ: въ немъ многіе видятъ уже вполнѣ разумное средство облегчить государственный бюджетъ на устройство тюремъ (1). Недостаетъ немногаго, чтобы, забывая старое «turpis lucra extorqueri», объявить преступленіе, вмѣстѣ съ пьянствомъ и проституціей, государственной регаліею. Не поразитъ ли всякаго безпристрастнаго наблюдателя принципъ ростовщическаго хищенія, проводимый, напр., нынѣ въ системѣ акцизныхъ взысканій съ ея % вознагражденіемъ шпіоновъ, доносчиковъ, открывателей, оберегателей, наблюдателей и т. п.?

Въ существѣ, денежныя пени представляются необходимыми въ кодексахъ только въ виду того, что существуютъ такія маловажныя нарушенія, въ которыхъ назначеніе даже низшаго размѣра лишенія свободы является сравнительно тяжелымъ, или такія, гдѣ въ виду обстоятельствъ отдѣльнаго случая представляется справедливымъ избѣгать назначенія ареста хотя бы и на нѣсколько дней, гдѣ главное репрессивное значеніе имѣетъ собственно судъ и осужденіе, а не взысканіе. Кромѣ этихъ случаевъ, денежная пеня могла бы быть допущена развѣ при нѣкоторыхъ корыстныхъ проступкахъ, не имѣющихъ особенно важнаго общественнаго значенія, но желать, какъ это дѣлаютъ многіе новые писатели, Бонневиль во Франціи, Меркель, Вальбергъ, Кроне, Вахъ и др. въ Германіи, замѣны денежною пенею всѣхъ краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы значитъ, по моему мнѣнію, для однихъ понизить репрессію до нуля, особенно если вспомнить, что по такого рода нарушеніямъ большинство законодательствъ допускаютъ заочное осужденіе, а иногда даже и право уплатить взысканіе до суда, а для другихъ—несостоятельныхъ, сдѣлать замѣну мнимою, такъ какъ лишеніе свободы будетъ имъ назначено не непосредственно, а въ видѣ ареста, замѣняющаго неуплаченную пеню.

Денежная пеня назначается во всякомъ случаѣ судомъ, какъ

---

(1) Ср. у Rosenfeldt'a, стр. 137, указаніе на подобную постановку вопроса вѣнскимъ политико-экономомъ E. Seidler'омъ, die Geldstrafe vom volkswirtschaftlichen und socialpolitischen Gesichtspunkte.

наказаніе, причемъ въ большинствѣ законодательствъ оно употребляется или самостоятельно, или альтернативно съ низшимъ видомъ лишенія свободы; въ особенности послѣдняя форма распространена изъ новыхъ кодексовъ въ голландскомъ 1881 г. и Нью-Іоркскомъ 1881 г., гдѣ она допускается эвентуально даже при тяжкихъ проступкахъ (Rosenfeldt, 442). Кромѣ того, иногда денежная пеня назначается совмѣстно съ лишеніемъ свободы, причемъ такое соединеніе признается или обязательнымъ для судьи, или предоставляется его усмотрѣнію. Послѣдняя система, принятая между прочимъ итальянскимъ уложеніемъ, представляется весьма мало распространенною, и ея юридическое обоснованіе весьма шатко, такъ какъ она сводится преимущественно къ возможности сокращенія этимъ путемъ сроковъ лишенія свободы.

858. Но въ какомъ бы видѣ ни употреблялась денежная пеня, главный и наиболѣе трудный вопросъ составляетъ установленіе ея размѣровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ виду полной зависимости ея репрессивнаго значенія отъ имущественнаго положенія лица. Уплата 10 рублей пени не имѣетъ никакого значенія для привыкшаго тратить деньги безъ счета; она будетъ нѣсколько чувствительна для человѣка съ средними средствами и разсчитаннымъ бюджетомъ, и крайне тяжела для человѣка, считающаго свой ежедневный заработокъ даже не рублями, а копѣйками (1).

Остается предоставить установленіе этого соотношенія усмотрѣнію судьи. Конечно, насколько этимъ не нарушаются общіе предѣлы правъ, суду предоставленныхъ, выборъ размѣра пени по соотношенію съ имущественнымъ положеніемъ виновнаго былъ бы вполнѣ разумною мѣрою; но одна эта мѣра не представляется достаточною, такъ какъ по общему правилу максимумъ пени не можетъ быть очень великъ, не превышая обыкновенно 25 или 50 рублей, т. е. суммы, которая для людей зажиточныхъ представляется очевидно недостаточною. Допустить же въ виду возможнаго осужденія людей богатыхъ, значительное возвышеніе

---

(1) Этотъ главнѣйшій недостатокъ денежныхъ взысканій признается всѣми писателями. Ср. Rosenfeldt, 147 пр. 12.

наибольшаго размѣра пени, значило бы создать произволъ суда, ни на чемъ не основанный.

Поэтому, издавна уже прилагаются попытки опредѣлить въ самомъ законѣ денежную пеню не въ точно установленныхъ размѣрахъ (1), а установить, какъ резюмировало этотъ взглядъ собраніе германской секціи «общества международнаго права» въ Галлѣ (Rosenfeldt, 156), то начало, что «размѣръ денежной пени въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ соотвѣтствовать имущественному положенію и хозяйству обвиняемаго». Пеня должна опредѣляться какъ извѣстная часть какой либо имущественной единицы (eine quotisirende Berechnung). Такою единицею можетъ являться или все имущество лица, такъ что пеня будетъ отобраніемъ $^1/_{1000}$, $^1/_{100}$, $^1/_{10}$ всего имущества, т. е. будетъ возрожденіемъ конфискаціи, но не полной, а частичной; или же такою единицею будетъ приниматься доходъ, и притомъ въ весьма различныхъ оттѣнкахъ—годовой, мѣсячной и дневной, валовой и чистый и т. д., причемъ установленіе такого дохода можетъ быть или вполнѣ предоставлено суду уголовному или же должно основываться на заранѣе опредѣленныхъ данныхъ, на количествѣ платимыхъ податей и т. д. Эта система, хотя, какъ указываетъ Розенфельдтъ, и встрѣчается въ законодательствахъ португальскомъ 1867 г. и бразильскомъ 1830 г., но ея примѣненіе, очевидно, встрѣчаетъ серьезныя практическія затрудненія, крайне осложняя дѣятельность судей (2). Да притомъ, какъ еще давно указалъ Эли, создаваемое этимъ путемъ равенство наказанія будетъ только кажущееся, такъ какъ отнятіе $^1/_{10}$ части имущества у лица, котораго доходъ достаточенъ только для покрытія необходимаго, далеко не одинаково съ отнятіемъ $^1/_{10}$ имущества у того, кто соритъ имъ на право и на

(1) Ср. подробное изложеніе мнѣній и законодательныхъ постановленій по этому вопросу у Розенфельдта, стр. 157—189.

(2) Даже Rosenfeldt, стр. 184, сознается, что «вопросъ о томъ, какъ опредѣлить судьѣ размѣръ дохода, принадлежитъ теоретически къ труднѣйшимъ, технически къ затруднительнѣйшимъ, и кромѣ того, разрѣшеніе его можетъ быть сопряжено для виновнаго съ весьма существенными посторонними неудобствами». Особенно же труднымъ представляется его рѣшеніе въ государствахъ, которыя вовсе не знаютъ подоходнаго налога, или, какъ Германія, установляютъ его по различнымъ основаніямъ.

лѣво; или же придется допустить, какъ это предлагаетъ Кронекеръ, прогрессивную систему, т. е. увеличеніе части съ возрастаніемъ имущества, что создастъ еще новыя затрудненія (1).

Но даже разъ назначенная пеня представляетъ значительныя затрудненія по отношенію къ ея осуществленію, затрудненія, также ослабляющія значеніе этой мѣры, какъ уголовнаго взысканія. Всякое наказаніе должно быть страданіемъ для виновнаго, страданіемъ, имъ лично отбываемымъ; законъ не можетъ допустить, чтобы назначенное кому либо наказаніе отбывалось за него другимъ лицомъ. Но по отношенію къ денежнымъ взысканіямъ этотъ принципъ не можетъ быть проводимъ съ надлежащею послѣдовательностью, такъ какъ государство не въ состояніи на практикѣ устранить уплату за наказаннаго пени другимъ, если даже и признать таковую уплату укрывательствомъ, что само по себѣ сомнительно, такъ какъ тогда пришлось бы признавать преступнымъ всякое подаяніе и помощь осужденнымъ. Все, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи государство, это воспретить публичные сборы для уплаты назначенной пени, хотя и таковые, въ особенности въ процессахъ, имѣющихъ политическую или партійную подкладку, представляются весьма не рѣдкими (2).

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено нѣ-

---

(1) Rosenfeldt, стр. 187, приводитъ слѣдующую формулировку Зейдлера: 1) денежное взысканіе должно быть прогрессивно: съ дохода въ 1.000 мар. можно взять 1%, а съ дохода въ 100.000 мар. 5%, такъ какъ чѣмъ богаче виновный, тѣмъ меньшая часть всего его дохода употребляется имъ на удовлетвореніе его необходимыхъ потребностей; 2) пеня должна сообразоваться съ личнымъ положеніемъ обвиняемаго (число дѣтей, здоровье, лежащія на немъ обязанности прокормленія другихъ, мѣстныя цѣны продуктовъ и т. д.) т. е. съ фактическимъ значеніемъ имущества; 3) необходимо различать доходъ съ капитала или капитализированнаго имущества и доходъ въ видѣ жалованья или заработка, такъ какъ первый болѣе пригоденъ для значительнаго обложенія, чѣмъ второй.

(2) Ср. Decken, ist die Bezahlung einer Geldstrafe durch einen Dritten Zulässig oder strafbar? въ Zeitschrift, XII, стр. 97—118. Большинство нѣмецкихъ комментаторовъ, Шварце, Опенгофъ, Бури, не считаютъ такую уплату укрывательствомъ; напротивъ того другіе—Mewes, Gretener, Decken подводятъ подъ таковое; у Декена приведенъ любопытный случай уплаты штрафа за епископа Падерборнскаго, въ 1873 г., вопреки воли осужденнаго, причемъ послѣдній обжаловалъ принятіе судомъ такой уплаты. Оберъ-трибуналъ рѣшеніемъ 28 Іюля 1874 г. призналъ уплату другимъ пени не допустимою по закону.

сколькими лицами, каждый долженъ отвѣчать за учиненное имъ преступное дѣяніе, но за то отвѣтственность можетъ распространяться только на лицъ, дѣйствительно признанныхъ виновными. И въ этомъ отношеніи при примѣненіи денежныхъ взысканій, какъ въ нашемъ правѣ, такъ и въ западныхъ законодательствахъ, допускается рядъ изъятій, въ особенности при нарушеніяхъ, затрогивающихъ интересы казны. Такимъ образомъ, являются случаи, при которыхъ законъ допускаетъ общую солидарную отвѣтственность нѣсколькихъ лицъ; далѣе, законъ допускаетъ цѣлый рядъ лицъ, граждански отвѣтственныхъ, лицъ, которые уплачиваютъ значительныя, по размѣрамъ, пени, не въ силу установленной судомъ ихъ личной виновности, а только въ силу не доказанной, а предполагаемой неосмотрительности въ выборѣ агентовъ (culpa in eligendo) или предполагаемаго соучастія (1).

Наконецъ, денежное взысканіе, являясь иногда безразличнымъ для лицъ зажиточныхъ, еще чаще оказывается совершенно безсильнымъ по отношенію къ несостоятельнымъ, не могущимъ уплатить падающаго на нихъ взысканіе или просто скрывающихъ свое имущество и отказывающихся отъ уплаты (2).

Отсюда является съ одной стороны, стремленіе къ облегченію возможности уплаты, а съ другой, необходимость замѣны пени другими наказаніями.

Главнѣйшимъ средствомъ облегченія уплаты пени является введеніе въ законъ правилъ о разсрочкѣ уплаты, рекомендуемой большинствомъ сторонниковъ денежныхъ наказаній (ср. Rosenfeldt, стр. 192). Такая разсрочка предоставляется усмотрѣнію суда, но съ тѣмъ, чтобы уплата полностью всей суммы была произведена въ теченіи указаннаго закономъ срока, напр. года.

Если же въ теченіи извѣстнаго срока уплата не послѣдуетъ, то приходится прибѣгнуть къ замѣнѣ пени другими наказаніями.

---

(1) Engels, der strafrechtliche Charakter der subsidierischen Haftbarkeit für die Geldstrafen Dritter, въ Zeitsch. XII, стр. 127—156.

(2) Rosenfeldt, стр. 190, полагаетъ число невыплачиваемыхъ денежныхъ взысканій въ 50%, а Вальбергъ даже въ 80%, причемъ неуплачиваются даже взысканія, налагаемыя въ низшемъ размѣрѣ; такъ Schmölder указываетъ, что въ Кельнѣ въ 1887 г. изъ приговоренныхъ къ уплатѣ 1 марки пени, около ⅓ не внесли назначенной суммы.

859. Такими мѣрами въ законодательствахъ являются или личное задержаніе, или отдача въ заработки.

Личное задержаніе (1), какъ наиболѣе употребительное средство замѣны, въ свою очередь является въ двухъ совершенно различныхъ типахъ. Съ одной стороны, оно разсматривается какъ средство понудить осужденнаго къ уплатѣ наложеннаго на него взысканія, когда есть основаніе предполагать, что онъ скрылъ возможность уплатить взысканіе, а съ другой, оно является простою замѣною одной карательной мѣры другою во избѣжаніе безнаказанности.

При первой постановкѣ вопроса личное задержаніе является лишь особеннымъ способомъ осуществленія судебнаго приговора, уголовнаго или гражданскаго, налагающаго денежное взысканіе или присуждающаго къ вознагражденію за вредъ и убытки, или къ уплатѣ судебныхъ издержекъ; при второй—личное задержаніе есть особый видъ замѣняющаго наказанія, назначаемаго по приговору уголовнаго суда, при фактической невозможности примѣненія первоначально назначеннаго взысканія. Преобладаніе той или другой стороны при обрисовкѣ личнаго задержанія, разумѣется, существенно измѣняетъ самыя условія замѣны.

Изъ западныхъ законодательствъ на первую точку зрѣнія становится только французское право (2). Всякій приговоръ къ денежному взысканію, къ вознагражденію за вредъ и убытки, а равно и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, создаетъ для осужденнаго долговое обязательство по отношенію къ государству или къ потерпѣвшей сторонѣ. Этотъ долгъ обезпечивается имуществомъ осужденнаго, которое, въ случаѣ неплатежа, можетъ быть описано и продано съ публичнаго торга. Но кромѣ этихъ общихъ средствъ обезпеченія уплаты вышеуказанныхъ взысканій, законъ знаетъ и нѣкоторыя особенныя, какъ напр., гипотека (art. 2123 code civ.), а по отношенію къ судебнымъ издержкамъ—privilège (по зак. 1807 г.); далѣе солидарность въ уплатѣ, когда дѣяніе

---

(1) Объяснительная записка къ проекту новаго уложенія, стр. 533—536.

(2) Ср. подробное изложеніе у Garraud, II, № 35 и сл. Lainé, Traité, № 458 и сл. Ср. Garraud, du recouvrement des amendes, 1878 г.

совершено нѣсколькими соучастниками (art. 55 code pén.) и, наконецъ, личное задержаніе (contrainte par corps) ([1]), оставшееся въ силѣ по отношенію къ денежнымъ взысканіямъ, къ вознагражденію за вредъ и судебнымъ издержкамъ и послѣ закона 22 Іюня 1867 г., отмѣнившаго личное задержаніе за долги. Размѣръ такого задержанія установленъ въ законѣ соотвѣтственно съ размѣрами взысканія, но во всякомъ случаѣ онъ продолжается не менѣе 2 дней и не свыше 2 лѣтъ. Это задержаніе вовсе не считается наказаніемъ, а только мѣрою исполненія приговора, средствомъ принужденія должника къ уплатѣ, при предполагаемой его состоятельности. Отсюда вытекаютъ слѣдующія послѣдствія: требованіе о задержаніи со стороны представителя публичной власти не должно быть предъявляемо, коль скоро онъ убѣжденъ въ дѣйствительной несостоятельности приговореннаго; задержаніе прекращается, какъ скоро приговоренный представитъ ручательство въ уплатѣ, или дѣйствительное доказательство своей несостоятельности; наконецъ, отбытіе срока задержанія, назначеннаго судомъ по указанному выше разсчету, вовсе не уничтожаетъ права требовать полной уплаты, до истеченія давности, если бы впослѣдствіи у виновнаго было обнаружено какое либо имущество. Но и французское законодательство не могло совершенно игнорировать карательный характеръ этой мѣры, ибо такое принудительное задержаніе остается во всякомъ случаѣ лишеніемъ свободы. Поэтому такое задержаніе вовсе не примѣняется къ лицамъ моложе 16 лѣтъ, а къ престарѣлымъ примѣняется въ половинныхъ срокахъ; оно не примѣняется одновременно къ обоимъ супругамъ; не примѣняется въ случаѣ, если взысканіе идетъ въ пользу супруговъ, родственниковъ по прямой линіи и боковыхъ до 4 степени, а равно не примѣняется и къ лицамъ граждански отвѣтственнымъ. При доказанной несостоятельности задержаніе прекращается только въ томъ случаѣ, если приговоренный просидитъ уже половину срока, назначеннаго судомъ.

Совершенно иной характеръ имѣетъ задержаніе по бельгійскому уложенію (art. 40), которое и называетъ ее не «contrainte

---

([1]) Darbois, Traité théorique et pratique de la contrainte par corps, en matière criminelle, correctionelle et de police, 1880 г.

par corps», а «l'emprisonnement subsidiaire». Эта мѣра, какъ говоритъ Haus (II, № 729), хотя и служитъ для обезпеченія уплаты взысканія, но является не столько средствомъ принужденія къ исполненію обязательства, сколько неустойкою, гарантирующею исполненіе главнаго обязательства. На этомъ основаніи такое заключеніе можетъ быть примѣнимо только къ лицамъ, присужденнымъ въ порядкѣ уголовнаго суда къ уплатѣ денежнаго взысканія. Оно замѣняетъ взысканіе, а потому какъ скоро виновный отсидитъ сполна назначенный ему срокъ, то слѣдуемое съ него денежное взысканіе уже не можетъ быть болѣе взыскиваемо. Приговоренный самъ не можетъ требовать примѣненія къ нему задержанія, но онъ можетъ во всякое время прекратить таковое, уплативъ назначенное взысканіе. Сроки опредѣляются судомъ по соразмѣрности, но во всякомъ случаѣ не свыше 6 мѣсяцевъ.

Сходною съ бельгійскою является и система германскаго уложенія. Приговоръ, присуждающій къ денежному взысканію, исполняется въ томъ же порядкѣ, какъ и рѣшенія гражданскихъ судовъ (ст. 435 у. у. с.); взысканіе производится судебнымъ приставомъ по предписанію прокурора; неуплаченное взысканіе замѣняется тюрьмою, а при нарушеніяхъ арестомъ, причемъ тюрьма не можетъ быть назначена свыше года, а арестъ—6 мѣсяцевъ. Къ этой же системѣ примыкаютъ и кодексы венгерскій и голландскій.

Но какъ бы ни была организована замѣна денежнаго взысканія личнымъ задержаніемъ, она во всякомъ случаѣ вызываетъ два существенныя противъ себя возраженія. Во 1-хъ, если денежная пеня назначается въ тѣхъ случаяхъ, когда лишеніе свободы представляется слишкомъ тяжкимъ наказаніемъ, то допущеніе замѣны пени арестомъ, а тѣмъ болѣе тюрьмою, будетъ соотвѣтствовать возвышенію наказанія за бѣдность; во 2-хъ, самое исчисленіе соотношенія пени съ срокомъ лишенія свободы будетъ совершенно произвольнымъ, такъ какъ экономическое значеніе дня свободы будетъ совершенно различно не только для лицъ разной профессіи, но даже и для одной и той же профессіи въ разное время года, если только заработокъ этого рода не представляетъ чего либо постояннаго.

Поэтому въ доктринѣ, а отчасти и въ законодательствахъ,

встрѣчается предположеніе о другомъ родѣ замѣны пени для несостоятельныхъ, а именно публичными работами. Такъ, изъ германскихъ государствъ подобная замѣна пени работами существовала въ законодательствахъ Прусскомъ, Баденскомъ, но при составленіи обще-германскаго кодекса предложеніе ввести такую систему въ законъ не было принято, хотя она и нынѣ допущена по мѣстнымъ законодательствамъ, напр. по прусскому лѣсному закону 1878 г. Во Франціи также она разрѣшена лѣснымъ уставомъ 1859 г., а по законопроекту Мишо такая замѣна предположена даже какъ общая мѣра. Въ литературѣ относительно этого рода замѣны встрѣчаются два направленія: одни, какъ Гольцендорфъ, защищаютъ подобную замѣну, но только при изъявленіи на то желанія самого приговореннаго; большинство же (Листъ, Ашротъ, Кирхенгеймъ, Розенфельдъ, Пренсъ, Бонневилль, Рибо, Ламмашъ и др.) стоитъ за обязательность таковой замѣны (1).

Хотя этотъ родъ замѣны и представляетъ многіе весьма существенныя выгоды, сравнительно съ принудительнымъ задержаніемъ, но его практическое осуществленіе, какъ показываетъ, хотя и небольшой, опытъ нашего законодательства, представляетъ не маловажныя затрудненія, какъ въ пріисканіи работъ, такъ и въ ихъ устройствѣ; поэтому выставлять его универсальнымъ средствомъ, восполняющимъ систему денежныхъ взысканій, представляется, по моему мнѣнію, преждевременнымъ.

§ 4. Примѣненіе наказанія къ преступленію.

ОТДѢЛЪ I.

Опредѣленіе судомъ мѣры отвѣтственности.

I. Общія правила опредѣленія наказанія.

860. Зависимость правъ судьи отъ формы уголовной санкціи.

861. Преступное дѣяніе, какъ основаніе мѣры отвѣтственности.

862. Понятіе единаго преступнаго дѣянія.

---

(1) Ср. Zucker, въ Gerichtssaal, XLIV, стр. 43—50.

863. Осложненное преступное дѣяніе. Длящееся преступное дѣяніе.

864. Продолжаемое преступное дѣяніе.

865. Преступныя дѣянія, учиняемыя по ремеслу или по привычкѣ.

866. Дѣяніе, заключающее въ себѣ нѣсколько закононарушеній.

867. Идеальная совокупность.

860. За изложеніемъ ученія о карательныхъ мѣрахъ и ихъ оцѣнкою, остается разсмотрѣть вопросъ объ установленіи судомъ соотношенія между посягательствами на юридическую норму и слѣдующею за ними карою, объ опредѣленіи мѣры отвѣтственности.

Такое установленіе можетъ имѣть мѣсто или по отношенію къ отдѣльнымъ родамъ и видамъ преступныхъ дѣяній или по отношенію къ отдѣльному преступному случаю. Разсмотрѣніе перваго вопроса, находящагося въ тѣсной связи съ установленіемъ признаковъ состава отдѣльныхъ типовъ преступныхъ дѣяній, входитъ всецѣло въ область курса особенной части, а разсмотрѣніе втораго, какъ однороднаго по своимъ пріемамъ для всѣхъ преступныхъ дѣяній, относится къ части общей.

Конечно, такое установленіе можетъ быть сдѣлано, a priori, законодателемъ, который, опредѣляя отвѣтственность за отдѣльные виды правонарушеній, можетъ установить таковую неизмѣнно и за каждый отдѣльный случай этого вида; такова была, какъ указывалъ я выше (№ 104), форма древнѣйшихъ законовъ уголовныхъ, съ такъ называемою безусловно опредѣленною санкціею. Тогда весь вопросъ объ установленіи соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ сводился бы къ весьма простымъ положеніямъ: законодатель, запрещая извѣстное дѣяніе, установлялъ бы не только родъ или видъ слѣдующаго за него наказанія, но и самую мѣру, а судья, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, выполнялъ бы простую логическую задачу: подводилъ бы данное дѣяніе подъ законное опредѣленіе преступленія и при установленіи ихъ тождества опредѣлялъ установленное въ законѣ наказаніе.

Но жизнь указала на полную непригодность такой системы, какъ съ точки зрѣнія теоріи справедливаго воздаянія равнымъ за равное, такъ и съ точки зрѣнія цѣлесообразности карательныхъ мѣръ. Условія, опредѣляющія возникновеніе преступнаго дѣянія, общественное и индивидуальное значеніе послѣдствій, имъ вызванныхъ, степень опасности, которую представляетъ совершитель дѣянія въ будущемъ, столь разнообразны, что никакой законодатель не въ состояніи уловить ихъ въ свои, по необходимости, твердо ограниченныя формулы, а долженъ предоставить оцѣнку всѣхъ этихъ условій и опредѣленіе вліянія ихъ на мѣру отвѣтственности, примѣнителямъ закона уголовнаго къ отдѣльнымъ дѣяніямъ и прежде всего суду (1).

Но, какъ было также указано ранѣе (№№ 103, 104), степень участія судьи въ выборѣ наказанія представляется также въ двухъ различныхъ типахъ: или законодатель довольствуется только однимъ перечнемъ запрещенныхъ поступковъ, предоставляя выборъ рода и мѣры наказанія усмотрѣнію судьи—законы съ безусловно неопредѣленною санкціею, или ставитъ ему извѣстныя, болѣе или менѣе растяжимыя правила въ выборѣ отвѣтственности—законы съ санкціею относительно опредѣленною. Первая форма, лишая въ дѣйствительности судью всякой опоры въ выборѣ наказанія, создавая судейскій произволъ, страшно опасный для гражданъ, уничтожая всякія практическія основы для опредѣленія подсудности преступныхъ дѣяній и порядка ихъ разсмотрѣнія на

---

(1) Garraud, Traité, II, № 102, замѣчаетъ: «уголовный законъ прилагается къ преступному дѣянію чрезъ посредство судьи. Для выполненія своего назначенія судья долженъ соразмѣритъ наказаніе какъ съ значеніемъ наказуемаго дѣянія, такъ и съ виновностью дѣятеля. Но эти два элемента, которые вліяютъ на примѣненіе наказанія въ смыслѣ его усиленія или уменьшенія, могутъ и должны быть оцѣниваемы двояко: отвлеченно законодателемъ, который опредѣляетъ, напр., какому наказанію подлежитъ убійство, кража, поджогъ и т. д.; конкретно—судьею, который опредѣлитъ, какое наказаніе должно быть назначено такому то убійцѣ, вору, поджигателю и т. д. Это различіе между виновностью абсолютною или законною, при которой принимается во вниманіе только одна природа дѣянія, и виновностью относительною или судебною, при которой оцѣниваются индивидуальныя условія, въ которыхъ находился данный преступникъ, составляетъ руководящее начало всей теоріи примѣненія наказанія.» Berner, § 137.

судѣ, почти вполнѣ исчезла изъ дѣйствующихъ нынѣ законодательствъ. Напротивъ того, санкція относительно опредѣленная сдѣлалась господствующимъ типомъ, допуская значительное различіе въ просторѣ, предоставляемомъ судьѣ, завися въ формальномъ отношеніи отъ самой конструкціи карательныхъ мѣръ въ данномъ законодательствѣ, а въ особенности отъ дѣлимости наказаній.

Эта зависимость объема правъ суда отъ характера санкціи закона вытекаетъ изъ самой конструкціи закона и не требуетъ, собственно говоря, особаго на то указанія законодателя; но наше дѣйствующее уложеніе сочло необходимымъ по этому предмету дать рядъ спеціальныхъ постановленій въ отдѣленіи 3-мъ, 3-й главы I-го раздѣла, въ ст. 147—151, трактующихъ о власти и обязанности суда при опредѣленіи наказанія.

Руководящее правило законъ устанавливаетъ въ ст. 147, говоря, что судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое имъ преступленіе именно назначено. Но, какъ видно изъ той же и послѣдующихъ статей, это положеніе относится только къ законамъ съ безусловно опредѣленною санкціею; что же касается санкціи относительно опредѣленной, то указанія о примѣненіи законовъ этого рода находятся въ ст. 148—149, на основаніи коихъ, если въ законѣ опредѣлены не только родъ и степень наказанія, но и высшая или низшая онаго мѣра, то судъ обязанъ приговорить подсудимаго къ высшей или низшей опредѣленной въ законѣ, или къ какой либо средней между ними мѣрѣ, а если въ законѣ опредѣлены только родъ и степень наказанія, безъ означенія высшей и низшей мѣры, или назначенъ одинъ только родъ наказанія или постановлено нѣсколько одно другое замѣняющихъ наказаній, то выборъ одного изъ сихъ наказаній или опредѣленіе степени или мѣры наказанія предоставляется усмотрѣнію суда, который при семъ принимаетъ въ соображеніе важность вины, состояніе подсудимаго и обстоятельства, сопровождавшія его преступленіе. При этомъ, по нашему уложенію, выборъ судьи въ случаяхъ этого рода ограниченъ только высшимъ и низшимъ срокомъ, такъ какъ нашъ законъ дѣйствующій (ср. № 104) не устанавливаетъ никакихъ ограниченій въ самой дробимости отдѣльныхъ карательныхъ мѣръ, такъ что въ

тѣхъ случаяхъ, гдѣ напр. законъ угрожаетъ каторгою отъ 8—10 лѣтъ, судъ можетъ назначить каторгу на девять лѣтъ и три мѣсяца, или даже прибавить къ этому нѣсколько дней. Но при этомъ, какъ справедливо указывалъ Сенатъ, назначеніе наказанія въ такихъ дробяхъ, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ важности даннаго рода наказанія и лишаютъ наказаніе всякой репрессивности, какъ, напр., назначеніе ареста на нѣсколько часовъ или денежной пени въ нѣсколько копѣекъ, придавая приговору несоотвѣтственный характеръ, не можетъ быть допускаемо. Наконецъ, въ ст. 151 улож. законъ даетъ указанія о порядкѣ примѣненія санкціи безусловно неопредѣленной, когда дѣяніе хотя и воспрещено закономъ, но за него не опредѣлено никакого, точно означеннаго наказанія; въ этихъ случаяхъ судъ приговариваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія, по важности и роду своему наиболѣе съ онымъ сходныя.

361. Но если участіе судьи въ выборѣ для каждаго отдѣльнаго преступнаго дѣянія мѣры соотвѣтственнаго наказанія является общимъ правиломъ, то естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же руководствуется судья въ этой его дѣятельности, ибо таковая не можетъ быть вполнѣ произвольною, зависящею отъ личнаго его усмотрѣнія.

При разсмотрѣніи этого вопроса, мнѣ кажется, необходимо различать двѣ его части: 1) что служитъ для судьи основаніемъ, отправною точкою при выборѣ мѣры наказанія и 2) какія именно обстоятельства и въ какой мѣрѣ могутъ вліять на этотъ выборъ.

Въ первомъ отношеніи несомнѣнно, что основа выбора для судьи должна быть та же, какъ и для законодателя, такъ какъ судья выполняетъ детали общаго абриса, начертаннаго законодателемъ. Что призналъ послѣдній необходимымъ воспретить подъ страхомъ наказанія, то должно служить основаніемъ судьѣ при опредѣленіи мѣры отвѣтственности.

Но, какъ мы также видѣли, объектомъ карательной дѣятельности является виновное посягательство на правоохраненный интересъ, а потому преступное дѣяніе должно быть и для судьи отправною точкою при выборѣ наказанія. Какъ бы ни было опасно для общества или порочно извѣстное лицо, какъ бы ни были вѣроятны

предположенія объ его преступныхъ поползновеніяхъ, судья не можетъ назначить ему наказанія, пока не признаетъ, что онъ совершилъ дѣяніе, запрещенное закономъ, или нѣсколько таковыхъ.

Съ практической точки зрѣнія это положеніе едва ли нуждается въ какихъ либо доказательствахъ. Всѣ современные уголовные кодексы говорятъ только о преступныхъ дѣяніяхъ и ихъ наказуемости. Статья 147 нашего уложенія о нак. прямо указываетъ, что судъ можетъ опредѣлить только наказаніе, за судимое *имъ преступленіе* именно предназначенное.

Такимъ образомъ, судейская дѣятельность при выборѣ наказанія начинается съ установленія учиненнаго виновнымъ дѣянія и его признаковъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ это установленіе единичнаго преступленія не представляетъ особенныхъ затрудненій, какъ скоро единая и однородная вина выражается въ единомъ посягательствѣ на правоохраненный интересъ; но иногда, какъ также я не разъ указывалъ ранѣе, преступная дѣятельность получаетъ осложненную форму, создавая значительныя затрудненія для практики (1).

862. Понятіе единаго преступнаго дѣянія имѣетъ своимъ предположеніемъ естественное понятіе единаго человѣческаго дѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многомъ и отличается отъ него, получая условное юридическое значеніе. Понятіе дѣйствія предполагаетъ активное проявленіе человѣка во внѣшнемъ мірѣ, преступное дѣяніе объемлетъ собою и полное бездѣйствіе; дѣйствіе совмѣщаетъ въ себѣ, какъ соприсущій моментъ, матеріальное

---

(1) Buri, Einheit und Mehrheit der Verbrechen 1879 (Beilageheft къ Gerichtssaal); разборъ этой статьи у Hiller, über den gegenwärtigen Stand der Lehre von der Concurrenz der Delicte въ Gerichtssaal за 1880 г. Ср. въ особенности обстоятельную монографію Bünger, über Handeln und Handlungseinheit, als Grundbegriffe der Lehre vom Verbrechen und von der Strafe въ Zeitschrift за 1888 №№ 4 и 5, стр. 520—588 и № 6, стр. 661. Установленіе понятія единичнаго преступнаго дѣянія имѣетъ не менѣе важное значеніе и въ процессуальномъ правѣ, при опредѣленіи условій подсудности, порядка разслѣдованія и преданія суду, при постановкѣ вопросовъ, при установленіи понятія о res judicata, при опредѣленіи условій возобновленія дѣлъ и т. д.

болѣе или менѣе значительное измѣненіе внѣшняго міра, а говоря о преступныхъ дѣяніяхъ, мы весьма нерѣдко безусловно исключаемъ изъ этого понятія тѣ послѣдствія, коими сопровождалась преступная дѣятельность; наконецъ, подъ понятіе единаго преступнаго дѣянія въ юридическомъ смыслѣ мы подводимъ не только тѣ дѣйствія человѣка, въ коихъ составными частями является одно мускульное движеніе, вызвавшее измѣненіе во внѣ, но и такія, въ коихъ нѣсколько дѣйствій вызвали одно послѣдствіе (отравленіе въ нѣсколько пріемовъ) или въ коихъ одно дѣйствіе вызвало нѣсколько отдѣльныхъ послѣдствій (убійство нѣсколькихъ лицъ взрывчатымъ снарядомъ), причемъ нерѣдко юридическое единство придается совокупности не однородныхъ, а совершенно разнородныхъ дѣйствій лица, таково большинство составныхъ преступныхъ дѣяній—кража со взломомъ, разбой, возстаніе, бунтъ. Понятіе единичнаго преступнаго дѣянія во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ законнаго его опредѣленія, а потому оно и становится условнымъ, какъ условны и эти опредѣленія. Въ силу этого при общемъ анализѣ этого ученія мы можемъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ (1).

Согласно вышеизложенному, всякое дѣйствіе или бездѣйствіе или сумма таковыхъ, совмѣщающая въ себѣ всю совокупность законныхъ признаковъ какого либо преступнаго дѣянія, какъ уголовно наказуемаго посягательства на норму въ ея реальномъ

---

(1) Какъ замѣчаетъ Сергѣевскій, русское уголовное право, стр. 337, тотъ признакъ, та черта, которая связываетъ отдѣльные акты въ единое дѣйствіе, и обратно, полагаетъ границу между отдѣльными дѣйствіями, не допуская соединенія ихъ въ одно цѣлое, не могутъ быть устанавливаемы посредствомъ формальныхъ теоретическихъ признаковъ in abstracto; вопросъ о томъ, представляетъ ли извѣстная дѣятельность человѣка одно единое дѣйствіе или рядъ самостоятельныхъ дѣйствій есть quaestio facti, а разрѣшеніе его должно быть производимо практическимъ путемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ in concreto. Теорія можетъ лишь выставить общія опредѣленія, притомъ болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Merkel, Lehrbuch, стр. 263, по поводу продолжаемыхъ преступленій замѣчаетъ, что многія однородныя преступныя дѣянія могутъ образовать единое преступленіе, какъ скоро число дѣяній представляется безразличнымъ по отношенію къ роду, тяжести и значенію поврежденія правоохраненнаго интереса, и когда отдѣльное разсмотрѣніе единичныхъ случаевъ лишаетъ возможности оцѣнить истинное значеніе всего событія.

*

бытіи, составляетъ единое преступное дѣяніе въ юридическомъ смыслѣ.

Такое понятіе предполагаетъ прежде всего единство виновника. Раздѣльности субъектовъ преступнаго посягательства, по общему правилу, соотвѣтствуетъ раздѣльность учиненныхъ ими преступныхъ дѣяній, но изъ этого общаго положенія существуетъ одно исключеніе для случаевъ соучастія, когда множественность виновниковъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, не устраняетъ понятія единаго преступнаго дѣянія въ учиненномъ ими поджогѣ, разбоѣ, убійствѣ. Съ другой стороны, единство субъекта далеко не безусловно исключаетъ раздѣльность подлежащихъ разсмотрѣнію суда преступныхъ дѣяній, такъ какъ вполнѣ возможна повторная преступная дѣятельность одного и того же лица.

Вторымъ условіемъ единаго преступнаго дѣянія является единство объекта и, прежде всего, единство нормы, на которую посягаетъ виновный. Раздѣльность нормъ, въ нарушеніи коихъ обвиняется данное лицо, по общему правилу, опредѣляетъ раздѣльность учиненныхъ имъ преступныхъ дѣяній, но и изъ этого положенія существуетъ еще болѣе исключеній, чѣмъ изъ предшествующаго, въ видѣ случаевъ такъ называемой идеальной совокупности, т. е. нарушенія единымъ преступнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ нормъ. Съ другой стороны, и единство нарушенной нормы не исключаетъ возможности повторныхъ нарушеній однимъ и тѣмъ же лицомъ, одной и той же нормы. Еще менѣе значенія имѣетъ единство того конкретнаго проявленія нормы, на которое посягаетъ виновный, такъ какъ число случаевъ единаго преступнаго дѣянія, совмѣщающаго въ себѣ посягательство на нѣсколько субъективныхъ правъ (напр. поджогъ цѣлаго селенія, кража вещи, принадлежащей нѣсколькимъ лицамъ), или на нѣсколько отдѣльныхъ правоохраненныхъ благъ (напр. кража нѣсколькихъ предметовъ, истребленіе хлѣба на корню, порубка нѣсколькихъ деревьевъ одного лѣсовладѣльца и т. д.) представляется весьма значительнымъ.

Третьимъ элементомъ, могущимъ опредѣлять понятіе единичнаго преступнаго дѣянія, является виновная дѣятельность. Единство вины составляетъ главный признакъ единаго преступнаго дѣянія, и притомъ не только въ томъ случаѣ, когда виновность

находитъ свое выраженіе въ единомъ дѣйствіи или бездѣйствіи, заключающемъ посягательство на одинъ правоохраненный интересъ, но и тамъ, гдѣ проявленіе виновности осложняется.

Преступное дѣяніе остается единымъ, какъ скоро единая вина вызвала посягательство на одинъ правоохраненный интересъ, какъ бы ни была разнообразна преступная дѣятельность (1). Такое разнообразіе можетъ относиться: а) къ подготовительнымъ дѣйствіямъ виновнаго, которыя могутъ быть и продолжительны, и сложны: если задумавшій убійство покупаетъ себѣ пистолетъ, заряжаетъ его, отправляется на предполагаемое мѣсто дѣйствія и затѣмъ убиваетъ жертву, то вся эта разнообразная дѣятельность не утрачиваетъ характера единичнаго преступленія; б) къ средствамъ и способамъ выполненія дѣйствія; поэтому лицо, умышленно выстрѣлившее въ жертву, но причинившее только рану, а затѣмъ покончившее съ нею ударомъ ножа, виновно въ одномъ убійствѣ, а не въ совокупности покушенія и оконченнаго убійства; воръ, взломавшій для учиненія задуманнаго похищенія входную дверь въ домъ, а потомъ тайно похитившій чужое имущество, совершаетъ единую кражу, а если онъ при взятіи вещей встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны хозяина, и силою отнимаетъ вещи, то единый грабежъ или разбой; в) къ мѣсту и времени учиненія посягательства: отравленіе посредствомъ дачи двухъ пріемовъ яда, изъ которыхъ одинъ былъ данъ въ Петербургѣ, а другой въ Москвѣ, составляетъ одно отравленіе; кража со взломомъ остается единымъ преступленіемъ, хотя бы воръ взломалъ замокъ на входной двери 15 Августа, а совершилъ самую кражу 17 или 18 числа и т. д., и г) къ различію и продолжительности послѣдствій, вызванныхъ преступнымъ дѣяніемъ; поэтому увѣчье будетъ единичнымъ дѣяніемъ, хотя бы жертва преступленія ослѣпла и оглохла, хотя бы разстройство здоровья продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, лѣтъ, или оказалось неизлѣчимымъ.

---

(1) Hälschner, System, стр. 656, замѣчаетъ, что когда воля направлена на извѣстное послѣдствіе, то различныя промежуточныя стадіи ея проявленія, подготовляющія конечный результатъ, поглощаются общимъ направленіемъ воли и сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣны, а имѣютъ значеніе только какъ ступени къ достиженію конечнаго результата.

Далѣе, преступное дѣяніе остается единымъ, какъ скоро единая воля, посягающая на правовую норму, выразилась въ единомъ дѣйствіи, хотя бы послѣдствіемъ сего и было причиненіе вреда или опасности нѣсколькимъ правоохраненнымъ интересамъ. Лицо, однимъ ругательнымъ словомъ умышленно оскорбившее нѣсколькихъ лицъ, отвѣчаетъ за одно оскорбленіе, а не за совокупность таковыхъ; лицо, съ цѣлью лишить жизни цѣлую семью, поджегшее домъ, въ которомъ находилась эта семья, и достигшее задуманнаго, или посредствомъ взрыва умертвившее цѣлую массу людей, отвѣчаетъ за одно убійство, а не за совокупность (1). При этомъ наличность единаго преступленія останется и въ томъ случаѣ, если даже степень осуществленія воли по отношенію къ отдѣльнымъ объектамъ будетъ различна. Если мы признаемъ, что убійство посредствомъ взрывчатаго снаряда нѣсколькихъ лицъ составляетъ одно преступленіе, то, очевидно, что это понятіе не измѣнится и въ томъ случаѣ, если одна изъ жертвъ, благодаря своевременно оказанной помощи, осталась жива.

Это положеніе относится одинаково какъ къ винѣ умышленной, такъ и къ неосторожной. Лицо, отъ небрежности коего произошелъ пожаръ, отвѣчаетъ за одно неосторожное причиненіе таковаго, хотя бы отъ его неосторожности сгорѣло цѣлое селеніе; лицо, неосмотрительно обращавшееся съ взрывчатымъ снарядомъ, отвѣчаетъ только за одно неосторожное лишеніе жизни, хотя бы отъ взрыва погибло много лицъ. Равнымъ образомъ, виновный отвѣчаетъ за причиненіе по неосторожности одного пожара, хотя бы оказалось, что домъ сгорѣлъ, только благодаря цѣлому послѣдовательному ряду неосторожностей со стороны виновнаго. Размѣръ причиненнаго вреда и проявленной неосторожности можетъ вліять на мѣру отвѣтственности, но не разрушаетъ единства дѣянія.

Наконецъ, тамъ, гдѣ въ дѣяніи воплощается единый умыселъ, оно сохраняетъ понятіе единаго, хотя бы умыселъ пред-

---

(1) Впрочемъ, изъ новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ Бури (Einheit und Mehrheit) относитъ эти случаи безусловно къ понятію реальной совокупности напротивъ того Листъ, § 55, считаетъ эти случаи однимъ изъ типовъ не фиктивно юридическаго, а естественнаго понятія о единомъ дѣяніи (die natürliche Handlungseinheit).

ставлялся осложненнымъ въ своихъ дополнительныхъ элементахъ. Такъ, при единствѣ преступнаго намѣренія, какъ основнаго элемента умысла, можетъ быть разнообразіе двигающихъ преступника мотивовъ и предположенныхъ имъ цѣлей, причемъ эти цѣли преступной дѣятельности могутъ быть или послѣдовательныя, изъ коихъ однѣ представляются непосредственными, другія болѣе отдаленными, или же онѣ являются одновременно достижимыми. Убійство остается единымъ, хотя бы подкупленный убійца руководился не только корыстью, но и соображеніями личной мести; или разсчитывалъ не только немедленно получить обѣщанную награду, но впослѣдствіи занять мѣсто убитаго, жениться на его вдовѣ и т. п. Равнымъ образомъ, убійство остается единымъ, хотя бы виновный желалъ альтернативно убить одного изъ нѣсколькихъ лицъ, или когда происшедшая смерть не была прямою цѣлью дѣятельности виновнаго, а онъ только безразлично къ ней относился. То же нужно сказать и о планѣ дѣйствія: какъ бы ни былъ сложенъ и разнообразенъ придуманный планъ, какъ бы ни были продолжительны, по предположеніямъ виновнаго, подготовительныя дѣйствія, они не могутъ устранить единства преступнаго посягательства.

Но если единство вины служитъ условіемъ, объединяющимъ даже разнообразную преступную дѣятельность, то раздѣльность вины, по общему правилу, опредѣляетъ раздѣльность учиненныхъ виновнымъ преступныхъ дѣйствій. Исключенія изъ этого могутъ существовать лишь въ силу прямого указанія закона, въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ соединенія нѣсколькихъ видовъ виновности образуется единое преступленіе (1).

Такимъ образомъ, сводя предшествующія замѣчанія, мы приходимъ къ тому выводу, что дѣятельность одного виновнаго, или

---

(1) Что касается до разсмотрѣнныхъ выше случаевъ dolus subsequens (№ 517) и dolus generalis (№ 582), то тамъ нѣтъ совокупности различныхъ видовъ виновности, а есть лишь осуществленіе единаго преступнаго умысла, опредѣляющаго въ первомъ случаѣ отвѣтственность за преступное невмѣшательство, а во второмъ за послѣдствія, вызванныя первоначальною дѣятельностью виновнаго. Напротивъ того, раздѣльность вины при единствѣ преступной дѣятельности, существуетъ въ случаяхъ «aberratio delicti» и «error in objecto» (№ 536 и сл.), а потому эти случаи подходятъ подъ понятіе совокупности преступныхъ дѣяній.

и нѣсколькихъ соучастниковъ, воспроизводящая, въ ея совокупности, законный составъ какого либо преступнаго дѣянія, почитается единичнымъ преступнымъ дѣяніемъ, во 1-хъ, когда она является осуществленіемъ одного преступнаго намѣренія, и, во 2-хъ, когда она хотя и воплощаетъ различную виновность, но объединенную въ понятіе единаго преступленія особымъ указаніемъ закона.

363. Но затѣмъ возникаетъ дальнѣйшій, такъ сказать, обратный вопросъ о томъ: всегда ли повторная дѣятельность виновнаго, совмѣщающая въ себѣ законный составъ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, должна быть разсматриваема какъ совокупность преступныхъ дѣяній, или же могутъ быть нѣкоторыя условія, при которыхъ и въ этихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ въ видахъ наказуемости, мы должны будемъ признать наличность единаго дѣянія?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ необходимо различать два случая: воспроизведеніе въ нѣсколькихъ дѣйствіяхъ однороднаго преступнаго состава и воспроизведеніе въ одномъ дѣйствіи состава нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній.

При разсмотрѣніи случаевъ перваго рода мы встрѣчаемся съ излюбленнымъ въ нѣмецкой доктринѣ ученіемъ объ осложненной формѣ преступныхъ дѣяній, длящихся, продолжаемыхъ и учиненныхъ по привычкѣ и ремеслу (1).

Простѣйшій видъ представляютъ преступленія длящіяся или какъ называетъ ихъ ст. 162 улож. *безпрерывно* продолжаемыя (fortdauernde Verbrechen) (2). Къ числу таковыхъ наше уложе-

(1) Вопросъ о сложныхъ преступныхъ дѣяніяхъ—длящихся и продолжаемыхъ, особенно подробно разработывался въ нѣмецкой литературѣ. Ср. литературныя указанія у Binding, стр. 517, пр. 1; мой курсъ, II, стр. 257, пр. 26.— Кромѣ соотвѣтственныхъ отдѣловъ въ учебникахъ, можно указать на слѣдующія монографіи: Krug, zur Lehre vom fortgesetzten Delikt, 1857 г.; Schwarze, zur Lehre von dem sogen. fortgesetzten Verbrechen, 1857 г.; и въ Goltd. Arch. за 1860 г.; Gerichtssaal за 1883 г., v. Woringen, über den Begriff der fortgesetzten Verbrechen, 1857 г.; Iohn, die Lehre vom fortgesetzten Verbrechen und von der Verbrechensconkurrenz, 1860 г.; Merkel, zur Lehre vom fortgesetzten Verbrechen 1862 г.; Ortolan, délits continus въ revue crit. de législ. 1854 г.; Фонъ-Резонъ, о продолжаемомъ преступленіи въ Журн. гр. и уг. права 1875 г. № 1, стр. 1—50

(2) Относительно этого вида осложненныхъ преступныхъ дѣяній ср. статьи въ архивѣ Гольдаммера за 1860 г. Wächter'a, Hälschner'a; за 1861 г. Iohn, Gessler и за 1872 г.—v. Tippelskirch.

ніе относитъ: отпаденіе отъ православной вѣры, нахожденіе завѣдомо въ противозаконномъ бракѣ, присвоеніе непринадлежащаго состоянія, должности, чина, ордена, и т. п., уклоненіе отъ воинской повинности. Но этотъ перечень употребленъ въ законѣ только въ видѣ примѣровъ и не имѣетъ исчерпывающаго значенія, такъ какъ въ особенной части можно найти много дѣяній того же характера, какъ, напр., воспитаніе православнаго по обрядамъ инаго вѣроисповѣданія (ст. 190), препятствованіе присоединиться къ православію (ст. 191), противозаконное оставленіе отечества (ст. 325), сожительство неженатаго съ незамужней (ст. 994), бродяжество (ст. 950), неявка къ должности (ст. 413) и др. (1). Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, длящимся преступленіемъ считается такое, которое, разъ совершившись, не оканчивается этимъ моментомъ, но постоянно и непрерывно возобновляется, такъ что образуетъ какъ бы преступное состояніе лица, связующее въ глазахъ закона всю его дѣятельность въ единое цѣлое, длящееся до окончанія этой дѣятельности, до наступленія какого либо обстоятельства, указывающаго на ея прекращеніе (factum contrarium). Подобная форма можетъ встрѣчаться какъ при преступныхъ дѣяніяхъ, такъ и при бездѣйствіи; длиться можетъ, какъ самая воспрещенная закономъ дѣятельность, какъ напр., при уклоненіяхъ отъ воинской повинности, при присвоеніи чина, званія, при бродяжествѣ, такъ и созданные дѣятельностью виновнаго, воспрещенные закономъ результаты—состояніе въ незаконномъ бракѣ, въ ереси и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, для признанія извѣстнаго преступнаго дѣянія длящимся безусловно необходимо, чтобы безпрерывно возобновлялась та составная часть дѣянія, въ которой законъ видитъ его преступную сущность. Такимъ образомъ, законъ запрещаетъ *причиненіе* увѣчья, напр., слѣпоты, а потому увѣчье не будетъ длящимся, какъ бы долго не продолжалось его послѣдствіе —слѣпота потерпѣвшаго; кража есть *похищеніе* чужой собственности, а потому кража не будетъ длящимся дѣяніемъ, сколько бы времени украденное имущество не оставалось у похитителя (2).

---

(1) Ср. фонъ-Резонъ, в. с. стр. 9 и сл., ср. также перечень у Саблера, о давности, стр. 190.

(2) Поэтому, какъ замѣчаетъ Ortolan, revue, стр. 327, для признанія извѣстнаго дѣянія длящимся, судъ долженъ каждый разъ опредѣлять: является ли для-

864. Болѣе сомнѣній возбуждаетъ второй типъ осложненныхъ преступленій—продолжаемая или возобновляемая преступная дѣятельность (fortgesetzte Verbrechen), когда преступникъ посягаетъ на норму неоднократно, но не непрерывно, а съ извѣстными, болѣе или менѣе значительными промежутками, чѣмъ эти случаи и отличаются отъ длящихся преступленій (1). И при простыхъ преступныхъ дѣяніяхъ, какъ было замѣчено выше, могутъ быть такіе случаи, когда самая дѣятельность лица является сложною, какъ, напр., убійство посредствомъ нанесенія нѣсколькихъ ранъ, отравленіе малыми дозами; но въ этихъ случаяхъ составъ преступленія выполняется только совокупностью всѣхъ дѣйствій, а при преступленіяхъ продолжаемыхъ каждое отдѣльное дѣйствіе заключаетъ въ себѣ полный составъ, или, точнѣе, полнота состава вовсе не обусловливается взаимнодѣйствіемъ этихъ отдѣльныхъ актовъ, такъ что дѣятельность виновнаго заключаетъ въ себѣ неоднократное воспроизведеніе состава извѣстнаго преступнаго дѣянія, таковы, напр., случаи кражи съ чердака бѣлья въ нѣсколько пріемовъ, растраты, продолжавшейся долгое время, повторной прелюбодѣйной связи съ однимъ лицомъ, охоты въ чужомъ лѣсу, ловли рыбы и т. д. (2). Конечно, въ подобныхъ случаяхъ, въ особенности въ виду

щимся составной элементъ преступленія или его послѣдствія. Еще менѣе, конечно, можно называть длящимися тѣ дѣянія, учиненію коихъ предшествовалъ рядъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ приготовительныхъ дѣйствій. Такъ, нашъ Правит. Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Прутова (1888 г., № 27) нашелъ, что такъ какъ по нашему праву наказуемо не нахожденіе въ бѣгахъ арестанта, а самое обстоятельство побѣга изъ мѣста заключенія или самовольное оставленіе мѣста жительства, то побѣгъ не относится къ числу длящихся преступленій.

(1) До послѣдняго времени выраженія «длящіяся» и «продолжаемыя» преступленія употреблялись въ рѣшеніяхъ Правит. Сената безразлично для означенія обоихъ типовъ, что и вызвало значительную неясность въ опредѣленіи признаковъ обоихъ типовъ. Также сбивчива терминологія и въ нашей литературѣ. Ср. фонъ-Резонъ, стр. 4 и сл.

(2) Практикою Правит. Сената установлены нѣкоторые случаи продолжаемыхъ преступныхъ дѣяній даже при нарушеніяхъ устава питейнаго. Такъ, въ рѣшеніи 1874 г. № 120, по дѣлу Охотникова, признано, что незаконная выдѣлка на винокуренномъ заводѣ питей и выпускъ незаконно выдѣланныхъ питей безъ записки ихъ на приходъ, составляютъ одно преступное дѣяніе, а не совокупность. Также признаны Сенатомъ продолжаемыми преступными дѣяніями злоупотребленія, допущенныя на винокуренномъ заводѣ посредствомъ однихъ и тѣхъ же приспособленій въ два слѣдующіе другъ за другомъ періоды винокуренія. 1881 г. № 12, по дѣлу Конопліна; 1882 г. № 34, по дѣлу Лещинскаго.

отсутствія по сему предмету прямыхъ указаній въ законѣ (1), можно признавать наличность реальной совокупности (2); но такой выводъ привелъ бы къ практическимъ несообразностямъ, какъ по отношенію къ установленію мѣры наказанія, такъ въ особенности съ точки зрѣнія процессуальной. Если мы признаемъ, что лицо, нанесшее съ цѣлью убійства шесть ударовъ топоромъ и только на шестомъ ударѣ покончившее съ жертвою, отвѣчаетъ не за пять покушеній и одно оконченное преступленіе, а только за одно убійство, то будетъ ли справедливо признать виновнаго въ кражѣ нѣсколькихъ громоздкихъ вещей, учиненной въ шесть пріемовъ, виновнымъ въ шести кражахъ, а не въ одной, или признать лицо, посредствомъ одного приспособленія вѣсовъ совершившее рядъ обвѣсовъ, виновнымъ въ столькихъ мошенничествахъ, сколько имъ сдѣлано невѣрныхъ взвѣшиваній и т. д.? Трудность заключается въ установленіи предѣловъ продолжаемаго преступнаго дѣянія, но такая же трудность представляется вообще при опредѣленіи условій единичнаго преступленія и объясняется тѣмъ, что установленіе этихъ предѣловъ зависитъ отъ законной характеристики преступленій, а иногда даже и отъ обстоятельствъ отдѣльнаго дѣянія.

Во всякомъ случаѣ, такимъ признакомъ, отдѣляющимъ продолжаемое дѣяніе отъ совокупности, нельзя поставить отдѣльность

---

(1) Въ виду трудности проведенія этихъ границъ партикулярные нѣмецкіе кодексы вносили особыя постановленія о продолжаемыхъ преступныхъ дѣяніяхъ. Таковы постановленія кодексовъ: баварскаго (1813 и 1861), саксонскаго (1838, 1855 и 1868) вюртембергскаго, ганноверскаго, брауншвейгскаго, баденскаго. Ср. перечень этихъ постановленій у Н. Сергѣевскаго, причинная связь, стр. 156. Изъ новѣйшихъ кодексовъ такое опредѣленіе содержитъ голландскій въ § 56; итальянскій § 79.

(2) Такъ Oppenhof отрицаетъ существованіе продолжаемыхъ преступленій на томъ основаніи, что о нихъ не упоминается въ германскомъ кодексѣ; также возражаютъ противъ признанія этихъ случаевъ единичнымъ преступленіемъ—Temme, Buri, Ortloff; напротивъ того Geyer, Grundriss 1, стр. 184, 185, хотя также считаетъ ученіе о продолжаемыхъ преступленіяхъ излишнимъ, но потому, что оно само собою заключается въ понятіи единичнаго преступленія. Ср. разборъ различныхъ нѣмецкихъ теорій о продолжаемыхъ преступленіяхъ у Merkel, в. с., стр. 1—96. Изъ русскихъ криминалистовъ отрицаютъ существованіе по нашему праву продолжаемыхъ преступленій—В. Саблеръ, о давности, стр. 187, и Н. Неклюдовъ, приложенія къ учебнику Бернера, стр. 866; подробный разборъ и опроверженіе ихъ доводовъ сдѣланы фонъ-Резономъ въ его статьѣ, стр. 14 и сл.

матеріальныхъ предметовъ посягательства (1), такъ какъ именно множественность таковыхъ и предполагается, напр., при продолжаемыхъ имущественныхъ посягательствахъ. На томъ же основаніи нельзя признать таковымъ признакомъ единство нарушеннаго субъективнаго права, такъ какъ кража изъ сундука, въ коемъ находились вещи разныхъ владѣльцевъ, не становится, только въ силу этого обстоятельства, совокупностью кражъ. А съ другой стороны, поджогъ въ ночное время домовъ, принадлежащихъ одному владѣльцу, или кража у одного лица, но въ разное время, разнаго его имущества, составитъ не единичное преступное дѣяніе, а совокупность.

Въ особенности это положеніе имѣетъ значеніе при тѣхъ преступныхъ посягательствахъ, объектомъ коихъ служатъ такіе интересы, которые, независимо отъ ихъ индивидуальной правоохраны, могутъ пользоваться таковою и какъ цѣлое, таковы, напр., всѣ имущественныя блага: правоохраною пользуется, по отношенію къ порубкамъ, не только каждое дерево, но и лѣсъ, роща, какъ совокупность деревьевъ; при поджогѣ—не только каждое строеніе, но усадьба, селеніе, какъ совокупность построекъ. Съ такимъ же характеромъ являются многіе общественные и государственные интересы. Поэтому лицо, совратившее въ расколъ цѣлое селеніе, будетъ обвиняться въ единомъ совращеніи, а не въ совокупности таковыхъ по числу совращенныхъ; лицо, обвиняемое въ преступной политической пропагандѣ, отвѣчаетъ за единое преступленіе, хотя бы оно сообщало книги преступнаго содержанія или дѣлало возмутительныя внушенія многимъ лицамъ; равнымъ образомъ лицо, выпустившее книгу, по содержанію своему оскорбляющую благопристойность, не можетъ быть признаваемо виновнымъ въ столькихъ преступныхъ дѣяніяхъ, сколько непристойныхъ выраженій содержится въ сочиненіи. Труднѣе, конечно, представить возможность такого объединенія въ преступленіяхъ противъ личныхъ правъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ правоохраненный интересъ почти всегда имѣетъ исключительно индивидуальный

---

(1) На этотъ признакъ изъ нѣмецкихъ криминалистовъ указывали: Quistorp, Feuerbach, Jarcke, а изъ новѣйшихъ—Schwarze; этотъ же признакъ былъ усвоенъ баварскимъ уложеніемъ 1813 г., ст. 110.

характеръ, но утверждать, какъ это допускаютъ многіе изъ криминалистовъ ([1]), что при посягательствахъ на личныя права раздѣльность пострадавшихъ безусловно исключаетъ возможность признанія единства преступнаго дѣянія, едва-ли правильно. Если мы признаемъ, что человѣкъ, отравившій цѣлую семью поданнымъ имъ въ мискѣ супомъ, виновенъ только въ одномъ преступленіи, хотя бы члены этой семьи ѣли супъ не одновременно, а послѣдовательно, то почему мы должны признать наличность совокупности въ дѣйствіяхъ лица, который, защищаясь при его заарестованіи, выстрѣлами изъ находящагося при немъ многоствольнаго револьвера убилъ нѣсколько человѣкъ? Раздѣльность пострадавшихъ интересовъ можетъ служить предположеніемъ раздѣльности преступнаго намѣренія и, слѣдовательно, раздѣльности посягательствъ, но не болѣе. Джекъ, распарыватель животовъ, лицо, изнасиловавшее послѣдовательно нѣсколько женщинъ, будетъ отвѣчать не за единое преступное дѣяніе, а за совокупность, но не потому только, что они посягнули на жизнь или цѣломудріе нѣсколькихъ лицъ, а потому, что раздѣльность объектовъ въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ о раздѣльности дѣйствій, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

По тѣмъ же соображеніямъ нельзя видѣть существеннаго признака разграниченія продолжаемаго преступленія и совокупности въ промежуткахъ времени, отдѣляющихъ одно посягательство отъ другого. Конечно, если одно дѣйствіе отдѣлено отъ другаго годами или мѣсяцами, трудно видѣть въ нихъ одно цѣлое, но можно ли придавать такое же значеніе болѣе мелкимъ промежуткамъ? Каждая кража нѣсколькихъ предметовъ, поддѣлка нѣсколькихъ денежныхъ знаковъ, учиненіе нѣсколькихъ подлоговъ для скрытія одной и той же растраты, непремѣнно предполагаютъ, что отдѣльныя дѣйствія виновнаго раздѣлены извѣстными промежутками

([1]) Такъ, изъ нѣмецкихъ криминалистовъ за такое мнѣніе высказываются: Кестлинъ, Merkel; H. Meyer § 59, говоря, что понятіе продолжаемаго преступленія зависитъ отъ понятія отдѣльнаго дѣянія, указываетъ, что такъ какъ каждое дѣяніе предполагаетъ посягательство на особенный правовой интересъ, то единство этого интереса и должно быть признакомъ разграниченія, причемъ въ видѣ примѣра приводитъ именно личныя блага. Изъ русскихъ писателей такое положеніе защищаетъ фонъ-Резонъ, стр. 24.

времени, но они не становятся чрезъ то совокупностью преступныхъ дѣяній. Однимъ словомъ, если мы говоримъ, что при продолжаемыхъ преступныхъ дѣяніяхъ съ внѣшней стороны каждый отдѣльный актъ заключаетъ въ себѣ полный составъ преступленія, то очевидно, что объединяющаго условія, отдѣляющаго это понятіе отъ совокупности, нужно искать въ сторонѣ внутренней, въ единствѣ виновности, причемъ объективная сторона, единство или раздѣльность объекта, времени, мѣста и способа дѣйствія будутъ составлять только доказательства раздѣльности внутренней стороны (1). Наше дѣйствующее уложеніе не содержитъ никакихъ указаній по сему предмету (2), но практика наша усвоила тотъ же въ сущности взглядъ на продолжаемыя преступныя дѣянія (3). Такъ, Правительствующій Сенатъ еще въ 1870 г., въ рѣшеніи по дѣлу Строева (№ 215), указалъ, что похищеніе нѣсколькихъ предметовъ, учиненное въ одномъ мѣстѣ и въ одно время и *бывшее результатомъ единаго намѣренія*, составляетъ одно преступленіе; въ рѣшеніяхъ 1889 г.—по дѣлу Попова (№ 5) и по дѣлу Данилова (№ 25) Сенатъ далъ нѣсколько болѣе сложное опредѣленіе этого понятія, указавъ, что дѣяніе подсудимаго, бывшее результатомъ одного и того же намѣренія, направленное къ

---

(1) За единство намѣренія, какъ главный признакъ продолжаемыхъ преступленій, высказываются изъ нѣмецкихъ криминалистовъ: Бернеръ, Гельшнеръ, Биндингъ, хотя послѣдній въ группѣ личныхъ посягательствъ придаетъ существенное значеніе и единству объекта.

(2) Редакціонная Коммисія также не внесла въ проектъ никакихъ постановленій о продолжаемыхъ преступленіяхъ, предоставивъ установленіе его практикѣ. Сама Коммисія признаетъ (объясн. зап. стр. 552) учиненіе нѣсколькихъ дѣйствій, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока времени, заключающихъ притомъ каждое полный составъ преступнаго дѣянія, продолжаемымъ преступленіемъ, какъ скоро эти дѣйствія объединялись однимъ общимъ намѣреніемъ и являлись какъ бы продолженіемъ той же преступной дѣятельности.

(3) Ср. рѣшенія $^{70}/_{215}$, Строева; $^{73}/_{733}$, Деревенкина; $^{74}/_{210}$ Кононенко. Невполнѣ точно опредѣлено понятіе продолжаемаго преступнаго дѣянія въ рѣшеніи 1870 г. № 453, по дѣлу Браиловскаго, но мысль, проводимая въ этомъ рѣшеніи, заключалась въ томъ, что продолжаемыя преступныя дѣянія должны состоять изъ дѣйствій, внутренне и неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ; что поэтому учиненіе сбыта фальшивыхъ билетовъ, по отношенію къ различнымъ лицамъ и при различныхъ обстоятельствахъ, составляетъ не продолжаемое дѣяніе, а совокупность.

одной и той же цѣли, которая достигалась однимъ и тѣмъ же способомъ, составляетъ одно продолжаемое преступленіе (1). Но сопоставленіе этихъ опредѣленій съ обстоятельствами тѣхъ частныхъ случаевъ, по коимъ они состоялись, указываетъ, что существеннымъ признакомъ продолжаемаго преступленія Сенатъ считаетъ единство намѣренія, а прочимъ условіямъ онъ придаетъ второстепенное, дополнительное значеніе. Дѣйствительно, единство побужденій и цѣли, коими проникнутъ рядъ однородныхъ дѣйствій виновнаго, бывшихъ воплощеніемъ единаго намѣренія, конечно, служитъ признакомъ единаго преступнаго дѣянія; но отсюда нельзя заключать, какъ было указано выше, что различіе, неоднородность цѣлей, не измѣняющія, однако, юридическаго значенія осуществляемаго виновнымъ преступнаго умысла, уничтожаютъ единство учиненнаго имъ дѣянія. Если лицо, подкупленное кѣмъ либо выкрасть изъ чьей либо шкатулки документъ, вмѣстѣ съ тѣмъ похититъ находящійся въ шкатулкѣ браслетъ, для того, чтобы подарить его своей любовницѣ, то дѣяніе виновнаго, не смотря на различіе цѣлей послѣдовательно учиненныхъ имъ похищеній, будетъ составлять тѣмъ не менѣе единое преступленіе; воръ, вынесшій изъ обокраденнаго помѣщенія нѣсколько вещей, а затѣмъ укравшій еще тамъ же мѣшокъ, съ единственною цѣлью унести въ немъ украденное, тѣмъ не менѣе не можетъ быть обвиняемъ въ совокупности кражъ и т. д. То же въ извѣстной степени нужно сказать и о другомъ дополнительномъ признакѣ, указанномъ въ рѣшеніяхъ Сената, — единствѣ способа дѣйствія. Единство намѣренія, пригодное для объединенія ряда дѣйствій, естественно предполагаетъ, что дѣятельность виновнаго направлена на учиненіе индивидуально опредѣленнаго преступнаго дѣянія; поэтому, напр., рядъ преступленій, совершенныхъ членами шайки, составившейся для грабежа или разбоя, будетъ почитаться совокупностью, а не единымъ продолжаемымъ преступнымъ дѣяніемъ; далѣе несомнѣнно, что

---

(1) Германскій Reichsgericht, въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній, ставитъ признакомъ продолжаемаго преступленія: единство рѣшимости, однородность способа дѣйствія и единство правоохраненнаго интереса, на который посягаетъ виновный; послѣднее условіе онъ ставитъ, впрочемъ, съ значительными ограниченіями; ср. Liszt, § 56, пр. 2.

такая опредѣленность намѣренія предполагаетъ и опредѣленность преступнаго плана, а слѣдовательно, и способа дѣйствія, такъ что измѣненіе или неоднородность таковаго по большей части указываетъ и на измѣненіе преступнаго намѣренія, но однако далеко не безусловно. Если, благодаря измѣненію способа дѣйствія, измѣняется самый составъ преступнаго дѣянія, то, конечно, такое измѣненіе разрушаетъ единство дѣянія,—поэтому послѣдовательно учиненное мошенничество и кража, или кража и грабежъ, не могутъ составлять одного продолжаемаго дѣянія; но измѣненіе способа дѣйствія, не вліяющее на измѣненіе юридической сущности преступнаго посягательства, не можетъ считаться обстоятельствомъ, всегда и безусловно разрушающимъ единство, уже и потому, что и въ простомъ единичномъ дѣяніи такое измѣненіе дѣятельности встрѣчается весьма нерѣдко (1). Даже болѣе, измѣненіе состава, вліяющее на измѣненіе мѣры отвѣтственности, не разрушаетъ само по себѣ единства дѣйствія. Если мы считаемъ кражу, начавшуюся днемъ и продолжавшуюся ночью, единою продолжаемою кражею, то на какомъ основаніи будемъ мы отрицать единство кражи въ дѣйствіяхъ вора, который, обобравъ двѣ комнаты, оказавшіяся незапертыми, продолжалъ похищеніе и въ третьей, проникнувъ въ нее посредствомъ взлома, или въ дѣйствіяхъ вора, положимъ солдата, который въ первые два прихода на чердакъ былъ въ амуниціи и, слѣдовательно, имѣлъ при себѣ оружіе, а направясь туда третій разъ, снялъ съ себя таковую? Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ одну кражу, опредѣляемую, въ видахъ ея наказуемости, по высшему изъ сопровождавшихъ ее обстоятельствъ (2).

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Кочкаевыхъ, 1872 г. № 1119, Правительствующій Сенатъ призналъ единичное преступленіе въ попыткѣ отравить, оказавшейся неудачною, и въ удушеніи того же лица, совершенномъ черезъ полгода послѣ перваго покушенія; Сенатъ основывался на томъ, что побудительною причиною обоихъ дѣяній было одно желаніе извести Ивана Кочкаева. См. обстоятельный разборъ этого любопытнаго дѣла въ статьѣ фонъ-Резона, стр. 36—50.

(2) Такъ, Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Коновалова ($^{75}/_{495}$), призналъ, что если дѣйствія виновнаго, составляющія продолжаемую кражу, учинены были со взломомъ и при томъ одни со взломомъ наружнымъ, другія съ внутреннимъ, то дѣяніе должно быть почитаемо кражею со взломомъ тягчайшимъ. Иначе посмотрѣлъ на этотъ вопросъ Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Коно-

На этомъ же основаніи продолжаемая кража будетъ считаться кражею на сумму свыше 300 рублей, наказуемою по 1655 ст. улож., а не по 169 ст. уст. о нак., какъ скоро общая стоимость покраденаго будетъ болѣе 300 рублей, безотносительно къ суммѣ похищеннаго въ каждый отдѣльный пріемъ (1).

Тѣмъ болѣе, конечно, не разрушаютъ единство дѣянія обстоятельства, вліяющія на отвѣтственность въ силу различія степени осуществленія воли въ дѣйствіи или характера участія виновнаго въ дѣяніи. На этомъ основаніи воръ, два раза вынесшій изъ чердака вещи, а при входѣ въ него въ третій разъ захваченный прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взять что либо, будетъ обвиняться въ одной оконченной кражѣ, а не въ совокупности оконченной кражи и покушенія на оную (2). Лицо, принимавшее участіе въ одномъ изъ дѣйствій, составляющихъ продолжаемое преступленіе, будетъ почитаться соучастникомъ всего дѣянія и т. д.

Разсматриваемое, какъ единое цѣлое во всемъ своемъ теченіи,

ненко ($^{74}/_{210}$), но тамъ онъ исходилъ изъ того положенія, что нельзя предположить, чтобы дѣйствія виновнаго опредѣлялись однимъ общимъ намѣреніемъ, такъ какъ они различны по существеннымъ признакамъ (кража и святотатство).

(1) Такъ, Правит. Сенатъ по дѣлу Скоробогатова ($^{75}/_{181}$) призналъ, что растрата суммы, хотя произведенная не одновременно и небольшими количествами, но составляющая одно и то же продолжающееся преступное дѣяніе, и, въ общей сложности, на сумму болѣе 300 р., наказывается не по 177 ст. уст. о нак., а по 1681 улож. о нак. Такое же толкованіе было дано Правительствующимъ Сенатомъ и въ рѣшеніи 1889 г. № 5, по дѣлу Попова. Нельзя не прибавить, что продолжаемая преступная дѣятельность, указывая на большую энергію преступной воли, а иногда даже на привычку къ преступной дѣятельности, можетъ всегда служить основаніемъ для усиленія наказанія въ предѣлахъ предоставленной суду власти. Соблюденіе этого начала судами, приближая съ практической стороны понятіе продолжаемаго преступленія къ совокупности, въ значительной степени содѣйствовало бы смягченію формальнаго значенія границы, отдѣляющей эти два понятія другъ отъ друга. Такую систему приняло между прочимъ новое Итальянское уложеніе.

(2) Такъ, въ рѣшеніи по дѣлу Строева ($^{70}/_{215}$), признаннаго виновнымъ въ томъ, что, придя въ квартиру Сергѣевой съ намѣреніемъ совершить кражу, онъ взялъ подсвѣчникъ и положилъ его въ карманъ, а затѣмъ сталъ брать пальто со стѣны, на чемъ и былъ захваченъ, Правит. Сенатъ высказалъ: что оба эти дѣянія выходятъ изъ одного общаго намѣренія, почему слѣдуетъ ихъ разсматривать не отдѣльно, а въ общей связи; что при этомъ важнѣйшее дѣйствіе должно поглощать собою другія менѣе важныя, а посему въ настоящемъ случаѣ Строевъ долженъ быть наказанъ, какъ за кражу оконченную.

отъ перваго акта до послѣдняго, продолжаемое преступленіе не можетъ быть погашаемо давностью во все время его продолженія; поэтому теченіе давности можетъ начаться только со времени послѣдняго дѣйствія, а не можетъ исчисляться отдѣльно для каждаго дѣйствія.

На томъ же основаніи опредѣляется процессуальное значеніе продолжаемаго дѣянія. Такимъ образомъ, къ разслѣдованію и разбору такого дѣянія компетентенъ всякій судъ, въ предѣлахъ вѣдомства коего учинено одно изъ дѣйствій, входящихъ въ составъ продолжаемаго дѣянія, причемъ это правило одинаково примѣняется, какъ въ томъ случаѣ, когда всѣ эти дѣйствія учинены въ предѣлахъ одного государства, такъ и тогда, когда, напр. дѣяніе, начатое въ Россіи, продолжалось за границею.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда во время совершенія продолжаемаго преступленія измѣнились законоположенія, опредѣляющія порядокъ его разсмотрѣнія, этотъ порядокъ опредѣляется закономъ, дѣйствовавшимъ во время учиненія послѣдняго составнаго дѣйствія и т. д.

365. Но наиболѣе искуственнымъ типомъ юридически объединеннаго дѣянія является третій типъ преступленія—привычки или ремесла (Collectivverbrechen, délits d'habitude), въ которыхъ каждое отдѣльное дѣяніе представляется обособленнымъ не только съ объективной, но и съ субъективной стороны, объединяясь единствомъ нарушенной нормы и однородностью отдѣльныхъ дѣяній. Это объединеніе есть плодъ законодательной фикціи и сохраняетъ свое значеніе только въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ (1).

---

(1) Этотъ типъ сложныхъ преступныхъ дѣяній носитъ во французской литературѣ общее наименованіе—délits d'habitude. Такъ сюда относятъ: ростовщичество, возбужденіе малолѣтнихъ къ разврату, нищенство, пристанодержательство. Въ германской литературѣ и практикѣ различаютъ въ этой группѣ нѣсколько оттѣнковъ: Gewohnheitsverbrechen при поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ, при сводничествѣ, при пользованіи плодами преступленія и т. д.; Geschäftsverbrechen—при подговорѣ къ эмиграціи, при соціальдемократической пропагандѣ; Gewerbsverbrechen—при проституціи, браконьерствѣ, азартныхъ играхъ и т. д. Ср. Wahlberg, das Gewohnheitsmässige Verbrechen въ его Gesammel Schriften, I, стр. 136—141; Dochow, zur Lehre von den Gewerbs und Gewohnheitsmässigen Verbrechen 1871; v. Lilienthal, Beiträge zur Lehre von den Collectiv

Основаніемъ такого объединенія признается или привычка къ извѣстной преступной дѣятельности, когда отдѣльныя дѣйствія являются выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же порочныхъ наклонностей, или же обращеніе преступной дѣятельности въ ремесло, (Gewerbs-Verbrechen), когда эта дѣятельность становится средствомъ существованія лица, или обращается въ постоянное занятіе (Geschäftsverbrechen), когда виновный не только не получаетъ матеріальныхъ выгодъ отъ своей преступной дѣятельности, но иногда, наоборотъ, тратитъ на нее свое собственное состояніе, какъ, напр., при политической или соціалистической пропагандѣ (1).

Привычка имѣетъ всегда въ виду прошлую дѣятельность виновнаго, а ремесло—и прошлую и будущую, или же иногда одну только будущую. Такимъ образомъ, къ дѣяніямъ, учиненнымъ по ремеслу, могутъ быть относимы или такія, въ коихъ законодатель уже по первому дѣянію, учиненному виновнымъ, даетъ право заключать, что онъ предположилъ сдѣлать изъ извѣстной преступной дѣятельности—промыселъ, таковы, напр., открытіе игорнаго дома, или же такіе, въ которыхъ понятіе ремесла выводится только изъ совокупности прежней и новой дѣятельности виновнаго—нищенство, самовольная охота, и т. п. какъ промыслы. Въ первомъ случаѣ элементъ ремесла является законнымъ признакомъ каждаго дѣянія, входящаго въ сложное преступленіе,—во второмъ признакомъ всей совокупности этихъ дѣяній (2).

---

delicten mit besonderer Berücksichtigung des gewohnheitsmässigen Verbrechens, 1879; изъ новыхъ учебниковъ это ученіе подробно изложено у Биндинга, § 120, Das eine Verbrechen eine Mehrheit von Delicten gleicher Art.

(1) Какъ замѣчаетъ Lilienthal, в. с. стр. 30, различіе Geschäftsmässigkeit и Gewerbsmässigkeit не существенно, и совершенно искусственно создано германскимъ кодексомъ.

(2) На этомъ основаніи Binding въ Handbuch, § 120, различаетъ три типа такихъ сложныхъ преступныхъ дѣяній: 1) дѣянія, запрещенныя въ виду проявленной въ нихъ привычки или ремесла, въ этихъ случаяхъ виновный наказывается съ момента учиненія перваго дѣянія, какъ скоро будетъ доказано, что онъ предполагалъ обратить эту дѣятельность въ постоянное занятіе; 2) дѣянія, подлежащія наказанію въ случаѣ неоднократнаго ихъ совершенія по привычкѣ къ преступной дѣятельности или по ремеслу; 3) дѣянія, въ коихъ наличность привычки или ремесла служитъ только основаніемъ для признанія ихъ преступной дѣятельности, относящеюся къ высшему тягчайшему виду. Ср. также Dochow, ст. 56 и сл.

*

Привычка и ремесло, какъ условія, объединяющія дѣятельность виновнаго, играютъ въ законодательствахъ двоякую роль: или они являются лишь характеристикою личности виновнаго, и въ силу того вліяютъ только на опредѣленіе судомъ мѣры отвѣтственности, а иногда на выборъ рода наказанія, или же они составляютъ условіе, входящее въ законный составъ преступленія и притомъ такое, въ силу коего отдѣльныя дѣянія, почитаемыя юридически безразличными, въ ихъ совокупности образуютъ наказуемое дѣяніе; таковы, напр., случаи упорнаго неповиновенія или развратнаго поведенія и явныхъ пороковъ, о коихъ говоритъ ст. 1592 ул., благопріятствованіе склонности малолѣтнихъ къ разврату, указанное въ ст. 993 и др.; или же такое, въ силу коего нѣсколько отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній соединяются въ одно преступленіе высшаго порядка, причемъ отвѣтственность за таковое поглощаетъ отвѣтственность за каждое изъ составныхъ дѣяній порознь; таковы, напр., въ нашемъ правѣ случаи покупки завѣдомо краденыхъ вещей въ видѣ ремесла или промысла, предусмотрѣнные въ 2-й ч. ст. 180 уст. о нак. и 931 ст. ул. (1). Преступныя дѣйствія, формирующія такое сложное преступленіе, могутъ подлежать судебному разсмотрѣнію или одновременно, такъ что сужденіе объ этомъ условіи является выводомъ изъ установленныхъ одновременно на судѣ фактовъ, или же основаніемъ для такого вывода служатъ дѣйствія, по какимъ либо причинамъ не подлежащія одновременному разсмотрѣнію суда, напр. дѣйствія, за которыя подсудимый уже судился и понесъ наказаніе, или за которыя онъ былъ освобожденъ отъ наказанія за давностью, помилованіемъ, если только наличность такихъ обстоятельствъ установлена съ юридическою достовѣрностью. Но въ подобныхъ случаяхъ, одинъ фактъ прежней судимости за однородное преступное дѣяніе, не даетъ еще самъ по себѣ права на примѣненіе

---

(1) Такъ, Правительствующій Сенатъ, по дѣлу Максимова, 1875 г. № 656, высказалъ, что преступленіе скупа краденыхъ вещей въ видѣ ремесла во всякомъ случаѣ требуетъ не единичной покупки краденыхъ вещей, а обращенія таковой покупки въ обычное занятіе, и приговаривать одного и того же подсудимаго къ наказанію и за скупъ въ видѣ ремесла и, кромѣ того, за каждую отдѣльную покупку, немыслимо, такъ какъ только изъ повторенія одного и того же дѣйствія и можетъ быть выведено понятіе о преступномъ занятіи въ видѣ ремесла.

постановленій о привычкѣ и ремеслѣ, такъ какъ прежняя судимость можетъ служить только основаніемъ для предположенія привычки или ремесла, но не удостовѣреніемъ таковыхъ. Наличность этихъ условій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она опредѣляетъ преступность или вліяетъ на измѣненіе рода наказанія, должна быть каждый разъ установлена судомъ особо (1).

При этомъ, какъ обстоятельства, имѣющія личный характеръ, привычка и ремесло могутъ имѣть вліяніе на отвѣтственность только тѣхъ лицъ, по отношенію къ коимъ они установлены, но они не имѣютъ значенія по отношенію къ прочимъ соучастникамъ, а потому тѣ преступныя дѣянія, въ коихъ самымъ основаніемъ наказуемости служитъ наличность привычки или ремесла по отношенію къ учинившему ихъ, исключаютъ возможность соучастія.

Наше дѣйствующее право не содержитъ въ общей части никакихъ постановленій по сему предмету, указывая на привычку и ремесло только при опредѣленіи отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, а проектъ внесъ такое указаніе и въ общую часть, признавая (ст. 54), что лицо, учинившее два или болѣе тождественныя или однородныя преступныя дѣянія по привычкѣ къ преступной дѣятельности или по ремеслу, должно подлежать болѣе тяжкой отвѣтственности. Такимъ образомъ, по проекту, привычка и ремесло почитаются обстоятельствомъ, усиливающимъ отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если они нашли выраженіе въ учиненіи по крайней мѣрѣ двухъ однородныхъ дѣяній, и хотя такая конструкція вызвала много возраженій со стороны нѣмецкихъ криминалистовъ (Листъ, Гуго-Мейеръ, Шютце), доказывавшихъ, что совокупность и привычка не имѣютъ ничего общаго, что учиненіе даже нѣсколькихъ преступленій не служитъ еще доказательствомъ привычки, и что, наоборотъ, можно съ научною, почти математическою, точностью узнать вора по ремеслу на основаніи одного

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Корева, 1883 г. № 20, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что лица, занимающіяся скупомъ или сбытомъ краденыхъ лошадей въ видѣ промысла, могутъ быть преслѣдуемы за сіе уголовнымъ судомъ, хотя бы и не было въ возбуждаемомъ преслѣдованіи опредѣлительно указано на какіе либо отдѣльные случаи похищенія той или другой лошади изъ числа скупленныхъ.

способа совершенія имъ кражи, педераста по привычкѣ на основаніи особенностей его тѣла, хотя бы мы имѣли предъ собою лишь единичное дѣяніе; но редакціонная коммисія, признавая и съ своей стороны, что могутъ быть случаи, когда учиненіе виновнымъ и одного преступнаго дѣянія свидѣтельствуетъ объ обращеніи имъ преступной дѣятельности въ ремесло или занятіе, вмѣстѣ съ тѣмъ нашла, что если признаки привычки или ремесла подтверждаются многократностью преступныхъ дѣйствій, то чрезъ это эти признаки получатъ большую устойчивость и опредѣленность, а потому коммисія и осталась при первоначальномъ своемъ предположеніи (1).

366. Во всѣхъ предшествующихъ примѣрахъ я разсматривалъ тѣ случаи, когда виновнымъ однократно или многократно нарушена одна и та же норма, когда въ его дѣйствіяхъ воспроизводится однородный составъ преступнаго дѣянія, теперь намъ остается разсмотрѣть вопросъ о томъ: всегда ли посягательство на нѣсколько нормъ, или, другими словами, воспроизведеніе въ данной преступной дѣятельности лица состава нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, должно быть разсматриваемо какъ юридическая совокупность таковыхъ.

И въ этомъ отношеніи необходимо отличать два случая: воспроизведеніе состава нѣсколькихъ закононарушеній въ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяніяхъ и воспроизведеніе таковыхъ въ одномъ дѣяніи.

---

(1) Гельшнеръ, Strafrecht, стр. 541, указывая также, что съ понятіемъ преступной привычки связывается не столько повтореніе одного и того же дѣйствія, сколько дѣйствованіе, проистекающее изъ одного и того же мотива, далѣе прибавляетъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о констатированіи привычнаго учиненія какого либо наказуемаго дѣйствія, прежде всего должно быть доказано повтореніе этого дѣйствія обвиняемымъ, но затѣмъ рѣшающее значеніе для вопроса имѣетъ ни повтореніе само по себѣ, ни какое либо опредѣленное число единичныхъ случаевъ, а то, что повторенное учиненіе дѣйствія явилось слѣдствіемъ упрочившейся въ индивидѣ склонности къ такому образу дѣйствій, склонности, которая сообщаетъ наказуемому дѣянію опасный характеръ въ томъ смыслѣ, что заставляетъ опасаться совершенія дальнѣйшихъ такихъ же преступленій въ будущемъ.

Что касается перваго случая, то несомнѣнно, что по общему правилу онъ составляетъ обыкновенный типъ разнородной совокупности: сколько закононарушеній,—столько и преступленій; но однако во всѣхъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ уложеніи, изъ этого положенія допускается исключеніе при такъ называемыхъ составныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, когда законъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ преступныхъ посягательствъ, находящихся въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ, въ коихъ, напр., одно является средствомъ или послѣдствіемъ другаго, образуетъ одно преступленіе. Такъ, поврежденіе чужаго имущества и взятіе таковаго, при извѣстныхъ условіяхъ образуютъ единую кражу со взломомъ; нанесеніе побоевъ и отнятіе имущества—разбой; подлогъ документа и присвоеніе имущества—обманный захватъ чужой недвижимости; лишеніе свободы и причиненіе истязаній—отягченный видъ лишенія свободы и т. д. Эти случаи крайне разнообразны, но всѣ они возникаютъ только въ силу особаго постановленія закона, въ видахъ практическихъ, и существуютъ только на столько, на сколько они признаны закономъ. Поэтому съ исключеніемъ, напр., изъ закона постановленій о такихъ сложныхъ посягательствахъ, они распадаются на свои составные элементы и къ нимъ примѣняются общія правила о реальной совокупности.

Болѣе практическаго и теоретическаго интереса представляютъ случаи втораго рода, когда одно учиненное виновнымъ дѣяніе подходитъ подъ различныя постановленія закона, не объединенныя въ одно цѣлое. Въ доктринѣ случаи этого рода обыкновенно подводятъ подъ понятіе не однородной идеальной совокупности (ungleichartiger idealer Verbrechenskonkurenz), хотя нельзя не замѣтить, что случаи, сюда относящіеся, далеко не тождественны (1).

---

(1) Ср. Habermass, die ideale Konkurenz der Delicte, 1882 г. Какъ замѣчаетъ Листъ, § 57, понятіе такъ называемой «идеальной совокупности» было чуждо общенѣмецкому праву, его не знаетъ большинство другихъ современныхъ законодательствъ—Франція, Бельгія, Венгрія, Голландія, Италія, Японія, русскій и норвежскій проекты, дѣйствующее австрійское право и проектъ 1889 г.; оно продуктъ школьной премудрости. За признаніе въ этихъ случаяхъ совокупности изъ новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ: H. Meyer, стр. 486, Binding, стр. 570

Прежде всего необходимо различить тѣ случаи, когда дѣяніе, хотя и подходитъ подъ различныя постановленія закона, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ нарушеніе одной и той же нормы (Gesetzeskonkurenz) (1), а затѣмъ тѣ, когда въ дѣяніи проявляется единовременное посягательство на нѣсколько нормъ (Normenkonkurenz).

Весьма многочисленны случаи первой группы, но ихъ ближайшее разсмотрѣніе съ несомнѣнностью, какъ мнѣ кажется, приводитъ къ тому выводу, что при этомъ условіи дѣяніе остается единымъ и къ виновному примѣняется тотъ законъ, который всецѣло объемлетъ это дѣяніе, или который назначаетъ, по различнымъ основаніямъ, за него болѣе тяжкое или особое наказаніе. Такимъ образомъ:

1. Если законъ воспрещаетъ не только оконченное дѣяніе, но и покушеніе или приготовленіе къ нему, то виновный отвѣчаетъ только за оконченное дѣяніе; предполагая, конечно, что если, напр., приготовительное дѣйствіе вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ совершенно самостоятельное нарушеніе какой либо другой нормы, какъ напр. кража ножа и убійство, то въ этихъ случаяхъ будетъ стеченіе нарушеній другаго порядка (2).

2. Если дѣятельность виновнаго подходитъ подъ различные виды участія, когда, напр., извѣстное лицо является и подстрекателемъ, и пособникомъ, то оно, конечно, отвѣчаетъ только какъ виновникъ, а не по правиламъ о совокупности (3). Въ тѣхъ

и сл., Hälschner, Berner; изъ русскихъ—Владиміровъ. За признаніе единаго преступленія Liszt, Köstlin, стр. 539 (во всѣхъ наиболѣе спорныхъ случаяхъ), Schütze, а изъ русскихъ—Сергѣевскій.

(1) H. Meyer, стр. 490, называетъ эти случаи мнимою совокупностью, признавая таковую въ тѣхъ случаяхъ, когда признаніе наличности одного преступнаго дѣянія, логически или въ силу закона, исключаетъ бытіе другаго.

(2) Таковы напр., какъ признано практикою нашего Сената, подлогъ и учиненіе посредствомъ подложныхъ документовъ мошенничества (75/460, Медвѣдева), или вообще какого либо преступленія (69/339, Матвѣева). Въ рѣшеніи по дѣлу Шомбергъ-Колонтая, 67/406, Сенатъ даже призналъ, что привозъ изъ за границы фальшивыхъ билетовъ и выпускъ оныхъ въ обращеніе подходятъ подъ понятіе совокупности, а не единаго преступленія.

(3) Германскій Reichsgericht въ рѣшеніи 20 Апрѣля 1886 г. призналъ, впрочемъ, что дѣятельность подстрекателя и пособника составляетъ идеальную совокупность

законодательствахъ, которыя, какъ наше уложеніе, признаютъ прикосновенность какъ бы особымъ видомъ соучастія, участіе въ преступленіи поглощаетъ собою дѣятельность прикосновенныхъ и устраняетъ возможность, напр., обвиненія кого либо въ учиненіи убійства и въ недонесеніи о таковомъ.

3. Если одно и тоже дѣяніе подходитъ подъ понятіе общаго закона и спеціальнаго, то примѣняется только послѣдній, какъ болѣе полно охватывающій дѣяніе. Вексель несомнѣнно есть документъ, служащій доказательствомъ правъ на имущество, такъ что его поддѣлка подходитъ подъ общее понятіе подлога въ документахъ, но тѣмъ не менѣе виновный въ таковомъ подлогѣ наказывается лишь по ст. 1160, а не по совокупности съ ст. 1692; виновный въ тайномъ похищеніи иконы изъ церкви отвѣчаетъ только за святотатство и т. д.

4. Это же начало примѣняется и въ томъ случаѣ, когда дѣяніе является квалифицированнымъ видомъ какого либо преступленія. Такъ, виновный въ отцеубійствѣ наказывается не по 1449 и 1454 или 1455, а только по 1449 ст.; виновный въ кражѣ со взломомъ изъ обитаемаго строенія на сумму менѣе 300 р., отвѣчаетъ только по 1647, а не по совокупности 1647 улож. и 169 уст. о нак. и т. д.

5. Къ тому же результату мы должны придти въ томъ случаѣ, когда посягательство на какую либо норму совмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько условій, квалифицирующихъ отвѣтственность, такъ какъ и въ этомъ случаѣ примѣняется тягчайшее изъ постановленій, а не правила о совокупности. Убійство отца изъ засады, съ цѣлью полученія наслѣдства, наказывается по 1449, а не по совокупности 1449 и 3 и 4 пп. ст. 1453; кража на сумму свыше 300 р., учиненная во время пути слугою изъ находящагося въ экипажѣ сундука его господина, посредствомъ разломанія сего сундука, причемъ похититель имѣлъ при себѣ топоръ, наказывается только по 2 п. 1649 ст., а не по совокупности 1649, 1652, 1653, 1655 и 1659¹ ст. улож. и т. д. (¹).

(¹) Liszt, стр. 245, относитъ сюда и тѣ случаи, когда извѣстное дѣяніе совмѣщаетъ въ себѣ признаки опаснаго и вредоноснаго дѣянія или простаго непослушанія и опаснаго или вредоноснаго дѣянія, но такое положеніе представляется

867. Примѣненіе во всѣхъ предшествующихъ случаяхъ начала совокупности привело бы не только къ значительнымъ затрудненіямъ процессуальнымъ, но и было бы несоотвѣтственно съ общими началами наказуемости, такъ какъ единство вины опредѣляетъ и единство наказуемости. Но измѣняется ли это условіе въ томъ случаѣ, когда единое дѣйствіе совмѣщаетъ въ себѣ не только нарушеніе нѣсколькихъ законовъ, но и нѣсколькихъ нормъ—какъ, напр., нарушеніе служебнаго долга и посягательство на личность или имущество частныхъ лицъ, нарушеніе государственной безопасности или спокойствія и посягательство на личность, причемъ дѣяніе можетъ совмѣщать въ себѣ нарушеніе не только двухъ, но и болѣе нормъ; таковъ школьный примѣръ изнасилованія замужней сестры, какъ дѣянія, совмѣщающаго въ себѣ посягательство на личность (изнасилованіе), на союзъ супружескій (прелюбодѣяніе), на союзъ семейный—(кровосмѣшеніе)?

Съ одной стороны, примѣры этого рода такъ близки къ нѣкоторымъ изъ разсмотрѣнныхъ выше случаевъ стеченія нѣсколькихъ закононарушеній, что установленіе разныхъ принциповъ для ихъ разрѣшенія было бы непослѣдовательно. Если кража домашняя не даетъ права видѣть въ ней совокупности, то есть ли достаточное основаніе признать таковую въ подлогѣ нотаріальнаго духовнаго завѣщанія, учиненнаго нотаріусомъ? Если убійство начальника, родителя будетъ единичнымъ преступленіемъ, то почему мы признаемъ наличность совокупности простаго убійства и политическаго преступленія въ посягательствѣ на жизнь Монарха и т. д.?

далеко не безспорнымъ. Конечно лицо, не исполнившее предписаній земства о предосторожностяхъ противъ скотскаго падежа, отвѣчаетъ по ст. 112 уст. о нак., а не по совокупности 29 и 112 ст., но не потому, что 112 ст. указываетъ на опасное дѣяніе, а 29 на простое неповиновеніе, а потому что ст. 112, по отношенію къ 29, составляетъ спеціальный законъ; виновный въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ около жилаго строенія, причинившемъ пожаръ таковаго, отвѣчаетъ только за этотъ пожаръ, а не по совокупности 91 и 98 ст. уст. о нак., но не потому что вредное дѣяніе поглощаетъ опасное, а въ силу прямаго указанія ст. 98. Равнымъ образомъ лицо, учинившее убійство посредствомъ взрывчатаго снаряда, отвѣчаетъ только по 1 п. ст. 1453, а не по совокупности ст. 1453 и 118 уст. о нак., но потому, что храненіе взрывчатыхъ веществъ было приготовленіемъ къ убійству. Помимо же этихъ условій наличность въ дѣяніи элементовъ опаснаго и вредоноснаго дѣянія будетъ заключать въ себѣ нарушеніе двухъ различныхъ нормъ, т. е. такъ называемую идеальную совокупность въ тѣсномъ смыслѣ.

Кромѣ того, не надо забывать, что и въ этихъ случаяхъ виновность лица остается, по существу, единою, и что въ дѣйствительности воля лица направляется на одно какое либо нарушеніе, являющееся какъ бы центромъ дѣятельности, а нарушеніе прочихъ нормъ имѣетъ характеръ дополнительный, что виновный нерѣдко и не думаетъ о томъ, что его дѣяніе заключаетъ въ себѣ посягательство на нѣсколько нормъ.

Такимъ образомъ, казалось бы наиболѣе правильнымъ разсматривать случаи этого рода какъ единое преступленіе, примѣняя къ виновному постановленіе о важнѣйшемъ по наказуемости изъ преступленій, составъ коихъ заключается въ его дѣяніи.

Подобное начало выражаетъ германскій кодексъ въ § 73, говоря, что если одно и то же дѣйствіе нарушаетъ многіе уголовные законы, то примѣняется тотъ законъ, который назначаетъ болѣе тяжкое наказаніе, а при разнородности наказаній тотъ, который назначаетъ болѣе тяжкій родъ наказанія (1). Это постановленіе повторяется въ кодексѣ венгерскомъ § 95, голландскомъ § 55, бельгійскомъ § 63, итальянскомъ § 78 и т. д. (2).

---

(1) Вопросъ о томъ, относится ли это постановленіе только къ разнородной идеальной совокупности, т. е. къ нарушенію однимъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ нормъ или и къ однородной, т. е. къ многократному нарушенію однимъ дѣйствіемъ одной и той же нормы (напр., обида однимъ словомъ нѣсколькихъ лицъ), представляется въ германской доктринѣ спорнымъ. Одни писатели признаютъ въ этихъ случаяхъ реальную совокупность (Schwarze, John); другіе, напротивъ, находятъ при подобныхъ условіяхъ наличность единаго дѣянія (Krug, Oppenhof, Liszt); третьи находятъ и здѣсь идеальную совокупность (Hälschner, Binding, Wächter, Olshausen), а Schütze полагаетъ, что въ виду непримѣнимости къ случаямъ этого рода § 74, они обсуждаются каждый разъ по ихъ индивидуальной обстановкѣ. H. Meyer, стр. 488, замѣчаетъ, что нѣтъ никакого различія между лицомъ, однимъ дѣйствіемъ нанесшимъ кому либо тѣлесное поврежденіе и обиду, и лицомъ, однимъ словомъ обидѣвшимъ нѣсколькихъ лицъ; но этотъ аргументъ служитъ новымъ основаніемъ къ устраненію изъ уголовнаго права самаго понятія идеальной совокупности. Большинство сторонниковъ третьяго направленія полагаютъ наказывать идеальную совокупность также. какъ и реальную. H. Meyer допускаетъ при идеальной совокупности уменьшенное наказаніе.

(2) § 55 голландскаго кодекса постановляетъ: если дѣяніе подходитъ подъ нѣсколько постановленій уголовнаго закона, то примѣняется одно изъ сихъ постановленій, а въ случаѣ ихъ различія, то, которое угрожаетъ болѣе тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ. Если относительно преступнаго дѣянія, подходящаго подъ общія постановленія уголовнаго закона, существуютъ спеціальныя постановленія, то примѣняются только послѣднія.

Такимъ образомъ, всѣ эти кодексы, хотя и говорятъ особо объ идеальной совокупности, но только для того, чтобы указать, что она не есть совокупность, и что въ этихъ случаяхъ примѣняются правила о наказуемости единичнаго преступленія. При томъ всѣ они говорятъ не только о случаяхъ одновременнаго посягательства на нѣсколько нормъ, но вообще о случаяхъ одновременнаго нарушенія однимъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ законовъ.

Кодексъ французскій вовсе не упоминаетъ объ идеальной совокупности, а французскіе криминалисты не признаютъ въ этихъ случаяхъ совокупности, допуская отвѣтственность виновнаго только за тягчайшее изъ преступленій, заключающихся въ его дѣяніи (1).

Въ нашемъ правѣ сводъ законовъ (ст. 134 по изд. 1842 г.) относилъ эти случаи къ совокупности, а уложеніе не содержитъ никакихъ прямыхъ постановленій по этому предмету, а изъ самаго опредѣленія совокупности (ст. 152): «когда подсудимый признанъ виновнымъ въ учиненіи *нѣсколькихъ дѣяній*», нужно скорѣе заключить, что случаи идеальной совокупности не подходятъ подъ опредѣленіе ст. 152, а должны быть разсматриваемы какъ единичное преступленіе, по тягчайшему изъ заключающихся въ немъ моментовъ; множественность же посягательствъ можетъ только вліять на мѣру отвѣтственности. Но въ особенной части мы встрѣчаемъ нѣсколько противоположныхъ постановленій, въ коихъ такіе случаи прямо подводятся подъ понятіе совокупности въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, по ст. 299 пользованіе подложнымъ документомъ для учиненія какого либо преступленія наказывается по правиламъ о совокупности (рѣш. $^{69}/_{839}$, Матвѣева); такое же начало указано и въ ст. 1596 относительно случаевъ кровосмѣшенія, соединеннаго съ изнасилованіемъ (2); въ ст. 375 относительно учиненія служебныхъ преступленій за взятку.

---

(1) Ortolan, Éléments, № 1149; Haus, Principes, № 908; Garraud, Traité, II № 170. Проектъ французскаго уложенія также вводитъ особое указаніе на то что въ случаяхъ этого рода примѣняется только постановленіе о важнѣйшемъ преступномъ дѣяніи.

(2) При этомъ, согласно прежнему тексту ст. 152, наказаніе за изнасилованіе или поглощало наказаніе за кровосмѣшеніе (въ случаяхъ, указанныхъ 2, 3 и частями ст. 1594), или могло быть назначено въ высшей мѣрѣ, въ случаѣ совокупности съ кровосмѣшеніемъ, указаннымъ въ 1593 и 1 ч. 1594 ст. По Сенат

Редакціонная коммисія по составленію проекта уголовнаго уложенія съ своей стороны нашла (объясн. зап. стр. 556) полезнымъ сохранить въ этомъ отношеніи общую систему дѣйствующаго права, т. е. разсматривать идеальную совокупность, какъ единичное преступное дѣяніе, такъ чтобы отвѣтственность въ этихъ случаяхъ опредѣлялась по наивысшему изъ заключающихся въ этомъ дѣяніи преступныхъ моментовъ, а если эта наивысшая наказуемость не можетъ быть осуществлена, то и по другимъ условіямъ. Послѣдніе случаи, по мнѣнію коммисіи, могутъ имѣть мѣсто: во 1-хъ, когда обвиненіе по наиболѣе тяжкому преступному дѣянію не можетъ быть возбуждено по формальнымъ основаніямъ и, во 2-хъ, когда обвиненіе въ наивысшемъ преступномъ дѣяніи оказалось недоказаннымъ на судѣ.

II. Обстоятельства, вліяющія на опредѣленіе мѣры отвѣтственности.

868. Общія и особенныя обстоятельства по нашему праву.

869. Характеристика обстоятельствъ, вліяющихъ на отвѣтственность.

870. Обстоятельства, вліяющія на отвѣтственность по западно-европейскимъ законодательствамъ.

871. Постановка ученія объ обстоятельствахъ, измѣняющихъ отвѣтственность по нашему праву.

въ рѣшеніи 1888 г., № 23 призналъ, что и въ этихъ случаяхъ къ наказанію всегда присоединяется тотъ спеціальный придатокъ, который установленъ за кровосмѣшеніе, т. е. заключеніе, по отбытіи наказанія, въ монастырѣ на всю жизнь, или недозволеніе перевода въ крестьяне при ссылкѣ на поселеніе. Въ практикѣ нашего Сената вообще встрѣчается стремленіе примѣнять къ случаямъ одновременнаго нарушенія однимъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ законовъ и даже къ посягательству однимъ дѣйствіемъ на интересы нѣсколькихъ лицъ—правила о совокупности. Такъ, Сенатъ призналъ наличность совокупности обидъ въ оскорбленіи однимъ словомъ нѣсколькихъ лицъ ($^{72}/_{51}$, Штрупа, $^{77}/_{89}$, Пашкина), наличность обиды и нарушенія общественной тишины въ случаяхъ драки въ публичномъ мѣстѣ ($^{69}/_{828}$, Холина, $^{71}/_{1214}$, Тащина, $^{71}/_{1837}$, Гинцбурга, $^{74}/_{90}$, Барышникова), одновременное нанесеніе обиды и самоуправство ($^{72}/_{1648}$, Болякина) и т. д., хотя нельзя не прибавить, что Сенатъ ни разу не останавливался на принципіальномъ обсужденіи этого вопроса и всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій.

872. Обстоятельства, ослабляющія отвѣтственность по дѣйствующему праву.

873. Постановленія проекта уложенія о смягчающихъ обстоятельствахъ.

874. Обстоятельства, увеличивающія отвѣтственность по дѣйствующему праву.

868. Установивъ законъ, который долженъ служить основаніемъ для выбора наказанія, судья переходитъ къ выясненію условій, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности, и къ опредѣленію размѣра этого вліянія, въ порядкѣ и по правиламъ, установляемымъ каждымъ законодательствомъ особо.

Такъ, наше законодательство требуетъ отъ судьи, прежде всего, различенія обстоятельствъ общихъ и особо уменьшающихъ или увеличивающихъ вину. Это различіе имѣетъ существенное значеніе въ процессуальномъ отношеніи, такъ напр., на основаніи 755 ст. у. у. с., объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ или уменьшающихъ степень виновности, должны быть поставлены отдѣльные частные вопросы, или о нихъ должно быть упомянуто въ главномъ вопросѣ (1), и отказъ суда въ постановкѣ такого вопроса, или включеніи таковаго указанія, если только сіе вытекало изъ обвинительнаго акта, судебнаго слѣдствія или заключительныхъ преній, можетъ служить основаніемъ для кассаціи приговора (1868, № 232, по дѣлу Ларіонова). Наоборотъ, объ обстоятельствахъ общихъ вопросы не предлагаются и постановка таковыхъ, нарушая требованіе ст. 755 у. у. с., можетъ влечь за собою кассацію приговора (1866 № 3, по дѣлу Родіонова).

---

(1) Какъ разъяснилъ Правит. Сенатъ (рѣшенія 1869 № 43, по дѣлу Баева, 1872 № 470, по дѣлу Бѣлякова и др.), сущность требованія, выраженнаго въ ст. 755 у. у. с., заключается въ томъ, чтобы вопросъ о существованіи особыхъ обстоятельствъ, при разсмотрѣніи дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей былъ разрѣшенъ ими, а не судомъ; а затѣмъ не представляется существеннымъ, былъ ли предложенъ присяжнымъ вопросъ объ этихъ обстоятельствахъ отдѣльно отъ главнаго вопроса или же указаніе на нихъ было включено въ главный вопросъ, такъ какъ присяжные въ послѣднемъ случаѣ, отвергая наличность такого обстоятельства, могутъ, согласно 812 ст. у. у. с., оговорить это въ своемъ отвѣтѣ на главный вопросъ.

Но вводя такое различіе, ни уложеніе, ни уставъ уголовнаго судопроизводства не даютъ точнаго опредѣленія этихъ понятій. Хотя, правда, въ ст. 755 устава угол. судопр. указывается, что особыя обстоятельства суть тѣ, которыя измѣняютъ степень виновности, а общія тѣ, которыя вліяютъ на опредѣленіе мѣры наказанія, въ предѣлахъ одной и той же степени; но это указаніе, если понимать его буквально, очевидно не правильно, такъ какъ оно не согласовано, ни съ 774 и 828 ст. у. у. с., ни съ ст. 135 улож. о нак., ибо наше право вовсе не знаетъ такихъ обстоятельствъ, которыя вліяли бы *только* въ предѣлахъ одной и той же степени. Равнымъ образомъ, нельзя признавать общими обстоятельствами всѣ тѣ, которыя исчислены въ ст. 129 и 134; нельзя уже потому, что, при разсмотрѣніи постановленій объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, мы нерѣдко видимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ являются условіями, особо измѣняющими степень виновности; такое значеніе имѣетъ, напр., указанная въ п. 7 ст. 134 крайность при кражѣ (ст. 1663 ул. и 171 уст. о нак.), упомянутое въ п. 4 ст. 134 легкомысліе при растратѣ (2 ч. ст. 177 уст. о нак. и 2 ч. ст. 1681 ул. и т. п.). Съ другой стороны, въ той же особенной части, при изложеніи состава отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, мы найдемъ нерѣдко указанія на такія условія, которыя степень виновности вовсе не измѣняютъ, а могутъ вліять лишь на выборъ мѣры, такъ, напр., ст. 1477 уложенія говоритъ: «тотъ за сіе, смотря по большей или меньшей обдуманности умысла, по степени жестокости при совершеніи преступленія, по средствамъ, для того употребленнымъ, особливо если ударъ, причинившій увѣчье, нанесенъ измѣнническимъ образомъ, а равно и по мѣрѣ опасности жизни и страданій подвергшагося тому увѣчью или поврежденію, наконецъ и по важности послѣдствій онаго для его существованія и средствъ пропитанія въ будущемъ, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла, приговаривается . . .»; очевидно, что обстоятельства, указанныя въ этомъ перечнѣ, не могутъ быть признаваемы всегда и безусловно особо увеличивающими вину (1); въ этомъ отношеніи представляетъ значительныя колебанія и

(1) Эти затрудненія увеличиваются еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ уложенія выраженіе «особыя обстоятельства» употребляется въ значеніи общихъ обстоятельствъ. Такъ, 4 п. ст. 104 улож. говоритъ, что мѣра наказанія опредѣляется

практика Правительствующаго Сената. Еще въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ рѣшеній (1866 г. № 3, по дѣлу Родіонова), Сенатъ далъ иное объясненіе этому различію (1). Въ законахъ нашихъ, указывалъ Сенатъ, обстоятельства, измѣняющія вину имѣютъ двоякій характеръ: одни изъ нихъ относятся болѣе или менѣе ко всѣмъ родамъ преступленій, но не опредѣляютъ свойства каждаго преступленія въ особенности, т. е. не входятъ въ составъ его законныхъ признаковъ, другіе же измѣняютъ свойство и составъ сего преступленія, а потому и носятъ названіе особенныхъ: но при этомъ Сенатъ вовсе не вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса объ отличіи этихъ особыхъ обстоятельствъ отъ существенныхъ признаковъ состава отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, которые обязательно должны быть указаны въ главномъ вопросѣ; въ этомъ отношеніи практика Сената представляетъ постоянныя колебанія и существенныя противорѣчія (2).

Казалось бы, особыми обстоятельствами можно признавать всѣ тѣ, которыя выдѣляютъ видовыя понятія преступленій изъ родовыхъ, или же отдѣляютъ одинъ видъ отъ другаго; установленіе этихъ условій всецѣло принадлежитъ законодателю, а судья можетъ только признавать наличность или отсутствіе этихъ условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ можетъ быть, конечно, сдѣлано только при обзорѣ состава отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, но въ видѣ примѣра можно указать, напр., что признаки тайнаго похищенія чужаго

по особеннымъ, сопровождавшимъ преступленіе обстоятельствамъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ вину; равнымъ образомъ и въ ст. 828 у. у. с. законъ упоминаетъ объ *особыхъ* обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, хотя несомнѣнно, по смыслу этихъ постановленій, что законъ имѣетъ въ виду не особыя, а общія обстоятельства, какъ это признано и Правител. Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 218, по дѣлу Медвѣдева и 1869 г. № 557, по дѣлу Миронова.

(1) Практика Сената по этому вопросу приведена въ моемъ изданіи уложенія подъ ст. 135, тез. 9 и сл., а также у С. Щегловитова въ изданіи судебныхъ уставовъ, подъ ст. 755 у. уг. суд. Ср. фонъ-Резонъ, объ обстоятельствахъ особо увеличивающихъ или уменьшающихъ степень виновности, въ журн. гражд. и угол. права 1876 № 2.

(2) Много примѣровъ изъ разнообразной практики Сената разобраны у фонъ-Резона, въ его статьѣ. Самъ онъ приходитъ почти къ такому же опредѣленію особыхъ обстоятельствъ, какое указано въ текстѣ.

вижимаго имущества составляютъ существенные признаки ражи, которые обязательно должны заключаться въ главномъ опросѣ; взломъ же, вооруженіе похитителя, учиненіе кражи въ ути, ночью и т. д. являются особыми обстоятельствами, кото-ыя, конечно, могутъ быть включены въ главный вопросъ, но огутъ быть и выдѣлены изъ него въ особый вопросъ, при этомъ, онятно, что утвердительный отвѣтъ на главный вопросъ, съ отри-аніемъ какого либо существеннаго родоваго признака преступле-ія, будетъ заключать въ себѣ прямое противорѣчіе, но отрицаніе ключенныхъ въ вопросъ обстоятельствъ, особо увеличивающихъ ли уменьшающихъ вину, при утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ виновности, представляется вполнѣ возможнымъ.

869. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію общихъ обстоя-ельствъ, могущихъ вліять на болѣе или менѣе значительное воз-ышеніе или пониженіе отвѣтственности въ каждомъ отдѣльномъ лучаѣ (1).

Эти условія судья долженъ искать прежде всего въ обстоятель-твахъ судимаго имъ дѣянія, въ его объективной и субъектив-ой обстановкѣ. Со стороны объективной первое мѣсто занимаетъ редъ, причиняемый преступнымъ дѣяніемъ, какъ частному лицу, акъ въ особенности обществу. На этомъ основаніи вліяетъ, какъ ы видѣли, на степень отвѣтственности степень осуществленія реступной воли и степень участія виновнаго; обстановка пре-тупленія, опредѣляющая размѣръ нравственнаго потрясенія, вы-ываемаго преступнымъ событіемъ, или степень опасности виов-аго по отношенію къ будущему. Съ этой точки зрѣнія значеніе реступленія можетъ нерѣдко зависѣть отъ мѣста и времени его чиненія; такъ, поврежденіе водоросительныхъ сооруженій на Кав-азѣ или въ Крыму будетъ имѣть иное значеніе, чѣмъ въ другихъ астяхъ Россіи; по этимъ же соображеніямъ опредѣляется значе-іе у насъ конокрадства, поджоговъ и т. д. Наконецъ, обусловли-аетъ отвѣтственность объемъ вреда, и въ особенности въ тѣхъ слу-аяхъ, когда, напр., вредъ индивидуальный становится обществен-ымъ бѣдствіемъ, или обратно, когда вредъ, причиненный дѣя-

(1) Ср. И. Фойницкій, ученіе о наказаніи, стр. 93 и сл.

ніемъ, оказывается совершенно заглаженнымъ отобраніемъ похищенныхъ вещей, возмѣщеніемъ убытковъ и т. д.

Еще болѣе значенія имѣетъ субъективная обстановка преступной дѣятельности. Такова большая или меньшая обдуманность и зрѣлость преступнаго умысла, упорство и энергія въ преодоленіи встрѣтившихся препятствій, или, наоборотъ, полная опрометчивость, слѣпое подчиненіе увлеченію или страсти, сильному душевному потрясенію и, наконецъ, свойство побужденій или мотивовъ, руководившихъ преступникомъ, получающее все бо́льшее и бо́льшее значеніе въ новыхъ кодексахъ (ср. выше № 507) и нерѣдко не только измѣняющее мѣру отвѣтственности, но и опредѣляющее выборъ рода наказанія, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель даетъ суду право выбора между наказаніями, поражающими права и не имѣющими позорящаго значенія.

Изслѣдованіемъ обстановки преступленія не исчерпывается обязанность судьи. Теорія цѣлесообразности карательной дѣятельности государства (см. выше № 774) придаетъ, при опредѣленіи мѣры наказанія, существенное значеніе и личности виновнаго, отношенію всей его дѣятельности, его образа жизни, его прошлаго къ учиненному имъ дѣянію. Такое значеніе въ особенности имѣетъ различіе преступниковъ случайныхъ, впавшихъ въ преступленіе подъ вліяніемъ преходящихъ условій, и преступниковъ привычки, составляющихъ какъ бы особой классъ въ государствѣ, особое общество съ своими нравами, обычаями, повѣрьями, съ своимъ языкомъ, письмомъ и своими международными связями, классъ, изъ котораго рекрутируются преступники всякихъ оттѣнковъ. Очевидно, что государство и общество не могутъ одинаково относиться къ преступникамъ обѣихъ категорій; нельзя забывать, что какъ въ механической дѣятельности человѣка постоянное упражненіе содѣйствуетъ ловкости и легкости исполненія, такъ и въ сферѣ нравственной, учащенное учиненіе преступныхъ дѣяній не только содѣйствуетъ ловкости и легкости, или, какъ говоритъ Листъ, виртуозности ихъ выполненія, но оно какъ бы перерождаетъ человѣка, обращаетъ преступную дѣятельность въ его вторую природу, вызывая нерѣдко вмѣстѣ съ нравственнымъ измѣненіемъ личности и ея физическое вырожденіе. Очевидно, что судья, опредѣляя соціальное значеніе преступленія и мѣру соотвѣтствен-

наго наказанія, не можетъ не принять въ разсчетъ и этихъ свойствъ дѣянія (1).

870. Установленіе всѣхъ этихъ условій, вліяющихъ на отвѣтственность, и опредѣленіе самой мѣры ихъ вліянія, или можетъ быть вполнѣ предоставлено усмотрѣнію судьи, или же, наоборотъ, законодатель даетъ и въ этомъ отношеніи извѣстныя болѣе или менѣе опредѣлительныя указанія, создавая ученіе о такъ называемыхъ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ выборъ наказанія (2).

Ученіе это возникло въ доктринѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія, во время борьбы съ безграничною властью судей, когда повсюда раздавалось требованіе замѣнить судейское усмотрѣніе «гласомъ непреложнымъ законовъ постоянныхъ». Если судья долженъ быть буквальнымъ исполнителемъ уголовнаго закона, долженъ примѣнять, «не мудрствуя лукаво», наказаніе, установленное законодателемъ, то нельзя предоставить его безконтрольному усмотрѣнію выборъ мѣры отвѣтственности, даже и въ предѣлахъ законной санкціи, а тѣмъ болѣе дать ему право, въ виду какихъ либо обстоятельствъ отдѣльнаго случая, переходить за законные предѣлы. Поэтому доктрина, съ знаменитымъ Фейербахомъ во главѣ, занялась построеніемъ цѣлой системы, долженствовавшей точно регулировать всѣ дѣйствія судьи при осуществленіи его права опредѣленія наказанія; начала, выработанныя этою школою, нашли свое примѣненіе и въ законодательствахъ, особенно нѣмецкихъ.

Предполагалось, что законодатель предусмотритъ всѣ обстоятельства, встрѣчающіяся въ жизни и могущія вліять на возвыше-

---

(1) Вальбергъ предлагаетъ даже для преступниковъ привычки создать особую вѣстницу наказаній; разборъ его воззрѣнія у Lilienthal'я. Впрочемъ, въ доктринѣ уголовнаго права встрѣчалась попытка видѣть въ силѣ привычки обстоятельство, ослабляющее виновность или даже устраняющее вмѣняемость; ср., напр., Kleinschrod, systematische Entwicklung der Grundbegriffe und Grundwahrheiten des peinlichen Rechts, B. I, §§ 174 и сл.; но это воззрѣніе не имѣло практическаго значенія. Привычный преступникъ, по общему правилу, не утрачиваетъ способности руководить собою и своими дѣйствіями, а требуетъ только болѣе энергическихъ мѣръ репрессіи.

(2) Lippmann, die Lehre von der richterlichen Strafänderungsbefugniss, 1863 г.; у него подробный историческій очеркъ этого ученія; Merkel, über Strafausmessung und Strafänderung въ alg. deut. Str. Zeit. за 1864 и 1865 г.г.; Wahlberg, das Prinzip der Individualisirung, 1869 г.

*

ніе или пониженіе нормальнаго наказанія; предполагалось даж возможнымъ приблизительно оцѣнить значеніе этихъ обстоя тельствъ, т. е. опредѣлить въ законѣ, насколько наличность тог или другаго изъ нихъ можетъ измѣнять законную мѣру отвѣт ственности. Судья такимъ образомъ былъ стѣсненъ въ двоякомъ отношеніи: онъ могъ уменьшать или увеличивать наказані только при наличности одного изъ обстоятельствъ, указанныхъ в законѣ; онъ могъ произвести это измѣненіе также только въ раз мѣрахъ, установленныхъ закономъ.

Самыя обстоятельства при этомъ раздѣлялись на двѣ группы къ первой относились тѣ, которыя давали право измѣнять отвѣт ственность въ предѣлахъ законной санкціи (Strafzumessungsgründe: Strafmilderungs und Strafmehrungsgründe), ко второй— такія, наличность которыхъ давала право переступать законны предѣлы (Strafänderungsgründe: Strafminderungs und Strafschärfungsgründe) (1).

Но какъ ни была психологически остроумна и повидимому всеобъемлюща эта попытка, благодаря таланту ея главнаго представителя — Фейербаха, она оказалась несоотвѣтственно житейскимъ требованіямъ. Можно было еще установить въ законѣ размѣръ правъ судьи при измѣненіи нормальнаго наказанія, но несравненно труднѣе было дать исчерпывающій перечень всѣхъ разнообразныхъ условій, которыя могутъ оттѣнять виновность, и совершенно невыполнимо было стремленіе a priori оцѣнить относительное значеніе этихъ условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ видѣ реакціи противъ этого направленія, явилась французская система обстоятельствъ смягчающихъ вину, перешедшая, с немногими измѣненіями, несмотря на сильныя возраженія противъ нея, почти во всѣ европейскіе кодексы (2).

Во Франціи до-революціонной, въ эпоху ордонанса 1670 г. какъ и въ Германіи, судьямъ принадлежало почти безгранично

---

(1) Изъ новыхъ учебниковъ наиболѣе подробно разсмотрѣно ученіе об обстоятельствахъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности, у Köstlin, System стр. 587.

(2) Голландскій кодексъ не знаетъ смягчающихъ обстоятельствъ, но въ нем за то, за отсутствіемъ законнаго минимума отдѣльныхъ наказаній, предоставлен полный просторъ суду въ уменьшеніи отвѣтственности.

раво, относительно какъ повышенія, такъ и пониженія наказанія. Въ силу стремленія противодѣйствовать этому произволу и оградить личность, революціонный кодексъ 1791 г. по отношенію къ тяжкимъ преступленіямъ, подлежавшимъ вѣдѣнію присяжныхъ, установилъ безусловно опредѣленную санкцію, такъ что судъ долженъ былъ примѣнять къ фактамъ, установленнымъ присяжными, наказаніе, назначенное въ законѣ безъ всякихъ измѣненій. Но code pénal не удержалъ этой системы и въ большинствѣ своихъ постановленій принялъ санкцію относительно опредѣленную, причемъ относительно обстоятельствъ, усиливающихъ вину, кодексъ не содержалъ никакихъ особыхъ указаній, воспрещая только переходъ за высшій законный предѣлъ наказанія, кромѣ двухъ случаевъ—повторенія и учиненія преступнаго дѣянія должностными лицами. По отношенію же къ обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину, законъ указывалъ на такъ называемыя excuses légales, т. е. на обстоятельства, опредѣленно исчисленныя въ законѣ и вліяющія или на измѣненіе рода нормальнаго наказанія, или даже на совершенное освобожденіе подсудимаго отъ отвѣтственности (1). Сообразно сему, эти обстоятельства распадались на устраняющія отвѣтственность (excuses absolutoires или péremptoires (2) и уменьшающія отвѣтственность (excuses atténuantes). Кромѣ того, по своему объему, excuses légales раздѣлялись на общія, относящіяся къ цѣлому ряду преступныхъ дѣяній, какъ, напр., малолѣтство (excuse d'âge) и вызовъ къ учиненію преступленія со стороны пострадавшаго (excuse de provocation) (3), и спеціальныя,

(1) De Sarrau de Bognet, des excuses légales en droit pénal, 1875; M. Lassere, étude sur les cas de nonculpabilité et les excuses en matière pénale, 1877; Duverger, des causes d'atténuation des peines, 1883; Garraud, Traité, II, № 128 и сл.; Dalloz, art. 65; Ortolan, I, № 1092 и сл.

(2) Эти обстоятельства отличаются съ одной стороны отъ обстоятельствъ, устраняющихъ преступность (faits justificatifs) и отъ причинъ невмѣняемости (causes de nonculpabilité). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при наличности такихъ обстоятельствъ, судья, освобождая отъ наказанія, можетъ воспретить виновному жительство въ опредѣленныхъ мѣстахъ (l'interdiction de séjour). Относительно excuses légales, по ст. 339 франц. у. у. с., судъ обязанъ поставить отдѣльный вопросъ присяжнымъ—à peine de nullité.

(3) Къ provocation законъ относитъ 4 случая: удары и тяжкое насиліе надъ личностью, насильственное любострастіе, захватъ въ прелюбодѣяніи, вторженіе чемъ въ жилище посредствомъ взлома или взлѣза; ср. art. 321 и 326 code и art. 3 зак. 29 J. 1881.

относящіяся только къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ преступленіямъ, какъ, напр., близкое отношеніе преступника къ лицамъ, въ пользу коихъ совершено преступное дѣяніе, вознагражденіе причиненнаго вреда, услуги, оказанныя виновнымъ правосудію или обществу, напр., открытіе соучастниковъ и т. д. (1). Кромѣ того, по ст. 463 code pénal допускалось пониженіе законнаго наказанія, если оказывались обстоятельства, смягчающія виновность; но послѣднее право было предоставлено судьямъ только относительно délits, подлежавшихъ вѣдѣнію судовъ исправительной полиціи, и при томъ въ томъ лишь случаѣ, если вредъ, причиненный дѣяніемъ, не превышалъ 25 франковъ (2).

Такимъ образомъ, уже въ code pénal была въ зародышѣ система смягчающихъ обстоятельствъ (système des circonstances atténnuantes), получившая развитіе въ законахъ 1824 и 1832 гг. (3). Законъ 1824 г. распространилъ вліяніе смягчающихъ обстоятельствъ на всѣ преступленія, но предоставилъ право признанія ихъ по всѣмъ дѣламъ только короннымъ судьямъ, а законъ 1832 г., по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ засѣдателей, перенесъ это право на нихъ. Признаніе смягчающихъ обстоятельствъ не измѣняетъ юридической сущности дѣянія (4), но обязываетъ судъ при опредѣленіи отвѣтственности уменьшать

---

(1) Art. 247, 248, 357, 380 и др. Ср. указанія на примѣры этого рода у Garraud, Traité, № 141; Ortolan, Eléments, № 1653.

(2) Ср. Collard, du système des circonstances atténuantes, 1847; Bertin, des circonstances atténuantes; другія литературныя указанія у Garraud, Traité, II, 145 пр. 1.

(3) Законъ 13 Мая 1863 г. нѣсколько ограничилъ власть суда при уменьшеніи наказанія за проступки, но эти ограниченія отмѣнены закономъ 27 Ноябр 1870 г., такъ что нынѣ дѣйствуетъ всецѣло законъ 1832 г. Поводомъ этого закона, какъ видно изъ подготовительныхъ работъ, было желаніе смягчить суровость кодекса. Какъ замѣчаетъ Garraud, Traité, II, № 147, законодатель вмѣсто равномѣрнаго общаго исправленія закона допустилъ неправильное и неравномѣрное частное исправленіе его присяжными. Присяжные засѣдатели обратились в законодателей и вся система обстоятельствъ, уменьшающихъ отвѣтственность извратилась.

(4) Поэтому, по разъясненіямъ французскаго кассаціоннаго суда, признані наличности смягчающихъ обстоятельствъ не можетъ вліять на исчисленіе сро ковъ давности.

аконное наказаніе на одну, или даже на двѣ степени, но съ нѣкоторыми ограниченіями (1).

Подобная же система усвоена бельгійскимъ уложеніемъ 1867 г., но съ тѣмъ только отличіемъ, что признаніе наличности смягчающихъ обстоятельствъ предоставлено короннымъ судьямъ, которые въ приговорѣ должны указывать основанія допущеннаго ими снисхожденія. Если наличность такихъ обстоятельствъ, измѣняющихъ, въ случаѣ смягченія наказанія, даже подсудность дѣянія, будетъ усмотрѣна камерою, предающею суду, то она можетъ направить дѣло прямо въ низшій судъ, который въ этомъ отношеніи обязанъ подчиниться опредѣленію обвинительной камеры (2).

Нѣсколько съ инымъ характеромъ былъ принятъ этотъ институтъ въ германское уложеніе, куда онъ перешелъ изъ прусскаго кодекса, не смотря на сильную оппозицію, оказанную ему въ нѣмецкой литературѣ. Кодексъ допускаетъ признаніе наличности смягчающихъ обстоятельствъ только при нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяніяхъ, особо указанныхъ въ законѣ; причемъ при преступленіяхъ право признанія таковыхъ обстоятельствъ принадлежитъ присяжнымъ, коимъ предлагается, по § 297 уст. уг. суд., о семъ особый вопросъ, а при проступкахъ—признаніе такихъ обстоятельствъ и уменьшеніе вслѣдствіе сего наказанія вполнѣ предоставлено усмотрѣнію коронныхъ судей.

871. Въ нашемъ правѣ постановленія объ обстоятельствахъ, измѣняющихъ отвѣтственность, были впервые систематизированы въ проектѣ 1813 г., а затѣмъ, по этому образцу были сгруппированы эти обстоятельства и въ сводѣ законовъ, въ главѣ четвертой

---

(1) Ср. Подробное изложеніе этой системы и опредѣленіе предѣловъ смягченія у Garraud, Traité, II, № 155, 157; Ortolan, II, № 1659 и сл. По проекту новаго французскаго уложенія (art. 62) размѣръ уменьшенія поставленъ въ зависимость отъ рода назначаемаго наказанія.

(2) Ср. Haus, principes, II, № 792 и сл.

(3) Morris, Geschichte und System der mildernden Umstände im deutschen Strafrecht und Process, 1887 г. Къ числу противниковъ этого института, какъ имѣющаго французское происхожденіе, относятся—Гейбъ, Кестлинъ, Шютце, Бехтеръ, Іонъ, Гельшнеръ, Гейеръ. Въ защиту этой системы—Berner, § 141, M. Meyer, Liszt.

(ст. 117—143 въ изд. 1842 г.). По той же системѣ были изложены постановленія объ опредѣленіи наказанія судьею и въ уложеніи 1845 г. Въ основу этихъ постановленій свода и уложенія была положена нѣмецкая система Фейербаха, т. е. въ нихъ были не только подробно исчислены обстоятельства, при наличности коихъ судъ могъ измѣнять опредѣленную въ законѣ отвѣтственность, но и былъ точно установленъ размѣръ вліянія каждаго изъ этихъ обстоятельствъ.

Существенную перемѣну въ этомъ отношеніи сдѣлали уставы 1864 г., введя въ наше право французскую систему обстоятельствъ уменьшающихъ вину. Въ журналѣ Государственнаго Совѣта 1862 г. № 65 по этому поводу было объяснено: законодательство наше, при изданіи уложенія о наказаніяхъ, не могло не принять во вниманіе неудовлетворительности личнаго состава нашихъ судебныхъ мѣстъ, и вслѣдствіе того старалось ограничить судей въ назначеніи наказанія. Съ этою цѣлью опредѣлены до мельчайшихъ подробностей обстоятельства, могущія увеличить или уменьшить вину и наказаніе. Никакой законъ не можетъ ни предусмотрѣть всѣхъ обстоятельствъ, которыя необходимо принять въ соображеніе при опредѣленіи подсудимому мѣры наказанія, ни опредѣлить значенія каждаго изъ сихъ обстоятельствъ, между тѣмъ чрезмѣрное стѣсненіе судей въ опредѣленіи наказанія имѣетъ весьма вредныя для правосудія послѣдствія. Судьи, не будучи вправѣ смягчить наказаніе подсудимому, заслуживающему, по ихъ мнѣнію, снисхожденія, рѣшаются скорѣе признать его неизобличеннымъ, чѣмъ приговорить къ наказанію чрезмѣрно строгому. Посему общественный порядокъ гораздо лучше поддерживается неизбѣжностью умѣренныхъ наказаній за преступленія, чѣмъ строгостью каръ, рѣдко примѣняемыхъ. На этихъ соображеніяхъ и были построены ст. 774 и 828 у. у. с., предоставляющія суду и присяжнымъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія по ихъ внутреннему убѣжденію.

Такимъ образомъ, съ 1864 года въ нашемъ правѣ оказались двѣ системы, опредѣляющія порядокъ назначенія наказанія, системы, различныя не только въ подробностяхъ, но и въ самомъ ихъ существѣ, а потому при изданіи уложенія въ 1866 г. пришлось исполнить трудную задачу: соединить въ одну эти несоединимы

системы. Понятно, что постановленія дѣйствующаго права по сему предмету представляются крайне запутанными и непослѣдовательными и вызываютъ полное осужденіе, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны.

При опредѣленіи правъ судьи при выборѣ наказанія по дѣйствующему праву необходимо прежде всего отдѣлить два случая: 1) выборъ наказанія въ предѣлахъ законной санкціи, и 2) переступленіе судьею предѣловъ этой санкціи; хотя нельзя не прибавить, что даже и это коренное различіе принятой въ уложеніи 1845 г. нѣмецкой системы проводится въ законѣ далеко не послѣдовательно.

Въ первомъ отношеніи, согласно точному смыслу 147—149 ст. улож., выборъ соотвѣтственной мѣры наказанія въ предѣлахъ, назначенныхъ закономъ за данное дѣяніе, вполнѣ предоставленъ усмотрѣнію судей, и притомъ, даже по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей,—судьямъ коронным. Законъ довольствуется въ этомъ отношеніи только общими указаніями, что судъ при выборѣ мѣры руководствуется важностью вины и сопровождавшими содѣянное обстоятельствами, а по ст. 149 улож. и состояніемъ подсудимаго (1).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ, какъ установлено нашею практикою, осуществляя это свое право, обязанъ указать въ своемъ приговорѣ тѣ основанія, по коимъ онъ сдѣлалъ выборъ (2), такъ какъ судъ,

---

(1) Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Лаврова, 1870 г. № 295, основываясь на различіи выраженій ст. 148 и 149, нашелъ возможнымъ, по отношенію къ объему правъ суда, различить два случая: 1) когда въ законѣ назначенъ только родъ наказанія и 2) когда назначено нѣсколько замѣняющихъ наказаній. Только въ первомъ случаѣ, по мнѣнію Сената, судъ можетъ при выборѣ наказанія принимать во вниманіе и состояніе подсудимаго, т. е. личныя его свойства, проявившіяся въ преступленіи. Но такое толкованіе безусловно не соотвѣтствуетъ ни буквѣ, ни смыслу закона: подъ состояніемъ виновнаго законъ понимаетъ принадлежность виновнаго къ извѣстному состоянію, а этимъ обстоятельствомъ судъ долженъ руководствоваться именно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ назначены замѣняющія другъ друга наказанія—заключеніе въ арестантскія отдѣленія или въ бывшій рабочій домъ и ссылка на житье.

(2) Рѣшенія: 1868 г., № 859, по дѣлу Григорьева; 1869 г. № 789, по дѣлу Лауданскаго. Этимъ требованіемъ объясняется то обстоятельство, что Сенатъ иногда входилъ въ обсужденіе основаній, приведенныхъ въ приговорѣ суда. Такъ, напр., въ рѣшеніи по дѣлу Лауданскаго, Сенатъ указалъ, что одно только

хотя и свободенъ въ выборѣ основаній опредѣленія размѣра отвѣтственности въ предѣлахъ законной мѣры, но тѣмъ не менѣе этотъ его выборъ не можетъ зависѣть только отъ его произвола. Судья долженъ помнить, что основою отвѣтственности служитъ судимое дѣяніе съ выразившимся въ немъ свойствомъ личности, и что при относительно опредѣленной санкціи нормальнымъ наказаніемъ всегда предполагается средняя мѣра наказанія, назначеннаго въ законѣ. «Выборъ мѣры наказанія, говорится по этому поводу въ объяснительной запискѣ къ проекту новаго нашего уложенія, вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда, т. е. отъ соображенія условій или обстоятельствъ, сопровождавшихъ дѣяніе. Въ простѣйшей своей формѣ этотъ выборъ долженъ основываться на такой схемѣ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣяніе представляетъ обыкновенный, какъ бы нормальный типъ этого преступленія, или гдѣ, хотя и существуютъ обстоятельства, отягчающія или ослабляющія виновность, но въ равномѣрности, взаимно покрывая другъ друга, тамъ должна быть примѣняема и средняя мѣра назначаемаго въ законѣ наказанія; наличность или перевѣсъ обстоятельствъ, отягчающихъ вину, будетъ приближать наказаніе къ назначенному за данное дѣяніе его высшему предѣлу; наличность же или перевѣсъ обстоятельствъ ослабляющихъ—къ его низшему предѣлу» (1).

872. Переходя къ условіямъ, дающимъ право суду на измѣненіе наказанія сверхъ предѣловъ, установленныхъ въ законѣ за данное дѣяніе, мы должны отдѣлить обстоятельства, вліяющія на ослабленіе вины, отъ обстоятельствъ отягчающихъ отвѣтственность, а затѣмъ въ первой группѣ различать обстоятельства,

---

непризнаніе присяжными подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, не можетъ служить основаніемъ для назначенія ему высшей мѣры наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ однако призналъ (рѣшенія 1869 г. № 469, по дѣлу Ремизова; 1870 г. № 1611, по дѣлу Запѣвалова; 1875 г. № 529, по дѣлу Яковлева и др.), что неуказаніе судомъ въ приговорѣ основаній выбора наказанія, хотя и не соотвѣтствуетъ требованію ст. 149, но не составляетъ такого существеннаго нарушенія, которое могло бы влечь отмѣну приговора, если только судъ не вышелъ при этомъ за предѣлы предоставленныхъ ему правъ.

(1) Мнѣніе о томъ, что нормальнымъ наказаніемъ всегда должна считаться наименьшая мѣра назначеннаго въ законѣ наказанія, ни на чемъ не основано и можетъ повести только къ сильному ослабленію репрессіи.

уменьшающія вину и наказаніе, и обстоятельства, смягчающія наказаніе ([1]).

Обстоятельства уменьшающія вину исчислены въ ст. 134 улож., которая относитъ сюда: 1) мотивы и побужденія, вызвавшіе преступную дѣятельность, а именно: а) глупость, легкомысліе, слабоуміе и крайнее невѣжество, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія виновнаго въ преступленіе; б) сильное раздраженіе, вызванное обидами или другими поступками потерпѣвшаго; в) вовлеченіе въ преступленіе убѣжденіями, приказаніями или дурнымъ примѣромъ людей, имѣвшихъ надъ нимъ по природѣ или по закону высшую сильную власть, и г) крайность и совершенное неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ; 2) раскаяніе или сожалѣніе къ жертвѣ, проявленное виновнымъ во время учиненія преступленія, когда онъ не довершилъ всего преднамѣреннаго, а особливо, если удержалъ отъ того своихъ соучастниковъ, и 3) поведеніе преступника послѣ учиненія преступленія, свидѣтельствующее объ его неполной испорченности, а именно: а) отвращеніе, по содѣяніи преступленія, вредныхъ отъ онаго послѣдствій и вознагражденіе причиненнаго зла; б) добровольное и чистосердечное признаніе въ преступленіи и раскаяніе въ немъ, буде оно послѣдовало прежде, чѣмъ пало на виновнаго подозрѣніе или на одномъ изъ первыхъ допросовъ, и в) благовременное и откровенное раскрытіе соучастниковъ. Причемъ этотъ перечень, хотя и выраженный въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, представляется однако, съ одной стороны, весьма неполнымъ, а съ другой, не согласованнымъ съ другими постановленіями уложенія, какъ, напр., съ постановленіями о наказуемости соучастниковъ, о добровольно оставленномъ покушеніи и т. д.

Уставъ о наказаніяхъ также дѣлаетъ указаніе обстоятельствъ уменьшающихъ вину (ст. 13), но въ болѣе упрощенномъ видѣ, относя сюда: 1) мотивы и побужденія: слабоуміе, крайнее невѣжество, сильное раздраженіе, происшедшее не отъ вины самого

([1]) Отдѣльно отъ этихъ обстоятельствъ законъ ставитъ нѣкоторыя особыя условія смягченія, разсмотрѣнныя мною ранѣе, какъ юность и несовершеннолѣтіе подсудимаго, степень осуществленія преступнаго намѣренія, родъ и степень участія и т. д.

подсудимаго, крайность и неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ; 2) прежнее безукоризненное поведеніе; 3) добровольное, до постановленія приговора, вознагражденіе понесшаго вредъ и убытки, и 4) признаніе и чистосердечное раскаяніе.

Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ не содержится перечня обстоятельствъ, уменьшающихъ вину; но статья 79 признаетъ таковымъ при нарушеніяхъ обязанностей военной службы кратковременное нахожденіе на оной, не болѣе года; въ этихъ случаяхъ наказаніе можетъ быть уменьшено въ мѣрѣ и даже одною степенью; но это правило теряетъ силу, если такія лица дѣйствовали въ соучастіи съ другими и были главными виновными, или если они виновны въ повтореніи такого проступка.

Перечень этихъ условій по уложенію изд. 1845 г. имѣлъ исчерпывающее значеніе, такъ какъ ст. 141 (147 по изд. 1857 г.), говорила, что судъ можетъ уменьшать наказаніе по одному или нѣсколькимъ изъ *означенныхъ выше сего* обстоятельствъ; но послѣ согласованія уложенія съ уставами, вопросъ этотъ существенно измѣнился.

Во 1-хъ, въ мировомъ уставѣ указанія ст. 13 имѣютъ несомнѣнно только значеніе примѣровъ, такъ какъ въ самомъ текстѣ статьи сказано, что обстоятельствами уменьшающими вину *преимущественно* (но не исключительно) признаются тѣ, которыя указаны въ этой статьѣ.

Во 2-хъ, по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, указанія ст. 134 не могутъ также имѣть исчерпывающаго значенія, такъ какъ, согласно указанію 804 ст. у. у. с., присяжные могутъ, въ случаѣ осужденія подсудимаго, если найдутъ къ тому достаточныя основанія, признать его заслуживающимъ снисхожденія. Вопросъ о такихъ обстоятельствахъ присяжнымъ не предлагается, а, по ст. 814 у. у. с., возбуждается ими самими и, если за снисхожденіе выскажется 6 человѣкъ, то къ отвѣту присяжныхъ о виновности подсудимаго присовокупляется: по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія. Конечно, по мысли законодателя признаніе такого снисхожденія не можетъ зависѣть отъ жалости и состраданія присяжныхъ или отъ ихъ произвола, а должно основываться лишь на обстоятельствахъ дѣла. Это опредѣляется свойствомъ той обязанности,

которая возложена на нихъ уставомъ, на это указываетъ вышеприведенная формула 814 ст.; это гарантируется клятвеннымъ обѣщаніемъ, даваемымъ присяжными—не только не осуждать невиннаго, но и не оправдывать виновнаго. Присяжные призваны установить виновность подсудимаго въ предъявленномъ къ нему обвиненіи, и признаніе въ дѣлѣ наличности обстоятельствъ, вызывающихъ снисхожденіе, есть только выполненіе части этой задачи; присяжные могутъ, по совѣсти и долгу присяги, признать виновнаго заслуживающимъ снисхожденія лишь на основаніи обстановки преступнаго дѣянія, свойства и размѣровъ вреда, личныхъ свойствъ обвиняемаго, на сколько они проявились въ этомъ дѣяніи, отношенія обвиняемаго къ совершенному и т. п.; но они не могутъ руководствоваться никакими соображеніями, не относящимися къ судимому факту, ни во вредъ, ни въ пользу подсудимаго; они не могутъ руководствоваться ни соображеніями о безцѣльности уголовнаго запрета или о чрезмѣрной суровости наказаній, о возможности вреднаго ихъ вліянія на подсудимаго и т. д., ни, тѣмъ болѣе, какими либо иными политическими или соціальными соображеніями (рѣш. 1888 г. № 16, по дѣлу Кетхудова). Хотя, конечно, дѣйствительное исполненіе этихъ требованій лежитъ всецѣло на совѣсти присяжныхъ, никакой мотивировки ихъ отвѣта законъ не требуетъ, тѣмъ болѣе не имѣетъ для нихъ никакого ограничивающаго значенія перечень обстоятельствъ, сдѣланный въ 134 ст. улож.

Въ 3-хъ, по дѣламъ, рѣшаемымъ коронными судьями—одними или съ участіемъ сословныхъ представителей—по разъясненіямъ Правительствующаго Сената (рѣшенія $^{68}/_{937}$, Федорова; $^{69}/_{661}$, Журина; $^{70}/_{34}$, Гудкова), судъ не имѣетъ того безотчетнаго права смягченія наказанія, которое предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ, а долженъ указать въ приговорѣ какія именно обстоятельства приняты имъ въ соображеніе при опредѣленіи мѣры наказанія, причемъ эти обстоятельства должны принадлежать къ болѣе или менѣе общимъ всѣмъ родамъ преступленій, и быть указаны въ ст. 134 и 135. Впрочемъ, въ рѣшеніи по дѣлу Федорова, Сенатъ призналъ, что судъ можетъ, сверхъ основаній, указанныхъ въ ст. 134, ссылаться и на другія обстоятельства, вызывающія снисхожденіе къ виновному, а въ нѣкоторыхъ

рѣшеніяхъ ($^{68}/_{756}$, Колосова; $^{69}/_{1008}$, Балашева; $^{70}/_{34}$, Гудкова и др.) Сенатъ даже высказалъ, что хотя голословное указаніе суда на наличность уменьшающихъ обстоятельствъ, безъ ссылки на опредѣленные пункты ст. 134, и представляется неправильнымъ, но однако оно само по себѣ не можетъ служить основаніемъ для отмѣны приговора (1).

Я полагаю, что ограничительное разъясненіе значенія 134 ст. для коронныхъ судей, данное Сенатомъ, возбуждаетъ большія сомнѣнія. Конечно, судъ коронный, въ отличіе отъ присяжныхъ, не пользуется безконтрольнымъ правомъ измѣненія наказанія; законъ въ ст. 797 у. у. с. требуетъ, чтобы судъ въ приговорѣ изложилъ соображенія обвиненія съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами, въ виду чего судъ обязанъ указать въ приговорѣ основанія, которыми онъ руководствовался при выборѣ наказанія; такая обязанность существуетъ для суда одинаково, какъ при выборѣ мѣры отвѣтственности по ст. 148 и 149 улож., такъ и въ случаѣ уменьшенія судомъ наказанія не на одну, а на двѣ степени по ст. 828 у. у. с., а равно и въ настоящемъ случаѣ, при примѣненіи ст. 774 у. у. с., но отсюда вовсе не вытекаетъ, чтобы основаніемъ для пониженія наказанія могли служить только обстоятельства, указанныя въ ст. 134 улож. Почему же окружный судъ, напр., назначая наказаніе за кражу по ст. 169 уст. о нак., можетъ мотивировать уменьшеніе наказанія прежнею безупречною жизнью подсудимаго, но лишенъ такого права при обвиненіи въ нарушеніяхъ постановленій о паспортахъ, о сопротивленіи властямъ, о проступкахъ по службѣ? Да и къ чему, напр., въ по-

---

(1) Главный военный судъ до 1883 г. находилъ, что уменьшающими обстоятельствами могутъ быть не только такія, которыя указаны въ законѣ, но и другія, обнаруженныя судомъ при разсмотрѣніи дѣла, а послѣ 1883 г., судъ измѣнилъ свое воззрѣніе, находя, что при служебныхъ нарушеніяхъ уменьшеніе наказанія можетъ зависѣть только отъ обстоятельствъ, указанныхъ въ законѣ; поэтому главный судъ можетъ входить въ разсмотрѣніе основательности признанія этихъ обстоятельствъ, а при ихъ совокупности—значенія каждаго отдѣльнаго обстоятельства. При этомъ, въ виду текста ст. 89, главный судъ указалъ, что при наличности одного изъ этихъ обстоятельствъ, судъ можетъ смягчать наказаніе только въ мѣрѣ, а для смягченія въ степени необходима совокупность этихъ обстоятельствъ. Ср. практику главнаго военнаго суда въ изданіи Анисимова, подъ ст. 89; Кузьминъ-Караваевъ, в. с., стр. 163, 179.

слѣднемъ случаѣ служило бы обязательное на судѣ оглашеніе формуляра подсудимаго? Мало того, самъ Сенатъ многократно требовалъ, чтобы судъ при опредѣленіи наказанія принималъ въ разсчетъ неправильно понесенное подсудимымъ наказаніе по тому же дѣлу, а между тѣмъ объ этомъ обстоятельствѣ вовсе не упоминается въ ст. 134.

Требованіе отъ суда при признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія ограничиваться обстоятельствами, указанными въ ст. 134, противорѣчило бы совершенно тѣмъ вышеприведеннымъ соображеніямъ Государственнаго Совѣта, на которыхъ основана ст. 774; оно не соотвѣтствовало бы тексту ст. 774, которая говоритъ о предоставленіи суду права смягчать наказаніе по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину, безъ всякихъ ограниченій; наконецъ, оно не соотвѣтствовало бы и измѣненному въ уложеніи изд. 1866 и 1885 гг. тексту ст. 135, которая говоритъ: «въ случаѣ уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ», не дѣлая, какъ было въ прежнихъ изданіяхъ, ссылки на предшествующую 134 статью (1).

Такимъ образомъ, перечень обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, какъ въ уставѣ о наказаніяхъ, такъ и въ уложеніи, имѣетъ нынѣ, по моему мнѣнію, только значеніе примѣровъ, а не служитъ основаніемъ ограниченія правъ судьи.

По уложенію изд. 1845 г. судъ, установивъ наличность одного изъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, и сообразивъ съ другими, сопровождавшими вину обстоятельствами, могъ болѣе или менѣе уменьшить мѣру наказанія, но однакожъ въ опредѣленной закономъ степени; такимъ образомъ, уменьшеніе наказанія не было обязательно для судьи и притомъ это постановленіе не имѣло значенія при тѣхъ наказаніяхъ, которыя не имѣли степеней, какъ смертная казнь, или не могли измѣняться въ предѣлахъ степени, какъ, напр., каторга безъ срока, ссылка на поселеніе.

Нынѣ (по изд. улож. 1866 и 1885 г.), по ст. 135, суду предоставляется право не только уменьшать мѣру въ предѣлахъ степени, но понижать наказаніе одною или двумя степенями, а по

---

(1) Ср. мое изслѣдованіе о повтореніи, стр. 278; такого же мнѣнія Спасовичъ, стр. 420; противнаго мнѣнія—Лохвицкій, курсъ, стр. 138.

преступленіямъ печати одною или нѣсколькими степенями, или даже переходить къ высшей степени ближайшаго низшаго рода наказанія. Это положеніе пополняется ст. 774, въ которой указано, что судъ, при наличности такихъ обстоятельствъ, смягчаетъ наказаніе одною или двумя степенями, переходя притомъ и къ ближайшему низшему роду наказанія, если въ высшемъ, по уложенію о наказаніяхъ нѣтъ степени, ниже назначенной въ законѣ за преступное дѣяніе подсудимаго. При этомъ по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, суду только предоставляется право смягчать наказаніе, такъ что пользованіе этимъ правомъ вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія; при рѣшеніи же дѣлъ съ присяжными, судъ, по ст. 828 у. у. с., въ случаѣ признанія ими подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, долженъ уменьшить наказаніе на одну степень (1), и можетъ, если усмотритъ въ дѣлѣ особыя обстоятельства уменьшающія вину, уменьшить на двѣ степени, причемъ въ послѣднемъ случаѣ судъ долженъ въ своемъ приговорѣ привести основанія, по коимъ онъ допустилъ такое значительное смягченіе наказанія ($^{73}/_{841}$, Иванцова).

Такъ какъ уставъ о наказаніяхъ не знаетъ дѣленія наказаній по степенямъ, то въ него и не могло быть внесено правило, соотвѣтственное ст. 135 улож., а взамѣнъ его внесено особое постановленіе въ ст. 12, которая должна служить руководствомъ и для общихъ судебныхъ мѣстъ, въ случаѣ назначенія ими наказанія по уставу (примѣч. къ ст. 147 улож.) (2).

На основаніи ст. 12 мировой судья, уменьшая наказаніе въ виду

---

(1) При этомъ законъ не предоставляетъ присяжнымъ права указывать на размѣры желаемаго ими снисхожденія. Поэтому Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Дворникова (1872 г. № 929), указалъ, что признаніе присяжными подсудимаго заслуживающимъ *полнаго* снисхожденія, составляя отступленіе отъ формы, указанной въ 814 ст. у. у. с., не измѣняетъ правъ и обязанностей суда, указанныхъ въ 828 ст. того же устава.

(2) Ср. рѣшенія угол. касс. деп. 1868 г. № 771, 1874 г. № 697 и общаго собранія 1885 г. № 12 и 1887 г. № 24. Въ рѣшеніяхъ по дѣлу Балушина 1871 г. № 1732 и Бучицкаго 1872 г. № 13 Сенатъ указалъ, что если дѣло слушалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и подсудимый признанъ виновнымъ въ дѣяніи, наказуемомъ по уставу о нак., но заслуживающимъ снисхожденія, то судъ хотя и не можетъ выйти за предѣлы, установленные статьею 12, но не можетъ однако назначить наказаніе и въ высшей мѣрѣ.

признанія имъ наличности смягчающихъ обстоятельствъ (1), руководствуется слѣдующими правилами: 1) если за данное дѣяніе по уставу назначено заключеніе въ тюрьмѣ, то судья можетъ только выбирать въ предѣлахъ высшей и низшей мѣры, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ переходить за предѣлы послѣдней, а тѣмъ болѣе переходить къ аресту; 2) если назначенъ въ законѣ за данное дѣяніе арестъ, причемъ высшій размѣръ его положенъ свыше трехъ дней, то судъ при уменьшеніи наказанія не можетъ назначить арестъ на три дня или менѣе; если же высшій предѣлъ не превышаетъ трехъ дней (единственный случай въ ст. 114 уст. о нак.), то онъ можетъ назначить арестъ и въ низшихъ срокахъ (2); наконецъ 3) если въ законѣ опредѣлено денежное взысканіе и притомъ только въ одномъ высшемъ размѣрѣ, то таковое смягчается по усмотрѣнію судьи. Такимъ образомъ, это послѣднее правило не распространяется на тѣ денежныя взысканія, которыя назначаются въ законѣ въ опредѣленномъ размѣрѣ, напр., въ размѣрѣ двойной или тройной стоимости порубленнаго лѣса, или въ извѣстной суммѣ за каждый день неисполненія требованія объ объявленіи полиціи о прибывшихъ въ домъ (ст. 59 уст.) и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ суду не предоставляется никакого права на смягченіе наказанія.

Признаніе наличности уменьшающихъ обстоятельствъ или признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія имѣетъ всегда

---

(1) Признаніе наличности обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности, и оцѣнка ихъ предоставлена закономъ суду, рѣшающему дѣло по существу, и не подлежитъ провѣркѣ въ порядкѣ кассаціонномъ (рѣш. 1867 г. №№ 370, 514, 516 и др.), но однако Сенатъ преподалъ и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія. Такъ, въ рѣшеніяхъ 1866 г. № 5 по дѣлу Генделя, онъ указалъ, что судъ долженъ избирать не то наказаніе, которое наиболѣе чувствительно для подсудимаго, а то, которое соотвѣтствуетъ винѣ и представляется наиболѣе справедливымъ; въ рѣшеніи по дѣлу Волковой, 1867 г. № 114, Сенатъ указалъ, что судья не можетъ предоставлять выборъ наказанія, напр., ареста или денежной пени, подсудимому, а долженъ сдѣлать это самъ.

(2) Основаніе такого ограниченія заключается въ томъ, что въ случаѣ присужденія къ аресту не свыше трехъ дней приговоръ мироваго судьи становится окончательнымъ и не подлежитъ обжалованію въ съѣздъ. Въ практикѣ Сената (рѣшеніе 1886 г. № 22, по дѣлу Блянкмана) встрѣтился случай назначенія съѣзжомъ ареста на одинъ часъ и штрафа въ 1 копѣйку; Сенатъ кассировалъ рѣшеніе на основаніи 2 ч. ст. 12, не коснувшись вопроса о предѣлахъ смягченія денежныхъ взысканій.

индивидуальный характеръ; поэтому, если по дѣлу обвиняются нѣсколько подсудимыхъ, то признаніе наличности такихъ обстоятельствъ должно быть сдѣлано по отношенію къ каждому изъ нихъ; равнымъ образомъ, если одинъ подсудимый обвиняется въ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяніяхъ, то наличность этихъ условій должна быть признана по отношенію къ каждому дѣянію.

Какъ было уже замѣчено, по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, признаніе наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, принадлежитъ всегда коронным судьямъ, но по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ,—въ нашей практикѣ возникъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли это право только присяжнымъ, или же независимо отъ нихъ и коронным судьямъ.

Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Правительствующій Сенатъ, начиная съ 1867 г. (рѣш. по дѣлу Лашкова, № 611), признавалъ, что право смягченія предоставлено суду независимо отъ присяжныхъ засѣдателей, и что поэтому судъ можетъ уменьшить наказаніе, на основаніи 774 ст. у. у. с., на одну или двѣ степени и въ томъ случаѣ, когда присяжные не дали подсудимому снисхожденія. Сенатъ принялъ такое толкованіе по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) что въ ст. 135 не сдѣлано никакого различія между приговорами, постановляемыми безъ участія присяжныхъ и при ихъ участіи; 2) что хотя ст. 774 помѣщена въ раздѣлѣ о постановленіи приговоровъ безъ участія присяжныхъ, но на нее сдѣлана ссылка въ ст. 826 у. у. с.; 3) что ст. 828 у. у. с. также въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій не содержитъ и 4) что такое толкованіе съ очевидностью вытекаетъ изъ соображеній, на которыхъ построены эти законоположенія (1).

Но всѣ эти соображенія, по моему мнѣнію, не имѣютъ рѣшающаго значенія. Статья 135, говоря о правѣ суда уменьшать наказаніе, вовсе не касается судопроизводственнаго вопроса о томъ,

---

(1) Такое же толкованіе дано въ рѣшеніяхъ 1868 г. № 247, по дѣлу Войскова; 1868 г. № 719, по дѣлу Черникѣева; 1869 г. № 18, по дѣлу Симонова 1873 г. № 309, по дѣлу Баландиной и др.; но во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ Сенатъ не входилъ въ самостоятельное разсмотрѣніе этого вопроса, а только ссылался на свое рѣшеніе по дѣлу Лашкова. Въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ Сената подтвержденія этой его практики не встрѣчается.

кому принадлежитъ это право; статья 826 содержитъ ссылку на предшествующее отдѣленіе, но прибавляетъ: «съ соблюденіемъ лишь изъятій», въ слѣдующихъ статьяхъ опредѣленныхъ, а въ числѣ этихъ статей находится ст. 828, по содержанію своему замѣняющая ст. 774; наконецъ, въ соображеніяхъ редакторовъ по отношенію именно къ данному вопросу никакихъ вполнѣ опредѣлительныхъ указаній не содержится.

Между тѣмъ такое толкованіе не соотвѣтствуетъ основному началу взаимноотношенія правъ судей и присяжныхъ. Установленіе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, относится несомнѣнно къ опредѣленію степени виновности лица, къ фактической сторонѣ дѣла, выясненіе коей возложено закономъ на присяжныхъ, а потому перенесеніе такого права на судей коронныхъ можетъ быть допущено только въ силу прямаго указанія законодателя, какъ это и сдѣлано, напр., въ 828 ст. у. у. с. относительно права суда на уменьшеніе отвѣтственности на двѣ степени. При осуществленіи же взгляда, проводимаго Сенатомъ, можетъ оказаться, что судьи признаютъ существованіе такого обстоятельства, которое было прямо отвергнуто присяжными, внося такимъ образомъ въ приговоръ полное фактическое противорѣчіе, какъ это оказалось между прочимъ и по дѣлу Лашкова, который обвинялся и былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и изъ засады, причемъ присяжные не признали въ дѣлѣ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, а между тѣмъ судъ примѣнилъ 135 ст. улож. и 774 у. у. с. на томъ основаніи, что онъ убилъ послѣ ссоры и вслѣдствіе сильнаго раздраженія, вызваннаго насильственными дѣйствіями убитаго.

Впрочемъ и Сенатъ не провелъ вполнѣ послѣдовательно свое воззрѣніе, такъ какъ въ другихъ рѣшеніяхъ (1), и вполнѣ правильно, онъ призналъ, что, примѣнивъ ст. 828, судъ не можетъ уже примѣнять ст. 774 и уменьшать наказаніе болѣе чѣмъ на двѣ степени, а о таковомъ чрезвычайномъ снисхожденіи можетъ только ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ.

---

(1) Ср. рѣшенія 1868 г. № 719, Черникѣева; 1868 г. № 764, Паутиной 1869 г. № 18, Симонова; 1869 г. № 603, Минаева.

*

Другую группу составляютъ обстоятельства, смягчающія наказаніе, предусмотрѣнныя въ ст. 153 улож. (1). Законъ относитъ сюда:

1) Полное чистосердечное сознаніе подсудимаго, явившагося съ повинною, или и взятаго къ допросу по подозрѣнію, если онъ не только укажетъ всѣхъ сообщниковъ, но и сверхъ того, доставленіемъ вѣрныхъ и своевременныхъ свѣдѣній, предупредитъ исполненіе какого либо другаго преступнаго умысла, такъ что этимъ пунктомъ не можетъ воспользоваться преступникъ, не имѣвшій сообщниковъ, или неимѣющій свѣдѣній о какомъ либо иномъ преступленіи, кромѣ учиненнаго имъ (2).

2) Добровольное и полное сознаніе подсудимаго, если онъ при томъ заслуживаетъ особаго снисхожденія по прежней безупречной службѣ или по отличнымъ заслугамъ и достоинствамъ.

3) Долговременное нахожденіе подъ судомъ и подъ стражею, если при томъ подсудимый *признанъ виновнымъ* въ такомъ преступленіи, которое не влечетъ лишенія всѣхъ правъ, безотносительно къ юридическому значенію предъявленнаго къ нему обвиненія (3).

Сверхъ сего, въ уложеніи изд. 1845 и 1857 гг. находился еще 4-й пунктъ, на основаніи коего признавалось причиной смягченія наказанія принятіе нехристіаниномъ, во время суда и слѣдствія, православія; но этотъ пунктъ былъ отмѣненъ по закону 24 Марта 1866 г. (п. с. з. № 43138), какъ несогласный съ достоинствомъ православной церкви.

---

(1) По своду законовъ большинство обстоятельствъ, указанныхъ въ ст. 153, даже вовсе освобождало отъ отвѣтственности.

(2) Нельзя не замѣтить, что 150 ст. свода законовъ (по изд. 1842 г.), на которой, по указанію составителей уложенія, основана ст. 153, только въ одномъ 3-мъ пунктѣ содержала это ограничительное добавленіе—«когда корчемникъ объявитъ о корчемствѣ другаго»; изъ объясненій видно, что и составители не придавали этому обстоятельству значенія, а считали главнымъ условіемъ «благовременное открытіе соумышленниковъ». Въ ограничительномъ смыслѣ разъясненъ этотъ пунктъ 153 ст. въ рѣшеніи Правит. Сената 1868 № 10, по дѣлу Ефимова.

(3) Хотя въ законѣ говорится только о предварительномъ содержаніи подсудимаго, но, по разъясненію Сената въ рѣшен. 1870 № 207, Петрова; 1869 № 614, Елисѣева; 1871 № 1312, Кучеркова, подъ дѣйствіе этого пункта подходитъ и содержаніе въ заключеніи по приговору, признанному неправильнымъ.

Всѣ эти пункты имѣютъ только значеніе примѣровъ, такъ какъ ст. 154 улож. прямо говоритъ: «во всѣхъ сихъ случаяхъ, и *въ другихъ чрезвычайныхъ*, когда представляются особыя уваженія къ смягченію участи подсудимаго», такъ что осуществленіе права, предоставленнаго суду по ст. 154, вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія. Но однако, какъ указалъ Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Тюлеаралбаева ($^{82}/_{15}$), судъ долженъ почерпать основанія снисхожденія только изъ особенностей разсматриваемаго событія преступленія, обращая вниманіе на образъ дѣйствія виновнаго, обстоятельства вызвавшія преступленіе, на личность преступника, на обстановку, въ которой онъ находится и т. п., и съ этой точки зрѣнія мотивировка суда относительно примѣненія ст. 154 подлежитъ провѣркѣ въ порядкѣ кассаціонномъ (1).

При наличности этихъ обстоятельствъ по уложенію изд. 1845 и 1857 гг., наказаніе не только могло быть уменьшаемо въ мѣрѣ, но смягчаемо въ степени и даже въ родѣ, съ тѣмъ однако, что суды 1-й и 2-й степени, не приводя своего заключенія о наказаніи въ исполненіе, представляли о семъ на усмотрѣніе Правительствующаго Сената, а послѣдній, если находилъ сіе нужнымъ, ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о перемѣнѣ постановленнаго въ законѣ наказанія, опредѣляя и мѣру предполагаемаго смягченія.

Нынѣ, на основаніи закона 27 Дек. 1865 г., при наличности этихъ обстоятельствъ, судъ не только можетъ уменьшить наказаніе, согласно ст. 135 улож., т. е. понизить наказаніе на одну или

---

(1) Изъ изданной въ 1862 г. именной вѣдомости дѣламъ, по которымъ Государственный Совѣтъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимыхъ съ 1846—1861 гг., и изъ опубликованныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по нѣкоторымъ изъ этихъ дѣлъ видно, что ходатайства были весьма разнообразны; при этомъ нерѣдко такими основаніями являлись тѣ же причины, которыя отнесены закономъ къ числу обстоятельствъ, уменьшающихъ вину по ст. 134; также крайне разнообразно было и самое чрезвычайное измѣненіе наказанія. Съ 1846—1861 гг., всего ходатайствъ было, впрочемъ, только 89, т. е. 6, 5 въ годъ. Послѣ введенія судебныхъ уставовъ, число такихъ ходатайствъ значительно возросло; такъ, напр., въ 1890 г. такихъ случаевъ было 50, а въ 1891 г. 53; подробная разработка практики нашихъ судовъ по этому вопросу, въ соотношеніи съ свойствомъ преступленій, съ порядкомъ разсмотрѣнія дѣлъ, съ колебаніями ходатайствъ по отдѣльнымъ округамъ и т. д., представлялась бы въ высшей степени любопытною.

двѣ степени, съ переходомъ въ подлежащихъ случаяхъ къ слѣдующему роду, но онъ можетъ, на основаніи ст. 775 у. у. с., ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ, чрезъ Министра Юстиціи (1), о смягченіи наказанія въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти, или и о полномъ помилованіи виновнаго, вовлеченнаго въ преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ.

Въ случаѣ ходатайства предъ Государемъ о чрезвычайномъ снисхожденіи или помилованіи, судъ, согласно 798 ст. у. у. с. и разъясненіямъ Правит. Сената, долженъ въ своемъ приговорѣ, во 1-хъ, изложить, какому наказанію подлежитъ виновный за учиненное имъ дѣяніе, исчерпавъ въ семъ отношеніи все предоставленное суду право на уменьшеніе наказанія; во 2-хъ, привести подробно соображенія о тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ даннаго дѣянія, въ силу коихъ примѣненіе къ виновному даже пониженнаго наказанія, не соотвѣтствовало бы требованіямъ справедливости и на которыхъ основывается ходатайство суда о Монаршемъ милосердіи, и, въ 3-хъ, съ точностью опредѣлить, ходатайствуетъ ли судъ о полномъ помилованіи или только о смягченіи наказанія; въ послѣднемъ случаѣ судъ долженъ прямо указать, какое именно наказаніе предполагалъ бы онъ назначить подсудимому (2).

При этомъ, хотя ст. 153 и 154 и не имѣютъ соотвѣтствующихъ постановленій въ уставѣ о наказ., но, какъ разъяснилъ Правит. Сенатъ въ рѣшеніи 1867, № 433, по дѣлу Алексѣева, и мировыя установленія не лишены, на основаніи 118 и 775 ст. у. у. с., права ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о чрезвычайномъ смягченіи наказанія.

873. Редакціонная коммисія по составленію проекта новаго уложенія, устраняя совершенно неопредѣленную санкцію и допуская безусловно опредѣленную только въ исключительныхъ случаяхъ,

---

(1) Въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебные уставы Императора Александра II-го, суды свое заключеніе о чрезвычайномъ смягченіи наказанія вносятъ на усмотрѣніе Правительствующаго Сената.

(2) Рѣш. 1871 № 1753, Григорьева; 1882 № 15, Тюлеаралбаева; 1889 № 42 Квинто. Указанія о порядкѣ представленія приговоровъ суда по 775 ст. у. у. с. даны также въ циркулярахъ Министра Юстиціи отъ 15 Февр. 1877, 22 Марта 1879 и 23 Дек. 1884 г.

и то лишь по отношенію къ дополнительнымъ наказаніямъ, значительно упростила и санкцію относительно опредѣленную, устранивъ дѣленіе наказаній на степени и предоставивъ суду большой просторъ въ выборѣ мѣры отвѣтственности, благодаря значительности разстоянія между высшими и низшими предѣлами наказанія и дробимости каждаго отдѣльнаго вида наказанія (1).

Но не смотря на это коммисія полагала, что въ жизни могутъ встрѣтиться такіе оттѣнки преступности, совокупность такихъ условій, которыя, не видоизмѣняя ни родоваго, ни видоваго состава преступленія, должны влечь за собою измѣненіе отвѣтственности свыше предѣловъ, установленныхъ закономъ.

Эти условія по проекту распадаются на двѣ группы: 1) точно опредѣленныя въ законѣ, какъ, напр., отбытіе части наказанія за границею, меньшая наказуемость дѣянія по законамъ времени его учиненія, покушеніе, несущественное пособничество и т. д.; и 2) неопредѣленныя, слагающіяся изъ самыхъ разнообразныхъ условій, видоизмѣняющихся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, таковы, напр., побудительныя причины учиненія дѣянія, степень умственнаго и нравственнаго развитія обвиняемаго, разнообразные оттѣнки состоянія уменьшенной вмѣняемости, размѣръ причиненнаго вреда, поведеніе преступника послѣ совершенія преступленія и т. д.

Признаніе наличности въ дѣлѣ такихъ обстоятельствъ, вызы-

---

(1) Такимъ образомъ, при срочной каторгѣ этотъ объемъ будетъ въ 10 лѣтъ (отъ 5—15), а слѣдовательно, въ виду статьи 20, по которой каторга будетъ назначаться годами и полугодами, всего въ распоряженіи суда будетъ 20 степеней; при заточеніи объемъ будетъ почти 6 лѣтъ (отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ), а имѣя въ виду, что оно можетъ назначаться и недѣлями—411 степеней; при исправительномъ домѣ—объемъ $4^1/_2$ года (отъ $1^1/_2$ до 6 лѣтъ), а всего 55 степеней; при тюрьмѣ—объемъ почти 1 годъ (отъ 2 недѣль до 1 года), а всего 51 степень; при арестѣ 6 мѣсяцевъ (отъ 1 дня до 6 мѣсяцевъ), а всего 180 степеней, такъ какъ арестъ можетъ назначаться и днями. Затѣмъ, смертная казнь, безсрочная каторга и поселеніе, по юридической природѣ своей, никакого простора суду не предоставляютъ, а денежныя взысканія, за отсутствіемъ общаго законнаго maximum'а, допускаютъ большее различіе въ объемѣ правъ суда, смотря по предѣлу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и имѣя въ виду, что назначеніе пени можетъ быть дѣлаемо не менѣе какъ полурублями». По германскому праву дробимость представляется въ слѣдующемъ видѣ: при Zuchthaus'ѣ—169 степеней; при тюрьмѣ до 5 лѣтъ—1826 степеней; при крѣпости до 15 лѣтъ—5478 степеней; при арестѣ до 6 недѣль—42 степени. Liszt, стр. 266.

вающихъ снисхожденіе къ преступнику, по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, принадлежитъ имъ, и судъ въ этихъ случаяхъ, уменьшая наказаніе, можетъ сослаться только на фактъ таковаго признанія; по всѣмъ же прочимъ дѣламъ, гдѣ признаніе такихъ условій зависитъ отъ суда, онъ долженъ изложить въ приговорѣ основанія смягченія.

Признаніе наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, влечетъ по проекту троякія послѣдствія:

Во 1-хъ, виновный не можетъ быть подвергнутъ высшей мѣрѣ наказанія, за это преступное дѣяніе въ законѣ назначеннаго, такъ, если за данное дѣяніе назначена каторга отъ 5—10 лѣтъ, то онъ, въ виду 20 ст. проекта, не можетъ быть приговоренъ къ каторгѣ свыше $9\frac{1}{2}$ лѣтъ; если назначенъ исправительный домъ на срокъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 3-хъ лѣтъ, то судъ не можетъ назначить его свыше 2-хъ лѣтъ 11 мѣсяцевъ и т. д.

Во 2-хъ, въ виду этихъ обстоятельствъ судъ можетъ спуститься до низшаго предѣла наказанія, установленнаго въ законѣ за данное преступное дѣяніе.

Въ 3-хъ, суду предоставляется право спуститься и за этотъ предѣлъ и при томъ двояко. Если въ законѣ назначенъ особый опредѣленный minimum, то судъ, переходя за него, можетъ дойти до общаго низшаго предѣла даннаго рода наказанія; такъ, если въ законѣ назначено за данное дѣяніе каторга не ниже 10 лѣтъ или тюрьма на срокъ не ниже 6 мѣсяцевъ, то судъ можетъ дойти до общаго низшаго предѣла этихъ наказаній, т. е. назначить каторгу на 5 лѣтъ, тюрьму на 2 недѣли, но не можетъ перейти къ слѣдующему низшему роду наказанія; если же въ законѣ за данное дѣяніе особаго низшаго предѣла не установлено, а таковымъ является общій низшій предѣлъ этого рода наказанія, то судъ можетъ перейти и къ слѣдующему низшему роду, а именно: отъ смертной казни къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ 10—15 лѣтъ; отъ каторги безъ срока къ каторгѣ срочной; отъ каторги на срокъ—къ исправительному дому; отъ поселенія къ заточенію на срокъ не ниже одного года; отъ исправительнаго дома къ тюрьмѣ; отъ тюрьмы къ аресту на срокъ не свыше одного мѣсяца.

При этомъ послѣднемъ случаѣ проектъ не упоминаетъ о трехъ наказаніяхъ, при которыхъ, слѣдовательно, суду, не предоставлено право перехода къ другому низшему наказанію, а именно: о заточеніи, арестѣ и денежной пенѣ. Причина этого, какъ указано въ объяснительной запискѣ, заключается въ слишкомъ незначительномъ общемъ низшемъ предѣлѣ этихъ наказаній.

Сверхъ сего, по ст. 47 проекта, если виновный будетъ признанъ, по наличности въ дѣлѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ уменьшающихъ вину, заслуживающимъ особаго снисхожденія, то суду предоставляется право ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о чрезвычайномъ смягченіи участи подсудимаго или же и о полномъ освобожденіи его отъ наказанія.

874. Болѣе простою является по нашему праву система обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе.

Статья 129 уложенія, частью основанная на сводѣ законовъ, частью составленная редакторами уложенія по нѣмецкимъ образцамъ (пп. 3—6), указываетъ на слѣдующія группы причинъ, могущихъ увеличивать вину: 1) личныя свойства виновнаго—чѣмъ выше было его состояніе, званіе и степень образованности, или чѣмъ болѣе имъ нарушено особыхъ личныхъ отношеній къ мѣсту, въ коемъ преступленіе учинено, или къ лицамъ, противъ коихъ оное предпринято (пп.2—6); 2) по свойствамъ вины—чѣмъ болѣе было умысла и обдуманности въ дѣйствіяхъ преступника, чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны побужденія его къ сему преступленію, чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ, коими сіе преступленіе было предуготовлено, приводимо въ исполненіе или сопровождаемо, и чѣмъ болѣе употребилъ виновный усилій для устраненія представлявшихся ему въ томъ препятствій (пп. 1, 3, 5 и 7); 3) по важности вреда—чѣмъ важнѣе зло или вредъ, преступленіемъ причиненные, чѣмъ важнѣе была опасность, которою сіе преступленіе угрожало какому либо частному лицу, или многимъ, или всему обществу и государству, и чѣмъ болѣе лицъ привлекъ виновный къ участію въ преступленіи (пп. 4, 8—9), и наконецъ, 4) по поведенію виновнаго на судѣ—чѣмъ болѣе онъ при слѣдствіи и судѣ оказывалъ неискренности и упорства въ запирательствѣ, особливо

если при томъ онъ старался возбуждать подозрѣніе на невинныхъ или даже прямо клеветать на нихъ (1), причемъ этотъ пунктъ остался безъ измѣненій и послѣ изданія судебныхъ уставовъ, хотя признаніе упорства въ запирательствѣ или отрицанія виновности ($^{68}/_{371}$ Козлянинова; $^{69}/_{342}$ Лаврентьева и др.) увеличивающимъ обстоятельствомъ не соотвѣтствуетъ основному началу устава уголовнаго судопроизводства, въ силу коего подсудимый не обязанъ содѣйствовать правосудію въ раскрытіи преступленія, и вся тяжесть доказательствъ ложится на обвиненіе.

Въ уставѣ о наказаніяхъ увеличивающія вину обстоятельства указаны въ ст. 14, причемъ сюда отнесены: 1) обдуманность въ дѣйствіяхъ виновнаго; 2) извѣстная степень его образованности и болѣе или менѣе высокое положеніе его въ обществѣ; 3) повтореніе и 4) упорное запирательство, въ особенности возбужденіе подозрѣнія противъ невиннаго.

Какъ по уставу, такъ и по уложенію наличность этихъ обстоятельствъ не обязываетъ судью къ возвышенію наказанія, а только даетъ ему на то право, причемъ ст. 14 уст. о нак. прибавляетъ, что эти обстоятельства только преимущественно, а не исключительно вліяютъ на наказуемость.

Самое вліяніе этихъ обстоятельствъ, какъ по уложенію изд. 1845 г., такъ и нынѣ, ограничивается только возвышеніемъ наказанія въ предѣлахъ (2) мѣры, установленной закономъ. Какъ говоритъ ст. 130, случаи, въ коихъ по одному или нѣсколькимъ изъ сихъ обстоятельствъ судъ можетъ, не ограничиваясь увеличеніемъ мѣры наказанія, возвысить оное одною или нѣсколькими степенями, или даже приговорить виновнаго къ другому наказанію, болѣе строгому, означаются именно въ особыхъ о каждомъ преступленіи постановленіяхъ.

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Шеперъ, 1884 № 37, Сенатъ пояснилъ, что 10 п. 29 ст. имѣетъ въ виду взведеніе подсудимымъ на какое либо другое, завѣдомо для него невиновное лицо, обвиненія въ дѣяніи, составляющемъ предметъ судимаго дѣла, всякое же иное оклеветаніе или оговоръ подсудимымъ кого либо составляетъ самостоятельное преступленіе.

(2) Въ рѣшеніи 1875 г. № 306, по дѣлу Маховича, Сенатъ призналъ, что наличность такого обстоятельства, напр., упорство въ запирательствѣ, не даетъ суду даже права основывать только на немъ избраніе подсудимому строжайшаго изъ опредѣляемыхъ въ законѣ за судимое дѣяніе наказаній.

По уставу о наказаніяхъ эти обстоятельства также могутъ зліять только въ предѣлахъ мѣры, но, какъ указалъ Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Безермана ($^{68}/_{251}$), судья, признавая наличность такихъ обстоятельствъ, уже не можетъ назначить наказаніе въ самомъ низшемъ его размѣрѣ.

Воинскій уставъ о наказаніяхъ въ дополненіи къ ст. 129 указываетъ еще на нѣкоторыя обстоятельства, вліяющія на усиленіе отвѣтственности, а именно: 1) совершеніе дѣянія въ присутствіи нижнихъ чиновъ или собравшагося народа; 2) при такихъ обстоятельствахъ, когда учиненіе нарушенія дисциплины или службы могло дать поводъ къ соблазнительному примѣру для другихъ, и 3) когда оно совершено при обстоятельствахъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе и безопасность. Во всѣхъ этихъ случаяхъ судъ можетъ возвышать наказаніе только въ мѣрѣ, но не въ степени. Затѣмъ, ст. 78 указываетъ на 4 случая, когда судъ можетъ возвысить наказаніе на 1 или даже на 2 степени, а именно: 1) учиненіе преступленія при отправленіи обязанностей службы, напр., въ строю, въ караулѣ; 2) когда дѣяніе учинено въ виду или вблизи непріятеля, во время войны, похода, военнаго или осаднаго положенія, возмущенія; когда при совершеніи общихъ преступленій нарушены святость присяги и прямыя обязанности военной службы.

Конечно, эти условія, дающія такую широкую власть суду при выборѣ наказанія, теряютъ свою силу при тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ они входятъ въ самый законный составъ дѣянія.

Проектъ новаго уложенія о обстоятельствахъ увеличивающихъ вину никакихъ особыхъ постановленій не содержитъ.

III. Совокупность и повтореніе преступныхъ дѣяній.

875. Понятіе совокупности по дѣйствующему праву.

876. Вліяніе совокупности на наказуемость.

877. Постановленія о совокупности западно-европейскихъ законодательствъ.

878. Постановленія нашего права.

879. Постановленія о совокупности отдѣльныхъ уставовъ

880. Нѣкоторые спеціальные случаи совокупности.

881. Постановленія о совокупности проекта уложенія.

882. Процессуальныя условія примѣненія правилъ о сово-купности.

883. Учиненіе новаго преступленія послѣ осужденія, но д отбытія наказанія.

884. Значеніе повторенія преступленій въ прежнихъ зако нодательствахъ.

885. Теоретическія воззрѣнія на значеніе повторенія пре ступленій.

886. Постановленія о повтореніи дѣйствующихъ западно европейскихъ кодексовъ.

887. Постановленія о повтореніи дѣйствующаго права.

888. Средства удостовѣренія прежней судимости.

875. Къ условіямъ, увеличивающимъ вину, сводъ законов отнесъ совокупность и повтореніе; но редакторы уложенія оставил во 2-мъ отдѣленіи третьей главы, при изложеніи обстоятельств увеличивающихъ вину, только постановленія о повтореніи, статьи о совокупности перенесли въ отдѣленіе 3-е, содержаще правила о власти и обязанности суда при опредѣленіи наказанія хотя въ сущности наличность совокупности не только вызывает особенный порядокъ опредѣленія наказанія, но и служитъ основа ніемъ для усиленія отвѣтственности, и притомъ находится в неразрывной связи съ понятіемъ повторенія, составляющаго толь особый видъ совокупности.

Проектъ новаго уложенія возвратился къ системѣ свода и ра сматриваетъ эти институты въ одномъ общемъ отдѣленіи.

Совокупность или стеченіе нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній учиненныхъ однимъ лицемъ или соучастниками (1), противопо лагается понятію единичнаго преступленія, а потому юридическі

---

(1) Ср. литературныя указанія относительно ученія о продолжаемыхъ пр ступленіяхъ, такъ какъ большинство монографій объ единичномъ преступлен изслѣдуютъ и вопросъ о совокупности. Спеціальныя монографіи—Rosenblatt, d Strafen-Conkurrenz, 1879; у него указанія на прежнюю литературу; Schwarz die Conkurrenz Theorien und das Strafgesetzbuch въ Gerichtssaal за 1882 г.; Schüt

бъемъ понятія совокупности стоитъ въ прямой зависимости отъ предѣленія понятія единичнаго преступнаго дѣянія въ смыслѣ акона. Какъ мы видѣли, подъ понятіе единичнаго преступнаго ѣянія подходятъ: 1) осуществленіе единой вины, хотя бы въ рядѣ тдѣльныхъ дѣйствій, 2) одновременное посягательство на ѣсколько нормъ или повелѣній закона, воплотившееся въ единомъ ѣяніи и наконецъ, 3) учиненіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ посягательствъ, объединенныхъ въ одно цѣлое особымъ указаніемъ кона. Поэтому совокупностью дѣяній мы будемъ считать чиненіе нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, изъ коихъ каждое ляется отдѣльнымъ, какъ по своему существу, такъ и съ точки ѣнія даннаго законодательства. Такая совокупность можетъ ключать въ себѣ повторное учиненіе однородныхъ дѣяній omogenes), какъ, напр., учиненіе виновнымъ нѣсколькихъ ажъ и притомъ даже одного и того же вида—карманныхъ, со ломомъ, похищеніе лошадей и т. д., или же—разнородныхъ eterogenes)—кража и убійство, изнасилованіе и поджогъ и т. д. мыя дѣянія могутъ слѣдовать или чрезъ небольшіе промежутки емени, или отдѣляться другъ отъ друга значительными сроками. Далѣе, юридическое понятіе совокупности предполагаетъ стече- преступныхъ дѣяній въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. дѣяній не ько воспрещенныхъ закономъ, но и подлежащихъ, каждое въ цѣльности, наказанію. Поэтому нѣтъ совокупности, если одно дѣяній не подлежитъ наказанію за давностью, помилованіемъ, миреніемъ, и т. д. Обыкновенно такимъ ненаказуемымъ дѣямъ, устраняющимъ примѣненіе правилъ о совокупности, бываетъ жде учиненное, но вполнѣ возможны и обратные случаи. Если либо совершилъ 1-го Іюня 1882 г. предумышленное йство, а 1-го Августа того же года простую кражу, а затѣмъ дѣянія были обнаружены только въ 1885 г., то виновный лежитъ суду и наказанію только за одно убійство, а не за окупность убійства и кражи.

По общему правилу совокупность предполагаетъ, что всѣ дѣянія

Konkurrenz strafbarer Handlungen, als Gesetzgebungsfrage въ Zeitschrift 1883 г.;—A. Löwenstein, die Verbrechenskonkurenz nach dem Reichsstrafzbuch, 1883 г.

разсматриваются одновременно, однимъ и тѣмъ же судомъ, который и опредѣляетъ виновному общее наказаніе, но примѣненіе постановленій о совокупности возможно и въ томъ случаѣ, когда дѣянія судятся разновременно и даже въ разныхъ судахъ; необходимо только, чтобы о всѣхъ этихъ дѣяніяхъ состоялся одинъ общій приговоръ, или чтобы виновный подвергался за всѣ дѣянія одному общему наказанію ($^{68}/_{473}$, Макишева; $^{70}/_{908}$, Кузнецова).

Совокупность въ широкомъ смыслѣ объемлетъ собою всякое послѣдовательное учиненіе виновнымъ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній; но это понятіе въ законодательствахъ подраздѣляется на два—совокупность и повтореніе, а иногда и на три, какъ скоро выдѣляются въ особую группу случаи учиненія преступнаго дѣянія во время отбытія наказанія.

Признакомъ разграниченія совокупности и повторенія служитъ юридическое положеніе перваго преступнаго дѣянія во время учиненія послѣдующаго (1). Такимъ образомъ, къ совокупности въ тѣсномъ смыслѣ относятся тѣ случаи, когда второе дѣяніе учинено прежде, чѣмъ первое было или окончательно заглажено—отбытіемъ наказанія, или сдѣлалось res judicata, вступленіемъ состоявшагося о немъ приговора въ законную силу, или, по крайней мѣрѣ, признано судомъ совершившимся провозглашеніемъ состоявшагося о немъ приговора.

Нашъ сводъ законовъ говорилъ (ст. 134 по изд. 1842 г.), что стеченіе преступленій бываетъ, или когда преступникъ учинилъ нѣсколько разъ одно и то же преступленіе или въ разныя времена разныя преступленія, не бывъ за оное или за оныя прежде наказанъ или же, когда въ одномъ дѣяніи соединяются разныя преступленія. Сходное опредѣленіе было принято и составителями уложенія. Статья 152 (по изд. 1866 и 1885 гг.) считала совокупностью, когда подсудимый признанъ виновнымъ въ учиненіи нѣсколькихъ, въ одно или разное время дотолѣ еще не наказанныхъ и давностью или же общимъ или особеннымъ прощеніемъ непокрытыхъ дѣяній. Сверхъ сего, въ ст. 133, весьма, впрочем

(1) При этомъ возможно, что или первое дѣяніе было обнаружено въ то время, когда виновный былъ привлеченъ къ отвѣтственности и осужденъ за послѣдующее (1876 г. № 82, по дѣлу Ботарева), или наоборотъ.

неясной, указывалось: что за новое преступленіе, содѣянное во время или прежде суда, но по изобличеніи въ первомъ, виновный подвергается наказанію по правиламъ о совокупности. Такимъ образомъ, совокупность по уложенію признавалась въ томъ случаѣ, когда второе дѣяніе было учинено до привлеченія къ суду за первое, или и послѣ привлеченія, во время суда, но ранѣе его окончанія. Законъ 3 Февраля 1892 г. еще опредѣленнѣе очертилъ этотъ предѣльный признакъ, указавъ, что совокупностью почитается совершеніе виновнымъ двухъ или болѣе преступныхъ дѣяній, за которыя онъ ранѣе судимъ не былъ, или которыя совершены имъ ранѣе провозглашенія резолюціи (краткаго приговора) суда, или рѣшенія о виновности подсудимаго, когда оно объявляется прежде постановленія резолюціи (1), объ одномъ или нѣсколькихъ изъ нихъ, если при томъ преступныя дѣянія тѣ не покрыты давностью или общимъ или же особымъ прощеніемъ.

Уставъ о наказаніяхъ, до закона 3 Февраля 1892 г., не давалъ опредѣленія совокупности, а нынѣ (ст. 16) повторяетъ дословно опредѣленіе ст. 152 улож.

Проектъ (ст. 53) почитаетъ совокупностью учиненіе новаго преступнаго дѣянія ранѣе провозглашенія приговора за предшествующее; такимъ образомъ, какъ говоритъ объяснительная записка, къ совокупности отойдетъ учиненіе втораго дѣянія до обнаруженія перваго или же и послѣ обнаруженія во время производства дознанія и предварительнаго или судебнаго слѣдствія (2).

---

(1) Это добавленіе сдѣлано въ виду возможности учиненія подсудимымъ новаго преступнаго дѣянія послѣ провозглашенія вердикта присяжныхъ, но до постановленія судомъ резолюціи на основаніи отвѣта присяжныхъ.

(2) Первоначально коммисія полагала поставить такимъ предѣломъ моментъ вступленія приговора въ силу; но это предположеніе вызвало возраженія со стороны нашихъ практиковъ, обсудивъ которыя, коммисія пришла къ заключенію, что будетъ цѣлесообразнѣе поставить предѣломъ совокупности моментъ провозглашенія сущности приговора, о коемъ говорятъ статьи 789 и 826 уст. у. с., такъ какъ знаніе подсудимымъ не только объ его осужденіи, но и о размѣрахъ назначеннаго ему наказанія, наступающее съ момента провозглашенія приговора, какъ свидѣтельствуетъ практика, можетъ вызвать его на совершеніе новыхъ преступныхъ дѣяній, часто даже въ самой залѣ засѣданія, немедленно по провозглашеніи приговора, и притомъ не только въ виду желанія измѣнить родъ назна-

876. Какое же вліяніе можетъ имѣть совокупность преступныхъ дѣяній на отвѣтственность виновнаго?

Конечно простѣйшее рѣшеніе вопроса можетъ быть таково, что такъ какъ каждое преступное дѣяніе подлежитъ опредѣленному за него наказанію, то если виновный учинилъ нѣсколько дѣяній, онъ подлежитъ суммѣ всѣхъ наказаній слѣдующихъ за его дѣянія (quot delicta, tot poenae). Теоретически эта система сложенія (Kumulationsprincip), конечно, осуществима, такъ какъ она предполагаетъ только постановленіе относительно каждаго отдѣльнаго дѣянія отдѣльнаго приговора, и затѣмъ послѣдовательное исполненіе этихъ приговоровъ, но она вызываетъ сильныя возраженія съ точки зрѣнія ея практической осуществимости и цѣлесообразности.

Всякое наказаніе поражаетъ извѣстное благо преступника и притомъ или всецѣло или въ извѣстномъ объемѣ; очевидно, что наказанія, всецѣло поражающія извѣстное благо, физически не могутъ быть слагаемы. Если подсудимый приговоренъ за каждое изъ учиненныхъ имъ злодѣяній къ смертной казни, то, кромѣ перваго, всѣ прочіе приговоры придется выполнять надъ трупомъ; такой же характеръ имѣютъ наказанія лишеніемъ правъ, безсрочнымъ лишеніемъ свободы и т. д. Едва-ли здравый смыслъ и народная совѣсть помирятся съ приговоромъ, по которому виновный подлежалъ бы каторгѣ безъ срока и еще на 8 лѣтъ (1)? Болѣе возмож-

---

ченнаго ему наказанія, но иногда и вслѣдствіе сознанія, что вновь учиненное не можетъ повліять на его отвѣтственность. Система проекта принята вполнѣ новымъ закономъ 3 Февр. 1892 г.

(1) Фактическое соединеніе приговоровъ къ срочному лишенію свободы и къ смертной казни было бы возможно, предполагая первоначальное отбытіе перваго, но, какъ замѣчаетъ Бернеръ, § 147, это влекло бы не усиленіе, а ослабленіе наказуемости, такъ какъ при долгосрочномъ лишеніи свободы приговоръ къ смертной казни являлся бы въ дѣйствительности очень часто неисполнимымъ. Терезіана послѣдовательно проводя принципъ сложенія, допускала при такой комбинаціи символическое исполненіе другаго наказанія; такъ, § 3 арт. 14 постановлялъ: если кто либо учинитъ кражу и умышленное убійство, то онъ долженъ быть какъ убійца колесованъ, а для указанія на учиненную имъ кражу надъ колесомъ должна быть устроена висѣлица.

нымъ является примѣненіе этой системы къ наказаніямъ, поражающимъ извѣстное благо не полностью, а въ извѣстной части, но и тамъ она въ концѣ концовъ приведетъ къ несообразностямъ. Въ судебной практикѣ неоднократно встрѣчаются примѣры судимости воровъ за учиненіе 10 или 15 квалифицированныхъ кражъ; если мы положимъ среднюю мѣру наказанія за каждую кражу три года, то мы получимъ, при системѣ сложенія, наказаніе въ 30 или 45 лѣтъ, т. е. даже для преступника двадцати лѣтъ—наказаніе, превышающее среднюю продолжительность жизни, и обращающее такимъ образомъ срочное наказаніе въ пожизненное. Мы не должны забывать, что тяжесть наказанія лишеніемъ свободы возрастаетъ, по мѣрѣ увеличенія его продолжительности, далеко не въ арифметической прогрессіи: годъ тюремнаго заключенія, по своей тяжести, вовсе не равенъ четыремъ трехмѣсячнымъ лишеніямъ свободы, отбываемымъ съ извѣстными промежутками, а содержитъ плюсъ и при томъ весьма значительный. Примѣненіе системы сложенія ко всѣмъ случаямъ стеченія преступныхъ дѣяній приведетъ къ ничѣмъ не оправдываемой жестокости и несправедливости, ибо такое сложеніе противорѣчитъ цѣлесообразности наказанія (1).

Съ иного рода недостаткомъ является противоположная система наказуемости совокупности преступленій — такъ называемая система поглощенія (Absorptionsprincip), построенная на началѣ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, poena major absorbet minorem, такъ что учинившій нѣсколько преступныхъ дѣяній отвѣчаетъ всегда только за тягчайшее изъ нихъ.

Упрощая значительно процедуру, дѣлая излишнимъ разслѣдованіе маловажныхъ дѣяній въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ въ какомъ либо болѣе тяжкомъ преступленіи, эта система представляетъ нѣкоторыя практическія удобства, но за то она допу-

(1) Съ извѣстною послѣдовательностью эта система проводилась еще въ баварскомъ уложеніи 1813 г., а изъ современныхъ законодательствъ—въ англійскомъ. Изъ криминалистовъ за эту систему высказался Фейербахъ, Lehrbuch, § 129 и 130, допускавшій ея ограниченіе только физическою невозможностью исполненія. Того же воззрѣнія держатся: Савиньи, Грольманъ, Марецоль, Гефтеръ. Обстоятельныя возраженія противъ этой системы у Rosenblatt'a, стр. 8; H. Meyer, Lehrbuch, § 61.

скаетъ сильныя возраженія по существу. Почему убійца, виновный, сверхъ сего, въ грабежѣ, кражѣ, изнасилованіи, остается безотвѣтственнымъ за всѣ послѣднія дѣянія? Да и можно ли, съ точки зрѣнія общественной безопасности, лицу, учинившему тяжкое злодѣяніе, дать какъ бы открытый листъ на совершеніе какихъ бы то ни было проступковъ низшаго порядка? Конечно, если за важнѣйшее дѣяніе назначается смертная казнь, безсрочная каторга, то оправданіе системы поглощенія лежитъ въ самой природѣ этихъ наказаній, въ невозможности подвергнуть такое лицо какому либо иному наказанію; но этого нельзя сказать относительно случаевъ назначенія срочнаго лишенія свободы, денежнаго взысканія, и чѣмъ незначительнѣе, сравнительно, будетъ наказаніе, опредѣленное за важнѣйшее дѣяніе, тѣмъ съ бо́льшею очевидностью выступятъ и недостатки этой системы (1).

Недостаточность принципа поглощенія представится еще нагляднѣе, если мы вспомнимъ то значеніе, которое придаетъ современное право различію преступниковъ случайныхъ и преступниковъ привычки.

Конечно, мы можемъ представить себѣ такое стеченіе обстоятельствъ, въ силу коего извѣстное лицо впадаетъ снова въ преступленіе почти противъ своего желанія, когда вновь учиненное не имѣетъ никакой внутренней связи съ предшедшимъ; но нельзя не прибавить, что подобные случаи составляютъ исключеніе. По большей части многократность свидѣтельствуетъ объ укоренѣлости преступныхъ наклонностей, о порочности стремленій лица, о силѣ привычки, опасной для общества, причемъ таковымъ доказательствомъ можетъ служить не только совокупность однородныхъ, но иногда и разнородныхъ дѣяній. Жизненный опытъ свидѣтельствуетъ намъ, что преступники по профессіи по большей части спеціализируютъ свою преступную дѣятельность: карманникъ рѣдко переходитъ къ кражѣ со взломомъ, еще рѣже къ насилію; одни спеціалисты по кражѣ съ чердаковъ, другіе изъ дворницкихъ, третьи изъ лавокъ; одни направляютъ свою преступную дѣятель-

---

(1) За начало поглощенія высказываются—Карминьяни, Ф. Эли и другіе, преимущественно французскіе криминалисты.

ность на похищеніе домашнихъ птицъ, другіе занимаются конокрадствомъ (1). Но то же изученіе міра преступниковъ указываетъ и на другіе типы, указываетъ завсегдатаевъ преступленія, съ одинаковою готовностью идущихъ и на кражу и на разбой и на убійство, переходящихъ отъ изнасилованія къ убійству, отъ поджога къ грабежу. Можетъ ли государство, только въ интересахъ процессуальныхъ, наказывать такихъ лицъ также, какъ и преступниковъ случайныхъ, только за тягчайшее дѣяніе? Не представляется ли вполнѣ цѣлесообразнымъ, въ виду повторной дѣятельности субъекта, возвысить или даже измѣнить тягчайшее изъ наказаній?

Въ силу этого, какъ въ доктринѣ, такъ и въ кодексахъ, появились смѣшанныя системы и при томъ двухъ порядковъ: однѣ, выходя изъ начала поглощенія, допускаютъ однако усиленіе важнѣйшаго наказанія въ виду другихъ дѣяній, учиненныхъ виновнымъ (2), въ особенности, если эта многократность посягательствъ указываетъ на преступную привычку; другія, выходя изъ системы сложенія, допускаютъ болѣе или менѣе значительное смягченіе полученнаго при сложеніи общаго наказанія (3). Кромѣ того, многіе кодексы принимаютъ одновременно обѣ системы, по соотношенію съ важностью стекающихся дѣяній и характеромъ назначенныхъ за нихъ наказаній.

877. Значительное разнообразіе относительно наказуемости совокупности представляютъ и современныя законодательства, какъ это можно видѣть изъ обзора важнѣйшихъ изъ нихъ (4).

Во Французскомъ правѣ постановленія о совокупности содержатся въ уставѣ уголовнаго судопроизводства (5). Вторая часть

---

(1) Особенно часто встрѣчается такая спеціализація въ большихъ городахъ, ср. Ioly, le crime, стр. 170.

(2) За это воззрѣніе высказываются—Krug, Iohn, Berner; Iohn защищаетъ это положеніе на томъ основаніи, что при совокупности повторяется только объективная сторона, а субъективная остается та же. Ср. Сергѣевскій, стр. 370.

(3) Однимъ изъ первыхъ защитниковъ этого, такъ называемаго juristische-Cumulationsprincip былъ Кестлинъ, изъ новыхъ писателей его защищаютъ—Гейбъ, Гейеръ, Розенблаттъ.

(4) Ср. обзоръ постановленій о совокупности въ европейскихъ законодательствахъ у Rosenblatt, в. с., стр. 79 и сл.

(5) Подробный историческій очеркъ французской системы у Garraud, Traité, I, № 169 и сл. Вопросъ этотъ, какъ въ кодексѣ 1791 г., такъ и въ законодатель-

*

ст. 365 постановляетъ, что въ случаѣ стеченія нѣсколькихъ преступленій или проступковъ назначается наказаніе наиболѣе тяжкое (1); при этомъ ст. 379 прибавляетъ, что если свѣдѣнія о другомъ преступномъ дѣяніи будутъ обнаружены во время суда, то слѣдствіе и судебное производство по послѣднему дѣлу возбуждается лишь въ томъ случаѣ, когда оно можетъ повлечь болѣе тяжкое наказаніе, или когда по этому дѣлу окажутся новые соучастники.

По разъясненію французскаго кассаціоннаго суда (2), принципъ поглощенія не распространяется на полицейскія нарушенія, къ коимъ, въ виду незначительности полагаемыхъ за нихъ взысканій, примѣняется принципъ сложенія; равнымъ образомъ, принципъ сложенія примѣняется къ нарушеніямъ лѣснымъ, таможеннымъ и вообще фискальнымъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ за нихъ полагается тюрьма), такъ какъ назначаемое за нихъ денежное взысканіе служитъ вознагражденіемъ казны за убытки, и наконецъ къ нѣкоторымъ нарушеніямъ, особо указаннымъ въ code pénal или въ спеціальныхъ законахъ (3). Поглощеніе не распространяется также на дополнительныя взысканія, которыя примѣняются и въ томъ случаѣ, когда они полагаются за дѣянія, коихъ главное наказаніе подлежитъ поглощенію (4).

ствѣ первой имперіи разсматривался исключительно съ точки зрѣнія процессуальной, почему эти постановленія и отнесены въ уставъ уголовнаго судопроизводства.

(1) Понятіе «наиболѣе тяжкое» опредѣляется согласно роду и степени наказанія. Такъ, уголовныя наказанія (peines criminelles) по ихъ роду тяжелѣе наказаній исправительныхъ (peines correctionelles), поэтому 5 лѣтъ réclusion тяжелѣе 10 лѣтъ тюрьмы; между относящимися къ одному роду тяжесть опредѣляется по порядку, занимаемому ими въ статьѣ 7 и 8 code pénal; на этомъ основаніи 5 лѣтъ каторги тяжелѣе 10 лѣтъ réclusion; по роду—ссылка (déportation simple) тяжелѣе срочныхъ каторжныхъ работъ и т. д. Если наказанія относятся къ одной степени, то судьи могутъ назначить maximum наиболѣе тяжкаго наказанія; послѣднее правило соблюдается, хотя бы второе дѣяніе судилось отдѣльно отъ перваго. Ср. Garraud, № 172, 177.

(2) Cass. 7 Іюня 1842, 30 Дек. 1875, 6 Янв. 1876, 29 Марта 1878, 27 Янв. 1883. Въ защиту этой доктрины—Ortolan, Trébutien, Garraud; противъ—F. Hélie.

(3) Cass. 28 Янв. 1876, 14 Мая 1880.

(4) Ср. Garraud, № 172, у него въ примѣчаніи 8 приведена новѣйшая практика французскаго кассаціоннаго суда по сему вопросу. Проектъ новаго французскаго уложенія принимаетъ систему въ общихъ чертахъ вполнѣ сходную съ бельгійскою.

Бельгійскій кодексъ (ст. 58—65 и законъ 26 Дек. 1881 г.) принимаетъ смѣшанную систему: при стеченіи нарушеній—общихъ или фискальныхъ—сложеніе; при стеченіи проступковъ или проступковъ и нарушеній—сложеніе, но съ тѣмъ, чтобы назначенное наказаніе не превышало двойнаго maximum'а тягчайшаго наказанія; при стеченіи преступленія съ проступкомъ и нарушеніями—систему поглощенія, и при стеченіи преступленій—высшее наказаніе, но съ правомъ суда, если это наказаніе будетъ срочнымъ лишеніемъ свободы, возвысить maximum на пять лѣтъ (1).

Система германскаго уложенія (§§ 73—79) представляется весьма сложною (2). Она построена на томъ началѣ, что при опредѣленіи отвѣтственности по совокупности виновный долженъ подлежать одному общему наказанію (Gesammtstrafe), въ которомъ бы находила соотвѣтственное выраженіе каждая отдѣльная виновность, и которое въ то же время не заключало бы въ себѣ чрезмѣрной жестокости, свойственной системѣ сложенія.

Примѣненіе этого общаго наказанія находитъ однако свое полное выраженіе только при совокупности дѣяній, угрожаемыхъ срочнымъ лишеніемъ свободы. Тогда судъ выбираетъ тягчайшее изъ слѣдующихъ виновному наказаній—при разнородныхъ тягчайшее по роду, при однородныхъ—тягчайшее по продолжительности, и къ нему присоединяетъ прочія наказанія, но съ тѣмъ, чтобы такое составное наказаніе не превышало суммы отдѣльныхъ наказаній, и сверхъ того, чтобы оно не превышало при Zuchthaus'ѣ и крѣпости 15 лѣтъ, а при тюрьмѣ 10.

Но изъ этого правила допускается рядъ изъятій. Такъ, если стекаются наказанія тюрьмою и крѣпостью, то каждое отбывается отдѣльно, но съ тѣмъ, чтобы общая продолжительность не превы-

---

(1) Ср. Haus, principes, II, № 846 и сл. Итальянское уложеніе принимаетъ весьма сложную систему, въ основѣ коей лежитъ начало поглощенія, но съ значительнымъ возвышеніемъ тягчайшаго наказанія. Голландскій кодексъ (§ 58 и сл.) допускаетъ сложеніе наказаній, но съ тѣмъ, чтобы сумма не превышала тягчайшее болѣе, чѣмъ на ⅓; безсрочное лишеніе свободы поглащаетъ всѣ прочія наказанія, кромѣ дополнительныхъ.

(2) Binding, Grundriss, § 105, указываетъ, что въ системѣ германскаго кодекса скрывается 7 различныхъ теорій совокупности; вообще система германскаго кодекса вызывала сильныя порицанія въ нѣмецкой литературѣ. Ср. въ особенности возраженія у Биндинга и Шютце; въ защиту кодекса—Шварце въ Gerichtssaal'ѣ за 1882 г.

шала 15 лѣтъ, точно также арестъ отбывается отдѣльно, но если арестъ назначается за нѣсколько дѣяній, то общій срокъ его не долженъ превышать трехъ мѣсяцевъ. Денежныя взысканія во всякомъ случаѣ назначаются полностью, къ какимъ бы наказаніямъ они ни присоединялись. Въ случаѣ стеченія смертной казни или безсрочныхъ наказаній между собою или другъ съ другомъ, или съ какими либо иными наказаніями, также примѣняется система сложенія, т. е. судъ приговариваетъ къ суммѣ взысканій, но за физическою невыполнимостью соединенія наказаній въ дѣйствительности осуществляется только тягчайшее (1).

Кромѣ того, въ спеціальныхъ законахъ, въ особенности въ постановленіяхъ о фискальныхъ нарушеніяхъ, содержатся весьма разнообразныя правила о совокупности (2).

Правила о совокупности по германскому уложенію примѣняются не только тогда, когда всѣ дѣянія разсматриваются судомъ одновременно, но, согласно § 79 улож. и §§ 492 и 494 у. у. с., и въ томъ случаѣ, когда прежде чѣмъ назначенное подсудимому наказаніе будетъ отбыто, погашено давностью или прощено, виновный снова будетъ осужденъ за преступное дѣяніе, учиненное

---

(1) Но, напр., при совмѣстномъ назначеніи смертной казни и денежнаго взысканія оба наказанія могутъ быть выполнены и фактически. Ср. Olshauzen, § 74 № 4 и приведенная у него практика. За такое толкованіе—Liszt, Binding, Schütze, H. Meyer. Напротивъ того, Бернеръ, Вехтеръ, Шварце, Гельшнеръ, Меркель полагаютъ, что,по самому свойству смертной казни и пожизненнаго заключенія, въ подобныхъ случаяхъ должна быть примѣняема система поглощенія, а не система сложенія. Практическое значеніе подобныхъ приговоровъ можетъ обнаружиться, напр., при условномъ освобожденіи приговоренныхъ къ безсрочному заключенію въ Zuchthaus. По офиціальнымъ статистическимъ даннымъ въ Германіи было приговорено съ 1883—1889 г. къ смертной казни и заключенію въ Zuchthaus—78 человѣкъ, въ томъ числѣ были приговоренные къ смертной казни и пожизненному заключенію; а къ смертной казни и заключенію въ тюрьму—23 человѣка, въ томъ числѣ были приговоренные къ нѣсколькимъ недѣлямъ и даже днямъ тюрьмы. Также было значительное число приговоренныхъ къ пожизненному Zuchthaus'у и къ срочному заключенію, а равно и къ денежнымъ штрафамъ.

(2) Ср. указанія у Liszt, Lehrbuch, стр. 278. Система венгерскаго кодекса въ основныхъ чертахъ сходна съ германскою, но является еще болѣе сложною, занимая въ кодексѣ цѣлыхъ десять статей (§§ 95—104).

до перваго осужденія. При этомъ послѣдній судъ назначаетъ общее наказаніе за всѣ дѣянія, какъ прежде судимыя, такъ и вновь разсматриваемое; судъ принимаетъ въ разсчетъ всѣ отбытыя наказанія и постановляетъ какъ бы дополняющее наказаніе, или же оставляетъ въ силѣ прежнее наказаніе, если имъ уже исчерпывалось наказаніе, которое можетъ быть назначено по совокупности. По разъясненію Reichsgericht'a, въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ наказанія, подлежащія объединенію по совокупности, назначены отдѣльными судами, возможно особое производство только въ видахъ опредѣленія общаго наказанія: оно возлагается на судъ, которому подсудно важнѣйшее, а при однородности — позднѣйше учиненное дѣяніе. Но правила о совокупности не примѣняются, а виновный подлежитъ обыкновенному наказанію, если позднѣйшее преступленіе было обнаружено послѣ отбытія прежде назначеннаго наказанія (1).

878. Нашъ сводъ законовъ ограничивался весьма краткимъ положеніемъ (ст. 134 по изд. 1842 г.), что стеченіе преступленій увеличиваетъ вину преступника, но какъ и въ какихъ размѣрахъ, законъ не упоминалъ. Редакторы уложенія пополнили этотъ недостатокъ и приняли систему весьма простую, но оказавшуюся весьма скоро практически непригодною. Ст. 150 улож. изданія 1845г. постановляла: въ случаѣ совокупности... судъ, упомянувъ въ своемъ опредѣленіи о всѣхъ наказаніяхъ, слѣдующихъ за каждое изъ сихъ преступленій, приговариваетъ виновнаго къ тягчайшему изъ сихъ наказаній, и *въ самой высшей онаго мѣрѣ* (по проекту преедполагалось иначе—и сверхъ того увеличиваетъ мѣру онаго).

Послѣдняя прибавка, въ виду обязательности назначенія высшей мѣры, приводила при стеченіи тяжкихъ преступленій съ маловажными къ такой суровости, которая превышала даже систему сло-

---

(1) Тѣмъ болѣе правила о совокупности не могутъ быть примѣняемы въ томъ случаѣ, если послѣднее преступленіе учинено послѣ осужденія за прежнее, хотя бы этотъ приговоръ и не вошелъ еще въ законную силу. Рѣшеніе Reichsgericht'a 12 Мая 1880; Olshauzen, § 79, № 6.

женія. Если за одно дѣяніе назначалась каторга отъ 12—15 лѣтъ, а за другое тюрьма отъ 4—8 мѣсяцевъ, то судъ обязательно назначалъ каторгу на 15 лѣтъ, хотя бы, по обстоятельствамъ дѣла, онъ полагалъ назначить за первое дѣяніе только 12 лѣтъ каторги, а за второе—4 мѣс. тюрьмы, такъ что три года каторги назначались, въ сущности, за такое дѣяніе, которое въ высшемъ своемъ объемѣ наказывалось восьмимѣсячною тюрьмою.

Практика не замедлила представить случаи, съ наглядностью свидѣтельствовавшіе о недостаткахъ системы, и Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 11 Марта 1857 г. введена была новая система, сохранявшая свою силу до закона 3 Февраля 1892 года.

На основаніи закона 1857 г. (ст. 152 улож. по изд. 1866 и 1885 гг.), всѣ наказанія были раздѣлены на 4 группы, по объему сопровождающихъ ихъ пораженій въ правахъ, а именно: 1-я группа—соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; 2-я—соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, относя сюда и тюрьму для привилегированныхъ лицъ за дѣянія, указанныя въ примѣчаніи къ V п. ст. 30 улож.; 3-я—соединенныя съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, и 4-я группа—не соединенныя съ пораженіемъ въ правахъ.

При стеченіи преступленій эти группы могли комбинироваться двоякимъ порядкомъ: или стекались 1) наказанія, принадлежащія къ разнымъ группамъ, или 2) наказанія одной и той же группы; сообразно съ этимъ законъ 1857 г. установилъ и двоякую систему вліянія совокупности на отвѣтственность.

Въ первомъ случаѣ, когда стекались наказанія разныхъ группъ (пп. 2, 4 и 6 ст. 152), судъ приговаривалъ виновнаго только къ наказанію, назначенному за тягчайшее изъ учиненныхъ имъ дѣяній, или, какъ говорилъ законъ, которому онъ подвергся бы, если бы былъ изобличенъ въ одномъ дѣяніи, влекущемъ за собою наиболѣе тяжкое наказаніе. Такимъ образомъ, въ случаяхъ стеченія этого рода принималась безусловно система поглощенія, причемъ тягчайшимъ наказаніемъ всегда почиталось наказаніе болѣе тяжкое по роду, безотносительно къ его продолжительности; поэтому, заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2—4 мѣс. съ лишеніемъ особенныхъ правъ (4 степ. 33 ст.) должно было признаваться тяже-

лѣе заключенія въ крѣпости на 4 года (1 ст. 34 ст.), или заключенія въ тюрьмѣ же на 2 года, но безъ лишенія правъ (1 ст. 36 ст.).

Въ случаяхъ стеченія втораго рода, т. е. когда стекались два или болѣе наказаній одной и той же группы (п. 1, 3, 5, 7 и 8 ст. 152), законъ 1857 г. сохранилъ систему уложенія 1845 г.: виновный подвергался всегда тягчайшему наказанію и въ самой высшей онаго мѣрѣ. По закону 1857 г. это положеніе распространялось на всѣ случаи стеченія этого порядка; но послѣ согласованія уложенія съ уставомъ о наказ. былъ измѣненъ пунктъ 7, говорившій о стеченіи наказаній, не соединенныхъ съ пораженіемъ правъ; въ этомъ случаѣ судъ, хотя и опредѣлялъ также тягчайшее наказаніе, но для него не было обязательно назначеніе этого наказанія въ высшей мѣрѣ, а совокупность считалась лишь обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину. При стеченіи втораго рода самое опредѣленіе тягчайшаго наказанія дѣлалось двояко: если стекшіяся наказанія были однородны, то сравнительная ихъ тяжесть опредѣлялась ихъ продолжительностью, а если они были разнородны, то сравнительною важностью ихъ рода, безотносительно къ ихъ продолжительности. Такимъ образомъ: 1) при стеченіи наказаній уголовныхъ (п. 1 ст. 152), т. е. смертной казни, каторги и ссылки на поселеніе, сравнительная важность опредѣлялась порядкомъ этихъ наказаній по ст. 17; 2) при стеченіи наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ особенныхъ правъ (п. 3 ст. 152), т. е. ссылки на житье, арестантскихъ отдѣленій, тюрьмы, замѣнившей рабочій домъ и тюрьмы для привилегированныхъ за дѣянія, указанныя въ прим. къ п. V ст. 30,—порядкомъ этихъ наказаній по ст. 30 (1); 3) при стеченіи наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ (п. 5 ст. 152), т. е. крѣпости и тюрьмы, замѣнившей смирительный домъ, болѣе тяжкимъ должна была быть почитаема крѣпость; но 4) при стеченіи наказаній, не соединенныхъ съ пораженіемъ правъ (п. 7 и 8 ст. 152), т. е. крѣпости, тюрьмы, ареста, выговора и денежныхъ взысканій,

---

(1) Такимъ образомъ и ссылка на житье, назначаемая по ст. 33 улож., всегда должна почитаться болѣе тяжкимъ наказаніемъ, чѣмъ тюрьма, назначаемая для привилегированныхъ за корыстныя преступленія.

послѣ измѣненія редакціи пункта 7 по закону 27 Дек. 1865 г., сравнительная строгость наказанія опредѣлялась въ каждомъ случаѣ самимъ судомъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что тюрьма почиталась всегда болѣе строгимъ наказаніемъ, чѣмъ арестъ или денежная пеня (1).

Тягчайшее наказаніе при стеченіи втораго рода, какъ говорилъ законъ, всегда назначалось въ высшей онаго мѣрѣ, понимая подъ словомъ «мѣра» не высшій предѣлъ этого рода наказанія, а высшій предѣлъ наказанія, назначеннаго за тягчайшее дѣяніе. Такимъ образомъ, если за одно дѣяніе назначалась каторга по 5 ст. 19 ст., а за другое ссылка на поселеніе, то виновный наказывался, въ виду 1 п. 152 ст., не каторгою безъ срока, какъ высшею мѣрою каторги, а каторгою на 10 лѣтъ, какъ высшею мѣрою 5-ой степени 19 статьи. Затрудненія увеличивались, когда за тягчайшее дѣяніе законъ назначалъ нѣсколько степеней одного рода, и притомъ или прямо указывая на это и угрожая напр., каторгою по 4 или 5 степ. 19 ст., или же скрывая такую форму санкціи прямымъ указаніемъ числовыхъ предѣловъ, напр., угрожая за извѣстное дѣяніе каторгою отъ 8 — 12 лѣтъ (2). Такимъ образомъ, если, положимъ, кто либо былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости, по 2 ч. 1455 ст., за которое законъ угрожаетъ каторгою на время отъ 8—12 или отъ 4—8 (т. е. по 7, 6, 5 и 4, 3 степ. 19 ст.) и поселеніемъ, причемъ судъ полагалъ назначить, по обстоятельствамъ дѣла, подсудимому за

---

(1) Хотя законъ и не упоминалъ, что тюрьма должна считаться строже выговора, но я полагаю, что это вытекаетъ уже изъ того, что по ст. 30 выговоръ отнесенъ къ тому же роду наказаній, какъ и денежная пеня. Иначе придется допустить, что судъ, назначивъ, напр., подсудимому за кражу тюрьму на годъ и за неосторожное поврежденіе чужаго имущества выговоръ по 9 ст. уст. нак., могъ признать затѣмъ выговоръ болѣе тяжкимъ наказаніемъ и подвергнуть виновнаго по совокупности одному выговору.

(2) Можно, конечно, утверждать, что такая форма санкціи, какъ назначеніе каторги отъ 8—15 лѣтъ или отъ 4—8, соотвѣтствуетъ особому виду наказанія каторгою, который долженъ разсматриваться какъ одно цѣлое, а не какъ скрытое соединеніе двухъ или трехъ степеней; но для всякаго, кто внимательно просмотритъ особенную часть нашего уложенія, будетъ несомнѣнно, что въ немъ выраженія «наказывается по 7 или 6 степ. 19 статьи» и «наказывается каторгою отъ 4 до 8 лѣтъ», употребляются какъ однозначущія.

убійство 5 лѣтъ каторги, и въ поджогѣ необитаемой лавки, по 2 ч. 1609 ст., за который судъ полагалъ назначить 4 года каторги, то въ виду совокупности, по силѣ 1 п. 152 ст., долженъ ли былъ судъ назначить 6 лѣтъ, какъ высшую мѣру 7-й степени, или же 8 лѣтъ, какъ высшую мѣру втораго изъ указанныхъ въ 1455 ст. наказаній, или же 12 лѣтъ, какъ высшую мѣру каторги, назначенной вообще за это дѣяніе въ законѣ? Казалось бы, что и въ этихъ случаяхъ судъ долженъ былъ назначать высшую мѣру выбранной степени, такъ какъ при всѣхъ наказаніяхъ, допускающихъ дѣленіе на степенямъ, наказаніе должно быть назначено въ опредѣленной степени и въ мѣрѣ, соотвѣтствующей этой степени, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ долженъ былъ назначить 6 лѣтъ; назначивъ же въ приведенномъ примѣрѣ 12 лѣтъ каторги, судъ не только бы допустилъ сложеніе наказаній, опредѣленныхъ за каждое отдѣльное преступленіе (5+4 года каторги), но и увеличилъ бы эту сумму на 3 года, что противорѣчило бы всей системѣ закона 1857 г. (1). Конечно, если тягчайшее наказаніе не допускаетъ различія въ мѣрѣ, какъ ссылка на поселеніе или каторга безъ срока, то и при примѣненіи 1 п. ст. 152 въ дѣйствительности никакого усиленія наказанія не происходило.

Законъ 1857 г., говоря о стеченіи разныхъ группъ наказаній, вездѣ имѣлъ въ виду простѣйшій случай, когда стекались одно наказаніе высшей группы съ однимъ изъ наказаній низшихъ группъ, но онъ не касался сложныхъ случаевъ, когда въ одной изъ группъ или въ каждой группѣ будетъ нѣсколько наказаній: одно наказаніе высшей группы и нѣсколько низшихъ одной или разныхъ группъ; нѣсколько наказаній высшей и одно низшее; нѣсколько высшихъ и нѣсколько низшихъ. Если осложнялись низшія наказанія, то это не представляло практическихъ затрудненій, благодаря примѣнявшейся въ этихъ случаяхъ системы поглощенія, причемъ, еслибы приговоръ о томъ дѣяніи, по коему назначено тягчайшее наказаніе,

---

(1) Правильность такого вывода подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что сравнительная тяжесть преступленій опредѣляется по наказанію, назначаемому за данное дѣяніе, между тѣмъ въ приведенномъ примѣрѣ судъ назначилъ за убійство 5 лѣтъ каторги, т. е. наказаніе по 7 степ. 19 ст., и это наказаніе, т. е. 7-ая степень 19 ст., должно быть назначено въ высшей мѣрѣ.

былъ бы кассированъ, то судъ дополнительнымъ приговоромъ постановилъ бы для всѣхъ прочихъ дѣяній наказаніе по совокупности. Но затрудненіе увеличивалось, если въ данномъ случаѣ встрѣчалось нѣсколько наказаній важнѣйшей группы. По буквѣ закона и въ этомъ случаѣ виновный долженъ былъ быть приговоренъ только къ наказанію, слѣдующему за одно изъ его дѣяній, такъ какъ бы онъ совершилъ только это дѣяніе; но такое толкованіе приводило къ страннымъ выводамъ. Если подсудимый былъ приговоренъ за совершенныя имъ убійства,—за одно къ низшей мѣрѣ 3-й степени 19 ст., т. е. къ 12 годамъ каторги, а за другое—къ 8 годамъ, то, въ виду совокупности, по 1 п. ст. 152, ему должна быть назначена высшая мѣра 3 степ. 19 статьи, т. е. 15 лѣтъ, а если онъ сверхъ того признанъ виновнымъ въ нанесеніи побоевъ при его заарестованіи, за что и приговоренъ къ 3 годамъ заключенія въ арестантскія отдѣленія, то онъ, при принятіи вышеуказаннаго толкованія, подлежалъ бы, въ виду 2 п. 152 ст., только каторгѣ на 8 лѣтъ. Я полагаю, что въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ быть примѣняемъ, независимо отъ 2-го пункта, и 1-ый пунктъ статьи 152 (1).

Система отвѣтственности за совокупность, усвоенная закономъ 1857 г., подверглась существенному измѣненію по закону 3 Февр. 1892 г. Какъ указано въ журналѣ Департаментовъ Госуд. Совѣта отъ 12 Апрѣля 1891 г., содержаніе нынѣ дѣйствующихъ правилъ о совокупности едва ли вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ уголовнаго правосудія, такъ какъ при стеченіи однородныхъ преступныхъ дѣяній наказаніе можетъ быть увеличено только въ мѣрѣ, но не въ степени, а при разнородныхъ допускается полная безнаказанность менѣе важныхъ преступленій при болѣе важныхъ.

Въ виду этого новый законъ, въ отмѣну только что изложенныхъ правилъ о совокупности, принялъ слѣдующую систему:

Судъ, опредѣливъ, какъ и нынѣ, въ своемъ приговорѣ наказаніе за каждое дѣяніе, приговариваетъ виновнаго къ тягчайшему изъ назначенныхъ ему наказаній. Если при этомъ судъ приговорилъ къ наказаніямъ одного и того же рода, или хотя и къ раз-

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Шомбергъ-Колонтая, 1867 г. № 406, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что въ подобныхъ случаяхъ примѣняется только 1 п. ст. 152, т. е., практически говоря, призналъ то же, что указано въ текстѣ.

нороднымъ, но если низшее по роду наказаніе опредѣлено на срокъ равный или болѣе продолжительный, нежели высшее, то судъ можетъ увеличить тягчайшее наказаніе на одну степень съ соблюденіемъ правила, указаннаго въ 150 ст. улож.

Но это усиленіе не допускается въ случаѣ совокупности преступныхъ дѣяній, влекущихъ наказаніе ниже тюремнаго заключенія (п. п. VI и VII ст. 30); тогда судъ опредѣляетъ виновному то изъ наказаній, которое онъ признаетъ болѣе строгимъ. При стеченіи же денежныхъ взысканій, судъ, какъ и нынѣ, приговариваетъ виновнаго не къ суммѣ, а къ наибольшему по количеству взысканію. При этомъ во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ совокупность считается обстоятельствомъ, усиливающимъ вину.

Какъ и по закону 1857 г., наказаніе считается тягчайшимъ, при разнородности ихъ, по тому порядку, въ которомъ они расположены въ ст. 17 и 30, а при однородности—по продолжительности сроковъ.

Возвышеніе въ степени не обязательно для судьи, а суду предоставлено только право на возвышеніе въ зависимости отъ соотношенія важнѣйшаго и другихъ наказаній. При стеченіи однородныхъ наказаній, при такомъ возвышеніи допускается переходъ, въ случаѣ неимѣнія соотвѣтственныхъ степеней, къ слѣдующему роду, или же продленіе высшаго срока по ст. 150 ул. Усиленіе, конечно, недопустимо при назначеніи высшимъ наказаніемъ смертной казни, при назначеніи же таковымъ каторги безъ срока можетъ быть только продлено время пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ, а при назначеніи ссылки на житье въ Сибирь—срокъ воспрещенія отлучки изъ мѣста жительства.

При стеченіи разнородныхъ наказаній сомнѣнія могутъ возникнуть въ тѣхъ случаяхъ, когда низшее будетъ безсрочнымъ. Можно ли, напр., считать ссылку на житье по 3 ст. 33 ст. равнымъ или болѣе тяжкимъ наказаніемъ сравнительно съ наказаніями по 31 статьѣ? Я полагаю, что въ этихъ случаяхъ необходимо принять то же начало, какое установлено закономъ 1892 г. въ ст. 132, приравнивающей степени ссылки на житье—высшему размѣру соотвѣтственныхъ степеней лишенія свободы, и тогда мы получимъ слѣдующіе выводы: 1) сроки каторги, какъ наказанія, соединеннаго съ безсрочнымъ поселеніемъ, не могутъ быть

увеличиваемы, хотя бы за другія дѣянія, наказуемыя по совокупности, была назначена ссылка на поселеніе; 2) также не можетъ быть возвышаема ссылка на поселеніе при стеченіи ея съ ссылкою на житье, такъ какъ даже 1-ая степ. стат. 31 должна почитаться равною лишь 4 годамъ лишенія свободы; 3) если тягчайшее наказаніе будетъ ссылка на житье въ Сибирь по 5 степ. 31 статьи, а низшее ссылка на житье въ отдаленныя губерніи по 1 степ. 33 ст.; то срокъ воспрещенія отлучки можетъ быть увеличенъ на 1 годъ и т. д.

Это усиленіе наказанія можетъ имѣть мѣсто только по окончательномъ опредѣленіи наказанія за отдѣльныя дѣянія; поэтому судъ, перейдя, въ виду совокупности, къ высшей степени и выбравъ въ ней по своему усмотрѣнію извѣстную мѣру, не можетъ уже затѣмъ измѣнять избранное наказаніе по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ то или другое преступное дѣяніе.

Точно также и въ случаѣ примѣненія 2-ой части 152 ст. по зак. 1892 г. (п. 7 прежней редакціи), судъ долженъ сначала точно установить размѣръ тягчайшаго денежнаго наказанія, а затѣмъ можетъ, въ виду совокупности, возвысить его размѣръ; при этомъ, казалось бы, въ виду общей системы новаго закона, что и при этомъ усиленіи судъ не можетъ назначить наказанія, превышающаго сумму отдѣльныхъ взысканій.

При примѣненіи правилъ о совокупности, какъ по закону 1857 г., такъ и по закону 1892 г., опредѣленіе принадлежности преступнаго дѣянія къ одной изъ основныхъ группъ, а равно и признаніе того или другого изъ учиненныхъ виновнымъ преступныхъ дѣяній важнѣйшимъ, должно быть основываемо не на размѣрахъ наказанія, назначеннаго въ законѣ за судимое дѣяніе, а на размѣрахъ наказанія, которое, по мнѣнію суда, должно быть назначено за это дѣяніе въ данномъ случаѣ. Поэтому судъ долженъ прежде всего опредѣлить въ точности размѣръ наказанія, слѣдующаго подсудимому за каждое изъ учиненныхъ имъ дѣяній, и только затѣмъ приступить къ опредѣленію ихъ сравнительной важности, въ виду примѣненія правилъ о совокупности (1). Такимъ образомъ, если подсудимый

(1) Рѣшенія 1868 г. № 771, Балакирева; 1873 г., № 629, Быкова; 1890 г. № 13, Кустова, поэтому, избранное по совокупности наказаніе, какъ призналъ Сенатъ

признанъ виновнымъ въ умышленномъ истребленіи огнемъ чужаго хлѣба на корню, за которое по 1614 ст. улож. назначается, какъ высшее наказаніе, лишеніе всѣхъ правъ и ссылка на поселеніе, но за которое судъ, въ данномъ случаѣ, назначилъ на основаніи той же статьи только отдачу въ арестантскія отдѣленія по 5 степ. 31 ст., и въ грабежѣ безъ насилія, за которое по закону назначено лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и отдача въ арестантскія отдѣленія по 3 степ. 31 ст., каковое наказаніе судъ полагалъ примѣнить къ виновному и въ данномъ случаѣ, то при опредѣленіи наказанія по совокупности судъ долженъ будетъ признать тягчайшимъ наказаніе, назначенное имъ за грабежъ. Особенное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи наличность обстоятельствъ, которыя не только понижаютъ наказаніе въ значительномъ размѣрѣ, какъ, напр., покушеніе, но и устраняютъ примѣненіе пораженія въ правахъ, какъ напр. несовершеннолѣтіе, по ст. 140 улож.; въ послѣднемъ случаѣ всѣ исправительныя наказанія, назначаемыя несовершеннолѣтнему, должны, напр., по закону 1857 г., были быть относимы къ 4-ой группѣ.

По этимъ же основаніямъ разрѣшается по нашему праву и вопросъ о совмѣстномъ примѣненіи правилъ о совокупности и объ уменьшеніи наказанія въ порядкѣ 774 и 828 ст. у. у. с. Смягчающія обстоятельства относятся къ отдѣльнымъ дѣяніямъ и вліяютъ только на отвѣтственность, назначаемую судомъ за каждое изъ нихъ, а примѣненіе правилъ о совокупности можетъ имѣть мѣсто только по опредѣленіи наказанія за каждое дѣяніе, и основывается на размѣрахъ отвѣтственности, уже опредѣленной судомъ за каждое изъ дѣяній.

Составители устава о наказ. значительно отступили отъ системы закона 1857 г. По ст. 16 устава судомъ всегда примѣнялась система поглощенія, т. е. назначалось тягчайшее наказаніе, но при этомъ законъ, хотя и не обязывалъ судью, въ виду совокупности, непремѣнно возвышать наказаніе, но указывалъ, что совокупность считается во всякомъ случаѣ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину; поэтому судъ могъ, какъ неоднократно разъяснялъ Правительствующій Сенатъ, возвышать мѣру тягчайшаго наказанія по

по первому изъ этихъ дѣлъ, ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ подлежать дальнѣйшему смягченію.

своему усмотрѣнію, также какъ и при другихъ увеличивающихъ обстоятельствахъ, указанныхъ въ ст. 14, но не былъ обязанъ непремѣнно назначать наказаніе въ высшей мѣрѣ; судъ при наличности совокупности не могъ только назначить низшую мѣру наказанія ($^{68}/_{244}$, Ермакова; $^{69}/_{362}$, Пономаревой). Законъ 1892 г. по существу не измѣнилъ системы устава о наказ., но онъ дополнилъ только ст. 16 опредѣленіемъ понятія совокупности, а равно и указаніемъ на обязанность судьи опредѣлять наказаніе за каждое судимое имъ дѣяніе, прежде назначенія отвѣтственности по совокупности.

879. Болѣе значительныя отступленія отъ системы закона 1857 г. и даже 1892 г. содержатъ нѣкоторыя спеціальныя узаконенія, относящіяся преимущественно къ нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій.

По ст. 152, при совокупности проступковъ, влекущихъ денежное взысканіе, судъ приговариваетъ виновнаго не къ суммѣ оныхъ, а къ наибольшему, по количеству, взысканію. Очевидно, это правило относится только ко взысканіямъ, налагаемымъ въ видѣ наказанія, но не распространяется на взысканія, налагаемыя въ видѣ вознагражденія за вредъ и убытки, такъ какъ, по силѣ законовъ гражданскихъ, всякій потерпѣвшій имѣетъ неотъемлемое гражданское право на возмѣщеніе вреда, и вознагражденіе одного изъ потерпѣвшихъ не можетъ погасить правъ другаго.

Но затѣмъ возбуждается вопросъ относительно тѣхъ взысканій, которыя являются одновременно и вознагражденіемъ убытковъ, и наказаніемъ, какъ, напр., взысканія за нарушенія уставовъ казеннаго управленія. Особенность случаевъ этого рода была признана и составителями судебныхъ уставовъ, которые (объясн. зап. стр. 78 и сл.) нашли, что нѣтъ возможности распространять правила о совокупности на такіе случаи, въ которыхъ денежныя взысканія, стекающіяся съ другими наказаніями, составляютъ не только штрафъ, но и вознагражденіе казны.

Поэтому, на основаніи 1126 ст. у. у. с., и узаконеній 15 Мая 1867 г., 15 Марта 1874 г. и 4 Апр. и 12 Дек. 1874 г., было постановлено, что правила ст. 152 улож. и 16 уст. о нак. не распространяются на случаи совокупности какихъ либо преступныхъ дѣяній: 1) съ посягательствами противъ уставовъ казеннаго

управленія (1) и 2) съ самовольною порубкою, похищеніемъ или инымъ поврежденіемъ частныхъ лѣсовъ, въ томъ отношеніи, что денежныя взысканія, назначаемыя за эти нарушенія, въ порядкѣ судебномъ или административномъ, не покрываются наказаніями за другіе проступки.

Эти правила относились только къ перечисленнымъ нарушеніямъ и не распространялись на нарушенія другихъ уставовъ, какъ, напр., уставовъ о повинностяхъ, торговлѣ и промышленности ($^{71}/_{1530}$, Ступалова); даже, какъ разъяснилъ Сенатъ ($^{71}/_{1511}$, Полякова), дѣйствіе ихъ не могло быть распространяемо на тѣ, напр., нарушенія устава питейнаго, которыя относились не къ нарушеніямъ интересовъ казны, а къ проступкамъ противъ порядка и благочинія. По отношенію же къ нарушеніямъ лѣснаго устава, по буквѣ закона, система сложенія могла быть примѣняема только къ порубкамъ въ частныхъ лѣсахъ, но Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1887 г. № 1, распространилъ то же правило и на порубки въ лѣсахъ казенныхъ.

Во всякомъ случаѣ, это правило относилось только къ денежнымъ взысканіямъ; при назначеніи же за подобныя нарушенія другихъ наказаній, къ нимъ примѣнялись общія правила о совокупности.

Равнымъ образомъ, всѣ эти узаконенія говорили только о случаяхъ стеченія помянутыхъ нарушеній съ другими, но вовсе не касались случаевъ совокупности ихъ между собою. Правительствующій Сенатъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній (2), исходя изъ того соображенія, что правило, выраженное въ примѣч. 1 къ ст. 152, какъ исключительное, не можетъ быть толкуемо распространительно, призналъ, что при стеченіи нѣсколькихъ нарушеній казенныхъ уставовъ примѣняется общее правило п. 8

---

(1) Слѣдовательно уставовъ, перечисленныхъ въ раздѣлѣ VII уложенія, именно: монетнаго, о гербовомъ сборѣ, горнаго, о соли, о питейномъ и табачномъ сборахъ, объ акцизѣ съ сахара, таможенныхъ.

(2) 1867 г. № 444, Тихомирова, № 549, Галахова; 1868 г. № 477, Бѣлякова; 1869 г. № 355, Цыганова; 1870 г. № 1027, Рычкова; 1871 г. № 1776, Фельдмана; 1876 г. № 82, по дѣлу Ботарева. Но уже и Сенатъ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ допускалъ значительныя уклоненія отъ этого толкованія—1869 г. № 652, Марова; 1875 г. № 265, Ошландера; 1878 г. № 67, Ладошина.

ст. 152, т. е. назначается одно только высшее взысканіе, хотя нельзя не прибавить, что такое строго ограничительное толкованіе возбуждало значительныя сомнѣнія въ виду особеннаго характера этихъ взысканій.

Эти сомнѣнія были устранены закономъ 28 Мая 1883 г. На основаніи сего закона, въ ст. 625 уст. пит., изд. 1887 г., указано, что назначаемымъ за нарушенія устава денежнымъ взысканіямъ и конфискаціи, а также уплатѣ акциза и цѣны патента виновный подвергается особо за каждое нарушеніе, если только онъ не понесъ за него наказаніе, или если оно не покрыто давностью; что, равнымъ образомъ, закрытіе заводовъ и заведеній примѣняется особо за каждое нарушеніе, за которое оно установлено, и что виновные, нарушившіе, сверхъ сего, постановленія о торговлѣ или правила уставовъ таможенныхъ и о табачномъ сборѣ или правила объ акцизѣ съ сахара, подвергаются отвѣтственности, независимо отъ взысканій, установленныхъ за сіи послѣднія нарушенія. Подобныя же правила помѣщены въ уставѣ табачномъ (ст. 278), въ правилахъ объ акцизѣ съ сахара, въ правилахъ объ акцизѣ съ освѣтит. нефтян. маслъ 1889 г. (ст. 36) и правилахъ объ акцизѣ съ зажигат. спичекъ 1889 г. (ст. 41).

Наконецъ, законъ 21 Марта 1889 г. (вошедшій въ 3 прим. къ ст. 152) примѣнилъ подобное же начало къ лѣснымъ нарушеніямъ, распространивъ его дѣйствіе на нарушенія какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ лѣсахъ, но ограничивъ сложеніе взысканій только суммами, слѣдующими въ пользу казны или частныхъ владѣльцевъ (ст. 158¹ и 168 уст. о нак.) и не распространяя его на штрафы, налагаемые на общемъ основаніи и подлежащіе дѣйствію п. 8 ст. 152.

Всѣ эти примѣчанія сохранили свою силу и послѣ закона 1892 года.

Воинскій уставъ 1868 г. принялъ систему уложенія и ничего не говорилъ о совокупности, но при пересмотрѣ устава въ 1874 г. система уложенія была сохранена только для случаевъ совокупности общихъ преступленій; при совокупности же воинскихъ преступленій, изъ которыхъ за каждое назначено два или нѣсколько родовъ наказаній, или двѣ или нѣсколько степеней одного рода, предоставлено право суду избирать за каждое дѣяніе

то наказаніе, которое онъ признаетъ соотвѣтственнымъ, а засимъ назначить строжайшее изъ выбранныхъ, т. е., сколько можно понять это многосложное и неудачно редактированное постановленіе, по воинскому уставу всегда примѣняется система поглощенія. Затѣмъ, ст. 87 указываетъ, что, при совокупности воинскихъ и общихъ преступленій, судъ, по отношенію къ воинскимъ преступленіямъ, руководствуется 86, а по отношенію къ общимъ— ст. 152.

880. Но и со всѣми этими дополненіями постановленія ст. 152 представляются неполными, такъ какъ въ нихъ говорится только объ общихъ главныхъ наказаніяхъ.

Поэтому 1-й вопросъ: распространяются ли правила ст. 152-й на наказанія общія-дополнительныя? Въ этомъ отношеніи нужно выдѣлить тѣ изъ дополнительныхъ наказаній, которыя, по существу своему, устраняютъ всякую возможность сложенія. Таковы прежде всего пораженія въ правахъ, дополняющія уголовныя и исправительныя наказанія: назначеніе виновному лишенія всѣхъ правъ устраняетъ возможность примѣненія къ нему таковаго же за другія преступленія, а равно и лишенія всѣхъ особенныхъ правъ, или нѣкоторыхъ правъ, какъ заключающихся въ лишеніи всѣхъ правъ. Такимъ образомъ, при примѣненіи правилъ о совокупности, виновный подлежитъ только тому правопораженію, которое слѣдуетъ за тягчайшимъ изъ наказаній, коему подвергается виновный въ данномъ случаѣ. То же и на томъ же основаніи нужно сказать и объ отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Но можно ли распространить это правило и на другія дополнительныя взысканія, указанныя въ ст. 58 улож. или въ отдѣльныхъ постановленіяхъ особенной части? Я полагаю, что нѣтъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Система поглощенія, положенная въ основу постановленій нашего права, покоится на томъ соображеніи, что для уголовной репрессіи, для заглажденія вины и охраны общества, не требуется отбытія всѣхъ отдѣльныхъ наказаній; но это начало, какъ мы видѣли, измѣняется, какъ скоро въ наказаніи выдвигается на первый планъ элементъ частный, вознагражденіе вреда, или хотя и публичный, но совершенно особаго рода, какъ, напр., при закрытіи заведеній, заводовъ и т. п., назначаемыхъ за акцизныя нарушенія; но

такой характеръ имѣетъ большинство дополнительныхъ взысканій. Одни изъ нихъ являются какъ бы вознагражденіемъ публичнымъ или частнымъ, какъ, напр., опубликованіе приговора, конфискація; другія являются средствомъ предупрежденія дальнѣйшаго распространенія зла, какъ воспрещеніе заниматься извѣстнымъ промысломъ, высылка изъ пограничной черты и т. д. Нельзя себѣ представить, чтобы, въ силу примѣненія правилъ о совокупности, у виновнаго оставались выдѣланныя имъ фальшивыя ассигнаціи, чтобы у него не сломали постройку, неправильно возведенную, и т. д. Такимъ образомъ, при совокупности преступныхъ дѣяній, всѣ дополнительныя наказанія должны присоединяться къ главному, которое назначается виновному (1). Единственнымъ ограниченіемъ въ этихъ случаяхъ можетъ быть свойство этихъ мѣръ, исключающее ихъ совмѣстное примѣненіе, напр., многократное закрытіе одного и того же промышленнаго или торговаго заведенія, многократное одновременное запрещеніе одной и той же газеты, или же несовмѣстимость извѣстнаго дополнительнаго взысканія съ главнымъ, напр., ссылка на каторгу съ высылкою за границу и т. д.

Болѣе труднымъ представляется второй вопросъ—о примѣненіи ст. 152 къ наказаніямъ особеннымъ, исчисленнымъ въ ст. 65 улож. Съ одной стороны, эти взысканія являются несомнѣнно карательными мѣрами, имѣющими всѣ свойства уголовныхъ наказаній, а потому и подходящими подъ дѣйствіе ст. 152, а съ другой—большинство этихъ взысканій, независимо отъ карательнаго ихъ свойства, имѣетъ особое назначеніе—ограждать интересы государственной службы и, сверхъ того, многія изъ нихъ назначаются не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ. Поэтому мнѣ бы казалось, что и относительно этихъ взысканій слѣдуетъ принять то же толкованіе, какъ и относительно дополнительныхъ

---

(1) Такое толкованіе дано и Сенатомъ еще въ 1868 г. № 160 по дѣлу Умецкихъ; но съ его формальнымъ основаніемъ этого вывода, что эти мѣры не входятъ въ общую лѣстницу наказаній, а потому къ нимъ не относится и ст. 152, согласиться нельзя, такъ какъ тогда придется распространить это положеніе на всѣ особыя мѣры взысканія, что не допускаетъ и самъ Сенатъ, напр., въ рѣшеніи по дѣлу Иванова, 1868 г. № 46.

взысканій, т. е. что они не подлежатъ дѣйствію ст. 152 улож., а присоединяются къ наказанію, назначаемому за общее, или къ другимъ наказаніямъ, назначаемымъ также за служебные проступки, за исключеніемъ только слѣдующихъ случаевъ: 1) когда совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ служебныхъ взысканій не допустимо по самому ихъ существу, напр., многократное отрѣшеніе отъ службы или удаленіе отъ должности и т. п.; 2) когда одно особое взысканіе совмѣщаетъ въ себѣ и другое, коему подлежитъ виновный за другое служебное дѣяніе, какъ, напр., исключеніе изъ службы и удаленіе отъ должности; 3) когда особое взысканіе несовмѣстимо съ наказаніемъ, налагаемымъ за общее преступленіе, какъ, напр., ссылка на каторгу и перемѣщеніе съ высшей должности на низшую, или 4) когда оно объемлется наказаніемъ за общее преступное дѣяніе—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и исключеніе изъ службы.

Наконецъ, третій вопросъ возникаетъ относительно общихъ исключительныхъ наказаній. Очевидно, что по сколько въ этихъ взысканіяхъ заключаются послѣдствія, напр., гражданскаго характера, какъ обязанность обезпечить мать и ребенка по ст. 994, недѣйствительность духовнаго завѣщанія по 1472 ст., лишеніе права наслѣдовать въ имуществѣ родителей по ст. 1566 и т. д., то эти послѣдствія не могутъ быть поглощаемы другими наказаніями, назначаемыми по совокупности; но по сколько въ нихъ заключается общій чисто карательный элементъ, они должны быть подводимы подъ дѣйствіе 152 ст. Такимъ образомъ, лицо, обвиняемое въ участіи въ поединкѣ и въ сопротивленіи властямъ или въ подлогѣ, подлежитъ отвѣтственности съ примѣненіемъ общихъ правилъ о совокупности. На обязанности суда въ этихъ случаяхъ, какъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Иванова (1868 г. № 46), лежитъ выясненіе сравнительной важности этихъ преступленій и другихъ, учиненныхъ виновнымъ, и опредѣленіе наказанія, назначаемаго за тягчайшее изъ нихъ. При этомъ и въ случаяхъ сего рода судъ долженъ обращать главное вниманіе на объемъ назначаемыхъ за эти дѣянія правопораженій.

881. Проектъ новаго уложенія различаетъ два вида совокупности—простую и квалифицированную, проявляющую привычку къ преступному дѣянію или ремесло.

При простой совокупности проектъ принимаетъ два начала: 1) систему полнаго поглощенія въ тѣхъ случаяхъ, когда за одно дѣяніе назначены каторга или исправительный домъ, а за другое—денежная пеня, арестъ или краткосрочное заточеніе; 2) примѣненіе тягчайшаго изъ наказаній, опредѣленныхъ за отдѣльныя дѣянія судомъ, но съ предоставленіемъ суду права, именно въ виду совокупности, возвышать это наказаніе до высшаго предѣла наказанія, опредѣленнаго въ законѣ за это дѣяніе—во всѣхъ прочихъ случаяхъ.

При этомъ, какъ говоритъ коммисія (объясн. зап., стр. 573), во 1-хъ, такое усиленіе не обязательно для суда, а онъ будетъ пользоваться этимъ правомъ или въ виду количественнаго значенія учиненныхъ виновнымъ дѣяній, когда, напр., обвиняемый судится за 10 или 15, хотя бы и незначительныхъ, проступковъ, или же въ виду важности, хотя бы и немногихъ учиненныхъ имъ дѣяній—нѣсколькихъ тяжкихъ случаевъ убійства, поджога; во 2-хъ, такое усиленіе не примѣнимо, если судъ, и помимо совокупности, назначилъ виновному высшій предѣлъ наказанія, положеннаго въ законѣ за тягчайшее дѣяніе, или же когда тягчайшимъ наказаніемъ будетъ наказаніе недѣлимое, а потому и не допускающее отягченія; къ такимъ наказаніямъ должны быть отнесены: смертная казнь, каторга безъ срока и поселеніе. По отношенію къ послѣднимъ при простой совокупности всегда примѣняется начало поглощенія.

Кромѣ того, при этомъ возвышеніи наказанія судъ не можетъ превысить суммы наказаній, слѣдующихъ за всѣ учиненныя имъ дѣянія, и при дробимости наказаній обязанъ соблюдать правила, изложенныя въ ст. 19 (1).

---

(1) Такъ, если за одно дѣяніе назначено судомъ 7 лѣтъ каторги, за другое 4 года исправительнаго дома, за третье 6 мѣсяцевъ тюрьмы, а за четвертое 4 мѣсяца тюрьмы, то судъ, приведя всѣ наказанія къ каторгѣ, получитъ: 7 лѣтъ+2 года+2 мѣс.+1⅓ мѣсяца, а въ суммѣ 9 лѣтъ и 3⅓ мѣсяца; поэтому онъ не можетъ назначить и при совокупности наказаніе выше этой суммы, а въ виду 19 ст., на основаніи коей каторга дѣлится только полугодами, онъ не можетъ назначить по совокупности наказаніе свыше 9 лѣтъ, такъ какъ, назначивъ 9 лѣтъ,

Дополнительныя наказанія, назначаемыя за отдѣльныя дѣянія подсудимаго, присоединяются къ тягчайшему наказанію, если, конечно, они по существу не поглощаются другъ другомъ или дополнительными взысканіями, слѣдующими за главнымъ наказаніемъ.

Если за одно изъ дѣяній, подлежащихъ наказанію по совокупности, виновный уже отбылъ наказаніе вполнѣ или частью, то таковое засчитывается въ наказаніе, назначаемое по совокупности.

Сравнительная тяжесть наказаній опредѣляется ихъ порядкомъ, въ ст. 2-й проекта опредѣленнымъ, но заточеніе считается строже тюрьмы и даже исправительнаго дома, а арестъ строже тюрьмы, если срокъ ихъ вдвое продолжительнѣе; денежная пеня можетъ быть признана строже ареста, если срокъ его не превышаетъ высшаго срока ареста, замѣняющаго при несостоятельности виновнаго пеню.

При сложеніи и зачетѣ наказаній устанавливается слѣдующее соотношеніе: 6 мѣсяцевъ каторги считаются=1 году исправительнаго дома=1 ½ годамъ тюрьмы=2 годамъ заточенія=3 годамъ ареста. Денежная пеня сравнивается съ арестомъ по усмотрѣнію суда, но въ предѣлахъ, установленныхъ для замѣны ея арестомъ въ случаѣ несостоятельности.

Эти начала, по мнѣнію коммисіи, должны быть прилагаемы ко всѣмъ наказаніямъ; что же касается изъятій, допущенныхъ нашимъ уложеніемъ относительно нарушеній уставовъ казеннаго управленія и лѣсныхъ, то, по мнѣнію коммисіи, если за эти нарушенія денежныя пени будутъ налагаемы какъ наказаніе, то онѣ подпадутъ подъ общія правила о совокупности, а если взысканія будутъ имѣть значеніе вознагражденія казны за понесенный ею вредъ, то къ нимъ не можетъ быть примѣняемо начало поглощенія, а виновный обязанъ будетъ удовлетворить за каждый понесенный казною отъ его дѣйствій ущербъ въ отдѣльности, подобно тому, какъ удовлетворяется вредъ, нанесенный частнымъ лицамъ.

Болѣе широкое право усиленія наказанія предоставлено по проекту суду въ случаѣ квалифицированной совокупности, т. е. при

---

3 мѣс. и 10 дней, онъ нарушилъ бы статью 19, а назначивъ 9½ лѣтъ превысилъ бы сумму наказаній.

наличности слѣдующихъ условій: когда подсудимый признанъ виновнымъ въ нѣсколькихъ тождественныхъ или однородныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, т. е. относящихся къ одной и той же группѣ преступныхъ дѣяній, и если притомъ судъ признаетъ, что это множество предъявленныхъ къ виновному обвиненій свидѣтельствуетъ, что у него установилась привычка къ преступной дѣятельности, или что онъ обратилъ ее въ ремесло. Причемъ, если подобныя дѣла разсматриваются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то утвержденіе наличности привычки принадлежитъ имъ и о семъ долженъ быть предлагаемъ особый вопросъ.

Въ этихъ случаяхъ суду предоставляется: 1) назначеніе, съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ правилъ, тягчайшаго наказанія въ высшей мѣрѣ; 2) возвышеніе наказанія до предѣльнаго высшаго срока этого рода наказанія, т. е. для каторги—до 15 лѣтъ, для исправительнаго дома до 6 лѣтъ, или 3) переходъ и за этотъ предѣлъ и право продлить срокъ при арестѣ до 1 года, при тюрьмѣ до 2 лѣтъ, при исправительномъ домѣ и заточеніи до 10 лѣтъ и при каторгѣ до 20 лѣтъ, соблюдая условіе, ст. 19 установленное. Конечно, при наказаніяхъ безсрочныхъ это отягченіе невозможно, и взамѣнъ его предположено другое, а именно для каторги безъ срока запрещеніе перевода съ каторги на поселеніе въ теченіе 20 лѣтъ. Относительно денежныхъ взысканій усиленіе заключается въ присоединеніи къ пенѣ ареста на срокъ не свыше 1-го мѣсяца.

882. Примѣненіе правилъ о совокупности возбуждаетъ много интересныхъ процессуальныхъ вопросовъ, въ особенности въ тѣхъ кодексахъ, которые допускаютъ не простое сложеніе наказаній, дѣлающее въ сущности безразличнымъ одновременность или разновременность разсмотрѣнія отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній ([1]), а принимаютъ систему поглощенія или системы смѣшанныя. Подробное изложеніе этихъ вопросовъ относится, конечно, къ судопроизводству, но нѣкоторые, важнѣйшіе изъ нихъ, должны

([1]) Въ этихъ случаяхъ даже отдѣльное, а не непрерывное выполненіе назначенныхъ наказаній, не будетъ противорѣчить сущности закона, хотя и вызываетъ нѣкоторыя практическія неудобства.

быть указаны и здѣсь, такъ какъ безъ этого не можетъ быть ясно усвоено и ученіе матеріальнаго права объ этомъ институтѣ (1).

Объединеніе наказуемости предполагаетъ объединеніе приговоровъ, а это послѣднее дѣлаетъ желательнымъ объединеніе производствъ, по возможности, во всѣхъ ихъ стадіяхъ.

Соотвѣтственно этому ст. 205 уст. угол. суд. постановляетъ, что въ случаѣ обвиненія кого либо въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, изъ которыхъ одни подлежатъ разсмотрѣнію высшаго, а другія низшаго суда, дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подсудно важнѣйшее, причемъ (ст. 206), если за дѣяніе положено нѣсколько различныхъ наказаній, то тѣмъ судомъ, который въ правѣ присудить строжайшее изъ этихъ наказаній.

Это правило одинаково относится, какъ къ дѣламъ подсуднымъ общимъ судамъ, такъ, за силою 36 ст. уст. угол. суд., и къ дѣламъ, вѣдаемымъ мировыми установленіями, а равно и подсуднымъ особеннымъ судамъ. Такъ, по ст. 1250 и 1251 уст. угол. суд., въ случаѣ обвиненія кого либо въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ коихъ одни подсудны гражданскому, а другія военному суду, всѣ они разсматриваются судомъ, коему подсудно важнѣйшее, и виновный подвергается наказанію по правиламъ о совокупности. По закону 29 Декабря 1889 г. (ст. 205² уст. угол. суд. по прод. 1890 г.) при совокупности проступковъ, изъ коихъ одни подсудны земскому начальнику или городскому судьѣ, а другіе мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, дѣла рѣшаются сими установленіями по принадлежности. На основаніи неоднократныхъ разъясненій Правительствующаго Сената (рѣш. $^{69}/_{115}$, Егоровыхъ, $^{72}/_{607}$, Овчаренко), въ случаѣ учиненія нѣсколькихъ дѣяній, изъ коихъ одни подсудны волостному, а другія мировому суду, всѣ дѣянія, примѣнительно къ 205 ст. уст. угол. суд., разсматриваются мировыми установленіями.

По прямому тексту закона эти правила имѣютъ въ виду всѣ преступныя дѣянія, независимо отъ того, примѣняется ли въ случаѣ таковой совокупности начало поглощенія или начало сложенія; по-

---

(1) Ср. подробное изложеніе по этому вопросу французской практики у Garraud, II, № 177; по нашему праву у В. Случевскаго, учебникъ русскаго уголовнаго процесса, т. I, стр. 162 и сл.

этому они распространяются и на тѣ нарушенія спеціальныхъ уставовъ, о которыхъ говорится въ примѣчаніяхъ къ ст. 16 устава о наказаніяхъ и къ ст. 152 улож. (1). Но если дѣла о сихъ нарушеніяхъ подлежатъ вѣдѣнію административныхъ учрежденій, то, за силою 1126 ст. уст. угол. суд., эти взысканія налагаются сими учрежденіями независимо отъ наказаній, опредѣляемыхъ судебными мѣстами за другіе проступки обвиняемаго.

Такъ какъ при этомъ тяжесть преступныхъ дѣяній опредѣлялась размѣромъ высшаго изъ назначенныхъ за нихъ наказаній, то по судебнымъ уставамъ, по общему правилу, высшимъ судомъ былъ судъ, разсматривавшій дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; но съ ограниченіемъ узаконеніями послѣдняго времени числа дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, и съ расширеніемъ компетентности судовъ съ участіемъ сословныхъ представителей, возникло сомнѣніе объ отношеніяхъ этого суда къ суду, рѣшающему съ присяжными, въ случаѣ опредѣленія подсудности по совокупности. Въ этомъ отношеніи ст. 205¹ уст. угол. суд. (по прод. 1890 г.) опредѣляетъ, что при такой коллизіи всѣ дѣла разсматриваются судомъ (или высшимъ изъ судовъ) съ участіемъ сословныхъ представителей (2).

Тѣ же начала примѣняются и въ случаѣ учиненія однимъ и тѣмъ же лицомъ нѣсколькихъ дѣяній, подсудныхъ одному и тому же роду судовъ, но различныхъ округовъ. На основаніи 36 и 211 ст. уст. угол. суд., всѣ дѣла разсматриваются тѣмъ судомъ, въ округѣ коего совершенно тягчайшее изъ нихъ, а если они одинаковой важности, то тѣмъ судомъ, который ближе къ мѣсту задержанія обвиняемаго. Подсудность тому суду, который компетентенъ къ разбору важнѣйшаго изъ преступленій, примѣняется и въ томъ случаѣ, когда дѣянія учинены въ частяхъ государства, управляемыхъ по особымъ учрежденіямъ, какъ напр. въ Имперіи и въ В. К.

---

(1) Иного мнѣнія В. Случевскій, руководство, стр. 163; Н. Неклюдовъ, руководство, стр. 143, но также безъ всякой мотивировки.

(2) Такимъ образомъ, если лицо, занимающее должность выше пятаго класса, будетъ обвиняемо въ преступленіи по должности, соединенномъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ, и, положимъ, въ убійствѣ, то, на основаніи ст. 205¹ и 1105 (по прод. 1890 г.), всѣ дѣла подлежатъ разсмотрѣнію кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената съ сословными представителями.

Финляндіи (ст. 217), или когда одно учинено за границею, а другое въ предѣлахъ Имперіи (ст. 215).

Въ старой доктринѣ, въ особенности нѣмецкой, одновременность разбирательства считалась не только желательнымъ, но и существеннымъ условіемъ совокупности, такъ что судъ могъ примѣнить общее наказаніе по совокупности только въ случаѣ общаго разсмотрѣнія всѣхъ преступныхъ дѣяній и постановленія о нихъ общаго приговора (1). Но такая постановка придаетъ понятію совокупности совершенно формальный характеръ, и ставитъ наказуемость виновнаго въ зависимость отъ условій, иногда совершенно случайныхъ; поэтому новыя законодательства отказались отъ этой системы. Какъ неоднократно высказывалъ Сенатъ (рѣшенія $^{68}/_{473}$, Макошева; $^{70}/_{295}$, Лаврова; $^{70}/_{908}$, Кузнецова; $^{74}/_{680}$ Шаргородскаго; $^{76}/_{82}$, Ботарева и др.), сущность понятія о совокупности состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ проступки одного и того же подсудимаго изслѣдовать и разсматривать не иначе, какъ совокупно, а въ томъ, чтобы за всѣ его проступки, еще не наказанные, назначить одно наказаніе, чего можно достигнуть и при раздѣльномъ разсмотрѣніи проступковъ, предоставивъ примѣненіе законовъ о совокупности тому суду, который разсматривалъ важнѣйшій проступокъ.

Такія изъятія изъ совокупнаго разсмотрѣнія преступленій установляются, прежде всего, самимъ же закономъ, который, по соображеніямъ практическаго удобства, допускаетъ разсмотрѣніе въ различныхъ судахъ дѣяній одного и того же подсудимаго, подлежащихъ наказанію по правиламъ о совокупности. Такъ, по ст. 213 уст. угол. суд., дѣянія лица, участвовавшаго вмѣстѣ съ другими въ преступныхъ дѣяніяхъ, подсудныхъ разнымъ судамъ, разсматриваются этими судами порознь, но приговоръ о

---

(1) Такое условіе было принято Фейербахомъ; за это требованіе высказались Грольманъ, Бауеръ, Марецоль, Гефтеръ; вообще оно было настолько общепринято, что Зандеръ, въ своей статьѣ въ Archiv'ѣ 1836 г., Betrachtungen über die Conkurrenz von Verbrechen, замѣчалъ: общепринято, что стеченіе преступленій состоитъ въ наличности совокупности многихъ самостоятельныхъ преступленій обвиняемаго во время его осужденія однимъ и тѣмъ же судьею. Только сочиненіе Iohn'а о продолжаемыхъ преступленіяхъ поколебало это ученіе. Iohn даетъ опредѣленіе совокупности, господствующее и нынѣ, признавая таковымъ учиненіе виновнымъ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній до постановленія приговора по одному изъ нихъ.

немъ по совокупности постановляется тѣмъ судомъ, который разсматривалъ важнѣйшее; то же повторяютъ ст. 1252 и 1253 у., у. с., на основаніи коихъ, если военнослужащій, участвовавшій съ лицами гражданскаго вѣдомства въ учиненіи общаго преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ совершитъ нарушеніе дисциплины, влекущее наказаніе болѣе строгое, чѣмъ назначенное за общее, то первое дѣяніе разсматривается гражданскимъ, а второе военнымъ судомъ, но наказаніе опредѣляется по совокупности (1). Далѣе, какъ указано выше, хотя, согласно ст. 205¹ (по прод. 1890 г.), если изъ нѣсколькихъ преступленій одни подлежатъ вѣдѣнію суда съ участіемъ сословныхъ представителей, а другія подлежатъ вѣдѣнію иныхъ судовъ низшихъ или высшихъ, то всѣ дѣла вѣдаются судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, но, какъ прибавлено въ статьѣ, «буде при преданіи обвиняемаго суду признано было невозможнымъ допустить сужденіе дѣянія, подвѣдомственнаго суду съ участіемъ сословныхъ представителей, отдѣльно отъ прочихъ преступленій». Въ послѣднемъ случаѣ приговоръ по совокупности дѣяній, дѣла о коихъ разсмотрѣны различными судами, постановляется высшимъ судомъ.

При совокупности преступленій государственныхъ съ другими, всѣ они разсматриваются судебными палатами или особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, но если обвиняемый въ государственномъ преступленіи, подсудномъ судебной палатѣ, обвиняется въ другомъ дѣяніи, подсудномъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то послѣднее разсматривается отдѣльно, а приговоръ по совокупности постановляется палатою. Затѣмъ, по разъясненію Правительствующаго Сената ($^{70}/_{907}$, Бережнаго), при обвиненіи лицъ, принадлежащихъ къ духовному состоянію, въ совокупности дѣяній, изъ коихъ одно подсудно свѣтскому, а другое духовному суду, каждое изъ обвиненій разсматривается порознь.

Еще болѣе отступленій отъ правилъ о совмѣстномъ разсмотрѣніи всѣхъ обвиненій встрѣчается въ дѣйствительности, въ силу

(1) Но если нарушеніе дисциплины подлежитъ менѣе строгому наказанію, то всѣ дѣла разсматриваются въ гражданскомъ судѣ, $^{74}/_{41}$, Персидскаго (о. с.), хотя бы воинское нарушеніе было обнаружено и послѣ постановленія приговора объ общемъ преступленіи. Ср. рѣшенія общаго собранія ($^{70}/_{2}$, Артемьева; $^{77}/_{30}$, Ярошенко; $^{81}/_{19}$, Луневскаго и др.).

фактическихъ условій разсмотрѣнія дѣла. Хотя законъ и заботится о томъ, чтобы судьи разсматривали совмѣстно всѣ обвиненія, но эти заботы не всегда приводятъ къ желаемому результату.

По закону, мировой судья, усматривая при производствѣ дѣла, что виновнымъ учиненъ другой проступокъ, подлежащій разсмотрѣнію независимо отъ частной жалобы, можетъ возбудить о немъ дѣло по непосредственному усмотрѣнію ($^{74}/_{149}$, Кобылкиныхъ; $^{75}/_{228}$, Гусева и др.). Если же производство по другому дѣлу уже возбуждено, то мировой судья обязанъ разсмотрѣть каждое обвиненіе порознь и, опредѣливъ отвѣтственность за каждое, назначить затѣмъ общее наказаніе по совокупности; если же дѣло находится у другого мироваго судьи, то судья поступаетъ согласно съ 36 ст. уст. угол. суд., но производство по возбужденному уже дѣлу не прекращается, въ виду возможности возбужденія новаго дѣла о томъ же обвиненномъ.

Если наличность другаго обвиненія будетъ усмотрѣна съѣздомъ, то онъ, конечно, самъ не можетъ возбудить обвиненія о такомъ дѣяніи, но передаетъ о томъ прокурорскому надзору или сообщаетъ мировому судьѣ для законнаго направленія.

Если мировымъ судьею или съѣздомъ будетъ усмотрѣно, что подсудимый учинилъ другое болѣе тяжкое дѣяніе, не подсудное мировымъ установленіямъ, то они должны пріостановить производство по первому обвиненію, не постановляя окончательнаго рѣшенія и передать дѣло въ общія судебныя мѣста, въ порядкѣ, ст. 117 уст. угол. суд. установленномъ (рѣш. $^{66}/_{40}$, Рындина; $^{68}/_{177}$, Путятина; $^{75}/_{636}$, Лихачева и др.).

Точно также и по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, если дѣянія были совершены въ различныхъ судебныхъ округахъ и по нимъ требуется производство предварительнаго слѣдствія, то слѣдствіе по каждому изъ нихъ производится тѣмъ судебнымъ слѣдователемъ, въ участкѣ коего оно совершено, и представляется чрезъ мѣстнаго прокурора въ подлежащій судъ.

Прокуроръ того суда, въ которомъ, на основаніи правилъ о совокупности, сосредоточились слѣдствія по всѣмъ обвиненіямъ, предъявленнымъ къ одному лицу, или сосредоточились обвиненія, не требовавшія предварительнаго слѣдствія, разсматриваетъ ихъ

въ порядкѣ ст. 510 уст. угол. суд., а затѣмъ составленный имъ общій обвинительный актъ (рѣш. $^{75}/_{317}$ по дѣлу иг. Митрофаніи) или свое заключеніе по дѣлу предлагаетъ суду, въ порядкѣ, 523 ст. уст. угол. суд. (по прод. 1890 г.) установленномъ. При этомъ законъ указываетъ (ст. 515), что, при совокупности преступленій, если важнѣйшее изъ нихъ уже вполнѣ изслѣдовано, а для обнаруженія обстоятельствъ другаго, менѣе важнаго, необходимо продолжительное время, то оконченному по важнѣйшему преступленію слѣдствію можетъ быть данъ дальнѣйшій ходъ, если по дѣянію менѣе важному нѣтъ въ виду ни соучастниковъ, ни гражданскаго иска о вознагражденіи, причемъ самое право такого раздѣленія обвиненій по ст. 518 уст. угол. суд. принадлежитъ или судебной палатѣ, или окружному суду по принадлежности ($^{86}/_{33}$).

Далѣе, по поступленіи дѣла въ окружный судъ, во время предварительныхъ къ суду распоряженій, судъ въ распорядительномъ засѣданіи долженъ, между прочимъ, разсмотрѣть, не слѣдуетъ ли подвергнуть совокупному разсмотрѣнію дѣла, имѣющія между собою тѣсную связь, но изслѣдованныя отдѣльно, или, наоборотъ, раздѣльно разсмотрѣть дѣла, соединенныя слѣдователемъ неправильно (объясн. зап., стр. 262 и сл.) (1).

Если дѣло было передано въ судъ по опредѣленію судебной палаты, то судъ, по силѣ ст. 549 уст. угол. суд., не входитъ уже въ разсмотрѣніе порядка производства дѣла, но, однако, если бы послѣ сего въ судъ былъ внесенъ непосредственно обвинительный актъ по другому дѣлу того же обвиняемаго, то о такомъ обстоятельствѣ, буде оно могло вліять на дальнѣйшее направленіе дѣла, судъ представляетъ палатѣ (рѣш. 1875 г. № 486, по дѣлу Кравченко).

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти предписанія закона о совмѣстномъ разсмотрѣніи дѣлъ могутъ остаться невыполненными, и притомъ по различнымъ основаніямъ.

Во 1-хъ, такъ сказать, по оплошности суда, когда онъ, видя наличность совокупности, требующей пріостановки разбирательства,

---

(1) Но на судѣ, за силою 613 ст. уст. угол. суд., отъ усмотрѣнія предсѣдателя зависитъ, въ случаѣ обвиненія подсудимаго въ нѣсколькихъ преступныхъ дѣяніяхъ, распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе производилось по каждому обвиненію особо (рѣш. $^{69}/_{875}$, Высотскаго; $^{70}/_{389}$, Горскаго; $^{74}/_{320}$ Тиханова).

тѣмъ не менѣе не пріостановитъ таковаго. Сенатъ первоначально признавалъ такую пріостановку безусловно обязательною, а посему неисполненіе этого требованія считалъ основаніемъ кассаціи, и притомъ безразлично—производилось ли уже о важнѣйшемъ дѣяніи предварительное слѣдствіе ($^{69}/_{614}$, Елисѣева), или же только было возбуждено обвиненіе ($^{66}/_{40}$, Рындина; $^{67}/_{398}$, Дисконта); но въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ ($^{71}/_{1417}$, Матузина; $^{72}/_{669}$, Дубовова; $^{74}/_{680}$, Шаргородскаго) Сенатъ призналъ, что непередача дѣла съѣздомъ общимъ судебнымъ мѣстамъ не служитъ поводомъ кассаціи, если только съѣздъ, постановивъ приговоръ, указалъ, что онъ не подлежитъ исполненію, а въ особенности, если онъ препроводилъ копію съ приговора къ прокурору или въ окружный судъ для постановленія общаго приговора; въ рѣшеніи же по дѣлу Андреевскаго ($^{70}/_{619}$) Сенатъ даже указалъ, что въ основаніе разрѣшенія и направленія такого дѣла слѣдуетъ принимать не только букву закона, но и разумъ его, а также большее или меньшее удобство исполненія закона, обусловливаемое свойствомъ дѣла и положеніемъ, въ которомъ оно находится; въ рѣшеніи 1872 г. № 669, въ частности, Сенатъ указалъ, что пріостановка мировымъ съѣздомъ дѣла, о коемъ уже состоялся приговоръ судьи, въ виду другаго дѣла, о коемъ еще неизвѣстно—дойдетъ ли оно до судебнаго разбирательства, не представляется необходимою, такъ какъ чрезъ это безъ нужды можетъ быть отягощена участь участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и причиненъ вредъ самому дѣлу.

Во 2-хъ, отдѣльное разсмотрѣніе дѣла, не смотря на извѣстность суду объ учиненіи обвиняемымъ другаго преступленія, можетъ зависѣть отъ закономъ указанныхъ обстоятельствъ, напр., отъ непредъявленія частной жалобы по дѣлу, подлежащему производству въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Наконецъ, въ 3-хъ, такая раздѣльность можетъ зависѣть отъ того, что другое дѣяніе подсудимаго было *обнаружено* уже послѣ постановленія приговора о первомъ, или даже во время отбытія за него наказанія или и послѣ отбытія.

Правда, по поводу послѣднихъ случаевъ въ литературѣ не разъ возбуждался вопросъ, можно ли относить ихъ къ совокупности или нѣтъ. Такъ, Гейеръ еще въ 1861 г., возражая противъ опредѣленія совокупности, даннаго Іономъ, указывалъ, что совокуп-

ность существуетъ только въ томъ случаѣ, когда представляется необходимымъ одновременно выполнить или назначить къ выполненію нѣсколько наказаній, а не тогда, когда одно изъ нихъ уже осуществлено (1). Германскій кодексъ, какъ мы видѣли, въ § 79, хотя и оговорилъ, что обнаруженіе дѣянія во время отбытія не устраняетъ примѣненія правилъ о совокупности, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъялъ отъ дѣйствія этихъ постановленій случаи обнаруженія прежде учиненнаго дѣянія послѣ отбытія наказанія за другія. Но это ограниченіе вызвало сильныя возраженія даже и въ Германіи. Оно дѣйствительно вводитъ совершенно формальный признакъ въ опредѣленіе понятія совокупности, такъ какъ несвоевременное раскрытіе одного изъ учиненныхъ виновнымъ преступныхъ дѣяній можетъ зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ, случайныхъ причинъ, которыя никакого вліянія на виновность и наказуемость имѣть не могутъ. Наше же дѣйствующее уложеніе во всѣхъ своихъ постановленіяхъ о совокупности придаетъ значеніе только времени учиненія, а не времени обнаруженія дѣянія, относя къ совокупности всѣ случаи, когда одно дѣяніе было учинено до постановленія приговора о другомъ, каковъ бы ни былъ порядокъ ихъ судимости, и этому условію постоянно придавала главное значеніе наша практика (рѣш. 1876 № 82, Ботарева и др.). Такимъ образомъ, правила о совокупности должны быть примѣняемы, какъ въ томъ случаѣ, когда всѣ дѣянія судятся одновременно, такъ и тогда, когда они разсматриваются разновременно однимъ или различными судами. Въ послѣднемъ случаѣ копіи всѣхъ приговоровъ должны быть сосредоточиваемы въ томъ судѣ, который разсматриваетъ важнѣйшее дѣяніе; этотъ судъ и постановляетъ общій приговоръ, совмѣстно съ постановленіемъ приговора о важнѣйшемъ дѣяніи, если свѣдѣнія получены были до постановленія таковаго, или въ видѣ дополнительнаго

---

(1) Geyer, Ein Beitrag zu der Lehre von der Conkurrenz der Verbrechen въ Gerichtssaal за 1861 г.; Розенблаттъ, исходя изъ того же начала, находитъ, стр. 3, что весь вопросъ о совокупности заключается не въ стеченіи нѣсколькихъ преступленій, а въ стеченіи нѣсколькихъ наказаній (Strafenconkurrenz) и возникающихъ въ силу того практическихъ затрудненій ихъ примѣненія, что поэтому совокупность имѣетъ вліяніе не на сущность преступности, а только на порядокъ исполненія приговоровъ и отбытія наказанія.

приговора (1), если свѣдѣнія были получены послѣ, причемъ, если бы оказалось, что подсудимый не только былъ осужденъ за другое дѣяніе, но и отбылъ вполнѣ или частью назначенное наказаніе, то оно должно быть засчитано въ наказаніе, назначаемое по совокупности (2).

Но случаи обнаруженія дѣянія, подлежащаго наказанію по правиламъ о совокупности, послѣ постановленія приговора по другому дѣлу, вызываютъ и другіе, весьма практически важные вопросы.

По началамъ, прямо указаннымъ въ законѣ, судъ, какъ общій, такъ и мировой, обязанъ, разсмотрѣвъ каждое дѣяніе, учиненное виновнымъ, по каждому изъ нихъ опредѣлить наказаніе (рѣш. 1876 № 27, Иванова), какъ бы ни было одно изъ нихъ маловажно сравнительно съ другими. Необходимость соблюденія этого требованія вполнѣ объясняется тѣмъ, что опредѣленіе сравнительной важности дѣянія вполнѣ зависитъ отъ размѣра назначеннаго за него въ данномъ случаѣ наказанія, а равно и тѣмъ, что до постановленія приговора нельзя и опредѣлить, въ учиненіи какихъ именно дѣяній подсудимый будетъ признанъ виновнымъ. Но должны ли быть соблюдаемы эти правила, когда вновь обнаруженное дѣяніе подлежитъ разсмотрѣнію уже послѣ постановленія приговора о другомъ дѣяніи?

Далѣе, въ виду примѣненія правилъ о совокупности при неодновременномъ разсмотрѣніи дѣлъ, приговоръ по каждому отдѣльному дѣлу, хотя бы и вошедшій въ законную силу, не при-

---

(1) Въ циркулярѣ Мин. Юстиціи отъ 15 Сент. 1865 г. указано, что нѣкоторыя судебныя мѣста въ случаѣ обнаруженія новаго преступнаго дѣянія послѣ постановленія приговора, но до приведенія его въ исполненіе, входили съ представленіемъ объ испрошеніи Высочайшаго разрѣшенія на пересмотръ прежняго приговора, но, какъ указывалъ Министръ Юстиціи, такой порядокъ не соотвѣтствуетъ 152 ст. улож., на основаніи коей о вновь обнаруженномъ дѣяніи долженъ быть постановленъ новый приговоръ по совокупности, причемъ долженъ быть принятъ во вниманіе прежній, т. е. судъ долженъ или оставить въ силѣ прежнее наказаніе, или приговорить вновь къ болѣе тяжкому наказанію.

(2) Если же по роду отбытаго наказанія прямой зачетъ невозможенъ, то судъ долженъ считать отбытое наказаніе за основаніе смягченія въ предѣлахъ правъ, ему предоставленныхъ, или же въ случаяхъ чрезвычайныхъ ходатайствовать о смягченіи предъ Государемъ Императоромъ.

водится въ исполненіе, какъ скоро суду, при постановленіи этог приговора, сдѣлалось извѣстнымъ, что о подсудимомъ производитс другое уголовное дѣло; но примѣняется ли это правило въ том случаѣ, если такое указаніе получено послѣ постановленія приго вора и, можетъ быть, даже послѣ обращенія его къ исполненію Могутъ ли органы, исполняющіе приговоръ, остановить исполне ніе въ виду полученныхъ ими свѣдѣній о возбужденіи или о про изводствѣ о подсудимомъ новаго дѣла? Особенное значеніе полу чаютъ эти вопросы въ тѣхъ законодательствахъ, которыя примѣ няютъ въ случаяхъ совокупности начало поглощенія.

Въ нашемъ правѣ нѣкоторыя указанія по этому поводу содер жатся только въ 5 п. 959 ст. у. у. с., на основаніи коего судеб ный приговоръ, по вступленіи его въ силу, не обращается немед ленно къ исполненію въ томъ случаѣ, если осужденный обвиняетс въ новомъ преступленіи, подвергающемъ наказанію болѣе тяжком нежели то, къ которому онъ приговоренъ; о семъ новомъ преступ пленіи производится особое изслѣдованіе, а исполненіе постано вленнаго приговора отлагается.

Это положеніе, какъ исключеніе изъ общаго правила, должн быть толкуемо ограничительно, а потому, какъ разъяснилъ Пра вительствующій Сенатъ (рѣш. 1884 № 3), пріостановка допу скается только относительно приговоровъ, хотя и вошедшихъ в законную силу, но не обращенныхъ къ исполненію, приговоръ же обращенный къ исполненію, пріостановленъ быть не можетъ, хо бы о подсудимомъ возникло новое дѣло по обвиненію его въ болѣ тяжкомъ преступленіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ при опред леніи наказанія за вновь судимое дѣяніе, судъ принимаетъ вниманіе то обстоятельство, что подсудимый отбылъ уже так наказаніе за другое преступленіе, которое могло поглощаться п правиламъ о совокупности преступленій.

При этомъ пріостановка не обращеннаго къ исполненію приг вора допустима только въ томъ случаѣ, если наказаніе, коим угрожаетъ законъ за вновь открывшееся дѣяніе, будетъ болѣ тяжкимъ, чѣмъ назначенное пріостанавливаемымъ приговором такъ что, въ случаѣ его примѣненія, оно поглотило бы прежнее.

Наконецъ, такая пріостановка возможна только въ томъ случа если приговоренный «обвиняется» въ новомъ преступленіи, слѣд

вательно, одного заявленія подсудимаго объ учиненіи имъ преступнаго дѣянія; равно какъ одной подачи жалобы или объявленія, или составленія протокола и т. п. по новому дѣлу недостаточно для примѣненія 5 п. ст. 959.

При отсутствіи этихъ условій, вновь предъявленное къ виновному обвиненіе, хотя бы и подходящее подъ дѣйствіе правилъ о совокупности, не останавливаетъ приведенія въ исполненіе уже состоявшагося приговора. Но разрѣшается ли этимъ 5-мъ пунктомъ и первый вопросъ, о необходимости судебнаго разслѣдованія и постановленія приговора по вновь предъявленному обвиненію?

Многіе, основываясь на текстѣ 5 п. ст. 959, въ коемъ говорится: «то о семъ (т. е. о новомъ преступленіи, подвергающемъ болѣе тяжкому наказанію) производится особое изслѣдованіе», приходятъ къ тому заключенію, что если за это дѣяніе назначается менѣе тяжкое наказаніе, то разслѣдованіе не производится и дѣло подлежитъ прекращенію; иначе, замѣчаютъ они, пришлось бы, безъ всякаго практическаго интереса, разсматривать дѣло по обвиненію лица, приговореннаго къ каторгѣ, въ такомъ нарушеніи, которое можетъ повлечь за собою лишь заключеніе въ тюрьму или арестъ; да и какъ судить это дѣяніе, если предъявленное вновь обвиненіе не останавливаетъ исполненія прежняго приговора и, слѣдовательно, отправки подсудимаго на каторгу?

Но такая постановка вопроса возбуждаетъ значительныя сомнѣнія.

Воспрещеніе такого разслѣдованія можетъ быть вредно для общества, которому иногда важно установленіе наличности признаковъ преступленія въ извѣстномъ событіи и опредѣленіе лица, его совершившаго, важно осужденіе опредѣленнаго подсудимаго, хотя бы таковое и не вліяло на наказуемость. Равнымъ образомъ, его разбирательство можетъ быть далеко не безразличнымъ и въ интересахъ подсудимаго, для его будущаго. Если противъ лица, присужденнаго, положимъ, къ 5 годамъ заключенія въ крѣпость, будетъ возбуждено обвиненіе въ кражѣ или мошенничествѣ, и если осужденный полагаетъ, что онъ доказалъ бы на судѣ свою невиновность въ этомъ дѣяніи, то для него прекращеніе дѣла о кражѣ по 5 п. 959 ст. будетъ далеко не безразлично.

Далѣе, прекращеніе разслѣдованія по вновь предъявленному

обвиненію въ дѣяніи, влекущемъ низшее наказаніе, представляется невозможнымъ, какъ скоро есть основаніе предполагать наличность въ немъ соучастниковъ или когда къ обвиняемому предъявленъ гражданскій искъ.

Наконецъ, такое прекращеніе будетъ нарушать систему, принятую ст. 152, когда вновь открывшееся преступное дѣяніе относится къ числу тѣхъ, на которыя не распространяется начало поглощенія (акцизныя, лѣсныя нарушенія), или къ тѣмъ, которыя могутъ возвышать мѣру наказанія, если только по первому оно не назначено въ высшемъ предѣльномъ размѣрѣ, т. е. въ виду закона 1892 г. въ весьма значительномъ числѣ случаевъ.

Такимъ образомъ, я полагаю, что предъявленное противъ осужденнаго обвиненіе въ дѣяніи, подходящемъ подъ дѣйствіе правилъ о совокупности, подлежитъ судебному разсмотрѣнію на общемъ основаніи и приговоръ о немъ постановляется съ примѣненіемъ общихъ правилъ о совокупности:

во 1-хъ, когда оно будетъ болѣе тяжкое, чѣмъ то, по коему уже состоялся приговоръ;

во 2-хъ, когда новое дѣяніе, хотя бы и менѣе тяжкое, можетъ, по ст. 152, вліять на увеличеніе мѣры прежде назначеннаго наказанія или когда назначаемое за него наказаніе вовсе не подлежитъ поглощенію (1);

въ 3-хъ, когда по вновь возбужденному обвиненію предполагаются соучастники или предъявленъ гражданскій искъ.

883. По закону 1857 г. подъ понятіе совокупности подводились только тѣ случаи, когда второе дѣяніе было учинено во время или прежде суда, а подъ повтореніе—учиненіе новаго дѣянія послѣ суда и наказанія. Такимъ образомъ, совершенно не опредѣлялись случаи

---

(1) Коммисія по составленію новаго уложенія полагала, что производство новаго уголовнаго разслѣдованія, независимо отъ отсутствія по новому обвиненію соучастниковъ и гражданскаго иска, могло бы быть устраняемо во 1-хъ тогда, когда наказаніе, которое могло бы быть за него назначено, не можетъ вліять на наказуемость и дѣлаетъ разслѣдованіе безполезнымъ и во 2-хъ, по соображеніямъ процессуальнымъ, по отношенію къ обвиняемымъ, которые, напр. сосланы на каторгу. Но правила эти, какъ полагаетъ коммисія, должны содержаться въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

учиненія преступнаго дѣянія послѣ суда за первое, но прежде отбытія назначеннаго за него наказанія. При составленіи устава о наказ. эти случаи были отнесены къ повторенію по п. 3 ст. 14; но въ уложеніи и послѣ закона 27 Дек. 1865 г. никакихъ измѣненій по этому предмету не произошло. Практика же нашего Сената цѣлымъ рядомъ рѣшеній установила, что къ этимъ случаямъ не могутъ быть примѣнимы ни правила о совокупности (1), ни правила о повтореніи (2), а виновный подлежитъ за вновь учиненное дѣяніе отдѣльному наказанію по общимъ правиламъ, причемъ вновь назначенное наказаніе отбывается по окончаніи отбытія за первое; а въ рѣшеніи 1883 г. № 1, по дѣлу Филонова, Сенатъ указалъ, что если за новое преступленіе, учиненное лицомъ, отбывающимъ исправительное наказаніе, будетъ назначено уголовное наказаніе, то виновный не возвращается въ прежнее мѣсто заключенія, а прямо обращается на каторгу или поселеніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда новое преступное дѣяніе было учинено лицомъ, отбывающимъ наказаніе лишеніемъ свободы, постановленія уложенія дополнялись отчасти постановленіями устава о ссыльныхъ и о содержащихся подъ стражею. Такъ, уставъ о ссыльныхъ (ст. 435 и сл. по изд. 1890 г.) опредѣляетъ отвѣтственность ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ за учиненныя ими преступныя дѣянія, и притомъ или въ порядкѣ судебномъ, или въ дисциплинарномъ; по уставу о содержащихся подъ стражею, содержащіеся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ (ст. 324 по изд. 1890 г.) и въ тюрьмахъ (ст. 271 по изд. 1890 г.) за маловажные проступки подвергались отвѣтственности въ порядкѣ административномъ.

---

(1) 1870 г. № 1647, по дѣлу Кудряшева; 1875 г. № 610, по дѣлу Сохновича; но въ рѣшеніи по дѣлу Болдова, 1872 г. № 737, Сенатъ замѣтилъ, что преступленіе, учиненное лицомъ, бѣжавшимъ изъ арестантскихъ отдѣленій, должно разсматриваться какъ учиненное послѣ суда и наказанія, т. е. какъ бы приравнивалъ эти случаи къ повторенію.

(2) Такъ, по дѣлу Кербицкаго ($^{71}/_{1144}$), Сенатъ не призналъ повтореніемъ учиненіе новаго преступленія во время разсмотрѣнія дѣла о первомъ въ апелляціонной инстанціи, а въ рѣшеніи по дѣлу Ботарева ($^{76}/_{82}$) учиненіе новаго дѣянія послѣ того, какъ приговоръ по прежнему дѣлу, хотя и вошелъ въ законную силу, но не былъ приведенъ въ исполненіе.

Коммисія по составленію проекта уложенія также отдѣлила случаи этого рода отъ совокупности и повторенія, постановивъ, что учинившій преступное дѣяніе послѣ провозглашенія краткаго приговора или во время отбыванія наказанія подлежитъ за сіе дѣяніе наказанію на общемъ основаніи. Это новое наказаніе присоединяется къ прежнему, причемъ различаются два случая: 1) если новое наказаніе однородно съ прежнимъ, то оно просто присоединяется къ прежнему, и 2) если они разнородны, то менѣе тяжкое присоединяется къ болѣе тяжкому съ сокращеніемъ сроковъ, по разсчету приведенному выше, при изложеніи постановленій проекта о совокупности.

При этомъ, какъ указано въ объяснительной запискѣ, по отношенію къ лицамъ, совершившимъ дѣяніе послѣ провозглашенія краткаго приговора, но до начала отбытія наказанія, это правило будетъ приложимо, буде сіе, конечно, допускается природою прежде назначеннаго и вновь налагаемаго наказаній, въ полномъ объемѣ, а къ совершившимъ новое преступное дѣяніе уже во время отбыванія наказанія, только въ случаяхъ наиболѣе тяжкихъ, такъ какъ виновные въ маловажныхъ нарушеніяхъ или даже и въ проступкахъ, совершенныхъ въ тюрьмахъ, исправительныхъ домахъ, а въ особенности на каторгѣ, будутъ подвергаемы взысканіямъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, на основаніи уставовъ отдѣльныхъ мѣстъ заключенія.

Начала проекта были положены въ основаніе закона 3 Февр. 1892 г., но при этомъ, въ виду сложности и запутанности дѣйствующей у насъ нынѣ системы наказаній, его постановленія о соединеніи прежняго и вновь назначеннаго наказаній оказались также сложными.

Отнеся къ совокупности всѣ случаи учиненія новаго преступнаго дѣянія до провозглашенія резолюціи по прежде учиненному, новый законъ, для случаевъ учиненія новаго дѣянія послѣ этого момента, но до отбытія наказанія, установляетъ, что за вновь судимое дѣяніе наказаніе опредѣляется отдѣльно и соединяется съ прежде назначеннымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

1) если наказанія однородны и состоятъ въ срочномъ лишеніи свободы, то сроки слагаются, но съ тѣмъ, чтобы высшій срокъ не превышалъ при каторгѣ 30 лѣтъ (для несовершеннолѣтнихъ—

20 лѣтъ), а при исправительныхъ наказаніяхъ—полуторнаго высшаго срока этого рода наказанія ([1]). Если же наказанія будутъ безсрочныя, то удлиняется для каторжныхъ—срокъ содержанія въ отдѣлѣ испытуемыхъ, а для поселенцевъ—срокъ перехода въ крестьяне (ст. 375 уст. о ссыльн.), а именно при стеченіи безсрочной каторги съ безсрочной—безъ срока ([2]), при стеченіи безсрочной каторги съ срочной—на половину срока срочной каторги; при стеченіи поселенія съ поселеніемъ—срокъ перечисленія въ крестьяне удлиняется до 15 лѣтъ.

2) Если наказанія разнородны, то менѣе тяжкое по роду присоединяется къ болѣе тяжкому, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

А. Если оба наказанія срочныя, то сроки складываются, но при этомъ:

а) 6 мѣс. каторги считаются равными 1 году арестантскихъ отдѣленій, 2 годамъ крѣпости или тюрьмы и 3 годамъ ареста;

б) общій срокъ не долженъ превышать при каторгѣ 30 лѣтъ, при исправительныхъ наказаніяхъ—полуторнаго высшаго срока.

Б. Если одно наказаніе безсрочное, или оба безсрочныя, а именно:

а) одно изъ наказаній каторга безъ срока, то удлиняется срокъ пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ: α) при соединеніи съ поселеніемъ, на 2 года, β) съ срочными исправительными наказаніями, на сроки этихъ наказаній, переведенные по указанному выше разсчету въ сроки каторги, γ) съ ссылкою на житье—по

([2]) Такимъ образомъ, увеличенные сроки будутъ: при арестантскихъ ротахъ и крѣпости—шесть лѣтъ; при тюрьмѣ (30, II, IV)—три года; при тюрьмѣ простой (30, V)—два года, причемъ это правило должно быть относимо и къ тюрьмѣ, назначаемой по уставу о наказ., съ лишеніемъ особенныхъ правъ (прим. къ п. V ст. 30) или безъ таковаго; при арестѣ—$4^1/_2$ мѣсяца. Такъ какъ въ текстѣ ст. 133 указано—«во всякомъ случаѣ», то, слѣдовательно, то же правило должно быть примѣнимо и къ лицамъ, осужденнымъ по ст. 133 и затѣмъ вновь учинившимъ преступное дѣяніе при условіяхъ, указанныхъ въ этой статьѣ.

([2]) Но по примѣч. 2 къ ст. 299 уст. о ссыльн. и въ этихъ случаяхъ пребываніе въ отрядѣ испытуемыхъ можетъ быть сокращено до 20 лѣтъ, а въ случаѣ стеченія безсрочной каторги со срочною—до 12 лѣтъ.

разсчету соотвѣтствующихъ степеней арестантскихъ отдѣленій или тюрьмы (30, II);

б) одно изъ наказаній ссылка на поселеніе, а другое:—α) каторга срочная, то срокъ каторги увеличивается на три года; β) срочное исправительное наказаніе, то это наказаніе отбывается предварительно на мѣстѣ ссылки, γ) ссылка на житье, то она переводится въ соотвѣтственное наказаніе лишеніемъ свободы, которое и отбывается на мѣстѣ поселенія;

в) одно изъ наказаній ссылка на житье, а другое: α) срочная каторга, то срокъ каторги увеличивается на срокъ соотвѣтствующаго ссылкѣ на житье срочнаго лишенія свободы, переведеннаго, по указанному выше разсчету, въ сроки каторги; β) срочное исправительное наказаніе, то это наказаніе отбывается предварительно на мѣстѣ ссылки.

В. Денежныя взысканія не переводятся въ высшія наказанія, а взыскиваются съ виновнаго независимо отъ другихъ наказаній, къ которымъ онъ приговоренъ.

Всѣ вышеуказанныя правила по отношенію къ каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ примѣняются лишь къ преступленіямъ, совершеннымъ ими до дѣйствительнаго отправленія ихъ въ мѣсто ссылки (ст. 103 уст. о ссыльн.).

884. Особый видъ стеченія преступныхъ дѣяній составляетъ повтореніе (1). Хотя границы, отдѣляющія повтореніе отъ сово-

---

(1) Ср. мое изслѣдованіе о повтореніи преступленій, 1867 г.; въ немъ приведены подробныя указанія литературы вопроса; изъ позднѣйшей литературы можно указать: Münchhausen, über die Strafbarkeit des Rückfalls, 1870 г.; Friedländer, der Rückfall im gemeinen deutschen Recht, 1872 г. (только историческій очеркъ, оканчивающійся Каролиною), Olshausen, der Einfluss von Vorbestrafungen auf später zur Aburtheilung kommenden Strafthaten, 1876 г. Интересный очеркъ вопроса о повтореніи даетъ Sichart въ Holtzendorfs Handbuch des Gefängnisswesens, II, стр. 509; Sacker, der Rückfall 1892 г. Во Франціи рядъ монографій о рецидивѣ вызвалъ законъ 1863 г. (важнѣйшія приведены въ моемъ изслѣдованіи о повтореніи, стр. 100, прим. 44), и новый законъ о релегаціи рецидивистовъ. О значеніи вопроса о рецидивѣ съ точки зрѣнія тюремной реформы, см. въ литературѣ по тюрьмовѣдѣнію, въ особенности d'Olivecrona, des causes de la récidive et de moyens d'en restreindre les effets, 1876 г.; Yvernes, de la récidive et du régime pénitentiaire en Europe, 1874 г.

купности, значительно измѣняются въ отдѣльныхъ законодательствахъ, но общею чертою этого понятія повсюду остается учиненіе новаго преступнаго дѣянія уже послѣ того, когда прежняя виновность однородная или разнородная была обнаружена и установлена судомъ; этотъ видъ стеченія почти всегда считался наиболѣе тяжкою формою виновности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда является такъ называемая сложная рецидива, т. е. когда новое дѣяніе было учинено лицомъ, нѣсколько разъ наказаннымъ.

Такія постановленія (1) находимъ мы въ многочисленныхъ законодательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ, особенно по отношенію къ преступленіямъ, наиболѣе часто встрѣчающимся въ жизни. Какъ говорили французскіе королевскіе ордонансы и эдикты, такое усиленіе объяснялось опасностью такихъ лицъ для общественнаго порядка, необходимостью усилить наказаніе «не только для того, чтобы побѣдить ожесточеніе злодѣя, но чтобы въ то же время остановить и удержать народъ французскій, у котораго это дѣяніе входило въ обычай» (Ordon. Людовика IX о богохульникахъ); усиленіе оправдывалось и тѣмъ, что виновный, осмѣлившійся неоднократно нарушить законъ, являлся «гнуснымъ попрателемъ и презрителемъ королевскихъ постановленій» (Ord. Людовика XIII, Февр. 1626 г.). Въ силу этого, правонарушенія сравнительно незначительныя—мелкое воровство, бродяжество, ношеніе запрещеннаго оружія—при второмъ или третьемъ повтореніи возводились въ разрядъ злодѣяній, «enormes malheurs», и влекли смертную казнь. Угрожая жестокими казнями, правительство надѣялось хоть сколько нибудь обуздать этихъ, по его картинному выраженію, «opprimeurs, mangeurs et detrousseurs de notre pauvre peuple» (Ordon. Франциска 1-го, 1523 г.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ точно опредѣлялъ наказаніе, за рецидиву большею частію назначалась смертная казнь, а иногда изгнаніе и разрушеніе жилища; тамъ же, гдѣ законъ предоставлялъ выборъ наказанія судьѣ, говоря, что наказывать нужно pour la terreur des

---

(1) Подробное изложеніе законодательныхъ постановленій о повтореніи по римскому, французскому и германскому праву до германскаго уложенія 1872 г.— въ моемъ изслѣдованіи о повтореніи, а также у Bonneville de Marsangy, de la récidive, 1844 г.

hommes mal vivants, repos et securité des bons et loyaux sujets— онъ довольствовался общимъ указаніемъ, что лицъ, вторично впавшихъ въ преступленіе, слѣдуетъ наказывать жесточе (Ord. Франциска 1-го, 1518 г.).

Этого послѣдняго начала держался и знаменитый французскій ордонансъ 1670 г.; но революціонное законодательство 1791 г., давая болѣе точное опредѣленіе какъ общаго, такъ и спеціальнаго понятія повторенія, установило точно и объемъ возвышенія наказанія въ случаяхъ этого рода (1).

Въ Германіи въ памятникахъ V и VI вѣковъ, въ числѣ обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности, встрѣчается и повтореніе. О немъ говорятъ памятники англо-саксонскаго права (2), leges barbarorum, капитуляріи Карла Великаго, и въ особенности подробно—городовыя права, Rechstbücher, причемъ въ этихъ памятникахъ вездѣ говорится о спеціальномъ повтореніи, и притомъ не при всѣхъ преступленіяхъ, а только при тѣхъ, которыя всего скорѣе обращались въ привычку, напр. при воровствѣ. Въ эпоху земскихъ уставовъ развитію ученія о повтореніи содѣйствовало, съ одной стороны, развитіе инквизиціоннаго процесса, въ особенности такъ называемаго Leumundsprocess,— относящагося преимущественно къ лицамъ, уже опороченнымъ судомъ, а съ другой—вліяніе итальянскихъ юристовъ, въ особенности Кларуса и Проспера Фаринація, у которыхъ уже сложилась относительно повторенія цѣлая доктрина. Но постановленія Каролины (Constitutio criminalis Carolinae) о повтореніи отличались значительною неопредѣленностью и вызвали сильный споръ (въ Германіи) (3) объ объемѣ ихъ примѣненія.

Постановленія объ усиленіи наказанія за повтореніе встрѣчаемъ мы и въ нашемъ старомъ правѣ, начиная съ уставной двинской грамоты, облагавшей третью кражу—смертью.

---

(1) Ср. мое изслѣдованіе «о повтореніи», стр. 72 и сл.

(2) Wilda, das Strafrecht der Germanen, 1842 г., стр. 514, 882 и сл.—«und beim andern mal gebe es keine andere Busse, als das Haupt, законъ Этельреда; ср. также цитаты у Geib, Lehrbuch, I, стр. 92, а также въ монографіи Фридлендера.

(3) Ср. въ моемъ изслѣдованіи стр. 138 и сл. Большинство нѣмецкихъ криминалистовъ относитъ постановленія §§ 161—163 Каролины къ повторенію. Противъ этого изъ новыхъ нѣмецкихъ писателей—Binding, Grundriss, § 103.

Вѣдомые лихіе люди вызывали особыя репрессивныя мѣры. Великокняжескій Судебникъ говорилъ: а доведутъ на кого нибудь татьбу, разбой или душегубство или ябедничество или иное какое либо лихое дѣло, и будетъ вѣдомый лихой человѣкъ, т. е. облихованный на повальномъ обыскѣ съ доводомъ, съ указаніемъ самаго лиха,—у кого воровалъ или кому краденое отдавалъ, ино такого лихаго человѣка казнить смертью (1). Дополнительные указы къ Судебнику обращаютъ особое вниманіе на различіе повторенія—«изымаютъ того же татя на второй или третьей татьбѣ», отъ совокупности—«приведутъ татя и доведутъ на него при первомъ же приводѣ двѣ или три татьбы». Постановленія Судебниковъ перешли и въ уложеніе 1649 г., которое также говоритъ о повтореніи только при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ оно могло служить признакомъ особенной опасности виновнаго или которыя указывали на особенную закоренѣлость и нравственную испорченность, какъ, напр., воровство, разбой, побѣгъ, проступки по службѣ, корчемство и т. д. Для признанія повторенія по уложенію требовалось, чтобы наказаніе, положенное за первое дѣяніе, было отбыто; о срокѣ, который долженъ пройти между наказаніемъ за первое и новымъ преступленіемъ, не говорится ничего, но изъ постановленій о воровствѣ видно, что усиленіе наказаніе за повтореніе допускалось и тогда, когда послѣ наказанія прошло большое число лѣтъ. Усиленіе отвѣтственности не предоставлялось усмотрѣнію судьи, а онъ былъ обязанъ увеличить наказаніе и притомъ въ размѣрахъ, указанныхъ въ законѣ. Впрочемъ, относительно степени усиленія отвѣтственности уложеніе не представляло никакой опредѣленной системы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно назначало усиленіе исключительно количественное, т. е. или назначало удвоеніе штрафа или, напр., опредѣляло бить кнутомъ вдвое, жесточе; иногда повтореніе вызывало измѣненіе рода наказанія, или прибавленіе къ обыкновенному наказанію какого либо другаго; весьма часто допускался переходъ къ смертной казни. Кромѣ того, изувѣчивающія наказанія, назначавшіяся

---

(1) Болѣе подробное изложеніе постановленій нашего законодательства XVI и XVII вѣковъ о наказуемости лихихъ людей ср. въ моемъ изслѣдованіи о повтореніи, стр. 225 и сл.

за болѣе тяжкія преступленія и повтореніе ихъ, служили, такъ сказать, клеймомъ, предостерегавшимъ отъ преступниковъ общество: всякій былъ обязанъ приводить къ воеводѣ тѣхъ лицъ, у которыхъ уши рѣзаны, а отпускныхъ грамотъ нѣтъ.

885. Средневѣковая доктрина, особенно позднѣйшая, хотя съ любовью останавливалась на вопросѣ о повтореніи, но преимущественно съ его казуистической стороны; она занималась опредѣленіемъ его признаковъ, границъ повторенія отъ другихъ случаевъ стеченія, установленіемъ его вліянія на наказуемость. Теорія конца XVIII и начала XIX столѣтія обратилась къ изслѣдованію самаго основанія усиленія наказуемости за повтореніе, причемъ выставила нѣсколько различныхъ построеній, въ свою очередь опредѣлившихъ и значительное различіе законодательныхъ постановленій о повтореніи, которое мы встрѣчаемъ въ кодексахъ начала нынѣшняго столѣтія, особенно нѣмецкихъ (1).

Нельзя не отмѣтить прежде всего, что, не смотря на всеобщее признаніе повторенія обстоятельствомъ, усиливающимъ отвѣтственность, мы встрѣчаемъ въ доктринѣ цѣлое направленіе, отрицавшее правильность признанія за повтореніемъ такого отягчающаго значенія (2). «Нужно быть справедливымъ, говоритъ Карно (стр. 257), даже къ тѣмъ, которые недостойны снисхожденія, и, слѣдовательно, нельзя наказывать ихъ сильнѣе, чѣмъ они заслуживаютъ по самому роду совершенныхъ ими преступленій. Если они и совершили прежде преступленіе, то они и наказаны за него, налагать на нихъ новое наказаніе за то же преступленіе

---

(1) Ср. подробное изложеніе нѣмецкихъ партикулярныхъ кодексовъ въ моемъ изслѣдованіи, стр. 163—208.

(2) Carnot, commentaire, изд. 1825, t. 1; Alauzet, Essai sur les péines, 2 изд. 1863 г. стр. 95—102; онъ возражаетъ преимущественно съ той точки зрѣнія, что рецидива есть плодъ плохой тюремной организаціи; Gesterding, wiefern kann die Wiederholung eines Verbrechens einen Grund enthalten, die Strafe zu schärfen, n. Archiv, II, стр. 578 и сл.; изъ новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ—Шютце, Меркель, Stemann и Gellweg въ Gerichtssaal. Изъ русскихъ писателей Спасовичъ, учебникъ, стр. 295 и сл. приходитъ къ выводу о необходимости устраненія изъ уголовнаго права ученія о повтореніи, но всѣ его возраженія направлены лишь противъ недостатковъ постановленій дѣйствующихъ кодексовъ.

значитъ нарушать основное начало уголовнаго права—non bis in idem; наказаніе, назначаемое за преступленіе,можетъ быть усиливаемо только на основаніи обстоятельствъ, присущихъ самому преступленію и на столько тѣсно связанныхъ съ нимъ, что судья долженъ обратить на нихъ вниманіе» (1). Но это возраженіе, имѣющее значеніе по отношенію къ чрезмѣрному расширенію вліянія всякаго повторенія на наказуемость, не можетъ считаться принципіальнымъ. При повтореніи мы не судимъ и не наказываемъ прошлое дѣяніе, за которое преступникъ уже расплатился съ обществомъ, а мы беремъ въ разсчетъ только тѣ видоизмѣненія, которыя это прошлое внесло въ новое преступное дѣяніе. Мы принимаемъ во вниманіе, что прежняя судимость измѣняетъ даже объективное значеніе дѣянія, измѣняетъ размѣръ вреда, страха, опасенія, внушаемаго преступнымъ дѣяніемъ. Еще болѣе основаній для измѣненія отвѣтственности усмотримъ мы въ субъективномъ элементѣ: степень закоренѣлости, привычка къ преступленію, опредѣляющая преступную волю и придающая ей особенно опасный характеръ, являются несомнѣнно обстоятельствами, относящимися къ вновь совершенному дѣянію. Если мы, въ виду повторенія, не имѣемъ надлежащаго основанія присоединять къ наказанію, назначенному за новое дѣяніе, прежнее, уже отбытое виновнымъ, какъ это допускало, напр., баварское уложеніе 1813 г. (2), то мы однако имѣемъ полное основаніе для измѣне-

---

(1) D'Olivecrona въ его изслѣдованіи о причинахъ повторяемости преступныхъ дѣяній 1874 г., указывая на то, что рецидива свидѣтельствуетъ только о недостаткахъ прежней наказуемости и обусловливается притомъ множествомъ причинъ, внѣ преступника лежащихъ, также не усматриваетъ основаній къ внесенію въ кодексъ особыхъ постановленій о наказуемости повторенія, такъ какъ борьба съ нимъ должна идти тѣми же пріемами, какъ и съ преступленіемъ вообще.

(2) Ст. 112 уложенія 1813 г. говорила, что временное лишеніе свободы при первомъ повтореніи должно быть увеличено на предъидущее наказаніе; при дальнѣйшемъ повтореніи—также на наказаніе за первое преступленіе, но соединенное съ наказаніемъ за непосредственно предшествующее повтореніе; если же увеличенное такимъ образомъ наказаніе превосходитъ общую высшую мѣру того рода наказанія, то должно быть назначено непосредственно высшее, а по § 114, тотъ, кто былъ наказанъ за первое дѣяніе заключеніемъ въ цухтгаузъ, при первомъ повтореніи заключался въ цухтгаузъ на неопредѣленный срокъ. При этомъ повтореніемъ уложеніе признавало повтореніе однороднаго дѣянія лицемъ уже отбывшимъ или отбывающимъ наказаніе за первое. Страшная жестокость

нія не только мѣры, но и рода наказанія, назначаемаго закономъ за вновь учиненное дѣяніе.

Особенное значеніе имѣютъ, конечно, эти соображенія съ точки зрѣнія теорій цѣлесообразности, въ связи съ выставляемыми ими основаніями наказанія. Въ этомъ отношеніи всѣ эти попытки можно свести къ нѣсколькимъ группамъ, дающимъ различныя объясненія самому факту повторяемости и ея вліянію на наказуемость (1).

Боязнь кары закона, вызываемая строгою репрессіею, говоритъ Бонневилль (2), вотъ единственное средство, могущее удержать преступника отъ нарушеній; вѣроятность вторичныхъ нарушеній закона была меньшею тогда, когда законъ говорилъ, какъ въ XVI столѣтіи, что виновные за второе воровство будутъ повѣшены, или когда онъ, какъ въ 1791 г., удвоивалъ наказаніе за повтореніе. Въ этомъ постоянно увеличивающемся и неизбѣжномъ усиленіи наказанія, усиленіи, возрастающемъ съ каждымъ новымъ преступленіемъ, есть несокрушимая сила репрессіи, которая рано или поздно должна повлечь за собою уменьшеніе числа рецидивистовъ.

Но и Бонневилль, рядомъ съ понятіемъ неустрашительности наказанія, ставитъ и оказанное рецидивистомъ неуваженіе къ закону; у другихъ французскихъ и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, какъ, напр. у Ортолана (Eléments I, № 1179—1203), Бауера (3), это второе условіе получило еще бо̀льшее

этой системы привела къ тому, что уже въ офиціальныхъ мотивахъ къ уложенію была сдѣлана попытка смягчить эту суровость путемъ своеобразнаго толкованія текста. Ср. мое изслѣдованіе, стр. 159 и сл.

(1) Но такъ какъ большинство писателей рядомъ съ главнымъ основаніемъ усиленія отвѣтственности указывало и на другія побочныя основанія, придавая всему построенію эклектическій характеръ, то этимъ объясняется трудность въ классификаціи и различіе въ распредѣленіи писателей по группамъ, которое мы встрѣчаемъ, напр., у Гейба въ Lehrbuch II, стр. 93 и у Кестлина, System, стр. 621 и сл.

(2) Bonneville, de la récidive, 1844 г.; его же de l'amélioration de la loi criminelle, 2 т., 1861—1864 гг.; тотъ же взглядъ повторяетъ Hoorebecke, de la récidive, 1846 г.; Bertauld, cours, стр. 382.

(3) Bauer, Abhandlungen aus dem Strafrechte, 1842 г., т. II, стр. 100—166; его же Lehrbuch, § 146. Бауеръ, согласно своему основному взгляду на цѣль

значеніе. По этой теоріи для признанія повторенія не требуется ни тождества, ни однородности прежняго и новаго преступленія, не требуется отбытія наказанія, такъ какъ неуваженіе къ закону будетъ то же и со стороны лица, которому состоявшимся приговоромъ указана преступность и наказуемость его дѣянія, не требуется даже какого либо срока между прежнимъ и новымъ преступленіемъ; но, съ другой стороны, самое основаніе усиленія наказанія является по этому воззрѣнію столь формальнымъ и неопредѣленнымъ, что оно едва ли можетъ служить дѣйствительнымъ оправданіемъ усиленной наказуемости повторенія.

Третьи видятъ основаніе усиленія отвѣтственности за рецидиву въ проявленной преступникомъ неисправимости. Не только угроза закона оказалась безсильною, но даже и понесенная виновнымъ кара не была въ состояніи удержать преступника, а потому естественно примѣнить къ нему другія болѣе рѣшительныя мѣры. По этому воззрѣнію рецидивистомъ можетъ быть признанъ только тотъ, кто уже отбылъ наказаніе за прежнее и учинилъ новое черезъ такой сравнительно короткій промежутокъ, который служитъ доказательствомъ безрезультатности понесеннаго имъ наказанія.

Наконецъ, четвертое воззрѣніе становится исключительно на точку зрѣнія интересовъ общественной охраны (1). Если иногда учиненіе даже перваго преступнаго дѣянія, по его обстановкѣ, даетъ основаніе предполагать, что оно является не случайнымъ событіемъ въ жизненной дѣятельности подсудимаго, а свидѣтельствуетъ о его наклонности къ пороку, о привычкѣ къ преступленію, то еще чаще это свидѣтельствуется многократностью преступныхъ посягательствъ, упорствомъ виновнаго въ преступной дѣятельности,

---

наказанія обращаетъ вниманіе на недѣйствительность предостереженія, сдѣланнаго первымъ наказаніемъ, такъ какъ повтореніе свидѣтельствуетъ, что даже отбытіе наказанія не могло задержать преступныя наклонности; повторяя то же или совершая иное преступленіе, рецидивистъ выказываетъ или большую силу и крѣпость его преступныхъ пожеланій, или ихъ болѣе обширный объемъ, т. е. бо́льшую экстензивность или интензивность воли.

(1) F. Hélie, Théorie, I, № 130—135, Haus, I, № 822 и слѣд.; Trébutien, cours, I, стр. 450; Hälschner, Strafrecht, стр. 550. Гарро, стр. 300, видитъ два основанія усиленія наказанія: упорство преступной воли и недостаточность перваго наказанія для исправленія виновнаго.

не смотря на понесенное наказаніе, а это обусловливаетъ необходимость усиленія и въ особенности измѣненія наказанія по отношенію къ подобнымъ преступникамъ. По этому воззрѣнію не рецидива сама по себѣ служитъ основою усиленія отвѣтственности, а доказываемая ею привычка. Поэтому для понятія рецидивы, по общему правилу, существеннымъ условіемъ является тождество или однородность преступленій и учиненіе ихъ, сравнительно послѣ непродолжительнаго перерыва, а въ особенности многократность повторенія (1). Такое значеніе получаетъ рецидивъ въ особенности при тѣхъ преступленіяхъ, которыя, какъ свидѣтельствуетъ жизненный опытъ, всего чаще переходятъ въ обычное занятіе преступника, каковы, напр., большинство имущественныхъ нарушеній (2).

Такое же различіе взглядовъ встрѣчаемъ мы въ доктринѣ и относительно вліянія рецидивы на мѣру отвѣтственности. Въ противоположность средневѣковымъ юристамъ, почти всѣ новые криминалисты признаютъ повтореніе только обстоятельствомъ, могущимъ вліять на усиленіе наказуемости, но не обязывающимъ судью къ таковому. Въ особенности эта факультативность выдвигается на первый планъ новѣйшими представителями послѣдняго направленія. Далѣе, одни теоретики признаютъ рецидиву условіемъ, необходимо вызывающимъ замѣну наказанія другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ выказанной преступникомъ наклонности къ преступле-

---

(1) Какъ было замѣчено выше, могутъ быть случаи, когда послѣдовательное учиненіе преступленій и разнородныхъ можетъ служить выраженіемъ преступной привычки, когда преступники съ одинаковою легкостью переходятъ отъ одного рода преступленій къ другому, отъ убійства къ поджогу, отъ драки къ изнасилованію, разбою; поэтому Гарро, напр., ст. 302, полагаетъ, что въ понятіе рецидивы слѣдуетъ включать повтореніе какого бы то ни было общаго преступленія. Но такіе случаи будутъ исключеніемъ, и съ практической стороны такое расширеніе сдѣлало бы власть судьи при примѣненіи суровыхъ наказаній за рецидиву—чрезмѣрною. Закеръ, стр. 106, считаетъ существеннымъ условіемъ повторенія однородность мотивовъ прежняго и новаго преступленія; онъ признаетъ 5 группъ однородныхъ по мотивамъ преступленій: 1) изъ стремленія самоподдержанія; 2) изъ стремленія къ наслажденію; 3) изъ однородныхъ страстей 4) изъ политическихъ, религіозныхъ, экономическихъ и т. п. побужденій; 5) изъ небрежности.

(2) Въ этомъ воззрѣніи для понятія повторенія не существенно отбытіе наказанія за первое, оно является только дополнительнымъ признакомъ, отдѣляющимъ повтореніе отъ совокупности.

нію ([1]); другіе допускаютъ при повтореніи усиленіе наказанія, но только въ предѣлахъ того же рода, выходя изъ начала, что повтореніе не измѣняетъ рода преступности ([2]); наконецъ, третьи допускаютъ вліяніе повторенія только въ тѣхъ же размѣрахъ, какой имѣютъ и другія обстоятельства, увеличивающія вину ([3]). Это разнообразіе теоретическихъ воззрѣній на рецидиву и ея значеніе повліяло и на дѣйствующія законодательства ([4]).

886. Изъ современныхъ законодательствъ наиболѣе подробныя правила о рецидивѣ содержитъ французское право ([5]). Постановленія code pénal 1810 г. о рецидивѣ были существенно измѣнены постановленіями 1832, 1863 г. и 26 Марта 1891 г. ([6]), и дополнены закономъ 27 Мая 1885 года, впрочемъ, какъ замѣчаютъ французскіе криминалисты (Гарро, стр. 310), совершенно несогласованнымъ съ системою кодекса.

Нынѣ уголовный кодексъ различаетъ (ст. 56—58) четыре случая рецидивы: 1) учиненіе лицомъ, осужденнымъ за преступленіе (crime), новаго преступленія (ст. 56, не измѣненная въ 1891 г.); 2) учиненіе лицомъ, присужденнымъ за преступленіе къ наказанію свыше 1 года тюрьмы, въ теченіе 5 лѣтъ послѣ отбытія

---

(1) M. Léveillé, одинъ изъ авторовъ новаго французскаго закона о рецидивѣ, высказалъ даже такую мысль, что будущій уголовный кодексъ долженъ состоять изъ двухъ частей: въ одной, должны быть опредѣлены наказанія для преступниковъ, учинившихъ преступленіе въ первый разъ—здѣсь центральнымъ наказаніемъ будетъ тюрьма, въ другой—для рецидивистовъ съ центральнымъ наказаніемъ ссылкою; Garraud, Traité, № 183, прим. 13.

(2) Rossi, Haus, Hoorebecke, ср. Garraud, № 194, прим. 34.

(3) Воззрѣніе на повтореніе, какъ на Strafzumässungsgrund защищаютъ изъ новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ: Гейбъ, Кестлинъ, Лиліенталь, Гейеръ, Schütze, Merkel. Напротивъ, за признаніе повторенія обстоятельствомъ измѣняющимъ предѣлы наказанія: Berner, Wächter, Hälschner, H. Mayer; повидимому, Liszt.

(4) Ср. обзоръ постановленій различныхъ современныхъ законодательствъ о повтореніи у Vvernes, récidive, 1874, стр. 1—20.

(5) Мое изслѣдованіе, стр. 80—126; Garraud, traité, II, стр. 299—381.

(6) Подробныя свѣдѣнія о законѣ 26 Марта 1891 г. у Felisch, la loi sur l'atténuation et l'aggravation des peines въ Zeitschrift, v. Liszt'a, XII, стр. 357—399; у него указанія на литературу, вызванную этимъ закономъ.

наказанія за первое, или новаго проступка (délit), или и преступленія, но долженствующаго въ данномъ случаѣ подлежать тюремному заключенію; 3) учиненіе лицомъ, присужденнымъ за проступокъ къ тюрьмѣ свыше одного года, въ указанный выше срокъ, новаго тождественнаго проступка или и преступленія (1), но долженствующаго подлежать тюремному заключенію, установленному за проступки, и 4) учиненіе лицомъ, осужденнымъ за проступокъ къ тюрьмѣ на срокъ менѣе года, новаго тождественнаго проступка въ теченіи 5 лѣтъ послѣ отбытія наказанія.

Такимъ образомъ, по французскому праву вовсе не требуется, чтобы виновный отбылъ наказаніе за первое дѣяніе, а требуется только, чтобы виновный былъ осужденъ французскимъ судомъ за первое дѣяніе, и этотъ приговоръ вошелъ въ законную силу (рѣш. кассац. суда 2 Авг. 1856 г., 8 Дек. 1865 г., 29 Янв. 1885 г. и др). Это положеніе сохранило свою силу и послѣ закона 26 Марта 1891 г., такъ какъ отбытіе наказанія и нынѣ имѣетъ значеніе только для исчисленія давности рецидивы. До закона 1891 г. французское право не придавало никакого значенія тождеству или однородности дѣяній, а имѣло въ виду только формальное соотношеніе прежняго и новаго преступленій, признавая рецидиву отъ равнаго къ равному (отъ crime къ crime, отъ délit къ délit) или отъ высшаго къ низшему (отъ crime къ délit), но не наоборотъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ наказаніе, назначаемое за новое преступленіе (crime), даетъ суду достаточный просторъ для выбора соотвѣтственнаго наказанія (cass. 21 Дек. 1871 г.). Теперь при рецидивѣ проступковъ законъ требуетъ тождества (le même délit) (2). До закона 1891 г. рецидива признавалась, безотносительно къ сроку между прежнимъ и новымъ осужденіемъ, теперь это правило сохранилось только относительно рецидивы отъ преступленія

---

(1) По указанію Фелиша, стр. 394, употребленіе въ 1 ч. 58 ст. въ новой ея редакціи выраженія «тождественный проступокъ» «du même delit» произошло по недоразумѣнію, такъ какъ въ палатѣ депутатовъ предполагали признать рецидивою повтореніе какого бы то ни было проступка.

(2) Но въ силу закона кража, злоупотребленіе довѣріемъ и мошенничество почитаются тождественными, равнымъ образомъ признаются тождественными бродяжество и нищенство.

къ преступленію, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ требуется 5-ти-лѣтній срокъ.

Отдѣльно говоритъ законъ (ст. 483) о повтореніи нарушеній, признавая таковымъ учиненіе новаго нарушенія въ теченіи года послѣ осужденія за первое, и притомъ въ округѣ того же полицейскаго суда. Но законъ не признаетъ повторенія отъ преступленія или проступка къ нарушеніямъ (1).

Наличность рецидивы обязательно усиливаетъ отвѣтственность, но не исключаетъ возможности примѣненія къ виновному снисхожденія, въ случаѣ признанія наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ (cass. 20 Апр. 1843 г.); при этомъ, такъ какъ повтореніе не измѣняетъ сущности преступнаго дѣянія, а измѣняетъ свойство вины и наказуемость виновнаго, то, по разъясненію французской практики, установленіе наличности повторенія принадлежитъ не присяжнымъ, а короннымъ судьямъ.

Самое возвышеніе отвѣтственности (2) заключается или въ качественномъ измѣненіи наказанія (при рецидивѣ преступленій), въ переходѣ къ другому, болѣе тяжкому роду наказаній, при чемъ допускается даже переходъ отъ каторги безъ срока къ смертной казни, но не допускается переходъ отъ срочной каторги къ безсрочной, или въ количественномъ увеличеніи срока, когда законъ, кромѣ назначенія maximum'а, предоставляетъ суду право увеличить продолжительность наказанія до удвоеннаго высшаго срока этого рода наказанія, такъ что каторга можетъ быть, напр., назначена при рецидивѣ на 40 лѣтъ (3).

Законъ 27 Мая 1885 г., введшій впервые въ законодательство различіе между преступниками случайными и преступниками привычки, установилъ для послѣднихъ не только самостоятельное

---

(1) Особыя правила о повтореніи существуютъ во многихъ спеціальныхъ законахъ, ср. Garraud, № 193.

(2) По code pénal 1810 г. была принята система перехода во всѣхъ случаяхъ рецидивы къ высшему роду наказанія; но эта страшная суровость была смягчена закономъ 1832 г. Ср. мое изслѣдованіе о повтореніи, стр. 115 и сл.

(3) Система французскаго права въ главныхъ ея чертахъ усвоена и бельгійскимъ уложеніемъ (ст. 54—57).

*

наказаніе — релегацію, но и принялъ опредѣленіе повторенія, совершенно отличное отъ установленнаго въ code pénal (1).

Повтореніемъ, вызывающимъ примѣненіе высылки по закону 1885 г., почитается осужденіе виноваго, указанное въ законѣ число разъ, въ теченіе десяти лѣтъ, предшествующихъ послѣднему преступному дѣянію. Такимъ образомъ, основнымъ условіемъ является десятилѣтній срокъ. Этотъ срокъ исчисляется со дня осужденія за первое изъ идущихъ въ счетъ дѣяній (2) и по день осужденія за послѣднее дѣяніе, какъ говорится въ текстѣ закона, или по день учиненія этого дѣянія, какъ признаетъ кассаціонный судъ (3). Но въ этотъ срокъ десяти лѣтъ не входитъ время, проведенное виновнымъ въ заключеніи, а потому на это время долженъ быть продолженъ срокъ, отдѣляющій первое осужденіе отъ новаго преступленія (4).

Число осужденій, необходимыхъ для примѣненія высылки, зависитъ отъ важности наказаній, назначаемыхъ виновному, а именно необходимо: 1) два осужденія къ каторгѣ или исправительному дому (réclusion), или 2) одно осужденіе къ каторгѣ или исправительному дому и два осужденія или за преступленіе къ

---

(1) Примѣненіе высылки къ рецидивистамъ было уже извѣстно и дореволюціонному французскому праву; такъ, королевскіе указы 1719 г. дозволяли судьямъ въ случаѣ учиненія лицомъ, присужденнымъ къ галерамъ, новаго проступка, или въ случаѣ ихъ побѣга, назначать ссылку въ колонію. Равнымъ образомъ по закону 24 сент. 1791 г. виновные въ повтореніи преступленій (crimes), послѣ отбытія наказанія, должны были быть ссылаемы на весь остатокъ ихъ жизни въ назначенное для ссылки мѣсто. Впрочемъ, законъ этотъ не получилъ практическаго осуществленія.

(2) По общей системѣ французскаго права слѣдовало бы считать со дня вступленія приговора въ законную силу, но законъ говоритъ объ осужденіи, и Гарро (стр. 342) объясняетъ это тѣмъ, что судъ въ справкахъ о судимости можетъ найти только дату постановленія приговора.

(3) Цѣлый рядъ рѣшеній 1886 года см. у Garraud, стр. 343 прим.; кассаціонный судъ руководствовался тѣмъ, что при буквальномъ толкованіи закона, примѣнимость релегаціи будетъ зависѣть отъ продолжительности производства по послѣднему дѣлу, т.е. зависѣть отъ усмотрѣнія прокуратуры или даже и отъ подсудимаго. Гарро по этому поводу замѣчаетъ, что кассаціонный судъ, по примѣру римскихъ преторовъ, въ виду неудобства закона присвоилъ себѣ власть законодателя.

(4) Такимъ образомъ, лицо, учинившее 1 Янв. 1890 дѣяніе, за которое ему опредѣлена судомъ каторга, подлежитъ релегаціи, если онъ былъ ранѣе присужденъ къ каторгѣ 1 Янв. 1875 г. и отбывалъ это наказаніе въ теченіи 6 лѣтъ, такъ какъ отъ перваго осужденія, по закону 1885 г., не прошло десяти лѣтъ.

тюрьмѣ, или за проступки, поименованные въ законѣ (1), къ тюрьмѣ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, или 3) четыре осужденія къ тюрьмѣ за преступленіе или къ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ за проступки, поименованные въ законѣ; 4) семь осужденій, изъ коихъ по крайней мѣрѣ два изъ упомянутыхъ въ предшедшихъ пунктахъ, а прочіе за бродяжество, или за самовольное оставленіе указаннаго мѣста жительства, но при этомъ съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ дѣяній по крайней мѣрѣ за два подсудимый былъ присужденъ къ тюрьмѣ на срокъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

Высылка во всякомъ случаѣ не можетъ быть допустима, если ко времени ея примѣненія виновному не исполнился 21 годъ или онъ достигъ 60 лѣтъ (2).

По новому итальянскому уложенію (ст. 75—79) рецидивомъ считается учиненіе лицомъ, уже осужденнымъ—послѣ вступленія приговора въ силу, въ теченіи давностнаго срока, погашающаго тотъ приговоръ—новаго преступнаго однороднаго дѣянія; при этомъ однородными признаются не только тождественныя посягательства, но и тѣ, которыя причислены къ таковымъ прямымъ указаніемъ закона. По отношенію къ наказуемости, законъ различаетъ простую рецидиву и сложную, когда въ теченіи указаннаго выше срока подсудимый совершилъ нѣсколько преступныхъ дѣяній. Самое усиленіе наказанія состоитъ или въ возвышеніи его сроковъ, или въ продленіи срока полнаго разобщенія заключеннаго отъ другихъ соарестантовъ.

Кодексъ германскій, въ отличіе отъ партикулярныхъ нѣмецкихъ законодательствъ (3), не содержитъ въ общей части ни-

---

(1) Сюда отнесены: кража, мошенничество, злоупотребленіе довѣріемъ, публичное нарушеніе благопристойности, вовлеченіе малолѣтнихъ въ развратъ, квалифицированные случаи бродяжества и нищенства.

(2) Проектъ новаго французскаго уложенія еще болѣе расширяетъ примѣненіе релегаціи, допуская ее по отношенію ко всякому подсудимому, который, будучи осужденъ по одному или нѣсколькимъ приговорамъ, не менѣе какъ къ тюрьмѣ на 5 лѣтъ, вновь будетъ присужденъ за преступленіе или проступокъ къ тюрьмѣ на срокъ не менѣе 1 года. Съ другой стороны, по проекту кромѣ престарѣлыхъ не должны подлежать ссылкѣ и физически непригодные къ работамъ колонизаціи, взамѣнъ того они помѣщаются въ рабочіе дома на срокъ не свыше 10 лѣтъ.

(3) Начало, принятое германскимъ кодексомъ, вызвало со стороны многихъ криминалистовъ весьма существенныя возраженія; ср., напр., Berner, Kritik des Entwurfes, 1869; напротивъ того, другіе видѣли въ этомъ существенный про-

какихъ постановленій о повтореніи, а говоритъ о немъ лишь при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, а именно при разбоѣ (§ 250), кражѣ (§§ 244 и 245), укрывательствѣ краденаго (§ 261), обманѣ (§ 264) и отчасти нищенствѣ (§ 362); кромѣ того, особыя постановленія о наказуемости повторенія существуютъ почти во всѣхъ спеціальныхъ законахъ (1). Для понятія повторенія требуется тождество или однородность (при кражѣ и разбоѣ) прежняго и новаго преступленій, отбытіе вполнѣ или частью наказанія, опредѣленнаго за первое дѣяніе нѣмецкимъ судомъ и непротеченіе, послѣ отбытія наказанія за первое и до совершенія новаго, десяти лѣтъ, а по нѣкоторымъ спеціальнымъ законамъ и меньшаго срока. Повтореніе увеличиваетъ наказаніе обязательно и притомъ при разбоѣ при первомъ повтореніи, а при прочихъ преступленіяхъ при второмъ (третье преступленіе); наказаніе возвышается иногда въ весьма значительныхъ размѣрахъ; такъ, за повтореніе простой кражи назначается Zuchthaus до 10 лѣтъ, а за повтореніе квалифицированной до 15 лѣтъ.

Системы германскаго права держатся кодексъ венгерскій и проектъ австрійскаго уложенія.

Кодексъ голландскій занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между французскою и германскою системами; онъ въ общей части не упоминаетъ о повтореніи, но въ особенной содержитъ о немъ подробныя постановленія (ст. 421—423). Кодексъ предоставляетъ суду право, при всѣхъ сколько нибудь важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, возвышать тюремное заключеніе на ½, если это дѣяніе учинено до истеченія пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ виновный отбылъ, сполна или частью, наказаніе, назначенное за такое же дѣяніе, или за отнесенное закономъ къ числу однородныхъ съ нимъ; точно также дѣяніе считается повтореніемъ, если наказаніе за первое дѣяніе не было примѣнено за давностью, или вслѣдствіе помилованія.

грессъ, побѣду нѣмецкихъ воззрѣній надъ французскими началами, усвоенными прусскимъ уложеніемъ 1851 г. и баварскимъ—1861 г. Ср. въ особенности Hellweg, zur Lehre vom Rückfall, Gerichtssaal, 1870, стр. 54—75; Stemann, zur Lehre vom Rückfalle, Gerichtssaal, 1871, стр. 401—424.

(1) См. указанія у Листа, стр. 71.

837. Въ нашемъ правѣ, болѣе опредѣленныя постановленія о повтореніи, повліявшія и на систему дѣйствующаго права, являются въ уставѣ благочинія Императрицы Екатерины II-й 1782 г., но спеціально по отношенію лишь къ нѣкоторымъ имущественнымъ преступленіямъ. Необходимымъ условіемъ повторенія уставъ признавалъ отбытіе наказанія за первое, а усиленіе наказанія состояло преимущественно въ его удвоеніи. Проектъ 1813 г. перенесъ ученіе о повтореніи въ общую часть, говоря (п. 4 § 89), что вина преступника увеличивается, чѣмъ развратнѣе было прежнее его поведеніе, чѣмъ чаще онъ уже былъ подъ судомъ, былъ обличаемъ въ другихъ преступленіяхъ и за оныя наказанъ, а затѣмъ (§ 90) къ числу особенныхъ причинъ увеличенія наказанія проектъ относилъ: ежели преступникъ вторично, или въ третій разъ и болѣе учинилъ то же самое преступленіе.

Сводъ законовъ (ст. 135 по изд. 1842 г.) признавалъ повтореніемъ учиненіе лицомъ, наказаннымъ за преступленіе, того же самаго въ другой или третій разъ. Повтореніе преступленія, какъ указывалось въ этой статьѣ, умножаетъ вину преступника, но самая мѣра усиленія предоставлялась усмотрѣнію судьи, если только не содержалось по этому поводу какихъ либо прямыхъ указаній въ особенной части. Въ этихъ же случаяхъ (ст. 185, 478, 521, 526 и др. по изд. 1842 г.) обыкновенно наказаніе за повтореніе удвоивалось, или присоединялось къ новому наказанію прежнее, или же допускался переходъ и къ высшему роду, причемъ иногда размѣры усиленія были весьма велики; такъ, напр., за тайный провозъ товаровъ въ 1-й разъ назначалось легкое тѣлесное наказаніе, а въ 3-й—ссылка на каторгу.

Опредѣленіе свода было сохранено и составителями уложенія, которые признавали (ст. 139 проекта, 131 улож. по изд. 1885 г.) повтореніемъ совершеніе того же преступленія или учиненіе другого послѣ суда и наказанія за первое, а по закону 19 Сент. 1846 г. къ повторенію отнесено и впаденіе въ новое преступленіе, когда прежнее, не менѣе важное, было прощено виновному вслѣдствіе общаго милостиваго манифеста или по особому Монаршему снисхожденію (1).

(1) Постановленія ст. 131 улож. повторены въ 77 ст. воинскаго устава о нак.

Но составители устава о наказаніяхъ отступили отъ этой системы и въ 3 п. 14 ст. указали лишь на повтореніе того, или совершеніе однороднаго проступка до истеченія года послѣ присужденія къ наказанію; такъ что уставъ допускалъ только спеціальное повтореніе, а не общее, ввелъ особый срокъ повторенія, и признакомъ, отдѣляющимъ повтореніе отъ совокупности, поставилъ не отбытіе наказанія, а присужденіе къ наказанію (1).

Это различіе двухъ кодексовъ, дѣйствующихъ одновременно и примѣняемыхъ нерѣдко одними и тѣми же судами, создало на практикѣ значительныя неудобства и даже неразрѣшимыя затрудненія, какъ, напр., при опредѣленіи третьей кражи или мошенничества, какъ условія, измѣняющаго подсудность и, наконецъ, было устранено закономъ 3 Февр. 1892 г., который принялъ общее опредѣленіе повторенія и для устава и для уложенія, распространивъ его какъ на общее понятіе повторенія, такъ и на спеціальные случаи, указанные при изложеніи отдѣльныхъ преступленій (2).

На основаніи сего закона повтореніемъ признается учиненіе того же или однороднаго преступнаго дѣянія по отбытіи наказанія за предшествующее преступное дѣяніе или послѣ помилованія виновнаго за таковое дѣяніе.

Обращаясь къ разсмотрѣнію условій этого понятія, мы видимъ, что главнымъ признакомъ, отдѣляющимъ его отъ совокупности, является отбытіе наказанія за прежнее. Наказаніе должно быть отбыто полностью; поэтому лицо, учинившее преступное дѣяніе во время отбытія или во время побѣга изъ тюрьмы, отвѣчаетъ не за повтореніе, а по ст. 133 или по спеціальнымъ постановленіямъ устава о ссыльныхъ и устава о содерж. подъ стражею. Отбытымъ наказаніе считается съ момента окончанія срока главнаго наказанія, назначеннаго судомъ, поэтому если таковое наказаніе имѣетъ

---

(1) Поэтому, Сенатъ неоднократно указывалъ (рѣш. 1869, №№ 247, 710; 1871 № 686 и др., что по уставу для повторенія требуется только, чтобы новое дѣяніе было учинено послѣ вступленія въ силу приговора за прежнее дѣяніе.

(2) Но законъ 3 Февр. 1892 г. не измѣнилъ 8 п. 170 и 1 п. 175 ст. уст. о нак. и 1 п. 1671 ст. улож., которые признаютъ повтореніемъ учиненіе новаго дѣянія лицемъ *осужденнымъ*, такъ что эти постановленія, по ихъ буквѣ, оказываются несогласованными съ новымъ закономъ; но, въ виду общаго смысла закона 1892 г., это выраженіе «осужденный» должно быть толкуемо, какъ «отбывшій наказаніе».

характеръ составнаго, какъ напр. каторга и слѣдующее за нею поселеніе, то со времени отбытія всѣхъ его частей (1). Но если законъ допускаетъ безусловное или даже условное сокращеніе назначеннаго судомъ срока, въ порядкѣ исполненія приговоровъ, то наказаніе, конечно, считается отбытымъ съ момента освобожденія виновнаго. Такимъ образомъ, по нашему праву для сосланныхъ въ каторжныя работы и на поселеніе наказаніе считается отбытымъ со времени перечисленія (прим. къ 132 ст. по зак. 1892 г.) ихъ въ крестьяне, а для сосланныхъ на житье—со времени приписки ихъ къ податнымъ состояніямъ.

Наравнѣ съ отбытіемъ наказанія, законъ ставитъ помилованіе виновнаго. Если помилованіе состоялось во время отбытія наказанія, то моментомъ, послѣ коего учиненіе новаго дѣянія считается повтореніемъ, является самый моментъ прекращенія дальнѣйшаго теченія наказанія, все равно, будетъ ли это особое помилованіе даннаго виновнаго или примѣненіе къ нему общаго Всемилостивѣйшаго манифеста. Если дѣйствіе помилованія проявилось при самомъ постановленіи приговора, послѣ признанія подсудимаго виновнымъ и опредѣленія ему наказанія, то такимъ моментомъ будетъ (по закону 1892 г.) моментъ объявленія резолюціи. Но какъ смотрѣть на тѣ случаи, когда, въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста, прекращено производство по дѣлу, во время ли предварительнаго слѣдствія или даже при самомъ возбужденіи дѣла? Я полагаю, что въ подобныхъ случаяхъ учиненіе новаго дѣянія вовсе не будетъ повтореніемъ, такъ какъ такое лицо не только не было наказано, или осуждено за первое, но, юридически говоря, не было и изобличено въ немъ, а нельзя же ставить ему на счетъ такое дѣяніе, котораго онъ, можетъ быть, вовсе и не совершалъ; это подтверждается и текстомъ ст. 131, который говоритъ объ «освобожденіи отъ наказанія», въ силу помилованія.

Законъ приравниваетъ къ наказаннымъ только лицъ помилованныхъ, поэтому мы не имѣемъ основанія распространять понятіе повторенія на учиненіе новаго преступнаго дѣянія такимъ лицомъ, которое не понесло наказанія, назначеннаго ему за преж-

(1) То же нужно сказать о случаяхъ назначенія подсудимому совмѣстно нѣсколькихъ главныхъ наказаній, напр. денежной пени и ареста, наказаніе будетъ отбыто только со времени отбытія обоихъ этихъ наказаній.

нее дѣяніе, по какимъ либо инымъ юридическимъ основаніямъ, напр., вслѣдствіе примиренія съ пострадавшимъ (1).

Отбыто должно быть наказаніе, а не какая либо другая мѣра, хотя бы и назначенная по судебному приговору, но не имѣющая характера наказанія. На этомъ основаніи практикою Прав. Сената установлено, что учиненіе новаго преступнаго дѣянія лицомъ, которое, въ виду его малолѣтства, за прежде учиненное дѣяніе было подвергнуто лишь домашнему исправленію ($^{73}/_{613}$, Волкова), или было отдано въ исправительные пріюты (рѣш. общ. собр. 1874 г., № 46), не можетъ считаться повтореніемъ. Отбытое наказаніе должно быть опредѣлено въ порядкѣ судебномъ, поэтому не можетъ быть повторенія, если обвиняемый понесъ за прежнее дѣяніе наказаніе въ порядкѣ административномъ или дисциплинарномъ ($^{69}/_{241}$ Амчанинова) (2).

Приговоръ долженъ быть постановленъ, какъ призналъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Пржесполевскаго, 1888 г., № 21 (3), русскимъ судомъ, но затѣмъ безразлично, будетъ ли это судъ общій или мировой (рѣш. $^{68}/_{219}$, Красноцвѣ-

---

(1) То же пришлось бы признать относительно случаевъ погашенія прежняго приговора за истеченіемъ давности наказанія, но наше дѣйствующее право не знаетъ этого института.

(2) Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ призналъ (рѣш. $^{71}/_{1611}$, Коджака; $^{72}/_{576}$, Юшкова), что въ тѣхъ случаяхъ, когда казеннымъ управленіямъ предоставлено по закону право налагать за нарушеніе уставовъ казеннаго управленія взысканія въ порядкѣ административномъ совершеніе виновнымъ новаго нарушенія послѣ наложенія подобнаго взысканія должно считаться повтореніемъ. Равнымъ образомъ, въ рѣшеніи по дѣлу Ратти (1877 № 36 по общ. собр.) Сенатъ указалъ, что если въ законахъ дисциплинарныхъ говорится о повтореніи преступныхъ дѣяній (какъ напр. въ 369 ст. учр. суд. уст.), то его условія опредѣляются согласно съ уложеніемъ.

(3) Сенатъ высказалъ: понятіе повторенія въ уголовныхъ законахъ разныхъ государствъ можетъ опредѣляться и опредѣляется различно, въ зависимости отъ условій жизни и законодательства каждой страны, а потому ни одинъ русскій судъ не вправѣ руководствоваться при опредѣленіи наказуемости повторенія приговоромъ иностраннаго суда, хотя, конечно, можетъ принять такой приговоръ въ соображеніе при опредѣленіи мѣры наказанія, какъ обстоятельство, свидѣтельствующее о нравственной испорченности виновнаго и увеличивающее его вину.

това, $^{69}/_{881}$, Иванова и др.), гражданскій или военный ($^{69}/_{290}$, Ефимова и др.) (1).

Вторымъ существеннымъ условіемъ повторенія является извѣстное соотношеніе между прежнимъ и новымъ преступными дѣяніями. Уложеніе 1845 г. въ части особенной говорило только о спеціальной рецидивѣ, т. е. о повтореніи того же преступленія со всѣми его не только родовыми, но и видовыми признаками—вторая кража со взломомъ, второй открытый грабежъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ довольствовалось однородностью дѣяній (ст. 1660 въ новой ея редакціи, ст. 1671 ул.); но въ общей части законъ говорилъ, кромѣ спеціальной, и объ общей рецидивѣ, т. е. объ учиненіи какого бы то ни было новаго преступнаго дѣянія послѣ отбытія наказанія (2).

При составленіи устава о наказ. редакторы не нашли возможнымъ включить въ уставъ понятіе общаго повторенія, въ томъ соображеніи, что нравственная неисправимость обнаруживается только при совершеніи проступковъ болѣе или менѣе сходныхъ, совершаемыхъ по однороднымъ побужденіямъ: корыстолюбіе, наклонность къ разврату и т. п.; по этому въ текстъ ст. 14 и внесено было условіемъ повторенія—учиненіе того же или совершеніе однороднаго поступка.

Законъ 1892 г. перенесъ это ограничительное начало и въ уложеніе, такъ что для повторенія нынѣ безусловно необходимо, чтобы новое дѣяніе было или тождественно съ прежнимъ, или однородно съ нимъ, т. е. заключало тѣ же родовые признаки: захватъ чужаго имущества; поврежденіе таковаго; причиненіе вреда здоровью; нарушеніе благопристойности или общественной нравственности и т. д.

Понятіе тождественности или однородности зависитъ только

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Амчанинова ($^{69}/_{241}$) Сенатъ указалъ, что совершеніе новаго преступнаго дѣянія лицемъ, наказаннымъ прежде по приговору волостнаго суда, не составляетъ повторенія, но это разъясненіе не можетъ имѣть значенія для волостныхъ судовъ, дѣйствующихъ по закону 12 Іюня 1889 г., такъ какъ для нихъ обязательно примѣненіе ст. 14 1 уст. о нак. по закону 1892 года.

(2) В. Спасовичъ, учебникъ, стр. 421, утверждаетъ, что уложеніе сохранило то же опредѣленіе, какое было въ сводѣ, и знаетъ только спеціальное повтореніе; но его толкованіе совершенно противорѣчитъ тексту закона.

отъ наличности признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, а не отъ оттѣнковъ виновности; поэтому дѣяніе остается тождественнымъ, хотя бы въ первый разъ виновный былъ наказанъ за оконченное дѣяніе, а во второй совершилъ только покушеніе, или наоборотъ; (рѣш. 1868 г., №№ 6, 219, 314, и др.); равнымъ образомъ, дѣяніе остается повтореніемъ, если въ первый разъ виновный былъ наказанъ какъ главный виновный, а во второй— какъ пособникъ. Нѣсколько болѣе сомнѣній возбуждаютъ тѣ случаи, когда лицо, обвиняемое какъ прикосновенное къ преступленію, было уже наказано какъ виновникъ, или наоборотъ, но Сенатъ, въ рѣшеніи 1869 г., № 242, по дѣлу Никифорова, нашелъ, что и въ этихъ случаяхъ примѣняется ст. 131.

Требуя извѣстнаго внутренняго соотношенія между новымъ и прежнимъ дѣяніемъ, законъ не придаетъ никакого значенія ихъ внѣшнему соотношенію, т. е. размѣру опредѣленнаго за нихъ наказанія.

Правда, нѣкоторые изъ нашихъ комментаторовъ, основываясь на томъ, что ст. 131 говорила, что для повторенія необходимо, чтобы и первое и второе дѣянія были *преступленіями*, толковали это выраженіе въ смыслѣ уложенія 1845 г.; но это мнѣніе, какъ было указано мною ранѣе (№ 68), утратило послѣднее основаніе съ исключеніемъ закономъ 27 Дек. 1865 г., двухъ первыхъ статей уложенія, и категорически отвергнуто нашею практикою ($^{68}/_{10}$ Ефимова). Точно также, съ измѣненіемъ по закону 1892 г. редакціи ст. 131, въ части ея, относящейся до учиненія новаго дѣянія лицомъ помилованнымъ, и съ отмѣною статьи 146, исчезло требуемое этими статьями соотношеніе преступленій по размѣру отвѣтственности ([1]).

Третьимъ условіемъ повторенія является протеченіе извѣстнаго срока между отбытымъ уже наказаніемъ и учиненіемъ новаго преступнаго дѣянія. Уложеніе никакихъ указаній по этому предмету не содержало, такъ что повтореніе сохраняло свое вліяніе, хотя бы новое дѣяніе было совершено лѣтъ чрезъ 15 или 20 послѣ отбытія наказанія за какое бы то ни было преступное дѣяніе.

([1]) По ст. 131 требовалось, чтобы первое было не менѣе важное, т. е., другими словами, равное или болѣе тяжкое, а по ст. 146, наоборотъ, чтобы второе было равное или болѣе тяжкое.

Уставъ о наказаніяхъ включилъ въ число условій повторенія срокъ, а именно—протеченіе не болѣе года между новымъ дѣяніемъ и осужденіемъ за первое; при похищеніи же и порубкѣ лѣса, срокъ былъ назначенъ двухлѣтній.

Законъ 1892 г. распространилъ это условіе и на уложеніе (1), но допустилъ различные сроки, смотря по важности перваго наказанія, причемъ въ общемъ принятъ тотъ же размѣръ сроковъ, какой установленъ въ нашемъ законодательствѣ для давности, а именно: послѣ отбытія каторги и поселенія—десять лѣтъ; послѣ ссылки на житье въ Сибирь или отбытія заключенія въ арестантскихъ отдѣленіяхъ—восемь лѣтъ; послѣ ссылки на житье въ отдаленныя губерніи или замѣняющаго ее заключенія въ тюрьмѣ (30, II), заключенія въ крѣпости и заключенія въ тюрьмѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ (30, IV)—пять лѣтъ; послѣ тюрьмы съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ (30, V, прим.), или безъ онаго, буде она назначена за кражу, мошенничество, присвоеніе или растрату—три года; послѣ тюрьмы за прочія преступленія, послѣ наказаній, назначенныхъ за самовольную порубку или похищеніе лѣса, а равно и послѣ денежныхъ взысканій, назначенныхъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 104^{2}—106^{1} уст. о нак.—два года (2); послѣ прочихъ наказаній—одинъ годъ.

---

(1) Въ представленіи Мин. Юстиціи по этому предмету указано: «чѣмъ больше промежутокъ времени между первымъ и повтореннымъ преступленіями, тѣмъ менѣе основаній предполагать въ виновныхъ упорство злой воли и привычку къ злодѣянію, которыми вызывается учиненіе уголовной репресіи за рецидивъ; тотъ, кто въ продолженіи извѣстнаго времени воздерживался отъ дальнѣйшихъ нарушеній уголовнаго закона и впалъ вновь въ преступленіе лишь тогда, когда впечатлѣніе понесеннаго имъ наказанія уже изгладилось, подаетъ болѣе надеждъ на исправленіе и представляется менѣе опаснымъ для общества, чѣмъ тотъ, который непосредственно послѣ отбытія наказанія совершаетъ новое преступленіе. Наконецъ, если время разрушаетъ всѣ юридическія отношенія между людьми, уничтожая самую память о событіяхъ, то трудно отрицать, что поглощающая сила его должна распространяться и на послѣдствія прежней судимости».

(2) Трудно объяснить, почему законъ продлилъ срокъ именно для этихъ нарушеній, такъ какъ, ни по существу своему, ни по ихъ житейскому значенію, они не отличаются отъ однородныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ напр. въ ст. 104, 104^{1}, уст. о нак.

Всѣ эти сроки исчисляются со дня отбытія послѣдне-назначеннаго наказанія ([1]).

По уложенію 1845 г. повтореніе отличалось отъ другихъ обстоятельствъ, усиливающихъ отвѣтственность, исчисленныхъ въ ст. 129, тѣмъ, что судъ, при опредѣленіи наказанія за вновь учиненное преступленіе, если законъ не содержалъ никакихъ особенныхъ постановленій о наказуемости повторенія, назначалъ всегда *самую высшую* мѣру наказанія, т. е. высшую мѣру наказанія, назначеннаго за это дѣяніе, а если за дѣяніе было назначено нѣсколько родовъ или нѣсколько степеней наказанія, или если судья, по другимъ обстоятельствамъ дѣла, понижалъ назначенныя въ законѣ наказанія на одну или нѣсколько степеней, то высшую мѣру выбранной степени наказанія ([2]).

По уставу о наказ. повтореніе, по общему правилу, только могло вліять на мѣру отвѣтственности, но не обязывало усиливать таковую; это начало законъ 1892 г. (ст. 131) распространилъ и на уложеніе, но съ указаніемъ, что въ случаяхъ, особо закономъ указанныхъ, наказаніе усиливается не только въ мѣрѣ, но и въ степени или родѣ.

Обращаясь же къ особенной части, мы встрѣтимъ въ ней цѣлый рядъ постановленій объ усиленіи наказанія за повтореніе того же преступнаго дѣянія, причемъ законъ указываетъ на послѣдовательное возвышеніе наказанія не только за повторенное учиненіе дѣянія, но и за учиненіе его въ третій или четвертый разъ (въ ст. 894 установляется особое наказаніе и за учиненіе въ пятый разъ, а въ ст. 416, п. 1, законъ доходитъ даже до седьмой рецидивы).

Размѣры усиленія чрезвычайно разнообразны: всего чаще встрѣчается увеличеніе на одну или нѣсколько степеней, или удвоеніе наказанія, положеннаго за учиненіе въ первый разъ или вообще предшествующаго наказанія; иногда законъ назначаетъ при повтореніи присоединеніе къ одному наказанію другаго, напр., къ денежному взысканію—тюрьмы, а всего чаще какихъ либо спеціальныхъ правопораженій, напр., лишенія права заниматься какимъ либо ремесломъ или промысломъ. Въ нѣкоторыхъ

([1]) Поэтому, конечно, новый законъ не можетъ измѣнить счета повторности дѣяній, установленнаго прежними приговорами.

([2]) Ср. Лохвицкій, курсъ, стр. 182 и слѣд.

случаяхъ законъ допускаетъ даже переходъ къ другому виду или роду наказанія, причемъ иногда усиленіе наказанія достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., за повтореніе разбоя законъ назначаетъ (ст. 1635) безсрочную каторгу, хотя бы за вновь учиненный разбой виновный подлежалъ каторгѣ отъ 6—8 лѣтъ; точно также при повтореніи поджога (ст. 1607) безсрочная каторга назначается взамѣнъ каторги отъ 8—10 лѣтъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ повтореніе служитъ не только основаніемъ усиленія наказуемости, но и влечетъ измѣненіе подсудности, напр., при третьей кражѣ, мошенничествѣ (ст. 181 уст. о нак., 1655 и 1672 улож.) (1).

При этомъ нельзя не замѣтить, что именно на постановленіяхъ уложенія о повтореніи можно видѣть ясно безсистемность и непродуманность нашего уложенія, такъ какъ весьма нерѣдко дѣяніе, подлежащее при учиненіи въ первый разъ, сравнительно съ другимъ однороднымъ дѣяніемъ (какъ напр. квалифицированныя кражи), меньшему наказанію, наказывается при повтореніи гораздо сильнѣе, и наоборотъ (2).

Кромѣ того, совершенно особыя постановленія о повтореніи содержатся въ постановленіяхъ о нарушеніяхъ уставовъ казеннаго

---

(1) Въ уложеніи встрѣчались даже случаи, когда повтореніе измѣняло оригинальнымъ образомъ самый составъ преступленія, и переводило дѣяніе въ другой родъ: такъ, по ст. 107, отмѣненной закономъ 1892 г., учинившій въ третій разъ преступленіе безъ обдуманнаго намѣренія, наказывался какъ бы совершившій его въ первый разъ съ предумышленіемъ; по ст. 596, отмѣненной закономъ 2 Іюня 1887 г., виновный въ добываніи драгоцѣнныхъ камней на казенныхъ земляхъ во второй разъ наказывался какъ за кражу; по ст. 1660, измѣненной закономъ 18 Мая 1882 года, лицо, наказанное, положимъ, за кражу со взломомъ и изобличенное затѣмъ въ простой карманной кражѣ, наказывалось за нее, какъ за вторую кражу со взломомъ и т. п.

(2) Какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

I. Мошенничество до 300 р.	свыше 300 р.	Кража до 300 р.	свыше 300 р.
въ 1-й разъ тюрьма 1—3 мѣс.	по 5 степ. 31 ст.	тюрьма 3—6 мѣс.	по 4 степ. 31 ст.
— 2-й — — 1—6 —	— 4 — 31 —	— 3—1 г.	— 1 — 31 —
— 3-й — — по 3 степ. 31 ст.	— 1 — 31 —	по 4 степ. 31 ст.	— 1 — 31 —
— 4-й — поселеніе.	поселеніе.	— 4 — 31 — въ высш. мѣрѣ.	въ высш. мѣрѣ. по 1 степ. 31 ст.

II. Кража по 1646 ст.	кража по 1647 ст.	кража по 1651 ст.	кража по 1652 ст.	кража по 1653 ст.
1-й разъ 2 степ. 31 ст.	3 степ. 31 ст.	3 степ. 31 ст.	5 степ. 31 ст.	4 степ. 31 ст.
2-й — 1 — 31 —	2 — 31 —	поселеніе	3 — 31 —	2 — 31 —
3-й — поселеніе	поселеніе	нѣтъ	поселеніе	поселеніе.

управленія (уст. пит. ст. 626; табачный ст. 279; объ акцизѣ нефт. масл. ст. 36; объ акц. съ спичекъ ст. 41). По этимъ уставамъ повтореніемъ признается учиненіе таковаго же нарушенія: 1) послѣ вступленія въ законную силу судебнаго приговора, состоявшагося о предшествующемъ нарушеніи, или 2) послѣ истеченія срока на обжалованіе послѣдовавшаго о таковомъ нарушеніи административнаго постановленія, или же 3) послѣ взноса обвиняемымъ денежнаго взысканія, опредѣленнаго управляющимъ акцизными сборами за предшествующее нарушеніе того же рода (этотъ случай имѣетъ значеніе только въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы).

Такимъ образомъ, по этимъ спеціальнымъ правиламъ для понятія повторенія достаточно только осужденія за первое и вмѣстѣ съ тѣмъ не установлено никакого срока повторенія.

Проектъ (ст. 56) различаетъ рецидиву и общую и спеціальную; въ первомъ случаѣ виновный подлежитъ наказанію на общемъ основаніи; но если дѣяніе, вновь учиненное, тождественно или однородно съ прежнимъ, и если притомъ прошло послѣ отбытія наказанія за преступленіе не болѣе пяти лѣтъ, за проступокъ—не болѣе трехъ и за нарушеніе—не болѣе одного года, то назначаемое наказаніе можетъ быть увеличено такъ же, какъ и при квалифицированной совокупности. Болѣе значительное возвышеніе наказанія можетъ быть допущено только въ случаяхъ, особо указанныхъ въ законѣ.

888. Если повтореніе играетъ такую важную роль при опредѣленіи вины и наказуемости, то весьма естественно, что въ каждомъ уголовномъ процессѣ, въ которомъ возникаетъ предположеніе о прежней судимости обвиняемаго, представляется весьма существеннымъ удостовѣреніе въ этой судимости.

Древнее право всѣхъ народовъ знало въ отношеніи къ важнѣйшимъ преступникамъ самый простой матеріальный способъ удостовѣренія—внѣшніе слѣды на тѣлѣ преступника понесенныхъ имъ наказаній: попадется преступникъ, у котораго уши рѣзаны, руки или ноги порублены — несомнѣнно, что онъ уже былъ въ приводѣ и наказаніи. Даже и послѣ отмѣны изувѣчивающихъ наказаній, это «пятнаніе» преступника оставалось долгое время

главнымъ средствомъ удостовѣренія прежней судимости. Такъ, мы видимъ, что въ нашемъ правѣ рваніе ноздрей было отмѣнено въ 1817 г., а клейменіе лишь въ 1863 г.

Съ отмѣною этихъ мѣръ, средства удостовѣренія прежней судимости оказались весьма недостаточными. Таковыми могли служить: показанія свидѣтелей, собственное сознаніе обвиняемаго, провѣренное на судѣ; отмѣтка въ паспортѣ или въ формулярѣ, такъ называемый волчій паспортъ,—но всѣ эти способы дѣлали удостовѣреніе случайнымъ, не соотвѣтствующимъ той важной роли, которую играло въ кодексахъ повтореніе.

Поэтому, нужно было пріискать такую систему, которая съ достаточною точностью удостовѣряла-бы: во 1-хъ, фактъ прежней судимости лица и юридическія свойства учиненнаго имъ поступка, и во 2-хъ, тождество личности судимаго преступника съ лицомъ осужденнымъ прежде. Для удостовѣренія перваго условія нынѣ служитъ такъ называемая система справокъ о судимости, для втораго, все болѣе и болѣе нынѣ распространяющаяся система фотографированія и антропометрическихъ измѣреній Бертильона.

Основаніемъ системы справокъ о судимости послужили постановленія французскаго code d'instruction criminelle, который (ст. 600, 601, 602) предписывалъ, чтобы въ судѣ асизномъ или исправительной полиціи составлялся бюллетень о каждомъ подсудимомъ, приговоренномъ къ наказанію не ниже 5 дней тюрьмы, и каждые три мѣсяца копіи этихъ бюллетеней отсылались въ министерство юстиціи и министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ той же формѣ составлялся имъ общій реестръ (sommiers judiciaires). Изъ этихъ реестровъ судебныя мѣста и могли почерпать необходимыя свѣдѣнія о прежней судимости; но трудность отысканія таковыхъ свѣдѣній въ этихъ громадныхъ алфавитахъ сдѣлала скоро во Франціи эту систему практически непригодною.

Принципъ централизаціи бюллетеней въ министерствахъ былъ замѣненъ во Франціи, по предложенію Бонневилля де-Марсанжи въ 1850 г., системою ихъ локализаціи (Système des casiers judiciaires) (1), введенною, впрочемъ, не силою закона, а путемъ

(1) Всѣ циркуляры относительно устройства и порядка веденія casiers judiciaires, и вообще подробности этого учрежденія можно найти у Despatys, Traité

министерскихъ циркуляровъ. По этой системѣ всѣ бюллетени о лицѣ, подвергшемся уголовному взысканію, отсылаются въ окружный судъ мѣста рожденія обвиняемаго, гдѣ и сосредоточиваются въ особомъ отдѣленіи секретаріата суда (au greffe de tribunal), располагаясь въ особыхъ картонахъ (casiers), въ алфавитномъ порядкѣ; бюллетени о лицахъ, коихъ происхожденіе неизвѣстно, объ иностранцахъ и о рожденныхъ въ колоніяхъ сосредоточиваются въ канцеляріи министерства юстиціи и въ центральномъ casier. Въ этихъ casiers сосредоточиваются бюллетени о всѣхъ осужденіяхъ, хотя бы и заочныхъ, состоявшихся въ судахъ гражданскихъ или военныхъ, кромѣ полицейскихъ судовъ (simple police) или и окружныхъ судовъ, въ случаѣ присужденія подсудимаго къ денежному взысканію (1). Равнымъ образомъ, туда заносятся свѣдѣнія о всѣхъ опредѣленіяхъ судовъ о признаніи несостоятельнымъ, о нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, копіи съ постановленій о реабилитаціи и т. п.

Всѣ эти casiers, во 1-хъ, постоянны, такъ какъ французское право не знало до закона 1891 г. никакого срока, послѣ коего рецидива утрачивала вліяніе на наказуемость, а потому greffiers въ извѣстные сроки провѣряютъ эти casiers по списку умершихъ, исключая бюллетени, ставшіе излишними; во 2-хъ, casiers публичны, поэтому извлеченія изъ нихъ о судимости сообщаются не только подлежащимъ лицамъ судебнаго вѣдомства, но и общественнымъ установленіямъ и даже частнымъ лицамъ; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ только не иначе, какъ по уполномочію прокуратуры (2).

---

théorique et pratique des casiers judiciaires en France et à l'étranger, 1870 г., а также у le Poittevin, Traité pratique des casiers judiciaires, 1880 г.

(1) Французскіе криминалисты указываютъ, что это разграниченіе осужденій, подлежащихъ и не подлежащихъ внесенію въ бюллетени, представляется совершенно формальнымъ и случайнымъ. Ср. Garraud, стр. 374, прим. 7.

(2) Какъ говоритъ Гарро (стр. 370), механизмъ casiers judiciaires служитъ не только уголовному правосудію, но даетъ возможность установить юридическую пригодность лица къ исполненію различныхъ общественныхъ обязанностей, напр., присяжнаго, опекуна, опредѣлить право участвовать въ выборахъ и т. д.; casiers могутъ служить въ помощь частнымъ людямъ, давая имъ возможность узнать прошлое лицъ, съ которыми имъ приходится вступать въ извѣстныя отношенія. Число такихъ свѣдѣній, выданныхъ по ходатайству частныхъ лицъ, за послѣднее время доходило до 170,000 въ годъ. Нельзя не прибавить, что, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, эта общедоступность свѣдѣній о судимости,

Эта система casiers judiciaires послужила прототипомъ подобныхъ же установленій въ другихъ государствахъ—Австріи, Баваріи, Италіи, причемъ многими изъ нихъ принято сообщать извлеченія изъ casiers относительно иностранцевъ и въ другія государства, согласно конвенціямъ (1).

Въ нашемъ правѣ ст. 414 у. у. с. предписываетъ слѣдователю по каждому дѣлу собирать свѣдѣнія о томъ, не находился ли подсудимый прежде подъ судомъ, и если находился, то какой постановленъ по его дѣлу приговоръ, о чемъ и должно быть съ точностью означаемо въ протоколѣ допроса. Если при производствѣ предварительнаго слѣдствія не было собрано точныхъ свѣдѣній о судимости, то судъ долженъ озаботиться о собраніи таковыхъ во время предварительныхъ къ суду распоряженій ($^{69}/_{241}$, Амчанинова; $^{71}/_{1384}$, Быкова; $^{72}/_{7}$, Ибрагимова; $^{72}/_{343}$, Алексѣева и др. (2).

Но уставы 1864 г. не содержали никакихъ указаній, какъ и въ какомъ порядкѣ должны удостовѣряться судебныя мѣста въ прежней судимости обвиняемаго. Только, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 15 Января 1870 г. правилъ, введена у насъ съ Іюля 1870 г. система справокъ о судимости, сходная въ основныхъ чертахъ съ прежнею французскою. По этимъ правиламъ, каждое общее судебное мѣсто, а равно и мировыя установленія, а по Высочайшему повелѣнію 28 Марта 1890 г. и земскіе начальники и городовые судьи, постановляя обвинительный приговоръ о подсудимомъ, коимъ онъ присуждается къ наказанію не ниже тюремнаго заключенія, обязаны составить относительно каждаго обвиненнаго особый листокъ, въ видѣ печатныхъ бланокъ, въ которыхъ

служитъ нерѣдко средствомъ шантажа, и не даетъ возможности предать забвенію прошлое даже лицу, законно возстановленному въ его правахъ.

(1) Ср. свѣдѣнія въ статьѣ Ивернеса, стр. 21 и сл., вопросъ о международномъ значеніи casiers былъ обсуждаемъ на стокгольмскомъ и римскомъ тюремныхъ конгрессахъ.

(2) Согласно циркулярному указу Правит. Сената отъ 18 Апрѣля 1873 г., соблюденіе правилъ, указанныхъ въ ст. 403—414 у. с. с., въ виду 118 ст. у. у. с., было признано обязательнымъ и для мировыхъ установленій; они также при допросѣ обвиняемаго удостовѣряются въ его самоличности и собираютъ свѣдѣнія, какъ о званіи его, такъ и о прежней судимости, а въ протоколахъ допроса обвиняемыхъ должны помѣщать всѣ свѣдѣнія о его личности, требуемыя примѣчаніемъ къ п. 3 правилъ 15 Января 1870 г.

*

означается судъ, постановившій приговоръ, а потомъ: 1) фамилія, имя и отчество; 2) возрастъ во время совершенія преступленія; 3) сословіе; 4) мѣсто рожденія; 5) мѣсто приписки; 6) рожденіе (законное, незаконное); 7) религія; 8) образованіе; 9) семейное положеніе; 10) занятіе или ремесло; 11) особыя примѣты; 12) когда, гдѣ и съ кѣмъ учиненъ проступокъ; 13 и 14) статья закона, по которой осужденъ и наказаніе, къ которому онъ приговоренъ; 15) въ который разъ приговоренъ по однородному или различнымъ проступкамъ; 16) содержался ли подъ предварительнымъ арестомъ; 17) когда приговоръ обращенъ къ исполненію.

Эти листки, одновременно съ обращеніемъ приговора къ исполненію, отсылаются, съ оставленіемъ при дѣлѣ точной копіи, въ Департаментъ Министерства Юстиціи, гдѣ они сосредоточиваются въ особомъ архивѣ справокъ о судимости. Архивъ распредѣляетъ всѣ справки по алфавиту, и ежемѣсячно печатаетъ «вѣдомость справокъ судимости», въ видѣ книги, въ строго-алфавитномъ порядкѣ, а въ концѣ года составляетъ и печатаетъ общій годичный алфавитъ, съ указаніемъ лишь фамиліи, имени и отчества и краткихъ признаковъ лица. До 1876 г. алфавитъ этотъ ежегодно перепечатывался и дополнялся, такъ что замѣнялъ алфавитные указатели за всѣ предшедшіе годы; съ 1876 г. алфавитные указатели болѣе не перепечатывались, а издавались по годамъ, а съ 1882 г. стали издаваться вѣдомости справокъ судимости и алфавиты отдѣльно для мировыхъ установленій и для общихъ судебныхъ мѣстъ.

Затѣмъ эти вѣдомости разсылаются во всѣ судебныя установленія, въ частности всѣмъ мировымъ судьямъ (а нынѣ и городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ) и судебнымъ слѣдователямъ, которые обязаны (цирк. указъ Сената 18 Апрѣля 1873 г. по мировымъ установленіямъ и 23 Февраля 1877 г. по общимъ судебнымъ мѣстамъ) отыскивать относительно судимости каждаго обвиняемаго справку по всѣмъ вышедшимъ до того вѣдомостямъ судимости и объ оказавшемся отмѣчать въ протоколѣ (1).

---

(1) Но на практикѣ, какъ объ этомъ засвидѣтельствовало и Министерство Юстиціи, эти требованія почти совсѣмъ не исполнялись, особенно въ мировыхъ установленіяхъ. Пересмотръ всѣхъ подлинныхъ вѣдомостей представлялъ слиш-

До закона 3 Февраля 1892 г. справки о судимости у насъ, какъ и во Франціи, были постоянны, такъ какъ не подлежали уничтоженію; причемъ принятый у насъ способъ печатанія и разсылки вѣдомостей устранялъ даже возможность исключенія лицъ, уже умершихъ. Но теперь, съ введеніемъ давностнаго срока рецедивы, очевидно справки могутъ становиться излишними по истеченіи сроковъ, а потому и вѣдомости могутъ быть уничтожаемы, но когда? Особыя затрудненія представятъ въ этомъ отношеніи справки общихъ судебныхъ мѣстъ. Такъ какъ въ однѣхъ и тѣхъ же вѣдомостяхъ помѣщаются указанія относительно лицъ, приговоренныхъ какъ къ исправительнымъ, такъ и къ уголовнымъ наказаніямъ, то очевидно, что срокъ уничтоженія не можетъ быть менѣе высшаго давностнаго срока, т. е. 10 лѣтъ, а такъ какъ, съ другой стороны, срокъ давности рецидивы считается съ момента отбытія наказанія, то, собственно говоря, справки о судимости могутъ стать излишними только послѣ истеченія высшаго давностнаго срока плюсъ наивысшій срокъ наказанія, назначеннаго кому либо изъ лицъ, упомянутыхъ въ данной книжкѣ.

Справки о судимости, по нашему законодательству, не доступны для публики; ими могутъ пользоваться только судебные органы; хотя нельзя не сказать, что, благодаря принятой у насъ разсылки этихъ вѣдомостей по всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ, въ сущности, оглашеніе содержащихся въ нихъ свѣдѣній представляется даже болѣе легкимъ, чѣмъ во Франціи.

Такъ какъ повтореніе, по самому своему существу, вліяетъ не на виновность, а лишь на наказуемость, то удостовѣреніе на судѣ въ прежней судимости виновнаго принадлежитъ короннымъ судьямъ. Хотя Правительствующій Сенатъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній ($^{68}/_{194}$, Федорова; $^{75}/_{61}$, Шинкаренки и др.), и указалъ,

---

комъ непосильную работу, такъ какъ достаточно вспомнить, что съ 15 Іюля 1870 г. по 15 Іюля 1890 г. книжекъ справокъ о судимости вышло болѣе 240, а алфавитныхъ указателей до 1889 г.—отдѣльныхъ 14 и два общихъ: съ 1870—1872 гг. и съ 1873—1875 гг.; справки по алфавитамъ представлялись притомъ затруднительными въ виду отсутствія въ нихъ спеціальныхъ указаній и сходства именныхъ прозвищъ значительнаго числа подсудимыхъ. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью перепечатать «справки» за прежніе годы для разсылки городовымъ судьямъ и земскимъ начальникамъ, было внѣшнимъ поводомъ закона 1892 г. объ установленіи давности повторенія.

что, по требованію прокурора, при разсмотрѣніи дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ, справки о судимости могутъ быть оглашены во время судебнаго слѣдствія, но съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы, вслѣдъ за ихъ прочтеніемъ, или же въ заключительномъ словѣ, предсѣдательствовавшій разъяснилъ присяжнымъ ихъ значеніе, т. е. указалъ бы, что эти справки сами по себѣ не могутъ служить доказательствами даннаго преступнаго дѣянія (1870 г., № 1473, Гартвигъ).

Но какое же значеніе имѣетъ такая справка для самого коронного суда? Вопросъ этотъ представляется во многихъ отношеніяхъ весьма интереснымъ въ процессѣ.

Прежде всего, можно ли считать нынѣ справки о судимости единственнымъ источникомъ, изъ коего судъ уголовный можетъ черпать свѣдѣнія о судимости? Несомнѣнно, что нѣтъ. Во 1-хъ, въ справки о судимости включаются только приговоры о присужденіи къ тюрьмѣ, а между тѣмъ повтореніе можетъ быть обстоятельствомъ, усиливающимъ отвѣтственность и при проступкахъ, за которые назначены арестъ или денежныя взысканія (1); во 2-хъ, и по тѣмъ дѣяніямъ, по которымъ ведутся справки о судимости, законъ нигдѣ не признаетъ эти справки единственнымъ удостовѣрительнымъ средствомъ, а потому судъ можетъ признать наличность повторенія и по другимъ даннымъ. Сенатъ указывалъ только, что судъ долженъ войти въ обсужденіе вопроса о прежней судимости, не стѣсняясь выводами обвинительнаго акта ($^{68}/_{99}$, Земскова), и притомъ основываться не на слухахъ и заявленіяхъ, хотя бы и самого подсудимаго, а на положительныхъ удостовѣреніяхъ, какъ напр. на копіяхъ съ приговоровъ мировыхъ судей или общихъ судовъ.

Болѣе труднымъ представляется второй вопросъ: служатъ ли справки о судимости безусловнымъ доказательствомъ повторенія, или же ихъ достовѣрность можетъ быть опровергаема на судѣ?

---

(1) Такъ, по нарушеніямъ устава питейнаго Правит. Сенатъ указалъ (1870 г., № 1629), что представленіе доказательствъ о повтореніи нарушеній питейнаго устава лежитъ на акцизномъ управленіи; но при этомъ только прибавилъ, что одного общаго заявленія о прежней судимости, какъ исходящаго отъ стороны, недостаточно, а судъ долженъ истребовать болѣе точныя свѣдѣнія съ указаніемъ самыхъ дѣлъ, по коимъ состоялось осужденіе (1874 г., № 599, Зеликсона; 1877 г., № 42, Кесселя). Въ акцизныхъ управленіяхъ ведутся особые алфавитные списки лицъ, подвершихся осужденіямъ.

Въ этомъ отношеніи нужно различать два случая: возраженія противъ правильности приговора, удостовѣряемаго справкою, и возраженія противъ достовѣрности справки.

Что касается перваго вопроса, то онъ разрѣшается по тому основному принципу, что res judicata pro veritate habetur, а потому новый судъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ войти въ разсмотрѣніе правильности прежняго рѣшенія: оно для него «истина», какія бы сомнѣнія не возбуждало это рѣшеніе. Для исправленія судебныхъ ошибокъ закономъ указанъ одинъ путь—возобновленіе дѣла: судебное рѣшеніе имѣетъ силу закона по тому дѣлу, по коему оно состоялось, а потому эта его сила прикрываетъ всѣ матеріальные и формальные его недостатки.

Но, какъ установила практика нашего Сената, это положеніе является непререкаемымъ при одномъ условіи, чтобы рѣшеніе исходило отъ учрежденія, на то уполномоченнаго. Приговоръ, постановленный по неподсудному дѣлу, не можетъ войти въ законную силу, а потому, если такой приговоръ даже былъ исполненъ, то, какъ первоначально признавалъ Сенатъ (рѣш. 1869 г., № 639, Кокошкина; 1872 г., № 30, Федорова и др.), такое исполненіе не можетъ служить препятствіемъ къ преданію обвиняемаго вновь суду по тому же дѣлу, причемъ, если подсудимый обвиняется сверхъ того въ новомъ преступленіи, то онъ долженъ судиться по правиламъ о совокупности, а отбытое имъ наказаніе должно быть принято въ разсчетъ при новомъ опредѣленіи отвѣтственности; если же виновному было уже назначено такое наказаніе, которое слѣдовало за всѣ его проступки, то это наказаніе не можетъ быть увеличено и подсудимый долженъ быть освобожденъ отъ всякаго новаго наказанія ($^{67}/_{397}$, Киріанова; $^{73}/_{587}$, Каплунова и др.). Впослѣдствіи Сенатъ нѣсколько отступилъ отъ этого положенія по отношенію къ тѣмъ дѣламъ, по коимъ приговоръ былъ исполненъ. Какъ скоро дѣло по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя установлены во время его разбирательства, было правильно принято судомъ къ разсмотрѣнію, когда, напр., подсудимый скрылъ свое званіе, принялъ вымышленное имя, и тѣмъ скрылъ прежнюю судимость и т. д., то въ этихъ случаяхъ Сенатъ (рѣш. 1882 г., № 52 по Общ. Собр.) не призналъ необходимости въ пересмотрѣ дѣла, а допустилъ только, буде сіе было нужно, исправленіе

прежняго приговора относительно званія подсудимаго и послѣдствій наказанія. Исправленіе должно быть произведено судомъ, постановившимъ приговоръ, предполагая, конечно, что онъ уполномоченъ на назначеніе таковыхъ послѣдствій.

Выходя изъ указаннаго начала недѣйствительности приговора, постановленнаго съ нарушеніемъ подсудности, Сенатъ неоднократно признавалъ, что и справка о судимости теряетъ силу, какъ скоро новый судъ усмотритъ, что подсудимый, хотя и отбылъ наказаніе, но назначенное не подлежащимъ судомъ (рѣш. 1875 г., № 541, 1884 г., № 14, по Общ. Собр.). Такимъ образомъ, всѣ преступленія, за которыя наказанія понесены виновнымъ по неподлежащимъ приговорамъ, должны вычеркиваться изъ общаго счета повторныхъ преступленій, и притомъ безотносительно къ тому, подлежитъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотру прежнее рѣшеніе или не подлежитъ; принялъ ли прежній судъ дѣло къ своему разсмотрѣнію явно неправильно, или же обстоятельства, измѣнившія подсудность, были отъ него скрыты, даже можетъ быть по винѣ самого подсудимаго.

Но мнѣ кажется, что такое безусловное проведеніе этой доктрины по отношенію къ установленію рецидивы возбуждаетъ весьма большія сомнѣнія въ ея правильности и представляется вреднымъ для общественной безопасности. Сторонники этого воззрѣнія говорятъ, что общество всегда гарантировано въ подобныхъ случаяхъ возможностью новаго пересмотра прежняго приговора, и что приговоръ, постановленный безъ соблюденія установленныхъ формъ, не можетъ отягощать участи подсудимаго. Но оба аргумента не вполнѣ убѣдительны. Пересмотръ дѣла, не говоря уже о тѣхъ тягостныхъ послѣдствіяхъ, которыя онъ повлечетъ для подсудимаго, далеко не всегда возможенъ, въ виду истеченія давности преступленія, въ виду даже того, что возбужденіе дѣла не зависитъ отъ суда, примѣняющаго законъ о рецидивѣ, и наконецъ даже въ виду указанной выше новой практики Сената и т. д. Что же касается указанія на недостаточность гарантій для подсудимаго, то оно въ дѣйствительности не вѣрно: не можемъ же мы сказать, что судъ гражданскій, рѣшившій неподсудное ему дѣло о военнослужащемъ, предоставляетъ, напр., менѣе гарантій подсудимому, чѣмъ судъ военный?

Поэтому, мнѣ казалось бы правильнымъ различать въ данномъ отношеніи два случая: постановленіе рѣшенія по неподсудному дѣлу, но безъ превышенія степени власти, и постановленіе рѣшенія, сопровождавшееся таковымъ превышеніемъ.

Если судъ уполномоченъ для разбора дѣлъ того рода, по коимъ состоялся его приговоръ, и даже уполномоченъ къ примѣненію наказаній, назначаемыхъ за подобныя дѣянія, но не компетентенъ лишь къ осужденію даннаго лица по его званію, какъ напр., при осужденіи гражданскимъ судомъ лица, состоящаго на дѣйствительной службѣ, то такой приговоръ, буде уже онъ исполненъ, не подлежитъ отмѣнѣ и новому пересмотру, и служитъ полнымъ основаніемъ для примѣненія закона о повтореніи. Таковы именно случаи, разсматривавшіеся Общимъ Собраніемъ Сената въ его опредѣленіи 1882 г., № 52, и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Сената въ рѣшеніи 1891 г., по дѣлу Павлова, онъ же Полотскій.

Если же судъ вовсе не уполномоченъ къ разсмотрѣнію дѣлъ этого рода, то постановленный имъ приговоръ подлежитъ отмѣнѣ, дѣло должно быть разсмотрѣно вновь, и, конечно, такой приговоръ не можетъ служить основаніемъ для признанія послѣдующаго дѣянія повтореніемъ. Таково, напр., осужденіе мировымъ судьею кого либо за неосторожное убійство, умышленное увѣчье, поджогъ.

Но какъ поступать въ томъ случаѣ, если судъ, постановившій приговоръ, уполномоченъ вообще на разсмотрѣніе дѣлъ этого рода, но не уполномоченъ на разсмотрѣніе даннаго вида. Эти случаи всего чаще встрѣчаются въ практикѣ и заслуживаютъ особаго вниманія.

Подсудимый былъ *дважды* осужденъ мировыми судьями и наказанъ по 169 или 170 ст. уст. о нак., положимъ, за кражу свыше 300 р., или за кражу со взломомъ изъ обитаемаго дома, а затѣмъ совершаетъ простую кражу; или, положимъ, коллежскій регистраторъ былъ дважды осужденъ мировыми судьями, подъ ложно принятымъ имъ званіемъ крестьянина, а затѣмъ совершаетъ третью кражу подъ дѣйствительнымъ званіемъ, какому наказанію подлежитъ въ этихъ случаяхъ третья кража и какому суду она подсудна? По теоріи Сената (рѣш. 1884 г., № 14, по Общ. Собр.) оба первые приговора недѣйствительны, и виновный можетъ быть наказанъ только за первую простую кражу, и притомъ въ первыхъ

двухъ случаяхъ мировыми установленіями. Но можно ли оправдать такое снисхожденіе? Виновный и безъ того понесъ дважды наказаніе менѣе установленнаго закономъ, и можетъ быть именно благодаря его личнымъ ухищреніямъ, и это же обстоятельство служитъ основаніемъ новаго для него снисхожденія! Я думаю, что въ подобныхъ случаяхъ нельзя признать наличности повторнаго учиненія виновнымъ квалифицированнаго дѣянія, такъ какъ онъ за таковое не судился, но нельзя не признать въ его дѣяніи повторнаго учиненія кражи вообще; поэтому во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ, по моему мнѣнію, подсудимый несомнѣнно долженъ подлежать отвѣтственности за третью кражу.

Другаго рода возраженія могутъ быть дѣлаемы противъ достовѣрности самой справки, и притомъ или на основаніи несоотвѣтствія указанія вѣдомости съ дѣйствительною справкою суда, доставленною въ архивъ справокъ о судимости, или несоотвѣтствія справки, доставленной судомъ, съ подлиннымъ приговоромъ. Въ этихъ случаяхъ судъ, очевидно, долженъ провѣрить справку подлинными производствами, такъ какъ справка не имѣетъ значенія предустановленнаго доказательства (1).

Но такая невѣрность можетъ лежать глубже: въ условіяхъ постановленія прежняго приговора. Дѣло было разсмотрѣно судомъ вполнѣ компетентнымъ, было осуждено и отбыло наказаніе то лицо, которое по этому приговору признано учинившимъ преступное дѣяніе; но это лицо судилось не подъ своимъ настоящимъ именемъ, а потому и справка о судимости составлена не на имя дѣйствительно судившагося а на другое лицо, вымышленное или дѣйствительное.

Понятно, что при такихъ условіяхъ прежняя судимость не утрачиваетъ своего вліянія на повтореніе, но самая справка подлежитъ исправленію, и притомъ какъ въ интересахъ публичныхъ, по требованію прокурорской власти, такъ и въ интересахъ частныхъ, по ходатайству того лица, подъ именемъ коего осуж-

---

(1) Во Франціи возможность ошибокъ, могущихъ имѣть огромное значеніе для осужденнаго, парализуется сложнымъ контролемъ каждой справки какъ прокуратурою суда, выдающаго справки, такъ и секретаріата суда мѣста родины осужденнаго, а равно и правомъ иска объ убыткахъ, предъявляемаго къ greffier за невѣрную справку на основаніи 1382 ст. зак. гражд. Ср. Garraud, № 229 и сл.

денъ преступникъ. Такое исправленіе, конечно, всего чаще можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ учиненія лицомъ, осужденнымъ подъ чужимъ именемъ, новаго преступнаго дѣянія, но оно вполнѣ возможно и безъ этого условія.

Самый порядокъ исправленія, по разъясненію нашего Сената, можетъ быть двоякій: если имя, подъ коимъ былъ осужденъ виновный, было вымышлено, то ошибка въ имени можетъ быть исправлена судомъ, постановившимъ приговоръ, въ порядкѣ, указанномъ ст. 955 у. у. с. ($^{71}/_{1824}$, Андреяновой; $^{72}/_{648}$, Царева; $^{72}/_{880}$, Фролова) (1); а если осужденнымъ было присвоено имя дѣйствительно существующаго лица, то путемъ отмѣны прежняго приговора и возобновленія производства ($^{72}/_{1234}$, Иванова; $^{72}/_{1620}$, Козицина); хотя нельзя не прибавить, что такая двойственность не находитъ достаточныхъ оправданій. Если въ интересахъ публичныхъ устраненіе ложной справки можетъ быть сдѣлано безъ новаго разсмотрѣнія дѣла, то нѣтъ основанія требовать такого пересмотра и въ интересахъ частныхъ. Лицо, подъ именемъ коего состоялось осужденіе, можетъ желать, чтобы справка о судимости была признана къ нему не относящеюся, но для него совершенно безразлично, подъ какимъ именемъ будетъ числиться въ справкахъ осужденный, такъ какъ возможно, что настоящее имя преступника останется неизвѣстнымъ и въ моментъ вторичнаго разсмотрѣнія дѣла для исправленія справки о судимости (2).

---

(1) Но если осужденіе подъ чужимъ именемъ произошло вслѣдствіе совершенія для сего виновнымъ какого либо самостоятельнаго преступленія, то Сенатъ, примѣняясь къ ст. 23 у. у. с., полагаетъ, что долженъ быть отмѣненъ состоявшійся приговоръ и производство возобновлено (1869 г., № 836; 1873 г., № 665; 1872 г., № 1302 и др.), хотя, казалось бы, что такое возобновленіе производства представляется необходимымъ лишь въ томъ случаѣ, когда присвоенное посредствомъ преступленія званіе обвиняемаго повліяло на родъ или видъ назначеннаго ему наказанія.

(2) Французскій кассаціонный судъ въ рѣшеніи 16 Мая 1885 г. призналъ, что въ случаѣ осужденія подъ чужимъ именемъ, исправленіе справки о судимости дѣлается въ порядкѣ 18 ст. уст. угол. суд., т. е. въ порядкѣ, установленномъ для удостовѣренія тождества лицъ, бѣжавшихъ во время отбытія наказанія; новое опредѣленіе постановляется въ публичномъ засѣданіи суда, въ присутствіи подсудимаго. Ходатайства же третьихъ лицъ, подъ именемъ коихъ былъ осужденъ преступникъ, объ исключеніи ихъ изъ справокъ о судимости, какъ полагаютъ французскіе криминалисты (Гарро, № 229), должны быть разсматриваемы

Но именно случаи этого рода, къ сожалѣнію нерѣдко встрѣчающіеся на практикѣ, указываютъ, насколько важно при примѣненіи правилъ о повтореніи установленіе тождества лица, осужденнаго прежде, и вновь совершившаго преступное дѣяніе.

Старый способъ клейменія преступниковъ удовлетворялъ этому требованію; клеймо удостовѣряло—что именно это лицо, вновь судимое, было суждено и наказано ранѣе. Но справки о судимости оказались непригодными для такого удостовѣренія: онѣ свидѣтельствовали только, что лицомъ, осужденнымъ подъ такимъ-то именемъ, было совершено такое-то преступленіе, но изъ нихъ затѣмъ нельзя было, конечно, узнать, было ли вновь судимое лицо именно тѣмъ, о комъ говорила справка. Такое удостовѣреніе могло быть достигнуто общимъ порядкомъ, т. е. сознаніемъ подсудимаго, допросомъ свидѣтелей; но и эти средства оказывались недостаточными, когда подсудимый былъ человѣкъ бродячій, или когда онъ, назвавшись чужимъ именемъ, упорно отрицалъ свою прежнюю судимость.

Поэтому и здѣсь пришлось прибѣгнуть къ искусственнымъ вспомогательнымъ средствамъ. Такимъ средствомъ явилась прежде всего фотографія, которая за послѣднія десять лѣтъ и вошла въ практику большинства европейскихъ государствъ. Справка о судимости свидѣтельствовала за что преступникъ былъ осужденъ ранѣе, а приложенная къ ней фотографія давала возможность удостовѣриться въ тождествѣ осужденнаго и вновь судимаго лица.

Но фотографическій способъ удостовѣренія представлялъ значительныя неудобства. Съ одной стороны, сходство даже хорошо сдѣланныхъ фотографическихъ изображеній основывается преимущественно на общемъ впечатлѣніи лица, а это общее впечатлѣніе не только мѣняется съ годами, но представляется весьма нерѣдко совершенно различнымъ на двухъ портретахъ, снятыхъ чрезъ короткій промежутокъ времени, завися отъ настроенія лица, его костюма, прически, освѣщенія и т. д. А по отношенію къ пре-

---

судомъ, постановившимъ приговоръ, въ порядкѣ исправленія приговоровъ; причемъ происшедшая ошибка доказывается всѣми способами.

ступникамъ особенно опытнымъ, это затрудненіе увеличивается еще тѣмъ, что они съ своей стороны употребляютъ всѣ мѣры, что бы усилить это различіе (1). Съ другой стороны, при системѣ простого фотографированія преступниковъ представлялось существенное затрудненіе въ классификаціи фотографій, въ распредѣленіи ихъ по группамъ, безъ чего при значительномъ числѣ фотографій представляется крайне затруднительнымъ розысканіе надлежащей справки.

Поэтому докторомъ Бертильономъ былъ предложенъ иной способъ установленія тождества судившихся лицъ путемъ антропометрическихъ измѣреній (2), принятый во Франціи, а затѣмъ въ Бельгіи, Америкѣ, а съ 1890 г. вводимый и въ Россіи, причемъ этотъ способъ не исключаетъ фотографированія преступниковъ, но облегчаетъ пользованіе фотографіею (3).

Вся эта система построена на томъ положеніи, что извѣстные

---

(1) Поэтому, какъ замѣчаетъ Бертильонъ, photographie, стр. 15, пріемы судебной фотографіи различаются по цѣли, съ которой дѣлается изображеніе: если хотятъ предъявленіемъ фотографіи свидѣтелямъ происшествія удостовѣриться въ лицѣ, его учинившемъ, то фотографія снимается преимущественно прямо или въ ¾; если хотятъ въ будущемъ путемъ сравненія удостовѣряться въ тождественности личности, то для этого преимущественно снимаютъ въ профиль, такъ какъ тогда на изображеніи получаются наименѣе измѣнчивыя лицевыя черты.

(2) A. Bertillon, de l'identification par les signalements anthropométriques въ Archives d, antropologie, 1886 г., т. I, стр. 193—225; его же la photographie judiciaire, 1890 г.; его же instructions signalétiques, 2 изд. 1891 г.; въ этомъ послѣднемъ трудѣ изложены всѣ детали антропометрическихъ измѣреній.

(3) Этотъ способъ прежде всего даетъ средства классифицировать фотографіи и по нимъ подыскивать соотвѣтственныя справки. Такъ, (Бертильонъ, photographie, стр. 104) въ Парижѣ послѣ 7 лѣтъ примѣненія фотографированія накопилось до 90,000 карточекъ, пересматривать которыя относительно каждаго арестованнаго (считая въ день до 100 арест.) было, очевидно, невозможно. При примѣненіи антропометрическаго способа все это количество распредѣлялось прежде всего по длинѣ черепа (малая, средняя, большая) на три группы по 30,000; каждая изъ этихъ группъ по ширинѣ черепа опять на три по 10,000; каждая изъ этихъ по длинѣ средняго пальца на три—по 3,300; затѣмъ шло дѣленіе по длинѣ ступни, дававшее уже по 1,100 въ группѣ; по длинѣ отъ локтя до средняго пальца приблизительно по 400 въ каждой; по росту—дававшее въ каждой группѣ уже около 120 карточекъ; дальнѣйшее подраздѣленіе по цвѣту зрачка давало уже 7 подраздѣленій и, наконецъ, послѣднее дѣленіе по длинѣ указательнаго пальца давало уже дѣленіе въ единицахъ, чѣмъ предоставлялась полная возможность приступать къ сравненію фотографій.

органическіе признаки, отличающіе отдѣльныхъ субъектовъ, не измѣняются у взрослыхъ, таковы: ростъ, длина и ширина головы, длина средняго пальца, цвѣтъ зрачка, волосъ, бороды, форма и размѣръ ногъ и т. д., поэтому удостовѣреніе въ тождествѣ этихъ признаковъ даетъ право заключить о тождествѣ вновь судимаго субъекта съ тѣмъ, относительно коего существуютъ уже справки судимости. Этотъ способъ опредѣленія тождества представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что такія измѣренія, при помощи сравнительно простыхъ приборовъ, могутъ быть производимы въ каждой тюрьмѣ, съ весьма большою точностью; кромѣ того, разнообразіе признаковъ даетъ возможность классификаціи, достаточно дробимой, чтобы не затруднять на практикѣ пріисканіе справки о данномъ субъектѣ.

IV. Стеченіе обстоятельствъ, вліяющихъ на отвѣтственность, и порядокъ перехода по лѣстницѣ наказаній.

889. Стеченіе обстоятельствъ, вліяющихъ на мѣру отвѣтственности.

890. Порядокъ перехода отъ одного наказанія къ другому.

889. Разсмотрѣвъ общія причины, вліяющія по нашему праву на увеличеніе или уменьшеніе отвѣтственности, я долженъ сказать нѣсколько словъ о возможномъ стеченіи въ одномъ дѣяніи нѣсколькихъ обстоятельствъ той или другой группы или даже совмѣстно и той и другой. Затрудненія, возбуждавшіяся случаями этого рода, въ особенности въ виду обязательнаго вліянія на измѣненіе наказуемости нѣкоторыхъ условій, еще въ 1849 г. по разсматривавшемуся въ Государственномъ Совѣтѣ дѣлу Сивцевыхъ вызвали подробное разъясненіе составителя уложенія графа Блудова, цѣликомъ внесенное въ мнѣніе Государственнаго Совѣта по сему дѣлу. Но это мнѣніе страдало отсутствіемъ какихъ либо твердыхъ, продуманныхъ юридическихъ основаній, а нынѣ, послѣ измѣненій, внесенныхъ въ этотъ отдѣлъ уложенія, совершенно утратило значеніе. Между тѣмъ, въ особенности съ практической стороны, порядокъ примѣненія судомъ этихъ условій имѣетъ весьма большое значеніе.

Очевидно, что и въ этомъ отношеніи судъ долженъ отдѣлять особыя и общія обстоятельства, и прежде всего установить мѣру отвѣтственности въ виду: особыхъ обстоятельствъ, выдѣляющихъ данное дѣяніе въ спеціальный видъ (взломъ, вооруженіе—при кражѣ; назначеніе зданія, его обитаемость, время совершенія—при поджогѣ и т. п.); особыхъ отношеній къ жертвѣ, опредѣляющихъ особое возвышеніе наказанія (условія, указанныя, напр., въ 1451 ст. при убійствѣ, отношеніе дѣтей къ родителямъ по ст. 1591 и т. п.); чисто личныхъ условій, также особо увеличивающихъ отвѣтственность (спеціальное повтореніе при различныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, извѣстное званіе или должность виновнаго и т. д.). Въ томъ случаѣ, если въ данномъ дѣяніи будетъ нѣсколько такихъ условій, судъ, какъ я указывалъ, назначаетъ наказаніе по высшему изъ этихъ условій, буде въ законѣ нѣтъ относительно сего никакихъ особыхъ указаній.

Затѣмъ, судъ долженъ перейти къ установленію вліянія общихъ обстоятельствъ, приблизительно въ такомъ порядкѣ: сначала опредѣлить вліяніе обстоятельствъ, относящихся къ дѣянію, а потомъ—къ личности виновнаго; въ каждомъ же изъ сихъ родовъ—первоначально принимая въ разсчетъ тѣ обстоятельства, относительно вліянія коихъ содержатся въ общей части какія либо особыя указанія, какъ напр. покушеніе, родъ участія—въ первомъ родѣ обстоятельствъ, или несовершеннолѣтіе—во второмъ, а затѣмъ уже тѣ, которыя измѣняютъ отвѣтственность всецѣло по усмотрѣнію суда, каковы, напр., обстоятельства, указанныя въ ст. 129, 134, 153, а нынѣ и въ 131 улож. Обстоятельства, вліяющія на замѣну наказанія, во всякомъ случаѣ должны быть приняты въ разсчетъ послѣдними; правила же о совокупности могутъ быть примѣняемы только по окончательномъ установленіи отвѣтственности за каждое отдѣльное преступленіе.

Въ томъ случаѣ, если судъ усмотритъ въ дѣяніи нѣсколько общихъ обстоятельствъ, усиливающихъ или уменьшающихъ мѣру отвѣтственности по усмотрѣнію суда, или нѣсколько и тѣхъ и другихъ, то онъ, при наличности однихъ отягчающихъ обстоятельствъ или при перевѣсѣ ихъ надъ уменьшающими, долженъ приближаться къ высшему предѣлу наказанія, а при обратномъ отношеніи—къ низшему; при равенствѣ же таковыхъ долженъ

опредѣлить среднее наказаніе (буде въ законѣ назначено нѣсколько наказаній), и притомъ въ средней мѣрѣ.

Воинскій уставъ о наказаніяхъ счелъ необходимымъ особо указать въ 3-й части ст. 89, что въ случаѣ стеченія обстоятельствъ, изъ которыхъ одни усиливаютъ, а другія уменьшаютъ наказаніе, опредѣленіе строгости онаго въ предѣлахъ, закономъ положенныхъ, предоставляется усмотрѣнію суда. Равнымъ образомъ въ той же статьѣ оговорено, что въ случаѣ стеченія особыхъ обстоятельствъ, изъ коихъ каждое влечетъ усиленіе наказанія на одну или нѣсколько степеней, судъ не можетъ возвысить наказаніе на сумму степеней, а назначаетъ тягчайшее (1).

890. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ суду приходится измѣнять назначенное въ законѣ наказаніе не только въ мѣрѣ, но и въ степени или даже въ родѣ, онъ долженъ руководствоваться принятою въ законѣ лѣстницею наказаній; но эта лѣстница, какъ мы видѣли, представляется сложною, а иногда весьма трудною для передвиженія по ней, поэтому законъ въ ст. 150 даетъ особыя правила для такого передвиженія (2).

На основаніи закона, въ случаѣ уменьшенія наказанія судъ переходитъ отъ степени къ степени и отъ рода къ роду въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 17 и 30, но съ слѣдующими изъятіями:

1) отъ ссылки на житье въ отдаленныя губерніи и замѣняющей ее тюрьмы—судъ переходитъ не къ крѣпости, а прямо къ тюрьмѣ безъ лишенія правъ (30, V).

2) Отъ крѣпости судъ также переходитъ не къ бывшему смирительному дому, нынѣ тюрьмѣ (30, IV), а прямо къ простой тюрьмѣ (30, V).

---

(1) Эти совершенно излишнія и неудачныя по редакціи постановленія внесены въ уставъ изъ проекта сенатора Капгера, а составлены они, какъ сказано въ журналѣ военно-кодификаціонной коммисіи, въ виду состоявшихся по гражданскому вѣдомству разъясненій Государственнаго Совѣта отъ 12 Марта 1847 г. и 7 Дек. 1849 г. Ср. Кузьминъ-Караваевъ, стр. 178.

(2) До закона 27 Дек. 1865 г. отъ наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ или нѣкоторыхъ правъ, судъ не имѣлъ права переходить къ низшимъ наказаніямъ, а приговаривалъ виновнаго къ низшей степени назначеннаго въ законѣ наказанія, и притомъ въ низшей его мѣрѣ.

3) Отъ бывшаго смирительнаго дома, нынѣ тюрьмы (30, IV), судъ прямо переходитъ не къ 1, а ко 2 степ. 38 статьи.

4) При переходѣ къ простой тюрьмѣ, указанномъ выше въ пп. 1 и 2, судъ, какъ говоритъ законъ, долженъ «наблюдать, что если срокъ содержанія въ крѣпости или въ тюрьмѣ съ лишеніемъ особенныхъ правъ по закону, менѣе продолжителенъ, чѣмъ опредѣленное соотвѣтствующею степенью время содержанія въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ, то заключеніе въ сей послѣдней назначается на тотъ же менѣе продолжительный срокъ.

Но всѣ эти ограниченія оказываются не полными и недостаточно ясными. Во 1-хъ, законъ не упоминаетъ о недозволеніи перехода отъ ссылки на поселеніе въ Сибирь къ ссылкѣ на поселеніе въ Закавказье, но въ виду того, что по ст. 21 послѣднее наказаніе назначается лишь за нѣкоторые особенные виды преступленій, а въ частности за расколъ, судъ долженъ переходить отъ ссылки на поселеніе въ Сибирь прямо къ 31 ст. улож. Другое же сомнѣніе, возбуждавшееся въ нашей практикѣ, о правѣ суда переходить отъ смертной казни къ каторгѣ, должно быть рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ уложеніе ни въ общей части, ни въ особенной, не дѣлаетъ никакихъ указаній на исключительный характеръ этого наказанія. Поэтому и по дѣламъ сего рода судъ можетъ воспользоваться 774 ст. уст. угол. суд., и перейти къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ 15—20 лѣтъ.

Во 2-хъ, правило, указанное выше въ 4 п., относительно удержанія прежнихъ сроковъ при переходѣ отъ 33 и 35 статей къ 38 представляется совершенно не яснымъ. По буквѣ закона подлежатъ сравненію сроки того наказанія, отъ котораго отправляется судъ (*по закону*), и того, къ которому онъ переходитъ (то, что въ ст. 150 называется соотвѣтствующею степенью). Такимъ образомъ, если судъ выбралъ наказаніе по 3 степени 33 ст. (тюрьма съ лиш. особ. правъ отъ 4—8 м.) и, въ виду даннаго подсудимому снисхожденія, предположилъ уменьшить наказаніе на двѣ степени, т. е. перейти къ 1 ст. 38 (тюрьма прост. отъ 8 м.—1 г. 4 м.), то онъ можетъ назначить лишь тюрьму простую на срокъ 4—8 мѣсяцевъ т. е. 2 степень 38 ст. Если же отправнымъ наказаніемъ будетъ 4 степ. 33 ст., и судъ предположилъ уменьшить наказа-

ніе лишь на одну степень, т. е. перейти къ 1 ст. 38 ст., то онъ можетъ назначить простую тюрьму лишь на срокъ отъ 2—4 мѣс., т. е. по 3-ей степени 38 ст.

Въ 3-хъ, законъ не содержитъ никакихъ правилъ относительно перехода отъ 31 ст. къ 33 и отъ 38 къ 39 ст. улож., хотя и тамъ встрѣчается то же затрудненіе, какъ и въ предшествующихъ примѣрахъ, такъ какъ низшая (5-я) степ. 31 ст. будетъ заключеніе въ арестантскія отдѣленія отъ 1 г. до $1\frac{1}{2}$ л., а высшая степень статьи 33 заключеніе отъ $1\frac{1}{3}$ до 2 лѣтъ; низшая степень 38 статьи—заключеніе 2—4 мѣс., а высшая степень 39 ст. заключеніе отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ. При подобныхъ случаяхъ, какъ призналъ и Сенатъ (рѣш. 1870 г. № 155, Чернилкина; 1877 г. № 55, Шипуновой), судъ при смягченіи наказанія вынужденъ будетъ въ дѣйствительности увеличить сроки наказанія; за исключеніемъ только случая, указаннаго въ 140 ст., гдѣ законъ прямо требуетъ перехода отъ 5 ст. 31 статьи къ 2 степ. 33 ст.

При возвышеніи наказанія судъ переходитъ отъ степени къ степени и отъ рода къ роду; но, сравнительно, съ значительнымъ ограниченіемъ, въ особенности послѣ закона 3 Февраля 1892 г.

По нынѣшней редакціи 2 ч. 150 ст. судъ можетъ переходить только отъ ареста къ тюрьмѣ (ст. 30, V), отъ ссылки на житье въ отдаленныя губерніи къ ссылкѣ на житье въ Сибирь; отъ тюрьмы, замѣнившей рабочій домъ къ заключенію въ арестантскія отдѣленія и отъ ссылки на поселеніе къ каторжнымъ работамъ.

Слѣдовательно, переходъ воспрещается:

1) отъ денежной пени или выговора къ аресту;

2) отъ заключенія въ тюрьмѣ, указаннаго въ IV и V п. ст. 30, и отъ заключенія въ крѣпости къ какимъ либо высшимъ наказаніямъ;

3) отъ наказаній, указанныхъ въ ст. 31 улож., къ наказаніямъ уголовнымъ;

4) отъ каторжной работы безъ срока къ смертной казни.

Во всѣхъ сихъ случаяхъ судъ, вмѣсто перехода къ высшему роду наказанія, увеличиваетъ продолжительность заключенія или воспрещенія отлучки (при ссылкѣ по 31 и 33 ст. улож.) или пребыванія въ отрядѣ испытуемыхъ (при безсрочной каторгѣ), прибавляя

одинъ, два или три года, смотря потому, на сколько степеней слѣдовало бы возвысить наказаніе противъ высшей онаго мѣры.

Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преступленія совершены противъ восходящихъ родственниковъ, а именно въ случаяхъ, указанныхъ въ 1492, 1539, 1544 и 1547, предшествующія ограниченія теряютъ силу и судъ можетъ переходить и къ высшему роду наказанія.

При наказаніяхъ особенныхъ, какъ было уже указано, законъ не допускаетъ перехода отъ одного вида къ другому, также какъ и при исключительныхъ мѣрахъ взысканія. Равнымъ образомъ и по уставу о наказ. не допускается такой переходъ, такъ какъ и при смягченіи отвѣтственности судъ остается въ предѣлахъ того же указаннаго въ законѣ наказанія.

Воинскій уставъ о наказаніяхъ содержитъ двѣ отдѣльныя статьи 83 и 84 о переходѣ отъ одного наказанія къ другому; но онѣ относятся только къ проступкамъ по воинской службѣ, а въ случаѣ же назначенія военнымъ судомъ наказанія за общіе проступки онъ руководствуется ст. 150 (1). При пониженіи наказаній, по ст. 83 судъ переходитъ отъ степени къ степени и отъ рода къ роду, въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены эти наказанія въ ст. 5 и 6 устава безъ всякихъ ограниченій или исключеній; а при возвышеніи наказанія, хотя судъ и руководствуется тѣмъ же основнымъ правиломъ, но не можетъ переходить отъ каторги къ смертной казни, отъ крѣпости къ ссылкѣ на житье и отъ исправительныхъ наказаній къ уголовнымъ. Въ этихъ случаяхъ судъ увеличиваетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ, или на два, смотря по количеству степеней, на которыя слѣдовало возвысить наказаніе, продолжительность срока, опредѣленнаго для высшей степени назначаемаго рода наказанія.

ОТДѢЛЪ II.

Измѣненіе наказанія, назначеннаго судомъ.

891. Замѣна наказаній.

892. Зачетъ въ наказаніе.

(1) Какъ замѣчаетъ Кузминъ—Караваевъ, стр. 173, при сложности системы наказаній по воинскому уставу о наказ., примѣненіе ст. 83 и 84 вызываетъ еще болѣе недоразумѣній, чѣмъ ст. 150.

*

893. Досрочное прекращеніе и послѣсрочное продолженіе наказанія; возстановленіе въ правахъ.

894. Отсрочка исполненія наказанія.

895. Условное осужденіе.

891. Согласно существу судебнаго приговора, опредѣленное судомъ наказаніе съ того времени, какъ самый приговоръ сталъ res judicata, никакому измѣненію не подлежитъ. Исполнители обязаны, говоритъ 955 ст. у. у. с., слѣдовать въ точности судебному приговору и исполнять согласныя съ онымъ требованія прокурора, чрезъ котораго восходятъ на разрѣшеніе суда и всѣ затрудненія или сомнѣнія, возникшія при исполненіи приговора.

Но тѣмъ не менѣе, въ виду разнообразныхъ жизненныхъ интересовъ, отъ этого общаго положенія о непоколебимости опредѣленнаго судомъ наказанія дѣлаются отступленія, причемъ вопросъ о необходимости такихъ отступленій возникаетъ или при исполненіи наказанія, или же и при самомъ постановленіи приговора; въ послѣднемъ случаѣ порядокъ измѣненія назначеннаго наказанія можетъ быть указанъ самимъ же судомъ въ приговорѣ.

Большинство обстоятельствъ, опредѣляющихъ такое измѣненіе наказанія, было разсмотрѣно мною ранѣе, при изложеніи условій, опредѣляющихъ понятіе преступленія и наказанія, поэтому въ настоящемъ отдѣлѣ я ограничусь только систематическимъ ихъ обзоромъ.

Первымъ изъ такихъ случаевъ является *замѣна опредѣленнаго судомъ наказанія.*

Замѣна наказанія, которое должно быть назначено виновному за данное учиненное имъ дѣяніе, можетъ зависѣть отъ двухъ условій: 1) отъ физической невозможности примѣненія нормальнаго наказанія и 2) отъ невозможности юридической.

Физическая невозможность существуетъ во всѣхъ случаяхъ, когда выполнить надъ виновнымъ опредѣленное наказаніе нельзя матеріально: нельзя подвергнуть осужденнаго заключенію въ несуществующемъ вообще или въ данной мѣстности мѣстѣ заключенія, взыскать съ неимущаго денежную пеню, лишить правъ уже лишеннаго таковыхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, такія неисполнимыя наказанія, буде они дополнительныя—отпа-

даютъ, буде они главныя—замѣняются другими. Такъ, денежныя взысканія замѣняются арестомъ или тюрьмою, а иногда отдачею въ заработки; арестантскія отдѣленія въ мѣстахъ, гдѣ они не учреждены (ст. 77), замѣняются тюрьмою (ст. 77); крѣпость—тюрьмою (ст. 79); отдача въ исправительныя заведенія, гдѣ оныя не устроены—тюрьмою (ст. 137); отдача въ монастырь—для лицъ, принадлежащихъ къ вѣроисповѣданію, не имѣющему монастырей, или гдѣ нѣтъ монастырей—замѣняется отдачею въ исправительныя заведенія или въ тюрьму (ст. 138) и т. д.

Юридическая невозможность представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе опредѣленнаго судомъ наказанія надъ виновнымъ было бы не справедливымъ или не цѣлесообразнымъ Случаи этого рода еще болѣе разнообразны. Такова, замѣна наказанія по возрасту: для малолѣтнихъ, (ст. 137 и 138 ул. и 6 ст. уст. о нак.), а по отношенію къ исправительнымъ наказаніямъ и для несовершеннолѣтнихъ (ст. 140), для престарѣлыхъ замѣна каторги—поселеніемъ, и арестантскихъ отдѣленій—тюрьмою (ст. 74 и 77 ул.); по полу—замѣна для женщинъ арестантскихъ отдѣленій—тюрьмою (ст. 77); по состоянію здоровья—замѣна также арестантскихъ отдѣленій—тюрьмою (ст. 77); по званію и состоянію виновнаго—замѣна для иностранцевъ ссылки на житье—тюрьмою (ст. 75), замѣна для неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія ареста—отдачею въ заработки (ст. 83); исключенія изъ службы—тюрьмою (ст. 87). Сюда же относится замѣна низшаго рода высшимъ въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 133 улож. по зак. 1892 г.; замѣна низшихъ исправительныхъ наказаній для священнослужителей и монашествующихъ (ст. 86), замѣна наказаній для военнослужащихъ, замѣна наказаній для ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ.

Замѣна наказанія въ случаяхъ послѣдняго рода является почти всегда обязательною для суда, но иногда законъ предоставляетъ её судейскому усмотрѣнію, такова, напр., замѣна тюремнаго заключенія отдачею въ исправительные пріюты (ст 6 уст.), или ареста—заработками для непривилегированныхъ (ст. 83).

Замѣна наказанія по основаніямъ юридическимъ должна быть указана судомъ при постановленіи приговора по существу и

неисполненіе этого является поводомъ кассаціи, а замѣна по основаніямъ фактическимъ можетъ быть сдѣлана и послѣ вступленія приговора въ силу, въ такомъ случаѣ приговоръ подлежитъ въ этомъ отношеніи исправленію въ порядкѣ 183 и 955 ст. уст. уг. с. (рѣш. 1871 № 1803, Иванова и др.). Замѣна физической смерти политическою назначается только по особому Высочайшему соизволенію.

Замѣнѣ во всякомъ случаѣ можетъ подлежать только то наказаніе, которое опредѣлено судомъ въ данномъ случаѣ, потому и вопросъ о замѣнѣ наказанія можетъ быть возбужденъ только тогда, когда судъ окончательно установилъ мѣру отвѣтственности, коей долженъ подлежать виновный.

Если опредѣленное судомъ наказаніе является сложнымъ, т. е. состоитъ изъ нѣсколькихъ главныхъ, или изъ главнаго и дополнительнаго, то замѣна одного изъ нихъ само по себѣ не вліяетъ на измѣненіе другаго. Такимъ образомъ, напр., при замѣнѣ арестантскихъ отдѣленій тюрьмою для женщинъ и престарѣлыхъ, полицейскій надзоръ назначается по 48, а не по 49 ст. улож. (рѣш. касс. деп. 1869 №№ 129, 654, 2000 и др.); при замѣнѣ крѣпости тюрьмою по ст. 79 пораженіе правъ должно быть назначено по ст. 50 ул. и т. п.

892. Другимъ условіемъ является *зачетъ въ наказаніе* тѣхъ матеріальныхъ страданій, которыя, въ силу распоряженій судебной власти, уже понесъ преступникъ по поводу совершеннаго имъ преступнаго дѣянія.

Сюда относятся два случая: 1) зачетъ въ наказаніе ареста, предшествующаго исполненію наказанія и 2) зачетъ въ наказаніе понесенной за то же дѣяніе судебной кары.

Предварительное заключеніе заподозрѣннаго въ преступленіи, являясь нерѣдко необходимымъ условіемъ дознанія и предварительнаго слѣдствія, тѣмъ не менѣе по существу своему составляетъ лишеніе свободы, весьма близко подходящее къ карательнымъ мѣрамъ этого рода; поэтому понятно, что такой арестъ не можетъ не быть принимаемъ во вниманіе при опредѣленіи мѣры наказанія, въ особенности если онъ былъ продолжителенъ, а самое преступленіе по судебному приговору оказалось маловажнымъ.

Поэтому, нѣкоторые кодексы и приходятъ къ необходимости зачета въ наказаніе предварительнаго ареста. Такъ, ст. 30 бельгійскаго уложенія ставитъ правило, что предварительное заключеніе, коему подвергся подсудимый по поводу того дѣянія, за которое онъ былъ осужденъ, засчитывается въ срокъ назначеннаго наказанія. Такое же положеніе содержитъ германскій кодексъ (§ 60), но съ тою разницею, что зачетъ не обязателенъ для суда, какъ въ Бельгіи, а зависитъ отъ его усмотрѣнія. Зачетъ можетъ быть сдѣланъ вполнѣ или частью, т. е. судъ можетъ, по своему усмотрѣнію, независимо отъ рода назначеннаго наказанія, или засчитать предварительный арестъ день въ день, или въ извѣстной пропорціи, такъ что судъ можетъ, напр., постановивъ приговоръ, указать, что въ виду предварительнаго ареста, назначаемое имъ наказаніе должно почитаться отбытымъ. Кодексъ венгерскій (§ 94) допускаетъ зачетъ, но только подъ условіемъ, чтобы арестъ былъ продолжителенъ, и притомъ не по винѣ подсудимаго; то же говоритъ голландское уложеніе (ст. 27), прибавляя, что зачетъ допускается и въ томъ случаѣ, когда при одновременномъ возбужденіи преслѣдованія за нѣсколько дѣяній, виновный былъ подвергнутъ аресту и не за то дѣяніе, за которое онъ былъ приговоренъ по совокупности. Напротивъ того, французское дѣйствующее право не допускаетъ никакого зачета.

Сводъ Законовъ (ст. 142 изд. 1842) постановлялъ, что долговременное нахожденіе подъ судомъ и содержаніе подъ стражею, по усмотрѣнію суда, вмѣняется въ наказаніе и пріемлется основаніемъ или къ облегченію положеннаго закономъ наказанія, или къ замѣнѣ онаго вполнѣ.

Но по уложенію 1845 г. подслѣдственный арестъ былъ отнесенъ только къ смягчающимъ обстоятельствамъ, въ силу коихъ судъ могъ ходатайствовать предъ Верховною Властью о чрезвычайномъ снисхожденіи къ подсудимому, но и то при наличности двухъ условій: чтобы арестъ былъ весьма продолжителенъ, и чтобы дѣяніе, въ коемъ подсудимый признанъ виновнымъ, не влекло лишенія всѣхъ правъ состоянія.

Такимъ образомъ, арестъ по такому преступленію, за которое обвиняемый былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, какъ бы долго онъ ни продолжался и отъ чьей бы вины ни зави-

сѣла его продолжительность, не только не засчитывается въ срокъ наказанія, но даже не можетъ особенно смягчить участь осужденнаго, вліяя только на измѣненіе мѣры наказанія.

Но это правило относится только къ подслѣдственному аресту въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. аресту во время слѣдствія и суда. Время же, проведенное подъ стражею по вступленіи приговора въ законную силу, лицами, приговоренными къ какому бы то ни было наказанію срочнымъ лишеніемъ свободы, всегда засчитывается въ срокъ наказанія; а по закону 10 Ноября 1887 г. подсудимому, который не обжаловалъ приговора, засчитывается въ срокъ и время, проведенное подъ стражею послѣ провозглашенія приговора (то же указано и въ ст. 191¹) (¹).

Равнымъ образомъ (968 ст. у. у. с., примѣч.; 341 ст. уст. о сод. подъ стр., примѣч. 1), засчитывается въ срокъ наказанія время, проведенное, послѣ вступленія приговора въ силу, арестантами, присужденными къ срочному лишенію свободы, въ пути, и при пересылкѣ ихъ по назначенію или по какому либо иному случаю изъ одного мѣста заключенія въ другое. Въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующія постановленія существенно различаются отъ системы уложенія 1845 г., когда срокъ наказанія исчислялся со дня дѣйствительнаго начала его отбытія.

По тексту ст. 968 у. у. с. время содержанія въ тюрьмѣ или время пути засчитывается присужденному день въ день, безотносительно къ роду того наказанія, къ которому приговоренъ виновный. Въ виду этого, вопросъ о точномъ опредѣленіи условій зачета представляется практически весьма важнымъ.

Какъ постановляетъ законъ, для зачета времени отъ постановленія приговора до вступленія его въ силу, необходимо, чтобы этотъ приговоръ или вовсе не былъ обжалованъ или былъ обжалованъ, но не подсудимымъ, а противною стороною, т. е. или прокурорскимъ надзоромъ или гражданскимъ истцемъ, въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ. Въ первомъ случаѣ примѣ-

---

(¹) Но по законамъ судопроизводства уголовнаго (ст. 553 по прод. 1890 г.), въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебные уставы, это правило не распространяется на присужденныхъ къ каторгѣ; для нихъ срокъ считается всегда со времени вступленія приговора въ законную силу.

неніе этого правила особыхъ затрудненій не представитъ; но во второмъ могутъ возбудиться серьезныя недоразумѣнія. Примѣняется ли это правило безусловно, безразлично къ результатамъ обжалованія, или же оно сохраняетъ силу только въ томъ случаѣ, если жалоба противной стороны осталась безъ послѣдствій? По тексту закона, казалось бы, слѣдовало принять послѣднее. Если приговоръ первой инстанціи былъ отмѣненъ или измѣненъ второю инстанціею, то затѣмъ будетъ приводиться въ исполненіе не первый приговоръ, а второй, а потому исчислять срокъ наказанія съ времени постановленія перваго не представляется достаточно основаній; тѣмъ болѣе, конечно, должно бы было примѣняться это начало въ томъ случаѣ, когда первый приговоръ былъ отмѣненъ въ порядкѣ кассаціонномъ, а затѣмъ состоялся новый приговоръ по дѣлу, коимъ могли быть совершенно иначе опредѣлены признаки учиненнаго виновнымъ дѣянія и онъ могъ быть приговоренъ даже къ иному наказанію. Иной выводъ могъ бы быть сдѣланъ развѣ въ томъ случаѣ, когда была отмѣнена такая часть приговора, которая не имѣетъ никакого отношенія къ наказанію, объ исчисленіи срока коего идетъ рѣчь, когда, напр. отмѣнена часть приговора, относящаяся къ удовлетворенію гражданскаго иска, или присуждающая какое либо дополнительное взысканіе. Но Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1889 г. № 39, по дѣлу Смотрицкаго, принялъ иное толкованіе ст. 968, и призналъ, что указанный въ ней порядокъ исчисленія начала срока наказанія примѣняется ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, каковы бы ни были результаты обжалованія (1). Сенатъ осно-

(1) По французскому праву въ случаѣ осужденія за проступокъ срокъ наказанія для подсудимаго, находящагося въ заключеніи, считается также со дня постановленія приговора, имъ не обжалованнаго, каковъ бы ни былъ результатъ жалобы, поданной противною стороною; но тамъ это положеніе прямо оговорено въ законѣ (ст. 24 code pénal, ст. 373—375 code d'instruction criminelle); притомъ законъ прибавляетъ, что то же исчисленіе допускается и въ томъ случаѣ, когда приговоръ былъ обжалованъ подсудимымъ и на основаніи его жалобы ему уменьшено наказаніе. Изъ другихъ законодательствъ, по германскому (ст. 481, 482 уст. уг. суд.) приговоръ начинаетъ исполняться со дня вступленія приговора въ силу, но если подсудимый отказался отъ подачи жалобы, или поданную взялъ обратно, то ему зачисляется весь арестъ, протекшій со дня постановленія приговора; при этомъ арестъ засчитывается день въ день, каково бы ни было наказаніе, къ кото-

вывался исключительно на соображеніяхъ, изложенныхъ въ представленіи Мин. Юстиціи Государственному Совѣту по поводу новой редакціи ст. 168, въ которыхъ было сказано, что не представлялось бы препятствій распространить правило о зачетѣ времени послѣ провозглашенія приговора, не обжалованнаго подсудимымъ, и на тѣ случаи, когда обвинитель принесъ жалобу, но такая осталась безъ послѣдствій, или даже и на тѣ, когда жалоба обвинителя была уважена и апелляціонный судъ нѣсколько увеличилъ назначенное судьею наказаніе, или когда Правительствующій Сенатъ передалъ дѣло на новое разсмотрѣніе въ другой судъ, такъ какъ и при сихъ послѣднихъ условіяхъ присоединеніе къ наказанію, назначенному судебнымъ приговоромъ, значительнаго времени содержанія подъ предварительномъ арестомъ послѣ объявленія первоначальнаго приговора, коимъ подсудимый остался доволенъ, представляется также вполнѣ произвольнымъ увеличеніемъ наказанія ([1]), не находящимся ни въ какомъ соотношеніи съ виною самого подсудимаго. Но нельзя не прибавить, что эти соображенія не нашли никакого выраженія въ текстѣ закона.

рому онъ былъ приговоренъ. Австрійскій уставъ § 400 допускаетъ зачетъ и въ томъ случаѣ, когда подсудимый обжаловалъ приговоръ и затѣмъ просьба его была уважена.

([1]) Въ циркулярѣ Министра Юстиціи отъ 25 Мая 1887 г. для избѣжанія затрудненій при зачетѣ по ст. 968 указано: 1) чтобы при самомъ постановленіи обвинительнаго приговора судъ, если признаетъ соотвѣтственнымъ содержаніе обвиняемаго подъ стражею и послѣ провозглашенія резолюціи, присуждающей къ краткосрочному лишенію свободы, не оставлялъ бы безъ обсужденія вопроса о томъ вліяніи, которое подобная мѣра, въ случаѣ необжалованія подсудимымъ приговора, можетъ имѣть на зачетъ въ наказаніе времени, проведеннаго подсудимымъ подъ стражею до вступленія упомянутаго приговора въ законную силу, наблюдая, чтобы въ сихъ случаяхъ задержаніе подсудимаго долѣе срока подлежащаго зачету въ наказаніе, допускаемо было лишь при совершенной невозможности освободить его отъ предварительнаго ареста, и 2) чтобы въ обращеніи краткосрочныхъ приговоровъ, вступившихъ въ силу, къ исполненію не допускалось вообще ни малѣйшаго замедленія, дабы содержаніе осужденныхъ подъ стражею, сверхъ сроковъ опредѣленныхъ имъ наказаній, не являлось послѣдствіемъ медленности производства. Равнымъ образомъ Сенатъ ($^{70}/_{207}$ Петрова, $^{76}/_{46}$ Спиридонова) разъяснилъ, что время, проведенное въ тюрьмѣ вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій суда, напр. неправильнаго отказа въ возстановленіи срока апелляціи и преждевременнаго обращенія приговора къ исполненію, должно быть засчитываемо въ срокъ наказанія.

Но приговоръ во всякомъ случаѣ долженъ быть не обжалованъ подсудимымъ, поэтому, какъ скоро онъ принесъ апелляціонную или кассаціонную жалобу, то уже этотъ пунктъ ст. 968 у. у. с. (по прод. 1890 г.) не примѣняется, хотя бы затѣмъ подсудимый взялъ свою жалобу обратно, или жалоба была оставлена безъ разсмотрѣнія (1).

Проектъ уложенія относительно предварительнаго ареста возвратился къ системѣ свода, и даетъ суду (ст. 46), постановляющему приговоръ, право засчитывать его вполнѣ или частію въ срокъ наказанія, но только если назначенное наказаніе будетъ исправительный домъ, заточеніе, тюрьма или арестъ, т. е. не распространяя зачета на случаи присужденія къ каторгѣ.

При этомъ, какъ указываетъ объяснительная записка, судъ не обязанъ, а лишь имѣетъ право дѣлать зачетъ, такъ какъ вполнѣ возможно представить, что продолжительность слѣдствія обусловливается виною самого подсудимаго. При зачетѣ судъ не стѣсненъ въ объемѣ зачета, т. е. онъ можетъ засчитать арестъ вполнѣ день въ день или частію. Такимъ образомъ, если подсудимый, приговоренный къ 3-мъ мѣсяцамъ тюрьмы, просидѣлъ столько же или и болѣе въ предварительномъ заключеніи, то судъ можетъ счесть наказаніе отбытымъ и распорядиться о немедленномъ освобожденіи его изъ подъ стражи.

Что касается зачета въ наказаніе понесенной виновнымъ кары за то же дѣяніе, то таковой возможенъ по дѣйствующему праву въ двухъ случаяхъ: 1) когда отбытое наказаніе было назначено по приговору некомпетентнаго суда, и этотъ приговоръ былъ затѣмъ отмѣненъ, а дѣло подвергнуто новому разсмотрѣнію;

---

(1) Такое же толкованіе даетъ Гарро, II, стр. 47; онъ справедливо замѣчаетъ, что по общему правилу начало срока исчисляется со дня вступленія приговора въ законную силу, а потому всякое исключеніе изъ этого правила должно быть толкуемо ограничительно. Французскій кассаціонный судъ, въ случаѣ взятія назадъ кассаціонной жалобы, считаетъ таковую какъ бы не поданною (non avenu), но онъ основывается главнымъ образомъ на краткости срока кассаціоннаго обжалованія—3 дня, лишающаго возможности обдумать жалобу. Какъ разъяснилъ нашъ Сенатъ (рѣш. 1876 № 154, Румянцева), не засчитывается въ срокъ наказанія проведенное въ тюрьмѣ время, въ теченіе коего было пріостановлено исполненіе приговора въ виду обвиненія въ другомъ преступномъ дѣяніи.

2) когда было отбыто наказаніе, подлежащее, въ виду правилъ о совокупности, поглощенію другимъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ.

Въ этихъ случаяхъ зачетъ можетъ быть допущенъ только при однородности наказаній; при разнородности же ихъ отбытое наказаніе можетъ являться лишь обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину.

893. *Досрочное прекращеніе и послѣсрочное продолженіе наказанія.* Жизнь заставила признать несостоятельною попытку даже наиболѣе геніальныхъ законодателей обратить въ механизмъ судейскую дѣятельность, заставила предоставить суду болѣе или менѣе значительный просторъ при выборѣ мѣры наказанія, въ интересахъ болѣе точной оцѣнки преступнаго дѣянія. Только судья, разсмотрѣвъ всесторонне дѣло, оцѣнивъ общественное значеніе посягательства, выразившіяся въ немъ преступныя свойства личности преступника, можетъ точно опредѣлить мѣру слѣдующей ему кары. Но достижимо ли и для судьи выполненіе этого требованія? Воля, оживотворяющая дѣяніе, такъ многообразна, мотивы, опредѣляющіе ее, нерѣдко, такъ сложны, что изучить ихъ дѣло не легкое. Передъ глазами судьи проходитъ только небольшой отрывокъ изъ жизни виновнаго; какъ бы тщательно ни изучалъ онъ событіе, какъ бы ни старался раскрыть обстоятельства, выведшія данное лицо изъ общаго житейскаго круговорота и приведшія его въ столкновеніе съ требованіемъ закона, все таки весьма часто его сужденія могутъ быть ошибочны и причина этихъ ошибокъ лежитъ не только въ несовершенствѣ наблюдательнаго аппарата, сравнительно со сложностью наблюдаемаго предмета, но и въ кратковременности наблюденія. Немногіе часы, проведенные слѣдователемъ, а въ особенности судьею, съ преступникомъ, легко могутъ вовлечь въ ошибку и придать значеніе внѣшнему, кажущемуся, могутъ выдвинуть на первый планъ случайныя дополнительныя обстоятельства и оставить въ тѣни существенныя, а все это естественно можетъ вызвать несоотвѣтствіе назначеннаго наказанія съ общественнымъ и индивидуальнымъ значеніемъ преступнаго событія. Не подсказываетъ ли намъ жизненная правда, что въ дѣйствительности весьма и весьма нерѣдко служители правосудія отправляютъ свои обязанности съ

традиціонною повязкою на глазахъ, что выборъ мѣры наказанія опредѣляется шаблонною рутиной, а не тщательнымъ изученіемъ дѣла и человѣка.

Но къ этой необходимости измѣненія приговора, назначеннаго судомъ, мы придемъ и при разсмотрѣніи общихъ основъ карательной дѣятельности. Если даже съ точки зрѣнія теорій воздаянія или справедливости можно защищать такую измѣняемость въ видахъ достиженія внутренняго, а не формальнаго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ, то такая измѣняемость становится необходимостью съ точки зрѣнія теорій цѣлесообразности.

Мы не можемъ отрицать, что и послѣ приговора, какъ и до него, преступникъ не остается въ состояніи застоя, а видоизмѣняется и нравственно, и еще болѣе физически, и нерѣдко эти измѣненія также могутъ оказаться не соотвѣтственными предположеніямъ судьи.

Можно ли оставлять въ тюрьмѣ человѣка, если есть достаточныя гарантіи въ его исправленіи, и наоборотъ, слѣдуетъ ли освобождать человѣка изъ тюрьмы при полномъ убѣжденіи, что пройдетъ нѣсколько дней и онъ снова появится тюремнымъ обитателемъ, совершивъ по дорогѣ какое либо новое преступленіе?

Что же касается чисто процессуальныхъ возраженій о томъ, что этимъ путемъ колеблется сила судейскихъ приговоровъ, подрывается авторитетъ кореннаго положенія—res judicata pro veritate habetur, то, не говоря уже о чисто формальномъ значеніи этого возраженія, оно представляется и не вполнѣ вѣрнымъ. Непоколебимость судейскаго авторитета вполнѣ соблюдается тѣмъ, что это право измѣненія срока будетъ уже заключаться въ самомъ приговорѣ. Приговоръ, при введеніи этого института, будетъ постановляться въ относительной формѣ; такимъ образомъ, напр., съ предоставленіемъ тюремной администраціи права на досрочное освобожденіе арестанта по отбытіи имъ $^3/_4$ наказанія, осужденіе кого либо на 10 лѣтъ каторги—будетъ означать осужденіе на срокъ отъ $7^1/_2$—10 лѣтъ.

Всѣ эти соображенія привели доктрину (1) и законодателей къ

(1) Ср. въ особенности F. Holtzendorff, die Kürzungsfähigkeit der Freiheitsstrafen und bedingte Freilassung der Stäflinge, 1861 г.

сознанію необходимости уничтожить безусловное значеніе опредѣленной судомъ мѣры отвѣтственности и допустить измѣненіе ея при исполненіи наказанія.

Но и въ этомъ отношеніи, какъ и по поводу устраненія безусловно опредѣленной санкціи, мы встрѣчаемъ два теченія: одно хотѣло сдѣлать судейскій приговоръ безусловно неопредѣленнымъ, другое—относительно опредѣленнымъ.

Такъ, нѣкоторые англо-американскіе пенитенціаристы (Мэконоки, Гилль, Карпентеръ) (1), предлагали замѣнить существующую систему опредѣленія мѣры наказанія лишеніемъ свободы системою опредѣленія ея числомъ хорошихъ отмѣтокъ или марокъ, которыя осужденный долженъ заслужить въ тюрьмѣ поведеніемъ и прилежаніемъ. Въ Германіи еще недавно психіатръ Крепелинъ (2) высказалъ то мнѣніе, что судъ долженъ, на основаніи обстоятельствъ дѣла, опредѣлить лишь, заслуживаетъ ли подсудимый наказанія, а затѣмъ установленіе продолжительности наказанія должно быть дѣломъ его исполнителей. Но подобная система, встрѣтившая мало сочувствія въ доктринѣ, съ практической стороны вызываетъ еще большія возраженія, чѣмъ сохраненіе въ кодексахъ безусловно неопредѣленной санкціи, такъ какъ этимъ путемъ создается сильная власть тюремной администраціи, опасная даже и тамъ, гдѣ тюремное дѣло сравнительно благоустроено, и совершенно недопустимая при томъ положеніи тюремъ, въ какомъ онѣ находятся, напр., у насъ; съ другой стороны, эта доктрина вовсе игнорируетъ общественную сторону наказанія, — необходимость успокоить общественную совѣсть назначеніемъ соотвѣтственной кары.

Поэтому и здѣсь болѣе предпочтительною является относительно опредѣленная форма приговора, когда мѣра отвѣтственно-

---

(1) Фойницкій, наказаніе, стр. 92. Algem. preuss. Landrecht (ст. 1160) и дополнительные къ нему циркуляры 1796 и 1799 гг. постановляли, что виновный въ совершеніи третьяго воровства подвергается тѣлесному наказанію въ усиленныхъ размѣрахъ, и кромѣ того заключенію въ исправительное заведеніе до тѣхъ поръ, пока начальникъ тюрьмы не убѣдится, что виновный дѣйствительно исправился, что онъ имѣетъ средства заработывать свое пропитаніе и вообще можетъ быть освобожденъ безъ опасности для общества.

(2) Kraepelin, die Abschaffung des Strafmasses, 1880.

сти устанавливается судомъ, но исполнителямъ приговора предоставляется измѣненіе этой мѣры.

Такое видоизмѣненіе, конечно, возможно, какъ въ смыслѣ увеличенія, такъ и уменьшенія наказанія.

За послѣднее время въ литературѣ появляются мнѣнія, что относительно преступниковъ привычки нужно предоставить тюремной администраціи право удлиннять срокъ заключенія, какъ скоро она найдетъ, что освобожденіе арестанта грозитъ опасностью обществу и повлечетъ за собою учиненіе новаго преступнаго дѣянія. Такое предложеніе было сдѣлано между прочимъ на Римскомъ тюремномъ конгрессѣ фонъ-Гамелемъ, но не было принято конгрессомъ, какъ преждевременное (Фойницкій, наказаніе 83). Въ законодательствахъ же мы встрѣчаемъ только зачатки подобныхъ мѣропріятій. Такъ, сюда можно въ нѣкоторомъ отношеніи отнести описанный выше такъ называемый «korrektionelle Nachhaft» германскаго права, причисляемый, впрочемъ, большинствомъ нѣмецкихъ теоретиковъ къ особому виду дополнительныхъ наказаній лишеніемъ свободы. Сюда же можно отнести установленное 326 ст. уст. о сод. подъ страж. продленіе заключенія для лицъ, находящихся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, хотя такое удлинненіе срока опредѣляется не въ силу неисправимости арестанта, а вслѣдствіе неоднократнаго учиненія имъ дисциплинарныхъ нарушеній.

Болѣе твердо установившимся въ современномъ правѣ представляется сокращеніе назначеннаго судомъ наказанія, причемъ это досрочное освобожденіе арестанта является въ двухъ типахъ: безусловнаго освобожденія и условнаго, сущность коихъ была изложена выше (№ 842).

Наконецъ, особый видъ прекращенія назначеннаго по судебному приговору наказанія составитъ и допускаемое въ нѣкоторыхъ законодательствахъ возстановленіе въ правахъ—реабилитація (1),

(1) Вопросъ о реабилитаціи всего полнѣе разработанъ во французской литературѣ. Ср. Lair., de la réhabilitation des condamnés dans le droit romain et dans le droit ancien et moderne, 1859 г.; Billecocq, de la réhabilitation, 2 изд. 1886 г.; Sarraute, traité théorique et pratique de la réhabilitation des condamnés, 1884 г.; Brégeault et Delagarde, traité théorique et pratique de la réhabilitation des condamnés, 1887 г. Французское право знаетъ еще особый видъ торговой реабилитаціи для несостоятельныхъ (ст. 604 и 605 торг. код.).

уничтожающая или измѣняющая послѣдствія, которыя оставляетъ наказаніе въ юридической правоспособности лица. Реабилитація какъ бы стираетъ самое осужденіе и въ силу того близко подходитъ къ помилованію лицъ, отбывающихъ наказаніе, въ особенности къ амнистіи (1).

Источникъ этого института лежитъ въ римскомъ правѣ, которое знало restitutio in integrum. Restitutio уничтожало (2) всѣ послѣдствія преступленія и державною волею народа возвращало осужденному его достоинство, званіе и права или, какъ выражалась это въ самой формулѣ возстановленія: honoribus, et ordine tuo et omnibus caeteris te restituo. Путемъ римскаго и каноническаго права «возстановленіе» перешло въ законодательства новыхъ народовъ, укоренившись въ особенности во Франціи. Учредительное собраніе, уничтожившее право помилованія, не только удержало реабилитацію, но впервые ввело ее кодексомъ 1791 г., какъ нормальное учрежденіе, въ уголовное законодательство, облекши въ весьма торжественныя формы. Представители страны являлись въ судъ и торжественно объявляли: такой то искупилъ свое преступленіе, отбылъ назначенное за него наказаніе, теперь поведеніе его безупречно, мы отъ имени страны просимъ, чтобы пятно его преступленія было съ него снято. Это было, какъ говорилъ докладчикъ закона, гражданское крещеніе (baptême civique) преступника. Но, какъ замѣчаетъ Гарро (II, стр. 158), эта публичность, снова воскрешавшая въ обществѣ память о преступленіи, была невыгодна для преступника. Затѣмъ, этотъ институтъ вошелъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства и былъ существенно измѣненъ законами 1832, 1852 и въ особенности 14 Августа 1885 г., который окончательно отдѣлилъ его, какъ acte de justice, отъ помилованія, какъ acte de clémence (3).

---

(1) Поэтому многіе изъ французскихъ криминалистовъ излагаютъ ученіе о реабилитаціи вмѣстѣ съ ученіемъ о помилованіи, напр., Ortolan, II, № 1923 и сл.

(2) Историческія данныя см. у Sarraute, réhabilitation, стр. 14 и слѣд.

(3) Гарро приводитъ слѣдующія среднія ежегодныя цифры, указывающія на постоянное возрастаніе ходатайствъ о возстановленіи въ правахъ:

до 1830 г.	1831—1840 гг.	1841—1850 гг.	1851—1860 гг.	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1885 гг.
13	24	29	60	236	407	735

По дѣйствующему французскому законодательству реабилитація даруется всякому, присужденному къ наказаніямъ, опредѣляемымъ за преступленія и проступки, при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) онъ долженъ отбыть свое наказаніе или получить помилованіе; 2) онъ долженъ доказать свое безупречное поведеніе послѣ отбытія наказанія въ теченіе 5 лѣтъ для отбывшихъ уголовное наказаніе и 3—для отбывшихъ наказаніе, назначаемое за проступки (для рецидивистовъ сроки удвоиваются); 3) онъ долженъ прожить такіе же сроки въ одномъ и томъ же уѣздѣ (arrondissement), и въ томъ числѣ два послѣдніе года въ одной и той же волости (commune) (1); 4) онъ долженъ представить доказательства уплаты пени, вознагражденія вреда и судебныхъ издержекъ (послѣднее, впрочемъ, по новой редакціи ст. 623 у. у. с., не обязательно) или отбытія имъ, въ случаѣ несостоятельности, личнаго задержанія. До закона 1885 г. судъ только давалъ свое заключеніе о ходатайствѣ осужденнаго, а самое возстановленіе въ правахъ зависѣло отъ главы исполнительной власти; нынѣ же оно предоставлено суду. Ходатайство о реабилитаціи подается прокуратурѣ, которая собираетъ по этому поводу всѣ необходимыя свѣдѣнія отъ мэровъ и мировыхъ судей, а затѣмъ представляетъ ходатайство и всѣ данныя обвинительной камерѣ судебной палаты (cour d'appel), которая и разрѣшаетъ это ходатайство въ присутствіи осужденнаго, но при закрытыхъ дверяхъ. Въ случаѣ удовлетворительнаго рѣшенія возстановленіе въ правахъ уничтожаетъ самое осужденіе, а потому копія съ постановленія обвинительной камеры сообщается какъ суду, постановившему погашенный приговоръ для отмѣтки на приговорѣ, такъ и въ мѣста, гдѣ находились справки о его судимости, также для означенія въ справкахъ о возстановленіи въ правахъ (о возстановленномъ въ правахъ справки прежней судимости могутъ выдаваться только по требованію прокуратуры) (2). Послѣ возстановле-

(1) По закону 1885 г. изъ этого правила сдѣлано исключеніе только для военнослужащихъ и для лицъ, коихъ занятія требуютъ передвиженія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ свидѣтельство общины замѣняется удостовѣреніемъ о поведеніи отъ ихъ хозяевъ.

(2) Подробныя свѣдѣнія о порядкѣ и условіяхъ испрошенія и дарованія реабилитаціи у Sarraute, стр. 32 и сл.

нія въ правахъ, къ осужденному не примѣняются правила о рецидивѣ, его супругъ не можетъ болѣе ходатайствовать о разлученіи отъ стола и ложа или о разводѣ, ему возстановляются права родительской власти и т. п. (1).

Наше дѣйствующее право не знаетъ особаго института возстановленія въ правахъ, такъ что таковое возможно только въ порядкѣ Монаршаго милосердія; но редакціонная коммисія по составленію проекта новаго уложенія, находя, что было бы несправедливо не предоставлять преступнику, вполнѣ раскаявшемуся и загладившему свою вину хорошимъ поведеніемъ, возможности уменьшить срокъ разнаго рода ограниченій, являющихся послѣдствіемъ наказанія и отдѣляющихъ преступника отъ другихъ согражданъ, и полагая, что случаи этого рода едва ли могутъ имѣть столь важное значеніе, чтобы каждый разъ восходить на непосредственное усмотрѣніе власти верховной, признала возможнымъ предоставить разсмотрѣніе и постановленіе о прекращеніи сихъ послѣдствій мѣстному окружному суду, указавъ въ уголовномъ законѣ условія, при которыхъ возможно таковое ходатайство, и предполагая опредѣлить особымъ закономъ самый порядокъ разсмотрѣнія такихъ ходатайствъ. По проекту (ст. 28) лишенный правъ можетъ ходатайствовать въ мѣстномъ окружномъ судѣ о возстановленіи въ правахъ при наличности слѣдующихъ условій: 1) если прошла половина назначеннаго ему срока лишенія правъ; 2) если ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго мироваго (или равнаго ему) судьи, причемъ, какъ указано въ объяснительной запискѣ, судья, выдавая таковое свидѣтельство, можетъ руководствоваться не только свѣдѣніями, получаемыми отъ полиціи или органовъ общественнаго и сословнаго управленій, но и отъ частныхъ лицъ, добросовѣстность коихъ извѣстна судьѣ, напр., отъ хозяина фабрики или мастерской, отъ лица, у котораго находился въ услуженіи проситель и т. д. Свидѣтельство, выданное судьею, должно быть мотивировано и подлежитъ провѣркѣ въ окружномъ судѣ, который

(1) Система реабилитаціи усвоена всѣми романскими кодексами, въ особенности подробныя правила содержитъ по этому поводу итальянскій кодексъ.

можетъ имѣть въ виду и другія доказательства, представленныя просителемъ или сообщенныя прокуроромъ. Коммисія находила, что введеніе института сокращенія срока пораженія въ правахъ одинаково оправдывается и требованіями справедливости, и интересами общественнаго порядка: относительно освобожденнаго существуютъ естественныя сомнѣнія о томъ, можетъ ли онъ пользоваться довѣріемъ своихъ согражданъ и самого государства, но всѣ эти сомнѣнія исчезаютъ, какъ скоро его хорошее поведеніе будетъ удостовѣрено компетентною мѣстною властью, провѣрено и признано опредѣленіемъ суда.

894. Отдѣльно отъ случаевъ прекращенія отбытія наказанія стоитъ *отсрочка* его выполненія, зависящая, какъ и замѣна, отъ условій естественныхъ и юридическихъ.

Къ первой группѣ условій относятся такія, благодаря наличности коихъ немедленное исполненіе наказанія могло бы придать уголовной карѣ несоотвѣтственное значеніе, могло бы безъ мѣры отяготить подсудимаго или существенно нарушить права третьихъ лицъ. Къ таковымъ условіямъ отсрочки исполненія приговора, вошедшаго въ законную силу и даже обращеннаго къ исполненію, по ст. 959 у. у. с., относятся:

1) болѣзнь осужденнаго, препятствующая исполненію надъ нимъ личнаго наказанія. Это условіе вліяетъ только на исполненіе наказаній, падающихъ на физическую личность; поэтому оно не имѣетъ значенія ни для наказаній, падающихъ на имущество—пеня, конфискація, ни для правопораженій, а съ другой стороны, оно вліяетъ на отсрочку всѣхъ личныхъ наказаній, включая сюда и смертную казнь. Болѣзнь должна быть такова, чтобы она по свойству своему препятствовала исполненію даннаго рода наказаній, причемъ въ уставахъ о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ содержатся особыя правила о порядкѣ удостовѣренія въ наличности этого условія. Къ числу такихъ болѣзней относится и психическое разстройство. Примѣненіе наказанія откладывается по поводу болѣзни осужденнаго, если болѣзнь излечимая, до его выздоровленія;

*

2) беременность и разрѣшеніе отъ бремени осужденной отлагаютъ исполненіе наказаній до истеченія 40 дней послѣ родовъ, причемъ изъ смысла закона видно, что такая отсрочка относится ко всѣмъ личнымъ наказаніямъ, включая и смертную казнь;

3) кормленіе грудью новорожденнаго младенца отсрочиваетъ примѣненіе ссылки до истеченія $1\frac{1}{2}$ лѣтъ со дня рожденія ребенка, если только сама осужденная не будетъ ходатайствовать о скорѣйшемъ ея отправленіи въ ссылку. Законъ при этомъ говоритъ вообще о ссылкѣ, слѣдовательно, здѣсь нужно имѣть въ виду всѣ ея виды, т. е. ссылку въ каторгу, на поселеніе и на житье (1);

4) побѣгъ осужденнаго естественно отсрочиваетъ исполненіе личныхъ наказаній до его поимки; но въ этомъ случаѣ законъ (п. 6 ст. 952) особо оговариваетъ, что вознагражденіе за вредъ и убытки и вообще денежныя взысканія обращаются безотлагательно на его имущество.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ говоритъ, что исполненіе наказанія отлагается, но онъ нигдѣ не указываетъ на то, вліяетъ ли такая отсрочка на исчисленіе самаго срока наказанія?

Я думаю, что здѣсь нужно различать два случая, смотря по тому, находился ли осужденный во время отсрочки наказанія на свободѣ или подъ арестомъ.

Въ первомъ случаѣ—приговоръ отбытіемъ еще не начинался, и такъ какъ наше право не знаетъ давности наказанія, то сколько бы ни продолжалась болѣзнь, она никакого вліянія на срокъ наказанія оказать не можетъ. На этомъ же основаніи по нашему праву ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на сокращеніе срока или на освобожденіе отъ наказанія побѣгъ подсудимаго; срокъ заключенія, какъ говоритъ 968 ст. у. у. с., считается со дня его задержанія для исполненія приговора.

Но если осужденный находился подъ предварительнымъ арестомъ?

---

(1) По ст. 970 у. у. с. беременность и роды во время отбытія наказанія лишеніемъ свободы служатъ основаніемъ для освобожденія отъ работъ, а кормленіе грудью для облегченія таковыхъ, на сколько это необходимо для предупрежденія вреда самой матери или младенцу. Ср. также уставъ о сод. подъ страж. ст. 182, 213; уст. о ссыльн. ст. 297, 464.

Ст. 968 у. у. с. не указываетъ никакихъ исключеній для исчисленія начала срока наказанія осужденныхъ, находящихся подъ стражею и заболѣвшихъ послѣ провозглашенія приговора или вступленія его въ законную силу, но до начала дѣйствительнаго исполненія; съ другой стороны, болѣзнь заключеннаго, его нахожденіе въ тюремномъ лазаретѣ не служатъ основаніемъ для продленія срока его заключенія (ср. ст. 327 уст. о сод.); поэтому для заарестованныхъ время болѣзни, хотя бы и препятствующей отбытію наказанія, зачисляется въ назначенный имъ срокъ наказанія. Но по отношенію къ ссыльнымъ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи особое постановленіе. Больные ссыльные, которые, по надлежащемъ ихъ освидѣтельствованіи (ст. 93 уст. о ссыл.), будутъ найдены непригодными для слѣдованія въ Сибирь ни пѣше-этапнымъ способомъ, ни на подводахъ или инымъ способомъ, оставляются въ больницѣ тюремнаго замка на общемъ основаніи (ст. 95). Не получившіе облегченія въ болѣзни преступники освобождаются (ст. 97): каторжные—по истеченіи срока работъ, увеличенныхъ въ $1\frac{1}{2}$ раза (о безсрочныхъ каторжныхъ законъ не упоминаетъ); ссыльно-поселенцы черезъ 5—6 лѣтъ; приговоренные къ ссылкѣ на житье въ Сибирь послѣ $3\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ лѣтъ; присужденные къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи черезъ 3 года; при этомъ для дряхлыхъ преступниковъ, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ, сроки содержанія въ тюрьмѣ могутъ быть сокращены на $\frac{1}{3}$.

Для осужденныхъ къ безсрочнымъ наказаніямъ это постановленіе не устраняетъ общаго правила, что время отсрочки наказанія по болѣзни засчитывается въ общій срокъ наказанія; но по отношенію къ срочно-каторжнымъ это продленіе срока, составляя исключеніе изъ правила, не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Совсѣмъ иначе ставится вопросъ по отношенію къ осужденнымъ, бѣжавшимъ изъ-подъ предварительнаго ареста. Если побѣгъ послѣдовалъ послѣ провозглашенія приговора или вступленія его въ законную силу, но до начала дѣйствительнаго отбытія наказанія, то, согласно 968 ст. у. у. с., срокъ исчисляется со дня новаго задержанія осужденнаго для исполненія приговора, и онъ лишается такимъ образомъ льготъ, установленныхъ 968 ст. для осужденныхъ, не обжаловавшихъ приговора. Кромѣ того, по отношенію къ нимъ,

буде они не совершили при побѣгѣ никакого преступленія, караемаго по ст. 312 улож., принимаются по ст. 243 уст. о сод. подъ стр. въ порядкѣ дисциплинарномъ нѣкоторыя мѣры предосторожности и они помѣщаются въ отдѣльныя камеры. Если же осужденный бѣжалъ послѣ начатія отбытія наказанія, хотя бы притомъ этотъ побѣгъ не составлялъ дѣянія, наказуемаго по ст. 308 — 313 улож. или по уставу о ссыльныхъ, то для него совершенно измѣняется порядокъ исчисленія срока. По ст. 270 уст. о пред. (прежде до зак. 1887 г. это правило помѣщалось и въ ст. 312 улож. о нак.) по поимкѣ бѣжавшаго со дня его новаго задержанія начинаетъ исчисляться не только срокъ оставшейся неотбытою части наказанія, но срокъ всего наказанія полностью, хотя бы побѣгъ былъ совершенъ за нѣсколько дней до окончанія отбытія. Такимъ образомъ, не только за одно и то же дѣяніе—побѣгъ безъ насилія—назначается совершенно различное наказаніе, смотря по тому былъ ли сдѣланъ побѣгъ въ началѣ, срединѣ или концѣ заключенія, но оказывается, что наказаніе за простой побѣгъ можетъ быть сильнѣе, чѣмъ за побѣгъ съ насиліемъ противъ стражи по ст. 312 улож. (по прод. 1887 г.), такъ какъ, напр., присужденный къ отдачѣ на $3\frac{1}{2}$ года въ арестантскія отдѣленія и бѣжавшій послѣ 3-хъ лѣтъ пребыванія въ нихъ подлежитъ за сіе тремъ годамъ заключенія въ арестантскія отдѣленія, а если онъ при семъ учинилъ насиліе противъ стражи, то можетъ быть наказанъ—maximum $1\frac{1}{2}$ года арест. отдѣленій, а при снисхожденіи даже и тюрьмою на 8 мѣсяцевъ (1). Эта крайне неравномѣрная и несправедливая мѣра разсматри-

---

(1) Ср. рѣшенія Сената: 1871 г. № 1725, Киселева; 1874 г. № 127, Кролевецкаго; 1883 г. № 1, Филонова. Въ рѣшеніи по дѣлу Киселева самъ Сенатъ призналъ этотъ законъ недостаточнымъ и противорѣчащимъ другимъ постановленіямъ уложенія, но прибавилъ, что эти недостатки закона не могутъ быть устранены судейскою властью, обязанною ясный и опредѣленный законъ, несмотря на всѣ его несовершенства, примѣнять по точному его смыслу. Но Сенатъ не привелъ, кромѣ ссылки на букву закона, никакихъ доказательствъ его ясности. Между тѣмъ полное противорѣчіе его съ общими правилами о наказуемости побѣга арестантовъ вообще, отсутствіе какихъ либо оправдывающихъ такое толкованіе объясненій редакторовъ уложенія 1845 г., введшихъ впервые это положеніе въ наше право, давали, мнѣ кажется, болѣе чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ, право отступить отъ буквы закона въ пользу его смысла.

вается притомъ нашею практикою (рѣш. 1873 г. № 584, Еремина, и 1881 г. № 16, Судакевича, по об. соб.) не какъ наказаніе за учиненный арестантомъ проступокъ—побѣгъ изъ-подъ стражи, а какъ измѣненіе въ порядкѣ исполненія приговора; поэтому виновный въ таковомъ побѣгѣ не можетъ быть за него предаваемъ суду въ общемъ порядкѣ; съ другой стороны, такое удлиненіе срока наказанія не можетъ быть назначаемо въ порядкѣ дисциплинарномъ, а оно опредѣляется въ порядкѣ исполненія приговоровъ, т. е. по предложенію прокурора, судомъ, постановившимъ приговоръ, безотносительно къ мѣсту задержанія бѣжавшаго или мѣсту нахожденія тюрьмы, изъ коей бѣжалъ арестантъ.

Моментомъ, съ котораго начиналось новое исчисленіе срока заключенія,по прежней редакціи ст. 313 улож., былъ день доставленія бѣжавшаго въ то мѣсто заключенія, изъ коего онъ бѣжалъ, а нынѣ, по ст. 270 уст. о сод.,—день новаго задержанія его для исполненія приговора.

Къ юридическимъ основаніямъ отсрочки, по ст. 959 у. у. с., нужно отнести два случая:

1) Отсрочку вслѣдствіе необходимости замѣнить назначенное наказаніе другимъ, ему соотвѣтствующимъ; въ этомъ случаѣ исполненіе приговора пріостанавливается до учиненія замѣны (п. 4 ст. 959 у. у. с.).

2) Отсрочку вслѣдствіе обвиненія осужденнаго въ новомъ преступленіи, подвергающемъ болѣе тяжкому наказанію; этотъ послѣдній случай, указанный въ 5 п. 959 ст. у. у. с., былъ разсмотрѣнъ мною ранѣе въ ученіи о совокупности.

Оба эти случая отсрочки никакого вліянія на исчисленіе срока наказанія не имѣютъ. Сверхъ сего, по правиламъ о производствѣ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (ст. 247 по изд. 1890 г.) указано, что имъ, а равно и уѣздному члену окружнаго суда, сверхъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 959 у. у. с., предоставляется право, при осужденіи обвиняемаго къ лишенію свободы, отсрочивать, въ виду особо уважительныхъ причинъ (семейныхъ и хозяйственныхъ обстоятельствъ и т. п.), исполненіе приговора до минованія обстоятельствъ, служащихъ основаніемъ къ отсрочкѣ, съ доведеніемъ о каждомъ такомъ случаѣ до свѣдѣнія уѣзднаго съѣзда. Конечно, такая отсрочка, могущая, иногда,

длиться значительное время, также никакого вліянія на сокращеніе срока имѣть не можетъ.

895. Отсрочка, по общему правилу, не сокращаетъ и тѣмъ болѣе не погашаетъ наказуемости; но за послѣднее время въ литературѣ (1) высказываются мнѣнія о необходимости введенія въ уголовное право такого института, въ силу коего при нѣкоторыхъ маловажныхъ нарушеніяхъ приговоръ, вступившій въ законную силу, не только не приводился бы въ исполненіе немедленно, но могъ-бы быть и вовсе не выполняемъ, и притомъ или безусловно или при извѣстномъ условіи, а именно, какъ скоро осужденный представитъ или надлежащее ручательство въ своемъ хорошемъ поведеніи въ будущемъ, или когда онъ въ теченіе извѣстнаго, указаннаго въ законѣ срока будетъ вести себя вполнѣ добропорядочно.

Необходимость введенія такого вида отсрочки или устраненія наказанія доказываютъ соображеніями двоякаго рода. Съ одной стороны указываютъ, что существующее во всѣхъ кодексахъ и допускаемое нынѣ на практикѣ въ весьма значительныхъ размѣрахъ краткосрочное лишеніе свободы на нѣсколько недѣль и даже дней не соотвѣтствуетъ цѣлямъ наказанія, такъ какъ оно не только не можетъ имѣть никакого репрессивнаго значенія, но весьма часто развращающе дѣйствуетъ на заключенныхъ, а потому уголовная политика требуетъ возможнаго устраненія примѣненія этого вида лишенія свободы; съ другой, приводятъ свидѣтельства практиковъ тюремнаго дѣла, что среди преступниковъ, особенно учинившихъ маловажные проступки, нерѣдко можно найти такихъ лицъ, для которыхъ вполнѣ достаточною карою будетъ самое привлеченіе къ отвѣтственности и осужденіе, такъ что при-

---

(1) v. Liszt, Kriminalpolitische Aufgaben, Zeitschrift, IX, стр. 452 и сл., 737 и сл., т. X, стр. 51 и сл.; Aschrott, der Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafen, 1889; Appelius, die bedingte Yerurtheilung, 1890; E. Rosenfeld, welihe Strafmittel können an die Stelle der kurzzeitigen Freiheitsstrafe gesetzt werden? 1890; Simonson, für die bedingte Yerurtheilung, 1890; A. Gautier, à propos de la condamnation conditionelle, 1890; Kirchenheim, die bedingte Bestrafung въ Gerichtssaal XLIII, стр. 51 и сл. (его рефератъ IV-конгрессу); Hillischewsky, въ Gerichtssaal, XLIII, № 4; Zucker въ Gerichtssaal, XLIV, стр. 66—108; Gruber, Erfahrungen über die bedingte Verurtheilung, Gerichtss. XLIV, стр. 357 и сл.

мѣненіе къ нимъ самаго наказанія представляется безцѣльнымъ карательнымъ излишкомъ.

Простѣйшимъ типомъ такого института является безусловное освобожденіе приговореннаго отъ наказанія самимъ же судомъ—судебное прощеніе. Введеніе такого института было предложено во Франціи сенаторомъ Мишо въ 1885 г. и даже внесено въ новый проектъ французскаго уложенія, который въ § 66 постановляетъ: въ случаѣ учиненія дѣянія, за которое по закону или вслѣдствіе признанія наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, можетъ быть назначена только денежная пеня, судья, если притомъ подсудимый не былъ осужденъ ранѣе за преступленіе или проступокъ, не назначаетъ наказанія, а *предостерегаетъ* только виновнаго, чтобы въ случаѣ учиненія новаго дѣянія онъ не разсчитывалъ бы на безнаказанность; такое освобожденіе не устраняетъ обязанности уплатить судебныя издержки и вознагражденіе за вредъ. Французскій законъ 26 Марта 1891 г. не принялъ однако этого нововведенія Съ нѣсколько болѣе репрессивнымъ характеромъ является такое же учрежденіе въ новомъ итальянскомъ уложеніи 1890 г., замѣняющемъ въ подобныхъ случаяхъ предостереженіе — *выговоромъ* (1).

При оцѣнкѣ карательныхъ мѣръ я указывалъ уже на недостаточно репрессивный характеръ выговора, по крайней мѣрѣ по отношенію къ взрослымъ преступникамъ и за общія преступленія. Равнымъ образомъ, едва ли можно признать цѣлесообразнымъ перенесеніе на судей права помилованія, а въ особенности на судей, разсматривающихъ единолично маловажныя нарушенія. Этимъ объясняется сильная оппозиція противъ такого нововведенія, обнаружившаяся на послѣднихъ тюремныхъ конгрессахъ—римскомъ и петербургскомъ, и въ особенности при обсужденіи этой мѣры въ французскомъ «Société générale des prisons» въ 1888 г.

Болѣе практическое значеніе имѣетъ условное непримѣненіе

---

(1) За расширеніе примѣненія выговора высказался во Франціи Bonneville de Marsangy въ своемъ извѣстномъ трудѣ—de l'amélioration de la loi criminelle; въ Германіи—Гольцендорфъ. Особеннымъ сочувствіемъ пользуется эта мѣра между итальянскими криминалистами—Alimena, Nocito, хотя и тамъ встрѣчаются сильные его противники — какъ Garofalo. Ср. обзоръ различныхъ мнѣній за и противъ этой мѣры—у Rosenfeld, стр. 96 и сл.

наказанія. Его сторонники, сознавая весь вредъ, который можетъ произойти отъ безграничнаго расширенія судебнаго произвола, отъ безнаказанности лицъ, того не заслуживающихъ, предлагаютъ извѣстныя гарантіи относительно хорошаго поведенія освобождаемаго: или матеріальныя—залогъ и поручительство, или чисто личныя обѣщанія, съ тѣмъ, чтобы оказавшаяся незаслуженность прощенія влекла за собою извѣстныя невыгодныя послѣдствія для осужденнаго.

Наиболѣе старою въ этомъ отношеніи является система ручательства (Friedensbürgschaft, Kaution) (1), встрѣчавшаяся въ Англіи, и въ древне-германскомъ правѣ, и у славянъ, и притомъ или какъ предупредительное обѣщаніе въ теченіе извѣстнаго времени не предпринимать ничего противъ извѣстнаго лица или противъ общественнаго спокойствія—форма, имѣвшая особое значеніе въ эпоху прекращенія родовой мести, или какъ обѣщаніе исправленія въ будущемъ.

Древнѣйшая исторія Англіи знаетъ подобныя обезпеченія храненія мира въ учрежденіи francs gages,—въ круговой порукѣ общины за своихъ сочленовъ, во взаимномъ поручительствѣ; позднѣе, съ переходомъ быта общиннаго въ государственный, общинное поручительство переходитъ въ личное, въ обязанность подозрѣваемаго дать обезпеченіе за свое будущее поведеніе. Ко времени Эдуарда Исповѣдника восходятъ существующія до сихъ поръ въ Англіи recognizancens: 1) aut bene vivendi, 2) aut pacis tuendi. Мировой судья Англіи, облеченный правомъ преслѣдовать все, что направлено contra bonos mores et contra pacem regis, напоминаетъ собою съ этой стороны римскую цензуру въ ея первоначальномъ значеніи. Онъ имѣлъ право потребовать предъ себя всякаго лихаго человѣка, пользующагося дурною репутаціею, обвиняемаго въ частомъ посѣщеніи мѣстъ разврата, въ произведеніи какихъ либо скандаловъ, даже всякое лицо, просто ведущее безпорядочную жизнь, всѣхъ праздношатающихся, тунеядцевъ, обычныхъ пьяницъ; онъ имѣлъ право не только дѣлать имъ наставленія, но взять съ нихъ поручительство въ хорошемъ поведеніи въ будущемъ, подъ угрозою тюрьмы въ случаѣ неисполненія. Что же касается обя-

(1) Schierlinger, die Friedensbürgschaft, 1877; онъ имѣетъ въ виду преимущественно ручательство предупредительное.

зательства pacem tuendi, то главное различіе его отъ обезпеченія перваго рода состояло въ условіяхъ возникновенія: поводомъ для принятія такой мѣры являлась жалоба кого либо на угрозы совершить надъ нимъ преступленіе. Если обвиненіе оказывалось справедливымъ, то мировой судья заставлялъ угрожавшаго присягнуть относительно храненія имъ мира или дать залогъ, или употреблялъ какую либо болѣе сильную мѣру. Залогъ назначался сообразно съ состояніемъ виновнаго и обыкновенно въ значительныхъ размѣрахъ; всякое нарушеніе принятаго обязательства влекло за собою потерю залога. Мѣра эта пользовалась въ Англіи весьма большею популярностью. Весьма близко къ этимъ положеніямъ подходили постановленія нашего стараго права. Обязанность bene vivendi, обезпечиваемая поручительствомъ, падала у насъ преимущественно на общину въ видѣ круговой поруки, игравшей такую важную роль, начиная съ Русской Правды и до уложенія 1649 г. Что касается обязательства pacem tuendi, то о немъ особенно подробно говоритъ то же уложеніе 1649 г. царя Алексѣя Михаиловича. Такъ, ст. 133 главы X постановляла: «А будетъ кто помѣстной, и вотчинной имянной и прожиточной человѣкъ всякаго чину, учнетъ похвалятися на кого смертнымъ убивствомъ, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ государю бить челомъ, чтобы государь велѣлъ ему (похвалившемуся) на того, на кого онъ похвалится, дати опасную грамоту съ большею заповѣдью, а заповѣди велѣлъ бы государь во опасную грамоту написати на того, кто похвалится, пять тысящь, или шесть, или седмь тысящь рублевъ и больше: и тому дать такая опасная грамота, да будетъ за такою грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, и того убитого женѣ, и дѣтямъ, и роду и племени его, на того убойца дати судъ, а съ суда сыскати». Если оказывалось, что убійство учинилъ онъ или кто либо по его порученію, то повелѣвалось его казнить смертью безъ всякаго милосердія: «Да изъ его же животовъ, и съ помѣстья, и съ вотчины взяти заповѣдь противъ опасной грамоты сполна. И половина тое заповѣди взяти въ государеву казну, а другую половину отдать убитаго женѣ и дѣтемъ и роду его, кто на того убойца учнетъ государю бити челомъ». «Ежели у него животовъ съ заповѣдь не будетъ, то взять у него что есть,

а остальное на немъ править, и такія заповѣди ему не отдавать, и бить его на правежѣ безо всякія пощады, не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взять, а для того, чтобъ инымъ, смотря не повадно было такъ воровать». Статья 202 той же главы говорила о похвальбѣ поджогомъ или учиненіемъ какого либо вреда. «А буде тотъ, на кого тѣ явки будутъ даны, запрется, а мимо его сыщется про то до пряма, что онъ такимъ дѣломъ похвалялся: и его дати на крѣпкія поруки, что ему такихъ лихихъ дѣлъ не сдѣлати. А будетъ онъ въ томъ по себѣ поруки не сберетъ, и его вкинуть въ тюрьму, до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть онъ въ томъ по себѣ поруки сберетъ». Если обвиняемый нашелъ поруки, а между тѣмъ оказалось, что у лица, коему онъ угрожалъ, дѣйствительно былъ учиненъ поджогъ, то пытали похвалявшагося и сообразно съ его отвѣтомъ вершили дѣло, а если онъ бѣжалъ, то взыскивали убытки съ него и съ поручителей. При этомъ законъ добавлялъ: «а что онъ въ томъ дѣлѣ пытанъ будетъ, и то ему учинится отъ себя, по тому на что было ему похвалятися лихими дѣлы».

Старая англійская система нашла себѣ выраженіе и въ новыхъ постановленіяхъ. Въ Англіи по законамъ 1861 г. развилась система дополненія (при felony) или и замѣны (при misdemeanour) краткосрочнаго лишенія свободы и денежныхъ взысканій—поручительствомъ. Въ проектѣ уголовнаго уложенія для Англіи Стифена 1878 г. этой системѣ замѣны наказаній ручательствомъ въ суммѣ, опредѣляемой судомъ по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая, было отведено обширное мѣсто, такъ что судъ могъ замѣнять поруками не только штрафъ или тюрьму, но и каторжныя работы и притомъ даже пожизненныя (penal servitude).

Такую же систему соединенія поруки съ другими наказаніями и именно съ выговоромъ, какъ замѣну краткосрочнаго лишенія свободы и денежной пени, приняло новое итальянское уложеніе въ ст. 26 и 27.

Другой видъ условнаго непримѣненія наказанія (1) обязанъ своимъ происхожденіемъ также англо-американскому законодательству, въ особенности законодательству Массачузетта (Probation-

---

(1) Rosenfeld, стр. 104, замѣчаетъ, что выраженіе «bedingte Verurteilung» имѣетъ двоякій смыслъ и двоякое содержаніе: 1) постановленіе приговора, заклю-

system, Rosenfeld, 108), принятому актомъ 1887 г. и въ англійское статутарное право (Probation of First Offenders Act) (1).

На континентѣ Европы эта система нашла свое первое выраженіе въ бельгійскомъ законѣ 31 Мая 1888 г. (2), на основаніи коего судъ, приговаривая къ лишенію свободы на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ подсудимаго, не присужденнаго ранѣе къ наказанію за преступленіе или проступокъ, мотивированнымъ опредѣленіемъ можетъ постановить, чтобы исполненіе приговора было отложено на опредѣленный срокъ, считая со дня постановленія приговора, но во всякомъ случаѣ не свыше 5 лѣтъ. Если въ теченіе этого времени условно осужденный не будетъ осужденъ за вновь учиненное преступленіе или проступокъ, то осужденіе считается юридически не существующимъ (condamnation sera comme non avenue), въ противномъ же случаѣ назначенное ему наказаніе отбывается совмѣстно съ опредѣленнымъ за вновь учиненное дѣяніе. Еще ранѣе въ 1884 г. введеніе подобнаго начала въ законодательство было предложено во Франціи маститымъ ревнителемъ

чающаго въ себѣ извѣстное условіе для своего осуществленія, и 2) условное постановленіе самаго приговора лишь въ случаѣ неисполненія осужденнымъ какого либо требованія (Suspendiertsein der Verurtheilung).

(1) Статья 1-я этого закона постановляетъ: въ случаѣ, если кто либо будетъ признанъ виновнымъ въ кражѣ, утайкѣ или иномъ преступномъ дѣяніи, караемомъ тюрьмою не свыше 2-хъ лѣтъ, если притомъ онъ не былъ за что либо осужденъ ранѣе, судъ можетъ, въ виду юности, характера и прежней жизни подсудимаго или маловажности дѣянія или какихъ либо особо смягчающихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступное дѣяніе, если притомъ найдетъ полезнымъ, чтобы виновный ради испытанія его благонадежности былъ оставленъ на свободѣ, не присуждая его немедленно къ наказанію, оставить его на свободѣ, взявъ съ него обязательство, съ порукою или безъ оной, чрезъ извѣстный опредѣленный судомъ срокъ, по призыву суда явиться и выслушать свой приговоръ, а въ теченіе этого времени вести себя хорошо. При этомъ судъ можетъ опредѣлить, чтобы виновный въ теченіе этого времени или въ опредѣленные сроки уплатилъ судебныя издержки или часть оныхъ. Ср. текстъ у Liszt, в. с. стр. 763; у Rosenfeld стр. 120 и сл., приведены возраженія противъ этой системы; въ особенности несостоятельна отсрочка *осужденія*: «приходи черезъ два года (Dubois, Alimena, тоже говоритъ и Листъ), я твое дѣло разберу». А какъ согласовать такой институтъ съ ученіемъ давности? Что дѣлать, если за этотъ срокъ измѣнится судебный персоналъ?

(2) Подробныя свѣдѣнія о бельгійскомъ законѣ, его мотивахъ и вызванныхъ имъ дебатахъ въ палатѣ депутатовъ, см. у Zucker, Gerichtssaal, XLIV, стр. 73 и сл.

тюремной реформы—Беранже, одновременно съ законопроектомъ о наказуемости рецидивистовъ. Далѣе, это предположеніе вошло въ законопроектъ Мишо, и наконецъ усвоено закономъ 26 Марта 1891 г., но съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ бельгійскаго закона, а именно, такая отсрочка исполненія приговора (Sursis à l'exécution) можетъ быть дана лицамъ, приговореннымъ къ денежному взысканію или къ тюрьмѣ и ранѣе не осужденнымъ къ заключенію въ тюрьму за преступленіе или проступокъ; отсрочка прекращается, если въ теченіе пяти лѣтъ приговоренный будетъ снова присужденъ къ наказанію не ниже заключенія въ тюрьмѣ, тогда прежде-назначенное наказаніе отбывается независимо отъ новаго, которое при этомъ разсматривается какъ рецидивъ, въ противномъ же случаѣ приговоръ признается какъ бы не существующимъ (non avenue); съ этого момента прекращается теченіе всѣхъ дополнительныхъ наказаній, которыя не были пріостановлены, а отмѣтка въ casiers, хотя и остается, съ указаніемъ на пріостановку, но объ этомъ приговорѣ не упоминается въ выписяхъ изъ справокъ судимости (1).

Эта система встрѣтила значительное число сторонниковъ между криминалистами—Prins, Brunner, Iagemann, Lammasch, а въ особенности Листъ. Она была предметомъ спеціальнаго обсужденія 4-го международнаго тюремнаго конгресса въ С.-Петербургѣ въ 1890 г.; но между референтами (въ особенности Kirchenheim) и при обсужденіи вопроса какъ въ отдѣленіи, такъ и въ общемъ собраніи, это нововведеніе встрѣтило столь значительную оппозицію, что конгрессъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ будущему 5-му конгрессу. Напротивъ того, съѣзды недавно основаннаго союза между-

---

(1) Система условнаго осужденія усвоена также послѣднимъ (1889 года) проектомъ австрійскаго уложенія (§ 24). Въ Германіи также дѣлаются попытки введенія этого начала. Таковъ проектъ Вирта, представленный еще въ 1888 г. въ прусское министерство юстиціи (только для малолѣтнихъ), а въ особенности подробно разработанный проектъ Листа въ Zeitschrift, X, стр. 81, который, какъ и Виртъ, защищаетъ допущеніе отсрочки только при представленіи поручительства (но за то вмѣсто всей тюрьмы), такъ что, въ случаѣ осужденія освобожденнаго ранѣе 3-хъ лѣтъ за какое либо новое преступное дѣяніе, условно освобожденный не только подвергается ранѣе назначенному наказанію, но теряетъ и залогъ. Такую же форму предлагаетъ и Ашроттъ.

народнаго права, а именно, первый—лѣтомъ 1889 г. въ Брюсселѣ и второй лѣтомъ 1890 г. въ Бернѣ, значительнымъ большинствомъ голосовъ признали введеніе этого института вполнѣ желательнымъ (1).

Нельзя не сказать, что если введеніе такого института и не стоитъ въ противорѣчіи съ основными принципами уголовной кары, а, напротивъ того, вполнѣ можетъ быть объясняемо требованіями цѣлесообразности (2), то, съ другой стороны, едва ли можно признать за этою мѣрою то универсально-врачующее значеніе, которое придаютъ ей ея сторонники (3).

---

(1) За принятіе условнаго осужденія высказались также съѣзды 1890 и 1891 гг. германской группы этого союза. О причинахъ такого, повидимому, случайнаго исхода голосованія, ср. Mittelstädt въ Gerichtssaal, XLVI, Schuld und Strafe, стр. 249 и сл.

(2) Такъ, Кирхенгеймъ возражаетъ противъ условнаго осужденія прежде всего на томъ основаніи, что оно ниспровергаетъ всѣ основы уголовнаго права, но то же говорили сторонники абсолютныхъ теорій и противъ давности и противъ помилованія. Въ моихъ замѣчаніяхъ по этому вопросу, представленныхъ С.-Петербургскому тюремному конгрессу, я высказалъ слѣдующія соображенія. Если цѣлесообразность карательной дѣятельности государства представляется вполнѣ законнымъ ея элементомъ, то условное осужденіе является необходимою ступенью въ прогрессивномъ развитіи уголовнаго законодательства, естественнымъ продуктомъ взаимодѣйствія двухъ институтовъ, признанныхъ уже не только защитниками теорій полезности, но и большинствомъ законодательствъ, а именно: права судовъ смягчать назначенныя закономъ наказанія въ виду индивидуальныхъ особенностей преступника и досрочнаго освобожденія заключенныхъ. Если, въ виду прежняго поведенія обвиняемаго, его раскаянія, или долговременнаго предварительнаго заключенія, судья можетъ уменьшать наказаніе въ значительныхъ размѣрахъ, понижая срокъ наказанія при лишеніи свободы до одного дня, и штрафъ до самой ничтожной суммы, то нѣтъ основанія отказывать суду въ правѣ признавать, по разсмотрѣніи дѣла, что привлеченіе обвиняемаго къ суду, сопровождавшееся различными стѣсненіями и неудобствами во время производства, служитъ для него достаточнымъ взысканіемъ. Съ другой стороны, если облегченіе участи подсудимаго, и срока назначеннаго ему наказанія можетъ зависѣть отъ поведенія заключеннаго въ тюрьмѣ, то нѣтъ никакого основанія устранять вліяніе на наказуемость поведенія осужденнаго, оставленнаго на свободѣ, послѣ постановленія приговора.

(3) Сторонники условнаго осужденія надѣются этимъ путемъ избѣжать страшнаго возрастанія рецидивы, но мы не имѣемъ еще данныхъ, которыя оправдывали бы эти ожиданія. А что, если окажется, что число условно освобожденныхъ, которые безукоризненно проведутъ время испытанія, будетъ незначительно? Практическое дѣйствіе этого института слишкомъ коротко, чтобы можно

Я уже приводилъ, въ изложеніи ученія о наказаніи лишеніемъ свободы, соображенія, по коимъ указанія на безусловную вредность и излишность краткосрочнаго лишенія свободы, мнѣ кажутся нѣсколько односторонними и преувеличенными. Немного болѣе значенія, на мой взглядъ, имѣютъ и указываемыя защитниками этого института основанія субъективныя, особенность вины.

Несомнѣнно существуютъ случаи, въ коихъ одно осужденіе, публичное признаніе виновности можетъ служить сильнымъ репрессивнымъ средствомъ, такъ что всякая дальнѣйшая кара представляется чрезмѣрнымъ страданіемъ для осужденнаго, но несомнѣнно также, что эти случаи составляютъ исключеніе, и не могутъ относиться ко всей массѣ примѣненія краткосрочныхъ наказаній, при этомъ не слѣдуетъ забывать, что наказаніе имѣетъ въ виду не только преступнаго индивидуума, но и общество, взволнованное преступнымъ дѣяніемъ, для котораго этотъ путь заглажденія вины, въ особенности, если онъ получитъ значеніе ординарнаго проявленія судейскаго усмотрѣнія, не всегда можетъ представляться достаточнымъ.

Сверхъ того, оба типа отсрочки исполненія наказанія въ вышеизложенномъ ихъ видѣ вызываютъ возраженіе и противъ ихъ практическаго осуществленія. Требованіе залога отъ осужденнаго или отъ третьихъ лицъ создаетъ ничѣмъ не оправдываемое неравенство предъ закономъ лицъ состоятельныхъ и неимущихъ, неравенство, которое не можетъ быть устранено и требованіемъ

было сказать что либо утвердительное. На съѣздахъ международнаго союза уголовнаго права 1890 и 1891 гг. были сообщены (Mittheilungen, II, № 3, стр. 164, III, № 2, стр.346) слѣдующія данныя о дѣйствіи бельгійскаго закона 1888 г.: «съ Іюня 1888 г. до конца 1889 г. было въ Бельгіи 284279 приговоровъ, изъ нихъ 13195 условныхъ, изъ числа условно приговоренныхъ было констатированныхъ рецидивистовъ 240; въ 1890 г. на 162891 приговоръ было условныхъ осужденій 14309, констатированныхъ рецидивистовъ 332. Наибольшее количество случаевъ условнаго освобожденія было: за умышленное нанесеніе ранъ и побоевъ, за кражу и присвоеніе, оскорбленіе и сопротивленіе властямъ. О практическихъ результатахъ условнаго осужденія въ Англіи и Америкѣ ср. данныя въ статьѣ Грубера, Gerichtssaal, XLIV, стр. 372 и сл. Равнымъ образомъ, предположеніе о томъ, что этимъ путемъ устранится краткосрочное лишеніе свободы, едва ли основательно, такъ какъ число краткосрочныхъ (по Листу въ Германіи въ 1886 г. было 64% приговоренныхъ на срокъ менѣе 1 мѣсяца) составляетъ болѣе 50% всего тюремнаго населенія; но можно ли представить себѣ, что вся эта масса незаслуженно несетъ наказаніе?

пропорціональности размѣра залога съ имущественнымъ положеніемъ осужденнаго. Принятіе другаго типа—условнаго осужденія, требуетъ слишкомъ большаго довѣрія къ судебнымъ органамъ и притомъ не только со стороны государственной власти, но въ особенности со стороны народа и лицъ потерпѣвшихъ. Необходимо, чтобы въ народѣ существовало крѣпкое убѣжденіе, что земскій начальникъ, городской или мировой судья, примѣняя, напр. къ одному изъ обвиняемыхъ въ буйствѣ, нарушеніи благопристойности, нарушеніи правилъ, охраняющихъ народное здравіе, нарушеніи общественнаго спокойствія и т. д. арестъ, а другого отпуская безъ всякаго взысканія, такъ сказать на честное слово, руководствуются дѣйствительно особенностями личной виновности даннаго субъекта, а не какими либо иными соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ началами справедливости (1). Въ этомъ отношеніи практическая возможность подобной мѣры стоитъ въ прямой зависимости отъ судебной организаціи страны.

Поэтому, въ примѣненіи къ нашимъ нынѣшнимъ судебнымъ порядкамъ, такого рода условная отсрочка исполненія наказанія, какъ мнѣ кажется, могла бы быть допущена какъ мѣра исключительная, и притомъ со слѣдующими ограничительными условіями (2).

Условное осужденіе могло бы быть допустимо, какъ особый видъ смягченія отвѣтственности путемъ помилованія, въ силу ходатайства о томъ суда, въ порядкѣ 775 ст. уст. уг. суд. Такимъ образомъ, суду предоставлялось бы право ходатайствовать или о полномъ прощеніи, или объ уменьшеніи и замѣнѣ

---

(1) Тоже указаніе дѣлаетъ и Кирхенгеймъ; кромѣ того, многіе указываютъ и на то, что такая безнаказанность, расточаемая щедро, можетъ создать въ народѣ крайне невыгодное убѣжденіе, что первая вина въ счетъ нейдетъ. Appelius, стр. 38 и сл., замѣчаетъ, что цѣлесообразная теорія наказанія требуетъ возможно скораго примѣненія наказанія къ преступленію; чѣмъ продолжительнѣе срокъ, отдаляющій наказаніе отъ преступленія, тѣмъ слабѣе его репрессивное значеніе, а введеніе условнаго освобожденія, въ особенности съ долгимъ срокомъ испытанія, противорѣчитъ этому требованію.

(2) Zucker, стр. 99 и сл., указываетъ и на многія процессуальныя затрудненія, возникающія при введеніи системы условныхъ осужденій, въ особенности тамъ, гдѣ допускается апелляціонное обжалованіе приговоровъ.

наказанія, или объ отсрочкѣ исполненія приговора съ непримѣненіемъ назначеннаго наказанія въ случаѣ хорошаго поведенія осужденнаго (1).

Такое ходатайство могло бы имѣть мѣсто лишь относительно осужденныхъ къ аресту или и къ тюрьмѣ (2), и притомъ за дѣянія, преслѣдуемыя въ порядкѣ публичномъ, такъ какъ примѣненіе разсматриваемой мѣры къ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, противорѣчило бы самой сущности этихъ дѣяній (3).

Такое ходатайство не можетъ быть допущено относительно лицъ, ранѣе того уже отбывшихъ наказаніе не ниже тюрьмы.

Самый срокъ пріостановки не долженъ превышать трехъ лѣтъ, съ тѣмъ, что если до истеченія этого времени осужденный не былъ вновь привлеченъ, въ качествѣ обвиняемаго, къ отвѣтственности за дѣяніе, однородное или хотя и неоднородное, но караемое наказаніемъ не ниже трехъ мѣсяцевъ тюрьмы, то назначенное по отсроченному приговору наказаніе не примѣняется, а считается какъ бы отбытымъ. Въ противномъ же случаѣ назначенное по отсроченному приговору наказаніе должно быть отбыто полностью и независимо отъ наказанія, назначеннаго за вновь учиненное виновнымъ дѣяніе. Отсрочка наказанія не должна устранять обязанности немедленной уплаты вознагражденія за вредъ и судебныхъ издержекъ.

---

(1) Подобную же мысль высказываетъ Appelius, в. с., стр. 47.

(2) При распространеніи же этой мѣры на приговоры, присуждающіе къ денежнымъ взысканіямъ, исчезаетъ главный аргументъ сторонниковъ условнаго осужденія—вредъ краткосрочнаго лишенія свободы. Ср. Simonson, в. с., стр. 29. Третье собраніе международнаго союза уголовнаго права, бывшее въ Августѣ 1891 г., въ Христіаніи, признало полезнымъ распространить принципъ условнаго осужденія и на денежныя взысканія.

(3) Lammasch, в. с., ставитъ условіемъ согласіе пострадавшаго, но принятіе такого условія для публичныхъ преступленій не имѣетъ достаточныхъ основаній; такое же условіе было предложено Garafalo въ его докладѣ С.-Петербургскому конгрессу.

ОТДѢЛЪ XII.

Обстоятельства, устраняющія наказуемость.

896. Юридическое значеніе обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость.
897. Добровольная уплата пени.
898. Примиреніе съ потерпѣвшимъ.
899. Смерть подсудимаго.
900. Давность. Значеніе уголовной давности и ея основанія.
901. Дѣянія, не погашаемыя давностью.
902. Сроки давности и правила ихъ исчисленія.
903. Начало исчисленія давности.
904. Условія, прерывающія и прекращающія давность.
905. Давность по дѣламъ уголовно-частнымъ.
906. Условія, препятствующія теченію давности.
907. Процессуальное значеніе давности.
908. Постановленія о давности проекта уголовнаго уложенія.
909. Помилованіе. Виды помилованія и ихъ значеніе.
910. Амнистія и ея значеніе.
911. Постановленія о помилованіи нашего права.

896. Кромѣ обстоятельствъ, вліяющихъ на отсрочку наказанія, всѣ кодексы (ср. уложеніе, ст. 155) знаютъ еще рядъ обстоятельствъ, устраняющихъ примѣненіе наказанія. При наличности этихъ обстоятельствъ дѣяніе, учиненное обвиняемымъ, сохраняетъ въ себѣ всѣ признаки преступленія; учинившій его признается находящимся въ состояніи, не исключающемъ вмѣняемость, и, тѣмъ не менѣе, къ виновному не примѣняется наказаніе, положенное за него въ законѣ. Съ точки зрѣнія теорій абсолютныхъ, такая безнаказанность преступнаго дѣянія заключаетъ въ себѣ несомнѣнное противорѣчіе, такъ какъ ничто не можетъ сдѣлать бывшаго не бывшимъ, преступнаго не преступнымъ; но, съ точки зрѣнія теорій цѣлесообразности наказанія, признающихъ, что не всякое преступное дѣяніе становится уже и уголовно-наказуемымъ, признаніе такихъ обстоятельствъ, коренящихся или въ физической невоз-

можности или въ юридической безцѣльности наказанія, представляется вполнѣ естественнымъ выводомъ изъ самаго принципа карательной дѣятельности.

Этимъ обстоятельствамъ придается такое же юридическое значеніе, какъ и отбытію наказанія: они являются его эквивалентомъ, а потому наступленіе одного изъ нихъ устраняетъ примѣненіе наказанія.

Но такъ какъ большинство этихъ обстоятельствъ можетъ быть обнаружено, а иногда и можетъ наступить не только до возбужденія дѣла, но и во время самаго производства, то они могутъ или устранять примѣненіе наказанія къ установленной виновности лица, или прекращать самое производство по дѣлу, въ виду его безрезультатности. Поэтому нѣкоторыя законодательства, какъ напр. французское, относятъ постановленія объ обстоятельствахъ, устраняющихъ наказуемость, къ процессу; другія, какъ наше, говорятъ о нихъ и въ уголовно-матеріальныхъ кодексахъ, и въ законахъ о судопроизводствѣ (ст. 16 уст. уст. суд.) (1); но исключеніе ученія объ этихъ обстоятельствахъ изъ матеріальнаго права представляется едва ли правильнымъ.

Во 1-хъ, главныя основанія вліянія многихъ изъ этихъ обстоятельствъ на безнаказанность, заключаются не въ процессуальныхъ невозможностяхъ или трудностяхъ веденія дѣла, но въ безцѣльности примѣненія наказанія: ни давность, ни даже смерть подсудимаго, не дѣлаютъ безусловно невозможнымъ разбирательство дѣла и постановленіе приговора о виновности; но онѣ дѣлаютъ безцѣльнымъ или и невозможнымъ примѣненіе наказанія.

Во 2-хъ, не всѣ причины, прекращающія производство, являются обстоятельствами, погашающими наказуемость, такъ какъ все производство можетъ быть уничтожено по основаніямъ, никакого отношенія къ наказуемости не имѣющимъ; таково, напр., прекращеніе процесса при exceptio rei judicatae, при недостаточности уполномочія на возбужденіе дѣла, при несоблюденіи предписаннаго закономъ особаго порядка возбужденія извѣстныхъ дѣлъ и т. п.

---

(1) Листъ, § 76, относитъ къ причинамъ, погашающимъ наказуемость, только двѣ—давность и помилованіе.

Въ 3-хъ, и это самое главное, многія изъ этихъ обстоятельствъ устраняютъ наказуемость и въ томъ случаѣ, когда они не оказываютъ вліянія на прекращеніе производства. Такъ, по дѣламъ судебно-мироваго разбирательства, при наличности обстоятельствъ, въ ст. 16 у. у. с. указанныхъ, судья, какъ разъяснилъ Правит. Сенатъ (1876, № 316, Селицкихъ, № 334, Крука), не имѣетъ права ограничиться составленіемъ протокола о прекращеніи производства, но обязанъ разобрать дѣло и прекратить преслѣдованіе не иначе, какъ на основаніи приговора, въ коемъ должно быть, въ случаѣ заявленія гражданскаго иска, опредѣлено вознагражденіе за вредъ, причемъ такой приговоръ подлежитъ обжалованію въ общемъ порядкѣ. Сложнѣе является этотъ вопросъ при преступныхъ дѣяніяхъ, разсматриваемыхъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, но и здѣсь наличность обстоятельствъ, указанныхъ въ ст. 16, не исключаетъ возможности судебнаго разсмотрѣнія дѣла, какъ это прямо и указано въ ст. 17 у. у. с., на основаніи коей начатый въ уголовномъ судѣ искъ о вознагражденіи разрѣшается тѣмъ же судомъ, не смотря на наличность обстоятельствъ, погашающихъ наказуемость, а, очевидно, разрѣшеніе такого иска въ уголовномъ судѣ не возможно безъ установленія въ законномъ порядкѣ виновности подсудимаго.

Такимъ образомъ, обстоятельства, устраняющія наказуемость, опредѣляютъ безусловно прекращеніе и самого производства только тогда, когда по дѣлу нѣтъ гражданскаго иска. Въ этихъ случахъ, какъ говоритъ законъ, не только уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено, но и начатое подлежитъ прекращенію соотвѣтственнымъ судомъ. Если наличность обстоятельствъ, указанныхъ въ 16 ст., была усмотрѣна во время производства слѣдствія, то слѣдователь, пріостановивъ производство, испрашиваетъ чрезъ прокурора разрѣшенія окружнаго суда на прекращеніе слѣдствія, и, въ случаѣ несогласія на то суда, дѣло представляется судебной палатѣ (ст. 277 у. у. с.). Если эти обстоятельства были усмотрѣны прокурорскимъ надзоромъ, по поступленіи къ нему предварительнаго слѣдствія, то онъ, соотвѣтственно 3 ч. 510 ст. у. у. с., предлагаетъ, въ порядкѣ 523 ст. у. у. с., суду свое заключеніе о прекращеніи дѣла, причемъ опредѣленіе суда подлежитъ контролю судебной палаты, въ порядкѣ 528^{3} и 529^{1}

ст. у. у. с. Если, наконецъ, дѣло поступило въ судъ, и наличность указанныхъ въ ст. 16 у. у. с. обстоятельствъ была обнаружена при предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ порядкѣ 547 ст. у. у. с., а самое дѣло производилось въ порядкѣ частнаго обвиненія, то судъ постановляетъ опредѣленіе о прекращеніи дѣла и объявляетъ о томъ сторонамъ, причемъ частному обвинителю предоставляется право обжаловать подобныя опредѣленія въ порядкѣ 893 ст. у. у. с. (рѣшен. 1880 г. № 10 по общ. собр.). Тотъ же порядокъ долженъ быть соблюдаемъ и по дѣламъ, разсматривающимся въ порядкѣ публичнаго обвиненія, которыя предварительно не поступали на разсмотрѣніе судебной палаты, но по тѣмъ дѣламъ, которыя поступили въ окружный судъ по опредѣленіямъ судебныхъ палатъ, судъ, въ виду 549 ст. у. у. с., не можетъ уже постановить самъ о прекращеніи дѣла на основаніи 16 ст. у. у. с., такъ какъ предполагается, что палата входила въ разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ при постановленіи по 534 ст. окончательнаго опредѣленія о преданіи суду или о прекращеніи дѣла (1869 № 1076, по дѣлу Мякишева). Однако и въ этихъ случаяхъ, если обстоятельство, устраняющее наказуемость, наступило, какъ, напр., смерть подсудимаго или Высочайшее помилованіе, послѣ преданія суду, то объ этомъ новомъ обстоятельствѣ, по 549 ст. у. у. с., судъ представляетъ палатѣ. Въ томъ же порядкѣ должно быть прекращено производство, если таковое обстоятельство наступило послѣ назначенія дѣла къ слушанію (1876 № 48, по дѣлу Челова).

При этомъ, по ст. 772 и 773 у. у. с., весьма, впрочемъ, неточнымъ по ихъ изложенію, освобожденному отъ суда безъ указанія его вины (хотя, согласно точному смыслу 2 п. ст. 771, судъ можетъ освободить отъ наказанія лишь въ случаѣ признанія подсудимаго виновнымъ) предоставляется право просить, чтобы судъ опредѣлилъ его виновность и то наказаніе, которому онъ подлежалъ бы, если бы въ дѣлѣ не оказалось законной причины къ прекращенію уголовнаго преслѣдованія. Такія просьбы могутъ быть предъявляемы или при самомъ провозглашеніи сущности приговора (ст. 789) или и послѣ, но не позже, какъ при объявленіи протокола приговора освобожденному отъ суда (очевидно— при объявленіи приговора въ окончательной формѣ).

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по дѣлу былъ заявленъ гражданскій искъ, вопросъ о прекращеніи уголовнаго производства стоитъ въ прямой зависимости отъ времени обнаруженія одного изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ ст. 16 у. уг. суд. Такимъ образомъ, если наличность таковаго обнаружилась при возбужденіи дѣла или при производствѣ слѣдствія, но до преданія суду, то дѣло прекращается и потерпѣвшій съ искомъ о вознагражденіи долженъ обратиться въ судъ гражданскій; если же таковое обстоятельство наступило или обнаружилось послѣ поступленія въ окружный судъ опредѣленія палаты о преданіи суду, или обвинительнаго акта, предложеннаго прокуроромъ непосредственно суду, или же жалобы частнаго обвинителя, и по дѣлу допущенъ, въ качествѣ стороны, гражданскій истецъ, то такой искъ, какъ уже начатый въ судѣ уголовномъ, долженъ быть разрѣшенъ по ст. 17 у. у. с. въ судѣ уголовномъ, въ общемъ порядкѣ судопроизводства, по разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, но съ освобожденіемъ его отъ наказанія, за силою 2 ч. 771 ст. у. у. с. (1876, № 237, Семенихиныхъ; 1884 № 15, Борисова).

Это положеніе сохраняетъ свою силу и въ томъ случаѣ, когда обстоятельствомъ, устраняющимъ наказуемость, является смерть подсудимаго. Но при разсмотрѣніи въ уголовномъ порядкѣ дѣлъ объ умершихъ подсудимыхъ, въ виду предъявленнаго къ нимъ гражданскаго иска, судъ допускаетъ только тѣ отступленія отъ общаго порядка, которыя съ необходимостью вызываются физическимъ отсутствіемъ на судѣ подсудимаго, какъ это подробно разъяснено въ руководящихъ рѣшеніяхъ Сената—1886 г. № 6, Жуковой; 1887 № 4, Долгова и 1890 г. № 32, Акимова (1).

---

(1) Въ объяснительной запискѣ къ судебнымъ уставамъ (изд. Госуд. канц. т. II, стр. 33 и 34) прямо указано, что иски о вознагражденіи подлежатъ разсмотрѣнію уголовнаго суда и въ томъ случаѣ, когда вина подсудимаго подведена подъ дѣйствіе Всемилостивѣйшаго Манифеста или давности; что причина этого лежитъ въ томъ, что опредѣленіе права на вознагражденіе за вредъ, происшедшій отъ преступленія, зависитъ отъ признанія дѣйствительности преступленія и виновности въ немъ того, съ кого отыскиваются убытки, а это такіе вопросы, которые могутъ быть разрѣшены правильно только судомъ уголовнымъ. По отношенію же къ случаямъ смерти подсудимаго—объяснительная записка прибав-

Самыя обстоятельства, устраняющія наказуемость, также, какъ и обстоятельства, вліяющія на мѣру отвѣтственности, могутъ быть двояки. Одни изъ нихъ имѣютъ значеніе только при отдѣльныхъ преступленіяхъ, какъ, напр., взаимность обидъ по ст. 138 уст. о наказ.; немедленное подчиненіе требованіямъ правительства участниковъ противодѣйствія властямъ, при условіяхъ, указанныхъ въ 269 ст. улож.; открытіе соучастниковъ при поддѣлкѣ денежныхъ знаковъ (ст. 559 и 573 ул.) и т. д. Другія имѣютъ болѣе или менѣе общее значеніе и упоминаются въ первомъ раздѣлѣ уложенія (ст. 155 до 167) и устава о наказ. (ст. 20 и 22). Въ общей части, конечно, подлежитъ разсмотрѣнію только послѣдняя группа обстоятельствъ. Къ нимъ 155 ст. ул. относитъ: 1) смерть подсудимаго; 2) примиреніе съ обиженнымъ; 3) давность, а по ст. 165 сюда же принадлежитъ и 4) помилованіе. Уставъ о наказаніяхъ упоминаетъ: 1) о примиреніи (ст. 20, 2 ч. ст. 22), 2) о добровольной уплатѣ пени и вознагражденія (ст. 20^{1}), 3) о давности (ст. 21) и 4) о смерти.

Но, по ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, между ними можно усмотрѣть два оттѣнка: одни имѣютъ преимущественно процессуальное значеніе, вліяя прежде всего на прекращеніе производства, а другія влекутъ непримѣненіе наказанія, независимо отъ хода процесса. Къ первымъ относятся добровольная уплата взысканія и примиреніе; ко второй—всѣ прочія.

ляетъ: «здѣсь, конечно, встрѣчается важное неудобство: умершій подсудимый не воспользовался предоставленнымъ каждому подсудимому правомъ защиты.... но во всякомъ случаѣ и въ такомъ исключительномъ положеніи дѣла, когда защита не можетъ быть допущена по силѣ особаго обстоятельства, ни отъ кого не зависящаго, вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго скорѣе и правильнѣе можетъ быть разрѣшенъ все таки уголовнымъ, а не гражданскимъ судомъ». Такимъ образомъ, система, усвоенная нашею практикою, вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли составителей судебныхъ уставовъ, хотя нельзя не прибавить, что эти весьма слабо мотивированныя соображенія воскресили въ нашемъ процессѣ уже казалось отжившіе уголовные процессы надъ мертвыми. Какъ рѣшать суду уголовному вопросъ не только о событіи и о участіи въ немъ умершаго, какъ это сдѣлалъ бы судъ гражданскій, разрѣшая искъ о вознагражденіи, но и о виновности того, кто не можетъ объяснить значенія и смысла свидѣтельскихъ показаній и другихъ доказательствъ, кто не можетъ освѣтить внутренній смыслъ совершеннаго, для кого уже наступило время дать отчетъ не только въ дѣлахъ, но и въ помыслахъ предъ другимъ Непредвзятымъ Судіею?

897. *Добровольное внесеніе пени и вознагражденія.* Постановленіе о семъ было внесено въ наше право впервые закономъ 1867 г. объ охранѣ частныхъ лѣсовъ, а затѣмъ существенно измѣнено закономъ 21 Марта 1888 г. Нынѣ, по ст. 20¹ уст. о нак. (по прод. 1890 г.), обвиняемому въ такомъ совершенномъ въ казенномъ или частномъ лѣсу проступкѣ, за который онъ можетъ подлежать только денежному взысканію, предоставляется прекратить производство дѣла, внеся причитающееся съ него денежное взысканіе въ высшемъ его размѣрѣ, опредѣленномъ въ законѣ, а также слѣдующую лѣсовладѣльцу сумму, и возвративъ ему похищенный или самовольно срубленный лѣсъ или стоимость онаго.

Сходное правило введено закономъ 1883 г., дополненномъ узаконеніями 4 Янв. 1888 г. и 4 Мая 1889 г., относительно нарушеній уставовъ казенныхъ управленій. Основанная на этихъ законахъ ст. 1125² у. у. с. (по прод. 1890 г.) постановляетъ, что дѣла по нарушеніямъ постановленій о питейномъ и табачномъ сборахъ, объ акцизѣ съ сахара, освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ и спичекъ, влекущимъ за собою одни лишь денежныя взысканія, съ конфискаціею или безъ оной, обращаются къ судебному разсмотрѣнію въ томъ лишь случаѣ, если лицо, на которое наложено взысканіе по постановленію управляющаго акцизными сборами, не заявитъ, въ теченіе опредѣленнаго закономъ срока, о согласіи подчиниться сему постановленію или не внесетъ взысканія.

Но въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ и рѣчи объ уничтоженіи наказуемости, напротивъ таковая примѣняется полностью, а добровольное подчиненіе устраняетъ лишь при лѣсныхъ нарушеніяхъ всякое, а при акцизныхъ—судебное разбирательство дѣла, а потому эти постановленія, по своему существу, всецѣло относятся къ процессу.

Редакціонная коммисія по составленію новаго уложенія, полагала распространить, по примѣру голландскаго кодекса (§ 74), подобное правило на всѣ нарушенія, влекущія лишь одно денежное взысканіе, въ томъ соображеніи, что если дѣяніе признается маловажнымъ и облагается только денежною пенею, и если совершившій его, сознавая вполнѣ свою виновность, соглашается уплатить немедленно упадающее на него взысканіе, и притомъ въ высшемъ

его размѣрѣ, а равно и вознаградить всякій убытокъ, имъ причиненный, то производство дальнѣйшаго разслѣдованія, въ особенности же судебная процедура, представляются совершенно безполезными для правосудія и въ то же время нерѣдко значительно отягощающими участь подсудимаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія нашла, что подобное постановленіе должно быть помѣщено въ уставѣ судопроизводства, а не въ уложеніи, ибо такая добровольная уплата устраняетъ не примѣненіе наказанія, а возбужденіе или дальнѣйшее производство уголовнаго преслѣдованія.

898. Ближе къ условіямъ, устраняющимъ наказуемость, стоитъ *примиреніе съ обиженнымъ*, хотя и въ немъ существенное значеніе имѣетъ процессуальная сторона (1).

По одному изъ основныхъ положеній публичнаго права—jus publicum privatorum pactis mutari non potest, а по современной конструкціи карательнаго права сущность преступленія заключается не только во вредѣ, причиняемомъ правоохраненному интересу, но и въ учиненномъ этимъ путемъ посягательствѣ на авторитетную волю, выразившуюся въ нормѣ; поэтому въ дѣлахъ уголовныхъ какъ преслѣдованіе, такъ и наказаніе виновныхъ совершаются въ интересахъ публичныхъ, а не частныхъ. Но, какъ мы видѣли (I, № 76), изъ этого положенія дѣлаются, по разнообразнымъ утилитарнымъ соображеніямъ изъятія, въ силу которыхъ преслѣдованіе извѣстныхъ дѣяній можетъ быть возбуждаемо не иначе, какъ по особому заявленію о томъ потерпѣвшаго лица. Далѣе, какъ я указывалъ, эта группа дѣяній въ свою очередь во многихъ законодательствахъ подраздѣляется на двѣ: къ первой относятся тѣ, по которымъ отъ потерпѣвшаго зависитъ только возбужденіе дѣла, а дальнѣйшее преслѣдованіе виновнаго идетъ въ общемъ порядкѣ, къ другой—тѣ, въ коихъ обличеніе виновныхъ на судѣ исключительно возложено на частнаго обвинителя. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, предоставляя потерпѣвшему право обвиненія, законъ предоставляетъ ему и право отказаться отъ преслѣдованія.

---

(1) Ср. въ особенности фонъ-Резонъ, о преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго по русскому праву, 1883 г., главы XIII и XIV; у него, стр. 210 и сл., изложенъ разборъ основаній предоставленія потерпѣвшему права оканчивать дѣло примиреніемъ.

Формально выраженная о томъ его воля, или, какъ говоритъ законъ, состоявшееся между обвиняемымъ и обиженнымъ примиреніе, по ст. 16 у. у. с., устраняетъ возможность возбужденія дѣла или прекращаетъ возбужденное производство, служа вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно 2 ч. 771 ст. у. у. с., основаніемъ для освобожденія приговореннаго отъ наказанія, и устраняя, по ст. 157 улож. и 20 уст. о нак., приведеніе въ исполненіе состоявшагося приговора.

Государство признаетъ въ этихъ дѣлахъ такое значеніе за частными интересами пострадавшаго, что считаетъ примиреніе нормальнымъ ихъ исходомъ, поэтому, по ст. 120 у. у. с., мировой судья по дѣламъ, которыя оканчиваются примиреніемъ, обязанъ склонять стороны къ миру и только въ случаѣ неуспѣха приступаетъ къ постановленію приговора (ср. ст. 201 прав. пр. зем. нач. 1890 г.); такая же обязанность возлагалась на мировыхъ судей по ст. 35 (отмѣненной закономъ 1891 г. Мая 21), по тѣмъ дѣламъ, которыя направлялись къ мировымъ судьямъ только для склоненія сторонъ къ миру. При этомъ, какъ разъяснилъ Сенатъ (цирк. указ. угол. касс. деп. 11 Апр. 1878 г. и рѣш. Общ. Собр. 1880 № 10), мировые судьи должны относиться къ этой обязанности не только внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, но съ надлежащимъ вниманіемъ и усердіемъ, сыскивая и предлагая способы примиренія, наиболѣе соотвѣтственные положенію каждой изъ сторонъ и взаимнымъ ихъ отношеніямъ. Равнымъ образомъ, по ст. 165 у. у. с. (ст. 228 прав. пр. зем. нач.), при разсмотрѣніи дѣлъ по частному обвиненію предсѣдатели съѣздовъ должны стараться примирить обвинителя съ обвиняемымъ (1). Конечно, подобная же обязанность, въ дѣлахъ этого рода, по разуму закона, лежитъ и на предсѣдателяхъ общихъ судебныхъ мѣстъ, хотя въ законѣ и не содержится прямыхъ указаній по сему предмету.

---

(1) При этомъ такое склоненіе можетъ быть дѣлаемо или при начатіи слушанія дѣла (70/63, Красовскаго), или предъ самымъ постановленіемъ резолюціи по дѣлу (68/967, Саговскаго). О примиреніи сторонъ и объ условіяхъ, на которыхъ оно послѣдовало, вносится въ мировыхъ установленіяхъ, на основаніи 5 п. 142 ст. у. у. с., въ протоколъ, но однако неисполненіе этого требованія и даже несоблюденіе предсѣдателемъ обязанности склонять стороны къ примиренію, не составляетъ такого нарушенія формъ и обрядовъ, которое могло бы влечь за собою отмѣну приговора (69/162, Орлова, 72/604, Фомина, и др.).

Примиреніе можетъ вліять на прекращеніе производства и на отмѣну приговора только при тѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя подлежатъ преслѣдованію по частной жалобѣ, и притомъ съ исключеніемъ случаевъ, особо указанныхъ въ ст. 157 (1), а именно: растлѣнія и изнасилованія (ст. 1523—1526, 1528); похищенія съ намѣреніемъ изнасиловать (1529); похищенія съ намѣреніемъ обольстить или опозорить (1530); обольщенія несовершеннолѣтней лицемъ, имѣющимъ надъ нею власть (ст. 1532); похищенія противъ воли родителей для вступленія въ бракъ (ст. 1549), и брака по принужденію, обману или съ лицемъ, завѣдомо умалишеннымъ (1550—1581).

Право прекращенія дѣла примиреніемъ имѣетъ потерпѣвшій, а если онъ не дѣеспособенъ, то его законный представитель, или лица, въ надлежащемъ порядкѣ имъ уполномоченныя. Въ томъ случаѣ, если потерпѣвшихъ было нѣсколько, каждому изъ нихъ принадлежитъ самостоятельное право прекращенія дѣла.

Самая форма, въ которой потерпѣвшій можетъ выразить свое нежеланіе вести дѣло, можетъ быть двояка: если потерпѣвшій явился самъ или чрезъ своего уполномоченнаго и обвинителемъ по дѣлу, то для прекращенія дѣла достаточно простой его неявки въ судъ къ разбирательству, ни лично, ни чрезъ повѣреннаго, не смотря на сдѣланное ему въ надлежащемъ порядкѣ увѣдомленіе и

---

(1) По проекту уложенія (ст. 162) такихъ исключеній не было, а всѣ дѣянія, начинаемыя по частной жалобѣ, оканчивались примиреніемъ; эти изъятія были внесены коммисіею Государственнаго Совѣта въ томъ соображеніи, что подобныя дѣянія, составляя личную обиду, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаютъ общественный порядокъ и оскорбляютъ нравственность. До закона 1884 г. въ ст. 157 упоминалась еще ст. 395 объ оскорбленіи начальника дѣйствіемъ и ст. 1542 и 1543 о лишеніи свободы, сопровождавшемся болѣзнью или смертью заключеннаго, но эти указанія были исключены, въ виду того, что по дѣйствующему праву оба эти дѣянія преслѣдуются помимо частной жалобы. Изъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 157, какъ не погашаемые примиреніемъ, особенно непонятными являются: указанный въ ст. 1530, такъ какъ его сущность заключается въ опозореніи похищенной, и предусмотрѣнный въ ст. 1549, такъ какъ по этой же статьѣ, по просьбѣ родителей, можетъ быть даже уменьшенъ срокъ уже назначеннаго наказанія. Въ германскомъ уложеніи, послѣ новеллы 1876 г., принято обратное положеніе: дѣянія, возбуждаемыя по частнымъ жалобамъ, не погашаются примиреніемъ, за исключеніемъ случаевъ прямо въ законѣ указанныхъ.

безъ всякихъ уважительныхъ причинъ неявки (ст. 135 у. у. с., ст. 112 пол. зем. нач.), (1) причемъ неявка обвинителя имѣетъ то же значеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны вызываются въ судъ только для склоненія ихъ къ миру. Самое постановленіе о прекращеніи дѣла за неявкою обвинителя объявляется сторонамъ какъ приговоръ, и можетъ быть обжаловано въ порядкѣ апелляціонномъ ($^{69}/_{258}$, Влѣзкова и др.). Но заключеніе съѣзда о степени уважительности причинъ неявки обвинителя не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ (($^{71}/_{1056}$, Казанли); точно также по 593 ст. уст. угол. суд. неприбытіе въ общихъ судебныхъ мѣстахъ въ судъ частнаго обвинителя или его повѣреннаго, безъ законныхъ причинъ, признается отреченіемъ отъ уголовнаго иска и имѣетъ послѣдствіемъ прекращеніе дѣла (2).

Но если обвинитель явился въ судъ, то, какъ указалъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1880 г. № 36, по дѣлу Мандельберна, въ законѣ не содержится постановленій, которыя давали бы суду право прекращать дѣло за одностороннимъ отказомъ частнаго обвинителя отъ обвиненія, послѣ уже его явки въ судъ, до начала ли разбора дѣла или во время его производства. Такой отказъ можетъ влечь за собою прекращеніе дѣла только въ случаѣ согласія на то обвиняемаго. Такимъ образомъ, если одностороннее заявленіе обвинителя было сдѣлано до постановленія приговора, то дѣло

---

(1) Мировой судья можетъ войти въ разсмотрѣніе уважительности причинъ неявки обвинителя лишь до постановленія приговора о прекращеніи дѣла, а затѣмъ обвинитель пользуется только правомъ въ апелляціонномъ отзывѣ на приговоръ доказывать уважительность причинъ, по коимъ онъ не могъ ни явиться въ судъ, ни представить своевременно судьѣ объясненіе о причинахъ неявки, а посему и можетъ въ отзывѣ просить о предоставленіи ему права на возобновленіе обвиненія.

(2) Поэтому смерть частнаго обвинителя до слушанія дѣла въ первый разъ или по дѣлу отложенному погашаетъ преслѣдованіе, такъ какъ въ этихъ случаяхъ онъ не можетъ явиться ни лично, ни черезъ повѣреннаго; но смерть послѣ разсмотрѣнія дѣла никакого значенія не имѣетъ; Сенатъ даже идетъ далѣе, и вообще не считаетъ смерть обвинителя причиною, вліяющею на прекращеніе дѣла ($^{71}/_{1455}$, Покровскаго; $^{80}/_{16}$, Финна). Кромѣ того, Сенатъ призналъ, что если дѣло велось въ порядкѣ публичнаго обвиненія, и только при постановленіи приговора получило значеніе уголовно-частнаго, то обнаруженная при этомъ смерть потерпѣвшаго и невозможность примиренія, не исключаетъ отвѣтственности. $^{76}/_{48}$, Человой, $^{78}/_{18}$, Курочкина.

должно быть разсмотрѣно судомъ, и наказаніе опредѣлено подсудимому на общемъ основаніи.

Тѣмъ болѣе, по этому воззрѣнію, необходимо для прекращенія дѣла за примиреніемъ обоюдное согласіе послѣ постановленія приговора, во время апелляціонаго или кассаціоннаго производства ($^{72}/_{1145}$, Чебановскаго), или послѣ вступленія приговора въ законную силу (1).

Проводя послѣдовательно эти требованія объ обоюдности согласія при примиреніи, Правительствующій Сенатъ въ рядѣ своихъ рѣшеній, начиная съ 1874 г. (рѣш. 1874 г. №№ 168, Фильковскаго; 443, Крылова; 637, Чубыкина и общ. собр., 1887 г. № 2), призналъ, что какъ заявленіе обвинителя, такъ и заявленіе обвиняемаго о состоявшемся примиреніи сами по себѣ не достаточны для прекращенія дѣла; что мировая сдѣлка должна быть удостовѣрена въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 1362 уст. гражд. судопр., и что обѣ стороны должны быть вызваны въ присутствіе, гдѣ прошенія о прекращеніи разсматриваются въ судебномъ, а не въ распорядительномъ засѣданіи; сторонамъ предлагаются вопросы для удостовѣренія въ добровольномъ согласіи ихъ на миръ и о состоявшемся примиреніи составляется протоколъ; при этомъ, если прошеніе поступило въ съѣздъ по обращеніи приговора къ фактическому исполненію, то, по указанію Сената (1887 г. № 2 на общ. собр.), предсѣдатель или непремѣнный членъ съѣзда обязаны сдѣлать распоряженіе о пріостановленіи исполненія приговора до разсмотрѣнія и утвержденія мировой сдѣлки въ ближайшемъ обыкновенномъ засѣданіи съѣзда.

Но, создавая такимъ образомъ весьма существенныя формальныя затрудненія относительно удостовѣренія въ дѣйствительности примиренія, Сенатъ весьма расширилъ вліяніе примиренія на наказуемость.

---

(1) Составители уложенія, повидимому, не считали обоюдное согласіе необходимымъ условіемъ для примѣненія ст. 157. Въ объясненіяхъ къ ней было сказано: *сіе прощеніе можетъ быть даровано* не только прежде, но и послѣ постановленія приговора, ибо сіе послѣднее обстоятельство не измѣняетъ существа преступнаго дѣянія. Изъ нашихъ криминалистовъ признаютъ достаточнымъ одностороннее заявленіе — Н. Неклюдовъ, конспектъ, стр. 156; въ особенности Ф. Резонъ, стр. 195; другаго мнѣнія Лохвицкій, стр. 281.

Какъ я указывалъ выше, по дѣламъ уголовно-частнымъ отъ усмотрѣнія потерпѣвшаго можетъ зависѣть только привлеченіе къ суду и изобличеніе виновнаго, но самое наказаніе и въ этихъ случаяхъ налагается во имя государства, въ интересахъ публичныхъ, а не ради удовлетворенія частныхъ лицъ; поэтому, съ точки зрѣнія теоретической, воля потерпѣвшаго можетъ оказывать свое вліяніе на исходъ процесса только до постановленія приговора или, самое большее, до вступленія приговора въ законную силу. Какъ скоро дѣло стало res judicata, неисполненіе состоявшагося приговора можетъ послѣдовать лишь въ порядкѣ публичнаго, а не частнаго помилованія, буде о семъ не сдѣлано какихъ либо особыхъ постановленій въ законѣ.

Такъ смотрятъ на этотъ вопросъ и западные кодексы: по германскому уложенію (§ 64) отказъ отъ жалобы допустимъ только до провозглашенія обвинительнаго приговора (bis zur Verkündung eines auf Strafe lautenden Urtheils); кодексъ голландскій допускаетъ (ст. 67) отказъ отъ жалобы только въ теченіи 8 дней послѣ подачи таковой.

Уложеніе говоритъ, что приговоръ о наказаніи виновнаго отмѣняется, если примиреніе состоялось прежде исполненія приговора; еще неопредѣленнѣе выражается ст. 20 уст. о нак., на которую ссылается ч.2 ст. 22, говоря, что проступки, преслѣдуемые только частной жалобѣ, не влекутъ за собою наказанія въ случаѣ примиренія.

Болѣе подробно говорятъ объ этомъ законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступл. и проступк. Статья 91 (по изд. 1876 г.) указываетъ, что истцу, и по принесеніи жалобы, предоставляется мириться съ отвѣтчикомъ въ искѣ. Въ дѣлахъ сего рода примиреніе истца съ отвѣтчикомъ прекращаетъ дѣло, если жалоба принесена прежде исполненія приговора и когда съ оскорбленіемъ не соединено другое преступленіе.

Сенатъ по отношенію къ дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, призналъ, что ст. 157 имѣетъ въ виду дѣйствительное исполненіе наказанія, а не одно только формальное обращеніе къ исполненію, а потому примиреніе, послѣдовавшее до фактическаго отбытія, устраняетъ наказуемость ($^{67}/_{580}$, Арефы; $^{68}/_{828}$, Щелкана); по дѣламъ же, подсуднымъ мировымъ установле-

ніямъ, Сенатъ призналъ ($^{82}/_{22}$, Богуславскаго, $^{87}/_{2}$ по общ. собр.), что примиреніе влечетъ отмѣну наказанія безусловно, въ какомъ бы положеніи дѣло ни находилось, такъ что примиреніе возможно и послѣ того, какъ приговоренный былъ препровожденъ уже въ мѣсто заключенія.

При этомъ, такъ какъ наше право не требуетъ, подобно германскому уложенію, недѣлимости жалобы, то и примиреніе можетъ быть также раздѣльно, а потому прекращеніе дѣла по отношенію къ одному изъ соучастниковъ не влечетъ за собою, ipso jure, прекращенія преслѣдованія по отношенію къ другимъ (1).

899. *Смерть подсудимаго.* Римское право хотя и говорило: extinguitur enim crimen mortalitate, но допускало отсюда рядъ изъятій. Такъ, конфискація имущества примѣнялась и къ умершему, какъ скоро при жизни его состоялся приговоръ, хотя бы и не вошедшій въ законную силу; въ періодъ же императоровъ встрѣчаются и случаи суда надъ мертвыми, въ особенности по государственнымъ преступленіямъ (2).

Средневѣковые законодатели также допускали возможность уголовнаго преслѣдованія и наказанія лицъ умершихъ. Достаточно указать, что во французскомъ ордонансѣ 1670 былъ цѣлый 22-й титулъ «de la manière de faire le procés au cadavre, ou à la mémoire d'un defunt», причемъ такой процессъ допускался въ 4-хъ случаяхъ: въ преступленіяхъ оскорбленія Величества, при поединкѣ, самоубійствѣ и при сопротивленіи правосудію, когда сопротивлявшійся былъ убитъ. Наказаніе выполнялось символически, или надъ трупомъ или надъ изображеніемъ. Такое же damnatio memoriae и исполненіе наказанія in effigie мы встрѣчаемъ въ общемъ прусскомъ земскомъ правѣ 1794 г., и даже въ австрійскомъ уложеніи 1803 г. Только великая революція положила предѣлъ процессамъ этого рода, и кодексъ IV года содержалъ постановленіе, сдѣлавшееся потомъ достояніемъ всѣхъ новыхъ законодательствъ,

---

(1) Въ защиту дѣлимости частной жалобы и примиренія подробные доводы приведены у Köstlin, System, стр. 525; онъ считаетъ дѣлимость естественнымъ логическимъ выводомъ изъ всего института.

(2) Ср. указанія у Köstlin, System, стр. 477 и сл.

что уголовное преслѣдованіе погашается смертью подсудимаго. Но и въ дѣйствующихъ законодательствахъ въ этомъ отношеніи различаются два направленія (1). Одни признаютъ смерть причиною безусловно устраняющею всякую наказуемость; такъ, бельгійскій кодексъ (§ 86) постановляетъ, что за смертью осужденнаго къ нему не примѣняются никакія наказанія, ни личныя, ни имущественныя; кодексъ голландскій (ст. 69 и 75) указываетъ, что право на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и на примѣненіе наказанія прекращается за смертью осужденнаго. Напротивъ того, другія видятъ въ смерти подсудимаго преимущественно только причину, устраняющую возможность осужденія подсудимаго, а равно и возможность примѣненія къ виновному тѣхъ наказаній, которыя падаютъ на личность виновнаго. Такъ, по § 70 германскаго уложенія, хотя смерть осужденнаго, послѣдовавшая послѣ вступленія приговора въ силу, устраняетъ примѣненіе личныхъ наказаній, но денежныя пени взыскиваются изъ оставшагося наслѣдства. Такое положеніе, по объясненію мотивовъ и комментаторовъ, вытекаетъ изъ того начала, что съ момента вступленія въ силу приговора о денежномъ взысканіи, это взысканіе является долговымъ обязательствомъ по отношенію къ государству, а потому такое обязательство, подобно всѣмъ другимъ долговымъ обязательствамъ, должно переходить на наслѣдниковъ (2); той же системы держится и кодексъ венгерскій (§ 53). Французское законодательство говоритъ о вліяніи смерти осужденнаго только въ уставѣ уголовнаго судопроизводства (§ 2), указывая, что смерть подсудимаго прекращаетъ уголовное преслѣдованіе, но оно вовсе не упоминаетъ о вліяніи смерти осужденнаго на примѣненіе наказанія къ лицу, уже осужденному, о коемъ

---

(1) Спеціально о примѣненіи къ умершимъ денежныхъ взысканій—ср. Walther, die Vererbung der Geldstrafen, Gerichtssaal 1867 г., ст. 268; у него приведены мнѣнія нѣмецкихъ криминалистовъ. Lüder, die Vollstreckbarkeit rechtskräftigerkannter Geldstrafen in den Nachlass des inzwischen verstorbenen Verurtheilten, въ Gerichtssaal, 1877 г., стр. 401.

(2) Oppenhof, § 30, пр. 1; Olshausen § 30. По уставу германскаго судопроизводства приговоръ всегда имѣетъ въ виду личность подсудимаго, а потому онъ никогда не можетъ войти въ силу и даже не можетъ быть постановленъ по отношенію къ умершему.

приговоръ вступилъ въ законную силу (1); по толкованію же французскихъ криминалистовъ смерть, подсудимаго устраняетъ примѣненіе только личныхъ наказаній, но не имущественныхъ, которыя, упадаютъ на наслѣдство виновнаго (2).

У насъ постановленія о судѣ надъ мертвыми встрѣчались еще въ воинскомъ уставѣ Петра Великаго, гдѣ повѣшеніе за ноги назначалось лицамъ, убитымъ на поединкѣ, и было установлено уголовное преслѣдованіе и наказаніе самоубійцъ. Кромѣ того, въ жизни не разъ примѣнялись символическія наказанія надъ умершими обвиняемыми въ государственныхъ преступленіяхъ; такова, напр., приснопамятная казнь трупа боярина Ивана Милославскаго.

Воинскій уставъ въ этомъ отношеніи шелъ даже далѣе уложенія 1649 г., въ которомъ уже была замѣтна мысль о погашеніи смертью наказуемости, за исключеніемъ вознагражденія имущественныхъ убытковъ (X, 207; XXI, 67, 68). Сводъ законовъ, игнорируя постановленія воинскаго устава, возвратился къ началамъ уложенія и формулировалъ (ст. 136 изд. 1842 г.) это положеніе такъ: смерть преступника сама собою прекращаетъ наказаніе, но частные иски и казенныя взысканія, происшедшія отъ преступленія, тѣмъ не отмѣняются, они обращаются на имущество преступника. Это постановленіе, съ незначительными редакціонными измѣненіями, было принято и въ уложеніи (ст. 156).

Какъ говоритъ законъ, «за смертью осужденнаго приговоръ о наказаніи самъ собою отмѣняется». Такимъ образомъ, ст. 156 не касается вліянія на производство дѣла и на наказуемость смерти подсудимаго до постановленія приговора; въ этомъ отношеніи она пополняется постановленіями устава уголовнаго судопроизводства, на основаніи коихъ смерть подсудимаго, если по дѣлу не было гражданскаго иска, прекращаетъ производство, въ какой бы стадіи оно ни находилось. Если же былъ заявленъ гражданскій

---

(1) F. Hélie, pratique, I, 25.

(2) Garraud, Traité, II, № 54; равнымъ образомъ примѣняются и послѣ смерти постановленія о спеціальной конфискаціи такихъ предметовъ, которые не могутъ находиться въ частномъ обладаніи; государство имѣетъ право требованія ихъ у наслѣдниковъ, какъ и у всѣхъ другихъ частныхъ лицъ. Ortolan, II, № 1846 и сл. и Haus, № 916, признаютъ взысканіе денежныхъ пеней съ наслѣдниковъ несправедливымъ.

искъ и смерть послѣдовала послѣ преданія суду, то она, какъ было указано, служитъ основаніемъ къ освобожденію отъ наказанія по 2 п. 771 ст. уст. уг. суд., но не устраняетъ гражданскаго иска.

По нашему праву за смертью подсудимаго отмѣняется всякій приговоръ о наказаніи, хотя бы и вошедшій въ законную силу, поражающій личность, или и имущество осужденнаго (1), и эту систему нельзя не признать болѣе правильною, чѣмъ усвоенную германскимъ кодексомъ (2), такъ какъ и денежное взысканіе, какъ наказаніе, можетъ падать только на личность преступника, а не на его правопріемниковъ, а потому такое наказаніе за смертью виновнаго исполненію не подлежитъ.

Конечно, это правило не распространяется на вознагражденіе за вредъ и убытки, такъ какъ, по ст. 61 улож., въ случаѣ смерти виновнаго, обязанность вознагражденія распространяется и на его наслѣдниковъ, но требуется только изъ того имѣнія, которое имъ досталось отъ виновныхъ.

Въ томъ же положеніи находятся и тѣ взысканія, которыя имѣютъ характеръ вознагражденія, таковы: во 1-хъ, взысканія, налагаемыя за лѣсныя нарушенія по ст. 158 уст. о нак. (по прод. 1890 г.); но штрафы, взыскиваемые за лѣсныя порубки по 155 ст., въ новой ея редакціи, какъ наказанія, подлежатъ дѣйствію общихъ правилъ (3); во 2-хъ, взысканія за нарушенія уставовъ казен-

---

(1) Исключеніе составляетъ взысканіе, налагаемое по ст. 1472 на самоубійцъ, т. е. недѣйствительность ихъ духовнаго завѣщанія, но, какъ разъяснилъ Сенатъ по Общ. Собр. 1877 г., № 19, и эта мѣра ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣняема въ порядкѣ суда уголовнаго. Кистяковскій, стр. 742, полагаетъ однако, что по нашему праву отмѣняется только приговоръ о личныхъ наказаніяхъ.

(2) Большинство нѣмецкихъ криминалистовъ высказывается противъ системы германскаго уложенія: Гельшнеръ, Гейнце, Гейеръ, Биндингъ, Liszt, стр. 296, прим. 2; H. Meyer, § 44, прим. 22. Въ защиту такого начала—Вехтеръ, Абеггъ, Кёстлинъ, Бернеръ.

(3) Въ рѣшеніяхъ 1874 г. № 485, по дѣлу о порубкѣ въ Егинской дачѣ и въ особенности 1879 г. № 70, по дѣлу Медвѣдева, Сенатъ проводилъ то воззрѣніе, что и взысканія за порубку подлежатъ дѣйствію 1 п. 22 ст., такъ что на наслѣдниковъ обращается только взысканіе стоимости порубленнаго и невозвращеннаго лѣса. Но съ изданіемъ закона 21 Марта 1888 г. взысканія, налагаемыя по ст. 158, совершенно отдѣлились отъ пеней, какъ это призналъ и Сенатъ въ рѣшеніи 1890 г. № 3, по дѣлу Наныкина; поэтому и вышеуказанныя разъясненія о примѣненіи 1 п. 22 ст. къ нарушеніямъ лѣснаго устава представляются не соотвѣтствующими новому закону.

*

ныхъ управленій. Статья 156 говоритъ, что казенныя взысканія обращаются на имущество за исключеніемъ налагаемыхъ въ наказаніе по суду; но, какъ разъяснила наша практика, къ числу послѣднихъ взысканій могутъ быть относимы только тѣ, которыя составляютъ наказаніе въ тѣсномъ смыслѣ, но не тѣ, которыя имѣютъ характеръ вознагражденія. Такъ, по разъясненію Правительствующаго Сената, не погашаются за смертью: понужденіе ко взятію патента или взысканіе патентнаго сбора (рѣш. 1870 г., № 1236, Галахова) и конфискація (рѣш. 1886 г., № 12, Заборовскаго).

Равнымъ образомъ, не могутъ быть погашаемы смертью тѣ послѣдствія наказанія, имѣющія иногда значеніе дополнительныхъ взысканій, которыя заключаются въ удаленіи или уничтоженіи вреда или опасности, созданныхъ преступнымъ дѣяніемъ: поддѣльные денежные знаки, испорченное мясо, поддѣльные документы—не могутъ быть оставлены въ обладаніи наслѣдниковъ виновнаго (1).

Редакціонная комиссія по составленію проекта новаго уложенія, присоединяясь вполнѣ къ системѣ нашего дѣйствующаго права, не сочла однако необходимымъ вносить постановленіе объ этомъ въ уголовное уложеніе, а полагала бы указать на это въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, дополнивъ существующія положенія общимъ правиломъ, что приговоръ о наказаніи, хотя бы и вступившій въ законную силу, не приводится въ исполненіе за смертью осужденнаго.

900. *Давность.* (2) Особенно важное практическое значеніе среди обстоятельствъ, погашающихъ наказуемость, имѣетъ давность

---

(1) По германскому праву (§ 42) конфискація предметовъ, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ или служившихъ для учиненія таковаго, можетъ быть опредѣляема и въ томъ случаѣ, когда уголовное преслѣдованіе и осужденіе обвиняемаго юридически не можетъ быть осуществлено.

(2) Кромѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ въ учебникахъ и руководствахъ, изъ отдѣльныхъ изслѣдованій по данному вопросу можно указать: Яневичъ-Яневскій, объ уголовной давности въ юридическихъ запискахъ, изд. Рѣдкинымъ и Яневичемъ-Яневскимъ, т. V 1862 г., стр. 1—128.; В. Саблеръ, о значеніи давности въ уголовномъ правѣ, 1872 г.; П. Фойницкій, ученіе о наказаніи, 1889 г. стр. 109 и сл. Наиболѣе старый трудъ Gründler, Systematische Entwickelung der Lehre von der Verjährung, 1796 г. (см. у Schoch, стр. 5); Unterholzner, Ausführliche Entwicke-

т. е. протеченіе извѣстнаго срока времени, устраняющее или примѣненіе наказанія къ виновнику преступнаго дѣянія, или самое его уголовное преслѣдованіе; причемъ, подобно смерти подсудимаго, давность или вліяетъ на устраненіе или прекращеніе уголовнаго преслѣдованія и въ этомъ отношеніи входитъ въ группу процессуальныхъ условій, или вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ излишнимъ и нецѣлесообразнымъ самое наказаніе, а потому относится и къ институтамъ матеріальнаго уголовнаго права (1).

Признаніе давности обстоятельствомъ, устраняющимъ наказуемость, во всѣхъ законодательствахъ является сравнительно поздно. Такъ, въ римскомъ правѣ давность устанавливается только послѣ паденія республики; самыя старыя постановленія о ней встрѣчаются въ lex Julia de adulteriis, и о погашающей 20-ти-лѣтней давности въ lex Cornelia de falsis (L. 12 cod. 9,22), а болѣе опредѣленныя постановленія мы имѣемъ только въ рескриптѣ Діоклетіана и Максиміана. Въ германскомъ правѣ постановленія о давности появляются только со времени рецепціи римскаго права, но еще и въ Каролинѣ никакихъ твердо установившихся постановленій по этому

---

lung der gesammten Verjährungslehre, 1 изд. 1828 г., 2-е 1858 г., обработанное Schirmer'омъ; ученіе объ уголовной давности содержится во 2-мъ томѣ; Dambach, Beiträge zu der Lehre von der Criminal-Verjährung, 1860 г.; Hirzel, Kritische Betrachtungen der neuern Doctrin und Gesetzgebung über Verjährung der Strafen, 1860 г.; Schoch, Kritische Betrachtung der neueren Doctrin und Gesetzgebung über die Verjährung der Strafen, 1860 г.; Abegg, über die Verjährung rechtskräftig erkannter Strafen, 1862 г.; Schwarze, Bemerkungen zur Lehre von der Verjährung im Strafrechte, 1867 г.; Risch, über den rechtlichen Charakter der Criminalverjährung nach heutigem Rechte, въ Gerichtssaal за 1884 г., стр. 241 и сл.; его же, Zur Frage der rechtlichen Konstruktion der Kriminal-Verjährung nach heutigem Rechte, въ Zeitschrift за 1889 г., стр. 235—269; Koopmann, die Verjährung im Strafrechte, 1888; Hoorebecke, traité des prescriptions en matière pénale, 1847; Cousturier, traité de la prescription en matière criminelle, 1849; Brun de Villeret, traité théorique et pratique de la prescription en matière criminelle, 1863 (подробная разработка практическихъ вопросовъ ученія о давности); Marquet, de la prescription en matière criminelle, 1866. Болѣе подробныя библіографическія указанія приведены въ вышеназванныхъ изслѣдованіяхъ Dambach'а и Саблера, а также у Binding'а въ его Grundriss.

(1) Большинство новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ признаютъ смѣшанный характеръ этого института и только Binding въ своемъ Handbuch относитъ ученіе о давности исключительно къ процессу (иначе въ Grundriss). Этому вопросу посвящены преимущественно статьи Risch'а; изъ нихъ вторая содержитъ разборъ воззрѣнія Binding'а.

предмету не содержится; равнымъ образомъ и во Франціи институтъ давности выясняется лишь въ предреволюціонномъ законодательствѣ, и въ кодексахъ 1791 г. и 3 брюмера IV года (1).

Въ нашемъ правѣ, собственно говоря, давность появляется съ манифеста Императрицы Екатерины II-й 1775 г. (п. с. з., 14275) (2), такъ какъ до этого времени, въ памятникахъ XVI и XVII столѣтій, встрѣчаются лишь отрывочныя и весьма неопредѣленныя постановленія о погашеніи давностью нѣкоторыхъ, не многихъ преступленій (3). Да и въ манифестѣ 1775 г. признаніе давности имѣло скорѣе характеръ помилованія, амнистіи (4). Проектъ 1813 г. содержалъ подробныя постановленія о давности; между прочимъ, ст. 101 проекта постановляла: «ежели въ теченіи десяти лѣтъ какое либо уголовное преступленіе не сдѣлалось гласнымъ, а преступникъ во все сіе время не учинилъ другаго, то таковый, по уваженію давности, освобождается отъ всякаго наказанія». При разсмотрѣніи проекта въ 1824 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, Совѣтъ особо остановился на этомъ вопросѣ, причемъ были указаны общія основанія и условія давности (5). Постановленія Мани-

---

(1) Для исторіи давности во Франціи ср. Bertauld, lecons, стр. 602. Нельзя не прибавить, что въ западно-европейской практикѣ недостатокъ законодательныхъ постановленій о давности въ значительной степени восполнялся постановленіями римскаго права, почему обыкновенно въ судахъ и примѣнялась 20-тилѣтняя давность.

(2) Ср. Саблеръ, стр. 22 и сл.; у него разборъ противоположнаго мнѣнія г. Яневича-Яневскаго, стр. 74 и сл., признающаго существованіе давности и въ древне-русскомъ правѣ.

(3) Таковы, напр., постановленія Царской грамоты 1667 г., и новоуказныхъ статей 1669 г. (п. с. з., № 441); большинство же актовъ XIV и XV вѣк. прямо указывали на непримѣнимость уголовной давности: «а... татя, разбойника, душегубца, рубежника выдати по исправѣ отъ вѣка».

(4) Статья 44 этого манифеста постановляла: «всякаго рода преступленія, коимъ 10 лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласными, и по нимъ производства не было, всѣ таковыя дѣла повелѣваемъ отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы и доносители явятся, вѣчному забвенію, и по сей статьѣ и впредь поступать по Всероссійской Имперіи непремѣнно». Это положеніе манифеста было впослѣдствіи подтверждено жалованною грамотою дворянству и городовымъ положеніемъ; по рядомъ съ этою давностью для обидъ словомъ указана давность годовая, а для обидъ дѣйствіемъ—двухгодовая.

(5) Ср. проектъ уложенія, объясненія къ ст. 163; въ этихъ разсужденіяхъ впервые было признано, неизвѣстное ни теоріи, ни западно-европейскимъ законо-

феста 1775 г. послужили основаніемъ для Свода законовъ (ст. 157, изд. 1842 г.), который говорилъ: «всякое преступленіе, которое не сдѣлалось гласнымъ въ продолженіи 10 лѣтъ, считая срокъ со времени учиненія онаго, или по коему производства не было въ теченіе того же срока, предается вѣчному забвенію, и если бы послѣ сего срока явились истцы или доносители, то ни иски, ни доносы не пріемлются. Эти постановленія свода, впрочемъ, довольно значительно измѣненныя, послужили основаніемъ и для дѣйствующаго права.

Позднее появленіе давности въ законодательствахъ вполнѣ объясняется тѣмъ, что и въ доктринѣ самый вопросъ о закономѣрности этого института лишь мало по малу и сравнительно недавно получилъ общее признаніе.

Почему болѣе или менѣе продолжительная неизвѣстность преступника можетъ создать для него законную причину ненаказуемости? На чемъ основывается эта погашающая сила времени?

Отвѣтъ на это стоитъ въ прямой зависимости отъ самаго воззрѣнія на сущность и цѣль карательнаго права, и указанное выше разнообразіе этихъ воззрѣній опредѣляетъ и различное отношеніе къ давности криминалистовъ-теоретиковъ (1).

Прежде всего, стоя на точкѣ зрѣнія теорій абсолютныхъ, теорій возмездія, мы должны, идя послѣдовательно, придти къ отрицанію правомѣрности давности, должны, такъ сказать, извинять существованіе давности въ кодексахъ, но не оправдывать ее. Если наказаніе есть простой атрибутъ преступленія, ему соприсущій, то можетъ ли какое нибудь событіе, наступившее послѣ преступленія, неимѣющее никакого отношенія ни къ личности преступника, ни къ учиненному имъ дѣянію, измѣнить и тѣмъ болѣе устранить наказаніе? Если во имя верховнаго закона справедливости преступникъ долженъ быть наказанъ, хотя бы весь міръ распался, если грозный ветхозавѣтный Іегова воздаетъ за грѣхи отецъ на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Его, то можетъ ли исте-

---

дательствамъ, и совершенно практически непригодное различіе безгласности происшествія и безгласности виновника.

(1) Изложеніе и разборъ различныхъ воззрѣній на давность у Шварце, в. с., стр. 8.

ченіе какого либо, сравнительно ничтожнаго числа лѣтъ, поколебать силу и значеніе этого всеобъемлющаго начала воздаянія? Поэтому давности не было мѣста въ системахъ Канта и Гегеля. Внесеніе давности въ число необходимыхъ институтовъ уголовнаго права позднѣйшими сторонниками этого направленія Кестлиномъ, Абеггомъ, Гельшнеромъ, было уступкою требованіямъ жизни въ ущербъ послѣдовательности. Даже важнѣйшіе представители переходныхъ теорій, отрицавшіе цѣлесообразность наказанія, и придававшіе главное значеніе только угрозѣ закона, какъ Фейербахъ, не находили юридическаго оправданія давности (1).

Правильная постановка ученія о давности въ уголовномъ правѣ всецѣло принадлежитъ теоріямъ полезности, выставившимъ то положеніе, что если, говоря словами поэта:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей,

то можетъ ли избѣгнуть всесокрушающей силы времени и преступное дѣяніе человѣка со всѣми его послѣдствіями?

Но, понятно, что ссылка на всесильное время, оправдывая появленіе давности во всѣхъ законодательствахъ, не даетъ, въ сущности, объясненія этого института, а потому и является само по себѣ мало пригодною для установленія практической его конструкціи. Еще болѣе формальнымъ является обоснованіе давности «силою совершившихся событій» (Macht der Thatsachen). Юридическія послѣдствія, говорятъ сторонники этого направленія (2), мо-

---

(1) Также отрицали правомѣрность давности Штюбель, а въ особенности Генке, Gründler. Ср. Köstlin, System, стр. 482; Geib, стр. 136.

(2) Liszt въ 3-мъ изданіи учебника § 81, I; то же воззрѣніе проводятъ Risch, Heinze въ Handbuch, II, стр. 609; послѣдній замѣчаетъ: противорѣчіе между фактическою безнаказанностью извѣстныхъ случаевъ и юридическою необходимостью ихъ наказанія устраняется возведеніемъ факта въ право. Подобное же формальное начало принимаетъ Hälschner, стр. 645; онъ говоритъ: если не идетъ гора къ Магомету, такъ Магометъ пойдетъ къ горѣ, не замѣчая, что онъ этимъ выдаетъ любопытную testimonium paupertatis для права вообще и для карательнаго—въ частности. Но Листъ въ 4-мъ изданіи §§ 78, I, хотя также считаетъ осно-

гутъ проистекать только изъ событій, за коими объективное право признаетъ правопроизводящую силу; но сила вещей часто колеблетъ это положеніе и придаетъ извѣстнымъ событіямъ такія послѣдствія, которыя право за ними не предполагаетъ. Этотъ разладъ между правомъ и фактомъ право устраняетъ тѣмъ, что оно фактическимъ послѣдствіямъ придаетъ значеніе правовыхъ; не время творитъ право, но право даетъ свою санкцію такимъ фактамъ, которые въ теченіи извѣстнаго времени имѣли дѣйствительную силу. Къ такимъ фактамъ принадлежитъ по этому воззрѣнію и безнаказанность преступника въ теченіи извѣстнаго срока, обращающаяся затѣмъ въ юридическую причину устраненія наказуемости. Нельзя не сказать, что такое схоластическое разсужденіе также мало объясняетъ необходимость и правомѣрность этого института, какъ и ссылка на силу времени, и также мало можетъ оказать помощи и законодателю, и судьѣ при установленіи условій давности.

Обращаясь же къ попыткамъ объясненія вліянія времени на наказуемость преступленій, мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя главными типами: которые основаній давности ищутъ или въ требованіяхъ процессуальныхъ, или же въ свойствахъ наказанія и задачахъ карательной дѣятельности вообще.

Для примѣненія наказанія къ преступному дѣянію судъ долженъ, конечно, прежде всего установить самое событіе, со всѣми его подробностями, установить участіе въ немъ даннаго лица и степень этого участія, а затѣмъ, къ выясненной виновности подсудимаго примѣнить назначенное въ законѣ наказаніе. Такое установленіе событія и его элементовъ зависитъ отъ возстановленія на судѣ различнаго рода фактическихъ данныхъ, которыя служатъ основаніемъ судейскаго убѣжденія, а время стираетъ эти данныя и разрушаетъ ихъ доказательную силу. Исчезаютъ слѣды, которые оставило по себѣ преступное дѣяніе: истлѣваетъ трупъ, заживаютъ раны, стираются кровавыя пятна, умираютъ свидѣтели происшествія. Событія далекаго прошлаго рисуются въ человѣческой памяти, за рѣдкими исключеніями, неопредѣленными общи-

---

ваніемъ давности признаніе правомъ силы фактовъ, но придаетъ этому понятію совершенно иное значеніе—безполезности и даже вредности наказанія: «wozu noch strafen, venn dass Strafbedürfniss weggefallen ist.».

ми чертами, и добытыя этимъ путемъ данныя, которыя должны служить основаніемъ для суда и защиты, становятся сомнительными, шаткими. Понятно, что при такихъ условіяхъ самое уголовное преслѣдованіе виновныхъ, въ виду его безрезультатности, является безплодною затратою правительственныхъ силъ. Приговоры, постановленные на основаніи столь шаткихъ доказательствъ, теряютъ ту достовѣрность, которая необходима для приданія имъ авторитетной силы, грозятъ прискорбными и непоправимыми судебными ошибками. Всѣ эти соображенія и заставляютъ законодателя установить, что какъ скоро послѣ учиненія преступнаго дѣянія протекъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, то государство вовсе отказывается отъ преслѣдованія лицъ, заподозрѣнныхъ въ совершеніи сего дѣянія. Справедливость всѣхъ этихъ соображеній, конечно, не подлежитъ спору, но въ то же время нельзя не сказать, что одна только ссылка на процессуальныя затрудненія не даетъ полнаго и всесторонняго объясненія значенію давности. Прежде всего, всѣ эти соображенія могутъ имѣть значеніе лишь для давности уголовнаго преслѣдованія, но теряютъ всякую силу по отношенію къ давности наказанія (1), да и въ первомъ отношеніи они получаютъ значеніе только при совершенной безгласности дѣянія, устранившей возможность не только производства предварительнаго слѣдствія, но даже и дознанія. Но вышеуказанныя соображенія объ утратѣ доказательствъ значительно ослабляются, если всѣ вещественныя доказательства были тотчасъ же по совершеніи дѣянія надлежащимъ образомъ опротоколированы, всѣ свидѣтели происшествія немедленно спрошены, и только предполагаемый виновникъ событія остался въ теченіи давностнаго срока не разысканъ. А какъ, далѣе, примѣнить эти соображенія къ тѣмъ маловажнымъ нарушеніямъ, напр., къ посягательствамъ на уставы казенныхъ управленій, по которымъ достовѣрность нарушенія вполнѣ констатируется законно составленнымъ протоколомъ (2)?

---

(1) Такъ Binding, Handbuch, I, 823, признающій основаніемъ давности только «Beweisvergänglichkeit», идя послѣдовательно, отрицаетъ юридическое значеніе давности приговора.

(2) При обсужденіи въ 1824 г. въ Государственномъ Совѣтѣ проекта уложе-

Отсюда несомнѣнно, что давность должна быть оправдываема не одними процессуальными соображеніями, но и основаніями матеріальнаго права.

Криминалисты конца XVIII стол. и начала XIX стол., особенно французскіе, обратили прежде всего вниманіе на то значеніе, которое имѣетъ время для самого преступника; на страхъ и мученія, которые испытываетъ преступникъ, ежедневно ожидающій раскрытія прошлаго и законной кары (1). Съ этой точки зрѣнія давность являлась какъ бы прощеніемъ преступника, вызываемымъ

нія 1813 г. было указано, какъ основаніе давности, что въ общемъ правилѣ, время не можетъ изгладить преступленія; но трудность обнаружить истину, давно сокрытую, безъ повода къ ложнымъ доносамъ, къ безплоднымъ изысканіямъ, къ утѣсненію невинныхъ, къ потрясенію общаго спокойствія, заставила установить изъ сего общаго правила изъятіе и сіе изъятіе есть давность. Но въ объясненіяхъ къ проекту улож. 1845 г. было уже сказано, что «давность во всѣхъ законодательствахъ установляется сколько по невозможности открыть слѣды противозаконнаго дѣянія и изобличить виновнаго по истеченіи долгаго времени, столько изъ состраданія и снисхожденія къ человѣку, который, впавъ однажды въ преступленіе, послѣ сего въ продолженіи многихъ лѣтъ велъ жизнь честную и неукоризненную». Тѣ же соображенія повторены Прав. Сенатомъ въ рѣшеніи 1870 г., № 278, по дѣлу Суходольскаго, причемъ Сенатъ не обратилъ вниманія, что послѣднее соображеніе не имѣетъ нынѣ значенія по нашему праву, такъ какъ предположеніе проекта о томъ, что для примѣненія давности необходимо, чтобы виновный въ теченіи давностнаго срока не совершилъ равнаго или болѣе тяжкаго преступленія (ст. 165 проекта) не было принято Государственнымъ Совѣтомъ.

(1) На этихъ доводахъ была построена защита давности при обсужденіи французскаго устава уголовнаго судопроизводства. Графъ Реаль, въ своей рѣчи, цитируемой и понынѣ во всѣхъ изслѣдованіяхъ о давности, особенно французскихъ, говорилъ: «давность обезпечиваетъ достояніе, честь и жизнь людей; вселяя въ преступника надежду на то, что давно содѣянное преступленіе можетъ быть забыто; она удерживаетъ его отъ совершенія новыхъ преступленій и въ то же время она сама, продолжительностью сроковъ, ею опредѣляемыхъ, какъ бы беретъ на себя наказаніе за это преступленіе. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли вообразить пытку болѣе жестокую, чѣмъ та томительная неизвѣстность, чѣмъ тотъ невыносимый страхъ, отнимающій у преступника спокойствіе днемъ и отдыхъ ночью, 20 лѣтъ повседневныхъ мученій, 20 лѣтъ постоянныхъ безсонницъ. Карающій мечь правосудія, висящій 20 лѣтъ надъ головою преступника! Законодатели! Неужели эта пытка, болѣе тяжкая, чѣмъ сама смерть, недостаточно покараетъ преступника, неужели она не узаконитъ давности?» Ортоланъ, № 1853, называетъ эти соображенія дѣтскими, пустыми, риторическими фразами. Какія угрызенія совѣсти, спрашиваетъ онъ, терзали учинившаго полицейское нарушеніе, не заключающее въ себѣ ничего безнравственнаго?

перенесенными имъ страданіями. Болѣе значенія имѣло дальнѣйшее развитіе того же взгляда, считающее основою погашенія наказанія за давностью предположеніе объ исправленіи преступника, въ виду безукоризненнаго поведенія его въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго давностнаго срока (1). Но и это объясненіе является одностороннимъ. Во 1-хъ, большинство кодексовъ, а въ томъ числѣ, напр., и наше уложеніе, допускаетъ примѣненіе давности и въ томъ случаѣ, когда подсудимый въ теченіи давностнаго срока совершилъ какое либо новое преступленіе, или даже нѣсколько таковыхъ, и во 2-хъ, такое объясненіе не пригодно для маловажныхъ нарушеній, при наказаніи за каковыя законъ и не имѣетъ въ виду исправленія учинившаго.

Очевидно, что значеніе времени по отношенію къ наказуемости должно быть поставлено шире: исцѣляя рану, нанесенную преступникомъ обществу, время дѣлаетъ наказаніе не только не нужнымъ, но иногда и положительно вреднымъ. Пологъ забвенія, наброшенный временемъ на давно совершившееся, хотя бы и кровавое событіе, дѣлаетъ привлеченіе виновнаго къ отвѣтственности безцѣльною местью, лишаетъ его внутренняго основанія. Общественная совѣсть, взволнованная преступленіемъ, успокоилась, его потрясающее впечатлѣніе, пробужденный имъ страхъ и безпокойство—забылись среди будничныхъ треволненій житейской сутолоки: примѣръ, который могло бы дать своевременное наказаніе виновнаго, является чрезъ 10, 15 лѣтъ чрезъ мѣру запоздалымъ. Да и самъ преступникъ, если и не исправился, то во всякомъ случаѣ сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ во время совершенія дѣянія. Надебоширившій кутила сдѣлался уже почтеннымъ отцомъ семейства, увлекавшійся юноша, ярый приверженецъ соціально-революціонныхъ воззрѣній, мирно исполняетъ обязанности участковаго пристава, и то, что было,—какъ говоритъ народная поговорка—быльемъ поросло.

---

(1) Предположеніе объ исправленіи преступника, какъ основаніе давности, защищали преимущественно нѣмецкіе криминалисты прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, напр. Koch, Hommel, Stelzer, Jarcke. Изъ законодательствъ несовершеніе преступникомъ новаго преступнаго дѣянія ставили условіемъ давности—австрійскій кодексъ 1803 и 1852 гг., баварское уложеніе 1813 г. Еще баварское уложеніе 1861 г. признавало учиненіе новаго преступнаго дѣянія обстоятельствомъ, прерывающимъ теченіе давности.

Такимъ образомъ, основа давности лежитъ не столько въ процессуальныхъ затрудненіяхъ возстановленія прошлаго, сколько въ ненужности и безцѣльности наказанія (1), причемъ это основаніе одинаково относится какъ къ долгосрочной, такъ и къ краткосрочной давности, какъ къ давности, погашающей преслѣдованіе, такъ и къ такъ называемой давности наказанія (2).

Дѣйствительно, поглощающая сила времени, также какъ смерть преступника и примиреніе съ обиженнымъ, можетъ имѣть двоякое вліяніе по отношенію къ наказуемости: или она можетъ сдѣлать безцѣльнымъ возбужденіе производства—такъ называемая давность уголовнаго преслѣдованія и приговора, или же оно можетъ сдѣлать безцѣльнымъ примѣненіе опредѣленнаго судомъ наказанія—давность наказанія. Законодательства болѣе старыя имѣли въ виду только первый видъ давности; только французскій кодексъ 1791 г. вводитъ и второй видъ, и лишь мало по малу постановленія послѣдняго рода переходятъ во всѣ другія западно-европейскія законодательства, за исключеніемъ австрійскаго. Между тѣмъ, признаніе и

---

(1) Это смѣшанное основаніе давности принимаетъ большинство новѣйшихъ криминалистовъ, напр. Garraud, Traité, II, № 56, Haus, Ortolan, Листъ въ 4-мъ изданіи. Къ этой же группѣ должны быть отнесены большинство нѣмецкихъ писателей, признающихъ основаніемъ давности всепогашающую силу времени, какъ напр., Кестлинъ, Абеггъ, Шварце, Меркель, Янка, Бернеръ, H. Meyer, такъ какъ они придаютъ значеніе не самому времени, а тѣмъ измѣненіямъ, которыя оно производитъ въ обстоятельствахъ, служащихъ основаніемъ наказуемости. Изъ русскихъ криминалистовъ эти основанія давности весьма обстоятельно изложены у И. Фойницкаго, ученіе о наказаніи, стр. 112 и сл.; Владиміровъ, стр. 247. Въ сущности то же начало принимаетъ и Сергѣевскій, в. с., стр. 375, полагающій основаніемъ давности—безполезность наказанія по истеченіи извѣстнаго срока по совершеніи преступленія; Будзинскій, в. с., № 301.

(2) В. Саблеръ, изслѣдованіе, стр. 150 и сл., полагаетъ, что по отношенію къ основаніямъ давности нужно не только различать два главные ея рода, но въ каждомъ родѣ давность краткосрочную и долгосрочную, причемъ краткосрочною онъ называетъ давность не свыше 5 лѣтъ. Такъ, напр., для долгосрочной давности преслѣдованія Саблеръ признаетъ основаніемъ—исчезновеніе доказательствъ и измѣненіе личности преступника, а для краткосрочной—ненужность наказанія въ виду полнаго забвенія учиненнаго. Но произвольность такого построенія совершенно очевидна: почему не можетъ существовать забвенія для дѣяній, погашаемыхъ 8-ми-лѣтнею давностью, напр. поджога необитаемыхъ строеній, съ другой стороны, почему доказательства кражи не могутъ исчезнуть въ теченіе 5 лѣтъ, да и вообще почему пятилѣтнюю давность нужно считать краткосрочною? Весьма вѣрныя соображенія объ единствѣ основаній всѣхъ видовъ давности у Шварце, в. с., § 7.

этого вида давности съ необходимостью вытекаетъ изъ основнаго ея принципа. Наказаніе остается безцѣльнымъ, какъ скоро оно отдѣлено отъ момента совершенія преступленія значительнымъ промежуткомъ времени, хотя бы въ теченіи этого срока и была въ законномъ порядкѣ установлена виновность лица. Фактъ осужденія, возобновляя въ обществѣ память о преступленіи, дѣлая излишними процессуальныя соображенія, приводимыя въ пользу давности, даетъ основаніе для увеличенія сроковъ давности, но не можетъ послужить причиною ея устраненія. Исполненіе приговора, даже самаго тяжкаго, присуждающаго къ смертной казни или безсрочному наказанію, чрезъ 15—20 лѣтъ послѣ его постановленія, будетъ безцѣльною жертвою молоху юстиціи, падая на лицо, силою времени, по необходимости, значительно измѣнившее свой физическій и нравственный обликъ, на лице, можетъ быть, не только не нуждающееся въ поучительномъ наставленіи карающаго правосудія, но всею своею позднѣйшею жизнью загладившее свою вину, увлеченія прошлаго (1).

При этомъ нельзя не прибавить, что давность преслѣдованія и давность наказанія не представляютъ двухъ отдѣльныхъ родовъ давности, а составляютъ оттѣнки одного и того же проявленія вліянія времени на наказуемость преступнаго дѣянія (2), а потому представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ принятое проектомъ нашего новаго уголовнаго уложенія поставленіе въ зависимость исчисленія сроковъ давности наказанія отъ времени учиненія преступнаго дѣянія, а не отъ времени постановленія приговора.

Наше дѣйствующее право, впрочемъ, знаетъ только давность уголовнаго преслѣдованія, но не знаетъ давности наказанія, какъ это видно изъ текста ст. 158 улож. и 16 уст. уг. суд., и какъ это признается и всѣми нашими криминалистами (3), и нашею

---

(1) Ср. Schoch, в. с., стр. 13 и сл., 26 и сл., а въ особенности изслѣдованіе Абегга.

(2) Того же взгляда держатся: H. Meyer, Liszt, Heinze, Berner, Schütze. Напротивъ того, Биндингъ, Handbuch, § 161, подробно доказываетъ, что оба вида давности составляютъ два совершенно различные института, имѣющіе различные объекты погашенія.

(3) Фойницкій, стр. 136; Сергѣевскій, стр. 378; Владиміровъ, стр. 252; Яневичъ-Яневскій, стр. 115. Правда, проф. Кистяковскій, курсъ, стр. 735, находилъ

практикою (1), а потому и въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія о давности по нашему праву, я буду имѣть въ виду только давность преслѣдованія.

901. Дѣйствіе давности, по вышеуказаннымъ основаніямъ, распространяется на всѣ преступныя дѣянія, безотносительно къ ихъ тяжести. Какъ бы ни было важно злодѣяніе, всесильное время не пощадитъ и его слѣдовъ, успокоитъ потрясенную имъ общественную совѣсть и наложитъ свою печать на совершителя; срокъ такого вліянія можетъ быть болѣе продолжителенъ, чѣмъ по отношенію къ маловажнымъ дѣяніямъ, но такой срокъ тѣмъ не менѣе неминуемо наступитъ. Однако признаніе этого положенія и распространеніе давности на всѣ преступленія только мало по малу проникло въ законодательства. Римское право не допускало давности по отношенію къ тягчайшимъ злодѣяніямъ (parricidium, suppositio partus, apostasia); въ средневѣковыхъ законодательствахъ давность не примѣнялась ко всѣмъ тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, къ преступленіямъ, обложеннымъ смертною казнью, къ дуэли, ростовщичеству и т. д. (2). Даже изъ кодексовъ начала нынѣшняго столѣтія нѣкоторые—брауншвейгскій, баденскій, саксонскій, даже баварскій 1861 г., не распространяли давность на дѣянія, угрожаемыя смертною казнью или безсрочнымъ лишеніемъ свободы; но нынѣ эти ограниченія отпали и современные западно-европейскія законодательства, за исключеніемъ австрійскаго

въ нашемъ правѣ и давность наказанія, основываясь на постановленіяхъ ст. 163, по этотъ выводъ основанъ, какъ правильно указалъ пр. Фойницкій, на прямомъ недоразумѣніи, такъ какъ въ ст. 163 говорится объ утратѣ силы рѣшеніями по дѣламъ гражданскимъ, а не приговорами уголовными. Равнымъ образомъ представляется, по моему мнѣнію, невѣрнымъ указаніе г. Фойницкаго на то, что давность наказанія существуетъ у насъ по дѣламъ уголовно-частнымъ, такъ какъ исполненіе приговора не зависитъ отъ воли частнаго обвинителя, и хожденіе по дѣлу съ его стороны не можетъ имѣть мѣста послѣ вступленія приговора въ силу.

(1) Также и Сенатъ въ рѣшеніи 1880 г., № 23, высказалъ, что нашъ законъ не знаетъ давности наказанія, и что медленность приведенія приговоровъ въ исполненіе не составляетъ основанія для отмѣны назначеннаго подсудимому наказанія.

(2) Ср. указанія на расширеніе числа дѣяній, не погашаемыхъ давностью, въ германскомъ законодательствѣ у Гейба, II, стр. 142.

(§ 231 для преступленій, угрожаемыхъ смертною казнью), не знаютъ болѣе дѣяній, неподходящихъ, по ихъ важности, подъ дѣйствіе давности.

У насъ по манифесту 1775 г. давность была распространена на всѣ безусловно преступленія, но Государственный Совѣтъ, разсуждая въ 1824 г. о давности, нашелъ, что преступленія государственныя чрезвычайныя никакою давностью покрываемы быть не могутъ. Эти предположенія не перешли, однако, въ сводъ, который въ изданіи 1832 г. указывалъ, на основаніи Высоч. утв. мнѣнія Государ. Совѣта 11 Іюня 1829 г., одно только дѣяніе непогашаемое давностью—дезертирство, а въ изданіи 1842 г. (ст. 158) присоединилъ сюда отступленіе отъ православія, на основаніи закона 1842 г. (1).

Составители уложенія 1845 г. и по этому вопросу пошли назадъ, сравнительно со сводомъ. Въ ст. 166 проекта было указано, что давность не распространяется на преступленія, за которыя положена смертная казнь и каторжная работа, допуская только въ этихъ случаяхъ чрезъ 15 лѣтъ замѣну назначенныхъ въ законѣ наказаній — ссылкою на поселеніе (2). Но Коммисія Государственнаго Совѣта ограничилась изъятіемъ изъ подъ дѣйствія давности преступленій государственныхъ, за кои полагается смертная казнь и безсрочныя каторжныя работы, и умышленнаго отцеубійства.

По дѣйствующему уложенію (ст. 161) давность не распространяется: во 1-хъ, на преступленія государственныя, но лишь означенныя въ ст. 241, 244, 249 и 253 и, во 2-хъ, на умышленное убійство отца и матери. Однако и въ этихъ случаяхъ, если со

---

(1) У Яневича-Яневскаго, стр. 95 и сл., приведено содержаніе этого узаконенія и указано на неточную его формулировку въ сводѣ, такъ какъ въ законѣ ничего о непримѣненіи къ отступившимъ давности уголовной не говорилось, а напротивъ того, въ ст. 4 было сказано: «обнаруженіе совратившихся отъ православія дѣлается на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ объ открытіи преступленій».

(2) Въ объясненіяхъ къ ст. 166 содержатся обыкновенныя въ работахъ графа Блудова безсодержательныя риторическія фразы: «эти преступленія, которыя, по важности своей, ужасному оныхъ свойству или гибельнымъ послѣдствіямъ не должны быть подводимы подъ общія правила о помилованіи . . . послѣ коихъ виновный не можетъ быть терпимъ въ гражданскомъ обществѣ безъ нарушенія, такъ сказать, нравственныхъ приличій и чувствъ».

времени учиненія дѣянія прошло 20 лѣтъ и преступленіе или преступникъ не были обнаружены, то, вмѣсто смертной казни или каторжной работы, виновный присуждается къ ссылкѣ на поселеніе, причемъ этимъ не исключается, конечно, право суда, по 154 ст. улож. и 775 ст. уст. уг. суд., ходатайствовать предъ Верховною Властью и о бо́льшемъ снисхожденіи къ преступнику.

Хотя во время изданія уложенія подобныя исключенія встрѣчались во многихъ кодексахъ, но они не имѣютъ за собою твердаго теоретическаго и практическаго основанія. Какъ ни тяжко посягательство на жизнь родителей, но время и относительно этого дѣянія будетъ имѣть то же вліяніе, какъ и относительно всякаго иного убійства съ отягчающими обстоятельствами; равнымъ образомъ, возбужденіе, положимъ, въ 1890 г., дѣла по обвиненію въ измѣнѣ, учиненной во время крымской войны, едва ли можетъ быть признано своевременнымъ. Будетъ ли справедливо и цѣлесообразно привлечь теперь къ отвѣтственности за участіе въ преступномъ сообществѣ, бывшемъ двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ, человѣка, жившаго послѣ того вполнѣ спокойно, и можетъ быть давно измѣнившаго свои воззрѣнія на условія политической жизни страны, можетъ быть даже перешедшаго въ противоположный лагерь?

Кромѣ того, по проекту (ст. 165) уложенія 1845 г., на основаніи 158 ст. свода, было указано, что «давность не распространяется на вину *отступившихъ отъ православія* или вообще отъ вѣры христіанской, какъ безпрерывно продолжающуюся, доколѣ они не обратились къ долгу». Но общее собраніе Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи проекта, находя, что для того, чтобы выраженіе «отпавшіе отъ православія» не возбудило недоразумѣнія, и не было бы примѣняемо къ раскольникамъ, преслѣдованіе коихъ, по самому числу ихъ, простирающихся до милліона, могло бы произвести тревогу и поколебать внутреннее спокойствіе, приняло иное изложеніе, указавъ, что давность не покрываетъ вины перешедшихъ изъ церкви православной въ другое, хотя и пользующееся свободою богослуженія въ Россіи христіанское вѣроисповѣданіе, и тѣмъ менѣе еще преступленіе отпадшихъ вовсе отъ вѣры христіанской. Эта редакція сохранена и въ дѣйствую-

щемъ правѣ (ст. 162) (1.) Сверхъ сего, Государственный Совѣтъ отнесъ къ непогашаемымъ давностью: 1) вступленіе завѣдомо въ противозаконный бракъ; 2) присвоеніе не принадлежащихъ виновному состоянія, должности, чина, ордена, почетнаго титула или имени, а законъ 1874 г. присоединилъ и 3) уклоненіе отъ воинской повинности.

Какъ видно изъ перечисленныхъ въ ст. 162 преступныхъ дѣяній, законъ хотѣлъ установить этимъ общее положеніе, что давность не распространяется на дѣянія, имѣющія характеръ длящихся, въ зависимости отъ самаго юридическаго свойства этихъ дѣяній, а такъ какъ число такихъ дѣяній представляется значительнымъ, то, какъ это и признала наша практика (2), указанія ст. 162 имѣютъ только характеръ примѣровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что самое выраженіе закона, что на эти дѣянія не распространяется сила давности, представляется совершенно не вѣрнымъ, а потому и самое это постановленіе, не встрѣчающееся въ другихъ кодексахъ, является излишнимъ. Конечно, пока преступное дѣяніе длится, для него не можетъ начаться давность, такъ какъ отправною точкою ея исчисленія является послѣдній актъ преступнаго дѣянія, но какъ скоро длящееся преступленіе прекратилось, а таковое прекращеніе воз-

---

(1) На основаніи этихъ соображеній можно утверждать, что отпаденіе въ ересь и расколъ не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 162. Правда, Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніяхъ 1873 г. № 527, Герасимовой и № 595, Соболева, нашелъ, что законъ о давности не можетъ быть примѣняемъ къ тѣмъ тайнымъ послѣдователямъ скопческой ереси, которые окажутся оскопленными, а они наказываются, хотя бы послѣ оскопленія прошло болѣе 10 лѣтъ, по общимъ правиламъ, установленнымъ для преступленій продолжающихся; но скопчество составляетъ отпаденіе не только отъ православія, но вообще отъ вѣры христіанской.

(2) Сенатъ, въ рѣшеніяхъ 1874 г. № 12, Охотникова; 1881 г. № 12, Конопліна; 1882 г. № 34, Лещинскаго, подвелъ подъ дѣйствіе ст. 162 даже нарушенія питейнаго устава, имѣющія характеръ не длящихся, а продолжаемыхъ, напр., злоупотребленія на одномъ и томъ же заводѣ въ теченіе нѣсколькихъ періодовъ винокуренія, учиненныя при помощи однихъ и тѣхъ же приспособленій. Наоборотъ, въ рѣшеніи по дѣлу Прутова, 1888 г. № 26, Сенатъ указалъ, что побѣгъ изъ тюрьмы или съ поселенія не относится къ числу длящихся, а потому и не подходитъ подъ ст. 162; равнымъ образомъ, въ рѣшеніи 1889 г. № 33, по дѣлу Зозули, Сенатъ нашелъ, что ст. 162 распространяется лишь на лицъ, уклонившихся отъ воинской повинности, но не относится къ обвиняемымъ въ соучастіи въ томъ дѣяніи, наказуемомъ по 515 ст. улож.

можно для всѣхъ длящихся дѣяній, то мы не можемъ пріискать ни малѣйшаго основанія почему бы они не подлежали забвенію. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ, въ сущности, и наше право, ибо та же ст. 162 говоритъ, что сила давности не распространяется на отпавшихъ отъ православія, какъ безпрерывно продолжающееся, доколѣ они не обратились къ долгу; это подтверждается и текстомъ ст. 185 и 188 ул., и также разъяснилъ это положеніе Правительствующій Сенатъ ($^{75}/_{284}$, Шевцовыхъ) (1).

902. Всѣ прочія преступныя дѣянія погашаются давностью, но въ различные сроки. Это различіе вытекаетъ изъ самыхъ основаній давности, такъ какъ, напр., убійство и маловажные проступки нельзя поставить наравнѣ ни по отношенію трудности ихъ констатированія на судѣ, ни, въ особенности, съ точки зрѣнія ихъ забвенія; но, конечно, самое установленіе сроковъ, какъ у насъ, такъ и въ западно-европейскихъ кодексахъ, представляется болѣе или менѣе произвольнымъ (2).

У насъ манифестомъ 1775 г. для всѣхъ дѣяній былъ установленъ одинъ общій срокъ—10 лѣтъ; но въ манифестѣ о поединкахъ

---

(1) Такого же толкованія держится Неклюдовъ, конспектъ, стр. 162 и Яневичъ-Яневскій, стр. 171; напротивъ того Саблеръ, стр. 88, полагаетъ, что надо примѣнять ст. 162 буквально, и признать, что лицо, виновное въ противозаконномъ ношеніи, напр.,ордена св. Станислава, никогда уже не загладитъ своего противозаконія.

(2) Произвольность давностныхъ сроковъ всего нагляднѣе выступаетъ при сравненіи постановленій по сему предмету дѣйствующихъ западно-европейскихъ кодексовъ. Такъ, наиболѣе простую систему принимаетъ французскій уставъ уголовнаго судопроизводства: для преступленій 10 лѣтъ, для проступковъ 3 года, для нарушеній—1 годъ; по нѣкоторымъ же спеціальнымъ законамъ допускается, съ извѣстными ограничительными условіями, давность въ 6 и даже 3 мѣс.; ср. Garraud, № 62. Германскій кодексъ знаетъ для преступленій 20, 15 и 10 лѣтъ, смотря по наказаніямъ (причемъ въ законѣ пропущена пожизненная крѣпость); для проступковъ 5 лѣтъ и 3 года; для нарушеній 3 мѣсяца; но нельзя не прибавить, что этотъ послѣдній, чрезъ мѣру краткій срокъ принимается для весьма незначительнаго количества нарушеній, такъ какъ въ большинствѣ спеціальныхъ законовъ, изданныхъ послѣ 1872 г., и для нарушеній установляется не только трехлѣтняя, но даже и пятилѣтняя давность; ср. перечень этихъ случаевъ у Liszt, § 79. Венгерскій кодексъ принимаетъ тѣ же сроки, а кодексъ голландскій (ст. 70—75) установляетъ давностные сроки уголовнаго преслѣдованія въ 18, 12, 6 и 1 годъ; австрійскій—20, 10, 5, 1 годъ, 6 и 3 мѣс.

*

1787 г. встрѣчаются давностные сроки въ 2 года и даже въ 1 годъ; Государственный Совѣтъ въ 1824 г. предполагалъ допустить различные сроки, повысивъ высшій до 20 лѣтъ. По дѣйствующему нашему праву приняты въ семъ отношеніи двѣ системы.

По общему правилу, сроки давности поставлены въ зависимость отъ назначаемыхъ за преступныя дѣянія наказаній, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, сроки зависятъ отъ юридической характеристики преступныхъ дѣяній.

Въ зависимость отъ наказаній сроки давности поставлены по ст. 158 улож., а именно (1):

10 лѣтъ—для ссылки въ каторгу или на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказье.

8 — — ссылки на житье въ Сибирь и для отдачи въ арестантскія отдѣленія.

5 — — ссылки на житье въ отдаленныя губерніи, для тюрьмы, замѣнившей рабочій домъ (30, II) и смирительный домъ (30, IV) и для заключенія въ крѣпость.

2 года—для тюрьмы простой (30, V).

6 мѣсяцевъ—для ареста, денежныхъ взысканій, выговора, замѣчанія и внушенія.

Этотъ перечень представляется, очевидно, не полнымъ, такъ какъ законъ не упоминаетъ даже о всѣхъ общихъ наказаніяхъ и вовсе умалчиваетъ о наказаніяхъ особенныхъ и исключительныхъ. Но, какъ справедливо указалъ Сенатъ въ рѣшеніи 1880 г. № 54 (по общ. собр.), отсутствіе такого указанія не можетъ служить основаніемъ къ отступленію отъ общаго кореннаго закона о томъ, что всякое преступленіе покрывается давностью; опредѣленіе же самаго срока давности въ этихъ случаяхъ должно быть дѣлаемо по силѣ другихъ статей, или же по общему ихъ смыслу.

Такимъ образомъ, законъ не упоминаетъ о давности смертной казни. По проекту такое неупоминаніе объяснялось тѣмъ, что это наказаніе не погашалось давностью, но по редакціи ст. 161, при-

---

(1) До закона 1865 г. Дек. 27 низшимъ срокомъ давности по уложенію было 3 года, болѣе короткіе сроки были внесены въ видахъ согласованія съ системою устава о наказаніяхъ.

нятой Государственнымъ Совѣтомъ, это умолчаніе является пропускомъ, такъ какъ, во 1-хъ, въ ст. 161 не упомянуты нѣкоторыя государственныя преступленія, обложенныя смертною казнью (244[1], 306, 425, 987, 1145), причемъ нѣкоторыя изъ нихъ только приравниваются по наказуемости къ дѣяніямъ, указаннымъ въ ст. 241, 249 и 253, но не отождествляются съ ними; во 2-хъ, не упомянуты преступленія карантинныя, предусмотрѣнныя въ ст. 831 и 832 улож. Распространять на случаи этого рода дѣйствіе ст. 161 мы не имѣемъ основанія, такъ какъ это постановленіе составляетъ законъ исключительный; поэтому слѣдуетъ признать, что въ этихъ случаяхъ примѣняется 10-ти-лѣтняя давность, какъ полагаемая для всѣхъ наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія ([1]).

Равнымъ образомъ въ ст. 158 не упоминается о тюрьмѣ, соединенной съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, указанной въ примѣч. къ V п. ст. 30. Нѣкоторые изъ нашихъ криминалистовъ (Фойницкій, стр. 123), въ виду соединеннаго съ этимъ видомъ тюрьмы правопораженія, подводятъ ее подъ дѣйствіе 3-го пункта 158 ст., т. е. подъ пятилѣтнюю давность; но мнѣ кажется такое толкованіе неправильнымъ, такъ какъ, во 1-хъ, въ 3-мъ пунктѣ этотъ видъ вовсе не упомянутъ, а въ 4-мъ пунктѣ, наоборотъ, говорится вообще о тюрьмѣ, указанной въ 5 п. ст. 30, безъ всякихъ ограниченій; во 2-хъ, такое толкованіе создало бы ни чѣмъ не объяснимое неравенство между привилегированными и непривилегированными преступниками, являющимися, напр., соучастниками одной и той же простой кражи. Поэтому я полагаю, что въ случаяхъ сего рода должна быть примѣняема давность двухлѣтняя.

Наконецъ, по отношенію къ наказаніямъ особеннымъ Сенатъ, первоначально, въ рѣшеніи 1880 г. №54, призналъ три срока давности для служебныхъ проступковъ, а именно: для исключенія изъ

([1]) Правильность такого толкованія подтверждается и тѣмъ, что по воинскому уставу о наказ. (ст. 92 п. 1) давность смертной казни положена въ 10 лѣтъ. Ср. Фойницкій, наказаніе, стр. 122. А. Лохвицкій, курсъ, стр. 285, полагаетъ, что карантинныя преступленія вовсе не могутъ быть преслѣдуемы по минованіи чумы, но для такого толкованія не содержится основаній въ текстѣ закона. Сергѣевскій, стр. 381, полагаетъ, что карантинныя преступленія вовсе не погашаются давностью.

службы и отрѣшенія отъ должности—пятилѣтній; для вычета изъ времени службы, удаленія отъ должности и выговора съ внесеніемъ въ послужной списокъ—двухлѣтній, и для прочихъ взысканій—годовой, а въ позднѣйшемъ рѣшеніи 1888 г. № 22 (по общ. собр.) призналъ низшимъ срокомъ 6 мѣсяцевъ для всѣхъ должностныхъ проступковъ лицъ административнаго вѣдомства, за которые опредѣляется арестъ, денежная пеня или выговоръ (1).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сроки давности ставятся въ соотношеніе съ размѣрами наказанія, но какого? Того ли, какое назначено за это дѣяніе въ законѣ, или того, которое опредѣлено виновному въ данномъ случаѣ?

По нашему праву этотъ вопросъ разрѣшается прямо текстомъ ст. 158, такъ какъ во всѣхъ ея пунктахъ говорится: «когда со времени учиненія какого либо преступленія, *за которое въ законахъ опредѣляется...*», если же въ законахъ опредѣлено нѣсколько наказаній, то срокъ давности установляется по важнѣйшему изъ нихъ. Такое толкованіе представляется тѣмъ болѣе правильнымъ, что по нашему праву давность погашаетъ уголовное преслѣдованіе, т. е. можетъ застать уголовное дѣло въ томъ фазисѣ, когда о размѣрахъ наказанія, коему подлежалъ бы подсудимый въ данномъ случаѣ, не можетъ быть еще и рѣчи (2).

---

(1) Ср. мотивы этихъ рѣшеній въ моемъ изданіи уложенія, подъ ст. 158. Нельзя не прибавить что толкованіе, преподанное въ рѣшеніи 1880 г. представляетъ болѣе цѣльную и продуманную систему.

(2) Фойницкій, наказаніе, стр. 121; напротивъ того, В. Саблеръ, стр. 253, полагаетъ, что срокъ давности исчисляется по тому наказанію, которое слѣдовало бы назначить in concreto; то же Н. Неклюдовъ, конспектъ, стр. 164. Изъ французскихъ криминалистовъ—F. Hélie и Haus также исчисляютъ сроки по конкретному наказанію; напротивъ того, Brun de Villeret, le Selleyer, Bertauld, Villay опредѣляютъ сроки всегда по угрозѣ закона, т. е. по наказанію, назначенному за дѣяніе, въ коемъ подсудимый признанъ виновнымъ; къ этому же толкованію присоединяются Гарро и Ортоланъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что если въ дѣлѣ есть excuses légales, то давностные сроки опредѣляются по наказаніямъ, назначаемымъ въ виду этихъ excuses. Большинство нѣмецкихъ криминалистовъ принимаетъ за основаніе вычисленія давности наказаніе, назначаемое за данное дѣяніе въ законѣ, и притомъ одни безусловно, какъ Листъ, Меркель, Гельшнеръ (по дѣйствующему уложенію, но теоретически признаетъ это неправильнымъ); другіе съ принятіемъ во вниманіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, измѣняющихъ родъ наказанія (Strafänderungsgründe), какъ напр. повторенія, Г. Мейеръ;

Но, конечно, давность опредѣляется размѣрами того наказанія, которое опредѣлено въ законѣ за то дѣяніе, въ коемъ обвиняется или признается виновнымъ данный подсудимый. Поэтому, опредѣленіе сроковъ давности можетъ измѣняться въ процессѣ, сообразно съ измѣненіемъ законной квалификаціи дѣянія, вмѣняемаго подсудимому.

Если противъ кого либо было возбуждено обвиненіе въ кражѣ со взломомъ изъ обитаемаго строенія, а слѣдователь во время производства слѣдствія найдетъ, что строеніе не было обитаемо и покража была учинена на сумму менѣе 300 рублей, а потому, за силою 482 ст. уст. угол. суд., дѣло подлежитъ разсмотрѣнію мироваго судьи, то, конечно, преступное дѣяніе обвиняемаго, какъ простая кража, будетъ погашаться двухлѣтнею давностью. Такое же измѣненіе обвиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и законнаго срока давности, можетъ произойти при преданіи суду по обвинительному акту прокурора, или по опредѣленію судебной палаты. Наконецъ, такое измѣненіе вполнѣ возможно и при самомъ признаніи виновности, во 1-хъ, когда противъ подсудимаго предъявлено эвентуально два обвиненія, положимъ—въ убійствѣ въ запальчивости и въ лишеніи жизни въ дракѣ, и онъ признанъ виновнымъ въ послѣднемъ, т. е. въ дѣяніи, подходящемъ подъ болѣе краткій срокъ давности; или же, во 2-хъ, когда судьи отвергли наличность какого либо обстоятельства, придающаго дѣянію отягчающее значеніе; такимъ образомъ, если присяжные отвергли наличность вооруженія при обвиненіи въ кражѣ съ оружіемъ на сумму менѣе 300 рублей, или если они признали, что нанесенныя виновнымъ увѣчья были не тяжкія, караемыя по ст. 1477, а легкія, указанныя въ ст. 1478, то въ первомъ случаѣ дѣйствія виновнаго должны быть подводимы не подъ 8-лѣтнюю, а подъ 2-хъ лѣтнюю давность, а во второмъ не подъ 20-лѣтнюю, а подъ 8-лѣтнюю.

третьи съ принятіемъ во вниманіе и возраста, какъ, напр., Биндингъ. Нѣкоторые же берутъ за основаніе конкретно назначаемое наказаніе—Бернеръ, Шварце, Щютце. Австрійскіе криминалисты берутъ за основаніе наказаніе, назначаемое въ данномъ случаѣ—Янка, стр. 204.

Наоборотъ, признаніе наличности обстоятельствъ общихъ, не видоизмѣняющихъ состава преступленія, а дающихъ право измѣнять наказаніе или въ предѣлахъ дискреціонной власти суда, по 149 ст. улож. и 12 и 13 уст. о нак., или, переступая эти предѣлы, по ст. 135 уложенія и 882 и 774 уст. уг. суд., или же, въ еще большемъ размѣрѣ, по ст. 154 улож. и 775 уст. угол. суд., такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣленное въ законѣ за данное дѣяніе наказаніе не измѣняется, не можетъ вліять на установленіе и измѣненіе давностныхъ сроковъ ни при возбужденіи дѣла, ни при постановленіи приговора.

Однако и въ этомъ отношеніи необходимо указать одно исключеніе. Обстоятельства, измѣняющія наказуемость, хотя и отнесенныя къ числу общихъ, но коимъ по закону придано заранѣе опредѣленное вліяніе на измѣненіе не только степени, но даже и рода наказуемости, должны, конечно, вліять и на исчисленіе срока давности. Таково, напр., повтореніе преступленія при отдѣльныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, малолѣтство и несовершеннолѣтіе подсудимаго. Давность третьей кражи опредѣлится по наказанію, назначенному въ 1655 ст. улож.; давность дѣяній, обложенныхъ высшими исправительными наказаніями, для несовершеннолѣтняго, подлежащаго за нихъ *во всякомъ случаѣ тюрьмѣ безъ пораженія въ правахъ*, будетъ опредѣляться всегда по 4 п. ст. 158.

По этимъ соображеніямъ долженъ разрѣшиться и вопросъ о вліяніи на исчисленіе сроковъ давности степени осуществленія преступной воли и степени соучастія.

Если за покушеніе на извѣстное дѣяніе законъ назначаетъ особое самостоятельное наказаніе, какъ, напр., по ст. 1610 улож., то давность опредѣляется по высшему изъ наказаній, положенныхъ за покушеніе. Если же за покушеніе особаго наказанія не установлено, то давность оконченнаго дѣянія будетъ и давностью покушенія, но съ одною оговоркою: такъ какъ по ст. 114 и 115 улож. покушеніе оконченное влечетъ всегда и обязательно уменьшеніе наказанія на одну, а неоконченное на двѣ степени, то это обстоятельство должно имѣть значеніе и при опредѣленіи срока давности, какъ скоро въ силу этого, напр., обязательно измѣняется родъ подлежащаго примѣненію наказанія. Давность приготовленія во всѣхъ случаяхъ (кромѣ приготовленія къ государственнымъ пре-

ступленіямъ) не зависитъ отъ давности подготовляемаго дѣянія, такъ какъ законъ назначаетъ за приготовленіе самостоятельную отвѣтственность.

Подобное же толкованіе можно бы было принять и при опредѣленіи давности соучастниковъ, т. е. слѣдовало признать, что срокъ давности будетъ общій для всѣхъ соучастниковъ, какъ скоро видъ соучастія вліяетъ только на мѣру наказанія, и отдѣльный, когда для соучастниковъ назначается самостоятельное наказаніе или обязательно уменьшается степень наказанія, и черезъ то измѣняется самый родъ наказанія. Но наше уложеніе иначе разрѣшило этотъ вопросъ, признавъ, что наказаніе сообщниковъ, пособниковъ и участниковъ погашается давностью не прежде истеченія срока давности для главныхъ виновныхъ, такъ что и для нихъ срокъ долженъ исчисляться по тягчайшему изъ наказаній, опредѣленному для совершителей (рѣш. 1885 г. № 28, Таганрогской таможни) (1)

Но такъ какъ ст. 160 содержитъ только постановленія объ участникахъ, но не упоминаетъ о прикосновенныхъ, и такъ какъ для нихъ обязательно уменьшается наказаніе въ степени, то и сроки давности для прикосновенныхъ должны быть исчисляемы независимо отъ давности виновныхъ (2).

Вторую группу составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ давность исчисляется не по роду наказанія, а по юридическимъ свойствамъ дѣянія; сюда относятся:

По уложенію о наказаніяхъ: 1) нарушенія постановленій о печати, для погашенія которыхъ полагается срокъ годовой, причемъ, конеч-

---

(1) Такое же толкованіе дано германскимъ Reichsgericht'омъ въ рѣшеніяхъ 30 Дек. 1887 г. (V, 282) и 24 j. 1884 г., (XI, 20), того же мнѣнія Биндингъ, Ольсгаузенъ; но многіе изъ нѣмецкихъ криминалистовъ, въ виду того, что по кодексу давность течетъ съ момента дѣянія, а не съ момента результата, полагаютъ, что для каждаго изъ соучастниковъ давность должна исчисляться отдѣльно: Листъ, Г. Мейеръ, Гельшнеръ, Вехтеръ. Французскіе криминалисты безусловно признаютъ общность давности.

(2) Ср. Саблеръ, стр. 227; противное мнѣніе высказываетъ Яневичъ-Яневскій, стр. 42, но онъ основывается на началѣ тѣсной связи прикосновенности съ участіемъ, чего въ дѣйствительности и по нашему праву не существуетъ. Яневичъ-Яневскій ссылается также на мнѣнія французскихъ криминалистовъ, но по французскому праву укрывательство, о коемъ говорятъ ст. 61 и 62, разсматривается какъ видъ соучастія. Ср. Ortolan, № 1867.

но, законъ имѣетъ въ виду только нарушенія правилъ о надзорѣ за печатью въ тѣсномъ смыслѣ, не распространяя это правило на тѣ преступныя дѣянія, учиненныя путемъ печати, на которыя въ главѣ пятой VIII раздѣла только дѣлается ссылка (ст. 1004, 1021, 1022, 1026); 2) присвоеніе ученой или художественной собственности (ст. 1683 и 1685), для котораго полагается срокъ двухлѣтній, а если потерпѣвшій находится за границею—четырехлѣтній; 3) не приведеніе судьями или другими чиновниками въ надлежащее исполненіе судебныхъ рѣшеній (по дѣламъ гражданскимъ); или неучиненіе нужныхъ по установленному порядку распоряженій объ объявленіи сихъ рѣшеній и посылкѣ слѣдующихъ по онымъ указовъ—для этихъ случаевъ полагается десятилѣтняя давность, исчисляемая притомъ съ того дня, когда рѣшеніе, чрезъ неисполненіе его, потеряло свою силу (1).

По уставу о наказаніяхъ—(ст. 21 и 21 1/) сюда относятся всѣ дѣянія, указанныя въ уставѣ, причемъ для нихъ установлены слѣдующіе сроки:

1) два года для кражи, мошенничества и присвоенія чужаго имущества (2);

2) одинъ годъ для лѣсоистребленія (но не для кражи лѣса, предусмотрѣнной въ 154 ст., которая погашается двухлѣтнею давностью) и недозволенныхъ лѣсорасчистокъ (ст. 1216 у. у. с. по прод. 1890 г.);

---

(1) Постановленіе это было внесено въ наше уложеніе коммисіею Государственнаго Совѣта безъ всякихъ объясненій. Повидимому коммисія разсуждала такъ, что неприведеніе въ исполненіе рѣшеній и посылка указовъ, пока исправленіе сего бездѣйствія возможно,—есть преступленіе длящееся, а потому давностью не погашается; съ того же момента, какъ рѣшеніе потеряло за неисполненіемъ его силу, преступное бездѣйствіе прекращается и давность начинаетъ свое теченіе; но такъ какъ послѣдствіемъ сего бездѣйствія является нарушеніе гражданскихъ правъ, то и срокъ давности взятъ гражданскій, т. е. десятилѣтній.

(2) Практикою Сената къ этимъ случаямъ приравнены покупка и принятіе въ закладъ преступно добытаго имущества, предусмотрѣнныя въ ст. 180 устава (рѣш. 1879 № 47, Абрамова); напротивъ того, необъявленіе о находкѣ, хотя и помѣщенное въ отдѣленіи о мошенничествѣ и присвоеніи, Сенатъ призналъ погашаемымъ шестимѣсячною давностью (1868 № 358, Кораблева).

3) шесть мѣсяцевъ для всѣхъ прочихъ проступковъ (въ томъ числѣ по закону 4 Апр. 1888 г. и для противозаконныхъ побочныхъ пользованій въ лѣсахъ);

4) одинъ мѣсяцъ (по закону 1886 г. о наймѣ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ) для проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ 51—51^{3}, 131^{1}, 142^{1}, и 153^{1} ст. уст. о нак. (ст. 21^{1}).

Наконецъ, по учрежденію судебныхъ установленій (ст. 273) служебные проступки лицъ судебнаго вѣдомства, подвергающіе ихъ дисциплинарной отвѣтственности, погашаются годичною давностью.

Во всѣхъ случаяхъ второй группы установленные для отдѣльныхъ преступленій давностные сроки распространяются и на покушенія на таковыя, а равно одинаково примѣняются и ко всѣмъ участникамъ.

При этомъ, такъ какъ наше дѣйствующее право знаетъ только давность привлеченія къ отвѣтственности, то для каждаго отдѣльнаго преступленія существуетъ только одинъ срокъ давности; въ тѣхъ же законодательствахъ, которыя знаютъ отдѣльную давность устраняющую примѣненіе наказанія, для этого вида давности, установляются особые сроки, стоящіе въ прямомъ соотношеніи съ размѣрами наказанія, назначеннаго въ приговорѣ. Сроки эти обыкновенно значительно превышаютъ сроки давности преслѣдованія (1).

---

(1) Такъ, по французскому праву сроки давности наказанія—20, 5 и 2 года; по германскому—30, 20, 15, 10, 5 и 2 года; по голландскому—для нарушеній два года, для проступковъ печати 5 лѣтъ, а для прочихъ на $1/3$ длиннѣе срока давности уголовнаго преслѣдованія. Между теоретиками, впрочемъ, встрѣчаются сторонники уравненія сроковъ обоихъ видовъ давности—Шварце, Bemerkungen, § 8; то же Гейнце.—Ср. также Саблеръ, стр. 353 и сл. Нѣкоторые нѣмецкіе партикулярные кодексы, какъ напр., баварское уложеніе 1861 г. не допускали давности по отношенію къ приговорамъ, присуждавшимъ къ смертной казни и безсрочнымъ наказаніямъ; въ защиту такихъ ограниченій высказываются и нѣкоторые теоретики, какъ Саблеръ, стр. 164, 300; но они достаточныхъ основаній для этихъ ограниченій не приводятъ. Ср. болѣе подробныя указанія у Schoch, в. с., стр. 70.

Но какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сроки давности поставлены въ зависимость отъ размѣра наказанія, такъ и въ тѣхъ, когда они находятся въ зависимости отъ свойства преступленія, истеченіе сихъ сроковъ погашаетъ наказуемость полностью, т. е. непримѣнимость за давностью главнаго наказанія, eo ipso, влечетъ за собою непримѣнимость дополнительныхъ взысканій, и притомъ, какъ дополнительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ, напр., лишеніе правъ, такъ и добавочныхъ, потому что и они, по общему правилу, могутъ быть опредѣляемы только при назначеніи главнаго наказанія, каковое, въ виду давности, не имѣетъ мѣста. Это правило распространяется и на тѣ дополнительныя взысканія, которыя, какъ церковное покаяніе, назначаются особыми судами ([1]).

Однако, если въ числѣ добавочныхъ мѣръ существуютъ такія, которыя имѣютъ въ виду не наказаніе подсудимаго, а удаленіе неправомѣрныхъ послѣдствій, вызванныхъ преступною дѣятельностью, то общая давность къ этимъ мѣрамъ не прилагается, такъ какъ обязанность таковаго устраненія не можетъ быть погашаема никакою давностью. Такимъ образомъ, Сенатъ призналъ, что, напр., не погашаются давностью обязанность сломки или исправленія строенія, угрожающаго общественной безопасности или народному здравію (1868 № 421, Разживина; 1873 № 494, Буторина; 1886 № 32, Семенова и др.), или высылка еврея изъ мѣста, гдѣ онъ производилъ незаконную торговлю, по ст. 1171 ул. (1887 № 14, Животинскаго); въ этихъ случаяхъ судъ, освобождая виновнаго за давностью отъ наказанія, долженъ упомянуть особо въ приговорѣ о примѣненіи этихъ послѣдствій.

---

(1) Яневичъ-Яневскій, стр. 121, основываясь на текстѣ ст. 58 ул., которая говоритъ, что къ наказаніямъ присоединяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковное покаяніе *осужденныхъ*, находитъ: что церковное покаяніе погашается давностью, «ибо преступленіе, по которой протекла установленная давность, не можетъ имѣть послѣдствіемъ осужденіе». По судебнымъ уставамъ, этотъ выводъ подтверждается текстомъ ст. 1003 у. у. с., по которому для примѣненія покаянія необходимо, чтобы церковному суду былъ сообщенъ *приговоръ* о подсудимомъ уголовнаго суда. Что касается давности церковнаго покаянія, какъ самостоятельнаго взысканія, то вопросъ объ этомъ не имѣетъ для насъ значенія, такъ какъ таковое является исключительно церковною мѣрою и налагается церковными судами.

Равнымъ образомъ, указанные выше сроки давности не распространяются на гражданскія послѣдствія преступленія (1). Ст. 164 улож. прямо говоритъ, что право на вознагражденіе за причиненные преступленіемъ вредъ и убытки и право на имущество, пріобрѣтенное посредствомъ преступленія, подчиняются правиламъ о давности, въ гражданскихъ законахъ опредѣленнымъ (2).

Это положеніе, какъ неоднократно пояснялъ Сенатъ, распространяется и на всѣ тѣ послѣдствія преступленія, которыя имѣютъ характеръ имущественнаго удовлетворенія потерпѣвшаго; таково, напр., обезпеченіе незаконнорожденнаго ребенка и его матери, присуждаемое по ст. 994 улож. (рѣш. 1870 № 429, Малова; 1871 № 192, Килибарды); конфискація товаровъ, указанная въ ст. 1171 улож. (1887 № 14, Животинскаго); взятіе патента по акцизнымъ нарушеніямъ (1874 № 338, Зиновьевой), и вообще вознагражденіе казны за убытки при нарушеніяхъ сего рода (1876

---

(1) Составители уложенія 1845 г. находили, впрочемъ, что было бы противно чувству справедливости оставлять во владѣніи преступника имущество добытое преступленіемъ; поэтому они постановляли: протеченіе опредѣленной въ законѣ давности не утверждаетъ полученнаго черезъ подлогъ или иное преступленіе какое либо имущество во владѣніи виновнаго или его наслѣдниковъ . . . . Но если это имѣніе отъ виновнаго или его наслѣдниковъ пріобрѣтено добросовѣстно чрезъ куплю или инымъ образомъ, только не безмездно, другимъ, то всякій о возвращеніи его искъ съ теченіемъ давности прекращается. Прочіе, подлогомъ или инымъ путемъ причиненные кому либо вредъ и убытки не вознаграждаются, если во все теченіе установленной для каждаго рода преступленій давности, не было о вознагражденіи сихъ убытковъ и вреда никакого со стороны обиженныхъ формальнаго иска. Но это, во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельное предположеніе, не было принято Государственнымъ Совѣтомъ.

(2) Ср. рѣшеніе 1876 № 2 по дѣлу Финкельштейна. Такое же начало принято въ германскомъ уложеніи; напротивъ того, по французскому праву гражданскій искъ въ уголовномъ дѣлѣ погашается тою же давностью, какъ и уголовное преслѣдованіе, и притомъ даже и въ томъ случаѣ, если искъ о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступленіемъ, былъ предъявленъ въ гражданскомъ судѣ. Въ пользу такого начала приводится то соображеніе, что иначе суду гражданскому придется устанавливать виновность подсудимаго въ такихъ дѣяніяхъ, которыя не подлежатъ преслѣдованію за давностью; см. возраженія противъ этой системы у Гарро, II, № 68. Несостоятельность французской системы заставила отказаться отъ нея даже и бельгійское уложеніе (ст. 99). Berlauld, leçons, стр. 625 и сл., оспаривая правильность этой системы, приходитъ даже къ тому выводу, что это правило не примѣняется, какъ скоро искъ объ убыткахъ вчиненъ въ гражданскомъ судѣ.

№ 237, Семенихиныхъ). Напротивъ того, судебныя издержки не могутъ быть назначаемы съ лицъ, освобождаемыхъ отъ наказанія за давностью.

Въ тѣхъ кодексахъ, которые установляютъ особую давность наказанія, таковая также не распространяется на гражданскія послѣдствія преступленія, которыя и въ этомъ отношеніи подчиняются правиламъ гражданскаго процесса (1).

По нашему воинскому уставу о наказаніяхъ—для общихъ преступленій военнослужащихъ давность опредѣляется по уложенію и уставу о наказаніяхъ, а для служебныхъ преступленій по ст. 92 назначается: десять лѣтъ—для смертной казни, каторги, поселенія и заточенія въ крѣпости; восемь лѣтъ—для первыхъ двухъ родовъ исправительныхъ наказаній; пять лѣтъ—для разжалованія въ рядовые, заключенія въ крѣпость съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, исключенія изъ службы или отставленія отъ оной и заключенія въ дисциплинарныхъ баталіонѣ или ротахъ, и три года—для заключенія въ крѣпости съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ, содержанія на гауптвахтѣ, одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ или денежнаго взысканія.

При этомъ, по тѣмъ служебнымъ проступкамъ, кои могутъ быть обнаружены начальствомъ при инспекторскихъ смотрахъ или ревизіи дѣлъ, давность считается со дня смотра или ревизіи (2).

903. Установленіе протеченія давностнаго срока, отдѣляющаго полную наказуемость отъ полной безнаказанности, представляетъ огромную важность въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ, а потому разсмотрѣніе условій и порядка этого установленія имѣетъ серьезное и теоретическое, и практическое значеніе.

---

(1) Но вопросъ о порядкѣ исчисленія въ этихъ случаяхъ давности судебныхъ издержекъ считается весьма спорнымъ, казалось бы правильнѣе разсматривать издержки, какъ особый видъ вознагражденія вреда, и примѣнять давность гражданскую. По французскому праву давность гражданскихъ послѣдствій приговора (condamnations civiles) по ст. 642 уст. уг. суд. погашается по началамъ гражданскаго права, т. е. въ 30 лѣтъ, причемъ это правило примѣняется и къ судебнымъ издержкамъ, ср. Garraud, II, № 78.

(2) Но, какъ замѣчаетъ Кузьминъ-Караваевъ, стр. 193, въ законахъ воинскихъ ни гдѣ не указано, какія именно преступленія могутъ быть обнаруживаемы при инспекторскихъ смотрахъ.

По общему правилу сроки давности вычисляются не отъ момента къ моменту (imputatio naturalis), а отъ дня ко дню (imputatio civilis), присчитывая въ пользу подсудимаго тотъ день, въ который было учинено преступное дѣяніе. Такимъ образомъ, если преступное дѣяніе, погашаемое двухлѣтнею давностью, учинено 28 Марта 1892 г. въ одиннадцать часовъ вечера, то давностный срокъ истечетъ для него ни 28 Марта 1894 г., а въ 12 часовъ ночи 27 Марта (1). Самый счетъ будетъ притомъ отъ числа къ числу того же мѣсяца, такъ какъ по закону требуется истеченіе полнаго числа лѣтъ давности, и неравенство, причиняемое въ данномъ случаѣ наличностью въ счетѣ высокосныхъ годовъ, въ виду общаго срока давности будетъ весьма незначительнымъ. Но можно ли распространить это положеніе и на давность, исчисляемую мѣсяцами, напр. мѣсячную? При счетѣ отъ числа къ числу получится различіе по мѣсяцу совершенія въ 31, 30 и даже въ 28 дней. Поэтому, можетъ быть, было бы справедливѣе (2) принять однообразное исчисленіе мѣсяца въ 30 дней; но для этого, конечно, необходимо было бы особое указаніе закона (3).

---

(1) Ср. изъ французскихъ писателей Garraud, II, № 63, F. Hélie, pratique, I, № 1070, Le Selleyer, Brun de Villeret; contre—Ortolan, II, № 1859—1863, Trébutien; они вовсе выкидываютъ изъ счета день учиненія, такъ что въ данномъ примѣрѣ давность окончится въ 12 часовъ ночи 28 Марта. За гражданское исчисленіе большинство нѣмецкихъ криминалистовъ—H. Meyer, Binding, Hälschner, Меркель. За исчисленіе отъ момента къ моменту, Кестлинъ, Гейнце, Шютце. Изъ русскихъ криминалистовъ Владиміровъ и Фойницкій—за гражданское исчисленіе давности.

(2) Такую же мысль высказываетъ Schwarze, в. с., стр. 48;

(3) При этомъ, такъ какъ для погашающаго вліянія давности всегда необходимо истеченіе полнаго срока и недостача хотя бы одного дня лишаетъ истекшее время всякаго значенія, то такое чисто формальное условіе давности, можетъ вести повидимому къ несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, убійца, совершившій убійство 1 Апрѣля 1879 г., будетъ подлежать полному наказанію, если его обнаружатъ 31 Марта 1889 г., и вовсе освобождается отъ наказанія если обнаруженіе произойдетъ 1 Апрѣля, такъ что иногда нѣсколько часовъ составляютъ границу между полною наказуемостью и безнаказанностью. Въ виду этого, нѣкоторые криминалисты начала нынѣшняго столѣтія и законодательства (напр. Виртембергское) предлагали признавать истеченіе части давностнаго срока (½, ⅓), условіемъ не устраняющимъ, но ослабляющимъ наказуемость. Изъ нашихъ криминалистовъ А. Лохвицкій, курсъ, стр. 287, предлагаетъ даже установить въ законѣ прогрессивное уменьшеніе наказанія въ зависимости отъ возрастанія давностнаго срока. Современные кодексы, а въ томъ числѣ и наше уложеніе, не со-

Началомъ теченія давности преслѣдованія будетъ время (т. е. день) учиненія преступнаго дѣянія, т. е. осуществленія виновнымъ законнаго состава преступнаго дѣянія. Поэтому, согласно съ различными типами преступной дѣятельности, такимъ моментомъ можетъ быть прежде всего учиненіе дѣйствія, воспрещеннаго закономъ, или, наоборотъ, наступленіе тѣхъ условій при которыхъ, или того срока, въ который обвиняемый долженъ былъ совершить извѣстное дѣяніе. Если свидѣтель долженъ былъ явиться въ судебное засѣданіе 28 Марта, то съ этого дня будетъ для него исчисляться давность неявки; если кто либо нашелъ 28 Марта потерянную вещь и не объявилъ о находкѣ въ узаконенный трехмѣсячный срокъ, то давность начнется съ 28 Іюня. Въ тѣхъ же преступленіяхъ, для состава коихъ требуется наступленіе извѣстнаго послѣдствія, давность должна исчисляться съ момента наступленія таковаго. На этомъ основаніи, давность убійства начинается не со дня дачи отравы, выстрѣла, а со дня смерти жертвы; давность же покушенія на убійство, наоборотъ, — со дня учиненія преступнаго дѣйствія (1).

держатъ подобнаго правила, но, конечно, близость истеченія давностнаго срока можетъ быть принята судомъ въ разсчетъ при опредѣленіи мѣры наказанія.

(1) Такъ, Правит. Сенатъ въ рѣшеніяхъ 1867 № 153, Фролова; 1870 № 20, Зачесова, установилъ, что при исчисленіи сроковъ давности за исходный пунктъ долженъ быть принимаемъ моментъ совершенія преступнаго дѣянія или покушенія на оное, а потому судъ, при рѣшеніи вопроса о давности, долженъ прежде всего опредѣлить, въ какомъ именно дѣйствіи подсудимаго заключается нарушеніе закона. По дѣламъ Каменскаго ($^{69}/_{1075}$) и Стеценко ($^{70}/_{1052}$) Сенатъ высказалъ, что давность должна исчисляться не съ того времени, когда лицо сдѣлалось извѣстнымъ потерпѣвшему, а со времени совершенія дѣянія; по дѣлу Суходольскаго, 1870 № 278, Сенатъ нашелъ, что давность должна считаться съ того момента, когда подсудимымъ сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для осуществленія своего намѣренія, т. е. при оскорбленіи должностнаго лица въ оффиціальной бумагѣ, со дня подачи таковой бумаги. Саблеръ, стр. 220, признаетъ, что давность течетъ съ момента дѣйствія, а не съ момента результата. Изъ западныхъ законодательствъ только германское уложеніе § 67 прямо признаетъ началомъ давности время учиненія преступнаго дѣянія безъ всякаго отношенія къ послѣдствію. Противъ этой системы высказываются: Листъ, Гейнце, Биндингъ, Бернеръ, Гейеръ; въ защиту ея: Гельшнеръ, Вехтеръ, Мейеръ. По французскому кодексу 1791 срокъ давности считался съ того дня, когда преступное дѣяніе стало извѣстнымъ или было въ законномъ порядкѣ констатировано. Противъ этой попытки перенесенія въ уголовное право началъ гражданскаго ученія о давности см. Ortolan, Eléments, II, № 1857.

Если преступное дѣяніе представляется сложнымъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ актовъ, то, конечно, давность начнетъ свое теченіе съ момента учиненія послѣдняго дѣянія. Это положеніе примѣняется ко всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя съ точки зрѣнія закона разсматриваются, какъ единое дѣяніе; слѣдовательно, не только по отношенію къ длящимся преступленіямъ, для коихъ давность начинается съ момента прекращенія преступнаго состоянія (1) (factum contrarium), но и къ продолжаемымъ, причемъ для послѣднихъ срокъ давности будетъ исчисляться по важнѣйшему изъ составныхъ моментовъ (2). Такимъ образомъ, если кто нибудь, съ намѣреніемъ обокрасть кладовую, находящуюся въ обитаемомъ помѣщеніи, взломалъ 1 Января замокъ на ней и похитилъ находящіяся въ ней вещи въ нѣсколько пріемовъ, положимъ, 1, 4 и 7 Января, то все его дѣйствіе составитъ единую кражу со взломомъ изъ обитаемаго помѣщенія, причемъ для всѣхъ его дѣйствій будетъ одна давность—восьмилѣтняя, которая начнетъ свое теченіе съ 7 Января.

904. Но какъ опредѣлить послѣдній моментъ давностнаго срока? По отношенію къ давности преслѣдованія, конечно, всего проще было бы признать таковымъ срокъ постановленія приговора, какъ это предлагаетъ изъ нашихъ криминалистовъ В. Саблеръ (3). Но такое предложеніе вызываетъ двоякія возраженія: во 1-хъ, при такомъ исчисленіи пришлось бы или значительно удлиннить давностные сроки, или напередъ признать ненаказуемыми

---

(1) Спасовичъ, учебникъ, стр. 311, смѣшивая понятіе послѣдствій преступленія съ понятіемъ длящагося преступленія, отрицаетъ непогашаемость послѣднихъ давностью даже во время ихъ продолженія; ту же мысль отчасти защищаетъ Кистяковскій, § 373.

(2) Такъ, Сенатъ, какъ мы видѣли, призналъ продолжаемыя нарушенія питейнаго устава даже не подлежащими дѣйствію давности за силою 162 ст. (рѣш. 1874, № 120, 1881 № 12, 1882 № 34). Впрочемъ, И. Фойницкій, стр. 120, высказываетъ то положеніе, что для каждаго акта, входящаго въ составъ продолжаемыхъ преступленій, давность течетъ самостоятельно. Изъ нѣмецкихъ криминалистовъ такое начало защищаетъ Вехтеръ, и прежде защищалъ Binding (въ 4-мъ изданіи Grundriss онъ призналъ недѣлимую давность).

(3) в. с. стр. 307. Нашъ проектъ новаго уголовнаго уложенія вводитъ давность приговора, но какъ дополненіе давности преслѣдованія, а не какъ замѣну ея.

всѣ дѣянія, болѣе или менѣе сложныя, напр. банковскія хищенія, таможенныя злоупотребленія, дѣянія, состоящія изъ отдѣльныхъ дѣйствій, учиненныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ и т. д., когда слѣдствіе, даже при полной внимательности слѣдователя, не можетъ окончиться скоро, не говоря уже о различныхъ ухищреніяхъ, которыми можетъ затянуть слѣдствіе подсудимый, обезпечивая себѣ безнаказанность; во 2-хъ, при такомъ началѣ пришлось бы отказаться отъ возможности невозбужденія дѣла за давностью или же сдѣлать такое прекращеніе случайнымъ: можно ли, напр. было бы возбудить дѣло о преступленіи, погашаемомъ 10-ти-лѣтнею давностью, и по истеченіи, положимъ, $9^1/_2$ лѣтъ или даже 8 лѣтъ со дня совершенія? Можно ли заранѣе предвидѣть, сколько времени протянется производство?

Въ нашемъ правѣ этотъ моментъ опредѣляется нѣсколько различно по уложенію и по уставу о нак. Составители уложенія, слѣдуя разсужденіямъ Государственнаго Совѣта, бывшимъ въ 1824 г., признали, какъ говоритъ Сенатъ (1), два условія, а потому и два рода давности: безгласность происшествія и безгласность преступника, причемъ какъ при изданіи уложенія въ 1845 г., такъ и впослѣдствіи, эти постановленія вовсе не были приведены въ соотношеніе съ нашими процессуальными законами.

Преступленіе, по ст. 158, почитается безгласнымъ, когда въ теченіе давностнаго срока «по оному не было никакого дѣлопроизводства или слѣдствія, ниже донесенія или жалобы, извѣта или иного показанія», т. е., какъ установлено практикой Сената, когда не было доведено, въ установленномъ порядкѣ, до истеченія давностнаго срока, до свѣдѣнія компетентной власти о совершившемся преступномъ дѣяніи.

Поэтому происшествіе будетъ оставаться безгласнымъ: 1) при отсутствіи всякаго свѣдѣнія о совершившемся преступномъ событіи, когда, напр., учиненная кража, убійство остались никому неизвѣст-

---

(1) Рѣшенія: 1868 №№ 98, 129; 1869 №№ 933, 1027; 1870 № 278; 1871 № 356; 1884 № 15 и др., причемъ, какъ указалъ Сенатъ ($^{69}/_{933}$ Штеренберга), для прекращенія дѣла за давностью законъ не требуетъ непремѣнно соединенія обоихъ видовъ давности, а довольствуется только наличностью одного изъ нихъ.

ными; 2) при установленіи событія безъ заявленія о немъ власти, компетентной для возбужденія уголовнаго преслѣдованія (1): когда потерпѣвшій, обнаруживъ кражу, не сдѣлалъ о томъ заявленія; нашедшій трупъ убитаго скрылъ отъ властей о своей находкѣ и т. д.; даже составленіе протокола о лѣсопорубкѣ, о нарушеніяхъ акцизныхъ или о какомъ либо иномъ происшествіи, если затѣмъ этому протоколу не было дано никакого законнаго движенія ($^{68}/_{942}$, крестьянъ села Покровскаго, $^{71}/_{1632}$, Васильева, $^{71}/_{1674}$, о порубкѣ въ Крестецкой слободѣ; $^{76}/_{146}$, Симакова и др.) (2) не устраняетъ безгласности дѣянія; 3) при заявленіи о преступномъ дѣяніи, сдѣланномъ не въ надлежащее мѣсто ($^{70}/_{1261}$, Брагина) или съ какимъ либо инымъ существеннымъ отступленіемъ отъ условій возбужденія дѣла, т. е. когда дѣяніе, хотя и огласилось, но не въ установленномъ порядкѣ ($^{71}/_{108}$, Елизаренкова; $^{71}/_{1419}$ о порубкѣ въ Евлейской дачѣ). Даже производство дѣла, отмѣненное по неправильному его возбужденію, напр., по дѣламъ уголовно-частнымъ, вслѣдствіе возбужденія дѣла лицемъ на то не уполномоченнымъ, не устраняетъ примѣненія давности за безгласностью происшествія($^{71}/_{108}$, Елизаренкова, $^{71}/_{356}$, Бѣлобородова) (3).

---

(1) Въ рѣшеніи по дѣлу Спасовскаго ($^{72}/_{275}$) Сенатъ выразилъ, что преступленіе, согласно постановленіямъ устава гражданскаго судопр., почитается обнаруженнымъ съ момента полученія жалобы на почтовой станціи, ближайшей къ камѣрѣ мироваго судьи; но это рѣшеніе, столь явно противорѣчащее тексту закона и общей практикѣ Сената, является совершенно случайнымъ.

(3) По дѣлу Васильева ($^{71}/_{1632}$) Сенатъ высказалъ: составленіе протокола акцизнымъуправленіемъ не можетъ быть почитаемо возбужденіемъ преслѣдованія противъ обвиняемаго,ибо протоколъ заключаетъ только удостовѣреніе о дѣйствительности событія и служитъ лишь законнымъ поводомъ къ начатію преслѣдованія, а преслѣдованіе должно считаться начатымъ лишь со времени передачи этого протокола подлежащей власти для привлеченія виновнаго къ отвѣтственности; поэтому акцизныя нарушенія погашаются давностью, если въ теченіи давностнаго срока не начато было преслѣдованіе ни въ полиціи, ни у слѣдователя, ни у мироваго судьи, хотя бы протоколъ и былъ составленъ ранѣе.

(3) Пр. Фойницкій, стр. 117, полагаетъ, что по судебнымъ уставамъ для обнаруженія преступленія необходимо, чтобы оно сдѣлалось извѣстнымъ судебной власти, а не полиціи, но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ полиція, въ предѣлахъ предоставленной ей закономъ власти, несомнѣнно является властью, компетентною для обнаруженія преступнаго дѣянія, и въ этомъ отношеніи Сенатъ вполнѣ вѣрно неоднократно указывалъ, что медленность полиціи въ производствѣ дѣла не служитъ основаніемъ для примѣненія давности. Напротивъ

Преступникъ, по ст. 158, почитается безгласнымъ, когда до истеченія давностнаго срока, онъ, не смотря на произведенное слѣдствіе, не былъ обнаруженъ. Это условіе является главнѣйшимъ, такъ какъ давность воспріемлетъ силу и въ томъ случаѣ, когда до истеченія давностнаго срока, хотя и было обнаружено преступленіе, но преступникъ остался неоткрытымъ. Но законъ нигдѣ съ точностью не опредѣляетъ, что нужно понимать подъ обнаруженіемъ преступника.

Равнымъ образомъ, это условіе представляется далеко не установившимся и по западно-европейскимъ кодексамъ.

Такъ, французское право при установленіи послѣдняго предѣла давности допускаетъ существенное различіе между нарушеніями съ одной, и между преступленіями и проступками съ другой стороны. По отношенію къ нарушеніямъ по ст. 640 у. у. с. теченіе давности прерывается только приговоромъ; такимъ образомъ, давность продолжаетъ течь, не смотря на составленіе протокола, на заарестованіе лица, или привлеченіе его къ суду. Напротивъ того, относительно преступленій и проступковъ давность прерывается всякимъ дѣйствіемъ, направленнымъ къ разслѣдованію дѣла и къ преслѣдованію виновнаго (par des actes de poursuite ou d'instruction). Къ actes de poursuite, какъ говоритъ Гарро, относятся: всѣ дѣйствія прокуратуры по производству уголовнаго преслѣдованія, направленныя противъ извѣстнаго лица; всѣ требованія и заявленія прокуратуры; всѣ мѣры, направленныя къ пресѣченію подозрѣваемому уклониться отъ слѣдствія и суда; къ actes d'instruction—всѣ дѣйствія, направленныя къ выясненію дѣла, къ розысканію и сопоставленію доказательнаго матеріала, какъ, напр., осмотръ мѣстности, вырытіе трупа, обыски, выемки, допросъ свидѣтелей, протоколы, даже ordonance de non lieu, хотя бы эти дѣйствія и не имѣли въ виду опредѣленное лицо, хотя бы они оставались неизвѣстными для подсудимаго. Но подъ дѣйствія, прерывающія давность, не подходятъ—доносы или жалобы, слу-

---

того, Яневичъ-Яневскій, стр. 119, полагаетъ, что не только дѣлопроизводство или слѣдствіе, но простое донесеніе или жалоба, простой извѣтъ или иное какое бы то ни было показаніе, хотя бы они были сдѣланы или поданы внѣ законнаго порядка, могутъ прерывать теченіе уголовной давности.

жащіе только къ возбужденію преслѣдованія, а равно всѣ дѣйствія самого обвиняемаго, какъ составляющія актъ защиты, а не преслѣдованія (1). Слѣдственныя дѣйствія прерываютъ давность только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ законную силу, т. е. исходятъ отъ лица компетентнаго, какъ по роду дѣла, такъ и по мѣсту учиненія преступнаго дѣянія, и когда эти дѣйствія выполнены съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Напротивъ того, германское право весьма ограничиваетъ условія, опредѣляющія послѣдній моментъ давности преслѣдованія, требуя прежде всего, чтобы таковымъ было дѣйствіе члена судейскаго персонала, включая сюда и слѣдователя (§ 68—Iede Handlung des Richters, welche wegen der begangenen That gegen den Thäter gerichtet ist). Поэтому не могутъ прерывать давность: дѣйствія прокуратуры (2), предъявленіе потерпѣвшимъ жалобы (Antrag) или частнаго обвиненія (Privat-Anklage), всѣ дѣйствія полиціи или административныхъ властей, за исключеніемъ только особо указанныхъ въ законѣ случаевъ предварительнаго опредѣленія виновности и отвѣтственности (Straffestsetzungen) по спеціальнымъ фискальнымъ нарушеніямъ. Дѣйствія должны быть совершены компетентнымъ лицомъ и направлены именно противъ обвиняемаго; поэтому дѣйствія, направленныя только къ возстановленію объективнаго состава преступленія, каковы акты дознанія, давности не прерываютъ (3). То же постановляетъ и кодексъ венгерскій (§ 108); по кодексу голландскому всякій актъ преслѣдованія прерываетъ давность, если только онъ былъ извѣстенъ подсудимому или предъявленъ ему въ установленномъ порядкѣ.

Наше уложеніе говоритъ объ «обнаруженіи преступника», употребляя выраженіе крайне неопредѣленное, такъ какъ его можно понимать, какъ въ смыслѣ установленія достовѣрности обви-

---

(1) Garraud, II, № 65. Впрочемъ, французскій кассаціонный судъ въ его рѣшеніяхъ 26 Янв. 1884 г. и 7 Февр. 1885 г. призналъ, что и дѣйствія защиты должны быть разсматриваемы, какъ дѣйствія, прерывающія давность.

(2) Объ условіяхъ примѣненія этого правила и объ изъятіяхъ изъ него по спеціальнымъ законамъ, см. у Olshausen, § 68 №№ 4 и 5. Вообще нѣмецкіе криминалисты находятъ систему германскаго кодекса неправильною. Ср. H. Meyer, стр. 386, Binding.

(3) Reichsgericht въ рѣшеніи 24 Ноября 1879 г. нашелъ, что допросъ обвиняемаго въ качествѣ свидѣтеля не прерываетъ давности.

ненія извѣстнаго лица, достовѣрности, совпадающей въ процессѣ лишь съ вступленіемъ обвинительнаго приговора въ законную силу, такъ и въ смыслѣ привлеченія извѣстнаго лица къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, или даже въ смыслѣ простаго указанія на извѣстное лицо, какъ на предполагаемаго возможнаго виновника даннаго событія, а потому наши комментаторы на вопросъ о моментѣ прекращенія этого вида давности отвѣчаютъ весьма различно (1).

Но, тѣмъ не менѣе, ближайшее разсмотрѣніе текста ст. 158 и сопоставленіе его съ постановленіями устава уголовнаго судопроизводства и старыхъ процессуальныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ во время составленія уложенія, приводитъ, мнѣ кажется, къ слѣдующимъ выводамъ.

Законъ говоритъ: «не смотря на произведенное слѣдствіе, не былъ обнаруженъ», отсюда, въ соотношеніи съ ст. 16, у. у. с., которая считаетъ давность обстоятельствомъ, устраняющимъ возбужденіе и производство уголовнаго разслѣдованія, очевидно, что обнаруженіе нельзя понимать въ смыслѣ постановленія приговора по дѣлу, а тѣмъ болѣе въ смыслѣ вступленія приговора въ законную силу.

Съ другой стороны, такъ какъ законъ говоритъ: «не смотря на

---

(1) Такъ, Неклюдовъ, руководство, стр. 72, говоритъ, что преступникъ считается не обнаруженнымъ, когда слѣдователемъ не были приняты мѣры къ пресѣченію подсудимому способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, или хотя и были приняты, но не были приведены въ исполненіе; но этотъ моментъ не охватываетъ всѣхъ случаевъ этого вида давности. Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Самойловыхъ ($^{68}/_{288}$), даже высказалъ мнѣніе, что по тѣмъ дѣламъ, по коимъ производится предварительное слѣдствіе, принятіе или непринятіе таковыхъ мѣръ зависитъ отъ усмотрѣнія слѣдователя и отъ строгости угрожающаго подсудимому наказанія, хотя такое положеніе и не вполнѣ соотвѣтствуетъ ст. 415 и сл. у. у. с. Саблеръ считаетъ преступника обнаруженнымъ съ того момента, «съ котораго судебной власти становится извѣстнымъ, что онъ, а не кто иной совершилъ преступленіе» (стр. 71), и въ другомъ мѣстѣ (стр. 72) «когда она начинаетъ смотрѣть на него, какъ на лицо, совершившее преступленіе»; но эти опредѣленія, независимо отъ ихъ противорѣчія, не имѣютъ практическаго значенія, такъ какъ достовѣрность вины, какъ я указывалъ, для юриста наступаетъ только съ момента вступленія приговора въ силу, а смотрѣть на извѣстное лицо, какъ на вѣроятнаго совершителя преступленія, судебная власть можетъ при самомъ приступѣ къ дознанію. Фойницкій, стр. 118, признаетъ моментомъ обнаруженія преданіе суду, которому у мировыхъ судей соотвѣтствуетъ принятіе дѣла къ производству, но этотъ признакъ является еще болѣе ограниченнымъ, чѣмъ указанный Неклюдовымъ.

произведенное слѣдствіе», то, хотя этому выраженію и нельзя придавать того техническаго значенія, которое ему присвоено по судебнымъ уставамъ, во всякомъ случаѣ оно исключаетъ возможность признать обнаруженіемъ одно заявленіе о преступленіи компетентному органу власти, хотя бы и съ указаніемъ обвиняемаго лица, въ видѣ жалобы, объявленія или доноса, а предполагаетъ учиненіе какихъ либо процессуальныхъ дѣйствій по дѣлу органами судебной власти или органами обвиненія, т. е., по общему правилу, прокурорскимъ надзоромъ, или, въ видѣ исключенія, частнымъ обвинителемъ (1). Далѣе, такъ какъ слѣдствіе должно быть направлено къ обнаруженію виновнаго, то всѣ дѣйствія органовъ слѣдственной власти, которыя направлены къ раскрытію признаковъ преступленія, къ собранію, сохраненію и упорядоченію доказательствъ, какъ, напр., осмотры, обыски, выемки, даже допросъ свидѣтелей, на сколько всѣ эти дѣйствія относятся только къ объективной сторонѣ преступленія и предприняты ранѣе направленія слѣдствія противъ опредѣленнаго лица, какъ обвиняемаго, не заключаютъ въ себѣ обнаруженія виновнаго и не могутъ прекращать теченія этого вида давности (2).

Наконецъ, такъ какъ слѣдственныя дѣйствія должны быть направлены къ обнаруженію виновнаго, то таковыми не могутъ почитаться дѣйствія или постановленія органовъ власти, коими прекращается производство или устраняется обвиненіе противъ

---

(1) Хотя въ началѣ своей практики, въ рѣшеніи 1868 г. № 78, по дѣлу князя Трубецкаго, Сенатъ и призналъ, что прямое обвиненіе въ подлогѣ или въ употребленіи подложнаго акта, прерываетъ теченіе давности, но это рѣшеніе не представляется правильнымъ, такъ какъ такое обвиненіе можетъ только служить законнымъ поводомъ къ начатію дѣла, какъ и всякая жалоба потерпѣвшаго, но не болѣе. Въ рѣшеніи по дѣлу Миронова, 1868 г. № 129, Сенатъ призналъ, что производство обыска потерпѣвшимъ у заподозрѣннаго не можетъ почитаться равносильнымъ обнаруженію виновнаго. Равнымъ образомъ, Сенатъ многократно (1868 г. №№ 136, 185; 1869 №№ 33, 93, 1027 и др.) признавалъ, что одно заявленіе о порубкѣ, безъ указанія виновныхъ, не прерываетъ давности. По дѣлу Малышкина ($^{71}/_{604}$), Сенатъ выразился: давность обнаруженія виновнаго прерывается только предъявленіемъ противъ него прямаго преслѣдованія.

(2) При этомъ, какъ указалъ Сенатъ, для прекращенія давности безусловно необходимо, чтобы обвиняемый былъ привлеченъ къ слѣдствію подлежащею властью ($^{71}/_{108}$, Елизаренкова), т. е. чтобы производство о немъ было законное, начатое въ установленномъ порядкѣ и въ подлежащемъ мѣстѣ ($^{71}/_{356}$, Бѣлобородова).

извѣстнаго лица, а равно и какія либо процессуальныя дѣйствія самого учинившаго преступное дѣяніе.

Такъ какъ обнаруженіе виновнаго относится къ личности, а не къ дѣянію, то, очевидно, что оно имѣетъ индивидуальный характеръ; поэтому обнаруженіе одного изъ соучастниковъ не прекращаетъ теченія давности для другихъ соучастниковъ.

Такими дѣйствіями, прерывающими давность, могутъ быть почитаемы: 1) начало производства въ общихъ судахъ (ст. 543 у. у. с.) по опредѣленію судебной палаты, обвинительному акту прокурора, или по жалобѣ частнаго обвинителя; 2) постановленіе опредѣленія о преданіи суду, по тѣмъ дѣламъ, по коимъ существуетъ таковое преданіе; 3) составленіе обвинительнаго акта прокурорскою властью; 4) по дѣламъ, по которымъ производилось предварительное слѣдствіе,—постановленіе слѣдователя о привлеченіи лица къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго ([1]) и въ особенности принятіе какихъ либо мѣръ для воспрепятствованія обвиняемому уклониться отъ слѣдствія и суда, такъ какъ безъ такого привлеченія не можетъ состояться и самое преданіе суду (1876 г. № 8, по дѣлу Егорова). Но такое значеніе не можетъ быть придаваемо ни постановленію слѣдователя о приступѣ къ производству слѣдствія, ни требованіямъ прокурорскаго надзора о начатіи слѣдствія (ст. 311 и 312 у. у. с.). Болѣе спорнымъ является вопросъ о дѣйствіяхъ полиціи, направленныхъ противъ лица, заподозрѣннаго въ преступленіи, когда она замѣняетъ слѣдователя по дѣламъ подсуднымъ общимъ судамъ. Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Кудрявцева (1870 г. № 1449) ([2]), отвѣчалъ на это утвердительно, говоря, что для прерванія давности вполнѣ достаточно, чтобы виновные были обнаружены только по полицейскому дознанію, такъ какъ по ст. 249 у. у. с. дознаніе входитъ

([1]) Внѣшнимъ образомъ это выражается составленіемъ протокола о привлеченіи (ст. 467 и 472), и осуществляется: при призывѣ—словеснымъ требованіемъ явки или врученіемъ повѣстки (ст. 377, 378, 384, 385); при приводѣ—предъявленіемъ повѣстки (ст. 390 и сл.); при нерозысканіи обвиняемаго—публикаціею о сыскѣ.

([2]) Нельзя также не замѣтить, что въ данномъ рѣшеніи это положеніе высказано совершенно случайно, такъ какъ по дѣлу, разрѣшавшемуся Сенатомъ, вопросъ шелъ о толкованіи 21 ст. уст. о нак., а не 158 ст. улож., а по уставу полицейское обнаруженіе поставлено наравнѣ съ судейскимъ.

въ составъ предварительнаго слѣдствія. Но основаніе, указанное Сенатомъ, не имѣетъ достаточной твердости. Если бы рѣчь шла объ обнаруженіи дѣянія, то указаніе Сената было бы правильно, но по отношенію къ обнаруженію преступника оно не точно, такъ какъ даже не всѣ дѣйствія слѣдователя прекращаютъ теченіе давности. Я думаю, наоборотъ, что по духу судебныхъ уставовъ обнаруженіе преступника въ дѣлахъ этого рода возможно только во время предварительнаго слѣдствія: только пятая глава 11-го раздѣла у. у. с. говоритъ объ обвиняемомъ, до того же времени существуютъ только (ст. 256, 261^{2}) подозрѣваемые; законъ предоставляетъ право чинамъ общей полиціи или корпуса жандармовъ (ст. 256, 261^{2}, 261^{9}, 1035^{7}) пресѣкать подозрѣваемому способы уклоняться отъ слѣдствія, имъ предоставляется замѣнять слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не терпящихъ отлагательства, но формальныхъ допросовъ лицамъ заподозрѣннымъ они дѣлать не могутъ, а потому и въ этихъ случаяхъ судебный слѣдователь, принявъ отъ полиціи производство, обязанъ составить особый актъ о привлеченіи заподозрѣннаго по дѣлу въ качествѣ обвиняемаго.

Такимъ образомъ, по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, по коимъ производится предварительное слѣдствіе, первымъ актомъ обнаруженія преступника должно почитаться постановленіе слѣдователя о привлеченіи этого лица къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, а по дѣламъ, по коимъ слѣдствіе не производится—составленіе по дѣлу обвинительнаго акта.

По нѣкоторымъ дѣламъ, идущимъ особымъ порядкомъ, отъ этого правила, конечно, будутъ отступленія. Такъ, по дѣламъ уголовно-частнымъ, допускающимъ примирительное разбирательство, обнаруженіемъ долженъ почитаться вызовъ слѣдователемъ (ст. 303^{1} у. у. с. по закону 1891 г. Мая 21) обвиняемаго для склоненія сторонъ къ миру; по преступленіямъ должности, по разъясненію Сената ($^{70}/_{278}$, Суходольскаго), требованіе отъ должностныхъ лицъ объясненія (ст. 1086 у. у. с.) по предметамъ предъявленнаго къ нимъ обвиненія; по дѣламъ о нарушеніяхъ лѣсныхъ, установляемыхъ актомъ осмотра,—составленіе протокола по ст. 1187^{1}, и наконецъ, по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій—актами, прерывающими давность, могутъ

почитаться постановленія управляющихъ акцизными сборами о наложеніи на виновныхъ взысканія, такъ какъ таковыя опредѣленія могутъ замѣнять собою судебныя производства по дѣламъ сего рода (ст. 1125² у. у. с. по прод. 1890 г.).

По уставу о наказаніяхъ (ст. 21) давность считается истекшею, если до истеченія давностнаго срока проступки не сдѣлались извѣстными мировому судьѣ или полиціи, или когда въ теченіе тѣхъ же сроковъ не было никакого по нимъ производства.

Правительствующій Сенатъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній (1867 г. №№ 313, 589; 1868 г. №№ 129, 281, 288, и др.), призналъ, что общія правила уложенія о наказ. о давности и ея видахъ сохраняютъ свою силу и для устава о нак.; такъ какъ въ мотивахъ къ ст. 21 указывалось только на необходимость, въ виду маловажности дѣяній, подсудныхъ мировымъ судьямъ, уменьшить сроки давности, но не было сдѣлано никакихъ предположеній объ измѣненіи ея условій. Такимъ образомъ, по разъясненіямъ Сената, и по уставу о нак. давность наступаетъ не только при безгласности происшествія, но и при безгласности преступника. Хотя это толкованіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту ст. 21, но нельзя не прибавить, что его правильность находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ, что, благодаря особенностямъ мироваго разбирательства, второе условіе давности—безгласность виновнаго—почти всегда совпадаетъ съ первымъ—безгласностью дѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, преступное дѣяніе считается обнаруженнымъ: 1) принятіемъ мировымъ судьею къ производству жалобы частнаго лица или сообщенія полицейскихъ и другихъ административныхъ властей; 2) принятіемъ къ производству дѣлъ, переданныхъ изъ общихъ судебныхъ мѣстъ, и 3) по дѣламъ, начинаемымъ по собственному усмотрѣнію судей, порученіемъ полиціи производства предварительнаго розысканія (ст. 52), или приступомъ къ разсмотрѣнію дѣла. Но, по общему правилу, съ этимъ моментомъ совпадаетъ и обнаруженіе виновнаго. Такъ, по 2 п. ст. 50 у. у. с. въ сообщеніяхъ полицейскихъ и другихъ административныхъ властей должно быть указано лицо, на которое падаетъ подозрѣніе и, какъ неоднократно разъяснялъ Сенатъ, относительно лѣсопорубокъ (1868 г. №№ 136, 185, 472; 1869 г. №№ 93, 282, 348, 483 и др.), въ протоколѣ (4 п. ст. 1136) должны быть указаны обвиняемыя лица, и безъ

таковаго указанія преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено, а начатое подлежитъ прекращенію; равнымъ образомъ въ рѣшеніи общаго собранія 1875 г. № 58 признано, что вообще сообщеніе полиціи о происшествіи, безъ указанія на кого падаетъ подозрѣніе или кто именно обвиняется, служитъ основаніемъ для прекращенія производства. Точно также, по 4 п. ст. 46, и въ жалобѣ потерпѣвшаго должно быть указано обвиняемое или подозрѣваемое лицо и мѣсто его жительства, и отсутствіе таковаго указанія служитъ основаніемъ для прекращенія дѣла (рѣш. 1874 г. № 328, Благодарова). Правда, на основаніи ст. 47, мировой судья можетъ, и при неуказаніи обвиняемаго въ жалобѣ, если притомъ дѣяніе не относится къ разряду уголовно-частныхъ, поручить полиціи собраніе необходимыхъ по дѣлу свѣдѣній, поэтому въ этихъ случахъ, равно какъ и въ указанныхъ въ ст. 52 уст. угол. суд., теченіе давности можетъ почитаться прекратившемся только приступомъ судьи къ разбору таковаго дѣла, по представленіи полиціею собранныхъ ею данныхъ и съ посылкою повѣстки обвиняемому.

По уложенію и по уставу о наказ., давность погашаетъ наказаніе, какъ скоро давностный срокъ истекъ раньше обнаруженія дѣянія или даже до обнаруженія виновнаго, и, наоборотъ, открытіе виновнаго устраняетъ безнаказанность за давностью. Какъ многократно разъяснялъ Правительствующій Сенатъ (1867 г. №№ 270, 579; 1868 г. №№ 54, 130, 288, 769, 779, 952 и др.), медленность со стороны полиціи или слѣдователя, или суда при производствѣ по дѣлу не составляетъ такого обстоятельства, которое служило бы основаніемъ къ прекращенію производства за давностью, хотя бы даже такое долговременное производство превышало нѣсколько разъ срокъ давности ($^{70}/_{1234}$, Масальскаго), а по сему срокъ давности ни въ какомъ случаѣ не можетъ исчисляться съ какого либо перерыва въ производствѣ онаго (1867 г. № 589, 1868 г. № 92, 319, 732, 733 и др.), причемъ это толкованіе Сенатъ примѣнялъ и къ уставу о нак. ($^{73}/_{623}$, Магера), хотя буквальное выраженіе статьи 21 устава «или когда въ теченіи тѣхъ же сроковъ не было никакого по нимъ производства» даетъ право утверждать, что, на основаніи устава о наказ., по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ публичномъ, дѣяніе могло бы считаться погашеннымъ

давностью, если по принятіи его мировымъ судьею къ производству, оно оставалось въ теченіи давностныхъ сроковъ безъ движенія (1).

Однако и по дѣяніямъ, къ коимъ примѣняется ст. 158 улож., обнаруженіе преступника не всегда влечетъ прекращеніе давности. На основаніи 24 ст. уст. уголов. суд., обвиняемый, о коемъ дѣло было прекращено въ установленномъ порядкѣ, но безъ постановленія судебнаго приговора, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, по особому о томъ опредѣленію суда, когда прежде истеченія срока давности будутъ обнаружены къ его изобличенію новыя обстоятельства. Такимъ образомъ, обнаруженіе преступника, напр., привлеченіемъ его къ дѣлу слѣдователемъ въ качествѣ обвиняемаго, не устраняетъ давности, какъ скоро дѣло о немъ было затѣмъ прекращено, и давность для него продолжаетъ исчисляться со времени совершенія преступнаго дѣянія. При этомъ, какъ видно изъ буквальнаго текста ст. 24, эта статья имѣетъ въ виду не всѣ случаи прекращенія дѣла, упомянутые въ ст. 542 уст. угол. суд., какъ дающіе основаніе для возобновленія, а только упомянутые въ п. 1 этой статьи, т. е. прекращеніе дѣла по недостаточности доказательствъ, въ порядкѣ 277 и 523 ст. уст. угол. суд.

Но и въ примѣненіи къ тѣмъ дѣламъ, по коимъ производство продолжалось и состоялось преданіе суду, система, усвоенная нашимъ уложеніемъ, прежде, впрочемъ, весьма распространенная и въ доктринѣ (2) и въ законодательствахъ, вызываетъ весьма серьезныя возраженія. Такъ какъ если своевременное обнаруженіе виновнаго и устраняетъ нѣкоторыя изъ процессуальныхъ основаній давности, то соображенія о безполезности и даже несправедливости примѣненія наказанія къ давноминувшему дѣянію не только сохраняютъ и въ этихъ случаяхъ свою силу, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже получаютъ бо́льшее значеніе: многіе десятки лѣтъ тянувшееся

---

(1) Сергѣевскій, стр. 389, изъ текста ст. 21 уст. выводитъ заключеніе, что по уставу производство по дѣлу не прекращаетъ, а лишь прерываетъ теченіе давности. Фойницкій, стр. 119, видитъ въ ст. 21 зачатокъ давности приговора.

(2) Напр. Мартинъ, Гефтеръ; въ особенности правильность прекращенія теченія давности признавалась въ томъ случаѣ, когда процессъ затягивался по винѣ самаго же преступника, напр., въ случаѣ его бѣгства. Ср. также рѣшеніе Сената 1870 г. № 1234, Масальскаго.

нахожденіе подъ судомъ и безъ того составляетъ значительное наказаніе для большаго числа подсудимыхъ, и всякій практикъ знаетъ, какой значительный % оправданій встрѣчается именно по тѣмъ дѣламъ, по коимъ слѣдственное производство продолжалось чрезъ мѣру долго. Конечно, примѣненіе въ этихъ случаяхъ обыкновенныхъ сроковъ давности, въ особенности краткихъ, могло бы привести къ практическимъ затрудненіямъ и создать весьма нежелательную безнаказанность цѣлаго ряда преступныхъ дѣяній; но это обстоятельство всегда можетъ быть устранено примѣненіемъ въ случаяхъ этого рода болѣе продолжительныхъ давностныхъ сроковъ.

Поэтому большинство новѣйшихъ криминалистовъ, а равно и дѣйствующіе западно-европейскіе кодексы признаютъ слѣдственныя дѣйствія основаніемъ не прекращенія, а перерыва давности, такъ что послѣ каждаго такого перерыва давность снова начинаетъ свое теченіе, причемъ сроки ея исчисляются уже не со дня учиненія преступленія, а со дня учиненія слѣдственнаго дѣйствія или послѣдняго изъ сихъ дѣйствій, буде ихъ было нѣсколько (1).

Другіе, въ особенности французско-бельгійскіе криминалисты— Cousturier, Hoorebecke, Haus, Garraud, Ortolan, а изъ нѣмецкихъ, напр., Бернеръ (2), предлагаютъ смѣшанную систему. По этой системѣ слѣдственныя дѣйствія, предпринятыя въ теченіи перваго давностнаго срока прерываютъ теченіе давности, служа отправною точкою новаго срока, а слѣдственныя дѣйствія, учиненныя по истеченіи срока, соотвѣтствующаго давностному сроку, не имѣютъ прерывающаго значенія, а давность прерывается только приговоромъ. Такимъ образомъ, при десятилѣтней давности слѣдственныя дѣйствія въ теченіи десяти лѣтъ прерываютъ давность и служатъ началомъ новаго теченія давности, причемъ послѣдній перерывъ можетъ послѣдовать въ послѣдній день срока и создать новую давность, но эта давность не допускаетъ уже перерыва и

---

(1) Такую систему защищаетъ большинство новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ. Къ этому же воззрѣнію примыкаетъ германское уложеніе.

(2) Эта система усвоена бельгійскимъ закономъ 17 Апрѣля 1878 г., который указываетъ, что перерывы могутъ быть допущены только въ теченіи 1-го срока давности. Противъ этого воззрѣнія изъ французскихъ криминалистовъ: Brun de Villeret, Le Selleyer, Villey.

если до ея истеченія не послѣдуетъ приговора, то подсудимый освобождается отъ наказанія, такъ что независимо отъ давности преслѣдованія создается какъ бы особая давность приговора.

Наконецъ, по третьей системѣ, усвоенной нашимъ новымъ проектомъ уложенія, обнаруженіе преступника служитъ только обстоятельствомъ удлиняющимъ, въ установленномъ закономъ размѣрѣ, сроки давности.

Въ сущности такое же значеніе, какъ слѣдственныя дѣйствія, имѣетъ по отношенію къ давности и постановленіе приговора или вступленіе его въ законную силу: оно ослабляетъ, но, какъ я указывалъ выше, не уничтожаетъ погашающее значеніе давности. При этомъ вступленіе приговора въ силу можетъ имѣть двоякое вліяніе: или оно прерываетъ теченіе давности, такъ что съ этого момента начинаетъ свое теченіе новый давностный срокъ и притомъ болѣе продолжительный, чѣмъ срокъ погашающій уголовное преслѣдованіе,—такова система всѣхъ западно-европейскихъ кодексовъ; или же вступленіе приговора въ силу является лишь обстоятельствомъ, удлинняющимъ давностный срокъ, который тѣмъ не менѣе исчисляется со дня учиненія преступленія, такова система, усвоенная нашимъ новымъ проектомъ уголовнаго уложенія.

Въ тѣхъ законодательствахъ, которыя признаютъ приговоръ условіемъ, прерывающимъ давность и служащимъ основаніемъ новой давности, представляется весьма важный вопросъ объ условіяхъ исчисленія этого вида давности. Относительно начальнаго момента этой давности существуютъ различныя воззрѣнія. По одному, котораго держится между прочимъ французское законодательство, давностный срокъ исчисляется съ момента постановленія окончательнаго по дѣлу приговора (de la date des arrêts ou jugements), слѣдовательно, для дѣла, подлежащаго апелляціонному обжалованію, съ момента постановленія приговора второю инстанціею, или же съ момента истеченія срока апелляціоннаго обжалованія (1); по другому воззрѣнію, принятому въ германскомъ

(1) Впрочемъ, Garraud, II, № 75, толкуетъ постановленія французскаго права въ томъ смыслѣ, что давность наказанія течетъ съ того момента, когда приговоръ или опредѣленіе сдѣлались неподлежащими отмѣнѣ (condamnation irrevocable), а до

кодексѣ, давность исчисляется съ момента вступленія приговора въ законную силу.

При этомъ, конечно, тѣ наказанія, которыхъ осуществленіе не требуетъ какого либо внѣшняго выраженія, матеріальнаго воздѣйствія на преступника, но, такъ сказать, совпадаетъ съ моментомъ вступленія приговора въ силу, не могутъ подлежать давности главнаго наказанія; таково, напр., пораженіе въ правахъ или полицейскій надзоръ. Поэтому въ тѣхъ законодательствахъ, которыя допускаютъ срочныя правопораженія, срокъ ихъ, не смотря на погашеніе давностью главнаго наказанія, будетъ исчисляться по тому же порядку, какъ и при дѣйствительномъ отбытіи наказанія (1).

Конечно, и давность исполненія наказанія допускаетъ также моменты ея прекращенія или перерыва. Такъ, по французскому праву эта давность прекращается дѣйствительнымъ исполненіемъ наказанія (2), однако для осужденнаго, бѣжавшаго изъ тюрьмы, въ коей онъ отбывалъ наказаніе, въ отношеніи оставшейся части наказанія давность исчисляется съ момента побѣга. Бельгійское уложеніе (art. 96) прямо указываетъ, что заарестованіе подсудимаго прерываетъ теченіе давности; германское уложеніе (§ 70) признаетъ, что всѣ мѣры органовъ власти, направленныя къ приведенію приговора въ исполненіе и къ заарестованію осужденнаго, прерываютъ теченіе давности, которая затѣмъ снова воспріемлетъ свое теченіе; но за то и самое начало отбытія не прекращаетъ

того времени приговоръ есть только acte d'instruction, могущій лишь служить основаніемъ для перерыва давности преслѣдованія.

(1) Ср. Garraud, II, № 73; по ст. 48 зак. 24 Янв. 1874 г. погашеніе давностью уголовнаго наказанія не устраняетъ само по себѣ полицейскаго надзора. По германскому уложенію (§§ 36 и 38) давность правопораженій и полицейскаго надзора исчисляется лишь съ момента давности главнаго наказанія.

(2) Такимъ образомъ, смертная казнь погашается только дѣйствительною казнью, денежное взысканіе—уплатою пени, арестомъ имущества, заарестованіемъ несостоятельнаго осужденнаго, лишеніе свободы—дѣйствительнымъ заключеніемъ. Нѣкоторые французскіе писатели, какъ Brun de Villeret, Hoorebecke считаютъ отбытіе наказанія только обстоятельствомъ, пріостановляющимъ теченіе давности, такъ что для осужденнаго, бѣжавшаго во время отбытія, срокъ, въ который онъ отбывалъ наказаніе, вычитается изъ давностнаго срока. Противъ такого толкованія—Garraud, II, № 76, Haus.

давности, а только прерываетъ ее ([1]). Въ нашемъ же правѣ, не знающемъ этого вида давности, конечно, и вопроса о перерывѣ или прекращеніи ея теченія возникнуть не можетъ.

905. Всѣ изложенныя условія прекращенія или перерыва давности относятся только къ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ въ публичномъ порядкѣ. Относительно же дѣяній, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ уголовно-частномъ и оканчивающихся примиреніемъ, наше право знаетъ особыя постановленія. Согласно ст. 159 уложенія, по этимъ дѣламъ наказаніе отмѣняется за давностью во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда принесшій жалобу оставитъ потомъ дѣло безъ хожденія въ продолженіи всего, опредѣленнаго въ ст. 158, смотря по свойству преступленія или проступка, времени.

При этомъ, какъ то видно изъ текста закона и принято нашею практикою ($^{71}/_{1810}$, Краснопольскаго; $^{80}/_{32}$, Галлера), это правило не замѣняетъ, а дополняетъ общія постановленія о давности. Поэтому давность по дѣламъ уголовно частнымъ наступаетъ: 1) въ случаѣ необнаруженія преступленія или виновнаго въ теченіи установленнаго закономъ давностнаго срока, въ смыслѣ указанномъ выше; 2) вслѣдствіе непредъявленія потерпѣвшимъ въ теченіи того же времени жалобы, и 3) въ случаѣ нехожденія его по дѣлу и послѣ новой жалобы, слѣдовательно до возбужденія по жалобѣ слѣдственнаго или судебнаго производства, или и по возбужденіи таковаго, но до постановленія приговора ($^{72}/_{275}$, Спасовскаго; $^{76}/_{70}$, Шауръ; $^{80}/_{32}$, Галлера).

Но что же считать хожденіемъ по дѣлу? Законъ не даетъ по этому поводу никакихъ указаній; равнымъ образомъ не содержится никакихъ объясненій и въ проектѣ уложенія, хотя это постановленіе было впервые внесено въ наше право въ 1845 г. Сенатъ, съ своей стороны, указалъ только, что вопросъ о существованіи или несуществованіи хожденія по дѣлу подлежитъ исключительно разрѣшенію суда, разсматривающаго дѣла по существу ($^{67}/_{313}$, Щербаковой; $^{68}/_{451}$, Носова и др.), что при этомъ лицо потерпѣвшее должно доказать, что оно не оставляло дѣло безъ хожденія, т. е. своевременно подало жалобу или подтверждало первоначальную жалобу новыми прошеніями или подавало жалобу

([1]) H. Meyer, стр. 385.

на медленность производства, или представляло новыя доказательства ($^{74}/_{109}$, Климова), или хотя бы только узнавало о положеніи дѣла съ просьбою о скорѣйшемъ его разрѣшеніи ($^{69}/_{740}$, Прошко).

Но если обвинитель долженъ доказывать свое хожденіе по дѣлу, т. е. предъявленіе имъ понудительныхъ ходатайствъ объ ускореніи разсмотрѣнія дѣла или жалобъ на медленность, то во всякомъ случаѣ подобная дѣятельность частнаго лица предполагаетъ замедленіе дѣла, пріостановку производства: если слѣдственныя дѣйствія происходятъ—допрашиваются свидѣтели, производятся осмотры и обыски, если мировой судья назначаетъ засѣданіе для разбирательства дѣла, поручаетъ производство разслѣдованія полиціи и т. п., то, конечно, при такихъ условіяхъ всякое понудительное ходатайство будетъ неумѣстно. Поэтому сторона, ссылающаяся на давность, въ виду 102 ст. уст. угол. суд., должна представить доказательства, что производство началось по истеченіи давностнаго срока, или оставалось безъ движенія въ теченіи того же времени.

Но разъ будутъ установлены пріостановка производства и нехожденіе по дѣлу, то давность погашаетъ наказуемость, въ какой бы стадіи процесса дѣло ни находилось. Такимъ образомъ, по дѣламъ уголовно-частнымъ и по нашему праву процессуальныя дѣйствія не прекращаютъ, а только прерываютъ теченіе давности. Такой перерывъ возможенъ, какъ при производствѣ слѣдствія, такъ и при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ, и притомъ, какъ въ первой, такъ и во второй инстанціи; но медленность производства при кассаціонномъ разсмотрѣніи дѣла не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ самый вопросъ о наказуемости даннаго дѣянія не подлежитъ новому обсужденію при кассаціонномъ производствѣ; тѣмъ болѣе не имѣетъ значенія нехожденіе въ періодъ исполненія приговора, по вступленіи его въ силу, такъ какъ исполненіе не стоитъ ни въ какой зависимости отъ воли и усмотрѣнія частнаго обвинителя (1).

---

(1) Ср. фонъ-Резонъ, стр. 207 и сл. Н. Неклюдовъ полагаетъ даже, что «нехожденіе» имѣетъ значеніе только при разсмотрѣніи дѣла въ 1-й инстанціи, такъ какъ обвинитель не можетъ ускорить производство во второй инстанціи; но этотъ аргументъ доказываетъ только несостоятельность всего этого постановленія уложенія, такъ какъ частный обвинитель также, собственно говоря, не можетъ ускорить и слѣдствіе, и производство въ первой инстанціи, а жалобу на медленность

Хотя уставъ о наказ., вполнѣ правильно, не повторилъ ст. 159, но Сенатъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній (1867 г. № 313, 1868 г. №№ 281, 929; 1871 г. № 1475; 1872 г. № 392) призналъ, что ст. 159 улож. примѣняется и къ дѣламъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судьямъ.

906. Давностные сроки своимъ протеченіемъ погашаютъ наказуемость сами по себѣ, независимо отъ какихъ либо иныхъ, происшедшихъ въ теченіи этого времени обстоятельствъ.

Иначе смотрѣли на это прежнія законодательства, а въ томъ числѣ и проектъ нашего уложенія 1845 г. Исходя изъ того соображенія, что давность есть родъ прощенія преступника за тѣ страданія, которыя онъ испытывалъ, и т. д., они ставили условіемъ давности неучиненіе виновнымъ, въ теченіи давностнаго срока, какъ говорилъ нашъ проектъ, «равнаго съ первымъ или болѣе тяжкаго преступленія». Но, при разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, это условіе не было сохранено въ уложеніи; равнымъ образомъ, оно неизвѣстно и новымъ западно-европейскимъ законодательствамъ, такъ какъ подобное требованіе не соотвѣтствуетъ ни процессуальнымъ, ни юридическимъ основаніямъ, положеннымъ нынѣ въ основу понятія давности ([1]).

Несравненно болѣе трудностей представляетъ другой вопросъ— о значеніи для давности такихъ обстоятельствъ, которыя по фактическимъ или юридическимъ основаніямъ дѣлаютъ невозможнымъ привлеченіе заподозрѣннаго къ отвѣтственности, постановленіе приговора или исполненіе онаго, таковы, напр., бѣгство

можно подать и на апелляціонную инстанцію. Напротивъ того, Фойницкій, стр. 117, полагаетъ, что нехожденіе служитъ основаніемъ давности и послѣ постановленія приговора, но доказательствъ своего мнѣнія не приводитъ.

([1]) Исключеніе представляетъ дѣйствующее австрійское законодательство, которое для погашающаго вліянія давности требуетъ: а) чтобы преступникъ не извлекалъ болѣе имущественнаго прибытка изъ учиненнаго имъ преступнаго дѣянія; б) чтобы онъ по возможности загладилъ вредъ, причиненный его дѣяніемъ; в) чтобы онъ не совершилъ въ теченіи давностнаго срока новаго преступленія, а если дѣло идетъ о давности проступка или нарушенія, то вообще преступнаго дѣянія; г) наконецъ, по отношенію къ давности преступленія, преступникъ въ то время не долженъ бѣжать за границу.

подсудимаго, его тяжкая болѣзнь, преюдиціальные вопросы и т. п. Примѣнять здѣсь основное начало гражданскаго права contra non volentem agere non currit praescriptio нельзя уже и потому, что при разрѣшеніи вопроса о наказуемости не можетъ быть рѣчи о пріобрѣтеніи или потерѣ правъ сторонами, т. е. обвинителемъ или подсудимымъ. Преступникъ не можетъ пріобрѣсти право на безнаказанность, какъ не имѣетъ и права на наказаніе. Съ другой стороны, признаніе теченія давности вовсе независящимъ отъ таковыхъ условій, препятствующихъ нормальному теченію правосудія, представлялось бы неправильнымъ, такъ какъ тогда многіе изъ такихъ проступковъ всегда по необходимости покрывались бы давностью, и учинившій ихъ заранѣе могъ бы разсчитывать на безнаказанность, хотя бы вся дѣятельность судебныхъ органовъ, пріостановившая уголовное дѣло, именно направлялась къ болѣе точному установленію виновности даннаго лица (1).

Поэтому, казалось бы, и въ этомъ случаѣ необходимо сдѣлать различіе между обстоятельствами, останавливающими разслѣдованіе дѣла и изобличеніе преступника, отдѣляя, съ одной стороны, чисто фактическія обстоятельства даннаго случая, а съ другой, условія пріостановки производства въ силу самаго же закона.

Къ причинамъ первой группы относятся: бѣгство подсудимаго

---

(1) Французскій кассаціонный судъ признаетъ всякое препятствіе производству дѣлу, какъ фактическое, такъ и юридическое, за основаніе пріостановки давности. Ср. Garraud, II, стр. 110 пр. 40; но большинство же французскихъ криминалистовъ допускаютъ пріостановку только по юридическимъ препятствіямъ: F. Hélie, le Selleyer, Villey, а въ особенности Brun de Villeret, стр. 232—258. Напротивъ того Garraud, II, № 66, Ortolan, II, № 1872—4, Blanche, II, № 195, Haus, II, № 1359—не признаютъ и преюдиціальное производство основаніемъ пріостановки, мотивируя, впрочемъ, это преимущественно умолчаніемъ кодекса о возможности такой пріостановки. Кодексъ бельгійскій въ самомъ законѣ говоритъ, что преюдиціальное разбирательство пріостанавливаетъ теченіе давности; такое же положеніе содержитъ и кодексъ германскій въ § 69. Изъ нашихъ криминалистовъ Саблеръ, стр. 237 и сл., повидимому, держится того воззрѣнія, что преюдиціальное разбирательство не устраняетъ теченія давности, которая исчисляется со времени совершенія дѣянія, но въ то же время онъ прибавляетъ, что разрѣшеніе преюдиціальныхъ вопросовъ мѣшаетъ истеченію давностныхъ сроковъ, хотя это значитъ, другими словами, что это время вычеркивается изъ давностнаго срока.

*

или такая его болѣзнь, которая препятствуетъ дальнѣйшему слѣдственному производству, напр. сумасшествіе. Въ этихъ случаяхъ погашающая сила времени, вызывающая непримѣнимость наказанія къ виновному, не встрѣчаетъ никакихъ законныхъ препятствій для своего теченія, а потому, въ примѣненіи, напр., къ нашему дѣйствующему праву—бѣгство или неизлѣчимая болѣзнь подсудимаго, если они наступили до обнаруженія преступника, не устраняютъ теченія давности, которая и наступитъ для преступника въ общемъ порядкѣ; если же эти обстоятельства наступили послѣ обнаруженія, то они останутся безъ всякаго вліянія, такъ какъ наше право не знаетъ давности приговора.

Но совершенно иначе, мнѣ кажется, ставится вопросъ о предварительныхъ производствахъ, въ силу самаго закона не допускающихъ возбужденіе уголовнаго дѣла до ихъ выполненія, или вызывающихъ прекращеніе начатаго; таково, напр., производство, предшествующее уголовному разбирательству по ст. 27 или 1014 у. у. с. Наступленіе такого производства не можетъ само по себѣ служить основаніемъ ни для прекращенія теченія давности, ни даже для ея перерыва, но все время сего производства должно быть вычитаемо изъ давностнаго срока, наступленіемъ такого условія давность не прекращается и не прерывается, а лишь пріостанавливаетъ свое теченіе. При этомъ, если такое производство должно обязательно предшествовать возбужденію дѣла (questions prejudicielles à l'action), какъ, напр., установленіе гражданскимъ судомъ факта вторичнаго требованія истцомъ по предъявленному документу оплаченнаго уже долга, при обвиненіи въ мошенничествѣ по 3 п. 174 ст. уст. о нак. (рѣш. 1881 г. № 7, по дѣлу Бецкаго), признаніе духовнымъ судомъ незаконности брака при обвиненіи въ вступленіи въ бракъ съ близкимъ родственникомъ и т. д., то давность можетъ начать исчисляться только съ момента окончанія таковаго производства. Если же предварительное производство, не устраняя возбужденія дѣла, является необходимымъ условіемъ сужденія дѣла (quest. prejud. au jugement), какъ, напр., установленіе духовнымъ судомъ степени родства обвиняемыхъ при кровосмѣшеніи, то срокъ давности опредѣляется суммою времени, протекшаго отъ совершенія преступленія до возбужденія про-

изводства въ духовномъ судѣ и времени отъ окончанія этого производства до обнаруженія виновнаго (1).

907. По ст. 158 ул. давность отмѣняетъ наказаніе, а по ст. 16 у. у. с. устраняетъ возможность возбужденія дѣла, и въ виду того, что наше уложеніе не знаетъ давности наказанія, это послѣднее значеніе представляется важнѣйшимъ. Такимъ образомъ, если наличность давности установлена при самомъ возбужденіи дѣла, то таковое не можетъ быть возбуждено; равнымъ образомъ и возбужденное производство подлежитъ прекращенію, по силѣ 277 или 523 ст. у. у. с., какъ скоро будетъ усмотрѣна наличность давности. Но, какъ я указывалъ ранѣе, если наличность давности усмотрѣна послѣ преданія суду, и уголовное преслѣдованіе не можетъ быть прекращено, напр., въ виду предъявленнаго гражданскаго иска, то судъ постановляетъ приговоръ о виновности, и уже затѣмъ освобождаетъ подсудимаго отъ наказанія по силѣ 2 п. 771 ст. (1884 г. № 15, по дѣлу Борисова). Въ мировыхъ же установленіяхъ, какъ указалъ Правительствующій Сенатъ (1876 г. № 334, о порубкѣ въ Брожской дачѣ), для прекращенія дѣла за давностью судья долженъ постановить приговоръ по существу дѣла, хотя бы указаніе на давность было въ виду при возбужденіи дѣла (2).

Самое установленіе наличности давности, какъ разъяснено практикою нашего Сената, существенно различается въ дѣлахъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, и въ дѣлахъ, преслѣдуемыхъ публичною властью.

По дѣламъ уголовно - частнымъ судъ не въ правѣ, безъ указанія сторонъ, возбуждать вопросъ о давности (1869 г. № 243, Рыжова; 1871 г. № 438 Лишиной); по дѣламъ публичнымъ давность устанавливается самимъ су-

(1) Равнымъ образомъ, если дѣяніе, преслѣдовавшееся въ публичномъ порядкѣ, было признано подлежащимъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія, то все время публичнаго производства не можетъ служить основаніемъ для признанія давности по несвоевременному возбужденію частнаго обвиненія, или по нехожденію по дѣлу.

(2) Но во всякомъ случаѣ давность погашаетъ только наказуемость, а не виновность; поэтому могутъ быть случаи, независимо отъ указанныхъ случаевъ удовлетворенія гражданскаго иска, когда погашенное давностью дѣяніе будетъ предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, напр., какъ доказательство истины при обвиненіи въ клеветѣ или лжедоносѣ.

домъ, независимо отъ указанія сторонъ (1873 г. № 830, Синекова), причемъ въ мировыхъ установленіяхъ это правило примѣняется и тогда, когда публичное обвиненіе было поддерживаемо на судѣ потерпѣвшимъ.

Вопросъ о давности въ первой инстанціи можетъ быть возбужденъ какъ судомъ, такъ и сторонами, во всякомъ положеніи дѣла, до разрѣшенія его по существу (1871 № 76, Степанова; 1871 № 1810, Краснопольскаго); казалось бы то же начало нужно было принять и по отношенію къ апелляціонному разсмотрѣнію дѣла, но практика наша пришла къ иному выводу, находя, что такъ какъ въ апелляціонной инстанціи дѣло разсматривается въ предѣлахъ протеста или отзыва (ст. 168 и 868 у. у. с.), то, если въ апелляціонномъ отзывѣ или протестѣ не сдѣлано по сему предмету указаній, судъ второй инстанціи не можетъ уже возбуждать самъ этого вопроса (1869 № 92, Щербаковой; 1871 № 603, Григорьевыхъ).

Менѣе основаній представляется для возбужденія вопроса о давности при разсмотрѣніи дѣла въ порядкѣ кассаціонномъ, какъ въ мировомъ съѣздѣ, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ какъ кассаціонный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе существа дѣла, а къ таковому относится и установленіе начала или окончанія теченія давности (1867 № 412; 1869 № 92; 1870 №№ 988, 1064, 1209 и др.) (1). Сенатъ призналъ, что на этомъ основаніи не подлежатъ кассаціонному разсмотрѣнію не только заявленія о давности, впервые сдѣланныя въ кассаціонныхъ жалобахъ, но и указанія жалобщиковъ на неправильное разрѣшеніе судомъ, рѣшавшимъ дѣло по существу, заявленій объ истеченіи давности (1867 №№ 392, 448; 1868 №№ 98, 129, 2121 и др.). Но послѣднее положеніе можетъ быть принято, конечно, съ оговоркою. Въ кассаціонномъ порядкѣ нельзя провѣрять правильность данныхъ, которыя въ данномъ случаѣ послужили для признанія или непризнанія давности, но кассаціонный судъ не только можетъ, но и долженъ провѣрить правильность примѣненія къ этимъ даннымъ законныхъ условій

---

(1) Впрочемъ, французская судебная практика (касс. 1 Марта 1855 г.) допускаетъ ссылку на давность даже во время кассаціоннаго производства.

давности, потому то и судъ въ своемъ приговорѣ долженъ указать тѣ основанія, по коимъ онъ призналъ или не призналъ истеченіе давности въ данномъ случаѣ (1868 № 516, Птицына). Если, положимъ, судъ, по обвиненію въ преступленіи, за которое полагается въ законѣ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе, установитъ, что преступленіе было совершено въ 1880 г., а подсудимый былъ привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемаго въ 1887 г., и тѣмъ не менѣе освободитъ его отъ наказанія за давностью, примѣнивъ къ нему не первый, а второй пунктъ 158 ст., въ виду того наказанія, которое было опредѣлено судомъ въ данномъ случаѣ, то такой приговоръ несомнѣнно подлежитъ въ семъ отношеніи провѣркѣ въ порядкѣ кассаціонномъ и отмѣнѣ.

908. Проектъ новаго нашего уголовнаго уложенія признаетъ (ст. 57), какъ давность преслѣдованія, такъ и давность наказанія, подраздѣляя первый родъ давности на два—давность преслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ и давность приговора или осужденія.

Всѣ три вида давности имѣютъ общую отправную точку—время учиненія (т. е. день воспроизведенія всего законнаго состава) преступнаго дѣянія, причемъ проектъ указываетъ, что для преступленій сложныхъ давность течетъ съ момента послѣдняго дѣйствія, а для непрерывно продолжающихся—со дня ихъ прекращенія.

Давность преслѣдованія оканчивается днемъ возбужденія противъ обвиняемаго уголовнаго преслѣдованія, причемъ, какъ указано въ объяснительной запискѣ, коммисія полагала бы сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ редакціи статей устава уголовнаго судопроизводства, такъ, чтобы какъ по общему, такъ и по каждому изъ особенныхъ порядковъ производства, были съ точностью опредѣлены такія, относящіяся къ предварительному слѣдствію или дознанію, дѣйствія, которыя должны быть признаваемы соотвѣтствующими моменту возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Давность осужденія оканчивается постановленіемъ приговора, т. е. постановленіемъ приговора въ первой инстанціи, причемъ таковымъ моментомъ долженъ почитаться моментъ объявленія резолюціи. Наконецъ, давность наказанія оканчивается обращеніемъ приговора къ исполненію; такимъ образомъ, начало дѣйствитель-

наго отбытія наказанія прекращаетъ безусловно теченіе давности, такъ что бѣжавшій изъ тюрьмы, по поимкѣ, долженъ отбыть оставшуюся ему часть наказанія, сколько бы времени онъ въ бѣгахъ ни находился.

Сроки давности преслѣдованія установлены по проекту: для преступленій въ 15 (для смертной казни) и 10 лѣтъ; для проступковъ 6 (исправительный домъ и заточеніе свыше 3-хъ лѣтъ) и 3 года, для нарушеній 1 годъ; сроки давности приговора двойные, а давности наказанія—тройные, причемъ сроки давности преслѣдованія и приговора исчисляются по высшему, въ законѣ опредѣленному наказанію, а сроки давности наказанія—по дѣйствительно назначенному.

При этомъ проектъ особо указываетъ, что если уголовное производство не можетъ быть возбуждено, или возбужденное производство или исполненіе приговора должно быть пріостановлено по указаннымъ въ законѣ основаніямъ, то время этого производства или пріостановки не засчитывается въ срокъ давности.

Кромѣ того, проектъ указываетъ, что лишеніе правъ, по приговору, не приводимому въ исполненіе за давностью, не погашается давностью, а сроки правопораженій исчисляются со дня истеченія давности главнаго наказанія.

909. *Помилованіе* (1). Къ числу причинъ, устраняющихъ наказуемость и вліяющихъ на прекращеніе производства, наше уложеніе (ст. 165—167) и судопроизводственные законы (уст. уг. суд. ст. 16; зак. судопр. угол. ст. 486, 487) относятъ прощеніе, т. е. устраненіе примѣненія карательнаго закона къ дан-

---

(1) I. Plochmann, Die Begnadigungsrecht, 1845; R. Mohl, Begnadigung, Abolition и пр. въ его Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. II, стр. 634—691; Lüder, das Souveränitätsrecht der Begnadigung, 1860; Arnold, über Umfang und Anwendung des Begnadigungsrechts, 1860; Vassalli, Kritische Untersuchung über das Begnadigungsrecht, 1867; Loeb, das Begnadigungsrecht, 1881; Elsass, über das Begnadigungsrecht, hauptsächlich vom Staats und Strafprocessrechtliche Standpunkte, 1888;, Legoux, le droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, 1865; Gouraincourt, traité du droit de grâce, 1882. Ср. подробныя библіографическія указанія у Биндинга, какъ въ Handbuch, такъ и въ Grundriss.

ному случаю (dispensatio legis) въ силу особаго о томъ распоряженія главы государства ([1]).

Такое значеніе придается помилованію во всѣхъ современныхъ государствахъ, безотносительно къ формѣ ихъ государственнаго устройства, какъ въ республикахъ, такъ въ конституціонныхъ или неограниченныхъ монархіяхъ; равнымъ образомъ, мы встрѣчаемся съ этимъ институтомъ и въ древнемъ мірѣ, и въ средневѣковомъ правѣ, въ особенности послѣ рецепціи римскаго права ([2]). Различаясь въ подробностяхъ, въ формѣ и условіяхъ проявленія,—помилованіе всегда являлось актомъ державной воли главы государства или цѣлаго народа, опредѣляющимъ непримѣненіе карательнаго закона къ отдѣльному преступному дѣянію ([3]).

Но, тѣмъ не менѣе, одна только историческая устойчивость института и ссылка на него, какъ на необходимый признакъ государственной суверенности ([4]), не могутъ сами по себѣ оправдать

([1]) Въ литературѣ, особенно германской, существуетъ сильный споръ о томъ: составляетъ ли такое постановленіе спеціальный законъ (Hälschner, I, 730, Schütze, стр. 264, Heinze) или же распоряженіе въ порядкѣ управленія (Liszt, стр. 298, H. Meyer); Binding, стр. 862,—опредѣляетъ помилованіе: «основанный на законѣ отказъ отъ субъективнаго права на наказаніе; Merkel, стр. 247—актъ судебнаго управленія облекаемый въ форму закона. Съ практической стороны актъ помилованія нельзя признать спеціальнымъ закономъ уже потому, что, напр., въ государствахъ конституціонныхъ онъ постановляется не въ законодательномъ порядкѣ. Иначе, конечно, ставится вопросъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помилованіе или извѣстный его видъ могутъ быть установляемы только закономъ, какъ амнистія по французскому закону 1875 г.

([2]) Ср. историческія указанія у Plochmann, в. с., стр. 9—37; Lueder, в. с., стр. 15 и сл.; Wahlberg, zur Geschichte des Begnadigungsrechtes in Österreich, въ Gesamtschriften, II, стр. 122 и сл.

([3]) Поэтому нельзя относить къ помилованію случаи непримѣненія назначеннаго наказанія по какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствамъ, относящимся къ порядку его исполненія, какъ, напр., встрѣчавшіеся въ средневѣковомъ правѣ случаи освобожденія приговореннаго къ смертной казни—когда веревка при повѣшеніи лопнетъ, или когда палачъ сразу головы не отсѣчетъ, или когда за приговореннаго согласится выйдти замужъ неопороченная дѣвушка.

([4]) Lueder, в. с., стр. 82. Ср. по этому поводу замѣчанія у Гельшнера, стр. 723 прим. 3. Также мало можно объяснить юридическое значеніе помилованія указаніемъ на проявленіе въ немъ идеи благости и милосердія (Шталь), составляющихъ атрибутъ монархической власти, такъ какъ помилованіе существуетъ и въ республикахъ, да сверхъ того, какъ говорилъ еще Августинъ, misericordia sine justitia, justitia non est, sed fatuitas. Ср. также Моль, стр. 651.

такого кажущагося колебанія силы закона и судебнаго приговора.

Поэтому, если давность находила себѣ противниковъ среди криминалистовъ, то число таковыхъ по отношенію къ помилованію было еще значительнѣе, такъ какъ сюда относились не только защитники принципа возмездія, какъ Кантъ, K. Zachariae, но и сторонники утилитарныхъ воззрѣній, возражавшихъ противъ права помилованія въ виду злоупотребленій, которыя встрѣчались въ осуществленіи этого права. Помилованіе было актомъ усмотрѣнія, его дарованіе въ дѣйствительности зависѣло не только отъ воли внѣ партій стоящаго главы государства, но отъ цѣлаго ряда промежуточныхъ лицъ и инстанцій, чрезъ которыя ходатайство о прощеніи достигало до подножія трона. Безцеремонная раздача въ государствахъ XVII и XVIII вѣковъ, особенно во Франціи, lettres de grâce всесильными королевскими любимцами и фаворитками, создавшая безнаказанность самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, сильныхъ богатствомъ или связями, поставили въ число противниковъ права помилованія такихъ сторонниковъ реформы уголовнаго законодательства, какъ Servin, Беккаріа, Филанджіери, Бентамъ, и эта оппозиція нашла даже практическое выраженіе во французскомъ революціонномъ кодексѣ 1791 г., устранившемъ право помилованія (возстановленное въ 1801 г.).

Но эта вторая категорія возраженій, направленная противъ практики права помилованія, можетъ быть устранена болѣе точнымъ и правомѣрнымъ опредѣленіемъ условій помилованія; предоставленіемъ права иниціативы помилованія или обсужденія ходатайствъ судебнымъ или особо устроеннымъ административнымъ учрежденіямъ и т. п. Что же касается возраженій противъ помилованія по существу, то отъ нихъ отказались даже наиболѣе послѣдовательные новѣйшіе сторонники теорій возмездія, какъ Кестлинъ, Гельшнеръ, признавая право помилованія не только цѣлесообразнымъ, но и справедливымъ дополненіемъ карательнаго права.

Всякій карательный законъ, какъ я не разъ указывалъ, будучи обобщеннымъ жизненнымъ правиломъ, всегда имѣетъ въ виду, такъ сказать, средніе случаи преступности; его карательная санкція разсчитана на обычные типы и формы. Этотъ недостатокъ за-

кона пополняется въ извѣстной степени дискреціонною властью суда, дающею ему право переступать, сообразно съ обстоятельствами отдѣльныхъ случаевъ, установленную закономъ мѣру отвѣтственности, но и эта власть, по существу ея, не безпредѣльна, а между тѣмъ не трудно представить себѣ стеченіе обстоятельствъ объективныхъ и въ особенности субъективныхъ, при которыхъ и такое измѣненіе нормальнаго наказанія окажется недостаточнымъ. Когда преступное дѣяніе представляется чрезвычайнымъ, рѣзко выдѣляющимся изъ общаго типа, то оно требуетъ и чрезвычайнаго измѣненія наказанія.

Конечно, такая чрезвычайность возможна, какъ въ смыслѣ уменьшенія, такъ и въ смыслѣ усиленія преступности. Но въ послѣднемъ случаѣ необходимость чрезвычайныхъ мѣръ, введеніе которыхъ находитъ, впрочемъ, нынѣ своихъ защитниковъ въ новѣйшей доктринѣ, устраняется сравнительною ничтожностью зла, причиняемаго отдѣльнымъ, хотя бы и тяжкимъ злодѣяніемъ, въ общемъ теченіи государственной жизни; напротивъ того, въ первомъ случаѣ, въ виду того значенія, которое играетъ всякое наказаніе въ жизни отдѣльнаго лица, примѣненіе строгой мѣрки закона было бы дѣйствительнымъ торжествомъ положенія summum jus—summa injuria.

Такимъ образомъ, первымъ юридическимъ основаніемъ права помилованія является необходимость примирить strictum jus съ aequitas, примирить безжизненный законъ съ жизненными требованіями преступнаго дѣянія, необходимость согласовать мѣру отвѣтственности съ индивидуальными особенностями даннаго преступленія.

Такое обоснованіе помилованія имѣетъ въ виду лишь главный типъ—помилованіе въ тѣсномъ смыслѣ (grâce, Begnadigung), т. е. непримѣненіе карательнаго закона къ данному отдѣльному лицу или случаю, причемъ таковое помилованіе можетъ выразиться въ нѣсколькихъ формахъ.

Нормальнымъ случаемъ помилованія будетъ такъ называемая indulgentia или aggratiatio, т. е. непримѣненіе слѣдующаго по закону наказанія къ установленной въ законномъ порядкѣ виновности даннаго лица. Такое помилованіе представится въ особенности цѣлесообразнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самое ходатайство

о помилованіи исходитъ отъ самого суда, какъ органа, могущаго съ наибольшею вѣрностью освѣтить особенности вины подсудимаго и несоотвѣтствіе законной мѣры съ преступностью, причемъ судебною властью можетъ быть опредѣляема и самая мѣра желаемаго измѣненія отвѣтственности.

Такое измѣненіе можетъ состоять или въ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности, или, при назначеніи сложныхъ наказаній, въ непримѣненіи части таковыхъ, напр., придаточнаго или дополнительнаго наказанія при сохраненіи главнаго или наоборотъ, какъ, напр., отмѣна каторжныхъ работъ при сохраненіи слѣдующаго за ними поселенія, или въ уменьшеніи наказанія свыше мѣры, предоставленной суду, но безъ измѣненія рода наказанія, или же въ уменьшеніи наказанія съ измѣненіемъ рода. Этотъ послѣдній видъ помилованія (aggratiatio minus plena, mitigatio ex capite gratiae) встрѣчается всего чаще, но очевидно именно онъ и требуетъ установленія извѣстныхъ предѣловъ. Мѣра, назначаемая подсудимому въ замѣнъ законнаго наказанія, должна быть наказаніемъ, т. е. такою мѣрою, которая признается таковою карательными законами или, по крайней мѣрѣ, законами дисциплинарными, а не можетъ быть придумываема ad hoc; и притомъ она должна быть такою мѣрою, которая вообще могла бы быть примѣнена къ данному подсудимому, не нарушая гарантированныхъ ему закономъ личныхъ правъ; поэтому, напр., не будетъ помилованіемъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія къ лицу, освобожденному отъ таковаго по правамъ состоянія (1).

Вторымъ видомъ помилованія является такъ называемая restitutio или rehabilitatio, т. е. прекращеніе или видоизмѣненіе отбываемаго наказанія, въ особенности устраненіе тѣхъ правоограниченій, которыя слѣдуютъ за извѣстными наказаніями, опредѣляемое тѣми же началами справедливости и полезности, которыя требуютъ соотношенія мѣры наказанія съ дѣйствительною виновностью осужденнаго. Но какъ непримѣненіе опредѣляемаго закономъ наказанія отличается отъ судейскаго измѣненія мѣры отвѣтственности, такъ и restitutio ex capite gratiae отличается отъ измѣненія опредѣленнаго судомъ наказанія судебными или

(1) Ср. по этому поводу обстоятельныя замѣчанія у Garraud, II, № 90.

административными органами, которое я разсматривалъ выше: restitutio объемлетъ только чрезвычайные случаи измѣненія отбываемаго наказанія, выходящіе за предѣлы правъ тюремной администраціи или суда.

Наконецъ, третій видъ помилованія составляетъ abolitio, т. е. устраненіе самаго уголовнаго преслѣдованія или прекращеніе начатаго. Отказъ отъ возбужденія преслѣдованія, или прекращеніе начатаго возможны и въ общемъ порядкѣ осуществленія публичнаго обвиненія, но въ этихъ случаяхъ они основываются или на недостаточности уликъ и доказательствъ или на наличности законныхъ основаній прекращенія дѣла, и по отношенію къ прекращенію производства во всякомъ случаѣ требуютъ, напр., въ процессахъ, образованныхъ по примѣру французскаго, а въ томъ числѣ и по нашему уставу уголовнаго судопроизводства, особаго постановленія суда. Далѣе, по дѣламъ уголовно-частнымъ возможно прекращеніе преслѣдованія исключительно по волѣ и усмотрѣнію частнаго обвинителя, но можно ли перенести это начало на публичное преслѣдованіе, въ виду того, что публичный обвинитель дѣйствуетъ не въ личныхъ, а публичныхъ интересахъ? Если бы такое право было предоставлено прокуратурѣ по такъ называемому началу удобства (Opportunitätsprincip), то общество было бы еще гарантировано въ правильности такого прекращенія установленною для случаевъ этого рода системою надзора и личною отвѣтственностью органовъ обвиненія (1); но прекращеніе производства распоряженіемъ, составляющимъ видъ помилованія, стоитъ совершенно въ иныхъ условіяхъ. Правда, могутъ быть случаи, когда, благодаря особенностямъ даннаго дѣянія, даже самое привлеченіе къ отвѣтственности, преданіе суду было бы страданіемъ, превышающимъ мѣру дѣйствительной вины, но случаи эти представляются крайне рѣдкими, а между тѣмъ практическія неудобства именно этого вида проявленія помилованія особенно значительны. Съ одной стороны, такое прекращеніе дѣла невыгодно для

---

(1) Процессуальные уставы, съ бо́льшею послѣдовательностью проводящіе обвинительное начало, какъ, напр., австрійскій, допускаютъ прекращеніе производства по усмотрѣнію прокуратуры, но за то въ этихъ уставахъ допускается дополненіе публичнаго обвиненія частнымъ—(subsidiäre Anklage).

значительнаго большинства лицъ, къ коимъ оно примѣняется: освобождая отъ наказанія, эта мѣра не можетъ стереть съ нихъ упавшаго на нихъ подозрѣнія, помилованіе мѣшаетъ имъ доказать обществу, что вина ихъ была такова, что они дѣйствительно заслуживали снисхожденія. Прикрывая, по большей части, лицъ, дѣйствительно виновныхъ и подлежащихъ заслуженной карѣ, возможность прекращенія производства даетъ обширное поле личнымъ проискамъ, вліяніямъ, создавая величайшее общественное и государственное зло—лицепріятіе правосудія, расшатывая довѣріе къ нему и закону, чему примѣры мы и видимъ въ особенности въ дореволюціонной французской практикѣ (1).

Поэтому западно-европейскія законодательства или вовсе исключаютъ изъ права помилованія право на прекращеніе уголовнаго преслѣдованія, допуская такое прекращеніе только въ силу закона и, слѣдовательно, съ согласія палатъ (Пруссія, Баварія, Баденъ), или допускаютъ такое прекращеніе только при обвиненіяхъ въ маловажныхъ нарушеніяхъ (напр. при нѣкоторыхъ акцизныхъ, лѣсныхъ и почтовыхъ нарушеніяхъ во Франціи); особенно много ограниченій установляется для права прекращенія преслѣдованія за преступленія по службѣ высшихъ должностныхъ лицъ, напр., министровъ (2).

Помилованіе во всякомъ случаѣ погашаетъ только уголовное преслѣдованіе, не распространяясь на гражданскія послѣдствія преступленія, на иски о вознагражденіи причиненныхъ убытковъ (3). Тѣмъ менѣе помилованіе можетъ устранять самую преступность—quod factum est infectum reddere non potest; поэтому, напр., учиненіе помилованнымъ новаго преступнаго дѣянія не устраняетъ примѣненія къ нему постановленій о повтореніи. Право помилованія

---

(1) Ср. въ особенности Ortolan, II, № 1881; Liszt, стр. 299, различаетъ устраненіе возбужденія дѣла и прекращеніе возбужденнаго преслѣдованія, и считаетъ безусловно недопустимымъ второе. Въ защиту этого вида помилованія изъ новыхъ нѣмецкихъ криминалистовъ высказываются, впрочемъ, Шютце, Людеръ; послѣдній вообще признаетъ право помилованія безграничнымъ.

(2) Ср. подробное изложеніе этого вопроса и его литературу у Lueder'a, § 11.

(3) Гарро, II, № 86, замѣчаетъ, что при амнистіи могутъ быть погашены и иски гражданскіе, но съ тѣмъ, что уплату вознагражденія убытковъ приметъ на себя государство.

отдѣльнаго виновнаго принадлежитъ всегда главѣ государства (1), по общему правилу оно осуществляется имъ непосредственно, хотя нѣкоторыя законодательства допускаютъ въ маловажныхъ случаяхъ перенесеніе этого права на органы управленія подчиненнаго (2).

910. Независимо отъ типа индивидуальнаго помилованія, мы встрѣчаемся въ исторіи и въ современномъ правѣ съ другимъ типомъ помилованія не отдѣльнаго лица, а цѣлой группы лицъ, такъ называемою амнистіею или всепрощеніемъ.

И этотъ видъ помилованія имѣлъ также первоначально характеръ произвольный, случайный, не имѣвшій прямого отношенія къ уголовному правосудію. Особенно радостныя событія въ государствѣ—одержаніе побѣды, заключеніе мира, или таковыя же въ семействѣ главы государства—рожденіе наслѣдника, бракъ, коронованіе — вызывали стремленіе распространить эту радость и на несчастныхъ, томящихся въ тюрьмахъ; или же, наоборотъ, бѣдствія, поразившія или государство—моровая язва, голодъ, или главу государства—въ особенности болѣзнь, побуждали къ освобожденію заключенныхъ, въ той надеждѣ, что они своими благодарными молитвами будутъ содѣйствовать отвращенію бѣдствія. Всѣ эти случаи были фактическимъ проявленіемъ милости, снисхожденія, вполнѣ законнаго среди той юдоли плача и скрежета, которою была тогда уголовная юстиція, но ихъ трудно было объяснить съ точки зрѣнія принципа уголовной кары.

---

(1) Въ Германіи право помилованія въ небольшомъ числѣ случаевъ осуществляется императоромъ (по дѣламъ подсуднымъ Reichsgericht'у, въ Эльзасъ-Лотарингіи, по морской и консульской юрисдикціямъ), а по общему правилу оно принадлежитъ главамъ отдѣльныхъ государствъ; въ вольныхъ городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ оно принадлежитъ городскимъ сенатамъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ право помилованія, кромѣ президента, принадлежитъ и мѣстной административной власти—губернаторамъ штатовъ. Legaux, стр. 231.

(2) Такъ, въ Германіи по закону 1879 г. право помилованія въ извѣстномъ объемѣ делегировано штатгальтеру Эльзасъ-Лотарингіи.

Трудно въ особенности было подыскать основанія для такихъ массовыхъ оправданій съ точки зрѣнія теорій воздаянія, потому что какое же значеніе могли имѣть эти случайныя событія для отплаты равнымъ за равное, для того воздаянія, которое должно торжествовать, хотя бы и самый міръ распался.

Но теорія цѣлесообразности приняла подъ свою защиту и этотъ исторически развившійся институтъ, хотя и въ значительно измѣненной конструкціи.

Даже поборники уголовной реформы конца прошлаго вѣка, эпигоны современнаго принципа цѣлесообразности, Беккаріа, Филанджіери, Бентамъ, ополчаясь противъ права помилованія въ защиту гражданской свободы и принципа равноправности, признавали, тѣмъ не менѣе, временную необходимость такого института, который бы служилъ поправкою несовершенства существующихъ законовъ. Если законы слишкомъ жестоки, говорилъ Бентамъ, то помилованіе есть необходимое ихъ дополненіе; но такое пополненіе есть зло, и тамъ, гдѣ законы хороши, не зачѣмъ имѣть магическую палочку, пригодную для ихъ уничтоженія. Дѣйствительно, такое оправданіе амнистіи, какъ самоисправленія права (Selbstkorrektur des Rechts), очевидно несостоятельно. Путь исправленія дурныхъ законовъ одинъ—новое законодательство: для чего будетъ служить въ такомъ случаѣ вся затрата государственныхъ силъ на судебное разбирательство по такимъ преступленіямъ, которыя должны быть устранены изъ уголовнаго кодекса? Да кромѣ того, амнистія весьма часто примѣняется къ нарушеніямъ такихъ законовъ, необходимость существованія коихъ въ современномъ правѣ стоитъ весьма твердо.

Однако такое оправданіе права помилованія прокладывало путь къ его объясненію съ точки зрѣнія цѣлесообразности карательной дѣятельности (1). Мы видѣли, что далеко не всякое дѣяніе, хотя бы и воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, влечетъ въ современныхъ кодексахъ уголовную отвѣтственность, что современное право

---

(1) Ср. обстоятельное изложеніе государственно-политическихъ соображеній о необходимости амнистіи по отношенію къ извѣстному роду преступниковъ у Моля, стр. 645 и сл.

знаетъ обширную область уголовно безразличныхъ дѣяній. Въ этихъ случаяхъ начало цѣлесообразности побуждаетъ законодателя, по различнымъ основаніямъ государственной пользы, отказаться отъ преслѣдованія многихъ, несомнѣнно преступныхъ дѣяній и не вносить ихъ въ скрижали законовъ уголовныхъ.

Но то же змѣиное начало полезности побудило законодателя сдѣлать дальнѣйшій шагъ, и признать возможность безразличной неправды и среди дѣяній, запрещенныхъ въ законѣ подъ страхомъ наказанія. Таково значеніе давности, незыблимо установившейся во всѣхъ кодексахъ, таково право прощенія частнаго, допустимаго по дѣламъ, преслѣдуемымъ въ частномъ порядкѣ, таково же и значеніе амнистіи—этого, по мѣткому выраженію Игеринга, предохранительнаго клапана права (Sicherheitsventil des Rechts), коимъ нужно только дѣйствовать умѣючи и во время (1).

Помилованіе въ тѣсномъ смыслѣ, замѣчаетъ Ортоланъ (№ 1883), имѣетъ личный, а амнистія объективный характеръ; первая основывается на индивидуальныхъ особенностяхъ даннаго случая, вторая—на общественномъ значеніи извѣстнаго рода дѣяній.

Такимъ образомъ, амнистія находитъ себѣ оправданіе въ свойствѣ извѣстныхъ преступленій. Таковы, напр., преступленія, имѣющія временной характеръ и захватывающія цѣлыя группы лицъ. Попытка государственнаго переворота, революціонное движеніе, общественное бѣдствіе, охватившее болѣе или менѣе значительную мѣстность, война, создали значительное число проступковъ и преступленій, потребовавшихъ, въ видахъ общественнаго спокойствія и безопасности, строгой и неуклонной кары; осужденные наполнили каторгу, поселеніе, тюрьмы,—цѣлою массою однородныхъ преступниковъ; но прошелъ извѣстный срокъ, миновалъ кризисъ, пульсъ общественной жизни сталъ нормальнымъ, и уголовное правосудіе чувствуетъ необходимость въ открытіи клапана для удаленія элементовъ, безцѣльно обременяющихъ его дѣятельность.

Такое же значеніе могутъ имѣть массовыя преступленія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ возстаніе, сопротивленіе, нарушеніе воин-

---

(1) Ср. также у Merkel, въ Holtzendorf's Handbuch, § 93, соображенія о значеніи помилованія съ точки зрѣнія теорій цѣлесообразности.

ской дисциплины отрядами, частями войска, когда виновность каждаго теряетъ индивидуальный характеръ, и пріобрѣтаетъ, такъ сказать, гуртовое значеніе, «какъ всѣ, такъ и мы», «на людяхъ смерть красна», и когда карательная власть, въ тѣхъ же соображеніяхъ цѣлесообразности, считаетъ возможнымъ привлечь къ отвѣтственности не всѣхъ виновныхъ, а лишь тѣхъ, кого она считаетъ болѣе важными, или даже прибѣгаетъ къ выбору по жребію десятаго.

Наконецъ, по отношенію къ лицамъ, уже отбывающимъ наказаніе, такое гуртовое помилованіе представляется раціональнымъ въ случаѣ учиненія, напр., извѣстною группою арестантовъ какого либо дѣянія, вызывающаго чрезвычайное къ нимъ снисхожденіе и т. д. При такой постановкѣ вопроса тѣ случаи, при которыхъ обыкновенно давалась амнистія, измѣняютъ свое значеніе: изъ причины они становятся поводами. По прежнему государства, особенно монархическія, даруютъ всепрощеніе по поводу какихъ либо чрезвычайныхъ событій въ государствѣ, но эта милость даруется лишь преступникамъ, учинившимъ извѣстную категорію преступленій, дающую основаніе для осуществленія помилованія.

Амнистія, по самому своему характеру, объемлетъ преступленія, къ коимъ она относится, безотносительно къ процесссуальному положенію, въ коемъ они находятся: она можетъ примѣняться къ преступникамъ, отбывающимъ наказаніе, находящимся подъ судомъ и слѣдствіемъ, или подлежащимъ уголовному преслѣдованію, и притомъ когда бы, послѣ дарованія амнистіи, эти преступленія ни были обнаружены, если, конечно, въ самомъ актѣ амнистіи не будетъ сдѣлано какихъ либо по сему предмету особыхъ ограниченій (1).

Амнистія въ большинствѣ государствъ дается тѣмъ же порядкомъ, какъ и помилованіе, но нѣкоторыя законодательства и въ этомъ отношеніи отдѣляютъ амнистію отъ помилованія, требуя для первой законодательнаго постановленія. Такъ, во Франціи еще конституція 4 мая 1848 г. допускала амнистію только

(1) Такъ, напр., французская амнистія 1877 г. была дарована только тѣмъ участникамъ возстанія 1871 г. осужденнымъ за политическія преступленія, которыя были уже помилованы президентомъ ранѣе этого закона или къ коимъ будетъ примѣнено таковое не позже трехъ мѣсяцевъ послѣ изданія сего закона.

путемъ закона; это постановленіе было отмѣнено въ 1852 г. и снова возстановлено въ 1871 г. Нынѣ 3-я ст. конституціоннаго закона 25 февр. 1875 г. установляетъ, что президенту принадлежитъ право помилованія, но амнистія можетъ быть дарована только закономъ (1).

911. Въ исторіи нашего права, независимо отъ помилованія отдѣльныхъ преступниковъ, мы встрѣчаемся и съ случаями амнистіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Такъ, стоглавый соборъ предположилъ введеніе abolitio paschalis, въ силу коей къ празднику пасхи освобождались бы тюремные сидѣльцы, кромѣ осужденныхъ за тяжкія вины—убійство, разбой, зажигательство. Со времени Бориса Годунова сдѣлались обычными милостивые манифесты по поводу восшествія на престолъ, въ случаѣ болѣзни царя или его семьи, въ поминъ души и т. п.; манифесты послѣдняго рода мы встрѣчаемъ особенно часто въ царствованія Михаила Феодоровича и Алексѣя Михаиловича. При Петрѣ Великомъ такіе акты всепрощенія, въ которыхъ указывалось «учинить генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ явить», установлялись и по поводу важныхъ викторій, одержанныхъ нашими войсками, по поводу заключенія мира, какъ, напр., въ 1720 г. при заключеніи мира съ Швеціею. Также различны были акты прощенія по отношенію къ ихъ объему. Такъ, манифестъ 1740 г. относился только къ служилымъ людямъ, манифестъ 25 Января 1725 г. только къ осужденнымъ къ смертной казни (2).

Сводъ законовъ содержалъ подробныя постановленія о помилованіи (ст. 161—166 по изд. 1842 г.), которыя съ нѣкоторыми

---

(1) Таковы законы 2 Апр. 1878 г.; 3 Март. 1879 г.; 16 Март. и 11 Іюля 1880 г., 29 Іюля 1881 г. Гарро, II, № 82, считаетъ требованіе дарованія амнистіи закономъ не цѣлесообразнымъ, такъ какъ обсужденіе такого закона въ законодательныхъ учрежденіяхъ поднимаетъ вопросы партій, будитъ заглохнувшую вражду, разжигаетъ страсти. Нельзя не указать, что по французскому праву юридическое дѣйствіе амнистіи гораздо сильнѣе, чѣмъ помилованія: она погашаетъ самую преступность, такъ что прежнее осужденіе не можетъ вліять на установленіе рецидивы, помилованному возвращаются уплаченныя имъ судебныя издержки.

(2) Такъ, проф. Кистяковскій, стр. 753, указываетъ изъ XVIII ст. на манифесты по поводу окончанія войнъ съ Швеціею 1720 г. и 5 Іюля 1744; съ Портою—17 Марта 1775 г. и 2 Март. 1793 г.; по случаю болѣзни Петра I-го для многолѣтняго его здравія (П. С. З. №№ 4641, 4642, 4645); въ поминовеніе Петра I-го,

*

редакціонными измѣненіями перешли и въ дѣйствующее уложеніе (1).

Помилованіе (ст. 161 свода, ст. 165 улож.) не обращается въ законъ, но составляетъ изъятіе изъ закона.

Помилованіе или прощеніе исходитъ *непосредственно* (или, какъ выражался сводъ законовъ, «единственно») отъ Верховной самодержавной власти и можетъ быть лишь дѣйствіемъ Монаршаго милосердія. Оно, какъ прибавляетъ законъ, ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я уже указывалъ ранѣе, суду предоставляется право ходатайствовать, чрезъ Министра Юстиціи, предъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи подсудимаго, вовлеченнаго въ преступленіе несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ.

Конечно, ходатайство о помилованіи возможно и со стороны подсудимыхъ или лицъ имъ близкихъ; такія просьбы подаются общимъ порядкомъ, установленнымъ для ходатайствъ на Высочайшее имя, т. е. или чрезъ Министра Юстиціи или чрезъ Коммисію прошеній, или даже непосредственно; просьбы могутъ быть подаваемы во всякомъ положеніи процесса, до воспослѣдованія по нимъ Высочайшей воли, но никакого вліянія на его ходъ или на исполненіе наказанія имѣть не могутъ. Исключеніе допущено только относительно государственныхъ преступленій. Относительно ихъ ст. 1060, 1061, 1061² и 1065 уст. уг. суд. постановляютъ, что по окончательнымъ приговорамъ допускаются со стороны осужденныхъ просьбы о помилованіи или облегченіи ихъ участи; просьбы эти подаются въ судъ, постановившій приговоръ, и съ его заключеніемъ представляются чрезъ Министра Юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе. Принесеніе такой просьбы останавливаетъ исполненіе приговора впредь до воспослѣдованія по ней Высочайшаго разрѣшенія.

Сила и пространство дѣйствія помилованія, какъ изъятія изъ законовъ общихъ, опредѣляется въ томъ самомъ Высочайшемъ

Анны Іоанновны 23 Окт. 1740 г.; при Екатеринѣ II-й по случаю открытія монумента Петра I-го; по поводу 25-ти-лѣтія царствованія Екатерины II-ой; но въ особенности по поводу восшествія на престолъ и коронованія—Петра II, Анны Іоанновны, Елизаветы, Екатерины II-ой, Павла I-го.

(1) Послѣдній болѣе значительный Всемилостивѣйшій Манифестъ состоялся по поводу коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15 Мая 1883 года.

указѣ, коимъ смягчается участь виновныхъ или же даруется имъ совершенное прощеніе, причемъ, по ст. 166 улож., то же начало примѣняется и къ Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, коихъ сила распространяется лишь на преступленія, въ манифестѣ означенныя. Разъясненіе сомнѣній относительно объема примѣненія Манифеста при старомъ порядкѣ уголовнаго производства, по своду (прим. 1. ст. 162), давалось особыми указами, а нынѣ, въ мѣстностяхъ гдѣ введены судебные уставы, оно осуществляется общимъ порядкомъ разъясненія законовъ и, слѣдовательно, дается уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Правительствующаго Сената (1).

Послѣдствія помилованія зависятъ, съ одной стороны, отъ объема его, установляемаго самымъ актомъ Высочайшей воли, а съ другой, процессуальнымъ положеніемъ дѣла, къ которому этотъ актъ относится. Такимъ образомъ, актъ помилованія можетъ: 1) устранить возбужденіе уголовнаго дѣла; 2) прекратить начатое производство, съ тѣми процессуальными ограниченіями, которыя мною были указаны выше, при разсмотрѣніи процессуальнаго вліянія обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость; 3) повлечь освобожденіе отъ наказанія по 2 п. 771 ст. уст. уг. суд.; 4) устранить или видоизмѣнить назначенное въ приговорѣ наказаніе, 5) прекратить или видоизмѣнить отбываемое наказаніе; 6) устранить послѣдствія наказанія.

Хотя объемъ помилованія и опредѣляется всецѣло самымъ содержаніемъ указа, но и наше право знаетъ однако нѣкоторыя ограниченія дѣйствія помилованія.

1) Помилованіе, устраняя наказуемость, не устраняетъ преступности, а потому дѣяніе, прощенное виновному, можетъ, за силою 131 ст. ул., и при условіяхъ, мною уже указанныхъ, вліять на признаніе послѣдующаго дѣянія виновнаго повтореніемъ.

2) Помилованіе не устраняетъ церковнаго покаянія, къ коему виновный былъ присужденъ, оно продолжается или прекращается по усмотрѣнію духовнаго начальства, потому что, какъ объяснялъ

---

(1) Примѣры такихъ разъясненій приведены въ моемъ изданіи уложенія подъ ст. 167.

сводъ (ст. 163), здѣсь дѣло идетъ не о наказаніи, а объ очищеніи совѣсти.

3) Помилованіе не вліяетъ на взысканіе вознагражденія за вредъ и убытки.

4) По своду помилованіе, дарованное общимъ манифестомъ, не отмѣняло права, дворянству принадлежащаго, исключать изъ собранія дворянина, опороченнаго судомъ или котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ. Но это постановленіе не перешло въ уложеніе ([1]).

5) По ст. 167 послѣдствія наказанія, уже понесеннаго виновнымъ, отмѣняются только въ томъ случаѣ, если въ самомъ актѣ помилованія о семъ особо указано; но очевидно, что это правило не относится къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя уже установили какія либо права третьихъ лицъ. Поэтому помилованіе не можетъ возстановить расторгнутаго брака (на что указываетъ и 27 ст. улож. о нак.), возвратить имѣніе, перешедшее къ законнымъ наслѣдникамъ, возвратить конфискованные предметы или ихъ стоимость, въ случаѣ истребленія или продажи таковыхъ и т. п. ([2]).

6) Законъ не дѣлаетъ никакихъ ограниченій права помилованія по отношенію къ дѣяніямъ уголовно частнымъ, но Всемилостивѣйшіе манифесты послѣдняго времени обыкновенно исключали изъ подъ ихъ дѣйствія проступки сего рода.

Помилованіе, какъ проявленіе публичнаго права, не можетъ зависѣть въ своемъ осуществленіи отъ воли преступника; помилованный не можетъ отказаться отъ дарованной ему милости и просить о примѣненіи наказанія ([3]). Но это положеніе встрѣчаетъ весьма

([1]) А въ ст. 13 т. IX указано, что возстановленіе правъ состоянія, потерянныхъ преступленіемъ, зависитъ единственно отъ усмотрѣнія Верховной власти. Предѣлы и пространство сего возстановленія опредѣляются въ томъ же постановленіи, коимъ даруется помилованіе или прощеніе. По ст. 466 т. IX проповѣдники евангелическо-лютеранскіе, лишенные всѣхъ правъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ, хотя бы они и получили впослѣдствіи прощеніе, остаются навсегда лишенными духовнаго сана.

([2]) Исходя изъ подобныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ призналъ (рѣш. 1883 г. № 2; 1884 г. № 25), что не погашаются помилованіемъ тѣ нарушенія уставовъ казеннаго управленія, денежныя взысканія за которыя слѣдуютъ вполнѣ или частью поимщикамъ или открывателямъ.

([3]) Впрочемъ, въ доктринѣ встрѣчались писатели, защищавшіе противоположный взглядъ, какъ, напр., Моль, Гейеръ.

сильныя сомнѣнія въ случаяхъ прекращенія самаго производства по Всемилостивѣйшему манифесту, такъ какъ тогда такое воспрещеніе уголовнаго разслѣдованія можетъ затрогивать интересы лицъ невинныхъ, но заподозрѣнныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ. Въ виду этого уже сводъ законовъ, на основаніи закона 1826 г., постановлялъ (ст. 165): прощеніемъ по Всемилостивѣйшему манифесту не отъемлются средства законнаго предъ судомъ оправданія у тѣхъ изъ подсудимыхъ, кои по убѣжденію въ невинности своей сами пожелаютъ таковаго оправданія, а въ законахъ процессуальныхъ былъ указанъ самый порядокъ такого, какъ говорилось въ законѣ, возобновленія дѣлъ для опредѣленія вины и невинности подсудимыхъ и правъ ихъ и ихъ семействъ на пенсію. Этотъ порядокъ (ст. 1538—1546 свод. изд. 1842 г.) относился исключительно къ лицамъ должностнымъ, привлеченнымъ къ суду за преступленія должности; но мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 7 Дек. 1842 г. онъ примѣненъ и ко всѣмъ вообще лицамъ, дѣла о коихъ прекращены по манифесту, съ тѣмъ, что если по просьбѣ этихъ лицъ, дѣло о нихъ будетъ вновь разсмотрѣно и они будутъ найдены виновными, то на нихъ уже не можетъ быть распространяема сила манифеста.

По уставамъ это право просить о возобновленіи дѣлъ, прекращенныхъ за манифестомъ, сохранено лишь для преступленій по должности (ст. 1117 и сл. уст. угол. суд.), причемъ какъ для самихъ подсудимыхъ, такъ и для ихъ семействъ, съ соблюденіемъ указаннаго выше правила о томъ, что, въ случаѣ признанія ихъ виновными, они не могутъ уже получить снисхожденія по манифесту. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, когда дѣло доходитъ до судебнаго разсмотрѣнія и виновный освобождается отъ наказанія за силою п. 2 ст. 771 уст. уг. суд., ему предоставляется право просить судъ (ст. 772) объ установленіи въ приговорѣ свойствъ его виновности и мѣры слѣдующаго ему наказанія.

Составители проекта нашего новаго уложенія, исходя изъ того соображенія, что вліяніе помилованія или Всемилостивѣйшаго манифеста на возбужденіе преслѣдованія, на прекращеніе производства и на непримѣненіе наказанія, коему подлежалъ бы виновный, опредѣлено въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, сохранили въ

проектѣ указаніе только на то, что назначенное по приговору наказаніе не приводится въ исполненіе въ случаѣ отмѣны или смягченія его по Высочайшему милосердію, причемъ дѣйствіе сего милосердія опредѣляется каждымъ отдѣльнымъ указомъ или манифестомъ.

D027705 96-
Duke University Libraries